ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ЦЕНТР ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. И. ПОДБЕРЕЗКИН

СОСТОЯНИЕ И ДОЛГОСРОЧНЫЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
2018

УДК 327
ББК 66.4
П44

Издание осуществлено во взаимодействии
с АО «Концерн ВКО „Алмаз-Антей“»

Подберезкин Алексей Иванович.

П44 Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А. И. Подберезкин ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политич. исследований. — Москва : Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596, [1] с.

ISBN 978-5-906367-73-0

Настоящая работа подготовлена директором Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России — Концерна ВКО «Алмаз-Антей» академиком АВН и РАЕН, профессором А. И. Подберёзкиным. Она продолжает серию исследований, которые автор и его коллеги проводили с 2013 года, посвященных анализу и прогнозу развития международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО). Эта работа сконцентрирована на анализе и стратегическом прогнозе возможных сценариев (и их вариантов) развития России в условиях обострения ВПО в мире, перехода противоборства от силовой к военно-силовой стадии. Особенную актуальность исследование приобретает в связи с тем, что президент В. В. Путин выдвинул в своём Послании 1 марта 2018 г. и в Указе от 7 мая 2018 г. требование опережающего развития России, сформулировал поручение правительству до 1 октября 2018 г. разработать прогноз и план опережающего развития. Работа выступает, таким образом, в качестве возможной основы для дискуссии по поводу самых различных вариантов сценариев развития России и их военно-политических последствий.

Для специалистов в области международных исследований и прогноза, анализа военно-политической обстановки, а также лиц, заинтересованных в изучении самых широких аспектов развития России в условиях резкого обострения международной и военно-политической обстановки.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-906367-73-0

© А. И. Подберёзкин, 2018

Посвящается сотрудникам выдающихся российских творческих коллективов — МГИМО–Университет МИД России и Концерна ВКО «Алмаз-Антей», — чьё мировое интеллектуальное лидерство стало символом достижений человеческого ума, гражданской ответственности и патриотизма

Вступительное слово

Резкое обострение военно-политической обстановки в последние годы привело к нарастанию напряженности в отношениях между странами и реальной угрозе войны. Это обстоятельство потребовало дополнительных и самых серьёзных усилий по укреплению обороноспособности России и её возможностей стратегического сдерживания, поиску наиболее эффективных средств и способов обеспечения национальной безопасности. Этот поиск усиленно ведётся по самому широкому спектру силовых средств — от новейших военно-технических решений до разработки новых мер невоенного укрепления стратегического сдерживания.

В любом случае и при самых неожиданных вариантах развития ВПО в конечном счёте результат будет зависеть от эффективноси государственного управления и способности всех граждан России обеспечить опережающие темпы социально-экономического и военно-технического развития нации, её человеческого капитала, институтов его развития, а также скорости перехода к мобилизационному сценарию развития.

Именно эти идеи стали ключевыми в том плане национального развития, который озвучил В. Путин в своём послании Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 года, а позже — в своём первом указе избранного Президента России 7 мая, в котором даётся ясное поручение правительству утвердить до начала октября план соответствующих мероприятий по реализации идей опережающего развития до 2024 года.

Предлагаемая работа может стать частью той дискуссии, которая уже развернулась в обществе по поводу выбора сценария и алгоритма развития страны на среднесрочную перспективу. Она находится целиком в русле этих проблем и оказалась очень своевременной не случайно — общество подготовлено к принятию решения о «рывке» в своём развитии. Наконец, эта работа находится в русле всех поисковых работ созданных Концерном ВКО «Алмаз-Антей» и МГИМО МИД РФ в 2013 году центра Военно-политических исследований, посвященных анализу и прогнозу развития МО и ВПО в мире.

Эта работа — авторская — и не свободна от недостатков, включая определенный субъективизм и идеологическую предрасположенность автора, но, тем не менее, она может быть интересна участникам развернувшейся в стране дискуссии.

Генеральный директор
Концерна ВКО «Алмаз-Антей» Я. В. Новиков

Предисловие

Наши американские военные коллеги после того, как они определили «общую стратегическую концепцию» и просчитали все наличные ресурсы, всегда переходят к следующему этапу — поискам средств ее реализации. В этом вопросе также имеется общепринятое согласие.

Речь У. Черчилля в Фултоне, март 1946 г.

Перед Россией в 2018 году стоит вполне традиционная задача, которая всегда стоит перед правящими элитами стран, реально управляющими политикой своих государств, — формулирование и реализация наиболее эффективной стратегии безопасности и развития. Другое дело, что российская правящая элита часто не способна, а иногда и не хочет заниматься стратегическим планированием, по привычке 1990-х годов полагаясь на «мудрость рынка» или кого-то ещё. Очередные гайдаровские чтения, прошедшие в январе 2018 года, вновь показали, что даже толпа чиновников и экспертов, не озабоченная решением принципиальных вопросов, не способна ни к чему, кроме проведению очередной бессодержательной тусовки. Грустно, когда в таком состоянии находится общество даже в период самой главной в стране избирательной кампании, предполагающей закладывание фундамента под развитие нации и страны на следующие 6 лет.

Эту задачу развития, однако, всё-таки предстоит решать, причем в исключительно неблагоприятных внешних условиях и в процессе неизбежного завершения радикальных изменений в стране, начатых в конце 80-х годов прошлого века, но так и не законченных через 30 лет бесконечных реформ. Усложняющаяся международная и военно-поли-

тическая обстановка (МО и ВПО[1]) по времени совпадает с процессом медленного выздоровления после катастрофы последних десятилетий: в 2018 году мы оказались с экономической точки зрения на уровне РСФСР (но не СССР) 1990 года, а геополитически и по остальным параметрам, — на уровне СССР после гражданской войны.

Ситуация еще больше осложняется отсутствием в России сколько-нибудь общепринятой «общей стратегической концепции», о которой еще в 1946 году говорил У. Черчилль. Это отсутствие формально заменено существованием множества нормативных документов, не имеющих политической, правовой и экономической силы и механизмов для реализации. Страна держится волей и «ручным управлением» одного человека, от которого зависит её будущее до 2024 года, а также от поддержки части правящей элиты, на которую пытается оказать силовое давление Запад. Другими словами, в условиях, когда в Конгрессе США открыто предлагается план по «организации международного суда» над правящей элитой России устами бывшего советника российского президента А. Илларионова[2].

Предлагаемый анализ и долгосрочный прогноз основных тенденций в развитии международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) в мире и военно-политических тенденций[3] в развитии политики России направлен на поиск наиболее эффективных решений обеспечения национальной безопасности нашей страны, т.е. имеет не столько теоретическое, сколько конкретно-прикладное политическое значение. Этим объясняется характер предлагаемой работы, в которой рассматриваются наиболее сложные, военно-политические, отношения между различными субъектами и объектами, формирующими современную и будущую международную обстановку (МО), что и составляет суть современной мировой политики. Естественно, что прежде всего речь идет о самом важном для нас субъекте МО и ВПО — России, состоянию и долгосрочным перспективам её развития.

Логика и структура всей работы сформировались в процессе исследований, проведенных в Центре Военно-политических исследований МГИМО–Университет — Концерна ВКО «Алмаз-Антей» в 2013–2017 годы[4], хотя моя личная история работы по этой проблематике может быть вполне обоснованно отнесена ещё к концу 70-х годов, ког-

да впервые обратился к этой теме в своей курсовой работе о военной стандартизации и кооперации Великобритании и НАТО. Несколько позже были написаны кандидатская диссертация, посвященная критике «буржуазных концепций гонки вооружений в военно-политической стратегии США», а еще позже — докторская диссертация о значении систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США[5]. По сути, работа не прекращалась с конца 1970-х годов, прерываясь иногда на короткие отрезки по времени, когда приходилось заниматься общественной, политической или административной деятельностью в администрации, аппарате правительства, Государственной Думе и Совете Федерации, а также в Счетной палате и других органах и организациях, работа в которых дала мне свой собственный опыт в военно-политической области[6].

В 1980-е годы я много публиковался, но работы не находились «в тренде». В те годы мне казалось, что политика «разрядки» Горбачева и его бесконечные и неоправданные компромиссы имеет очень мало общего с военной политикой Рейгана по уничтожению СССР и ОВД. Но такая позиция, повторю, была «не в тренде» политических и научных работ того времени, которые были направлены на пропаганду некого «нового политического мышления» (о котором до сих пор ничего не известно)[7]. Кстати, многие из пропагандистов горбачевской политики стали позже успешными пропагандистами ельцинской политики, а позже и путинской, что наводит меня на мысль о том, что они и дальше смогут быть успешными политиками и «экспертами» для тех, кто может появиться «после» или «вместо» Путина. Сегодня они мелькают по-прежнему на ТВ, ведут передачи и комментируют, сменив уже по три-четыре раза свою позицию. К сожалению, я наверняка окажусь прав, что в итоге вновь скажется в очередной раз плохо для стратегии развития России.

Все эти работы носили вполне идеологический и скорее ученический характер, хотя многие разделы из них были опубликованы в самых на то время авторитетных политических и идеологических изданиях партийной, советской и научной печати — журналах «Коммунист», «Военная мысль», «Коммунист вооруженных сил», а также нескольких книгах в крупных издательствах («Политиздат», «Воениздат», «Наука»,

«Международные отношения» и т.д.). Это и понятно, ведь в то время существовала огромная дистанция, отчасти сохраняющаяся и до сего дня, между «благородными» исследованиями международных отношений (по словам очень известного в то время исследователя из ИМЭМО АН СССР профессора Гантмана) и прикладными работами советских военачальников, которым иногда разрешалось приближаться к политике. Самые первые работы по военно-политической проблематике тех лет были по своей сути пионерскими. Они находились «на стыке» международных отношений, военной науки, методологии политических исследований и целого ряда других наук и их отраслей.

Сразу же оговорюсь, что я не открещиваюсь от тех своих работ, написанных искренне и вполне соответствовавших в то время общему уровню знаний. Более того, многие позиция и основные идеи, даже концепции, сохранили свою актуальность и сегодня. В особенности те, которые были связаны с представлениями о роли и значении военной силы в международных отношениях, прежде всего, в политике США. И в целом, надо признать, я сохранил на протяжении пяти десятилетий, если можно так выразиться, «общий вектор» представлений о мире и стране, не поддавшись искушению «развернуться на 180° в угоду конъюнктуре», хотя очень многие из моих коллег по экспертному сообществу за эти годы умудрились сделать это по несколько раз, превратившись из экспертов в штатных пропагандистов действующей власти (каждый раз «принципиально» по-новому относясь к одним и тем же явлениям)[8]. Причем той власти, которая сама радикально регулярно пересматривала основы предыдущей политики, что, например, для Запада, не говоря уже о Востоке, является исключительно редким явлением, потому, что там хорошо понимают, что преемственность культуры и политики лежит в основе стабильного развития любого общества.

Это я говорю для того, чтобы дать определенно понять читателю, что моё субъективное экспертное восприятие и анализ международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО), — которое в принципе играет в общественных науках исключительно важное значение, — формировалось достаточно долго, во-первых, и очень последовательно, во-вторых. Даже может быть слишком долго и слишком последовательно. На него, естественно, накладывался опыт и происходящие революю-

ционные события последних 50 лет в СССР — России и в мире, те знания, корпоративные отношения в организациях, где мне приходилось в разное время работать, и те многочисленные встречи и общение с тысячами людей в России и за рубежом за это время. Но даже эти колоссальные перемены не повлияли радикально на мое мировоззрение и восприятие международных реалий. Оно, как и в советские времена, когда мы впервые инициировали празднование юбилея Куликовской битвы в 1980 году, осталось патриотическим, вполне «империалистическим» и социально-ориентированным, даже социалистическим.

Во втором десятилетии нового века военно-политическая проблематика получила новую актуальность, не существовавшей с конца 80-х годов в общественно-политическом сознании России, где вопросы национальной безопасности были вытеснены на периферию бесконечными и крайне неудачными социально-экономическими реформами. Появился вновь социальный запрос на анализ военно-политической проблематики экспертами, численность и качество которых за предыдущие годы сократилась почти до абсолютного нуля. Фактически всё надо было начинать с самого начала.

Первые попытки коллективного осмысления ответов на эти вопросы были сделаны мною и коллегами из созданного по инициативе МГИМО и Концерна ВКО «Алмаз-Антей» Центра ВПИ в 2013–2017 годах[9]. Настоящая работа является, таким образом, во-первых, естественным логическим продолжением большой серии исследований, сделанных в Центре в эти годы, а, во-вторых, ее основной акцент заключается в поиске ответа на выбор наиболее эффективной стратегии России в мире до 2025 года и более долгосрочный период — до 2040 года и далее[10].

Следует отметить, что подобные попытки многократно делались с начала XXI века как за рубежом, так и иногда (достаточно неудачно) в России. И они совершенно по-разному описывали возможные и вероятные сценарии развития отдельных стран, групп стран и цивилизаций, а также МО и ВПО[11], что вполне естественно, потому, что именно в последние два десятилетия мир вступил в радикально-динамично меняющийся период смены основных парадигм развития.

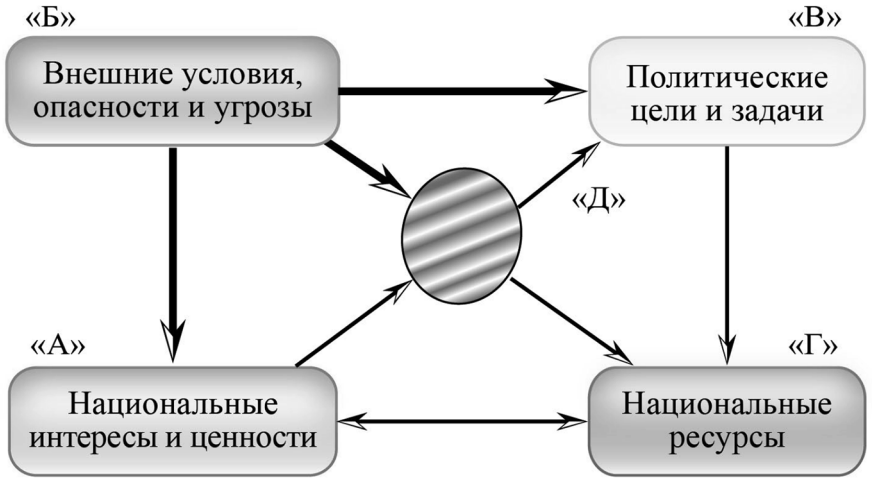
Во втором десятилетии XXI века, кроме того, произошло достаточно резкое изменение в негативную сторону внешних условий для развития

и обеспечения собственно безопасности России, которые неизбежно потребуют не менее радикальных изменений в ее стратегии развития и укрепления национальной безопасности. Совокупность этих проблем должна быть осмыслена и представлена в своей взаимосвязи и некой концепции (опять возвращаюсь к идее У. Черчилля), которая могла бы дать нам внятное представление о состоянии и перспективах развития ВПО в мире. Неоднократно такую попытку мы пытались предпринять в Центре, в частности, в одной из последних работ, посвященных прогнозированию МО[12].

И не только в политическом, военном, но и в экономическом, и в социальном измерении, т.е. в областях, которые стали пограничными и даже интегрированными с военными областями в новом веке. Требуется рассматривать военную политику системно, а не только как часть силовой политики. Прежде всего, с точки зрения приоритетов политики «силового принуждения» («the power to coerce») и всей политики «новой публичной дипломатии» Запада в отношении России, предусматривавшие, на мой взгляд, радикальные изменения в важнейших областях — от целеполагания до средств и способов применения силы в отношении других субъектов МО. Эти изменения в приоритетах можно проиллюстрировать на известной абстрактно-логической модели формирования современного политического процесса России, которая была еще в 70-е годы предложена М. Хрусталевым в МГИМО и часто используется мною во всей работе, следующим образом: (рис. 1)

Как видно на рисунке, приоритетные направления политики «силового принуждения (выделены жирными стрелками) направлены, прежде всего, против правящей элиты России, а также системы ценностей и политических целей, отражающих национальные интересы и ценности России. Принятие в августе 2017 года в США закона 3264 означало принятие радикального, но последовательного и логического решения в длинной цепи других решений, принимавшихся правящей элитой США с 2008 года, и продолжающихся приниматься буквально ежедневно в самых разных областях, — в целях создания законодательной долгосрочной политико-правовой основы для силового (в том числе военного) давления на российскую правящую элиту и общество.

Естественно, что каждый из «блоков», формирующих эту модель политического процесса, требует очень подробного и конкретного ана-



– **вектор «Б» → «А»** – силовое давление со стороны западной ЛЧЦ на изменение системы ценносте и пересмотр национальных интересов, отказ от суверенитета, включая отказ от территориальной целостности и идентичности.
– **вектор «Б» → «Д»** – давление на правящую элиту России с целью подчинения ее «внешним» нормам и правилам.
– **вектор «Б» → «В»** – давление на политический курс, цели и задачи государства как на субъект МО и ВПО.

Рис. 1. Основные направления политики «новой публичной дипломатии Запада»

лиза, а прогноз — дополнительных исследований, причем поэтапных и соответствующих своим сценариям и вариантам развития. К сожалению, в работе не удается уделить этому достаточно внимания. Так, например, блок «национальные интересы» необходимо разделить, как минимум, на более частные интересы, которые необходимо рассмотреть всесторонне, на:

— глобальные;
— региональные;
— национальные;
— государственные;
— социально-классовые;
— групповые;
— корпоративные;

В работе очень коротко и вне российской конкретики делается попытка такой систематизации. Из неё, например, ясно, что самые разные интересы могут (и будут) не совпадать. Так, личные интересы могут не совпадать с национальными, например, с точки зрения вывода капиталов за рубеж, уплаты таможенных пошлин и налогов, но и в более широкой области — они могут не совпадать по координатам систем ценностей[13]. Что становится особенно опасным когда внешние силы делают ставку на усиление противоречий между частными и национальными интересами правящей российской элиты. Там, где такое несовпадение особенно сильно, неизбежно возникает конфликт и в конечном счете доминирование одного интереса над другим. Яркий пример — политика приватизации, которую А. Чубайс в свое время назвал не экономической, а идеологической мерой, когда идеологические интересы либералов доминировали над экономическими интересами общества.

По областям применения эти интересы (от глобальных до личных), в свою очередь, делятся на:

— политические;
— экономические;
— финансовые;
— социальные;
— экологические и пр.

По времени эти интересы могут быть:

— краткосрочные;
— среднесрочные;
— долгосрочные;
— стратегические и др.

Таким образом, даже простое механическое перемножение влияния одних интересов над другими (или их взаимное усиление) предполагает выделение сотен «частных» последствий и интересов, которые могут усиливать или противоречить другим интересам, что также дает свой эффект на политику того или иного субъекта или актора МО. Так, усиление во втором десятилетии нашего века такой категории в России, как «национальный интерес» очень по-разному отражается на социальных, групповых и личных интересах правящей элиты, которые могут не совпадать с национальными интересами, более того, прямо им проти-

воречить. Яркий пример такого конфликта национальных и государственных интересов, с одной стороны, и частных, личных, групповых, с другой, — коррупция, ставшая не просто рядовым преступлением в России, а способом жизни и управления.

По аналогии с трудностями конкретного анализа интересов, примерно то же самое можно сказать и о других «блоках» предлагаемой модели, например, ресурсах, которые в интересах анализа можно и нужно разделить на десятки разновидностей — от морально-психологических до энергетических ресурсов, которые могут быть глобальными, национальными или локальными. Так, например, такой важный в нашем веке ресурс, как пресная вода, нехватку которого уже ощущает более 1 млрд человек, в России имеет глобальное значение. В том числе и для её отношений с КНР и странами Средней Азии и Ближнего Востока.

Радикально важное значение в XXI веке приобретает такой ресурс как человеческий капитал и его институты, который превратился в решающий ресурс развития и политического влияния государств в мире. Именно от него, в конечном счете, и прежде всего, зависит соотношение сил в мире, эффективность политики отдельных государств и их коалиций[14].

Наконец, самое трудное, как всегда, это попытаться проанализировать политику и когнитивные способности собственно правящей элиты («блок Д»), лежащие в основе принятия субъективных политических решений мотивы, в особенности те, которые не всегда и не полностью отражают те или иные реальные интересы (потребности). Эта проблема еще требует своего решения, однако я полагаю и пытаюсь обосновать эту мысль, что даже творческие субъективные способности отдельных личностей могут в определенной степени учитываться при анализе и даже долгосрочном прогнозе[15].

Структура предлагаемой работы (всех четырех книг) отражает в целом логику исследования развития основных групп факторов, тенденций и их взаимосвязей, формирующих как собственно политику государства, так и военно-политическую обстановку в мире в целом, и может быть изображена следующим образом (рис. 2), учитывая, что эта логика иллюстрируется только одним из возможных вероятных сценариев (или вариантов) развития МО–ВПО–СО:

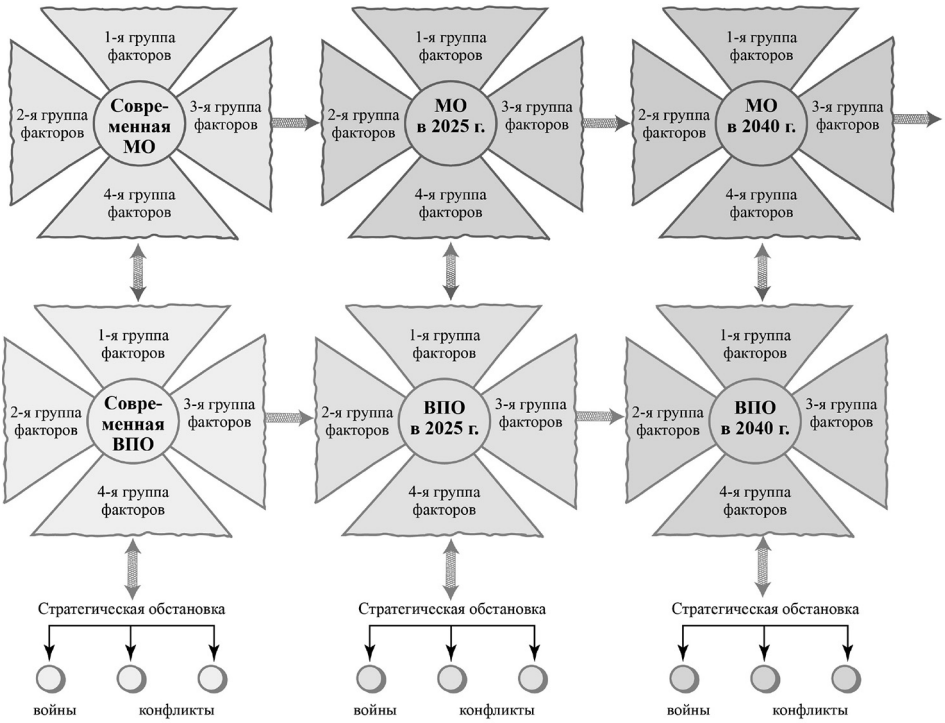


Рис. 2. Структура и основные факторы и тенденции развития военно-политической обстановки в мире (на примере одного из вероятных сценариев развития ВПО)

Как видно из рисунка, один из возможных сценариев развития ВПО в мире в 2025 году является в решающей степени:

— логическим следствием и результатом развития более общего сценария МО, например, в 2025 году;

— не только влияет, но и сама находится под влиянием конкретной СО, войн и конфликтов именно в 2025 году.

При этом наиболее важное значение имеет анализ и прогноз развития МО, которая сама образуется под влиянием и взаимодействием четырех наиболее важных групп факторов, среди которых самыми важными, на мой взгляд, являются следующие:

1-я группа факторов: субъекты МО — государства, ЛЧЦ, коалиции и другие межгосударственные союзы и образования. При анализе состояния и будущего МО прежде, вплоть до недавнего времени, исхо-

дили из возможности анализа и прогноза только ведущих (как правило, «великих») государств, входивших чаще всего в союзы, блоки и коалиции (как правило, 7–9 и их возможных коалиций).

В настоящее время ситуация несколько изменилась и для полноты картины необходимо исследовать не только основные государства — участники МО, но и другие государства-члены ООН и их международные коалиции, организации и пр. Прежде всего, речь идет о западной коалиции, насчитывающей более 60 государств (участвующих, например, в войне США в Ираке и Афганистане), а также о формирующихся коалициях на базе отдельных локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ), например, исламской или российской[16].

2-я группа факторов: негосударственные акторы, чья роль резко возросла в XXI веке. Это международные и национальные НПО, партии, религиозные организации, движения и пр.; Их возможности и активность в последние десятилетия резко возросли, что наглядно характеризуется, например, войнами в Сирии, Ливии, Йемене и других странах.

3-я группа факторов: глобальные тенденции развития мира, прежде всего, в области экономики, жизни человечества, науки, техники, образования и технологий. Эти тренды во многом предопределяют не только экономические и технологические, но и социальные условия существования и развития современных государств и непосредственно сказываются на их силовых возможностях влияния.

4-я группа факторов: развитие человеческого капитала и его институтов, когнитивных способностей и возможностей человека и правящей элиты. Эта группа наименее изученных факторов политического влияния становится, между тем, не менее решающей, чем другие. Особенно, когда речь идет о политико-психологическом и информационно-когнитивном противоборстве и даже войнах.

Как видно из этого короткого примера, модель современной ВПО является производной от модели МО, которая, в свою очередь формируется под влиянием четырех групп факторов. Отдельные аспекты влияния этих групп факторов непосредственно формируют ВПО. Так, экономические факторы — военную экономику, технологические — военные НИОКР и военные технологии, демографические — мобили-

зационные возможности и т.д. Соответственно, субъективные, прежде всего когнитивные факторы и решения, непосредственно отражаются на всех областях военного искусства и военной политики. Исходя из этой посылки, я в работе старался придерживаться следующего подхода и самого общего понимания:

Первое. Современная военно-политическая обстановка является производной от развития международной обстановки, с одной стороны, и находится под влиянием развития стратегической обстановки в мире и конкретных регионах, с другой. Поэтому для её анализа и прогноза принципиальное значение имеет максимально точная характеристика состояния МО и перспектив её развития.

В свою очередь международная обстановка, на мой взгляд, формируется под влиянием **4 основных групп факторов**, среди которых только одна группа — отношения между субъектами МО, к которым я отношу, прежде всего, локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ) и ведущие государства, образуют центры силы и военно-политические коалиции.

Естественно, что рассмотреть все основные тенденции и факторы, формирующие современную МО, — с помощью традиционных сил и средств невозможно. С учетом переменных величин их могут быть сотни тысяч. Это однако означает, что в принципе такая задача может быть решена с использованием современных информационных средств силами большого коллектива. Более того, думается, что такая задача должна быть решена, ибо от неё зависит решение принципиальных задач безопасности России.

Однако в рамках одного, даже большого, исследования, существует необходимость ограничиться несколькими, наиболее важными, факторами. На мой взгляд, такими являются основные субъекты МО и закономерности сценариев и вариантов развития МО и ВПО, полностью разделить которые невозможно. Такими ведущими государствами и ЛЧЦ в нашем веке остаются США и их союзники, Россия и ряд других ЛЧЦ, которым посвящается соответственно первая, вторая и третья части настоящей работы.

Второе. Военно-политическая обстановка (ВПО) рассматривается в качестве значительной, даже основной, но только **производной ча-**

сти МО. Поэтому другие аспекты МО — экономические, финансовые, социальные и др. — рассматриваются в минимальной степени. В небольшой степени рассматриваются эти факторы и при анализе и прогнозе развития собственно основных субъектов МО — России, США, наиболее крупным странам, — чему посвящены первые три книги всей работы.

Наконец, попытка анализа и прогноза влияние сценариев развития МО на сценарии и их варианты развития ВПО — самое решающее и определяющее. Этому посвящена последняя, четвертая, часть работы, претендующая на итоговый результат.

В свою очередь, необходимо помнить, что существует и обратное, своего рода «реверсное» влияние развитие сценариев и даже их вариантов ВПО на развитие МО. Иногда оно очень значительно и может носить даже решающий характер. Именно такой период наступил с первого десятилетия нового века, когда ВПО в отдельных регионах — от Европы до северо-восточной Азии, северной Африки и даже Арктики, а тем более в мире, — решительно сказывается на формировании МО и всей системы международных отношений. Здесь ограничиться констатацией «появления новых центров силы» уже мало. Необходимо попытаться оценить это влияние, ярким примером которого стало влияние в 2014 году развития ВПО и даже стратегической обстановки на всю ситуацию на Украине, более того, на ситуацию и МО во всем мире: разгром украинских вооруженных сил в «котлах» летом 2014 года до сих пор не оценен с точки зрения изменения развития МО, в частности, прекращения открытой военно-силовой экспансии Запада в направлении России[17].

Третье. На формирование и развитие ВПО в мире и в регионах оказывает влияние «сверху» не только соответствующая МО, — в мире и в регионах, — но и «снизу»: та или иная конкретная стратегическая обстановка (СО), войны и военные конфликты, которые учитываются при анализе основных тенденций в развитии субъектов и акторов ВПО во всех четырех частях предлагаемой работы.

Эта особенность тех периодов времени, когда военные действия приобретают особенно активный характер, а ВПО начинает меняться под влиянием конкретных результатов ведения войны. Так, вступление

в конфликт в 2015 году российских ВКС в достаточно короткие сроки изменило СО от ситуации «поражения» к ситуации «победы», превратив ВПО в Сирии к концу 2016 года в благоприятную для Х. Асада, а к концу 2017 года — в фактическую победу. Изменение ВПО, в свою очередь, ведет к изменению МО вокруг Сирии и в мире.

Похожая ситуация сложилась в 2014 году на Украине, когда в результате серии побед ополченцев сложилась угрожающая ВПО для правящих кругов Украины, которые пошли на подписание Минских соглашений и переговоры, а те, в свою очередь, зафиксировали на 2015–2017 годы соответствующую МО в регионе.

Четвертое. Развитие МО, ВПО и конкретных субъектов МО — США, России, а также КНР, Индии и их ЛЧЦ коротко рассматривается в соответствии со определенными сценариями, которые логически делятся в работе на:

— **возможные** (многочисленные, в конечном счете, бесконечные) и наиболее **вероятные сценарии** (несколько таких сценариев, которых может быть два–три, даже один), исходя из того, что, в конечном счете, реализован будет какой-то один, наиболее вероятный, сценарий;

— сценарии развития МО, ВПО, отдельных субъектов МО, в свою очередь, делятся **на их конкретные варианты,** обладающие определенными особенностями, но, одновременно, всеми характерными признаками одного и того же сценария.

Эта логика очень важна потому, что, в конечном счете, реализовывается один, очень конкретный, вариант наиболее вероятного сценария, а не множество возможных сценариев и их вариантов. Задача заключается в том, чтобы посредством анализа и использования самых различных методик и приемов выделить последовательно наиболее вероятный сценарий, определив конкретные варианты его реализации и их возможные временные сроки.

Пятое. В работе специально не рассматривались теоретические и методологические вопросы, которые в той или иной степени изучались в Центре в 2013–2017 годы и опубликованы в своем большинстве на сайте центра. За эти годы к ним обратились сотни тысяч, даже миллиона человек, если судить по счетчику обращений.

Вместе с тем игнорировать некоторые аспекты теории и методологии анализа и стратегического прогноза в работе было невозможно, хотя я и стремился ограничить сознательно такие отступления, нередко отсылая читателя к предыдущим работам. В работе используется одна из форм лонгитюдно-сценарного метода конкретного исследования в качестве концептуального и логического подхода к анализу и прогнозу развития ВПО на различных этапах[18], когда делается акцент на прикладном политическом значении, а не на его теоретическом обосновании.

Важнейшей особенностью анализа и стратегического прогноза современной ВПО является то, что конкретная ситуация стремительно меняется, а её осмысление, анализ и тем более изложение даже в электронном виде отстают от изменения реалий. Поэтому исключительно важное значение приобретают субъективные, прежде всего когнитивные, факторы при анализе и стратегическом прогнозе, которые я пытался совместить с научным обоснованием в интересах стратегического планирования[19].

Стратегическое планирование, как известно, состоит из стратегического прогнозирования, целеполагания и разработки конкретных мер по достижению этих целей, максимально учитывая внешнеполитические и внутриполитические реалии, которые способны повлиять на этот процесс. Все эти процессы, так или иначе, достаточно субъективны. Иногда слишком субъективны, но иногда и исключительно субъективны, что показало, например, руководство политикой США Д. Трампом. Поэтому требования к тем, кто принимает те или иные решения, а также тем, кто их готовит, очень высокие, а, в условиях современной России, часто и не выполнимые: качество правящей политической элиты страны постоянно снижается, а степень сложности проблем нарастает.

Это связано с многими причинами и не в последнюю очередь с отсутствием полноценной стратегии развития страны, в которой важнейшую роль играет система национальных приоритетов и ценностей, т.е. политико-идеологическая система, предполагающая ясное целеполагание и механизмы её реализации. Роль В.В. Путина, как единоличного «организатора» всех возможных побед, не означает отказ от принципиального положения о том, что лидер должен, прежде всего, показать ясную политико-идеологическую цель, а затем — стратегию её дости-

жения. Пока что ни первого, ни второго нет. Идут хаотичные попытки, вызванные объективной потребностью, но не подкрепленные политической волей.

Россия последние 30 лет постоянно находится в состоянии кризиса и политического цейтнота, когда мы действуем рефлекторно и еще только учимся стратегическому планированию. Как показала практика после принятия ФЗ №172 «О стратегическом планировании в РФ», а также принятия последующих стратегий, доктрин и концепций на самых разных уровнях, процесс сознательного и эффективного управления системой институтов нации и государства пока еще не наступил. Более того, самих таких институтов и механизмов, как представляется, просто нет. Это был вынужден в ноябре 2017 года признать даже либерал А. Кудрин, оценивая реализацию принятых стратегий. Мы находимся в апогее политики «ручного управления», когда даже самые мелкие вопросы не решаются без вмешательства президента. Или вообще не решаются.

В условиях постоянного кризиса, в котором находится Россия с 80-х годов XX века, политический цейтнот соседствует с кадровым, кризисом идеологии и более общими объективными процессами, происходящими в мире, которые связаны с переходом человечества на новую стадию развития. Это совпадение кризисных процессов значительно усложняет обстановку для разработки стратегии развития страны, но отнюдь не отменяет их актуальность.

Более того, именно в условиях кризиса и цейтнота времени, недостатка ресурсов и крайне неблагоприятной внешней ситуации требуется самая строгая и последовательная стратегия, сочетающая необходимость опережающего национального социально-экономического развития и обеспечения безопасности, т.е. крайне точного баланса между политическими целями и ресурсами для их достижения. Такой баланс невозможно обеспечить без точного процесса стратегического планирования, сочетающего, как уже говорилось, объективную оценку действительности, стратегический прогноз, точное целеполагание и максимально эффективные средства и способы достижения целей.

Наконец, **шестое.** России угрожает возвращение к власти той части правящей элиты страны, которая была в основном и с большим трудом

дистанцирована от процесса управления в некоторых областях с приходом к власти В. Путина. Эта либерально-западническая часть правящей элиты отчетливо ассоциирует свою систему ценностей и интересов с системами западной ЛЧЦ, а поэтому заранее готова на окончательный отказ от суверенитета, национальных ценностей и интересов. По этим же причинам она не заинтересована в национальной стратегии опережающего развития.

Запад, особенно США, не скрывает намерений по отстранению части правящей российской элиты и возвращению к управлению страной западников-либералов, которые смогут вполне легально и быстро совместить свои интересы с интересами западной ЛЧЦ. Надо только отчетливо понимать, что в случае её возвращения будет реализован окончательно сценарий уничтожения российской нации и государства, который фактически был завершен к началу нового века, но остановлен с приходом к власти В. Путина

---

[1] **Военно-политическая обстановка** — *зд.* основная часть международной обстановки, которая характеризует состояние мировой военно-политической системы в определенный период времени (как правило, не очень продолжительный — от нескольких месяцев до нескольких лет) и определяется составом субъектов военной политики, их состоянием и особенностями военно-политических отношений между ними, а также конкретным характером и динамикой развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов.

[2] Выступление 14 ноября 2017 года Илларионова в Конгрессе США / Эл. ресурс: «Эхо Москвы» /www.echo.msk.ru.25.11.2017

[3] **Военно-политические тенденции** — *зд.* относительно устойчивые возможности, закономерности, векторы развития внешней и внутренней политики государств, характеризующие состояние и перспективы их безопасности.

[4] В определенной степени промежуточным итогом стала работа «Современная военная политика России» (В 2-х томах), опубликованная в сентябре 2017 года в МГИМО–Университете.

[5] *Подберёзкин А.И.* Значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США / Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук.: — М.: Дипломатическая академия, 1989 г. (ДСП).

[6] Понятно, что подготовленные в аппаратах документы и ссылки на них не могут быть указаны, хотя на одну работу — «Стратегию национальной безопасности России», написанную в 1994 году и ставшую позже основой для целого ряда документов, я всё-таки сошлюсь.

[7] Мне удалось в те годы публиковаться неоднократно даже в таких изданиях, как: «Коммунист», «Военная мысль», «Правда», «Коммунист вооруженных сил» и пр.

[8] См., например, печатные работы, опубликованные в 1991–2017 годах, среди которых я выделил бы: «Национальная доктрина России» (РАУ-Университет, 1994 г., «Современная русская идея и государство» (РАУ-Университет,1995 г.) и «Современная политическая Россия» («ВОПД «Духовное наследие», 1999 и 2000 гг. В 2-х томах).

[9] Международная научная конференция «Долгосрочное прогнозирование международных отношений в интересах национальной безопасности России. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 169 с.

[10] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[11] Среди российских попыток наиболее известен стал опыт ИМЭМО РАН, готовивший долгосрочный прогноз. Последний вариант: Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. А. А. Дынкина; ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. — М.: Магистр, 2017. — 352 с.

[12] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017, С. 29–92; 307–350.

[13] Там же.

[14] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг., — Т. 1–3.

[15] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 29–92; 307–350.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] **Лонгитюдный метод исследования** — метод анализа и прогноза развития различных сценариев ВПО по отдельным этапам развития, используемый в работе.

[19] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 29–92; 307–350.

Понятийный аппарат исследования[1]

Автоматизированное рабочее место (АРМ) — программно-технический комплекс автоматизированной системы, предназначенный для автоматизации деятельности определенного вида. Видами АРМ являются АРМ технолога, АРМ проектировщика, АРМ бухгалтера и др. (ГОСТ 34.003).

Алгоритм — последовательность четко определенных действий, выполнение которых ведет к решению задачи; *зд.* — последовательность действий в интересах проведения политического анализа и прогноза.

База данных (БД) — совокупность данных, организованных по определенным правилам, предусматривающим общие принципы описания, хранения и манипулирования данными, независимая от прикладных программ (ГОСТ 20886–85).

Безопасность информации — состояние защищенности, при котором обеспечены ее конфиденциальность, доступность и целостность (ГОСТ Р 50922–2006).

Бизнес-процесс (БП) — совокупность операций, преобразующая материальный или/и информационный потоки в соответствующие потоки с другими свойствами. Частными случаями БП являются организационно-деловые, технологические и др. процессы (Р 50.1.031–2001).

Боевой порядок — построение подразделений для ведения боя.

Важно отметить, что оба метода позволяют решать оба типа прогнозных задач: построение нормативного и поискового прогноза. Таким образом, на стадии выбора метода у нас имеется четыре альтернативы:

— создание поискового сценарного прогноза дедуктивным методом;
— создание нормативного сценарного прогноза дедуктивным методом;
— создание поискового сценарного прогноза индуктивным методом;
— создание нормативного сценарного прогноза индуктивным методом.

Взаимодействие автоматизированных систем — обмен данными, командами и сигналами между функционирующими автоматизированными системами (ГОСТ 34.003).

Виртуальная машина — система обработки данных, функциональные возможности которой достигаются путем разделения ее ресурсов с другими пользователями (ИСО/МЭК 2382–1–1993).

Внутренний вооруженный конфликт — высшая форма внутригосударственного конфликта.

Военная доктрина Российской Федерации — является одним из основных документов стратегического планирования в Российской Федерации и представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации.

Военная организация государства — совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также тех частей производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и саму военную защиту России.

В военную организацию СССР включались и национальные, в т.ч. общественные организации и структуры, а не только органы исполнительной и законодательной власти. Современная военная организация должна быть общенациональной и включать государственные, общественные и частные органы власти и институты, а также органы, объединяющие отдельные группы и даже отдельных граждан.

Синоним — национальное управление.

Военная политика — деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности, а также защите интересов ее союзников.

Синоним — силовая политика государства.

Военное планирование в Российской Федерации — составная часть военных мер по организации обороны Российской Федерации, заключающаяся в определении порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, их применения и всестороннего обеспечения.

Синоним — стратегическое планирование в области обороны.

Военно-политическая обстановка (ВПО) — состояние мировой военно-политической системы в определенный период времени, характеризуемое составом субъектов военной политики, их состоянием и особенностями военно-политических отношений между ними, а также основными тенденциями развития. ВПО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов военно-политических отношений в отношении других.

Военно-политическая обстановка (ВПО) — состояние мировой военно-политической системы в определенный период времени (как правило, не очень продолжительный — от нескольких месяцев до нескольких лет), характеризуемое составом субъектов военной политики, их состоянием и особенностями военно-политических отношений между ними, а также конкретным характером и динамикой развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов. ВПО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов военно-политических отношений в отношении других.

Военно-политические отношения — процесс взаимодействия субъектов военной политики во внешнеполитической, военной, социально-политической, экономической, идеологической и других сферах, в ходе которого проявляются их национальные, государственные, коалиционные и иные интересы. Военно-политические отношения в каждой сфере взаимодействия представляют собой определенную совокупность акций, мероприятий, проводимых субъектами военной политики в целях реализации своих интересов, достижения определенного их баланса, соотношения. Процесс взаимодействия субъектов военной политики имеет определенные фазы (этапы) развития, различающиеся степенью напряженности военно-политических отношений.

Военно-политический потенциал — совокупность материальных, нематериальных и духовных возможностей, как задействованных в настоящее время, так и тех, которые потенциально могут быть использованы в военных целях.

Военно-политические тенденции — *зд.* относительно устойчивые возможности, закономерности, а также направления (векторы) развития военно-политической обстановки (ВПО), а также внешней и внутренней политики государств, характеризующие современное состояние и перспективы их безопасности, прежде всего в международной и военной областях.

Вооружение, военная и специальная техника (ВВСТ) — совокупность оружия и технических средств, обеспечивающих его применение — оружие, боевые и транспортные носители оружия наземного, воздушного, морского и космическою базирования, агрегаты, приборы, устройства и другие технические средства, которыми оснащаются вооруженные силы для обеспечения их боевой и повседневной деятельности. (Словарь «Война и мир в терминах и определениях»).

Вызов коллективной безопасности ОДКБ — совокупность условий, потенциально способных перерасти в угрозу коллективной безопасности ОДКБ.

Государственная программа Российской Федерации — система мероприятий (взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности, определенных в концепции долгосрочного социально-экономического развития или Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Государственная программа субъекта Российской Федерации — увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс мероприятий, направленный на наиболее эффективное решение задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации.

Государственное прогнозирование — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов

Российской Федерации и органов местного самоуправления с участием общественных, научных и иных организаций по разработке научно обоснованных представлений о возможных рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации, направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Государственное стратегическое планирование — деятельность органов государственной власти, с участием общественных, научных и иных организаций направленная на решение стратегических задач.

Государственное стратегическое планирование (стратегическое планирование в Российской Федерации) — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, общественных, научных и иных организаций по государственному прогнозированию, программно-целевому планированию и стратегическому контролю, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) — долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество публичного и частного партнеров, направленное на реализацию.

Государственный оборонный заказ — установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации (Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. №275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»).

Данные — информация, обработанная и представленная в формализованном виде для дальнейшей обработки (ГОСТ 7.0–99).

Данные об изделии — представление информации об изделии в формальном виде, пригодном для ее передачи, интерпретации или обработки людьми или компьютерами (Р 50.1.031–2001).

Документ государственного стратегического планирования — документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая органами государственной власти и иными участниками государственного стратегического планирования в соответствии с требованиями, установленными нормативными правовыми актами.

Документированная информация — Зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель (Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов — описание состояния и последовательности развития условий, событий в военно-стратегической области в долгосрочной перспективе

Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов — описание состояния и развития стратегической обстановки.

Доступ к информации — Возможность получения информации и ее использования (Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149–ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Жизненный цикл изделия (ЖЦ) — совокупность этапов, через которые проходит изделие за время своего существования — маркетинговые исследования, составление технического задания, проектирование, технологическая подготовка производства, изготовление, поставка, эксплуатация, ремонт, утилизация (Р 50.1.031–2001).

Задача социально-экономического развития — ограниченный по времени комплекс взаимосвязанных мероприятий в рамках направления достижения цели социально-экономического развития.

Зона ответственности ОДКБ — территории государств — членов Организации, ограниченные участками государственной границы с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств — членов ОДКБ.

Индекс страхов — показывает, насколько высокой кажется россиянам вероятность наступления той или иной проблемы. Индекс строится на основе вопроса «Как Вы оцениваете вероятность появления следующих проблем в Вашей жизни?», измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от –100 до 100.

Интегрированная автоматизированная система (ИАС) — совокупность двух или более взаимоувязанных автоматизированных системы, в которой функционирование одной из них зависит от результатов функционирования другой (других) так, что эту совокупность можно рассматривать как единую автоматизированную систему (ГОСТ 34.003).

Интегрированная информационная среда (ИИС) — совокупность распределенных баз данных, содержащих сведения о продукции, производственной среде, ресурсах и процессах предприятия, обеспечивающая корректность, актуальность, сохранность и доступность данных субъектов производственно-хозяйственной деятельности, участвующих в осуществлении жизненного цикла продукции (ГОСТ Р 52611–2006);

Информационная инфраструктура — совокупность информационных центров, банков данных и знаний, систем связи, обеспечивающая доступ потребителей к информационным ресурсам (ГОСТ 7.0–99).

Информационная поддержка жизненного цикла продукции (ИПИ) — информационная поддержка жизненного цикла продукции на всех его стадиях, основанные на использовании единого информационного пространства, обеспечивающие единообразные способы информационного взаимодействия всех участников этого цикла — заказчиков продукции, поставщиков (производителей) продукции, эксплуатационного и обслуживающего персонала, реализованные посредством нормативных документов, регламентирующих правила указанного взаимодействия преимущественно посредством электронного обмена данными (ГОСТ Р 52611–2006).

Информационная система (ИС) — совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Информационное обеспечение — совокупность информационных ресурсов и услуг, предоставляемых для решения управленческих и научно-технических задач в соответствии с этапами их выполнения (ГОСТ 7.0–99).

Информационное обслуживание — Обеспечение пользователей необходимой информацией, осуществляемое информационными органами и службами путем предоставления информационных услуг (ГОСТ 7.0–99).

Информационно-телекоммуникационная сеть — технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники (Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Информационные ресурсы — Совокупность данных, организованных для эффективного получения достоверной информации (ГОСТ 7.0–99).

Информационные технологии (ИТ) — процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов (Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Информация — сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления (Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Информирование — обеспечение информацией заинтересованных пользователей (ГОСТ 7.0–99).

Испытание — функциональная проверка или обследование одного или нескольких признаков единицы продукции при оказании на нее совокупности воздействий — физических, химических, окружающей среды или условий работы (ГОСТ Р 50779.11–2000).

Исходный код — компьютерная программа в текстовом виде на каком-либо языке программирования (ГОСТ Р 54593–2011).

Качественные показатели — оценки состояния МО и ВПО в настоящее время и в будущем, выраженные числом, характеризующие отношения двух однородных показателей.

Качественные показатели — субъективные показатели, не поддающиеся количественным измерениям, либо являющиеся производными от таких измерений.

Коалиционный потенциал — способность государств/цивилизаций создавать взаимные коалиции, включая военные, политические, экономические и др.

Количественные показатели — физические, экономические, социологические, математические и иные показатели, предполагающие количественное измерение.

Коллективная безопасность ОДКБ — состояние защищенности коллективных интересов государств — членов ОДКБ, которое позволяет обеспечить независимость, территориальную целостность, суверенитет, обороноспособность и защиту от угроз каждому из государств — членов ОДКБ на основе координации и осуществления совместной деятельности;

Компьютер — функциональный блок, который может выполнять соответствующие вычисления, включая числовые арифметические операции и логические операции без вмешательства человека (ИСО/МЭК 2382–1–1993).

Компьютерная графика — методы и технологии создания, манипулирования, хранения и показа на дисплее нарисованных представлений объектов и данных, выполняемые с помощью компьютера, а также результаты применения таких методов и технологий (ИСО/ МЭК 2382–1–1993).

Конвертирование данных — изменение формы представления данных в соответствии с определенными правилами при сохранении содержащейся в них информации (ГОСТ 7.0–99).

Конструирование — стадия конструкторской подготовки производства, в ходе которой создаются 3D-модели всех оригинальных деталей и их 2D-проекции (чертежи), оформляются спецификации и ведомости материалов, комплектующих и нормализованных изделий, выполняются проверочные расчеты и моделирование. Согласно ГОСТ 2.103 результатом этой стадии является рабочая конструкторская документация. (Р 50.1.031–2001).

Конструкторские данные об изделии — совокупность информационных объектов, порожденных в процессе проектирования и разра-

ботки изделия, содержащая сведения о составе изделия, геометрических моделях изделия, его компонентов и их технических характеристиках, об их отношениях в структуре изделия, о результатах расчетов и моделирования, о допусках на изготовление деталей и т.д. (Р 50.1.031–2001).

Конфигурация — термин, объединяющий понятия структуры и состава изделия и предполагающий, что конкретные компоненты в составе обладают определенными значениями описывающих атрибутов (Р 50.1.031–2001).

Конфиденциальность информации — обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя (Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Концепция (Стратегия) долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий систему научно обоснованных представлений о долгосрочных целях, внешних и внутренних условиях социально-экономического развития Российской Федерации.

Корректировка документа государственного стратегического планирования — частичное изменение текста документа без изменения периода, на который разрабатывался документ государственного стратегического планирования.

Кризисная ситуация — нарастающее обострение обстановки в одном или нескольких государствах, которое непосредственно угрожает его безопасности, стабильности, территориальной целостности, суверенитету и способно при отсутствии необходимой помощи государств — членов ОДКБ привести к его (их) неспособности выполнять свои функции и/или дестабилизации региона коллективной безопасности;

Критически важная система информационной инфраструктуры (ключевая система информационной инфраструктуры, КСИИ) — информационно-управляющая или информационно-телекоммуникационная система, которая осуществляет управление или информационное обеспечение критическим объектом или процессом, или используется для официального информирования общества и граждан.

Критическое (пороговое) значение показателя обеспечения национальной безопасности — количественная характеристика угрозы национальной безопасности.

Логистика — наука о методах и способах управления материальными и информационными потоками в производстве и бизнесе; в частности, изучает процессы планирования, контроля и управления транспортированием, складированием, переработкой и др. операциями в процессе доставки готовой продукции потребителю (Р 50.1.031–2001).

Лонгитюдно-сценарный метод исследования — метод анализа и прогноза развития различных сценариев ВПО по отдельным этапам развития.

Маневр — организованное передвижение войск в ходе боя в целях занятия выгодного положения по отношению к противнику и создания необходимой группировки сил и средств, а также перенос или перенацеливание ударов и огня для наиболее эффективного поражения противника. Видами маневра являются охват, обход, отход и маневр ударами и огнем. Маневр ударами и огнем заключается в одновременном или последовательном их массировании (сосредоточении) по важнейшим объектам противника, а также в перенацеливании их на новые объекты.

Материал — предмет или вещество, используемое или подвергающееся обработке (переработке) с целью получения изделия или его компонентов (Р 50.1.031–2001).

Международная обстановка (МО) — состояние мировой системы международных отношений в определенный период времени, характеризуемое составом субъектов (государственных, международных и негосударственных) мировой политики, ведущими мировыми тенденциями и отношениями между ними. МО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов в отношении других.

Метод оценки критериев и показателей — психофизический метод оценки степени уверенности (5–7) эксперта в правильности того или иного критерия или показателя.

Методическое обеспечение автоматизированной системы — совокупность документов, описывающих технологию функционирования автоматизированной системы, методы выбора и применения пользователями технологических приемов для получения конкретных

результатов при функционировании автоматизированной системы (ГОСТ 34.003).

Методическое обеспечение государственного стратегического планирования — требования и рекомендации по разработке документов государственного стратегического планирования.

Методологическая база военного планирования в Российской Федерации — разработанная (уточненная) в ходе подготовки к очередному этапу военного планирования совокупность процедурных знаний, применяемых для обоснования (прогнозирования) на определенный временной период процессов ведения и обеспечения обороны, военного строительства, информационного противоборства и управления обороной Российской Федерации, системы обеспеченных ресурсами мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации.

Методология — тип сознания, направленного на разработку, совершенствование и изучение методов теоретической и практической деятельности в области международных отношений.

Методы сценарного прогнозирования — существует два основных — и при этом очень существенно различающихся между собой — метода сценарного прогнозирования. Это:

1. **дедуктивный метод** (от общих альтернатив — к частным сценариям; основан на анализе факторов, влияющих на поведение объекта прогнозирования);
2. **индуктивный метод** (от конкретных ситуаций и действий акторов к сценариям); Он основан на пошаговом анализе поведения акторов в рамках определенной ситуации.

Мировая военно-политическая система (ВПС) — совокупность субъектов военной политики, взаимосвязь между которыми осуществляется посредством военно-политических отношений. В структуре мировой ВПС могут выделяться региональные ВПС и внутригосударственные ВПС.

Моделирование изделия — полное, всестороннее описание как самого изделия (состав и структура, геометрические твердотельные модели, конечно элементные и другие модели для расчетов), так и технологических приемов его производства, особенностей функционирования, режимов эксплуатации и т.д. (Р 50.1.031–2001).

Модель сценария — сценарное моделирование (планирование) — это один из наиболее эффективных системных инструментов стратегического управления вообще и стратегического анализа и прогноза, в частности. Исторически такие модели и сценарии возникли примерно 30 лет назад в качестве альтернативы одновариантных прогнозов будущего развития конкретных компаний. Одновариантные прогнозы, как правило, довольно жестко задавали по существу единственную траекторию будущего развития организации. На практике они очень часто оказывались ошибочными. Поэтому при сценарном подходе для конкретного субъекта или актора МО или ВПО можно разрабатывать несколько примерно одинаково вероятных, но значимо контрастных вариантов будущего развития ее внешней среды (в нашем случае вариантов). Они выступают конкретными инструментами именно национальной стратегии, и в них делался акцент как раз на тех позициях, которые являлись объективно значимыми при принятии стратегических решений.

Модификация — утвержденное изменение проекта или изделия (Р 50.1.031–2001).

Мониторинг реализации документов государственного стратегического планирования — деятельность по комплексной оценке основных показателей, а также бюджетных обязательств.

Национальный человеческий потенциал — демографические, творческие, интеллектуальные и духовные ресурсы нации, являющиеся основной частью национального богатства и мощи государства. В политической и военной области НЧК определяет качество и эффективность управления, боеспособность личного состава ВС, эффективность руководства страны и ВС, а также качество ВВСТ.

Недекларированные возможности — функциональные возможности средств вычислительной техники и программного обеспечения, не описанные или не соответствующие описанным в документации, которые могут привести к снижению или нарушению свойств безопасности информации (ГОСТ Р 53114–2008).

Несанкционированный доступ — доступ к информации или к ресурсам автоматизированной информационной системы, осуществляемый с нарушением установленных прав и (или) правил доступа (ГОСТ Р 53114–2008).

Новая парадигма — универсальный образец, совокупность явных и неявных предпосылок, формирующих модель МО, признанных большинством представителей мирового сообщества на данном этапе развития МО.

Нормативно-справочная информация автоматизированной системы (НСИ) — информация, заимствованная из нормативных документов и справочников и используемая при функционировании автоматизированной системы (ГОСТ 34.003).

Носитель информации — средства регистрации, хранения, передачи информации (ГОСТ 7.0–99).

Обеспечение информационной безопасности организации — деятельность, направленная на устранение (нейтрализацию, парирование) внутренних и внешних угроз информационной безопасности организации или на минимизацию ущерба от возможной реализации таких угроз (ГОСТ Р 53114–2008).

Облик военной организации государства — совокупность количественных и качественных параметров (показателей), характеризующих возможности, состав, структуру, численность, техническую оснащенность, а также системы управления и всестороннего обеспечения военной организации.

Обход — более глубокий маневр, совершаемый подразделениями для удара по противнику с тыла.

Общесистемное программное обеспечение — часть программного обеспечения автоматизированной системы, представляющая собой совокупность программных средств, разработанных вне связи с созданием данной автоматизированной системы и предназначенных для организации вычислительного процесса и решения, часто встречающихся задач обработки информации (ГОСТ 34.003).

Объект информатизации — совокупность информационных ресурсов, средств и систем обработки информации, используемых в соответствии с заданной информационной технологией, а также средств их обеспечения, помещений или объектов (зданий, сооружений, технических средств), в которых эти средства и системы установлены, или помещений и объектов, предназначенных для ведения конфиденциальных переговоров (ГОСТ Р 51275–2006).

Огонь — это одновременное поражение противника стрельбой из различных видов оружия. Он ведется с задачей уничтожения, подавления и изнурения противника или разрушения его объектов.

Оперативное управление и регистрация хода производства — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая учет выполнения технологических операций по видам изделий и их компонентов; ведение протоколов работы технологического оборудования и персонала

Оператор информационной системы — гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных (Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Операционная система (ОС) — программное средство, которое управляет исполнением программ и которое может обслуживать выделение ресурсов, планирование, управление вводом-выводом и управление данными (ИСО/МЭК 2382–1–1993).

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного планирования, определяющий задачи социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности на среднесрочную перспективу.

Открытая система — исчерпывающий и согласованный набор национальных стандартов Российской Федерации и международных стандартов информационных технологий и профилей, функциональных стандартов, которые специфицируют интерфейсы, службы и форматы в целях обеспечения переносимости, масштабируемости и взаимодействия приложений, данных и персонала (ГОСТ Р 54593–2011).

Открытые стандарты и спецификации — стандарты и спецификации, являющиеся доступными и не требующими разрешения и оплаты за их использование (ГОСТ Р 54593–2011).

Открытый код — исходный код программного обеспечения, передаваемый разработчиком пользователю на определенных лицензионным договором условиях (ГОСТ Р 54593–2011).

Отраслевой документ государственного стратегического планирования — документ, в котором определены цели, приоритеты и задачи развития и обеспечения национальной безопасности, в соответствующей отрасли или сфере социально-экономического развития Российской Федерации.

Отход — маневр, применяемый в целях вывода своих войск из-под ударов превосходящих сил противника, выигрыша времени и занятия более выгодного рубежа. Отход проводится только по разрешению или приказу старшего командира.

Охват — маневр, осуществляемый подразделениями в целях выхода для удара во фланг противнику.

Периферийное оборудование — устройство, которое управляется компьютером и взаимодействуете ним (ИСО/МЭК 2382–1–1993).

Персональные данные — любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (Федеральный Закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных»).

Персональный компьютер (ПК) — микрокомпьютер, предназначенный, в первую очередь, для обособленного индивидуального использования (ИСО/МЭК 2382–1–1993).

План обороны Российской Федерации — комплекс взаимосвязанных документов военного планирования в Российской Федерации, разрабатываемый в целях обоснования и нормативного, а также правового закрепления системы согласованных по срокам и обеспеченных ресурсами военных, правовых, политических, экономических и иных мер, реализация которых позволит обеспечить оборону и безопасность государства.

Планирование ведения обороны Российской Федерации — процесс определения военной организацией государства системы мер по защите жизненно важных интересов государства от внешних и внутренних угроз.

Планирование военного строительства в Российской Федерации — процесс определения системы мер по строительству и развитию военной организации государства, направленных на перевод органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов, привлекаемых к выполнению за-

дач в области обороны частей производственного и научного комплексов страны, в определенные качественные состояния, позволяющие в условиях планового периода обеспечить оборону и безопасность государства.

Планирование информационного противоборства Российской Федерации — процесс определения и реализации комплекса мер, осуществляемых политической и военной организацией государства в интересах обеспечения национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере и достижения политических, экономических, военных и иных целей.

Планирование обеспечения обороны Российской Федерации — процесс выработки решений и разработки на их основе системы мер, определяющих цель, задачи, мероприятия обеспечения деятельности военной организации государства при выполнении ею задач по подготовке к вооруженной защите Российской Федерации.

Планирование производства — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая объемное планирование и формирование графиков производства; планирование по группам продукции для основных подразделений; расчет производственных мощностей основных подразделений и определение мер, обеспечивающих соответствие мощностей объемам выпуска; расчет и планирование потребностей в материалах и комплектующих с учетом графиков производства; расчет сменно-суточных плановых заданий для подразделений и технологического оборудования (оперативное производственное планирование) и т.д. (Р 50.1.031–2001).

Планирование управления обороной Российской Федерации — процесс определения основ управления деятельностью военной организации государства при выполнении ею задач обороны в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время.

Показатели внутригосударственной военно-политической обстановки — данные, позволяющие оценивать состояние и процессы, происходящие в военно-политической, военно-социальной, военно-экономической, научно-технической, технологической и иных областях жизни страны.

Показатели межгосударственной обстановки — данные, по которым можно судить о состоянии и перспективах развития международной ситуации и положения России в мире.

Показатель эффективности использования продукции — количественная характеристика степени достижения полезных результатов при использовании продукции в конкретной эксплуатационной ситуации с учетом эксплуатационных затрат (ГОСТ 15467–79).

Политический суверенитет — полное право государств на самоуправление и на принятие политических и иных решений, составляющее основу международных отношений и международного права, в рамках существующих объективных обстоятельств.

Пользователь информационной системы — лицо (группа лиц, организация), пользующееся услугами информационной системы для получения информации или решения других задач (ГОСТ 7.0–99).

Потенциал государства — совокупность материальных и духовных сил государства и общества.

Походный порядок — построение подразделений для передвижения в колоннах. Он применяется на марше при преследовании, при проведении маневра и должен обеспечивать высокую скорость движения, быстрое развертывание в предбоевой и боевой порядки.

Правовое обеспечение автоматизированной системы — совокупность правовых норм, регламентирующих правовые отношения при функционировании автоматизированной системы и юридический статус результатов ее функционирования (ГОСТ 34.003).

Правящая элита — достаточно узкий социальный слой общества, реально влияющий на политику страны.

Предбоевой порядок — построение подразделений, осуществляемое в целях сокращения времени на развертывание в боевой порядок, меньшей уязвимости от ударов всеми видами оружия.

Предоставление информации — действия, направленные на получение информации определенным кругом лиц или передачу информации определенному кругу лиц (Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Представление данных — характеристика, выражающая правила кодирования элементов и образования конструкций данных на конкретном уровне рассмотрения в вычислительной системе (ГОСТ 20886–85).

Принципы стратегического прогнозирования — основные правила, объединяющие в действительности известную совокупность идей, связанных со стратегическим прогнозированием.

Приоритет социально-экономической политики — предпочтительные направления и способ действий по достижению целей социально-экономического развития, исходя из целесообразности, рациональности и эффективности.

Провоцирование международного конфликта — использование частной ситуации или искусственное создание такой ситуации в качестве повода для эскалации конфликта.

Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах научно-технологического развития РФ и субъектов РФ в долгосрочной перспективе.

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития Российской Федерации, в том числе субъектов Российской Федерации, на долгосрочный или среднесрочный период.

Прогнозирование социально-экономического развития — деятельность по разработке научно обоснованных представлений о направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, определению параметров социально-экономического развития Российской Федерации, достижение которых обеспечивает реализацию целей социально-экономического развития Российской Федерации и приоритетов социально-экономической политики с учетом задач национальной безопасности.

Программа социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации на среднесрочную перспективу и комплекс мероприятий по их достижению.

Программное обеспечение (ПО) — совокупность программ системы обработки информации и программных документов, необходимых для их эксплуатации (ГОСТ Р 54593–2011).

Продукция военного назначения (ПВН) — вооружение, военная техника, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность) и информация в военно-технической области, за исключением информации, которая может быть опубликована в соответствии с законодательством Российской Федерации в средствах массовой информации, произведениях науки, литературы и искусства, рекламных материалах (Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами).

Программно-технический комплекс автоматизированной системы (ПТК) — Продукция, представляющая собой совокупность средств вычислительной техники, программного обеспечения и средств создания и заполнения машинной информационной базы при вводе системы в действие достаточных для выполнения одной или более задач автоматизированной системы (ГОСТ 34.003).

Программно-целевое планирование — деятельность, направленная на определение целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, приоритетов социально-экономической политики и национальной безопасности, а также формирование комплексов, направленных на достижение этих целей и приоритетов мероприятий с указанием источников их финансового обеспечения.

Производственные данные об изделии — совокупность информационных объектов, порождаемая в процессе производства, ассоциированная с информационными объектами, описывающими изделие и его компоненты, содержащая сведения о статусе конкретных экземпляров изделия и его компонентов в производственном цикле (Р 50.1.031–2001).

Производство — совокупность бизнес-процессов, имеющая целью преобразование материальных объектов (материалов, заготовок, полуфабрикатов, комплектующих изделий) в готовое (конечное) изделие надлежащего качества, удовлетворяющее требованиям потребителя (Р 50.1.031–2001).

Проприетарное (закрытое) программное обеспечение (ППО) — программное обеспечение, распространяемое на условиях простой (неисключительной) или исключительной лицензии, ограничивающей использование программы и/или запрещающей пользователю внесение изменений в программу для ЭВМ (переработку) и/или распространение изменений (переработанной) программы (ГОСТ Р 54593–2011).

Прослеживаемость — способность восстановить предысторию использования или местонахождения изделия с помощью регистрируемой идентификации (Р 50.1.031–2001).

Публикация — документ, доступный для массового использования (ГОСТ 7.0–99).

Развитие автоматизированной системы — целенаправленное улучшение характеристик или расширение функций автоматизированной системы (ГОСТ 34.003).

Разработка — стадия конструкторской подготовки производства, в ходе которой разрабатывается подробная 3D-модель изделия, а также 3D-модели узлов, агрегатов и основных (базовых) деталей, на базе которых формируются 2D-проекции (чертежи), выполняются уточненные проектировочные расчеты и моделирование. Согласно ГОСТ 2.120 эта стадия называется техническим проектированием, а ее результат — техническим проектом (Р 50.1.031–2001).

Распределенная база данных — совокупность баз данных, физически распределенная по взаимосвязанным ресурсам и доступная для совместного использования в различных приложениях (ГОСТ 20886–85).

Распространение информации — действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Результат социально-экономического развития — фактическое (достигнутое) состояние экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое характеризуется количественными и (или) качественными показателями.

Ремонт — комплекс операций по восстановлению исправности или работоспособности изделий и восстановлению ресурсов изделий или их составных частей (ГОСТ 18322–78).

Сбой — самоустраняющийся отказ или однократный отказ, устраняемый незначительным вмешательством оператора (ГОСТ 27.002–89).

Силы коллективной безопасности ОДКБ — объединения, соединения, воинские части и подразделения национальных вооруженных сил и других войск государств — членов ОДКБ, подразделения специального назначения (группы специалистов) органов внутренних дел (полиции), внутренних войск (национальной гвардии, войск полиции), органов безопасности и специальных служб, формирования органов, уполномоченных в области предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций государств — членов ОДКБ, подчиненные национальным органам управления и используемые по решению органов ОДКБ, а также коалиционные группировки войск (сил), региональные (объединенные) группировки войск (сил), группировки объединенных (совместных) военных систем и Миротворческие силы ОДКБ;

Система государственного стратегического планирования — совокупность участников государственного стратегического планирования, взаимоувязанных документов государственного стратегического планирования, характеризующих приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, и нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения государственного стратегического планирования.

Система документов государственного стратегического планирования — совокупность взаимосвязанных по стратегическим целям, задачам, срокам и источникам ресурсного обеспечения документов государственного стратегического планирования.

Система коллективной безопасности ОДКБ — совокупность органов ОДКБ и национальных органов государственного управления, сил и средств государств — членов ОДКБ, обеспечивающих в соответствии с международным правом и национальным законодательством защиту коллективных интересов, суверенитета и территориальной целостности государств — членов ОДКБ на коллективной основе;

Система управления базами данных (СУБД) — совокупность программ и языковых средств, предназначенных для управления данными в базе данных, ведения базы данных и обеспечения взаимодействия ее с прикладными программами (ГОСТ 20886–85).

Система управления качеством продукции — совокупность управляющих органов и объектов управления, взаимодействующих с помощью материально-технических и информационных средств при управлении качеством продукции (ГОСТ 15467–79).

Совместимость автоматизированных систем — комплексное свойство двух или более автоматизированных систем, характеризуемое их способностью взаимодействовать при функционировании. Совместимость автоматизированных систем включает техническую, программную, информационную, организационную, лингвистическую и, при необходимости, метрологическую совместимость (ГОСТ 34.003).

Совокупный военный потенциал страны — военная мощь государства.

Современная локальная человеческая цивилизация — конкретная часть общества, проживающего на определенной территории в современный период, объединенная общей культурой, системой ценностей, историей , интересами и видением общего будущего

Сопровождение автоматизированной системы — деятельность по оказанию услуг, необходимых для обеспечения устойчивого функционирования или развития автоматизированной системы (ГОСТ 34.003).

Специальные средства информационной поддержки жизненного цикла **продукции** — средства информационной поддержки жизненного цикла продукции, соответствующие установленным требованиям безопасности информации и предназначенные для обработки информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну (ГОСТ Р 52611–2006).

Средства информационной поддержки жизненного цикла продукции — аппаратные, программно-аппаратные, программные средства, реализующие процессы сбора, обработки, накопления, хранения и поиска информации в интегрированной информационной среде (ГОСТ Р 52611–2006).

Средства коллективной безопасности ОДКБ — вооружение, военная и специальная техника, специальные средства, технологии, технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства; включая информационно-телекоммуникационные каналы, используемые для обеспечения коллективной безопасности.

Стратегическое нападение — нападение с использованием ядерного и неядерных вооружений, а также всех других силовых средств, для достижения самых решительных политических целей в войне. Стратегическое нападение должно осуществляться по плану, который должен быть реализован при любом противодействии противника. Сверхзадачей стратегического нападения является на подготовительном этапе исключить огромное множество неэффективных вариантов стратегий, оставив и выбрав только один, наиболее эффективный вариант будущей стратегии нападения.

Стратегическая обстановка (СО) — вид военно-политической обстановки в определенный (конкретной) период времени в ходе конкретного конфликта или войны с участием конкретных субъектов ВПО (фаза развития военно-политических отношений — военный конфликт). Стратегическая обстановка характеризуется конкретными особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения, факторами, влияющими на их ход и результаты.

Стратегические национальные приоритеты — важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются меры по защите национальных интересов Российской Федерации, а также осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие нации.

Стратегический прогноз рисков социально-экономического развития Российской Федерации и угроз обеспечения национальной безопасности — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о возможных стратегических рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации.

Стратегическое нападение — нападение с использованием ядерного и неядерных вооружений, а также всех других силовых средств, для

достижения самых решительных политических целей в войне. Стратегическое нападение должно осуществляться по плану, который должен быть реализован при любом противодействии противника. Сверхзадачей стратегического нападения является на подготовительном этапе исключить огромное множество неэффективных вариантов стратегий, оставит и выбрав только один, наиболее эффективный.

Стратегическое сдерживание — разработка и системная реализация комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства — агрессора (коалиции государств) в интересах обеспечения военной безопасности страны.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий стратегические национальные приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующий состояние национальной безопасности и уровень развития государства на долгосрочную перспективу.

Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели, приоритеты социально-экономической политики и задачи социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в долгосрочной перспективе.

Структура сценариев развития ВПО — последовательная совокупность действий элементов и субъектов ВПО и эволюция их устойчивых взаимосвязей как единой системы, обеспечивающих ее целостность и сохранение основных свойств при самых различных вариантах изменения внутреннего и внешнего характера.

Структура сценария — последовательная и взаимосвязанность совокупность действий (актов, сцен, сюжетов).

Субъекты военной политики — государства, коалиции государств (военно-политические союзы), вооруженные силы государств, вооруженные формирования, не имеющие международного правового статуса, способные вырабатывать свою политику и генерировать различные

мероприятия и действия, с помощью которых должны решаться политические задачи и достигаться поставленные политические цели.

Сценарии развития международной обстановки — относительно детальный план (проект), существующий в виде документа или набора логически последовательных идей по поводу краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных политических и иных тенденций в развитии и взаимодействии витии субъектов, факторов и акторов, формирующих международную обстановку.

Сценарий — детальный план (проект), существующий в виде документа (пакета документов) или логически последовательного набора идей относительно долгосрочных тенденций и политических и иных целей.

Сценарий развития военно-политической обстановки — описание состояния ВПО как составной части сценария развития МО и следствие одного из сценариев развития ЧЦ, которая характеризует состояние всей системы человеческой цивилизации в определенный период времени как совокупность взаимоотношений субъектов и последствий влияния внешних и внутренних факторов развития.

Сценарий текущей и прогнозируемой ВПО — существующий и будущий детальный план с участием основных действующих субъектов развития ВПО.

Техническое обслуживание — комплекс операций или операция по поддержанию работоспособности или исправности изделия при использовании по назначению, ожидании, хранении и транспортировании (ГОСТ 18322–78).

Технологическая подготовка производства — совокупность процессов и процедур, имеющая целью создание комплекта технологических документов — технологических маршрутов и операционных карт механообработки, сборки (монтажа), контроля; норм времени на выполнение технологических операций; управляющих программ для оборудования с числовым программным управлением; проектов оснастки и специального инструмента и т.д. (Р 50.1.031–2001).

Технологические данные об изделии — совокупность информационных объектов, порождаемая на стадии технологической подготовки производства и ассоциированных с информационными объектами, описывающими изделие и его компоненты. Содержит сведения

о способах изготовления и контроля изделия и его компонентов в процессе производства, описание маршрутных и операционных технологий, нормы времени и расхода материалов, управляющие программы для станков с ЧПУ, а также данные для проектирования приспособлений и специального режущего и мерительного инструмента и т.д. (Р 50.1.031–2001).

Угроза коллективной безопасности ОДКБ — совокупность факторов, препятствующих достижению стратегической цели ОДКБ;

Удар — одновременное поражение группировок войск и объектов противника путем мощного воздействия на них всеми имеющимися средствами или войсками

Управление данными — совокупность функций обеспечения требуемого представления данных, их накопления и хранения, обновления, удаления, поиска по заданному критерию и выдачи данных (ГОСТ 20886–85).

Управление закупками — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая ведение реестра поставщиков, учет их конкурентоспособности, качества и сроков поставок, наличия сертификатов и т.д.; оценка соответствия закупок бюджету предприятия и обязательствам по платежам; оценка соответствия закупок плану материального обеспечения производства (Р 50.1.031–2001).

Управление запасами и складами — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая учет и контроль наличия материальных ресурсов на складах и в производственных подразделениях предприятия; планирование поступления ресурсов на склады; прием ресурсов от поставщиков и выдача их в производство; отгрузка готовой продукции заказчикам; учет остатков незавершенного производства; периодическая инвентаризация содержимого складов (Р 50.1.031–2001).

Управление кадрами (персоналом) — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая планирование потребных трудовых ресурсов по профессиям и численности; ведение структуры предприятия, штатного расписания и должностных инструкций; формирование системы оплаты труда; набор новых сотрудников и повышение квалификации работающих; ведение личных дел сотрудников (Р 50.1.031–2001).

Управление качеством продукции — действия, осуществляемые при создании и эксплуатации или потреблении продукции, в целях установления, обеспечения и поддержания необходимого уровня ее качества (ГОСТ 15467–79).

Управление обслуживанием технологического оборудования — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая ведение базы данных о технологическом оборудовании; планирование и учет профилактического обслуживания и планово-предупредительных ремонтов; ведение статистики отказов и неисправностей; поддержка склада запчастей и расходных материалов; анализ протоколов работы оборудования и т.д. (Р 50.1.031–2001).

Управление предприятием — особый вид бизнес-процесса предприятия, в ходе которого определяются цели предприятия, собирается и анализируется информация о ходе производственных процессов, принимаются решения и выполняются действия, направленные на достижение целей (Р 50.1.031–2001).

Управление продажами, заказами и дистрибьюцией — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая ведение списка клиентов (заказчиков); формирование каталогов продукции и запасных частей; формирование цен и прайс-листов; формирование портфеля заказов и плана продаж; подготовка и ведение договоров на поставку продукции; подготовка и рассылка коммерческих предложений на поставку продукции; расчет себестоимости заказов и договорных цен; планирование сроков поставки продукции заказчику; оценка статуса заказа относительно плана производства; планирование потребностей и запасов в системе дистрибьюции и др. (Р 50.1.031–2001).

Управление финансовыми ресурсами — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая бухгалтерские функции; обобщение результатов расчета себестоимости продукции, уровня оборотных средств и незавершенного производства; учет финансовых средств; поддержку внутрипроизводственного хозрасчета; формирование и анализ выполнения финансовых планов; оценку устойчивости финансового положения предприятия, оборачиваемости средств, рентабельности, эффективности инвестиций и т.д.; кредитный менеджмент; управление основными фондами предприятия (Р 50.1.031–2001).

Управленческий потенциал — институциональная сила государства (цивилизации), выраженная в эффективности управления — политического, экономического, военного.

Файл — поименованное множество записей, обрабатываемых как единый блок (ИСО/МЭК 2382–1–1993).

Формат — способ расположения и представления данных на носителе информации (ГОСТ 7.0–99).

Характер внешних угроз — разновидность типов угроз, зависящих от сферы их возникновения: политических, экономических, военных.

Характер войн и вооруженных конфликтов — структура относительно устойчивых связей, определяющих цели войн, средства достижения этих целей масштабы военных действий.

Характер международных войн — совокупность наиболее важных черт и признаков современной войны как конкретного исторического явления, определяемого конкретными историческими условиями.

Цель социально-экономического развития — достижение состояния экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое определяется участниками государственного стратегического планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями.

Центр обработки данных (ЦОД) — ресурс, который состоит из персонала, аппаратного и программного обеспечения, организованный таким образом, чтобы обеспечивать услуги в виде обработки данных (ИСО/МЭК 2382–1–1993).

Человеческая цивилизация (ЧЦ) — локализованное по времени и пространству современное человеческое сообщество, объединяющее нации, государства и отдельные социумы. В данной работе рассматриваются две основные формы ЧЦ:

— **глобальная ЧЦ**, как совокупная современная общность людей проживающих на планете;
— **локальная ЧЦ** — часть современной глобальной цивилизации, объединяющая цивилизационно близкие общества, государства и сообщества отдельных групп и людей.

Чрезвычайная ситуация — обстановка, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или

иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Эксплуатационные данные об изделии — совокупность информационных объектов, порождаемая в процессе проектирования и разработки, содержащая сведения, необходимые для организации обслуживания, ремонта и других действий, обеспечивающих работоспособность изделия (Р 50.1.031–2001).

Электронная вычислительная машина (ЭВМ) — вычислительная машина, основные функциональные устройства которой выполнены на электронных компонентах (ГОСТ 15971–90).

Электронное сообщение — информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети (Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Электронный документ — документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах (Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Эффективность автоматизированной системы — свойство автоматизированной системы, характеризуемое степенью достижения целей, поставленных при ее создании (ГОСТ 34.003).

---

[1] Более подробный понятийный аппарат опубликован в работе: *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1.

Аббревиатуры

СВА — Северо-Восточная Азия
АКФ — Антикризисный фонд ЕврАзЭС
АПК — агропродовольственный комплекс Восточной Азии (англ. Association of South-East Asia Nations, ASEAN)
АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АСП — анализ стратегических прогнозов
АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион
АТЭС — Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
АЭС — атомная электростанция
БЛА — беспилотный летательный аппарат
БРВЗ — баллистическая ракета «воздух–земля»
БРИКС — группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика (англ. BRICS: Brazil, Russia, India, China, South Africa)
ВВП — валовой внутренний продукт
ВВСТ — Вооружения, военная и специальная техника
ВЕЭС — Высший Евразийский экономический совет (Высший совет)
ВиВТ — вооружения и военная техника
ВКВ — Воздушно-космические войска
ВКО — воздушно-космическая оборона
ВОТС — Высший орган ТС
ВПО — военно-политическая обстановка
ВПС — мировая военно-политическая система
ВТО — высокоточное оружие
ВТО — Всемирная торговая организация

ГАЭС — гидроаккумулирующая электростанция
ГЗЛА — гиперзвуковой летательный аппарат
ГНСР МО — группа негативных сценариев развития международной обстановки
ГНСЦР МО — группа нейтральных сценариев развития международной обстановки
ГПСР МО — группа позитивных сценариев развития международной обстановки
ГПУ — грунтовые пусковые установки
ГРЭС — государственная районная электрическая станция
ГУ(У)АМ — региональная организация из четырех государств: Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова До выхода Узбекистана из регионального объединения именовалась ГУУАМ
ГЭС — гидроэлектростанция
ДКП — денежно-кредитная политика
ДОВСЕ — Договор об обычных вооруженных силах в Европе
ЕАБР — Евразийский банк развития
ЕАС — Евразийский союз (термин, употреблявшийся в 1990–2000-х годах)
ЕАЭС — Евразийский экономический союз
ЕврАзЭС — Евразийское экономическое сообщество
ЕС — Европейский союз
ЕТП — единое транспортное пространство
ЕТТ — единый таможенный тариф
ЕФСР — Евразийский фонд стабилизации и развития
ЕЭК — Евразийская экономическая комиссия
ЕЭП — Единое экономическое пространство
ЗАО — закрытое акционерное общество
ЗСТ — зона свободной торговли
ИК — Интеграционный Комитет ЕврАзЭС
ИКАО — Международная организация гражданской авиации
ИМЭМО РАН — Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук

ИП — индивидуальный предприниматель
ИТ — информационные технологии
КНР — Китайская Народная Республика
КР — крылатая ракета
КСОР — Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ
КСП ПРО — комплекс средств преодоления ПРО
КТС — Комиссия ТС
КШУ — командно-штабное учение
ЛАГ — Лига арабских государств
ЛЭП — линия электропередачи
МБР — межконтинентальные баллистические ракеты
МВД РФ — Министерство внутренних дел Российской Федерации
МВФ — Международный валютный фонд
МГС — Межгосударственный Совет ЕврАзЭС
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МЕРКОСУР — Южноамериканский общий рынок (исп. Mercado Común del Sur, MERCOSUR)
МИД — Министерство иностранных дел
МО — Международная обстановка
МПА — Межпарламентская Ассамблея ЕврАзЭС
НАТО — Организация Североатлантического договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)
НАФТА — Североамериканское соглашение о свободной торговле (англ. North American Free Trade Agreement, NAFTA)
НДС — налог на добавленную стоимость
НПЗ — нефтеперерабатывающий завод
НТБ — нетарифные барьеры
НТП — научно-технический прогресс
НЧК — национальный человеческий капитал
ОАЭ — Объединенные Арабские Эмираты
ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВД — Организация Варшавского договора
ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности
ОДЭР — Организация за демократию и экономическое развитие

ООН — Организация Объединенных Наций
ООО — общество с ограниченной ответственностью
ОПК — оборонно-промышленный комплекс
ОРВ — процедура оценки регулирующего воздействия решений ЕЭК
ОЭСР — Организация экономического сотрудничества и развития
ОЭС-ЦА — Общая энергосистема Центральной Азии
ПАО — публичное акционерное общество
ПИИ — прямые иностранные инвестиции
ППС — паритет покупательной способности
ПРО — противоракетная оборона
ПС — электрическая подстанция
РА — Республика Армения
РБ — Республика Беларусь
РК — Республика Казахстан
РЛС — радиолокационная станция
РО — региональное объединение (региональная организация)
РТ — Республика Таджикистан
РФ — Российская Федерация
СААРК — Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии
СГРБ — Союзное государство России и Беларуси
СЕ — Совет Европы
СЕАП — Совет евроатлантического партнерства
СЕАП — Совет евроатлантического партнерства
СЕНКО-ОП — Сотрудничество центрально-европейских государств
СИПРИ — Стокгольмский институт исследования проблем мира
СКР — стратегические крылатые ракеты
СМИ — средства массовой информации
СМП — Северный морской путь
СНБ — Совет национальной безопасности США
СНГ — Содружество Независимых Государств
СО — стратегическая обстановка
СПРН — система предупреждения о ракетном нападении

СССР — Союз Советских Социалистических Республик
США — Соединенные Штаты Америки
СЯС — Стратегические ядерные силы
ТАП — трансатлантическое партнерство
ТБ — тяжелый бомбардировщик
ТК — Таможенный кодекс ЕАЭС
ТЛУ — транспортно-логистические услуги
ТН ВЭД — Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности ЕАЭС
ТНК — транснациональная корпорация
ТС — Таможенный союз
ТТП — Транстихоокеанское партнерство
ТЭС — тепловая электрическая станция
ТЭЦ — теплоэлектроцентраль
ФТС — Федеральная таможенная служба РФ
ЦА — Центральная Азия
ЦАЭС — Центральноазиатское экономическое сообщество
ЦБ РФ — Центральный банк Российской Федерации (Банк России)
ЦИИ ЕАБР — Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития
ЦИНК — Центр изучения национальных конфликтов
ЧЦ — человеческая цивилизация
ШОС — Шанхайская организация сотрудничества
ЭПШП — Экономический пояс Шелкового пути
ЭЭС СНГ — Электроэнергетический совет Содружества Независимых Государств
ЮНКТАД — Конференция ООН по торговле и развитию (англ. United Nations Conference on Trade and Development — UNCTAD)

ЧАСТЬ I

Современные военно-политические условия развития России

Наступательные вооруженные силы стали
главным инструментом глобальной стратегии США[1]

Авторы доклада «Сила принуждения»

Любой военно-политический прогноз начинается с объективного анализа и оценки состояния того или иного объекта, которые могут быть более точными или менее точными (даже не адекватными) в силу самых разных причин — профессиональных, личных, политических или иных. К сожалению, личные (прежде всего, корыстные, профессиональные и идеологические) субъективные причины искажают такие оценки, чему мы не раз были свидетелями в последние десятилетия. В политике и общественной деятельности, где практически нет объективных критериев (единственный, но самый реальный, — результат борьбы за власть), искажение даже самых объективных реалий всегда было нормой, которая порождает в итоге абсолютную безответственность, «оправдывающую» принятие любых решений.

Во многом, однако, именно от качества этого анализа и добросовестности оценки состояния субъекта зависит точность прогноза, более того, в конечном счете, вероятность его реализации, наконец, эффективное распределение ресурсов (что нередко и является стимулом для субъективности оценок). Эти обстоятельства, безусловно, оказывают влияние на субъективный характер принимаемых решений, заставляя политиков так или иначе учитывать объективные реалии. Прежде всего, опять же, в силу своих когнитивных и волевых способностей. Такая точная оценка предполагает первый, наиболее ответственный и обязательный шаг, — определение существующих и будущих военно-политических тенденций[2] в развитии субъекта, а также МО и ВПО, за которым следует стратегический прогноз, четкое целеполагание и распределе-

ние необходимых ресурсов[3]. При этом, как первое, так и второе и третье действие нельзя рассматривать упрощенно, прямолинейно. Как пишет известный военный теоретик А. Свечин, «Политика, которая изолировала бы эти ближайшие цели и всё внимание уделяла бы конечному идеалу, представляла бы печальное перерождение практического искусства в социологию или философию истории»[4].

При этом я исхожу из того, что при анализе и прогнозе состояния того или иного субъекта (в нашем случае — России, а в будущих книгах и других субъектов ВПО) в конечном счете:

— Во-первых, объективность оценок и прогнозов достижима и реальна потому, что **будущее уже существует** в той или иной степени в политике, экономике и военном деле сегодня, но нужно не только захотеть, но и попытаться и смочь его увидеть и понять. Это можно сделать только при условии объективного анализа, максимально удаленного от политизированной оценки, которая всегда присутствует (а иногда и определяет будущее), при проведении экспертизы. Любое событие появляется в истории не сразу, «не вдруг». Ему предшествуют некие предпосылки, сигналы, тенденции. Так, появление в политике В. Путина было неизбежным следствием развития СССР и России в предыдущие годы, о чем не раз обсуждалось в конце 1990-х годов на самых различных мероприятиях, в частности, заседании одного из влиятельных клубов, где пришли к консенсусу о том, что к власти в стране должен придти некий «либеральный дракон»[5].

К сожалению, полностью абстрагироваться от инерции мышления, современных реалий, привычек и обязательств (не говоря уже о частных интересах, всегда присутствующих при анализе) удается крайне редко и далеко не всем. Поэтому такие оценки уже изначально несут на себе субъективный отпечаток, который я попытался не просто учесть в работе, но и извлечь из него некоторую выгоду: субъективность творческая может дать очень положительные результаты при анализе, а тем более прогнозе.

— Во-вторых, при всей важности субъективного учета особенностей, я исхожу из того, что существует достаточно много объективных факторов и тенденций, постоянных величин, которые позволяют адекватно оценить настоящее и увидеть это будущее. Поэтому

важно не игнорировать такие объективные факты, факторы и тенденции даже в том случае, если они и кажутся незначительными, не понятными, либо мешающими работе. Там, где это возможно, я пытался максимально детализировать, формализовать и систематизировать объективные факторы, предполагающие дальнейшее развитие, с тем, чтобы их влияние было заметнее. Так, например, для меня очевидно, что два направления в развитии военных потенциалов — систем ВКО и противоспутникового оружия — будут иметь решающее значение даже по сравнению с тем, какое они имеют в 2018 году. Именно они будут определять основные параметры стратегического паритета в будущем, хотя сегодня доминирует точка зрения, что эта роль будет принадлежать СНВ и стратегическим системам ВТО, а, значит, и соответственно происходит распределение ресурсов[6]. С моими оценками, кстати согласны и американские эксперты из «Ассоциации по контролю над вооружениями», которые заявили после публикации выдержек из новой ядерной стратегии США в январе 2018 года, что «Холодная война по версии 2.0 дает толчок двум областям в гонке вооружений (в дополнение к существующим) — накоплению средств ПРО и средств для войны в космосе»[7].

— Наконец, в-третьих, я полагаю, что в политике всегда существует «многовариантность» развития тех или иных сценариев и переход внутри таких сценариев от одного к другому конкретному варианту. При этом можно и обязательно нужно попытаться вычленить из этого огромного числа возможных сценариев (и обосновать) **наиболее вероятные**, а из них — «почти» неизбежные варианты, которые могут лечь в основу той или иной авторской концепции и модели. В частности, в книге, посвященной будущему России, я предлагаю как возможные, так и наиболее вероятные (и даже «неизбежные») сценарии развития России, пытаясь обосновать не только их характеристики, но и степень вероятности. Это, например, вынуждает меня сделать вывод о неизбежности развития существующего инерционного сценария в его нынешнем, «правительственном» варианте, который формируется хаотично под влиянием разных сил и обстоятельств, сводя политическую волю и её значение к минимуму[8].

Там, где это возможно, я всегда пытался использовать этот прием, предлагая свою гипотезу или концепцию[9]. Как правило, в своих основных чертах этот метод подтверждается (хотя бывали и ошибки, в основном, связанные с переоценкой динамики развития событий). Я уверен, что такая авторская концепция не просто желательна, но и обязательна для оценки состояния и перспектив развития субъекта ВПО в силу, как минимум, двух важных обстоятельств.

Во-первых, даже отрицая необходимость любой авторской концепции на словах, автор все равно придерживается той или иной тенденции и логики рассуждений, т.е. у него имплицитно всё равно существует некое видение, концепция. Такой позиции нередко придерживаются западные и часть российских исследователей, считающих, что определение своей позиции — не научный подход. Как правило, однако, такой объективизм ведет к фактическому навязыванию своей точки зрения, более того, нередко её фактическому и даже нормативному закреплению в научных работах и политических документах. Так, долгие годы ряд ученых навязывали общественному мнению необходимость игнорирования усилий США в области создания широкомасштабной системы ПРО не смотря на все обстоятельства, связанные с такой политикой в США. У них, строго говоря, не было серьезных аргументов, а тем более концепции, объясняющей зачем же США делают «бесполезную ПРО» даже того, когда элементы этой системы уже заступили на боевое дежурство. Тем не менее эти ученые агрессивно критиковали любые попытки предложить ответные действия.

Поэтому лучше — честнее и перспективнее с точки зрения дискуссии — с самого начала разработать, предложить и признать эту концепцию, — пытаться её защищать и придерживаться, пытаясь обосновать те или иные противоречия и нестыковки.

Во-вторых, авторская концепция помогает сохранять последовательность и логику в рассуждениях, не увлекаясь частностями и деталями, которые могут увести от реалий. Это увлечение второстепенными деталями характерно для многих «профессиональных» политологов, которые пытаются выглядеть «объективно», отрицая всяческие «измы», но, на самом деле, как правило, не в состоянии предложить сколько-нибудь логическое объяснение явлению. Мы очень часто наблюдаем это явле-

ние, например, у выступающих экспертов и журналистов по телевидению, которые охотно оперируют второстепенными деталями, которые могут привлечь внимание зрителей. В результате получается настолько «объективное» изложение или исследование, что не только читатель, но и сам автор нередко не вполне понимает суть своей позиции, а нередко и вообще то, о чем он только что говорил.

Современные военно-политические условия развития России, на мой взгляд, это то, что нередко игнорируется политиками и особенно экономистами и финансистами, оперирующими макроэкономическими показателями, которые, на их взгляд, абсолютизирую реальность. Поэтому оценки экономистов и специалистов в области обороны и безопасности нередко не просто отличаются друг от друга, но и прямо противоречат друг другу. Именно поэтому российские планы социально-экономического развития, многочисленные концепции и прогнозы, а тем более бюджеты, — так далеки от реальности, которая меняется быстрее, чем пишутся эти документы, у которых по-прежнему сохраняются два крупнейших недостатка — игнорирование неэкономических факторов развития и условий обеспечения безопасности и отсутствие сколько-нибудь эффективных механизмов реализации. Объективности ради следует признать, что в 2017 году об этом заговорили, наконец, даже такие упертые либералы, как А. Кудрин.

К сожалению, это признание, впрочем как и отношение всех либеральных экспертов к стратегическому планированию, сводится к тому, что «планировать невозможно», что еще раз подтвердило большинство участвовавших в январе 2018 года на Гайдаровском форме. Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, существует многострадальный ФЗ «О стратегическом планировании», множество стратегий, доктрин и концепции, наконец, бюджетов и «просто» планов, а, с другой стороны, не только у общественности, но и в правительстве сформировано негативно-критическое отношение к любым попыткам стратегических оценок, прогнозов и планирования.

В том числе и в силу этих причин мне представляется, что анализ основных военно-политических условий развития российского государства и нации представляется не просто полезным, необходимым, более того, неотложным.

Глава 1
Военно-политическое положение России в мире во втором десятилетии XXI века

Опыт военных конфликтов последних десятилетий показывает, что одной обороной задач войны не решить[10]

В. Гуменный,
зам. главкома ВКС

Во втором десятилетии нового века Россия оказалась в крайне тяжелом, почти критическом военно-политическом положении, непосредственно угрожающем её национальной безопасности, более того, самому существованию нации и государству. Это стало прямым следствием внутриполитической и внешнеполитической политики СССР-России и Запада в 80-е и 90-е годы прошлого века, в результате которой наша страна оказалась в катастрофической ситуации, сопоставимой по своей силе с эпохой «Смуты» начала XVII века. После развала ОВД и СССР Россия оказалась отброшенной во многих отношениях далеко назад, а неудачные и преступные реформы 1990-х годов поставили её на грань самоуничтожения — окончательной ликвидации суверенитета и потери национальной идентификации[11].

К 2000 году запущенный процесс самоуничтожения был настолько силен, что большинству политиков казалось, что он уже необратим, а нашим оппонентам на Западе представлялось, что его успешное завершение должно закончиться полным самоуничтожением государства через 2–3 года. Такие среднесрочные прогнозы РЭНД-корпорации и других экспертных организаций США и стран Западной Европы кон-

ца 90-х годов легли в основу внешнеполитического планирования западной военно-политической коалиции[12].

Приход в 1999 году к власти В. Путина и части национально ориентированной правящей элиты означал на первых порах, что этот процесс удалось остановить, но только через 1–2 года стало ясно, что его удалось даже и повернуть вспять — медленно началось постепенное возвращение контроля со стороны государства над эскалацией разрушительных тенденций и начало новых процессов возвращения суверенитета и способности защищать национальные ценности. Глубина катастрофы объясняет во многом эту замедленность процесса реанимации России, в которой часто упрекают В.В. Путина. И его неспособность одновременного решения всех накопившихся кризисных задач, среди которых возвращение военно-политического суверенитета в начале нулевых не являлось самой срочной и неотложной задачей потому, что на Россию просто-напросто «махнули рукой», предоставив ей возможность самостоятельной смерти как государства.

Это обстоятельство объясняет то, что вплоть до 2007года, до публичного выступления на конференции по безопасности в Мюнхене, существовала определенная пауза в развитии негативных условий военно-политического характера, позволявшая В.В. Путину сконцентрироваться на внутриполитических делах. В период 1999–2007 годов России в целом удалось отчасти восстановить свое военно-политическое положение в мире (если говорить об экономике, то на уровне РСФСР 1990 года) на уровне региональной державы, не претендующей на лидерство, но одновременно этот процесс стал встречать жесточайшее сопротивление со стороны США и всей западной ЛЧЦ, которая уже не предполагала возвращение нашей страны в мировую политику, рассчитывая, что её дальнейшая дезинтеграция приведет к окончательному развалу России на 5–7 отдельных, подконтрольных территорий[13].

После 2008 года и возвращения России в мировую политику в качестве военно-политического фактора в отношении современной России Западом были уже сформулированы самые решительные, бескомпромиссные цели, которые начали реализовываются в эскалации военно-силового сценария политики «новой публичной дипломатии» и стратегии «силового принуждения». Этот процесс развивался уверенно и по нарастающей

вплоть до 2014 года, но не замечался (или делался вид, что не замечается) правящей элитой России, которая наконец-то обратила внимание на состояние своих ВС и ВВСТ, а также ОПК после осетинского конфликта 08.08.2008, начав лихорадочно восстанавливать свои возможности.

За 2008–2017 годы было сделано то, что в других странах делалось по 20–30 лет, позволив России вернуть боеспособность ВС и оснастить до 60% новыми ВВСТ свои войска. В это же время, особенно после 2014 года, стремительно ухудшалась МО и ВПО, превращаясь, по сути, для России в предвоенную, а с 2016 года — и в военную ВПО. Таким образом к началу 2018 года возникла уникальная военно-политическая обстановка и международная ситуация, которая стала следствием целой группы внешних и внутренних причин, условно сгруппированных в три большие категории:

— субъективные ошибки и предательство значительной части правящей советско-российской элиты, которые привели к ликвидации целого центра силы в мире — социалистического сообщества стран во главе с СССР и его институтами — ОВД и СЭВ;
— негативное влияние внешних факторов, прежде всего — надо честно признать — последовательности и целенаправленности в политике Запада по развалу своего геополитического противника, используя в этих целях силовые средства политики: последовательно, целеустремленно, системно и комплексно;
— продолжение (возвращение) откровенно враждебной политики ведущих субъектов ВПО, входящих в западную военно-политическую коалицию, стремящихся окончательно уничтожить Россию[14]. На этот раз уже военно-силовыми средствами, используя весь набор средств «силового принуждения» против России. Эта политика, получившая название «политики новой публичной дипломатии», предполагает последовательное усиление эскалации военно-силового давления в целях принуждения России к капитуляции, означающей отказ от суверенитета и национальной идентичности.

Уникальность и опасность ситуации, в которой оказалась Россия к концу 2017 года, требует принятия достаточно радикальных и неотложных политических и организационных решений, связанных как с ускорением научно-технического, социально-экономического, так

и военно-технического развития страны, а также разработки принципиально новых средств силового противоборства, соответствующих по своей эффективности тем средствам и способам, которые использует Запад в своей политике «новой публичной дипломатии» и стратегии «силового принуждения» по отношению к России.

Эти пока что решения «не вписываются» в существующую традиционную инерционно-стагнационную модель развития России, в соответствии с которой предполагается не только сохранение по сути дела нынешней политики, игнорирующей резкое обострение ВПО, но и её неэффективных механизмов управления государством и обществом.

Вплоть до начала 2018 года, к сожалению, мы не можем говорить о том, что у правящей элиты России, в т.ч. её лидера и кандидата в президенты В. Путина, существует и предлагается нации такая мобилизационная программа, в которой отражена специфика военно-политической обстановки и состояние России.

1.1. Современное положение России в мире и военно-политические условия сценарного развития

С 2020-х годов начнется повышательная война шестого Кондратьевского цикла, на основе НТР-21 и базисных инноваций ускоряется темп экономического развития в мире[15]

Ю. Яковец, Е. Растворцев,
исследователи ИЭС РАН

Наш мир стал безопаснее именно благодаря войнам… совершенно непреднамеренным последствием подобной политики стало 90-процентное падение индекса насильственной смерти в период с каменного и до XX века[16]

Ян Моррис,
английский социолог

Современные условия развития МО и ВПО по тому или иному сценарию меняются чрезвычайно быстро с 2014 года, актуализируя самые негативные прогнозы сценариев развития, сделанные несколько лет на-

зад, в том числе и мною[17]. Последнее десятилетие стало иллюстрацией того, как международная и военно-политическая обстановка в мире (а не в отдельных регионах) может стремительно обостряться, а ее структура и особенности — динамично меняться. Характеристика МО и ВПО конца второго десятилетия существенно, качественно отличается от характеристики и особенностей развития ВПО в первом десятилетии XXI века, а тем более в конце XX века[18].

Это проявляется, в том числе и в усилении влияния политики и развития России на внешний мир, международную и военно-политическую обстановку. Возник парадокс: процесс ослабления экономических и иных позиций нашей страны в мире в конце XX века замедлился и остановился в начале XXI века с приходом к власти В. Путина. Более того, параллельно ему стал развиваться обратный процесс — усиления военно-политического российского влияния в мире, что было воспринято во многих странах в качестве альтернативы монополизму на военную силу западной военно-политической коалиции. События на Кавказе, на Украине и в Сирии стали примером того, как ослабленное экономическое и политическое влияние России в мире оказалось неожиданно сильным фактором в мировой политике.

Поэтому в прогнозе развития не только всей МО, но и отдельных стран по возможности необходимо учитывать это возросшее политическое влияние, недооценивать которого (при всем несоответствии в растущем экономическом и технологическом соотношении сил) не стоит хотя бы потому, что это политическое влияние России — тот мощный ресурс, который значительно сильнее ее влияния в экономике и даже в военной области.

Это влияние во все возрастающей степени измеряется уже не только военной мощью, но и степенью развития человеческого капитала и его институтов, которые сохранили в определенной степени свое значение в мире во втором десятилетии XXI века. Примеры с ограничениями на влияние России в международных организациях и институтах, спорте, культуре, информатике и пр. областях очень показательны. Оказывая силовое давление на Россию, Запад использует весь набор средств принуждения, активно прибегая к давлению на Россию во всех, даже не самых значительных, областях международного сотрудничества[19].

Иными словами в формировании мировой ВПО в начале XXI века столкнулись два противоречивых процесса:

— с одной стороны, процесс объективного снижения роли России в мировой экономике и целом ряде других областей, ее перехода в разряд региональных держав и стремления западной ЛЧЦ окончательно разрушить ее суверенитет, идентичность и получить контроль над территорией и ресурсами. Т.е. завершить процесс, начатый в XX веке полной дезинтеграции России, превращения ее в несколько подконтрольных «Украине»;
— с другой стороны, начиная со второй половины первого десятилетия начался процесс «возвращения России» в политику и укрепления ее суверенитета и влияния, в т.ч. и возвращения её роли в мире в качестве глобальной державы, что категорически не устраивает Запад, который активно прибегает к силовой политике с целью минимизировать последствия изменения в соотношении сил в мире между различными центрами силы.

Эта тенденция была отчасти неожиданной для западной ЛЧЦ, которая фактически уже «списала» Россию в качестве самостоятельного субъекта ВПО в конце XX века, предоставив ей возможность самоуничтожения, контролируемого извне, в рамках неких «норм и правил», разработанных для нее и других стран. В определенный момент (конфликт в Южной Осетии), эти тенденции вступили в явное и даже публичное противоречие, которое окончательно оформилось в ходе событий на Украине и в Сирии в 2014–2017 годах.

Таким образом Россия в 2018 году находится в условиях противоборства двух мощных тенденций — ослабления ее мощи относительно мощи других государств и коалиций, с одной стороны, и усиления ее политического и военного влияния, с другой, которые и будут определять военно-политический условия развития России до 2025 года. Эти два главных условия для формирования будущих сценариев развития ВПО будут во многом находиться под влиянием откровенно усиливающейся военно-силовой политики Запада в мире, которая рассматривает Россию в качестве наиболее вероятного и актуального противника в перспективе до 2025 года, которого необходимо нейтрализовать.

Конкретные сценарии развития России, таким образом, неизбежно будут зависеть от военно-политической обстановки в мире и в целом ряде регионов — от Европы (где оформился ТВД к 2018 году на Украине) и Кавказа, до Ближнего Востока и Средней Азии, где динамично формируются новые потенциальные ТВД для России под влиянием западной военно-политической коалиции.

Очень многое в этой связи будет зависеть от способности и готовности России защитить свой суверенитет, исходя из очевидного факта бесперспективности надежд на создание эффективной антизападной военно-политической коалиции. Поэтому, как с внутриполитической, так и социально-экономической точек зрения исключительное значение приобретают собственные усилия правящей российской элиты по обеспечению подготовительного и начального этапа военно-силового противоборства.

1.1.а). Увеличение относительного отставания России

Несмотря на широкое распространение термина «прорывные технологии» в экономико-политическом лексиконе современной России, нам не удалось обнаружить ни одной попытки его формализации. Так, ни одна из 34 технологических платформ, созданных в России…, не предложила собственных прогнозов развития отдельных рыночных ниш … на основе прорывных технологий[20]

В. Зинов, Н. Куранова, Л. Цветкова, эксперты

Усиление военно-силового давления на Россию во втором десятилетии нового века происходило на фоне её относительного и абсолютного социально-экономического ослабления и потери научно-технических, технологических и экономических позиций, сопровождающихся демографической и социальной национальной деградацией. Эта стагнация к 2018 году медленно переросла в рецессию, которая на фоне быстрого развития других стран, в особенности КНР, Индии, Вьетнама и других, означает неизбежную окончательную потерю её позиций

в мире, которая не может быть компенсирована внешнеполитическими и военными успехами.

В соотношении сил важнейшее значением имеет качество собственной национальной и государственной мощи и её соотношение с потенциальным противником по самому широкому кругу параметров. Не вдаваясь в детали, можно сделать самый общий вывод, что во втором десятилетии XXI века происходит процесс увеличения относительного отставания России в качестве социально-экономического развития от ведущих центров силы в мире.

Этот процесс продолжает оставаться ведущей тенденцией последних лет, причем сразу же в нескольких областях[21]. Естественно, что в каких-то областях эти негативные тенденции заметны, даже представляются катастрофическими, а в других — менее заметны, либо отсутствуют вовсе. Очень наглядно эту ситуацию проиллюстрировал в своём отчете правительства Государственной думе РФ Д. А. Медведев 11 марта 2018 года, суть которого выражена в формуле: при исключительно неблагоприятных внешних условиях (кризис, санкции, обвал цен на ресурсы и т.п. в 2011–2017 годы) России в целом удалось выстоять, а кое где и добиться позитивных результатов в развитии. Такой областью стало, например, сельское хозяйство. Но не только.

В области военного строительства также удалось в эти кризисные годы сделать определенные достижения, о которых 1 марта в своем послании рассказал президент В. В. Путин, а позже, на научно-практической конференции в Академии Генерального Штаба в марте 2018 года, В. В. Герасимов сказал, например, следующее: «Основными особенностями конфликтов будущего станет использование робототехнических комплексов, информационной сферы и космических средств. Эту тенденцию Генеральный штаб и Министерство обороны РФ давно отслеживают, и не только отслеживают. Из выступления генерала армии Герасимова следует, что Вооруженные силы России готовы к ведению боевых действий во всех средах, включая киберпространство, информационное пространство, космос и так далее. Тезисы Герасимова опираются не на воздух, а на созданные структуры, конкретные образцы вооружения и военной техники, на отработанную, скажем так, систему ведения операций и боевых действий»[22].

Я напомню, что созданы отдельное управление по развитию робототехнических средств; отдельное главное управление научно-исследовательской деятельности и технологического сопровождения передовых технологий (инновационных исследований) Минобороны России; отдельная структура, которая занимается беспилотными летательными аппаратами». В 2017 году начальник Генштаба уже говорил о сформировании войск информационных операций, специальных структур, которые занимаются подготовкой данных для ударных средств, а также о развертывании единой космической системы и системы освещения обстановки в Арктике, включая надводную и подводную.

Интегральным, конечным показателем развития соотношения сил в итоге можно считать количество и качество национального человеческого капитала (НЧК), которые определяют темпы развития нации и её мощь. Если говорить о количественных критериях НЧК России, то ситуация, как известно, в 1990–2017 годы сложилась почти трагическая: сокращение численности населения (которое удалось на короткое время стабилизировать) сопровождается фактическим вырождением его качественного состава, что особенно заметно при сравнении России с сопоставимыми по НЧК государствами — Аргентиной, Словенией, Словакией.

При этом, в наиболее важной области — развитии национального человеческого капитала (НЧК) — как количественно, так и качественно Россия все больше отставала от других ведущих стран мира последние три десятилетия[23]. Так, население России на начало 2018 года составляло 147,0 млн человек. При этом с 1950 по 1993 г. — оно выросло в полтора раза — со 101,4 до 148,6 млн человек, но затем рост населения прекратился. Это прекращение было не временным случайным событием, а, по мнению либеральных демографов, — «закономерным результатом длительного демографического неблагополучия»[24]. На самом деле — прямым результатом так называемых «демократических» реформ конца 1980-х — 1990-х годов, о чем старательно пытаются забыть сегодня. Понятно почему — общий подход к социально-экономической политике остался прежде. НЧК рассматривается как «довесок» макроэкономической политики, который должен быть минимальным.

Эта политика категорически противоречит, например, результатам политики Александра III, который за 13 лет своего правления не только

провел своего рода быструю индустриализацию страны (при средних ежегодных темпах роста экономики в 10%), но и резко увеличил численность населения, заселил Сибирь и Дальний Восток, начал строительство Транссиба, увеличил качество образования, создал систему социальной защиты и воссоздал боеспособную армию. Россия после его смерти в середине 90-х годов позапрошлого века стала страной с высокими темпами роста (только внутренние накопления населения увеличились с 3 до 200 млн рублей), самой твердой валютой, системой социальной защиты и — что сегодня особенно актуально — абсолютно независимой от импорта. От винтовки до броненосца всё строилось на российских заводах!

В России XXI века мы отчетливо наблюдаем обратное, что находит своё отражение в агрегированном виде в показателях прироста (убыли) населения и его качественном национальном составе, который искажает реальную картину за счет прибывающего, как правило, малообразованного населения из Средней Азии и Закавказья. Это, в конечном счете, был вынужден признать В. Путин осенью 2017 года, предложив в очередной раз несколько инициатив, которые, на мой взгляд, как и прежние инициативы, не изменят общей динамики. Тем более эти инициативы не приведут ни к численному росту именно русского, коренного населения России, ни к повышению качества его НЧК. На мой взгляд, при сохранении существующей динамики и даже с учетом скромных действий нынешнего правительства прирост населения России не достигнет советского уровня (1,5–2,0 млн человек), стабилизировавшись в лучшем случае на цифре в 0,5 млн человек (рис. 1.1).

Опасность развития этой ситуации хорошо понимает В. Путин, который своё послание от 1 марта 2018 года посвятил фактически проблеме резкого увеличения НЧК, в том числе его количественной, демографической, составляющей. К сожалению, пока что это только долгосрочные планы, которые плохо соотносятся с реальными действиями правительства, которые можно охарактеризовать как набор деклараций, замешанных на неких демонстрационных действиях по увеличению качества и количества НЧК (некоторый рост средней продолжительности жизни и другие «успехи» последних лет могут показаться таковыми только на фоне абсолютного провала последних трех

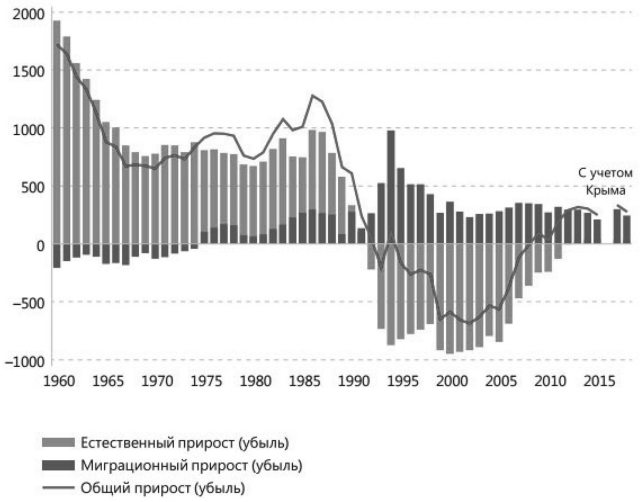


Рис. 1.1. Компоненты прироста населения России, тыс. человек

десятилетий). Перспектива 6 лет в этой области — крайне малый срок для исправления ситуации даже в случае, если правительство изменит радикально свою прежнюю политику.

В основе этого трагического и абсолютно бесперспективного подхода лежит идеология либералов-западников, для которых граждане страны, нация и её НЧК не только не являются главным критерием развития, но и вообще значимым критерием макроэкономической политики. По мнению либералов, например, « неизвестно по каким причинам», но после 1993 г. началось сокращение населения страны, которое продолжалось 14 лет. «Последние 8 лет (2009–2016 гг.) население растет, но рост невелик. За 8 лет роста население увеличилось всего на 1,8 млн человек (без учета Крыма), и даже с учетом населения Крыма оно не вернулось к уровню 1993 г., после которого началась убыль населения»[25].

Сохранение нынешнего либерального курса по отношению к развитию НЧК — опасность, к которой привлек внимание в своём послании В.В. Путин, потребовавший как увеличение душевого дохода в 1,5 раз, продолжительности жизни до более 80 лет и других качественных перемен. Однако это требование президента остается пока что пожеланием, не подкрепленным реальными действиями правительства, которому предстоит отказаться от действующей либеральной парадигмы или быть замененным на более эффективных управленцев.

Нынешний рост, признают кудринские эксперты, обеспечивается почти исключительно за счет миграции. Положительный естественный прирост, появившийся в 2013 г., имел, скорее, символическое значение, по своей величине он был ничтожен, достиг 32 тыс. человек в 2015 г. (для сравнения укажем, что в 1985 г. он составлял 745 тыс. человек, в 1975 г. — 809 тыс.), а в 2016 г. снова была зарегистрирована небольшая естественная убыль. Она неизбежно будет быстро нарастать и даже по самому оптимистическому прогнозу к 2035 г. может приблизиться к 400 тыс. человек, а в случае если реализуется наиболее пессимистический вариант, может достичь 1 млн человек.

При этом, как ни странно, но делается вид, что период депопуляции и уничтожения демографического потенциала никак не связан с проводившейся в эти годы политикой. Это означает, на мой взгляд, следующее:

1. Отрицание негативных последствий политики последних десятилетий, что означает её легитимацию и продолжение в будущем.
2. Сохранение негативного отношения к выбору в качестве национального приоритета №1 развитие НЧК.
3. Согласие с отставанием и потерей Россией окончательно своих позиций в мире, что в конечном счете неизбежно приведет к деформации и эрозии суверенитета и потере национальной идентичности. В любом случае, возможности роста населения России в ближайшие десятилетия весьма ограничен, — делают выводы эксперты ЦСР под руководством А. Кудрина, предлагая следующий прогноз.

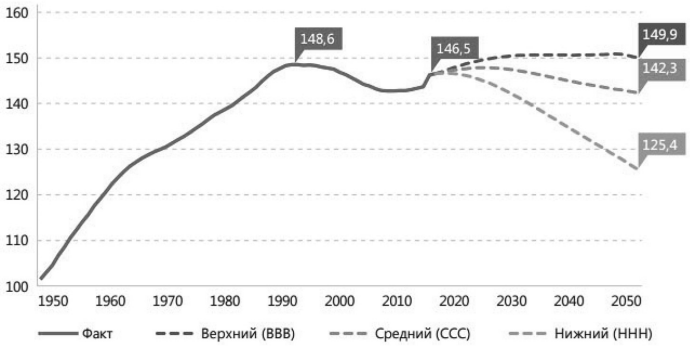


Рис. 1.2. Численность населения России: 1950–2050 гг с 2017 г. — три варианта прогноза, млн человек

При сохранении существующего либерально-стагнационного сценария, качественные показатели НЧК, прежде всего, величина душевого дохода, продолжительность образования, развитие науки и технологий по сути останутся до 2025 года на том же уровне, что и в 2017 году, хотя в эти же годы темпы развития в странах-лидерах — как об этом заявляет, например, Д. Трамп, поставивший для американской экономики нижнюю планку роста в 4%, — будут заметно ускоряться.

Иными словами, не смотря на политическую волю послания Путина, нынешняя политика программирует отставание России и потерю ею мировых позиций на долгосрочную перспективу, что особенно хорошо видно на примере таких ключевых областей, развивающих НЧК, как здравоохранение и образование, науки и технологий. Так, в научно-технической области, следует признать, что Россия продолжает увеличивать относительное отставание уже не только от развитых, но и развивающихся стран. В частности от Республики Кореи. Это ведет к стремительной потере привлекательности нашей страны, а потеря привлекательности в мире равносильна потере влияния в мире[26].

В частности, например, Россия заняла 40 место из 43 в Глобальном пенсионном индексе — рейтинге, который пятый год подряд составляется экспертами французского банка Natixis. Исследование учитывает несколько показателей, влияющих на комфорт пребывания на пенсии, объединенных в 4 группы. Так, по уровню доступа к финансовым услугам, которые позволили бы максимизировать пенсионный доход, Россия находится на 43 месте, по доступу к качественным медицинским услугами — на 42, по качеству жизни на 36, а по материальному благополучию — на 35. Каждый показатель оценивается в диапазоне от 0 до 100%. Российская оценка в 2017 г. снизилась до 45% с 46% годом ранее. Это отражает динамику социально-экономических процессов в 2016–2017 годах в стране, где в первой половине 2017 года убыль населения выросла втрое по сравнению с предыдущим годом.

Примечательна динамика других стран, в частности, все страны БРИКС находятся в конце рейтинга: Китай — на 38 месте, Бразилия — на 41, Индия — на 43, а лидерами рейтинга являются Норвегия (86%), Швейцария (84%), Исландия (82%), Швеция (80%) и Новая Зеландия (80%).

Лица пенсионного возраста, способные эффективно трудиться, являются огромным резервом России, что очень хорошо видно на примерах предприятий ОПК, где в последние десятилетия средний возраста (не смотря на успешную в целом политику подготовки молодых кадров) продолжал оставаться около 60 лет. Именно в этом возрасте опыт компенсирует недостатки физических возможностей, особенно в тех областях деятельности, где требуется прежде всего интеллект и опыт его применения.

Согласно исследованиям экспертов ЕЭС, в России самая низкая в Европе производительность труда. И пока сдвигов к лучшему не наблюдается. Требования одного из «майских указов» увеличения ежегодного прироста на 5% игнорируются, хотя, как показывает опыт Концерна ВКО «Алмаз-Антей», например, можно добиться и 25% роста. Низкая производительность труда — главный фактор отставания РФ в развитии и росте экономики от европейских и других передовых стран мира, включая страны Юго-Восточной Азии[27]. В реальности производительность труда в РФ за последние 3 года снижалась вместе со снижением ВВП. За человеко-час в России производится продукта на $25,9, что вдвое меньше среднего показателя стран ЕЭС — $55,9. Для сравнения у самых экономически отсталых по этому рейтингу стран ЕЭС: Латвия — $27,6, Польша — $29,7. В близкой по сотрудничеству с Россией Турции — $36,4. У передовых стран рейтинга: Норвегия — $79,1, США — $62,9, Германия — $59,5.

В России крайне необходимо повышать производительность труда в регионах, где она, по оценке московского мэра С. Собянина, в 2,5 раза ниже, чем в Москве. Проблема низкой эффективности российского труда остается ключевой для экономики страны. И эта задача остается актуальной уже в течение ста лет. Это — только один из многочисленных примеров того, как можно максимально эффективно использовать имеющиеся национальные ресурсы.

До кризисов 2008 года и 2013–2016 годов Россия, по всей видимости, достигла некого уровня «восстановления» после «реформ» 1989–2001 годов. Можно сказать, что негативные последствия в целом были преодолены (хотя, напомню, что за эти же 30 лет экономики некоторых стран выросли в десятки раз!). Новый уровень, однако, оказался значительно хуже того, с какого начались реформы Горбачева–Ельцина:

структура экономики, уровень промышленного производства, качество национального человеческого капитала (НЧК)[28], темпы научного, технологического и социального развития и другие ключевые показатели отставали даже от среднемировых, о чем очень убедительно говорил в 2013–2015 годы С. Глазьев.

Общая ситуация, таким образом, стабилизировалась только в 2017 году, но и тогда темпы национального развития России на фоне темпов роста и развития стран западной ЛЧЦ и новых центров силы были существенно ниже. Фактически восстановительный период плавно перешел в период стагнации, что хорошо видно на примере показателей НЧК (табл. 1.1).

Это неизбежно отражается на социальной ситуации в стране. По оценкам известного экономиста профессора В. Андрианова, в 2016 году на 10% самых обеспеченных российских домохозяйств приходилось 89% всех семейных активов страны. Этот показатель не соответствовал мировому соотношению распределения благосостояния. Для сравнения, в 2016 году в Китае 10% самых богатых домохозяйств владели 73% активов, в Соединенных Штатах 10% владели — 78% богатства. Всё это создает условие для внутриэкономической дестабилизации.

Следует отметить, что около 28 млн россиян живут за чертой бедности, размер их активов не превышает скромной суммы в 15 тыс. рублей (248 долл.). По численности бедных граждан Россия находится между Индонезией (30 млн человек) и Эфиопией (27 млн человек), что старательно не афишируется.

Более того, Россия — уникальная страна, в которой бедными является большинство работающего населения, т.е. сложилась уникальная ситуация, когда бедность фиксируется среди работающих граждан. В 2017 г. средняя заработная плата в России составляла 7,5 тыс. рублей, а средний прожиточный минимум в — 11,2 тыс. рублей.

Следует отметить, что падение реальных доходов населения России продолжается уже несколько лет подряд. По данным Росстата, реальные располагаемые доходы населения в России в 2015 году сократились на 3,2%, в 2016 году на 5,9%. Реальный размер назначенных пенсий уменьшился на 3,6%. Но это — официальная статистика, не отражающая по общему признанию реального положения дел в стране.

Таблица 1.1. Оценки, характеризующие воспроизводство человеческого потенциала в России[29]

Показатель	Предельно критическое значение	Фактическое состояние 2013 г.	Фактическое значение к предельно критическому
Коэффициент рождаемости (на 1000 чел. населения)	22	13,2	В 1,6 раза хуже
Уровень смертности (человек на 1000 жителей)	12,5	13	В 1,04 хуже
Естественный прирост (человек на 1000 жителей)	12,5	0,2	В 62 раза хуже
Продолжительность жизни (лет)	78	70,7	В 1,1 раза хуже
Разрыв между доходами 10% самых обеспеченных и 10% самых малообеспеченных групп (в разах)	8	16,2	В 2 раза хуже
Коэффициент Джини	0,3	0,4	В 1,3 раза хуже
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (%)	7	11	В 1,6 раза хуже
Уровень безработицы	5	5,5	В 1,1 раза хуже
Уровень преступности (кол-во зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения)	1000	1539	В 1,5 раза хуже
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения и величины прожиточного минимума (раз)	3,5	3,4	В пределах нормы
Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте)	2,15	1,6	В 1,3 раза хуже
Коэффициент старения населения (доля лиц 65 лет и старше к общей численности населения, %)	7	12,9	В пределах нормы
Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) (пункты)	0,800	0,778	В пределах нормы
Уровень потребления алкоголя (литров абсолютного алкоголя на душу населения)	8	13,5	В 1,7 раза хуже
Доля людей, употребляющих наркотики (%)	7	6	В пределах нормы
Число суицидов (на 100 тыс. чел. населения)	20	19,6	В пределах нормы

Введение Конгрессом в июле 2017 года США новых санкций значительно ухудшило ситуацию в России. В Законе H.R.3364 — Countering America's Adversaries Through Sanctions Act перечислено все — агрессия в отношении Украины, покушения на кибербезопасность США и других стран и попытки повлиять на исход выборов, поддержка Асада в Сирии, коррупция, нарушения прав человека и прочее — и упомянуты все (!) принятые до сих пор акты и указы о санкциях. Главное в новом законе — то, что он формирует долгосрочную и системную политику силового давления США на Россию. Кроме того, закон лишает президента возможности отменять санкции против России без разрешения Конгресса. Этот закон формирует тенденцию создания внешних неблагоприятных условий для России на многие годы.

Закон принуждает Россию к развитию, опираясь на собственные силы и ресурсы, модели, которые были успешно реализованы Александром III и Сталиным, но от которых сегодня мы старательно уходим, вводя сомнительные по своей реальной эффективности принципы «импортозамещения». Мы делаем вид (или правда не понимаем), что санкции будут и дальше расширяться, что в этот процесс будут втянуты и будут вынуждены в нем участвовать все государства западной военно-политической коалиции. И что этот процесс вполне устраивает Запад, если он будет сопровождаться нарастающим отставанием России.

Именно поэтому закон, принятый в августе 2017 года Конгрессом США, носит системно-эскалационный характер. Так, новые санкции среди прочего направлены на ограничение сделок с участием российских военных учреждений и спецструктур и сделок в сфере трубопроводного экспорта энергоресурсов.

Закон «О противодействии противникам США посредством санкций» зачисляет Россию в один ряд с Северной Кореей, т.е. он закладывает негативные условия, как фундамент, международных отношений на долгие годы под отношения с Россией. Очевидно, что закон в первую очередь направлен против Москвы. В 184-страничном документе России отведено 98 страниц, финансированию терроризма — 16, Северной Корее — 40, Ирану — 25.

Документ закрепляет санкции на уровне законов, а не указов как было раньше. Теперь очередные указы президента не смогут отменить

ограничительные меры, даже если Д. Трамп (или другой президент) этого захотели бы.

Новый пакет санкций включает усиление действующих ограничений, а также введение новых в отношении лиц, причастных, к кибератакам, нарушениям прав человека и поддержке президенту Сирии Башару Асаду.

Экономические санкции затронут горно- и металлодобычу, нефтегазовую отрасль, морские и железнодорожные перевозки, а в будущем неизбежно и другие области, но, прежде всего, тех представителей политических и деловых элит, которые захотели бы переступить через санкции. Так, этот документ также предполагает, что президент США должен наложить санкции на лица, которые намерены вложить в строительство российских экспортных трубопроводов более $5 млн за год или $1 млн единовременно либо же собираются предоставить проектам услуги, технологии или информационную поддержку.

Отдельно в документе подчеркивается, что США продолжат противодействовать строительству газопровода «Северный поток — 2» из-за «вредного воздействия на энергетическую безопасность ЕС, газовое развитие рынка в Центральной и Восточной Европе и энергетические реформы в Украине». Закон предусматривает введение санкций в отношении различных отраслей.

Еще большее осложнение ситуации в экономике с введением санкций позволило некоторым аналитикам даже придти к аппокалипсистическим выводам. Так, О. Пономарь в июле 2017 года опубликовал нашумевшую трилогию про Путина, которая стала хитом российского интернета. Там было сказано, что «ничего и нигде Путин не сделает». Владимир Пономарь продолжил его аналитику по российской экономике и дополнил её некоторыми моментами и данными, которые ложатся в эту же корзину и подтверждают сказанное Олегом, что даже «если бы и хотел Путин что-то сделать — да денег нет»[30].

Многие эксперты резко критикуют политику энергетического доминирования В. Путина, называя её (как один из американских сенаторов) « РФ — страна бензоколонка», которая всегда держалась на продаже нефти и газа. По их мнению, там есть две огромные компании — Роснефть и Газпром, которые « кормят» Путина и его окружение, а объедки, которые остаются, бросаются населению. Давайте посмотрим, что

сейчас с Газпромом и Роснефтью. Чистая прибыль Газпрома за полгода упала в 11,2 раз (не на 11%, а в 11 раз!), т.е. почти до нуля. Долги увеличились и достигли 3,659 трлн руб. ($60 млрд). Даже те копейки, которые Газпром показал в прибыль и их реально нет. 15 мая Путин дословно сказал: «По МСФО у такой компании, как «Газпром», прибыль, но она «бумажная», она на бумаге, реального денежного потока там нет». Акции Газпрома с начала года подешевели на 25%. Сам Газпром недавно в проспекте к выпуску евробондов признал, что новые американские санкции фактически ставят крест на проектах «Северный поток — 2» и «Турецкий поток».

Moody's и другие агентства также недавно выступили с подобными выводами — новые антироссийские санкции — скорая смерть энергосектора РФ. [Moody's Investors Service в своем отчете 10 августа пишет: Еврокомиссия посчитала, что под санкциями могут оказаться 8 проектов: Baltic LNG, «Голубой поток» («Газпром»), нефтепровод «Каспийский трубопроводный консорциум» («Роснефть»), «Северный поток — 1» («Газпром»), «Северный поток — 2» («Газпром»), расширение «Сахалин — 2» («Газпром»); месторождение Шах-Дениз и Южно-Кавказский трубопровод («ЛУКОЙЛ»), месторождение Zhor Field («Роснефть»)].

Идем дальше. Роснефть. Чистая прибыль за первое полугодие снизилась на 20%, свободный денежный поток — на 35%. При этом чистый долг вырос на 47% до 2,2 трлн руб. Общий долг увеличился до 3,4 трлн руб. ($57 млрд).

Бюджет РФ полностью зависит от цен на нефть. Нефть сейчас дорогая, дорогая не относительно $150 в июле 2008 года, а относительно себестоимости ее добычи. Себестоимость сильно снизилась за последние годы. Это естественный процесс. Поэтому все страны сейчас максимально стремятся ее добыть. В США число буровых уже 768, а совсем недавно было 318, т.е. рост в 2,5 раза. Добычу всего за год увеличили на 1 млн барр. до 9,502 млн барр. в день против 8,597 млн годом ранее. Не спят также Канада, Бразилия, Нигерия, Ливия, Иран, Ирак. А ведь спрос на нефть в мире падает и за ростом добычи не успевает. Активно развивается альтернативная энергетика, многие страны уже запрещают бензиновые авто, наступает вечная эра электрокаров, солнечных и ве-

тряных электростанции и т.д. и т.д. Сейчас рынок еще одурманен соглашением ОПЕК, но пелена скоро сойдет, а вместе с ней и спекулятивная надбавка к нефтяной цене. Рубль же полностью зависит от нефти.

Логика критиков В. Путина достаточно проста и внешне обоснована, но… при условии сохранения им нынешнего курса. По их мнению, события будут развиваться следующим образом: «РФ тоже усиленно будет качать нефть, ударно выкачивая запасы на старых месторождениях т.к. знает, что осваивать новые уже никогда не получится — санкции уже кодифицированы, стали вечными, запрещают бурение в Арктике, исследование и добычу сланцевых залежей нефти в РФ. Без западного финансирования и технологий это невозможно. Западных инвестиций нет и не будет, санкции США полностью отрезали РФ от мировых финансовых рынков, цена на нефть будет падать, российский газ в Европе перестают покупать (ЕС принял политическое решение о диверсификации источников поставок энергоносителей, решено покупать американский, норвежский и др. газ). Американский сланцевый газ вскоре уничтожит главное оружие Кремля на европейском энергетическом рынке. Таким образом, все это приведет к схлопыванию нефтегазовой отрасли РФ, общему сокращению выручки от экспорта российских энергоносителей и, соответственно, падению доходов российского бюджета.

Золотовалютные резервы? Но и там живых денег не так много — вычеркиваем депозиты и олимпийские кредиты в банке — банкроте ВЭБе, акции ВТБ , украинские облигации ($3 млрд), а также 279 млрд рублей, которые вложены в привилегированные акции ВТБ, Россельхозбанк, Газпромбанк, поэтому из валютных вложений их также можно смело вычитать[31].

Остается только золото (но его быстро не продашь) и $109 млрд в гособлигациях департамента Казначейства США. Оставшиеся деньги находятся на корсчетах в той же Америке и Европе. Кстати, золото в российских ЗВР занимает намного меньше места, чем, например, во французских или немецких, благодаря политике того же А. Кудрина.

Сам ЦБ недавно отметил, что последний рост резервов был вызван «главным образом в результате размещения Минфином РФ облигаций внешнего облигационного займа РФ». То есть в резервах учитываются и заемные средства, привлеченные через выпуск долговых бумаг. Это

значит, что не более 10% от всей суммы ЗВР доступно по состоянию на прямо сейчас.

Сейчас общий внешний долг РФ, госпредприятий, бюджетов всех уровней, муниципалитетов, нефтяных, газовых компаний, банков — $529,7 млрд. Долг рос. банков по займам из-за рубежа 23% от общего долга или $121,83 млрд. Задолженность областей и муниципалитетов 7,2% или $38,14 млрд. Т.е. получается, что оставшийся долг $369,73 млрд (529,7–121,83–38,14), это долги корпораций[32].

Смогут они эти долги выплатить?

Раньше можно было как-то пролонгировать, рефинансировать, перекредитоваться, новые санкции практически это исключают. Нужно залезать в резервы, еще один гвоздь в крышку гроба экономики, в т.ч рубля. Показатели устойчивости внешнего долга РФ снижаются третий год подряд и находятся за «критической чертой»: обслуживание полученных за рубежом кредитов становится все дороже, а обеспеченность этих платежей поступающей в страну валютой упала до многолетних минимумов. В настоящий момент ежегодная сумма выплат внешним кредиторам составляет 42% валютных поступлений, которые российская экономика зарабатывает на экспорте. Это худший показатель с 2009 года. По сравнению с докризисным периодом его значение выросло почти на четверть и находится далеко за пределами критического порога, который, по методологии Счетной палаты РФ и МВФ, составляет 25%. Обслуживание внешнего долга стоит экономике РФ 11% ВВП: дороже займы обходились за последние 12 лет лишь дважды — в 2007 и 2009 году. С начала года внешний долг РФ вырос на $15,5 млрд, до максимальных за 2 года $529,6 млрд: погашения, которые ведут банки и корпорации под санкциями были компенсированы займами компаний вне санкционных списков». Итого получаем — резервы «$400 млрд» (выше было сказано, что реально намного меньше), а долгов $822 млрд (529 + 293).

Продолжим, второй квартал РФ впервые с 1998 года завершила с дефицитом текущего счета — отток валюты из страны превысил приток на $0,3 млрд (в июле дефицит текущего счета — $1,3 млрд). В третьем квартале дыра в платежном балансе увеличится до $5 млрд, прогнозирует Минэкономразвития.

Т.е. отток уже больше, чем приток, а чем платить долги? На каждом углу раструбили — нам санкции нипочем, даешь импортозамещение, мы будем сами все изготавливать. Ага. Импорт растет рекордными темпами (уже + 27% в этом году). Экспорт падает (несырьевой неэнергетический экспорт РФ в 2016 году снизился на 7,3% к уровню 2015 г.). Т.е. импорт растет, экспорт падает, дефицит текущего счета, рекордные выплаты. Отток валюты для погашения займов снизит ее доступность на рынке, что опять-таки приведет к обвалу рубля.

Продолжается отток капитала. Чистый отток капитала из РФ за январь–июль — $13,1 млрд. Это в полтора раза больше по сравнению с аналогичными показателями за тот же период 2016 года.

За прошлый год чистый отток капитала составил $15,4 млрд, в 2015 — $57,5 млрд и $153 млрд в 2014 году[33].

Структура оттока из РФ очень необычная: идет вывод денег и бизнесом (как крупным, так и малым) и физлицами. И тренд никогда не изменится, ситуация в РФ будет оставаться неблагоприятной для бизнеса. Почему инвесторы выводят деньги —со всех сторон санкции, коррупционная судебная система, тяжелое налогообложение, высокая степень участия государства в экономике. Сейчас все уже поняли, что их надежды на лучшее при нынешнем курсе правительства неисполнимы. Об этом свидетельствует массовая миграция: из РФ ежегодно выезжает по 200 тыс. человек, вывозя также свои деньги. А те предприниматели, которые остаются, также выводят капитал, хеджируя риски.

Банки лопаются один за одним. За 3,5 года обанкротилось уже 310 банков. Печатный станок не успевает печатать рубли для выплат через фонд гарантирования (в РФ–АСВ). В последнее время пошел «крупняк»: Пересвет, Татфондбанк (42 место, более 70 млрд руб. вкладов физиков), Югра (12-е место по объёму депозитов, 182 млрд вкладов физиков).

Сейчас на грани банк «Открытие» (6 место, 470 млрд рублей средств населения). Если он ляжет — в одночасье накроется вся банк система РФ. (только в июле клиенты «ФК Открытие» и кредитные организации забрали из банка больше 621 млрд руб.).

Запасов валюты у российских банков осталось на 2 месяца поддержки рубля. Из банковской системы идет отток валюты, в июне клиенты,

забрали со счетов $3,8 млрд Еще $0,9 млрд изъял из системы ЦБ. В результате объем свободной валютной ликвидности в банковской системе на начало июля составлял $6,4 млрд — на такую сумму собственные резервы банков, которые хранятся на счетах за рубежом, превышали их же обязательства перед клиентами по расчетным счетам. Это почти вдвое ниже, чем в начале года (более $11 млрд).

Как было сказано выше, в июне российская экономика теряла больше валюты, чем зарабатывала — дефицит платежного баланса составил $4 млрд. При этом «дыра» покрывалась за счет ввоза капитала корпоративным сектором на $9,3 млрд — деньги были получены в основном за счет увеличения внешнего долга и размещений еврооблигаций. Без этих средств избыток валютной ликвидности у банков был бы исчерпан уже в конце июня.

Тот же запас, что остался, будет израсходован за август–сентябрь: в третьем квартале платежный баланс будет заметно отрицательным — прогнозируется, что отток превысит поступления на $2,5–4,5 млрд[34].

А при дефицитном текущем счете валютный рынок фактически становится заложником спекулятивных инвестиций в долги российских компаний и правительства. Никто не захочет вкладываться: привлекательность ОФЗ для нерезидентов падает по мере снижения ставки ЦБ. Кроме того, после введения новых санкций, РФ скоро ждет полный запрет на покупку госдолга.

Бюджет РФ очень дефицитный. Дыра огромная. Все расходы, пенсии, з/п урезают максимально, В. Путин сообщил, о сокращении расходов на (кто бы мог подумать) оборону (признал, что дела совсем плохи), снижать дефицит собираются также за счет сокращения объемов потребления населением. При этом на исполнение соцобязательств денег как не хватало, так и не хватает, поэтому даже уменьшенный дефицит придется покрывать — либо из резервов, которых уже практически нет, либо за счет федеральных займов, либо с помощью денежной эмиссии и запуска «печатного станка». Все сценарии убийственны для рубля.

То есть будут стараться латать дыры в бюджете, не заботясь о доходах населения.

А в следующем году вырастут расходы на обслуживание долгов (ОФЗ и еврооблигации) на 100 млрд рублей + нужно дать какие-то по-

дачки перед выборами (собираются вводить продуктовые карточки), т.е. бюджетная дыра при падающих нефтегазовых доходах еще больше увеличится. Реальная дыра там в 3–4 трлн, а это порядка 4% ВВП.

Вот такую мрачную финансово-экономическую перспективу рисуют нам некоторые либеральные экономисты, которая в целом недалека от реальности. Но не из-за политики санкций Запада, а, прежде всего, из-за собственной политики, которая многие годы была ориентирована не на развитие внутренних ресурсов, а на внешние заимствования.

В этой связи хотелось бы напомнить, что в еще худшем положении находился СССР в конце 20-х годов прошлого века, когда принимались решения об ускоренной индустриализации. Напомню, что внешних заимствований для этих программ не было, а внутренний рынок был крайне слаб. Тем не менее именно внешняя угроза создала условия для перехода к экстенсивному развитию, опираясь на внутренние ресурсы, мобилизуясь — политически, идеологически и организационно — для решения этих задач.

1.1.б). Внутриполитическая стабильность и современная военно-политическая обстановка

> Рост нестабильности является следствием отсутствия новых моделей социального самоуправления, способных минимизировать негативные последствия растущих разрывов в социальной и культурной ткани современного общества[35]
>
> *Авторы Глобального прогноза «Мир 2035»*

Внутриполитическая стабильность — **главная цель** внешней агрессии в XXI веке. Это показал опыт не только СССР, но и арабских государств, которых охватила «цветная революция», Украины, Грузии, Молдавии, а до этого других государств, которые не смогли противостоять внешнему давлению. Дестабилизировав внутриполитическую ситуацию, агрессор может получить желаемый политический результат без прямого использования военной силы. Это — безопаснее и выгоднее, чем война, но в условиях XXI века это действие становится само

по себе вооруженным насилием даже если и не используются вооружения и военная техника: агрессивная деятельность НКО, идеологические диверсии и экстремизм становятся формами использования силы для внутриполитической дестабилизации[36].

Общая тенденция такова: дестабилизация международной обстановки в мире в новом столетии стала общепризнанным негативным явлением, которое имело своим следствием в том числе и дестабилизацию ВПО. Причем не только в отдельных регионах, но повсеместно. Прежде всего, из-за нарастающего конфликта между старым, западным центром силы и его коалицией, и новыми центрами силы. Для России эти негативные тенденции оказались особенно болезненными потому, что совпали с глубоким внутриполитическим и экономическим кризисом, в котором она оказалась в результате хаотических действий советских либералов.

Таким образом, в силу разных причин в ВПО в мире в начале второго десятилетия возникла кризисная ситуация, когда объективно потребовалась ускоренная модернизация экономики, которой не желают правящие либеральные элиты именно из-за её мобилизационной формы. Во втором десятилетии XXI века повторилась ситуация, когда приход к власти в СССР и Китае, а также других странах, в условиях кризиса марксистов вел к ускоренной экономической модернизации, а не декларируемой цели освобождения или другим заявленным социальным целям[37].

Наконец, с начала второго десятилетия добавились и новые негативные аспекты, связанные с усилением военно-силового давления со стороны Запада на Россию. Современная ВПО порой самым радикальным образом влияет на внутриполитическую стабильность в той или иной стране, которая становится объектом внешнего влияния, а тем более силового принуждения. Поэтому саму по себе внутриполитическую стабильность не следует рассматривать как некую постоянную величину или характеристику, зависящую только от состояния общества и социально-экономического положения внутри страны. Россия является иллюстрацией этого тезиса: в 2014–2017 годы она находилась под усиливающимся внешним влиянием и давлением, которое ставило задачу внутриполитической дестабилизации и смены власти, с одной стороны, и социально-экономического кризиса, перешедшего в стагна-

цию, с другой. Тем не менее, наблюдалось не ослабление, а сохранение, порой даже укрепление, внутриполитической стабильности.

Подобная парадоксальная ситуация может быть связана, на мой взгляд, только с одним — значительные социальные слои населения поддержали политико-идеологический курс В.В. Путина, точнее, — смену курса, — на время «простив» ему неэффективную социально-экономическую политику последних лет. Политическая лояльность (не всех, но многих) была платой за провалы социально-экономической политики.

Это подтверждается тем, что уверенность потребителей в России находится в негативной зоне уже почти 10 лет подряд. Последний раз потребительские настроения были выше нуля накануне кризиса 2008 года. И с тех пор в опросах россиян преобладают отрицательные оценки собственного материального положения и экономических перспектив страны. Однако в Европе есть пять стран, в которых показатели экономического уныния еще хуже, чем в России. Об этом в конце октября 2017 года сообщил Росстат, который рассчитал по методике Европейской комиссии индекс потребительской уверенности россиян. Этот индекс увеличился в третьем квартале 2017 года по сравнению со вторым кварталом на 3 процентных пункта, составив минус 11%. Повышение индекса связано с положительной динамикой в оценках опрошенных граждан произошедших и ожидаемых изменений в экономике России, изменений в личном материальном положении и благоприятности условий для крупных покупок. Оценка ожидаемых изменений в личном материальном положении осталась на прежнем уровне[38].

Улучшение потребительских настроений в сентябре 2017 года также зафиксировал Центробанк РФ. Официальная статистика августа заметила постепенный выход российских потребителей из режима жесткой экономии, несмотря на по-прежнему слабую динамику реальных располагаемых доходов, что отразилось, прежде всего, на численности граждан, которые стали пользоваться потребительскими кредитами до конца 2017 года.

Опросы потребительского поведения населения проводятся ведомством А. Суринова с 1998 года ежеквартально. В положительную зону индекс впервые попадал только во втором квартале 2007 года, в плюсе

побывали первый и третий кварталы 2008 года, затем показатель опять перешел в отрицательную зону.

Если не брать экстремально унылые 1998 и 1999 годы, когда на фоне финансового кризиса показатели индекса демонстрировали рекордно плохие цифры (до минус 58%), и с ностальгией отбросить благостные плюс 0,2% 2007 года, можно сказать, что последний раз минус 11% были продемонстрированы населением в первом квартале 2014 года, а последний кризис стартовал с минус 32% в первом квартале 2015 года.

Также можно отметить, что показатели уверенности улучшаются начиная с первого квартала 2016 года (–30%), то есть в течение вот уже шести кварталов подряд. Еще важно, что нынешние минус 11% — это самый низкий показатель за последние 12 кварталов, минус 7% было в третьем квартале 2014 года. Таким образом, общественные настроения в России, оставаясь преимущественно в зоне пессимизма, объективно отражают ситуацию социально-экономической стагнации в стране, демонстрируя очень осторожный, символический оптимизм. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация, когда в России происходит процесс сокращения доминирующих пессимистических настроений, который воспринимается…как оптимизм и внутриполитическая стабильность.

Это подтверждается и тем, что не только пессимизм в России сохраняет внутриполитическую стабильность. По данным Росстата, население только пяти стран ЕС проявляет больший пессимизм, чем россияне. Это Греция (–57%), Болгария (–26,2%), Хорватия (–17%), Венгрия (–13%) и Италия (–12,1%). У остальных 23 стран потребительская уверенность выше, чем в России. В прошлом году по уровню потребительского пессимизма Россия была самой худшей страной, за исключением Греции. Чемпионами по потребительской уверенности являются жители Финляндии с показателем +25,5%, на втором месте голландцы с 17,8%, следом идут жители Дании — 14,7%[39].

Очевидно, что чем лучше экономическое положение страны и чем активнее там проводится социальная политика, тем увереннее чувствуют себя граждане. Финляндию, Нидерланды и Данию давно называют странами с реально победившим социализмом. Не являются особой загадкой и причины, приведшие к унынию жителей Южной Европы[40].

«Если в целом на континенте наблюдается очень медленное улучшение, то в Болгарии, Румынии и Словакии ситуация близка к рецессии», — сказал » доцент Высшей школы экономики Андрей Суздальцев. — Центральная Европа от Балтики до Адриатики и Средиземного моря остается экономической периферией с очень низким уровнем инвестиций. Аграрная составляющая очень велика в этих странах, и им приходится конкурировать с гораздо более развитыми технологически соседями. В той же Болгарии уже трудно найти болгарские помидоры, на прилавках больше томатов из Голландии и Турции».

Эксперты отмечают, что хотя в целом потребительская уверенность еврозоны улучшилась в сентябре до максимального уровня с 2001 года, однако экономическое положение отдельных стран грозит обрушить не только европейскую, но и мировую финансовую систему. Но особенно нас беспокоит длительность стагнации в России, которая даже по сравнению с южно-европейскими странами выглядит почти трагично (табл. 1.2)[41].

Пессимизм в обществе подогревается экспертами и даже официальными заявлениями. Так, общепринято, что санкции, наряду со снизившимися ценами на нефть, приведут к обвалу рубля, усилению инфляции и выведут ВВП в минус, хотя вплоть до конца 2017 года курс рубля только креп, а цена на нефть росла.

Между тем критика правительственных действий продолжается: либералами из-за санкций и отношений с Западом. Патриотами — из-за продолжения либерального курса. Первый замминистра финансов Татьяна Нестеренко прямым текстом сообщила, например, что к концу 2017 года резервы будут исчерпаны и у правительства не будет возможности выплачивать зарплаты. Но еще сложнее с тем, что видят сами граждане, некоторые из которых считают, что крах экономики РФ уже произошел: число нищих в РФ с 2016 увеличилось на 7 млн человек, сегодня на доходы ниже прожиточного минимума живут 22 млн человек. Все больше россиян считают себя бедными. Доля населения, у которого денег не хватает на покупку продуктов питания и одежды, увеличилась до 41,4%. Недавно свое исследование представил «Ромир», по итогам которого около 40% россиян вынуждены экономить на еде.

Таблица 1.2. Индекс потребительской уверенности в РФ и странах ЕС

Страна	Август 2017 г.	Май 2017
Греция	–57	–69,7
Болгария	–26,2	–28,9
Хорватия	–17	–18,9
Румыния	–14,3	–14,5
Венгрия	–13	–14,7
Италия	–12,1	–15,7
Россия	**–11,1**	**–13,5**
Литва	–9,2	–11,7
Латвия	–8	–12,5
Великобритания	–7,2	–6,1
Польша	–4,9	–4,7
Франция	–4,2	–7
Кипр	–1,5	0,9
Эстония	–1,3	–2,4
Испания	–0,2	1,9
Португалия	1,2	1,1
Германия	3,3	3,1
Бельгия	4	0,1
Чехия	4,5	6,5
Австрия	4,9	4,3
Ирландия	12,7	8,8
Швеция	13,9	17,4
Дания	14,7	13,4
Нидерланды	17,8	13,6
Финляндия	25,5	24,5

Источник: Росстат

А вот проблемы внешней и внутренней политики и политическая обстановка в топ — 10 наиболее важных для страны проблем по результатам опроса не вошли. Для сравнения: в марте 2015 года внешняя политика волновала 13% участников опроса ВЦИОМ и занимала третью строчку в списке проблемных тем (в то время как низкий уровень жизни беспокоил всего 11% респондентов). Спустя год о проблемах внешней политики заявляли уже 6% опрошенных (7-е место в рейтинге), а в декабре 2016 г. — 4% (11-е место).

Такие пункты как «военные действия в Сирии» и «военные действия на Украине», ранее встречавшиеся в аналогичных опросах ВЦИОМ, в последнем исследовании также не упоминаются.

«На сегодняшний день наиболее острая тема — проблема материального благосостояния, низкие зарплаты и низкий уровень жизни, что актуализирует вторую больную тему — социальной поддержки», — приводятся в сообщении центра слова руководителя практики социального моделирования и прогнозирования Департамента исследований ВЦИОМ Юлии Баскаковой.

Опрос проводился с 27 июля по 1 августа 2017 года в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках восьми федеральных округов России путем интервью по месту жительства респондента. В опросе приняли участие 1600 человек. На открытый вопрос «какие проблемы вы считаете наиболее важными для страны в целом?» можно было дать не более пяти вариантов ответа[42]. Почти четверть (24%) россиян считают главной проблемой в стране низкий уровень жизни и низкие зарплаты, показал июльский опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Низкие зарплаты и уровень жизни занимают первое место в списке проблемных тем для россиян уже третий месяц подряд, отмечают социологи. По сравнению с июлем 2016 года число россиян, беспокоящихся из-за низких зарплат, выросло на 10%.На протяжении пяти месяцев (с февраля по июнь 2017 года) этот показатель демонстрировал непрерывный рост и увеличился более чем в два раза — с 13% до 27%.

На сегодняшний день россиян также беспокоят экономический кризис и экономическая политика (21%), социальная политика (18%), проблемы здравоохранения (17%), безработица (14%), проблемы в сфе-

ре образования (12%), низкие пенсии и пенсионная реформа (12%), инфляция и рост цен (10%), коррупция (10%) и состояние ЖКХ (8%).

Как отмечается в исследовании, актуальность этих тем проблемного рейтинга (за исключением инфляции) сегодня выше, чем годом ранее. «Несмотря на завершение кризиса, проблемы материального характера сегодня волнуют россиян даже больше, чем год назад», — констатируют социологи.

Людей в РФ беспокоят не Украина и Сирия, а проблема низких зарплат. По последним исследованиям, четверть жителей (24%) самой значимой проблемой в стране считают низкие зарплаты и низкий уровень жизни в целом. Такой «недуг» держится в лидерах уже третий месяц подряд. Кроме того, 21% видят основной проблемой экономическую ситуацию в РФ. На третьем и четвертом месте в списке самых важных проблем — социальная политика и здравоохранение (18% и 17% соответственно)[43].

По мнению властей, бедность в РФ — вообще понятие «уникальное»: «Бедность, которая сейчас фиксируется в России, — это бедность работающего населения. Это уникальное явление — работающие бедные», — рассказывала ранее вице-премьер О. Голодец.

Доходы населения продолжают стремительно падать, они продолжают катиться вниз четвертый год подряд, что является рекордом статистики с 1990х годов: в 2014 году снижение составило 0,7%, в 2015 году — 3,2%, в 2016 году доходы упали на 5,9%. За это время продажи в магазинах рухнули на 19,6%.

На протяжении всего последнего года продолжался обвал потребления среди основной массы населения, на что указывает товарный и денежный оборот розничных магазинов: у ритейлеров в прошлом году был самый низкий рост выручки за последнее десятилетие.

Конечно, спад потребления — это закономерное следствие продолжающегося падения реальных доходов населения. По итогам 7 месяцев 2017 реальные доходы населения упали на 1,4%. С октября 2014 года россияне заметно обеднели: их кошельки похудели более чем на 15%, а уровень жизни вернулся к отметкам 10 летней давности. Причем беднеют в первую очередь самые бедные — пенсионеры и получатели социальных пособий.

Вот смотрю последние данные — в июле 2017 реальные доходы россиян сократились на 3,1% в сравнении с предыдущим месяцем. Реальная зарплата (с учетом инфляции) упала в июле в помесячном сопоставлении на 6,6%. В деревообработке, производстве медицинских товаров, сегменте ЖКХ и розничной торговле зарплаты падают еще больше.

Падает розничная торговля — за 7 месяцев 2017 г. она сократилась на 0,2% в годовом сопоставлении. За 2016 год оборот розничной торговли сократился на 5,2% в годовом сопоставлении.

При росте цен, безработице и замораживании зарплат население продолжает проедать свои сбережения и уходить в долги. Ресурсы для экономии исчерпаны: высвободить деньги для покупок люди пытаются, вспоминая методы выживания из 1990-х годов. Так, по сравнению с 2014 годом доля россиян, которые выращивают овощи, фрукты и ягоды в личном подсобном хозяйстве, выросла в 1,5 раза — сейчас таких 33% населения против 20% в 2014 г.

В ход идут также банковские кредиты. За полгода банки выдали населению новых займов на триллион рублей — это на 38,4% больше, чем год назад. Объем займов на покупку товаров, которые граждане не могут себе позволить на одну зарплату, взлетел на 38%. Естественно, продолжает расти задолженность населения по кредитам перед банками. К 1 июля 2017 года задолженность составила 11,2 трлн руб. В 2014–2016 годах этот показатель составлял 10,5–10,7 трлн руб. Доля просроченных потребкредитов официально составляет сейчас около 21%, а неофициально — раза в 2 больше.

Быстрее всего «кредитное рабство» поглощает жителей российских регионов, где средняя зарплата не превышает 20 тыс. Причем, чем выше уровень бедности в регионе, тем больше берут кредитов, объемы потребкредитования выросли во многих областях более чем в 1,5 раза.

Заемные средства для низкообеспеченных слоев становятся реальным способом выжить.

У населения присутствует ощущение падения — стремительного и необратимого, как бег под горку.

Россияне стали экономить как никогда в последние 5 лет. Сегодня 80% россиян экономят на товарах повседневного спроса.(AC Nielsen).

Идет постоянное снижение среднего чека, отражающего сумму, потраченную за один поход в магазин. Люди продолжают сокращать расходы, экономя даже на необходимых товарах. В результате население переходит в режим «выживания», вынужденно отказываясь от покупок непродовольственных товаров. Доля расходов на еду в общей сумме трат достигла 69%, что является абсолютным рекордом за все время исследований («Ромир»)[44].

Потребительские расходы упали в мае на 4,8%, а с учетом накопленной инфляции — на 9%, откатившись на уровни 2012 года. Причем в первую очередь кризис доходов продолжает бить по наименее обеспеченным слоям населения. В низкодоходной группе расходы в июле обвалились на 10,9%.

93% считают, что выхода из кризиса не происходит. Из них 38,2% полагают, что ситуация за год только ухудшилась (РАНХиГС).

За 2014–2016 гг. доля населения, у которого есть деньги на что-либо, кроме обязательных расходов на еду, товары первой необходимости и базовые платежи государству — сократилась на четверть (ВШЭ). Треть россиян не имеют заначки на «черный день» — совсем не имеют сбережений 33% опрошенных. Если два года назад у россиян были деньги на сбережения, то сейчас они почти все расходуют на текущие нужды. «За два года сберегательное поведение населения претерпело кардинальные изменения: в 2015 году 47% опрошенных старались сначала откладывать средства, а потом остаток расходовать. А сегодня 46% тратят все деньги на текущие нужды и ничего не сберегают (два года назад таковых было 15%)» (НАФИ).

Подавляющее большинство населения получает почти вдвое меньше, чем средняя цифра по стране: у 55% граждан зарплаты ниже 25 тыс. руб., каждый третий получает меньше 15 тыс., а около 5 млн человек имеют оклад на уровне МРОТ — 7,5 тыс. руб., что ниже прожиточного минимума.

В стране есть 15–20 настоящих «зон бедствия», это огромные территории, по размеру больше многих стран, Например, в Республике Тыва валовой региональный продукт на душу населения на 66% ниже, чем в среднем по РФ. Это уровень Бутана, Гондураса или Папуа Новой Гвинеи[45]. Все это свидетельствует о масштабности кризиса.

Кроме этого вся экономика ушла в тень — за последний год неформальная занятость, выросла — в неформальном секторе заняты уже 44,5% от общего количества (А. Покида — директор Центра социально-политического мониторинга РАНХиГС). Объем скрытых зарплат в РФ увеличился в первом квартале на 20%, до 2,4 трлн руб. Люди все активнее переходят в «тень» и никаких предпосылок для возвращения в формально легализованный сектор нет. И тенденция продолжится — у людей нет стимула для перехода из «тени» в формальный сектор экономики, поскольку идет падение доходов населения.

Кризис системный — идет системная рецессия. И все эти процессы будут только нарастать, как снежный ком. Санкции, падение цен на нефть, девальвация рубля, массовое бегство капитала, исчерпание резервов, новые дыры в бюджете, падения доходов и покупательной способности населения, падение зарплат, продаж, новая заморозка пенсионных накоплений, повышении возраста выхода на пенсию, всеобщее тотальное обнищание населения.

Чтобы оценить, степень концентрации благосостояния и капитала в руках отдельных богатейших бизнесменов используют так называемый «коэффициент олигархичности экономики».

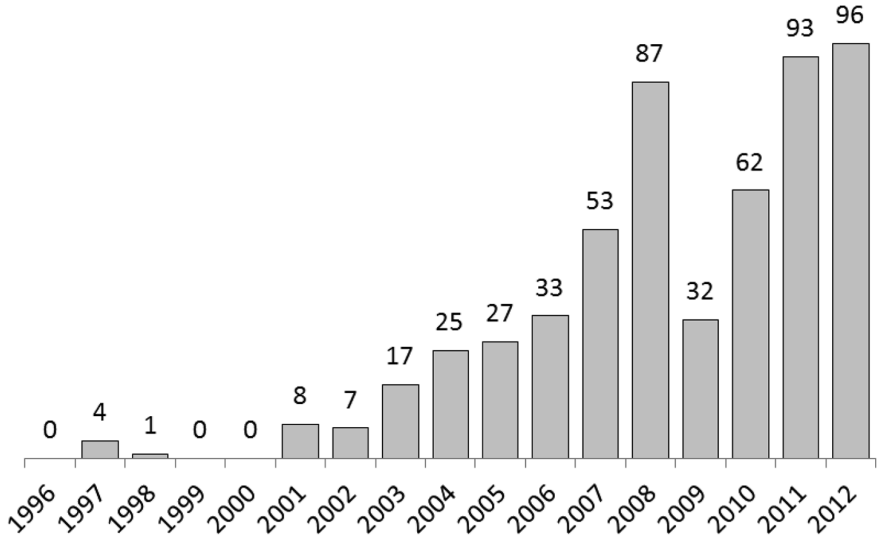


Рис. 1.3. Количество долларовых миллиардеров в России на начало года, по данным журнала Forbes

Таблица 1.3. Оценки, характеризующие воспроизводство экономического потенциала России[46]

Показатель	Предельно критическое значение	Фактическое состояние 2013 г.	Соответствие
Объёмы инвестиций в основной капитал (% к ВВП)	25	19,8	В 1,25 раза хуже
Износ основных фондов (%)	40	78	В 1,95 раза хуже
Доля машиностроения в промышленности (%)	25	14	В 1,79 раза хуже
Доля обрабатывающих отраслей в промышленности (%)	70	64,8	В 1,08 раза хуже
Удельный вес убыточных организаций (% от общего количества действующих организаций)	25	27,3	В 1,1 раза хуже
Рентабельность производства (%)	15	9,5	В 1,09 раза хуже
Рентабельность активов (%)	12	6,8	В 1,8 раза хуже
Уровень инфляции (%)	15	6,5	В пределах нормы
Уровень социальной инфляции (%)	15	около 15	В пределах нормы
Доля отечественного производства в формировании ресурсов мяса и мясных продуктов на внутреннем рынке (%)	70	61,3	В 1,14 раза хуже
Доля материального производства в ВВП (%)	66	39	В 1,7 раза хуже
Уровень монетизации (М2) на конец года (% к ВВП)	75	41	В 1,8 раза хуже

Этот показатель рассчитывается как отношение суммарного состояния 100 самых богатых отечественных предпринимателей по версии журнала «Forbes» к стоимости ВВП страны.

В 2012 г. «коэффициент олигархичности» экономики России составлял 20,5%. Аналогичный показатель для США в том же году составлял 6,7%, у Китая — 4,9%. Это страны, где наиболее велико количество долларовых миллиардеров и самые крупные в мире размеры ВВП.

Таким образом, в России сохраняется слишком высокая степень концентрации экономической и финансовой власти в руках отдельных предпринимателей.

По версии журнала «Forbes» в 2016 г. количество долларовых миллиардеров в России составило 76 человек. Их совокупный капитал оценивался в 275 млрд долл.

В 2017 г. количество долларовых миллиардеров в России увеличилось до 96, а их совокупное активы возросли на 40% и составили 387 млрд долл.

И хотя докризисный уровень в 422 млрд долл., зафиксированный в рейтинге «Forbes» в 2014 г., пока не восстановлен, но положительная динамика на лицо.

По оценкам другой известной независимой международной консалтинговой фирмы «Knight Frank Research», в 2016 г. число долларовых миллионеров в России увеличилось по сравнению с предыдущим годом на 10% и составило 132 тыс. человек.

Это количество составляло всего 0,1% населения России при этом на их долю приходилось 62% всего совокупного благосостояния граждан России.

Сопоставление критериев развития России с общепринятыми критериями дает в целом ожидаемый результат — стагнация и социальная депрессии, как качественные показатели, формируются на основе объективных результатов экономического развития страны.

1.1.в). Стратегия «силового принуждения» России в условиях сохранения стагнации

Проблема заключается в том, что нас всячески готовят к миру, а в результате мы абсолютно не готовы к тому с чем придется сталкиваться в реальности, — к войне[47]

Р. Грин,
военный теоретик

Идеальная политическая победа, это победа без кровопролития, без прямого использования военной силы, о чем говорил еще великий Сунь-цзы. В разные годы и в разных странах шел настойчивый поиск таких стратегий, который усилился по вполне объективным причинам, связанным с появлением ОМУ. В итоге за 1950–2000-е годы было раз-

работано множество концепций, сочетающих использование «мягкой» и «жесткой» силы, которые уже в новом столетии привели к созданию в США некого синтеза, объединяющего в единое целое все силовые инструменты политики — «стратегию силового принуждения»[48]. Стратегия «силового принуждения» («the power to coerce»), лежащая в основе современной политики западной ЛЧЦ, заключается в том, чтобы с помощью эскалации силовых действий, усиливающих прямое и косвенное воздействие, добиться политического результата, максимально отсрочив на максимально длительный период (при сохранении, даже увеличении возможностей использования) прямое использование военной силы.

Добиться такого политического результата проще-простого в условиях сохранения стагнационного развития России, существующих последние годы[49].

Набирающие силу две противоборствующие тенденции снижение роли России относительно других стран и ЛЧЦ в экономике, НЧК и других областях и усиление ее военно-политического влияния — создают благоприятные условия (т.е. объективную востребованность) для реализации стратегии «силового принуждения» в отношении России: расширение спектра сил и средств, поиск новых способов силового воздействия. Эта тенденция хорошо просматривается даже не на примере отношений России с Западом, а со своим союзником по ОДКБ — Казахстаном, — который уверенно дрейфует от нас к потенциальным противникам. В частности, в принятой в декабре 2017 года Стратегии развития Казахстана до 2025 года (как, впрочем, и в ряде других документов), внешнеполитические приоритеты расставлены точно. И не в пользу России. Возникают вопросы, например, по разделу, посвящённому внешнеполитической и экономической стратегии. Главный приоритет — традиционная для Астаны многовекторная политика и балансирование между основными центрами силы — Россией, ЕС, США и Китаем. Далее следуют взаимодействие с международными организациями (ООН, ОДКБ, ШОС и др.) и сотрудничество со странами Центральной Азии. Особо подчёркивается необходимость привлечения инвестиций и продвижение экспорта в рамках ВТО, что же касается ЕАЭС, он упоминается лишь в сугубо служебном порядке — в контек-

сте формирования общих рынков, стандартов и взаимодействия с Китаем в рамках «Экономического пояса Шелкового пути». Похоже, что американские спецы из Бостонской консалтинговой группы постарались заложить в план развития Казахстана на ближайшие годы не только либерализацию экономики и апологию рынка, но и внешнеполитическую переориентацию. Осталось понять, как всё это будет сочетаться с «укреплением казахстанской идентичности»[50].

Очевидно, что Казахстан и другие союзники России становятся прямыми объектами этой стратегии «силового принуждения», целью которой является взлом формирующихся военно-политических связей и структур, которые могли бы противостоять военно-политической коалиции Запада еще до применения военной силы. В этом смысле совсем не случайно Запад категорически отказывается от сотрудничества с ОДКБ и евразийскими институтами, пытаясь даже вообще отрицать их право на существование, тем самым «подсказывая» участникам евразийского процесса желательную модель поведения. Надо признать, что целый ряд признаков свидетельствует о том, что это Западу удается. В частности, если речь идет о «равноудаленной» внешнеполитической стратегии Казахстана, Туркменистана, Киргизии, Таджикистана и Армении, которые могут постепенно настолько «равноудалиться», что станут не союзниками, а нейтральными государствами по отношению к России, а затем — как Грузия и Украина — превратиться в противников[51].

Западная стратегия «силового принуждения» предполагает, что в конечном счете Россия должна быть окружена не союзниками, а враждебными государствами, которые западная военно-политическая коалиция сможет использовать против России. При этом исключительно важную (и до сих пор недооцененную роль) играет Казахстан, территория которого «разрезает» вплоть до Уральских гор Россию на две части — западную и сибирскую, — что очень хорошо видно, например, если посмотреть на карту России, существующую на официальном сайте ЦРУ США.

Очевидно, что такая военно-политическая стратегия Запада объективно увеличивает его возможности силового влияния и принуждения потому, что открывает новые области силового и даже военного давления, во-первых, и позволяет использовать силовое давление системно,

комплексно, в сочетании самых разных средств, во-вторых. В отличие от политики прямого — дипломатического, политического, военного — давления, традиционно существовавшей до недавнего времени, стратегия «силового принуждения» предполагает[52]:

— одновременно;
— системно и комплексно;
— всеми силами, средствами и способами;
— наконец, сетецентрично, против всех основных целей использовать силу в интересах политики для достижения решительных и бескомпромиссных, исключающих реальные переговоры, целей[53].

Схематично эту стратегию можно изобразить следующим образом: рис. 1.4.

Главное, что получается в случае эффективного применения «стратегии принуждения» это использование **преимуществ в новых областях противоборства**[54]. Причем не обязательно и не всегда военных, а в сочетании всех силовых средств и способов, предоставляющих такие преимущества.

Социально-экономический кризис в любой стране — идеальное условие для внешнего вмешательства США, практику которого они уже не раз использовали. Причем не только по отношению к развивающимся странам, но и в отношении современной России. Причем идеальное состояние кризиса может быть создано и искусственно, что является наиболее приоритетной целью «стратегии принуждения»[55].

Примечателен пример когда в разгар системного кризиса в России в начале нового столетия, аналитики «РЭНД» признали, что состояние страны безнадежно и необходимо будет **брать ситуацию под свой непосредственный контроль**. В 2002 году в США был опубликован доклад корпорации «РЭНД» под названием «Заключение о степени упадка России. Тенденции. Последствия для США и военно-воздушных сил США», в котором американские аналитики писали о том, что в XXI веке со всеми его неопределенными вызовами, самой непредсказуемой остается судьба бывшего противника США по холодной войне — тогдашнего СССР, а ныне — России. Ещё в 2002 году России приписывали ряд признаков, которые характеризуют «несостоявшиеся» или «терпящие неудачу» государства. И хотя, по мнению авторов докла-

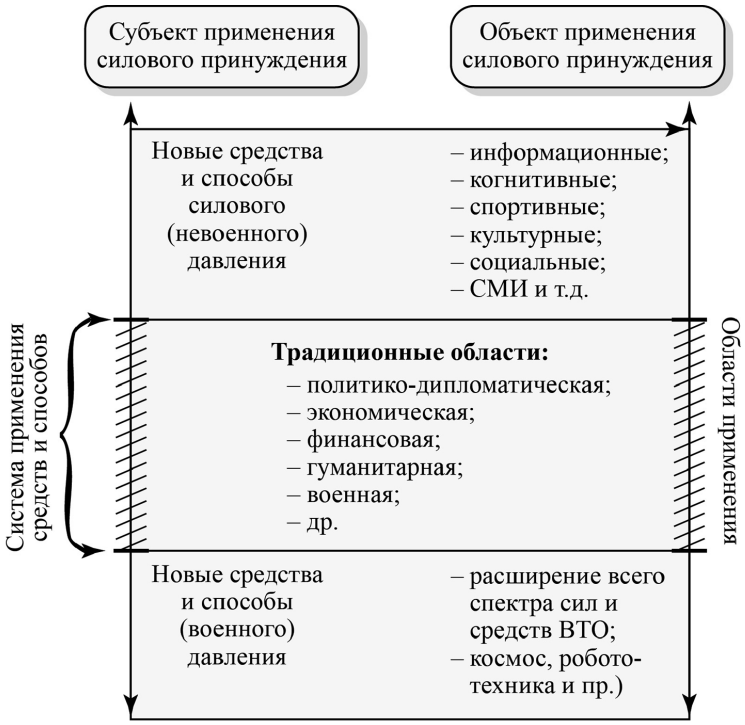


Рис. 1.4.

да, Россию нельзя в полной мере отнести к разряду геополитических «неудачников», многими признаками государственного упадка Российская Федерация уже обладает[56].

В качестве обоснования они привели ряд «признаков». Так, **первый признак**, выделенный в докладе «РЭНД», — отсутствие эффективно действующей экономики[57]. В случае с Россией этот признак виден во всей красе. Авторы пишут об этом весьма подробно (невозможно с ними не согласиться. По данным исследований Центра, ни по одному из важнейших факторов экономического развития Россия не добилась успеха вплоть до сегодняшнего дня)и даже может показаться, что излишне пессимистично.

Второй признак умирания России, по их мнению, заключался в слиянии все пронизывающей коррупции с криминальной экономикой. (В 2009 году по данным международной общественной организации Transparency International Россия была причислена к группе самых

коррумпированных стран мира). С тех пор ситуация в стране изменилась незначительно: аресты губернаторов, мэров и генералов свидетельствуют о том, что масштаб коррупции имеет общенациональный характер, а принимаемые меры — выборочный.

Третий признак «конца РФ», по мнению аналитиков, состоял в «приватизации» государственных учреждений — когда их принимаются использовать в целях личной безопасности и обогащения. Тут Россия действительно служит пугалом для всего мира. Сложно сегодня найти общественно-политическое издание, которое не писало бы об очередной приватизационной войне. В списке предприятий, которые подвергнутся приватизации, находятся лакомые куски государственного пирога. Это более 27,1% акций «Транснефти», 24,16% «Роснефти», 24,5% банка ВТБ, 25% акций РЖД и других известных компаний. По своему объему, эта волна приватизации будет крупнейшей с начала 1990-х годов. Кроме того, проводится приватизация таких жизненно-важных государственных сфер, как здравоохранение и образование.

Признак четвертый — моральное разложение армии сверху донизу, снижение ее боеспособности. («…Российская армия находится в отчаянном состоянии: ее солдаты плохо подготовлены, снабжение ниже всякой критики, а командиры в основном некомпетентны»). Сегодня, после многочисленных армейских реформ 2007–2017 годов, «плачевное состояние» российских ВС уже вызывает сомнение, что для будущего США более, чем неожиданно[58].

Главный вывод, по мнению авторов доклада, заключался в том, что усилия Москвы по восстановлению центральной власти и ее способности контролировать страну демонстрируют, что «большая часть этого контроля уже утеряна». (Возможно даже, что уже окончательно и безвозвратно, по мнению экспертной РЭНД в 2002 году).

Более того, по их мнению, у России в то время уже не было перспективы. Ухудшение демографической ситуации, здоровья людей и увеличение смертности среди мужчин ставило под сомнение способность России решать возникающие перед ней экономические проблемы и поддерживать боеспособность страны хотя бы на нынешнем уровне», делался категорический вывод. Поэтому аналитики РЭНД подчеркнули, что признаки упадка в дальнейшем будут **только прогрессировать**. Показа-

тели развития России за последние десять лет (с 2007 по 2017 годы) демонстрируют, что «прогресс» действительно налицо: подавляющее большинство маркеров продолжает ухудшаться. Главные из них, связанные с развитием НЧК, остаются фактически на одном уровне[59].

Экономический, политический и демографический упадок, по-разному проявляясь в разных регионах страны, накладывается на усиливающееся стремление регионов к политической автономии, а это вместе с ростом межнациональной напряженности создает реальную угрозу внутреннего конфликта — гражданской войны. Особенно с учетом состояния демографии и ее перспектив. Именно на это делается ставка в стратегии «силового принуждения» — чем хуже ситуация в стране, тем податливее для внешнего давления её общество и элита (не до жиру, как говорят).

И обстановка в России в этой области близка к катастрофической, что был вынужден признать и В. В. Путин в ноябре 2017 года, предлагая очередные меры по стимулированию положительных демографических тенденций. Она практически не изменилась с 2007 года. Из 36 рассмотренных вариантов демографического прогноза, выполненного Институтом демографии в 2016 г., 32 предсказывают большее или меньшее сокращение населения к 2050 г. Только в исключительно благоприятном случае оно может стабилизироваться на уровне около 150 млн человек, но этот вариант предполагает непрерывное наращивание миграционного прироста с нынешних 330 до 500 тыс. человек в год. Если же ставить вопрос о росте населения России, то миграционный прирост должен быть значительно большим.

Имеется также более пессимистический демографический прогноз ООН для России. Согласно среднему варианту этого прогноза, население России сократится к 2050 г. не до 142,3 млн человек, как по среднему варианту прогноза НИУ ВШЭ, а до 128,6 млн. Это различие объясняется, в основном, тем, что прогноз ООН предполагает меньшие объемы миграции в Россию, что соответствует настроениям российского общественного мнения[60].

Важно, что такие пессимистические выводы делаются на фоне вполне оптимистических демографических прогнозов развития США, а тем более Китая и Индии, а также Пакистана, Индонезии, Турции и целого ряда других стран, включая «старые» европейские державы.

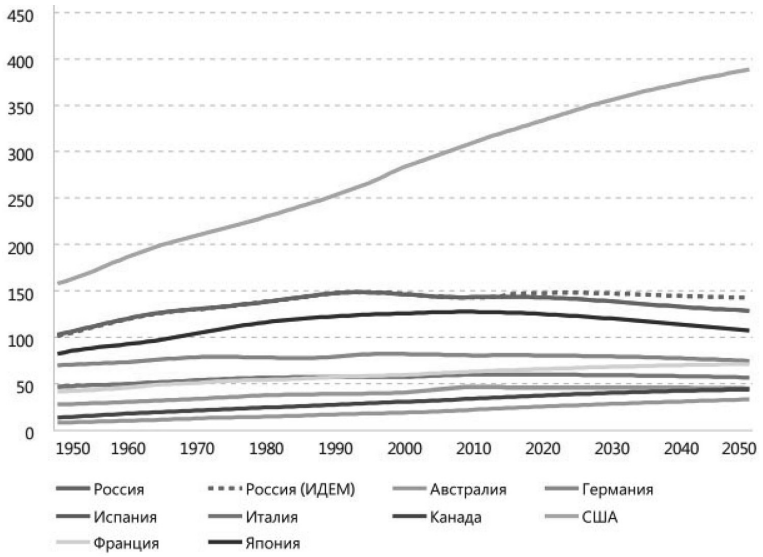


Рис. 1.5. Численность населения России и некоторых развитых стран по среднему варианту прогноза ООН 2015 года

Таким образом, заявляют авторы стратегии относительно России из РЭНД, с полным правом **можно говорить о деградации российского государства**. Оно, по их мнению, неспособно обеспечить своим гражданам такие главные ценности, как гарантия личной безопасности, исполнение закона в области экономических взаимоотношений и защита от любой внешней угрозы, т.е. развитие НЧК и его институтов. Другими словами, гражданин РФ чувствует, что государственные институты перестают его обслуживать эффективно и вообще существуют как бы сами для себя. (И здесь аналитики РЭНД во многом были правы). По сути дела, вывод РЭНД в 2002 году — означал приговор для России, который, однако, поставил своими действиями под сомнение В. В. Путин в последующие годы, а конъюнктура нефтяных цен облегчила ему эту задачу.

Но при этом выводе РЭНД, надо особо отметить, ценность России, как сырьевой «дойной коровы» подчёркивается в докладе особо: «Нельзя забывать, что Россия является крупным производителем и поставщиком энергоресурсов, и в ближайшие годы кардинальных изменений в этом направлении не произойдёт. Через нее, в частности, осуществляется транзит нефти и газа из региона Каспия, который определен как один

из ключевых для интересов национальной безопасности США». Иными словами, читателя подводили вновь к мысли о том, что в «обрушающемся» государстве надо вводить внешний контроль, естественно, контроль США, которому могут помешать только остатки государственного суверенитета — власть федерального правительства и дееспособные институты, прежде всего, силовые. Против них и были направлены, как вы помните, основные действия по дестабилизации в начале 2000-х годов[61].

Основные тенденции российского развития, заявленные прогнозистами из РЭНД в 2002 году, действительно крайне актуальны и сегодня. Складывается впечатление, что по каким-то неведомым законам исследователи из США более осведомлены о российских реалиях, нежели большинство российских аналитиков. Или же корпорация «РЭНД» располагает неким утверждённым планом развития, предписанным России извне и связанным с будущем США.

Что же предусматривает этот документ в дальнейшем? Авторы доклада анализируют новые угрозы, которые может таить в себе погибающая Россия — уже в виде катастроф, которые могут быть вызваны окончательным распадом РФ. Опасность кроется в том, что за остывающее тело шестой части суши может пойти серьезная драка между сильными соседями. Другой причиной, способной спровоцировать войну, становится нарастание политического беспорядка и хаоса внутри страны-неудачницы, например, в итоге политического переворота в России, и при этом неважно, каков этот переворот — демократический или автократический.

Далее аналитики приходят к неутешительному для России выводу — «Когда приходящее в упадок государство не способно справиться с каким-либо кризисом, который потенциально опасен для интересов других стран, то последние должны брать ситуацию под свой контроль». По мнению авторов доклада, США предстоит серьёзно вмешаться во внутриполитическую жизнь РФ. Какую бы гуманитарную акцию или операцию не пришлось проводить американцам в России, основная тяжесть действий неизбежно ложится на плечи ВВС США. «Вооруженные силы США будут вынуждены действовать вслепую, а ВВС летать, не зная ни аэродромов, ни рельефа местности, не в силах понять, где союзник, а где противник …».

Основные возможные поводы для вторжения в Россию, согласно материалам доклада, удивительным образом совпадают с декларациями администраций США в 20002–2017 годы, а именно:

Применение РФ военной силы против соседних государств (Попытка утвердить этот повод для вторжения возникла в 2008 году, когда по западным телеканалам Россия «вовсю бомбила» грузинский Гори).

Похищение террористами русского ядерного оружия.

Гражданская война в РФ и применение в ее ходе оружия массового поражения, от ядерного до химического.

Этнические погромы армян, грузин, азербайджанцев на юге РФ.

Гражданская война, которая поставит под угрозу безопасность нефтепроводов, по которым каспийская нефть гонится на Запад.

Крупномасштабная экологическая катастрофа (особенно на АЭС).

Криминализация экономики РФ, которая может превратить ее в убежище для международных преступных и террористических организаций, являющихся угрозой для США, Европы и стран Азии.

Попадание российских военных технологий в руки «агрессивных режимов или террористических групп». (США уже в ходе первых боев в Ираке весной 2003 года заявили о том, что у иракцев найдена аппаратура постановки помех высокоточному оружию российского производства).

Как видно из перечня, большинство «поводов» так или иначе связано с состоянием внутриполитической ситуации в России, к которой после 2002 года были добавлены «вмешательство военные конфликты в Грузии и на Украине». При этом ситуация стала меняться в связи изменением ВПО вокруг России. Как отмечают в РЭНД, выполнение боевых задач, в случае возникновения одного или нескольких поводов к вторжению, осложняется, согласно документу, полным отсутствием соответствующего ситуации планирования и подготовки. Авторы доклада подчёркивают, американская военная мысль больше думала о возможных операциях и взаимодействии с бывшими советскими республиками, чем с самой Россией. Иными словами, Россию настолько «списали» со счетов к 2002 году, что договаривались уже с её соседями.

Восстановление России привело к тому, что появилась необходимость на время смягчить военно-силовую конфронтацию, усилив невоенные инструменты политики «силового принуждения».Однако этот

стратегический просчёт предлагается исправить мерами в политической области (от которых впоследствии отказались): «Уже сегодня следует не только проводить превентивное планирование своих действий…, но и стараться практически сотрудничать со своими российскими партнерами, например, проводя учения на территории Центральной Азии или в Закавказье… ВВС США могли бы уже сейчас подключиться к программам сотрудничества между федеральным управлением по ЧС США и МЧС России, что позволит им лучше и детальнее ознакомиться с ситуацией в стране. Вывод из доклада заключается в следующем: так как США в скором будущем предстоит продемонстрировать военную мощь, оказывая „помощь“ Российской Федерации, изучение рельефа местности, проведение учений и совместных операций на российской территории являются важной стратегической задачей для военно-воздушных сил Штатов.

О том, что США в соответствии со стратегией „силового принуждения“ отнюдь не исключают применения военной силы в отношении России»[62] и других стран свидетельствуют достаточно многочисленные оценки самых различных последствий такой политики, проводящиеся в стране. Так, обращает на себя внимание, например, очередной доклад РЭНД, посвященный изучению военных последствий, например, военного конфликта и войны США и КНР, оценки которого выглядят

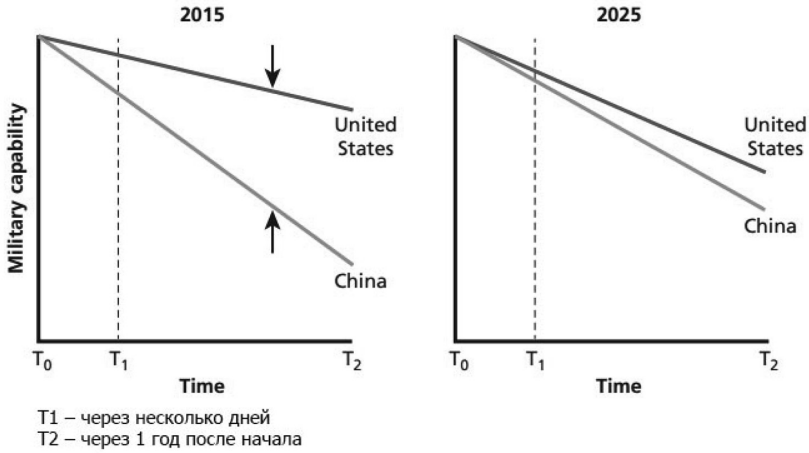


Рис. 1.6[63]. Кумулятивный эффект снижения военных возможностей США по отношению к КНР (в период до 2025 года)

достаточно впечатляюще. В частности, если говорить о последствиях для всего военного потенциала США и КНР, то американские эксперты делают следующий вывод (рис. 1.6).

При этом, по их мнению, возможно развитие по нескольким вариантам военного сценария, которые могут (по последствиям) существенно отличаться друг от друга в зависимости от длительности конфликта. В частности, предполагается, что военный конфликт может продолжаться от нескольких дней до одного года, т.е. носить длительный характер.

Это, в свою очередь, неизбежно означает, что:

Во-первых, совершенно не обязательно использование ОМУ в массовом масштабе, которое может быть заменено применением ВТО (например, больших количеств КР).

Во-вторых, длительный конфликт требует совершенно иных запасов ВВСТ, боеприпасов и мобилизационных резервов, а в конечном счете дееспособного государства, которое будет в состоянии оказать длительное сопротивление.

Сказанное имеет прямое отношение к России: чем сильнее будет государство, его экономика и институты, чем больше будут его возможности к сопротивлению (включая резервы), тем эффективнее оно сможет вести вооруженную борьбу с противником в длительный период времени — до одного года и более. При этом сохранение возможностей к ведению боевых действий прямо связано с дееспособностью государства и его социально-экономическими возможностями. Как видно из рисунка ниже (рис. 1.7), в зависимости от длительности конфликта между КНР и США определяются их возможные потери и — главное — способность к сопротивлению.

Как видно из оценок РЭНД, кроме того, потери США могут привести к тому, что они фактически полностью лишатся своего потенциала, что будет означать фактически поражение (даже учитывая то, что противник будет полностью уничтожен).

В полной мере эту ситуацию можно транслировать на Россию, что добавляет аргументов пользу политики «силового принуждения», которая минимизирует военные средства в пользу невоенных силовых средств. Интересны в этой связи оценки возможных экономических потерь США и КНР в случае полномасштабной войны в течение одного года.

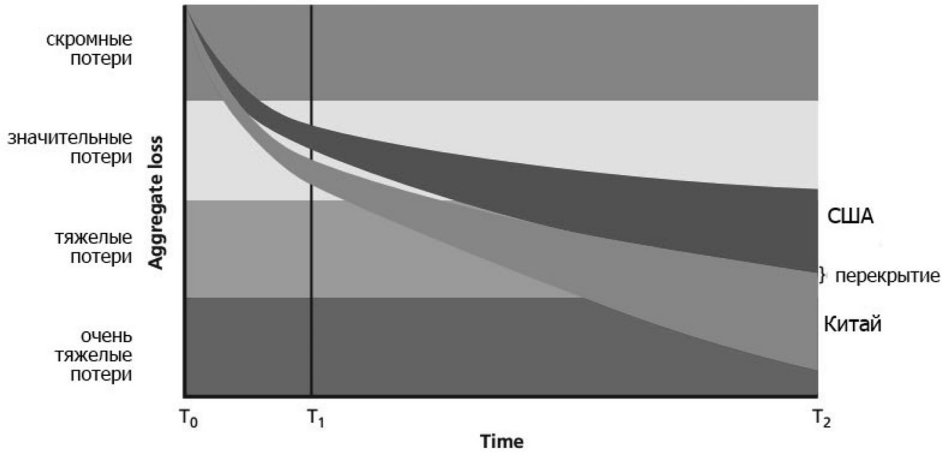


Рис. 1.7[64]. Оценка потерь в военных возможностях КНР и США
(в случае худшего варианта конфликта в 2025 году)

Таблица 1.4. Оценка экономических потерь США и КНР в случае ведения в течение одного года полномасштабной войны[65]

Category	U.S. Costs	Chinese Costs
Торговля:	90 percent decline in bilateral trade	90 percent decline in bilateral trade 80 percent decline in regional trade 50 percent decline in global trade
Поставки:	4 percent decline	4 percent decline
Доходы от внешней торговли:	$9 billion loss	$500 million loss
Потери ВВП:	Could decline by 5–10 percent	Could decline by 25–35 percent

Примечательно, что аналитики РЭНД делают интересный вывод о том, что потери КНР в ВВП в случае войны будут сопоставимы с потерями Германии (20% ВВП) в Первой мировой войне (и 64%) во Второй мировой войне, т.е. в конечном счете могут оказаться допустимыми и реальными, что повышает реалистичность такой войны.

Таким образом, неизбежно следует вывод о том, что для сохранения суверенитета и национальной идентичности России в условиях резко-

го ухудшения ВПО до 2025 года исключительно важное значение имеет повышение темпов развития экономики и уровня технологического развития России, вкупе с количеством и качеством НЧК уже в краткосрочной перспективе 2018–2020 годов. Это вполне осознается в правящей российской элите, что подтверждает прогноз МЭРа еще 2013 года, нацеленный на инновационное развитие страны до 2030 года. В нем, в частности, предлагались три варианта такого «инновационного» сценария, показатели которых существенно отличаются друг от друга. Так, Инновационный сценарий развития опирался на использование конкурентных преимуществ российской экономики не только в традиционных секторах (энергетика, транспорт, аграрный сектор), но и в новых наукоемких секторах и «экономике знаний» и масштабное изменение структуры российского экспорта.

Между тем, к 2018 году стало окончательно ясно, что достигнуть прогнозируемых результатов к 2020 году не удастся. Тем более не удастся достичь прогнозных результатов к 2030 году потому, что период 2010–2017 годов оказался полностью «провальным». Примечательно в этой связи даже не то, что в основу развития были положены абстрактные принципы «инновации» (чего стоит одно лишь утверждение об «определении специализации России на рынках высокотехнологической продукции»), которые имели очень отдаленное отношение к реальности. Политика «инновации» походила скорее на набор наукообразных пожеланий, взятых из учебников по макроэкономике.

При этом общие приоритеты были указаны верно, но с той оговоркой, что в последующие годы делалось ровно все наоборот. Так, частные и государственные расходы на здравоохранение прогнозировались возрастать с 4,6% ВВП в 2010 году до 6,1% ВВП в 2020 году и до 7,1% ВВП в 2030 году, расходы на образование, соответственно, до 6,0 и 6,5% ВВП (в 2010 году — 5,2% ВВП). Расходы на науку возрастают с 1,2% ВВП в 2010 году до 2,5% ВВП в 2030 году, что сопоставимо с параметрами развитых стран. При этом предполагается существенное повышение параметров эффективности экономики: энергоемкость ВВП по отношению к 2010 году снизится в 2020 году на 23%, в 2030 году — на 41%, производительность труда возрастет в 2020 году в 1,5 раза по отношению к 2010 году и в 2030 год, соответственно, в 2,3 раза[66].

Считалось (и не без оснований), что при указанных предпосылках российская экономика будет развиваться быстрее мировой, и ее доля повысится с 3,8% в 2010 году до 4% в 2020 году и до 4,3% мирового ВВП к 2030 году. По размеру экономики Россия переместится с 6-го места в 2011 году на 5-е место в 2014 году, обогнав Германию. Сценарий предполагает сохранение нулевого баланса текущего счета, который достигается за счет существенного наращивания экспорта высокой степени переработки. При этом преобладает тенденция к умеренному ослаблению курса рубля.

Внутриполитическая стабильность и доверие к правящей элите к 2018 году подверглись значительной эрозии именно из-за социально-экономических проблем, ставших иллюстрацией инфляционно-стагнационного периода развития предыдущих лет. Поэтому, выбирая стратегию инновационного развития среди всех прочих стратегий национальной безопасности, следует иметь в виду важное обстоятельство: эта стратегия «обречена на успех» даже при самых неблагоприятных внешних и внутренних обстоятельствах, которые могут сопутствовать ее реализации, если в её основе ставятся такие приоритетные задачи как развитие НЧК или экономики, а не абстракции макроэкономической стабильности, основанные на стагнации мысли и экономики. Этот успех будет выражаться в укреплении внутриполитической стабильности в стране, которая в 2007–2017 годы превратилась в главный объект агрессии со стороны западной ЛЧЦ.

Инновационный сценарий развития России, реализуемый в любом из его вариантов (некоторые из которых будут описаны ниже), обеспечивает для нации и страны главное — импульс опережающего качественного развития, а не количественного роста или — еще хуже — стагнации. Даже при неэффективном расходовании национальных ресурсов инвестиции в человеческий капитал, экономику знаний и развитие институтов общества дадут положительный эффект.

Но инновационный сценарий развития это не только переоценка приоритетов бюджета или инвестирования. Это — выбор приоритетов при принятии любого политического или административного решения в пользу развития человеческого капитала, прежде всего, его качественных составляющих. Даже, например, если речь идет об обороне, воен-

ных расходах или мобилизационных мероприятиях, всегда на первом плане должен находиться этот приоритет. И не только с точки зрения НИОКР, но и с точки зрения качества ВС, эффективности управления.

Вместе с тем, применительно к современным российским реалиям, этот Сценарий может быть назван достаточно условно «инновационным» потому, что он основывается не на качественных изменениях в развитии экономики и социальной жизни общества, а на неких «инновациях», не вполне осознанных, воспринятых и реализуемых, но достаточно признанных, даже на официальном уровне финансово-экономическими властями России во втором десятилетии XXI века. Это может обеспечить России вполне среднемировой экономический рост.

Более того, при благоприятных условиях рост ВВП и качество экономики могут изменяться даже быстрее, чем в среднем в мире. Так, согласно докладу Российской академии наук (РАН), Россию в период с 2017 по 2035 годы лаже ждет период бурного экономического роста. Как отмечается в докладе, среднегодовые темпы роста экономики составят 3,7%, а в пиковые годы в период с 2021 по 2025 годы он будет достигать 5% ВВП в год. Отмечается также, что к 2035 году в структуре ВВП значительно увеличится доля высокотехнологичных производств.

Как отметил один из авторов доклада, заведующий лабораторий анализа и прогнозирования производственного потенциала и межотраслевых взаимодействий РАН Александр Широв, опережающий мировые темпы экономический рост России обеспечит восстановление экономики после кризиса и увеличение доли инвестиций в ВВП до 25%.При этом прогнозы Минэкономразвития о росте экономики России в ближайшие годы выглядят обнадеживающими, но не столь радостными. Согласно прогнозам Минэкономразвития, рост экономики РФ в 2018 году составит 2,1%, в 2019 и 2020 годах — 2,2% и 2,3% соответственно. При этом инфляция зафиксируется в пределах 4% на весь прогнозный период.

Таким образом, реализация политики «силового принуждения» в отношении России будет в решающей степени зависеть от собственных усилий страны и её правящей элиты, способности сохранить внутриполитическую стабильность и укрепить социально-экономический потенциал перед очевидной внешней угрозой.

1.2. Состояние и военно-политические перспективы развития России на фоне других центров силы

В цивилизациях мимесис ориентирован на творческих личностей, которые оказываются первооткрывателями на пути к общечеловеческой цели[67]

Граница между консерватизмом и либерализмом стала предельно проницательной…[68]

Д. Андреев

Адекватная и практически имеющая значение оценка современного военно-политического положения России возможна только с учетом, как минимум, ближнесрочных (а лучше долгосрочных) перспектив его развития. Попытки составления анализа или даже обзора, не говоря уже о прогнозе, без учета этих обстоятельств абсолютно бесполезны и бесперспективны потому, что показывают состояние России вне мирового и даже национального исторического контекста и перспектив развития. Так, говоря о положении России в мире и её социально-экономическом состоянии в начале 2018 года, необходимо, как минимум, во-первых, показать основные показатели мирового и регионального развития за последние десятилетия и их перспективы на десять–двадцать лет, а, во-вторых, состояние России десять–тридцать лет назад и перспективу на двадцать–тридцать лет. Без первого и второго анализа и прогноза описание социально-политического и экономического положения России теряет смысл. В том числе, на мой взгляд, и при формировании бюджетной политики России на 1–3 года, где эти обстоятельства должны обязательно учитываться[69].

То, что сегодня существует в мире и в России, — неизбежно воспринимается как **часть будущего**. Причем, если говорить о военно-политических особенностях, то будущее — более того — само уже во многом предопределяет состояние настоящего. Иначе говоря, будущая МО и ВПО, например, в 2025 или 2050 годах, уже сегодня влияет на состояние и формирование настоящей МО и ВПО. И не только с точки зрения перспектив развития науки и технологий, в т.ч. вооружений

и военной техники (ВВСТ) или вооруженных сил (ВС), что совершенно естественно, но и с точки зрения современного состояния политики и военного искусства. В частности, если допустить дальнейшее развитие тенденций в области ядерных вооружений в мире, то до 2025 года даже в отсутствии договоренностей об их сокращении их численность будет сокращаться за счет устаревания ядерных СНВ США и России и снятия их с вооружения, как показано на графике[70] (рис. 1.8).

Но в то же самое время абсолютно и относительно будут увеличиваться СЯС Китая, Индии и Пакистана, а также, возможно, Израиля. Кроме того, нельзя исключать и появления новых ядерных держав. И не только КНДР, но и Японии и других стран. Поэтому говорить о состоянии и будущем положении России вне общего мирового контекста, формирующего ВПО, — бессмысленно.

Если говорить о будущем состоянии МО, то оно неизбежно будет формироваться под влиянием изменения соотношения сил между крупнейшими экономиками и державами мира. Как видно из долгосрочных прогнозов, например, к 2050 году КНР существенно опередит США, а Индия (что часто не всегда учитывают) вплотную приблизится к США, а, может быть, даже и обгонит по важнейшим показателям нынешнего лидера. Вместе эти три страны составят ведущую «тройку» государств мира, вокруг которых будут формироваться военно-политические коалиции и развиваться центры силы.

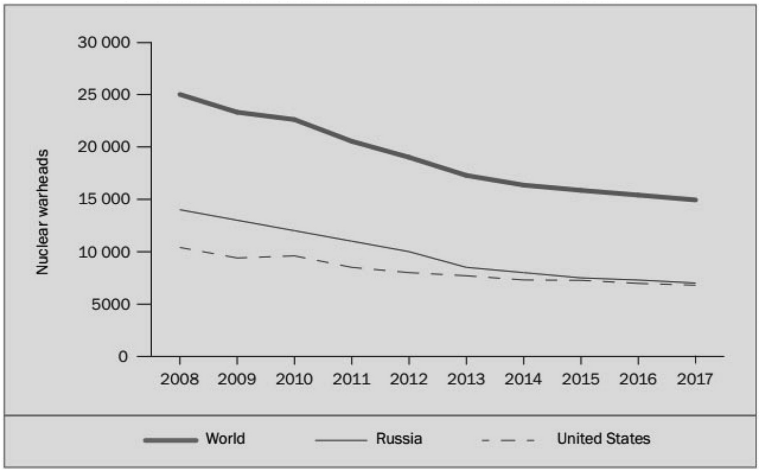


Рис. 1.8. Изменение общей численности ядерных боеголовок

Эта неравномерность развития по-разному отразится в регионах планеты и по-разному будет влиять на мировую и региональную ВПО. В частности, очень быстрые темпы экономического и социального развития в Китае, Индии и целом ряде других стран Юго-Восточной Азии, прежде всего, на Филиппинах, во Вьетнаме, Индонезии, Малайзии, а также в Республике Корея, Сингапуре и Гонконге неизбежно приведут к 2025 году к полному изменению в экономической расстановке сил в регионе.

В еще большей степени повлияют на ВПО в регионе Евразии и особенно Юго-Восточной Азии изменения в военной мощи новых центров силы, которые превратятся в полноценные в военном отношении государства (Вьетнам, Индонезия, Филиппины, Малайзия), а Китай и Индия — в мировые военные державы.

На этом фоне существенно ослабнуть позиции США и их союзников, которые уже с начала нового века пытаются компенсировать своё относительное отставание (США, например, более 60% военных ресурсов концентрирует именно там), в том числе и развивая свое военное присутствие, а также оказывая военно-техническую помощь своим союзникам.

Относительно слабое военно-политическое влияние России в регионе, особенно в сравнении с бывшим влиянием СССР, и дальше будет ослабевать в силу не только экономического отставания Дальневосточного региона от своих соседей, не смотря на попытки федерального правительства исправить ситуацию, но и в силу слабого присутствия ВМФ России и ограниченности мобильных военных формирований на Дальнем Востоке.

На рисунках ниже (рис. 1.9[71]; рис. 1.10[72]) показана динамика изменения соотношения сил в Юго-Восточной Азии между основными государствами мира и региона.

В это же время появятся и такие другие крупные в экономическом, демографическом и военном отношении державы, чье влияние будет вносить свои коррективы в отношения между лидерами, как Пакистан, Индонезия, Вьетнам, возможно даже объединенная Корея. Динамика развития некоторых стран за последние десятилетия свидетельствует о том, что появление таких новых факторов в мировой расстановке

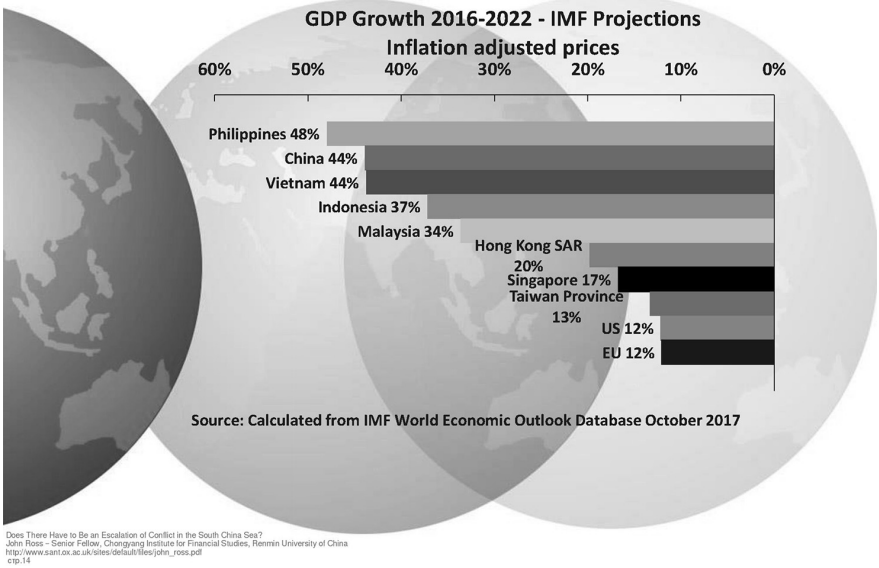


Рис. 1.9. Growth Rates in Major South China Sea Economies Are Far Higher than the US and EU

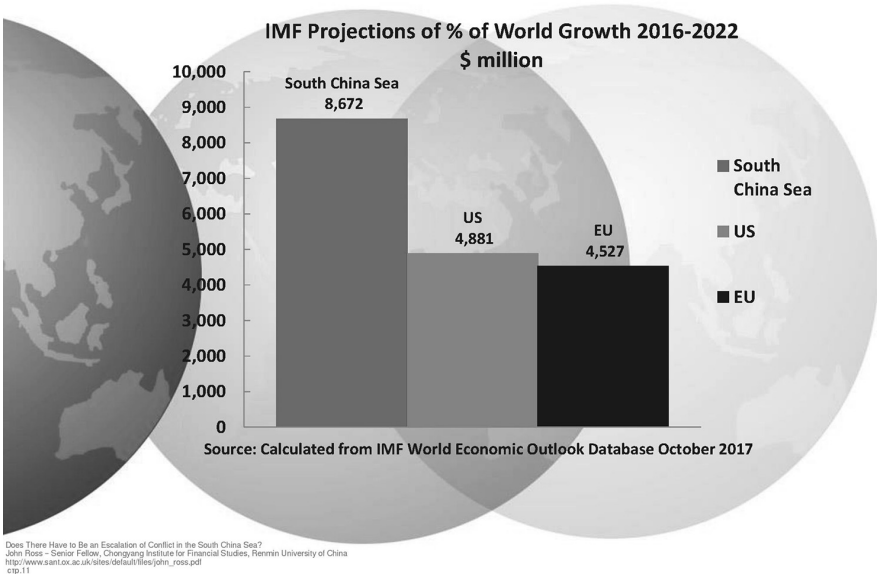


Рис. 1.10. Economic Growth in the South China Sea Region Will be Almost as Much as the US&EU Combined

сил неизбежно. Более того, в сравнительно короткое время такие новые страны быстро проходят этапы превращения их в новые центры силы:

— этап быстрого (опережающего) развития;
— этап превращения в регионального лидера;
— этап превращения в региональный центр силы.

Так, Турция, Иран, Малайзия и некоторые другие государства, занимавшие еще недавно места аутсайдеров по демографическим и экономическим показателям, смогли очень увеличить численность населения в несколько раз, а по экономическим показателям будут вполне сопоставимы со странами, которые еще недавно определяли уровень развития мировой экономики (например, Англией, Францией и даже Германией), что неизбежно отразится на региональной ВПО. Это видно на примере изменений в военных расходов некоторых стран и регионов. В частности, если мировые военные расходы увеличивались в целом пропорционально темпам роста мирового ВВП, то в Азии и Океании они росли существенно быстрее, чем даже в странах Восточной Европы и Северной Америки.

Сказанное означает, что в относительно недалекой перспективе в АТР и особенно регионе Юго-Восточной Азии произойдут не только радикальные изменения в соотношении экономических и демографических сил и, как следствие, в характере МО, но и в соотношении во-

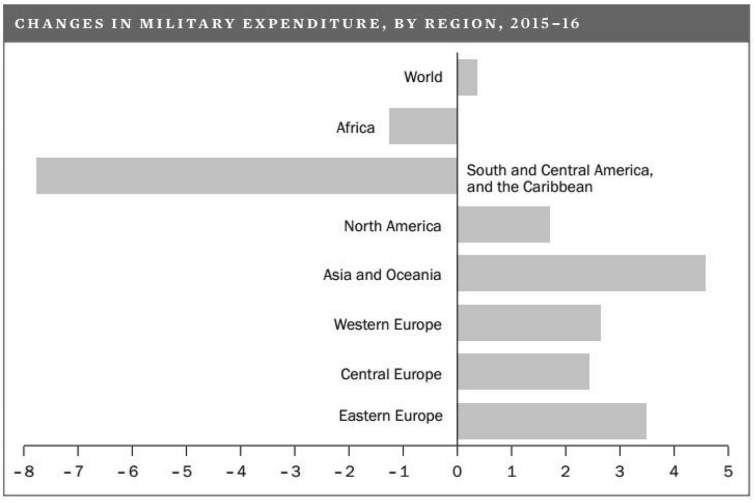


Рис. 1.11[73]. Изменение в военных расходах (по регионам)

енных сил и в характере ВПО и даже стратегической обстановки (СО), которая ускоренно осложняется по вполне объективным причинам — нарастающим геополитическим противоречиям в регионе.

Эта тенденция, безусловно, усилится в связи с появлением в регионе таких мощных в будущем военных игроков, как Индонезия, Филиппины, Пакистан и особенно Вьетнам и Республика Корея.

Тем не менее именно Китай, Индия и США будут иметь решающее влияние на формирование будущей модели международных отношений. Именно они составят тот «стратегический треугольник», который и будет определять основные тенденции развития ВПО в региона. Важно отметить, что стратегические цели этих «углов» треугольника будут абсолютно разными, что означает высокую вероятность политических и военных конфликтов между ними в будущем, которые не смогут быть снивелированы ни общими торгово-экономическими интересами (как сегодня между КНР и США), ни интересами общего геополитического порядка (как между США и Индией), не говоря уже об известных противоречиях.

При этом, если США будут стремиться всячески сохранить сложившийся мировой порядок и расширить свою коалицию, в том числе привлекая в неё Индию, то Китай будет ориентироваться исключительно на самостоятельную роль центра силы, постепенно подчиняя себе страны не только бассейна Тихого и Индийского океанов, но и Атлантики.

Что же касается Индии, то в настоящее время её экономические и научно-технологические перспективы явно недооцениваются, а военная мощь и политические амбиции старательно не замечаются. На мой взгляд, эти амбиции у правящей элиты Индии будут вполне сопоставимы с амбициями США и КНР, а экономическая и демографическая мощь к 2050 году может составить не только конкуренцию, но и превзойти мощь остальных стран-лидеров.

Эти перспективы развития ВПО в мире и регионы не являются оптимистическими для современной России, которая очень слабо представлена в региональной и межрегиональной торговле (порядка 1%) и военно-политическом балансе сил. Более того, по мере развития военно-технологической базы КНР, Индии и других стран её относительно высокая роль в военно-техническом сотрудничестве будет снижаться.

Велика вероятность того, что существующие тенденции развития собственной промышленной базы в КНР и Индии и их частичной ориентации на другие страны приведут к уменьшению доли российской военной продукции, которая может сохраняться в отдельных сегментах (современных системах ПРО и ПВО, ВВС и Сухопутных сил), но будет вытесняться другими продавцами на рынках третьих стран.

Перенос центра тяжести мировой экономики, торговли и политики в АТР неизбежно требует от России усиления политики развития регионов Дальнего Востока, начатой относительно недавно и пока еще не дающей необходимых результатов. Необходимо, прежде всего, чтобы любой вид общегосударственной деятельности — политической, экономической, научно-технологической, гуманитарной, а тем более военной — имел свое продолжение на Дальнем Востоке. Это можно сделать только при условии перенесения центров административных и экономических решений в этот регион, в частности, части столичных функций. Размещение государственно-бюрократических институтов, как показывает практика, лучше всего содействует развитию. И прежде всего, на мой взгляд, речь может идти о военно-морской деятельности — строительстве судов, размещении и подготовки личного состава и штабов, а также сопутствующих органов управления и обеспечения.

1.2.а). «Большая тройка» в Евразии

> При оценке той или иной военно-политической обстановки…нужно прежде всего определиться со степенью её напряженности[74]
>
> *И. Попов,*
> *военный эксперт*

Решающее значение не только для безопасности Евразии, но и всего мира будет иметь характер отношений между тремя будущими мировыми лидерами, вокруг которых формируются центры силы уже в настоящее время, — США, Китаем и Индией. Этот характер во многом будет предопределяться соотношением экономических, демографических, военных и иных сил между странами и их коалициями, которые в той или иной степени сегодня поддаются долгосрочному прогнозированию.

Причем эти государства сегодня выступают именно как новые центры силы в мире и лидеры формирующихся военно-политических коалиций, среди которых (впрочем, как и всегда) некоторые страны резервируют свои позиции, выбирая, к кому выгоднее и на каких условиях лучше присоединиться.

При этом сразу же обращает на себя внимание стремление политиков и части ученых избежать подобных попыток «водораздела», для чего используются самые разные показатели и методики. В частности, например, соотношение экономических сил подсчитывается в постоянных долларовых величинах, без учета ППС, что искажает реальную картину.

Другой прием — сравнивать разные объекты, например, «Еврозону» и «Северную Америку» с «Китаем» или отдельно «Великобританией». Сказанное имеет большое значение потому, что формирование МО и ВПО в мире, а тем более в будущем, будет идти по другим принципам. На мой взгляд, предстоит сравнивать центры силы — т.е. военно-политические и экономические коалиции, которые преимущественно будут составлять локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ), ведь в конечном счете в военно-политическом противоборстве могут участвовать только члены таких коалиций. Тем не менее, даже существующие методики демонстрируют нам неизбежное радикальное изменение в соотношении экономических сил с такими же неизбежными военно-политическими последствиями для России.

Как видно из подсчетов (табл. 1.5.), имеющих достаточно консервативный характер, после 2025 года сформируется несколько центров экономической силы, среди которых такой центр силы как «Россия», вообще не упоминается. По понятным причинам: в соответствующих прогнозах объем ВВП нашей страны оценивается в лучшем случае на уровне Великобритании.

Но главное всё-таки другое — не трудно обнаружить, что упоминающиеся центры экономической силы не являются самостоятельными в политическом и военном отношении. Все, кроме Китая, составляют одну коалицию и один центр силы.

Не упоминаются вообще и такие центры силы как Индия, исламские государства, Индонезия, наконец, Россия. По вполне понятным

Таблица 1.5. Международный прогноз роста ВВП некоторых стран[75]

Calendar Year	Gross Domestic Product (In Billions of 2010 U.S. Dollars)				
	North America (Nafta)	Eurozone	United Kingdom	Japan	China
Historical					
2010	17,629	12,645	2,431	5,713	6,085
2011	17,962	12,846	2,468	5,708	6,668
2012	18,371	12,736	2,500	5,793	7,190
2013	18,692	12,708	2,548	5,910	7,748
2014	19,137	12,858	2,626	5,925	8,314
2015	19,605	13,106	2,684	5,999	8,890
2016E	**19,914**	**13,326**	2,740	6,058	9,485
Forecast					
2017	20,362	13,516	2,776	6,120	10,089
2018	20,889	13,732	2,809	6,176	10,717
2019	21,375	13,932	2,852	6,219	11,370
2020	21,830	14,124	2,904	6,230	12,062
2021	22,313	14,333	2,970	6,290	12,787
2022	22,809	14,550	3,039	6,351	13,557
2023	23,297	14,767	3,107	6,418	14,355
2024	23,771	14,984	3,173	6,483	15,191
2025	24,230	15,197	3,239	6,545	16,036
2026	24,700	15,409	3,306	6,607	16,896
2027	25,201	15,620	3,375	6,666	17,765
2028	25,725	15,832	3,444	6,722	18,621
2029	26,248	16,045	3,514	6,779	19,468
2030	26,786	16,258	3,584	6,833	20,302
2031	27,335	16,472	3,656	6,885	21,116
2032	27,888	16,685	3,730	6,936	21,911
2033	28,453	16,898	3,805	6,987	22,707
2034	29,050	17,112	3,881	7,037	23,507
2035	29,657	17,327	3,959	7,085	24,326
2036	30,270	17,541	4,038	7,133	25,166
2037	**30,894**	**17,758**	4,119	7,178	**26,019**
Avg Annual Growth					
2010–16	2.1%	0.9%	2.0%	1.0%	**7.7%**
2016–17	2.2%	1.4%	1.3%	1.0%	**6.4%**
2016–26	2.2%	1.5%	1.9%	0.9%	**5.9%**
2016–37	2.1%	1.4%	2.0%	0.8%	**4.9%**

Global Insight website, GDP Components Tables (Interim Forecast, Monthly)

причинам — их «неодооформленности» в коалиции и «неразвитости», что позволяет делать самые разные предположения. В итоге получается, что к настоящему времени существуют два центра силы и формируется третий — Индия. Исламским государствам и России пока что отказано в том, чтобы претендовать на экономические сопоставления[76].

Между тем по другим, неэкономическим факторам, ситуация выглядит иначе. В этом случае, формирование самостоятельных трех центров силы почти завершилось, что означает их неизбежную легитимацию в скором будущем. В основе их отношений будет находиться прогнозируемое могущество в 2020-е годы, которое будет определяться следующими факторами, чье развитие эксперты прогнозируют уже в нестоящее время:

— экономическая мощь и объемы ВВП;
— демографическое лидерство, усиленное быстрым развитием среднего класса и ростом человеческого капитала;
— успехами в научно-техническом и технологическом развитии;
— быстрыми темпами роста военной мощи, которые превратят их в военно-политических в лидеров уже в краткосрочной перспективе.

В частности, если говорить о 2025–2030 годах, то считается, что Китай уверенно опередит США, а Индия — Японию по объему ВВП. Численность населения и доля в нем среднего класса в Китае и Индии также вырастет на сотни миллионов человек, даже если предположить, что темпы этих демографических изменений сохраняться на уровне предыдущих лет.

Сказанное в полной мере и прежде всего отразится на объемах и темпах роста военных расходов лидеров — Китая, Индии, Индонезии, Пакистана, Республики Корея — в регионе АТР.

Сложнее прогнозировать уровень и темпы развития науки и технологий, но, на мой взгляд, предыдущее десятилетие позволяет сделать вывод о том, что:

— по качеству ВВСТ и ВС, как и по количеству и подготовке ВС, Китай и Индия к 2025 году не будут существенно уступать США;
— в области стратегических вооружений Китай и Индия смогут подойти вплотную к показателям США, учитывая возможности развертывания ВТО и новейших систем ВВСТ;

Country	Notes	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2016 Current
Asia & Oceania												
Central Asia												
Kazakhstan	† 44	1388	1318	1243	1369	1510	1764	1992	1988	2046	1504	1102
Kyrgyzstan	45	141	143	156	192	189	189	202	223	231	212	206
Tajikistan		..	46.4	47.7	53.5	66.5	69.1	..	88	95.8	..	..
Turkmenistar	46	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..
Uzbekistan	47	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..
East Asia												
China, P.R.	48	103670	113542	137512	144499	156009	169382	185152	200915	214093	225713	**215176**
Japan	† 49	40557	40167	40919	41063	41616	41114	40940	41159	41103	41569	**46126**
Korea, North	50	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	**..**
Korea, South	51	27698	29510	31365	31620	32062	32876	33912	34954	36433	37265	**36777**
Mongolia		80.4	75.6	49.4	61.8	83.6	102	96	103	102	109	102
Taiwan		9146	9312	10030	9479	9570	9907	9356	9302	9803	9962	9924
South Asia												
Afghanistan	52	284	240	274	297	296	220	203	247	200	187	174
Bangladesh	53	1503	1484	1732	2086	2224	2340	2332	2492	2840	3003	3181
India	54	36179	41036	48315	48508	48978	48804	48445	50813	51295	55631	**55923**
Nepal	¶	224	236	265	278	287	272	298	337	319	304	319
Pakistan	‡ 55	7142	6734	6940	7197	7586	8045	8310	8731	9483	9931	10063
Sri Lanka	56	1480	1694	1750	1631	1709	1544	1585	1857	2057	2058	1986
South-East Asia												
Brunei	57	375	387	380	396	381	373	373	484	424	405	403
Cambodia		120	100.0	170	203	214	233	253	279	381.3	361	370
Indonesia	58	3659	3413	3567	4189	4802	5514	7413	6531	7639	7783	8183
Laos		25.1	23.3	19.5	19.6	21.9	22.4	23.1	..	..	..	..
Malaysia	59	4252	4349	4105	3586	4019	3833	4177	4208	4532	4295	4169
Myanmar	60	..	..	..	..	..	2969	3269	3276	3756	..	..
Philippines	61	2809	2810	2702	2838	2886	2926	3326	3071	3336	3990	3899
Singapore		8911	8981	9281	9104	8779	8578	8549	8800	9394	9986	9959

Рис. 1.12[77]. Военные расходы некоторых стран в 2007–2016 гг.
(в постоянных ценах 2015 г.)

— в области ВМС сохранится определенное отставание только по авианесущим кораблям у Индии и Китая, которое, однако, будет сокращаться, прежде всего, за счет китайских программ, которые по темпам развития уже в 2017 году опережали американские;
— на качественно новый уровень выйдут ВМС Японии, которые станут вполне сопоставимыми с ВМС других государств в АТР.

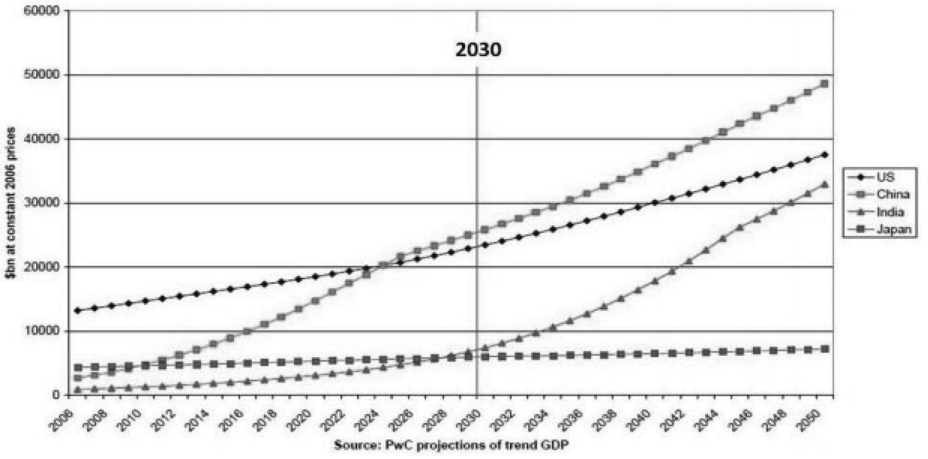


Рис. 1.13[78]. Перспективы развития экономик КНР, США, Японии и Индии до 2050 года

В целом общее соотношение сил в 2025 году может иллюстрировать график, отражающий уровень развития экономик этих стран, если показатели 2050 года в области экономики трансформировать в показатели военной мощи и демографических потенциалов на 2025 год, т.е. «сдвинуть» их на 25 лет. Это означает, что темпы экономического развития и уровень ВВП указанных государств являются «нижними» показателями в других областях, т.е. ожидаемые их темпы роста будут заведомо выше.

Сказанное означает, что существенно недооценивается конфликтный потенциал, который накапливается между этими государствами и их коалициями. Прежде всего, из-за сознательного снижения уровня политических и военных амбиций. Причем не только Индии и Китая, но и Японии. Пока что только США открыто заявляют о своем стремлении к доминированию в АТР и Евразии, но неизбежно со временем, а именно к 2025 году, политические амбиции и военные планы станут известны и у КНР, Индии и Японии, между которыми накапливаются противоречия.

Пока что очевидно появление таких «полей противоречий» в области контроля над морскими транспортными коридорами и сухопутными путями, вокруг которых возникают не только экономические «хабы», но и политические точки напряжения, способные поставить тематику геополитического контроля в Евразии на первое место в отношениях между этими странами.

Так, существенно изменяется потребности экономик этих стран в энергоресурсах уже к 2035 году, что неизбежно создаст напряжение на энергетическом рынке и обострит борьбу за доступ к известным источникам энергии. Как видно из прогнозов на 2035 год, потребление КНР будет вдвое превышать американское. С учетом того, что США во многом обеспечивают себе энергоресурсами и даже экспортируют за рубеж, а КНР является потребителем, возникает естественно вопрос о возможностях Китая обеспечить себе бесперебойные поставки энергоресурсов, которые в основном направляются с Ближнего Востока по морю.

Аналогичная проблема возникает и перед Индией, потребности которой в энергоресурсах будут стремительно расти по мере ускорения темпов роста индийской экономики и численности населения.

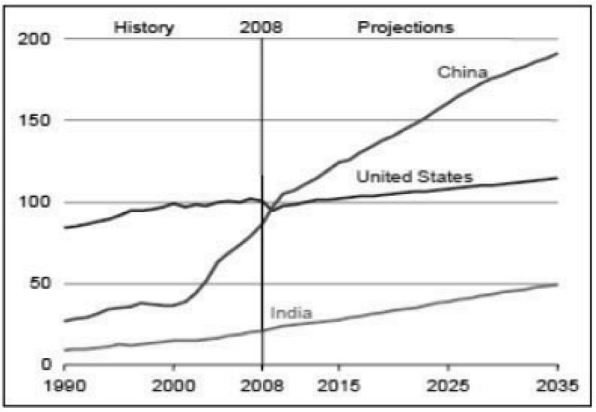


Рис. 1.14[79]. Вероятные энергетические потребности КНР, США и Индии до 2035 года

Военно-политические перспективы России являются, как уже говорилось, результатом двух взаимосвязанных, но достаточно самостоятельных процессов — неблагоприятного развития международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО), которые в незначительной степени зависят от России как субъекта международных отношений, с одной стороны, и собственно развития России, с другой[80]. Если первый процесс представляется достаточно объективным явлением, то второй — во многом определяется и даже предопределяется отношением и политикой правящей элиты России. Прежде всего к системе национальных интересов и ценностей, определяющих состояние национальной безопасности. Там, где существует сочетание традиций и инноваций, а мимесис (по-Тойнби) ориентирован на творческих личностей, одни перспективы, где нет — другие развития России.

При этом, как первый, так и второй процессы во многом предопределяются политикой отдельных субъектов ВПО в мире, прежде всего, лидеров ЛЧЦ и центров силы, — экономических и военно-политических коалиций. Именно поэтому важно желательно максимально точно знать, какая реально ими проводится политика и будет проводиться в будущем, чему посвящены следующие три книги работы.

В этой же части важно отметить, что будущие сценарии развития России и их военно-политические условия реализации зависят от указанных выше двух групп факторов, которые формируют сегодняшнюю

политическую реальность. Попытаюсь сформулировать оценку этой реальности на конец 2017 года.

Первое: внешние военно-политические условия развития России можно оценить как крайне неблагоприятные, граничащие с глубоким и развивающимся кризисом. Они во многом вытекают не только из современного состояния России, но и из ожидаемых пессимистических перспектив её развития, которые в целом (включая относительные экономические и социальные перспективы развития России и возглавляемой ею ЛЧЦ до 2050 года) выглядят, мягко говоря, очень скромно не только на фоне развития стран-лидеров других ЛЧЦ[81], но и, как минимум, 20–25 других ведущих государств планеты. Более того (в ряде выступлений лидеров Госдумы в ходе отчета, например, правительства Д. Медведева 19 апреля 2017 года) даже пессимистически. Несмотря на все попытки перед отчетом правительства подретушировать ситуацию в стране и перспективы ее развития, вполне оправданными можно считать такие оценки, как: «депрессия», «стагнация», «стагфляция» и даже «кризис».

Хуже всего то, что у Президента и Правительства нет сколько-нибудь ясных долгосрочных перспектив, которые способны внушить оптимизм. Более того, в бюджете на 2018–2021 годы фактически законодательно закрепляется отсутствие этих перспектив и стагнация на следующие три года, а разработки ЦСР А. Кудрина в лучшем случае лакируют перспективу стагнации социально-экономического развития.

Между тем, С. Глазьев, советник Президента РФ, достаточно определенно высказался по этому поводу в июне 2017 года: «Россия может стать набором разрозненных анклавов на периферии американской или китайской экономики. Или совершить технологический прорыв к 2025 году…»[82]. Он справедливо полагает, что президенту очень нужна реалистичная и научно обоснованная программа экономического роста. И такая программа, по его мнению, есть. Она представлена совместно «Столыпинским клубом», Торгово-промышленной палатой, Академией наук, Московским экономическим форумом. Эта программа позволяет рассчитывать на вывод российской экономики на траекторию устойчивого роста с темпом 5–10% прироста ВВП в год.

В этой связи возникает вполне естественный вопрос, имеющий уже политический характер: если у президента нет сколько-нибудь оптими-

стической программы, то почему он отказывается от помощи тех, у кого она есть? Программируется социальная и экономическая отсталость, которые в принципе не могут быть основой политики, ведь в современном мире невозможно сочетать мировое лидерство с экономической отсталостью.

Тем более невозможно добиваться глобальных успехов при снижающемся уровне жизни населения. Эпоха модернизации за счет снижения уровня жизни народа уже невозможна, это ушло в прошлое. После катастрофических последствий шоковой терапии, которую навязали под лозунгом «надо немного потерпеть, пережить радикальные реформы, чтобы построить высокоэффективную экономику с уровнем жизни как в Америке и Европе», народ в подобное чудо еще раз не поверит, это не прокатит. И это создает прямую угрозу внутриполитической стабильности, с одной стороны, и безопасности России, с другой. Народ понимает, что причина нашего бедственного положения в экономике заключается в ее неэффективном управлении, и подозревает, что работает она не в его интересах[83].

В 2026–2050 годах (в условиях нисходящей волны большого цикла и приближения «большой тройки» к уровню развитых стран 1960-х годов) среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения снизятся в Китае до 3,0%, Индии — до 3,5 и Бразилии — до 3,0%. Результаты расчетов по странам, исходя из высказанных предположений, приведены в таблице 1.6.

На фоне ускоряющегося развития целого ряда стран такое состояние становится особенно опасным именно в силу относительного падения мощи и влияния России в мире, когда возникают своего рода «ножницы» между отрицательными тенденциями относительного уменьшения мощи (экономической и демографической) России и необходимостью увеличения ее политического, военного и иного влияния в мире, вытекающего из-за роста напряженности, дефицита ресурсов и демографических и иных проблем. Объективная ситуация требует, чтобы развитие России во всех отношениях ускорилось, а ее военная мощь, как минимум, в будущем оставалась на относительном уровне 2018–2020 годов. Прежде всего потому, что целый ряд старых и новых центров силы будут развиваться быстрее, чем Россия, а их мощь и влияние в мире могут угрожать интересам нашей страны[84].

Таблица 1.6. Перспективы экономического роста «большой тройки» и всей совокупности развивающихся стран

Страны / Годы	Китай	Индия	Бразилия	Все страны
Численность населения, млн человек				
2000	1275	1017	172	4767
2025	1450	1335	215	6390
2050	1400	1550	235	7150
ВВП на душу населения, тыс. долл. США в ценах и по ППС 2000 г.				
2000	4,0	2,5	7,7	3,7
2025	17,2	10,7	20,5	10,7
2050	36,0	25,4	42,9	22,4
ВВП, трлн долл. США в ценах и по ППС 2000 г.				
2000	5,1	2,5	1,3	18
2025	24,9	14,3	4,4	68
2050	50,4	39,4	7,4	160

Оценивая ситуацию в 2018 году с этой точки зрения, мы неизбежно прогнозируем перспективы развития этих центров силы. И не только США и всей западной ЛЧЦ, но и таких будущих гигантов, как Китай,



WORLD NUCLEAR FORCES, 2016

Country	Deployed warheads	Other warheads	Total inventory
USA	1 800	5 000	6 800
Russia	1 950	5 050	7 000
UK	120	95	215
France	280	20	300
China	–	270	270
India	–	120–130	120–130
Pakistan	–	130–140	130–140
Israel	–	80	80
North Korea	–	(10–20)	(10–20)
Total	**4 150**	**10 785**	**14 935**

.. = not applicable or not available; – = zero; () = uncertain figure. 'Other warheads' includes operational warheads held in storage and retired warheads awaiting dismantlement. All estimates are approximate and as of Jan. 2017.

Рис. 1.15[85]. Ядерные силы в мире

Индия, Индонезия, Бразилия, Мексика и Пакистан. В качестве иллюстрации можно привести сопоставление основных параметров вооруженных сил КНР и Индии в настоящее время и в 2030 году, основываясь на уже известных данных.

Как видно из представленных оценочных данных (рис. 1.15), ядерные потенциалы известных держав существенно отличаются друг от друга, но если ядерные потенциалы США и РФ находятся пока что под контролем и (в силу разных причин) снижаются, то потенциалы СЯС КНР, Индии, КНДР и, возможно, других стран будут быстро расти. В данном случае речь идет в том числе и о таких «околоядерных» державах, как Япония, Бангладеш, Индонезия, Вьетнам, Филиппины, а также о потенциалах всех держав в области стратегических неядерных вооружений, прежде всего, ВТО и гиперзвуковых системах, которые не оцениваются. Между тем соотношение сил должно даваться уже по «триаде»:

— ядерные вооружения;
— системы ВКО;
— неядерные стратегические вооружения.

При таком подходе, отражающем фактическую военную мощь страны, оценивать потенциалы государств сложнее. В частности, если сравнивать военные потенциалы Китая и Индии, то начинать необходимо именно с сил общего назначения, представления о которых дает следующая таблица. Из неё, например, видно, что потенциалы двух стран вполне сопоставимы и даже структурно схожи, хотя индийские ВС, уступая количественно, могут претендовать на некоторые качественные преимущества.

Вместе с тем подобные сравнения не учитывают важнейшие тенденции:

— быстрого и сверхбыстрого роста военных бюджетов этих стран;
— качественного совершенствования ВВСТ и личного состава ВС обеих государств;
— огромных мобилизационных ресурсов держав;
— сверхбыстрого развития науки, технологий и национальных ОПК.

Кроме того, как видно из сравнения (рис. 1.16) вооруженных сил Китая и Индии и перспектив их развития до 2030 года, в целом можно констатировать примерное равновесие между ними, отражающее исто-

	INDIA		CHINA	
	QTY	QUALITATIVE JUDGMENT	QTY	QUALITATIVE JUDGMENT
Active Ground Forces	1.1 million		1.6 million	
Дивизии и бригады				
Infantry	18	Plus 7 x Inf Brigades	17	Plus 22 x Inf Brigades
Armored	3	Plus 8 x Armd Brigades	9	Plus 8 x Armd Brigades
Mechanized	4	Plus 2 x Mech Brigades	6	Plus 6 x Mech Brigades
Mountain	10	Plus 2 x Mountain Bdes	0	2 x Mountain Bdes
Airborne		1 x Bde	3	
Бронетанковые и артиллерийские силы				
Tanks	4110	The 320+ T-90S, 124 x *Arjun*, and 1,950 x T-72M are modern MBTs. 1500 new tanks to be purchased from 2015.	7050	Only the 1,500 x Type-96/Type-96A and the 450 x Type-98A/Type-99 could be considered modern MBTs.
AIFV	1455 (+)	To be replaced from 2020.	2390	
APC	331 (+)		2700	
Artillery	10758 (+)		12462 (+)	
Авиация				
Attack RW	20	Operated by Indian Air Force	6-10	
Recon RW	222	To be replaced from 2017 with 187 new helo.	248	
	200	Operated by Indian Air Force	20	Operated by PLA Air Force
Transport RW	106	Operated by Indian Air Force	250	
			60 (+)	Operated by PLA Air Force
Transport FW	217	Operated by Indian Air Force	336 (+)	Operated by PLA Air Force
Истребители и бомбардировщики				
Bombers	0		~82	H6A/E/H/M
Fighter	112	Mig-29; Mig-21	986	J-7; J-8; J-11; Su-27
Fighter Ground Attack	517	Jaguar; Mig-21; Mig-27; Mirage 2000, Su-30	313	J-10; J-11B; JH-7; Su-30
Attack	0		120	Q-5
Fighter / FGA **2030** projection	~830	214 x FGFA 126 x MRCA[175] 270 x Su-30 MKI 220 x Tejas LCA	~1300	Mix of J-10, J-11, Su-30 and smaller numbers of the J-20 stealth aircraft
58% of the Indian fleet can be classified as modern 4th and 4.5th generation aircraft, with the remainder being older, less modern 3rd generation.			**28% of the Chinese fast air fleet can be classified as modern** 4th and 4.5th generation aircraft, with the remainder being older, less modern 2nd and 3rd generation aircraft.	
ISR и поддержка				
AEW&C	2	Will increase in number by 2030 by at least 2	8	Will increase in number by 2030 by at least 2
EW	n/a		10	
Recce	n/a		99	
Refueling	6	Il-78. Will increase in number by 2030 by at least 2	10	H-6U. Will increase in number by 2030
UAVs	n/a		n/a	

Рис. 1.16[86]. Соотношение вооруженных сил Индии и Китая

рическую специфику их развития в предыдущие десятилетия. При этом можно отметить, что Индия достаточно осторожно увеличивает свои военные возможности, соотнося их с темпами экономического развития, но отнюдь не игнорируя самые современные требования к качеству ВВСТ.

INDIA		CHINA	
QTY	**QUALITATIVE JUDGMENT**	**QTY**	**QUALITATIVE JUDGMENT**
Nuclear Warheads			
60-80	India's nuclear stockpile includes 60-80 assembled nuclear warheads, with only about 50 fully operational.	**240** (est.)	175 active nuclear warheads, plus about 65 warheads in reserve or awaiting dismantlement.
100+ by 2030	The current number is likely to grow over the next decade.		The US intelligence community predicts that by the mid-2020s, China could more than double the number of warheads on missiles capable of threatening the United States to over 100.
Nuclear Delivery Systems - Aircraft			
122	Su-30 (Range 1,500km)	**~20**	B-6E bomber (Range 3,100km)
52	Mirage 2000 (Range 1,850km)		
Nuclear Delivery Systems - Submarines			
1	INS *Arihant*, was launched for sea-trials in 2009.	1	Xia class (Type 092) equipped with 12 JL-1 strategic SLBM
~6 by 2030	The Indian Navy plans to have six SSBN's in service. Each has 4 x SLBM tubes, which can deploy 12 x K-15 or 4 x K-4 missiles.	**2; 3 more by 2030 (est.)**	Jin-class (Type 094. Equipped with up to 12 JL-2 strategic SLBM. U.S. intelligence community estimated in 2006 that "a fleet of probably five TYPE 094 SSBNs will be built in order to provide more redundancy and a near-continuous at-sea SSBN presence.
Nuclear Delivery Systems - Missiles			
Type	**INDIA**		**CHINA**
Short-range ballistic missile (SRBM): Range 1,000 km or less.	~60	Prithvi I (150 km range) Prithvi II (250 km range) Prithvi III - Naval Version (350 km range	**240+** (est.)	40+ x DF-11 (Range 300km) 200+ x DF-15 (Range 600km)
Medium-range ballistic missile (MRBM): Range 1,000 to 3,500 km.	~100 ~25	X x Agni I (Range 1000km+) X x Agni II (Range 2000km+)	Up to **77** (est.)	~17 x DF-3A (Range 3100km) ~60 x DF-21 (Range 2100km)
Intermediate-range ballistic missile (IRBM). Range 3,500 to 5,500 km.	0 **(~50 by 2030)**	~9 x Agni III (Range 3500km) – test only. 0 x Agni V (Range 5500km) Agni V will feature MIRV with 3-10 warheads.	Up to **17** (est.)	~17 x DF-4 (Range 4,750km)
Intercontinental ballistic missile (ICBM): Range greater than 5,500 km.	0	Surya (Range ~12,000km). Existence of this missile based on a single source only. Not deployed.	**41** (est.) **(~60 by 2030)**	~20 x DF5A ~8 x DF-31 (est.) ~13 x DF-31A (est.)
Submarine-launched ballistic missile (SLBM).	0 **(~24 by 2030)**	K-15 SLBM (Range 700 km) – in testing. K-4 SLBM (Range 3500km) in development	**48** (est.) **(~72 by 2030)**	12 x JL-1 (Range 1000km +) 36 x JL-2 (Range 7,200km +)

Рис. 1.17[87]. Ядерные возможности Индии и Китая

Китай и его вооруженные силы развиваются, на первый взгляд, быстрее, чем индийские, но во многом это связано как с объемом китайской экономики и развитием технологий, так и пониманием опасностей в КНР по периметру их юго-восточных, южных и юго-западных

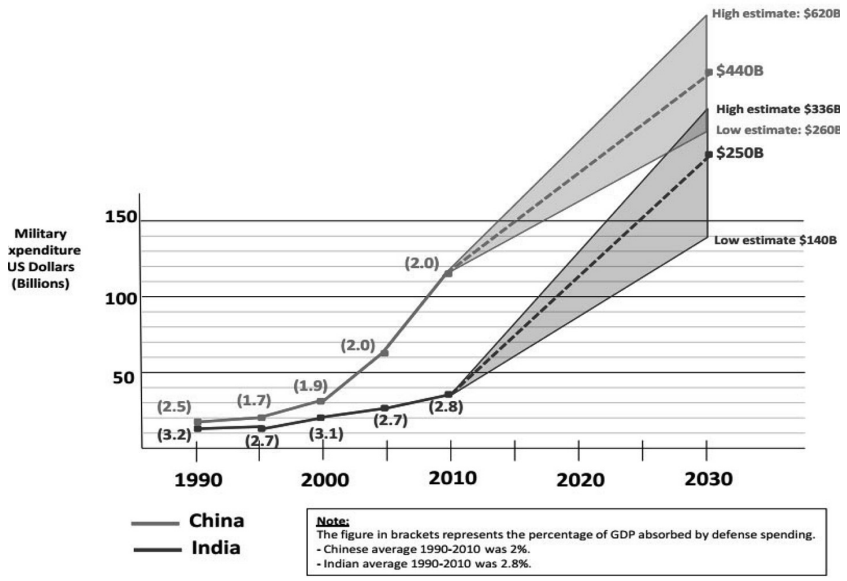


Рис. 1.18. Ожидаемый рост военных расходов Индии и КНР к 2030 году

границ. В обоих случаях, однако, можно констатировать огромные ресурсы развития, которые обе эти страны могут оперативно использовать в случае необходимости[88].

Еще заметнее возможные изменения в ядерных силах КНР и Индии к 2030 году, о чем свидетельствуют следующие данные. Как видно из таблицы, основные ядерные силы КНР и Индии сосредоточены в диапазоне ракет малой и средней дальности, хотя я бы достаточно критично отнесся к таким оценкам не только из-за секретности в КНР и Индии, но и очень быстрых темпов их развития. В любом случае можно будет говорить, что у обеих стран к 2030 году будет определенный потенциал ракет стратегической дальности, приближающийся или превышающий дальность в 5500 километров, который сможет гарантировать им возможность нанесения ответного удара по любому из государств, включая, естественно, США и Россию.

Более того, уже можно говорить о том, что ядерные потенциалы Индии и Китая смогут стать (вкупе с развитием там военно-космических программ) мощными стратегическими потенциалами, гарантирующими безопасность этих стран и возможности проведения ими наступательной внешней и военной политики.

В агрегированном виде быстрый рост военной мощи Индии и Китая, который, возможно, будет сопровождаться соревнованием между КНР и Индией, в период до 2030 года прогнозируется зарубежными авторами следующим образом: (рис. 1.18[89]).

Из чего видно, например, что военные расходы КНР к 2030 году могут превысить 629 млрд долл. (на уровне США 2018 года), а Индии — более 330 млрд (на уровне всех стран-членов НАТО). Подобные результаты военно-экономического развития позволяют сделать вывод о том, что уже к 2030 году КНР и Индия станут вполне сопоставимы с США по своей военной мощи в Евразии и АТР[90].

Эти изменения уже видны на тенденции, в которой отражены перемены долей стран-торговцев оружием в мире, которые уже отразились на мировой структуре военно-технического сотрудничества (ВТС), где стремительно растет доля нового мирового торговца оружием — Китая, который уже потеснил по объему торговли таких традиционных лидеров, как: Великобритания, Германия и Франция.

Учитывая влияние КНР в Юго-Восточной Азии и мощь их финансовых ресурсов, а, главное, набирающие темпы национального ОПК, можно прогнозировать, на мой взгляд, следующее:

— Китай достаточно быстро будет вытеснять Россию с рынка вооружений развивающихся стран и новых центров силы;

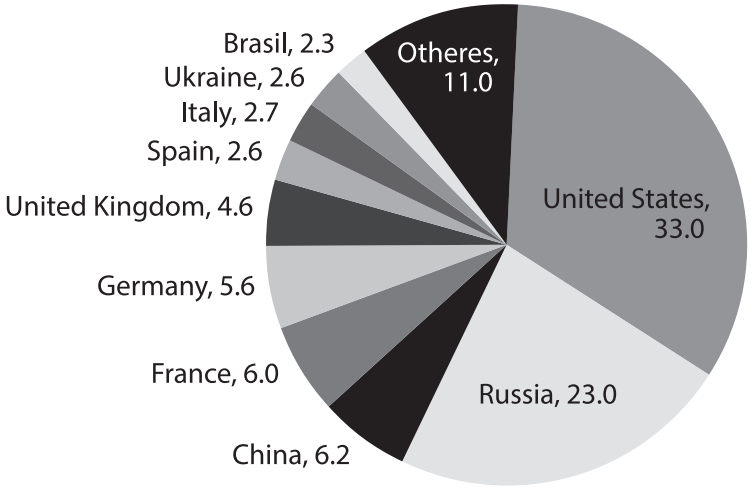


Рис. 1.19. Структура торговли оружием

— его позиции в области ВТС обеспечат КНР доминирующие позиции во всей Ю-В Азии и АТР;
— именно ВТС станет той платформой, на которой будет формироваться, как и на платформе «Шелкового пути» мощь КНР в Евразии.

Можно также предположить, что именно эта область станет конкурентным полем Китая, с одной стороны, и США, с другой. Особенно если к США в конечном счете в вопросах безопасности присоединится Индия. В этом случае можно говорить, что западная ЛЧЦ и военно-политическая коалиция (в особенности в случае — почти неизбежным — выхода Японии за рамки ограничений Конституции) станут доминировать в АТР[91].

Следует также признать, что численность военных конфликтов в последние десятилетия имеет устойчивую тенденцию к увеличению, что позволяет говорить об увеличении значения роли сил быстрого развертывания и специальных операций в реальной войне и складывании военно-политической обстановки. Применительно к Китаю, США и Индии это означает, что их влияние в мире и в

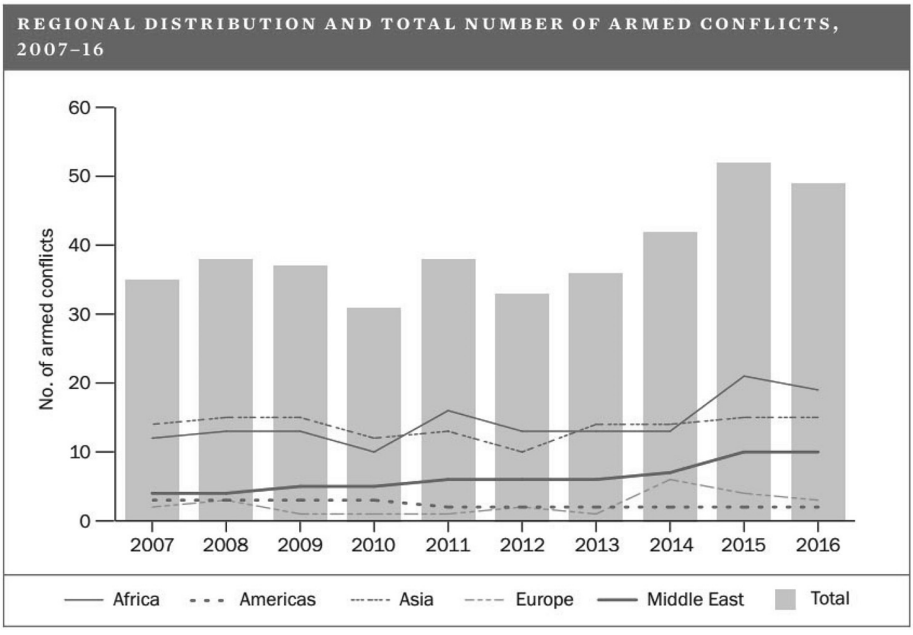


Рис. 1.20[92]. Региональное распределение и численность военных конфликтов (2007–2016 гг.)

регионе будет во многом определяться возможностями оперативного развертывания вооруженных сил в отдельных удаленных районах мира.

На этом фоне развитие России до 2030 года можно охарактеризовать как отстающее, увеличивающее экономический и технологический разрыв с ведущими странами в мире и в Евразии, включая, естественно, Индию. В полной мере это будет сказываться и на формирования военно-технического отставания России, которое станет заметным к 2030 году по следующим причинам:

— во-первых, из-за снижения темпов экономического роста в последние десятилетия и прогнозируемых низких темпах роста до 2030 года. По моим оценкам, Россия в 2030 году по объему ВВП будет превосходить уровень РСФСР 1990 года не более, чем на 50%, а её военные расходы составлять не более 20% от китайских и 50% от индийских;
— во-вторых, к 2030 году исчезнут советские научные и технологические «заделы», подготовленные фундаментальной наукой и НИОК.

Эти и другие аспекты формирования будущей ВПО в мире и в Евразии будут означать для России неизбежную потерю своего внешнеполитического влияния уже в среднесрочной перспективе до 2030 года. Как видно на графике (рис. 1.21), до 2050 года можно прогнозировать два взаимосвязанных процесса снижения мощи России и уменьшения её влияния относительно других ЛЧЦ в Евразии и АТР[93].

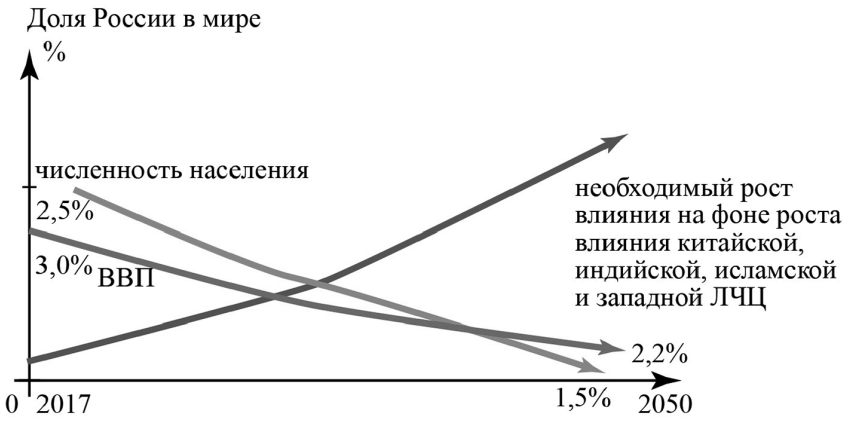


Рис. 1.21.

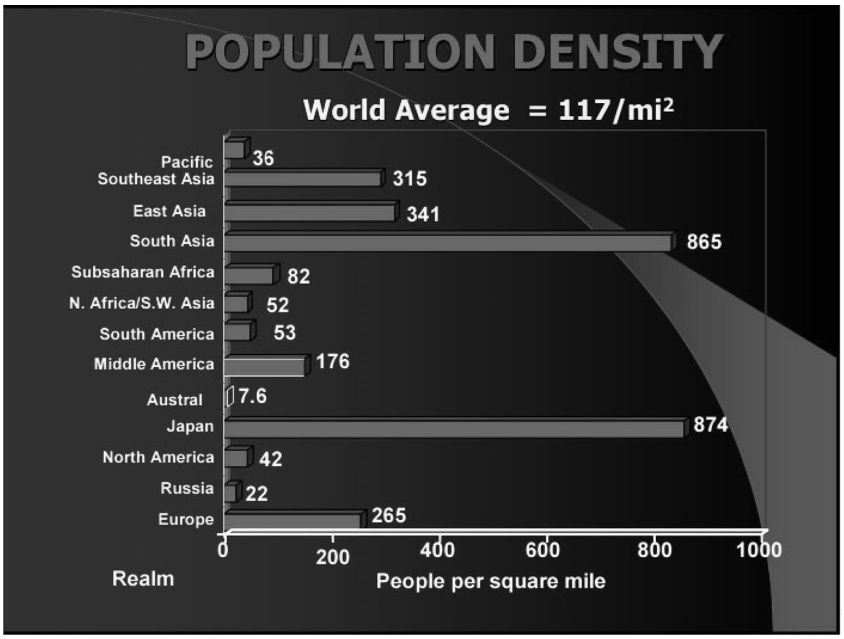


Рис. 1.22.

Это противоречие особенно наглядно видно на наиболее ярких примерах, таких как необходимость для Индии создавать мощный ВМФ, а для Китая — усиление возможностей для решения этой задачи, объективно связанных с защитой своих транспортных коридоров на море.

Как видно на карте, основные морские транспортные коридоры КНР расположены на юге и юго-востоке Евразии и очень уязвимы с точки зрения возможной блокады США или Индией.

Подобные проблемы возникают на фоне существующих противоречий между Индией и Китаем и возможных будущих трудностей, вытекающих, например, из демографических условий развития Индии. Как видно на графике (рис. 1.22[94]), Южная Азия — самая перенаселенная часть планеты, где плотность населения равняется плотности в Японии.

Но ситуация неизбежно существенно осложняется в силу неравномерности демографического развития этого региона, которое обострит социально-экономическую и военно-политическую ситуацию.

Так, например, сухопутные транспортные коридоры Китая могут конкурировать с индийскими коридорами и портами.

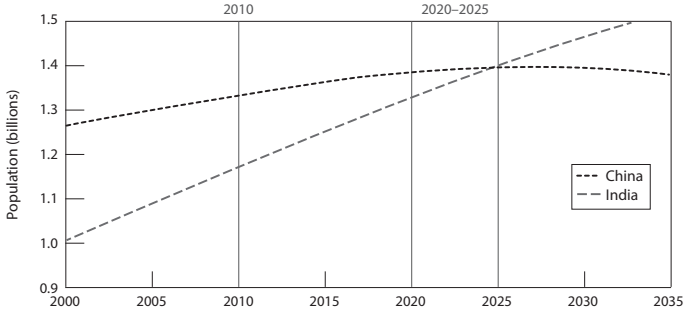


Рис. 1.23[95]. Демографические тенденции в развитии Индии и Китая

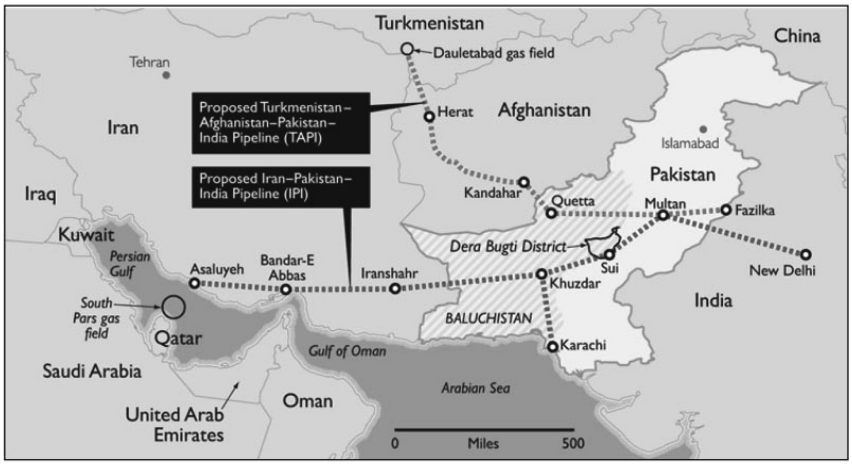


Рис. 1.24. Предлагаемые трубопроводы в Индию

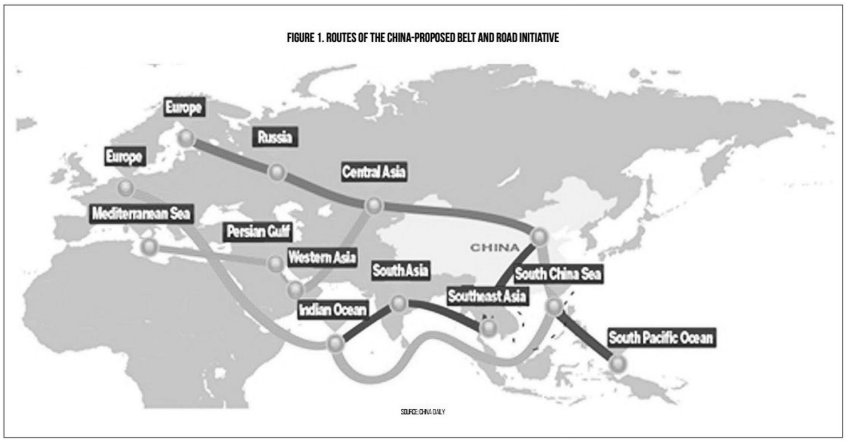


Рис. 1.25[96].

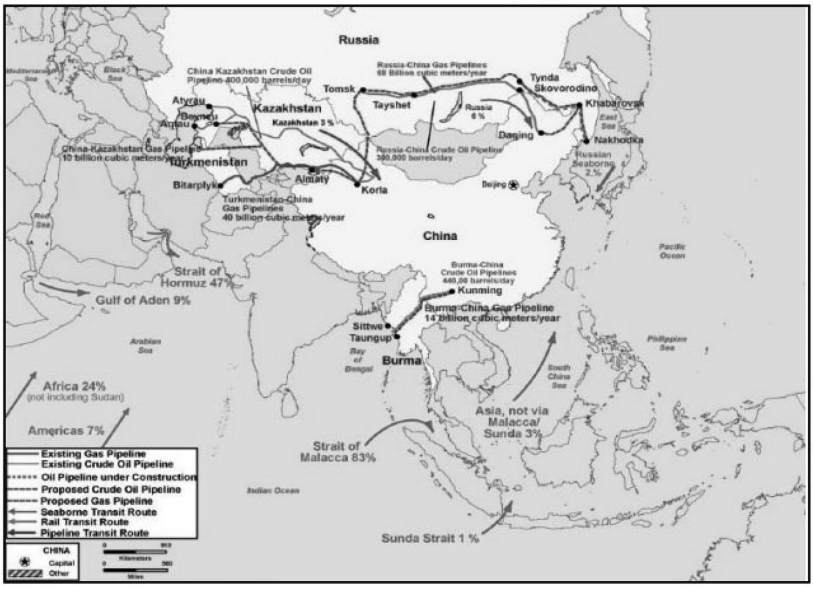


Рис. 1.26[97]. Китайские энергетические маршруты

1.2.6). Позиции России относительно «Большой тройки»

Мы должны уметь быстро адаптироваться к новым условиям, сохраняя превосходство над традиционными видами угроз[98]

Национальная военная стратегия США

Постепенное потеря влияния России в регионе АТР в будущем будет идти вопреки росту значения этого региона в мире, где будет сосредоточено более 60% экономики и торговли. При этом глобальное противоречие между лидерами будет перенесено именно в этот регион, где, прежде всего, будут реализовываться внешнеполитические цели США, оформленные в следующей глобальной стратегии.

Как видно из рисунка 1.27, к 2025 году прогнозируется, что США достигнут в основном поставленных целей, а именно:

— им удастся демонтировать остатки системы международной безо-

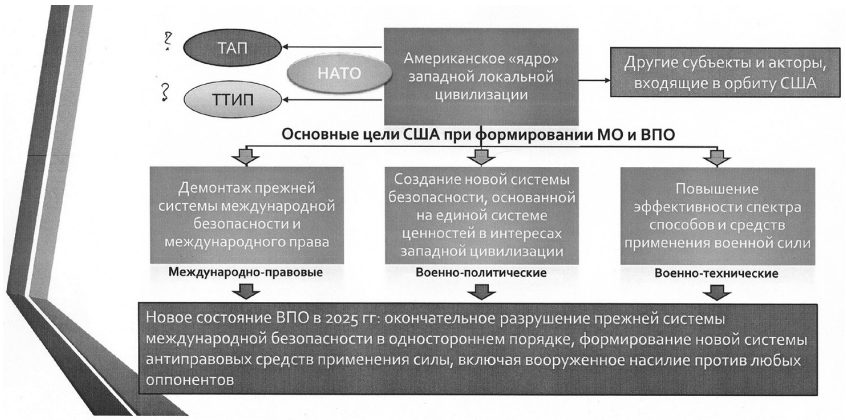


Рис. 1.27. Среднесрочная стратегия США (до 2025 года) относительно других локальных цивилизаций

пасности, приспособив к своим целям или окончательно разрушив существующие международные институты и договоры (прежде всего, ООН, ОБСЕ и другие);

— им удается в целом подчинить своей военно-политической коалиции другие государства, навязав им свою систему ценностей и правовые нормы (за исключением Китая, России и, возможно Индии);

— им удается к 2025 году добиться резкого повышения эффективности военной силы и других силовых инструментов политики.

Таким образом, к 2025 году мир, вероятно, подойдет к решительной черте, когда окончательное решение останется за теми, кто сможет



Рис. 1.28. «Большая тройка» в Евразии

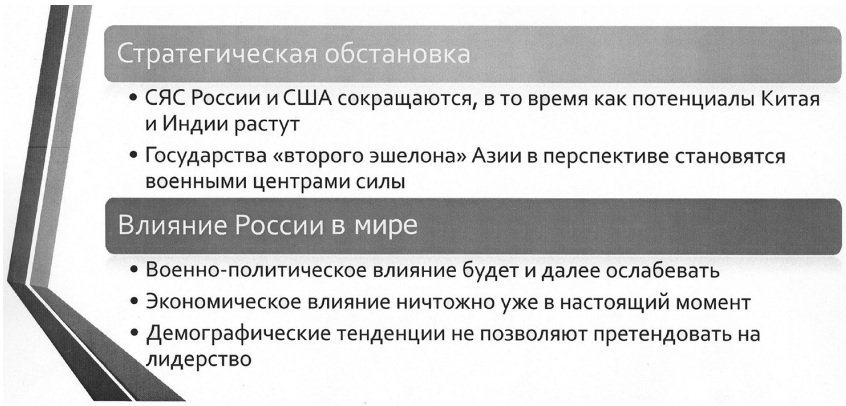


Рис. 1.29. Состояние и перспективы развития России на фоне других центров силы

оказать сопротивление военно-силовому давлению. В самом общем виде ситуация в мире может свестись к противостоянию трех центров силы — США, Китая и Индии.

Следует изначально признать, что позиции России в отношении «Большой тройки» не только слабы, но и будут ослабевать в дальнейшем. Поэтому их не удастся принципиально изменить в нашу пользу в обозримом будущем, а существующие попытки декларировать это намерение пока что не имеют существенных оснований. Более того, опрометчивые действия, как, например, создание ударных авианосных группировок, может привести только к неэффективному использованию ограниченных национальных ресурсов[99]. Тратя на оборону столько же, сколько тратят сегодня Япония, Англия или Саудовская Аравия, нельзя пытаться претендовать на глобальную военную роль. Поэтому, влияние России в мире, вероятно, после 2025 года будет характеризоваться следующими особенностями: рис. 1.29.

Достаточно для этого сравнить стоимость строительства (без обслуживания) кораблей основных классов и возможности российского бюджета, в рамках которого за последние годы не было построено ни одного крупного судна, за исключением ПЛАРБ.

Как и в других областях, в военном деле сказалось наше отставание в последние десятилетия и соответствующая политика. В августе 2017 года С. Лавров следующим образом дал подробную характери-

Таблица 1.7. Оценка затрат на строительство боевых кораблей 1–2 ранга для ВМФ РФ в рамках ПВК–2050[100]

Класс	Кол-во[1]	Тип	Цена млрд $[2]	Цена ППС млрд $[3]	Сумма млрд $	Проект	Цена млрд руб.	Цена млрд $[4]	Сумма млрд руб.
ПЛА	24	SSN(X)	3,20	1,86	44,5	885	42	0,79	1008
ПЛ	24	Сорю	0,63	0,36	8,7	677	9	0,17	216
АВ	4	CVN 78	12,80	7,42	29,7	НПКБ	250	4,72	1000
ЭМ	16	DDG(X)	2,50	1,45	23,2	Лидер	50[5]	0,94	800
ФР	24	F 124	0,97	0,56	13,5	22350	18	0,34	432
КРВ	24	LCS(X)	0,50	0,29	7,0	20380	10	0,19	240
УДК	4	LHA 6	4,00	2,32	9,3	НПКБ	50[6]	0,94	200
БДК	20	LSD(X)	1,80	1,04	20,9	НПКБ	20	0,38	400
Итого	**140**	Итого затраты		68% →	**15**[7]	Итого затраты		52% →	**4296**
Итого ассигнования в рамках ПВК–2050				100% →	**230**[7]	Итого ассигнования		100% →	**8225**[8]

[1] Прогноз на 2050 г. без увеличения численности кор. состава.

[2] По данным Конгресса США, Минобороны Японии (Сорю), немецких СМИ (F124).

[3] Пересчёт по ППС РФ на 2014 г. ($ВВП_{ном}/ВВП_{ппс} = 0,58$).

[4] По курсу на 01.06.2015.

[5] Пересчёт с АВ НПКБ по соотношению цен CVN 78 и DDG(X).

[6] Среднее значение между Мистралем/Халзаном и пересчетом с АВ НПКБ по CVN 78 и LHA 6.

[7] По курсу на дату утверждения ПВК–2050 (01.05.2014).

[8] Пересчет с ГПВ–2020 по расходу на кораблестроение (47% от 5 трлн руб.).

стику послесоветской политике России: «Мы, в свою очередь, когда 25 лет назад проходили все эти события, исходили из того, что все-таки в „холодной войне“ победили мы все, и победа была общей. Мы хотели верить, что идея общеевропейской, общемировой и равной безопасности, как она была заложена в Уставе ООН, все-таки будет воплощаться в жизнь. Напомню, что в далекие 1990-е гг., когда наша страна еще не смогла оправиться от последствий распада Советского Союза, когда было огромное количество проблем, долг, обустройство границ, которые в одночасье появились с бывшими советскими республиками, социальные проблемы и многое другое, тогда лидеры западных стран решили, что Россия слабенькая и такой и останется, и они встроят ее в свое мироустройство, она станет партнером, и они смогут заказывать музыку и тон»[101].

Во многом эти оценки и расчеты позже подтвердились. Россия постепенно выбывала из числа мировых лидеров не только в экономической и технологической областях, но и в традиционных областях, где она обладала конкурентными преимуществами — переработке сырья, энергетике, образовании, фундаментальной науке и даже культуре.

В конечном счете, это привело к тому, что Россия объективно потеряла возможности политического и военного влияния в мире. Военная операция в Сирии 2015–2017 годов стала первой серьезной, но очень ограниченной по масштабам и силам использования, военной акцией, которая показала реальные возможности ведения боевых действий со стороны России против одного актора (даже поддерживаемого извне) на территории одного государства.

Для того, чтобы представить себе реальные возможности России, можно было бы сравнить их с возможностями США или Китая в одном из регионов мира, где военный конфликт между крупными державами выглядит как реальный. Например, в Южно-Китайском море, где территориальные споры втягивают в военный конфликт сразу несколько государств.

Не трудно увидеть, что у России (в отличие от Китая и США) в этом регионе нет ни баз, ни соединений ВМФ, ни авиации, ни сухопутных сил, ни союзников.

Иными словами, Россия пока что сама выбыла из числа стран, уча-

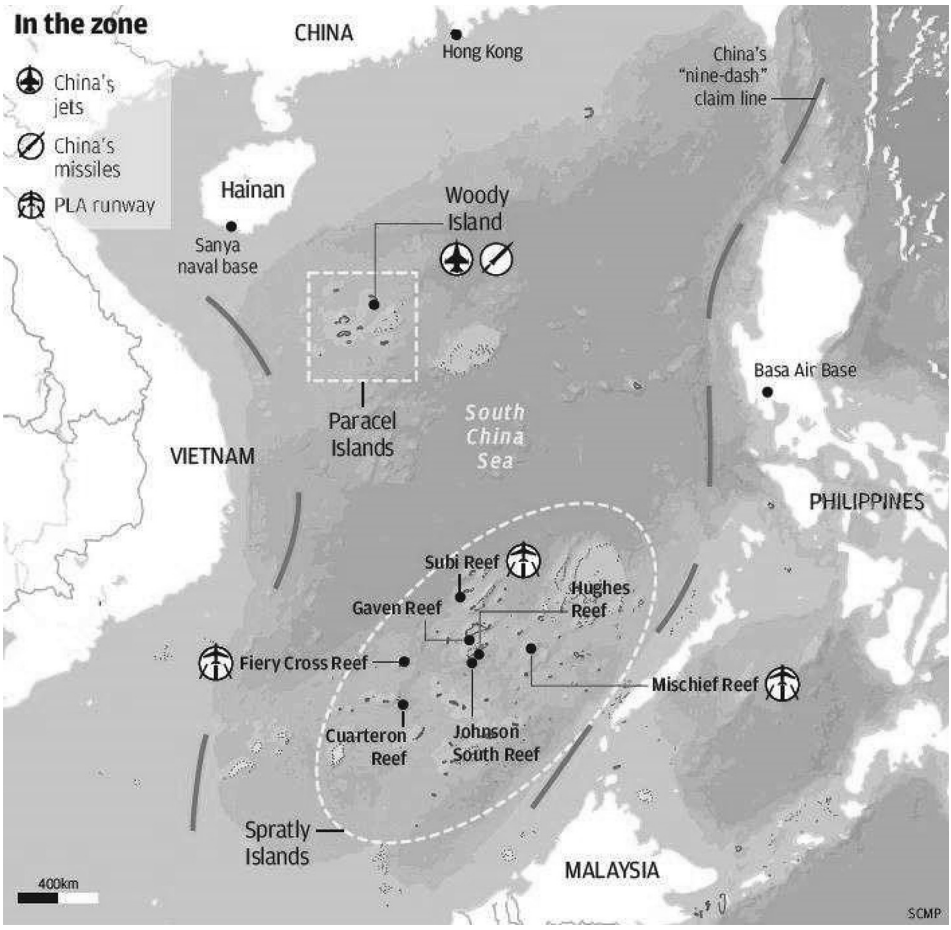


Рис. 1.30.

ствующих в формировании глобальной ВПО.

Параллельно с этим процессом развивался и процесс быстрого изменения в соотношении сил между разными субъектами ВПО и даже отдельными акторами. Причем изменения эти были, во-первых, очень динамичными, укладывавшимися в периоды 20–30 и даже 10–15 лет, а, во-вторых, качественными, меняющими все представления о ВПО. В качестве одного такого примера можно привести пример с изменениями в соотношении военных сил КНР и Тайваня. Так, если еще в начале 90-х годов XX века соотношение современных самолетов (а именно они определяют мощь не только ВВС, но и всех ВС государств) КНР и Тайваня было примерно равно, то уже через 25 лет оно качественно

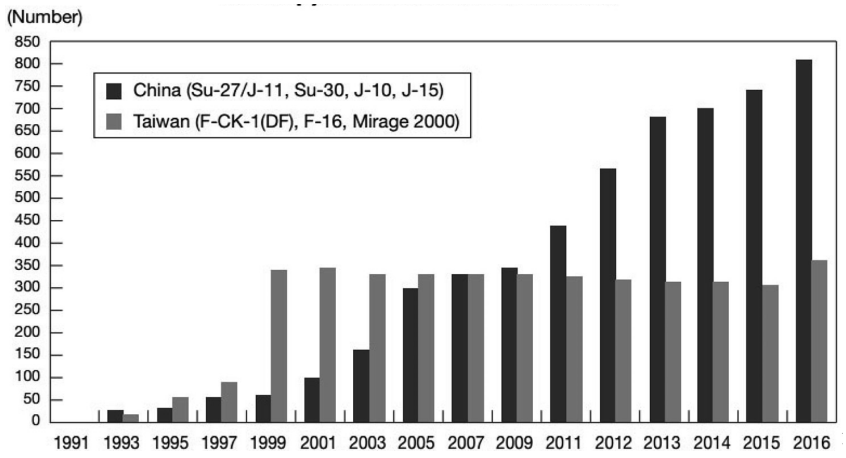


Рис. 1.31[102]. Тенденции поступления современных самолетов на вооружение ВВС КНР и Тайваня

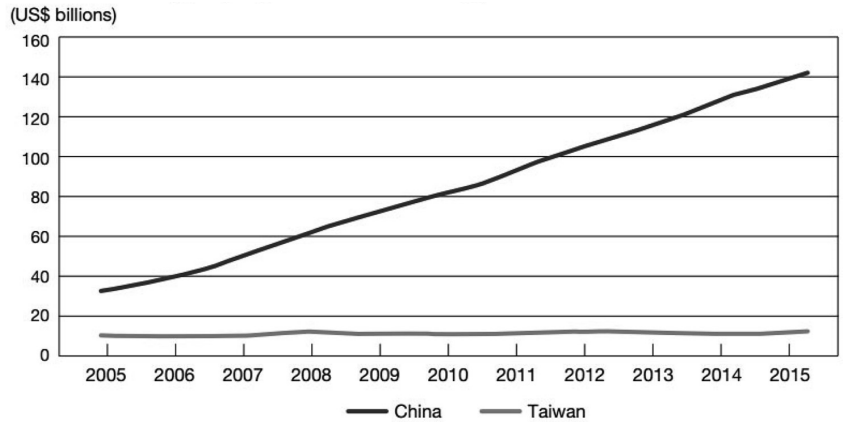


Рис. 1.32[103]. Тенденции роста военных бюджетов КНР и Тайваня

изменилось в пользу КНР.

Еще показательнее динамика роста военных бюджетов КНР и Тайваня за последние 10 лет, с 2005 по 2016 годы. Военный бюджет Тайваня фактически остался на прежнем уровне, а КНР вырос на 500%, причем имеет тенденцию к ускорению роста. Если она сохранится (а, для этого есть все основания), то в 2030–2040 годах военный бюджет КНР может составить 350–400 млрд долл., что будет в 20 раз больше военного бюд-

жета Тайваня.

Эти тенденции означают, что военный потенциал Тайваня фактически стал не сопоставим с военным бюджетом и потенциалом КНР и ВПО в этом регионе стала целиком зависеть от отношений США и Японии, с одной стороны, и КНР, — с другой.

Но аналогичная ситуация складывается и во всей Юго-Восточной Азии, где резко возросла роль не только КНР, но и новых военно-политических центров силы — Вьетнама, Индонезии и Южной Кореи. В результате этих процессов возникает ситуация, когда вероятно формирования двух доминирующих тенденций:

— лидерство КНР признанное другими странами Юго-Восточной Азии;
— усиление силового давления США.

При любом развитии, ситуации, однако, роль России в Юго-Восточной Азии и АТР в целом будет снижаться.

Об этом, в частности, могут свидетельствовать результаты встреч Д. Трампа и руководства КНР в ноябре 2017 года. Визит Трампа в Китай можно считать одним из наиболее плодотворных для бизнеса обеих стран. Си Цзиньпин назвал этот визит историческим, а Трамп, судя по всему, добился за счет этих соглашений того, чего хотел. Так, Трамп регулярно говорил о том, что условия торговли США и Китая являются «несправедливыми», так как США имеют дефицит торговли с Китаем в полтриллиона долларов (хотя по итогам 2016 года дефицит был меньше — 347 млрд долл.). Иными словами, США покупают у китайцев больше, чем китайцы — у США. Кроме того, американцы теряют рабочие места из-за переноса производства на китайскую территорию. Всем этим Трамп был сильно недоволен. И перед встречей с китайским лидером он также обещал сделать торговые отношения между Вашингтоном и Пекином «более сбалансированными»[104].

Полностью решить проблему торгового дефицита в торговле с Китаем Трампу, конечно, не удастся. Но, судя по тем соглашениям, которые подписаны, Трамп действительно отчасти добился своего: США серьезно нарастят экспорт своих товаров в Китай. Потому что в основном договоры касаются заказов американской продукции китайскими компаниями. Учитывая, что Китай наторговывает с США на 600 млрд

долл., дополнительные 253,4 млрд долл. — это существенный рост.

При этом некоторые контракты, уже подписанные Китаем и США, могут в перспективе помешать российско-китайским проектам.

Китай и Аляска подписали соглашение об СПГ-проектах на 43 млрд долл. Речь идет об экспорте СПГ с американского месторождения AGDC в Китай. Этот проект может стать крупнейшим в США по экспорту СПГ в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Потребление газа в Китае за последнее десятилетие выросло в четыре раза. Главными поставщиками СПГ в Китай пока являются Катар и Австралия. США будут конкурировать в первую очередь именно с ними. Однако здесь США могут навредить и России, которая строит трубопровод «Сила Сибири» для поставок своего газа в Китай, а также ведет переговоры о второй очереди трубы. Проект Alaska LNG — прямой конкурент проекту «Ямал СПГ», который реализуется НОВАТЭК Геннадия Тимченко.

Крупный контракт подписан в авиационной сфере. Китайцы за 37 млрд долл. покупают у Boeing 300 самолетов. Сделка включает 260 узкофюзеляжных Boeing-737 и 40 широкофюзеляжных Boeing-787 и Boeing-777. По последнему прогнозу Boeing, до 2036 года Китаю потребуется более 7,2 тыс. новых самолетов общей стоимостью 1,1 трлн долл.

С другой стороны, Китай вместе с Россией договорились разработать и построить собственный широкофюзеляжный дальнемагистральный самолет CR929, который должен составить реальную конкуренцию самолетам Boeing и Airbus в этом классе. Но заказ американских самолетов не должен помешать нашим более долгосрочным планам. Свой первый полет российско-китайский самолет совершит только в 2025 году. И если все пойдет по плану, то китайцы станут главными заказчиками этого лайнера. Предполагается, что до 2045 года будет продано 800–1000 самолетов CR929.

Кроме того, на 12 млрд долл. заключены контракты между американской Qualcomm и тремя китайскими производителями телефонов — Xiaomi, OPPO и Vivo. Китайцы будут закупать у американцев компоненты для своих телефонов. Впрочем, Qualcomm уже давно работает с этими компаниями, и на Китай приходится две трети выручки американской компании (14,6 млрд долл.). Еще на 3,5 млрд долл. заклю-

чена сделка с General Electric, которая поставит две партии двигателей китайскому авиаперевозчику, а также газовые турбины и другие товары компании China Datang.

Автоконцерн Ford Motor в партнерстве с китайским автопроизводителем Anhui Zotye намерен инвестировать 5 млрд юаней (754 млн долл.) в разработку автомобилей, которые будут продаваться на китайском рынке.

Ряд контрактов касались сельского хозяйства. В частности, был подписан протокол о намерениях по экспорту соевых бобов из США в Китай на сумму до 5 млрд долл. Плюс был подписан контракт на покупку Китаем американской говядины и свинины в следующие три года на 1,2 млрд долл. Россия уже давно пытается расширить возможности российских производителей мяса для его экспорта в Китай, однако пока безуспешно.

Нашу концепцию мироустройства изложил С. В. Лавров[105]: «Понятно, что навязать одну форму глобализации для всех невозможно. Народы хотят отстаивать свою национальную идентичность, обеспечивать свою самостоятельность и не хотят, чтобы ими командовали и понукали. Ясное дело, что те, кто все-таки цепляется за однополярный мир, не хотят сдавать своих позиций, хотя объективно это уже невозможно себе представить. Эта эпоха уходит. Но продолжаются попытки затормозить эти процессы, отсюда односторонние меры принуждения в обход СБ ООН, односторонние санкции, которые абсолютны нелегитимны, и рецидивы силового вмешательства во внутренние дела других государств, в том числе с целью сменить там режимы, которые вызывают у некоторых наших западных коллег неприятие, а также экстерриториальное применение национального законодательства, чем сейчас славятся США. Вроде бы к их опыту начал присматриваться Европейский союз. Результаты у всех на глазах — это кризисы, конфликты, разрушаются государства. В Ираке и Ливии государственность под большой угрозой. Одновременно был посеян хаос в других странах Ближнего Востока и Севера Африки. Интервенции в Ираке и Ливии открыли путь для террористов и в остальную часть Африки, включая всю Центральную Африку, Среднюю и Юго-Восточную Азию. ИГИЛ уже там, и люди этим очень сильно озабочены. Открыли путь экстремистам и террористам, в том числе и в Европу. Европа под гнетом проблем, которые сейчас ее



Рис. 1.33. Интеграционные проекты в Азии

раздирают, конечно же, должна делать какие-то выводы»[106].

Не секрет, что эта концепция в качестве материального фундамента гарантирована только темпами и мощью развития альтернативных США центров силы, в частности, мощью Китая, Индии, Вьетнама и интеграционных проектов, которые смогут составить противовес США.

Но у всех этих альтернатив есть серьезный минус: в отличие от США они не объединены одной стратегией и даже одной политикой. Даже внутри этих проектов есть противоречия: между Китаем и Индией, между Индией и Пакистаном, между Китаем–Вьетнамом, Малайзией

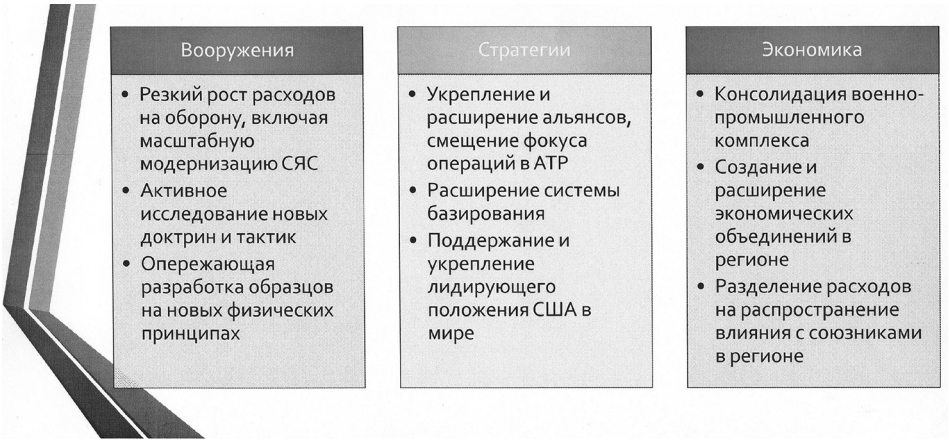


Рис. 1.34. США и будущее военно-политической обстановки

и Индонезией и т.д.[107]

В отличие от этих центров силы, стратегия США представляет собой систему политических, экономических и военных мер по сохранению своего господства, которая до 2025 года, будет по сути дела формировать ВПО в мире.

Эта констатация, оценка состояния современной МО и ВПО, но это же и признание тех внешних условий, которые будут определять развитие России до 2025 года, т.е. перспективы ВПО. Они во многом будут зависеть от политики правящей российской элиты, которая будет вынуждена регулярно делать выбор: либо поддаться силовому давлению западной ЛЧЦ и фактически капитулировать, отказавшись поэтапно от суверенитета, национальных интересов, ценностей и идентичности, либо противодействовать нарастающему силовому (и неизбежно военному) давлению со стороны западной ЛЧЦ, расходуя на это возрастающие объемы национальных ресурсов.

1.2.в). КНР и будущая безопасность России

> С точки зрения мирового политического порядка текущий период (охватывающий текущее десятилетие и, возможно, первые годы следующего — т.е. до 2025 года. — *А.П.*) является периодом **кризисов моделей** мироустройства… [108]
>
> *Авторы прогноза «Мир 2035»*

Период кризисов (с чем можно на этот раз согласиться с авторами прогноза) неизбежно предполагает быстрые перемены в ВПО и особенно в стратегической обстановке, чреватые самыми большими неожиданностями. Это, в свою очередь, заставляет продумывать и просчитывать самые неожиданные повороты в политике, даже такие, о которых по самым разным причинам сегодня не принято говорить. Например, о возможности, кажущейся крайне маловероятной сегодня, сговора США и Китая против России с целью раздела сфер контроля и влияния на севере и северо-западе Евразии[109].

На мой взгляд, подобного развития событий исключать сегодня нельзя. И мы сегодня это обстоятельство обязаны учитывать. Тем бо-

лее что примеров в истории подобных изменений достаточно. Можно вспомнить, например, как Великобритания готовилась быть союзником СССР в 1939 году, а через несколько месяцев стала готовить экспедиционный корпус против него, а затем, после начала войны с Германией, подписала с СССР союзнический договор, который в 1946 году был фактически аннулирован после выступления У. Черчилля в Фултоне.

Военно-политическая обстановка в мире и вокруг России к 2025 году во многом будет определяться стратегическими возможностями Китая, чей военный потенциал стремительно увеличивается и во всё большей степени начинает соответствовать растущим политическим амбициям руководства КПС и КНР, обеспеченным во все большей мере экономической и демографической мощью нового центра силы.

При этом необходимо учитывать два важнейших стратегических обстоятельства, характеризующих китайскую внешнюю политику:

Во-первых, Китай рассматривается как «центр мира» и самостоятельная цивилизация, не ограниченная только границами КНР, но включающая в свою орбиту китайцев, проживающих за рубежом, и «варваров», живущих за границей. В настоящее время сфера влияния **КНР распространяется уже не** только на Центральную и Среднюю Азию и Ближний Восток (не говоря о Юго-Восточной Азии), но и на Африку и часть Европы.

Во-вторых, КНР не рассматривает какую-либо страну в качестве постоянного стратегического союзника, ограничиваясь партнерством и опорой на собственные силы, справедливо полагая, что у такого мощного центра силы не может быть постоянных друзей и союзников.

В этой связи предполагается, что военная мощь КНР будет расти даже быстрее, чем ВВП и другие возможности страны, что означает в результате быстрое превращение Китая в ведущую в военном отношении державу мира, которая по военным расходам приблизится в 2025 году к военным расходам США недавнего времени, а к 2050 году и сравняется с ними.

Быстрому развитию будут соответствовать требования, предъявляемые ко всем видам и родам войск КНР — ВМС, Сухопутным войскам, ВВС, Ракетным войскам. В этой связи 2-й Артиллерийский корпус КНР.

В настоящий момент реорганизован в Ракетные войска. (Второй артиллерийский корпус (кит. 第二炮兵部队, пиньинь: Dì èr pàobīng bùduì, палл.: Ди эр паобин будуй) — военное соединение Народно-освободительной армии Китая), вооружённое ядерными и обычными баллистическими ракетами, которое фактически является стратегическими ракетными силами КНР. Состоит из шести бригад, дислоцирующихся в различных районах Китая, на вооружении которых состоят в общей сложности, по различным оценкам (официально данные не разглашаются), от 100 до 400 ядерных боевых блоков. Подчиняется напрямую Центральному военному совету.

По оценкам американских экспертов, Китай имеет около 240 боеголовок, из них где-то 175 на дежурстве и 65 в резерве. Это ставит китайские ядерные силы на четвёртое место в мире. Численность личного со-

Таблица 1.8.

Модель	Тип	Количество ракет	Оценочная дальность
МБР			
DF-5A (CSS-4 Mod 2)	МБР	20	13 000+ км
DF-31A (CSS-9 Mod 2)	подвижная МБР	24	11 200+ км
DF-31 (CSS-9)	подвижная МБР	12	7200+ км
DF-4 (CSS-3)	МБР	10	5500 км
БРСД			
DF-3A (CSS-2 Mod)	БРСД	2	3000+ км
DF-21C (CSS-5 Mod 3)	подвижная БРСД	36	1750+ км
DF-21 (CSS-5)	подвижная БРСД	80	1750+ км
БРМД			
DF-15 (CSS-6)	подвижная БРМД	96	600 км
DF-11A (CSS-7 Mod 2)	подвижная БРМД	108	300 км
КР для поражения наземных целей			
DH-10 (англ.) русск.	КР для поражения наземных целей	54	3000+ км
БРПЛ			
JL-1	БРПЛ	12	1770+ км
JL-2	БРПЛ	24	7200+ км
Всего		**478**	

Таблица 1.9.

Модель	Пусковых установок	Ракет	Дальность
CSS-2 (Дунфэн-3А) БРСД	5–10	15–20	3,000+ км
CSS-3 (Дунфэн-4) МБР	10–15	15–20	5,400+ км
CSS-4 (Дунфэн-5А) МБР	20	20	13,000+ км
Дунфэн-31 МБР	<10	<10	7,200+ км
Дунфэн-31А МБР	10–15	10–15	11,200+ км
CSS-5 (Дунфэн-21) БРСД Mod 1/2	75–85	85–95	1,750+ км
CSS-6 (Дунфэн-15) БРМД	90–110	350–400	600 км
CSS-7 (Дунфэн-11А) БРМД	120–140	700–750	300 км
DH-10 LACM	45–55	200–500	1,500+ км
JL-1 (Цзюйлан-1) БРПЛ	?	?	1,770+ км
JL-2 (Цзюйлан-2) БРПЛ	?	?	7,200+ км
Всего	375–459	1395–1829	

става корпуса предположительно составляет от 90 до 120 тысяч человек.

Существуют также оценки, по которым Китай обладает значительно бóльшим количеством единиц ядерного арсенала.

В таблице 1.8 указаны оценки стратегических ракетных сил КНР 2010 года по IISS Military Balance 2010. Согласно им, на вооружении 2-го артиллерийского корпуса состоит до 90 межконтинентальных баллистических ракет, из них 66 сухопутного базирования и 24 морского

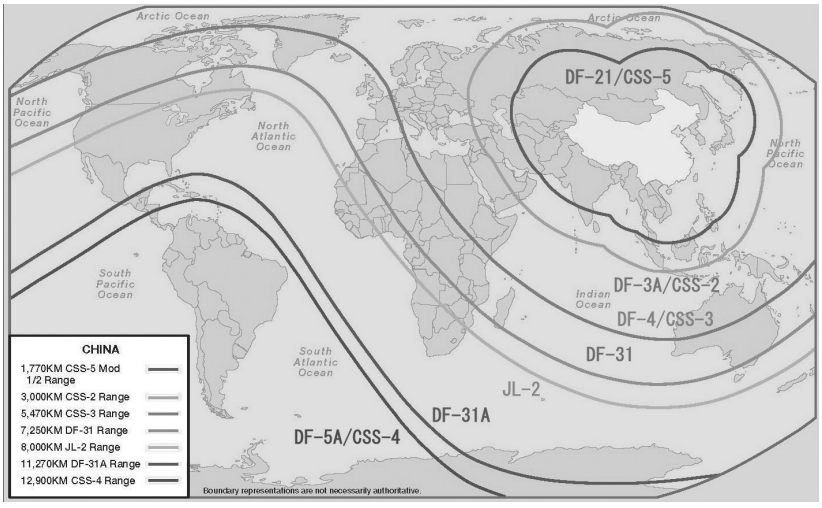


Рис. 1.35. Зоны досягаемости китайских баллистических ракет с ядерными боеголовками

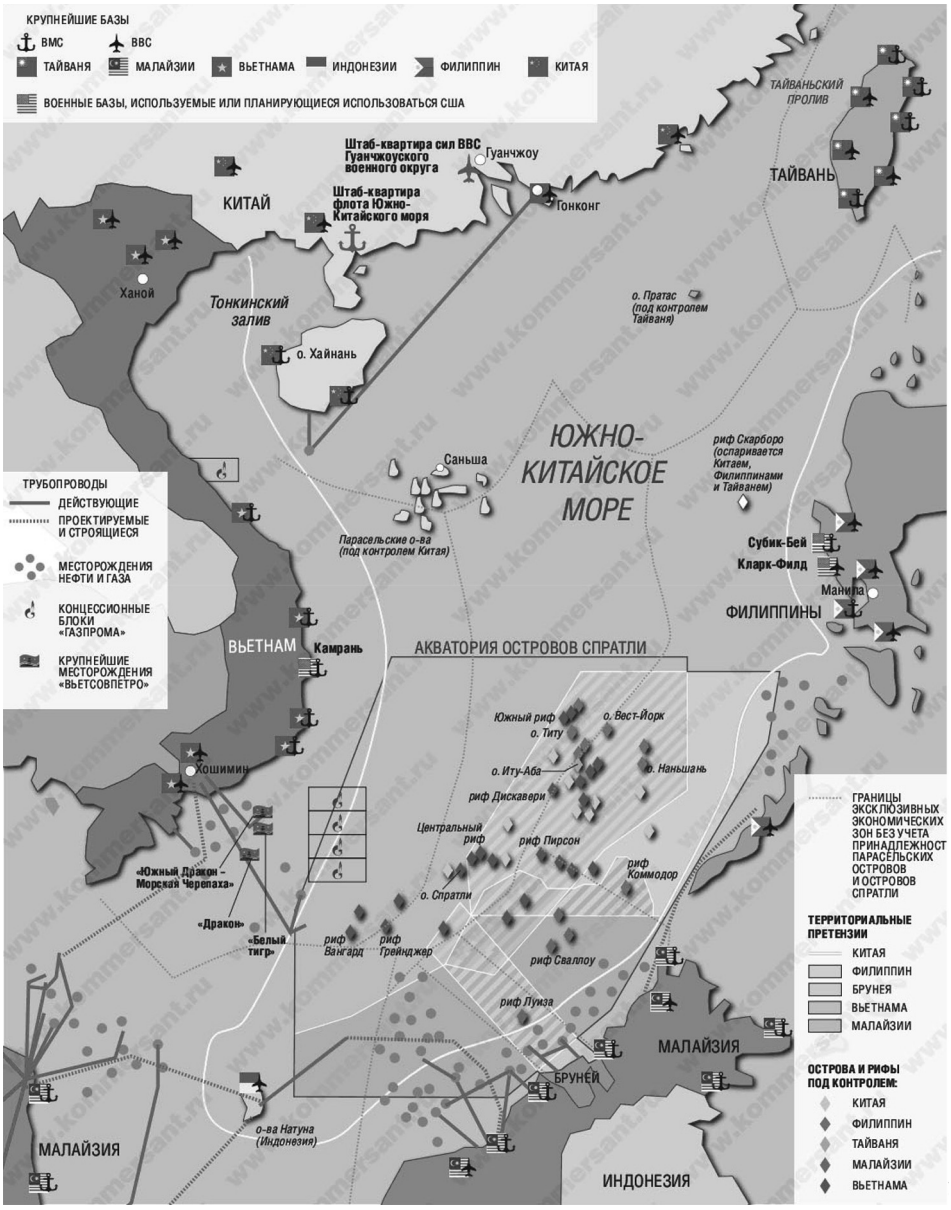


Рис. 1.36[110]. Конфликты интересов в Южно-Китайском море

(БРПЛ JL-2), количество боезарядов не указывается.

В таблице 1.9 указаны оценки из доклада Минобороны США Конгрессу 2010 года «Military Power of the People's Republic of China»

(с англ. — «Военная мощь Китайской Народной Республики»):

Как видно из таблицы, основную мощь межконтинентальных ракет составляют различные модификации БР «Дунфэн (Дунфэн (**кит. трад.** 東風導彈, **упр.** 东风导弹, **пиньинь**: Dōng fēng dǎo dàn, **палл.:** Дун фэн дао дань, буквально ракета Восточный Ветер) — серия китайских **баллистических ракет** средней и межконтинентальной дальности. За рубежом, название Дунфэн часто сокращают до аббревиатуры «DF» (например Дунфэн 9 обозначают как DF-9).

На рисунке (рис. 1.35) показаны зоны досягаемости основных типов ракет, из которых считается, что порядка 250 могут достичь территории США. Основная численность приходится на ракеты средней и меньшей дальности, обеспечивающие КНР возможности ведения операций на Тихоокеанском ТВД, в Евразии и против Индии и России.

Еще нагляднее рисунок (рис. 1.37), иллюстрирующий возможности ракетного удара КНР при помощи неядерных боеприпасов. Как видно из этого рисунка, основные объекты находятся вдоль китайской границы на оперативно-тактической глубине, что свидетельствует, на мой взгляд, об оборонительном характере современной военной доктрины КНР и стремлении в настоящее время обеспечить гарантированный контроль только над собственной территорией.

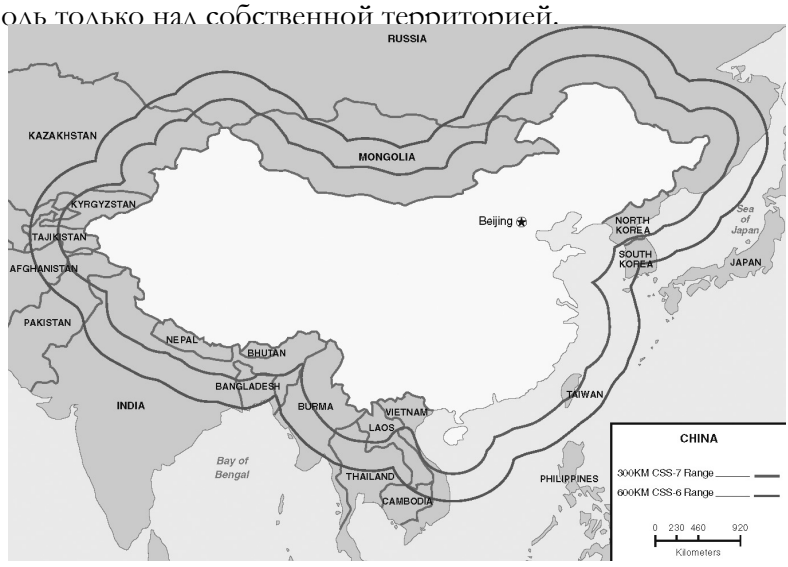


Рис. 1.37. Зоны досягаемости китайских баллистических ракет с обычными боеголовками

1.2.г). Перспектива ядерной Японии и безопасность России

Перенос центра мировых противоречий в Евразию и АТР неизбежно заставляет учитывать перспективу развития Японии в качестве самостоятельного фактора военной силы и важнейшую составляющую западной военно-политической коалиции в Евразии и АТР[111].

В самом общем виде можно констатировать, что к 2025 году закончится переход Японии от статуса нейтральной, не воюющей державы, обладающей силами самообороны, к статусу мощной военной державы, претендующей на свой участок в мировом мироустройстве и свою роль. Во многом это будет зависеть от возможностей Японии обладать собственными ВВСТ и, прежде всего, ядерным оружием.

Программа по созданию ядерного оружия, проходившая во время Второй мировой войны в Японии, так же как немецкая ядерная программа проходившая в Германии примерно в те же годы. В конечном счете, не продвинулась дальше стадии лабораторных исследований до атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки и капитуляции Японии в августе 1945.

Сегодня прогресс Японии в использовании ядерной энергии делает ее в высшей степени способной к самостоятельному созданию ядерного оружия. Демилитаризация Японии после второй мировой и защита со стороны США привели к политике отказа от исследований в области производства ядерного оружия, но в свете испытаний ядерного оружия в Северной Корее, некоторые политики и бывшие военные чиновники Японии призывают к отмене этой политики.

Однако в мае 1943 года, когда японским военным стало ясно, что обычные вооружения не способны остановить наступление США, под эгидой Армии на базе RIKEN стартовал проект «Ни» (по первому иероглифу фамилии руководителя — Нисины). В начале 1944 года удалось построить опытный сепаратор, но сырья отчаянно не хватало. Урановые руды в Корее, Маньчжурии и префектуре Фукусима оказались слишком бедными. По просьбе японцев Третий рейх выслал тонну урановой

руды, но подводная лодка с грузом была потоплена у берегов Малайи. Ещё одной непреодолимой проблемой стало отсутствие необходимого количества электроэнергии (Нисина подсчитал, что для производства только одной бомбы потребуется десятая часть всей производимой Японией электроэнергии). 18 июля 1944 года начался эксперимент по разделению изотопов, но масштабы его были мизерными (в сепараторе было помещено всего 170 г. гексафторида урана). В конце Второй мировой войны инфраструктура проекта была почти полностью уничтожена американскими бомбёжками, проект провалился.

Флот в 1943 г. всё же создал собственную ядерную программу на базе Киотского императорского университета. Руководителем проекта «Ф» стал Бунсаку Аракацу, видный физик-ядерщик. В числе его сотрудников, в частности, был Юкава, Нобелевский лауреат 1949 года. Для разделения изотопов урана Аракацу построил ультрацентрифугу, но дальше ему продвинуться не удалось.

После ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, японское общество стало убежденным сторонником антиядерной политики, а послевоенная конституция Японии запрещает создание наступательных военных сил. Все три японских циклотрона были уничтожены в ноябре 1945 года по распоряжению из Вашингтона. Тем не менее, после первых ядерных испытаний в Китае в 1964 году, премьер-министр Японии Эйсаку Сато сказал президенту Линдону Джонсону, когда они встретились в январе 1965 года, что если китайские коммунисты имеют ядерное оружие, японцы также должны его иметь. Но в 1967 году Япония приняла три неядерных принципа (не производить, не обладать, не ввозить ядерное оружие). Несмотря на это, идея, что Япония может стать ядерной державой сохраняется.

В феврале 1968 года Эйсаку Сато уточнил принципы политики Японии в отношении ядерного оружия («Четыре столпа ядерной политики»):

— Принцип продвижение мирного использования ядерной энергии;
— Содействие глобальному ядерному разоружению;
— Опора на военную защиту США, на основе договора «О взаимном сотрудничестве и безопасности» между Японией и США от 19 января 1960 года;
— Поддержка трех неядерных принципов в обстоятельствах, когда

национальная безопасность Японии гарантируется тремя другими столпами.

Однако эти принципы противоречивы по своей сути, в силу чего носят чисто декларативный характер и слабо соответствуют реальной политике руководства Японии.

В настоящее время Япония ведёт активные исследования в области создания собственного ядерного оружия и обладает необходимыми материалами и технологиями, позволяющими им обзавестись в самые короткие сроки. Хотя наличие собственного ядерного оружия официально никогда не признавалось, заявления о возможности и допустимости его создания делались и делаются постоянно, так же не скрывается существование соответствующей ядерной программы, что обосновывает отношение к этой стране как к де-факто ядерной державе.

На 2011 год ядерная энергетика обеспечивала 30% потребности Японии и планировалось увеличить этот показатель до 40% в течение 10 лет. Однако планомерное развитие атомной энергетики Японии было остановлено аварией на Фукусима-1. Резко отрицательное отношение население к АЭС, заставило правительство остановить реакторы на всех станциях для проверки. 27 марта 2012 года был остановлен последний реактор — Томари-3. До катастрофы с японской АЭС в стране восходящего солнца действовало 54 реактора, включая крупнейшую АЭС мира — Касивадзаки-Карива.

Свои исследовательские программы в области атомной энергетики Япония начала в 1954 г., выделив на эту отрасль 230 млн иен. В 1955 г. в силу вошёл Основной закон об атомной энергии, который строго ограничивает использование ядерной технологии в мирных целях. Этот закон направлен на обеспечение трёх принципов — демократических методов, независимого управления и прозрачности, — являющихся основой научно-исследовательской деятельности в ядерной отрасли, а также содействия международному сотрудничеству.

В 1970 г. были построены три таких реактора и началась их промышленная эксплуатация. Затем последовал период, в котором японские коммунальные предприятия приобрели чертежи у американских продавцов и построили по ним объекты в сотрудничестве с японскими компаниями, которые впоследствии получили лицензии на

строительство аналогичных станций в Японии. Такие компании, как «Hitachi Co Ltd», «Toshiba Co Ltd» и «Mitsubishi Heavy Industry Co Ltd» развивали способности проектировать и строить легководные реакторы самостоятельно.

К концу 1970-х гг. японская промышленность в значительной степени создала свои собственные мощности ядерного потенциала, и сегодня Япония занимается экспортом технологий и участвует в разработке новых конструкций реакторов, которые могут быть использованы в Европе.

Из-за проблем с надёжностью ранних реакторов на протяжении 1975–1977 гг. они требовали длительных отключений при среднем коэффициенте использования мощности 46% (в 2001 г., к примеру, средний коэффициент использования мощности достиг 79%). В 1975 г. Министерством внешней торговли и промышленности и индустрией атомной энергетики была запущена Программа совершенствования и стандартизации легководных атомных реакторов. Согласно программе, к 1985 г. в целях стандартизации реакторов было необходимо провести три этапа. На первых двух этапах существующие реакторы обоих типов должны были быть изменены для улучшения их работы и технического обслуживания. На третьем этапе предполагалось увеличить мощности реакторов до 1300–1400 МВт, а также провести фундаментальные изменения в их конструкциях. В частности, должны были появиться реакторы: усовершенствованный кипящий реактор (ABWR) и усовершенствованный реактор с водой под давлением (APWR).

К концу 1990-х гг. главным учреждением, занимающимся топливным циклом и исследованиями в этой области стала «Power Reactor and Nuclear Fuel Development Corporation», больше известная как PNC. Разброс её деятельности был довольно широк — от разработки урановых месторождений в Австралии до утилизации высокоактивных отходов. Однако, после двух несчастных случаев и неудовлетворительных объяснений PNC, в 1998 г. правительство преобразовало корпорацию в JNC, Японский институт развития ядерного цикла, который должен был сосредоточиться на развитии реактора на быстрых нейтронах (fast breeder reactor), производстве смешанного оксидного уран-плутониево-

го топлива (также называется МОКС-топливо, mixed-oxide (MOX) fuel) и утилизации высокоактивных отходов.

В 2005 г. JNC и JAERI создали при Министерстве образования, культуры, спорта, науки и техники Агентство по атомной энергии Японии (JAEA), которое в настоящее время является одной из главных организаций, занимающихся НИОКР, со штатом в 4400 человек и ежегодным бюджетом в 161 млрд иен ($ 1,7 млрд).

Обогатительная отрасль Японии начала развиваться с 1959 года, когда в стране приступили к разработке центрифуг. За основу базового модуля пилотного завода была взята центрифуга, разработанная западноевропейским концерном Urenco. Однако после заявления США о разработке и первых успешных испытаниях сверхмощных усовершенствованных центрифуг в 1974 году Япония приняла решение о дополнительных исследованиях возможности использования центрифуг с повышенной производительностью. Изготовление большой центрифуги потребовало длительного времени: лишь в 1980 году были проанализированы технико-экономические показатели центрифуг с большим и меньшим диаметром, и сравнение оказалось в пользу центрифуг с меньшим диаметром. В связи с этим, концепция 1974 года по созданию промышленного предприятия с центрифугами больших диаметров была переориентирована на развитие центрифуг с меньшим диаметром с металлическим ротором, которыми и были оснащены демонстрационный завод и промышленное предприятие по обогащению урана компании The Japan Nuclear Fuel Ltd. (JNFL).

Атомные технологии Японии ассоциируются с тремя крупными корпорациями — «Toshiba», «Mitsubishi Heavy Industries» (MHI) и «Hitachi». Каждая из них имеет партнёра в западном мире — «Toshiba» и «Westinghouse», MHI и AREVA, «Hitachi» и «General Electric». Области партнёрств покрывают практически все направления в атомной энергетике, от добычи урана до переработки ОЯТ. Единственное исключение — обогащение урана.

Компания JNFL была создана в 1985 году японскими энергетическими компаниями для строительства и эксплуатации обогатительного завода в Rokkasho. С конца 1985 года началось строительство, и в 1988 году завод достиг мощности 200 тыс. ЕРР (единица работы разделения. Хотя

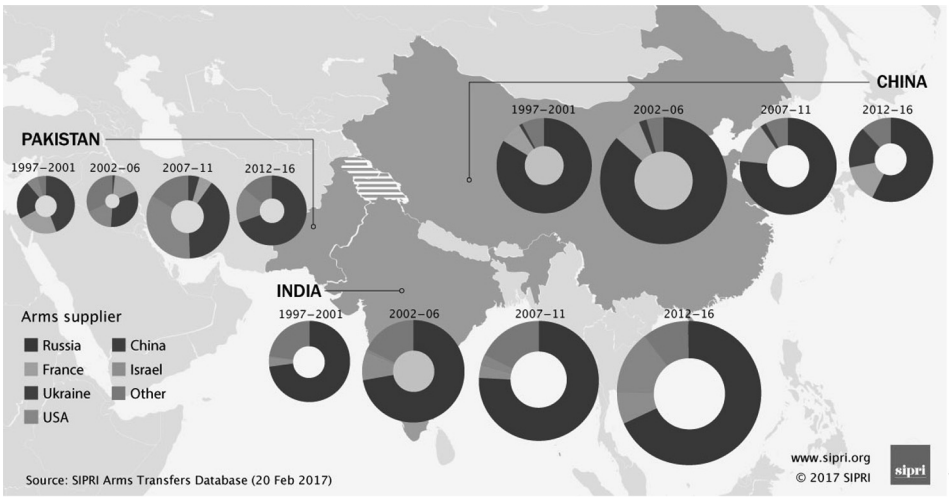


Рис. 1.38[112]. Импорт ВВСТ КНР, Индией и Пакистаном

ЕРР не имеет веса, поскольку она определяет работу, промышленность практически везде использует ЕРР в килограммах (кг ЕРР). ЕРР является условной единицей для определения фактических затрат (электроэнергия, амортизация оборудования, зарплата персонала, затраты на природоохранные мероприятия и пр.) на получение определенного количества обогащенного урана определенной степени обогащения при заданном содержании U-235 в хвостах).

Можно ожидать, что Япония в ближайшие годы также сможет выйти на рынок оружия, прежде всего, в регионе АТР, пойдя по «китайскому варианту».

На рисунке 1.38 отчетливо видно, что импорт ВВСТ Китаем в последние годы сокращается, увеличивая собственное производство и его экспорт (прежде всего в Пакистане). В то же самое время объем импорта и производства ВВСТ в Индии устойчиво растет, т.е. Китай в первом десятилетии фактически решил проблему самостоятельного производства вооружений (за исключением некоторых типов), а Индия вплотную приблизилась к этому порогу, который она переступит еще до 2025 года.

В Японии предусматривается финансовая помощь частным компаниям, занимающимся разведкой урановых месторождений, с дальнейшим получением прав на их использование. На эти цели в бюджете

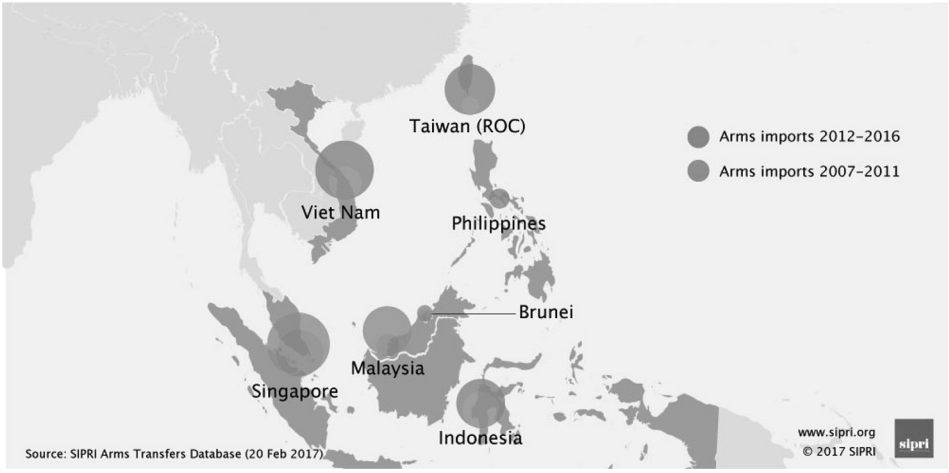


Рис. 1.39[113]. Крупные увеличения объемов импорта оружия в Южно-Китайском море

2007 финансового года впервые выделено 1,3 млрд йен. Кроме этого, крупнейшие японские компании готовы инвестировать миллиарды йен в иностранные урановые рудники. Так, японские компании KEPCO и Sumitomo Corporation вложили средства в казахскую государственную компанию «Казатомпром» для строительства новых и расширения действующих урановых рудников. В этом проекте 65% капитала принадлежит «Казатомпрому», 25% — Sumitomo Corporation и 10% — Kansai Electric Power Company. В 2006 году с «Казатомпромом» начал сотрудничество и торговый дом Itochu. Был заключено соглашение на приобретение 3000 тонн урана в течение более чем 10 лет. А в 2007 году торговый дом Marubeni совместно с энергокомпанией Tokyo Electric Power Co. приобрели 40% Харасанского рудника в Казахстане, что позволит получить 2000 тонн урана.

Однако Япония не планирует в ближайшем будущем расширение этого сектора ядерно-топливного цикла на своей территории. Это связано с рядом обстоятельств. Во-первых, Япония придерживается трех принципов: не иметь, не производить и не ввозить ядерное оружие, а высокообогащенный уран, как известно, считается оружейным. Во-вторых, обогащение урана — процесс весьма дорогостоящий и энергоемкий, сопровождающийся выделением большого количества обедненного урана (так называемые хвосты), причем каждое обогатительное

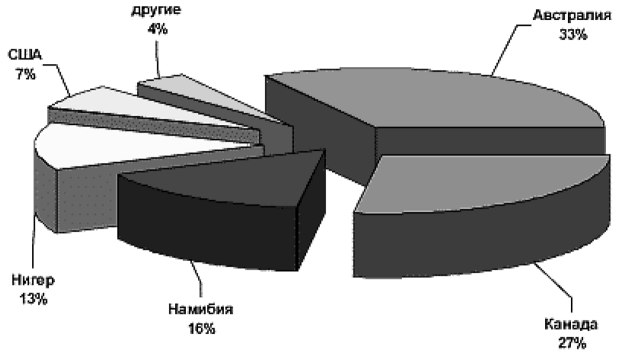


Рис. 1.40. Доли стран-поставщиков природного U_3O_8 в Японию (Energy in Japan, 2006, p. 15)

предприятие производит несколько тысяч тонн этого материала в год. Следовательно, сразу появляется новая проблема: переработки либо захоронения радиоактивных отходов. Исходя из этого, Япония предпочитает покупать ядерное топливо, несмотря на то, что стоимость услуг по обогащению урана в последнее время существенно увеличилась.

В принципе, все эти затруднения преодолимы, и были успешно испытаны ядерные взрывные устройства из «реакторного» плутония, однако, в боеприпасах, где не последнюю роль играет компактность, малый вес, надёжность и долговечность, применяется исключительно специально произведённый оружейный плутоний. Критическая масса металлических ^{240}Pu и ^{242}Pu весьма велика, ^{241}Pu — несколько больше, чем у ^{239}Pu.

С формальной точки зрения к Японии не могло быть никаких претензий. В декабре 1977 года Япония заключила соглашение с МАГАТЭ о гарантиях в связи с ДНЯО, а в декабре 1999 года ввела в действие доп-протокол к соглашению, значительно расширивший права международных инспекторов.

Однако бурные пертурбации в японской политике, частая смена правительств и появление на высших постах националистов — таких, как Таро Асо, видевший в Китае военную угрозу и положительно отзывавшийся о японском предвоенном колониализме — заставляли задуматься, нет ли у японского миролюбия наших дней двойного дна, и на что может быть способна Япония в плане военного атома?

Атомные технологии Японии ассоциируются с тремя крупными корпорациями — «Toshiba», «Mitsubishi Heavy Industries» (MHI)

и «Hitachi». Каждая из них имеет партнёра в западном мире — «Toshiba» и «Westinghouse», MHI и AREVA, «Hitachi» и «General Electric».

Области партнёрств покрывают практически все направления в атомной энергетике, от добычи урана до переработки ОЯТ. Единственное исключение — обогащение урана, но и здесь в недалёком (или далёком) будущем положение может измениться, если в коммерческую разработку войдёт лазерное обогащение от GE/Hitachi.

Атомные станции с легководными реакторами эксплуатируются частными генерирующими компаниями, одна из которых (TEPCO) стала печально известна после Фукусимы. Под государственным контролем находится единственный в стране быстрый бридер «Монджу».

Япония практически лишена собственных запасов урана и тория. В стране за всё время разрабатывалось всего три небольших рудника — сейчас они все закрыты. Добытый на них уран давно пошёл в дело. По некоторым сведениям, на одном из закрытых рудников хранится небольшая партия непереработанной руды. Нет точных данных о том, посещались ли закрытые месторождения инспекторами — стандартное соглашение о гарантиях этого, вообще-то, не требует.

Действующих специализированных конверсионных (уран) заводов в Японии на данный момент нет. Два ранее построенных подобных завода были закрыты, причём один из них (в Токаи-мура) после серьёзной аварии.

Однако в Японии имеется специализированный конверсионный (уран–плутоний) завод и три объекта, на которых конверсия производится в рамках других технологических процессов — например, в Рокасё. Суммарные японские возможности по конверсии урана до Фукусимы оценивались как 1000–1500 тонн урана в год, по уран–плутонию (MOX) — как 10–20 тонн в год.

По центрифужному обогащению урана у Японии есть пять объектов, так или иначе связанных с этим видом деятельности. О заметных масштабах можно говорить только на разделительном заводе RUEP в Рокасё. Однако до Фукусимы японским специалистам так и не удалось не только выйти на проектную производительность 1500 тонн-ЕРР/год, но и хотя бы заметно приблизиться к этой величине. Эксплуатация завода сопровождалась многочисленными поломками и выходами из строя центрифуг и иного оборудования.

Тем не менее, в Японии велись разработки центрифуг нового поколения с повышенной производительностью по обогащённому урану — по некоторым оценкам, до 100 кг-ЕРР/год. Судьба этих работ после Фукусимы неизвестна.

Работы по лазерному обогащению урана в самой Японии были давно прекращены. Стоит напомнить, однако, о совместном проекте GE/Hitachi по коммерциализации лазерного обогащения в Соединённых Штатах.

По фабрикации МОХ-топлива у Японии имеются два небольших опытных завода, один из которых обслуживал АЭС «Монджу». Промышленный завод — свыше 100 тонн МОХ-топлива в год — предполагался к строительству в Рокасё.

По фабрикации уранового топлива у Японии есть четыре различных завода. Как минимум, один из них — NFI-Kumatori-1 — ранее умел выпускать топливо для исследовательских реакторов из урана оружейного качества. Сейчас эта линия на заводе демонтирована.

По переработке ОЯТ в Японии имеется старый завод в Токаи и новый завод на площадке Рокасё. Строительство последнего постоянно сталкивалось с трудностями, первую партию МОХ-смеси в режиме опытной эксплуатации он выдал только в 2010 году. В 2012 году возникли технические сложности на установке по витрификации РАО на этом объекте.

Кроме промышленных, в Японии есть ещё несколько исследовательских установок по переработке ОЯТ.

Япония располагает большим парком исследовательских реакторов и критсборок самого различного типа — от быстрых до высокотемпературных. До Фукусимы в работоспособном состоянии находилась примерно половина этого парка.

Япония до Фукусимы располагала достаточно развитой структурой почти по всем направлениям атомной энергетики, включая обогащение и переработку ОЯТ.

Единственное направление, полностью отсутствовавшее в Японии — добыча урана по причине отсутствия в этой стране урановых месторождений. Кроме того, переработка ОЯТ и обогащение урана в Японии находились фактически на стадии опытно-промышленной эксплуатации.

Задержки с началом переработки ОЯТ в промышленных масштабах на территории Японии вызывали неоднократное неудовольствие у Соединённых Штатов. Существовало опасение, что японская сторона может намеренно затягивать развитие технологий переработки, так как это стало бы поводом хранить, а не утилизировать нарабатываемый на гражданских АЭС плутоний.

Одним из способов решения проблемы виделась переработка японского ОЯТ и изготовление из него МОХ-топлива в Европе (Великобритания, Франция). Это делалось, хотя и не в полном объёме.

Так, по данным МАГАТЭ на 31 декабря 2007 года за рубежом хранилось 25,2 тонн принадлежащего Японии плутония. Для сравнения, на ту же дату на японских реакторных площадках в составе ОЯТ хранилось 112 тонн плутония.

С формальной точки зрения, к японской атомной программе не было и не может быть претензий, так как все японские объекты поставлены под гарантии МАГАТЭ.

Однако в структуре японской отрасли существуют тонкие места, где контроль за делящимися материалами и операциями с ними потенциально может быть ослаблен. В Японии значимую роль при проведении чувствительных НИР/НИОКР в атомной сфере играют национальные университеты и частные компании, обладающие меньшими возможностями для контроля по сравнению с государственными организациями.

По некоторой информации, в исследовательском атомном секторе Японии наблюдались проблемы с гарантийным контролем за делящимися материалами. Большинство сведений о подобных фактах закрыты для широкой публики. Известно, например, о проблемах с соблюдением требований гарантий при загрузке МОХ-топлива в исследовательский реактор JOYO.

У большинства отклонений от требований гарантий, происходивших в Японии, есть разумные и логичные объяснения. Например, нередко это случалось вследствие технической невозможности соблюсти требования гарантий в полном объёме. Тем не менее, факты наличия отклонений следует принять во внимание при анализе.

Имелись также случаи, которые получали впоследствии объяснения «неаккуратностью» работы японских специалистов с документами.

Так, в одном из японских университетов в первой половине 2000-х годов в горячей камере были найдены следовые концентрации облучённых ядерных материалов, при этом по документации в данную камеру никогда подобные материалы не загружались. Инцидент получил своё объяснение после того, как выяснилось, что японские исследователи забыли указать о проведении в данной камере соответствующих экспериментов.

Есть и ещё более интересные случаи. Так, в одной из старейших японских лабораторий топливного цикла были выявлены следовые концентрации оружейного урана и плутония реакторного качества, причём возраст плутония оценивался как примерно 40 лет или более. По архивным документам удалось установить, что лаборатория принимала участие в производстве ВОУ для нужд исследовательских реакторов. Происхождение плутония осталось загадкой.

Система экспорт-контроля, действовавшая в Японии, вызывала немало нареканий. В открытой печати можно найти сведения о произведённых из Японии поставках товаров двойного назначения в такие страны, как Ливия, КНДР, Иран и Пакистан.

Самым удивительным случаем стала продажа из Японии конверсионной установки в Ливию, причём последняя не имела планов развития атомной энергетики, но зато активно осуществляла тайную военную атомную программу. Факт продажи установки был предан огласке в 2004 году, после того как МАГАТЭ приступило к расследованию ливийского ядерного досье.

Наконец, опыт японских компаний в сфере изготовления взрывчатых веществ общепризнан. Он включает в себя академические исследования и промышленное применение в различных областях экономики. А по направлению получения трития в Японии с 1980-х годов активно действует тритиевый исследовательский центр при университете Тояма.

На данный момент, нет никаких явных признаков наличия у Японии до Фукусимы — и тем более, после Фукусимы — реальных секретных работ по созданию ядерного оружия. Вся атомная деятельность в Японии проходит под контролем МАГАТЭ. Факты нарушений имеются, но в основном получают разумные объяснения.

Вместе с тем, надо признать, что Япония располагает опытом, знаниями, материалами и установками, необходимыми для создания ядер-

ного оружия. При необходимости, Япония в состоянии осуществить тайную или открытую программу создания ЯО.

Таким образом, Япония в плане ядерного оружия относится к пороговым государствам, которых от создания ЯО удерживает **лишь отсутствие заказа со стороны политического руководства.** У Японии нет ядерного оружия, и она не планирует его разрабатывать, однако у этой страны столько урана и плутония, которые она хранит у себя и за рубежом, что ей не потребуется много времени для создания ядерной бомбы. Многие японские лидеры считают эту «бомбу в подвале» очень эффективным инструментом сдерживания в противостоянии против Китая и Южной Кореи. В действительности администрация Абэ планирует открыть новый бридерный реактор, который будет производить больше плутония, чем требуется ядерным энергетическим установкам страны (которые сейчас временно выведены из эксплуатации). Для Китая и Южной Кореи это стало довольно тревожным сигналом, свидетельствующим о скрытом потенциале Японии и заставляющим оба государства искать способы сохранить свои позиции.

Пекин очень обеспокоен созданием нового быстрого бридерного реактора для производства плутония, открытие которого в Роккашо намечено на октябрь. Бридерные реакторы производят больше плутония, чем поглощают. Реактор в Роккашо позволит Японии увеличить и без того довольно существенный запас ядерных материалов, которые, разумеется, пока не используются для создания атомной бомбы, но могут использоваться. Сейчас Япония имеет в своем распоряжении 9 тонн оружейного плутония и 1,2 тонны обогащенного урана, хранящихся в разных областях страны, а также 35 тонн плутония, хранящихся на территории Франции и Соединенного Королевства. Этого количества материалов достаточно для создания 5 тысяч атомных бомб. Реактор в Роккашо будет производить по 8 тонн плутония в год — этого достаточно, чтобы создать тысячу бомб, подобных той, которая была сброшена на Нагасаки.

«Ястребы [в Японии] любят ядерное оружие, и они считают ядерную программу лучшим из того, что они могут сделать, — сказал один эксперт в области нераспространения в беседе с репортерами NBC. — Они не хотят отказываться от идеи того, чтобы использовать его в качестве средства устрашения». Помимо сдерживания Китая эти запасы ядерных

материалов повышают заинтересованность Южной Кореи в реализации ее программы по созданию ядерного оружия. Во многом это является реакцией на воинственность Северной Кореи, но отношения Южной Кореи с Японией в настоящее время стремительно ухудшаются.

По мнению специалистов Япония встала на этот путь с конца XIX века. Тогда же берет начало и промышленный шпионаж. Японцы стремились догнать передовые западные страны всеми правдами и неправдами. Первое время выманивали промышленные секреты, обещая размещать заказы, но вскоре эта уловка была раскрыта.

С развитием межгосударственных отношений японское правительство стало посылать множество дипломатических, торговых и военно-морских миссий для добывания информации в Европе и Америке. В качестве стажеров японцы проникали на промышленные предприятия Старого и Нового Света. Их брали на работу — куда деваться. Для владельцев предприятий это была своего рода плата за право торговать в Японии. А под видом готовых стоять у станка работяг выступали опытные инженеры, которые прибывали за промышленными секретами. Экономическим шпионажем занимались также различные делегации, студенты, туристы. Отношение к этому делу находилось да и по сей день пребывает в полном соответствии с культом служения родине и идеалами патриотизма, основывающегося на синтоистской идее богоизбранности японского народа.

Ученые считают, что склонность к шпионажу настолько укоренилась, что японцы занимаются им всюду, где только выпадает удобный случай, а уж тем более в заграничных поездках.

Большую роль в деятельности японской разведки играли патриотические общества. В число их агентов набирались люди из всех социальных слоев. Их объединяла одна общая цель: установление японского контроля над Азией, а впоследствии и над всем миром.

Наиболее крупным патриотическим обществом являлось «Кокурюкай» («Черный дракон»), насчитывавшее свыше 100 000 членов. Его ячейки находились в США, в Латинской Америке и Северной Африке.

«Черный дракон» — это китайское название реки Амур, разделявшей Маньчжурию и Россию. В названии общества скрыт намек на его главную цель Японии — вытеснить русских за Амур, из Кореи и из лю-

бого другого места в Тихоокеанском регионе. Другими словами, магистральным направлением деятельности общества была война с Россией.

К числу более мелких, но не менее агрессивных обществ относились «Пробуждение Великой Азии», «Белый волк» и «Туран». Их деятельность развивалась в пяти направлениях: изучение экономической, географической, образовательной, колониальной и религиозной обстановки в Центральной Азии и в Сибири, чтобы после захвата Японией этих регионов обеспечить там власть императора.

В 1990 году «Ниссан Моторс», «Исикавадзима-Харима Хэви Индастриз» и «Мицубиси Хэви Индастриз» — компании, работающие в аэрокосмической области, закупили у бизнесмена из США компьютерное обеспечение. Американца арестовали за торговлю военными технологиями без лицензии. Конфискованные при аресте компьютерные программы категорически не подлежали продаже, так как разрабатывались для стратегической оборонной инициативы. С тех пор в Японии считают, что промышленный шпионаж — разведка, которой принадлежит будущее, поэтому он имеет поддержку на высшем государственном уровне. И приобщают к этому японцев сызмальства.

Студенты освобождаются от военных сборов, если согласятся отправиться на Запад в качестве шпионов. Для этого проходят специальную подготовку: по окончании высшего учебного заведения нанимаются лаборантами к ученым, занятым исследованиями в той области, с которой им впоследствии придется иметь дело в стране заброски.

При Токийском университете есть технический колледж, который западные спецслужбы прозвали кузницей кадров для промышленного шпионажа. Студентов там натаскивают в теории научно-технической разведки, после чего по программам культурного обмена между странами направляют в США, Германию, Великобританию или Францию. Вспоминается случай, как во время посещения французской фотофирмы японские студенты-экскурсанты «нечаянно» попадали кончиками галстуков в химические реактивы, чтобы потом выяснить рецептуры.

При этом японский кабинет министров ужесточает меры противодействия промышленному шпионажу для защиты собственных экономических интересов. Частные японские компании должны следовать строгим правилам делопроизводства. Но защищать пострадавших от

шпионажа государство берется только при соблюдении ими всех предписаний и требований.

Также планируется ввести более строгое наказание за хищение экономических и финансовых секретов. По действующим нынче нормам шпионаж карается максимум десятью годами лишения свободы либо штрафом до 10 млн иен. В суде такие дела пострадавшими сторонами, как правило, проигрываются из-за несоблюдения ими правил безопасности. При этом компании из Японии регулярно обвиняют в краже документов как внутренних конкурентов, так и искателей секретов из Китая, Южной Кореи.

1.2.д). Индия — ведущая военная держава в XXI веке: влияние на развитие России

Традиционные военно-политические оценки роли и значения Индии для безопасности России требуют пересмотра в настоящее время и, тем более, в прогнозах на будущее. К 2025 году, а, тем более, к 2050 году, Индия превратится в мощную в военном отношении державу, которая по-новому сформулирует свою традиционную политику безопасности. Кроме уже известной традиционной миролюбивой внешнеполитической стратегии может быть сформулирована стратегия[114]:

— вхождения в военно-политическую коалицию западной ЛЧЦ во главе с США;
— стратегия превращения Индии в самостоятельный центр силы, доминирующий в бассейне всего Индийского океана от стран Юго-Восточной Азии до Ближнего Востока и Юга Африки.

Важно подчеркнуть, что для постановки такой гипотетической задачи у Индии будут все необходимые предпосылки, а именно:

— к 2025–2050 годам она превратится в страну-лидера по количеству и качеству НЧК;
— как минимум, во вторую державу по объему ВВП;
— в страну-лидера по НТП и технологиям;
— в мощную военную державу, обладающую всеми необходимыми ВВСТ и ВС.

Намерения в отношении создания стратегических ядерных сил (СЯС) фактически никогда не скрывались ни политиками, ни военными в Индии. Сразу после ядерных испытаний в 1998 году премьер-министр А. Ваджпаи заявил о курсе на политику «минимального ядерного сдерживания». В августе 1999 года специально созданным органом — консультативным советом по национальной безопасности — был опубликован краткий проект ядерной доктрины страны, представленной СНБ при премьер-министре. Именно в этом документе впервые официально был предложен принцип развертывания триады сил сдерживания (то есть придание способности нанесения стратегического ядерного удара всем трем видам вооруженных сил) и системы управления и контроля. В нем также были сгруппированы все основные принципы в области ядерных вооружений, которые выдвигались индийской правящей элитой на протяжении многих лет задолго до обретения статуса фактической ядерной державы. Примечательно, что в проекте ничего не было сказано об источниках или характере угроз, которые могут оправдать использование ядерного оружия.

При этом конкретные параметры такой доктрины освещались весьма скупо. В 2001 году в Индии было создано командование стратегических ядерных сил. Тем не менее, пока достаточно трудно составить четкое представление о том, насколько эта страна продвинулась на пути превращения в державу, обладающую реальным боеготовым ядерным потенциалом. Что касается оценки перспектив развития будущих сил ядерного сдерживания Индии, то этот вопрос продолжает вызывать споры как среди политиков, так и среди специалистов — индийских и зарубежных.

5 января 2003 года по итогам заседания комитета по безопасности во главе с премьер-министром А. Ваджпаи было объявлено о создании высшей инстанции, имеющей полномочия принимать решение о применении ядерного оружия. Общий контроль за использованием ЯО был возложен на орган, состоящий из двух советов — политического и исполнительного (во главе с премьер-министром А. Ваджпаи и советником премьер-министра по национальной безопасности Б. Мишрой соответственно). Решение принимает исполнительный совет с санкции политического совета по рекомендации комитета начальников штабов вооруженных сил.

11 января 2003 года командующим индийскими стратегическими

ядерными силами был официально назначен маршал авиации Т. Астхана. Было решено, что этот пост будет ежегодно передаваться «представителям трех видов ВС» в порядке очереди. Премьер-министр назван единственным лицом, обладающим «ядерной кнопкой», то есть полномочиями на отдачу команды на применение СЯС. Некоторым обозревателям это показалось довольно странным, поскольку в соответствии с конституцией страны верховным главнокомандующим вооруженными силами является президент, а не премьер-министр. Возможно, во исполнение этого пункта соответствующим индийским структурам придется внести некоторые изменения в конституцию. Осталось также неясным, кто имеет право замещать премьер-министра в случае его неспособности отдавать приказы.

На прошедшем заседании была утверждена и ядерная доктрина страны. Вкратце ее положения сводятся к следующему:

— Индия намерена создавать и развивать потенциал минимального разумного сдерживания.
— Руководство страны провозглашает принцип неиспользования ЯО первой. Оно может быть применено только в качестве ответа на ядерное нападение на территорию страны или индийские вооруженные силы где бы то ни было.
— Ответный ядерный удар, который может быть нанесен только с санкции гражданского политического руководства страны, будет массированным, с расчетом нанести неприемлемый ущерб.
— Ядерное оружие не может быть применено против неядерного государства.
— В случае широкомасштабного военного нападения на Индию или ее вооруженные силы где бы то ни было с применением химического или биологического оружия руководство страны оставляет за собой право ответного ядерного удара;
— Дели продолжает строго придерживаться международных режимов в сфере контроля над экспортом ядерных и ракетных материалов и технологий, подтверждает свое участие в переговорах по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов и продолжает придерживаться объявленного страной моратория на проведение ядерных испытаний.

— Индия вновь подчеркивает свою приверженность цели полного всеобщего ядерного разоружения.

В 2005 году представитель национального министерства обороны заявил, что «ядерная доктрина страны основана на принципе минимального вероятного средства устрашения и в противоположность другим государствам исключает так называемый превентивный удар по противнику, что направлено в первую очередь на предотвращение угрозы нанесения ответного ядерного удара». Однако, отвергая, с одной стороны, «холодную войну», Индия, в свою очередь, не дает четкого ответа на вопрос, каким именно количеством ядерных боеголовок она располагает для «минимального устрашения».

В 2004 году в интервью изданию «Дефенс ньюс» представитель МО заявил, что через пять–семь лет Индия намерена иметь на вооружении наземного, воздушного и морского компонентов 300–400 ядерных и термоядерных боеприпасов. Однако, принимая во внимание то обстоятельство, что в настоящее время эта страна располагает запасами оружейного плутония, достаточного для изготовления не более 100 боеприпасов, реальность таких планов вызывает сомнения. Некоторые международные аналитические центры по предотвращению ядерной угрозы оценивают ядерные запасы Индии в 50–60 боеприпасов. Вне всякого сомнения, это число в последующее десятилетие должно увеличиться.

Теперь Индия имеет практически полностью сформированную систему принятия решений о применении своего ядерного арсенала. Кроме того, обладание оформленной ядерной доктриной (пусть и в самом общем виде) является весьма важным обстоятельством с внутриполитической точки зрения.

Основные средства доставки ядерных зарядов:

— Баллистические ракеты малой дальности «Агни-I» (700 км);
— Баллистические ракеты средней дальности «Агни-II» (2500 км);
— Баллистические ракеты средней дальности «Агни-III» (3500 км);
— Межконтинентальные баллистические ракеты «Агни-IV» (4000) и «**Агни-V**» (~8000);
— РПКСН класса «Арихант» с БРПЛ К-15 «Сагарика»;
— Многоцелевые самолеты **Су-30МКИ** и **Dassault Mirage 2000**

В настоящее время авиация представляет единственный реальный компонент ядерного потенциала Индии. Основу этого компонента составляют две эскадрильи многоцелевых самолетов «Мираж–2000» французского производства, которые сертифицированы для выполнения ядерных задач. Базируются эти эскадрильи (всего 24 самолета) на авиабазе «Гвалиор» в Мадхья-Прадеш, на севере центральной части Индии. Радиус боевого действия самолета с одной ядерной бомбой на борту — 1170 километров.

Кроме того, для выполнения ядерных задач сертифицирована часть истребителей-бомбардировщиков «Ягуар» английского производства и некоторое количество тактических истребителей МиГ-29 и Су-30МКИ российского производства. Эти машины, как и самолет «Мираж–2000», способны взять на борт одну ядерную бомбу, а их радиус боевого действия колеблется от 700 до 2000 километров.

Индия намерена совершенствовать авиационный компонент ядерных сил за счет перевооружения ВВС на новые самолеты-носители ядерного оружия. С этой целью предусмотрена закупка у Франции перспективного многоцелевого истребителя «Рафаль», который во Франции используется в качестве самолета–носителя ядерной крылатой ракеты АСМП. Одновременно ведутся работы по дооборудованию большего количества тактических истребителей Су-30МКИ для их использования в качестве носителя ядерной бомбы.

В перспективе нельзя исключать, что индийские самолеты могут быть вооружены сверхзвуковой крылатой ракетой типа «БраМос», если для этой КР будет создана ядерная головная часть.

Первые попытки создания в стране тактической баллистической ракеты (ТБР) были предприняты еще в конце 1960-х годов, когда индийские специалисты пытались создать ТБР на базе ракеты приобретенного в СССР зенитного ракетного комплекса С-75. Однако, хотя эффективность созданного таким способом оружия оказалась невысокой, двигательная установка ЗУР С-75 в дальнейшем все же была использована для создания первой индийской баллистической ракеты «Притхви».

Индийская программа разработки собственных ракет-носителей начала осуществляться в 70-е годы с проекта SLV и вступила в практическую стадию в июле 1980-го, когда с помощью ракеты SLV-3 на

эллиптическую орбиту был выведен искусственный спутник земли «Рохини» массой 40 кг.

К реализации ракетной программы в стране приступили в 1983 году, когда был разработан комплексный проект создания боевого управляемого ракетного оружия (Integrated Missile Development Programme IGMDP). Стратегическая цель этой работы состояла в построении и развитии собственной научно-исследовательской и производственной базы, способной обеспечить вооруженные силы эффективным ракетным оружием, на которое должен в дальнейшем опираться потенциал сдерживания. Он предусматривал разработку и производство широкого спектра ракет: БР малой и средней дальности («Притхви» и «Агни»), способных нести ядерный заряд, КР «Брамос» и зенитных управляемых ракет («Акаш» и «Тришул»).

Помимо этого, в стране действует космическая программа, направленная на достижение самообеспеченности в области разработки и производства ракет-носителей для искусственных спутников земли мирного и военного назначения.

Наиболее показательным примером успешного развития ракетных технологий являются разработки ракет «Притхви» («Земля») и «Агни» («Огонь»).

В настоящее время в Индии заканчивается создание перспективной атомной подводной лодки (ПЛА) по программе (Advanced Technology Vessel (ATV)), которая, возможно, будет нести на борту ракеты «Притхви-3». По неподтвержденной информации, головной корабль спущен на воду в 2007 году. Согласно данным индийских источников, предполагается построить до пяти таких ПЛ. При их проектировании был использован проект и опыт эксплуатации советской ПЛА «Чакра», которую Индия арендовала с 1988 по 1991 год. Если по техническим причинам произойдет задержка с вводом в строй первой индийской АПЛ, то по программе подводного старта могут быть переоборудованы находящиеся в боевом составе или новые дизельные ПЛ. Продолжается также строительство по французской лицензии шести ПЛ типа «Скорпен». Имеются также сведения о намерении арендовать одну-две ПЛА в России.

Учитывая продолжительность предстартовой подготовки и несовершенство системы наведения «Притхви», ее вряд ли можно считать

эффективной боевой системой доставки. Гораздо более мощным и совершенным носителем ядерных боеголовок является баллистическая ракета средней дальности (БРСД) «Агни». Работы над ней начались в середине 80-х годов XX века.

Первый вариант ракеты — «Агни-1» (длина 18 м, масса около 7,5 т, дальность стрельбы до 1 500 км) был изготовлен на базе ранее отработанных в процессе выполнения индийской космической программы элементов. Первая ступень БРСД представляла собой твердотопливный двигатель ракеты-носителя SLV-3, а основу второй составляла уменьшенная в длине двигательная установка ОТР «Притхви-1». Первый пуск «Агни-1» был осуществлен в мае 1989 года, однако о военном предназначении ракеты тогда ничего не сообщалось. Эта БРПЛ была представлена в качестве «демонстрационного технологического проекта», служащего для отработки ряда космических технологий. Система управления ракеты была аналогична применяемой в ОТР «Притхви-1». Отделяемая ГЧ массой 1000 кг имела собственную систему управления. В дальнейшем было проведено еще два пуска «Агни-1» — в мае 1992 и феврале 1994 года.

В свете пакистанских ядерных и ракетных испытаний в 1998 году индийское правительство приняло решение о продолжении работ по созданию ракет средней дальности. На базе первой маршевой ступени «Агни-1» прорабатываются и испытываются два варианта «Агни-2». В одном из них в качестве второй ступени используется маршевая ступень «Притхви», позволяющая доставлять ГЧ массой 1000 кг на расстояние 2100 км, а при массе 500 кг максимальная дальность стрельбы может достигать 3300 км. В другом варианте на второй ступени установлен новый твердотопливный двигатель, позволивший сократить время подготовки БРСД к пуску с 12 ч до 15 мин. При массе ГЧ 1000 кг максимальная дальность стрельбы этой ракеты составляет 2750 км, а при массе 500 кг — 4200 км. Значительным достижением индийских специалистов стало также создание высокомобильной платформы, предназначенной для транспортировки ракеты.

«Агни-2», имеющая дальность стрельбы 2000 км и массу ГЧ 1000 кг, была впервые испытана 11 апреля 1999 года, когда она пролетела 2000 км за 11 мин. По данным технических источников, она превосходит западные проекты по маневренности и скольжению, причем КВО составляет

всего 40 м. Хотя, по всей видимости, эти данные преувеличены, они все же вызывают много вопросов у западных специалистов.

Министерством обороны Индии утверждены планы развертывания в стратегически важных районах страны подразделений отечественных баллистических ракет серии «Агни». «Агни-1» с дальностью стрельбы до 700 км и «Агни-2», способная поражать цели на расстоянии до 1500 км, будут размещены в северных и западных секторах индийской территории, граничащих с Пакистаном, а на востоке с Китаем. Два сформированных ракетных полка сухопутных войск имеют в своих арсеналах по восемь пусковых установок. Они могут обеспечивать запуск любой из двух типов БР, оснащенных как обычными, так и ядерными боеголовками. Для обеспечения должной операционной гибкости новых подразделений предусмотрена быстрая доставка ракет из ангаров в центральной части страны в любой ее район по железным дорогам и автострадам. При необходимости пуски могут осуществляться и с основной базы.

С 1994 года Индия разрабатывает МБР, известную как «Сурья» (Surya — «Солнце»), с целью, как полагают большинство экспертов, достижения силового паритета с Китаем. К настоящему времени определены несколько основных альтернативных вариантов ее конфигурации. Ракета, как предполагается, будет трехступенчатой, причем первые две ступени — твердотопливные, а последняя — жидкостная. Дальность стрельбы при массе ГЧ около 3500 кг предположительно составит 8–12 тыс. км. Не исключена возможность оснащения ее термоядерным зарядом. Ранее сообщалось, что в случае выделения индийским правительством соответствующих ассигнований и открытия целевого проекта разработки МБР «Сурья» на ее создание уйдет 5–7 лет. Опубликованные данные не дают четкого представления о состоянии этой программы в настоящее время. Тем не менее, по оценкам американских экспертов, Индия уже имеет в своем распоряжении большую часть компонентов, необходимых для создания полноценной МБР.

К разработке БРПЛ индийцы приступили в конце 90-х годов, а ее полетные испытания начались в январе 2004-го (было осуществлено бросковое испытание из пусковой установки, размещенной на затопленной платформе). После того как в марте нынешнего года состоялись два успешных испытательных пуска ракеты с подводного стенда,

глава DRDO В. Сарасват заявил, что программа испытаний К-15 вступила в финальную стадию.

Представляется, что эта стадия должна предусматривать проведение пусков БРПЛ с борта штатного носителя — подлодки «Арихант». Без проведения таких пусков на вооружение не могут быть приняты ни ракета К-15, ни ПЛАРБ «Арихант». Судя по всему, это событие состоится в следующем году.

Следует ожидать, что DRDO не ограничится созданием БРПЛ с дальностью стрельбы 700–750 километров. Из утечек в индийские СМИ известно о секретной программе ракет семейства «К», которая предусматривает разработку БРПЛ К-4 с дальностью стрельбы до 3500–5000 километров при массе головной части около 1000 килограммов и БРПЛ К-5, относящейся к ракетам межконтинентальной дальности.

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что **Индия близка к тому, чтобы в недалекой перспективе стать обладателем полноценной ядерной триады.**

«Агни-V» — твердотопливная трехступенчатая ракета массой 50 т и длиной 17,5 м. Забрасываемый вес — 1,5 т в виде одной или нескольких ядерных боеголовок. Стоимость ее разработки оценивается в 25 млрд рупий ($480 млн). После четырех или пяти испытаний ракета будет принята на вооружение в 2014–2015 гг. Прежняя «длинная рука» Индии — ракета «Агни-III» — имела дальность 3500 км и не могла обеспечить поражение побережного Китая — экономического сердца страны, пишет Huffington Post.

Официальные лица Китая выступили подчеркнуто сдержанно: пресс-секретарь МИД Лиу Веймин заявил, что Пекин «осведомлен» об испытании и видит в Индии не соперника, а партнера, но что странам следует «ценить достигнутые нелегким трудом теплые двусторонние отношения».

Государственный телеканал CCTV, поздравив Индию с ракетным прорывом, не преминул перечислить технические недостатки ракеты: малый забрасываемый вес при чрезмерной стартовой массе, проблемы с системой наведения и уязвимость стартовых позиций. «(Ракета) не представляет реальной угрозы», — резюмировал ведущий CCTV. Государственная китайская Global Times предостерегла Индию от «заносчивости в спорах с Китаем», напомнив, что китайские средства доставки ядерных зарядов

мощнее и надежнее. «В обозримом будущем у Индии нет шансов в гонке вооружений с Китаем», — цитирует газету The Wall Street Journal.

Военный аналитик Рахуль Беди из Нью-Дели называет программу «Агни-V» исключительно антикитайской. «В то время как Китай не считает Индию своим военным противником и даже соперником, в Индии положение дел видят совсем иначе», — заявил он. По его мнению, запуск новой ракеты находится в контексте наращивания военной мощи Индии, выразившегося в лизинге российской атомной подлодки «Нерпа» и ожидающегося вступления в строй авианосца «Викрамадитья» российской постройки. Индия воевала с Китаем в 1962 г., проиграла конфликт, и у стран остается неурегулированный пограничный спор.

Представитель ДРДО Рави Гупта отверг антикитайскую направленность индийской ракетной программы: «Наши ракеты служат исключительно целям сдерживания и национальной безопасности». Мировое сообщество спокойно отнеслось к запуску. Представитель госдепа США Марк Тонер указал, что Индия всегда безупречно соблюдала соглашения о нераспространении ядерного оружия.

Как ожидается, ракета будет принята на вооружение через год после нескольких дополнительных пусков из ТПК. МБР «Агни-5» станет одним из компонентов системы ядерного сдерживания Индии.

Таблица 1.9. Тактико-технические характеристики

	Агни-1	Агни-2	Агни-3	Агни-5
Длина (м)	15	20	17	17,5
Диаметр (м)	1	1	2	?
Масса (т)	12	16	48	50
Забрасываемый вес (т)	1	1	1,8	1,5
Количество ступеней	1	2	2	3
Дальность	700 км	2500 км	3500 км	~8000 км
Статус	На вооружении	На вооружении	На вооружении	Испытания

На вооружении

 Индия

— 80–100 единиц «Агни-1», по состоянию на 2010 год
— 20–25 единиц «Агни-2», по состоянию на 2010 год

В плане развития средств противовоздушной и противоракетной обороны наиболее значительной программой на сегодня является создание ЗРК «Акаш» («Небо»). Используемая в составе «Акаш» зенитная ракета по своему внешнему виду и конструктивному исполнению аналогична ракете, применяемой в составе приобретенного в СССР ЗРК «Квадрат». Ее длина 5,8 м, масса 650 кг, дальность стрельбы 25–27 км.

Другой программой создания собственного ЗРК является «Тришул» («Трезубец») — низковысотная зенитная ракетная система, которую планируется поставить в индийскую армию, ВМС и ВВС. Используемая в составе «Тришул» ЗУР по своему внешнему виду и конструктивному исполнению подобна ракете, применяемой в закупленном в СССР самоходном и корабельном варианте ЗРК «Оса». В индийской версии длина этой ракеты 3,4 м, диаметр 21 см, а масса 125 кг. При этом дальность действия «Тришул» составляет от 900 до 9000 м.

Особое значение индийские разработчики придают тому, что «Тришул» способен перехватывать низколетящие (на высоте от 2 до 5 м над уровнем моря) противокорабельные ракеты, поддерживая высоту с помощью радиолокационного высотомера, а для подрыва боевой части в зоне встречи с целью используется ИК-взрыватель.

Таким образом, на сегодняшний день можно сделать ряд определенных выводов:

— Индия имеет достаточно развитую ядерную инфраструктуру и промышленную индустрию, позволяющую ей совершенно самостоятельно производить ядерное оружие.
— Страна является обладателем региональных средств сдерживания, поскольку здесь налажено собственное производство ракетных средств доставки, которые позволяют поражать все объекты на территории Пакистана и наносить удары по значительной части территории КНР. Если удастся увеличить дальность полета разрабатываемых ракет до 3500–5000 км и повысить точность их наведения, то они приобретут свойства стратегических межконтинентальных баллистических ракет. В этом случае эта страна сможет проецировать свою военную мощь далеко за пределы Южной Азии.

— Индия имеет практически полностью сформированную систему принятия решений о применении своего ядерного арсенала, а ее политическое руководство настроено очень решительно на случай любых конфликтов со **Вывод однозначен: р**еализуемые своими основными противниками, вплоть до применения ядерного оружия. Нью-Дели меры в области создания и развития ядерных вооружений свидетельствуют **о настойчивом желании Индии создать ядерный арсенал, сопоставимый по меньшей мере с ядерным арсеналом КНР.**

Планы развития индийских ядерных сил предусматривают, что к 2030 году они будут располагать не менее чем 300 носителями авиационного, наземного и морского базирования и свыше 400 ядерными боезарядами на них.

Это означает, что ныне уже не следует игнорировать индийский фактор, когда роль идет о продвижении мирового сообщества по пути ядерного разоружения. **Индия должна стать полноправным участником многосторонних переговоров в этой сфере**. В противном случае процесс постепенного ограничения ядерных вооружений неизбежно затормозится, поскольку невозможно представить, чтобы государства — члены «ядерной пятерки», особенно Китай, согласились на глубокие сокращения своих арсеналов ЯО в то время как такие де-юре непризнанные ядерные государства, как Индия, наращивают свои ядерные вооружения.

1.2.е). США и Россия в будущей военно-политической обстановке

Сложные и быстрые изменения характеризуют современную стратегическую обстановку, которая формируется под влиянием распространения технологий, глобализации и демографических сдвигов[115]

Национальная военная стратегия США

Современная военная политика и военная стратегия США, корректируемая Д. Трампом, находится в стадии уточнения, но при всех известных и ожидаемых изменениях ясно, что она будет логичным про-

должением политики и стратегии предыдущего десятилетия потому, что логика развития программ ВВСТ и военного искусства в минимальной степени зависит от субъективных факторов. Те изменения в военной политике и военном строительстве США, которые произошли в 2017 году, свидетельствуют, на мой взгляд, только о том, что Д. Трамп и его администрация усилили те новые акценты, которые появились при Б. Обаме, а еще до этого — при республиканцах. В самом общем виде

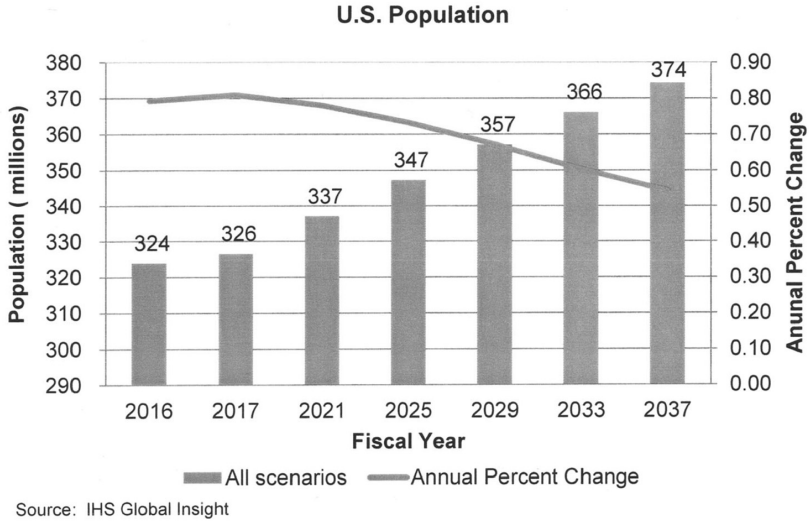


Рис. 1.41.

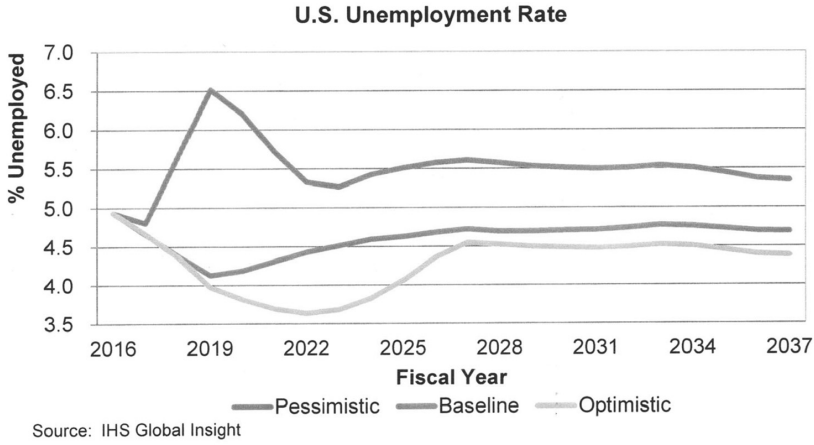


Рис. 1.42.

они свелись к увеличению военных расходов (которые при демократах были сокращены за счет участия в заморских операциях) на 50 млрд долларов и заложили тенденцию еще более быстрого строительства новейших ВВСТ на ближайшие 10 лет[116].

Еще в период второй администрации Барака Обамы Белый дом и министерство обороны США опубликовали ряд доктринальных документов в области национальной безопасности, содержащих важнейшие фундаментальные принципы строительства и применения вооруженных сил (ВС) США. В частности, планировалось, что уже к 2020 г. в американских ВС произойдут качественные преобразования, которые затронут все аспекты их применения: стратегическое планирование, организационную структуру, техническое оснащение, обучение и подготовку личного состава, стратегию, оперативное искусство и тактику, а также организацию логистического обеспечения боевых действий[117].

Принципиальная и долгосрочная установка на качественное техническое превосходство над любым вероятным противником в XXI в. остается при Д. Трампе концептуальной основой военной политики, которой придерживалась и администрация Обамы. В марте 2014 г. министерство обороны опубликовало очередной «Четырехлетний обзор в области обороны» — своего рода «дорожную карту» в сфере военного строительства на следующие четыре года, которая позже была развита в серии документов.

В этой связи для нас принципиально важно попытаться определить, в какой степени МО и ВПО оказывает влияние на политику США, а в какой степени политика США и возглавляемой ими коалиции — на МО и ВПО.

Прежде всего, в приоритетных целях нашего исследования изначально важно определить самые общие тенденции развития, прежде всего всей западной ЛЧЦ до 2025 года, которые уже представляются достаточно определенными и выглядят следующим образом, а также основные цели, которые ставятся перед ней правящими кругами Запада. Они представляют достаточно радикальными и категоричными. На мой взгляд, таких основных целей может быть сформулировано три: рис. 1.43.

Основные цели западной ЛЧЦ до 2025 года представляются такими:

Во-первых, создание принципиально новой системы международной безопасности, основанной на военно-силовых возможностях западной ЛЧЦ, а не на компромиссах, договоренностях и традициях, когда

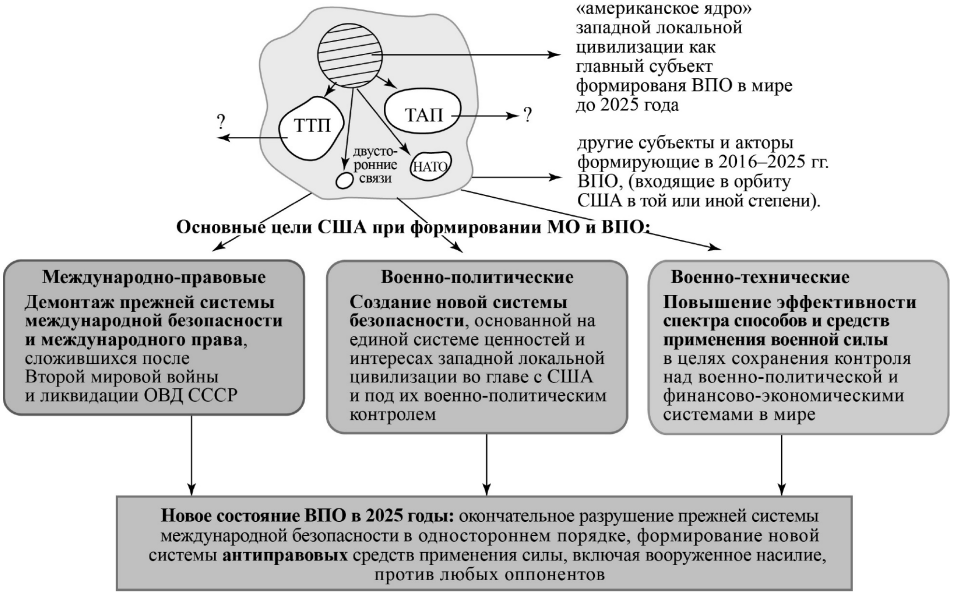


Рис. 1.43. Основные направления среднесрочной стратегии США и возглавляемой ими коалиции западной локальной цивилизации (ЛЧЦ) до 2025 годов относительно других ЛЧЦ

западная военно-политическая коалиция будет определять мировую повестку дня.

Во-вторых, разработку самого широкого спектра средств и способов применения силы (включая военную), которые обеспечат коалиции абсолютное превосходство над любым противником.

В-третьих, демонтаж прежней и создание новой системы международного права, защищающей интересы западной ЛЧЦ.

Как следует из этих документов, американским вооруженным силам придется решать задачи обеспечения национальной безопасности в условиях «глобальных вызовов, исходящих из различных регионов планеты». Рост очагов экстремизма и возникновение и активизация религиозно-политических конфликтов на территории ряда государств Северной Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии создает, по оценкам авторов документа, «непосредственную угрозу для американских союзников и партнеров». Это, в свою очередь, требует расширения «международного сотрудничества в оборонной сфере и выработки адаптивных форм взаимодействия». Иными словами, сохранение

американского контроля гарантировалось технологическим превосходством и коалиционной политикой. Что, в принципе, является наиболее адекватным поведением правящих кругов США, которые сумели сформировать крупнейшую военно-политическую и достаточно устойчивую коалицию и сохранить на протяжении многих лет военно-техническое превосходство, созданное ими после Второй мировой войны[118].

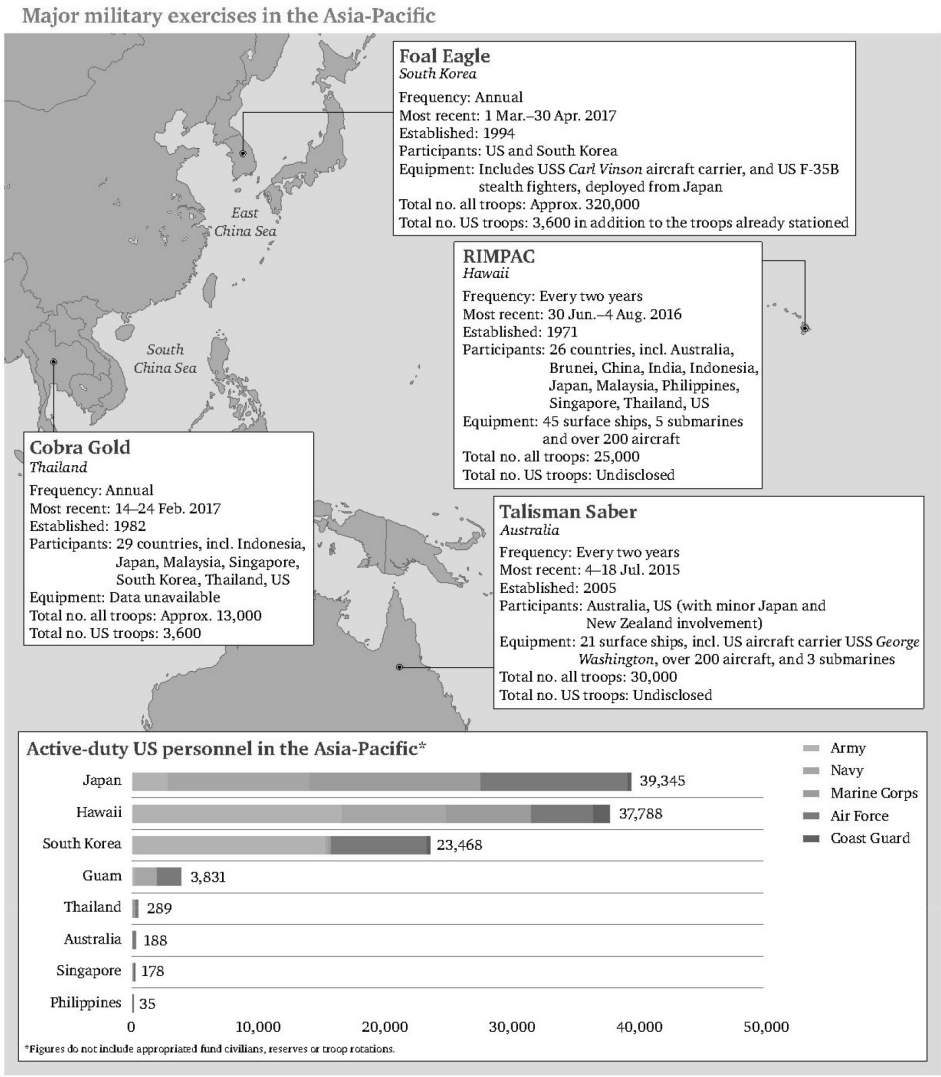
В условиях глобальной трансформации системы международных отношений американское руководство будет вынуждено осуществлять военную политику, опираясь на «высокоэффективную экономику, широкое политическое взаимодействие с союзниками и партнерами, военную мощь и технологическое превосходство». Выполнение всех этих условий потребует, в свою очередь, принятия важных управленческих решений в области изменения баланса вооруженных сил и дальнейшего реформирования их структурных компонентов. Угрозы национальной безопасности США, по оценкам авторов доклада, в обозримой перспективе будут только множиться. Это, в свою очередь, потребует ряда ответных мер, которые могут кардинально изменить всю систему международной безопасности.

Возникновение новых центров силы в мировой политике, растущая политическая, экономическая и военная мощь ряда «поднимающихся» государств, падение демографических показателей ведущих стран, быстрая урбанизация территорий, повышение среднего возраста населения планеты, непредсказуемые колебания мировых энергетических рынков, а также появление новейших (прежде всего, военных) технологий в некоторых «проблемных» странах и у террористических группировок, являются, по мнению американских военных специалистов, основными источниками глобальной нестабильности и, как следствие, «возможной трансформации существующего мирового порядка». Воздействие этих факторов на всю систему международных отношений будет только возрастать в долгосрочной перспективе, а механизмы противодействия им будут ослабевать[119].

Это, в свою очередь, может значительно ограничить возможности американского влияния на обстановку в том или ином регионе, снизить потенциал глобального военного присутствия, а также повысить уязвимость ВС США при развертывании на удаленных театрах военных

действий (ТВД). При этом усиливающаяся угроза со стороны транснациональных террористических организаций в значительной мере определяется упрощением условий их функционирования, связанным с неутихающим характером вооруженных конфликтов в различных регионах планеты. Как следует из документа, США, их союзники и партнеры, должны оказывать противодействие (в том числе и силовыми методами) государствам, которые могут «трансформировать существующий либеральный мировой порядок». Поэтому американское военное планирование должно вестись с целью снижения активности этих стран «в области возможной дестабилизации международных отношений». Продолжающееся распространение ядерных и ракетных технологий, неядерного высокотехнологичного оружия, беспилотной авиации, автономных робототехнических систем вооружений, растущие возможности по применению информационного оружия, разведывательных средств космического базирования также создают, по оценкам американских военных специалистов, реальные угрозы для национальной безопасности США и представляют серьезный вызов для американских вооруженных сил. По мере роста экономического и военно-политического потенциала развивающихся стран и перераспределения материальных и финансовых ресурсов между глобальными центрами силы, США, их союзники и партнеры могут потерять, как считают авторы доклада, свое влияние на мировую политику и экономику, которое уже начинает смещаться в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). [120]

Поэтому защита жизненно важных интересов США в этом регионе, а также сохранение и укрепление важнейших альянсов с американскими союзниками и партнерами в АТР на фоне роста конкуренции со стороны некоторых «крупных региональных государств» потребуют от американского руководства разработки новых подходов к обеспечению национальной безопасности и расширению боевых возможностей ВС. «Быстрая модернизация военно-технического потенциала Китая, в частности, его ракетно-ядерных вооружений ведет к усилению напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» и может, по оценкам американских военных специалистов, уже в краткосрочной перспективе создать для ВС США существенные трудности, связанные с необходимостью повышения боевого потенциала войск, пересмотра стратеги-



Sources: US Embassy & Consulate in Thailand (2017), 'Exercise Cobra Gold 2017 to Begin February 14, 2017', press release, https://th.usembassy.gov/exercise-cobra-gold-2017/ (accessed 12 Jun. 2017); Exercise Cobra Gold (2017), Facebook page, www.facebook.com/ExerciseCobraGold (accessed 12 Jun. 2017); Australian Government Department of Defence (2015), 'Exercises – Talisman Sabre', www.defence.gov.au/exercises/ts15/ (accessed 12 Jun. 2017); Seibel, J. G. (2015), 'The U.S. and Australia Team UP as a Combined Task Force During Talisman Sabre', America's Navy, www.navy.mil/submit/display.asp?story_id=90019 (accessed 12 Jun. 2017); Agence France-Presse (2015), 'Japan Joins US-Australia War Games Amid China Tensions', *Defense News*, www.defensenews.com/story/defense/international/asia-pacific/2015/07/05/japan-joins-us-australia-war-games-amid-china-tensions/29734855/ (accessed 12 Jun. 2017); US Navy (2016), 'RIMPAC 2016', www.public.navy.mil/surfor/Pages/RIMPAC-2016.aspx#.WT5vHNy1vct (accessed 12 Jun. 2017); Moon Cronk, T. (2017), 'U.S., South Korea Launch Annual Foal Eagle Exercise', *DoD News*, www.defense.gov/News/Article/Article/1102331/us-south-korea-launch-annual-foal-eagle-exercise/ (accessed 12 Jun. 2017); LaGrone, S. (2017), 'Carrier USS Carl Vinson to arrive in South Korea today', *U.S. Naval Institute News*, https://news.usni.org/2017/03/14/carrier-uss-carl-vinson-arrive-south-korea-today (accessed 12 Jun. 2017); Kim, J. and Park, J. M. (2017), 'South Korea, U.S. begin large-scale annual drills amid North Korea tension', Reuters, 1 March 2017, http://www.reuters.com/article/us-southkorea-usa-drills-idUSKBN1683HQ (accessed 20 Jun. 2017); Defense Manpower Data Center (2016), 'DoD Personnel, Workforce Reports & Publications', counts of active-duty and reserve service members and APF civilians by location country, personnel category, service and component as of 31 December 2016, www.dmdc.osd.mil/appj/dwp/dwp_reports.jsp (accessed 9 Jun. 2017).

Рис. 1.44. Военное присутствие США в Юго-Восточной Азии

ческих и оперативно-тактических концепций их применения, а также модернизации вооружений и военной техники.

Возможное «активное применение Китаем вооруженных сил для защиты национальных интересов» заставляет американское военное руководство искать новые формы и методы применения военной мощи для противодействия этой «региональной угрозе». Так, авторы «Четырехлетнего обзора» считают необходимым ускоренными темпами разрабатывать дальнобойные высокотехнологичные системы вооружений, способные преодолевать современные средства противовоздушной и противоракетной обороны (ПВО/ПРО), а также разведывательно-ударные комплексы для ведения боевых действий на удаленных ТВД в быстро меняющихся военно-стратегических условиях, в частности, автономных подводных аппаратов, которые могут стать дополнительным средством сбора разведывательной информации. Это, в свою очередь, потребует существенных финансовых вложений в поддержание и модернизацию профильной инфраструктуры базирования американских войск в регионе.

Предполагается, что значительную часть этих расходов должны взять на себя американские союзники и партнеры в АТР (Австралия, Япония, Южная Корея, Филиппины, Таиланд, Новая Зеландия, Сингапур, Индонезия, Малайзия, Вьетнам и Бангладеш). В условиях жестких финансовых ограничений и в соответствии с законом «О контроле бюджета», начиная с 2012 фин. г. бюджет министерства обороны планируется сократить на 487 млрд долл. в течение десятилетия, причем ассигнования должны будут снижаться на 50 млрд долл. ежегодно. Однако в документе указывается, что начиная с 2015 фин. г. расходы Министерства обороны вырастут в течение следующих пяти лет на 115 млрд долл. Следует отметить, что в общей сложности на оборону в 2016 фин. г. было выделено 585,3 млрд долл. В эту сумму входит базовый бюджет министерства обороны и расходы на ведение боевых действий за рубежом — Overseas Contingency Operations (OCO). При этом основной бюджет военного ведомства составил 534,2 млрд долл. (без дополнительных программ), а на OCO было выделено 50,9 млрд долл. Сумма базового бюджета на 2016 фин. г. превосходит прошлогоднюю на 38,2 млрд

долл., а на ведение боевых действий за рубежом — на 13,3 млрд долл. меньше, чем в 2015 фин. г.

Таблица 1.10. Основные направления развития военного бюджета США после 11 сентября 2001 года[121]

($ in billions)	FY 2001	FY 2002	FY 2003	FY 2004	FY 2005	FY 2006	FY 2007	FY 2008	FY 2009
Base	287,4	328,2	364,9	376,5	400,1	410,6	431,5	479,0	513,2
OCO	22,9	16,9	72,5	90,8	75,6	115,8	166,3	186,9	145,7
Other*	5,8	—	—	0,3	3,2	8,2	3,1	—	7,4
Total	**316,2**	**345,1**	**437,5**	**467,6**	**478,9**	**534,5**	**600,9**	**665,9**	666,3

($ in billions)	FY 2010	FY 2011	FY 2012	FY 2013	FY 2014	FY 2015	FY 2016	FY 2017	FY 2018
Base	527,9	528,2	530,4	495,5	496,3	497,3	521,3	521,8	**574,5**
OCO	162,4	158,8	115,1	82,0	84,9	63,0	58,9	65,0	**64,6**
Other*	0,7	—	—	0,1	0,2	0,1	—	—	—
Total	**691,0**	**687,0**	**645,5**	**577,6**	**581,4**	**560,4**	**580,3**	**586,7**	**639,1**

*Other non-war supplemental funding
Numbers may not add due to rounding

Динамика развития военных расходов США после 11 сентября 2001 года показывает:

— рост на 100% основных расходов;
— рост на 300% расходов на зарубежные операции.
— увеличение абсолютных военных расходов с 2018 ф.г. на долгосрочную перспективу ориентировочно на 50 млрд долл. ежегодно.

При этом исключительно важное значение приобретают военно-промышленные корпорации, которые за последние 20 лет прошли несколько этапов консолидации активов и повышения концентрации производства и НИОКР. В 1990-х годах ситуация в оборонной промышленности существенно изменилась в результате прошедших слияний и поглощений, приведших к беспрецедентной консолидации в отрасли (см. рис. 1.45). По сравнению с предыдущим периодом, в структуре отрасли была осуществлена значительная вертикальная интеграция, приведшая к формированию ограниченного круга ключевых участников этого рынка.

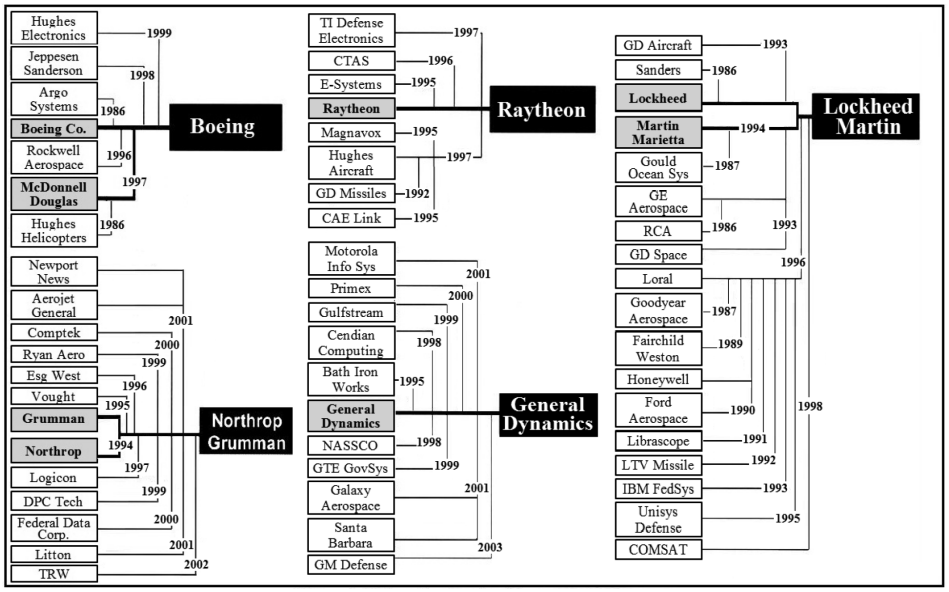


Рис. 1.45. Консолидация производителей США в оборонной промышленности

В результате произошедших слияний и поглощений вместо нескольких десятков крупных оборонных компаний возникли пять неоспоримых лидеров отрасли (см. табл. 1.11).

Таблица 1.11. Структура основных поставщиков министерств обороны, энергетики и внутренней безопасности в 2012 финансовом году

Поставщик	Доля суммарных закупок, %
Lockheed Martin Corp	11,87
Boeing	10,42
Raytheon Co.	5,32
General Dynamics Corp.	5,1
Northrop Grumman Corp	3,66
United Technologies Cor	2,97
Huntington Ingalls Industries	2,53
L-3 Communications Holding	2,49
BAe Systems	2,25

SAIC	1,97

Представляется, что такое изменение структуры оборонных расходов связано с тем, что США намерены сосредоточиться, прежде всего, на финансировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и качественном развитии вооруженных сил. В свою очередь, снижение расходов на ведение боевых действий за рубежом вызвано значительным сокращением американского воинского контингента, развернутого в Афганистане.

При составлении проекта оборонных расходов на 2016 фин. г. учитывались пять основных приоритетов:

— смещение стратегических приоритетов военной политики США в АТР;
— обязательства американского руководства перед союзниками по НАТО по поддержанию региональной безопасности в Европе и на Ближнем Востоке;
— глобальная борьба с международным терроризмом;
— инвестирование в развитие новейших технологий;
— укрепление военно-политических и экономических союзов и партнерств по всему миру.

При этом основные финансовые потоки оборонных расходов при реформировании ВС США планируется направить на развитие сил и средств стратегического ядерного сдерживания, противоракетной обороны, информационной безопасности, стратегических транспортных средств для переброски войск и военной техники, а также на активизацию боевого применения сил специальных операций в глобальном масштабе.

В «Четырехлетнем обзоре» были обозначены три важнейшие инициативы, которыми министерство обороны намерено руководствоваться при реформировании вооруженных сил:

— военное строительство должно осуществляться с целью сохранения лидирующего положения США в мире;
— все запланированные мероприятия в области структурных изменений вооруженных сил должны быть четко сбалансированы;
— сохранение высокой боеготовности вооруженных сил в условиях жестких финансовых ограничений возможно только при наличии

эффективного механизма контроля над расходами.

Учитывая сложную финансово-экономическую ситуацию, а также исходя из наличия широкого спектра угроз национальной безопасности, американские специалисты несколько видоизменили действовавшую после окончания «холодной войны» доктрину одновременного ведения двух военных конфликтов на различных удаленных ТВД. В современной трактовке вооруженные силы США «должны нанести поражение региональному противнику в крупномасштабной войне на одном ТВД и не дать возможности оппоненту решать свои задачи в связи с большими затратами на ведение боевых действий на другом ТВД». По сути, в документе подтверждается действующая доктринальная установка американского руководства о невозможности в среднесрочной перспективе содержать и обеспечивать такую группировку сил, которая была бы способна одновременно вести две крупномасштабные войны на различных удаленных ТВД.

В документе обозначено несколько инновационных концепций применения вооруженных сил, которые американское руководство выделяет в качестве приоритетных. Так, в соответствии с концепцией «обороны национальной территории» планируется и дальше активно развивать новейшие противоракетные технологии, в частности, увеличить количество развернутых стратегических ракет-перехватчиков GBI (Ground-Based Interceptors) шахтного базирования с 30 до 44, развернуть на территории Японии второй радар системы предупреждения о ракетном нападении для своевременного обнаружения ракетных пусков с территории Северной Кореи, а также значительно увеличить финансирование профильных программ по исследованию возможностей селекции сложных баллистических целей и повышению технических характеристик информационно-разведывательного компонента глобальной системы ПРО.

Это должно защитить, прежде всего, американские воинские контингенты, развернутые за пределами национальной территории, от региональных ракетных угроз. При этом подчеркивается в документе, все мероприятия США в этой сфере направлены исключительно против Северной Кореи и Ирана и никак не подразумевают изменение военно-стратегического баланса с Россией и Китаем. Несмотря на достигнутые с Россией договоренности в области сокращения стратегических

наступательных вооружений планируется увеличить расходы на текущее содержание и модернизацию инфраструктуры ядерно-оружейного комплекса с целью «сохранить эффективную стратегическую триаду и повысить боеготовность тактической авиации передового базирования в ядерном оснащении».

Следует отметить, что американское руководство было намеренно потратить 350 млрд долл. в течение следующего десятилетия на содержание и модернизацию ядерных сил. После прихода Д.Трампа эти планы были пересмотрены в сторону увеличения.

Так, уже ведется полномасштабное производство около 1,2 тыс. ядерных боеголовок W76–1 для баллистической ракеты подводных лодок (БРПЛ) «Trident-II» («Трайдент-2»), которое планируется завершить к 2019 г., при этом общая стоимость программы может составить 3,7 млрд долл. Разработка ядерной боеголовки для новой стратегической крылатой ракеты воздушного базирования LRSO (Long-Range Standoff), которой планируется оснащать стратегические бомбардировщики следующего поколения, потребует около 8,8 млрд долл. в период до 2033 г., при этом стоимость всех компонентов системы может достигнуть 20 млрд долл. Серийное производство управляемых ядерных авиабомб новейшей модификации B61–12, которыми планируется оснащать ударные истребители-бомбардировщики F-35 «Lightning II» (Лайтнинг-2), намечено закончить к 2025 г., при этом общая стоимость программы может составить около 10 млрд долл. Национальное управление по ядерной безопасности (National Nuclear Security Administration), являющееся структурным компонентом министерства энергетики США, также представило план разработки нового семейства так называемых «взаимозаменяемых» ядерных боеголовок, которые могут применяться как на межконтинентальных баллистических ракетах (МБР), так и на БРПЛ. Производство первой такой боеголовки должно начаться в период до 2039 г., при этом стоимость программы может составить около 15 млрд долл. Ожидается, что все запланированные мероприятия должны привести к повышению точности ядерного оружия, что, в свою очередь, может значительно снизить требования к его мощности для уменьшения «сопутствующего ущерба».

Кроме этого, предполагается активно разрабатывать средства ин-

формационного противоборства, вкладывая ресурсы в развитие цифровых технологий и подготовку профильных специалистов, а также поддерживать необходимый потенциал для защиты национальной территории от возможного применения оружия массового уничтожения. В рамках концепции «обеспечения глобальной безопасности» планируется продолжить стратегию передового присутствия американских экспедиционных сил в ключевых регионах планеты, прежде всего, в АТР. Так, к 2020 г. предполагается развернуть в акватории Тихого океана **до 60% всего боеспособного потенциала ВМС**, а также значительные контингенты ВВС и корпуса морской пехоты, оснащенные системами вооружений и военной техникой последнего поколения.

Кроме этого, американское руководство и дальше продолжит рассматривать ряд стран Ближнего Востока, Европы, Африки и Латинской Америки как форпосты американского военного присутствия в глобальном масштабе, являющиеся «необходимым компонентом политики обеспечения национальной безопасности». Важнейшим стратегическим приоритетом американской военной политики становится Арктический регион, в связи с чем планируется значительно нарастить военное присутствие в прилегающих акваториях.

В соответствии с концепцией «проецирования силы и достижения решительной победы» американское руководство планирует сосредоточить основные финансовые, научно-технические и организационные усилия на развитие, прежде всего, авиационного и морского компонентов национальной военной мощи для противодействия «растущей военной угрозе» со стороны Китая.

При этом необходимые ресурсы предполагается также направить на модернизацию сухопутных войск, сил специальных операций, а также на разработку новейших военно-космических систем, дальнобойного высокотехнологичного оружия, систем разведки, наблюдения и рекогносцировки для повышения ситуационной осведомленности в глобальном масштабе, поддержания высокого темпа операций и лучшей маневренности. Кроме этого, планируется продолжить дальнейшее укрепление политики «евроатлантической солидарности» на ключевых региональных ТВД. С учетом требований оборонной стратегии США и необходимости совершенствовать основные силы и средства по широкому спектру за-

дач Министерство обороны разработало Перспективный план обеспечения обороноспособности на 2015–2019 фин. гг. (Future Years Defense Program — FYDP), в котором предусмотрены следующие общие параметры: Сухопутные войска: 18 дивизий (10 регулярного состава, восемь — в национальной гвардии); 22 авиационные бригады (10 регулярного состава, две — в резерве, 10 — в национальной гвардии); 15 дивизионов противоракетных комплексов «Пэтриот»; семь батарей противоракетных комплексов THAAD (Terminal High-Altitude Area Defense).

Численность военнослужащих: 440–450 тыс. регулярного состава, 195 тыс. — в резерве, 335 тыс. — в национальной гвардии. Военно-морские силы: 11 авианосцев и 10 авиакрыльев палубной авиации; 92 больших надводных боевых корабля (71 эсминец и 21 крейсер); 43 малых надводных боевых корабля; 33 амфибийно-десантных корабля; 51 ударная многоцелевая атомная подводная лодка; четыре стратегических подводных ракетоносца с крылатыми ракетами. Численность военнослужащих: 323,2 тыс. регулярного состава, 58,8 тыс. — в резерве. Корпус морской пехоты: два экспедиционных соединения; три штаба бригадного уровня; семь штабов батальонного уровня. Численность военнослужащих: 182 тыс. регулярного состава, 39 тыс. — в резерве. Военно-воздушные силы 48 эскадрилий истребителей и штурмовиков (26 регулярного состава и 22 — в резерве, 971 самолет); девять эскадрилий тяжелых бомбардировщиков (96 самолетов); 443 самолета-топливозаправщика; 211 стратегических транспортных самолетов; 300 тактических транспортных самолетов; 280 самолетов разведки, наблюдения и рекогносцировки; 27 самолетов боевого управления; шесть оперативных спутниковых группировок.

Численность военнослужащих: 308,8 тыс. регулярного состава, 66,5 тыс. — в резерве, 103,6 тыс. — в национальной гвардии. Силы специальных операций: около 660 формирований специального назначения (в т. ч. оперативные подразделения всех видов вооруженных сил, а также специальные авиационные части), включая: три разведывательно-диверсионных батальона «Рейнджер», 259 самолетов обеспечения мобильности и огневой поддержки, 83 летательных аппарата разведки, наблюдения и рекогносцировки (40 беспилотных летательных аппарата (БПЛА), 43 самолета). Численность военнослужащих: 69,7 тыс. Стратеги-

ческие ядерные силы: не более чем 1550 ядерных боеголовок, развернутых на следующих стратегических носителях: 420 МБР «Minuteman III» (Минитмен-3); 240 БРПЛ «Трайдент-2», развернутых на 12 из 14 ПЛАРБ (подводных лодок атомных с баллистическими ракетами) класса «Ohio» («Огайо»); 60 тяжелых бомбардировщиков (44 B-52 «Stratofortress» («Стратофортресс») и 16 B-2A «Spirit» («Спирит»). Силы информационных операций: 13 групп стратегического уровня с восемью группами обеспечения; 27 групп оперативно-стратегического уровня с 17 группами обеспечения; 18 групп информационной безопасности стратегического уровня с 24 группами обеспечения; 26 групп управления и информационной безопасности оперативно-стратегического уровня. Особо подчеркивается, что, поскольку «США — это государство с глобальными военно-политическими и экономическими интересами, у которой есть обязательства перед союзниками и партнерами», их оборонная стратегия по-прежнему будет направлена на усиление способности решать проблемы международной и региональной безопасности и, прежде всего, на необходимость обеспечения безопасного доступа к энергоресурсам. Для этого повышенное внимание, наряду с другими программами модернизации обычных и стратегических сил, планируется уделять дальнейшему развитию инновационных концепций применения вооруженных сил, разработке дальнобойных высокотехнологичных систем вооружений, информационно-разведывательных средств космического базирования с направлением в эти области необходимого объема инвестиций.

В очередной «Стратегии национальной безопасности», утвержденной президентом Б. Обамой в феврале 2015 г., заявлено, что «США намерены и дальше формировать мировой порядок и определять приоритеты всей системы международных отношений …». По сути американское руководство планирует и дальше проводить политику глобального доминирования, опираясь на различные компоненты (политические, экономические, военные, информационные) национальной мощи. «Вопрос не в том, должны или не должны лидировать Соединенные Штаты, а в том, как они должны это делать», — подчеркнул в предисловии к документу президент Б. Обама. При этом «российская агрессивная политика» была поставлена в один ряд с международным терроризмом, угрозами в глобальном информационном пространстве,

негативными последствиями изменения климата и слабо контролируемым распространением инфекционных заболеваний как одна из наиболее «серьезных вызовов национальной безопасности США». «Воинственный подход» России к соседним странам, по мнению Обамы, «ставит под угрозу нормы международного права».

Для стратегического сдерживания «российской военной угрозы» США планируют и далее «наблюдать за ее стратегическими возможностями», а также продолжать адаптивное военное планирование с союзниками и партнерами. При этом американское руководство «оставляет открытой дверь» для возможного взаимодействия с Россией в сферах «совместных интересов». В документе особо подчеркивается, что укрепление и поддержание американского лидерства, обеспечение национальных интересов, утверждение так называемых «универсальных ценностей» и выполнение международных обязательств невозможно без учета силовых возможностей США, которые американское руководство планирует непрерывно качественно развивать. К тому же США как главный архитектор современного мирового порядка «способны эффективно адаптироваться к новым вызовам и успешно преодолевать все возникающие трудности».

При этом ключевым элементом глобального первенства США, по мнению американских специалистов, служит уверенность в «неизбежности для Соединенных Штатов оставаться лидером международного сообщества в силу уникальных возможностей». Среди основных стратегических рисков, угрожающих национальным интересам США, названы:

— «катастрофическое» нападение на национальную территорию или критическую инфраструктуру;
— угрозы или атаки против населения США за пределами национальной территории, а также союзников;
— глобальный экономический кризис или замедление экономического роста в глобальном масштабе;
— распространение и/или использование оружия массового уничтожения;
— неконтролируемое глобальное распространение инфекционных заболеваний;
— изменения климата;

— разрушение основных энергетических рынков;
— значительные последствия для национальной безопасности, связанные с политикой «несостоявшихся» государств. В целях поддержания на должном уровне национальной безопасности составители документа предлагают сосредоточиться, прежде всего, на укреплении обороноспособности США, усилении внутренней безопасности, расширении возможностей по противодействию террористическим угрозам, а также предотвращении распространения и применения оружия массового уничтожения.

Для этого планируется, в частности, более эффективно использовать различные сегменты национальной экономики, энергетической стратегии (активное развитие и внедрение альтернативных источников энергии), научно-технического потенциала (лидерство в технологических инновациях), а также «формировать глобальный экономический порядок в выгодном для Соединенных Штатов направлении». Учитывая приоритетную важность для американского руководства поддержания «либерального мирового порядка», планируется и дальше формировать новые «волны демократизации» в глобальном масштабе. Для этого предполагается более активно вовлекать в различные военно-политические и экономические альянсы под руководством США государства Азиатско-Тихоокеанского региона, Юго-Восточной Азии, Европы, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. В целом, в документе отражены доктринальные установки американского руководства, свидетельствующие, что США и в обозримом будущем претендуют на роль глобального лидера и планируют добиваться этого путем расширения инструментария, в частности, стратегического сдерживания глобальных геополитических оппонентов. При этом американское лидерство в XXI веке, как утверждается в документе, «останется необходимым». Основные задачи американских вооруженных сил, а также общие подходы к их решению были сформулированы в новой редакции «Национальной военной стратегии», подготовленной специалистами Комитета начальников штабов (КНШ) и утвержденной в июне 2015 г. тогдашним председателем КНШ М. Демпси.

В предисловии к документу Демпси подчеркивал, что «… стратегическая ситуация в мире существенно дестабилизировалась и… явля-

ется самой непредсказуемой за последние десятилетия, а американское военное превосходство продолжает неуклонно снижаться …». Национальная безопасность США, по его мнению, подвергается широкому спектру угроз, исходящих со стороны как «традиционных противников», так и региональных государств и негосударственных группировок, которые пытаются воспользоваться теми преимуществами, которые дает интенсивное развитие и внедрение в военное дело новейших технологий. «Вооруженные силы США должны быть способны быстро и адекватно реагировать на любые новые вызовы, сохраняя при этом военно-стратегическое превосходство в противостоянии традиционным угрозам», — пишет Демпси. Это, в свою очередь, должно обеспечиваться, эффективным взаимодействием военных структур с другими инструментами национальной мощи, а также с союзниками и партнерами. При этом особое внимание Демпси обращает на необходимость и дальше поддерживать оперативные и транспортные возможности по развертыванию ВС США в глобальном масштабе, а также сохранению и развитию действующей системы военно-политических союзов, для чего министерству обороны необходимо сосредоточиться на «формировании высококвалифицированного и готового к последовательным действиям руководящего звена вооруженных сил».

Малая предсказуемость современных конфликтов, их предрасположенность к быстрой эскалации на фоне сокращения финансовых ресурсов и общей численности ВС США требует, по мнению Демпси, кардинального пересмотра военно-стратегических концепций и корректировки оперативно-тактических планов. Для стратегического сдерживания, оказания противодействия, а в случае необходимости и разгрома вооруженных сил «ревизионистских государств, бросающих вызов нормам международного права», а также «жестоких экстремистских организаций, угрожающих международной и региональной безопасности», США должны и в обозримом будущем, по мнению Демпси, предпринимать все необходимые меры по формированию военных коалиций с союзниками и партнерами в рамках своих обязательств. Глобальные изменения международной обстановки, как следует из «Национальной военной стратегии», вызваны, прежде всего, негативными тенденциями глобализации, распространением новейших технологий

и фундаментальными демографическими сдвигами. Взрывной характер перемещения людских потоков, транзита различных товаров и информационного трафика через границы государств ведет, по мнению американских военных специалистов, к усилению социально-экономической напряженности в обществе, обостряет борьбу за природные ресурсы и усугубляет политическую нестабильность. Распространение и широкое внедрение новейших технологий в военное дело ведет к сокращению военно-стратегических преимуществ, которыми уже в течение длительного периода обладают США, в частности, в области обеспечения раннего предупреждения о ракетном нападении и нанесения высокоточных ударов.

Однако некоторые страны «предпринимают попытки пересмотреть ключевые приоритеты мирового порядка и действуют в направлении формирования долгосрочной угрозы для национальной безопасности США». К таким государствам американские военные специалисты относят, прежде всего, Россию, Китай, Иран и Северную Корею, которые «активно проводят масштабные мероприятия по модернизации своих вооруженных сил». При этом планируется и в дальнейшем прилагать активные усилия по «налаживанию взаимодействия с Россией и Китаем в вопросах, представляющих взаимный интерес, одновременно призывая оба государства к мирному разрешению возникающих противоречий в соответствии с нормами международного права». Баллистические и крылатые ракеты, неядерные высокотехнологичные системы вооружений, беспилотные, космические и информационные технологии, оружие массового уничтожения — это те средства, которые могут, по мнению американских военных специалистов, кардинально воспрепятствовать доступу ВС США на удаленные ТВД.

Кроме этого, так называемые «нарождающиеся» военные технологии могут обесценить американский потенциал ядерного сдерживания, сделать конфликты менее управляемыми, а также значительно ограничить рамки их возможных решений. Инновационный инструментарий ведения современных конфликтов, по мнению американских военных специалистов, — это так называемая гибридная война, своеобразными «поражающими элементами» которой служат как традиционные средства ведения «классических» войн, так и нерегулярные вооруженные

формирования и террористические организации, способные подрывать деятельность государственных органов стран-оппонентов изнутри и получать идеологический и психологический контроль над их населением посредством манипулирования его поведением, террора, информационного воздействия и пропаганды.

Следует отметить, что стратегическая цель «гибридной войны» — способствовать реализации той или иной модели геополитической экспансии посредством искусственного формирования очагов внутренней дестабилизации с помощью массированной психологической обработки населения стран-оппонентов (и даже целых регионов), которые могли бы быть урегулированы на продиктованных «западными партнерами» условиях. По сути, «гибридная война» включает весь диапазон средств вооруженного противоборства, а именно:

— использование различных инструментов интегрированной военной стратегии в сочетании с мероприятиями информационного противоборства;
— возрастание значения асимметричных и непрямых действий;
— активное применение силовых мер скрытого характера в сочетании с действиями сил специальных операций и использованием протестного потенциала населения стран-оппонентов;
— участие в конфликте нерегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний;
— использование финансируемых и управляемых извне политических сил и общественных движений. Важным отличительным признаком «гибридной войны» является использование сетевых форм управления подготовкой и развертыванием «протестных» действий с возможностью их оперативной функциональной перестройки, что, в свою очередь, обеспечивает высокую подвижность и мобильность применения базовых ресурсов и их сосредоточение на стратегически важных направлениях.

Главную роль при этом играют новейшие информационно-коммуникационные технологии, а также инновационные приемы военной стратегии, перспективные формы и методы применения объединенных вооруженных сил. Особое внимание в документе уделено проблеме трансформации вооруженного противоборства в XXI в. и, в частности,

новым подходам к применению ВС США.

В качестве одной из основных американскими военными специалистами рассматривается концепция «объединенных операций» (глобально интегрированных операций), в рамках которой предполагается совместное применение всех силовых компонентов США в глобальном масштабе, способных быстро объединяться (включая ресурсы союзников и партнеров) с целью интеграции их возможностей для решения различных оперативно-стратегических задач. Эти доктринальные установки были изложены в «Концепции объединенных операций: объединенные силы 2020», утвержденной председателем КНШ в сентябре 2012 г. и посвященной различным аспектам боевого применения американских вооруженных сил в глобальном масштабе. Следует отметить, что положения концепции — это развитие подходов, изложенных в другом доктринальном документе — «Стратегическом руководстве в области обороны», посвященном вопросам глобального лидерства США в военной сфере в XXI в. При этом особо подчеркивается, что военная сила — лишь один из элементов национальной мощи, а все инновационные подходы, обозначенные в документах, являются основополагающими при формировании объединенных вооруженных сил. Исходя из необходимости поддержания военно-стратегического превосходства США в XXI в., американские военные специалисты выделяют следующие основные задачи, решая которые объединенные вооруженные силы будут вносить свой вклад в защиту национальных интересов:

— поддержание безопасного и эффективного потенциала ядерного сдерживания;
— надежная оборона национальной территории;
— сдерживание и отражение агрессии;
— обеспечение стабилизирующего военного присутствия;
— операции против международных террористических организаций и нерегулярных вооруженных формирований;
— нейтрализация оружия массового уничтожения;
— проецирование силы в глобальном масштабе (в т. ч. в условиях действия стратегии «отказа в доступе» в некоторые регионы);
— проведение специальных операций в ответ на непредвиденные угрозы;

— выполнение обязательств в области обороны и безопасности перед союзниками и партнерами;
— проведение антиповстанческих операций и операций по стабилизации обстановки;
— обеспечение поддержки гражданского руководства;
— проведение гуманитарных операций и операций по ликвидации последствий стихийных бедствий. Эффективное применение объединенных вооруженных сил потребует, как следует из документа, формирования корпуса высококвалифицированных специалистов, оптимизации системы управления, а также создания перспективных систем вооружений и военной техники.

Поставленных стратегических целей планируется добиваться путем качественного совершенствования средств глобальной мобильности, ситуационной осведомленности, улучшения интероперабельности, межвидового взаимодействия, адаптивного планирования, а также расширения охвата решаемых задач. Все эти инновационные подходы американское военное руководство планирует применять при решении оперативно-стратегических задач на различных удаленных ТВД и, прежде всего, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Так, перспективная американская концепция «воздушно-морского сражения» (air-sea battle) предполагает формирование ударных межвидовых группировок, состоящих из сил и средств ВМС, ВВС и корпуса морской пехоты, которые, находясь в высокой степени боевой готовности, могли бы оперативно реагировать на возникающие региональные кризисы.

После завоевания превосходства в воздухе и на море такие ударные группировки будут способны наносить высокоточные удары вглубь территории противника и обеспечивать, в случае необходимости, дальнейшее проведение наземной операции. Следует отметить, что концепция «воздушно-морского сражения» является дальнейшим развитием концепции «объединенности» и должна вывести межвидовую интеграцию на качественно новый уровень. Важнейший элемент концепции — межвидовая система оперативного управления (сопряжение автоматизированных систем управления различных уровней военного командования, обеспечивающее руководство силами и средствами в режиме реального времени) задействованных в операции видов вооруженных сил, которая,

как ожидается, должна повысить эффективность управления ударной группировкой как единым целым. Концепция «воздушно-морского сражения» была разработана еще в середине 1990-х гг., после всеобъемлющего анализа американскими военными специалистами боевого опыта проведения операции «Буря в пустыне» 1991 г.

Дальнейшее развитие концепция получила в конце 2000-х гг. в ответ на разработку рядом потенциальных противников США стратегии «противодействия доступу на ТВД / недопущения в зону боевых действий» (anti-access/area denial — A2AD), которая, по мнению американских аналитиков, могла позволить государствам-оппонентам ограничить доступ ВС США на какой-либо региональный ТВД и свободу действий на нем. Как следует из американских аналитических докладов на эту тему, средства ПВО/ПРО, дальнобойные баллистические и крылатые противокорабельные ракеты, многоцелевые атомные подводные лодки, оснащенные ракетно-торпедным вооружением, а также противоспутниковое оружие могут существенно ограничить усилия американского военного руководства по наращиванию экспедиционной группировки войск на азиатско-тихоокеанском ТВД, значительно повысить риски и уровень возможных потерь, угрожать критически важным космическим и информационным системам, линиям коммуникаций и военным базам. Это, в свою очередь, может потребовать выделения значительно большего количества сил и средств для защиты военной инфраструктуры.

Таким образом, все доктринальные документы в области национальной безопасности, принятые администрацией Обамы в последние годы, свидетельствуют о по сути имперском и неоколониальном характере американской военной политики и предполагают попытки дальнейшего изменения глобального силового баланса путем наращивания военного противостояния с главными геополитическими оппонентами. Стратегия «управляемого хаоса», применяемая американским руководством для силового переформатирования ряда стран Большого Ближнего Востока, Восточной Европы и постсоветского пространства, являющихся своего рода «форпостом фундаментальных военных интересов США на евразийском стратегическом направлении», ведет к возвращению «блокового мышления», запуская механизм новой «холодной войны». К тому же расширение американского военного присутствия

в различных регионах планеты (по состоянию на начало 2016 г. было развернуто более 1400 военных баз в более чем 120 государствах), а также сохранение Европы в качестве своеобразного «протектората» США (по крайней мере, в военной сфере) заставляют американских союзников и партнеров идти в фарватере военной политики США.

Реализуя идеи американской «исключительности» и уничтожая «неуправляемые» политические режимы в различных регионах планеты, США продолжают финансово и материально подпитывать в т.ч. радикальных фундаменталистов. «Озабоченность» американского руководства по поводу «агрессивности» России, которая «не хочет следовать установленным правилам мирового порядка», «роста военной угрозы» со стороны Китая, претензии американского руководства на «особый статус» в мировой политике, а также применение силы в одностороннем порядке могут, как представляется, вступают во все большее противоречие с формирующейся более плюралистической конструкцией мирового порядка и всей системы глобального мироустройства. Поэтому только равноправное взаимодействие и баланс интересов всех государств, а также регулирование системы международных отношений в рамках общемировых наднациональных структур (прежде всего, Организации Объединенных Наций) является той «моделью действий», которая может стабилизировать «глобальный контур управления» формирующегося многополярного мира в XXI веке. IV. В заключение на этом фоне уместно вкратце обрисовать, как основные концептуальные положения политики национальной безопасности конкретизированы в профильных доктринальных документах РФ.

В уточненной редакции «Военной доктрины Российской Федерации», утвержденной указом президента РФ от 25 декабря 2014 г. сформулированы основные положения военной политики и военно-экономического обеспечения обороны государства.16 В ней, в частности, учтены основные положения Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., а также соответствующие положения Концепции внешней политики РФ, Морской доктрины на период до 2020 г., Стратегии развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. и дру-

гих документов стратегического планирования.

В Военной доктрине «отражена приверженность Российской Федерации к использованию для защиты национальных интересов страны и интересов ее союзников военных мер только после исчерпания возможностей применения политических, дипломатических, правовых, экономических, информационных и других инструментов ненасильственного характера». В документе перечислены угрозы национальной безопасности, источники военной опасности и сформулированы условия применения ВС РФ, для чего введено понятие «система неядерного сдерживания» — «комплекс внешнеполитических, военных и военно-технических мер, направленных на предотвращение агрессии против Российской Федерации неядерными средствами».

Предполагается, что неядерное сдерживание военной угрозы будет одной из основных задач сил общего назначения. При этом Россия «оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства». Мировое развитие, по оценкам авторов документа, «характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях на фоне общего осложнения международных отношений. Происходит поэтапное перераспределение влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения». При этом «неурегулированными остаются многие региональные конфликты. Сохраняются тенденции к их силовому разрешению, в том числе в регионах, граничащих с Российской Федерацией.

Существующая архитектура (система) международной безопасности не обеспечивает равной безопасности всех государств». Как следует из документа, «наметилась тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации. При этом, несмотря на снижение вероятности развязывания против Российской Федерации крупномасштабной

войны, на ряде направлений военные опасности для Российской Федерации усиливаются». К основным внешним военным опасностям доктрина относит:

— наращивание силового потенциала НАТО и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение военной инфраструктуры стран-членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем дальнейшего расширения блока;
— дестабилизацию обстановки в отдельных государствах и регионах и подрыв глобальной и региональной стабильности;
— развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками, а также в прилегающих акваториях, в том числе для политического и военного давления на Россию;
— создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, реализация концепции «глобального удара», намерение разместить оружие в космосе, а также развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;
— территориальные претензии к России и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела;
— распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий;
— нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области запрещения, ограничения и сокращения вооружений;
— применение военной силы на территориях государств, сопредельных с Россией и ее союзниками, в нарушение Устава ООН и других норм международного права; …
— использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против

суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности. К основным военным угрозам доктрина также относит: «резкое обострение военно-политической обстановки (межгосударственных отношений) и создание условий для применения военной силы; воспрепятствование работе систем государственного и военного управления Российской Федерации, нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической, фармацевтической и медицинской промышленности и других потенциально опасных объектов…» При этом в документе отмечается, что «ядерное оружие будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны)». Как следует из уточненной редакции «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.», утвержденной указом президента РФ от 31 декабря 2015 г., в последнее время появились новые вызовы и угрозы национальной безопасности РФ.

В документе отмечается, что «США при поддержке ряда стран Запада намереваются сохранить свое доминирование в мировых делах, поэтому предпринимаются попытки ограничить проведение Россией самостоятельной внешней и внутренней политики. Все бóльшую опасность представляют угрозы, связанные с военной деятельностью НАТО. Стремление к наращиванию и модернизации наступательных потенциалов, развертыванию новых видов вооружений, созданию глобальной системы ПРО, в том числе вокруг России, размывает структуры глобальной безопасности. При этом высказывания лидеров некоторых стран Запада о том, что НАТО — это оборонительный союз, созданный для обеспечения безопасности в мире, лишь прикрывают агрессивную сущность альянса». В документе более четко сформулированы стратегические цели защиты России от попыток использования против нее военной силы. Больше внимания уделено вопросам мобилизационной готовности и гражданской обороны. В тоже

время подчеркивается, что для защиты своих интересов Россия проводит внешнюю политику, исключающую затратную конфронтацию, в т.ч. новую гонку вооружений. Применение военной силы рассматривается как крайняя мера, использование которой возможно лишь после исчерпания политических, экономических, дипломатических и иных средств. В документе прописаны пути противодействия распространению радикальной идеологии, ее пропаганды в средствах массовой информации. Подчеркивается значимость повышения защищенности от террористической угрозы критической инфраструктуры, личности, общества и государства в целом. Открыто заявлено, что практика смены легитимных режимов с использованием методов «цветных революций» и «гибридных войн» способствует распространению терроризма, экстремизма, межрелигиозной и межэтнической вражды. В то же время отмечается необходимость диверсификации национальной экономики, преодоления ее сырьевой направленности, перехода на новый уровень технологического развития, рационального импортозамещения. Роль двигателя модернизации производства отводится оборонно-промышленному комплексу. Поставлены задачи в области обеспечения энергетической безопасности и территориального развития страны. Уточнены задачи обеспечения безопасности в сферах здравоохранения, культуры, экологии, рационального природопользования. Вопросы обеспечения информационной безопасности включены практически во все разделы, посвященные реализации стратегических национальных приоритетов. В качестве основной цели в этой сфере провозглашается доведение до граждан и общества объективной и достоверной информации, а также укрепление безопасности информационно-коммуникационных систем. Актуальными остаются проблемы защищенности сетей связи с использованием отечественных технических и программных средств. С учетом все большего влияния проблем обеспечения и угроз информационной безопасности (прежде всего компьютерных атак) на отношения между государствами отмечается необходимость формирования международной системы, призванной предотвращать возникновение инцидентов в данной сфере между странами. Внешняя политика России, как следует из документа, будет, как и прежде, основана на принципах равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств, взаимовыгодного сотрудничества, политического разрешения глобальных и регио-

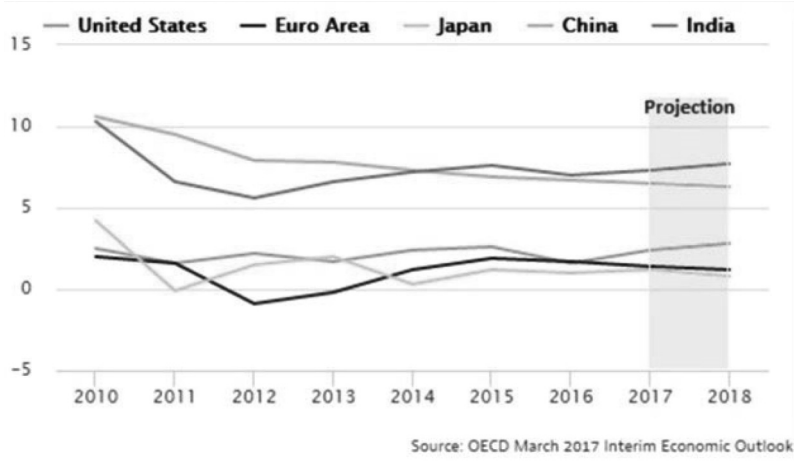


Рис. 1.46. Рост крупнейших экономик мира, %

нальных кризисных ситуаций.

В основу анализа и прогноза до 2025 года развития ВВСТ США положено предположение о том, что в среднесрочной перспективе 5–7 лет можно достаточно определенно судить как о количестве, так и о качестве военно-технической и военно-технологической мощи США и западной коалиции, которая может измениться в большую сторону количественно на 50–70% до 2025 года.

Этот прогноз основан на существующих оценках экономической мощи, а также имеющейся информации о планах военного строительства в США до 2025 года. Причем этот «прирост» будет обеспечен как за счет роста военного бюджета США предположительно в среднем на 30–50 млрд долл. в год, так и за счет увеличения военных расходов союзников США.

В США, согласно прогнозу ОЭСР, внутренний спрос усилится благодаря росту благосостояния домохозяйств и политике администрации Д. Трампа. Рост ВВП, как минимум ускорится до 2,4% в 2017 году и до 2,8% в 2018 году за счет ожидающегося увеличения бюджетных расходов. Это контрастирует с умеренными темпами роста, которые сохранятся в еврозоне: ВВП 19 стран блока увеличится на 1,6% в 2017 и 2018 гг.

В Японии финансовое стимулирование и более активное участие женщин в рабочей силе помогут ускорить рост экономики до 1,2% в 2017 году по сравнению с 1% в 2016 г.

Основной акцент периода 2018-2025 годов будет сделан на завершении военно-технических программ, начатых в прежние годы. Для обеспечения эффективности своей силовой политики США требуются военные гарантии прежде всего в отдельных регионах, таких, например, как Евразия, которые выражаются в наличии превосходства как в военной мощи, так и в качестве ВВСТ. Поэтому предполагается относительно равномерное распределение внимания и средств между всеми видами ВС с некоторым акцентом на ВВС.

Прежде всего речь идет о средствах воздушно-космического нападения (ВКН), эффективность которых за последние 20 лет резко возросла. Так, если сравнивать две войны США в Ираке (1991 г. и 2003 г.), то получается, что в 2003 году значительно меньшими силами (менее 1000 самолетов в 2003 г. и более 2000 самолетов в 1991 г.), в меньшие сроки (21 день и 38 дней соответственно) было уничтожено почти в 5 раз больше целей (19900 объектов против 4500). Эта тенденция усилилась в последние годы, превратив средства ВКН в основной вид ВС США.

В этой связи обращает на себя внимание массированное строительство в области средств ВКН, предпринятые США в последние годы и рассчитанные до 2025 годов.

Особое значение будет приобретать массовое создание таких видов ВТО как КРМБ и КРВБ, а также гиперзвуковые средства ВКН. По оценке генерального конструктора Концерна «Алмаз-Антей» Созинова П.А., это выглядит следующим образом.

СТРАТЕГИЯ ОДКБ

Рис. 1.47. Основные военно-технические направлениями США

Рост в Китае, как ожидается, замедлится с 6,7% в 2016 г. до 6,5% в 2017 г. и до 6,3% в 2018 г., а до 2025 года, вероятно, снизится до 5,0–5,5%, поскольку КНР осуществляет переход от ориентации на внешний спрос и тяжелую промышленность к ориентации на внутреннее потребление и сферу услуг[122].

Таким образом на фоне других государств до 2025 года относительная экономическая мощь США увеличится, а в рамках западной ЛЧЦ и военно-политической коалиции это усиление позиций США будет еще более заметным.

Несколько сложнее обстоят дела с прогнозом качества ВВСТ и их боевой эффективности, которых за 5–7 лет могут существенно возрасти за счет модернизации систем боевого управления, связи и разведки, а также специальных систем, которые могут появиться в вооруженных силах США. Например, орбитальных ударных спутников, находящихся достаточно долгое время на орбите 150–400 километров.

Есть основания полагать, что до 2025 года основными направлениями военно-технического развития США будут следующие: (рис. 1.47)[123]

Начальник РУМО США генерал Стюарт в августе 2017 года на ежегодной конференции довольно кратко охарактеризовал поколения войн (warfare generations), которыми сегодня оперируют американские историки и специалисты в военном деле. Правда, он ни словом не упомянул

о том, что сейчас уже идут разговоры и о войнах шестого поколения.

Концепция деления войн на поколения появилась в США еще в 80-х годах прошлого столетия. Ее представила в статье «Газеты Корпуса морской пехоты» группа американских аналитиков, в которой был описан изменяющийся характер современных войн. В состав этой группы входил директор Центра культурного консерватизма (Center for Cultural Conservatism) при экспертно-аналитическом центре Free Congress Foundation, специалист по военной истории, эксперт по вопросам внешней и внутренней безопасности США, борьбе с терроризмом, а также по американской геополитике Уильям Линд, ставший главным идеологом новой теории типологии войн[124].

При анализе эволюции задач американской морской пехоты Линд ввел разделение войн на четыре поколения. Войну первого поколения он описывает как боевые действия, ведущиеся линейным строем с применением гладкоствольного огнестрельного оружия. Ко второму поколению были отнесены позиционные войны с артиллерией, пулеметами, бронемашинами, танками, окопами и другими полевыми фортификационными сооружениями. В третье поколение войн Линд включил блицкриг, то есть скоротечную войну, в которой победа достигалась в короткие сроки, исчисляемые днями, неделями или месяцами, до того, как противник сумел мобилизовать и развернуть свои основные военные силы. В такой войне наступающие войска стремились окружить противника и отрезать его от коммуникаций. Главными видами наступательных вооружений в войне этой категории были танки и авиация. Войну четвертого поколения Линд описывает как боевые действия небольших подразделений войск, вооруженных последними образцами вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ) и способных успешно проводить серии отдельных целевых операций[125].

Первая революция в военном деле произошла тогда, когда враждующие стороны стали применять специально изготовленное холодное оружие — копья, мечи, луки, стрелы, а затем и доспехи. Три с половиной тысячи лет из пяти тысяч лет существования цивилизации на нашей планете войны представляли собой рукопашное противоборство с применением холодного оружия.

Только в прошлом тысячелетии, в XII–XIII вв. н.э., первое поколе-

ние войн уступило место войнам второго поколения. Переход к этому виду войн был связан с появлением пороха и огнестрельного оружия. Произошел коренной переход от одного типа войн к другому. Войны второго поколения тоже имели контактный характер, но поражение противника огнестрельным оружием могло быть осуществлено с дистанции, измеряемой дальностью выстрела. Войны второго поколения велись примерно в течение 500 лет.

200 лет назад было изобретено нарезное оружие. Оно имело большую точность при поражении целей, было более дальнобойным, многозарядным и разнокалиберным. Это привело к третьей эволюции характера боевых действий и к появлению войн третьего поколения. Теперь войны приобрели окопный характер, и для их ведения требовались многочисленные воинские контингенты, личный состав которых обладал навыками владения новыми видами вооружений[126].

Более 100 лет назад было изобретено автоматическое оружие, которое стало устанавливаться на танки, самолеты, корабли и подводные лодки. Так появились войны четвертого поколения, которые стали вестись на гораздо больших дистанциях, определяемых дальностью поражения целей новыми вооружениями. Такие войны приобрели стратегический размах. Для ведения этих войн тоже необходимы воинские подразделения, укомплектованные большими количествами живой силы, вооружений и военной техники. Войны четвертого поколения ведутся и в настоящее время.

В 1945 году произошла пятая революция в военном деле. Она привела к появлению ракетного и ядерного оружия, а с ними — и к возможности ведения бесконтактной ракетно-ядерной войны пятого поколения. Сейчас некоторые страны, обладающие таким оружием, и прежде всего США, находятся в постоянно высокой готовности к ведению этой войны. Но к способам ведения войны данного типа сегодня начинают очень близко примыкать информационные формы и методы воздействия на противника и лишения его возможности управления государством, экономикой и ВС. К противодействию именно таким методам нападения на США и призвал готовиться Пентагон генерал Стюарт[127].

В последнее десятилетие прошлого века началась новая, шестая революция в развитии военных технологий. Она связана с появлением

высокоточного оружия, а с ним — и бесконтактных войн нового, шестого поколения. Такие войны характеризуются тем, что нападающая сторона с помощью длительных массированных ударов может уничтожить управленческие структуры и экономику любого противника в любом регионе планеты.

Сегодня ни у одной страны мира, включая США, нет необходимых ресурсов для ведения полномасштабной войны шестого поколения. Теоретики называют это поколение войн войнами будущего. Сегодня все вооруженные конфликты, происходящие на планете, имеют характер войн либо четвертого, либо, в определенной степени, пятого поколения. На современном этапе в мире идет непрерывный процесс военно-технических революционных преобразований в военном деле, но, по оценкам экспертов, для полноценного перехода на новый уровень военного искусства потребуется 10–15 и даже более лет[128].

Это направление военно-технической политики США обозначилось достаточно ясно еще с 90-х годов прошлого века: параллельно с развитием потенциала первого удара создается потенциал защиты от ответного удара не только о потенциально опасных держав — КНР, КНДР и Ирана, — но и России. Этим объясняется настойчивость запоздалых, но упорных с начала нового века усилий российского руководства добиться защиты от такого нападения.

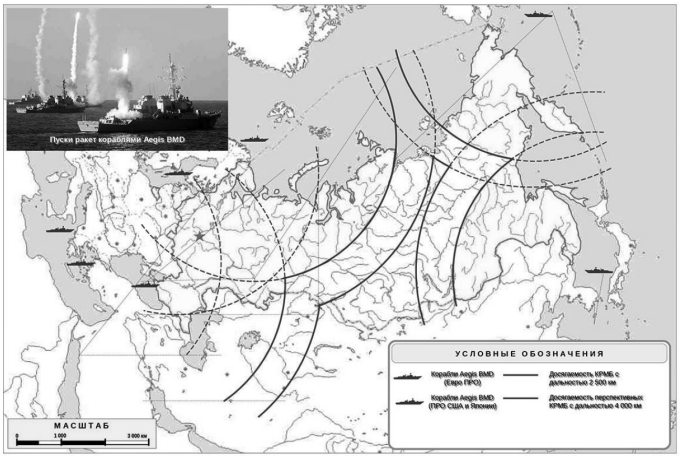


Рис. 1.48[129]. Зоны досягаемости крылатых ракет большой дальности

ЗРК С-300П для Войск ПВО в 2000-х годах модернизировали: ракеты семейства В-500 (5В55 и ее модификаций) сменили усовершенствованные 48Н6Е и 48Н6Е2 с дальностью перехвата 150 и 200 километров соответственно. Комплексы обозначили С-300ПМУ. В таком варианте ЗРК могли уверенно бороться с БР малой и средней дальности.

Третье поколение комплекса С-300ПМ вооружили легкими высокоскоростными самонаводящимися ракетами 9М96 и 9М100 средней и малой дальности соответственно, а также средствами, обеспечивающими их боевое применение. Эти ЗРК переходного к С-400 типа получили обозначение С-300ПМУ-1 и С-300ПМУ-2.

Четвертое поколение комплексов ПВО С-400 (изначально С-300ПМУ-3) вооружили ракетами 40Н6 разработки МКБ «Факел» с дальностью перехвата 400 и 185 километров по высоте. Комплекс С-300В4 получил на вооружение ракеты большой дальности 9М82М и 9М82МD разработки ОКБ «Новатор» с дальностью пуска 200 и 400 километров соответственно. Контейнеры со старыми и новыми боеприпасами на вид неразличимы. Вполне возможно, что новые ракеты большой дальности есть в российских дивизионах С-300 ВМ и С-400, размещенных в Сирии[130].

Как видно из рисунка (рис. 1.48), возможное нападение с помощью ВТО с разных стратегических направлений позволяет достичь всех основных районов базирования сил и средств ответного удара со стороны России, обеспечив эффект как «обезглавливающего», так и «обезоруживающего» удара со стороны США.

Примечательно, что применение КРМБ США против авиабазы в Сирии показало высокую эффективность этих средств, прежде всего, потому, что их обнаружение на высоте менее 50 метров практически невозможно, а вход в возможную зону перехвата ограничен минутами. Это означает, что России предстоит создать широкую сеть РЛС и средств поражения, способных обнаружить и уничтожить КР всех типов базирования, а также возможный потенциал гиперзвуковых ракет.

Как видно из рисунка ниже ассортимент таких средств и их количество у США стремительно возрастает, что делает противоборство с ними в наиболее приоритетной задачей для России. Именно к 2025–2030 годам можно отнести складывание такой СО в мире и в отноше-

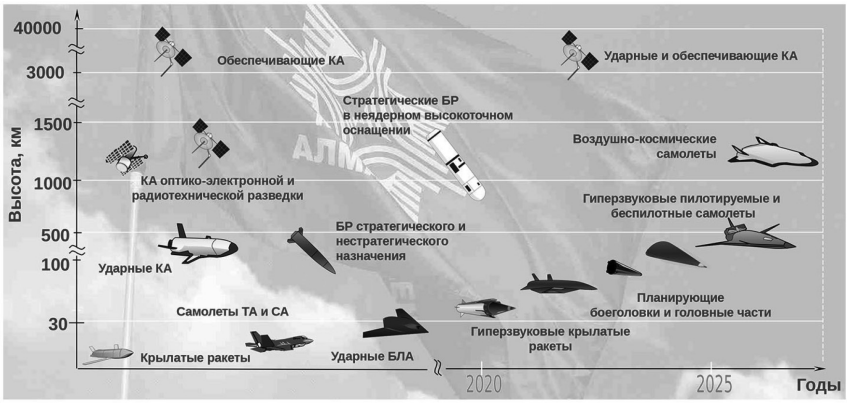


Рис. 1.49. Развитие средств воздушно-космического нападения вероятного противника

ниях США с Россией, когда может появиться реальная возможность безнаказанного массированного удара по территории нашей страны, последствия которого будут аналогичны последствиям бомбардировок Гамбурга (1943 г.) и Дрездена (1945 г.), т.е. гибели сотен тысяч жителей.

Примерно к этому же периоду планирует развернуть эшелонированную и глобальную систему ПРО США и их союзников, способную перехватывать на разных участках полета средства ответного удара России.

Эксперт ЦВПИ МГИМО В. Козин предупреждает о том, что «Вашингтон форсирует программы, связанные с модернизацией тактического ядерного оружия (ТЯО). Национальное управление ядерной безопасности (NNSA) Министерства энергетики США сообщило вчера об очередных успешных испытаниях атомной бомбы B61–12 (без ядерного заряда), которые проведены в штате Невада еще 8 августа с.г. Почему информация об испытаниях появилась только сейчас, неизвестно. Но она практически совпала с тем моментом, когда в мире стали обсуждать состоявшийся утром во вторник запуск Пхеньяном баллистической ракеты, которая пролетела над территорией Японии, где дислоцируются военные базы Пентагона»[131].

Угрозы, которые несут ракетные и ядерные программы КНДР, вызвали соответствующую реакцию в Южной Корее. В Сеуле оппозиционная

партия «Свободная Корея» объявила, что будет добиваться размещения в стране американского ТЯО, которое было выведено из этой страны в 1991 году. Этот вопрос обсуждался еще осенью 2016 года в консультационном совете при президенте Южной Кореи. Прежний президент США Барак Обама к подобным идеям относился весьма сдержанно[132].

Однако не исключено, что новый глава Белого дома Дональд Трамп поддержит размещение ТЯО на военных базах США на Корейском полуострове, а может, и на объектах Пентагона в Японии, а также в других регионах мира. Он уже заявил недавно, что «США останутся самой мощной ядерной державой, так как другие страны не отказываются от атомного оружия». Данное заявление прозвучало спустя три дня после того, как в Неваде испытали тактическую ядерную бомбу B61–12.

США являются единственным государством, которое размещает ядерное вооружение за пределами национальной территории, в том числе в четырех странах Европы и на азиатской части Турции. Западные СМИ писали, что бомбы B61–12 пополнят ядерные арсеналы НАТО в ФРГ, Италии, Бельгии и, возможно, в Польше, чего сейчас активно добивается Варшава[133]. Эти бомбы США начнут серийно производить с 2017 года. Они рассматриваются в Пентагоне как «оружие первого ядерного удара». Бомба имеет незначительный показатель кругового вероятного отклонения (до 30 м) и может применяться против высокозащищенных командных пунктов и шахт межконтинентальных баллистических ракет. По данным Козина, планируется произвести до 930 таких авиабомб и израсходовать на модернизацию арсенала ТЯО к 2038 году до 65 млрд долл.[134]

Бригадный генерал ядерной администрации США Майкл Латтон считает, что бомбы B61 являются «одним из важнейших элементов ядерной триады США». Надо учесть, что ТЯО авиационного базирования не учитывается никакими международными договорами. Однако размещение ТЯО в государствах и регионах, граничащих с Россией, может иметь стратегический эффект, поскольку при возникновении военного конфликта время подлета тактической авиации к стратегическим объектам РФ и ее союзников составляет считанные минуты.

Отмечалось, что бомбой B61–12 можно будет снаряжать самолеты B-2A, B-21, F-15E, F-16C/D, F-16 MLU, F-35 и PA–200. Это, по сути, стра-

тегическая и тактическая авиация, которая регулярно совершает облет территорий, граничащих с Россией, в том числе и Арктический регион.

По указанию президента США Пентагон сейчас организует исследование и разработку других авиационных носителей ядерного оружия, в том числе нового поколения крылатых ракет, которые смогут заменить стоящие на вооружении с 1980-х годов ракеты AGM-86B. Представитель ВВС США Хизер Уилсон сообщил на прошлой неделе, что с этой целью Пентагон заключил два контракта, каждый стоимостью по 900 млн долл., с корпорациями Lockheed Martin Corp и Raytheon Co. Планируется, что Армия США закупит около 1 тыс. ракет нового поколения. Стоимость их приобретения оценивается в 10 млрд долл. Для сравнения: эта сумма составляет почти шестую часть всего российского оборонного бюджета.

В экспертном сообществе обращают внимание на то, что свой приход к власти Трамп начал с постановки задач Пентагону о пересмотре и оценке состояния ядерного потенциала страны. Рекомендации военного ведомства по его использованию должны быть предложены американскому президенту к концу года. Но уже сейчас ясно, что в Пентагоне склоняются к разработкам и массовому принятию на вооружение относительно маломощных боеприпасов ТЯО. Об этом, к примеру, заявил заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов США генерал Пол Сельва, выступая недавно в Вашингтоне в Институте Митчелла. По его мнению, США должны быть готовы применять свое тактическое ядерное оружие против вооруженных сил «небольших режимов» или в ответ на «маломощную» ядерную атаку держав, таких как КНР или Россия. При этом применение ТЯО объясняется гуманными целями: мол, «чтобы по возможности избегать массовой гибели мирного населения противника». Не исключено, что США применят ТЯО в возможном конфликте с КНДР для того, чтобы максимально быстро и без какой-либо наземной боевой операции уничтожить военные заводы Северной Кореи и ослабить боевые возможности армии противника.

До 2025 года будут развиваться все элементы этой системы, эффективность и численность которых будет достаточно быстро увеличена до способности перехватить силы ослабленного ответного удара.[135]

Таким образом, до 2025 года в США может быть создан как потенциал сил общего назначения для ведения войн на любых ТВД, пре-

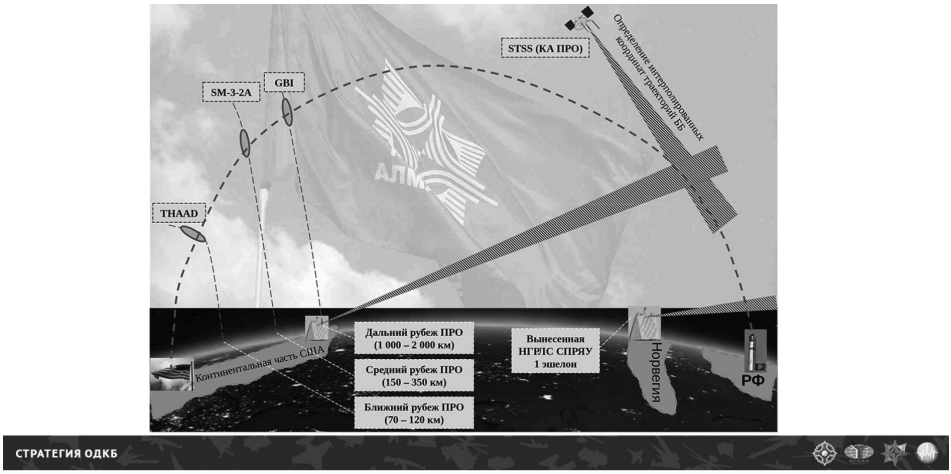


Рис. 1.50. Эшелонированная система ПРО США для перехвата различных типов баллистических ракет

восходящий любой потенциал иного государства (включая Россию и КНР), так и потенциал для ВКН, имеющий стратегическое значение, а также создана система эшелонированной и глобальной ПРО, способной уничтожить основную массу сил ответного удара.

Подобная ВПО может подтолкнуть США к решительным действиям против новых центров силы и России с тем, чтобы воспользоваться временным военно-техническим и военно-стратегическим превосходством над ними. Это делает возможность военного конфликта с США на одном-двух ТВД очень вероятной, если же неизбежной.

Второй период внешней и военной политики США (2025–2045 годов) означает гораздо менее благоприятный период в развитии США. Уже сегодня в правящей элите США хорошо понимают, что в долгосрочной перспективе до 2040–2045 годов ситуация может существенно измениться в мире, что неизбежно повлияет на абсолютное и относительное лидерство США. И соответственно заранее делают необходимые выводы о шагах до 2025 года, которые нейтрализовали бы будущее возможное ослабление позиций страны. Во многом это изменение ВПО объясняется общим изменением в соотношении сил между ЛЧЦ, их коалициями и странами лидерами. Причем не только в экономической, но и в технологической, и в военной области, что неизбежно отражается и на области военно-политической[136].

Таблица 1.12. Место экономики США к 2030 и 2050 гг.
(Прогнозный рейтинг стран по размеру ВВП,
рассчитанного по паритету покупательной способности (ППС)
в постоянных ценах 2014 года, выраженных в долларах США)

2014 г.		2030 г.		2050 г.	
Страна	ВВП по ППС ($ млрд за 2014 г.)	Страна	Прогнозируемый размер ВВП по ППС ($ млрд за 2014 г.)	Страна	Прогнозируемый размер ВВП по ППС ($ млрд за 2014 г.)
Китай	17 632	Китай	36 112	Китай	61 079
США	17 416	США	25 451	Индия	42 205
Индия	7277	Индия	17 138	США	41 384
Япония	4788	Япония	6006	Индонезия	12 210
Германия	3621	Индонезия	5486	Бразилия	9164
Россия	3559	Бразилия	4996	Мексика	8014
Бразилия	3073	Россия	4854	Япония	7914
Франция	2587	Германия	4590	Россия	7575
Индонезия	2554	Мексика	3985	Нигерия	7345
Великобритания	2435	Великобритания	3586	Германия	6338
Мексика	2143	Франция	3418	Великобритания	5744
Италия	2066	Саудовская Аравия	3212	Саудовская Аравия	5488
Южная Корея	1790	Южная Корея	2818	Франция	5207
Саудовская Аравия	1652	Турция	2714	Турция	5102

В последующих главах я рассмотрю эти вопросы подробнее потому, что развитие внешней и военной политики США после 2025 года требует отдельного анализа. Здесь же важно просто отметить, что уже сегодня это будущее не может не беспокоить политическую элиту США. В таблице ниже, например, показана динамика рейтинга стран мира по ВВП согласно прогнозу PwC[137]. В отчете также содержатся прогнозные показатели ВВП по рыночным обменным курсам без кор-

ректировки относительных цен. При таком расчете Китай обгонит США примерно в 2028 году, а Индия однозначно займет третье место в рейтинге крупнейших экономик мира в 2050 году, немного отставая от США (а по другим прогнозам и обойдет США к 2050 году).

При этом развитии наиболее вероятным из всех возможных сценариев США до 2025 года представляется сценарий, который получил условное наименование сценария «Военно-силового противоборства» западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ) во главе с США с другими ЛЧЦ, прежде всего китайской и российской[138]. Этот сценарий ближе всего соотносится со сценарием глобального развития «Жесткая (ускоренная, силовая) глобализация потому, что если США не добьются решительных изменений в 2025–2030 годах, то они должны будут готовиться к отказу от мирового лидерства и уступить свой контроль в финансово-экономической и военно-политической области другим ЛЧЦ и центрам силы.

В частности, речь может идти не только о превентивной войне против исламских государств и акторов, а также России, но и против КНР, чей потенциал к 2025 году **будет превосходить военный потенциал США**. Так, уже сегодня разработана и реализуется т.н. концепция «Сражения воздух–море» в Ю.-В. Азии, направленная против КНР.

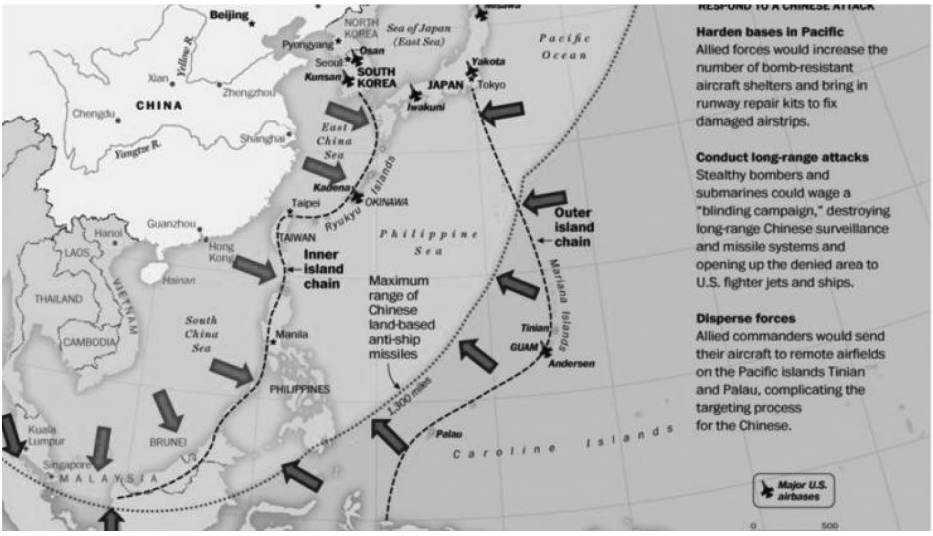


Рис. 1.51[139]. Сетевые войны

По мнению американцев, есть несколько причин для эскалации отношений, которые могут привести к конфликту:

1. Китайские преследования японских судов в спорных водах Восточно-Китайского моря могут диктовать США необходимость демонстрации силы в поддержку своего союзника;
2. Американские военно-морские силы могут быть направлены на сдерживание попыток Китая ограничить свободу в Южно-Китайском море;
3. Нестабильность в Северной Корее может заставить как Китай, так и Соединенные Штаты рассмотреть вопрос интервенции;
4. Китай может оспаривать присутствие американских кораблей или самолетов, подозреваемых в слежке у своего побережья;
5. Тайвань может объявить о своей независимости.

Дэвид Гомперт, который являлся исполнительным директором по национальной разведке в администрации Обамы и Терренс Келли из корпорации RAND расписывают парадоксальную логику противостояния между Китаем и США за последние 20 лет. В совместной статье, опубликованной в газете «Los Angeles Times», они указывают, что «будучи бессильными против двух авианосцев США во время Тайваньского кризиса 1996 года, Народно-освободительная армия КНР пришла к выводу, что лучшим способом избежать такого очередного унижения будет являться удар по вооруженным силам США, прежде чем они ударят по Китаю». Хотя Китай и не ищет войны, он испытывает страх перед американской военной машиной, которая имеет явные преимущества. Таким образом, они разработали планы и возможности быстро и на ранней стадии не подпускать к себе американские авианосцы, авиабазы, сети управления и контроля, а также спутники».

Авторы говорят, что китайские военные развернули огромное количество ракет (в том числе «убийц» авианосцев), подводные лодки, которые трудно обнаружить, сенсоры дальнего действия для отслеживания и наведения на вооруженные силы США, противоспутниковое оружие, цифровые сети для координации атак и оружие кибервойны для подавления сетей США. Вместе с этим авторы признают, что когда Министерство обороны США объявило о своей «Тихоокеанской оси»

в 2012 году, оно дало понять, что победа над такими возможностями в настоящее время является одним из основных направлений американских военных.

Следовательно, настоящая цель усиления американского присутствия, это не заявления руководства США о важности этого региона с экономической точки зрения, а потенциальный противник в лице Пекина. А поскольку защита американских вооруженных сил против возможностей китайских военных чрезвычайно трудна и дорогостоящa, то, как отмечают Гомперт и Келли, стратеги Пентагона придумали идею выведения из строя этих сил, известную как «Сражение Воздух–Море», которая направлена на уничтожение или блокировку ракетных пусковых установок, баз ВВС, подводных лодок и центров командования, прежде чем они смогут что-либо предпринять[140]. Таким образом, военная стратегия США в отношении Китая строится на нанесения первыми ударов с воздуха и моря до развертывания КНР своих сухопутных сил и использования возможностей по уничтожению баз и ВМС США.

Надо сказать, что подобная стратегия стремительно устаревает потому, что масштабное военное строительство в КНР достаточно быстро (по некоторым оценкам, уже к 2025 году) приведет к формированию стратегического равновесия в Юго-Восточной Азии между КНР и США, а еще через 5–10 лет и во всем мире. Очевидно, что интересы КНР в Африке, Центральной Азии и на Ближнем Востоке начинают уже сегодня доминировать, а возможности — превышать возможности США. Этот процесс — в случае его быстрого дальнейшего развития — неизбежно поставит на повестку дня вопрос о том, каким образом будут разрешаться противоречия. Как показал визит Д. Трампа в Китай в ноябре 2017 года, у обеих стран есть огромный потенциал для развития сотрудничества, а их экономическая заинтересованность перевешивает политические противоречия[141].

Насколько этот баланс сохранится в будущем, например, после 2025 года, когда соотношение сил изменится в пользу Китая не только в АТР, но и в мире, — покажет время.

1.3. Место России в мире в будущем: прогноз и оценка

…кризис, как известно, по-гречески означает «суд». …этот момент истины, момент обнажения смысла времени есть величайшая ценность…[142]

… ряд показателей государств-членов ЕАЕС опустился ниже 1990 года, т.е. они были отброшены более чем на четверть века назад, тогда как мировая экономика двигалась вперед…[143]

Ю. Яковец, Е. Растворцев, сотрудники ИЭС РАН

Дискуссия о месте и роли России в мире обострилась в 2017 году по двум основным причинам. Во-первых, события в мире и обострение противоборства с Западом в 2017 году стало следствием переоценки политики России по самому широкому кругу вопросов — от политики в Сирии и на Украине до итогов Олимпийских игр и иностранных экономических санкций, которые радикально изменили международную и военно-политическую обстановку для России, которые приобрели отчетливо выраженный кризисный, даже военно-силовой, характер. Одновременно эти события по-новому заставили посмотреть на историю и наследие России, что проявилось во время мероприятий, отмечающих столетие революций в России.

Во-вторых, непростая социально-экономическая и внутриполитическая обстановка в 2014–2017 годах, фактически стагнация, которая сопровождалась снижением уровня доходов большинства населения, привела объективно к спорам об эффективности деятельности власти, которые обострились накануне выборов президента страны в марте 2018 года, в т.ч. в немалой степени не только из-за внутренних, но и из-за внешних причин: правящие круги США, Великобритании и других стран сознательно и довольно искусно нагнетали обстановку вокруг России[144].

Понятно, что в этих условиях проблемы стратегии развития России стали особенно актуальными и дискуссионными. Кто из кандидатов и с какой программой пойдет на выборы, а, главное, — самый вероятный победитель — В. Путин — какую стратегию предложит? И предложит ли вообще?

Определение реального места России в современном мире уже является важнейшей точкой отсчета анализа, более того, политическая позиция, которая во многом предопределяет не только ход научного исследования, но и политическую и научную адекватность тех или иных оценок[145]. Не смотря на существование огромного количества вполне объективных, в том числе международных, критериев оценки, огромная роль по-прежнему принадлежит субъективному фактору, а именно стремлению тех или иных социальных групп и отдельных лидеров подогнать действительность под вымышленную ими реальность. Это стало одной из ведущих тенденций современности, не считаться с которой нельзя — стало окончательно ясно, что не известно точно, что же является реальностью, — то, что показано в СМИ или то, что есть на самом деле.

Как ни странно, но это вполне соотносится и с анализом социально-экономической ситуации в России, который, как оказывается, может носить вполне субъективный, даже «субъективно-директивный» характер. Более того, можно даже сказать, чем больше у нас появляется возможностей и критериев внешне объективных оценок, тем больше они используются субъективно прямо в противоположных целях политически и информационно.

Именно поэтому мы часто сталкиваемся с ситуацией, когда одно и то же явление политически объясняется и трактуется совершенно по-разному. Даже если оно относится к таким явлениям, где доминируют количественные критерии, например, в области экономики и финансов. Почему, в частности, величина внешнего долга для развитых государств, составляющая даже более 120% ВВП, не является критичной, а для России этот же показатель в 30% считается чуть ли не катастрофическим? Почему рост ВВП в СССР в начале 1980-х годов на 2–3% в год считается застоем, а тот же рост ВВП в России в некоторых кварталах 2017 года на 1% — «выходом из кризиса на этап развития»?

В еще большей степени субъективность присутствует в политических оценках, где одно и то же событие трактуется прямо противоположно: расстрел парламента России в октябре 1993 года как «победа демократии над красно-коричневыми» и как начало авторитаризма и разложения «эпохи Ельцина»?

Наконец, когда речь заходит о военной области, особенно военном искусстве, то, похоже, адекватность и объективность исчезают вообще. Достаточно привести классический пример с оценками итогов Бородинского сражения: за 200 последовавших лет было написано сотни книг и тысячи исследований, но до сих пор не ясно, кто же победил в нем? Но объективность в оценках в военной области исчезает напрочь сегодня, когда оценивается современная ВПО, где кроме заведомой дезинформации и ложных сигналов политиков и СМИ появилась масса профессиональных дезинформаторов-экспертов, задачей которых является сознательное искажение действий противника[146].

В нашем случае ситуация осложняется еще и тем, что либеральные политики и эксперты в России (сознательно или по незнанию) постоянно искажают в своих оценках характер МО и ВПО, создавая абсолютно ложную картину, полностью искажающую действительность. Это поведение было характерно для них в период «кухонной оппозиции», которая при Горбачеве превратилась в официальную политику уступок СССР, а при Ельцине — в капитуляцию по всем внешнеполитическим направлениям. Как правило, те же люди — от В. Лукина и И. Иванова до нынешних экспертов (нет смысла перечислять потому, что они все на 100% входят в это число) — прошли путь, длинною в 40–50 лет, при всех руководителях, оставаясь все теми же либеральными оппонентами «режимов» Брежнего–Андропова–Горбачева–Ельцина, умудрившись как-то вписаться и в стратегию внешней политики В. В. Путина[147].

Соответственно, когда речь заходит о той или иной нации, её истории и будущем — будь то Украина, Россия или США — оценки могут быть самыми разными, но, скорее всего, не смотря на весь огромный аппарат и информацию, эти оценки будут очень субъективными. Причем, как и многие другие политические оценки, такое мое определение также очень субъективно. Они могут распространяться от уничижительных оценок, которые были очень популярны на рубеже 1990-х годов относительно СССР (например, бывший секретарь парткома ИМЭМО РАН СССР, а в последствии руководитель московской организации «Выбора России» и гендиректор Первого канала С. Благоволин очень любил называть СССР «Верхняя Вольта с ракетами»), до достаточно распро-

страненного мнения о России как сверхдержаве XXI века, способной конкурировать с Западом на равных, более того, о России, как о надежде для всего человечества.

Попробуем использовать те и другие, попытавшись как-то объективно оценить сегодняшнее место и роль России для того, чтобы точнее сформулировать её стратегический прогноз и попытаться обосновать стратегию её развития. Особенно учитывая военно-политические аспекты, влияющие на условия развития России.

1.3.а). Доминирующий субъективизм либералов как «российская стратегия» последних десятилетий

США — сильнейшая в мире страна, обладающая несравнимыми ни с кем возможностями в области технологий, энергетики, союзов и …демографии[148]

Национальая военная стратегия США

Проблема российских либералов, многие годы определяющих социально-экономическую стратегию России, в том, что они политически и ментально изначально признали превосходство Запада, его модели развития и — вольно или невольно — были вынуждены капитулировать, даже не рассматривая всерьез возможности к сопротивлению, которая означала бы борьбу за политический и экономический суверенитет и идентичность. Основная часть правящей элиты России в той или иной степени разделяет эту точку зрения[149]. Даже та часть, которая сегодня полностью солидаризируется с «политикой Путина» и бьётся в патриотической истерике по любому поводу.

Это поведение серьезно дезориентирует потому, что нынешний либерализм в политике стал внешне патриотичен и настроен на «искоренение ошибок» прежнего либерализма. Чего на самом деле нет. Изначально следует сказать, что современная либеральная парадигма в России даже НЕ предполагает учета внешнеполитических и военно-политических условий развития страны. Ни в одной из стратегий социально-экономического развития, начиная с марта 2008 года,

ни в одной концепции или плане не найдется даже попыток описания внешних условий существования и развития России. Подразумевалось (иногда даже говорилось и публиковалось), что благодаря «вхождению России в семью цивилизованных народов все внешние проблемы автоматически исчезли» и «Россия существует в исключительно благоприятных внешних условиях».

К сожалению, ситуация сохраняется и сегодня, с той лишь поправкой, что либеральные экономисты вынуждены говорить об экономических санкциях (впрочем, очень абстрактно, даже нейтрально, чтобы, наверное, не обидеть зарубежных друзей), хотя именно адекватная и точная оценка МО и ВПО является основой для современных объективных оценок и прогнозов. Надо признать, что и руководители страны не спешили давать такую оценку, которая стала появляться в высказываниях В.В. Путина периодически только в 2016–2017 годах, когда он сменил название для оппонентов с «партнеров» на более нейтральные определения. Лишь в ноябре 2017 года В.В. Путин заговорил о необходимости проведения мобилизационных мероприятий в ОПК на случай обострения ВПО, что стало по сути первым сигналом для экономики и общества. Но и в это время предложенный им военный бюджет на 2018 год был запланирован ниже на 4 млрд долл., чем последний оборонный бюджет, что означало публичное признание, как минимум, НЕ ухудшения ВПО и положения России в мире.

Примером таких субъективности оценок в стратегически важной области — стратегическом планировании, — с одной стороны, и отсутствием такой системы в России до 2018 года, с другой, может служить вся деятельность А. Кудрина, в частности его многочисленные оценки и заявления от имени Центра стратегических разработок, где он выступает главным экспертом в этой области у правительства . В частности, в предисловии к аналитическому докладу, посвященному анализу документов стратегического планирования, он пишет: «… исследование не затронуло утвержденный стратегический документ — Концепцию долгосрочного развития до 2020 г. (КДР). Это обусловлено тем, что формально главный стратегический документ страны **не стал** (подч. — *А.П.*) настоящим ориентиром для правительства, устарев уже в момент принятия, когда мировой экономический кризис серьезно изменил

внешние условия. Кстати, КДР до сих пор не отменена. Таков показательный пример отсутствия у нас механизма оперативного изменения стратегических документов верхнего уровня, хотя в быстроменяющемся современном мире умение адаптироваться к новым условиям является критически важным»[150].

Примечательное признание А. Кудрина в 2017 году, когда он ссылается на мировой кризис и прочие обстоятельства, ничего вообще не говоря об обострении МО и ВПО в мире, санкциях, силовом давлении и угрозах в отношении России. Похоже, что резкое обострение МО он вообще не замечает, а негативное влияние — просто игнорирует. Это может быть рассуждение рядового бухгалтера, но не политика, отвечающего за формирование стратегии развития страны.

Это признание также очень символично потому, что все годы с публикации КДР в марте 2008 года А. Кудрин находился в самом эпицентре принятия решений о стратегическом и любом ином планировании. Это, например, означает, что когда готовилась КДП в 2007–2008 годах А. Кудрин либо не участвовал в её подготовке, либо целиком игнорировал усилия разработчиков Минэкономразвития во главе с А. Клепачем.

Примечательно и другое признание А.Кудрина, которое свидетельствует об отсутствии сколько-нибудь организованного подхода в администрации президента и аппарате правительства к разработке стратегических документов, которые, похоже, необходимы только в качестве повода для «пиар-акций»: «Параллельно КДР цели и задачи для административной системы задавались через национальные проекты, майские указы, среднесрочные программы правительства (основные направления деятельности и антикризисные планы) и посредством более чем 40 госпрограмм, результаты которых так и не стали предметом широкой дискуссии», — пишет А. Кудрин. И далее: «Кроме того, согласно законодательству, в 2016 году должна была быть подготовлена Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период — до 2035 года, — но ее сдача перенесена на следующий год. Такое количество разноуровневых и разноформатных документов очевидно затрудняет органам власти любое планирование»[151].

Наконец, примечательно и признание А. Кудрина в отношении механизма (точнее — его отсутствия) реализации документов стратегического планирования. Он признает: «Один из важнейших уроков Стратегии–2010 — обязательность наличия эффективного механизма реализации документа внутри исполнительной власти. Напомню, что в начале 2000-х годов основной задачей было создание институциональных основ новой рыночной экономики, и во многом они действительно были созданы, но их потенциал ограничивался архаичной административной системой, явственно нуждавшейся в обновлении. Такая реформа была задумана, однако ее реализация «утонула» в нарастающем потоке нефтедолларов: потребность в этой и иных социально-экономических реформах снижалась тем быстрее, чем больше разрастался государственный бюджет. И уже кризис 2008–2009 годов показал, что наш экономический рост опирался на крайне неустойчивый фундамент»[152].

Иными словами, А. Кудрин признал полный провал сколько-нибудь осознанной деятельности правительства, которое в условиях, когда тепличная обстановка сменилась на реальную оказалось в состоянии только реагировать — с опозданием и не всегда адекватно — на возникающие проблемы. Не сделав выводов, правящая элита стала… правильно (!) готовить новые бумажные планы. А Кудрин пишет по этому поводу прямо: «… ключевой задачей Стратегии–2020 стало формирование целостного взгляда на то, каким образом наша страна может перейти к несырьевой модели экономики (а какой „взгляд“ был до этого целых 10 лет?). Однако Стратегия так и не превратилась в нормативный документ, план работы правительства (!!!), оставшись, по сути, „декларацией о намерениях“. В значительной степени это произошло из-за недостаточной вовлеченности представителей органов власти — тех, кому предстояло ее реализовывать, — в процесс разработки. Данный урок можно считать усвоенным: в деятельности ЦСР и рабочей группы Экономического совета при Президенте, которую я возглавляю, активно участвуют руководители министерств и главы регионов»[153].

А. Кудрин, таким образом, в очередной раз признал ошибки либеральных политиков, занимавшихся разработкой стратегий и концепций социально-экономического развития вплоть до конца 2017 года, но сде-

лал это настолько «отстраненно», что должно сложиться впечатление, что эти концепции и их реализация принадлежали кому-то другому, а не им. В целом такой подход, свойственный либералам все последние десятилетия, снимает ответственность как с них и правительства, так и с той политики, которая ими реализовывалась. Некоторые авторы справедливо заметили по этому поводу, что «Идеальный шторм» (снижение цен на нефть и введение санкций), в который попала экономика РФ в 2014 г., казалось бы, должен был вывести качество государственного управления экономикой на новый уровень[154]. Если рассмотренные методы плохо работали в относительно благоприятных условиях, то одномоментное сочетание резкого ухудшения мировой сырьевой конъюнктуры и столь же резкого усиления политического давления на РФ **просто обязывали государство мобилизовать весь арсенал имеющихся у него средств для купирования экономических и неэкономических угроз**[155] (подч. — *А.П.*).

Однако реакция государства на возникшие вызовы, как принято в РФ, оказалась ассиметричной. В оборонной сфере были реформированы вооруженные силы и без оглядки на «насилие над рыночными принципами», качественно улучшена их материальная база (за счет реанимации имеющихся и массового создания новейших производственных мощностей). Именно в эти годы, например. Были построены три новых заводских комплекса Концерна ВКО «Алмаз-Антей» в Петербурге, Нижнем Новгороде и Мари Эл. В результате мы имеем вооруженные силы, которые никто в мире и не пытается проверить на прочность.

В экономической сфере ситуация иная. Несмотря на обилие проектов развития, разработанных различными организациями и устойчивыми ожиданиями, что «вот-вот» они будут интегрированы в единый документ, имеющий официальный статус, по сути правительство руководствуется «Прогнозом социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов».

Здесь представлены традиционные три варианта развития: базовый вариант исходит из сохранения консервативных тенденций внешних факторов и сдержанной бюджетной политики. Вариант «базовый+» также во главу угла ставит внешние факторы для российской экономики, предполагая лишь, что они будут чуть лучше, чем в варианте «базо-

вый». В «целевом» варианте все же признается, что развитие российской экономики может определяться не только внешними, но и внутренними факторами (не только ценами на нефть, но и собственно развитием), прежде всего, за счет смягчения финансово-кредитной политики), заняться ее реальным, а не декларативным реформированием[156].

И последнее, а именно то, чего многие либеральные экономисты вообще старательно избегали все годы, притворяясь, что этого не существует, — влияния внешних факторов на стратегическое планирование развития России, а именно состояния и будущего положения МО и ВПО в мире. А. Кудрин говорит об этом «сквозь зубы», вскользь, не понимая, что любой прогноз и планирование ничего не стоят, если не принимать во внимание влияние внешнего фактора во всех его проявлениях. Правда и в этом случае влияние неэкономических факторов он сводит только к влиянию судебной системы: «Еще одним упущением Стратегии-2020 является ее избыточная сосредоточенность на экономической повестке — отчасти в ущерб неэкономическим институтам. Так, очевидно недостаточно внимания уделялось судебной системе — на наш взгляд, важнейшей для реализации любой программы развития. Поэтому в ЦСР разработке предложений по совершенствованию этих институтов посвящено целое направление»[157].

Примечательно, что рассматривая необходимые условия для развития судебной системы, разработчики либеральной стратегии не видят того, как стремительно и негативно меняется ВПО и какие новые вызовы, прежде всего, в области военной безопасности, появляются. Вызовы, требующие немедленной реакции. Так, например, военные расходы крупных стран, прежде всего США, Китая и России, продолжают расти последние десятилетия, но их рост не сопоставим: если современный военный бюджет США на 2018 год равняется почти 700 млрд долл., а китайский — 180–220 млрд, то российский оценивается в 55–60 млрд долл., т.е. на уровне военных бюджетов Великобритании, Франции, Японии и Саудовской Аравии. Примечательно, однако, что все критерии военных бюджетов распространяются одинаково не только за рубежом, но и в России, хотя сравнивать военные расходы России и других лидеров — уже давно бессмысленно, они просто не сопоставимы[158].

Другая проблема военных расходов, это то, на что они идут. Прежде всего на оборонительные или наступательные системы и виды ВВСТ. Так, в США открыто подчеркивается наступательный характер разрабатываемых вооружений: недавно Соединенные Штаты в открытую заявили, что рассматривают космос в качестве пространства для ведения войны. Государство вкладывается в беспилотники и гиперзвуковые технологии. Именно такое вооружение может стать главным в третьей мировой войне, если она все-таки начнется[159].

Но именно эти вооружения неизбежно требуют и ответной дорогостоящей реакции со стороны России. Так, размещение оружия в космосе предоставляет практически безграничные возможности для уничтожения противника. Хотя строительство ракетных баз на Луне или доставка астероида на околоземную орбиту и сброс его на цель сегодня выглядит фантастикой, уже существуют технологии, позволяющие использовать космос для ведения войны.

Крайне перспективным считается вывод на околоземную орбиту корабля с электромагнитным оружием (ЭМИ). Электромагнитный импульс способен парализовать электрические сети и системы управления, контроля, связи, сбора и компьютерной обработки информации, наблюдения и разведки C4ISR (Command, Control, Communications, Computers, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance) противника.

Ракету с ЭМИ, запущенную с околоземной орбиты, перехватить гораздо сложнее. Вывести такое оружие в космос сегодня способны США, Китай, Россия, Индия, Япония и страны ЕС. Особенно эффективным ЭМИ может быть при применении против «стран-изгоев» (Ирана и КНДР), которым фактически нечем ответить.

Не менее перспективно размещение оружия направленной энергии (лазерное оружие) на спутниках для перехвата баллистических ракет практически сразу после старта. В настоящее время фактически единственным космическим оружием можно считать маневрирующие аппараты, которые испытывают США, Китай и Россия, а также многочисленные наблюдательные спутники.

Особенность крылатых ракет — способность к маневрированию. Это позволяет уклоняться от противоракет противника и чрезвычайно точно поражать цель. Главное преимущество гиперзвуковых ракет —

развиваемая ими скорость, превышающая пять чисел Маха (более шести тысяч километров в час). Перехватить такие ракеты чрезвычайно трудно. Гиперзвуковые крылатые ракеты открывают огромные возможности для военных. Такая ракета способна менее чем за час поразить любую цель на планете.

Это послужило основой американской концепции мгновенного глобального удара PGS (Prompt Global Strike), развиваемой с 2001 года. Военные сосредоточились на изделии X-51A Waverider, развивающем скорость в семь–восемь чисел Маха, с дальностью полета около двух тысяч километров и высотой до тридцати километров. Запускать ракеты планируется с самолетов стратегической авиации, демонстрационные образцы оружия должны быть изготовлены в 2020 годах.

В России также работают над гиперзвуковой крылатой ракетой. О первых испытаниях «Цирконов» сообщалось 17 марта 2016 года. Кроме того, проекты в этой области реализуются в Китае и Индии.

Самое важное событие в оборонной промышленности за последнее десятилетие — появление БПЛА (беспилотных летательных аппаратов). С совершенствованием технологий дроны берут на себя все больше функций. Не исключено, что беспилотники полностью вытеснят пилотируемые самолеты в большинстве боевых задач.

Пока подавляющее большинство БПЛА нуждается в человеке — речь идет прежде всего об удаленном управлении и контроле за устройством. Более того, ключевые решения, касающиеся ликвидации цели, в настоящее время вообще не принимаются без участия человека.

Ракеты класса воздух–земля с лазерным или радиолокационным наведением AGM-114 Hellfire, устанавливаемой с 2007 года на беспилотник MQ-1 Predator, требует участия человека. Однако скоро БПЛА станут полностью автономными[160].

Это связано с прогрессом в развитии искусственного интеллекта (ИИ). Подобные системы смогут самостоятельно принимать решения, касающиеся в том числе жизни и смерти. Именно это имеют в виду ученый Стивен Хокинг и бизнесмен Илон Маск, регулярно напоминающие об опасности неконтролируемого развития ИИ.

Автономные БПЛА, наделенные самым совершенным ИИ, смогут работать продолжительное время, а в случае необходимости мгновенно

принимать решение. Сторона конфликта, располагающая таким оружием, получит ключевое преимущество над остальными участниками военных действий. Это прекрасно понимают в США, Китае, странах ЕС и России.

«Искусственный интеллект — это будущее не только России, это будущее всего человечества. Здесь колоссальные возможности и труднопрогнозируемые сегодня угрозы», — заявил 1 сентября 2017 года на форуме «Проектория» президент РФ Владимир Путин. По его мнению, «тот, кто станет лидером в этой сфере, будет властелином мира».

К перспективным видам нового оружия также можно отнести самолеты-невидимки, использующие стелс-технологию, рельсотроны, разгоняющие снаряд электромагнитным полем, и кинетическое оружие, действующее из космоса. Ядерное оружие тоже не утратит актуальности, оставаясь последним аргументом в войне будущего, а вот крупные и дорогостоящие военные подлодки, скорее всего, лишатся особого значения. Их все легче обнаруживать при помощи групп небольших и недорогих беспилотников.

Способность разрабатывать новейшие вооружения многое говорит о государстве. В октябре 2017 года президент Российской академии наук Александр Сергеев фактически признал, что современной отечественной науке нечего предложить военным. «Не будет у нас фундаментальной науки, это будет большая беда, потому что по многим направлениям — военным и другим — научно-технический задел исчерпан. Он может восстанавливаться только фундаментальной наукой», — подчеркнул ученый в ходе встречи с членами Совета Федерации.

Академик озвучил давно известную истину: без поддержки фундаментальной науки потенциал прикладных исследований ограничен во времени и в конечном итоге исчерпывается, в результате чего страна попадает в технологическую зависимость от других государств. «Если у нас не будет результатов фундаментальной науки, то нашему производству и прикладной науке придется закупать результаты фундаментальных исследований за рубежом. А там, извините, продадут вовсе не современное. Современное нужно самим. Продадут то, что вышло из надобности»[161], — полагает А. Сергеев.

Наконец, А. Кудрин делает «фундаментальные» выводы, которые должны лечь в основу будущей стратегии долгосрочного развития России. Они имеют для нас исключительно важное значение потому, что показывают по сути КАКОЙ будет эта стратегия с точки зрения либеральных экономистов, а именно, во-первых, по-мнению А. Кудрина: «Сегодня мы также уверены, что само восприятие и успешная реализация стратегии зависят от того, насколько гибко и быстро содержащиеся в ней решения можно **адаптировать к** изменяющимся условиям современного мира, социальным, экономическим и технологическим трендам».

Это означает, что мы опять формулируем не цель, не желаемый образ будущего, а пытаемся приспособить, угадать наши планы к ситуации в мире. Это — не планирование, а гадание, не политическая работа, а попытка экстраполяции будущего состояния миры и приспособления к ней нашего общества и государства. И А. Кудрин прямо пишет о том, на чем она будет основываться:

«Разрабатываемая ЦСР Стратегия будет состоять из трех основных частей: во-первых, концептуального, общего видения будущего, траектории движения к поставленной цели (какого «общего» — группы либеральных экономистов?), во-вторых, приоритетных, жестких решений, без точной и быстрой реализации которых любые другие изменения будут бесполезны (очередных «жестких рыночных реформ»?), и, в-третьих, селективных программ — ответственность за их более глубокую разработку и итоговое исполнение будет возложена на разные уровни власти (еще менее понятно, каких). Последний компонент будет обладать максимальной гибкостью и учитывать проблемы в конкретных отраслях экономики, ресурсы и возможности регионов, текущую повестку»[162].

Уже сегодня можно говорить о том, что и эта попытка либеральных экономистов стратегического планирования, как и прежние, окажется неудачной. Даже до того, как мы увидим эти планы, а в еще большей степени, когда убедимся в том, что они не будут реализованы. В лучшем случае новая КДР будет она ученным либеральным прогнозом приспособления России к той реальности, какую хотят создать США и их союзники, но которую мы не признаем и с которой будем бороться. Как минимум, применительно к России[163].

1.3.б). Оптимистические оценки

Политика — это один из видов социальной деятельности, направленный на сохранение или изменение существующего порядка распределения власти и собственности …[164]

М. Хрусталёв, политолог

Есть расхожая точка зрения, когда конкретный прикладной, теоретический или нормативный анализ заменяется политической оценкой, в которой заранее присутствует политическая позиция. Позиция «за» власть или «против» власти, в соответствии с которой и производится, как правило, оценка ситуации. Естественно, что в зависимости от конкретных политических и иных условий (например, накануне выборов) оптимизм или пессимизм оценок усиливается, а адекватность — снижается.

Приведем такой пример в отношении России. В данном случае — положительный, попытавшись прокомментировать некоторые его положения. В частности, говорится, что «на сегодняшний день Россия является одной из главных экономических держав мира и одной из немногих стран, способных производить промышленные товары практически любого типа. РФ расположилась на четвёртом месте в мире по объёму промышленного производства по состоянию на 2017 год, обгоняя Японию и уступая лишь Китаю, США и Индии». Что совершенно не соответствует действительности: Россия так и не восстановила даже уровень промышленного производства РСФСР 1990 года, а некоторые отрасли просто исчезли. Другие отрасли, как, например, приборостроение, фактически разрушены.

В качестве положительного приводится также пример структуры экономики, где «Категории промышленности в стране:

1. Обрабатывающие производства — 65%;
2. Добыча полезных ископаемых — 24%;
3. Производство/распределение электроэнергии, газа и воды — 11%.

Если в тяжелые 1990-е в стране наблюдался серьёзный спад производства, то в начале нового века промышленность пошла к росту».

«Страна в 1998 году потерпел дефолт, в России начался процесс импортозамещения, который немного оживил производство.

В 2000-х гг. В. Путин предпринял меры по защите и развитию отечественной промышленности. Его план сработал».

«К 2008 году промышленность отыграла большую часть потерь, объём производства вырос до уровня в 85% от советских показателей». (Это требует особенных комментариев — положительная оценка развития промышленности в 2008 году от уровня 85% 1990 года! Это пример завышено-оптимистических оценок, не имеющих отношения к реальному анализу).

В 2008 году мировой кризис и дефолт вновь затормозили процесс развития российской промышленности. Но к 2013 году промышленность потихоньку выросла на 4%.

В 2014 санкции и обрушение курса рубля привели страну к импортозамещению и российская экономика стала менее зависимой от долларовых кредитов.

В 2016 году промышленность возросла на 1,7% по сравнению с прошлым годом (что не соответствует действительности).

«Восстановление промышленного производства сопровождалось заменой устаревшего оборудования и переходом на современные технологии» (что справедливо, но только отчасти).

В стране наиболее развиты отрасли добычи и переработки углеводородов, металлургия, химическое производство, машиностроение, производство разного рода транспорта и пищевое производство.

Несмотря на санкции, все отрасли промышленности постоянно расширяют экспорт, при этом сильное падение курса рубля делает наши производства самыми конкурентоспособными на мировых рынках (что не соответствует действительности).

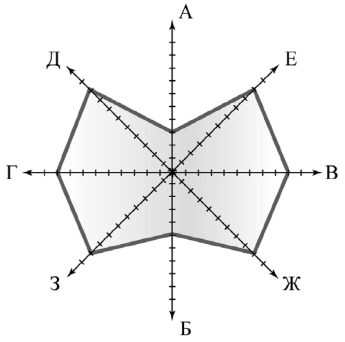
Данные примеры показательны потому, что с их помощью можно влиять на общественное мнение и дальнейшее принятие решений или отказ от таких действий. Эти оценки крайне опасны потому, что их политическая ангажированность вот уже многие десятилетия сказывается на развитии. Действительно, если в 2017 году у нас «все хорошо!», то и двигаться надо также, хотя (если оценить объективно) Россия в 2017 году только-только осталась на уровне РСФСР 1990 года в то время когда другие страны эти 27 лет развивались и увеличили свой потенциал на 100, 300 и даже 1200%.

Подобные полярные точки зрения, как правило, пытаются подкрепить скудным набором аргументов, полагая, что этого вполне достаточно для того, чтобы обосновать то или иное место России в реальном мире. Между тем место России в современном мире определяется не личными пристрастиями и одним-двумя аргументами, а множеством факторов — геополитических, цивилизационных, ресурсных, демографических, экономических, военных, политико-дипломатических и др., — которые отнюдь не однозначно свидетельствуют о том реальном положении, которое она занимает в мире.

Оказывается, что культурный и духовный мировой лидер Россия может быть технологическим карликом, а военная сверхдержава — очень средней по своим социально-экономическим показателем страной. Нет единых интегральных критериев, которые однозначно свидетельствовали бы о том, к какому классу государств можно отнести Россию. Тем более о том месте, которое она может занимать в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Если попытаться представить себе это место в виде некого рисунка, в котором аккумулируются экспертные оценки этого места России, то оно может быть определено по 10-и бальной шкале следующим образом.

Из рисунка (рис. 1.52) видна выдающаяся роль России, если говорить о природных ресурсах и военной мощи, истории или культуре, которые с полным основанием позволяют говорить не просто о веду-



Где: А – экономика
Б – геополитическое положение
В – военная мощь
Г – природные ресурсы
Д – история
Е – культура
Ж – наука
З – наука и технология

Рис. 1.52.

щей, но и выдающейся роли России в мире, которая должна быть по достоинству оценена (но отнюдь не всегда оценивается даже в российской элите). В то же самое время видна «приплюснутость» потенциала России по осям «экономика» и «геополитика», что также в принципе отражает то реальное место, которое занимает Россия в сегодняшнем мире. И это тоже надо адекватно оценивать, чтобы не увлекаться внешнеполитическими авантюрами и обязательствами.

Учитывая же господствующие последние 30 лет в её развитии тенденции, можно сказать, что в будущем это (экономическое и геополитическое) положение может еще больше ухудшиться, что связано, прежде всего, с низкими темпами роста ВВП страны, отставанием в социально-экономическом и технологическом развитии.

Но формально-количественные оценки требуют существенной корректировки. Как справедливо отмечает Святослав Князев, «чтобы сохранить видимость преимущества своего мира, западным элитам приходится идти на откровенные подлоги. Касается это, в частности, такого показателя, как валовой внутренний продукт (ВВП). Если брать его даже по паритету покупательной способности, то первая пятерка крупнейших мировых экономик будет выглядеть так: Китай, за ним с небольшим отрывом США, за Штатами с отрывом более, чем в 2 раза — Индия. От Индии в полтора раза отстает Япония и почти в два с половиной — Германия. На шестом месте — слегка подотставшая от ФРГ Россия»[165].

Известный российский блогер burckina-new проделал любопытную манипуляцию — сравнил ВВП стран, исключив из них показатель сферы услуг. Картина сразу достаточно резко изменилась. Китай ушел в отрыв от США практически в три раза, а Индия почти догнала Америку. Россия оказалась на четвертом месте в мире. Япония и ФРГ обвалились ощутимо ниже Российской Федерации. Получается, что если речь идет о производстве того, что можно «пощупать руками» — промышленности и сельском хозяйстве — то экономическая мощь западных стран совсем не такая впечатляющая, как кажется.

Почти 80% экономики США приходится на сферу услуг, но данный показатель, по сути дела, дутый. Элементарный пример. Американский терапевт и российский терапевт вылечили человека. Только стоимость этой «услуги» формально отличается в Штатах и РФ в десятки раз. Как

ее считать? А так и считают, в каждой стране — по своей стоимости, хотя услуга-то одинаковая. То же самое проделывается с адвокатами, учителями, полицейскими, соцработниками, продавцами в супермаркетах, туристическими гидами. Можно ли считать такую систему оценки экономики объективной? Вряд ли.

Если опираться на конкретные показатели, то промышленное производство СССР, несмотря на Холодную войну и постоянную агрессию со стороны западных стран, состоянием на 1980-е годы составляло примерно 80% промышленного производства США. Именно советская система, несмотря на колоссальный ущерб, нанесенный ей в результате Великой Отечественной войны (в то время, как Америка только зарабатывала деньги), смогла запустить первый искусственный спутник Земли и отправить человека в космос. Говорить на этом фоне о неэффективности советской экономики, на которую приходилось около 20% мирового промышленного производства, — просто смешно.

Современная Россия все еще переживает последствия коллапса 1990-х годов. Плюс она осталась без союза с республиками, в которых проживала примерно половина населения СССР и в которых находилась значительная часть промышленных предприятий. Тем не менее, даже по оценкам экспертов OECD Better Life Index, которых сложно обвинить в «ватничестве» и нелюбви к Западу, в 2010-е годы уровень жизни в РФ примерно соответствовал уровню жизни в Южной Корее. Сегодня, даже по итогам кризиса, вызванного резким падением цен на нефть, уровень жизни в России, по оценкам ОСЭР, все равно выше, чем в части государств-членов ЕС (речь идет о Восточной Европе)[166].

Несмотря на то, что в номинальном измерении зарплата в России ощутимо ниже, чем в США и Западной Европе, уровень цен (особенно цен на все те же пресловутые услуги) во многом выравнивает ситуацию. Например, жители российских городов-миллионщиков, тратят на оплату услуг ЖКХ 6–8% от своих доходов, жители российской провинции — порядка 16%. Доля оплаты погашения счетов жилищно-коммунального хозяйства в структуре доходов в странах Запада, как правило, выше. Например, в «бежавшей» на Запад Литве она достигает 35%.

Гораздо дороже, чем в России стоят на Западе медицинские, образовательные, транспортные, юридические, косметологические услуги,

аренда жилья, общепит. Что касается продуктов питания и одежды, то дешево (зачастую даже дешевле, чем в РФ) стоит то, что было произведено с использованием сомнительных технологий (применением ГМО и «химии»). «Органические» продукты же обойдутся покупателю куда дороже, чем то, что привозят в российские города бабушки с огорода[167].

Понятно, что средний уровень жизни в США или Германии пока еще выше, чем в России. Но разница уже настолько невелика, что не может вызвать массовые миграции вроде тех, которые имели место в 1990-е годы. Выезжают из РФ преимущественно либо «штучные» специалисты на конкретные должности (подобные миграции имеют место и между самими западными странами), либо граждане, принципиально желающие приобщиться к западным ценностям и которым не хватает в России возможности участвовать в гей-парадах или ходить в бордели для зоофилов.

Ярким показателем духовных изменений в российском обществе являются личности, о деятельности которых жители нашей страны отзываются с одобрением или считают самыми влиятельными. Лидерами социологических опросов являются деятели, связанные с выдающимися достижениями страны либо с активным противостоянием Западу. В результате голосования, прошедшего недавно на сайте Forbes, 52% пользователей назвали самым влиятельным представителем России Юрия Гагарина, по 45% — Иосифа Сталина и Владимира Путина. 62%, по данным ВЦИОМ, выступают за установку в России памятников Сталину[168].

В то же самое время, события, происходящие на Западе, вызывают у россиян все большее отторжение. Основу информационной повестки Европы и Америки составляют акты, утверждающие введение однополых браков, назначение открытых содомитов на высшие государственные посты, массовые изнасилования, совершаемые мигрантами, и другие подобные новости. На телеэкранах и сценах присутствуют персонажи вроде бородатой женщины, откровенные сатанисты, мужчины, совершающие публично некие противоестественные действия.

Граждане россияне больше склонны обращаться к собственной культуре и собственной истории. И для российской власти очень важно сегодня, не упустить этот момент, изгнав с телевидения, из театров, музеев и кино, слизанную с западных лекал пошлятину, и подняв отечественное искусство (в том числе и популярное) до уровня, кото-

рые оно имело 50 или 150 лет тому назад. Процесс, по сути дела, уже пошел. Именно поэтому мы сталкиваемся с такой резкой реакцией на появление патриотических произведений и, наоборот, откровенно антироссийских, западнических, реакции на которые в прошлом не было. Казус «диссертации Мединского» — политическое явление, когда антироссийские силы в науке и культуре не стали замалчивать неугодные произведения, следуя своей излюбленной тактике, а выступили открыто.

Комментируя происходящие сейчас международные процессы, российский политолог Сергей Михеев заметил, что Запад применил в полной мере принцип «горе побежденным», снося советскую науку и промышленность, поливая грязью историю, агрессивно навязывая свои ценности, массово принимая в НАТО бывшие страны социалистического лагеря и передвигая свои войска к российской границе[169]. Но, сделав такой шаг, и собираясь сделать последний, заключительный — окончательно развалив Россию, лишив её суверенитета, он добился того, что правящая элита и общество в своей значительной части увидела прямую опасность уничтожения и осознали, что они потерял вместе с СССР и ОВД.

1.3.в). Пессимистические оценки

Другой ключевой показатель развития страны — национальный человеческий капитал (НЧК), — индекс которого рассчитывается институтами ООН с 1990 года, дает нам также достаточно много информации о положении России в мире. По качеству НЧК Россия скатилась с 10 на 70-е место в мире с 1990 года и плотно «осела» в группе стран с высоким, но не самым высоким уровнем развития. Значительно хуже количественные критерии, которые свидетельствуют об опасных тенденциях, избавиться от которых правительству так и не удается. В частности, количественно, демографически, роль России в мире изменилась за эти годы радикально: сегодня она уже уступает лидерство по численности граждан многим странам, а в будущем, к 2050 году, например, может превратиться просто в страну со среднемировой численностью населения на уровне Ирана, Малайзии, Филиппин[170].

Еще сложнее ситуация с относительным качеством НЧК, который за последние 30 лет также ухудшился. Сегодня Россия занимает стабильно место во второй группе стран на уровне ИРЧП Малайзии, Казахстана, уступая Словакии и Словении причем ИРЧП России все эти годы очень существенно отличался не только по сравнению с другими странами, но и между регионами.

По основному показателю — объему ВВП — Россия не только не рассматривается в качестве конкурента ведущим странам мира, но и находится в лучшем случае на 7–10 месте в мире. Более того, ее положение в мире по всем основным показателям за последние 30 лет только ухудшалось.

Несколько лучше смотрится ситуация в экономике, если ее измерять по паритету покупательной способности (ППС), о чем свидетельствуют, например, официальные данные последних лет о динамике изменения странового и душевого ВВП по паритету покупательной способности России, стран ЕС, Австралии и Израиля (без таких лидеров роста как КНР, Индия, Индонезия, Бразилия и др. страны). Россия существенно (почти в 2 раза!) уступает Нидерландам и Германии, отстает от Японии и Южной Кореи, реально «догоняя» Словению. Поэтому качество жизни, измеряемое материальными условиями, характеризуется достаточно точно — Россия находится в числе отстающих в своем социально-экономическом развитии стран не только Европы, но и Азии и Латинской Америки.

Если же судить по показателям реального ВВП и целому ряду других экономических критериев (особенно объему внешней торговли, уровню технологического развития, конкурентоспособности и др.), то ситуация выглядит намного хуже. Здесь Россию нужно отнести к числу отсталых стран мира, которые быстро приближаются к категории стран, терпящих бедствие. И это тоже надо признать, чтобы не было излишних иллюзий.

Это обстоятельство (а именно состояние России в 2017 году) неизбежно будет влиять на ее будущее положение в качестве самостоятельного центра силы в мире в 2025 и 2040 годах, предопределяя во многом возможности и характер ее внешней и военной политики на весь период. Его современное состояние и вероятное положение в бу-

Таблица 1.13. Ежегодные оценки отдельных показателей ВВП в сопоставимой валюте*[171]

	Паритет покупательной способности (единиц национальной валюты за долл. США)			ВВП по ППС (млрд долл. США)			ВВП по ППС на душу населения (долл. США)		
	2012	2013	2014	2012	2013	2014	2012	2013	2014
Россия	18,04	18,43	19,07	**3445.9**	**3592,4**	**3745,2**	24063	25033	**25636**
Страны ЕС из них									
Австрия	0,835	0,820	0,803	386,6	402,1	407,5	45878	47428	47693
Германия	**0,784**	**0,786**	**0,777**	**3506,6**	**3629,0**	**3757,1**	43600	44999	**46394**
Дания	7,599	7,609	7,421	247,4	256,5	259,6	44251	45697	46000
Италия	0,769	0,755	0,746	2139,3	2154,1	2155.8	35455	35518	35459
Нидерланды	0,830	0,829	0,808	778,2	805,8	813,8	46457	47967	48256
Португалия	0,620	0,590	0,583	285,2	292,1	299,1	27125	27930	28760
Словения	0,630	0,614	0,599	58,6	59,9	62,7	28487	29103	30405
Соединенное Королевство (Великобритания)	**0,700**	**0,696**	**0,692**	**2393,2**	**2508,1**	**2597,4**	37567	39125	**40210**
Финляндия	0,908	0,913	0,913	218,9	222,7	222,2	40437	40951	40684
Другие страны из них									
Австралия	1,511	1,540	1,450	989,8	1092,8	1095,2	43081	46826	46281
Норвегия	8,985	9,034	9,049	328,2	339,4	337,5	65394	66812	65705
Республика Корея	854,6	854,9	871,4	**1611,3**	**1640,4**	**1683,9**	32223	32664	**33395**
США	1,000	1,000	1,000	16155,3	166632	17348.1	51368	52592	54353
Швейцария	1,433	1.364	1,322	457,5	480,1	487,5	57205	59351	59536
Япония	107,5	104,3	102.7	**4558,5**	**4662,9**	**4650,1**	35738	36620	**36581**

[1] На основе результатов международных сопоставлений ВВП за 2011 г.

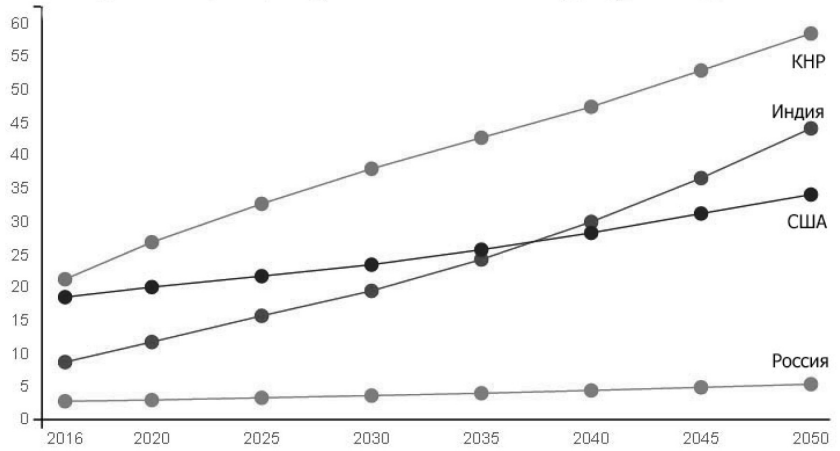


Рис. 1.53. ВВП страны по паритету покупательной способности (трлн долл. США)

дущем можно охарактеризовать очень коротко как ограниченность национальных экономических и финансовых ресурсов и других национальных возможностей относительно других ЛЧЦ и центров силы[172] и крайне неэффективную систему управления.

В частности, если говорить о доли ВВП России (опять же по ПСС) сегодня и в будущем относительно США, КНР и Индии, то она качественно отличается от этих государств сегодня, но еще больше будет отличаться в будущем. К сожалению, пока что то же самое пессимистическое обоснование можно сделать и относительно темпов прироста ВВП до 2040–2050 годов, которые во всех странах-лидерах прогнозируются существенно выше, чем в России.

Это означает, что если в настоящее время экономика России (оцениваемая в ППС) уступает экономике США и КНР примерно в 10 раз, а индийский — в 2 раза, то к 2025 году этот разрыв еще больше увеличится, а к 2045 году станет соотноситься как 1:25 или даже 1:30. Соответственно и доля бюджета, выделяемая на внешнюю и оборонную политику, которая колеблется сегодня в этих странах в пределах 3–4%, будет у России, как минимум, в 15–20 раз меньше, чем у этих стран, если, конечно же, исходить из одинаковых пропорций объема и темпов роста бюджетов[173]. Что является в принципе вполне обоснованной и допустимой экстраполяцией. Если же темпы роста ВВП в КНР и Индии

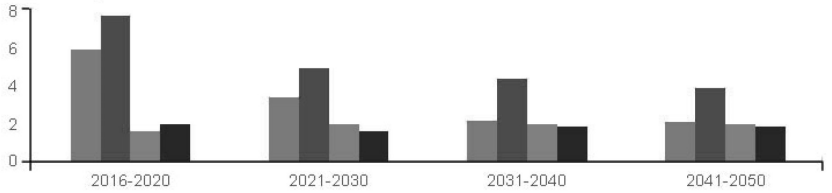


Рис. 1.54[174]. Темпы роста ВВП

останутся такими же высокими, то ситуация относительно России будет еще хуже. Поэтому ниже даются заниженные оценки, которые рисуют будущую картину не столь драматически как она может быть.

На самом же деле прогноз может быть еще пессимистичнее. И связано это будет не только с отставанием России в темпах социально-экономического развития, но и реальных возможностях сохранить свою идентичность и способность защищать национальные интересы в условиях превращения в экономического карлика. Примерно также как в свое время сложилась МО и ВПО для Нидерландов, Португалии, Бельгии, а позже и Великобритании потому, что еще более существенно отставание России в численности и темпах роста населения и качества человеческого капитала[175], которые отмечались, в том числе, и в проекте Стратегического прогноза РФ до 2035 года, подготовленного осенью 2016 года Министерством экономики России[176].

С этим прогнозом в целом сочетаются и большинство западных прогнозов развития России, в которых два главных показателя государственной мощи — ВВП и количество и качество человеческого капитала — продолжают расти медленными темпами относительно не только развитых государств, но и новых центров силы. Это видно, например, из стратегического прогноза, сделанного в феврале 2017 года корпорацией «Проктер энд Гэмбл». Как видно из приводимых сопоставлений, численность населения России относительно других центров силы и основных ЛЧЦ будет снижаться. Можно говорить даже о критическом несоответствии мощи России, измеряемой ВВП и демографическим потенциалом, относительно лидеров ЛЧЦ. Такое несоответствие неизбежно ведет к кризисам, войнам и переделу мира, но в новых условиях оно может вести и к еще более катастрофическим последствиям — ликвидации российской ЛЧЦ.

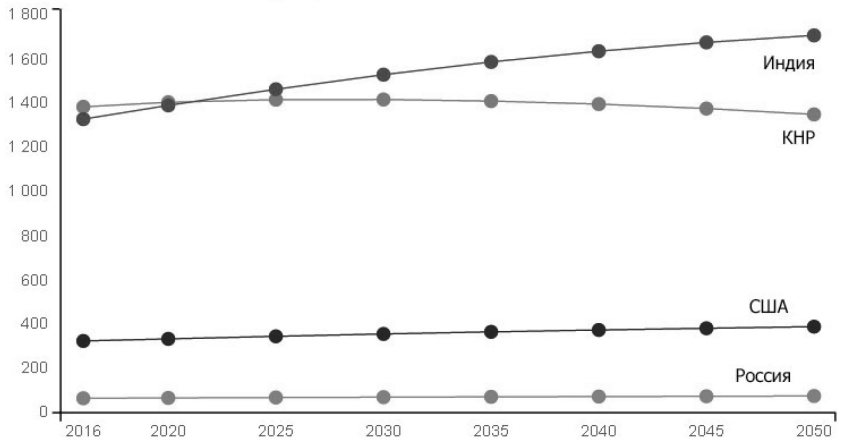


Рис. 1.55. Численность населения (млн)

Как видно на рисунке 1.55, соотношение демографических сил в количественном измерении изменится не столь уж, радикально (хотя эти оценки, на мой взгляд, излишне оптимистичны), но качестве НЧК изменится принципиально — будущие лидеры будут обладать человеческим потенциалом, чье качество, как минимум, в десятки раз будет превосходить сегодняшний уровень. Так, за последние десятилетия в КНР средняя зарплата достигла российский уровень, продолжительность жизни превзошла российский, а количество лиц с высшим образованием превысило 300 млн человек. Поэтому демографическое и качественное измерение НЧК, если не исправить срочно существующие тенденции, поставят русскую нацию на грань уничтожения.

Таким образом развитие сценариев России, как минимум, до 2025 года во многом уже предопределенно ее базовыми ресурсными возможностями, которые выглядят достаточно скромно относительно других ЛЧЦ и центров силы если не использовать — активно и целенаправленно — главный современный ресурс развития национальный человеческий капитал (НЧК), определяемый не столько количественными демографическим и показателями сколько **качеством** человеческого потенциала граждан страны: образованием, здоровьем, творческими возможностями, интеллектом, культурой и другими качествами[177] и его институтов.

Без сознательной ставки на опережающее развитие, которое возможно исключительно через развитие национального человеческого капи-

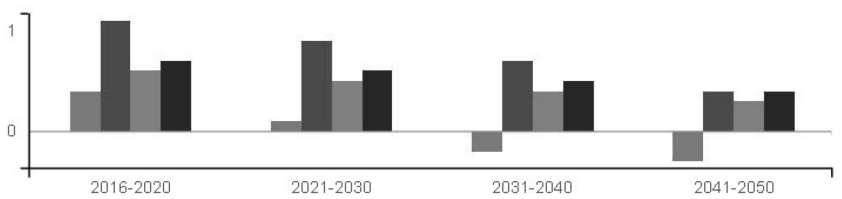


Рис. 1.56[178]. Ежегодные темпы роста

тала (НЧК), и его институтов, т.е. субъективного решительного и кардинального выбора правящей элиты в пользу этого приоритетного ресурса развития, сохранение в том или ином виде ресурсного и инерционного сценария развития России, ведущего к ее деградации, неизбежно.

Наиболее отчетливо такая стагнация проявляется в финансово-экономической сфере России, где ежегодные «утечки» капиталов составляют порядка 100 млрд долларов при полном бездействии правительства. По признанию профессора В. Катасонова, «Россия является членом БРИКС, но, пожалуй, она единственная из этой группировки полностью ликвидировала всякое регулирование трансграничного движение капитала. Сюда могут заходить, отсюда могут выходить, выносит всё имущество. И эту политику проводит Центральный банк, проводит Минфин. На протяжении многих лет ни разу они не заикались о необходимости каким-то образом эти потоки капитала регулировать, а может быть, даже и запрещать. В Бразилии, например, устанавливают так называемые фильтры: пропускают в страну капиталы долгосрочные, те, которые действительно вкладываются в реальный сектор экономики, так называемые капиталообразующие инвестиции, и отсекают спекулятивный капитал. Можно долго говорить о том, как регулируется иностранный капитал. Скажем, он может заходить в страну, но там существуют определённые ограничения, в течение какого времени — месяцев, а чаще лет — капитал не может покидать страну. У нас последние элементы регулирования иностранного капитала были ликвидированы в нулевые годы, когда были внесены поправки в федеральный закон „О валютном регулировании и валютном контроле“. Были удалены последние валютные ограничения по операциям с движением капитала»[179].

Неизбежное инерционное развитие России в условиях быстро развивающегося мира будет означать стагнацию и деградацию, которые,

в свою очередь, поставят под сомнение способность страны сохранить суверенитет и национальную идентичность. Данные Минфина, иллюстрирующие динамику развития основных макроэкономических показателей, в случае продолжения такой политики, свидетельствуют, что к 2025–2030 годам основные показатели России останутся практически на нынешнем уровне, в то время, когда другие страны (как и в предыдущие десятилетия) будут развиваться темпами в 3–7%[180].

О крайне неблагоприятном внутриполитическом состоянии свидетельствуют опасения граждан России, которые летом 2017 года сводились к двум основным угрозам: росту цен на товары и услуги и усилению внешней опасности, выраженным в индексе страха[181]. Как прокомментировал данные ВЦИОМ ведущий эксперт-консультант ВЦИОМ Олег Чернозуб, «Наметившаяся ранее тенденция к обострению социальных страхов в июне закрепилась. Главными факторами обеспокоенности остаются дороговизна жизни и международная напряженность. Показатели по ним продолжают ухудшаться. Вполне умеренные в прошлом страхи в отношении уровня доходов, безработицы и внутренних беспорядков также демонстрируют неблагоприятную динамику. Это означает что, оптимизм общества в отношении преодоления кризиса и сохранения политической стабильности становится неустойчивым». Для данной выборки максимальный размер ошибки (с учетом эффекта дизайна) с вероятностью 95% не превышает 3,5%[182].

Как видно в 2017 году, прогноз Минфина оказался излишне пессимистичным в отношении всех основных показателей: цен на нефть, инфляцию, курс рубля и рост ВВП, что характерно для консервативного подхода министерства, которое не отвечает за развитие экономики, а тем более социальную жизнь в стране. Складывается впечатление, что Минфин — статист, фиксирующий общие показатели «чьей-то» экономики, которая лично не касается тех, кто им руководит. Как ни странно, но это странное объяснение, на самом деле, многое объясняет, а именно: в Минфине чиновники и их благополучие прямо не зависят от результатов финансово-экономического развития страны.

Это особенно касается социально-экономического положения, которое влияет прямо на темпы роста и развитие экономики страны. В США оценили активы россиян в оффшорах Россияне хранят в оф-

Таблица 1.14. Как Вы оцениваете вероятность появления следующих проблем в Вашей жизни?
(закрытый вопрос, один ответ, индекс страхов*, в пунктах)

	VI.15	VI.16	I.17	II.17	III.17	IV.17	V.17	VI.17
Стали слишком дорогими или исчезли из продажи привычные товары, обесценились сбережения	8	21	17	24	22	25	23	27
Международная напряженность, конфликты между странами, военные действия	13	20	12	14	19	20	19	20
Проблемы со здоровьем: ухудшение здоровья, трудности с получением медицинской помощи, лекарств	–5	1	0	2	3	6	4	8
Разгул преступности	–9	5	1	2	4	7	4	3
Беспорядки, конфликты внутри страны на политической, национальной или религиозной почве	–9	2	–5	–4	1	6	2	1
Снижение доходов (урезание зарплат, перевод на низкооплачиваемую работу, переход на неполную рабочую неделю, задержки с выплатой зарплаты и т.п.)	–14	–11	–11	–8	–8	–4	–6	–3
Потеря работы	–27	–24	–24	–23	–23	–23	–20	–18
Конфликты в семье, разрыв с близкими людьми	–42	–41	–47	–49	–53	–49	–45	–47

Таблица 1.15. Инерционный вариант прогноза до 2030 г.[183]

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Цена нефти, $/6арр.	97,6	51,1	40	40,8	41,6	42,4	43,3	44,2	45	45,9	46,9	47,8	48,8	49,7	50,7	51,7	52,8
Экспорт всего, $ млрд	498	347	304	т	326	337	348	358	370	381	393	406	419	432	447	462	477
Импорт всего, S млрд	308	197	183	194	206	214	222	229	237	244	252	260	269	278	287	297	307
Инфляция на конец года, %	7,8	12,9	6,8	4	4	4	4	3,7	3,4	3,1	3	2,9	2,8	2,7	2,6	2,6	2,6
Курс рубля, руб./$	38,38	60,97	68,17	68,29	68,77	69,61	70,87	71,97	72,85	73,6	74,27	74,87	75,41	75,9	76,34	76,74	77,17
ВВП, %	0,6	-3,8	-0,8	1	1,4	1,3	1,2	1,1	1	1,1	1,1	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,3
Рост зарплат в реальном выражении, %	1,2	-8,9	-3,5	0,2	1,7	1,6	1,9	1,9	1,6	1,6	1,6	1,5	1,6	1,5	1,5	1,4	1,5
Рост фонда зарплат, %	8,3	3,7	5	5,3	5,4	5,3	5,2	4,8	4,4	4,2	4,1	4,1	4	4	4	3,9	3,9
Рост прибыли, %	12,5	9,9	6,7	8	5,8	5,6	5,4	5	4,6	4,4	4,3	4,2	4,2	4,2	4,1	4,1	4,1

Источник: Минфин

фшорах активы на сумму, равную ¾ валового национального дохода страны, или около 60,75 трлн руб. 1% самых богатых владеет до 25% национального дохода, говорится в докладе исследовательской организации США. Объем оффшорного капитала россиян превышает примерно в три раза уровень валютных резервов страны. К 2015 году объем активов, выведенных в оффшоры, составил около 75% от национального дохода страны. Объем резервов страны составляет 25% от ВНД. Об этом говорится в докладе «От советов к олигархам: неравенство и собственность в России, 1905–2016», подготовленном Национальным бюро экономических исследований — частной некоммерческой исследовательской организацией США. Объем оффшорных активов сопоставим по величине с совокупными активами внутри страны, отмечается в документе.

«То есть за рубежом — в Великобритании, Швейцарии, Кипре и других подобных оффшорных центрах — содержится столько же финансов богатых россиян, сколько все население России держит внутри своей страны», — подчеркивают авторы доклада, Филип Новокмет и Томас Пикетти из Парижской школы экономики и Габриэль Цукман с факультета экономики Университета Калифорнии[184].

По данным Росстата, ВНД России в 2015 году составил 81 трлн руб. Исходя из оценок авторами доклада объема оффшорного капитала в 75% ВНД, получается, что в оффшорах хранится около 60,75 трлн руб.

Россия стала страной, где проблема оффшорного капитала и трансграничных активов стала наиболее значимой, считают авторы документа. Есть существенные расхождения в базовой экономической и финансовой статистике: в частности, большой разрыв между крайне высоким профицитом торговли в период с 1990 по 2015 годы и относительно ограниченным уровнем накопления иностранных активов. «Отток капитала и оффшорный капитал — естественные кандидаты на объяснение этого парадокса», — отмечается в тексте.

С 1989 по 2016 годы объем национального дохода на одного взрослого россиянина вырос примерно на 40%, с чуть более €16 тыс. до около €24 тыс. (в евро 2016 года с учетом ППС). Разрыв по уровню национального дохода на взрослую душу населения между Россией и странами Западной Европы за этот период также изменился: в 1989–1990 годах

уровень жизни в России составлял 60–65% от западноевропейского, к середине 2010-х годов он составил 70–75%[185].

Отмечают авторы и неравенство в доходах в России, оно росло с 1990 годов. Сейчас 1% самых богатых россиян владеют 20–25% национального дохода. «Мы также установили, что неравенство значительно больше выросло в России, чем в Китае или бывших коммунистических странах Восточной Европы, мы связываем это с той переходной стратегией, которой следовала Россия», — говорится в докладе.

«Вкратце, результаты нашего исследования указывают на экстремальный уровень неравенства в России и сохраняющуюся концентрацию ресурсов на основе ренты. Это вряд ли лучший рецепт для устойчивого развития и роста», — заключают авторы. Официальные данные о неравенстве «значительно недооценивают» концентрацию доходов в России, говорится в заключительной части доклада[186].

Россия займет четвертую позицию в мировом рейтинге стран по величине золотовалютного резерва. Прогноз может не сбыться только в одном случае: если Китай преуменьшает существующие на сегодняшний день объемы резервов. Но тенденция к покупке золота сильно настораживает «американских друзей» России и Китая. По мнению аналитика из США, — Москва и Пекин хотят положить конец господству доллара, ведь не зря же Китай выдвинул предложение о включении драгметалла в корзину МВФ. Как видно из иллюстрации, золотые запасы России с 2007 года более, чем в 3 раза, причем самые высокие темпы роста начались после 2011 года, не сократившись, а увеличившись после начала острого кризиса в отношениях с Западом в 2014 году.

Вместе с тем, не следует слишком преувеличивать значение этого явления. По ряду причин:

Во-первых, мне не понятно (и я не раз в то время публично об этом говорил) почему этот процесс не был начат раньше, в особенности вместе со сверхбыстрым ростом нефтяных цен, а фактически — совмещен с кризисом 2008 года, что хорошо видно из предлагаемого графика.

Во-вторых, запасы золота России совершенно не соответствуют состоянию ВПО, политике Запада и её возможностям. Они существенно ниже запасов других развитых стран (которым подобное развитие событий не угрожает), но, главное, в 5 раз меньше американских.

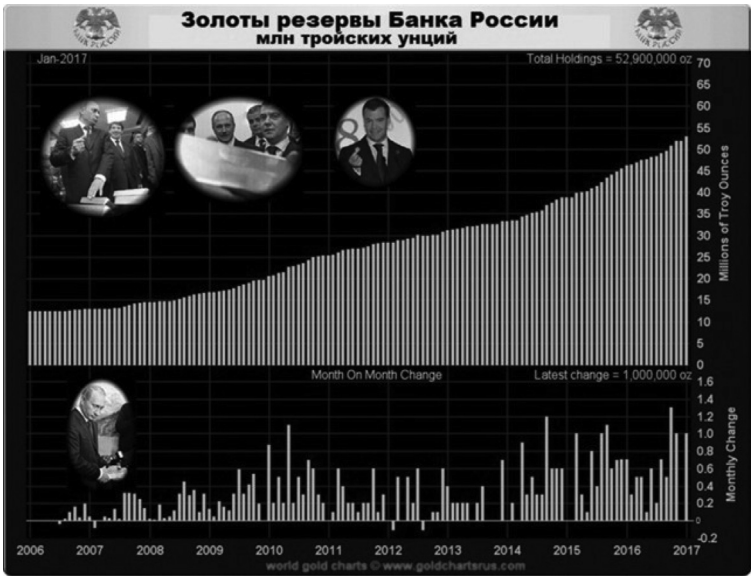


Рис. 1.57.

В-третьих, относительно золотых запасов других стран российские запасы — с учетом открытой финансово-экономической враждебности Запада — выглядят не убедительно. Тем более, что новые экономики — прежде всего Китая, Индии и целого ряда других стран — ожидаемо увеличат свою долю в мировых запасах.

Так, по информации, поступившей летом 2017 года от Народного банка КНР, «золотой запас» страны (по состоянию на февраль) не изменился, а вот в РФ он существенно повысился. При поддержании Москвой существующего объема закупок на протяжении 7 месяцев, она сможет к концу года превзойти Пекин, но всё равно будет существенно отставать от ведущих европейских стран Италии и Франции — на 50%, а Германии — на 100%. «Пекинский уровень» золотого запаса не может служить для нас ориентиром потому, что:

— он относительно невысок;
— мы точно не знаем его масштабов;
— у КНР есть и другие, более крупные, ЗВР.

С военно-политической точки зрения, существенные золотовалютные резервы становятся эффективным оружием в обостряющихся отношениях с Западом потому, что состояние войны, как правило,

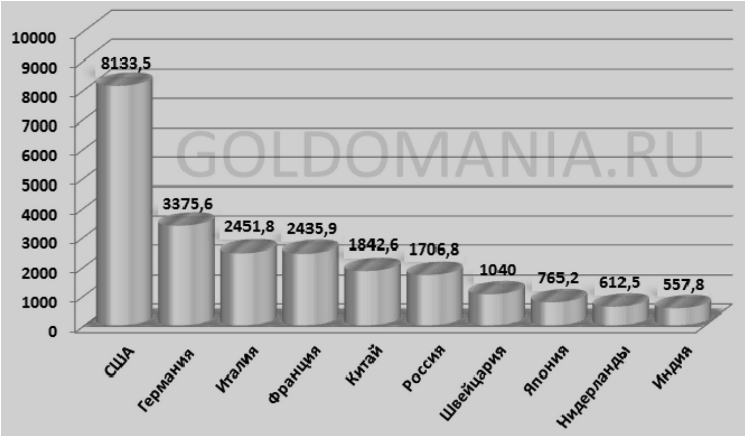


Рис. 1.58. Десять стран, имеющих самый большой золотой запас (июнь, 2017 г), тонн

исключает из экономики свободное хождение золота, превращая его в дефицитный стратегический ресурс. Этот ресурс используется для самых важных и неотложных задач — от закупок сырья и оружия, до финансово-экономической дестабилизации, подкупа правящих элит («осел с золотом возьмет любую крепость»), наконец, сохранения внутриполитической и социально-экономической стабильности внутри страны.

Показатели, предоставляемые МВФ Россией, являются точными и достоверными. А вот данные от Китая периодически поступают с запозданием, что усложняет формирование достоверных прогнозов.

К слову, РФ занимает третью строчку в мировом рейтинге производителей золота, что позволяет процесс его аккумуляции сделать более эффективным. Достаточно напомнить, что в самые тяжелые периоды существования СССР, включая военные, его финансовая система была относительно устойчива именно благодаря значительному золотому запасу.

Надо понимать, что в условиях дальнейшей военно-политической эскалации до 2025 года значение золота будет повышаться быстрее, чем его цена, хотя и сама по себе цена металла значительно выросла в последние десятилетия. Нестабильность и рост рисков неизбежно делают металл критически важным стратегическим ресурсом, масштабы которого косвенно уже влияют не только на МО, но и на ВПО в мире.

1.3.г). Угроза политическому суверенитету и идентичности России

Суверенитет это оборотная сторона
международной анархии[187]

Международный коллектив авторов

Потеря суверенитета — этап, после которого неизбежно самоуничтожение нации. Эту мысль И. Ильина, высказанную более полувека назад, упорно игнорировали во второй половине XX века по совершенно понятным причинам: глобализация без уничтожения суверенитета невозможна. А раз глобализация — благо, то и уничтожение суверенитета, — тоже благо. Так, примерно, выстраивалась политическая и научная логика во второй половине прошлого века. И в рамках этой логики находились решения по уничтожению СССР и лишению других стран суверенитета.

С начала нового века, однако, обозначились и другие тенденции в мире, которые стали достаточно быстро набирать скорость, — усиление национализма. И не только в Европе, но и «древних» национализмов в Китае, Вьетнаме, КНДР, Индии, Бразилии и других странах.

Начиная с первого десятилетия, всё яснее и чётче обозначается процесс возвращения России политического суверенитета и самоуважения, без которых не может существовать государство и выживать нация. Конфликт с Грузией 2008 года, участие России в войне в Сирии, её позиция по Крыму и Восточной Украине — знаковые события последнего десятилетия, демонстрирующие очень наглядно трудность и рискованность этого процесса, его сложность и зависимость от отношений с западной ЛЧЦ[188].

Политический суверенитет[189] — как «право на полное политическое верховенство, не подчиненное какой-либо высокой власти, при проведении политических решений»[190], в XX–XXI веках достаточно быстро терял свое значение «абсолютного» суверенитета, приобретенного в XVII веке по мере формирования системы международных отношений и норм международного права. В итоге к началу нового столетия сложилась ситуация, когда разные страны стали обладать разным

объемом суверенитета, который в разной степени ограничивался политическими и правовыми нормами. С одной стороны, оказались страны-лидеры ЛЧЦ и новых центров силы, а, с другой, — все остальные, постепенно теряющие (или потерявшие) свой суверенитет. Инициатива США по реформированию ООН в сентябре 2017 года показала масштабы влияния этой страны на мировое сообщество и степень сохранения большинством государств своего суверенитета.

«Объективные обстоятельства», формируемые нормами международного права, но, главное, политикой стран-лидеров глобализации и ЛЧЦ, постепенно суживали реальный политический суверенитет государств. Их стремление уничтожить международную «анархию» (право на суверенитет государств) ведет к созданию универсальных политических и правовых норм, обязательных к соблюдению, отражающих интересы стран-лидеров западной ЛЧЦ. Эта тенденция, кроме объективных предпосылок, имеет совершенно четкую прозападную направленность, очевидно угрожающую большинству стран в мире, но, прежде всего, России.

Условно можно выделить несколько стран, обладающих в настоящее время максимальной долей политического суверенитета (условно — 90–95%) — США, КНР, Россия, может быть, Куба, КНДР и некоторые другие государства. Большая группа стран обладает ограниченным политическим суверенитетом (50–85%) — Германия, Франция и др. страны, входящие членами той или иной ЛЧЦ, а также очень большая группа стран, обладающих ограниченным («мнимым») суверенитетом — Украина, Прибалтийские государства, страны Восточной Европы, многие страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Нарастающий конфликт во внешней политике между Россией и рядом государств со странами западной ЛЧЦ выражается в их стремлении сохранить свой суверенитет, остановить его размывание, потерю национальной идентичности и контроля над принятием решений правящими элитами. Будущее место и роль России в мире определяются изначально западной ЛЧЦ как недопустимость в конечном счете сохранения ею суверенитета и территориальной целостности в силу неконтролируемого влияния на её политику, огромности её территории и критической важности природных ресурсов, находящихся в её распоряжении — от углеводородов до запасов чистой воды.

И те, и другие фактически уже контролируются со стороны западной ЛЧЦ и её институтов, но по мере продолжения демографического взрыва и ускорения социально-экономического развития, требующих новых ресурсов, этот контроль должен быть распространен не только на новые области, но и степень его влияния усилена. «Съедание» российского суверенитета происходило с конца 1980-х годов, когда её внешняя, финансовая и экономическая политика постепенно попадали под контроль Запада. Подобное ползучее уничтожение суверенитета и национальной идентичности, остановленное В. Путиным в последнее десятилетие, отнюдь не означает, что проблема устранена. Распространение американского права на российскую политику и территорию хорошо видно на примере случаев с захваченными в третьих странах российскими гражданами.

Например, как сообщало EADaily, в Литве возбудили дело по событиям 13 января 1991 года, когда советские войска штурмовали телецентр в Вильнюсе. При этом юридически Литва независимым государством ещё не была, на её территории действовало уголовное законодательство Советского Союза. Ю. Мель на тот момент числился в экипаже одного из танков, посланных в литовскую столицу, но никаких преступлений не совершал. Задержали полковника в отставке в 2014 году на погранпереходе «Советск — Панемуне» — в соответствии с литовским уголовным кодексом, принятом уже в 2010 году. Ныне сорокавосьмилетнему полковнику в отставке грозит пожизненное заключение. «Они всячески пытаются затянуть процесс.

Кстати, более трех лет нельзя держать по законам Евросоюза человека без приговора. Но уже три с половиной года держат. То на каникулы уйдут, то какая-то судья поскользнётся, то ещё что-то … Применяют уже совсем запрещённые методы — облить грязью его семью. Это совсем не характерно для руководителей государства. Я не думаю, что президент Литвы не в курсе», — рассказал А. Колесник. По его словам, Ю. Мелю также предлагали заключить фиктивный брак и предоставить вид на жительство в обмен на свободу. «Однако, эта сделка может привести к статье», — подчеркнул А. Колесник. По его мнению, сложившаяся ситуация может заставить Россию применить к Литве определенные меры[191].

Совершенно очевидно, что такой вариант развития не может устраивать Россию и ее правящую элиту. Прежде всего потому, что возни-

Таблица 1.16. Предельно критические значения границы безопасности развития российского общества[192]

Название показателя	Предельно критические значения в мировой практике	Источник данных	Вероятные социально-политические и экономические последствия
Доля импортных продуктов питания	30%	Данные международной организации агропроизводителей	Стратегическая зависимость жизнедеятельности страны от импорта
Доля в экспорте продукции обрабатывающей промышленности	40%	Обобщенное значение показателей развитых стран	Колониально-сырьевая структура экономики
Доля в экспорте высокотехнологичной продукции	10–15%	Обобщенное значение показателей развитых стран	Технологическое отставание экономики
Соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных групп населения	10:1	Обобщенное значение показателей развитых стран	Антагонизация социальной структуры
Доля населения, живущего на пороге бедности	10%	Обобщенное значение показателей развитых стран	Люмпенизация населения
Средняя продолжительность жизни	75–79%	Данные ООН по развитым странам	Ухудшение качества жизни
Коэффициент старения населения (доля лиц, старше 65 лет в общей численности населения)	7%	Данные Госкомстата (среднемировое значение)	Старение населения
Суммарное поступление от экологических платежей (% ВВП)	5%	Данные организации экономического сотрудничества и развития (по Германии)	Низкий уровень экологического контроля
Уровень преступности (преступлений) на 100 тысяч населения	5–6 тысяч	Данные Академии МВД	Криминализация общества
Число суицидов на 1000 населения	3	Данные М. Доган, представленные в статье «Легитимность режимов и кризис доверия» (Социологические исследования. 1994. № 6. С. 151)	Психическая деградация населения

кает критическая масса несоответствия мощи между различными ЛЧЦ и центрами силы. Уже не только по уровню ВВП, но и по военной и экономической мощи.

Как справедливо отмечает ученый из университета ВДВ Н. Калаков, «… чем выше сознательность, самосознательность людей и развитость общества, тем выше предъявляются требования к системе управления страной в условиях глобализации мира с учетом влияющих факторов и особенностей во времени и пространстве на разных уровнях.

Россия в 2030 году (в случае продолжения этой тенденции) уже объективно не сможет самостоятельно обеспечить два главных условия своего существования[193]:

— **государственный суверенитет**, который она будет не способна защищать;
— **национальную идентичность**, которая перестает сохраняться под давлением внешних факторов.

Подобная категоричность, как правило, вызывает состояние когнитивного диссонанса потому, что мы привыкли к суверенитету и «русскости», без которых не мыслим себе существования. Но правда заключается в том, что для значительной части правящей элиты и общества эти понятия уже потеряли смысл. Мы знаем немало людей, которые не просто живут или работают на Западе или на Востоке, но уже фактически потеряли всякую связь с исторической Родиной. Для них суверенитет и идентичность — пустые понятия, — важные постольку поскольку это отражается на их материальном благополучии и образе жизни. Защищать их ценой своей жизни они не будут.

Можно привести много примеров того, как такое развитие событий может быть последовательно реализовано на практике, но, на мой взгляд, оно определенно делится на два этапа: **первый этап** военно-силовой экспансии западной ЛЧЦ (до 2030 года), характеризуемый нарастанием угроз и их переходом в практическую, военно-силовую, реальность, когда Россия будет терять одну позицию за другой; **второй этап** — 2030–2050 годы.

Это движение — конечная цель и достижение определенных задач, поставленных когда-то перед западной ЛЧЦ, — которые остаются достаточно традиционными. Причем, исторически объяснимы со времен

средневековья, когда началось движение Запада на восток и вытеснение славян и близких к ним генотипов. В этой стратегии нет ничего нового. Она повторялась и во времена крестоносцев, и во времена французского нашествия и гитлеровского нападения.

Старые интересы с новыми средствами — все для доминирования и преобладания — так описывает последний глава внешней разведки ГДР **Вернер Гроссманн** (Werner Grossmann) нынешнюю политику Запада по отношению к России. Ответную политику Москвы он считает правильной и необходимой. «Мир должен быть с кулаками! — говорит он. — Мы живем в эпоху, когда существует опасность войны в Европе прежде всего, направленной против России. Я считаю, если бы у России не было ядерного оружия, война уже началась бы».

При этом интересы правящих кругов Запада, включая Германию, и их цели принципиально не меняются и меняться не собираются: «Это очевидно. Для него (Запада) это империализм со старыми целями на Востоке». Экс глава разведки ГДР назвал возврат Крыма правильным шагом: «Крым всегда был русским. Он возвращен по праву. Он играет важную стратегическую и военную роль сегодня» «… эти намерения, которые ранее уже встречались с немецкой стороны по отношению к России или тогдашнего Советского Союза, остаются неизменными и нерешенными. Это подтверждается для меня хотя бы тем, что немецкие солдаты и танки с крестами, снова стоят относительно недалеко от Ленинграда, сегодняшнего Санкт-Петербурга. Сегодня это делается под флагом Евросоюза, Объединенной Европы, а Германия является ведущей державой в ЕС, — напомнил Гроссманн, — нахождение войск на границе с Россией, в Прибалтике недвусмысленно показывает действительные намерения Запада».

Также Гроссманн высказал мнение относительно существующего германского империализма. Он вспомнил Федеральный Конституционный суд в Карлсруэ, решение которого имело место 31 июля 1973 года на основании договора между ФРГ и ГДР, что по-своему подтверждает преемственность нынешней Германии Третьему Рейху: «Основной закон … исходит из того, что германская империя пережила крах 1945 года, но в нем нет упоминаний ни о сдаче, ни о исполнении чужой государственной власти в Германии в результате

оккупации союзных держав. … Германский Рейх продолжает существовать… С созданием Федеративной Республики Германии не было создано нового Западного немецкого государства, а часть Германии была просто вновь организована». На это указывает не только экс-разведчик, об этом пишет и юрист-международник **Григорий Ширмер** в своей последней книге «Немецкая граница и территории с 1815 до 1990 года»[194].

«Когда Западу ничего не угрожает, он развязывает войны. Это было в Ираке, позже в Ливии, да где угодно. Надеяться на „Мирную поддержку капитализма“, о которой в той же ГДР шли когда-то дискуссии, не приходится. Империализм никогда не будут судить. Если у вас есть возможность реализовать свои интересы, то вы будете делать это, даже военными средствами. Если бы на Западе думали иначе, то НАТО перестал бы существовать сегодня вообще», — считает Гроссманн. Политику запада «сдерживания России» он назвал механизмом провокаций, вспомнив, что нечто подобное происходило перед Первой мировой войной в 1914 году, когда Германия намеренно провоцировала Россию в надежде, что та сделает неверный шаг и даст повод Западу сплотиться и развязать войну против неё.

Такая стратегия представляет собой синтез многочисленных элементов силовой политики в интересах увеличения внешнего давления на Россию с целью её «силового принуждения» к необходимой для Запада системе поведения в мире. Причем эта силовая политика по сути уже представляет собой военные действия, которые ведутся не с помощью огневого поражения и кинетического оружия, а с помощью когнитивных, психологических и информационных средств. Примечательно, что в августе 2017 года на ежегодном совещании руководителей военной разведки (РУМО) США её начальник генерал-лейтенант Стюард заявил присутствующим на конференции, что «войны первого поколения предусматривали овладение искусством огневого поражения противника, Войны второго поколения велись с использованием доступных военных технологий того времени, небольшими подразделениями ВС, действовавшими самостоятельно.

В войнах третьего поколения применялись уже современные технологии, которые значительно повышали темпы проведения операций,

позволяли вести скрытное перемещение войск и использовать комплексные системы вооружений и военной техники.

Четвертое поколение боевых действий генерал охарактеризовал как войны эпохи постмодерна, которые ведутся без какого бы то ни было централизованного управления. К таким войнам он отнес акции вооруженных террористических организаций.

В пятом поколении войн главным оружием, по мнению Стюарта, будет разум и познавательные способности противостоящих сторон»[195].

Генерал объяснил, что аннексия Крыма стала во многом итогом войны пятого поколения, проведенной Россией. В ходе войны третьего поколения захват Крымского полуострова был бы осуществлен мощными подразделениям сухопутных войск и ВВС, быстро развернувшихся на ТВД и жестко подавивших сопротивление противника. Именно так проходили боевые действия на полуострове в ходе войны 1941–1945 годов, когда операциях участвовали сотни тысяч человек, воздушные армии и флоты нескольких государств.

В войне четвертого поколения в Крыму, по мнению Стюарда, «Кремль использовал бы децентрализованные отряды сил оппозиции для нанесения ударов по некоторым конкретным объектам с целью создания обстановки страха и хаоса». Однако на самом деле руководство России воспользовалось другим методом. Оно сформировало определенную информационную среду, заполненную декларациями о защите населяющих большую часть Крыма этнических русских. В города и населенные пункты полуострова были внедрены специальные агенты, которые захватили ключевые посты в органах управления и оказывали необходимое влияние на население. Кроме того, Кремль развязал информационную войну и проводил кибероперации с целью блокирования каналов связи и средств массовой информации. Ко времени проведения референдума в Крыму, как пояснил Стюарт, украинские власти были лишены инструментов принятия решений на его территории, и России удалось захватить власть на полуострове без нанесения многочисленных огневых ударов[196].

Начальник РУМО отметил, что другие страны тоже используют подобную тактику в своих целях. Китай строит искусственные острова в Южно-Китайском море. Иран решает свои задачи силами подразде-

лений спецназа «Кудс», называемых иногда «Эль-Кудс». Эти силы входят в состав Корпуса стражей иранской революции (КСИР) и отвечают за проведение операций за пределами территории Ирана. Сегодня его специалисты проводят кибероперации в Ираке и Сирии, чтобы сформировать зону влияния Тегерана в районе Ближнего Востока.

Стюарт отметил, что формы и методы ведения войны пятого поколения не являются исключительной прерогативой этнических государств. После 16 лет борьбы с одним и тем же врагом в Афганистане и во всем мире, с жестокими боевиками движения салафистов, действующего в рамках организации «Глобальный джихад Салафи», которые в военном отношении стоят на самом низком уровне и просто никак не могут сравниваться с ВС США в любом из военных аспектов, Пентагону так и не удалось подавить их стремление к проведению террористических акций. Однако использование исламскими экстремистами информационного пространства для внедрения радикальных настроений в среду молодежи, проникновение в информационные системы Америки и разрушение их должно стать ясным сигналом для всех остальных стран мира о существующей угрозе, исходящей от исламистов. Генерал также подчеркнул, что он не может сказать, прекратятся ли подобные действия исламских радикалов в ближайшее время и в обозримом будущем.

Важный вывод, который следует из этого анализа начальника РУМО США заключается в следующем: «В новых когнитивных конфликтах информационной эпохи потенциальные противники будут искать способы подавления своих оппонентов и лишения их способности оказывать сопротивление внешним атакам методами, лежащими за пределами традиционных форм ведения боевых действий. Многие из атакуемых стран даже не предполагают**, что против них уже ведется война, и наступающая сторона делает все, чтобы сформировать необходимое ей поле боевых действий и раз**рушить порядок, который ее противник пытается сохранить»[197].

Именно такая война ведется в последние годы против России Соединенными Штатами и, главное, — России предстоит выживать и развиваться именно в этих военных условиях в долгосрочной перспективе. Причем не только в отношениях с США, но и всей западной ЛЧЦ.

1.3.д). Европейское направление как искусственная доминанта российской стратегии безопасности и развития

«Мы слишком провоцируемся на какие-то негативные международные события и себя загоняем в состояние, когда считаем, что нужно отгородиться, создать какие-то свои автономные системы»[198]

А. Кудрин,
директор ЦСР

Отношения России и Европы в современный период находятся в решающей зависимости от двух групп факторов — политической и идеологической ориентации части российской (советской) правящей элиты, которая ассоциирует себя с западноевропейской элитой по основным параметрам и критерием, с одной стороны, и военно-политическими противоречиями, традиционно существующими между Россией и Западом с начала Новой эры и вступившими в новый период своего развития после поражения Германии и её союзников (как части Запада), с другой[199].

Новый, современный период развития отношений России с Западом, начавшийся с 1945 года после очередного поражения экспансии европейских стран, можно разделить на несколько этапов, которые объединяют как общие особенности, так и некоторые (на мой взгляд, не принципиальные) различия.

При этом следует подчеркнуть, что военно-политические условия развития России до 2025 года, как и в предыдущие века, которые сопровождались попытками военно-политической и культурной экспансии Запада, будут во многом зависят от отношений с европейскими странами и ЕС. Эта зависимость прошла в последние десятилетия несколько этапов, которые условно можно обозначить следующим образом:

1 этап — (1925–1970 гг.) — послевоенное противостояние, включая военно-политическое, на блоковой основе между НАТО и ОВД, за которыми стояли США и СССР. При этом характер отношений между социалистическими и другими странами в Европе во многом предопределялся характером военно-политических отношений между СССР и США.

2 этап — политика разрядки международной напряженности, ключевыми, знаковыми событиями было подписание соглашений с США по СНВ и ПРО в 1972 году и Заключительного Акта в Хельсинки в 1975 году. На этом этапе проявились новые тенденции, прежде всего, экономического и политического сотрудничества СССР с ведущими европейскими странами. В этот же период был заложен фундамент под создание оппозиции в социалистических странах и СССР, опиравшийся на международно-правовые нормы соблюдения прав человека в западноевропейском понимании[200].

3 этап — обострения напряженности и новое наступление противоборства, связанное с вводом войск в Афганистан, с одной стороны, и приходом Р. Рейгана к власти, выдвинувшего новые программы вооружений США, с другой (1979–1985 гг.). На этом этапе Европа вновь использовалась США в качестве инструмента антисоветской политики, в том числе и для размещения ракет первого удара «Першинг-2» и КР наземного базирования.

4 этап — (1986–1991 гг.) — период, характеризующийся сериями инициатив М. Горбачева, компромиссов, нередко односторонних и не выгодных СССР, приведший в конечном счете к ликвидации ОВД и СССР в 1991 году. На этом этапе происходила ускоренная эрозия политической и социальной системы СЭВ, ОВД и СССР, которая сопровождалась политикой активного внедрения системы западноевропейских ценностей в правящую элиту и общество СССР.

5 этап — (1991–2000-е гг.) — послушного следования России в фарватере американской внешней политики, её превращение в полусуверенное государство, характеризуемый потерей всех позиций СССР в мире и в Европе. На этом этапе западноевропейская система ценностей, норм и правил фактически утвердилась в политическом истэблишменте России в качестве основного тренда и политического курса, который, однако, не смог окончательно закрепиться в силу реально существующих в этом тренде антинациональных и антисуверенных элементов[201].

6 этап — (после 2007 года до 2014 года) — Возвращение России в самостоятельную политику не только в Европе, но и в мире. Постепенное избавление от навязанных извне норм и правил, как и системы ценностей, противоречащих российскому суверенитету и идентично-

сти. Появление первых знаковых противоречий, как неизбежное следствие корректировки внешнеполитического курса правящей элиты России и её попыток выстраивания равноправных отношений в Европе.

7 этап — (с 2014 года по настоящее время) — попытка возвращения полного суверенитета России, характеризуемая участием России в политических процессах в Европе в качестве самостоятельного субъекта, ярко иллюстрируемая политикой на Украине и в Сирии. Свертывание целого ряда направлений сотрудничества и превращения Европы в инструмент экономического давления на Россию со стороны США. Этот же этап характеризуется активизацией влиятельных антироссийских (проамериканских) сил в Европе, готовых в рамках политики атлантизма проводить скоординированный военно-политический курс усиления давления на Россию.

Возможный 8 этап — это наиболее вероятно этап эскалация силового давления на Россию со стороны части стран ЕС на военно-силовой уровень, когда против России будут использованы в качестве «облачного противника» ЧВК и некоторые специальные силы на территории Украины и, возможно, Прибалтики[202].

Как видно, за короткий исторический промежуток времени отношения России и стран Европы и ЕС прошли несколько разнонаправленных периодов — от состояния, близкого к военному конфликту, до расцвета политического и экономического сотрудничества. Причем периоды эти нередко быстро сменяли друг друга. Иногда для этого хватало всего лишь 1–2 лет.

Для России важны и другие особенности развития отношений с европейскими странами, в частности, культурные, цивилизационные, духовные и, конечно же, экономические, которые существовали на всем протяжении современной истории. На мой взгляд, опыт сожительства с европейскими странами у России скорее отрицательный, чем положительный: как только Россия излишне сближалась с Европой, то она получала оттуда такой невиданный заряд ненависти и разрушений, какой она не могла получить даже от нашествия восточных кочевников. Так было и в раннем Средневековье, когда с Запада шли нашествия европейцев, прежде всего крестоносцев и другого сброда, так было при нашествии Европы при Наполеоне, Гитлере.

Каждый раз, когда Россия предпринимала защитительные действия для отражения нашествий, она сталкивалась с неблагодарностью о корыстью. После Наполеона это был Венский конгресс и Крымская война, после Первой мировой войны — Брестский мир и попытки изоляции Советской России, после поражения гитлеровской Германии — создание НАТО и в конечном итоге попытки пересмотра итогов войны в пользу Запада, новый, антироссийский уже, раскол Европы.

Парадигма российской политики в Европе — «освобождение её народов от захватчиков» (крестоносцев, армии Наполеона, кайзеровской Германии и Гитлеровской коалиции) — на мой взгляд, была крайне неудачна и невыгодна для последующего мироустройства для России. Россия, в отличие от англосаксов, не выжидала, когда победит кто-то в военной схватке или вплотную приблизится к победе, но полностью отдавалась войне. Поэтому окончательный результат почти всегда оказывался не в пользу России. Так, заплатив 600 тысяч солдатских жизней за освобождение Польши (столько же, сколько Великобритания за все годы Второй Мировой войны), Россия получила в итоге … антироссийскую страну[203].

В этой связи, на мой взгляд, можно по-другому оценить результаты освобождения Европы при Наполеоне и Гитлере — как слишком неоправданные и политически не продуманные шаги российских правительств. Если бы (представим на минуту) войска, как предлагал М.И. Кутузов, остановились на границе и предоставили бы Пруссии, Австро-Венгрии и прочим шведам самим разбираться с Наполеоном (у которого, напомним, оставалась огромная континентальная армия, которую он потом использовал в битве при Дрездене), то позже Россия смогла бы выступить более весомым арбитром. Впрочем, ситуация повторилась в 1945 году при наступлении в Арденах, когда Красная Армия не дала уничтожить Гитлеру союзников на западном фронте.

Примечательно, что и при Л. Брежневе, в 1975 году, СССР слишком распахнул объятия Западу, предоставив ему по сути право создавать в СССР легальную антисоветскую и прозападную оппозицию, которая пришла к власти при Горбачеве–Ельцине. И этот же подход сказался на научно-технической и экономической политике, которая в СССР была абсолютно успешной … до 1975 года, развиваясь с опорой на

собственные силы. Проблема опережающего национального развития науки и технологий традиционно подменяется либералами проблемой внешних заимствований и политической зависимости, которая для СССР и России в последние годы превратилась в проблему отношений с европейскими странами, точнее — проблему встраивания в политическую и экономическую систему европейских стран на условиях отказа от суверенитета и самостоятельного развития. В конечном счете это означает и отказ от национальных (самостоятельных) научно-образовательных и технологических достижений и приоритетов, которые превращаются в заимствованные (купленные, полученные) достижения европейских государств, включая культурно-цивилизационные и духовные достижения и ценности, нередко прямо противоречащие системе ценностей и интересов России…

Другая сторона вопроса заключается в том, на каких условиях «Европа» готова сотрудничать с Россией. Как оказалось, эти условия означают полное политическое подчинение Россией, предполагающее не только отказ от суверенитета и собственного государства, права на контроль над собственными ресурсами, но и смену системы ценностей и идентичности на некую «универсальную», псевдоевропейскую систему ценностей.

Военно-политические аспекты этой парадигмы долгое время старательно искажались как на Западе, так и в России с помощью придуманных и вполне искусственных идеологем, например, «Трансформации НАТО из военно-политического блока в политический» или «нарастания противоречий между Европой и США» и т.д. При этом настойчиво создавалось впечатление суверенности принимаемых в ЕС и ведущих европейских странах решений, которые могли «даже противоречить решениям США». Эта сознательно искажающая действительность либеральная позиция насаждалась в СССР и России в том числе насильственно через политические, экономические и информационные институты.

При этом игнорировалось то обстоятельство, что подобная политика крайне негативно сказывалась не только на внешней политике России, но и на качестве и темпах её развития. Не случайно, что антисанкционная политика России положительно сказалась на развитии целого

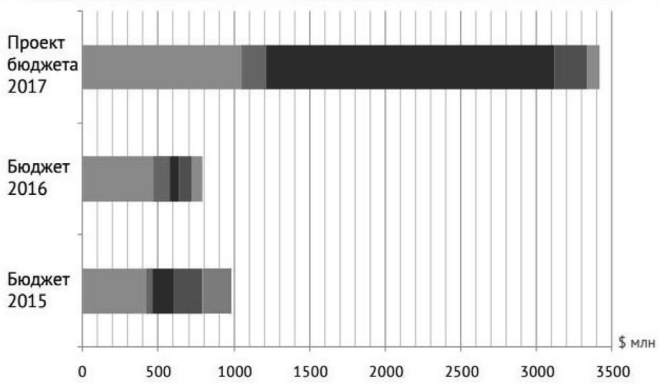
ряда отраслей, включая те, как сельское хозяйство, которое либералы долгое время называли «черной дырой российского бюджета».

Обострение МО и ВПО прежде всего относят к политике США, пытаясь «вынести за скобки» отношения с Европой. Однако, надеяться на то, что европейские страны (или хотя бы их часть) будут за пределами этого противостояния — наивность, которая по сути лишает Россию возможности к реальной мобилизации для отражения агрессии. Это очень хорошо видно на примере последних лет в политике администрации Б. Обамы и Д. Трампа. В частности, с 2012 года усилилось военное присутствие США в Европе[204]. В качестве ответа на события в Крыму США и НАТО приняли в 2014–2016 гг. ряд мер, направленных на сдерживание угрозы со стороны России. Уже в начале июня 2014 г. Б. Обама дал начало реализации Европейской инициативы по повышению уверенности (European Reassurance Initiative, ERI).

Изначальной целью данной инициативы было стремление продемонстрировать американским союзникам по НАТО, в первую очередь в Центральной и Восточной Европе, приверженность Вашингтона обеспечению их безопасности и территориальной целостности (и желание сохранить военно-политический контроль США над Европой). ERI предполагает пять основных направлений работы:

— наращивание военного присутствия,
— интенсификацию совместных учений,
— создание заблаговременных запасов на случай кризиса,
— развитие инфраструктуры,
— развитие отношений с новыми членами НАТО.

В проекте военного бюджета США на 2017 г. инициатива была значительно расширена[205]. К задаче «заверения» была добавлена задача сдерживания, для чего было решено профинансировать ряд мер, направленных напрямую на быструю реакцию в случае гипотетической агрессии со стороны России. Если бюджет ERI на 2015 г. составил $985 млн, а на 2016 г. — около $790 млн, то проект бюджета на 2017 г. вырос более чем в четыре раза и составил около $3,4 млрд[206]. Расходы на наращивание присутствия были увеличены более чем в два раза и превысили $1 млрд, но основной рост связан с выделением $1,9 млрд на создание заблаговременных военных запасов в Европе. Показательно, что



ПОКАЗАТЕЛЬ	2015	2016	ПРОЕКТ 2017
ПРИСУТСТВИЕ	423,1	471,4	1049,8
УЧЕНИЯ	40,6	108,4	163,1
ЗАБЛАГОВРЕМЕННЫЕ ЗАПАСЫ	136,1	57,8	1903,9
ИНФРАСТРУКТУРА	196,1	89,1	217,4
РАЗВИТИЕ СВЯЗЕЙ	13,7	62,6	85,5
ИНЫЕ РАСХОДЫ	175	0	0

Рис. 1.59. Бюджет ERI

в 2015–2016 гг. на создание заблаговременных запасов было выделено менее $200 млн.

При Д. Трампе, который потребовал от европейских стран выполнять «обязательный минимум» выделения 2% ВВП на военные расходы, ситуация стала развиваться еще более динамично.

Основные расходы в рамках ERI приходятся на Армию США. В проекте бюджета на 2017 г. на нее пришлось 83% от всего бюджета ERI (64% в 2016 г., 45% в 2015 г.). Проект бюджета ERI на 2017 г. включал в себя финансирование боевой службы в Европе — 5100 военнослужащих, 97% из которых приходится на военнослужащих Армии США.

ERI должна значительно усилить силы Армии США в Европе. По состоянию на май 2016 г. в Европе было 25 000 военнослужащих Армии США, из которых 21000 непосредственно подчинялись Европейскому командованию[207]. Основные силы Армии США в Европе[208] размещаются в Германии (2-й кавалерийский (механизированный) полк, 12-я бригада армейской авиации и 10-е командование ПВО и ПРО) и в Италии (173-я воздушно-десантная бригада).

В 2016 г. в рамках ERI было решено дополнить эти силы одной американской бронетанковой бригадной тактической группой (БрТГ),

которая должна обеспечить постоянное присутствие на основе ротации в Восточной Европе. БрТГ имеет в своём составе более 3500 военнослужащих и около 2500 единиц техники, включая 87 танков. БрТГ будет базироваться преимущественно в Польше, с размещением отдельных подразделений в странах Балтии, Румынии, Болгарии и Германии. Бронетанковая БрТГ была дополнена бригадой армейской авиации (около 2200 военнослужащих и 86 вертолётов), базирующейся преимущественно в Германии. Любопытно, что размещение бронетанковой БрТГ в официальных документах проходит по линии «заверения», а авиационной бригады — по линии сдерживания.

Стоит отметить, что в 2012–2013 гг. США вывели из Европы две бригады — 170-ю и 172-ю пехотные. Таким образом, текущее наращивание присутствия Армии США в Европе, по сути, лишь восстанавливает ситуацию, существовавшую до 2012 г., с заменой двух пехотных бригад на бронетанковую и авиационную.

Этим объясняется, например, типичное поведение США, когда одновременно, буквально в течение одного дня, следуют самые разноплановые заявления. Так, 23 июля 2017 года последовали следующие заявления:

— решение конгресса США о дополнительных санкциях в отношении РФ;
— различные заявления высокопоставленных военных о «росте военной угрозы со стороны России; в частности, Председатель объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США генерал Джозеф Данфорд заявил, что Вашингтону необходимо не допустить начала конфронтации с Москвой, так как речь идет о ядерной державе. Данфорд сравнил угрозу со стороны Москвы с опасностью, исходящей от таких стран, как Иран, Китай и КНДР. Но у России, по его словам, имеется наибольший потенциал в военной области. Генерал добавил, что США нужно конкурировать с Россией в военной сфере и в области кибербезопасности, а также усиливать партнерство в рамках НАТО.

  Накануне этого решения бывший директор ЦРУ Джеймс Клэппер назвал Россию «экзистенциальной угрозой». По его словам, русские «продвигают экзотическое оружие и у них очень агрессивная противокосмическая программа».

— страны ЕС в этот же день поставили под сомнение санкционную политику США (но, естественно, подчинились позже).

Взятые вместе, эти заявления, которые представляются противоречивыми, должны «показать России» в каком направлении она должна развивать свой политический курс, который соответствовал бы интересам Запада, т.е. политику России «обставляют флажками», оставляя узкий коридор для движения, заявляя как бы, что выход за границы этого коридора неминуемо влечет для России немалые опасности и угрозы. Конечная цель такого коридора также известна: Россия должна стать комфортным для Запада членом мирового сообщества, т.е. не быть суверенной, самостоятельной и способной контролировать свои ресурсы, постепенно вымирающей страной.

В конце 2017 года лидеры ЕС официально запустили европейскую программу Постоянного структурированного сотрудничества в сфере безопасности и обороны (Permanent Structured Cooperation — PESCO). «Сегодня мечты стали реальностью. PESCO — это практическое выражение нашего намерения построить европейскую оборону. Это хорошая новость для ЕС и его союзников, и плохая для наших врагов», — заявил Туск.

Данное решение саммита стало формальностью, поскольку старт этой программе уже один раз давали: 11 декабря на встрече глав МИД ЕС в Брюсселе. Саммит не привнес ничего нового, согласно опубликованному в четверг итоговому документу по оборонному сотрудничеству.

Лидеры подтвердили намерение активизировать работу по созданию Европейского оборонного фонда, который должен консолидировать средства на создание и приобретение в общее пользования вооружений, которые отдельные государства ЕС не могут себе позволить, а также по реформированию Афинского механизма, предназначенного для финансирования совместных европейских зарубежных миссий и операций.

Кроме того, саммит поручил Совету ЕС на уровне министров иностранных дел и обороны подготовить к весне 2018 года рекомендации по созданию единой структуры, которая позволила бы обеспечить координацию инвестиций в военное развитие стран ЕС с 2020 года. Помимо этого, лидеры призвали к углублению сотрудничества ЕС и НАТО и дали поручение главе европейской дипломатии Федерике

Могерини подготовить к лету 2018 года отчет обо всех проводимых ЕС гражданских зарубежных миссиях с предложениями по повышению их эффективности[209].

В будущем, после завершения к 2025 году военно-силового этапа давления на Россию, произойдет новый этап будущей военно-силовой экспансии западной ЛЧЦ (с 2030 по 2050 год), когда будет формироваться новая реальность на месте прежнего государства (России), обладавшего полноценным государственным суверенитетом и национальной идентичностью. Так, если говорить о военно-политической составляющей последствий инерционного развития России до 2030 года, то ей предстоит столкнуться с процессом массового создания в США и других странах Запада ВТО оружия новых технологических поколений, которые неизбежно создадут непосредственную военную угрозу России еще до 2030 года. В США рассматривают опережающее военно-техническое превосходство в качестве основы для своей военной политики в будущем.

Это очень хорошо видно на примере эволюции ДАРПА, которая за свою более чем 50-летнюю историю продемонстрировало высокую эффективность решения сложных научно-технических задач оборонного значения, в результате чего и в других профильных государственных ведомствах были созданы ее аналоги. Так, в министерстве внутренней безопасности в 2002 году было создано управление перспективных исследований HSARPA (Homeland Security Advanced Research Projects Agency), а в 2007 году соответствующие подразделения были созданы в ЦРУ (Intelligence Advanced Research Projects Activity, IARPA) и в министерстве энергетики (Advanced Research Projects Agency-Energy, ARPA-E).

Эволюция вышеперечисленных стратегических направления технологического развития продолжается и в настоящее время. Например, отчетливо наметилось отставание в области космических запусков, где лидерство России еще недавно было бесспорным. Так, пуск Falcon 9 примерно в два раза дешевле, чем Atlas V, и в три-четыре — чем Delta IV (ценники сильно варьируются в зависимости от заказчика и модификации ракеты). SpaceX, в отличие от ULA, не требует прямой государственной поддержки производства своих ракет (в случае малого числа заказов или их полного отсутствия). Ценовая политика ULA привела к тому, что в 2009–2012 годы США не произвели ни одного

коммерческого пуска на геопереходную орбиту. SpaceX вернула страну на перспективный рынок.

В Вашингтоне, несмотря на сильное лобби в администрации Дональда Трампа Boeing, Lockheed Martin и других аэрокосмических компаний, прекрасно понимают сложившуюся ситуацию. «До появления SpaceX с ракетой-носителем Falcon 9 рынок запусков коммерческих космических аппаратов фактически принадлежал Франции и России: ни одна американская компания не отправила ни одну коммерческую миссию на геопереходную орбиту с 2009 года», — отметил недавно старший вице-президент SpaceX Тим Хьюз на слушаниях в подкомитете сената США.

«SpaceX вернул этот многомиллиардный рынок Соединенным Штатам», — констатировал Хьюз. Также старший вице-президент SpaceX сообщил, что компания завершила 2013 год с 10% рынка (у России — 60%, ЕС — 20), а в текущем 2017-м ее доля достигнет 45% (у ЕС останется около 40%, а у России — всего 15). Планы на следующий год — 60 процентов мирового рынка коммерческих пусков (у ЕС — 30%, у России — менее 10).

Министр ВВС США Хизер Уилсон в июне 2017 года на заседании комитета сената по вооруженным силам отмечала, что SpaceX обеспечивает «гарантированный доступ в космос по чрезвычайно конкурентной цене». Ранее стало известно, что военные доверили SpaceX пятый запуск секретного мини-шаттла Boeing X-37 (X-37B Orbital Test Vehicle или OTV). Старт состоится на ракете Falcon 9 в августе 2017 года. В Пентагоне полагают, что запуск Boeing X-37 на новом носителе предоставляет «дополнительные возможности» — все предыдущие четыре запуска Boeing X-37 производились на ракете Atlas V.

Центры управления технологическим развитием видов вооруженных сил прочно заняли свои функциональные ниши и занимаются текущей работой по обеспечению деятельности своего вида вооруженных сил.

FFRDC все чаще подвергаются критике за неэффективность своей работы со стороны Конгресса США и контролирующих ведомств и наметилась тенденция вытеснения этих структур их коммерческими конкурентами.

«Звезды» в сфере разработки высоких технологий, в актив которых записано большинство успешных американских технологических про-

ектов XX века — Корпорация РЭНД и DARPA, растеряли свой первоначальный блеск и постепенно превратились в обычные, хотя и финансово очень успешные, проекты, эксплуатирующие ранее созданный звездный имидж.

На смену им приходят новые стратегические управленческие конструкты в сфере управления развитием технологий в интересах обороны и безопасности — научно-производственные консорциумы. **В Европе полагают, что «Европейский союз окружён партнёрами с двух флангов: восточного и южного. Следовательно, Восточное партнёрство всегда будет иметь значение и привлекать пристальное внимание со стороны политиков и граждан. Но обеспечение светлого будущего для партнёрства потребует значительного пересмотра его основ — от рациональной целесообразности до повседневной реализации»**[210].

«Одно из критических замечаний в адрес Восточного партнёрства заключается в том, что в его рамках предпринимаются попытки навязать внутриполитические изменения в обществах, которые не готовы к ним или не хотят этого. Этот аргумент как бы приравнивает действия Европейского союза вдоль его границ к западной колонизации прошлого или насильственной культурной ассимиляции. Правда в том, что структурные, социальные и политические изменения не могут быть навязаны извне. Но такие параллели необоснованны, поскольку они упускают одно фундаментальное различие между Восточным партнёрством и этими историческими прецедентами: страны Восточного партнёрства добровольно принимают участие в этом современном процессе трансформации, потому что их привлекают те выгоды, которые может обеспечить более тесная интеграция с ЕС. Поэтому изменения внутри этих стран не только законны, но и позволяют сделать эти государства более надежными и устойчивыми.

Возникает вопрос, сохраняют ли эти потенциальные выгоды свою привлекательность сегодня, как это было в 1990-х и начале 2000-х годов, или же некоторые из основных стран Восточного партнёрства разочаровываются в модели ЕС? Короткий ответ заключается в том, что хотя проблемы Европейского союза в последние годы несомненно ослабили его «мягкую силу», но это не отразилось — по крайней мере пока —

на его привлекательности. Несмотря на проблемы с Грецией и Brexit, ЕС остается «сладким экономическим пряником». Все новые члены ЕС выиграли от присоединения к Союзу, и даже в 2017 году ЕС удивительным образом продемонстрировал впечатляющие темпы экономического роста. Хотя Россия оказалась более устойчивой перед лицом западных санкций и падением цен на нефть, чего многие не ожидали, и продолжает демонстрировать эту устойчивость, это почему-то не отражается на усилении её привлекательности для соседей.

ЕС — Восточное партнёрство: разные скорости, разное понимание Габор Штир. За неимением институциональных условий ЕС предлагает восточным партнёрам статус периферии. Те же, хотя бы из интересов удержания власти (национальными политэлитами) не спешат ускорять ход социально-экономических преобразований. Находясь в стадии строительства наций, они воспринимают «Восточное партнёрство» скорее в геополитической плоскости, сущность которой, особенно в наиболее успешных «фокусных государствах» в лице Украины и Грузии, однозначно антироссийская[211].

Говорит ли это о том, что Восточное партнёрство в отличной форме? Отнюдь нет. Чтобы иметь светлое будущее, политика Европейского союза в отношении соседей в ближайшие годы должна осуществить две трансформации. Во-первых, прошло время для формальных механизмов ассоциирования, которые жёстко определяют, какие страны «находятся внутри» или «выведены» из определённой региональной группировки. Сегодня такие проекты, как китайская инициатива «Один пояс, один путь», позволяют государствам весьма гибко присоединяться к отдельным частям проекта, не беря на себя жёстких необратимых обязательств, отказываться от конкурирующих предложений или интегрировать в проект все аспекты своей общественно-политической жизни. Гибкость проекта «Один пояс, один путь» подтверждает то обстоятельство, насколько успешно он смог сосуществовать с российским проектом ЕАЭС на одном географическом пространстве. Одним из вариантов для ЕС может стать применение аналогичного подхода и сглаживание напряжённости между ЕС и ЕАЭС в тех странах, в которых пока конкурируют интересы Москвы и Брюсселя. Не стоит быть врагом добра, когда дело касается европейского влияния.

Наконец, хотя Восточное партнёрство будет играть важную роль в ближайшие годы, нужно признать, что наибольшего динамизма вдоль границ Европы стоит ожидать от Юга — особенно от Ближнего Востока и Африки. Юг в большей степени, чем Восток, чреват вероятными угрозами и возможностями — особенно, когда новое поколение столкнётся с изменением климата и другими вызовами. Логический вывод из всего этого состоит в том, что политика ЕС в отношении соседей должна всё больше становиться географически целостной. Кроме того, ЕС больше не может позволить себе сосредотачиваться только на восточном фланге.

1.4. Стратегическое сдерживание и оборона России от средств и способов стратегического нападения вероятного противника

Стратегические наступательные силы США являются ключевым средством ядерного сдерживания и устрашения вероятного противника[212]

Президентская директива № 24
«О стратегии применения ядерного оружия»

Следует изначально оговориться для того, чтобы достаточно определенно отличать стратегические средства и силы для:

— нападения;
— обороны;
— сдерживания,

Которые, в свою очередь, делятся на:

— военные (ВВСТ и ВС);
— не военные (экономические, политические, информационные и пр.).

При этом достаточно условном делении необходимо иметь ввиду, что:

— различия между стратегическими, оперативными и тактическими средствами в настоящее время достаточно условны и нередко исчезают;

— как правило, военные и не военные стратегические средства используются системно и совместно. Даже в тех случаях, когда происходит применение только не военных силовых средств, их эффективность обеспечивается стратегическими военными силами. Так, торгово-экономические санкции против Кубы обеспечивали ВМС США, а против России сегодня вся военная машина, включая средства разведки, наблюдения, мониторинга и пр.

Такая же непростая ситуация наблюдается и в области военного искусства, т.е. разработки способов и методов наиболее эффективного применения стратегических сил и средств, а также в области политического искусства и его отдельного направления — военно-политического искусства, где в самые последние годы наблюдаются серьезные изменения. В частности, «Стратегическое нападение», «ядерный удар», «стратегическая оборона» и «стратегическое сдерживание»[213] — эти понятия долгое время находились в основе представлений о внешней и военной политики и отношений ядерных держав. Под ними, как правило, понимались вполне определенные представления о роли и значении, а также способах использования ядерного оружия, которое было вполне конкретно связано с существованием и развитием стратегических наступательных вооружений (СНВ), характеристику которых определили в ходе советско-американских переговоров об ограничении СНВ как средств доставки, обладающих дальностью более 5000 километров, оснащенных ядерными боеголовками или бомбами (для ТБ).

Вторая половина XX века была во многом обеспечена отсутствием глобальной войны именно из-за существования возможности стратегического сдерживания, посредством ядерного устрашения (deterrence), которое вплоть до недавнего времени не ставилось под сомнение и рассматривалось не только как стратегическое равновесие, но и по сути как военно-стратегическое равенство. Политический суверенитет СССР и России в настоящее время в конечном счете, как известно, гарантирован возможностями СЯС РФ нанести ядерный удар по территории США и их союзников. Грубо говоря, до сих пор считалось, что политический суверенитет равнозначен способности отразить ядерное нападение, которое рассматривалось как стратеги-

ческое нападение[214], которое могло быть осуществлено, как правило, в очень ограниченном наборе заранее подготовленных планов-вариантов использования СНВ.

Эта возможность нанесения Советским Союзом и Россией ответного удара в течение нескольких послевоенных десятилетий обеспечивала стратегическое равновесие и гарантировала СССР, а затем России, практически полную самостоятельность при принятии важнейших политических решений. Причем не только при защите собственной территории, но и интересов своих союзников (СССР несколько раз прибегал

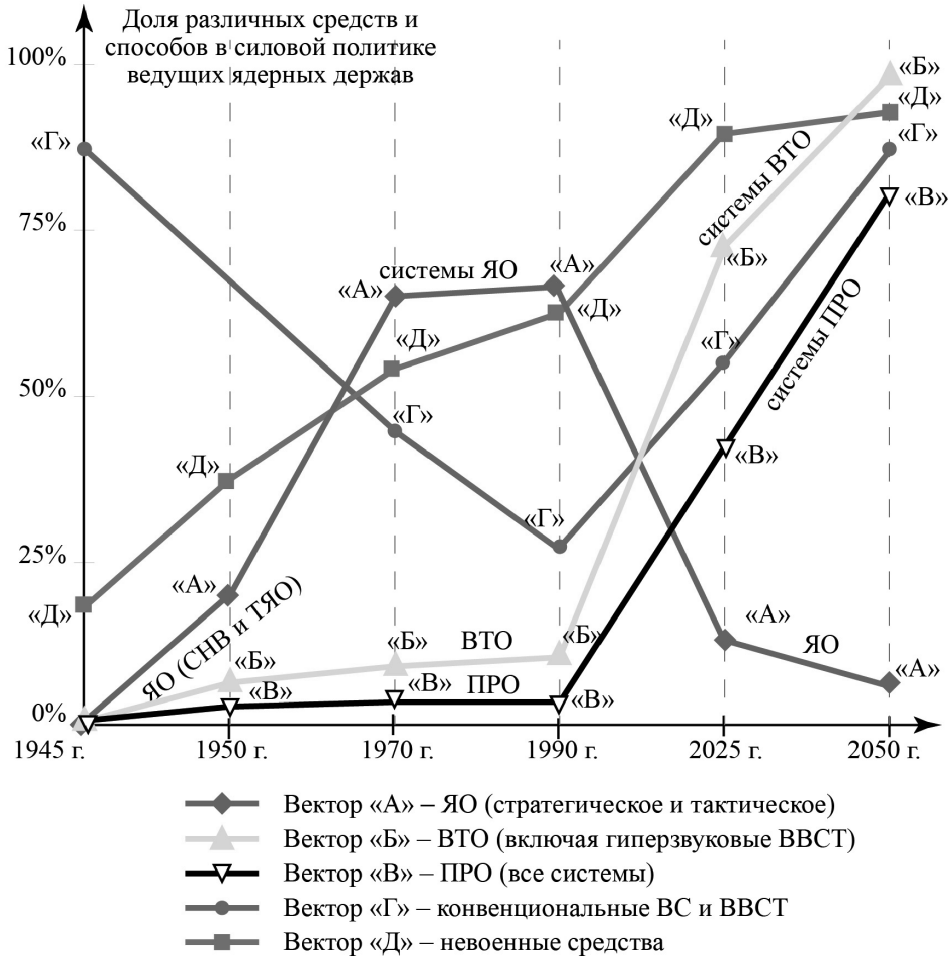


Рис. 1.60. Эволюция роли ядерного оружия среди средств и способов стратегического нападения

к эксплицитным угрозам) и интересов СССР и России за рубежом[215]. В этом смысле стратегическое сдерживание несло в себе и глубокий политический смысл как способность гарантировать защиту интересов национальной безопасности посредством угрозы применения ядерного оружия[216].

Однако к началу XXI века эта ситуация, от которой долгие годы пытались избавиться США, создавая качественно новые системы СНВ и управления ими, была поставлена под сомнение. Это означает, что сомнения могут возникать уже и в отношении всего военно-стратегического равновесия, включая военные возможности на разных ТВД и соотношения в самых разных областях. Но такие же сомнения могут возникать и в политическом плане, что уже ставит под вопрос само существование суверенитета и независимой политики. Эрозия этих представлений к концу второго десятилетия достигла такого уровня, когда суверенитет России в целом ряде областей, прежде всего политике, экономике, финансах, стал ставиться под сомнение потому, что оказался оторванным от военно-стратегического суверенитета, рассматриваться в качестве возможного для ограничения с помощью силовых, но не военных инструментов политики «силового принуждения»[217].

Более того, во втором десятилетии стало ясно, что против целого ряда силовых средств, способов и угроз со стороны Запада ядерное оружие, включая стратегическое, бесполезно, а его ценность стремительно падает. Соответственно и трансформируется представление о стратегическом сдерживании, которое в XXI веке приобретает более широкое понятие как способность того или иного государства эффективно управлять своими силовыми компонентами и средствами политики в условиях кризиса[218]. Особенно в связи с появлением новых видов и систем оружия в области ПРО–ПВО, с одной стороны, космических систем и средств ВТО, с другой. Эта тенденция набирает силу, угрожая к 2025–2030 годам возникновению такой ВПО, когда стратегические потенциалы станут экзотическими средствами ведения войны в исключительных обстоятельствах, освобождая руки для любых силовых и собственно военных действий.

В данном разделе я пытаюсь рассмотреть некоторые аспекты этой проблемы с точки зрения её последствий для развития России.

1.4.а). Эволюция средств стратегического нападения, обороны и сдерживания в XXI веке

Создающаяся стратегическая обстановка может быть описана двумя группами угроз — возникновением… спорных норм, с помощью которых усиливающиеся государства… будут оспаривать существующий порядок, и … нарастающим хаосом внутри государств…[219]

Оперативный план КНШ США 2035

За очень короткий период времени в 20–25 лет представление о стратегическом сдерживании в США и отчасти в России претерпело принципиальные изменения. Если прежде под этим понятием понималось преимущественно «ядерное сдерживание», т.е.возможность нанесения неприемлемого ущерба в случае военного нападения на СССР и Россию, то в настоящее время можно констатировать, что стратегическое сдерживание превратилось по сути политику обеспечения национальной безопасности — «реализацию органами власти… политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворения национальных интересов»[220].

Другими словами, от очень узкого толкования понятия «стратегическое сдерживание» как синоним «ядерного сдерживания» ушли в направлении очень широко понимания защиты всех национальных интересов и синонима понятия «обеспечения национальной безопасности», что стало отчасти повторением известного опыта США, когда существовало достаточно узкое понимание «ядерное сдерживание» («deterrence») и более широкое — «сдерживание СССР» («коммунизма»), — определявшееся термином «containment». В те годы (1970-е и 1980-е) существовала определенная путаница, связанная с тем, что один и тот же термин («сдерживание»), который, как мы видим принципиально отличался друг от друга, в СССР переводился одинаково. Но дело в конечном счете не в терминах, а в том, что в СССР и позже в России, вплоть до недавнего времени существовала инерция и традиция рассматривать

«сдерживание» как именно «ядерное сдерживание», хотя оно уже фактически давно устарело.

Сегодня уже мало кто пользуется этими понятиями в их изначальном смысле, но для нас важно вернуться сейчас коротко к их реальному значению, которое сохранилось так или иначе в военно-теоретическом мышление Запада. Так, «ядерное сдерживание» («deterrence») вообще-то имело в виду «точный выстрел на охоте», «убийственный выстрел» и т.п., который в ядерной стратегии мог означать только одно — ядерное уничтожение.

Другое дело «сдерживание СССР» («containment»), которое означало в изначальном понимании гарантированную защиту ядерного реактора от внешних факторов, т.е. защиту государства от внешней угрозы.

В настоящее время мы пришли к пониманию расширенного толкования сдерживания как защиты всех национальных интересов (всеми органами власти и общества и всеми мерами, как сказано в Стратегии), но наша инерция мышления в политике и военной области продолжает хранить традиции «ядерного сдерживания», которые сегодня не отражают реалий, хотя нельзя отрицать и того, что некоторые представители правящей элиты полагают, что для защиты экономических и финансовых интересов можно было бы использовать ЯО[221].

Таким образом, мы констатируем, что по мере распада ОВД и СССР само представление о «ядерном сдерживании» менялось потому, что ядерное оружие перестало быть универсальным политическим средством для решения важнейших вопросов — экономических, финансовых, политико-дипломатических и даже военных. Его функции существенно ограничились функциями «последнего аргумента» при защите национального суверенитета, но уже слабо используемого при защите невоенных национальных интересов. Что и нашло свое отражение в Военной доктрине России и выступлениях ряда высших руководителей, допустивших применение ядерного оружия в ответ на использование неядерных вооружений. Кроме того, появились целые военно-технические направления (ВТО, ПРО, оружие, основанное на новых физических принципах, и др.), которые стали стремительно девальвировать СЯС, а их использование рассматривалось в Военной доктрине России как условие применения ЯО[222].

Наконец, распространение ядерного оружия среди целого ряда стран, создание в КНР, Индии и других государствах (включая КНДР, Израиль, Пакистан) достаточно эффективных ядерных потенциалов, привело к объективному обесценению ядерного оружия., когда стратегическое нападение на Россию, например, может быть реализовано неядерными средствами, а политический результат, полученный при этом, может быть приравнен к победе в войне. Так, вполне реализуем сценарий, который попытались осуществить в 1990-е годы на Северном Кавказе, когда экстремистские силы, подготовленные и финансируемые извне, развертывают широкомасштабные военные действия против России. Современные потенциальные ТВД подобного рода — Украина, Кавказ, Средняя Азия, — где ответные действия Вооруженных Сил России не будут предполагать применения ядерного оружия (хотя и официальное руководство России и делало на этот счет конкретные оговорки)[223].

Но ключевая причина в изменении роли ядерного оружия заключается в том, что в настоящее время ситуация в ядерной области стремительно меняется вместе с радикальными изменениями МО и ВПО. Прежде всего, во-первых, потому, что появилась **политическая потребность** у западной военно-политической коалиции принудить Россию к отказу от суверенитета, который остается фактически единственным средством, гарантирующим безопасность России, с одной стороны, и сознательное и быстрое развитие Западом новейших **военно-технических средств** (прежде всего, ВТО и гиперзвуковое оружие, а также средства ПРО) для того, чтобы вернуть угрозам использования военной силы реальные и практические возможности. Другими словами, превратить стратегическое нападение из ядерной операции в масштабное использование неядерных сил, естественно, под угрозой ядерной эскалации[224].

Таким образом, стратегическое нападение стало рассматриваться в качестве реального политического инструмента, а создание потенциала для его применения — как цель военно-технической политики. Такой потенциал должен включать самый широкий набор силовых инструментов, спектр которого включает как самые безобидные возможности «мягкой силы», так и угрозу применения стратегического ядерного оружия.

С политической точки зрения, такая политика Запада стала естественным и логичным продолжением западной политики после ликвидации СССР и ОВД, которая фактически привела к потере большинством стран «советского блока» и бывших советских республик своей независимости и суверенитета, когда вопрос вплотную встал об ограничении суверенитета России, мешавшего установлению «общепризнанного» международного порядка.

В течение ряда лет этого успешно добивались применительно к России, «поднимаясь» по различным стадиям эскалации экономических, финансовых, информационных, демографических и иных мер, постепенно сужая возможности принятия самостоятельных решений правящей элитой России[225].

К концу 1990-х годов такая эскалация привела к потере Россией значительной части не только финансово-экономического, но и военно-политического суверенитета, что очень хорошо было видно по вмешательству как в военную политику России, так и её операции в Югославии, на Кавказе и в Средней Азии. Последним рубежом сохранения Россией политического суверенитета стал контроль над стратегическими силами («кнопка»), который ассоциировался в президентской властью и полномочиями главнокомандующего[226]. Однако к концу 90-х годов уже и этот контроль становился все более символическим — хаотичное сокращение СНВ России и физическое устаревание ВВСТ привело к тому, что при отсутствии масштабной модернизации СНВ России становились в возрастающей степени символическим и исчезающим потенциалом, который мог «растаять»[227].

К началу второго десятилетия нового столетия политика Запада в отношении России стала открыто принимать форму «силового принуждения» (the power to coerce), важнейшим элементом которой должна стать концепция «стратегического нападения»[228]. Эта концепция должна прежде всего гарантировать Западу эффективность использования всех других силовых средств, включая конвенциональные средства, а также обеспечить контроль над эскалацией (сохранение преимуществ на каждой из ступеней развития конфликта) в случае перехода войны на уровень, когда используются стратегические вооружения в ядерном или обычном, неядерном, оснащении. Таким

образом стратегический потенциал России — политически и исторически — остался в какой-то период истории России пока что единственной гарантией суверенитета страны, но его эффективность уже поставлена под сомнение.

Выход России из кризиса сопровождался постепенным возвращением ей суверенных функций в области внутренней, финансовой, экономической и военной политики, уступленных ею в 80-е и 90-е годы XX века. Во многом этому способствовала функция возможности нанесения ядерного удара, т.е. возвращение, например, международного суверенитета во многом было обеспечено тем, что у России сохранился эффективный ядерный потенциал. Этот потенциал играл и играет исключительно важную роль не только гарантии от ядерного нападения, но и сдерживания от военного нападения вообще и (отчасти) от политического давления. Естественно, что в условиях, когда Запад пытается фактически обесценить этот потенциал, Россия предпринимает все необходимые усилия, чтобы не допустить этого, прежде всего в военно-технической области, создавая свои системы ВТО, преодоления ПРО и гиперзвуковые системы оружия.

Одновременно в военно-политической области Россия вышла из относительно узкого понимания «стратегического нападения» как нападения с помощью только ядерного оружия. В Концепции национальной безопасности, Военной доктрине страны, выступлениях высших политических и военных руководителей было сформулировано новое представление о возможности отражения стратегического нападения без ядерного оружия с помощью СНС России и других систем[229].

Этот подход означал, что в России пересмотрены целый ряд положений военного искусства и политики относительно использования ЯО. Другими словами у ядерного оружия, в особенности его стратегического потенциала, всегда существовало не только военное, но и политическое назначение — «ядерного сдерживания» или «сдерживания посредством ядерного устрашения» (*detterence* — англ.). В настоящее время понятие «сдерживание» в России трактуется шире, — уже не только как «ядерное сдерживание», но и как военное противодействие стратегическому нападению с применением неядерного оружия, т.е. способности военно-силового противодействия, включая и поли-

тическую способность нейтрализовывать военные угрозы. Другими словами, сфера политического сдерживания распространяется и на неядерную область.

У этой возможности политического сдерживания, однако, есть и известный огромный недостаток — лишком высока вероятность (более того, она практически неизбежна) эскалации военного конфликта, в т.ч. неконтролируемого ядерного конфликта, в результате которого будет нанесен катастрофический ущерб всем участникам военного и ядерного конфликта. Это делает сознательное использование ядерного оружия в качестве политического инструмента крайне рискованным и из-за этого маловероятным, а по мере развития неядерного стратегического ВТО, новых средств поражения и ВКО, — и все менее эффективным.

Сказанное означает, что в период до 2025 года России предстоит неизбежно расширять всю линейку средств и способов противодействия стратегическому нападению, не полагаясь только и исключительно на СНВ. В частности, это потребует от России переоценки состояния её ВС и ВССТ и принятия (на основе такой переоценки) решений в следующих областях:

1. Силы общего назначения. Потребуется, как минимум, массовое переоснащение ВС России ВВСТ всех типов для ведения войны на «доядерном уровне». В частности, рассмотрим, например, каково же состояние танковых войск (в т.ч. качество и количество танков в России).

Оказывается, наша страна является здесь абсолютным лидером: на балансе Министерства обороны значится , аж 18 177 единиц упомянутой боевой техники. Из них основу составляют танки Т-72Б (7144 шт.), Т-80 (4744 шт.) и Т-64 (4000 шт.). Кроме того, на вооружении находятся Т-62 (689 машин) и Т-55 (1200 танков). Меньше всего в танковых войсках насчитывается бронетехники нового поколения — Т-90, их всего 400 единиц.

Согласитесь, что это ничтожно малая цифра для такой большой армии. Будем надеяться, что в ближайшее время ситуация продолжит меняться, и через несколько лет статистика изменится в лучшую сторону. Она стала меняться в последние годы, но её динамика еще не соответствует потребностям.

По разным сведениям считалось, что на вооружении ВС РФ в 2005 году находилось 23 000 танков разных моделей. В 2016 году осталось 2700 единиц. Приводя две эти цифры «специалисты» громогласно заявляют о том, что огромная российская армия, мощная и современная. При этом они ссылаются на то, что даже на вооружении турецкой или сирийской армий танков, на сегодняшний день, оказывается больше.



Т-72М1М с КАЗ «Арена»

Куда подевались недостающие танки? А, главное, чем мы собираемся воевать, если на вооружении у российской армии имеется всего 2700 танков современных моделей, которые однако, к современным можно отнести очень условно. Речь идет о танках следующих модификаций:

— Т-90А;
— Т-80У;
— Т-80БВ;
— Т-72Б.

«Оставшиеся 10 200 танков», это, видимо, «музейные» танки следующих модификаций 1950-х и 1960-х годов: Т-55, Т-62, Т-72 и Т-64, которые находятся на хранении.



Т-80У

Современная российская армия ориентирована, в первую очередь, на участие в ограниченных вооружённых конфликтах. В первую очередь, на территории бывшего СССР. Для этого оставшихся 10 200 устаревших танков вполне достаточно, чтобы выполнить поставленные задачи.

До сих пор считается, что «реальная угроза неожиданного крупномасштабного сухопутного вторжения на территорию нашего государства на сегодняшний день отсутствует». С чем я категорически не согласен: по всем трем стратегическим направлениям — западному, закавказскому и среднеазиатскому — какое нападение возможно силами Украины, отрядов террористов и ЧВК при поддержке союзников США. По-прежнему считается, что любым потенциальным противникам, которые гипотетически способны на подобное вторжение (США и НАТО, Китай) потребуется достаточно продолжительный по времени период мобилизации, последующего развёртывания и сосредоточения существенных группировок сухопутных сил на границах России. Аналогичное время получит для этого и наша страна.

Это утверждение также не вполне верно: военные действия могут быть начаты по мере развертывания конфликта силами тех отрядов, которые расположены в конфликтных районах, уже обладающими определенными возможностями. Они могут быть быстро усилены военно-воздушными средствами, ВТО, прежде всего, КРМБ и КРВБ.



Т-80БВ

В подобной ситуации «мериться количеством» бессмысленно. Существующие системы современной связи, управления и разведки, наличие высокоточного оружия (наземного и авиационного) — являются, на

сегодняшний день, главным залогом достижения победы в войне, в т.ч. и сухопутной. В этом случае танки нужны только самым современные, оснащённые тепловизорами и новейшими средствами защиты. В противном случае вероятный противник просто расстреляет в ночном бою «слепые» танки. Именно так поступили американцы с танками иракской армии в 1991 году во время войны в Заливе. Опыт войны в Сирии и на Востоке Украины также свидетельствует в пользу качества современных танков.

Вполне естественно, что Россия не в состоянии иметь значительное количество современных танков, в силу сложившейся экономической ситуации, однако, опыт войн, включая сирийскую войну, показывает, что необходимы, как минимум, 5–6 комплектов боеготовых соединений, которые способны придти на замену в ходе военных действий.



Т-90А «Владимир»

Поэтому популярный вывод: лучше иметь 2000–3000 танков, но самых современных, либо прошедших радикальную модернизацию, для России не приемлем. Нам нужно, как минимум, в 3–4 раза больше современных танков и подготовленных экипажей и командиров. В настоящее время ни первого, ни второго у нас нет. Имеющаяся в открытом доступе информация свидетельствует, что при штатной численности в 330 танков в дивизии в России имеется:

Западный военный округ:

4 отдельная гвардейская танковая Кантемировская дивизия (в/ч 19612);

1 Уральско-Львовская танковая бригада (в/ч 63453);

6 Ченстоховская танковая бригада (в/ч 54096);

1 гвардейский танковый полк 2-ой гвардейской МСД (в/ч 58190).

Южный военный округ:

Танковый полк 150-ой МСД.

Восточный военный округ:

5 гвардейская Тацинская танковая бригада (в/ч 46108). Развёрнута на базе второй гвардейской танковой дивизии.

Центральный военный округ:

90 гвардейская Витебско-Новгородская, дважды Краснознамённая танковая дивизия — г.Чебаркуль Челябинская обл. Развёрнута 01.12.16 на базе 7 отдельной гвардейской танковой бригады. Однако до сих пор комплекта, соответствующего этой части, нет.



Т-90МС

Кроме того, у России имеются отдельные части, которые вряд ли существенно влияют на общую картину:

240 учебный танковый полк (в/ч 30632–6);

212 окружной учебный центр танковых войск Сибирского ВО (в/ч 21250);

44 учебный гвардейский танковый полк (в/ч 30618–8);

522 гвардейский учебный танковый Рижский полк (в/ч 30616–7).

Элементарные подсчёты свидетельствуют о том, что количество танков и танкистов, которые ими управляют, у нас **не совпадает**. То есть считается, что на вооружении, в настоящее время, находится именно такое число танков (т.е. порядка 2700), которым мы «единомоментно» способны управлять. Хотя, могут быть основания для сомнений и относительно этого числа — ухудшение подготовки личного состава (вместо 9 училищ осталось 1), ремонтной базы и обслуживания ставит под сомнение боеспособность даже этой численности танков.

Для понимания современных реалий необходимо сопоставить танковый потенциал России с потенциалом западной военно-политической коалиции. Хотя бы в Европе и на юго-западном направлении. На территории Европы у НАТО, по информации российских официальных источников 10 000 танков. Скорее всего, в это число входят, как стоящие на вооружении, так и находящиеся в резерве машины.

Далее — США — главный конкурент России на политической арене. Армия Штатов насчитывает 9125 танков, из них 8725 единиц М1 «Амбрамс». Как видите, американские военные являются консерваторами — основу их танковых войск составляет всего одна модель.

Третье место в рейтинге занимает наш восточный сосед и стратегический партнер — Китай, на вооружении которого находятся 8500 единиц бронетехники, из них 500 танков «Тип-99». Тройка лидеров далеко оторвалась от преследователей. Так, четвертое место занимает, как это ни странно, Сирия со своими 4750 машинами, причем большая часть из них имеет гордую надпись: «Made in Russia». Далее в списке следуют: Турция — 3763, Индия — 3569, Египет — 3380, КНДР — 3300, Израиль — 3283, а замыкает десятку лидеров Южная Корея — 2823 единицы[230].

2. Разработки и модернизации новых СНВ и средств преодоления ПРО.

Послание президента В. Путина ФС РФ 1 марта 2018 года проиллюстрировало новейшие российские достижения в этой области, которые, как считается, вполне соответствуют уровню военных угроз[231].

3. Разработки и развертывания всего спектра ВТО на разных платформах и в достаточно большом количестве, которое, если говорить о КР всех типов базирования, по утверждению НГШ В. В. Герасимова, уже удалось развернуть к началу 2018 года на всех стратегических направлениях[232].

4. Разработки и создания новых систем ВКО, в особенности средств перехвата МБР и БРПЛ;

1. Совершенствования системы управления, раннего обнаружения, оповещения и контроля над ВПО в мире.
2. Совершенствование количественно и качественно ВВС и ВМФ, которые должны соответствовать новым требованиям.

1.4.6). Новые представления о средствах стратегического нападения

Армия стоит на рубеже очередной научно-технической революции, на смену приходят принципиально иные системы вооружений, основанные на физических принципах, которые ранее не использовались в этой области[233]

Ю. Борисов, заместитель МО РФ

Стратегическое сдерживание и стратегическая оборона, как уже говорилось выше, — два не вполне совпадающих понятия. Если стратегическое сдерживание можно рассматривать как способность сохранять контроль над кризисной ситуацией и управлять развитием политического и военного конфликта на самых разных его стадиях, то стратегическая оборона — собственно военная часть стратегического сдерживания[234].

Как уже говорилось, в XXI веке стратегическое нападение может быть осуществлено уже не только при помощи ядерных вооружений, но и комплекса неядерных средств, способных выполнить эту стратегическую задачу, без неизбежной угрозы перерастания глобального конфликта во всеобщую ядерную войну[235]. Перечень таких средств стремительно увеличивается и не ограничен известными сегодня, а способы их применения постоянно совершенствуются, либо создаются сознательно заново. В настоящее время их условно можно разделить на следующие 4 группы:

— стратегические наступательные вооружения (СНВ), включающие широкий спектр вооружений и военной техники наземного, космического, морского и воздушного базирования, оснащенные неядерными боеприпасами;
— стратегических и иных средств воздушно-космической обороны, способных как уничтожать стратегические средства нападения, так и являться таковыми;
— стратегических неядерных вооружений, способных выполнять эти функции, не являясь таковыми по своим ТТХ;
— ВВСТ и специальной техники, способной обеспечить решение специальных стратегических задач (кибероружие, РЭБ и др.)



Рис. 1.61.

К таким стратегическим неядерным средствам можно отнести, например, крылатые ракеты большой дальности, оснащенные неядерными боеприпасами, которые были использованы США в Сирии, а до этого в Ливии, Ираке, Афганистане и Югославии. По мнению генерального директора Концерна ВКО «Алмаз-Антей» Я. Новикова, темпы роста численности только КР морского и воздушного базирования будут следующими[236]: рис. 1.61[237].

Крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ) являются основным средством поражения, входящим в состав вооружения самолетов стратегической бомбардировочной авиации ВВС США. Оперативно-тактической особенностью крылатой ракеты (КР) этого класса является режим пассивного следования рельефу местности на предельно малых высотах на дозвуковой скорости. В качестве силовой установки используется турбореактивный двигатель, обеспечивающий наиболее экономичный расход топлива в заданных условиях полета[238].

Крылатыми ракетами семейства AGM-86 оснащен стратегический бомбардировщик B-52H (12 и восемь единиц на внешней и внутренней подвесках соответственно). Оснащать бомбардировщик B-2A данными ракетами не предусматривалось, потакая техническая возможность имеется (можно подвесить 16 ракет).

КРВБ AGM-86B предназначена для поражения ядерной боевой частью военных и промышленных объектов на больших дальностях (до 2600 км) без входа носителя в зону действия средств ПВО. Ее основные тактико-технические характеристики приведены в таблице 1.17.

Таблица 1.17. Основные ТТХ КРВБ AGM-86B

Дальность стрельбы, км	2600
Скорость полета, м/с	208–236
Точность наведения (КВО), м	35
Тип и мощность БЧ, кт	Ядерная, с переключением мощности 3–5,200
Система наведения	ИНС + «Терком»

Ракета стартовой массой около 1400 кг, длиной 6,32 м, диаметром корпуса 0,693 м и с размахом крыла 3,65 м имеет складывающееся крыло и оперение.

В качестве силовой установки используется экономичный малогабаритный турбореактивный двухконтурный двигатель F-107-WR 101 массой 66 кг (топливо авиационный керосин марки JP-9).

КРВБ оснащена комбинированной системой управления, основу которой составляет инерциальная система наведения.

В заданных районах коррекции в инерциальную систему вводятся поправки корреляционно-экстремальной системы «Терком».

Над районом коррекции с помощью бортового радиовысотомера измеряется относительная высота полета КР над земной поверхностью, а входящий в состав бортовой аппаратуры барометрический высотомер определяет абсолютную высоту полета над уровнем моря. Разница в показаниях дает высоту местности над уровнем моря, а их последовательность представляет собой профиль рельефа местности.

При полете КРВБ AGM-86B на максимальную дальность на маршруте может быть более десяти районов коррекции, удаленных друг от

друга на расстояние до 200 км. Первый район коррекции, назначаемый до 1000 км от рубежа пуска, имеет размеры 67×11 км, а последний — 4×28 км. Размеры других районов могут быть различными в зависимости от характера местности: в горной местности они меньше, чем на равнинной, средние размеры района коррекции 8×8 км.

Наиболее благоприятным для коррекции полета является рельеф, средняя величина перепадов высот которого находится в пределах 15–60 м. Такой рельеф позволяет осуществлять полет на высотах 60–100 м. Ошибка наведения (КВО) при использовании систем «Терком» не превышает 35 м.

Импульсный радиовысотомер (рабочая частота 4300 МГц, мощность в импульсе 100–200 Вт, длительность импульса 22 нс, ширина диаграммы направленности щелевой антенны около 70 по направлению полета ракеты и около 30 в поперечном направлении) работает на всем маловысотном участке полета и обеспечивает облет рельефа местности при подъемах (уклонах) 15–20[239].

Траектория полета ракеты до цели и районы коррекции вводятся в бортовую ЭВМ ракеты при ее подготовке к применению. На проверку аппаратуры управления, выставку начальных данных и непосредственную подготовку первой ракеты к запуску затрачивается 20–25 мин, в течение которых самолет выдерживает заданный курс. Интервал пуска последующих ракет 15 с и более. После отделения от носителя связь с ракетой отсутствует.

К сильным сторонам крылатой ракеты AGM-86B следует отнести:

— большую дальность полета, позволяющую наносить удары с дальних подступов практически по всем основным объектам на территории противника с рубежей, находящихся вне досягаемости его средств ПВО;
— малую высоту полета и незначительную ЭПР, затрудняющие своевременное обнаружение КР и ее уничтожение с помощью современных средств ПВО;
— достаточная для ядерных КРВБ точность наведения. Так, при защищенности объектов по избыточному давлению во фронте ударной волны, равному 70 кг/см^2, вероятность их поражения крылатой ракетой составляет 0,85, а МБР типа «Минитмэн-3» — 0,2.

Слабыми сторонами КРВБ AGM-86B являются:

— пуск ракеты с использованием системы «Терком» в пределах 1000 км прибрежной зоны. Превышение этой дальности может привести к невыходу ракеты в зону коррекции и, как следствие, к уклонению от заданной траектории полета;
— ограниченность и сложность, а в ряде случаев невозможность применения при длительном полете над водной поверхностью, тундрой и подобной равнинной местностью, а также над горными массивами;
— невозможность перенацеливания ракеты после пуска с носителя.

Исходя из вышесказанного, объектами поражения КРВБ AGM-86B являются стационарные военные цели, включая высокозащищенные, а также площадные объекты с высокой концентрацией людских ресурсов и производственных мощностей.

В США велись и в настоящее время ведутся работы по созданию крылатых ракет с обычным снаряжением. Программе массового оснащения этими ракетами руководство американских ВВС отводит особую роль в реализации планов подготовки и ведения войны с применением только обычных средств поражения.

Крылатая ракета AGM-86C представляет собой неядерный вариант КР AGM-86B.

Существуют следующие варианты этой ракеты: Block 0 — оснащается БЧ калибра 2000 фун.; Block 1 (принят на вооружение в 1996 году) — оснащается БЧ калибра 3000 фун., КВО = 10–13 м; Block 1A (принят на вооружение в 1999 году) — оснащается помехозащищенной ПС КРНС «Навстар», КВО = 8–10 м.

Командование ВВС США, основываясь на анализе эффективности боевого применения КР AGM-86C с осколочно-фугасной БЧ, приняло решение об их оснащении проникающей БЧ BLU-116. Новая модификация ракеты, получившая обозначение AGM-86D, поступила на вооружение в 2002 году. Максимальная дальность стрельбы составляет 1500 км. Ракета AGM-86D предназначена для поражения хорошо защищенных наземных и подземных целей, таких как командные пункты управления и связи, склады ядерного, химического и бактериологического оружия и т. п. Коррекция маршрута полета на всем участке траектории осущест-

вляется с помощью ИНС и КРНС «Навстар». Точность наведения (КВО) составляет 3–5 м. Проникающая БЧ BLU-116 (масса: общая — 750 кг, ВВ — 55 кг; толщина пробиваемого перекрытия: железобетонного — 2,4–3,4 м, грунта средней плотности — 25–37 м) разработана специалистами американской фирмы «Локхид-Мартин» на конкурсной основе. Корпус БЧ обладает высокими прочностью и твердостью. В его донной части расположен программируемый взрыватель FMU-157.

В 2002 году в рамках программы JASSM завершилась разработка малозаметной УР AGM-158A.

В 1995 году в ВВС открыли программу HyTech (Hypersonic Technology), целью которой являлась разработка и демонстрация ПВРД для оснащения гиперзвуковой ракеты или ЛА, развивающих скорость, соответствующую числу M = 8. Общее руководство программой осуществлялось ВВС США, а разработка двигателя была поручена специалистам фирмы «Пратт энд Уитни». В январе 2001 года в рамках программы HyTech были успешно завершены наземные испытания двигателя, при этом максимально достигнутая скорость. Новая ракета имеет дальность стрельбы около 400 км, точность стрельбы (КВО) до 3 м и оснащается системой автоматического распознавания целей. Наведение ракеты осуществляется с помощью ИНС, корректируемой по данным КРНС «Навстар», а на конечном участке траектории — с помощью тепловизионной ГСН. Общее количество закупаемых для ВВС ракет AGM-158A составит около 2000 единиц. Расходы на НИОКР составили 740–775 млн долл. Стоимость одной ракеты 400 тыс. долл.[240]

Мелкосерийное производство УР AGM-158A началось в 2002 году. На вооружение она поступила в 2003 году.

В 2004 г. началась модернизация AGM-158A с целью увеличения дальности стрельбы до 800–1000 км за счет перекомпоновки оборудования и установки более экономичной силовой установки. Новая модификация получила обозначение AGM-158B.

Принятие ее на вооружение ожидается в 2012 году.

Тактико-технические характеристики КРВБ приведены в табл. 1.17.

КРВБ в обычном снаряжении имеют высокую точность стрельбы, а также располагают широкой номенклатурой боевого снаряжения, что значительно повышает гибкость их применения как в обычной, так и в

ядерной войне. Носителями данных ракет являются стратегические бомбардировщики B-52H и B-1B, а разработанные в рамках программы JASSM могут подвешиваться на самолеты как тактической, так и стратегической авиации (F-15E; F/A-18C, D, E, F; F-16C; B-52H; B-1B; B-2A; P-3C)[241].

Сверх- и гиперзвуковые крылатые ракеты. В США одним из приоритетных направлений развития средств воздушного нападения является реализация программ создания сверх- и гиперзвуковых крылатых ракет с большой дальностью стрельбы, которые будут предназначены для нанесения в кратчайшие сроки массированных, одиночно-избирательных ракетных ударов по наземным и морским критичным по времени целям.

Во время наземных испытаний двигателя были оценены системы охлаждения, а также управления им на сверхзвуковых скоростях. Его запуск производится с использованием этилена с переходом на керосин марки JP-7. Двигатель SJX61–1 испытан в наземных условиях сначала на скорости, соответствующей числу M = 4,5–5, а затем на скорости M = 6,5.

Обшивка ракеты изготовлена из алюминиевого, а теплонапряженные участки из никелевого сплава. Для охлаждения стенок двигателя применяется горючее ракеты.

Длина корпуса ракеты 4,3 м (без учета ускорителя), дальность пуска до 1200 км.

Первое летное испытание ГКР X-51A состоялось в декабре 2009 года. Ракета была подвешена на бомбардировщик B-52H. Цель испытания — горизонтальный полет самолета-носителя с ракетой без запуска двигателя, исследование перехода ламинарных потоков в турбулентные, а также взаимодействия электрических схем ракеты и самолета-носителя.

В настоящее время специалисты научно-исследовательского центра ВМС совместно с ВВС, НАСА и ДАРПА в рамках демонстрационной программы RATTLRS работают над созданием семейства сверхзвуковых (M = 3–4) управляемых ракет классов «воздух–земля» и «корабль–берег». Ракета предназначена для поражения критичных по времени целей. Предполагается, что ракетой класса «воздух–земля» будут оснащены тактические истребители и стратегические бомбардировщики. Стоимость серийного образца УР при производстве партии в 2500 еди-

ниц не должна превышать 600 тыс. долларов. Основные тактико-технические требования, предъявляемые к сверхзвуковой управляемой ракете, приведены в табл.

По результатам конкурсной оценки ряда проектов для дальнейшей разработки выбран образец фирмы «Локхид-Мартин». Ракета выполнена по аэродинамической схеме «бесхвостка» с цилиндрическим корпусом.

На УР устанавливается турбореактивный двигатель YJ102R фирмы «Либерти Воркс» (США). Главной особенностью данного двигателя является повышенная на 550° температура газа перед турбиной, что обеспечивает по сравнению с современным ТРД увеличение на 70 проц. удельной тяги и шестикратно превышает аналогичный показатель двигателя J58 сверхзвукового стратегического разведывательного самолета SR-51 A. Максимальная тяга нового ТРД (диаметр 0,33 м, ресурс 0,5 ч) оценивается в 40 кН, что в 10 раз превышает тягу двигателя J402 УР AGM-158A класса «воздух–земля». Такие показатели достигнуты за счет применения жаропрочных керамических композиционных материалов, что позволило отказаться от исполнения сложной и дорогостоящей системы охлаждения горячих деталей[242].

Основу бортовой системы управления ракеты составит инерциальная система с коррекцией по данным КРНС «Навстар». В перспективе в состав бортового оборудования УР намечено дополнительно включить аппаратуру системы обмена данными.

Для повышения унификации новой УР и эффективности ее боевого применения, а также для расширения номенклатуры поражаемых целей предусматривается разработать сменные боевые части нескольких типов (проникающая БЧ с разгонным ускорителем, кассетная БЧ с самонаводящимися боевыми элементами комбинированного действия).

По результатам испытаний и с учетом доработок предусматривается принять решение о полномасштабной разработке семейства УР. Начало серийных поставок ожидается не ранее 2015 года.

Таким образом, основным вооружением самолетов стратегической бомбардировочной авиации являются крылатые ракеты воздушного базирования как в ядерном (AGM-86B), так и обычном оснащении (AGM-86C и D, AGM-158A и B). С учетом заключенных договоров по сокращению ядерных вооружений, а также по причине истечения срока

эксплуатации ракет AGM-86B часть задач будет возложена на крылатые ракеты воздушного базирования в неядерном оснащении, которые, как показали исследования, при высокой точности наведения на цель по эффективности не уступают КР с ядерной БЧ.

Кроме того, в США ведутся интенсивные работы по созданию сверх- и гиперзвуковых крылатых ракет воздушного базирования с дальностью пуска не менее 1000 км. Основное преимущество таких КР — малое подлетное время (10–20 мин в зависимости от дальности до цели) и трудность их поражения существующими средствами противовоздушной обороны.

В настоящее время в стране реализуется несколько программ по разработке демонстрационных образцов сверх- и гиперзвуковых крылатых ракет, в частности RATTLRS и X-51A. Они уже проходят летные испытания, и, как планируется, войдут в состав вооружения самолетов стратегической бомбардировочной и тактической авиации[243].

Таблица 1.18. Сравнительные характеристики КРВБ

Характеристика	AGM-86C Block 1A	AGM-86D Block 2	AGM-158A	AGM-158B
Дальность стрельбы, км	1500	1500–1700	400	800–1000
Скорость полета, м/с	208–236	208–236	208–236	208–236
Точность наведения (КВО), м	5–15	3–5	3	3
Стартовая масса, кг	1950	1950	1050	1100–1200
Тип и масса БЧ, кг	Осколочно-фугасная, 1360	Проникающая, 400	Осколочно-фугасная или проникающая, 430	Осколочно-фугасная или проникающая, 400
Система наведения	ИНС/ПС КРНС + «Терком»	ИНС/ПС КРНС, работающая в дифференциальном режиме, + «Терком»	ИНС/ПС КРНС (начальный и средний участки); ТПВ ГСН и система автоматического распознавания цели (конечный участок)	ИНС/ПС КРНС + ТПВ ГСН и система автоматического распознавания цели

По сути дела разрабатываемые сегодня в США КРВБ и гиперзвуковые системы вполне удовлетворяют требованиям, предъявляемым к средствам стратегического нападения для нанесения высокоточного, разоружающего удара. Эти характеристики — вполне объективны и вытекают из тех ТТТ, которые предъявляются к этому виду оружия, что позволяет прогнозировать их массовое поступление на вооружение к 2025 году. Как видно из данных ниже, создаваемые системы оружия изначально предназначены для этих целей.

Таблица 1.19. Основные тактико-технические требования, предъявляемые к сверхзвуковой УР

Максимальная дальность стрельбы, км	Не менее 900
Максимальная скорость полета, число М	4,5
Подлетное время до цели на максимальную дальность, мин	15
Точность наведения (КВО), м	Не более 9
Стартовая масса, кг	820
Масса боевой части (не менее), кг	250
Длина, м	4,27–4,72
Максимальный диаметр, м	0,55–0,6

Повышение возможностей использования КР к 2025 году приведет к созданию для России качественно новой угрозы массированного нападения с помощью неядерных КР стратегического характера. В особенности с различных направлений Мирового океана. Не случайно утвержденная Президентом РФ в июле 2017 года новая редакция Военно-морской политики фиксирует, что «Основными показателями состояния национальной безопасности в области военно-морской деятельности являются состав, состояние и возможности Военно-морского флота, обеспечивающие военную безопасность Российской Федерации с океанских и морских направлений, а также защиту национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане», — констатируется в документе.

Россия также будет стремиться к закреплению ВМФ на втором месте в мире по боевым возможностям. «Российская Федерация не допустит существенного превосходства военно-морских сил других государств

над Военно-морским флотом и будет стремиться к его закреплению на втором месте в мире по боевым возможностям», — говорится в Основах государственной политики.

В документе отмечается, что в мирное время и в период непосредственной угрозы агрессии ВМФ должен быть способным не допустить силовое давление и агрессию в отношении Российской Федерации и ее союзников с океанских и морских направлений, а также оперативно и скрытно развертывать силы (войска) в удаленных районах Мирового океана. ВМФ должен быть способен обеспечить устойчивое, скрытное и непрерывное управление силами (войсками) в реальном масштабе времени при их нахождении в любых районах Мирового океана.

В военное время флот должен быть способен нанести неприемлемый ущерб противнику в целях его принуждения к прекращению военных действий на условиях гарантированного обеспечения национальных интересов РФ. Флот должен вести успешное противоборство с противником, обладающим высокотехнологичным военно-морским потенциалом, в том числе имеющим на вооружении высокоточное оружие, с группировками его военно-морских сил в ближних, дальних морских зонах и океанских районах[244].

В эти же годы в других областях военного строительства США произойдут не менее значительные перемены. В частности, среди средств воздушно-космического нападения, а также систем противоракетной обороны.

В основе такой исключительно высокой динамики НИОКР и промышленности США лежал процесс концентрации производств. В эти же годы в России происходил обратный процесс — дезинтеграции ОПК. В частности, в США, по оценкам А. Гульбинского, происходило выстраивание военно-промышленных корпораций в вертикаль, объединяющую порядка 10 корпораций, которые стали контролировать более 50% всех закупок Пентагона. В 1990-х годах ситуация в оборонной промышленности существенно изменилась в результате прошедших слияний и поглощений, приведших к беспрецедентной консолидации в отрасли. По сравнению с предыдущим периодом, в структуре отрасли была осуществлена значительная вертикальная интеграция, приведшая к формированию ограниченного круга ключевых участников этого рынка.

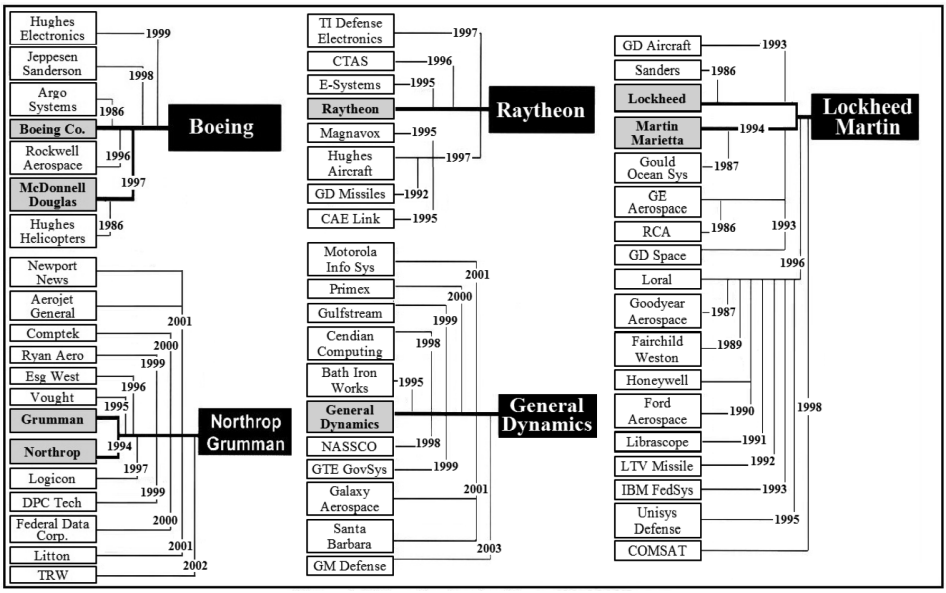


Рис. 1.62. Консолидация производителей США в оборонной промышленности

В результате произошедших слияний и поглощений вместо нескольких десятков крупных оборонных компаний возникли пять неоспоримых лидеров отрасли, которые способны не только монополизировать рынок, но и обеспечить лидерство США в области военных НИОКР и некоторых областях фундаментальной науки. Подобная концентрация сил позволяет говорить о том, что в случае необходимости (такая вероятность, в действительности, абсолютно реальна) ВПК США может произвести огромное количество новых средств для стратегического нападения, прежде всего КР разных типов базирования, гиперзвуковых ракет и эффективных средств ПРО.

Другими словами, в США создана основа для того, чтобы обеспечить использование новейших средств стратегического нападения в больших количества, измеряемых, как минимум, несколькими тысячами единиц уже к 2025 году. В основном они будут концентрироваться на наиболее крупных предприятиях ВПК, входящих в следующие корпорации.

Похожая ситуация стала в конечном счете реализовываться и в России, где появились первые крупные научно-промышленные концерны, объединившие остатки советского ВПК. Классическим примером ста-

Таблица 1.20. Структура основных поставщиков министерств обороны, энергетики и внутренней безопасности в 2012 финансовом году

Поставщик	Доля суммарных закупок, %
Lockheed Martin Corp	11,87
Boeing	10,42
Raytheon Co.	5,32
General Dynamics Corp.	5,1
Northrop Grumman Corp	3,66
United Technologies Cor	2,97
Huntington Ingalls Industries	2,53
L-3 Communications Holding	2,49
BAe Systems	2,25
SAIC	1,97

ло образование Концерна ВКО (первоначально ПВО) «Алмаз-Антей» в результате напряженной борьбы в 2001 году. С тех пор Концерн превратился в крупнейшего мирового производителя средств ПВО–ПРО, занимающий 11–12 место в рейтинге военно-промышленных компаний мира, но, главное, обеспечивающий ВС России всеми необходимыми и самыми совершенными средствами ВКО и экспортирующим их за рубеж в десятки стран мира.

Очевидно, что как в США, так и в России, будущее будет за сверхкрупными корпорациями, способными концентрировать НИОКР, опытное производство, поставки и обслуживание. Соответственно и для России стоит задача не только усилить этот тренд в развитии ОПК, но и добиться эффективности деятельности подобных научно-технологических гигантов, способных концентрировать самые передовые идеи и технологии. Другая задача заключается в том, чтобы попытаться использовать опыт, энергию и материальную базу этих корпораций для развития гражданских технологий. Её вполне определенно сформулировал В.В. Путин, однако, решение подобной задачи при существующем алгоритме научно-технического и экономического развития России превращает предприятия в «советские резервации» оборонки, т.е. не позволяет стимулировать широко развитие всех направлений невоенных технологий.

1.4.в). Средства воздушно-космической обороны и стратегического сдерживания

Представления государств о военных угрозах, связанных с космической деятельностью, выражаются в двух аспектах: угрозы с применением космических систем и угрозы в отношении космических систем[245]

П. Лузин,
военный эксперт

Исключительно важное значение для стратегического нападения, обороны и стратегического сдерживания приобрели в последние два десятилетия средства воздушно-космической обороны и нападения (ВКО), которые с военно-политической точки зрения стали синонимами государственного суверенитета. Иными словами, политическая функция средств ВКО как средств стратегического сдерживания от возможного военного нападения в XXI веке стала играть исключительно важную роль[246]. Войны и военные конфликты — от Югославии и Афганистана до Сирии — показали, что средствам ВКО принадлежит исключительно важная не только (и, может быть, даже не столько) военная, но и политическая роль. Это было ясно продемонстрировано той осторожностью, с которой применяются, например, ВВС США, Израиля или Турции против Сирии. Или отсутствием активных боевых действий авиации Украины против вооруженных сил ДНР и ЛНР.

Более того, наличие эффективных средств ВКО обеспечивало и применение ВВС против сухопутных сил с максимальной эффективностью и минимальными потерями. Что на 100% было также доказано проведением успешной операции российскими ВКС в Сирии, которые за 2 года фактически уничтожили основные воинские вооруженные формирования террористов. Таким образом, наличие или отсутствие эффективных средств ВКО в настоящее время можно отождествлять с наличием или отсутствием у государства суверенитета в области его безопасности[247].

Учитывая, что акценты Запада последних лет были сосредоточены на создании потенциала для возможной эскалации воздушно-космического нападения, состоящей из системы широкомасштабной ПРО, нового поколения СНВ и высокоточных стратегических неядерных систем, перед Россией со всей очевидностью формируется угроза, когда США и их



Рис. 1.63.

союзники смогут использовать это превосходство для проведения политики «силового принуждения», прежде всего с помощью угрозы применения военной силы и шантажа[248]. Это очень хорошо видно на примере развития всей линейки средств воздушно-космического нападения США и их союзников в последние десятилетия, но — что особенно беспокоит — с достаточно определенными практическими результатами к 2025–2030 годам. Как видно из презентации Генерального директора Концерна ВКО «Алмаз-Антей» Я. Новикова, потенциал стратегического военного нападения сложится в США в процессе начатого военного строительства с очень высокой степенью вероятности (рис. 1.63).

Поэтому развитие средств воздушно-космического нападения США требует от России адекватных мер в области воздушно-космической обороны, которые охватывают самый широкий спектр мероприятий, в частности, развертывания систем ПРО-ПВО ближней, средней и большой дальности, которые обладали бы очень высокой эффективностью перехвата значительного количества целей. В настоящее время этим требованиям вполне соответствуют три базовые комплекса:

— ближней дальности «ТОР»;
— средней дальности «БУК»;
— большой дальности С-400 и С-500.

Ожидается, что Концерн «Алмаз-Антей» начнет серийные поставки зенитно-ракетной системы С-500 «Прометей» в 2019 году, которая сможет обеспечить защиту особо важных районов и воинских частей, на что, естественно, потребуется достаточно много времени. Вероятно 10–15 лет, что существенно отстает от темпов роста западных средств воздушно-космического нападения, что дестабилизирует ВПО в районе 2025–2030 годов. Перспектива появления С-500 в 2025–2030 годах в массовом порядке ожидается, как об этом заявил заместитель генерального директора по производственно-технологической политике концерна А. Ведров[249].

Во многом это объясняется политикой Концерна. Изначально при создании Концерна исходили из необходимости концентрации в одной структуре прежних советских активов, часть из которых уже была приватизирована и перепрофилирована. Диктовалось это необходимостью модернизации всей линейки ВВСТ, обеспечивающих ПВО войск, объектов и ПРО страны от самых разных средств воздушно-космического нападения[250].

Кроме того, инновационная политика Концерна проводится, исходя из непреложного принципа: если постоянно не двигаться вперед, то рано или поздно тебя начнут обгонять более слабые конкуренты. Именно поэтому «Алмаз-Антей» является мировым «законодателем моды» в области систем противовоздушной обороны. Причем комплексы последних разработок в значительной степени решают и задачи противоракетной обороны. Именно поэтому в 2018 году Концерн начинает разработку системы ПВО нового поколения[251]. С-500 и предшествующая ей система С-400, уже эксплуатирующаяся в войсках, — грандиозный проект. Для выпуска этих систем, а также перспективных разработок комплексов ПВО/ПРО был специально построен Нижегородский машиностроительный завод имени 70-летия Победы. Строительство завода обошлось в 45 млрд рублей.

При разработке систем ПВО/ПРО концерн «Алмаз-Антей» идет, что называется, своим путем, который отличен от того, что делают в этой области американские конструкторы. Новейшая модификация американского ЗРК Patriot PAC-3 использует всего лишь одну ракету, которая должна перехватывать и аэродинамические (самолеты и крылатые ракеты), и баллистические цели. Такой универсализм не идет на пользу

боевым характеристикам. Поэтому вероятность поражения баллистической ракеты противоракетой «Патриот» не превышает 10–15%. И это не учитывая работы станции радиоэлектронной борьбы, которой может быть оснащена ракета. И нижний порог поражения аэродинамических целей слишком большой, то есть противоракета плохо работает по низколетящим целям[252].

Правда, сравнительно недавно в сухопутные войска США начали приходить узкоспециализированные мобильные комплексы THAAD. Они предназначены для заатмосферного перехвата баллистических ракет. И в них наличие единственной ракеты вполне оправдано. Вот только к этому комплексу надо приставлять еще и «Патриот», чтобы иметь возможность защищаться от налетов авиации, а также от атаки крылатых ракет. Кстати, именно такой атакующий набор имеет российский ОТРК «Искандер», способный одновременно атаковать и баллистической, и крылатой ракетами.

Будущая система С-500 будет универсальна и по своим возможностям значительно превосходить систему С-400, а тем более очень эффективную С-300. При этом, по мнению В.Тучкова, у С-500 будет значительный арсенал противоракет – «на все случаи жизни». При этом строго разделены противоракеты для аэродинамических целей и для баллистических, что существенно повышает их боевую и экономическую эффективность. Более того, С-500 – это, по сути два различных комплекса, имеющих общую, пожалуй, лишь систему электропитания. У каждой подсистемы своя РЛС с активной фазированной антенной решеткой, максимально приспособленная для обнаружения и сопровождения своего класса целей[253].

Каждый новый комплекс ПВО/ПРО, созданный в концерне «Алмаз-Антей», является развитием предыдущих, от которых он наследует наиболее эффективные средства управления, обнаружения и поражения. В «Прометее» используются ракеты, предназначенные для перехвата аэродинамических целей от С-400 «Триумф». Они имеют различную дальность, высоту перехвата, скоростные и динамические качества. Каждая ракета наиболее адаптирована для поражения своего класса целей. Три ракеты разработаны специально для «Прометея». Самой мощной, которая предназначена для борьбы с аэродинамическими целями, яв-

ляется 40Н6М, имеющая дальность, равную 600 км. Дальность ракеты THAAD в 3 раза меньше — 200 км[254].

Еще две новые ракеты разработаны в КБ «Факел» для баллистических целей. Это 77Н6-Н и 77Н6-Н1. Их характеристики не разглашаются. Известно лишь, что они справляются не только с баллистическими ракетами средней дальности, но и с МБР на среднем и конечном участках их траектории. И не только с самими ракетами, но и с отделившимися боевыми блоками малой заметности, эффективная площадь рассеяния которых не превышает 0,1 кв.м. При этом скорость поражаемых целей может достигать 7 км/с[255].

Существует информация, поступавшая от компетентных источников в оборонном ведомстве, согласно которой эти две новые ракеты могут использоваться в перспективной модификации системы ПРО Московского региона и Центрального промышленного района А-235 «Нудоль». Это означает, что с принятием на вооружение мобильной ЗРС С-500 в различных регионах России появится столь же надежный противоракетный зонтик, как и тот, который сейчас защищает столичный регион.

О возможностях новых ракет можно судить, сравнив их с противоракетой THAAD, максимальная скорость которой достигает 2800 м/с. У российских ракет, предназначенных для поражения баллистических ракет, — 3600 м/с. По дальности превышение четырехкратное: 800 км против 200 км. (По некоторым сведениям, самая дальняя ракета «Триумфа» способна улетать на 1500 км). По высоте перехвата выигрыш не столь существенен: 200 км против 150 км. Все это относится к приращению качества системы по отношению к С-400[256].

Американский комплекс не в состоянии тягаться с российским «Прометей» способен отражать массированные ракетные нападения. Дивизион ЗРС-500 сопровождает 160 целей и одновременно обстреливает 80 из них.

К достоинствам системы также следует отнести интегрирование комплексов в единую информационную систему, на которую способны работать как беспилотники, так и самолеты ДЛРОиУ и мощные РЛС предупреждения о ракетном нападении семейства «Воронеж» с дальностью в 6000 км.

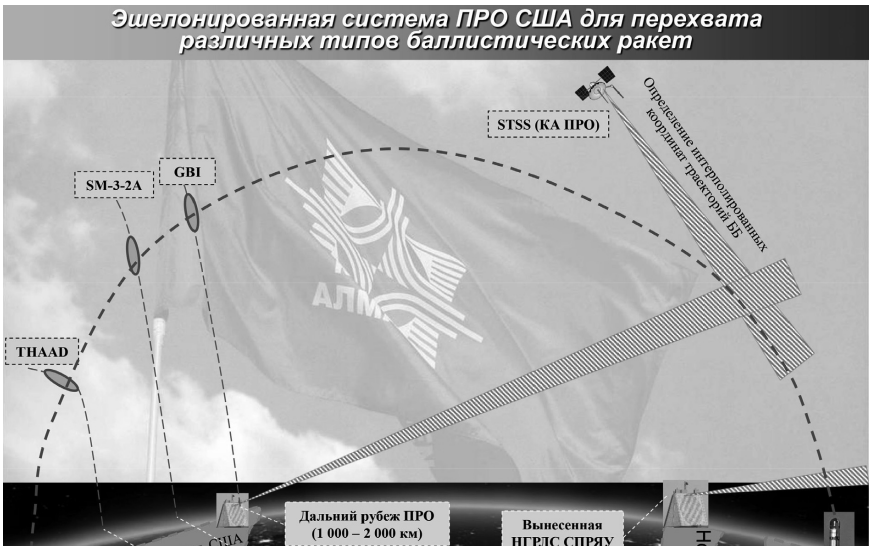


Рис. 1.64[257].

По сравнению с предыдущими ЗРК в С-500 повысились возможности не только РЛС и противоракет, но и всего комплекса радиоэлектронного оборудования. Новейшие средства связи, относящиеся к шестому поколению, исключают возможность радиоперехвата, а также полностью защищены от внешних помех. В то же время новейшая аппаратура радиоэлектронной борьбы, использованная в мобильных комплексах, расположенных на пятиосных колесных платформах, позволяет с высокой эффективностью нейтрализовать противорадиолокационные ракеты противника. Также ракеты С-500 оснащены аппаратурой подавления РЭБ уничтожаемых целей.

О скором приходе «Прометея» в ВКС свидетельствует то, что на базе Военной академии воздушно-космической обороны имени маршала Г. К. Жукова началась подготовка офицеров для работы на этих комплексах ПВО/ПРО.

Сказанное означает, что от России потребуются, как минимум, не менее масштабные усилия в области ПРО. Бывший главком ВКС России, например, сообщил о разработке военных конвертопланов и тяжелых беспилотников, рассказал генерал-полковник Виктор Бондарев. «Работы в России идут по всем направлениям — и малые, и средние, и большой беспилотник, и конвертопланы», — цитирует ТАСС военного. Господин

Бондарев заявил, что в будущем беспилотники смогут встраиваться в единую систему управления и действовать «стаей». Создание соответствующей сетецентрической системы поможет ощутимо снизить цену на подготовку операторов беспилотников, считает генерал-полковник.

«Беспилотная тематика развивается. Как бы там ни было, обучить летчика дороже, чем поставить на самолет хороший автопилот. Если уже сейчас оператор может управлять одним-двумя беспилотниками, то со временем, с развитием наземной составляющей он сможет управлять пятью, а то и десятью аппаратами, поэтому это будет еще дешевле», — сообщил главком ВКС РФ.

Но наиболее перспективным направлением до 2025 года представляется производство высокоэффективных систем последних модификаций ближнего и среднего радиуса действий «Тор» и «Бук», которые начали поступать на вооружение в 2017 году. Перспективная зенитная управляемая ракета 9М338 была разработана КБ «Вымпел», находящимся в корпорации «Тактическое ракетное вооружение» при поддержке концерна ПВО «Алмаз-Антей». Подробные характеристики новой ЗУР-перехватчика малой дальности не разглашаются, но известно, что ракета более компактна, маневренна и высокоточна, чем ранние ЗУР 9М331 и 9М331Д. Небольшие размеры новой ракеты позволят увеличить боекомплект «Тор-М2» в 2 раза (с 8 до 16 единиц). Для этого направляющие 2-х зенитно-ракетных модулей 9М334 будут значительно уменьшены и конструктивно адаптированы для аэродинамических органов управления ракеты 9М338, которые находятся в хвостовой части. Новая ракета имеет 2 рядом расположенных крестообразных блока аэродинамических плоскостей. Первый — неподвижные аэродинамические крылья для стабилизации воздушного потока перед вторым блоком. Второй блок представлен 4 поворотными аэродинамическими рулями, которые имеют максимальную эффективность благодаря переднему оперению. Подобная конструкция блока управления применяется во французской ракете ближнего воздушного боя «Magic-2», с той лишь разницей, что находится он в носовой части ракеты («двойная утка»).

Уникальность такой конструкции в высоких располагаемых перегрузках, доходящих до 45 ед. даже без ОВТ и газодинамических ДПУ. На испытаниях ЗУР 9М338 уничтожила 5 малоразмерных ракет-мишеней

9Ф841 «Саман» (модификация ЗУР 9ФМ33М3 комплекса «Оса-АК»), 3 из которых было поражено методом кинетического уничтожения «hit-to-kill» прямым попаданием в ракету-мишень. «Тор-М2У» проявил уникальные противоракетные возможности с повышенной в 2 раза живучестью в сложнейшей обстановке МРАУ благодаря удвоенному арсеналу. «Обновлённые» «Торы» положат начало широкомасштабному усилению эшелонированной войсковой ПВО в дополнение к глубоко усовершенствованным ЗРК «Бук-М3», которые заменят устаревающие комплексы «Бук-М1». Об этом подробней.

Начальник войск ПВО СВ генерал-лейтенант А. Леонов, обозначив преимущества обновлённых зенитно-ракетных комплексов «Тор-М2У», также оговорил сроки поставки в Сухопутные войска РФ перспективных модификаций ЗРК средней дальности «Бук-М3». Об этом РИА Новости, со ссылкой на радио РСН, сообщило 2 июля 2016 года. По словам А. Леонова, новые дивизионы начнут поступать в войска на смену ЗРК «Бук-М1/М1–2/М2» тоже в конце 2016 года. «Бук-М3» — принципиально новый зенитно-ракетный комплекс средней дальности, перекрывающий верхний рубеж воздушно-космического пространства от вторжения современных гиперзвуковых средств воздушного нападения. Его элементная база построена на современных цифровых вычислительных средствах, а боекомплект на 50% выше, чем у ранних версий комплекса. Основа ЗРК 9К317М — совершенно новая ЗУР 9М317М, параметры которой в разы лучше, чем у ракет семейства 9М38М1. По совокупности большинства ТТХ, «Бук-М3» практически не уступает, а по некоторым качествам и превосходит базовые противоракетные комплексы С-300В первых версий.

Рассмотрим все достоинства «Бук-М3», отталкиваясь от характеристик предпоследней версии комплекса «Бук-М2». Наиболее значимым преимуществом нового «Бук-М3» является новая ЗУР 9М317М. Её конструктивное сходство с корабельной версией 9М317МЭ (КЗРК «Штиль-1») обуславливает аналогичные лётно-технические параметры. В частности, максимальная скорость полёта ракеты составляет 1550 м/с (5580 км/ч), что на 26% быстрей ракеты 9М317 комплекса «Бук-М2» (4428 км/ч) и на 82% быстрей ракеты 9М38М1 комплекса «Бук-М1» (3060 км/ч); 9М317М вышла на гиперзвук, и теперь способна перехватывать вдогон малоразмерные ПРЛР и ОТБР на разгонном участке траектории.

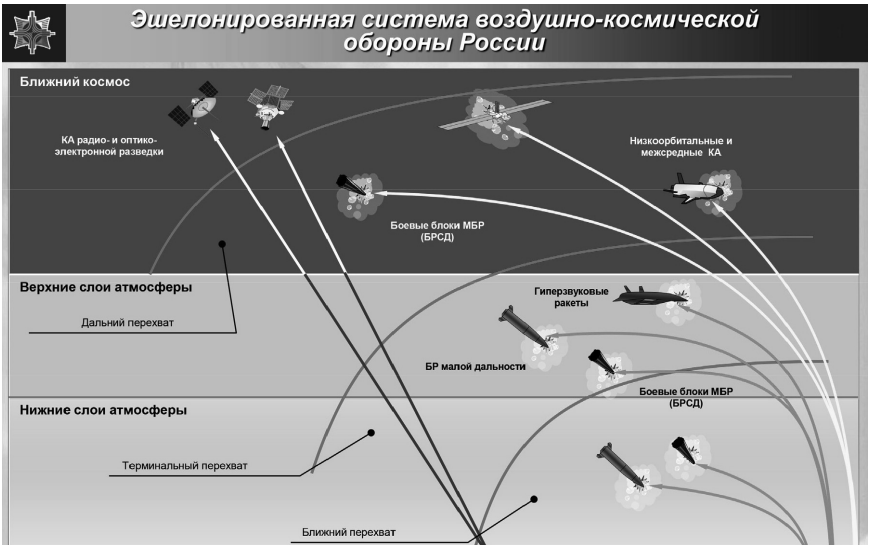


Рис. 1.65[258].

Новая полуактивная радиолокационная ГСН 9Э432 в совокупности с доработанным программируемым алгоритмом работы СОУ 9А317М и низковысотной МРЛС 9С36 для перехвата КР и малоразмерных БПЛА дали возможность перехватывать гиперзвуковые аэродинамические и баллистические цели со скоростями до 10,1М (3000 м/с), что соответствует характеристикам ЗРК С-300В и С-300ПМ1/2 «Фаворит».

Новый двухрежимный твердотопливный ракетный двигатель с увеличенным периодом работы маршевого режима дал возможность поражать цели на дальности 70 км и высоте 35 км, не отставая от ЗРК С-300ПТ/ПС. Маневренность ЗУР 9М317М превосходит показатели 9М38М1 на несколько единиц, достигая 24–27G. По эффективности работы со сложными высокоманевренными целями ЗУР 9М317М соответствует ракетам-перехватчикам 9М83М комплексов С-300ВМ «Антей-2500» и С-300В4, что впервые ставит войсковые ЗРК семейства «Бук» на уровень специализированных средств ПВО-ПРО большой дальности.

Противодействие средствам стратегического нападения — наиболее приоритетная задача обеспечения военной безопасности и стратегического сдерживания, требующая огромных экономических и финансовых затрат, которые стремительно будут увеличиваться у России. В особенности относительно всей западной военно-политической коалиции. Между

тем, если вернуться к экономическим и технологическим перспективам развития России и других центров силы в мире, это неизбежно придется сделать вывод о том, что противодействовать придется в условиях, когда соотношение экономических сил (по объемам ВВП) с Западом будет 1:30, а в области современных технологий — 1:70 или даже 1:100.

Поэтому для России потребуется максимально оптимизировать политику стратегического сдерживания и обороны, которая может быть обеспечена достаточно известными и ограниченными уровнем ВВП военными расходами в области производства военных средств стратегического нападения и обороны.

1.4.г). Средства стратегического сдерживания и обороны невоенного назначения

> Необходимо подумать о мире, где важны не понятия национальных границ, а серии взаимосвязанных сетей — финансовых, транспортных, социальных, — которые легко атаковать и тяжело защищать…[259]
>
> *Б. Джиндал, Дж. Талант, американские эксперты*

> На сегодняшний день США являются лидером в ИКТ и, следовательно, не заинтересованы в принятии на себя международных обязательств…[260]
>
> *Е. Зиновьева*

Стратегическое сдерживание — в современном понимании — политика, обеспечивающая защиту национальных интересов на любом уровне противостояния или противоборства[261], становится всё более и более обеспечена не военными, а полувоенными и невоенными средствами. Более того, в целом ряде своих информационном, когнитивном и даже экономическом аспектах военная сила может лишь облегчать решение этих задач. Выше уже достаточно подробно говорилось о том, что силовые невоенные средства принуждения в политике Запада вытесняют вооруженные средства борьбы, но, естественно, не отменяя, а совершенствуя их применение и качество. Стратегическое наступление в XXI веке, таким образом, во всё большей степени превращается в политику системного использования всех силовых сил и средств, где

роль собственно военных сил и средств сводится постепенно к обеспечению эффективного применения невоенных силовых средств «политики принуждения»[262].

И наоборот: стратегическое сдерживание в XXI веке тем эффективнее, чем большим набором средств и способов их применения обладает тот или иной субъект ВПО. Иными словами, в традиционной силовой политике государств в XXI веке (а она — подчеркнем — остается в любом случае силовой, т.е. не замененной ни на «правовую», ни на «моральную», ни на любую ещё) произошли изменения, в результате которых основными средствами принуждения становятся силовые, но не военные средства, а собственно военные постепенно превращаются во вспомогательные инструменты политики, обеспечивающие эффективность использования первых. Этот процесс начался еще в 70-е годы прошлого века, но в то время многие политики и ученые в СССР поспешили заявить о том, что «военная сила потерла своё значение», что было — как теперь стало для всех очевидным — ошибкой, а не их «глубокой мудростью», пропагандировавшейся на всех углах[263].

Военная сила, надо констатировать, всегда выполняла две функции — политическую (угрозы, шантаж) и военную (прямое применение вооруженного насилия). Иногда говорили, что это функции «со стрельбой» и «без стрельбы», хотя политическая функция, как правило, делилась на явную угрозу (шантаж) и скрытую (демонстрацию мощи). В разное время, и в разных условиях эти функции использовались разными субъектами ВПО по-разному. В конце прошлого века показалось (особенно тем, кто был, как Горбачев, неопытен в реальной политике), что вторая, собственно военная, функция себя исчерпала[264].

На самом деле она просто на какой-то период отошла в тень тех доминировавших политических процессов, которые развивались в связи с самоуничтожением социалистического центра силы в лице СССР и ОВД. На первое место вышли невоенные инструменты насилия, прежде всего экономические, информационные и когнитивные, с помощью которых Запад планировал окончательно приспособить в своих интересах МО и ВПО[265], когда (как говорится в официальных документах США) «… контроль над эскалацией становится более трудным и более важным…»[266].

Но постепенно стало ясно, что только этих, невоенных, инструментов уже не хватает. Прежде всего потому, что новы центры силы (КНР, Индия, Бразилия, Индонезия и др.), а также не захотевшая самоликвидироваться окончательно Россия, начинают активно противоборствовать. В том числе и силовой политике Запада. Для России таким «часом икс» стал конфликт в Южной Осетии, а до этого — на Северном Кавказе, где именно позиция федерального центра и его «решимость» использовать военную силу встретила самую негативную оценку в кругах правящих в стране либералов, развязавших информационную войну против федеральных сил на Кавказе.

Стало ясно к 2007–2008 годам, что Россия сохранит и будет использовать силовые инструменты для целей государственного суверенитета. Поэтому западная ЛЧЦ вернулась к своему «естественному» ресурсу, в котором она имела очевидное финансово-экономическое и технологическое превосходство, — военной силе, с тем, чтобы резко повысить эффективность своих силовых инструментов политики. Прежде всего, информационных, экономических, финансовых и торговых, которые стали уступать в развернувшемся противоборстве аналогичным силовым инструментам новых центров силы. Короче говоря, там где США и союзникам стало труднее добиваться своих целей экономическими и иными средствами, вновь была подключена функция политической угрозы военной силой. Отражение этих изменений нашлось в нормативных документах, принятых в России по вопросам безопасности во втором десятилетии новой эры, например, в Стратегии национальной безопасности[267].

Это обстоятельство достаточно быстро изменило ВПО в мире. Для военно-политической обстановки, в которой будет существовать Россия до 2025 года, стало характерно не только усиления собственно военных угроз, но и развитие невоенных угроз, вытекающих из эскалации силовой политики Запада. Такие угрозы обладают двумя очень важными преимуществами:

Во-первых, они значительно дешевле, чем военные угрозы, — ни одна информационная, экономическая или финансовая акция не идет ни в какое сравнение по своей стоимости, например, с экспедицией Вооруженных Сил США, которую те осуществили во Вьетнам или Ирак.

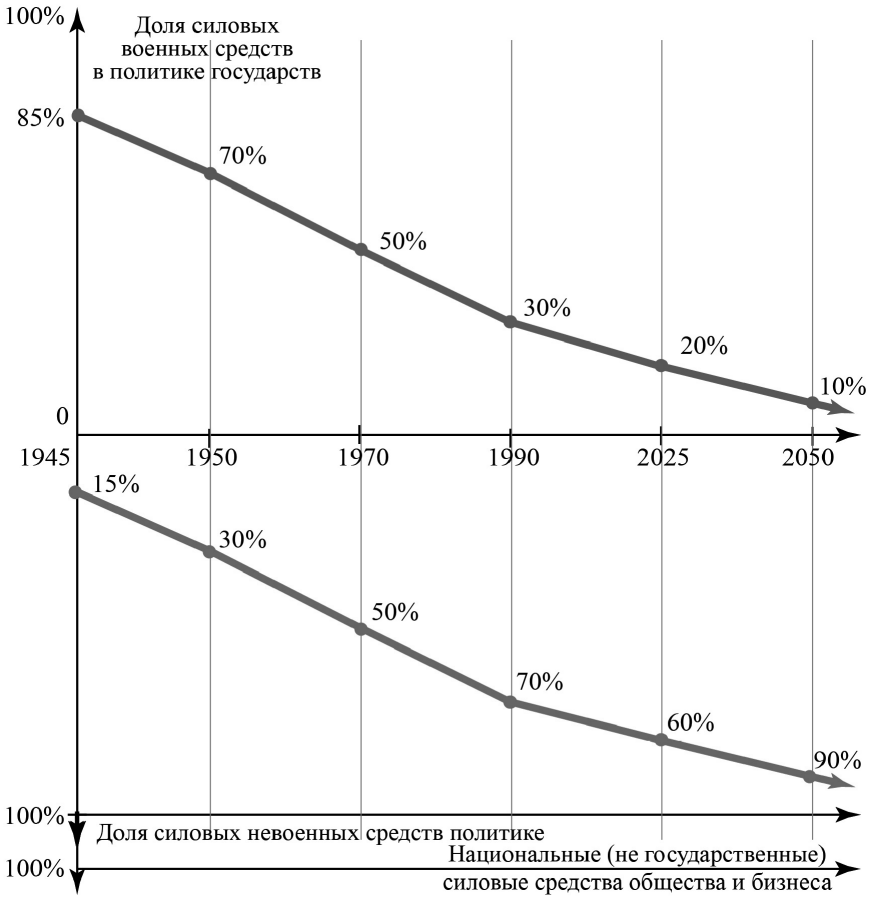


Рис. 1.66. Изменение роли вооруженного насилия среди других силовых инструментов политики

Во-вторых, эти действия гораздо менее рискованны. Применение оружия рассматривается как неоспоримый факт войны, а использование дезинформации, кибератак или РЭБ оставляет возможность для деэскалации насилия.

С точки зрения военно-политического развития России, невоенные инструменты насилия могут быть опаснее, чем военные по простой причине: отставание нашей страны в темпах развития от противников неизбежно и вне сомнений меняет дальнейшее соотношение сил не в её пользу. Иными словами, сам по себе параллельный процесс развития западной ЛЧЦ и стагнации российской с неизбежностью ведет к победе

первой. Даже при отказе от эскалации насилия и сохранения нынешнего уровня военно-силового противоборства. В этом во многом заключается сущность и характер современных войн, которые ведутся без объявления войны и без применения больших масс вооруженных сил[268].

Можно коротко свести эти направления силовой невоенной политики, отражающие особенности современного стратегического нападения, к следующим двум основным направлениям:

Первая группа — связана с применения силы относительно **основных объектов** политики «силового принуждения» в новых условиях ВПО и СО, прежде всего по отношению:

— к системе национальных ценностей и национальных интересов;
— к правящей элите и её отдельным представителям.

Характер военно-политического противоборства в XXI веке существенно, качественно изменился по отношению к традиционному характеру, существовавшему до недавнего времени, прежде всего, в том, что основными объектами силового воздействия стала уже не политика и её цели, а система ценностей и конкретные представители правящей элиты объекта, на который оказывается силовое воздействий. Так, силовое (не военное) воздействие, которое оказывалось США на Украину 1980-е, 1990-е и в более поздние годы, заключалось не столько в оказании влияния на её политику, сколько на фундаментальные изменения системы ценностей и приход к власти прозападной и русофобской правящей элиты[269].

Соответственно и средства противодействия такой политики со стороны России должны были бы быть направлены против такой политики, прежде всего, в области национальной системы ценностей и правящей элиты украинской элиты. Чего сколько-нибудь эффективно не делалось — не поддерживалась ни пророссийская элита, но институты, ни единая с Россией система ценностей[270].

Вторая стратегическая цель — правящая элита противоборствующего государства, которую можно подчинить своей воле и заставить отказаться как от системы национальных ценностей, так и защиты национальных интересов. В конце 1980-х годов и в 1990-е годы было видно как правящая элита СССР и России откровенно игнорировала систему национальных интересов России.

Вторая группа, входящая в основное направление силовой политики, — средства стратегического нападения, обороны и сдерживания, которые охватывают всё расширяющейся спектр новых средств и способов силового принуждения, которые становятся единым коалиционным ресурсом Запада и с определенной степенью условности можно перечислить следующим образом:

1. **Экономические санкции и технологические ограничения,** которые обеспечивают важнейшие условия для стратегического нападения, — военно-техническое превосходство, а также создают экономические и финансовые трудности в странах-противниках.

При этом важно подчеркнуть, что эти меры эффективны только ПОСЛЕ того, как оппоненту удается навязать изначально неправильную модель социально-экономического развития. Как это удалось сделать в свое время по отношению к СССР и России, навязав им «макроэкономическую» модель «всеобъемлющего рыночного развития». Необходимо подчеркнуть, что нередко эти меры носят скрытый, латентный характер, который выражается в политическом навязывании ложных моделей развития в экономике, науке и технологической областях. Так, например, как это было применительно к России, когда не только политико-идеологические ложные модели, но и настойчивые экономические рекомендации Запада привели к деградации российской экономики. В определенном смысле такое внешнее вмешательство Запада оправдано потому, что оно направлено на устранение конкурента. Вина правящей российской элиты в том, что она не хотела и не смогла сопротивляться, да и сегодня продолжает по сути ту же политику[271].

Соответственно и противодействие этому внешнему влиянию должно происходить на ценностном уровне, а также на уровне цивилизационных и национальных интересов, а не отдельных враждебных действий и угроз. Россия, как оказалось, была ввергнута в управленческий, политический и экономический хаос, из которого она до сих пор не может выбраться. Одним из последствий этого стало увеличивающееся отставание, а другим — уязвимость для экономических и технологических средств «политики принуждения», лечение от которых происходит в алгоритме избавления от «импортозависимости», хотя главная «импортозависимость» у нас сохранилась в политико-идеологической области[272].

В этой связи интересно мнение одного из ведущих специалистов из центра Сколково по этому вопросу П. Биленко, который говорит следующее: «Сегодня мир стоит на пороге нового технологического уклада, стартовала цифровая трансформация и российской экономики. Как можно изменить ситуацию и почему не эффективно двигать прогресс с помощью госпрограмм государственных инициатив». Как и 100 лет тому назад Россия стоит перед выбором алгоритма развития — модернизационно-мобилизационного или инерционно-стагнационного, — который будет определять её будущее на десятилетия вперед.

Если «посмотреть в прошлое», то можно сделать некоторые выводы, имеющие политико-идеологическое значение для нации, прежде всего с точки зрения её способности к быстрому экономическому и социальному развитию. Правда индустриализация Российской Империи проводилась при активном участии зарубежного капитала. На 1 января 1917 г. на долю иностранных инвестиций в промышленности приходилось более 50%. При этом на долю французского капитала приходится 32,6%, английского — 22,6%, немецкого — 19,7%, бельгийского — 14,3%, американского — 5,2% и на долю остальных стран — 5,6%. Именно поэтому отсутствие западных инвестиций сегодня будет сказываться на темпах развития России, но не определять их и политику страны.

Исходя из данных о производстве основных видов продукции, характерной для периода «угля и стали», мы легко сможем увидеть, что Революция и Гражданская война остановили развитие России на 15–20 лет. А компенсация этого отставания произошла в годы Великой депрессии, когда Россия оказалась рынком сбыта для терпящих кризис перепроизводства европейский стран и США. За индустриализацию пришлось заплатить не только материальными ценностями, накопленными в предыдущие столетия, но и тяжелейшим положением крестьянства и сверхэксплуатацией рабочей силы.

Иосифу Сталину банально повезло править в момент пика научно-технической революции. Во всем мире проходила электрификация и механизация, началась автомобилизация и внедрение тракторов в сельском хозяйстве. Электричество и автомобили в России без Сталина точно также появились бы — это абсолютно не его заслуга. И из-за вынужденного отставания СССР шел уже проторенной дорожкой,

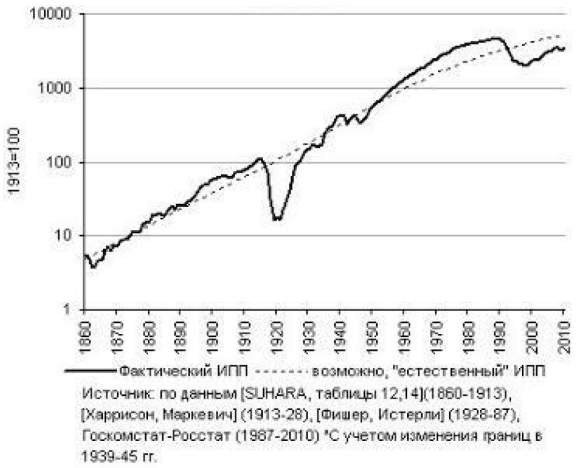


Рис. 1.67. Индекс промышленного производства в Российской империи, СССР, РФ за 150 лет

опираясь на опыт и технологии других стран. А как известно догонять значительно легче, чем разрабатывать все с «нуля», чем и объясняется «сталинское экономическое чудо» — процессы, занимавшие десятилетия в других странах уложись в более короткий промежуток. А так, с «низкого старта» для 1930-х гг. получаем те высочайшие темпы роста экономики, которые нас сегодня впечатляют.

Прежде всего, необходимо говорить о реанимации машиностроения, росте производительности труда и быстрой трансформации экономики в более эффективную: реальный сектор и машиностроение — это основа основ, именно здесь сосредоточены критические узлы всей экономической системы. Мы много работаем глобально и видим, что в мире за последние пять лет затраты на старт и развитие новых технологических проектов существенно снизились. В Кремниевой долине пять лет назад для запуска продукта надо было потратить два года и $5 млн, сегодня — шесть месяцев и $100 тыс. Издержки на запуск прототипа продукта сократились в пятьдесят раз, скорость производства прототипа — в четыре раза. Программное обеспечение зачастую бесплатное или упало в цене, офисы переместились в коворкинги, затраты на аппаратное обеспечение также снизились — инфраструктура в облаке. Чтобы создать прототип продукта или прорывной технологии теперь нужно гораздо меньше денег, времени и усилий»[273].

И далее он делает вывод: «А все эти красивые слова — „инфраструктурные организации“, „субъекты рынка“, „институциональные условия“ — это фантомы. Особенно это понятно, если вы оглядитесь по сторонам на центральных улицах наших городов. Какие институциональные условия, если в центральных городах на улицах у нас рестораны, а в Сан-Хосе, не первом городе Калифорнии — техшопы, детские образовательные центры и интерактивные музеи? Даже так любимые всеми сегодня словам „платформа“, „архитектура систем“ и „уберизация“ — фантомы. Они существуют сегодня только как сильно потерявшие ценность слова, затасканные с конференции на конференцию, из важной речи в важную речь. Время изменилось, новое поколение уже устало от фантомов и понимает их призрачность. Нет в природе таких сущностей. Что есть — сотни компаний по всей стране в разных стадиях развития. Которыми управляют люди. Которые меняют или не меняют эти компании»[274].

Да, подобные пространства в России есть, но их немного — инновационный центр Сколково, Иннополис в Татарстане, инфраструктура технологического предпринимательства на Дальнем Востоке. И они в определенной степени закрыты. То, что представляет собой пространство для развития за рубежом, у нас пока больше похоже на резервацию. Все дело в доступности. В Сан-Хосе вы можете увидеть площадку для развития (техшоп) в центре города, она открыта до полуночи и здесь рады видеть всех: например, рядом с программистами увлеченно работают сварщики, которые тут же мастерят прототипы будущих продуктов. У нас, чтобы просто въехать в фонд Сколково и технопарк на автомобиле, надо заранее заказать пропуск. Строили экосистему, получилась резервация. Так не работает развитие новых компаний, трансформация идей в революционные продукты. И это, по-моему, очевидный, но, к сожалению, пока не разделяемый на практике создателями программ, повесток и лозунгов факт»[275].

Эти меры принимались Западом по отношению к Кубе, СССР, Ирану, Ливии и целому ряду других государств еще в XX веке, но в новой стратегии «силового принуждения» они носят тотальный и глобальный характер, когда в противоборство вовлекаются все члены западной военно-политической коалиции (более 60 государств), а также к ним принуждаются другие страны[276].

Цель всего комплекса таких мер — разрушении не только экономики, но и самого государства и общества, принуждение его правящей элиты к капитуляции.

2. **Меры давления на представителей правящей элиты противника**, которые можно назвать мерами политико-экономического шантажа и принуждения. Комплекс этот мер применялся западной коалицией неоднократно, но именно в XX веке он стал системным (комплексным) и сетецентричным (нацеленным на отдельных, конкретных представителей, а не только на какие-то социальные группы.

Более того, после демонстративного уничтожения лидеров противоборствующих сторон (Чаушеску, Каддафи, Хусейна, Наджибуллы и др.), а также изобретения Международного трибунала, фактически была создана правовая основа для легального шантажа и уничтожения любых лидеров и представителей правящих элит, которые могут показаться руководителям западного блока целями политики «силового принуждения».

Принятый Конгрессом в августе 2017 года закон, предполагает усиленное и долгосрочно давление на правящую российскую элиту до тех пор, пока она не капитулирует и не примет американские условия для политического курса России.

3. **Меры сетевого социального силового давления на общество** и правящую элиту, включающие широкий набор средств и способов принуждения, который создавался со второй половины XX века в виде разного рода СМИ, НКО и международных организаций.

Пример с Украиной в этой связи выглядит очень показательным — там в течение трех десятилетий создавались антисоветские и антироссийские организации, которые быстро трансформировались в националистические, экстремистские и даже фашистские общественные организации и партии.

4. **Силовые меры по снижению темпов и уровня социально-экономического развития противника,** которые предполагают внедрение вредных — неэффективных и нередко откровенно диверсионных — схем управления, лиц, ориентированных на развал государства и экономики, в правящую элиту страны, как это было в СССР, когда «иностранные консультанты» управляли целыми министерствами, или, как на Украине, где такие же советники управляют СБУ.

5. **Средства и меры, разрушающие системы национальных ценностей и самоидентификацию.** Комплекс этих мер и средств следует отнести к числу наиболее приоритетных невоенных средств ведения силового противоборства. С единственной поправкой на их невысокую оперативность при исключительно значимой, фундаментальной, эффективности. В особенности с точки зрения политической сетецентричности, когда одновременно оказывается влияние на сотни и тысячи объектов. Л. Савин, например, таким образом описывает «роевое применение» средств принуждения: «Представьте себе, что вы в лесу потревожили осиное гнездо. Рой разъяренных ос вылетает, чтобы жалить своего обидчика во все места, до которых они могут добраться. Каковы будут ваши действия? Очевидно — убежать как можно быстрее. А как будет убегать государство со своей территории? При применении такой аллегории это будет выражаться в смене институтов власти»[277].

Когда разрушается система национальной самоидентификации, людьми можно манипулировать через их ценности и интересы, посредством определенных техник, устанавливая выгодное для внешних сил и ложное с точки зрения национальных интересов целеполагание. Именно так формировалось общественное мнение со второй половины 1980-х годов в СССР, когда главным манипулятором, искажавшим систему ценностей, выступил орган, многие годы отвечавший в стране за формирование национального и классового сознания, — Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС во главе с А.Н. Яковлевым. В результате было создано альтернативное общественное мнение, поддерживаемое властью, враждебное самому существованию СССР как государства.

При этом у разных групп могут быть разные цели, но, в конечном счете, все будет складываться в одну картину. Имея разные «отряды» под общим управлением, о котором могут и не догадываться сами уличные исполнители, заказчик может ввергнуть страну в хаос, как уже неоднократно повторялось. Именно в такой хаос ввергался СССР, который к августу 1991 года превратился в неуправляемое государство. Возможность сопротивления таким организациям и сетям, продвигающим ложную систему ценностей, зависит как и от умения властей распознавать угрозы на этапе их зарождения, так и способности создавать и активно использовать свои организации и свои контрсети для баланса через непрямые

действия. В СССР в августе 1991 года у власти были и организации и сети, но не было решительности и воли их использовать против оппонентов.

И прежде всего потому, что была деформирована базовая система национальных ценностей, подорвана уверенность в её значении для нации и государства. То, что тот же Л. Савин называет «базовой резистенцией» общества:«Но и базовая резистентность должна быть достаточно сильной. — Пишет он. — Имеется в виду чувство патриотизма у народных масс и желание защищать свою страну». Агентура, как правило, ожидает время «икс», когда она используется в соответствии с их опытом, связями и умением[278].

6. Демографические, биологические и иные меры, предполагающие депопуляцию и деградацию нации, особенно качество национального человеческого капитала (НЧК). К числу таким мер относится прежде всего ложная социально-экономическая позиция правящих кругов, которая может быть сформулирована и навязана извне. Не секрет, что на Западе существует немало концепций, книг и организаций, которые своей прямой задачей поставили максимально громко «сформулировать озабоченность» перенаселением планеты и грядущим демографическим коллапсом, угрожающим самоуничтожением. Эти организации и фонды, в том числе на правительственном уровне, всячески стимулируют активность разного рода сил, которая вела бы к свертыванию демографических программ и сокращению численности населения.

Ярким примером этих действий стала деятельность российского правительства в 1990-е годы, которая привела к демографической катастрофе, из которой правительство В. Путина пытается как-то выбраться сегодня, принимая меры по стимулированию рождаемости и сокращению смертности.

Надо признать, что для некоторых регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, которые богаты природными ресурсами и крайне ограничены демографическим потенциалом, подобная политика правительства и западных организаций привела к депопуляции целых районов, которую не удается преодолеть сегодня.

К числу таких мер следует отнести и многочисленные меры, навязываемые извне и иногда поддерживаемые внутри России, по распространению вредных продуктов, фальсификатов и особенно вредных «услуг» населению, принявших массовый характер.

Особенно важно для национальной безопасности, вернуть лидерство России в НЧК, его институтах и конкретных руководителях государственных и общественных институтов, в особенности кадрового потенциала у правящей элиты, которая по свои профессиональным и нравственным качествам не соответствует потребностям России сегодня, в особенности, за рубежом, на что обращал внимание в своих майских указах МИДу и МЭРу В. Путин[279].

7. **Средства информационного и когнитивного воздействия на общество и его институты**. Исключительно важное значение приобретает силовая борьба с Россией в когнитивной области, смысл которой сводится к превращению общества в неорганизованную массу и в конечн**ом** счете в неуправляемую толпу, лишенную здравого смысла и национальных ориентиров, руководимую чужими интересами и ценностями. Здесь огромная роль принадлежит идеологии, как системе упорядоченных взглядов на основные цели и средства развития общества, экономики и государства, которая выполняет — о чем нередко забывают — функцию системного политического, социально-экономического и даже военного управления[280]. Примечательно в этой связи то, что официальная Военная доктрина России «представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и защиту Российской Федерации»[281].

Развал СССР начался с развернутой сознательно масштабной работой по уничтожению идеологии правящей элиты («деидеологизации идеологии») и развала государства и его институтов («борьбы с этатизмом»), которая достаточно быстро привела к образованию идеологической пустоты, быстро заполненную чем угодно — от «лечения» Кашпировского до «свободорыночных» универсальных идеологем западных либералов, естественно, сопровождавшихся развалом институтов государства — сначала КГБ и Министерства обороны, а затем и всех экономических и социальных органов управления[282].

Было уступлено добровольно и идеологическое лидерство, в том числе и в мире, которое долгие годы объединяло многие страны и движения, превратившееся в жалкую политико-идеологическую компиляцию убогих западных либеральных идей. То, что последовало за этим — отказ от многих атрибутов политического суверенитета, одностороннее

разоружение, развал ОПК и т.д. — другая стороны медали, но которая является прямым следствием отказа от идеологии, который попытались даже закрепить в Конституции Российской Федерации.

Не случайно, что лидерство в «толковании» и «объяснении» пытаются навязать западные средства, включая СМИ. В частности, тот словарь, справочник, энциклопедия и т.д., который будет признан наиболее авторитетным, и будет задавать тон и моду в обучении и трактовке событий.

В этой связи обращает на себя внимание упорно продвигаемая практика внедрение в российскую систему высшего образования рейтинга университетов, в котором все первые десятки мест заранее прописаны для английских, американских и швейцарских университетов, а критерии отбора подобраны соответствующим образом. Не случайно и то, что критерием научной эффективности (который внедряется российскими органами образования) являются рейтинги «Хирша», «Скопус» и другие, формируемые прежде всего западными журналами. Получается, что российский ученый, например, в области безопасности, должен соответствовать требованиям … американских журналов, в зависимость от которых прямо ставится его заработная плата, участие в НИР и пр.

Нельзя не сказать и не вспомнить о влиянии различного рода «экспертных» медиа, прямо влияющих на политические процессы и принятие решений в области экономики. Такие издания, как Forbes и Bloomberg регулярно издают свои рейтинги и аналитику, которая ложится в основу научных и политических выводов. При этом мало кто интересуется качеством и достоверностью информации, даже в тех случаях, когда она вызывает сомнение. В данном случае ситуация выглядит типично коммерческой — кто заплатит за рекламу и заказную статью, того и будут воспевать «эксперты» по экономике и инвестициям данных изданий. Но приоритет всегда будет за местом обитания — США, которые обладают подавляющим превосходством в СМИ, оцененным в свое время Б. Обамой как 95% мирового потенциала[283]. Причем весь этот потенциал превращен в единый интеграционный военный потенциал США по всему миру, который обеспечивает «операции, основанные на глобальных логистических возможностях, безопасности связи, объединенной разведке и возможностях наблюдения и анализа»[284].

Подобная перспектива неизбежно ставит вопрос о возможности эффективного не только военного, но и не военного противодействия со стороны России, т.е. в конечном счете, о сохранении суверенитета и национальной идентичности в будущем. Можно представить эту политику в качестве реакции на политику «силового принуждения» Запада в виде некой матрицы следующим образом (табл.).

Таблица 1.21.

		Политика «силового принуждения» Запада	
		Стратегическое нападение военными средствами	**Стратегическое нападение невоенными средствами**
Стратегическое сдерживание со стороны России	**Стратегическая оборона военными средствами**	**«А»** широкий спектр войн и военных конфликтов — от глобальной ядерной войны до использования сил террористов	**«Б»** Широкий спектр невоенных силовых средств (экономических, фина нсовых, информационных и др.)
	Стратегическая оборона невоенными средствами	**«В»** Широкий спектр военных средств стратегической обороны и сдерживания	**«Г»** Широкий спектр невоенных средств стратегической обороны и сдерживания

В данной матрице видно, что основное поле противоборства (стратегическое наступление) находится в квадрате «Г», который предполагает, что:

— стратегическое сдерживание делится, как минимум, на оборону с помощью силовых, но невоенных средств и на собственные силы сдерживания невоенными средствами и способами;
— сдерживание в данном случае рассматривается как способность контролировать (управлять) силовой эскалацией противоборства.

Такая постановка вопроса требует, как минимум, вернуться к вопросу о существующих возможностях не военного сдерживания и обороны России и поиске способов их увеличения в области информатики и СМИ, а также в стратегии их использования, которая в случае со СМИ (как показал опыт работы «России сегодня») может быть очень эффективной.

Причем неизбежен вопрос о необходимости обладания не только средствами обороны и сдерживания и умением их использовать, но и средствами и способами проведения активных операций: только защищаясь противоборства не выиграешь. Сама по себе постановка вопроса о силах и средствах сдерживания публично ставит и вопрос о способах их использования, в частности, в наступательных операциях.

Это означает, например, что в ответ на действия противника в заведомо более слабых областях можно и нужно проявлять активность, в т.ч. наступать, в тех областях, где обстановка для России оказывается более благоприятной. Например, на действия в финансовой области (где позиции США особенно сильны) можно действовать в области кибероперация, нарушения связи, диверсионной деятельности и пр.

Не являются исключением и действия в военной области в ответ на финансово-экономическую агрессию США[285].

За последние 40 лет мы сменили несколько стратегий и даже идеологических доктрин. Как минимум, можно условно перечислить их следующим образом:

— стратегия идеологической и политико-психологической войны СССР против Запада;
— период «романтизации» отношений не только с Западом, но и отношения к « свободным» СМИ;
— период «рыночных отношений, когда СМИ используются в интересах инвестора (хозяина);
— наконец, «период Путина», когда СМИ возвращаются обществу и государству со всеми плюсами и минусами этого процесса в отношениях с Западом.

Сегодня неизбежна постановка вопроса о будущей информационной политике России в условиях обострения ВПО, которая может быть, на мой взгляд, либо мобилизационно-ориентированной, либо прозападной. При этом очень важно, чтобы СМИ и содержательная экспертиза была ориентирована не только на силовую борьбу, но и на продвижение собственной повестки дня, собственной идеологии и собственной стратегии. В этом смысле правы авторы стратегического прогноза ИМЭМО РАН, полагающие, что «… России важно в максимальной степени задействовать фактор „умной силы“, использовав его …

продвижения собственной повестки … разработки новой архитектуры будущего миропорядка»[286].

При этом очень важно не только обладать существенными когнитивными и идеологическими преимуществами, но и уметь быстро их перевести в реальные инструменты влияния — в смежной области использования силовых средств и методов — военной и не военной области, — а также в других областях противоборства, даже таких, «невинных» как социальные сети[287]. Так, эффективность «России сегодня» в США и ряде других стран привело к прямым ограничением на деятельность российских СМИ в этих странах.

Особенно яркий пример — информационное противоборство на Украине, которое имеет с точки зрения действующей власти приоритетный характер не только в законодательной деятельности и работе исполнительной власти, но и в районах АТО, где наиболее важными целями считаются ретрансляционные вышки, радиостанции и отдельные журналисты.

Чрезвычайно важную роль стали играть сетевые СМИ в интернете, которые превратились уде не только в инструменты пропаганды, но и организационно-политического влияния. В особенности для негосударственных акторов и крупных сетей, а также отдельных политических лидеров, создавших на их основе «частные СМИ», успешно конкурирующие с крупными компаниями.

Кому-то все это может показаться низким уровнем, недостойным политики и дипломатии. Однако известно, например, что лидеры присутствия в социальных сетях — Д. Трамп и Папа Римский — по сути формируют политическую повестку дня, а отдельные особенности работы в социальных сетях стали предметом самого пристального политического внимания в США и Великобритании в 2017 году. Так, «русский троллинг» в Британии стал настолько известным, что отдельный материал этому явлению посвятила даже солидная Financial Times. Можно привести в качестве иллюстрации следующий пример: «Когда Тереза Мэй обвинила ЕС во вмешательстве во всеобщие выборы в Великобритании, посольство России в Лондоне невозмутимо заявило в Twitter: «Слава богу, на этот раз — не Россия». После того как сообщение набрало 9,7 тыс. ретвитов и 12 тыс. лайков, даже некоторые ярые критики

России в социальной сети признали (подобно тому, как футбольные фанаты неохотно аплодируют голу, забитому нападающим из команды соперника), что это был «эпический троллинг». Автор этого материала Бакли констатирует: «За прошедший год аккаунт российского посольства «RussianEmbassy опередил по популярности сайты американского и израильского посольств и стал наиболее посещаемой из страниц дипломатических миссий в Лондоне».

Таким образом невоенных силовых инструментов влияния государств и негосударственных акторов вполне достаточно чтобы обеспечить достижение политических целей без прямого военного вмешательства и рисков, неизбежно связанных с таким вмешательством, а также огромных материальных затрат. Так, война США в Ираке, по некоторым оценкам, стоила порядка 1000 млрд долларов, тысяч смертей и до сих пор скрываемых материальных потерь при сомнительной политической эффективности. Некоторые эксперты считают, что подобные затраты могли бы быстрее и надежнее обеспечить интересы США без военных и репутационных потерь[288].

Другой пример — успеха американской внешней политики — вмешательство США в дела на Украине, где им удалось многого добиться за 25–30 лет, создавая проамериканские и антироссийские институты, которые пришли к власти в 2014 году, сформировав по сути антироссийский фронт в Европе. Затратив на эти процессы несколько больше 5 млрд долл., и не вмешиваясь непосредственно, США и их союзникам удалось создать широкий антироссийский фронт, запустив процесс конфронтации на новый уровень. Всего этого удалось добиться без прямого использования военной силы, огромных издержек и материальных и людских потерь.

Есть все основания полагать, что конкретные позитивные результаты российской внешнеполитической деятельности (как они понимаются сегодня)[289] будут определяться наличием и эффективным применением самых различных силовых не военных средств в будущем.

---

1 *Gompert D, Binnendijk H.* The Power to Coerce. — RAND, Cal.,2016. — P. 2.

2 **Военно-политические тенденции** — *зд.* относительно устойчивые возможности, закономерности, векторы развития внешней и внутренней политики го-

сударств, характеризующие состояние и перспективы их безопасности, прежде всего в военной области.

[3] *Подберёзкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 9–10.

[4] *Свечин А. А.* Стратегия (2-е издание). — М: Военный вестник, 1927. — С. 28.

[5] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Факторы безопасности для российской нации, государства и общества. Угрозы силового использования социальных сетей / Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer, 2017. — №10. — С. 23–25.

[6] Эту точку зрения я впервые сформулировал в работе «Евразийская воздушно-космическая оборона», которая была опубликована в МГИМО–Университета в 2014 году.

[7] Цит. по: *Kozin V.* The Unacceptable Risk of Trumps Nuclear Strategy / http: Orientalreview.org. 2018.17.01.

[8] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года / Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №4(55). — С. 211–226.

[9] См., например: *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[10] *Владыкин О.* Россия будет бомбить территории других стран // Независимая газета. 2017.10.04.

[11] См. подробнее о социально-экономических и военно-политических результатах развития России в 1990–2000 годы в работе: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

[12] См., например: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберезкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 273–306.

[13] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[14] *Подберёзкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[15] *Яковец Ю. В., Растворцев Е. Е.* О системе целей и стратегий устойчивого развития Евразийского экономического союза / Экономические Стратегии, 2016. — №7. С. 7.

[16] *Моррис Я.* Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации — от приматов до роботов. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 11.

[17] См., например: *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Март.

[18] *Подберёзкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[19] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 273–306.

[20] *Зинов В. Г., Куранова Н. Г., Цветкова Л. А.* Прорывное научное направление: формализация понятия и критерии подтверждения статуса / Научно-техническая информация, 2014. — Серия №1. — №9.

[21] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 273–306.

[22] См. подробнее: РИА Новости ria.ru/defense_safety/20180324/15171973 08.html
[23] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. Т. 2. — М.: МГИМО–Университет, 2012.
[24] Демографические вызовы России: экспертно-аналитический доклад. — М.: ЦСР, 2017. Ноябрь. — С. 8.
[25] Там же. С. 9.
[26] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет. — Т. 3. Книга 3: Креативный класс и идеология русского социализма. — С. 791–831.
[27] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.
[28] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.
[29] *Глазьев А.* Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? — М.: Книжный мир, 2015. — С. 35.
[30] *Пономарь В.* Цуцванг для Путина: крах российской экономики и неизбежная капитуляция. 21.08.2017.
[31] Там же.
[32] Там же.
[33] Там же.
[34] Там же.
[35] Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. акад. А. А. Дынкина. — М.: Магистр, 2017. — С. 31.
[36] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 273–306.
[37] *Алексеева Т. А.* Современная политическая мысль (XX–XXI вв.). Политическая теория и международные отношения. — М.: Аспект Пресс, 2016. — С. 477.
[38] *Комраков А.* Пять стран Евросоюза обогнали РФ по экономическому унынию // Независимая газета. 2017.09.10.
[39] Там же.
[40] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 273–306.
[41] *Комраков А.* Пять стран Евросоюза обогнали РФ по экономическому унынию // Независимая газета. 2017.09.10.
[42] Русская служба BBC, 14 августа.
[43] *Пономарь В.* Цуцванг для Путина: крах российской экономики и неизбежная капитуляция. 21.08.2017.
[44] Там же.
[45] Там же.
[46] *Глазьев А.* Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? — М.: Книжный мир, 2015. — С. 40.
[47] *Грин Р.* 33 стратегии войны / Р. Грин; [пер. с англ., Е. Я. Мигуновой]. — М.: РИПОЛ, 2016. — С. 15.

[48] Nhe National Military Strategy of the United States of America. 2015. — Wash., June 2015. — P. 2–17.

[49] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 447–528.

[50] Кто пишет стратегию для Казахстана? / Эл. ресурс: «Станрадар». 10.12.2017 / stanradar.com, 10.12.2017.

[51] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 209–214.

[52] The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016. — P. 2–5.

[53] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 273–306.

[54] Joint Operating Environment, 2025. July 2018. — P. 42–46.

[55] «Стратегия принуждения» — стратегия достижения политических целей США, избегая прямого применения военной силы, в условиях широкого использования новых средств и способов применения силы, которые появились в результате развития глобализации в экономике, информатике, культуре и других областях (См., например: The Power to Coerce: Countering Adversaries Without Going to War. — Cal., RAND, 2016. — P. IX).

[56] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

[57] Это признание остается до сих пор общим местом для анализа экономики страны во всех работах сторонников и противников власти, которые отличаются между собой только по степени оптимизма и пессимизма.

[58] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 376–389.

[59] Этот процесс был очевиден уже в 2007–2011 годах, когда развитие НЧК фактически остановилось. См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3.

[60] Демографические вызовы России: экспертно-аналитический доклад. — М.: ЦСР, 2017. Ноябрь. — С. 8.

[61] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 84–130.

[62] *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 115–147.

[63] *Gompert D. C., Cevallos A. S., Garafola C. L.* War with China: Thinking Through the Unthinkable. — RAND, 2016. — P. 22.

[64] Там же. P. 40.

[65] Там же. P. 48.

[66] *Подберёзкин А. И.* «Сценарий №2» («Инновационный») развития России до 2025 года / Эл. ресурс: «Виперсон». 11.12.2017 / www.viperson.ru

[67] *Тойнби А.* Подъем и падение цивилизаций. — М.: ИД «Алгоритм», 2016 / *Тойнби А. Хантингтон С.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016.

[68] *Андреев Д.* Не от ума, а от сердца / Россия в глобальной политике. 2017. Май–июнь. — №3. — С. 223.

[69] См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 82–101.

[70] Trends in World Nuclear Forces, 2017. — P. 5. / https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-06/fs_1707_wnf.pdf

[71] Stratbase ADRi Occasional Paper, Monthly / Checkigin on the Belt and Road Initiative / https://docviewer.yandex.ru/view/35247875/?*=15ukej8YZmKNvlKykQhR25PgzWx7In VybCI6InlhLW1haWw6Ly8xNjQwOTk5MTE0MjIzMTc1NTYvMS40IiwidGl0bGUiOiJnc3AucGRmIiwidWlkIjoiMzUyNDc4NzUiLCJ5dSI6IjE5Mjc4ODg4NjE1MDY1ODM0MDUiLCJub2lmcmFtZSI6ZmFsc2UsInRzIjoxNTExNDYyMTUxMjAzfQ%3D%3D

[72] Там же.

[73] SIPRI Yearbook 2017. Summary / https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-09/yb17-summary-eng.pdf

[74] *Попов И.М.* Оценка военно-политической обстановки: диалектика войны и мира / Долгосрочное прогнозирование международных отношений в интересах национальной безопасности России: сб. докладов / под ред. А.И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 35.

[75] Global Insight website, GDP Components Tables (Interim Forecast, Monthly) / https://www.faa.gov/data_research/aviation/aerospace_forecasts/media/Appendix_C_Forecast_Tables.pdf

[76] Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 549–556.

[77] Military expenditure by country, in constant (2015) US$ m., 2007–2016. SIPRI 2017 / https://www.sipri.org/sites/default/files/Milex-constant-2015-USD.pdf

[78] India — China in 2030: A Net Assessment of the Competition Between Two Rising Powers / http://www.defence.gov.au/ADC/Publications/Commanders/2012/01_India%20-%20China%20NA%20-%20Full%20Paper%20v16%20-%2015%20Dec%2011%20-%20final.pdf

[79] Там же.

[80] *Подберёзкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 13–17.

[81] *Подберёзкин А.И., Родионов О.Е., Харкевич М.В.* Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 6–8.

[82] *Фаляхов Р.* «Призывы потерпеть больше не прокатят» / Эл. ресурс: «Газета.ру». 2017.05.06.

[83] Там же.

[84] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 273–306.

[85] SIPRI Yearbook 2017. Summary / https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-09/yb17-summary-eng.pdf

[86] India — China in 2030: A Net Assessment of the Competition Between Two Rising Powers / http://www.defence.gov.au/ADC/Publications/Commanders/2012/01_India%20-%20China%20NA%20-%20Full%20Paper%20v16%20-%2015%20Dec%2011%20-%20final.pdf

[87] India — China in 2030: A Net Assessment of the Competition Between Two Rising Powers / http://www.defence.gov.au/ADC/Publications/Commanders/2012/01_India%20-%20China%20NA%20-%20Full%20Paper%20v16%20-%2015%20Dec%2011%20-%20final.pdf

[88] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 273–306.

[89] India — China in 2030: A Net Assessment of the Competition Between Two Rising Powers / http://www.defence.gov.au/ADC/Publications/Commanders/2012/01_India%20-%20China%20NA%20-%20Full%20Paper%20v16%20-%2015%20Dec%2011%20-%20final.pdf

[90] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 273–306.

[91] Trends in World Nuclear Forces, 2017 / https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-06/fs_1707_wnf.pdf. — P. 3.

[92] SIPRI Yearbook 2017. Summary / https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-09/yb17-summary-eng.pdf

[93] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[94] World Regional / http://geography.unt.edu/~sallee/1200/World%20Geography%20Lesson%209%20South%20Asia.pdf

[95] IIndia — China in 2030: A Net Assessment of the Competition Between Two Rising Powers / http://www.defence.gov.au/ADC/Publications/Commanders/2012/01_India%20-%20China%20NA%20-%20Full%20Paper%20v16%20-%2015%20Dec%2011%20-%20final.pdf

[96] Stratbase ADRi Occasional Paper, Monthly / Checkigin on the Belt and Road Initiative / https://docviewer.yandex.ru/view/35247875/?*=15ukej8YZmKNvlKykQhR25PgzWx7InVybCI6InlhLW1haWw6Ly8xNjQwOTk5MTE0MjIzMTc1NTYvMS40IiwidGl0bGUiOiJnc3AucGRmIiwidWlkIjoiMzUyNDc4NzUiLCJ5dSI6IjE5Mjc4ODg4NjE1MDY1ODM0MDUiLCJub2 lmcmFtZSI6ZmFsc2UsInRzIjoxNTExNDYyMTUxMjAzfQ%3D%3D

[97] India — China in 2030: A Net Assessment of the Competition Between Two Rising Powers / http://www.defence.gov.au/ADC/Publications/Commanders/2012/01_India%20-%20China%20NA%20-%20Full%20Paper%20v16%20-%2015%20Dec%2011%20-%20final.pdf

[98] The National Military Strategy of the United States of America/ June 2015/ Wash., 2015, P. 2.

[99] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[100] *Шишкин А.* По данным из открытых источников. ПВК-2050 — программа военного кораблестроения до 2050 г. / 2015 (navy-korabel.livejournal.com) / https://img-fotki.yandex.ru

[101] *Лавров С. В.* Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел С. В. Лаврова в рамках Всероссийского молодежного образовательного форума 11 августа 2017 года / «Официальный сайт МИД РФ», 11 августа 2017 года / www.mid.ru

[102] NIDS China Security Report 2017. Change in Continuity: The Dynamics of the China-Taiwan Relationship. The National Institute for Defense Studies. Japan / http://www.

nids.mod.go.jp/publication/chinareport/pdf/china_report_EN_web_2017_A01.pdf

[103] Там же.

[104] *Самофалова О.* Трамп заставил Китай покупать американское / Эл. ресурс: Взгляд, 2017. 9 ноября / https://vz.ru/economy/2017/11/9/894507.html

[105] *Лавров С.В.* Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел С.В. Лаврова в рамках Всероссийского молодежного образовательного форума 11 августа 2017 года / «Официальный сайт МИД РФ», 11 августа 2017 года / www.mid.ru

[106] Там же.

[107] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[108] Мир 2035: глобальный прогноз / под ред. А.А. Дынкина. — М.: Магистр, 2017. — С. 31.

[109] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[110] Острова Натуна / http://narzur.ru/article/1006. — С. 2.

[111] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[112] China Makes Strides In Strategic Aviation (Military Analysis) / The state of major arms transfers in 8 graphics / https://www.sipri.org/commentary/blog/2017/state-major-arms-transfers-8-graphics

[113] Там же.

[114] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[115] The National Military Strategy of the United States of America. 2015 . — Wash., June 2015. — P. I.

[116] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[117] *Корсаков Г.Б.* Стратегические императивы военной политики США / Эл. ресур: «Обозник». 2016.10.10.

[118] *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 3–7.

[119] The National Security Strategy of the United States. — Wash., 2015. Febr. — P. 2.

[120] Pivotal Days: US–Asia-Pacific Alliances in the Early Stages of the Trump Administration / https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/ research/2017-06-23-pivotal-days-us-asia-pacific.pdf. 23 June 2017 г. — P. 12.

[121] Defense Budget Overview: United States Department of Defense Fiscal Year 2016 Budget Request. — DoD. — Wash.: 2017. May. — P. 1–4.

[122] Мировая экономика. Рост мировой экономики ускорится до 3,6% в 2017 г. / Эл. ресурс: «Институт эволюционной экономики», 2017. 9 марта / http://iee.org.ua/ru/prognoz/5547/

[123] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb

[124] *Иванов В.* США должны готовиться к войне нового поколения // Независимая газета. 25 августа 2017 года.

[125] Там же.

[126] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 29–92; 307–350.

[127] *Иванов В.* США должны готовиться к войне нового поколения // Независимая газета. 25 августа 2017 года.

[128] Там же.

[129] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb

[130] *Кетонов С*. Погоня за целью / Эл. ресурс: «Военное обозрение», 2017, 20.08 / http://topwar.ru/122924/

[131] *Козин В*. В61–12 рассматривается в Пентагоне как «оружие первого удара» / Эл. ресурс: «ЦВПИ», 30.08.2017 / www.eurasioan-defence.ru/30.08.2017.

[132] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[133] *Козин В*. В61–12 рассматривается в Пентагоне как «оружие первого удара» / Эл. ресурс: «ЦВПИ», 30.08.2017 / www.eurasioan-defence.ru/30.08.2017.

[134] Там же.

[135] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb

[136] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[137] Экономический прогноз «Мир в 2050 году», 2017. 7 марта / http://www.pwc.ru/ru/press–20releases/2015/economic_forecast_2050.html

[138] См., например: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[139] *Савин Л.* Сражение воздух-море и контроль за шельфом / Эл. ресурс: «Геополитика». 2017.26.07 / https://www.geopolitica.ru/article/srazhenie-vozduh-more-i-kontrol-za-shelfom

[140] Цит по: *Савин Л.* Сражение воздух-море и контроль за шельфом / Эл. ресурс: «Геополитика». 2017.26.07 / https://www.geopolitica.ru/article/srazhenie-vozduh-more-i-kontrol-za-shelfom

[141] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[142] *Шипков А. В*. Социал-традиция. — М.: АСТ, Пресс-Книга, 2017. — С. 7.

[143] *Яковец Ю. В., Растворцев Е. Е.* О системе целей и стратегий устойчивого развития Евразийского экономического союза / Экономические Стратегии, 2016. — №7. — С. 7.
[144] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.
[145] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 330.
[146] Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: кол. монография / под ред. А. И. Подберёзкина, К. П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 651–658.
[147] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 539–587.
[148] The National Militery Strategy of the United States of America 2015. — Wash., 2015. — P. 3.
[149] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Русский путь. — М.: РАУ-Университет, 1999. — С. 7–12.
[150] *Кудрин А.* Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня: аналитич. доклад. 27.12.2016 / www.russia2035.ru
[151] Там же.
[152] Там же.
[153] Там же.
[154] The Global Competitiveness Report 2016–2017. — P. 306 / https://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2016-2017
[155] См., например: *Алексеев А. В.* Приоритеты государственной политики создания инновационной экономики в РФ / ИЭОППСО РАН. — Новосибирск, 2015. — 423 с. — С. 4–5.
[156] *Алексеев А. В., Кузнецова Н. Н.* Стратегия развития России в XXI веке / Россия: тенденции и приоритеты развития. Ежегодник ИНИОН РАН. 2017. — Вып. 12. — Ч. 3. — М. — С. 15–16.
[157] *Кудрин А.* Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня: аналитич. доклад. 27.12.2016 / www.russia2035.ru
[158] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.
[159] Россия, США и Китай готовятся к третьей мировой войне / Эл. издание «лента.ру». 20 ноября 2017 г.
[160] Там же.
[161] Там же.
[162] *Кудрин А.* Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня: аналитич. доклад. 27.12.2016 / www.russia2035.ru
[163] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.
[164] *Хрусталёв М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 21.

[165] *Князев Св.* Россия оправляется от страшнейшего поражения в истории / Эл. ресурс: «Ньюслэнд», 2017.03.10 / https://newsland.com/community/5392/content/rossiia-opravliaetsia-ot-strashneishego-porazheniia-v-istorii/6020883?_utl_t=fb

[166] Там же.

[167] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[168] *Князев Св.* Россия оправляется от страшнейшего поражения в истории / Эл. ресурс: «Ньюслэнд», 03.10.2017 / https://newsland.com/community/5392/content/rossiia-opravliaetsia-ot-strashneishego-porazheniia-v-istorii/6020883?_utl_t=fb

[169] Там же.

[170] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — Т. 2–3.

[171] Российский статистический ежегодник 2016. Статистический сборник // Россия в цифрах, 2016.

[172] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 338.

[173] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[174] The World in 2050: PwC / http://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in–2050.html#download

[175] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3.

[176] *Бутрин Д.* Генштаб не верит несекретным прогнозам // Коммерсант, 2017. 14 марта / http://www.kommersant.ru/doc/3107308

[177] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал: монография в 3 т. — Т. 1–3. — М.: МГИМО (У), 2011–2013 гг.

[178] The World in 2050: PwC / http://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in–2050.html#download

[179] *Катасонов В.* Военное обозрение, 2017. 21 июля.

[180] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[181] **Индекс страхов** показывает, насколько высокой кажется россиянам вероятность наступления той или иной проблемы. Индекс строится на основе вопроса «Как Вы оцениваете вероятность появления следующих проблем в Вашей жизни?», измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от –100 до 100. Ответу «полностью уверен, что случится» присвоен коэффициент.

[182] http://www.wciom.ru

[183] Россию ждут 15 лет застоя, если не будет реформ и не подорожает нефть / http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/02/15/629411-15-let-zastoya

[184] *Гатинский А.* Эл. ресурс: РБК: экономика. 2017.23.08 / Экономика, 23 авг. 2017 г. / http://www.rbc.ru/economics/23/08/2017/599d1b159a7947429264a69d

[185] Там же.

[186] Там же.

[187] Политика. Толковый словарь: Русско-английский. — М.: ИНФРА-М, 2001. — С. 613.

[188] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[189] **Политический суверенитет** — *зд*. полное право государств на самоуправление и на принятие политических и иных решений, составляющее основу международных отношений и международного права, в рамках объективных обстоятельств.

[190] Политика. Толковый словарь: Русско-английский. — М.: ИНФРА-М, 2001. — С. 613.

[191] Подробнее: https://eadaily.com/ru/news/2017/08/09/putin-otvetil-na-pismo-zaderzhannogo-v-litve-polkovnika-yuriya-melya?utm_source=smi2

[192] *Калаков Н. И.* Методология развития прогностического образования и науки в России в целях обеспечения безопасности страны. — Рязань. Рязанское высшее воздушно-десантное училище, 2015. — С. 272.

[193] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[194] См. подробнее: https://eadaily.com/ru/news/2017/07/21/eks-glava-razvedki-gdr-germanskiy-reyh-sushchestvuet-i-celi-u-nego-prezhnie?utm_source=smi2

[195] *Иванов Вл.* США должны готовиться к войне пятого поколения // Независимая газета. 2017. 25 августа.

[196] Там же.

[197] Там же.

[198] Кудрин рассказал, когда появятся бессмертные люди / Эл. ресурс: «Вести.ру». 2017.25.11.

[199] *Подберёзкин А. И., Соколенко В. С., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 117–129.

[200] Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 24–64.

[201] *Подберёзкин А. И., Соколенко В. С., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 407–416.

[202] Долгосрочный прогнозирование развития международных отношений: сборник статей / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 261–270.

[203] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[204] Успокоительное с запахом пороха баланс сил России и НАТО в Восточной Европе после 2014 года / Валдайские записки №70. 2017. Июль / http://ru.valdaiclub.com/files/16650/

[205] European Reassurance Initiative. Department of Defense Budget. Fiscal year 2017 // Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). 2016. February / URL: http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2017/FY2017_ERI_J-Book.pdf

[206] Стоит отметить, что ERI финансируется за счёт бюджета на заморские операции (Overseas Contingency Operations), на которые не распространяются ограничения, наложенные на основной военный бюджет США Законом о бюджетном контроле 2011 г.

[207] United States European Command (EUCOM). History fact sheets / URL: http://www.eucom.mil/about/history/fact-sheets

[208] Units and Commands. United States Army Europe / URL: http://www.eur.army.mil/organization/units.htm

[209] Подробнее на ТАСС / http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4814637

[210] *Капчан К.* Восточное партнёрство и вызовы с Юга / Эл. ресурс: «РСМД». 29.11.2017.

[211] Там же.

[212] Президентская директива №24 «О стратегии применения ядерного оружия». См. подробнее: *Вильданов М.* Проблемы поддержания ядерного арсенала США // Национальная оборона, 2017. — №11. — С. 56.

[213] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет. — Т. 1. («Раздел «Основные понятия»).

[214] **Стратегическое нападение** — нападение с использованием ядерного и неядерных вооружений, а также всех других силовых средств, для достижения самых решительных политических целей в войне. Стратегическое нападение должно осуществляться по плану, который должен быть реализован при любом противодействии противника. Сверхзадачей стратегического нападения является на подготовительном этапе исключить огромное множество неэффективных вариантов стратегий, оставив и выбрав только один, наиболее эффективный вариант будущей стратегии нападения.

[215] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[216] **Стратегическое сдерживание** — *трад.*: Способность обеспечения интересов безопасности с помощью угрозы применения ядерного оружия.

[217] The National Military Strategy of the United States of America 2015. — Wash. 2015. — P. I.

[218] **Стратегическое сдерживание** — новое: Способность государства обеспечивать защиту национальных интересов на любом уровне развития конфликта, в т.ч. без прямого использования военной силы, но, обладая силами принуждения.

[219] Joint Operating Environment 2035. — Wash. 2016. — P .4.

[220] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[221] *Путин В. В.* Указ Президента РФ «О Военной доктрине Российской Федерации» от 26.12.2014 г. №815. Ст. №22.

[222] Там же.

[223] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[224] Joint Operating Environment 2035. — Wash. 2016. — P. 1.
[225] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.
[226] См.подробнее: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: коллективная монография / под ред. А. И. Подберёзкина, К. П. Боришполец. — М.: 2014. — С. 659–836.
[227] The National Military Strategy of the United States of America 2015. — Wash. 2015. — P. 10.
[228] *Gompert D., Binnendijk H*. The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016. — P. 5–10.
[229] *Путин В. В*. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.
[230] Читайте подробнее на FB.ru: http://fb.ru/article/142960/skolko-u-rossii-tankov-sovremennyie-tanki-rossii-tyajelyie-tanki-rossii-luchshiy-tank-rossii-foto
[231] Выступление Владимира Путина с посланием ФС РФ 1 марта 2018 года.
[232] Выступление НГШ В. В. Герасимова на ежегодном собрании АВН / Академия ГШ ВС РФ, 24 марта 2018 года.
[233] Цит. по: *Буренок В. М.* Между миром и войной // Новый оборонный заказ, 2017. — № 4. — С. 62.
[234] The National Military Strategy of the United States of America 2015. — Wash. 2015 — P. 10.
[235] *Gompert D., Binnendijk H*. The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016. — P. 5–10.
[236] *Новиков Я. В.* Презентация. Международная конференция. — М.: МГИМО–Университет, 2014. 16 сентября.
[237] Там же.
[238] *Ильин С.* Крылатые ракеты воздушного базирования ВВС США: состояние и перспективы развития // Зарубежное военное обозрение, 2011. — №8. — С. 60–65.
[239] Там же.
[240] Там же.
[241] Там же.
[242] Там же.
[243] Там же.
[244] Подробнее на ТАСС / http://tass.ru/armiya-i-opk/4428696
[245] *Лузин П*. Военный космос: перспективы и вызов. 2017. — №4 (47). — С. 20.
[246] The National Military Strategy of the United States of America 2015. — Wash. 2015. — P. 1.
[247] *Подберёзкин А. И*. Евразийская воздушно-космическая оборона. — М.: МГИМО–Университет, 2014.
[248] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.
[249] *Тучков В.* С-500 «Прометей»: «Алмаз-Антей» наведет порядок в космосе / Эл. ресурс: «Свободная пресса». 2017.11.07 / svpressa.ru.
[250] *Новиков Я. В.* Презентация. Международная конференция. — М.: МГИМО–Университет, 2014. 16 сентября.

[251] См. *Подберёзкин А. И.* Евразийская воздушно-космическая оборона. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[252] *Тучков В.* С-500 «Прометей»: «Алмаз-Антей» наведет порядок в космосе / Эл. ресурс: «Свободная пресса». 2017.11.07 / svpressa.ru

[253] Там же.

[254] Там же.

[255] Там же.

[256] Там же.

[257] *Новиков Я. В.* Презентация. Международная конференция. — М.: МГИМО–Университет, 2014. 16 сентября.

[258] Там же.

[259] Цит. по: *Савин Л.* Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. — Спб.: Питер, 2016. — С. 106.

[260] *Зиновьева Е. С.* Перспективные тенденции формирования международного режима по обеспечению информационной безопасности / В сб.: Долгосрочное прогнозирование международных отношений: сборник статей / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 65.

[261] Это представление формально утвердилось после принятия современной редакции Стратегии национальной безопасности 31 декабря 2015 года, но отнюдь не закреплено в политическом и военном сознании правящей элиты.

[262] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Модуль 3 «Основные особенности обеспечения безопасности современной России». В кн.: Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 249–674.

[263] К сожалению, как эти ученые, и политики сохранили до сих пор свое влияние, которое перестало доминировать, но все еще чувствуется в выступлениях «прорабов» перестройки от Горбачева до Козырева.

[264] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[265] The National Military Strategy of the United States of America 2015. — Wash. 2015. — P. 1.

[266] Там же.

[267] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[268] См. подробнее: *Попов И. М.* О долгосрочных характеристиках войн и вооруженных конфликтов / В работе: «Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки»: кол. монография / под ред. А. И. Подберёзкина, К. П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 659–666.

[269] The National Military Strategy of the United States of America 2015. Wash. 2015 P. 12.

[270] *Gompert D., Binnendijk H.* The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016. — P. 5–10.

[271] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[272] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 249–273.

[273] *Биленко П.* Цифровая экономика — как успеть? / Эл. ресурс: «ЦСР», 15.12.2017 / www.csr.ru

[274] Там же.

[275] Там же.

[276] *Gompert D., Binnendijk H.* The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016. — P. 5–10.

[277] *Савин Л.* «Где в следующий раз ударит Запад почти всегда можно просчитать…» / Эл. ресурс: «Столетие». 15.12.2017 / www.stoletie.ru

[278] Там же.

[279] *Путин В. В.* Указ Президента РФ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». №605 от 7 мая 2012 г.

[280] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал, — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3. Идеология русского социализма. — С. 3–833.

[281] *Путин В. В.* Указ Президента РФ «О Военной доктрине Российской Федерации». № 815 от 26.12.2014 г.

[282] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет. — Т. 2. — С. 249–333.

[283] *Gompert D., Binnendijk H.* The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016. — P. 5–10.

[284] The National Military Strategy of the United States of America 2015. — Wash. 2015 — P. 10.

[285] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[286] Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. акад. А. А. Дынкина. — М.: Магистр, 2017. — С. 50.

[287] *Gompert D., Binnendijk H.* The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016. — P. 5–7.

[288] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет. — Т. 2. — С. 249–255.

[289] *Путин В. В.* Указ Президента РФ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». №605 от 7 мая 2012 г.

Глава 2
Модель современного базового сценария: стагнация России до 2025 года в современных военно-политических условиях

В ближайшее время мы увидим первые проявления нового глобального социально-экономического устройства, которое изменит правила игры на ключевых рынках, а значит экономическое, политическое и военное соотношение сил[1]

А. Безруков

Модель сценария[2] развития России до 2025 года представляет собой самое общее, достаточно абстрактное, но вполне определенное представление о наиболее важных характеристиках, иллюстрирующих политическое, социальное и экономическое состояние нации и государства к 2025 году[3].

Сказанное означает, что медленное выползание России из серии предыдущих кризисов будет сопровождаться:

— очень скромными положительными показателями улучшения социально-экономического положения граждан, отстающими, порой очень существенно, от показателей развитых стран;
— сохранением уязвимости от кризисных периодов в развитии мировой экономики и низкими темпами прироста ВВП. Эта уязвимость угрожает даже тем скромным темпам развития, которые возможны в рамках ожидаемого стагнационного сценария развития до 2025 года.

2.1. Внешние угрозы существующей модели развития России

В цивилизациях мимесис ориентирован на творческих личностей, которые оказываются первооткрывателями…[4]

А. Тойнби

Оценивая итоги 30-и летнего развития России, мы наблюдаем растущее отставание в развитии ее общества и экономики от темпов и уровня развития не только наиболее развитых государств, но и тех стран, которые относительно недавно выступили в качестве их конкурентов. Основная причина, на мой взгляд, заключается в том, что в российском обществе мимесис по-Тойнби (социальное подражание) было ориентировано на Запад, ценности и механизмы развития западной ЛЧЦ. Причем еще с «коммунистических времен», когда формула «как на Западе» стала универсальным критерием успеха.

Но подражание Западу это всегда повторение, как правило, **менее качественное** и **всегда запоздалое**, что и привело и приводит к утверждению в России «запаздывающей» модели развития.

Но если в обычных условиях «запаздывание» чревато только отставанием, то в условиях враждебности — такая ситуация ведет к поражению.

Иными словами, отстающая, «стагнирующая», модель развития неизбежно во многом и в возрастающей степени зависит от внешних условий и сценариев развития международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО), возможностей, интересов и целей тех или иных враждебных субъектов и акторов МО, глобальных и региональных тенденций развития. И это очевидно, ведь мимесис (повторение поведения по-Тойнби) заведомо враждебного субъекта Мо может вести изначально к программируемому поражению. Россия, например, не только в социальной области («культ рынка»), но и в военно-политической попыталась с конца 1980-х годов подражать Западу, точнее — его публично-декларативным заявлениям о безопасности. В итоге — многочисленные односторонние уступки и компромиссы, которые в конечном счете привели к слому безопасности СССР–России.

Поэтому в настоящее время важно понять, что сохранение прежней парадигмы подражания Западу в условиях нарастающей враждебности делает даже инерционно-стагнирующую модель развития России не просто уязвимой, недопустимой, но и заведомо обреченной. Именно требования обеспечения безопасности должны повлиять как на модель подражания Западу, так и на парадигму развития России.

Такое внешнее влияние весьма существенно, но при его учете в анализе нужно избегать двух крайностей: Во-первых, того, что абсолютизация этого влияния ведет к детерминированности стратегического планирования России, которое ставится в прямую и непосредственную зависимость от происходящего в мире[5]. Причем преимущественно в той части мира, к которой относится западная ЛЧЦ. В конечном счете, именно этому мы обязаны тем, что все наши существующие концепции и стратегии исходят из некой «абсолютной» абстрактной макроэкономической реальности, настолько лишенной сколько-нибудь национальных особенностей и признаков, что можно говорить об универсальной реальности, пригодной для всех стран и всех времен.

Во-вторых, недооценки внешнего, в особенности, военно-политического, влияния, которая ведет к неадекватному планированию в национальной политике, не учитывающей международные реалии и процессы. Эта крайность характерна для российских экономистов и финансистов, которые составляя многочисленные прогнозы и стратегии, начиная с 2008 года, фактически полностью игнорируют внешние факторы, ограничиваясь только ценами на углеводороды. «Замыкание» в себе, изоляционизм, даже в ограниченной мере невозможен в XXI веке в качестве долгосрочной политики. Он может быть определенным, строго ограниченным этапом в развитии страны в условиях острого кризиса или внешних угроз, но не слишком долгим. Опыт СССР, Ирана, КНДР, Кубы, других стран показывает, что издержки изоляционизма чрезвычайно сильны и могут существовать какое-то ограниченное время на очень ограниченном пространстве при мощном силовом и идеологическом обеспечении.

Поэтому просчитывание будущих сценариев и их вариантов развития России под влиянием изменений в ВПО неизбежно должно происходить как с учетом развития глобальных процессов, прежде все-

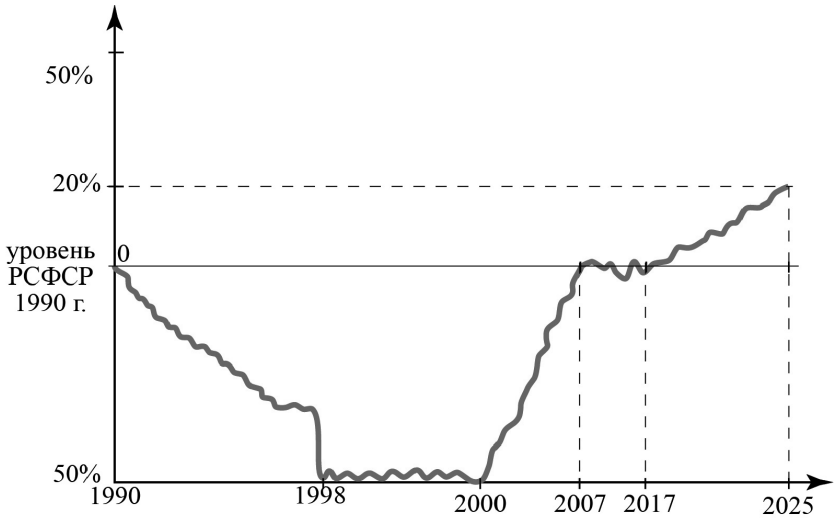


Рис. 2.1. Тенденция развития России до 2025 года

го глобализации экономики, торговли и информатики, а также военно-технических особенностей, так и с учетом внутренних особенностей социально-экономического и политического развития. Что, собственно говоря, и является основой для многих долгосрочных прогнозов, например, прогнозов ИМЭМО РАН, которые, к сожалению, однако, не вполне учитывают военно-политические особенности настоящей и будущей ВПО.

Современная модель развития России позволяет вполне уверенно говорить о том, что ее инерция до 2025 года (т.е. на 7 лет) обеспечит продолжение очень медленного выхода из глубочайшего системного кризиса, в котором оказалась Россия в конце XX века, но не позволит вернуться в число стран лидеров по социально-экономическому развитию и, тем более, научному и технологическому опережающему развитию. Если попытаться представить прошлое и будущее развитие России на основании имеющихся данных и простой экстраполяции современной, стагнации, то эту историю и будущее в самом общем, агрегированном виде, можно изобразить следующим образом (рис. 2.1).

Естественно, что эта модель не характеризует всех параметров социально-экономического развития, даже внутри которых возможны существенные отличия. Примером, в частности, может послужить сель-

ское хозяйство, где, наверное, в наибольшей степени сочетаются все результаты экономической политики последних десятилетий.

Кризис здесь начался еще в советский период, но особенно резкое падение поголовья и производства произошло после 1990 г. Поголовье КРС сократилось в 3 раза, в т. ч. скота на откорме — в 3,5 раза, коров — в 2,5, овец и коз — в 2,3 раза

Таблица 2.1. Поголовье животных

(тыс. голов на конец года во всех категориях хозяйств)[6]

	1990	2000	2014	2016	1990 к 2016
Крупный рогатый скот из него:	57043	27520	19264	18753	3,0
скот на откорме	36486	14777	10733	10489	3,5
коровы	20557	12743	8531	8264	2,5
Овцы и козы	58195	14962	24711	24844	2,3

Источник: Росстат

На фоне успехов в других областях с/х, такое резкое снижение поголовья привело к падению валового производства: говядины в 2,7 раза, баранины и молока — в 1,8 раза, которое пока что не компенсировано ни высокими показателями растениеводства, ни улучшением ситуации импортозависимостью.

Примечательно, что и в будущем, до 2025 года, ситуация — качественно изменится мало. По оценкам экспертов, целевые показатели могут быть следующими: в оптимальном варианте до 2025 г.:

— Уровень зависимости от импорта снизится с 21% до 10% по молоку; с 9 до 1% — по овощам и бахчевым; с 72% до 48% — по фруктам и ягодам.
— Достижение показателей продуктивности и урожайности, сопоставимых с развитыми странами мира (урожайность зерновых; удой на корову).
— Экспорт продовольствия вырастет с 17 до 25 млрд долл. Россия станет нетто-экспортером продовольствия.
— Доля малого бизнеса в товарной продукции сельского хозяйства вырастет с 44 до 60%.

— Доля расходов на питание в общих расходах на конечное потребление домашних хозяйств в среднем на одного члена снизится с 37 до 32%.
— Удельный вес жилья на селе со всеми видами благоустройства вырастет с 31 до 39%[7].

Вместе с тем нельзя и абсолютизировать эти тенденции, а тем более просто экстраполировать их на будущее. Трудности анализа и прогноза усугубляются необходимостью прогноза возможной смены основных парадигм в развитии человечества, наций и государств[8], а также субъективно-когнитивных особенностей в политике правящих элит и качественных изменений в развитии НЧК и его институтов.

Смена основных парадигм в развитии человечества, отдельных ЛЧЦ, наций и государств, которая началась в современный переходный период, безусловно приведет к последующей череде быстрых и радикальных изменений в состоянии МО и ВПО, а те, в свою очередь, повлияют на состояние отдельных субъектов. Пока что не вполне ясно, когда именно, какие именно и в какой степени эти изменения охватят те или иные конкретные субъекты МО, но уже точно понятно, что эти изменения начались и стремительно развиваются по нарастающей[9]. Так, резкое усиление влияния отдельных акторов, в частности, террористических и экстремистских организаций на МО, уже привело к внутриполитической дестабилизации в Ливии, Египте, Сирии, Йемене. Но насколько эти тенденции повлияют на положение развитых стран Европы и США — пока не известно, как не известно и их влияние на Россию.

Такие трудности в стратегическом прогнозе смены парадигм неизбежны, но, следует признать, что они не только неизбежны, но и вряд ли до конца полностью преодолимы. Во всяком случае с помощью имеющихся сегодня у науки средств анализа и долгосрочного прогноза. Слишком многое здесь зависит от субъективных и очень конкретных факторов. Так, например, появление и развитие социальных сетей в интернете представило некоторым государствам и организациям мощные инструменты политического влияния и даже принуждения, но до конца пока что не ясно, каким образом эти инструменты могут быть использованы для внутриполитической дестабилизации или дискредитации правящей элиты страны.

Вместе с тем такой общий стратегический прогноз взаимодействия различных факторов крайне необходим, с одной стороны, и даже в принципе, на мой взгляд, возможен, если использовать в анализе разные методики в совокупности, но прежде всего, метод вычленения и анализа объективно существующих интересов (потребностей) тех или иных субъектов МО и ВПО. В частности, когда речь идет о ЛЧЦ, нациях, государствах, социальных слоях и отдельных личностях. Причем в следующей последовательности вычленения приоритетности интересов: рис. 2.2.

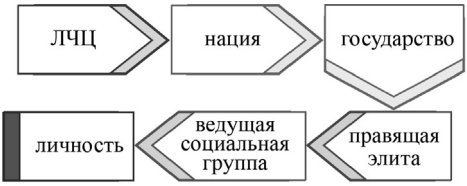


Рис. 2.2.

Иными словами, анализ интересов (потребностей), являющихся фундаментом для формирования политических целей, на мой взгляд, необходимо начинать с интересов самого высокого, цивилизационно-биологического порядка, сдвигаясь «по лестнице» более конкретных и частных интересов вплоть до интересов отдельных личностей[10].

Интересы безопасности, как известно, могут быть как у ЛЧЦ и всего человечества, так и у наций, государств, отдельных социальных групп личностей. Причем эти интересы могут, и нередко противоречат друг другу. В частности, интереса безопасности отдельной социальной группы — олигархов в России далеко не всегда совпадают с ее национальными и государственными интересами. Именно на это рассчитывают, например, в США, противопоставляя часть «путинской элиты» интересам России.

Не трудно понять, что развитие существующей модели России до 2025 года буде в решительной степени зависеть от того, насколько извне удастся повлиять на политику правящей российской элиты. Пришел не только внешнюю (как заявляется), но и внутреннюю.

Кроме того, представляется необходимым параллельно исследовать развитие и влияние на формирование МО и ВПО других долгосрочных факторов и тенденций, прежде всего, в области экономики, технологий и строительства ВВСТ. Например, на основе долгосрочного прогноза



Рис. 2.3[11].

развития кондратьевских волн можно говорить об экономических и технологических особенностях современного периода развития человечества и его отдельных локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ), которые неизбежно сказываются на перспективах России, в частности, ее возможностей удержаться в русле мировых трендов.

Более конкретно влияние этих общих тенденций на развитие экономики России проявляется на уровне развития основных информационных технологий, характеризующих этот уклад. По мнению большинства руководителей IT-предприятий, опрошенных журналом «Форбс», использование новых технологий может обернуться как минусами, так и плюсами. Их считают и самой сложной проблемой (29%), и одновременно залогом успеха цифровых преобразований (56%).

Примечательно, что для обеспечения безопасности России именно предприятия ОПК, занимающиеся разработкой IT-технологий, играют ключевую роль.

Эти долгосрочные экономические, технологические и научные тренды и изменения, в свою очередь, должны прямо отразиться на сценариях и их вариантах развития МО и ВПО, и того или иного субъекта МО-ВПО: ЛЧЦ, государства, нации, социальной группы, части правящей элиты, конкретного актора и т.д. Пока что мы можем, пусть в са-

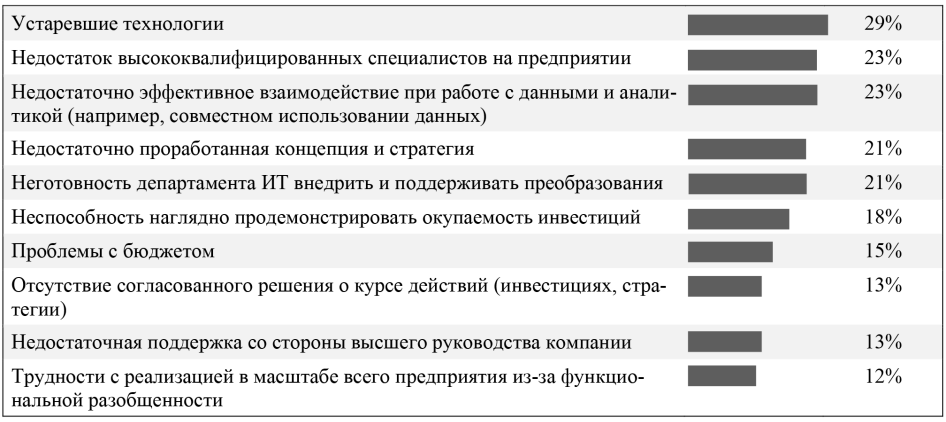


Рис. 2.4. Главные препятствия для ориентированных на данные преобразований бизнеса

мых общих чертах, представить себе развитие не только постоянных, но и переменных величин, характеризующих МО, а также тот или иной субъект МО и его политику. Анализ этих величин имеет огромное практическое значение.

Это особенно важно в переходные периоды истории, когда происходит смена парадигм, либо в острые исторические фазы, когда возникают военные конфликты и войны. Именно в это время происходит резкое усиление влияния МО на развитие стран и наций. Достаточно привести пример Первой мировой войны, когда внешние факторы влияния оказались для большинства стран не только решающими, но и даже разрушительными: революции в России, Германии, Венгрии, распад империй и появление новых государств, ускоренное развитие одних наций и упадок других — все эти явления стали в конечном счете результатом воздействия внешних факторов влияния.

Таким образом сочетание анализа относительно постоянных внешних факторов — совокупности **ИНТЕРЕСОВ** основных субъектов и акторов МО — с анализом основных **ТЕНДЕНЦИЙ** мирового развития, а также учет субъективных факторов лежит в основе долгосрочного анализа развития международной и военно-политической обстановки Выше я уже приводил самую общую модель развития МО и ВПО, представляющую собой «крест», в центре которого пересекаются влияния и взаимодействия всех факторов и тенденций.

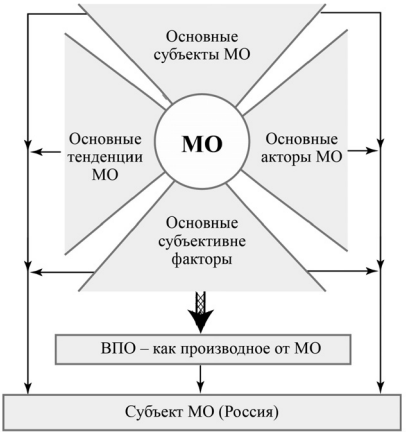


Рис. 2.5.

Находясь под влиянием внешних факторов, субъект МО–ВПО (в нашем случае Россия) так или иначе должен выбирать стратегию противодействия, которая являлась бы частью его стратегии безопасности и развития. В нашем случае, избрана стратегия инерционного («стагнации») развития, которая является «мимесисом» (по-Тойнби), повторением западной либеральной модели, т.е. заведомо отстающей в развитии.

На предлагаемый мною анализ накладывается, в свою очередь, концептуально-логический **СЦЕНАРНЫЙ АНАЛИЗ** развития России, что в совокупности даёт достаточно оснований для оправданного долгосрочного прогноза развития того или иного варианта этого сценария. При этом, если анализ интересов дает основание для прогноза развития целеполагания (будущих целей и задач), то анализ тенденций и сценариев развития МО — влияние на эти цели внешних факторов, а сценарно-логический анализ — формирование будущих стратегий России. В частности, например, если речь идет о прогнозе экономической мощи России на фоне мощи западной ЛЧЦ и ее отдельных представителей, то относительно точно уже сегодня можно прогнозировать развитие основных субъектов западной ЛЧЦ, на фоне которых должно происходить развитие России (при нарастающей враждебности с их стороны).

Из прогноза, в частности, видно, что на период 2001–2025 годов среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения составит у Великобритании 1,9%. Далее, соответственно, в процентах: у Франции — 1,8), Германии — 1,4 и Италии — 1,7, а у Японии — 1,4.

Таблица 2.2. Прогноз развития стран-лидеров западной ЛЧЦ до 2025 и 2050 годов

Страны / Годы	США	Япония	Германия	Великобритания	Франция	Италия	Канада	Все развитые
Численность населения, млн человек								
2000	285	128	82,3	58,7	59,3	57,5	30,8	861
2025	340	125	82,3	61,7	62,3	60,4	36,8	940
2050	375	122	80,3	63,3	63,9	62,0	40,6	990
ВВП на душу населения, тыс. долл. США в ценах и по ППС 2000 г.								
2000	35,2	25,8	25,3	25,6	26,3	25,7	27,7	28,9
2025	63,0	50,4	47,9	50,4	49,1	47,3	50,4	57,8
2050	97,5	73,1	71,2	76,1	72,2	68,3	73,1	87,5
ВВП, млрд долл. США в ценах и по ППС 2000 г.								
2000	10032	3302	2082	1503	1560	1478	853	24868
2025	21420	6300	3942	3110	3059	2857	1854	54332
2050	36563	8918	5717	4817	4614	4235	2968	86631

Расхождения в оценках общей величины ВВП, помимо названных причин, связаны также с представлениями о будущей динамике численности населения. В этой части, существенны различия по Японии, Германии и Италии. По версии Goldman and Sachs, например, численность населения Японии в 2050 г. составит 100 млн, на 22 млн меньше чем в таблице, в Германии 73,5 млн, примерно на 7 млн меньше, в Италии — 50 млн, на 12 млн меньше.

Таким образом в основе анализа и стратегического прогноза негативного влияния ВПО на развитие существующего сценария России лежат[12]:

1. Анализ интересов (потребностей) и их преломление в политические цели различных враждебных России субъектов МО — локальных цивилизаций, государств, наций и акторов, — которые формируют внешнюю негативную среду для развития субъекта России до 2025 года. В частности, мы наблюдаем вероятное увеличение на 100% и более ВВП ведущих западных стран, что в условиях нарастающей враждебности с их стороны неизбежно вызывает законное беспокойство.

Это беспокойство еще более возрастает при учете ВВП на душу населения на фоне прогнозных показателей России до 2025 года

2. Анализ и прогноз развития основных экономических, политических и технологических тенденций и парадигм в жизни человеческой цивилизации и субъектов МО, прежде всего, с точки зрения западной ЛЧЦ, демонстрирует растущее отставание России.
3. Анализ конкретных сценариев и их вариантов развития международной обстановки, а также отдельных составляющих МО — прежде всего — военно-политической, экономической, финансовой и др., показывает, что избранный в настоящее время сценарий — самый неудачный.

   В этой связи возникает естественный вопрос не только о последствиях для существующего (или нового) сценария развития России таких радикальных перемен в МО и ВПО, но и о стратегии развития этого субъекта или актора, в частности, например, такого влиятельного как западная коалиция или США.
4. Но, прежде всего, анализ и прогноз развития субъекта МО зависит от точного анализа, как «интерес» (в его разных ипостасях) и его субъективной формализации в «политическую цель», с вытекающими из этой цели соответствующими задачами. Именно поэтому любой политический и экономический анализ и прогноз начинаются и основывается на анализе и прогнозе всего спектра интересов. В качестве примера можно привести политику США на Ближнем Востоке, которая находится под влиянием финансово-экономических глобальных интересов. Так, например, Здесь важно отметить, что Катар за последние два года совершил сделок более чем на $86 млрд в китайских юанях. Эти финансы прошли через клиринговый центр Промышленно-Торгового банка КНР. Для долларовой Америки это стало ударом ниже пояса.

За свою валюту янки бьют безжалостно. Взять печальную историю с Муаммаром Каддафи. То, что до недавнего времени относилось к теории заговора, на деле оказалось страшной правдой. В письмах Хиллари Клинтон, опубликованных Wikileaks.org, говорится, что «США и Франция готовили нападение на Ливию не из-за гуманитарных соображений. А скорее из страха перед его планами объединить Африку под единое

золотое обеспечение валюты, которая будет использована на нефтяных мировых рынках».

Кстати, Ирак в 2000 году начал продажу нефти за евро. Но после американского вторжения поверженный Багдад перешел обратно в долларовую зону, причем, потеряв на этом значительные суммы, а самого Саддама Хусейна повесили.

Похоже, что нечто подобное может случиться и с Катаром. С точки зрения Вашингтона и Эр-Рияда, Доха, Москва, Пекин и Тегеран вступили в некую тайную сделку о разделе мирового газового рынка. Иначе не объяснить, почему компании Qatargas и RasGas, образно говоря, уже «не лезут нагло» в Европу, отдав этот рынок России. По этой причине США и КСА теряют свои позиции на Ближнем Востоке перед растущей экономической сверхдержавой Китаем и мощной в военном плане Россией.

Иначе говоря, Доха «сделала ход конем», что ужасно не понравилось не только американцам, но и Мухаммеду Бен Салману, фактическому главе КСА. Поскольку тот планировал заместить потерю части доходов от снижения цены на нефть поступлениями от продажи катарского газа в Евросоюз.

2.2. Национальные интересы России и их субъективная интерпретация в политические цели России до 2025 года

Национальные интересы могут содержать в себе как идеальную (духовную) так и материальную компоненту[13]

М. Александров,
исследователь ЦВПИ

Точное определение на вполне конкретный временной промежуток политических целей (целеполагание) является важнейшим условием эффективной политики страны. Это зависит, как минимум, от двух процессов: точного анализа объективных интересов и максимально адекватной их интерпретации в субъективные цели. Таким образом в основе любой политики и стратегического планирования, как её ча-

сти, находятся объективные интересы и их субъективная интерпретация в политические цели.

Другой подход к стратегическому планированию, например, макроэкономическая экстраполяция, существующих тенденций, исключает не только основу — интересы и цели — из этого процесса, но и политику, как таковую[14].

При всем разнообразии подходов к оценке значения категории «национальный интерес» и интерпретации этой категории следует остановиться на нескольких основных исходных посылках, из которых следует формирование модели и самой логики исследования. Но прежде всего следует оговориться, что категория «интерес» в нашем рассуждении соответствует категории «объективная потребность», т.е. физической, материальной, нравственной или иной конкретной потребности субъекта, в данном случае — России, как субъекта МО.

По аналогии с криминалистикой, где расследование начинается с поиска мотива преступления, анализ политики того или иного субъекта начинается с анализа его объективных (чаще всего национальных) интересов и потребностей, который дополняется исследованием интересов и представлений о них отдельных социальных групп и личностей (хотя, иногда, некоторые политологи этим и ограничиваются).

Следует изначально признать, что именно эта область — национальные и государственные интересы — долгое время вообще находилась вне внимания исследователей, более того, табуировалась в России. И не только в СССР, где признавались только «интересы рабочего класса» или «мирового социализма», но и прежде всего в ранней России, где эти интересы сводились к либеральным ценностям и некоторым субъективным, частным интересам и правам человека, например, «демократическим ценностям» (отголосок этого подхода сохранился и в существующих нормативных документах верхнего уровня — от Конституции до Стратегии национальной безопасности России[15]), хотя в лучшем случае эти интересы могут быть только частью более общих государственных и еще более общих — национальных — интересов. Иными словами до настоящего времени сохраняется ситуация, когда нет ясности ни с национальными интересами и их приоритетами, ни с государственными интересами[16].

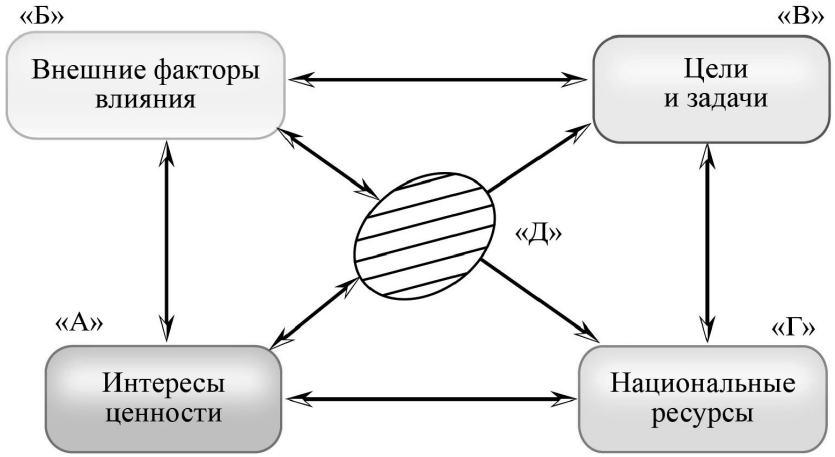


Рис. 2.6.

Целесообразно вновь повторить в этой связи модель политического процесса, акцентировав внимание именно на интересах и ценностях России в том виде как они понимаются правящей элитой страны во втором десятилетии XXI века (рис. 2.6).

Группа факторов «А», в которую входят интересы и ценности России, является группой, объединяющей объективные факторы формирования политики. Однако они не только влияют на правящую элиту, создавая «каркас» политических условий, но и сама правящая элита России влияет на адекватное осознание этих факторов признавая или отрицая само их существование. Так, вплоть до конца 90-х годов в России правящая элита не осознавала значение таких фундаментальных понятий как «идентичность», «суверенитет», — «безопасность», что, соответственно, сказывалось и на точности формулирования политических целей. Иначе говоря, неадекватность оценки элитой интересов неизбежно вело к ложному целеполаганию. В итоге складывалась неэффективная стратегия (точнее, ее отсутствие), что существовало вплоть до второго десятилетия нового века.

Другая основная причина ограниченности политического планирования в России заключается в том, что формализация и субъективное осмысливание этих интересов, весь процесс целеполагания, лежащий в основе политики правящей элитой страны, находится фактически вне публичного анализа и общественной критики, что делает любое планирование изначально крайне субъективным, нередко ошибочным и, как

правило, оторванным от механизма реализации поставленных целей. Не случайно, например, что реализация любых документов по самым оптимистическим оценкам не превышает 30%. Даже такие либералы как А. Кудрин осенью 2017 года признавали оторванность подготовленных концептуальных документов от механизмов их реализации.

В этой связи перед Россией остро стоит до конца нерешенная задача:

— ясного определения и артикуляции общенациональных интересов и системы ценностей, которые пока что происходят в результате стихийного процесса;
— максимально точного целеполагания на основе согласованных интересов и их приоритетов, выделение ограниченного количества наиболее определенных целей и задач в качестве политико-идеологических и социально-экономических ориентиров на период до 2025 и 2050 годы.

Представляется, что определение среднесрочных и долгосрочных приоритетных целей (по примеру КНР) является наиболее важной политической задачей, стоящей перед элитой в 2018 году.

2.2.а). Интересы политики — как основа стратегического планирования

> Политика — это один из видов социальной деятельности, направленный на сохранение или изменение существующего порядка распределения власти и собственности…[17]
>
> *М. Хрусталев, политолог*

Анализ национальных интересов вычленение их приоритетности, а не «макроэкономические тенденции» должен лежать в основе стратегического планирования России. И не только в военно-политической области — что даже случайному человеку покажется неизбежным, — но и во всех других областях национального строительства. Понимание этого, к сожалению, в России происходит очень медленно, но последовательно и противоречиво. Причем такой анализ интересов должен оговариваться необходимостью следовать некоторым условиям, которые, на мой взгляд, состоят в частности из следующих посылок:

Посылка №1. Национальный интерес является лишь **одним из интересов**, который, как правило, является наиболее приоритетным политическим интересом по отношению к другим интересам. Его диалектическое значение заключается в том, что он в принципе выступает относительно частным по отношению, например, к глобальному, биологическому и даже цивилизационному интересам, с одной стороны, но более общим по отношению к другим частным интересам (классовым, социальным, личным), с другой.

Это означает, что в определенные периоды времени его приоритетность может уступать (и уступает) свое место как более общим интересам (например, биологическим), так и частным — государственным, классовым и даже личным. Когда это происходит, то следует на какое-то время искажение объективных реалий, которое те же объективные законы человеческого развития в конечном счете «приводят в норму». Так было, например, когда классовые интересы большевиков превалировали над национальными до 30-х годов прошлого века, или когда групповые интересы М. Горбачева и Б. Ельцина игнорировали какое-то время национальные и государственные интересы СССР и России.

В настоящее время национальные интерес России заключается в сохранении возможности ее существования, выживании, в крайне враждебных внешних условиях существования, начавших формироваться после 2008 года. Это означает, что интерес «выживания» превращает вопросы обеспечения национальной безопасности в самые важные вопросы политики. Со всеми вытекающими из этого последствиями, в т.ч. в социально-экономической области.

Посылка №2. Политические решения принимаются правящей элитой не в идеальных условиях, когда для реализации целей требуется столько ресурсов, сколько имеется, у нации и государства, а интересы всех субъектов совпадают, — а в условиях, когда (как правило, — всегда) ресурсы ограничены, а одни интересы противоречат другим: краткосрочные — долгосрочным, а биологические — групповым или личным.

Доминирование тех или иных интересов не абсолютно, а носит вполне исторический, даже временный характер. Поэтому правящая элита всегда находится в поиске компромисса между различными груп-

Таблица 2.3. Общая матрица интересов России в XXI веке

Приоритетность и последовательность	Временной отрезок		
	краткосрочный (до 1 года)	**среднесрочный (до 5–7 лет)**	**долгосрочный (более 7 лет)**
1. Биологический интерес человечества как вида (экологический интерес, ресурсный, защиты от эпидемий, голода и пр.) и выживания. Это наиболее общий интерес для всех субъектов, акторов и личностей, участвующих в формировании МО, а также « экология живых систем и природопользования, стратегическая стабильность». С точки зрения России, этот интерес вполне адекватно отражается во всех основных документах, в частности положения о «создании благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов РФ» (СНБ РФ, 2015 г.)	— как правило, незначителен, но относительно постоянен	— обеспечить внешние и внутренние благоприятные условия развития, т.е. прежде всего, отсутствие войны; — сокращение выбросов углекислого газа (Парижские соглашения), а также другие экологические последствия; — сохранение среды обитания (водных ресурсов, природоохранная деятельность, защита флоры и фауны и пр.)	— сохранение среды обитания (водных ресурсов, природоохранная деятельность, защита флоры и фауны и пр.)
2. Глобальный интерес России как части всего человечества и как социума, как правило, достаточно общий для всех локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ) и государств.	— обеспечение безопасности России от широкого спектра внешних и внутренних угроз; — сохранение цивилизации, гуманистических основ развития;	— сохранение цивилизации, гуманистических основ развития;	— сохранение цивилизации, гуманистических основ развития;

Приоритетность и последовательность	Временной отрезок		
	краткосрочный (до 1 года)	**среднесрочный (до 5–7 лет)**	**долгосрочный (более 7 лет)**
2.	— сотрудничество в научной, технологической и торговой областях.	— сотрудничество в научной, технологической и торговой областях.	— сотрудничество в научной, технологической и торговой областях.
3. Цивилизационный интерес России как части (локальной) цивилизации (ЛЧЦ), объединяющий несколько наций и акторов, представляющих близкие системы политических ценностей и коалиционную стратегию (может включать представителей разных наций, цивилизаций, этносов).	— укрепление позиций своей ЛЧЦ и коалиции, сохранение суверенитета, продвижение её системы ценностей	— укрепление позиций своей ЛЧЦ и коалиции, сохранение суверенитета, продвижение её системы ценностей	— укрепление позиций своей ЛЧЦ и коалиции, сохранение суверенитета, продвижение её системы ценностей
4. Национальный интерес России как общности той или иной нации, объединенной общими признаками (языком, культурой, территорией) и планами общего будущего	— укрепление государства, его суверенитета, конституционного строя, независимости и территориальной целостности…; — укрепления национального согласия, политической и социальной стабильности, развития демократических институтов, совершенствования механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, повышение качества жизни…		

Приоритетность и последовательность	Временной отрезок		
	краткосрочный (до 1 года)	**среднесрочный (до 5–7 лет)**	**долгосрочный (более 7 лет)**
5. Государственный интерес России как института (институтов) нации	— практически повторяет национальные интересы		
6. Социально-классовый интерес различных социальных групп в России как части общества	— повышение качества жизни граждан, экономический рост, наука, технологии и образование, здравоохранение, культура, экология живых систем и природопользования, стратегическая стабильность		
7. Групповой интерес как интерес определенной (конкретной) социальной группы			
8. Корпоративный интерес конкретной группы правящей элиты России: — силовиков; — финансистов; — «оффшорной аристократии» — др.			
9. Личный интерес отдельной семьи или личности: — В. В. Путина; — «олигархов»			

пами интересов их приоритетами и различными возможностями их реализации, которые существуют в реальности.

Поэтому важно попытаться как-то формализовать и выстроить последовательность и приоритетность всех групп интересов. С точки зрения приоритетности и временного пространства, категория «интерес» того или иного субъекта или конкретного актора МО и ВПО может иметь приблизительно следующую простую формулу (которая при возможности может быть еще больше детализирована).

Совершенно определенно можно сказать, что эти интересы могут не только объективно не совпадать, но и прямо противоречат друг другу. В том числе и по субъективным причинам. Так, интерес «биологический» (и его разновидность — «экологический» интерес, в т.ч. ограничения CO^2), противоречит нередконациональным и государственным экономическим интересам, накладывая дополнительные издержки на промышленность и социальную сферу, чье влияние проявляется особенно активно, например, в современной политике США и КНР.

Поэтому реализуя ту или иную политику правящая элита страны вынуждена в обязательном порядке искать и находить компромиссы как между различными интересами по их формально-логической приоритетности, так и «по временной принадлежности». Известно, например, что, как правило, государственный деятель ориентируется прежде всего на долгосрочные интересы, а политический — на краткосрочные интересы, которые диктуются ближайшими выборами. Так, потребности безопасности требуют долгосрочного финансирования НИОКР ВВСТ, а потребности выборов — немедленного увеличения доли бюджета, выделяемой для обеспечения социальных программ.

Посылка №3. Внутри любых интересов ЛЧЦ, национальных, государственных, иных — формируется самостоятельная и иногда весьма противоречивая «профильная» группа, которая является следствием проявления такой сущности интереса, как конкретная «объективная потребность»: она делит те или иные интересы в соответствии с их спецификой на «профильные» интересы экономические, интересы безопасности, политические и иные, а также на их продолжительность по времени. Так, например, «национальные интересы» могут делится, как минимум, на: см. табл. 2.4.

Таблица 2.4. Распределение категории «национальных интересов» России на «профильные» группы

Национальные интересы	Краткосрочные	Среднесрочные	Долгосрочные
— **Безопасности**: сохранения нации, ее самоидентификации и создание благоприятных условий развития;	— уменьшение напряженности в отношениях с Западом;	— уменьшение напряженности в отношениях с Западом;	— уменьшение напряженности в отношениях с Западом;
	— сокращение риска войны;	— сокращение риска войны;	— сокращение риска войны;
	— уничтожение международной террористической сети в Сирии, на Кавказе и в России;	— уничтожение международной террористической сети в Сирии, на Кавказе и в России;	— уничтожение международной террористической сети в Сирии, на Кавказе и в России;
	— обеспечение развития ВС, ВВСТ и ОПК;	— обеспечение развития ВС, ВВСТ и ОПК;	— обеспечение развития ВС, ВВСТ и ОПК;
	— преодоление влияния санкций;	— преодоление влияния санкций;	— преодоление влияния санкций;
	— стабилизация экономики;	— стабилизация экономики;	— стабилизация экономики;
	— прекращение падения уровня жизни граждан;	— прекращение падения уровня жизни граждан;	— прекращение падения уровня жизни граждан;
	— увеличение НЧК;	— увеличение НЧК;	— увеличение НЧК;
	— сохранение внутриполитической стабильности;	— сохранение внутриполитической стабильности;	— сохранение внутриполитической стабильности;
	— развитие ОДКБ и ЕВРАЗЕС	— развитие ОДКБ и ЕВРАЗЕС;	— развитие ОДКБ и ЕВРАЗЕС
— **Экономические**: обеспечение жизнедеятельности экономики и развития;	— преодоление промышленного спада:	— преодоление промышленного спада:	— преодоление промышленного спада:
	— сокращение инфляции до 4%;	— сокращение инфляции до 4%;	— сокращение инфляции до 4%;

Национальные интересы	Краткосрочные	Среднесрочные	Долгосрочные
	— уменьшение ставки рефинансирования;	— уменьшение ставки рефинансирования;	— уменьшение ставки рефинансирования;
	— укрепление рубля	— укрепление рубля	— укрепление рубля
— **Социальные:** развитие общества, увеличение НЧК, демографических показателей, душевого дохода и развития социальных институтов	— сокращение последствий кризиса 2014–2016 годов и санкций;	— сокращение последствий кризиса 2014–2016 годов и санкций	— сокращение последствий кризиса 2014–2016 годов и санкций
	— улучшение положения граждан;		
— **Внешние:** создание благоприятных внешних условий для сохранения суверенитета и развития России	— ограничение участия в военных конфликтах в Сирии и на Украине;		
	— смягчение санкций;		
	— ослабление международной напряженности.		
— **Внутренние:** обеспечения внутриполитической стабильности	— обеспечение улучшения социально-экономического положения граждан;	— сохранение внутриполитической стабильности	
	— обеспечение президентских выборов 2018 года;		
	— сохранение высокого рейтинга В. Путина		
и т.д.			

Для того или иного субъекта или актора МО и ВПО подобное деление порой имеет принципиальное значение потому, что некоторые интересы (потребности) могут серьезно противоречить другим интересам. Причем такие противоречия (даже внутри «профильных» групп) могут иметь порой достаточно радикальный характер. Так, интересы безопасности России, прежде всего сохранения идентичности и суверенитета в XXI веке, требуют проведения независимой внешней и внутренней политики, включая увеличения затрат на обеспечение военной безопасности, которая в краткосрочной перспективе может вести к значительным экономическим издержкам и противоречить как социально-экономическим интересам нации, так и интересам отдельных социальных групп и лиц.

Это неизбежно ведет к перераспределению национальных ресурсов в пользу интересов безопасности, что, в свою очередь, используется активно внешними оппонентами и оппозицией.

Посылка №4. Объективные национальные интересы (потребности) не реализуются сами по себе, а **только в качестве политических целей**, которые сформулированы субъективно отдельными представителями правящей элиты. Сказанное означает, что каждый интерес и его вид (в каждый период и на каждый период времени) формулируется в цель субъективно, в зависимости от способности, качеств и намерений правящей элиты. Подобная субъективность восприятия и изложения правящей элитой неизбежно ведет не только к искажению объективных интересов, но, нередко даже противоречиям с ними.

2.2.б). Трансформация интересов в цели — субъективная суть политического процесса

Человеческая деятельность в целом и социальная
в частности является целенаправленной[18]

М. Хрусталев,
политолог

Политическая цель — это осознанный интерес. Это означает, что очень многое зависит от того, кто именно осознает и формулирует этот интерес. Его профессионализм, образование, нравственные и иные ка-

чества. В том числе и способность этого субъекта к профессиональному анализу, творчеству и стратегическому прогнозу[19]. Кроме того, важно и то, насколько способен тот, кто формулирует политические цели, обеспечить их реализацию. В России может быть немало «умных голов», которые могут прекрасно осознавать интересы и грамотно трансформировать их в политические цели, но они, как правило, не обладают реальными возможностями политического влияния.

И, наоборот, в последние десятилетия мы наблюдали огромное количество политических лидеров, способных оказывать то или иное (иногда сильное) влияние, но не обладавшие сколько-нибудь адекватным восприятиме национальных интересов и способностью формулировать политические цели. На мой взгляд, история СССР и России последних десятилетий состояла из прихода и ухода от власти таких личностей, начиная от М. Горбачева и Б. Ельцина и целой оравы «демократов», и заканчивая современными «талантливыми менеджерами».

Это также неизбежно означает, что полной идентичности между интересами и целями добиться невозможно: чем умнее, независимее и бескорыстнее элита, тем ближе, адекватнее будет конкретная политическая цель к объективной потребности (интересу). И наоборот: непрофессиональная, некачественная и корыстная элита может радикально искажать политические цели, делая их даже противоречивыми по отношению к интересам.

Эту логику можно проиллюстрировать на известном рисунке, изображающем модель политического процесса, который уже не раз использовался в работе. Из этой простой модели сразу же следуют выводы:

1) **качество элиты** и ее собственные интересы (группа факторов «Д») могут не только не точно формулировать цели, но и искажать их, более того делать так, что они будут противоречить объективным интересам. Это несоответствие в зависимости от множества факторов может продолжаться разное время — от нескольких дней до нескольких десятилетий;
2) **интересы** представляют собой очень сложный и многочисленный «набор» объективных и субъективных потребностей, анализировать который можно и нужно как в рамках общей системы потребностей, так и по отдельности в зависимости от субъективных потребностей, т.е. правящая элита должна обладать даром системно видеть общую картину;

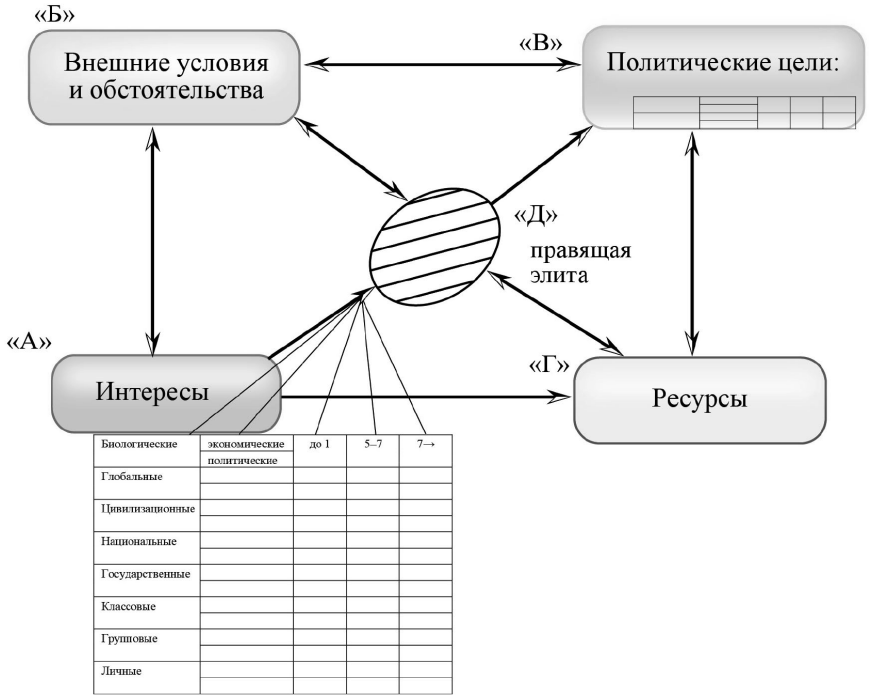


Рис. 2.7.

3) **политические цели и задачи** являются производным от интересов (потребностей), но одновременно они также находятся под влиянием внешних условий (группа факторов «Б») и наличия определенных ресурсов (Группа «Г»). Иными словами, необходимо ясно понимать, что формирование «идеальных целей» невозможно.

Таким образом, с точки зрения значения и роли в политике интересов национальной безопасности России, можно говорить о несколько упрощенной модели, в которой интересы — как более высокого порядка (биологические и глобальные), так и более низкого порядка — будут учитываться, но **в меньшей степени**, чем собственно национальные интересы. Просто потому, что их полный учет может слишком осложнить возможность анализа. Вместе с тем, неизбежен учет некоторых интересов, которые в отдельные периоды времени могут играть решающее значение. Так, личные амбиции и интересы Б. Ельцина сыграли огромное значение (в т.ч. в противовес национальным интересам) на рубеже 1990-х годов.

Формирование политических целей в нашей модели происходит:

— **на основе**, прежде всего, широкого круга объективных интересов (потребностей) различных субъектов и акторов политики, но

— **под влиянием**:

а) внешних условий (тенденций, политики других субъектов);

б) имеющихся ресурсов;

в) субъективных (нередко неадекватных) представлений самой правящей элиты различных субъектов и акторов, участвующих в политике.

Из этого следует, что прогноз того или иного сценария развития России делается **на основе** прогноза имеющихся и будущих объективных национальных интересов, находящихся **под влиянием** внешних условий, ресурсов и субъективного качества правящей элиты. В нашем случае это означает, что стратегический прогноз и будущая стратегия развития России должны формироваться с учетом сильного негативного влияния ВПО, которое должно изначально закладываться во все документы.

В этой связи напомню, что в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» под стратегическим планированием понимается деятельность по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации и отраслей экономики, включая сферу обеспечения национальной безопасности.

Кроме того, система стратегического планирования — это механизм обеспечения согласованного взаимодействия при осуществлении разработки и реализации документов стратегического планирования, а также мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования с использованием нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения (рис. 2.8).

Организация и функционирование системы стратегического планирования основываются на принципах единства и целостности, разграничения полномочий, преемственности и непрерывности, сбаланси-



Рис. 2.8. Стратегическое планирование в Российской Федерации

рованности системы стратегического планирования, результативности и эффективности стратегического планирования, ответственности участников стратегического планирования, прозрачности (открытости) стратегического планирования, реалистичности, ресурсной обеспеченности, измеряемости целей, соответствия показателей целям и программно-целевом принципе.

— Принцип единства и целостности означает единство принципов и методологии организации и функционирования системы стратегического планирования, единство порядка осуществления стратегического планирования и формирования отчетности о реализации документов стратегического планирования.
— Принцип разграничения полномочий означает осуществление установленных законодательством Российской Федерации полно-

мочий органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления муниципальных образований, в пределах которых участники стратегического планирования самостоятельно определяют цели и задачи социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также пути достижения этих целей и решения этих задач.

— Принцип преемственности и непрерывности означает, что разработка и реализация документов стратегического планирования осуществляются участниками стратегического планирования последовательно с учетом результатов реализации ранее принятых документов стратегического планирования и с учетом этапов реализации документов стратегического планирования.

— Принцип сбалансированности системы стратегического планирования означает согласованность и сбалансированность документов стратегического планирования по приоритетам, целям, задачам, мероприятиям, показателям, финансовым и иным ресурсам и срокам реализации.

— Принцип результативности и эффективности стратегического планирования означает, что выбор способов и методов достижения целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации должен основываться на необходимости достижения заданных результатов с наименьшими затратами ресурсов в соответствии с документами стратегического планирования, разрабатываемыми в рамках планирования и программирования.

— Принцип ответственности участников стратегического планирования означает, что участники несут ответственность за своевременность и качество разработки и корректировки документов стратегического планирования, осуществления мероприятий по достижению целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и за результативность и эффективность решения задач.

— Принцип прозрачности (открытости) стратегического планирования означает, что документы стратегического планирования, за исключением документов или их отдельных положений, в которых содержится информация, относящаяся к государственной, коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайне, подлежат официальному опубликованию.
— Принцип реалистичности означает, что при определении целей и задач социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации участники стратегического планирования должны исходить из возможности достижения целей и решения задач в установленные сроки с учетом ресурсных ограничений и рисков.
— Принцип ресурсной обеспеченности означает, что при разработке и утверждении документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках планирования и программирования, должны быть определены источники финансового и иного ресурсного обеспечения мероприятий, предусмотренных этими документами, в пределах ограничений, определяемых документами стратегического планирования, разрабатываемыми в рамках прогнозирования.
— Принцип измеряемости целей означает, что должна быть обеспечена возможность оценки достижения целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации с использованием количественных и (или) качественных целевых показателей, критериев и методов их оценки, используемых в процессе стратегического планирования.
— Принцип соответствия показателей целям означает, что показатели, содержащиеся в документах стратегического планирования, должны соответствовать целям социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.
— Программно-целевой принцип означает определение приоритетов и целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, разработку взаимоувязанных по целям, срокам реализации государственных программ Российской Федерации и определение объемов и источников финансирования.

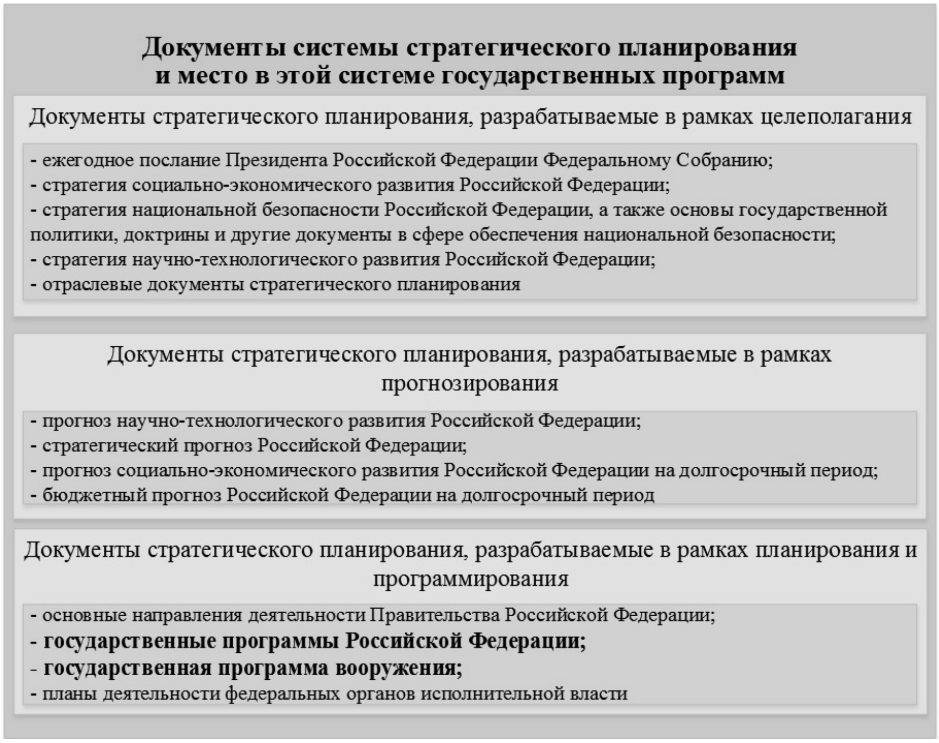


Рис. 2.8. Документы стратегического планирования

Документы стратегического планирования разрабатываются в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования на федеральном уровне. Координация разработки и реализации документов стратегического планирования осуществляется Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации по вопросам, находящимся в их ведении. (рис. 2.9)

В 2016 году в целях совершенствования деятельности по стратегическому развитию Российской Федерации в соответствии с указом Президента был создан Совет при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, который должен был наладить координацию между различными уровнями документов и решений.

Одной из важной задач Совета должна была бы быть обеспечение взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов

местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных со стратегическим развитием Российской Федерации и реализацией приоритетных проектов. Кроме того, Совет готовит предложения Президенту Российской Федерации по разработке, реализации и актуализации целей, приоритетных направлений и показателей по основным направлениям стратегического развития Российской Федерации и предложения по определению ключевых параметров для формирования перечня приоритетных проектов и программ по основным направлениям стратегического развития Российской Федерации.

На практике идеи стратегического планирования верхнего уровня попытались реализовать в «Стратегии–2020», которая была признана в качестве основного документа развития. Результаты получились, мягко говоря, неутешительными. По мнению экспертов, средний уровень выполнения мер, заложенных в Стратегию–2020, составил только 29,5%, а доля полностью реализованных мер составила всего 6,8%[20]. В основном это были улучшающие организационные инновации, технические решения, но никак не реформы и коренные изменения, отвечающие реальным вызовам.

Одновременно эксперты фиксировали высокий уровень имитации реформ, формальной реализации мер и поручений. Согласно их оценкам, лишь немногие меры были выполнены без попыток искажения заложенных в них принципов. К последним, по мнению большинства экспертов, относится создание Резервного фонда Российской Федерации и Фонда национального благосостояния (наследников Стабилизационного фонда Российской Федерации), установка автоматизированных комплексов фиксации нарушения правил дорожного движения и ряд других.

Кроме того, к полностью выполненным мерам относятся мероприятия, которые уже прорабатывались на протяжении последних лет, например, вступление России в ВТО или же работа по развитию ТС-ЕЭП и ЕврАзЭС, и которые были автоматически включены в Стратегию–2020.

Показательно, что почти по половине направлений, выделенных в Стратегии-2020, не было выполнено полностью ни одной меры. К их числу относится и «Новая модель экономического роста». Кроме нее, в данном списке оказались: развитие общественных институтов, жи-

лищная политика, сокращение неравенства и бедности, реформа бюджетного сектора.

Если говорить о конкретных мерах, то не были выполнены такие ключевые мероприятия Стратегии–2020, как: формирование условий для роста деловой активности и внутренней конкуренции, повышение инвестиционной привлекательности, адаптация структуры бюджетных расходов к целям догоняющего развития (модернизации), «бюджетный маневр», сокращение государственного сектора, меры на рынке труда миграционной политики, улучшение налогового администрирования, стимулирование экспорта несырьевых секторов, предотвращение «утечки мозгов», развитие человеческого капитала.

Согласно экспертным оценкам, 16 из 25 глав Стратегии–2020 были выполнены на уровне 25–50%. К ним относятся: развитие финансового рынка, реформа пенсионной системы, налоговая политика, приватизация, инновации, изменения делового климата, на рынке труда и миграций, в сфере профессионального образования и другие[21].

Только один раздел Стратегии–2020 был выполнен более чем наполовину — это развитие среднего образования («Новая школа»). Около 50% составляет уровень выполнения реализации мер по совершенствованию политики России на международной арене, в том числе на постсоветском пространстве.

Формально можно говорить о снижении уровня выполняемости стратегий. Так, если Стратегия-2010 была выполнена, согласно оценкам, на 39%, то Стратегия–2020 — только на 29%. Тем не менее, сравнивая две стратегии, необходимо понимать их существенное различие. Стратегия-2010 была ориентирована в первую очередь на развитие «базовых» рыночных институтов, «реформу власти» и «установку нового социального контракта», стратегия же — 2020 отличалась высоким уровнем детализации административных поручений.

Не стоит забывать и о том, что именно на этап реализации Стратегии–2020 пришлось резкое усиление внешнеполитического и внешнеэкономического давления на Россию, что потребовало резкой корректировки планов и оперативного решения большого количества новых задач. Впрочем, о причинах такого исполнения стратегий и что надо сделать, чтобы такое не повторилось, поговорим в последующих публикациях.

2.3. Влияние неэкономических факторов на долгосрочное развитие России

… финансовый ресурс экстенсивного роста
у большинства организаций ОПК практически
исчерпан, а реальные затраты ежегодно
увеличиваются более,
чем на треть…[22]

Авторы работы «Информационные технологии в ОПК России и странах НАТО»

Как мы уже видели выше, основная проблема стратегического планирования России и всех существующих документов долгосрочного характера заключается в том, что они вообще не учитывают влияния многих неэкономических факторов и целых групп факторов, в особенности связанных с обеспечением внешних условий и безопасности нации и государства (в лучшем случае понимая под внешними факторами цены на углеводороды). Вместе с тем, проблема эффективности не только стратегии национальной безопасности и эффективного ОПК, но, в более широком плане, — эффективности всей стратегии развития России — во многом зависит именно от внешних условий, прежде всего состояния ВПО в мире.

В некоторые исторические периоды эти внешние факторы оказываются настолько решающими, что предопределяют судьбу развития не только государства, но и нации, более того, всей локальной цивилизации. Так, войны между Афинами и Спартой настолько истощили эти государства, что они стали объектом внешней экспансии со стороны Рима. Феодальная раздробленность Киевской Руси стала основной причиной военно-политических неудач в отношениях русских княжеств с Золотой Ордой, а экспансия турок-османов — основной причиной уничтожения Византийской империи[23].

Игнорировать особенности развития ВПО в мире и в Евразии уже не только недальновидно, но и преступно. Тем более, что эти особенности прямо влияют на выбор того или иного сценария развития России или его варианта.

2.3.а). Влияние будущей системы мировой безопасности на развитие России

Прогнозируемые траектории
социально-политической динамики
свидетельствуют о переходном характере
предстоящего периода общественного развития[24]
Эксперты РАН

К началу XXI века прежняя система мировой безопасности, созданная после Ялты, Потсдама и Хельсинки в XX веке, перестала существовать Её на короткое время сменила американоцентричная система международной безопасности, фактически отрицавшая международное право и прежние договоренности, которая, однако, была поставлена под сомнением Россией и целом рядом других государств. Таким образом, к концу второго десятилетия мы имели одновременно остатки ялтинско-потстдамской системы, фактическую систему, гарантированную западной военно-политической коалицией, и формирующуюся новую систему, которая может стать результатом неизбежного столкновения сил разных центров силы и самых разных ЛЧЦ.

России неизбежно предстоит не только существовать в этих новых условиях формирования будущего миропорядка, но и самой принимать активное участие в его создании[25].

Огромное значение имеет в этой связи стратегический прогноз развития внешних условий и обстоятельств (прежде всего ВПО), которые будут в будущем влиять на политические цели и стратегию развития России до 2025 года. К сожалению, нередко в стратегических национальных прогнозах эти факторы просто игнорируются. Так, в Концепции социально-экономического развития России до 2020 года, подготовленной под руководством наиболее авторитетного специалиста А. Клепача в марте 2008 года, эти внешние факторы вообще не учитывались. Начавшийся через несколько месяцев мировой кризис, абсолютно обесценил этот первый серьезный опыт, прежде всего именно из-за этой ошибки.



Рис. 2.9. Последовательность разработки стратегических прогнозов развития МО–ВПО и вытекающих из них стратегий национальной безопасности

Но и в последующих документах, вплоть до настоящего времени, внешние факторы фактически игнорируются, что вынужден уже признать даже А. Кудрин осенью 2017 года. Другими словами, ему потребовалось более 10 лет, что признать очевидную взаимосвязь между состоянием и перспективами развития МО и ВПО, с одной стороны, и стратегией развития государства, с другой.

Анализ интересов России (национальных, государственных и пр.) во многом невозможен без учета внешних обстоятельств, влияющих на эти интересы политически, стратегически, экономически, технологически и т.д. Именно поэтому такой анализ национальных интересов должен предваряться анализом внешних условий. Как минимум, в следующем порядке (рис. 2.9[26]).

Кроме того, мы обязаны учитывать объективные факторы развития России и наиболее устойчивые объективные тенденции, на которые наши решения могут не влиять, либо будут влиять в минимальной степени. В частности, если мы знаем демографическую динамику развития России до 2030 года, то правящая элита должна принимать (или не принимать) соответствующие решения. Наши самые радикальные и смелые решения не изменят качественно эту динамику, что

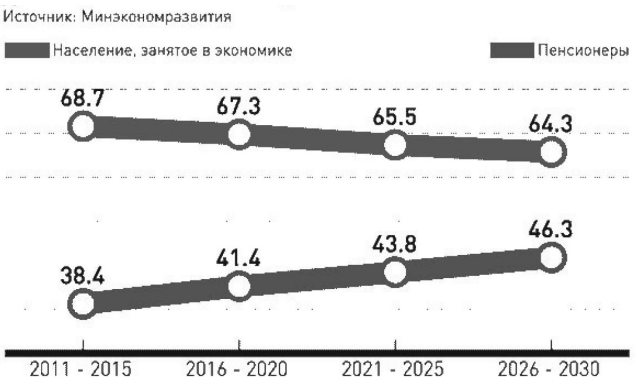


Рис. 2.10[27]. Демографический прогноз, млн чел.

требует от правящей элиты страны поиска принципиально новых решений.

Так, исходя из этих тенденций, мы можем:

1. Увеличить рождаемость в стране посредством принятия самых радикальных материальных и иных решений;
2. Сократить смертность и увеличить продолжительность жизни, если удастся решить эти проблемы комплексно (сократив травматизм, убийства, болезни и т.п.);
3. Увеличив привлекательность для проживания в России для тех, кто остался за её границами;
4. Увеличив (сформулировав это в качестве общенациональной цели) качество НЧК России.

Достижение любых политических целей и задач, которые лежат в основе национальной стратегии (Стратегии национальной безопасности), опирается, в свою очередь, на имеющиеся и прогноз будущих возможных национальных ресурсов. Иными словами, объективные интересы (потребности) нации и государства во многом формируются под влиянием понимания имеющихся материальных и духовных ресурсов, а не появляются из ниоткуда. Уже сама по себе формулировка потребностей несет в себе понимание возможностей.

Кроме того, очень важно правильное распределение имеющихся возможностей между интересами безопасности и интересами развития. В самые разные периоды эти пропорции имеют разные приоритеты.



Рис. 2.11[28]. Последовательность разработки национальных стратегических прогнозов

В настоящее время для национального стратегического прогноза и планирования есть определенные возможности, которые позволяют полнее определить исходные данные для стратегии развития. В том числе исходя и из внешних условий развития, о которых говорилось выше. Так, будущие интересы безопасности России во многом будут предопределяться будущим соотношением сил между ЛЧЦ и их коалициями, а также (о чем забывают иногда) других государств. Так, если не предпринять решительных мер, то Россия в 2050 году может оказаться в одном ряду по своему развитию и потенциалу с Нигерией, уступая не только Японии, но и Индонезии, Мексике и Бразилии.

Наконец, политические цели, стратегия и ресурсы, вытекающие из общей ситуации в мире и развития ЛЧЦ и их блоков, предопределяют возможности ответных действий на возможные внешние угрозы, которые также опираются на стратегический прогноз возможных угроз. Соответственно и определяют представления об интересах национальной безопасности и политических целях. Можно, конечно, пытаться абстрагироваться от этих факторов, формулируя, например, представления о будущем экономическом или военном суверенитете, но насколько адекватны будут такие представления?

2.3.б). Влияние будущей военно-политической обстановки на развитие России

Сила принуждения… может включать экономические санкции, принудительные политические действия, кибер-операции, скрытые разведывательные операции, военную помощь, пропаганду, манипуляцию с торговлей…, поддержку политической оппозиции и другие меры[29]

Доклад РЭНД «Сила принуждения»

Характер будущей МО и особенно ВПО, те стратегии, средства и методы, которые будут использоваться против России, имеют прямое отношение к выбору стратегии развития страны, выделению необходимых национальных ресурсов, определению приоритетов (в частности, «пушки», либо «масло») и средств противоборства. В частности, если против вас, как сегодня, планируется использовать стратегию принуждения, предполагающую наличие самого широкого спектра сил и средств как военного, так и не военного характера, используемых системно, в комплексе, то, соответственно, и вы должны, как минимум, быть готовы и иметь свои, только самими вами выбранные средства и методы противодействия, которые также должны использоваться не менее системно и комплексно. Так, например, на меры по ограничению деятельности СМИ вы должны отвечать примерно теми же средствами и способами, а на высылку дипломатов — ограничением дипломатической деятельности оппонента[30].

В целом эта логика должна быть изложена в Стратегии национальной безопасности, которая конкретизируется в концепциях и стратегиях социально-экономического развития, внешней политики, военной доктрине и других нормативных документах[31]. Однако, если речь идет о стратегии развития России, прежде всего её социально-экономических и финансовых аспектах, то ситуация выглядит в настоящее время иначе. Как уже говорилось не раз выше, возможные и даже наиболее вероятные сценарии развития неблагоприятной ВПО в отношении России, как ни странно, вообще не учитываются в документах стратегического планирования страны. В частности, в долгосрочных социально-экономических стратегиях и концепциях, разрабатываемых в последние

десятилетия, игнорируется стремительное ухудшение международной обстановки и возникновение новых угроз, в том числе военных, безопасности страны. Так, например, создание глубоко эшелонированной обороны против новых угроз со стороны Запада опирается, с одной стороны, на прогноз соотношения сил и внешних угроз, а, с другой, на стратегию противодействия им, но в реальном стратегическом планировании России не отражено. Во всяком случае о таких общенациональных усилиях и планах ничего не известно за исключением общих цифр о доли современных вооружений в войсках, которые озвучивает президент РФ.

Между тем известно, что любые общенациональные усилия в области обороны требуют создания общенациональных публичных программ (в качестве примера можно привести программу СОИ Р. Рейгана), целью которых является мобилизация возможностей нации. В том числе на имеющиеся сегодня и планируемы в будущем ресурсы. Создание системы противоракетной обороны и стратегического нападения, например, потребует от России огромных ресурсов и не вполне гарантирует результат потому, что соотношение материальных ресурсов российской ЛЧЦ и западной ЛЧЦ будет в 2025 году составлять 1:30–40, а в 2050 году, может быть, даже 1:70, что, естественно ставит правящую элиту и общество перед выбором: либо капитуляция, отказ от суверенитета и в конечном счете от системы национальных ценностей, либо неравное противоборство с противником, который заведомо и многократно сильнее[32].

Это означает, что представление о приоритете национального суверенитета и безопасности в будущем будет необходимо либо менять, либо обеспечивать дополнительными ресурсами, либо разработкой нового политического и военного искусства противоборства в условиях неравного соотношения сил. Таким образом, перед правящей элитой в условиях ухудшения ВПО стоит выбор:

1. Капитуляция, отказ от национальных интересов, суверенной политики и вхождение в систему норм и правил, разработанных извне более сильным противником. И здесь не следует питать иллюзий — последовательность действий и последствий будет реализована: сначала отказ от суверенитета, который будет происходить поэ-

тапно, но достаточно быстро, затем — от защиты национальных и государственных ценностей, затем — ликвидация национальной системы ценностей и идентичности, полное растворение суверенитета и нации.

2. Мобилизация и борьба с использованием всех национальных ресурсов, средств и способов, без правил и без компромиссов. Так, как это было в Отечественную войну при Кузьме Минине, как при М. Кутузове и И. Сталине. В таких войнах Россия выстаивала и побеждала, но ценой огромных потерь.
3. Медленное и тяжелое противоборство, когда на каждый шаг приходится отвечать либо ответными действиями, либо их отсутствием, вынуждая противника совершать ошибки, выигрывая время, консолидируя ресурсы. Это модель условно может быть ассоциирована с моделью поведения Московского княжества в условиях угрозы со стороны татаро-монгольской орды в раннем Средневековье.

В качестве примера такого силового противоборства можно привести решение В. Путина о том, чтобы предприятия ОПК были готовы расширить выпуск своей продукции в чрезвычайных условиях, принятой в ноябре 2017 года. Мобилизационный ресурс отечественных предприятий попал под пристальное внимание Президента совсем не случайно: в условиях бюджетных ограничений ряд предприятий столкнулся с необходимостью свертывать и даже устанавливать выпуск продукции из-за её малосерийности. Поэтому на совещании с руководством Министерства обороны, предприятий оборонно-промышленного комплекса и регионов страны Президент России Владимир Путин призвал проанализировать возможности оборонных предприятий по оперативному наращиванию объемов производства. «Отмечу, что способность экономики быстро увеличивать объем оборонной продукции и услуг в военное время — одно из важнейших условий обеспечения военной безопасности государства, к этому должны быть готовы все стратегические и просто крупные предприятия независимо от форм собственности»[33], — цитирует В. В. Путина издание ТАСС.

По мнению эксперта ЦВПИ М. Александрова, «Это очень важное заявление. Оно означает, что политическое и военное руководство страны понимает сложность складывающейся международной обстановки

и не исключает возможности крупного вооружённого конфликта между Россией и Западом. Это настраивает население страны на мобилизацию, предупреждает наших оппонентов от принятия поспешных решений, а также свидетельствует о стремлении повысить мобилизационный ресурс экономики, возможность её быстрой перестройки на «военные рельсы. И хотя за прошедшие годы в этом направлении было сделано уже много, как показали учения, включавшие мобилизационные мероприятия, в том числе гражданских ведомств, необходимо понимать, что в условиях рыночной экономики намного сложнее осуществлять перевод промышленности на «военные рельсы». Во-первых, необходим план мобилизационных мероприятий, во-вторых, на каждом ключевом предприятии должен быть компетентный специалист, ответственный за организацию перевода предприятия на выпуск военной продукции или оказания соответствующих услуг. Кроме того, необходимо чётко понимать номенклатуру, объём продукции военного назначения, которую способны производить отечественные предприятия. Для этого необходим военно-планирующий орган, которого, к сожалению, в России нет. Сейчас всем занимается Генеральный штаб, а Военно-промышленная комиссия ответственна в основном за выполнение гособоронзаказа»[34], — отметил Александров.

Также эксперт обратил внимание на другой немаловажный аспект выступления Президента на прошедшем совещании, касающийся задачи совершенствования выпускаемого вооружения и военной техники. «Хотел бы обратить внимание на то, что Владимир Путин также поставил перед оборонными предприятиями задачу достижения качественного совершенствования продукции военного назначения до такого уровня, чтобы они не только не уступали, но и превосходили западные аналоги. Это говорит о нацеленности на создание качественного высокотехнологического оружия. Пускай мы не способны тягаться с Западом в объемах вооружений, но мы можем добиться технологического превосходства, создавая такие системы вооружений, которых на Западе нет. Это зависит уже не от объёма экономики, а от научного потенциала. Поэтому сейчас необходимо инвестировать именно в эту область, чтобы совершить прорыв в технологической сфере»[35], — добавил эксперт.

В условиях современной России реализуется последний вариант, предполагающий мобилизацию национальных ресурсов и фактиче-

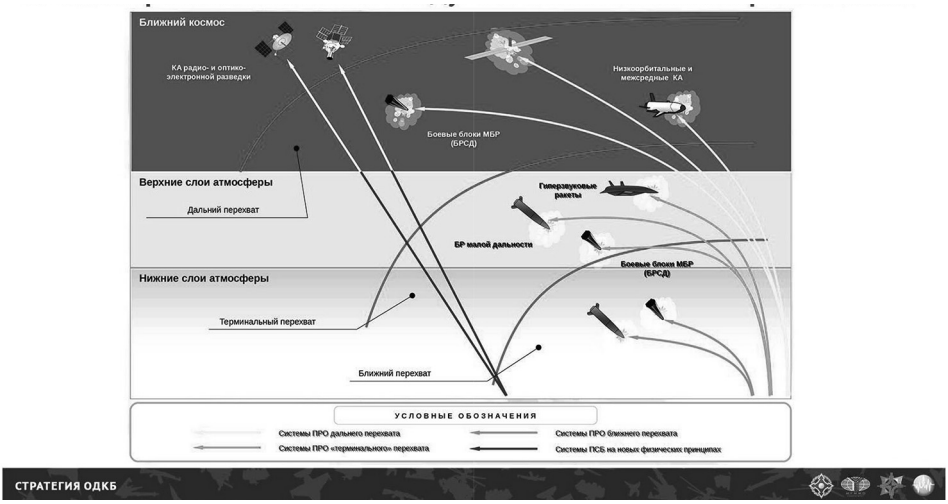


Рис. 2.12[36]. Эшелонированная система воздушно-космической обороны России

ское противоборство без активного противодействия западной ЛЧЦ, но ресурс времени, отведенный для реализации этого варианта, совпадает со сценарием развития ВПО до 2025 года, когда по целому ряду параметров возможности силового принуждения, в том числе в военной области, у США достигнут критических величин.

Достижение существенного военно-технического превосходства, а тем более создание превосходства в области стратегических наступательных и оборонительных вооружений, создает для США и их союзников уникальный политико-силовой фон реализации политики «силового принуждения», когда каждое действие может сопровождаться убедительной демонстрацией военного давления, т.е. политическим шантажом, который делает политику в любой области — от экономической до гуманитарной — убедительной с точки зрения её эффективности. Так, создание эффективной системы ПРО США неизбежно приведет к свободе рук в поведении в любом регионе планеты и по отношению к собственно России, когда её средства защиты станут «бесполезными и устаревшими», используя выражение Р. Рейгана в 1982 году.

И, наоборот, ответные действия России, способные нейтрализовать эти программы США, потребуют дальнейшей политико-экономической мобилизации.

В частности, создание российской системы ВКО предполагает масштабные работы с огромными экономическими, научно-техническими и иными последствиями для России, требующими качественной смены политики не только в области военного искусства и подходу к развитию ОПК, но и в ряде смежных областей, например, в области фундаментальной науки и образовании.

В любом случае России предстоит пересмотреть и переосмыслить не только основные положения своей Стратегии национальной безопасности, а точнее — сформулировать их по-новому, но и всю социально-экономическую политику с этой точки зрения. Включая и представления о национальных и государственных интересах. Вероятно, что придется признать необходимость перехода к мобилизационному сценария развития в условиях дальнейшего осложнения ВПО в мире, которое происходило в 2017 году буквально ежедневно. Иногда даже складывалось вполне обоснованное предположение о том, что у США и их союзников есть заранее согласованный план эскалации напряженности, включающий разные области — от спорта и личных выпадов до военно-технических мероприятий против России в самых разных областях: поставках оружия в Грузию и на Украину, поддержку террористических организаций в Сирии и других странах, санкциях, в т.ч. персональных, против правящей элиты России и т.п.

Новая ВПО диктует обязательные условия в поведении и стратегии России. И не только в мире, а, может быть, и не столько, сколько в организации управления страной, когда против её правящей элиты развязана настоящая война. Новые условия формирования и развития ВПО требуют и пересмотра существующих приоритетов — то, что было очень важным в мирное время, как известно, становится менее важным, либо вообще не важным, в военных условиях. В конечном итоге в результате пересмотра приоритетности национальных интересов должна получиться комплексная и системная Стратегия национальной безопасности и развития России на разные периоды времени, сочетающая в той или иной степени самые разные интересы безопасности и развития[37].

Вероятно целесообразно для этого попытаться сформировать основные интересы России и описать представления о них у правящей элиты России, как минимум, в адаптированной форме, изначально опу-

ская некоторые, в том числе важные, категории интересов, обсудив их публично, в рамках широкой общенациональной дискуссии.

Прежде всего, для того, чтобы яснее представить себе интересы национальной безопасности, включая интересы обеспечения военной безопасности, которые непосредственно будут зависеть не только от качества новейших технологий и возможностей России развивать их опережающими темпами, но и от внутриполитической стабильности и результатов социально-экономического развития страны[38]. В качестве примера может служить Израиль, создавший национальную инновационную систему мирового уровня, хотя, ни численность населения, ни природные ресурсы, ни внешние условия к этому не располагают. В результате израильская оборонная промышленность обеспечивает страну самыми современными видами и системами вооружений и военной техники, например, современными танками, а не ориентирована на экспортные поставки и не зависит от них.

2.4. Формирование целей на основе приоритетов интересов

Они хотят вернуть то время, когда можно было втихаря за деньги иностранных инвесторов разрушать основы нашей государственности[39]

Ю. Чайка,
Генеральный прокурор России

Общечеловеческие интересы по существу интересы межклассовые. Надклассовыми их делает политический выбор[40]

А. Бовин,
политолог

Для стратегического прогноза и планирования развития России в условиях усложняющейся ВПО необходимо как можно точнее определить конкретные цели национальной стратегии и безопасности, что, как известно, является производным результатом анализа четырех основных групп факторов:

— объективно существующих национальных интересов (потребностей) и ценностей;

— представлений различных слоев и групп правящей элиты об этих ценностях и интересах;
— объема и качества реально существующих и всех потенциальных национальных ресурсов;
— влиянии внешних условий и факторов на политические и иные цели, которые во многом предопределяются развитием МО и ВПО (о чем говорилось выше).

Изначально принципиально важно попытаться определить основные (базовые) интересы потому, что эти интересы являются наиболее объективными и долгосрочными факторами политики субъекта МО в отличие от достаточно субъективных целей, зависящих от того как формулирует их элита, какая часть элиты в тот или иной момент является правящей, и пр. Нередко, как справедливо признал Ю. Чайка, это субъективное восприятие формируется под внешним влиянием. И здесь уместна длинная цитата А. Бовина, которая во многом описывает значение анализа интересов в политическом анализе. Комментируя известную мысль В. И. Ленина о том, что «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми фразами … разыскивать интересы тех или иных классов», А. Бовин писал в конце своей жизни и на основе огромного политического опыта, полученного в элите СССР: «Реальное политическое пространство многомерно». Анализ любого события, любого процесса требует изучения самых разных интересов — общечеловеческих, классовых, национальных, государственных (геополитических), религиозных. Причем в зависимости от региона, традиций, проблемы удельный вес, значение каждой проблемы будут меняться…

Конкретный анализ конкретной ситуации — одни из немногих «вечных истин» и науки, и политики»[41].

Анализ и прогноз развития интересов (потребностей) — обязательный и важнейший этап в прогноз развития того или иного субъекта. В полной мере это относится к России, вокруг трактовки интересов и ценностей которой в последние 30 лет в правящей элите ведутся принципиальные споры. В том числе интересов внешнеполитических — как самых общих, так и вполне конкретных и даже частных.

2.4.а). Долгосрочные интересы (потребности) и цели России

Исключительно важное место в анализе интересов России занимает исследование долгосрочных интересов и вычленение их приоритетности, которые отнюдь не являются едиными, монолитными, но делятся на самые разные группы, нередко противоречащие, в т.ч. радикально, как говорится, антагонистически, друг другу. В самом общем виде (но только в самом общем) эти интересы России можно разделить на:

— цивилизационные;
— национальные;
— государственные;
— социально-классовые;
— групповые (корпоративные);
— личные.

Для нас, кроме того, важно подчеркнуть, что эти интересы могут быть:

— долгосрочными;
— среднесрочными;
— краткосрочными.

По вполне понятным причинам, как одни интересы, так и другие могут не вполне совпадать и даже противоречить друг другу. Например, краткосрочные интересы России в области торговли в 2018 году могут противоречить планам развития национальной безопасности до 2050 года, и, наоборот.

Таким образом, среди основных групп интересов, формирующихся вокруг понятия «национальный интерес», предлагается оставить **4 основные группы**, каждая из которых делится, в свою очередь, условно **на 4 основные категории**. Предполагается, что не только четыре основные группы, но и категории будут учитывать в той или иной степени интересы оставшихся «за скобками» групп и категорий. Например, «элитно-групповая» группа должна учитывать такие нарождающиеся и влиятельные интересы, как интересы «креативного класса», которые на президентских выборах в США в 2016 году играли очень важную роль.

Таблица 2.5. Основные долгосрочные интересы и цели России до 2050 года

Основные интересы (потребности) России	Их функциональные направления	Краткосрочные и среднесрочные (до 2025 года)	Долгосрочные (до 2050 года)	Трансформация интересов в политические цели и задачи	Ранг
1. Цивилизационные интересы России: наиболее общие интересы выживания и развития нации и всей локальной человеческой цивилизации во главе с «российским ядром» в XXI веке. Предполагается самый широкий спектр взаимосвязанных интересов в самых различных областях	Обеспечение выживаемости и развития в политической области	**Биологический интерес** человечества как вида (экологический интерес, ресурсный, защиты от эпидемий, голода и пр.) и выживания.		Создание максимально благоприятных внешних условий для выживания и развития ЛЧЦ и российского ядра человеческой цивилизации в условиях роста потребления и сокращения природных ресурсов	1
		Это наиболее общий интерес для всех субъектов, акторов и личностей, участвующих в формировании МО, а также «экология живых систем и природопользования, стратегическая стабильность»			
	экономические:	Развитие экономики опережающими темпами	Сохранение места и роли России в мировой экономике	Выход России в лидеры (5-и) государств	1
	военные:	Военно-силовое противоборство коалиций	Сохранение суверенитета с помощью военных средств	Укрепление позиций России в мире	1
	гуманитарные:	Продвижение своих систем ценностей	Сохранение национальной идентичности	Развитие ЛЧЦ и нации	1

2. Национальные интересы всей российской нации и ее институтов, а также ЧК и его институтов:	**политические:**	Уменьшение силового соперничества ЛЧЦ и наций-государств	Предотвращение прямых военных действий	Предотвращение силового противоборства	1
	экономические:	Конкуренция национальных систем и экономик	Опережающее развитие	Выход в лидеры	1
	военные:	Военное противоборство	Победа в войне		1
	гуманитарные:	Соперничество интересов и систем ценностей	Сохранение ценностной системы	Развитие системы ценностей	1
3. Государственные интересы и интересы государственных институтов:	**политические:**	Противоборство военно-политических коалиций	Сохранение суверенитета и территориальной целостности		1
	экономические:	Экономическая конкуренция	Улучшение экономических условий	Улучшение внешних условий	1
	военные:	Военное соперничество	Сохранение независимости		1
	гуманитарные:	Соперничество систем	Сохранение институтов государства	Развитие институтов государства	1
4. Элитно-групповые интересы правящей российской элиты и ее отдельных групп и представителей:	**политические:**	а). Политическое влияние и	Укрепление позиций элиты в управлении	Сохранение власти и влияния	1
		б). Экономическая выгода			
	экономические:	Личная выгода	Выгода, сохранение контроля		1

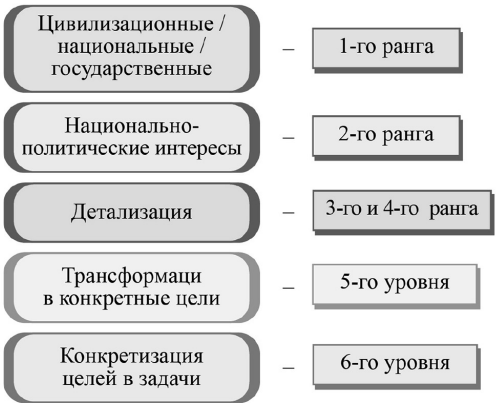


Рис. 2.13. Приоритеты интересов России (по рангам)

Также такие крупные категории как категория «политические интересы» должны учитывать, например, интересы «социальные», и иные, а «военные» — «военно-политические» и «военно-технические», «стратегические и пр. Их в этом случае можно отнести к категории более низкого — второго или даже третьего — уровня, поставив в зависимость от интересов более высокого порядка. При этом более общие цели относятся к приоритету (Рангу) №1, более конкретные приоритетные — приоритету №2, а менее приоритетные — к рангам 3, 4 и 5 соответственно (рис. 2.13).

Нередко полезно и даже необходимо с практической точки зрения четко определить приоритетность интересов с тем, чтобы не путать стратегические и тактические интересы и вытекающие из них цели и задачи. В политике, особенно дипломатии, цели и задачи 5-го и 6-го уровня могут заслонить базовые интересы 1-го и 2-го уровня, что существенно искажает анализ и возможности стратегического прогноза[42].

Кроме того, представляется, что приоритеты интересов 1-го уровня «особенно интересы российской локальной человеческой цивилизации и национальные интересы страны, в новом столетии начинают играть все более важную роль в мировой политике вообще и в российской, в частности. Так не приоритет были ясно обеспечены в Стратегии национальной безопасности и концепции внешней политики России 2000–2017 годов, создании и развитии ШОС, ОДКБ, ЕАЭС и других институтов евразийской интеграции.

Исходя из нашей искусственно ограниченной формализации, таких приоритетных интересов у России может быть 16–18, а конкретных интересов значительно больше, но для приоритетов уровня 3 и 4 всё равно ограниченно. При этом важно понимать, что приоритетов что в политике страны в принципе не моет быть много. В нашем случае таких, наиболее важных приоритетов предлагается 4, очень важных — 16, остальных — относительно ограниченное число.

Наконец, принципиально важно попытаться дать представление о субъективных представлениях правящей элиты об этих интересах, сформулированные в конкретных целях и задачах, ибо именно эти цели и задача являются формально признанными и нормативно закрепленными целями и задачами совершенной стратегии России. В случае с Россией, это политические цели и задачи, оформленные в Стратегии национальной безопасности, Военной доктрине, Концепции внешней политики, Морской доктрине и других документах.

Исходя из предложенной матрицы, конкретизация национальных интересов России и их развитие до 2050 года может выглядеть следующим образом:

2.4.б). Цивилизационные интересы и цели России до 2050 годов

Современное состояние и развитие стратегического планирования зависит от представлений о долгосрочных перспективах и целях развития. К сожалению, в практическом плане эти задачи в настоящее время не строят перед правящей элитой страны. Но на уровне подсознания, «подкорки», они всё равно присутствуют — любому человеку важно знать, что ожидает если не его, то детей и внуков.

Сохранение российской цивилизации и национальной идентичности в конечном счете является самой важной целью российской политики. И национальной, и государственной. При этом именно в XXI веке именно национальная идентичность, система ценностей и национально-ориентированных интересов стали объектами политического силового стратегического воздействия[43].

Таблица 2.6.

Интересы (потребности), существующие объективно в 2017 г. (Ранг 1 и ранг 2)	Политические цели и задачи, сформулированные в 2017 г., либо не сформулированные в нормативных документах, но предлагаемые автором	
	до 2025 года (Ранг 3 и 4)	после 2025 года (Ранг 4 и 5)
1. Цивилизационные, биологические и локально-цивилизационные интересы России до 2050 года	Представление правящей элиты в 2015 году: **«Объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития»** (Страт. Нац. Без-ти РФ, 2015 г.)	Сохранение, выживание и развитие человеческой и российской ЛЧЦ в условиях силового противоборства и растущего дефицита ресурсов и демографического перенаселения.
1.1. **Цивилизационно-политические:** выживание (сохранение) и развитие российской ЛЧЦ с концентрацией вокруг «российского ядра».	1.1.а). Сохранение человеческой и российской ЛЧЦ, их развитие в условиях возрастающей конфликтности и нехватки природных ресурсов	1.1.а). Превращение российской ЛЧЦ (на базе ОДКБ) в полноценный военно-политический союз, расширение его до участия в нем других членов ЛЧЦ и представителей других ЛЧЦ и союзов.
	1.1.б). Развитие многовекторного сотрудничества в мире, прежде всего, в рамках СНГ, ОДКБ и ШОС, в качестве условия сохранения идентичности российской ЛЧЦ.	1.1.б). Сохранение российской ЛЧЦ в границах российской идентичности при распространении её влияния за пределы политического влияния.
	1.1.в). Противодействие западной ЛЧЦ, а также усилению влияния других ЛЧЦ и субъектов (акторов) МО прежде всего за счет развития политического и иного сотрудничества.	1.1.в). Сохранение и развитие уникальности и самостоятельности российской ЛЧЦ и нации в условиях противоборства других ЛЧЦ, союзов и государств.
	1.1.г). Развитие потенциала российской ЛЧЦ и центра силы как самостоятельного фактора формирования МО по ряду направлений:	1.1.г). Создание широкой коалиции с другими ЛЧЦ.
	— Создания военно-политической коалиции; — Создания единой ВКО; — Развитию ВТС и кооперации;	

1.2. **Цивилизационно-экономические интересы**: Создание конкурентоспособной экономики по сравнению с другими ЛЧЦ и коалициями и равноценного НЧК.	1.2.а). Опережающие темпы развития российской ЛЧЦ, позволяющие конкурировать ей с западной, исламской, китайской и другими ЛЧЦ;	1.2. а).Развитие равноправной и конкурентоспособной с другими ЛЧЦ;
	1.2.б). переход на новый технологический уровень развития и научно-технологический уклад;	1.2.б).Создание максимально благоприятных экономических условий для существования и развития нации, общества и государства.
	1.2.в).Опережающие темпы развития НЧК, позволяющие сформировать конкурентоспособный НЧК по сравнению с другими ЛЧЦ и союзами	1.2.в).Формирование максимально развитого НЧК российской ЛЧЦ.
1.3**. Цивилизационные интересы безопасности:** сохранение и укрепление национальной идентичности и суверенитета, общественно-политического устройства и условий существования и развития личности, системы ценностей, исторического и культурного наследия.	1.3.а). «…сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Страт. Нац. Без-ти РФ, 2015)	1.3.а).Максимальное развитие потенциала человеческой личности российской ЛЧЦ
1.4. **Цивилизационно-гуманитарные интересы:**	а). Восстановление национального человеческого капитала России в образовании, науке и технологиях;	
	б). Превращение российской ЛЧЦ в лидера в гуманитарной области;	
1.4.а). Продвижение цивилизационной системы ценностей российской ЛЧЦ и вытеснение чужих систем		
1.4.б). Сопротивление чужим системам ценностей		

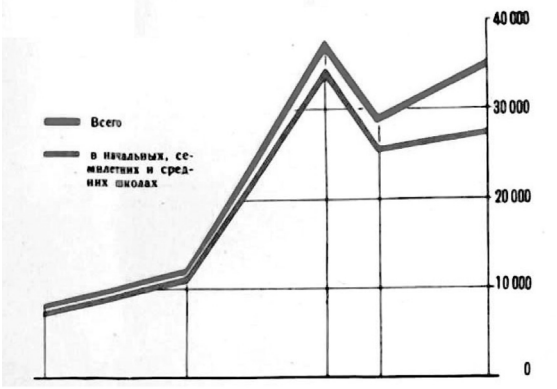


Рис. 2.14. Численность учащихся в СССР по видам обучения
(на начало учебного года; в тыс. человек)

Конечная политическая цель может быть достигнута разными средствами, включая силовые и военные, но эта цель заключается в дезинтеграции российской нации, отказе её от системы национальных ценностей и идентичности. Только в этом случае победа рассматривается как полная и окончательная: население, не являясь нацией, не долго сможет оставаться государством, быстро деградируя в обычную, легко управляемую толпу. Об этом в свое время предупреждал великий русский философ И. Ильин.

Цивилизационные ценности — отнюдь не абстрактное явление и не вполне понятный объект для политического влияния. Они лежать в основе понимания национальных интересов, а поэтому нередко и представлены в одной категории — «национальные интересы и ценности», которые можно с полной уверенностью называть и «цивилизационные интересы». Предлагаю рассмотреть в качестве примера только некоторые из них: табл. 2.6.

Цивилизационные интересы России, следует признать, до 2000 года не только не отстаивались и не защищались, но и не осознавались правящей элитой России. Ситуация стала меняться с приходом к власти В. Путина, но недооценка цивилизационного значения и недооценка роли НЧК и его институтов в российской элите сохраняется до настоящего времени. Это хорошо видно на примере образования (рис. 2.14).

Очевидно, что точка зрения развития цивилизационных интересов необходимо возвращение России к советской практике всеобщего

и постоянного обучения (переобучения), которая сегодня лежит в основе мирового опыта развития образования. Достаточно сказать, что ИРЧП, исчисляемый ООН, во многом определяется продолжительностью образования в стране. Как видно на диаграмме выше, в СССР разными формами обучения было охвачено порядка 35 миллионов человек, включая 2 млн в высших учебных заведениях, что, как минимум, в несколько раз больше, чем в современной России.

Необходимо не только вернуть, но и полнее использовать этот опыт, сделав, например, высшее образование всеобщим и бесплатным. Наши подсчеты показывают, что это даст огромный экономический и политический эффект, который выразится в резком росте человеческого капитала России в будущем:

— продолжительность жизни лиц с высшим образованием на 10–12 лет выше, чем у лиц, не имеющих высшее образование;
— на пенсию лица с высшим образованием выходят позже, что выражается в разнице 5–15 и более лет;
— налогов лица с высшим образованием платят в 2,2 раза больше.

Соответственно эти качественные изменения влияют на социальную обстановку: резко сокращается преступность, алкоголизм, наркомания в силу большей занятости, а общий культурный уровень и здоровье — увеличиваются. Подобные результаты в цивилизационной области очень позитивно отражаются на темпах развития России и ее перспективах в XXI веке. В частности советский опыт всеобщего обучения на постоянной основе должен стать эффективной государственной политикой, распространяемой прежде всего в депрессивных регионах. Советский опыт образования следует рассматривать не как опыт только в образовании, но опыт в развитии российской ЛЧЦ и ее перспектив, которые относятся к приоритетным интересам самого высокого уровня (1–2 ранга). Так, профессиональная подготовка в СССР способствовала созданию большого кадрового резерва профессиональных рабочих и ИТР, которые в настоящее время стали очень острой проблемой для российской промышленности и особенно ОПК (рис. 2.15[44]).

Исключительно важное значение среди наиболее приоритетных интересов играет такая категория как «национальный интерес», которая в последние десятилетия стала играть даже более важное значение, чем



Рис. 2.15.

прежде. Строго говоря, анализ и прогноз развития МО или того или иного субъекта МО, как правило ограничивается анализом категории «государственные интересы», которые являются более частными по отношению к «национальным интересам». Поэтому само по себе обращение к предмету анализа — «национальные интересы» — безусловно, способствует повышению точности анализа государственной политики конкретного субъекта МО, в данном случае, — России.

Применительно к современной России происходит смешивание понятий «национальная» и «государственная» безопасность, которое существует до настоящего времени, и мешает повышению эффективности проводимой политики. Это особенно заметно в основных документах: «Стратегии национальной безопасности России», «Военной доктрине России», «Концепции внешней политики» и других[45]. В частности, в соответствии со «Стратегией», военная организация создается только в российском государстве и с участием его институтов с минимальным участием национальных институтов и общества. Это, безусловно, ограничивает не только круг интересов, но и средства и способы их обеспечения.

Представляется важным и полезным попытаться разделить национальные и государственные интересы России, что поможет их не только формализовать, но и увидит отдельные особенности.

2.4.в). Национальные интересы и цели России

Определяющим трендом развития в мире идей останутся конкуренция и борьба различных ценностных и интеллектуальных моделей…[46]

Мир 2035: Глобальный прогноз

Главный национальный интерес России должен быть точно выверен и образно сформулирован. На мой взгляд, — и это у меня лично не вызывает сомнений — этот интерес должен заключаться в максимальном развитии возможностей и потенциалов каждой человеческой личности в России[47], что в конечном счете означает:

— самые высокие демографические стандарты жизни граждан в мире;
— самые лучшие социально-экономические условия, измеряемые в т.ч. уровнем душевого ВВП, доступом к информационным, культурным и прочим ресурсам;
— самые высокие стандарты образования;
— самые высокие духовные и культурные стандарты в мире;
— самые высокие стандарты развития национальной идентичности и условия государственного суверенитета.

В целом и достаточно формально эти самые общие национальные интересы и потребности можно разделить на политические, экономические и иные, как это делается, например, в Стратегии национальной безопасности России (табл. 2.7)[48].

Национальные интересы могут стать приоритетными в экономике по отношению к государственным, если допустить, что они имеют более долгосрочный и «общественно-политический» характер. Так, с точки зрения государственно-экономической, не требуется сверх быстрых темпов роста наукоемкой продукции (что может привести к излишним рискам), а с точки зрения национальных интересов — такой сверх быстрый рост возможен, более того, необходим. В зависимости от отношения правящей элиты к этим интересам может быть избрана различная стратегия — стимулирование роста наукоемкой продукции или нейтральное отношение к такому развитию экономики. Это хорошо видно на примере возможных темпов роста только одной подотрасли IT-индустрии: интернет-индустрии.

Таблица 2.7.

Интересы (потребности)	Политические цели и задачи	
	до 2025 года	после 2025 года
2. Национальные интересы России :	Долгосрочные интересы нации как главного субъекта МО	Долгосрочные интересы нации как главного субъекта МО
2.1. **Национально-политические**: развитие российского национального центра силы и максимально широкой коалиции вокруг «российского ядра» ЛЧЦ	2.1.а). Превращение России в самодостаточный центр силы и лидера ЛЧЦ;	
	2.1.б). Превращение российской экономики в конкурентоспособную экономику на мировом рынке;	
	2.1.в).Возвращение России в ряды мировых политико-идеологических, технологических и экономических мировых лидеров	
2.2. **Национально-экономические**: создание экономического центра силы способного конкурировать с мировыми центрами силы, основанными на использовании достижений нового технологического уклада экономики.	2.2. Преодоление промышленного спада:	Развитие наукоемких технологий и обрабатывающей промышленности на основе нового технологического уклада
	— сокращение инфляции до 4%;	
	— уменьшение ставки рефинансирования;	
	— укрепление рубля;	
	2.2.а). Развитие наукоемких технологий и обрабатывающей промышленности на основе нового технологического уклада	
	2.2.б).Изменение структуры экономики России в пользу обрабатывающих отраслей и наукоемкой промышленности	2.2.б).Изменение структуры экономики России в пользу обрабатывающих отраслей и наукоемкой промышленности

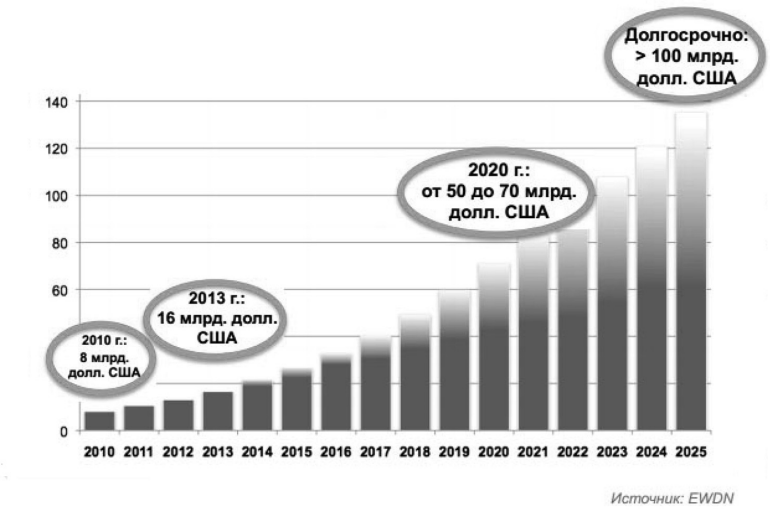


Рис. 2.16[49]. Прогноз объема российского рынка интернет торговли в 2013–2025 гг (в млрд долл. США)

Быстрый и сверхбыстрый рост некоторых отраслей экономики, особенно наукоемкой и новых отраслей, показателен. Он иллюстрирует возможности новой экономики «перескакивания через этапы», когда не требуется повторять всю последовательность в развитии технологий и все этапы в развитии техники. А можно сразу же перейти к производству и использованию новейших образцов. При этом, такое «перескакивание» имеет как плюсы, так и минусы.

К плюсам можно отнести то обстоятельство, что передовые страны могут не захотеть переходить к новым образцам техники и технологии по причине того, что предыдущие еще не выработали своего ресурса, а, возможно, и не отработали инвестиции. Это означает, что новичку будет относительно легче внедрить самые последние достижения.

К минусам такого «перескакивания» необходимо отнести дополнительные инвестиции в науку и НИОКР для новейших образцов техники потому, что их создание возможно только на национальной научной и конструкторской основе.

К плюсам также можно отнести и то, что наукоемкость дает большую прибыль на единицу сырья. Так, при сохранении добычи углеводородов на прежнем уровне к 2035 году, можно увеличить прибыль в результате увеличения глубины переработки сырья, как минимум, в 4–5 раз.

Таблица 2.8.

Интересы (потребности)	Политические цели и задачи	
	до 2025 года	после 2025 года
	2.2.б). Ограничение экспорта углеводородов	

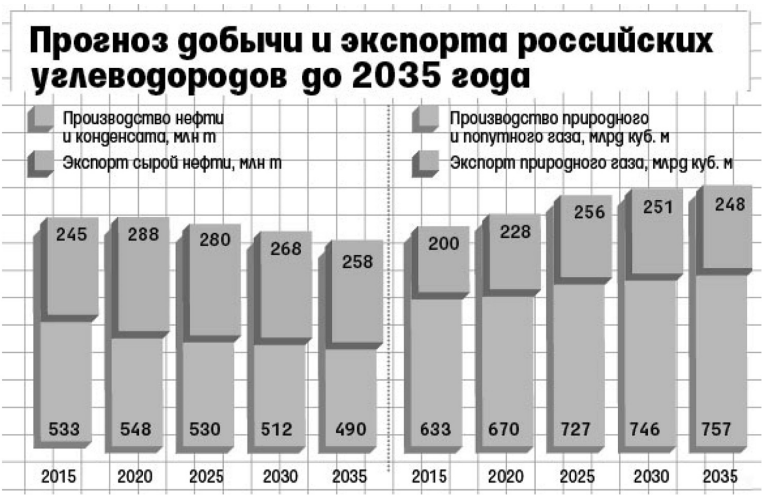


Рис. 2.17[50].

Интересы (потребности)	Политические цели и задачи	
	до 2025 года	после 2025 года
2.2. **Национально-экономические интересы**: создание экономического центра силы способного конкурировать с мировыми центрами силы, основанными на использовании достижений нового технологического уклада экономики.	2.2.в). Улучшение структуры экономики России в пользу наукоемких и ресурсосберегающих отраслей экономики; 2.3.г).Устранение экономических дисбалансов, развитие промышленно-экономической базы, улучшение делового климата, обеспечения продовольственной безопасности и т.д. (Страт нац-й без-ти РФ, 2015 г., Ст.55–66).	



Рис. 2.18[51].

Интересы (потребности)	Политические цели и задачи	
	до 2025 года	после 2025 года
2.3. **Национальные безопасности (военные) интересы**: обеспечение национальной безопасности, сохранение идентичности…	— уменьшение напряженности в отношениях с Западом;	
	— сокращение риска войны;	
	— уничтожение международной террористической сети в Сирии, на Кавказе и в России;	
	— обеспечение развития ВС , ВВСТ и ОПК;	
	— преодоление влияния санкций;	
	— стабилизация экономики;	
	— прекращение падения уровня жизни граждан;	
	— увеличение НЧК;	
	— сохранение внутриполитической стабильности;	
	— развитие ОДКБ и ЕВРАЗЕС;	
2.4. **Национально-гуманитарные:** сохранение, укрепление и продвижение национальной системы ценностей…	2.4.а). Возвращение России ведущих позиций в мире в образовании;	
	2.4.б). Занятие ведущих позиций в науке и НИОКР в мире;	2.4.б). Занятие ведущих позиций в науке;
	2.4.в). Утверждение ведущей роли в мировой культуре;	2.4.в). Утверждение лидерства в культуре мира
	2.4.г). Создание мощных интернет-ресурсов и социальных сетей;	

Национальные интересы являются, таким образом, наиболее конкретным выражением более широкого понятия «цивилизационные интересы» России, которые будут лежать в основе её политики безопасности до 2025 года. В конечном счете, именно удачи или неудачи в области обеспечения национальной идентичности и защиты национальных интересов станет критерием оценки эффективности политики безопасности России. Их конкретное наполнение находит свое выражение в деятельности государственных институтов и реализации политики государственной безопасности.

2.4.г). Государственные интересы и цели России

Необходимо подумать о мире, где важно не понятие национальных границ, а серия взаимосвязанных сетей, — финансовых, транспортных, социальных…[52]

Американские эксперты

Политические цели становятся до конца понятны, если точно знать, какие интересы и как они обосновывают, а также с помощью каких именно средств их пытаются достичь. Государственные интересы — часть национальных интересов, а цели — часть общенациональных целей России. Проблема однако до сих пор заключается в том, что выводить частное (государственные интересы), не зная наверняка общего (национальные интересы), невозможно. Именно поэтому мы путаемся без конца в представлениях о государственных интересах России и средствах их достижения, которые формально описаны в нормативных документах — Федеральных законах и указах президента, а также целом ряде постановлений правительства. В частности, в Стратегии национальной безопасности России (в редакции 31 декабря 2015 года) интересы и цели описаны достаточно определенно, но они не были ни предметом общенациональной дискуссии, т.е. сколько-нибудь общего понимания, ни согласованных решений — документ «выпорхнул» накануне Нового 2015 года из администрации Президента России, а потом стал «обязательным к исполнению» для чиновников, большинство из которых его так и не прочитало[53].

Таблица 2.9.

Интересы (потребности) российского государства с 2018 года по 2050 год	Политические цели и задачи (понимание интересов правящей элитой)	
	до 2025 года	после 2025 года
3. Государственные (и общественные) интересы (потребности) России до 2025 и 2050 годов:	Сохранение и развитие государств как субъектов МО в условиях глобализации	Сохранение и развитие государств и использование в их интересах глобальных тенденций мирового развития
3.1. **Государственно-политические интересы и интересы безопасности**: укрепление обороны страны, государственного суверенитета, территориальной целостности, национального согласия, демократических институтов, развитие и совершенствование институтов государства. создание условий для мирного и динамичного социально-экономического развития России, обеспечения её безопасности.	3.1.а). Сохранение суверенитета в условиях усиления внешнего давления;	3.1.а).Обеспечение безопасности преимущественно невоенными силовыми средствами и способами;.
	3.1.б).Обеспечение возможностей эффективной внешней политики в мире и в регионах;	3.1.б).Расширение возможностей влияния и принуждения за счет быстрого увеличения российского НЧК (культурного, научного, образовательного, духовного влияния);
	3.1.в). «реализация военной политики путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, совершенствования военной организации государства, форм и способов применения Вооруженных Сил…, других войск, воинских формирований и органов повышения мобилизационной готовности РФ и готовности сил и средств гражданской обороны» (Страт. Нац. Без-ти, 2015 г.);	3.1.в).Создание эффективного государства и совершенных институтов государства и общества

Интересы (потребности) российского государства с 2018 года по 2050 год	Политические цели и задачи (понимание интересов правящей элитой)	
	до 2025 года	после 2025 года
	3.1.г). Повышение эффективности государства и его институтов;	3.1.г). Реализация военной политики путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, совершенствования военной организации государства, форм и способов применения Вооруженных Сил и других войск, воинских формирований и органов повышения мобилизационной готовности РФ и готовности сил и средств гражданской обороны и силовых, но не военных инструментов политики;
	3.1.д). «Стратегическое сдерживание и предотвращение военных конфликтов осуществляется путем поддержания потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне, а других войск… в заданной степени готовности к боевому применению» (Страт. Нац. Без-ти, 2015 г.);	
	3.1.е).Повышение мобилизационной готовности страны;	
	3.1.ж). «Стратегическими целями государственной и общественной безопасности являются защита конституционного строя, прав и свобод человека, гражданского мира и стабильности в обществе, защита населения от чрезвычайных ситуаций» (Страт. Нац. Без-ти, 2015 г., Ст.42);	

	3.1.з). Усиление роли государства в качестве гаранта безопасности прав личности, правопорядка, борьбы с коррупцией и т.д.
3.2.**Государственно-экономические интересы**: развитие экономических возможностей государства и его институтов, способностей его влияния на экономическое развитие, социальную и военную безопасность, финансово-экономическую и социально-политическую стабильность, обеспечение военной безопасности и способности защиты от внешних угроз. **Государство, как институт, в новых условиях должно обеспечить максимально быстрое продвижение к новому технологическому укладу и быстрому развитию НЧК**.	3.2.а).Повышение конкурентоспособности экономики, закрепление за Россией статуса одной из лидирующих мировых держав;
	3.2.б).Стратегическими целями являются развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности, переход экономики на новый уровень технологического развития, условий для развития личности и вхождения России в число стран-лидеров по объему ВВП и успешному противостоянию внутренним и внешним угрозам (Страт. Нац. Без-ти РФ, 2015, Ст.55);
	3.3.в).Повышение уровня энергетической безопасности, снижение материалоемкости и повышение наукоемкости экономики, освоение новых ресурсов и возможностей;
	3.3.г).Развитие рынка труда, инфраструктуры, «новой географии экономического роста», повышение качества общего и специального образования, совершение финансовых и инвестиционных институтов и др.;

Интересы (потребности) российского государства с 2018 года по 2050 год	Политические цели и задачи (понимание интересов правящей элитой)	
	до 2025 года	после 2025 года
	3.3.д). Обеспечение технологического суверенитета страны, условий международной торговли и др. (Ст. 59–62 Стратегии нац. Без-ти РФ, 2015)	
3.3. **Государственные военные интересы:** укрепления суверенитета и возможностей обеспечения военной безопасности при минимальных материальных и иных издержках и сохранения возможностей влияния в мире в жизненно важных регионах.	3.3.а). «Достижение стратегических целей обороны …достигается путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов…»;	3.3.а). Достижение стратегических целей обороны … достигается путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов…»;
	3.3.б). Разрабатываются меры, «направленные на предотвращение применения военной силы в отношении России, защиту её суверенитета и территориальной целостности»;	3.3.б). Разрабатываются меры, «направленные на предотвращение применения военной силы в отношении России, защиту её суверенитета и территориальной целостности»;
	3.3.в). Производится «учет тенденций изменения характера современных войн и вооруженных конфликтов, создания условий для наиболее полной реализации боевых возможностей…., выработку требований к перспективным формированиям и новым средствам вооруженной борьбы» (страт. Нац. Без. — ти, 2015 г., Ст. 38);	3.3.в). Производится «учет тенденций изменения характера современных войн и вооруженных конфликтов, создания условий для наиболее полной реализации боевых возможностей…., выработку требований к перспективным формированиям и новым средствам вооруженной борьбы» (страт. Нац. Без. — ти, 2015 г., Ст. 38);
	3.3.г). Повышение мобилизационной готовности войск и ВВСТ;	3.3.г). Повышение мобилизационной готовности войск и ВВСТ;
	3.3.д). Повышение степени готовности войск ГО;	3.3.д). Повышение степени готовности войск ГО;

	3.3.е). Применения принципа «рациональной достаточности», в т.ч. применения средств и методов невоенного реагирования (Ст. 41 Стратегии)	
3.4. **Государственно-гуманитарные интересы**: сохранение и развитие институтов государства, укрепление этих институтов и их продвижение в мире	3.4.а). Содействие развитию институтов государства, регулирующих деятельность в области науки, культуры и образования;	
	3.4.б). Стратегической целью является развитие человеческого потенциала (Ст. 50 Стратегии);	
	3.4.в). Ликвидация нецелевых расходов бюджета, обеспечение комфортным жильем, ликвидация отставания в технологическом развитии, обеспечение продовольственной безопасности, социальной мобильности, современного образования и здравоохранения и т.д. (Ст. 51–53 Страт. Нац.-й безопасн., 2015 г.);	
	3.4.г). Реализация государственной социально-экономической политики, которая предусматривает:	
	— устойчивую макроэкономическую ситуацию;	
	— повышение эффективности и качества управления;	
	— эффективность финансовой системы, устойчивость курса рубля, снижение инфляции, банковских ставок, доступности кредитов и т.д.	

Между тем внешние условия безопасности качественно изменились и в такие периоды общенациональное обсуждение — норма политического поведения. Норма, которая так и не была соблюдена до сих пор. В этой норме должны быть отражены важнейшие элементы политики безопасности России, в частности, в приоритетах национальной обороны, социально-экономического развития, информационной политики. В этой связи мы вынуждены ориентироваться только на те нормативные документы, которые являются общедоступными[54].

Главный вывод, который следует из этого раздела, заключается в том, что:

Во-первых, изначально принципиально важно точно сформулировать государственные интересы, вытекающие из национальных интересов страны.

Во-вторых, адекватно и очень точно сформулировать политические и иные цели, основанные на этих интересах.

В-третьих, весь этот процесс должен происходить с максимально широким участием общества с тем, чтобы как интересы, так и цели воспринимались им как собственные, а не придуманные в канцеляриях администрации.

Наконец, в-четвертых, эти цели должны стать обязательными для всех институтов государства и общества, а не нормативно-бюрократическими документами, которые известны нескольким чиновникам.

2.4.д). Социально-классовые (групповые) и личные интересы и цели

Третий год у нас падает уровень жизни, порождает дополнительную бедность… В стране с таким уровнем ВВП и ВВП на душу населения такой уровень бедности иметь позорно[55]

А. Кудрин,
бывший министр финансов России

Группа, условно называемая «социально-классовые интересы», относится к группе интересов, определяющих политические цели всегда, при любых обстоятельствах, в любых государствах и обществах и в лю-

бое время. При этом противоречия между интересами отдельных классов и групп, приобретая антагонистический характер, превращаются в главные причины возникновения социальных революций и перемен. Поэтому задачи правящих элит во многом фокусируются на предотвращении перехода объективно существующих между отдельными классами и социальными группами противоречий в антагонистическую фазу, которая ведет к социальным взрывам. Для оценки военно-политических условий развития России анализ состояния и развития противоречий между различными классами и социальными группами имеет исключительно важное значение потому, что внутриполитическая дестабилизация является одной из основных целей противников России[56].

Групповые и личные интересы правящей элиты и общества в России имеют особенно важное значение. Как показала новейшая история страны, именно эта группа достаточно субъективных интересов во многом предопределяла развитие политики России в 1987–2017 годы: части правящей элиты М. Горбачева, Б. Ельцина, В. Путина нередко проводили политику, не соответствующую национальным интересам. Соответственно и цели, формулируемые той же самой правящей элитой. Которая ориентируется преимущественно на свои интересы, становятся абсолютными, доминирующими над другими интересами и целями.

Иными словами, в период 1987–2017 годы в России интересы и ценности части правящей элиты играли гипертрофированную роль в политике, которые нередко оттесняли другие интересы — цивилизацоинные, национальные, государственные, социальные, — создав исключительную ситуацию «совпадения» интересов и целей одной группы.

К сожалению, для таких целей у наших противников есть достаточно много оснований. Очевидно, что «реформы» в России последних десятилетий носили часто антисоциальный характер, а правящая элита в наименьшей степени была обеспокоена сохранением социальной стабильности и развития нации, что в итоге привело к созданию государства, в котором огромная часть граждан проживает ниже черты бедности. В зависимости от того, кто и как определяет эту черту, эта группа граждан составляет от 30 до 50%. Другая часть граждан может быть отнесена к категории «бедные» (от 30 до 60%). Наконец, третья часть — средний класс, выше среднего и богатые — составляют вместе порядка

20% населения России, что делает социальную и внутриполитическую обстановку в стране потенциально крайне нестабильной.

Очевидно, что у разных классов и социальных слоев, как правило, существуют разные потребности и интересы, а, значит, возникают и разные политические цели. Как минимум, мы можем выделить три большие социальные группы, у которых очевидно разные потребности и политические цели:

— правящая элита и примыкающая к ней значительная часть граждан, относящихся к категории «выше среднего класса и средний класс»;
— основная часть населения, относящаяся к категории «бедные», в нашем случае это самая большая часть граждан (порядка 50%), которые не способны покупать себе товары длительного пользования, а нередко и испытывают прямую нужду;
— третья часть — нищие и очень бедные, которые не могут позволить себе нормально питаться и одеваться.

Период 2007–2017 годов в развитии России характеризовался размыванием границы между второй и третьей группой населения, что привело к расширению состава последней до 30% и более граждан страны, а сужение второй группы до 25–30% при падении у её представителей части доходов. Следует подчеркнуть, что официальная статистика очень «лояльно» к власти оценивает этот процесс, заведомо завышая уровень доходов.

Наконец, на фоне обнищания второй и даже части первой социальной группы граждан в эти годы уверенно увеличивали доходы те граждане, которые принадлежали к самой верхней части благополучных граждан страны, что подтверждалось не только бегством капиталов за рубеж и покупкой собственности, но и стремлением открыть там собственный бизнес.

В итоге были созданы условия для социального недовольства граждан и внутриполитической дестабилизации в России, что стало важнейшей задачей политики «силового принуждения» западной ЛЧЦ после 2014 года, которая была направлена прежде всего на либеральную, прозападную часть правящей элиты страны.

Учитывая исключительно важную роль, которую играет правящая элита России в формировании политики безопасности и стратегии раз-

вития страны, я предлагаю привести некоторые примеры, иллюстрирующие интересы (потребности) правящей элиты.

Основные интересы правящей элиты России в 2018 году

Правящая элита России, находившаяся у власти (с небольшими изменениями) последние 30 лет, стоит перед серьезной проблемой — ей неизбежно предъявляется «счет» за результаты социально-экономического развития страны. Причем этот счет уже выставляется не только, как прежде, оппозицией в лице «критиков режима», но и значительной частью самой правящей элиты. И за развал СССР, за гибель люде, за тревожную ситуацию в области внешней безопасности, но и, главное, за стойкое отставание в темпах и качестве развития от других развитых стран, которое становится, как кажется уже многим, «навсегда».

Казенный оптимизм и официальная статистика все меньше воспринимаются всерьез общественностью в качестве аргументов, а государственные СМИ приобретают отчетливое клеймо «пропаганды», которое в свое время угробило КПСС. Именно поэтому оппозиционная часть общества и элиты стала главным объектом внешнего силового давления со стороны Запада. В этом был использован опыт влияния на верхушку партийно-советских органов, которую в 1980-е годы превратили в антикоммунистическую и антисоветскую силу, разрушившую СССР.

Следует признать, что в 2017 году правящая элита России, концентрировавшаяся вокруг В.В. Путина, пыталась сохранить управляемость страной в условиях кризиса и стагнации, с одной стороны, и усиления силового давления со стороны Запада, с другой. Надо признать, что В.В. Путину и его окружению удалось в итоге это сделать к концу 2017 года, хотя и не без существенных потерь в уровне доходов абсолютного большинства граждан. В 2017 году, после двух лет непрерывного падения, в России, на фоне низкой инфляции, возобновился очень медленный рост реальных зарплат и пенсий. При этом спад реальных доходов населения в целом, начавшийся осенью 2014 года, продолжается и до сих пор. Более того, в последние месяцы он даже вновь чуть ускорился, как видно из текущей статистики: рис. 2.19.

На фоне длительного спада в российской экономике заметно увеличилось количество людей с доходами ниже прожиточного миниму-

Таблица 2.10.

Объективные интересы (потребности) разных классов, групп и социальных слоев	Политические цели и задачи, вытекающие из интересов (потребностей) различных социальных групп населения (на примере правящей элиты России)	
	до 2025 года	**после 2025 года**
4. Элитно-групповые и личные интересы (потребность) правящей элиты России	Расширение личного и группового влияния и способности к силовому принуждению ради экономической и политической выгоды	
4.1. П**олитические элитно-групповые интересы:** укрепления власти внутри страны и условий существования за рубежом, возможностей использовать в своих интересах государственные институты и собственность	4.1.а).Возврат российского капитала и сокращение его вывоза за рубеж не должен привести к неоправданным издержкам и национализации;	Укрепление личного и группового влияния и выгоды в результате политической, общественной и экономической деятельности в интересах личности или узкой группы лиц, находящихся у власти
	4.1.б).Повышение привлекательности российской юрисдикции;	
	4.1.в).Стимулирование развития малого и среднего бизнеса;	
	4.1.г).Завершение формирования базовой инфраструктуры;	
	4.1.д).Развитие международных деловых контактов;	
	4.1.е).Расширение инструментов государственно-частного партнерства;	
	4.1.ж).Совершенствование нормативной базы и стратегического планирования;	
	4.1.з). Стабильное развитие регионов и оказание им федеральной поддержки; и т.д.	

Объективные интересы (потребности) разных классов, групп и социальных слоев	Политические цели и задачи, вытекающие из интересов (потребностей) различных социальных групп населения (на примере правящей элиты России)	
	до 2025 года	после 2025 года
4.2. **Экономическо-элитно-групповые интересы**: усиление экономической власти, влияния и могущества определенной группы правящей элиты.	4.2.а). Гарантии неприкосновенности собственности и бизнеса;	Усиление власти, влияния и способности принуждения
	4.2.б). Устранение инфраструктурных ограничений и препятствий;	
	4.2.в).Развитие финансовой системы страны и др.	
4.3. Укрепление внутриполитической стабильности в стране в качестве условия сохранения власти	4.3.а). Предотвращение прихода к власти другой части элиты (либерально-западнической)	
4.4. Сохранение суверенитета, понимаемого как собственное право на управление страной		

ма, то есть живущих за «чертой бедности» — к концу 2016 года их доля в общей численности населения страны выросла до уровней 10-летней давности. К началу 2019 года минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в России должен сравняться с прожиточным минимумом, что, если вспомнить, предполагалось поправками к российскому Трудовому Кодексу, вступившими в силу еще в феврале 2002 года.

Примечательно, что та часть правящей элиты, которая все последние десятилетия отвечала за макроэкономику и социально-экономическую политику, более того, сохранилась фактически у власти до сих пор, — либералы-западники — выступили в 2016–2017 годы «критиками режима», обвиняя его в результатах собственной политики. «Такой уровень бедности в стране с таким уровнем ВВП и ВВП на душу населения иметь позорно», — считает, например, в 2017 году, бывший министр финансов России А. Кудрин.

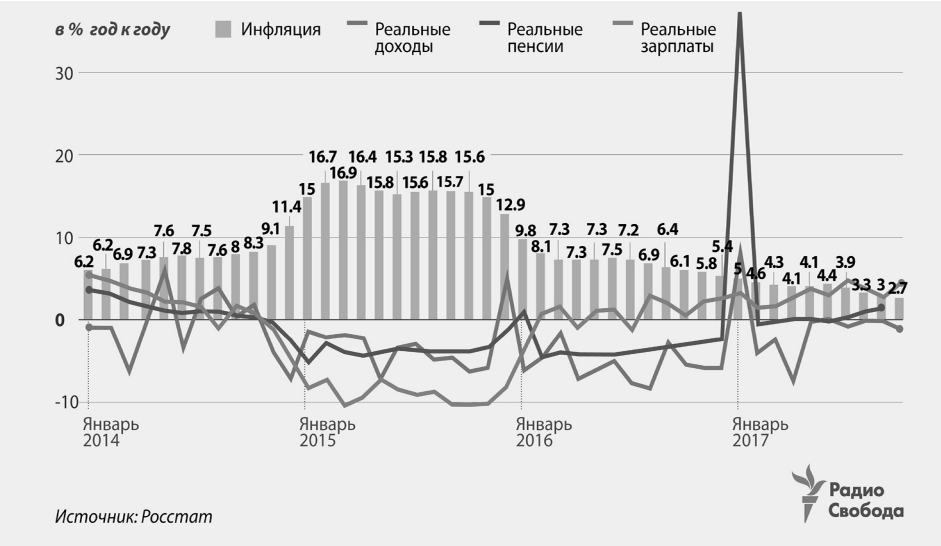


Рис. 2.19. Бремя кризиса. Реальные доходы населения России на фоне инфляции



Рис. 2.20. Работающие бедные. Уровень бедности и минимальные доходы в России, 2000–2016 гг.

В любом случае в настоящее время объективные экономические результаты развития России приписываются уже только В. Путину, которому вменяется неэффективность управления последних 17 лет. При этом для сопоставления стран по общему объему их экономик (ВВП)

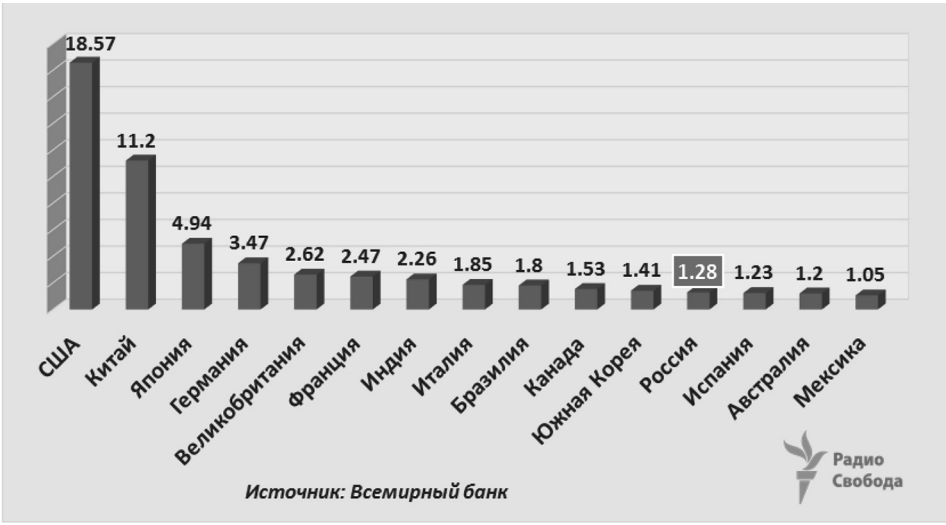


Рис. 2.21. Топ-15 стран мира по объему ВВП
(в трлн $, по обменному курсу, 2016)

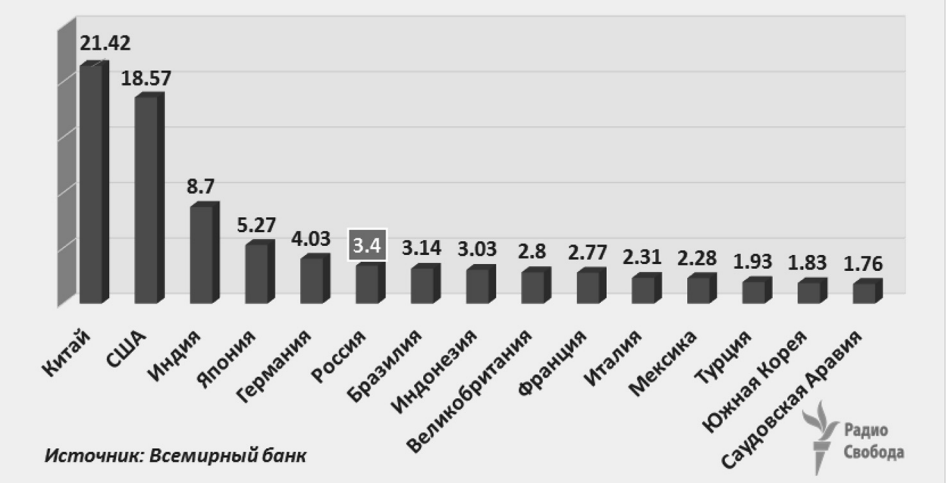


Рис. 2.22. Топ-15 стран мира по объему ВВП
(по паритету покупательной способности (ППС), в трлн $, 2016)

обычно используются два метода оценки. Если считать ВВП в долларах США по текущему обменному курсу, то верхняя часть рейтинга 2016 года от Всемирного банка выглядит так: рис. 2.21. То есть, считая по обменному курсу, Россия занимает 12-е место в мире по общему

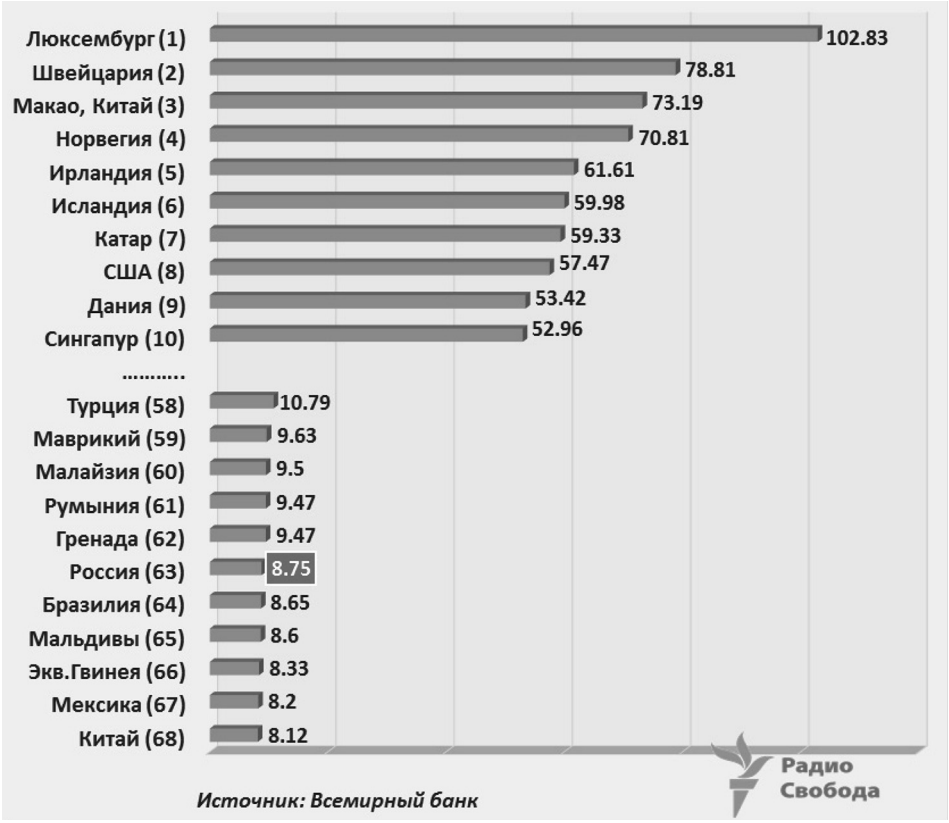


Рис. 2.23. ВВП на душу населения
(места стран из рейтинга 2016 года, ВВП в тыс. $, по обменному курсу)

объему ВВП. Если же его оценивать по паритету покупательной способности (ППС), то есть исходя из сравнения цен на одни и те же товары или услуги в разных странах, то группа стран-лидеров выглядит иначе, а Россия оказывается уже на 6-м месте: рис. 2.22.

Оба метода оценки имеют свои преимущества и недостатки, и не нам судить, какой из них более адекватен — споры среди экономистов по этому поводу ведутся десятилетиями. Но, скажем, на прошлой неделе министр финансов Великобритании Филип Хэммонд признал, что страна уступила теперь Франции свое еще недавнее 5-е место в рейтинге по объемам ВВП от Международного валютного фонда (МВФ). И речь явно шла об оценке по валютному курсу. Ведь если обратиться к прогнозу МВФ, то в 2017 году для Великобритании объем ВВП, счи-

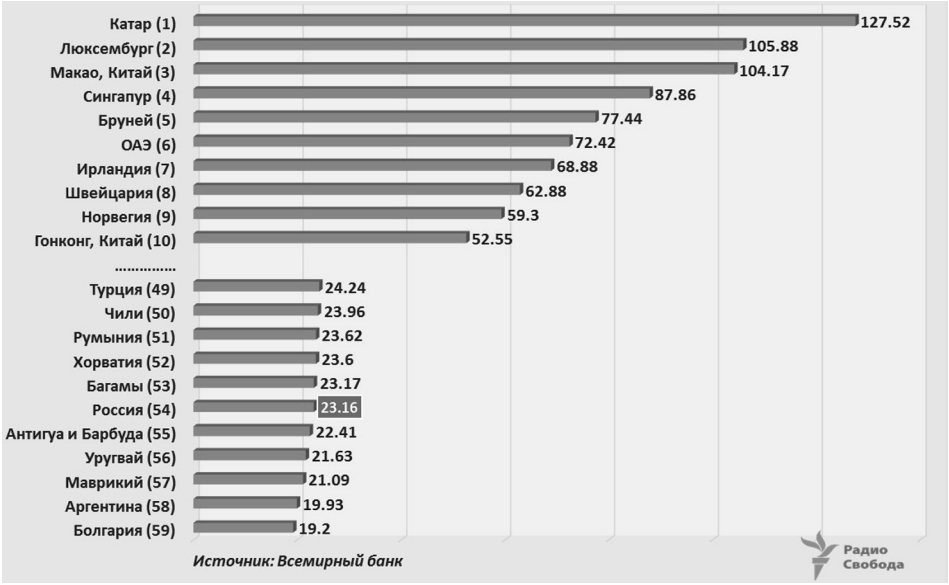


Рис. 2.24. ВВП на душу населения
(места стран из рейтинга 2016 года, ВВП в тыс. $,
по паритету покупательной способности (ППС))

тая его по ППС, так и останется большим, чем у Франции ($2,88 трлн против $2,83 трлн).

По другому из упомянутых г-ном Кудриным показателей — объему ВВП в расчете на душу населения — оценки Всемирного банка для России разнятся не столь принципиально. Считая по текущему обменному курсу, Россия оказывается в этом случае на 63-м месте среди 180 стран мира: рис. 2.23.

Если же оценивать объем ВВП на душу населения по ППС, Россия оказывается на 54-м месте. А в десятке мировых лидеров обоих рейтингов изменения — не столько по составу, сколько по занимаемым ими местам: рис. 2.24.

2.5. Инерция развития и будущее России

Сегодня фронт глобальных противоречий переместился
с идеологического уровня именно на цивилизационный[57]

А. Орлов,
военный эксперт

Начинается период смены экономической
и политической парадигмы…[58]

А. Безруков

Адекватность анализа состояния и перспектив развития России зависит от многих внутренних и внешних факторов, но прежде всего точной оценки абсолютного и относительного положения России в мире в настоящее время и попытки прогноза этого положения России в мире в будущем, во-первых.

А, во-вторых, от оценок наиболее важных тенденций и факторов мирового развития и их влияния на те или иные субъекты МО–ВПО. Смена парадигм в развитии человечества и, как следствие, МО–ВПО делает невозможным для субъектов, сохранение в нетронутом виде сценариев и стратегий их развития. Иными словами, стратегическое планирование в любом государстве должно учитывать появление и смену парадигм, что на практике является трудноразрешимой задачей. Третья пятилетка в СССР оказалась прерванной Второй мировой войной, а очередная политика 1980-х годов — реформации М. Горбачева и развалом СССР.

В современную эпоху радикальные воздействия, которые такие перемены в МО уже оказали на целый ряд государств в 2016–2017 годах, свидетельствуют о невозможности сохранения в нетронутом виде прежних политических установок времен конца XX века. Этот вывод непосредственно касается в том числе и России: мы находимся уже на самом рубеже смены парадигм в развитии человечества, не учитывать которые мы не можем, а учитывать — не умеем. Пока что ясно: в краткосрочной перспективе ожидаются радикальные изменения в МО и ВПО, но какие именно и каковы будут их последствия мы себе представляем очень смутно.

Еще хуже то, что в стратегическом планировании России (если о нем можно так говорить) эти перемены вообще не учитываются. Во всяком случае прогнозы МЭРа, Минфина, ИБ РФ исходят из инерционного развития простой экстраполяции, во-первых, и не учитывают растущее влияние внешних факторов, во-вторых.

Эти обстоятельства требуют от нас хотя бы попытаться представить себе будущее России и влияние внешних факторов развития МО и ВПО. И здесь мы вновь обращаемся к нашему опыту, когда в основе теоретического и методологического подхода к прогнозу развития того или иного субъекта международных и военно-политических отношений (МО и ВПО), в частности России, находится известная модель (рис. 2.25) политического процесса, в которой на этот процесс, оказывают решающее влияние известные четыре основные группы факторов[59]:

— базовые интересы и ценности государства, нации и общества (группа «А»);
— внешние условия развития, опасности и угрозы (группа «Б»);
— национальные ресурсы (группа «Г»);
— качество, профессионализм и умение управлять национальной элиты («Д»).

Для нас прежде всего важно попытаться рассмотреть развитие этих четырех групп факторов как с точки зрения простой экстраполяции (инерционного сценария), так и с точки зрения возможного появления новых парадигм в их среде.

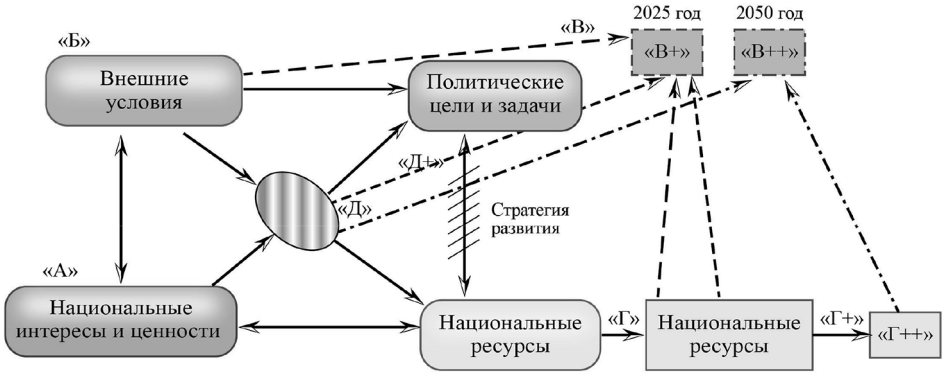


Рис. 2.25. Логическая модель сценария развития России в настоящее время, в период до 2025 года и до 2050 года

С точки зрения новых военно-политических парадигм среди базовых систем ценностей и интересов субъектов МО ожидается, на мой взгляд:

— усиление стремления к обособлению национальной и цивилизационной идентичности, которое будет развиваться в противовес универсализму и глобализму, и приведет к оформлению широких коалиций на базе нескольких ЛЧЦ. В частности, возможно, например, создание широкой коалиции на базе западной ЛЧЦ с привлечением союзников из других ЛЧЦ. Это просматривается уже сегодня в политике Запада на Ближнем и Среднем Востоке, когда в союзе с США и НАТО действуют не только европейские, но и арабские государства. Другой пример — расширение ШОС до участия в нем кроме российской и китайской ЛЧЦ, исламской ЛЧЦ (Пакистан, Иран, Афганистан), индейской ЛЧЦ и, возможно, других ЛЧЦ;
— созданию единого фронта противостоящих западной ЛЧЦ государств и цивилизаций по аналогии с широкой коалицией западной ЛЧЦ, но без видимого одного лидера, на место которого могут претендовать КНР, Индия или Россия;
— расширение пространственно-информационного совета отдельных районов и ТВД до глобального уровня, когда отдельные ТВД до глобального уровня, когда отдельные ТВД и конфликты исчезнут, уступив место глобальному противоборству.

Эти и другие группы факторов влияют на целеполагание (группа факторов «В», «В+» и «В++») и, соответственно, стратегии развития страны.

В 2017 году эти обстоятельства не учитывались в стратегическом планировании России, а само целеполагание ограничивалось крайне низкими амбициями темпов развития, уступавшими даже среднемировым (2% и 3,5% соответственно).

Эти четыре основные группы факторов взаимодействуют в рамках известной общей логической модели политического процесса, где, далеко не все определяется только объемом и соотношением ресурсов (соотношением сил субъектов МО). На политику (сценарий) развития страны или группы стран влияют также три другие группы факторов, которые необходимо обязательно учитывать.

Так, темпы и качество развития ресурсов и возможностей России определяются в том числе правящей элитой, эффективностью ее управления и выбором вектора развития страны, который следует признать, последние 30 лет свидетельствует о низкой, близкому к катастрофической по эффективности, качеству принимаемых решений. Это качество правящей элиты и эффективности управления страной абсолютно не соответствовало надвигающемуся «переходному периоду» и смене парадигм.

Если, например, внешние условия для России в 1990–2013 годы были достаточно благоприятны (некоторые даже считали, что «уникально благоприятны»), а национальные ресурсы — достаточно стабильны, — то даже в этих условиях эффективность принимаемых решений была очень низкой, а иногда и откровенно антинациональной. Это — главное объяснение отставания России в развитии с 2013 до 2017 года, которое до этого происходило даже в относительно благоприятные периоды. Другими словами, у правящей элиты страны в реальности не было понимания острой политической необходимости ускорения экономического развития. Стагнация, как стратегия, вполне устраивала. Во всяком случае, какое-то время: не было ни смены министров, ни чрезвычайных мер, ни каких-либо программ опережающего развития (исключая отдельные регионы).

И это же, наверное, **главная причина для объяснения формирования малоэффективного сценария развития страны до 2025 года и позже, до 2050 года,** существовавшего у правящей элиты. Формально-логически, этот тезис может быть иллюстрирован следующим образом, где ясно видно, что все основные группы факторов, определяющие развитие нации и государства, зависят от «группы Д», характеризующей качество правящей элиты и принимаемых ею решений.

За последние 30 лет это качество было настолько низким, что позволило увеличить ВВП РФ (по сравнению с ВВП РСФСР) только на 30%, причем при катастрофическом снижении доли продукции обрабатывающих отраслей экономики и качестве национального человеческого капитала (НЧК)[60].

Движение (развитие) России, выбор ею наиболее оптимального сценария и его конечная реализация, таким образом, зависит не только от внешних и внутренних объективных условий, которые будут менять-

ся относительно медленно, или объема национальных ресурсов, сколько **от эффективности принимаемых решений правящей элитой**. Прежде всего от роли субъективного фактора целеполагания, в выборе сценария развития, в особенности его конкретного варианта. Эта роль правящей элиты очень высока, что делает стратегический прогноз развития России в значительной степени зависимым от адекватности элиты и переменных величин — внутриполитической стабильности, эффективности государственного управления, качества принимаемых решений, нравственности правящей элиты и пр.

Это обстоятельство всё отчетливо сознается политиками и экспертами, но далеко не всегда учитывается в политическом планировании и особенно конкретной политике, где доминируют по-прежнему субъективные критерии — личная преданность угодливость, мнимая исполнительность, отсутствие амбиций и др. качества, которые отнюдь не влияют на эффективность работы, но делают исполнителя максимально удобным для начальника.

1 сентября 2017 года В. Путин впервые заговорил о «прорыве» в будущее. Но этот этап уже закончен — и об этом и говорит Путин. Он призывает не делать «не хуже иностранного» — он говорит о том, что нужно делать лучше всех. То есть мы должны совершить качественный рывок, качественный прорыВ. Путин прямо не говорит о том, что нам нужен прорыв, подобный космической программе, но по сути он имеет в виду именно это. И сделать это нужно не из-за какой-то прихоти или амбиций — а потому что в противном случае нас сомнут, раздавят, мы исчезнем.

Да, именно об этом заговорил Путин, когда в качестве причин для прорыва указывает — «для того, чтобы сохранить свой суверенитет». Это сказано не для придания излишнего пафоса — Путин дважды напоминает, что есть страны, которые гораздо больше и мощнее нас. И по населению, и по технологиям, причем как промышленным, так и управленческим. Понятно, что речь идет и о Китае с США, и о Германии с Японией. Путин переводит разговор в область конкуренции между странами, специально оговариваясь, что не затрагивает тему врагов — но и в терминах конкуренции угрозы не становятся меньше[61].

Мы действительно потеряем суверенитет, если проиграем конкуренцию — геополитическую, военную, экономическую, научную,

идейную, духовную. Русская цивилизация и даже наша сегодняшняя страна слишком велики, чтобы проиграть на поле боя, да и ядерный щит никто не отменит — но инфраструктурное, научное и даже физическое топтание на месте приведут нас к краху.

Физическое — это отсутствие ощутимого прироста населения, то есть не увеличение, а вымирание русского народа. Научное — это зависимость от внедрения чужих изобретений и технологий. Инфраструктурное — это отсутствие условий жизни, достойных 300 млн человек. Которые должны населять Россию к концу XXI века.

И если мы ставим перед собой такие цели, то уже к середине этого столетия мы будем летать из Камчатки в Карелию за полчаса, а изобретенный нами искусственный интеллект сделает нас «властелинами мира» — нашего, русского мира.

Альтернативы у нас все равно нет — потому что в противном случае через сто лет будет мир без России. Что нам нужно для качественного рывка? По сути, только одно — нужно научится грамотно использовать энергию, вырабатываемую нашим внутренним «ядерным реактором». Который максимально эффективно работает только в режиме общего дела, общих идеалов, общих ценностей.

Тем не менее «набор» необходимых для представителей правящей элиты качеств регулярно исследуется и даже делается попытки нормативно-административного внедрения. Так, российские военные эксперты рассматривают, например, эту функцию правящей элиты следующим образом: рис. 2.26.

Проблема, однако, заключается в том, что самые лучшие логические модели и методические рекомендации по подбору представителей правящей и управляющей элиты оказывается бесполезными. Решения по продвижению тех или иных кадров остаются за пределами научного или рационального понимания и могут быть оптимизированы только в случае создания относительно независимой и объективной системы кадровой службы, которая может так или иначе учитывать достоинства и недостатки кандидатов.

В настоящее время, следует признать с горечью, такой системы нет. Хуже того, требования, необходимые для продвижения того или иного кандидата, как правило, либо остаются неясными, либо прямо проти-



Рис. 2.26.

воречат потребностям опережающего развития России и укрепления ее безопасности. Проблема инерционности и неадекватности принимаемых решений — самая трудная и наименее поддающаяся решению проблема современной России. Ее представители не понимают главного: если инерционный прогноз развития экономики России, подготовленный экспертами МЭР, подтвердится в будущем, то это будет означать уже не только сокращение и без того очень ограниченных экономических ресурсов для проведения эффективной внешней и военной политики, но и их относительное уменьшение по сравнению с растущими возможностями других ЛЧЦ и государств. Возникают своего рода «ножницы», когда потребности безопасности требуют увеличения относительной мощи ресурсов, а реальные возможности нации сокращаются относительно других наций и субъектов МО (рис. 2.27).

Как справедливо отмечается в редакционной статье «Независимой газеты» в октябре 2017 года, российскому обществу предложено важное решение: согласиться на длительную стагнацию с ростом бедности и отставанием от развитых стран и ближайших соседей. Правительство определилось с перспективным планом развития, который никакого особого развития как раз и не предполагает. Этот план оформлен в виде проекта трехлетнего бюджета, который и предложен обществу — как



Рис. 2.27. «Ножницы» возможностей и потребностей России

говорится, «в полном соответствии с действующим законодательством». Факт утверждения этого бюджета в парламенте и будет означать общественное согласие с ростом бедности и отставания страны от конкурентов. И никакого обмана здесь нет: основные цифры и ключевые решения на перспективу уже опубликованы и ждут теперь общественного утверждения.

То есть в советские времена власти обещали гражданам постоянный рост благосостояния — и обманули. А нынешние власти обещают рост бедности — и не обманывают. Несогласным с такой политикой рот никто не затыкает. Критика бюджетных планов звучит довольно громко. И граждане могут видеть все происходящее в деталях и с полным осознанием происходящего. Так что решение об экономическом «дауншифтинге» и деградации принимается обществом с полной ответственностью.

За последние девять лет российская экономика выросла на 1,7%. В среднем ежегодный прирост ВВП был фактически нулевым, точнее — менее 0,2%. Теперь стране предлагают согласиться на второе «потерянное десятилетие», в течение которого Россия будет отставать от остального мира по темпам развития в несколько раз.

В течение первого потерянного десятилетия граждане РФ увидели, как по уровню зарплат нас обогнал Китай, а по потребительским расходам — Казахстан. При этом уровень бедности оказался на рекордно высоком уровне за последние 10 лет, а ВВП упал за несколько лет на 74% в долларовом изменении[62].

Уже к 2020 году Китай, Индия и Турция обгонят Россию по номинальному душевому ВВП. К 2035 году Россия может опуститься в глобальном рейтинге экономик с 6-го места на 10–15-е места (расчеты аппарата бизнес-омбудсмена Бориса Титова). По объему производства на душу населения Россия, вероятно, скатится с нынешнего 52-го места в мире на 65–70-е место.

Впрочем, эти провалы можно и не драматизировать. Особой экономической прытью Россия в последние годы не отличалась — так может, не надо и привыкать? Экономика РФ за последние 26 лет увеличилась всего на 13% (иногда говорят о 30%), тогда как мировой ВВП за это же время увеличился на 148%. В конце концов, Россия не единственная страна, которая на глазах лишается экономических перспектив. Есть, например, Аргентина, которая потеряла в экономическом развитии почти 100 лет. Есть еще пример братской Украины, где ВВП на душу населения сокращался со времени распада СССР — как до евромайдана, так и после него. Живут же люди и в этих странах, заводят семьи, рожают детей, ходят по кино, кафе и ресторанам. Такое же существование будет возможно и в России[63].

Правда, в условиях стагнации страну ждут медленный бюджетный штопор и угроза ползучего повышения налогов: доходы казны расти не будут, а расходы будут постоянно сокращаться. Денег на социальную сферу в бюджете на 2018 год предусмотрено меньше, чем в прошлом году: 4,86 трлн руб. против 5 трлн в 2017 г., замечает директор программ московского Центра Карнеги Андрей Мовчан. На 2018 год — год президентских выборов — расходы еще не будут сильно урезаться в реальном выражении, зато 2019 год будет жестким, предупреждает экономист Игорь Николаев. По его словам, никогда еще в XXI веке не планировался столь жесткий бюджет. «Учтем к тому же, что именно с 2019 года с большой долей вероятности начнется повышение пенсионного возраста в России, а пенсии работающим пенсионерам по-прежнему индексировать не собираются»[64], — говорит Николаев.

2.6. Превращение в мирового аутсайдера

У нас все впереди. Эта мысль тревожит
А. Шебаршин,
бывший начальник ПГУ СССР

Развитие России по существующему в 2018 году сценарию невозможно назвать развитием. Это — стагнация, которая особенно заметна на фоне действительного развития других стран. В этом — главная угроза будущему развитию. И не только внешняя (отставание всегда ведет к поражению), но и внутренняя: стагнация дальше еще больше будет означать ухудшение положения граждан России. В итоге, подобная логика инерционного развития (стагнации) неизбежно ведет к тому, что после 2025 года возможности России не будут соответствовать ее главным потребностям по защите суверенитета и территориальной ценности[65].

Подобное отставание, очевидно, неизбежно скажется прежде всего на оборонительных возможностях России, ее способности обеспечивать национальную безопасность. Если допустить, что рост ВВП России будет в ранее запланированных МЭР рамках, а развитие стран западной ЛЧЦ продолжатся теми же темпами при планируемом увеличении военных расходов США и их союзников, а также доли европейских государств с 30% расходов НАТО до 45–50%, то можно ожидать, что к 2025 году общие военные расходы НАТО превысят 1500 млрд долл., а российские останутся на уровне 2017 года — 60–70 млрд долл. (и даже снизятся), — т.е. военный бюджет западной ЛЧЦ будет в 20 раз выше российского, а с учетом других участников западной коалиции — в 30 раз выше российского. Это будет означать, например, что военные расходы только восточноевропейских государств-членов НАТО сравняются с российскими.

В настоящее время ситуация выглядит следующим образом. Европейские страны НАТО и Канада под давлением США наращивают свои военные расходы, но в разной мере. Как следует из опубликованного в марте 2017 года годового отчета НАТО, общие расходы на оборону всех членов альянса выросли в 2016 году до 2,43% их ВВП по сравнению с 2,4% в 2015 г., и это первое увеличение с 2009 года.

Оборонные расходы США в прошлом году составили 3,61% ВВП, а европейские члены НАТО потратили в среднем 1,47%. Только Эстония, Греция, Польша и США достигли поставленной НАТО цели довести оборонные расходы минимум до 2% ВВП. Германия в прошлом году увеличила расходы на оборону до 1,2% ВВП в прошлом году по сравнению с 1,18% в предыдущем, в то время как Испания снизила до 0,9% с 0,93%, а Франция — до 1,79% с 1,80%. Канада довела военный бюджет до 1,02% ВВП по сравнению с 0,98% в 2015 году. Другими словами у союзников США есть огромный резерв для увеличения военных расходов.

США по-прежнему обеспечивают около 70% оборонных расходов НАТО, и министр обороны Дж. Мэттис в середине февраля 2017 года в Брюсселе предупредил союзников, что Вашингтон может уменьшить финансовую подпитку альянса, если остальные члены не увеличат свою долю[66].

С точки зрения военно-экономической, подобная расстановка сил может привести к ситуации, когда, например, один «фланг» НАТО (Польша и др. государства) смогут использовать Украину в качестве плацдарма агрессии против России. Поддержка «старых» европейских государств и США, а также Канады и их союзников в материальной области без привлечения личного состава сможет обеспечить им достаточный потенциал для этого. Как минимум, на первом этапе конфликта.

Подобная ВПО вполне устроила бы США, Великобританию, Францию и Германию потому, что:

— они, например, непосредственно могут не участвовать в военно-силовом противоборстве, ограничившись политико-дипломатической и военно-технической поддержкой. Это в полной мере соответствовало бы их традиции войны на чужой территории и чужими руками;
— у них осталось бы большое «поле для маневра» политическими и военными средствами;
— это не привело бы к экономическим катастрофическим издержкам.

Такая ВПО, в свою очередь, сформировала бы уникальную и крайне опасную стратегическую обстановку (СО), когда нынешний конфликт на Украине приобрел бы большие масштабы, но не превратился бы в войну между всем блоком НАТО и Россией: расширение пространства конфликта шло бы с участием Украины и восточноевропейских стран-членов НАТО.

Сказанное выше означает, что необходимая стратегия развития России, укрепления её национальной безопасности, и экономическая стратегия, подготовленная МЭРом, не имеют ничего общего. Это две **разные** стратегии для двух **разных** государств, действующих в **разных** условиях МО и ВПО. Существующая экономическая стратегия страны и представления о её будущем в МЭРе, ЦБ среди либеральных экспертов, означают лишь инерцию стагнации и отставания, где отчетливо видно абсолютное и относительное падение доли нашей страны в мировой мощи.

В целом место, которое занимает экономика России в мире, может быть проиллюстрировано на примере основных материальных показателей. Из них, в частности, следует, что в настоящее время Россия в среднем производит 2–2,5% мировой продукции. При этом на долю высокотехнологичной и наукоемкой продукции приходится существенно меньше (по оценке В. Путина, 0,2%).

Как видно из официальных данных в физических показателях за 2005–2014 годы (табл. 2.11), позитивных изменений почти не произошло, что очень невыгодно отличает нашу страну не только от стран с быстро растущими экономиками (КНР, Индия, Вьетнам и др.), но и развитыми странами. Увеличение ВВП России на 31% с 2005 года относится прежде всего за счет роста стоимости экспорта сырья и энергетики и некоторых точечных изменений в экономике. При этом в статистике отсутствуют основные показатели физического объема промышленного производства, обработки и приборостроения, которые существенно ухудшили бы представления о ситуации с экономикой России. То, что по некоторым показателям в 2016 году Россия улучшила свое положение в мире (инфляция, падение ВВП, оборот внешней торговли и др.) означает только, что к 2017 году удалось остановить падение, но отнюдь не обеспечить рост. На общем фоне достаточно динамичного развития в мире в среднем в 3% ВВП, эти положительные результаты выглядят не оптимистично (как пытаются иногда показать), а уныло.

Еще тревожнее ситуация выглядит при сопоставлении потенциалов возможных военно-политических коалиций ЛЧЦ и центров силы, которые условно можно увидеть через сравнение прежде всего показателей экспорта и импорта.

Таблица 2.11. Россия в мире

	Мировой итог			Россия			Россия в % к мировому итогу		
	2005	2010	2014	2005	2010	2014	2005	2010	2014
Среднегодовая численность населения, млн человек	6515	6916	7266	143,5	142,8	146,1	2,2	2,1	2,0
Добыча:									
газа (естественного), млрд м^3	2874	3288	3524	641	651	642	22	20	18
угля (товарного), млн т	5997	7170	8023	299[2)]	322	357	5,0	4,5	4,4
железной руды (товарной), млн т	1402	1870	2001	95,1	95,9	102	6,8	…	…
Производство продукции промышленности									
электроэнергия:									
всего, млрд кВт×ч	18 367	21 549	23 391	953	1038	1064	5,2	4,8	4,5
на душу населения, кВт×ч	2819	3116	3257	6628	7267	7285	235	233	227
чугун, млн т	800	1034	1183	49,2	48,0	51,5	6,2	4,6	4,4
сталь, млн т	1148	1433	1670	66,3	66,8	70,5	5,8	4,7	4,2
легковые автомобили (включая сборку):									
всего, млн шт.	42,7	…	…	1,1	1,2	1,7	2,4	…	…
на 1000 человек населения, шт.	6,7	…	…	7,4	8,5	11,5	103	…	…
минеральные удобрения, млн т	172	193	208	16,6	17,9	19,7	9,7	9,3	9,5
древесина (вывозка), млн плотных м^3	3585	3527	3690	113	117	123	3,2	…	…
пиломатериалы (включая шпалы), млн м^3	438	376	439	22,3	21,9	21,5	5,1	5,8	4,9
бумага и картон:									
всего, млн т	365	392	400	7,1	7,7	8,2	1,9	2,0	2,1
на душу населения, кг	56,0	56,8	55,1	49,6	53,7	55,8	89	95	101
цемент гидравлический, млн т	2360	…	…	48,5	50,4	69,1	2,1	…	…
сахар-песок (из отечественного сырья):									
всего, млн т	130	143	166	2,5	2,8	4,6	1,9	…	…
на душу населения, кг	20,0	20,7	23,3	17,4	19,5	31,5	87	…	…
Производство сельскохозяйственной продукции									
зерновые и зернобобовые:									
всего, млн т	2330	2546	2878	77,8	61,0	105,3	3,3	2,4	3,7

Таблица 2.12. Россия и основные международные объединения и организации в 2014 году

	Россия	Страны СНГ	ЕС[1)]	ОЭСР	АСЕАН	ЕАЭС	БРИКС
Территория, млн км^2	17,1	…	4,3	35,0	4,4	20,3	4,0
Среднегодовая численность населения, млн человек	146,1	282[3)]	508	1266	620	183	3004
Валовой внутренний продукт (2005=100)	**131**	136	**110**	**115**	…	**135**	…
Сельскохозяйственные угодья, млн га	222,1	416	186	1212	131,0	308	1286,8
в том числе пашня, %	55,3	45	58,1	32,1	53,2	48	44,2
Производство зерновых и зернобобовых культур:							
всего, млн т	105,3	213,8	321	919	257	134,1	1105
Импорт:							
всего, млрд долл. США	**287,1**	457	**5882**	**11 244**	1235	384	3052
на одного жителя, долл. США	1965	1859	11 579	8882	1993	2148	1016
Экспорт:							
всего, млрд долл. США	**497,4**	700	**5988**	**10 532**	1288	620	3479
на одного жителя, долл. США	3404	2845	**11 787**	**8319**	2077	3471	1158

Надо понимать, что валовой прирост России к 2014 году по сравнению с 2005 года в 131% означает лишь только восстановление экономики до уровня 1990 РСФСР. При этом структура и качество экономики России, если и улучшались, то темпами, заведомо более низкими, чем в развитых странах[67].

Иными словами инерционность в развитии России консервирует ее технологическую отсталость и развал обрабатывающих отраслей промышленности, которые не могут компенсироваться ни макроэкономической стабильностью, ни снижением инфляции, ни темпами роста ВВП. Эти успехи 2016 года — лишь тактические положительные результаты, которые не в состоянии изменить общую тенденцию падения роли экономики России в мировой экономике. Падения роли и возможностей России в условиях фактического ведения войны. Можно сколько угодно спорить о том, началась ли эта война, когда она началась и где идет, но, как мини-

Таблица 2.13. Оптимальная технологическая структура экономик развитых стран

Обрабатывающие отрасли, уровень технологичности, %	Доля	Россия, 2005 г.
Высокотехнологичные	19	7,8
Средне-высокотехнологичные	28	17,3
Итого:	**47**	**25,1**
Средне и низкотехнологичные	53,0	74,9

мум, нужно согласиться с А. Гилёвым, который еще в 2014 году писал о том, что «… если прямое военное нападение относится к категории вероятного, то атака „другими средствами“ давно идет. Нужна не только Военная доктрина, но прежде всего политическая доктрина укреплении обороны России — обеспечение выживаемости страны в самом широком смысле»[68].

Такое «обеспечение выживаемости» возможно только при условии ускоренного (опережающего) экономического, социального и технологического развития, реализуемых в рамках долгосрочной стратегии развития России.

2.7. Угрозы национальным интересам и реальные возможности России

Систематические исследования военных угроз и военного измерения мировой политики в целом до сих пор остаются редкостью в России…[69]

А. Торкунов,
академик РАН

Россия обладает необходимым опытом и возможностями, чтобы сравняться с рисками, возникающими в процессе становления большой Евразии[70]

А. Ефременко

Переход человечества к новому этапу своего развития при сохранении старых парадигм развития международной обстановки (МО) и особенно военно-политической обстановки (ВПО), сложившихся в начале

XXI века, означает стремительное наступление наиболее дестабилизирующего и угрожающего периода, который характеризуется резким обострением прежних и появлением новых опасностей и угроз. В том числе и, может быть, более всего это относится к современной России, которой предстоит в 2018 году столкнуться с необходимостью ответов на опасные и вполне конкретные вызовы.

Их анализом и перечислением последние годы занимаются многие аналитики, политики и эксперты, но для целей данного исследования требуется прежде всего рассмотреть те из них, которые связаны с неизбежным выбором в 2018 году новой стратегии развития России[71]. Эта неизбежность вызвана, на мой взгляд, следующими обстоятельствами, которые не будут позволять в будущем, как прежде, затягивать принятие стратегических решений:

Во-первых, обострение ВПО в 2017 году, в частности, в Сирии и на всем Ближнем и Среднем Востоке, вокруг КНДР, на Украине и в более, чем 50 районах мира показывает, что прежние модели обеспечения безопасности не работают, а новых нет. Остается признать, что традиционный выход из подобных ситуаций — война, точнее — вооруженный конфликт, является наиболее вероятным политическим способом действия.

Во-вторых, Россия преодолела период кризиса и стагнации, но в неблагоприятных и ухудшающихся внешних условиях она принуждается Западом к стратегическому отставанию от других государств всеми имеющимися у него средствами политики «силового принуждения». Выход из этого процесса может быть только при реализации мобилизационного сценария развития страны, который, как и прежде в отечественной истории, должен аккумулировать все национальные ресурсы и волю.

В-третьих, Запад пытается принудить правящую элиту страны сменить независимый политический (как внешний, так и внутренний) курс и руководство страны, используя в этих целях самый широкий набор средств силового принуждения — от экономических и политико-дипломатических до информационных и военных.

Таким образом налицо оформление уже в 2018 году уникальной ВПО, в которой России отводится очень рискованное место оказаться на самом острие силовых конфликтов, либо признать политическую капитуляцию, заявив о смене политического курса и готовности

к «корректировке» своей системы национальных ценностей и интересов. Именно эти обстоятельства, имеющие откровенно силовой, но не всегда военный характер, представляются в настоящее время наиболее важными и актуальными, а не скрупулезный (и не всегда бесспорный) перечень всех опасностей и угроз, конкретный анализ которых превратился в своего рода «специальность» среди ряда чиновников и экспертов Совета безопасности, администрации, Минобороны и МИД России[72]. В том числе, надо самокритично признать, и автора[73].

Главная проблема и важнейшее опасное обстоятельство для России в 2018 году, непосредственно зависящее от правящей российской элиты и общества, заключается в том, что действующая стратегия и существующий базовый (инерционный) сценарий развития России очевидно и прямо противоречит ухудшающейся геополитической обстановке, угрожает национальным интересам России и сохранению ее идентичности, превращая страну в заложника непредсказуемого мирового экономического и военно-политического развития.

По сути дела Россия повторяет основную ошибку XX века в своей истории, когда недостатки стратегического управления компенсировались природными и демографическими ресурсами российской нации. И в этом — главная проблема для современной российской правящей элиты — оказаться не соответствующей требованиям мирового развития и возможностям России.

Огромные внутренние ресурсы и возможности России очевидно не соответствуют убогим темпам и масштабу развития экономики и человеческого капитала в последние 35–40 лет. И это качественное и радикальное противоречие неизбежно предстоит разрешить российской правящей элите еще до 2020 года, либо смириться с нарастающей деградацией и постепенной фактической потерей суверенитета и в конечном счете национальной идентичности. Никакие пропагандистские и даже внешние политические успехи не смогут изменить этого вывода.

Ситуация для России во многом обостряется тем обстоятельством, что правящие западные элиты наносят удары по правящему классу России, принуждая его к капитуляции или предательству. В этих условиях, как показывает наш опыт, раскол внутри неизбежен — часть правящей элиты может пойти против нации и общества, стать «пятой колонной» агрессоров.

Третья Мировая (цивилизационная) война, начавшись уже в настоящее время, неизбежно будет расширяться по пространственному охвату и втягивать в свою воронку все больше государств, институтов и ресурсов. Её военно-силовая составляющая будет нарастать и, вероятнее всего, приведет к полномасштабной войне сразу на нескольких ТВД, а, может быть, и глобальному конфликту. Крайне маловероятно, что развитие ВПО, как в предыдущие десятилетия, сохранится даже на ближайшие годы, хотя и сегодня в мире одновременно «сосуществуют» более 50 — внешних и внутренних — военных конфликтов.

Характер и особенности всех этих будущих военных конфликтов до конца не известны, да и вряд ли могут быть известны вообще, — слишком стремительно развиваются ВВСТ и способы их использования, слишком динамична военно-стратегическая обстановка (СО), но уже ясно, что такое военно-силовое противоборство будет:

— **с военно-политической точки зрения**, — борьбой военно-политических коалиций, представляющих разные локальные человеческие цивилизации, среди которых наибольшее развитие уже получила западная коалиция, аккумулирующая ресурсы более 60 государств; Россия в этой борьбе может рассчитывать на ограниченный круг союзников по ОДКБ и, возможно, некоторые другие страны;
— **со стратегической точки зрения, —** системной силовой борьбой, в которой будут использованы все средства политики — от когнитивно-информационных до стратегического оружия и оружия массового поражения;
— **с политико-цивилизационной точки зрения**, — бескомпромиссной схваткой, исключающей промежуточные соглашения, целью которой будет нанесение тотального, цивилизационного, поражения и принуждения противника к отказу от своей идентичности и суверенитета, навязыванию своих норм и правил;
— **с военно-технической точки зрения**, — будут использованы все имеющиеся виды и системы оружия и военной техники, как конвенциональные, так и ОМУ, причем имеющийся опыт говорит в пользу того, что военные действия будут носить длительный характер, который потребует значительных запасов ВВСТ и боеприпасов. Не случайно поэтому совершенно определенное высказывание Пре-

зидента В.В. Путина на совещании с руководителями МО и ОПК в ноябре 2017 года о необходимости готовности предприятий к массовому производству ВВСТ и боеприпасов.

Вообще идея «национальной мобилизации» — будь то в контексте импортозамещения или повышения боеготовности — самая, на мой взгляд, перспективная в нынешних условиях. В том числе и с точки зрения сценария развития России, который должен предложить будущий президент после выборов в марте 2018 года: не секрет, что все предыдущие стратегии и концепции социально-экономического и инновационного развития России провалились.

В 2017 году Россия только-только вышла из достаточно глубокого кризиса и стагнации, которые усиленно стимулировались извне самыми широкими санкциями. После принятия в Конгрессе США в августе 2017 года соответствующего закона против России, Ирана и КНДР, который на три четверти состоит из санкций против России, стало окончательно ясно, что политика «силового принуждения» России имеет долгосрочный характер и нам предстоит жить с этим не один год. Но существующая стратегия и планы развития — инерционны в своей основе. Они не могут обеспечить России необходимые темпы роста и качество экономики и человеческого потенциала. Нужна новая, мобилизационная, стратегия, сопоставимая по своей эффективности со стратегиями опережающего развития КНР, Индии, Индонезии, Малайзии, Сингапура, Вьетнама и целого ряда других стран, обеспечивающих ежегодный прирост ВВП не на 1,5–2%, а на 7–8%. Такие темпы роста (и даже больше) были в СССР в 30-е, 40-е, 50-е и 60-е годы прошлого века в условиях не менее сложной военно-политической обстановки и необходимости военно-технической подготовки к возможной войне.

Опыт двух прежних Мировых войн не панацея, но и он полезен в условиях, когда необходима любая информация для того, чтобы получить максимально полное представление о будущем характере военной стадии конфликта. В частности, опыт экспертного сопоставления качества воевавших друг с другом ВС сторон. Еще в 1957 году исторический отдел Генерального штаба израильской армии разослал анкету тысяче респондентов, почти во все страны мира, среди которых были командующие, военные эксперты, историки и военные корреспонденты. Пред-

лагалось ответить на следующие вопросы: Какие армии вы считаете лучшими за время двух мировых войн? Чьи солдаты были самыми храбрыми? Чьи солдаты были лучше обучены, более искусны и дисциплинированы? Чьи солдаты больше проявляли инициативу? И так далее.

Среди ответивших на вопросы анкеты были генералы Г. Маршалл (США), А. Гаузингер (НАТО), Г. Ф. Фуллер (Великобритания), М. П. Кениг (Франция), известный военный теоретик сэр Безил Лидцел Харт, писатели Леон Урис, Герман Воук и другие.

Вот рейтинг армий, воевавшие в Первой Мировой войне. Они распределились следующим образом:

1. Немецкая армия.
2. Русская армия.
3. Французская армия.
4. Английская армия.
5. Турецкая армия.
6. Австро-венгерская армия.
7. Итальянская армия.
8. Американская армия.

Для Второй Мировой войны классификацию организовали с подсчетом очков. Максимально можно было получить 100, а минимально — 10 очков. Результаты:

1. Немецкая армия — 93 очка.
2. Японская армия — 86 очков.
3. Финская армия — 83 очков.
4. Советская армия — 79 очка.
5. Польская армия — 71 очко.
6. Британская армия — 62 очка.
7. Американская армия — 55 очков.
8. Французская армия — 39 очков.
9. Итальянская армия — 24 очка.

Что касается авиации, то после ВВС рейха (Люфтваффе) в рейтинге стояли военно-воздушные силы Великобритании (R.A.F.), затем военная авиация США (US Air Force), ВВС Японии, военная авиация СССР.

Военно-морские силы Великобритании возглавили список, за ними следовали ВМС Японии и США. Среди элитарных подразделений луч-

шими признаны войска СС, за ними — американские морские пехотинцы, следом — британские десантники и французский Иностранный легион.

Любая классификация является спорной, например, по-разному комментировалось пятое место польской армии. Но, к примеру, итальянские солдаты второй мировой войны, часто плохо вооруженные, очень слабо обеспеченные и нередко имеющие некомпетентных командиров, в целом, оправдали доверие во время боев в Северной Африке, а итальянские подводники и летчики показали настоящую удаль. Подобным же образом торпеды, управляемые людьми из флотилии «X. Flottiglia MAS» герцога Валерио Борджио и Тесео Тесеи, добились значительных успехов на Средиземном море. Вероятно, это необходимо учесть.

Будущая опасная МО и ВПО будут развиваться в соответствии с объективной своей логикой, но они окажут еще более негативное и решающее влияние на формирование сценария развития России, который не должен быть, инерционным, ибо его сохранение уже сейчас равносильно самоуничтожению. Речь должна идти не только о новой мобилизационной стратегии, но и о новом, «мобилизационном» сценарии развития России, который предусматривал бы конкретный план мобилизационной подготовки всей промышленности (а не только ОПК) и общества, всех институтов общества и государства.

Такой сценарий должен исходить из необходимости создания новой военной организации, но уже не только государства, но и общества, и всей нации, по аналогии с существовавшим Государственным Комитетом Обороны СССР. Надо отчетливо понимать, что современное состояние военной организации страны включает только некоторые (силовые) институты государства, оставляя «за скобками» институты не силовые, а, например, образовательные и научные, а также массовые общественные институты и институты и организации частного бизнеса (в США, кстати, существует именно национальная военная организация).

Новый базовый сценарий развития России (даже при отсутствии такой официальной мобилизационной стратегии) неизбежно будет формироваться под влиянием следующих обстоятельств, которые следует в определенном смысле воспринимать в качестве прямых опасностей и угроз нации и государству:

1. Россия и возглавляемая ею ЛЧЦ являются, с экономической точки зрения наиболее слабым мировым центром силы, более того, центром силы, еще больше теряющим своё относительное значение в экономике в среднесрочной перспективе. С разной степенью успеха время от времени Россия усиливает и будет усиливать свое влияние в мире до 2030 года, но не за счет экономики, а других, прежде всего политических и военных областей, что будет требовать от нее дополнительных усилий и неизбежно вести к торможению темпов ее социально-экономического развития.

Существующий инерционный сценарий говорит о неизбежности сокращения влияния России в мире до минимального, « регионального уровня», который не сможет быть компенсирован ни союзами, ни частичными относительными успехами. Крайне опасно для России, обладающей огромной территорией и природными ресурсами, превратиться в среднюю региональную державу с ожидаемым ВВП менее 2% от мирового и отсталой технологической базой, уровнем жизни, соответствующим уровню ниже среднемирового, другим показателям, характеризующим её как второразрядное государство, суверенитет которого может быть поставлен под сомнение.

2. У Запада и других ЛЧЦ есть огромные оперативные резервы, которые могут быть использованы даже в краткосрочной перспективе. Относительные экономические резервы наращивания военной мощи западной ЛЧЦ существуют, уже сегодня, сейчас, а у российской они практически исчерпаны, если не переходить на уровень милитаризации. В настоящее время военные расходы России составляют порядка 4%, а стран Запада (исключая Саудовскую Аравию и Израиль) — от 1,2% в Германии, до 3,5% — в США. Это означает, что Запад относительно безболезненно может значительно увеличить свои военные расходы (до 2–2,5%, или на 250–350 и даже на 700 млрд долл.), что для России является даже частично абсолютно нереальным.

Если посмотреть на перспективу после 2025 года, то рост военных расходов США может достигнуть 1200 млрд долл., а союзников — около 1000 млрд долл., что — подчеркну — может быть сделано относительно без излишнего напряжения при сохранении их расходов на оборону менее 3% ВВП. Очевидно, что соревноваться с ними Россия

симметрично не сможет: даже если допустить пропорциональный рост военных расходов «запланированному» росту ВВП страны в 2%, это может означать увеличение российского военного бюджета к 2030 году максимум до 100 млрд долл., т.е. соотношение военных расходов сохранится на уровне 1 : 20.

Поэтому России будет необходимо неизбежно полагаться и планировать свое развитие в расчете на неэкономические ресурсы обеспечения безопасности. Что до сего дня находится на периферии внимания правящей элиты страны, не учитывающей не только политико-дипломатические, но и идеологические и морально-психологические мобилизационные факторы. Так, например, очень эффективна существующая практика подготовки мобилизационных резервов в Израиле и Швейцарии, когда военной подготовкой охвачена по сути вся взрослая часть нации.

3. Уникальность российской ЛЧЦ природные ресурсы, положение, территория превращает ее в самостоятельное «ядро» всей евразийской территории и предоставляет ей серьезные геополитические позиции, включая возможность сохранения национальной идентичности и суверенитета даже в условиях относительного отставания в экономической области. Но такое положение не может продолжаться бесконечно долго, если не проявить активности во внешней политике. У России есть определенные международные политические и идеологические ресурсы, прежде всего, геополитические, природные и НЧК, которые не используются эффективно, и которые в короткие сроки нужно использовать максимально эффективно в интересах укрепления безопасности страны[74].

4. Необходимо провести инвентаризацию материальных возможностей страны, её активов, включая зарубежных. У России есть экономические, и промышленные ресурсы для опережающего развития, о чем свидетельствует то место, которое она занимает в мире по отдельным физическим показателям промышленного и сельскохозяйственного производства.

Эти ресурсы и возможности активно не используются из-за неадекватной финансовой и промышленной политики страны.

В конечном счете такая нарастающая экономическая, технологическая и финансовая слабость России превращаются в слабость социальную, политическую и военную. Думается, что такое несоответствие

Таблица 2.14. Место, занимаемое Россией в мире по производству отдельных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции в 2014 году[75]

Виды промышленной и сельскохозяйственной продукции	Место, занимаемое Россией
Нефть добытая (включая газовый конденсат), газ природный и попутный, сахарная свекла	2
Картофель	3
Электроэнергия, чугун, зерновые и зернобобовые культуры, скот и птица на убой (в убойном весе)	4
Вывозка древесины, цементы гидравлические	5
Уголь, сталь, хлопчатобумажные ткани, молоко коровье	6
Шерстяные ткани, обувь с верхом из кожи	11
Легковые автомобили (включая сборку)	12
Бумага и картон	14

между экономической и государственной мощью может существовать не более 20–25 лет, что означает, что даже без военно-силового давления Россия будет вынуждена капитулировать перед остальными развитыми странами, если не удается преодолеть нарастающего глубокого социально-экономического разрыва с западной и другими ЛЧЦ[76].

5. Динамика неравномерного развития мировых центров силы, ЛЧЦ и ведущих стран ставит под угрозу не только будущие позиции России в мире, но и саму возможность сохранения ею государственного суверенитета и идентичности. Отставание до определенного времени может не угрожать государственному суверенитету, но когда это превращается в очевидную угрозу, которая может стать реальностью, то следует понимать, что, как правило, вслед за суверенитетом быстро исчезает и идентичность, а затем и сама нация.

Иначе говоря, правящей элите России предстоит скоро осознать всю остроту экономической, а затем и цивилизационной угрозы, чью логику развития можно изобразить следующим образом[77] (рис. 2.28).

Процесс такого осознания должен произойти быстро и в острой форме, которая может приобрести форму социального катаклизма. Угроза такого взрыва должна серьезно рассматриваться правящей элитой России.

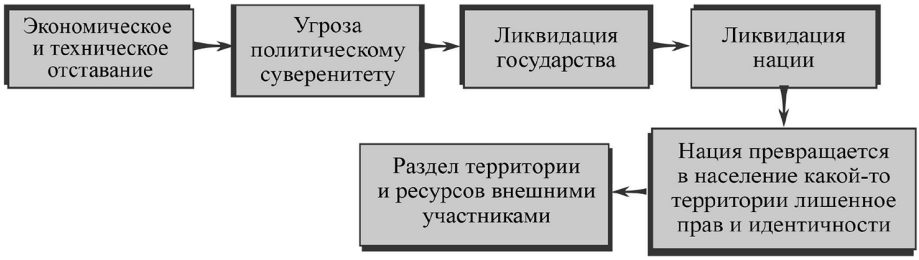


Рис. 2.28.

Это означает, что разработка и реализация успешной социально-экономической стратегии, которые не удавались правящей российской элите последние 30 лет, не будет больше продолжаться потому, что неудачи привели к угрозе потери суверенитета и адекватности.

6. Есть основание полагать, что подобная логика лежит в основе всех сценариев развития противоборствующих ЛЧЦ в XXI веке, которые конкурируют в мире за ресурсы, транспортные коридоры и рынки сбыта. Ликвидация суверенитетов, государств и наций оставляет территории, ресурсы и рынки сбыта победителю. Иначе говоря, борьба между государствами и ЛЧЦ вступает в форму борьбы за победу той или иной локальной человеческой цивилизации и сохранение той или иной идентичности.

---

[1] *Безруков А.* Спасти и сохранить // Россия в глобальной политике, 2017. Январь–февраль. — Т. 15. — №1. — С. 59.

[2] **Модель сценария** — Исторически такие модели и сценарии возникли примерно 30 лет назад в качестве альтернативы одновариантных прогнозов будущего развития конкретных компаний. Сценарное моделирование (планирование) — это один из наиболее эффективных системных инструментов стратегического управления вообще и стратегического анализа и прогноза, в частности.
Одновариантные прогнозы, как правило, довольно жестко задавали по существу единственную траекторию будущего развития организации. На практике они очень часто оказывались ошибочными. Поэтому при сценарном подходе для конкретного субъекта или актора МО или ВПО можно разрабатывать несколько примерно одинаково вероятных, но значимо контрастных вариантов будущего развития ее внешней среды (в нашем случае вариантов). Они выступают конкретными инструментами именно национальной стратегии, и в них делался акцент как раз на тех позициях, которые являлись объективно значимыми при принятии стратегических решений.

[3] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[4] *Тойнби А.* Генезис цивилизаций. Действие вызова-и-ответа / В кн. Подъем и падение цивилизаций. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — С. 8.

[5] См. подробнее: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 874 с.

[6] *Шагайда Н.И., Узун В.Я.* Тенденции развития и основные вызовы аграрного сектора России / Использование аграрного потенциала страны: аналит. доклад / ЦСР-РАНХиГС, 2017. — С. 76.

[7] *Шагайда Н.И., Узун В.Я.* Тенденции развития и основные вызовы аграрного сектора России / Стратегические задачи и целевые показатели перспективной аграрной политики: аналит. доклад / ЦСР-РАНХиГС, 2017. — С. 88.

[8] *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[9] *Подберёзкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 581 с.

[10] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[11] http://filearchive.cnews.ru/img/reviews/2014/11/05/rrrrrrsrr_1.png

[12] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[13] Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 31.

[14] См. подробнее: Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений: сборник статей / под ред. А.И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 307 с.

[15] *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[16] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[17] *Хрусталев М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 21.

[18] Там же. С. 25.

[19] Подробнее о качестве правящей элиты см.: *Подберёзкин А.И.* Национальный человеческий капитал. Т.1. Книга первая. «Человеческий капитал и посткоммунистическая идеология». — М.: МГИМО–Университет, 2012. — С. 179–237.

[20] Стратегия-2020. Что удалось достичь / Эл. ресурс: «Россия в 2035». 2017.27.09 / www/russia2035.ru

[21] Стратегия-2020. Что удалось достичь / Эл. ресурс: «Россия в 2035». 2017.27.09 / www/russia2035.ru

[22] *Киселев В.Д., Рязанцев О.Н., Данилкин Ф.А., Губинский А.М.* Информационные технологии в оборонно-промышленных комплексах России и стран НАТО. — М.: Знание, 2017. — С. 148.

[23] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[24] Мир 2035: Глобальный прогноз / под ред. акад. А.А. Дынкина. — ИМЭМО РАН, 2017. — С. 36.

[25] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[26] *Подберёзкин А.И.* Стратегия ОДКБ / Презентация на круглом столе послов стран-участниц ОДКБ. — Братислава. 2017. 17 мая.

[27] http://urf.podelise.ru/tw_files2/urls_2/190/d-189968/189968_html_m1283304d.png

[28] *Подберёзкин А.И.* Стратегия ОДКБ / Презентация на круглом столе послов стран-участниц ОДКБ. — Братислава. 2017. 17 мая.

[29] *Gomhert D., Binnendijk H.* The Power to Coerce. — RAND, 2016. — P. 5.

[30] *Подберёзкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 151–155.

[31] См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 272–286.

[32] Долгосрочное прогнозирование международных отношений в интересах национальной безопасности России: сб. докладов / под ред. А.И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 11–20.

[33] ИТАР-ТАСС. 24.11.2017.

[34] Эл. ресурс: «ЦВПИ». 24.11.2017.

[35] Там же.

[36] *Подберёзкин А.И.* Стратегия ОДКБ / Презентация на круглом столе послов стран-участниц ОДКБ. — Братислава. 2017. 17 мая.

[37] См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 20216. — С. 336–338.

[38] *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 559–566.

[39] *Чайка Ю.* Слова / Ведомости, 2017. 8 июня. — С. 2.

[40] *Бовин А.Е.* XX век как жизнь. Воспоминания. — М.: Захаров, 2003. — С. 488.

[41] Там же.

[42] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[43] Там же.

[44] http://mtdata.ru/u25/photoE3C1/20948335965-0/original.jpg

[45] *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[46] Мир 2035: Глобальный прогноз / под ред. акад. А. А. Дынкина. — М.: ИМЭМО РАН, 2017. — С. 34.

[47] См. подробнее: *Подберёзкин А. И*. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

[48] *Путин В. В*. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[49] http://mega-eworld.com/upload/tny/d22/3a25a44ba1f4becae9356ab320765d56.png

[50] http://z1v.ru/wp-content/uploads/2016/10/mobile_high-1ufa.png

[51] http://present5.com/presentforday2/20170124/uroveny_razvitiya_stran_images/uroveny_ razvitiya_stran_12.jpg

[52] Цит. по: *Савин Л*. Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. — СПб.: Питер, 2016. — С. 106.

[53] Подробнее: *Подберёзкин А. И*. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[54] См., например, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ №683 от 31 декабря 2015 г.

[55] *Кудрин А*. Эл. ресурс: «Интерфакс». 27.11.2017.

[56] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[57] *Орлов А*. Перспективы развития тактики и оперативного искусства форм и способов вооруженной борьбы по опыту минувших войн / Эл. ресурс: «ЦСОП», 2016. 8 ноября / http://csef.ru/ru/articles/print/7222

[58] *Безруков А*. Спасти и сохранить // Россия в глобальной политике, 2017. Январь–февраль. — Т. 15. — №1. — С. 58.

[59] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[60] См.: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

[61] *Акопов П*. Нужен прорыв в будущее / Эл. ресурс: «Лента.ру». 2017.01.09.

[62] Россия переходит во второе потерянное десятилетие // Независимая газета. 2017.04.10.

[63] Там же.

[64] Там же.

[65] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[66] Оборонные расходы НАТО увеличились впервые с 2009 года / Эл. ресурс: «Интерфакс». 2017. 12 марта / http://www.interfax.ru/world/553423

[67] *Подберёзкин А. И.* Военная сила и политика новой публичной дипломатии / Обозреватель, 2016. Декабрь. — №12. — С. 20.

[68] *Гилёв А*. Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике. 2014. — Т. 12. — №5. — С. 80.

[69] *Подберёзкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[70] *Ефременко Д.* Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике, 2016. Ноябрь–декабрь. — №6. — С. 45.

[71] *Путин В. В*. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[72] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[73] См., например: *Подберёзкин А. И*. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[74] *Подберёзкин А. И., Родионов О. Е., Харкевич М. В.* Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии. — М.: МГИМО–Университет, аналитич. доклад, 2016. Декабрь. — С. 63–104.

[75] Российский статистический ежегодник 2016. Статистический сборник / Россия в цифрах: Росстат, 2016. — С. 536.

[76] *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 83–91.

[77] *Подберёзкин А. И.* Долгосрочный прогноз развития сценария международной и военно-политической обстановки в XXI веке / Международная научная конференция «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений в интересах национальной безопасности России. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 11–20.

Глава 3
Основные внешние факторы влияния на формирование будущих сценариев развития России

… современная геополитическая обстановка в мире не дает вести войны исключительно военными средствами[1]

А. Орлов

«Цена ошибки» от неверно определенных приоритетов и форм реагирования может оказаться весьма высокой[2]

А. Фролов,
главный редактор журнал
«Экспорт вооружений»

Необходимо ясно понимать, что внешние факторы, тенденции и условия неизбежно оказывают самое разноплановое влияние на развитие нации и государства, прежде всего на реализацию того или иного конкретного сценария и еще более конкретного варианта такого развития, который реализовывается в настоящее время. Это влияние может быть сильным, слабым или меняться в зависимости от ситуации а мире, но оно будет в любом случае для любого субъекта или актора МО. Причем это влияние стремительно усиливается с каждым годом. Если в прежней истории и существовали ЛЧЦ и страны, существовавшие вне зависимости от влияния других ЛЧЦ (как, например, инки или ацтеки), то в новейшую историю это стало невозможным. Изоляционизм в политике, возникающий в те или иные периоды времени в отдельных странах, свидетельствует не более, чем о приоритетах во внешней политике той или иной страны. Или о состоянии военной безопасности[3].

С этим внешним влиянием связана и оценка его силы. Чем точнее оценка и прогноз влияния таких внешних факторов на политику субъекта или актора, тем точнее будет прогноз того или иного варианта реализации «Военно-силового сценария». В разные периоды истории на Россию влияли внешние факторы с разной силой. Иногда — очень сильно, как во времена Хазарского каганата, татаро-монгольского нашествия, экспансии Польши или фашистской агрессии, ставя под вопрос само существование не только государства, но и нации.

Иногда такое внешнее влияние сдерживало социально-экономическое развитие страны, как во времена политико-0идеологического противостояния СССР с Западом, вынуждая его отвлекать огромные ресурсы на оборону. Иногда, объем этих ресурсов достигал 40% ВВП, т.е. фактически приводил к милитаризации страны. Именно поэтому важно определить:

— во-первых, силу этого внешнего влияния, потенциальную угрозу, вытекающую из этого;
— во-вторых, основные направления этого влияния, его «цели», с тем, чтобы акцентировать на них внимание. Это необходимо для сугубо практических целей — тем, кто принимает решения в стране, крайне важно знать не только силу внешнего давления, но и стратегические направления политики внешнего влияния и даже силового принуждения, иначе говоря, объекты принуждения.

В 2017 году, на мой взгляд, уже можно уверенно сказать о том, что до 2025 года можно выделить следующие основные, стратегические, направления интегрированного и системного внешнего влияния и силового принуждения, направленного на формирование конкретного варианта развития России, о котором отчасти уже говорилось выше[4]:

Во-первых, сохранится традиционное влияние на процесс формирование политических целей и задач (вектор «Б»–«В») России до 2025 года; в нашем случае это будет военно-силовое влияние со стороны США и всей западной ЛЧЦ в течение всего периода до 2025 года, постепенно перерастающее от политики силового принуждения к политике прямых военные действия против России на различных ТВД и в глобальном масштабе.

Традиционность этой задачи, однако, не должна вводить в заблуждение потому, что «силовое принуждение» очень быстро проходит

все стадии к военному принуждению, элементы которого станут доминировать в период 2025–2030 годов. Кроме того, эта традиционность постепенно уступает место другим объектам принуждения — группам факторов «Г» и «Д», о которых речь пойдет ниже.

Подобная тенденция очевидно не оставляет России возможностей для комфортного внешнего существования, которое было (по оценке некоторых политиков и экспертов до 2008 года) прежде, вынуждая страну и союзников усиливать средства противодействия такому силовому воздействию. Такое усиление противодействия неизбежно сказывается на национальных ресурсах, которые могут быть отвлечены от целей развития.

Во-вторых, в последние два–три десятилетия основным объектом внешнего давления в России стала её правящая элита, которую еще во времена М. Горбачева поставили в зависимость от политики США. На рисунке этот вектор заштрихован как вектор «Б»–«Д». Он не конкретизирован, но важно понять, что его сила в последние годы стала значительно более мощной, чем даже сила традиционного политического влияния.

В Ельцинский период эта зависимость правящей элиты приближалась к той, в которой в 2015–2017 годы находилась правящая элита Украины, но затем, благодаря настойчивым усилиям В. Путина, эта зависимость постепенно сокращалась. Такое сокращение, однако, отнюдь не привело к его исчезновению. Развитие сотрудничества в предыдущие годы с Западом нередко перерастало в формы социальной, групповой и личной зависимости. Нередко основные активы, семьи, дети, даже интересы находятся «на Западе», а Россия остается местом для зарабатывания денег. Естественно, что такие представители правящей элиты становятся в Зависимость от западных стран и подвергаются манипуляции.

В настоящее время в России очень остро стоит вопрос: либо правящая элита освободится от западной зависимости полностью, либо она попадет в новую зависимость от неё. Зависимость, которую создаёт с помощью политики силового принуждения западная коалиция. Такое влияние на правящую элиту и общество (вектор «Б»–«Д»), которое применительно к России означает усиление военно-силового давления, переходящего в угрозы и шантаж, на конкретных представителей правящей элиты и их окружение. Закон, принятый 2 августа 2017 года в США, прямо и недвусмысленно ставит задачу усиления такого давления, переходящего в откровенный шантаж.

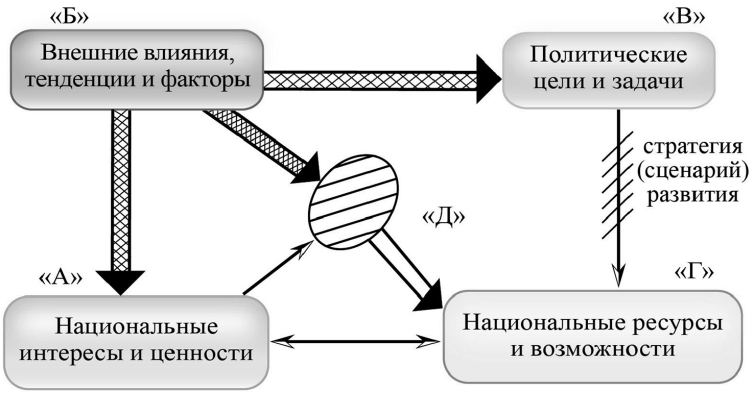


Рис. 3.1. Абстрактная модель основных направлений внешнего влияния на сценарий развития субъекта МО

В-третьих, продолжает усиления силового давления с целью добиться решающего влияния на формирование системы ценностей и интересы того или иного субъекта или актора МО (вектор «Б»–«А»), — в нашем случае национальных ценностей России, — которое имеет принципиально последовательный и долгосрочный характер. Эту тенденцию не отменяют даже заявления Д. Трампа об отказе от силового продвижения западных ценностей потому, что:

— во-первых, объективно любая страна и даже любой актор-участник МО заинтересованы в продвижении вовне своей системы ценностей. Вопрос заключается в том, чтобы не делать этого с помощью силы, в т.ч. военной;

— во-вторых, отказываясь навязывать систему ценностей, Д. Трамп акцентирует внимание на национальных интересах США. Однако, интересы безопасности США, как это неоднократно говорилось и даже публиковалось, предполагают продвижение системы ценностей.

В уже не раз используемой нами формально-логической и абстрактной модели общеполитического процесса государства эти направления внешнего давления и силового принуждения отображены следующим образом (выделены штрихами), что совершенно соответствует политике не только США и их коалиции, но и отчасти других стран по отношению к России до 2025 года: рис. 3.1.

От абстрактной модели внешнего влияния на тот или иной субъект МО и ВПО российскую модель отличают следующие особенности:

— до 2025 года маловероятно силовое влияние на Россию китайской, индийской и ряда других ЛЧЦ, что, однако, отнюдь не исключает усиления такого влияния в будущем[5];
— вероятно попытки усиления влияния исламской ЛЧЦ по нескольким каналам — через российскую диаспору, через развитие исламских институтов НЧК в России (строительство школ, мечетей, создание НПО и пр.), а также через усиление военного противоборства на Кавказе и в Средней Азии;
— очень вероятно усиление влияние институтов НЧК и новейших технологий, а также новых идей и концепций, в том числе и противостоящих России;
— основное негативное внешнее влияние будет происходить от западной ЛЧЦ, прежде всего, США, которые сделали Россию наиболее срочным приоритетом своей внешней политике, без решения которого не представляется решение других, более важных, стратегических задач. Таким образом совершенно очевидно, что до 2025 года эти стратегические направления внешнего влияния с точки зрениях их характера будут:
— негативными, последовательно усиливающимися;
— преимущественно принадлежать США и западной ЛЧЦ (за некоторым исключением тех стран, которые смогут преодолеть давление США и их основных союзников);
— все более трансформироваться от военно-силовых к силовым.

Наконец, кроме этих трех основных (стратегических) направлений внешнего силового и военного влияния, существует еще и внешнее косвенное влияние на распределение национальных ресурсов (группа факторов «Г») и иных (информационных, когнитивных, концептуальных) возможностей по направлениям «Б»–«Д» и «Б»–«В», а также «Б»–«А». Сказанное означает, например, что внешнее влияние на правящую элиту может быть косвенным, достаточно мягким, а на политические цели — жестким и бескомпромиссным, что неизбежно вызывает диссонанс и кризис в стране.

Или, наоборот. Внешнее влияние на национальную систему ценностей может быть жестким (как на Украине в 2014–2017 годах), а на политические цели — относительно мягким. Другими словами, силовое

принуждение по разным стратегическим направлениям, как правило, бывает разным. В этом во многом и заключается искусство политики и военной стратегии — найти наиболее уязвимые точки.

В этой связи общее внешнее влияние можно условно разделить на следующие стадии, оценка актуальности и силы которых имеет непосредственное значение для обеспечения безопасности тех или иных групп факторов (политических целей, правящей элиты, ресурсов, системы ценностей):

Внешнее влияние:	Формирование условий
	Предупреждение
	Тревога
	Опасность
	Угроза
	Принуждение
	Принуждение военной силой
	Уничтожение

Так, например, с точки зрения внешнего влияния на систему национальных ценностей и интересов политика США по отношению к России в разные временные периоды и при разных обстоятельствах колеблется от состояния «Опасности» до состояния «Принуждения», что очень хорошо видно, на примере, очередной угрозы применить экономические санкции для «защиты демократии в России», сформулированной в июне 2017 года сенатом США. В документе, принятом конгрессом США в августе того же года, главным объектом становятся отдельные представители правящей элиты, прежде всего, близкой к В. Путину.

При этом необходимо помнить, что выбор той или иной формы и силы внешнего влияния зависит от конкретной ситуации и конкретных условий. В частности, при существовании СССР эти формы находились в диапазоне от «формирования условий» (Хельсинский Акт 1975 г.) до создания ситуации «Тревоги» при поддержке оппозиции в Афганистане или других странах, или даже «военной угрозы» — при поставках ПЗРК «Стингер». Другими словами выбор формы имеет конкретно-историческое значение, вытекающее не только из состояния ВПО, но и конкретного состояния стратегической обстановки, что, естественно, отражается и на стратегии развития страны. В этой связи очень характерны примеры

с Ираном и КНДР, в отношении которых США готовили самые различные акции, непосредственно вытекавшие из состояния не только ВПО, но и СО, СССР конце 80-х годов XX века был вынужден не только вывести войска из Афганистана, но и свернуть свою активность в Европе.

Таким образом, подытоживая, можно сделать следующие выводы:

— на развитие России до 2025 года будут объективно оказывать негативное и опасное влияние враждебные МО и ВПО;
— влияние со стороны китайской, индийской и ряда других ЛЧЦ будет незначительно и, скорее, позитивным;
— влияние западной ЛЧЦ и коалиции будет крайне негативным и враждебным;
— влияние исламской ЛЧЦ будет деструктивно-враждебным;
— будет усиливаться влияние НЧК и его институтов, а также науки, культуры и технологий на внутриполитическую обстановку в России.

3.1. Влияние враждебной военно-политической обстановки на традиционные политические цели будущего сценария развития России

Вплоть до 2040 года число
вооруженных конфликтов будет возрастать…[6]

Если учесть, что западная коалиция во главе с США в целом контролирует в 30–35 раз больший объем ВВП, чем российская, то это означает что выбор средств для противодействия политике США у России будет существенно ограничен[7]

А. Подберёзкин,
профессор

Влияние ВПО (вектор «Б»–«В») на политические цели, сценарий и стратегию развития России в XXI веке, как уже говорилось, носит вполне объективный характер, который практически не поддается традиционной корректировке со стороны России и в основном определяется отношением и соотношением сил между ЛЧЦ и новыми центрами силы.

Важно подчеркнуть, что внешнее влияние именно на эти объекты (политические цели и политику России), которое прежде абсолютно доминировало среди других направлений влияния, снижается и будет в еще большей степени снижаться до 2025 году, уступая свое место влиянию по правящую элиту и систему ценностей России.

Иными словами, полностью изменить эту негативную тенденцию развития МО и ВПО до 2025 года невозможно, но повлиять на то, чтобы был реализован в конечном счете наиболее приемлемый вариант (или наименее неприемлемый. — *А.П.*) этого враждебного сценария — высший возможный результат политического искусства правящей элиты России, который, к сожалению, надо признать, получался не часто в новейшей истории. Лучшим примером была политика И. Сталина, который смог расколоть единый антисоветский англо-германский фронт в 30-е годы XX века на какое-то время.

Наименее удачный пример — политика М. Горбачева, который не смог обеспечить развитие СССР в относительно благоприятных международных условиях, когда сохранялись ОВД и СЭВ, а советская армия была сильнейшей в мире.

Объективность развития МО и ВПО по тому или иному сценарию заключается в том, что влияние России (экономическое, измеряемое долей в 1,5% мирового ВВП, информационное, технологическое — еще меньшими долями), не может быть определено только военным влиянием и местом, занимаемым в международных институтах. Это, во-первых, необходимо учитывать при разработке стратегии развития нашей страны, неизбежно учитывая все вероятные, в т.ч. и самые негативные варианты развития военно-силового сценария ВПО до 2025 года, а, во-вторых, необходимо настойчиво искать наиболее эффективные средства и способы влияния на процесс формирования не только ВПО, но и МО. Такой поиск предполагает, что политическое искусство и когнитивные способности правящей элиты России будут использованы максимально и в интересах России, которая объективно окажется до 2025 года в крайне сложной ВПО.

Решение такой масштабной задачи представляется возможной. Так, СССР, например, и его правящей элите, удалось найти такой способ влияния в 1930-е годы, избежав войн с Японией, Великобританией,

Польшей и Германией, отсрочив в 1939 году войну, заключив договор о нейтралитете с Германией летом 1939 года, а затем создав антигитлеровскую коалицию. Позже, после Второй мировой войны, СССР удалось создать широкую коалицию против фактически неоспоримого экономического и финансового господства США.

Сегодня перед Россией стоит не менее важная задача формирования оборонительной коалиции с тем, чтобы минимизировать внешнее влияние не только США, но и всей западной ЛЧЦ[8]. В этом заключается историческая задача и основная особенность возможного влияния России не столько на формирование МО и ВПО в XXI веке, сколько на создание благоприятных внешних условия для социально-экономических условий развития нации, стоящая перед правящей элитой России. Причем — важно подчеркнуть — не любой ценой (в т.ч. за счет очередных уступок и материальных потерь, сделанных в последние десятилетия), а за счет максимально эффективной национальной и коалиционной политики страны[9].

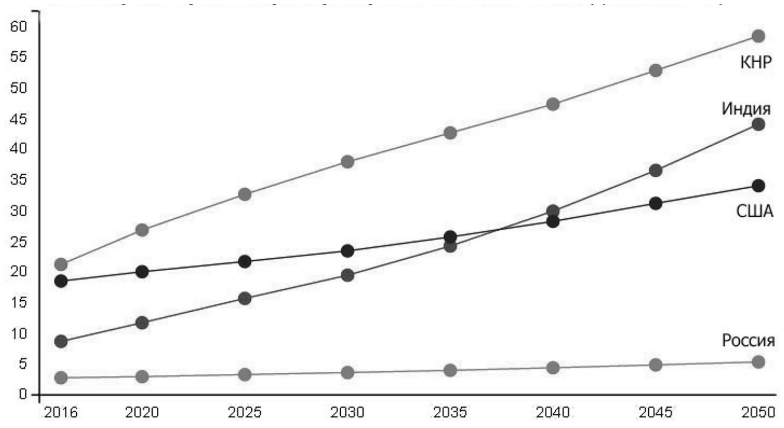
Для этого необходима, прежде всего, эффективная стратегия развития не только страны, но и нации, предполагающая точное определение целей, средств и способов их достижения. В её основе должен находиться прежде всего анализ и долгосрочный прогноз развития международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) в мире, который в принципе возможен, если использовать для этого научные методы исследования, с одной стороны, и выбирать адекватно собственно наиболее важные аспекты для его изучения, с другой. Очевидно, что высшим приоритетом является задача сохранения нации, т.е. её безопасность, которой уже подчиняются задачи развития. Вместе с тем, отставая в развитии, неизбежно наносится ущерб интересам безопасности — уровень науки, образования, культуры, здравоохранения, зависящий от успехов развития, определяет и возможности национальной обороны. Этот тонкий баланс между обороной и развитием, который меняется в разные периоды времени, — одна из важнейших задач национального руководства.

Внешняя экономическая и финансовая среда — та часть МО, которая обеспечивает основной национальный ресурс, — является важнейшим показателем состояния МО. При этот , достаточно очевидно, что

существуют как относительно стабильные и долгосрочные факторы, влияющие на развитие МО и отдельных государств, так и соответствующие показатели и критерии, закрепленные в последние десятилетия в практике работы международных институтов. Это, например, позволяет, в частности, прогнозировать развитие экономики многих стран на долгосрочную перспективу, определяя долгосрочные последствия для МО и ВПО, а также относительное значение национальной экономики России и её потенциальную роль в будущей МО.

Как видно из графика, экономическое значение России в мире невелико и вряд ли увеличится. Что еще важнее — оно мало влияет на соотношение мировых экономических (и политических) сил в мире, которое будут во все возрастающей степени определять экономики КНР и Индии при решающей роли США (рис. 3.2).

Из этого прогноза, в частности, видно, что МО и ВПО уже после 2025 года во многом будет определяться изменением в соотношении сил между основными ЛЧЦ — западной, китайской и индийской, — при сохранении относительно небольшой роли России, которая будет достаточно быстро сокращаться до минимального экономического влияния к 2050 году. Таким образом России следует исходить из того, что экономические центры силы в мире будут в решающей степени формироваться в Евразии, где интересы России могут полнее сочетаться с интересами этих и других государств[10].



Сказанное, на мой взгляд, означает прежде всего, что экономическая и иная активность нашей страны (как и её демографический ре-

сурс) должны больше акцентироваться на районах Восточной Сибири и Дальнего Востока, экономический, демографический и иной потенциал которого абсолютно не соответствует потенциалам новых центов силы. И не только КНР и Индии, но и таких нарождающихся гигантов как Вьетнам, Республика Корея, Малайзия, Индонезия и другие страны. Нужны немедленные и масштабные, а не промежуточные шаги для перенесения центра активности на Дальний Восток.

Таким радикальным шагом стало бы перенесение ряда столичных функций (а вместе с этим и чиновников, и членов их семей, и обслуживающего персонала) в города Дальнего Востока, например, в Советскую гавань, который является не только морским портом, но и конечной станцией БАМа.

Кроме объективных экономических, существуют и субъективные факторы, влияющие на развитие и формирование МО и ВПО, а также отдельных государств. Это прежде всего субъективные представления отдельных социальных групп правящей элиты на те или иные объективные реалии (например, на интересы государства), которые иногда могут серьезно отличаться от этих реалий, т.е. быть не адекватными. В этом заключается главная сложность политического анализа и долгосрочного прогноза: нередко трудно с точностью сказать, что лежало в основе того или иного решения, какой интерес (потребность) — личный, групповой, национальный или глобальный[11].

Особенно эффективным в целях политического исследования представляется сценарный метод, когда на основе большого эмпирического массива информации создается некая модель развития того или иного сценария МО, ВПО или какого-то государства, который потом анализируется в своем развитии на нескольких этапах и под влиянием основных групп факторов. Такая модель, например, была создана в результате многолетнего исследования сотрудниками Центра военно-политических проблем МГИМО МИД РФ в 2014–2017 годы[12].

В частности, развитие МО и ВПО в мире (применительно к России до 2025 и до 2050 годов) допускает возможность существования достаточно многих сценариев, наиболее вероятными из которых представляются только три сценария. Причем эти три сценария (и их конкретные варианты) распределяются по времени на среднесрочные (в пе-

риод до 2025 года) и долгосрочные (до 2050 года). Важно подчеркнуть, что изначально эти сценарии отталкиваются от научно обоснованного и объективного анализа существующего сценария развития России, что, впрочем, не всегда бывает просто в силу субъективности самих оценок — достаточно посмотреть на полярные оценки работы правительства РФ, данные разными фракциями 19 апреля 2017 года в Государственной Думе ФС РФ. В этот день состояние России было оценено как «глубокий кризис», «стагнация», с одной стороны, и «близкое к идеальному деятельность правительства», — с другой[13].

Главным отличием этих сценариев и их вариантов развития МО и ВПО является степень влияния известных и новых парадигм: если сценарии и их варианты развития России до 2025 года в основном являются инерционными, находящимися под влиянием известных парадигм, то сценарии развития МО и ВПО в период 2025–2050 годов могут находиться под влиянием качественно новых парадигм. Соответственно и возможности исследования и прогноза влияния этих сценариев на стратегию развития России существенно отличаются. Для сценариев до 2025 года в основном это могут быть известные методы, а для сценариев, рассчитанных на долгосрочную перспективу, это — синтез традиционных, известных методов и новых методов, которые появятся вместе с появлением новых парадигм. В настоящее время это означает, что развитие сценариев МО и ВПО несет на себе отчетливо угрожающий, военно-силовой отпечаток, определяющий будущий характер как неизбежное военно-силовое противостояние[14].

В этих условиях требуется высокая степень оперативности в управлении разработок программ, обеспечивающих безопасность России. Опыт такого механизма был в СССР и его можно учитывать сегодня при организации работы по обеспечению интересов безопасности. В частности, он выражался в организации деятельности высшего управления страной, ВПК и ВС в СССР. Уместно вспомнить, например, организованную ВПК систему заимствования зарубежных научно-технических достижений, которая обеспечивала закупку за границей лицензий на наиболее важные высокие технологии и налаживание по ним производства на оборонных предприятиях, несмотря на действие жестких ограничений, принятых США.



Рис. 3.3. Структура управления ОПК на завершающем этапе существования СССР

К середине 1980-х годов в Военно-промышленной комиссии насчитывалось 15 отделов, занимавшихся созданием вооружения и военной техники, анализом производственной деятельности министерств и экономической эффективности ОПК в целом, внедрением в производство достижений научно-технического прогресса и передовых технологий, военно-техническим сотрудничеством с зарубежными государствами.

Управление оборонно-промышленным комплексом осуществлялось по иерархическому принципу. Решением принципиальных вопросов занималось Политбюро ЦК КПСС, а их исполнение возлагалось на Государственную комиссию Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам (Военно-промышленную комиссию, ВПК), имевшую для этого необходимую организационно-штатную структуру и расширенные административные полномочия, включая эффективные процедуры получения материально-финансовых ресурсов.

Как уже отмечалось выше, помимо функций непосредственного управления, на ВПК были возложены задачи по перспективному планированию научно-технического развития оборонного комплекса и разработке соответствующих программ развития вооружений. Выработкой

рекомендаций по решению научно-технических проблем, связанных с созданием вооружения и военной техники (ВВТ) и развитием оборонных отраслей промышленности, занимался специальный научно-технический совет.

Подготовка и принятие управленческих решений в ВПК происходили в соответствии с принципами программно-целевого планирования. Так, основные концептуальные положения, касающиеся перспектив разработки новых видов вооружения и военной техники, проведения НИОКР и материально-технического обеспечения Вооруженных сил, определялись на заседаниях Комиссии. Спускаясь по иерархической управленческой структуре вниз, на уровень структурных подразделений министерств, профильных научных организаций и производственных предприятий, эти положения обретали форму планов конкретных научно-технических и производственных мероприятий. После этого, разработанные планы, поднимаясь вверх по иерархической управленческой структуре, проходили стадию предварительного согласования межведомственных интересов и возвращались в ВПК. Полученные обобщенные предложения, несмотря на предварительное согласование, носили зачастую ведомственный характер и не учитывали в полной мере комплексный характер реализации крупных проектов. В этих условиях координация интересов всех задействованных структур осуществлялась уже на уровне первых руководителей министерств и ведомств. После нескольких подобных итераций, подготовленный окончательный вариант решения направлялся в Отдел оборонной промышленности ЦК КПСС, где он, перед утверждением, подвергался окончательной корректировке. Последним этапом было законодательное оформление решений, обычно в форме совместных постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР. В итоге подготовленные документы направлялись вниз, к исполнителям. Учитывая государственную важность принимаемых решений, вся согласовательная процедура проходила в обстановке особой секретности. Исполнители на каждом уровне владели только необходимой им для непосредственной работы информацией и не имели доступа ко всей картине в целом.

Стиль работы ВПК и Совета Министров отличался четкой продуманностью, хорошей подготовленностью и системностью. Как вспоминает выдающийся организатор советской оборонной и ракетно-кос-

мической промышленности О.Д. Бакланов, «работа Совмина СССР была упорядочена, строго регламентирована. Вторник — заседание СМ СССР; среда — заседание ВПК; четверг — коллегия министерств; пятница — коллегия Минобороны России. Повестка дня формировалась на квартал вперед аппаратом ВПК по согласованию с министерствами и всеми членами ВПК. Она включала в себя 1–2 крупных вопроса военного строительства на перспективу и 2–3 вопроса текущих, требующих разрешения. Докладчиками обычно по первым вопросам были министры головных министерств, генеральные конструкторы и другие члены ВПК или приглашенные руководители других ведомств. Предлагаемые решения согласовывались заранее со всеми заинтересованными исполнителями, в случае разногласий решение принималось после краткой дискуссии. «Висящих», нерешенных вопросов, как правило, не оставалось. Это была «школа». Решения ВПК были обязательны для всех министерств и ведомств страны. По принятым решениям составлялся официальный документ: «Решение ВПК СМ СССР…». Оно систематически контролировалось и, в случае необходимости, принимались дополнительные меры по его выполнению».

Таким образом, к концу 1980-х годов была создана четко функционирующая вертикально интегрированная структура управления отечественными отраслями оборонной промышленности. Эта структура полностью обеспечивала текущие и перспективные потребности Вооруженных Сил СССР.

Дальнейшее реформирование структуры управления оборонно-промышленным комплексом осуществлялось под влиянием политических процессов, проходивших в государстве с начала 90-х годов.

При этом для обоих этапов анализа и прогноза (до 2025 года и до 2050 года), развития МО и ВПО, а также всех исследуемых сценариев и их конкретных вариантов развития России, характерны некоторые общие закономерности, факторы и черты, определяющие такое развитие, и относящиеся к собственно российской, специфике. Их анализ и прогноз имеет наиболее важное научное и практическое значение для последующих анализов и прогнозов сценариев развития России. Рассмотрим в этой связи некоторые, наиболее важные, стабильные тенденции, факторы и величины в развитии России.

3.2. Постоянные внешние факторы, влияющие на долгосрочный сценарий развития России (вектор «Б»–«А»)

«Новая реальность» (new normal) из области теоретических рассуждений уже перешла в риторику высшего политического руководства России, а это подразумевает … понимание того, к чему они приведут через 20, 30 или даже 50 лет[15]

А. Фролов,
Главный редактор журнала
«Эксперт вооружений»

Любые действия должны исходить из посылки о том, что укрепление национальных интересов и идентичности, суверенитета требуют времени и ресурсов…[16]

А. Подберёзкин,
профессор

Наиболее важными и фундаментальными оказываются инструменты внешнего влияния на систему традиционных ценностей и интересов России, чья трансформация означает «полную и окончательную» победу одного субъекта ВПО (в данном случае западной ЛЧЦ) над другим (российской ЛЧЦ). Известно, что «основой», «скелетом» любого сценария развития субъекта ВПО является базовый набор факторов, определяющих историю, ресурсы, современное состояние и перспективу развития этого субъекта. Это означает, что сценарий и стратегия развития России до 2025 годов в значительной степени предопределяются относительно устойчивыми и объективно существующими тенденциями, условиями и факторами, которые в незначительной степени зависят как от субъективных влияний правящей элиты страны, так и от давления случайных внешних факторов и других переменных.

Эти объективно-устойчивые тенденции и факторы относятся к двум важнейшим группам — системе национальных ценностей и интересов, с одной стороны, и национальных ресурсов, с другой. Их структурно можно проиллюстрировать следующим образом.

Таблица 3.1. Относительно постоянные объективные факторы и тенденции в развитии России до 2025 года

Система национальных ценностей и интересов России	Система национальных ресурсов и возможностей России
1. История	1. Демографические ресурсы
2. Культура, наука, образование	2. Природные ресурсы
3. Духовность, нравственность	3. Географическое положение
4. Гуманизм	4. Климатические ресурсы
5. Патриотизм и пр.	5. Духовные ресурсы
	6. пр. ресурсы России и ее союзников

Именно эти группы факторов отчасти нейтрализуют хаотичное и неизбежное появление новых переменных и внезапно появляющихся факторов и явлений, которые в последние годы получили название «черный лебедь».

Эти относительно постоянные факторы, которые будут оставаться стабильными мало меняться в перспективе 20–30 лет в отличие от переменных величин, и которые можно пытаться относительно точно прогнозировать. Собственно именно эти стабильные и достаточно прогнозируемые факторы позволяют говорить о возможностях долгосрочного научного прогнозирования. Соответственно, чем полнее и подробнее они рассматриваются, тем точнее может быть прогноз.

Это, прежде всего, те объективные географические, геополитические и природные условия, которые следует учитывать при развитии любых сценариев России:

Факторы территории и географического положения России

Территория России, охватывающая значительную северо-восточную часть Евразии, составляющая 1/7 часть мировой суши и граничащая со всеми основными центрами силы и ЛЧЦ.

Эта территория, с одной стороны, исключительно обособлена, даже изолирована пространствами Арктики и малонаселенных районов центральной Азии, а с другой стороны, позволяет России одновременно граничить как с большинством стран Европы, так и стран бассейна Тихого океана. Подобное географическое положение позволяет Рос-

сии развиваться в будущем достаточно автономно, используя при необходимости как все преимущества глобализации и международной торговли, так и (при необходимости) игнорировать их недостатки.

Россия всегда являлась «ядром» евразийской интеграции, без сотрудничества с которым трудно развивать отношения западных, южных и восточных регионов Евразии. Это стратегическое положение страны делает её ключом к формированию системы безопасности на всем континенте: ни Индия, ни Китай, ни Европа, ни страны центральной Азии не могут существовать в безопасности без учета интересов России, что делает её положение исключительно выгодным с точки зрения любых инициатив по созданию систем безопасности в Евразии[17].

Но это же ключевое положение России превращает её в приоритетный объект для внешнеполитического влияния и военно-политического давления. Так, например, США и НАТО:

— не могут эффективно влиять на ситуацию в центральной Азии и на политику целого ряда стран — от Ирана до Афганистана — без учета позиции России;
— не могут оказывать давления на КНР с севера, северо-запада и запада, не получив одобрения со стороны России, что позволяет ей обеспечить сильные позиции в отношениях с КНР;
— не могут влиять эффективно на страны Ближнего м Среднего Востока, которые (как показала Сирия) могут получить поддержку России.

Таким образом в будущем на развитие России и её базовые сценарии будет оказывать влияние как вероятный фактор роста значения России в мире и в Евразии, так и необходимость учета её роли в мировой политике. С точки зрения западной ЛЧЦ и США это означает только одно: растущую актуальность вовлечения России в свою коалиционную внешнюю политику, либо её подчинение своей воле.

Факторы, связанные с концентрацией в России значительных природных ресурсов

По мере роста населения в мире и его потребностей, вытекающих в том числе из появления почти 1 млрд человек, представляющих в недалеком будущем средний класс КНР и Индии, а также целого ряда

других стран, совершенно по-новому встает вопрос о необходимых природных ресурсах, которые могут обеспечить этот быстрый рост потребностей огромных масс населения:

— продовольственных (в связи с ростом потребления молока, рыбы, мяса и других продуктов) питания;
— питьевой воды, недостаток которой испытывал в 2017 году уже 1 млрд человек;
— энергоресурсов, связанных с ростом экономик новых центров силы в КНР, Индии, Индонезии и других странах;
— природных ресурсов, составляющих значительную часть мировых природных ресурсов, от распределения которых зависят экономика и безопасность многих государств;

Эти и другие факторы будут объективно усиливать значение России в мире как государства, контролирующего огромные запасы природных ресурсов, от использования которых зависит благополучие целых регионов.

Вместе с тем, эти же обстоятельства будут способствовать развитию внешних угроз, связанных с потребностями — настоящими и мнимыми — к получению доступа к этим ресурсам. Западная ЛЧЦ может быть заинтересована:

— в получении льготного доступа к таким ресурсам;
— международному «переделу» этих ресурсов;
— подчинению России и получению права пользования этих ресурсов.

Эти же обстоятельства могут привести к отдельным конфликтам по поводу использования ресурсов — от питьевой воды и энергоресурсов до лесных, земельных, либо экологических ресурсов — с широким кругом стран, представляющих прежде всего западную ЛЧЦ.

Геополитическое значение России
и возможностей её транспортных коридоров

Невыгодная «вытянутость» России в прошлом может превратиться для России в огромное преимущество в связи с усилением товарообмена между КНР, странами Юго-Восточной Азии, с одной стороны, и европейскими странами, с другой. Кратчайшие авиационные, железнодорожные и автомобильные пути в Евразии с запада на восток и с

севера на юг могут проходить через территорию России. Это обеспечит нашей стране колоссальные преимущества[18].

И не только транзитной торговли, но и военно-политические: развитые коммуникации могут быть единственными или в числе очень ограниченного спектра возможностей и средств доставки грузов[19].

Вытянутость территории с запада на восток, значительная роль мировых транспортных коридоров, пролегающих через Евразию, и обособленность отдельных регионов, особенно Арктики, неизбежно будет повышать значение России в мире, но, одновременно, и стремление других стран контролировать транспортные коридоры. В истории человечества яркими примерами борьбы являются конфликты вокруг Суэцкого, Панамского каналов, черноморских проливов и пр. стратегических объектов.

Значение транспортных коридоров России может в еще большей степени вырасти в связи с ограничениями по использованию возможностей прежних транспортных путей. Расширение пропускной способности Суэцкого и Панамского канала может быть недостаточно, а блокировка (пираты) и другие препятствия могу еще больше поднять значение «российского транзита».

Слабость заселения территорий, а также низкие темпы воспроизводства демографического и в целом человеческого капитала в России как долговременный фактор влияния на развитие страны[20].

Исключительно большое негативное и долгосрочное значение для развития России будет иметь сохраняющаяся угроза демографической катастрофы и снижения качества национального человеческого капитала, которая носит взаимосвязанный, объективно-субъективный характер. Аналогичная проблема стоит и перед союзниками России по ЕАЭС, которые (по оценкам Всемирного банка) также подвержены угрозе депопуляции[21].

С одной стороны, даже самые решительные меры власти не исправят быстро демографическую ситуацию в стране, в особенности в её восточных регионах (тем более, когда таких мер не наблюдается). С другой стороны, исключительные меры в области увеличения качества НЧК могут резко изменить в пользу России перспективы её развития и относительную роль в мире. И здесь кроется главный вопрос, на ко-

Таблица 3.2. Социодемографическая динамика государств-членов ЕАЭС в сопоставлении со среднемировым уровнем

Показатель	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2030 г.	2040 г.	2050 г.
1. Численность населения, млн человек								
Армения	3,10	3,54	3,08	2,96	3,04	2,99	2,88	2,73
Беларусь	9,64	10,19	10,01	9,49	9,25	8,62	7,88	7,14
Казахстан	14,52	16,35	14,88	16,32	18,29	19,42	20,35	21,10
Кыргызстан	3,62	4,39	4,90	5,45	6,41	7,15	7,77	8,36
Россия	139	148	147	143	141	134	127	120
ЕАЭС	170	183	179	177	178	172	166	160
Мир	**4437**	**5283**	**6116**	**6924**	**7750**	**8488**	**9135**	**9683**
ЕАЭС в % к миру	3,8	3,5	2,9	2,6	2,3	2,0	1,8	1,6

торый должна ответить Стратегия развития России до 2050, — каким образом обеспечить сохранение национальной идентичности и суверенитета в условиях относительного падения удельного веса и влияния России и ее союзников в мировой политике.

Ответ может быть только один: такой катастрофы можно избежать только при опережающих темпах развития качества человеческого капитала и эффективности его институтов. Если допустить, что индекс развития отдельной личности может составлять, допустим, от 0,01 до 0,99, то можно сделать вывод, что даже один — единственный человек с креативными способностями, а тем более гений условно может быть приравнен к сотням и тысячам человек, обладающих скромными возможностями и способностями.

В полной мере представления о качестве человеческого капитала могут быть перенесены и на качество экономики, и на качество ВВСТ, и на качество управления (включая военное искусство), т.е. на эффективность использования имеющихся у нации ресурсов и возможностей.

Эти и другие внешние факторы объективно влияют на военную и государственную мощь России, предоставляя ей «от Бога» статус великой державы (но не сверхдержавы). Они будут играть важную роль в формировании долгосрочных сценариев развития России и их сле-

дует обязательно учитывать при любых стратегических прогнозах (что далеко не всегда делается, например, при подготовке долгосрочных прогнозов социально-экономического развития России)[22]. Тем более эти долгосрочные факторы необходимо учитывать при корректировке Стратегии национальной безопасности РФ, очередных поправках, которые требуется внести в утвержденную В. В. Путиным Стратегию в декабре 2015 года[23], исходя из потребности развития наиболее важного и долгосрочного национального ресурса — национального человеческого капитала[24]. Именно этот и только этот ресурс может стать гарантом сохранения национальной идентичности и суверенитета России.

3.3. Переменные внешние факторы, влияющие на будущий сценарий развития России (вектор «Б»–«Д»)

… если принять во внимание, что Совет безопасности России, к примеру, анализирует угрозы с горизонтом не более 12 лет, то есть ниша «военно-технической и военно-политической прикладной футурологии» остается, по сути дела, вакантной[25]

А. Фролов,
Главный редактор журнала
«Эксперт вооружений»

Переходный период в развитии человеческой цивилизации сопровождается стремительным возрастанием значения или иного субъекта МО. Мы наблюдаем, например, как такая переменная величина как «темпы развития экономики» в короткие исторические отрезки времени изменила соотношение сил в мире и всю политическую палитру: возникли и быстро усиливаются новые экономические гиганты (КНР, Индия, Бразилия, Иран, Турция, Индонезия, Малайзия и др.), но в то же время быстро уходят на второй план такие прежние бесспорные лидеры как Великобритания, Франция, Япония (не говоря уже о таких бывших метрополиях, как Италия, Нидерланды, Бельгия)[26].

Есть все основания полагать, что на будущий сценарий развития России уже сегодня влияют такие важнейшие новые переменные факторы, как:

— появление и развитие новых технологий и производств, качественно меняющих структуру и характер современной экономики стран;
— изменение социальной структуры общества, прежде всего, стремительное порождение десятков и сотен миллионов представителей среднего класса, его «креативных слоев» и «креативной экономики»;
— резкий рост значения всех факторов, связанных количеством и качеством человеческого капитала[27].

Так, например, увеличение значения здравоохранения в XXI веке привело:

— во-первых, к быстрому превращению здравоохранения в ведущую экономическую отрасль, опережающую такие отрасли в развитых странах, как авиастроение, автомобилестроения и приборостроения вместе взятых;
— во-вторых, к чрезвычайно высоким темпам роста этой отрасли экономики, которая в 2013 году достигла по своему удельному весу 10% ВВП в мире. По оценкам ВБ, расходы в странах Евразийского содружества (отстающие от общемировых) составили следующие величины[28].

Таблица 3.3. Расходы на здравоохранение в странах ЕАСТ, % к ВВП

Показатель	2000 г.			2005 г.			2010 г.			2013 г.		
Армения	6,3	39	145	5,3	86	248	4,6	143	291	4,5	159	351
Беларусь	6,1	75	356	6,9	215	666	5,6	323	855	6,1	463	1081
Казахстан	4,2	52	327	4,1	154	570	4,4	411	871	4,3	580	1023
Кыргызстан	4,7	13	76	5,8	28	126	6,7	60	186	6,7	87	221
Россия	**5,4**	**96**	**370**	5,2	276	614	6,9	735	1410	**6,5**	**957**	**1587**
ЕАЭС	5,4	88	354	5,2	252	593	6,6	652	1274	6,3	854	1442
Мир	9,1	494	606	9,9	708	829	10,1	948	1086	9,9	1042	1223
ЕАЭС в % к миру	59	18	58	52	36	71		69	117	63	82	118

/ на д.н., долл. (в текущих ценах) / на д.н. по ППС, долл. (в ценах 2011 г.)

Ключевое значение среди группы факторов, формирующих или влияющих на политику государств, имеет **система национальных ценностей и интересов,** которая относится к наиболее важным долгосрочным факторам в современный период оказывает решающее влияние и на развитие переменных факторов влияния. Простой пример: если вы делаете ставку на развитие фундаментальной и прикладной национальной науки, качество влияния СССР, т.е. на национальную систему ценностей, то у вас есть возможность выйти на самые передовые мировые рубежи развития науки и технологий. Если же вы ориентируете науку (образование, здравоохранение, культуру) на внешние заимствования, т.е. отказываетесь фактически от национальной системы ценностей (как во времена М. Горбачева и Б. Ельцина), то вы становитесь зависимыми от импорта не только товаров и технологий, но и знаний и навыков. Именно это произошло в России, опасность чего была признана только после введения санкций. С практической точки зрения это признание имеет наиболее важное, объективное, даже стратегическое значение. Мировой опыт показывает, что такая система ценностей и национальных интересов носит достаточно и стабильный характер и создает уникальность любой нации и сохраняет ее идентичность. Иногда существует десятилетиями и даже столетиями. Поэтому относя её влияние на переменные факторы в качестве решающего имеется ввиду, что она постоянно, находится в динамике, и влияет на развитие всей нации, однако в то же самое время достаточно традиционна и привержена старым парадигмам[29].

Другими словами, суть успешного сценария развития России в XXI веке заключается в том, чтобы сохраняя традиционную систему ценностей, и интересов интегрировать в нее наиболее современные достижения человечества, что дает возможность для создания **качественно нового продукта**, основанного на оригинале национальной ценностной системы. Подобный подход не исключает целиком мировой опыт и внешние заимствования, но ставит их в подчиненное национальной системе координат состояния. Создание принципиально нового продукта предполагает, что он может быть создан только на национальной или кооперационной основе.

Так, примером возвращения к традиционным ценностям на базе новых парадигм можно назвать практику И.В. Сталина конца 1930-х и на-

чала 1940-х годов, когда в армию СССР вернули постепенно не только форму, звания и должности, но и ордена, традиции, структуру вооруженных сил, а в управление страной — министерства. Это уводило страну от троцкистской анархии. То же самое фактически произошло в последние десятилетия и в России, когда вернулся гимн, должности губернаторов, сенаторов, премьеров и пр., что постепенно способствовало преодолению хаоса 1990-х годов.

Среди многочисленных переменных факторов и величин, определяющих тот или иной сценарий развития России, очень важное значение имеет такой субъективный фактор как качество принимаемых решений правящей политической элитой страны. Опыт последних десятилетий СССР и России показывает, что именно субъективный выбор элитой того или иного сценария развития оказывался в конечном счете решающим фактором успеха. Так, в 1928 году восстановленная «только-только» на уровне 1913 года экономика России по индустриальному потенциалу составляла 72% от экономики Великобритании 1900 года (США — 533, Англии — 135, Германии — 158), а ВВП СССР составлял 5,3 мирового (США — 39,3%)[30]. Но уже через две пятилетки, т.е. 10 лет, её объем и качество соответствовали второй экономике мира.

И наоборот. Реформы 1990–2017 годов, т.е. реформы, занявшие 27 лет (!), дали абсолютный прирост ВВП не более 30%. Причем именно в эти 27 лет экономика других стран, прежде всего Китая, Индии, Бразилии, развивалась опережающими темпами.

Среди традиционно важных переменных величин также особое место занимают те, которые связаны с неравномерностью экономического, социального и научно-технического развития государств, о которой писали еще К. Маркс и В. И. Ленин. Подобная неравномерность в развитии отдельных субъектов МО в определенные исторические периоды проявляется особенно остро из-за неожиданных появлений новых парадигм. Прежде всего в технологическом и экономическом развитии, но и порой, из-за появления других неожиданных переменных. Так, появление железного оружия в Древней Греции дало мощный толчок внешней экспансии, новых географических открытий — финансово-экономическому расцвету Испании, ремесленных и промышленных нововведений — революциям в Нидерландах и Англии и т.д.

В 2017–2050-е годы ожидается, что эта закономерность не только сохранится, но и усилится: неравномерность в развитии технологий, науки и образовании отдельных стран, регионов и цивилизаций приведет к радикальному изменению в соотношении мировых сил между иными ЛЧЦ и отдельными центрами силами. Так, появление сотен миллионов китайских и индийских граждан, получивших высшее образование, сделает мир во многом совершенно иным. Исследование последствий такого изменения в соотношении сил становится важнейшим направлением современного политического, социального и философского анализа, которому посвящены фундаментальные работы не только в США, но и в Великобритании, Австралии, а также России[31].

Эти обстоятельства связанные с динамикой в развитии переменных факторов, накладывают свою особенно важную специфику на развитие геополитической ситуации вокруг России до 2050 года: можно говорить о формирование новой МО и ВПО. При этом позволительно выделить достаточно определенно три наиболее важных стратегических направления, определяет которые необходимость обеспечения безопасности России: западное, южное и восточное. Именно динамику развития МО по этим направлениям необходимо учитывать в сценариях развития России. Но которая пока что не учитывается в прогнозах и оценках возможных сценариев и их вариантов развития.

3.4. Три стратегических направления обеспечения безопасности России в XXI веке

… невозможно создать какую-то модель военно-политической обстановки, которая была бы абсолютно, на 100%, правильная, потому что понятие правильности у каждого свое …[32]

И. Попов,
бывший советник НГШ ВС РФ

Выделение наиболее важных стратегических направлений противоборства России с вероятным противником имеет важное конкрет-

но-прикладное значение потому, что именно географически конкретизируется и позиционируется наиболее вероятная угроза развития конкретного варианта сценария. При всем том, что противоборство приобрело глобальный характер, а основные его сферы стали в области киберпространства и воздушно-космического пространства, практическое реализация такого противоборства будет происходить по трем основным стратегическим направлениям.

С точки зрения перспектив развития России этот вывод имеет конкретно-прикладное значение: именно на этих стратегических направлениях должны **концентрироваться материальные возможности России**, и именно эти направления становятся высшими политическими приоритетами. Именно они превращаются в наиболее проблемные зоны политики страны.

3.4.а). Европейское и северокавказское направление

Анализ и прогноз развития политики ряда государств, их интересов и политических целей по отношению к России, позволяет сделать вывод о том, что в среднесрочной перспективе наиболее важным и приоритетным с точки зрения обеспечения безопасности России представляется европейское стратегическое направление, на котором развивается конфликт на Украине, остаётся неразрешенным ситуация в Приднестровье, а также формируется блок антироссийских государств из числа бывших советских республик и стран восточной Европы. Эти направления формируются на общем глобальном фоне противоборства ЛЧЦ и глобальных экологических тенденций[33].

Близость к центральным районам России, мощные ресурсы Украины, которые могут быть использованы против России, придают этому направлению исключительно важное стратегическое значение в реализации стратегии военно-силового противоборства с Россией[34]. На этом направлении расположены также те «новые» европейские государства, которые составляют сегодня периферию «старой» Европы, и могут быть использованы без риска для США и НАТО против России. Ресурсы этих государств, используемые в качестве «первого эшелона», вполне сопоста-

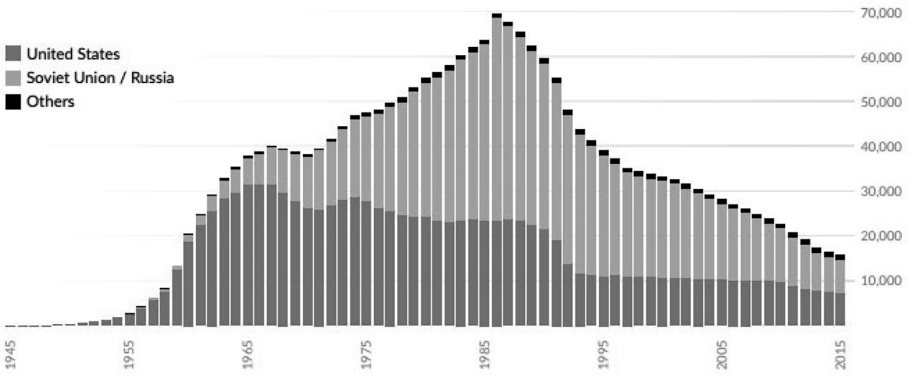


Рис. 3.4[35]. Мировые ядерные арсеналы (тенденция)

вимы с российскими. Так, по военным расходам, численности населения, ВВП, демографическим показателям страны Восточной Европы, Прибалтики и Южной Европы могут быть сопоставимы с Россией.

Это направление должно быть обеспечено превосходством в современных видах вооружений и техники и постепенной ликвидацией и обесценением тактического и стратегического ядерного оружия. В пользу этого свидетельствует общая тенденция сокращения ядерного оружия в мире, которая ускорение развивалась после 1985 года.

Это стратегическое направление сохранится как для всех этапов в развитии российских сценариев и их вариантов, так собственно и всех сценариев. Прозападный, антироссийский фронт, созданный западной ЛЧЦ от границы Грузии до Финляндии и Норвегии, — фактор универсальный и долгосрочный.

3.4.б). Среднеазиатское направление

Другое важное стратегическое направление — среднеазиатское. Оно обладает огромным конфликтным потенциалом из-за внутриполитической нестабильности и — особенно важно — претензий западной ЛЧЦ и китайской ЛЧЦ на продвижение своих интересов и ценностей по этим направлениям. Это стратегическое направление, как представляется, до конца еще не оценено полностью с точки зрения его военно-политической угрозы.

Дестабилизация бывших среднеазиатских советских республик и, как следствие, Казахстана, с последующим отходом их в лагерь противников, может стать важным поворотным пунктом в развитии России в XXI веке. В этом случае Россия вновь окажется в границах Московского царства потому, что граница нестабильности вплотную подойдет к Южному Уралу и разделит европейскую и азиатские части России на населенную (безресурсную) часть и малонаселенную, но обладающую огромными природными ресурсами. Произойдет не только геополитическая и цивилизационная катастрофа России, но и всей Евразии. Что и является стратегической целью западной ЛЧЦ по отношению к России последнее столетие.

Особенно важное значение на этом направлении приобретает сохранение российского влияния в Казахстане, точнее — не допущение превращения его по образцу Украины в плацдарм против России. Казахстан постепенно дистанцируется от России. На днях его МИД отверг требование главы российского внешнеполитического ведомства Сергея Лаврова отменить безвизовый режим с США. Ранее глава республики Нурсултан Назарбаев распорядился перейти с кириллицы на латиницу. И, наконец, чиновникам Казахстана отныне запрещено публично выступать на русском языке.

На первый взгляд ничто не предвещало бури. Глава МИД РФ Сергей Лавров по окончании трехсторонней встречи в Астане делегаций России, Турции и Ирана (гарантов перемирия в Сирии) сердечно поблагодарил Нурсултана Назарбаева за посредническую роль в межсирийском процессе урегулирования[36].

Но в ходе общения с журналистами один вопрос застал российского министра врасплох. Его спросили, как Россия оценивает введение Казахстаном безвизового режима с США. И тут вдруг выяснилось, что Лавров не в курсе.

Он в деликатной форме потребовал от Астаны отменить этот режим, введенный в ходе январского визита Нурсултана Назарбаева в Вашингтон. По словам Лаврова, прежде чем открывать границы американцам, Казахстан должен согласовать это с руководством ЕАЭС, на территории которого установлен безвизовый режим.

Чего опасается Москва? Того, что американские шпионы приедут в Казахстан без визы, а затем, воспользовавшись безвизовым режимом

между ним и РФ, незаметно проникнут на российскую территорию. Естественно, это затрагивает интересы национальной безопасности.

Но Астана проигнорировала требование Лаврова. Буквально на следующий день МИД Казахстана в специальном заявлении дал резкую отповедь главе российской дипломатии, заявив, что введение безвизового режима для граждан зарубежных стран является правом любого суверенного государства.

Разумеется, такое жесткое заявление не могло выйти без личного одобрения Нурсултана Назарбаева. А он тем самым дал понять Кремлю: времена, когда «старший брат» давал указание казахам, ушли в прошлое.

Кстати, еще один тревожный для Москвы момент: Астана, несмотря на членство в ОДКБ, активно развивает военное сотрудничество с Вашингтоном. На днях офицеры инженерных войск ВС Казахстана побывали в США, где посетили два учебных центра по подготовке инженерных специалистов Пентагона — Форт Ли и Форт Эп-Хилл в штате Вирджиния.

Вот что сообщила потом пресс-служба министерства обороны Казахстана: «В ходе двустороннего брифинга были обсуждены вопросы проведения на базе Центра разминирования войсковой части 65476 курсов по подготовке инструкторов в области разминирования и уничтожения взрывоопасных предметов с участием американских специалистов».

Естественно, у руководства минобороны РФ может возникнуть вопрос: почему Назарбаев предпочел отправить своих офицеров для повышения квалификации в американские, а не в российские военные центры?

Еще один шаг Казахстана к выходу из «русского мира» — это решение президента страны перейти от кириллицы к латинице. Казахский алфавит унифицирован с турецким, что будет способствовать плавному вхождению республики в культурное пространство Турции.

И хотя официально Москва не выражала беспокойства на этот счет, опасения по поводу «пантюркизации» Казахстана вполне реальны. Однако Назарабев их отвергает. «Процесс перехода на латиницу является исторически важным для нашего народа», — заявил он.

И, наконец, еще один приказ главы Казахстана, который сужает сферу применения русского языка в его стране: недавно на встрече с министром информации и коммуникации Назарбаев объявил, что прави-

тельство и парламент республики отныне должны говорить исключительно на государственном языке, то есть на казахском.

«Необходимо продолжить работу по повышению статуса казахского языка. Деятельность парламента и правительства должна осуществляться на государственном языке», — пояснил он. Правда, добавив: «В то же время нельзя ущемлять права граждан в этом вопросе. Необходимо предусматривать для них возможности синхронного перевода».

Как выяснилось, не только этнические русские, но и сами казахи пока недостаточно хорошо знают родной язык. Министр юстиции страны Марат Бекетаев, выпускник лондонской школы экономики, который в совершенстве владеет английским, нанял репетитора — подтянуть казахский.

Перечисленные шаги Нурсултана Назарбаева вызывают вопрос: сохранит ли Астана свою традиционную многовекторную политику в ближайшие годы, или начнет дрейфовать в сторону тюркского мира и заокеанской сверхдержавы, которая все более активно пытается укрепиться в Центральной Азии?

3.4.в). Дальневосточное направление

Наконец, третье направление — вероятная угроза со стороны востока (АТР и Дальний Восток России), — где в XXI веке будут концентрироваться основные противоречия между будущими мощными центрами силы, но где позиции России очень слабы и, что еще важнее, не могут быть быстро усилены. Эти противоречия между разными центрами силы в той или иной форме могут вылиться в угрозы безопасности России и требуют не только их учета в планах развития страны, но и соответствующих корректив.

Новые центры силы — КНР, страны Юго-Восточной и Северо-восточной Азии, Япония, США, Россия — каждая из них видит в этом регионе для себя целый спектр жизненно — важных интересов, столкновение которых представляется неизбежным. Особенную остроту представляют возможные конфликты между КНДР и РК, США и Японией, с одной стороны, и Китаем, с другой. В целом все три направления стратегических угроз можно показать следующим образом (рис. 3.5).

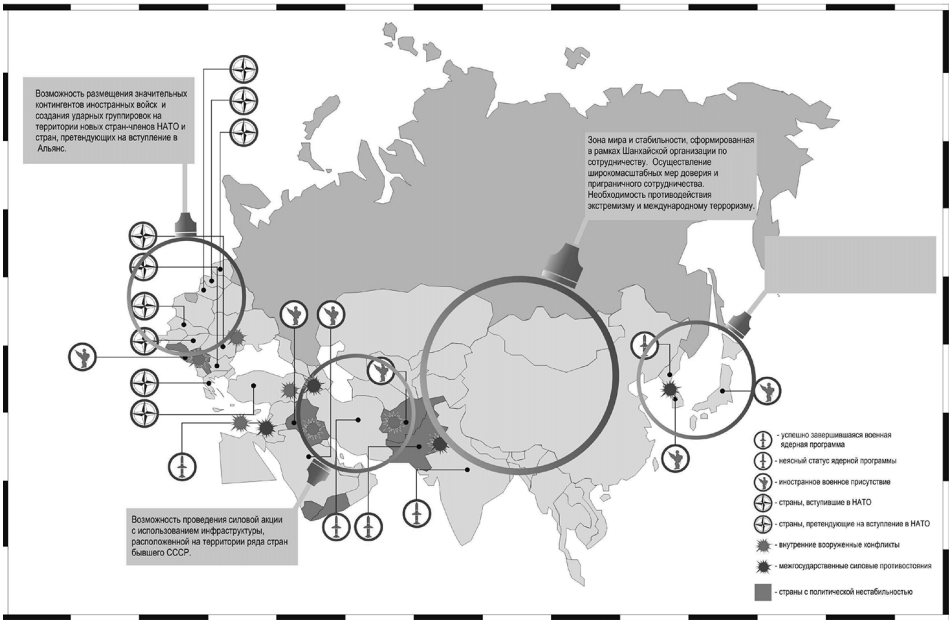


Рис. 3.5. Особенности внешнеполитической и военно-политической обстановки в зонах интереса России

Эта российская геополитическая специфика развития угроз по трем стратегическим направлениям будет неизбежно «накладываться» не только на «наиболее вероятный», но и «наихудший сценарий», предполагающий, по мнению Национального Совета по разведке США, «рост числа военных конфликтов». Общая тенденция — рост числа военных конфликтов в мире — не может не затронуть Россию в период до 2025 года. Современная политическая история России свидетельствует, что начиная с распада ОВД и СССР военные конфликты различных масштабов стали частью политической реальности ее существования[37].

Российские военные эксперты очень по-разному рассматривают весь спектр средств и способов противоборства, но с точки зрения общего стратегического сдерживания соглашаются с тем, что невоенные средства сдерживания играют все более значительную роль.

К середине 1990-х китайские стратегические ядерные силы (СЯС) имели в своём составе более сотни МБР и БРСД способных поражать цели на территории России и США. Крупным недостатком китайских баллистических ракет разработанных в 1960–1970-е годы была их не-

Таблица 3.4. Ядерный потенциал Китая, конец 1990-х годов

Тип носителя и год развертывания	Кол-во	Количество ЯБЗ		Дальность, км	Мощность, Мт
		на одном	всего		
Стратегические баллистические ракеты наземного базирования					
DF-3, 1975	40	1	40	2800	~3,3
DF-4, 1980	20	1	20	4750	~2,3
DF-5, 1983	20	1	20	13000	~3,0
DF-21, 1986	48	1	48	1800	~0,5
DF-31, 1996	—	3–4	—	8000	~0,35–1,0
Стратегические баллистические ракеты морского базирования					
JL-1, 1986	12	1	12	1700	~0,3
JL-2, (в разработке)	—	1–3	—	8000	~0,25–0,27
Оперативно-тактические ракеты наземного базирования					
DF-11, 1992	~200	1	–200	300	~0,35
DF-15, 1990	~300	1	<300	600	~0,05–0,35
Ядерный потенциал воздушного базирования					
Бомбардировщик H-6	120	1	120	3100	—
Истребитель Q-5	30	1	30	400	—

способность участвовать в ответно-встречном ударе из-за необходимости длительной предстартовой подготовки. К тому же китайские ШПУ по уровню защищённости от поражающих факторов ядерного оружия значительно уступали советским и американским ракетным шахтам, что делало их уязвимыми в случае внезапного «обезоруживающего удара».

Помимо МБР в Китае в 1970–1980-е годы продолжались работы по ракетам меньшей дальности. В конце 1980-х на вооружение поступила первая китайская твёрдотопливная ракета DF-11. В отличие от ракет с ЖРД, которые требовали длительного процесса предстартовой подготовки этот показатель на DF-11 не превышает 30 минут.

Одноступенчатая ракета массой 4200 кг может нести 500 кг БЧ на дистанцию до 300 км. DF-11 установлена на мобильном шасси повышенной проходимости WA2400 8x8 китайского производства, прототипом которого послужил советский МАЗ-543.

Модернизированный вариант DF-11A, имеющий увеличенную до 500 км дальность стрельбы и повышенную точность, поступил на вооружение китайской армии в 1999 году.

Первоначально на DF-11 использовалась инерциальная навигационная система и радиоуправление, что обеспечивало КВО 500–600 м. На модификации DF-11A используется комбинированная инерциально-спутниковая система наведения с оптической коррекцией, что позволило снизить КВО до 200 м.

Как заявляют китайские представители DF-11/11A создавалась в основном для продажи за рубеж (велись поставки в Пакистан и Иран) с фугасной БЧ. Но нет некого сомнения, что для этих ракет в КНР разработана ядерная БЧ. В настоящее время количество DF-11/11A в НОАК оценивается 120–130 пусковых установок, большинство из которых было сосредоточено вблизи Тайваньского пролива.

В 1988 году в Пекине на выставке вооружений был представлен первый образец оперативно-тактического ракетного комплекса DF-15 известного также под обозначением М-9. Ракета комплекса массой 6200 кг с боевой частью в 500 кг имеет дальность действия до 600 км. DF-15 использует грузовую восьмиколесную платформу китайского производства, которая обеспечивает высокую мобильность и проходимость комплекса. С 1995 года было закуплено 40 установок, а к началу 2000 года Китай произвел уже около 200.

В 2013 году был показан новейший оперативно-тактический ракетный комплекс DF-15C. Основной особенностью нового комплекса, в отличие от базовой модели DF-15, стала ракета с измененной головной частью.

Боевая часть ракеты использует для наведения дублированный спутниковый навигационный сигнал и активную радиолокационную систему самонаведения, что обеспечивает повышения точности комплекса. Данный ракетный комплекс может использоваться для поражения особо важных объектов типа аэродромы вероятного противника, важные административные здания и промышленные центры.

В качестве боевой нагрузки DF-15 может нести ядерный заряд мощностью 50–350 кт или оснащаться различными типами неядерных боевых частей. Опубликована информация о наличии фугасной и кассетной БЧ. В последнее время в китайских СМИ модернизированные оперативно-тактического ракетного комплекс типа DF-15C стали именоваться DF-16.

Китайских военачальников и специалистов не оставили безучастными успешные разработки в СССР и США крылатых ракет наземного базирования. После распада СССР технологии и документация из этой области были получены на Украине. По оценкам экспертов, в настоящее время в арсенале КНР есть несколько десятков крылатых ракет наземного базирования (КРНБ) Dong Hai 10 (DH-10). Они создавались на основе российской крылатой ракеты большой дальности Х-55. Этот комплекс представляет собой мобильную установку на четырехосном шасси повышенной проходимости с тремя транспортно-пусковыми контейнерами. Ракета предназначена для точного поражения наземных целей в радиусе до 1500 км. Предполагается, что она имеет комбинированную систему наведения, объединяющую инерциальную, корреляционную по контуру рельефа местности и спутниковую системы наведения. Ракета может иметь ядерную или обычную боевую часть. Основная часть ракет DH-10 базируется вдоль восточного побережья материкового Китая, неподалеку от Тайваня. Поступление на вооружение КРНБ DH-10 произошло в конце 2000-х. С учётом успехов достигнутых в создании твёрдотопливных ракет малой дальности в КНР в середине 1970-х был дан старт программы твёрдотопливной ракеты средней дальности DF-21, которая должна была заменить на боевом дежурстве DF-2 и DF-3/3A.

Во второй половине 1980-х годов была создана новая двухступенчатая твердотопливная ракета средней дальности DF-21 («Дунфэн-21»). Ракета со стартовым весом в 15 т способна доставлять БЧ на дальность до 1800 км. Значительный прогресс в области радиоэлектроники позволил создать китайским конструкторам новую более совершенную систему управления ракетой. Точность попадания (КВО) была доведена до 700 м, что в совокупности с мощной головной частью в 2 Мт позволяло решать большее число стратегических задач. В середине 1990-х БРК с ракетой DF-21A стал поступать на вооружение ракетных частей НОАК, заменяя жидкостные ракеты старых типов[38]. В начале 2000-х на вооружение поступил новый вариант DF-21C. Инерциальная система управления обеспечивает ракете точность стрельбы (КВО) до 500 м. Благодаря базированию на мобильных пусковых установках повышенной проходимости системе обеспечивается способность выхода из под

«обезоруживающего удара» средствами воздушного нападения и баллистическими ракетами. Недавно появилось упоминание новом варианте комплекса DF-21, который в КНР получил обозначение — DF-26.

Следующим крупным достижением китайских конструкторов и ракетостроителей стало создание и запуск в производство мобильного подвижного грунтового межконтинентального ракетного комплекса DF-31. Эта разработка явилась огромным прорывом в ядерных вооружениях Китая. Использование твердого топлива на ракетах DF-21 и DF-31 позволило сократить время предстартовой подготовки до 15–30 мин. Работы по этому ракетному комплексу начались в середине 80-х годов. С самого начала перед китайскими инженерами ставилась задача обеспечить мобильный пуск ракеты с грунтовых подвижных комплексов наподобие российских МБР «Тополь».

Основная проблема, с которой столкнулись китайцы, является разработка твердых смесевых ракетных топлив (кстати говоря, такие же трудности в свое время испытывал и Советский Союз). По этой причине первый пуск ракеты, намеченный в начале 90-х годов, многократно откладывался. Известно, что при экспериментальном пуске DF-31 в апреле 1992 года, ракета взорвалась. При этом погиб 21 человек, и было ранено 58. Последующий пуск был так же неудачным, а первый успешный пуск состоялся в 1995 году. Затем последовали еще три успешных пуска — два в 2000 году, во время военных маневров НОАК, и третий — в 2002 году.

В лучших советских традициях китайцы 1 октября 1999 года продемонстрировали новую ракету на военном параде в честь 50-й годовщины КНР. По центральной площади Пекина прошли три ракетовоза HY473 с ТПК, в которых предположительно находились новые ракеты. Они представляют собой стандартный 4-осный грузовик с полуприцепом с 8 осями и больше похожи не на боевые ПУ, а на транспортно-заряжающие машины. Совершенно очевидно, что по сравнению с российскими ПУ МБР «Тополь» эти машины обладают весьма ограниченной проходимостью, и не могут быть признаны как полноценные боевые системы.

Реальные ТТХ МБР DF-31 являются одной из важных военных тайн Китая. По данным СМИ трехступенчатая твердотопливная ракета

длиной 13 м, диаметром 2,25 м и стартовой массой 42 т оснащена инерциальной системой наведения с астронавигацией. Точность стрельбы (КВО — вероятное круговое отклонение) составляет, по разным оценкам, от 100 м до 1 км. МБР может быть оснащена моноблочной ядерной боеголовкой мощностью до 1 Мт, или тремя боеголовками индивидуального наведения мощностью по 20–150 кт. По своей забрасываемой массе эта ракета практически аналогична российской МБР «Тополь» и «Тополь-М» (предположительно 1,2 т)[39].

Считается, что в режиме мобильного грунтового базирования DF-31 может быть запущена в течение 30 минут (выход из гаража, время доставки до стартовой позиции, поднятие ТПК в вертикальное положение и старт МБР). Вероятно, китайцы применили в этой ракете т.н. холодный (минометный) старт, как на ТПУ МБР серии «Тополь» (запуск ракеты на высоту 30 м посредством парогенератора давления и последующее включение первой ступени МБР).

Модернизированный вариант DF-31A представляет собой твердотопливную трехступенчатую межконтинентальную баллистическую ракету, запускаемую с мобильной пусковой установки. Хотя она способна преодолеть свыше 11 200 км, ракета DF-31A имеет меньшую дальность и несет меньшую полезную нагрузку, чем жидкостная китайская МБР DF-5A шахтного базирования. По сведениям министерства обороны США, в Китае развернуто около 10 ракет DF-31A.

По американским оценкам, ракеты DF-31 с дальностью стрельбы около 7200 км не могут достичь территории континентальной части США из Центрального Китая. Но модификация ракеты, известная как DF-31A, имеет дальность стрельбы более 11 200 км и может достичь из районов центрального Китая большую часть континентальной территории Соединенных Штатов.

По мнению экспертов, новая модификация комплекса DF-31A может оснащаться тремя разделяющимися головными частями с боеголовками индивидуального наведения. Кроме этого, в новой ракете реализована возможность автономного уточнения местоположения цели и коррекции траектории полета на баллистическом участке. Для наведения ракеты может использоваться спутниковая система навигации «Бэйдоу» (китайский аналог GPS).

Последние спутниковые снимки показывают, что Китай создает стартовые позиционные районы для своих новых мобильных межконтинентальных баллистических ракет DF-31/31A в центральной части страны. Несколько пусковых установок новых МБР DF-31/31A появились в двух районах восточной части провинции Цинхай в июне 2011 года.

25 сентября 2014 года Китай провел первый испытательный пуск нового варианта грунтовой мобильной МБР, имеющей индекс DF-31B. Старт был произведен с полигона в центральной части Китая. Ракета является дальнейшим развитием DF-31A. В последние три месяца Второй артиллерийский корпус НОАК выполнил, по меньшей мере, два пуска ракет серии DF-31.

В настоящее время тяжелые МБР DF-5 на жидком топливе заменяются твердотопливными мобильными МБР DF-31 и DF-31A. Согласно Докладу Министерства обороны США КНР добилась существенного прогресса в обновлении парка своих МБР. Число мобильных твердотопливных МБР DF-31 и DF-31A впервые превысило количество старых жидкостных шахтных МБР DF-5. По данным доклада, ракет DF-5 насчитывается около — 20, ракет DF-31 и DF-31A — около 30.

В 2009 году в открытых источниках появилось упоминание о новой китайской твёрдотопливной МБР — DF-41. Считается, она благодаря увеличенной по сравнению с другими твёрдотопливными ракетами дальности окончательно вытеснит старые жидкостные ракеты DF-5. Предполагается, что она имеет дальность в 15000 км и несет разделяющуюся головную часть, содержащую до 10 боевых блоков и средства преодоления ПРО[40].

С учётом того, что даже более лёгкие мобильные китайские МБР DF-31 испытывают определённые трудности при транспортировке, можно предположить, что новый комплекс DF-41 будет предназначен в основном для шахтного базирования.

Сказанное означает, что любой сценарий развития России, включая социально-экономический и научно-технологический, должен учитывать это обстоятельство непосредственным образом. Например, инерционный сценарий развития должен исходить из того, что близость европейского ТВД создает угрозу непосредственным возможностям

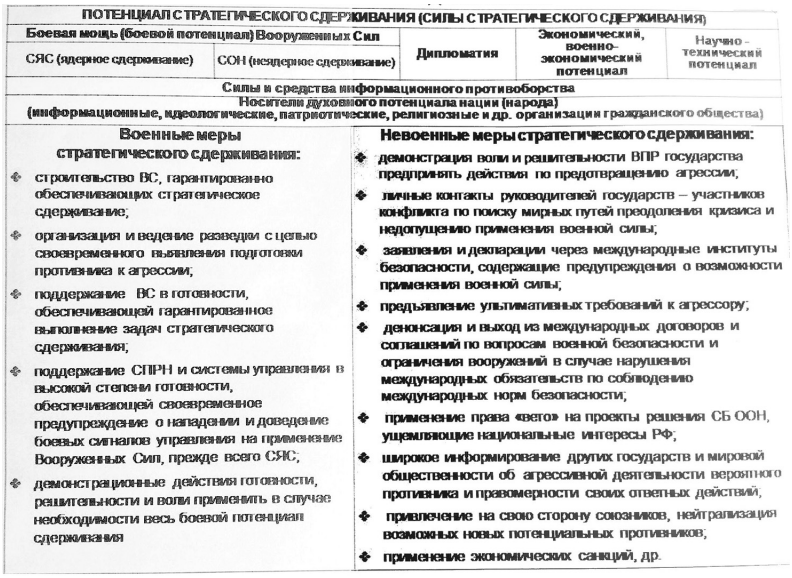


Рис. 3.6. Стратегическое сдерживание

России из-за близости к политико-административному центру страны. Это, в свою очередь, предполагает, что на этом направлении должны не только сосредотачиваться дополнительно ресурсы и возможности (что делается), но и развиваться социальная база для противодействия вероятной агрессии и информационно-материальная возможности влияния на территорию потенциального противника, с которой будет вероятно осуществляться агрессия. Это может быть не только территория стран Восточной Европы и Прибалтики, но и Украины и Белоруссии.

3.5. Рост числа и интенсивности конфликтов и спецопераций

Во втором десятилетии XXI века численность
ежегодно происходящих войн и конфликтов превысила 55

Количество и интенсивность войн и конфликтов в новом веке не сократится, а вероятнее всего увеличится, что требует обязательного учета в стратегическом прогнозе и планировании России на период

до 2050 года. Актуальность этой проблемы резко увеличивается в связи с тем, что противники России активно используют самые различные способы и средства не только активизации всегда существующих противоречий, но и создания качественно новых дестабилизирующих ситуаций. Из этого следует следующий вывод: для всех сценариев и вариантов развития России до 2025 года и далее будет характерен рост численности, масштабов и интенсивности военных конфликтов. Их потенциальные области известны и концентрируются:

— **в области национальных отношений**, причем уже не только на окраинах, но и в центральных городах России;
— **в области религиозных отношений**;
— **в области социальных отношений**.

Кроме того, можно говорить о стремительном росте возможностей противоборства с помощью специальных сил и организованных для этого экстремистских и террористических операций.

С учетом этих тенденций ясно обозначился процесс «афиллирования» специальных сил США и террористических организаций, начало которому было положено в Сирии и на Украине. Откровения командующего силами спецопераций США

В военном командовании силами специальных операций США обсудили план развития этого сегмента американской армии. Обсуждение, как заявлено, связано с тем, что число вызовов и угроз для Соединённых Штатов растёт «по всему миру», и с тем, что американские ССО нуждаются в корректировке дальнейшего курса. Генерал-лейтенант Кеннет Тово, командующий USASOC (Special Operations Command), отмечает, что роль именно сил спецопераций растёт, но при этом пока нет чёткого понимания места ССО в масштабных операциях американской армии.

В качестве направлений для дальнейшего развития USASOC генерал Тово выделяет несколько основных. В частности, рассматривается расширение использования иностранных сил, которые действовали бы в интересах как самих этих сил, так и в интересах США.

Из заявления, которое приводит американский портал DefenseNews: Развитие иностранных сил для проведения собственных операций и создания профессиональных боевых сил среди союзников США.

Здесь нужно отметить, что Генштаб вооруженных сил РФ фактически и обвиняет США в том, что они создают аффилированные силы из числа, в том числе, и террористических группировок, чтобы и с их помощью тоже решать собственные задачи. В частности, в ГШ ВС РФ говорится о том, что в Сирии американские спецназовцы фактически открыто контактируют с боевиками ИГИЛ (*запрещено в РФ).

Судя по всему, для USASOC нынешних контактов недостаточно, а потому будут расширять.

Ещё одно направление развития для американских ССО выглядит следующим образом: повышенное внимание к тренировкам по совершению рейдов, в ходе которых могли бы быть ликвидированы высокопоставленные лица, что делало бы усилия противника неэффективными.

Это лишний раз подтверждает, что США не только не отказываются от вмешательства во внутренние дела других стран, но и готовы это вмешательство сделать ещё более откровенны.

В этой связи важнейшее значение приобретают силы общего назначения, которые проходят глубокую модернизацию. По информации, озвученной Президентом России осенью 2017 года, отечественный оборонно-промышленный комплекс с начала 2017 года модернизировал и изготовил для армии и флота около 3,5 тысячи единиц техники. В рамках ГОЗ Минобороны доукомплектовало части и соединения по всей России самыми разнообразными системами и комплексами — начиная от новейших истребителей Су-35 поколения 4++ и заканчивая усовершенствованными танками Т-72Б3 с «коробкой-автоматом». Крупные поставки ожидаются и в декабре[41]. Масштабы перевооружения впечатляют — 16 боевых кораблей и судов, 190 современных самолетов и вертолетов, 800 танков и боевых бронированных машин, 170 зенитных ракетных систем и комплексов, 1950 автомобилей многоцелевого назначения. Такие цифры озвучил президент России Владимир Путин во время серии совещаний с руководством Минобороны и предприятий ОПК в ноябре 2017 года. По его словам, к концу 2017 года долю современного оружия и техники доведут почти до 60%.

Воздушно-космическим силам Минобороны в 2017 году уделило особое внимание. Фаворит ВКС — многоцелевой истребитель Су-35С поколения 4++ продолжает поступать в строевые части партиями по

несколько машин. Самолеты самостоятельно перелетают на аэродромы базирования с завода в Комсомольске-на-Амуре. «Тридцать пятый» на сегодня остается самым совершенным истребителем на вооружении России.

Еще из семейства «сухих» ВКС сейчас получает иркутские «спарки» Су-30СМ и заточенные на «работу по земле» ударные Су-34. И те и другие — «звезды» сирийской кампании, за время которой они обрушили на головы радикальных исламистов сотни тонн чугуна и тротила. Кроме того, «тридцатыми» сейчас также вооружают морскую авиацию. Поставки фронтовых бомбардировщиков Су-34 в рамках ГОЗ продолжатся до 2020 года. Эти машины отличает необычное расположение рабочих мест экипажа (летчики сидят плечом к плечу) и усиленная конструкция крыла. Самолет поднимает восемь тонн бомб и ракет, разгоняется почти до двух тысяч километров в час и может действовать на удалении до четырех тысяч километров от аэродрома.

В 2017 г. в части ВВС и ПВО после модернизации вернулись несколько воздушных «патрульных» — скоростных перехватчиков МиГ-31БМ. На заводе под Тверью у них заменили бортовое радиоэлектронное оборудование и системы управления вооружением. Инженеры утверждают, что «бээмки» втрое превосходят обычные «тридцать первые» по боевым возможностям. Их основное назначение — борьба с высотными самолетами-шпионами, стратегическими бомбардировщиками B-52 и B-1, «отлов» низколетящих нарушителей госграницы. Один перехватчик одновременно сопровождает до 10 воздушных целей.

Вскоре ожидается поставка в войска партии ударных вертолетов Ми-28Н «Ночной охотник». Эти вертолеты — «короли» малых высот, способные скрываться от средств обнаружения противника в складках местности и «подкрадываться» для нанесения мощных точечных ударов по наземным целям. Машина ценится у летчиков за усиленное бронирование, отличный обзор из кабины и продуманную эргономику рабочих мест.

К передаче в заботливые руки фронтовых пилотов готовы восемь всепогодных разведывательно-ударных вертолетов Ка-52 «Аллигатор». Этим уникальным боевым машинам с двумя несущими винтами по зубам танки, легкая бронетехника, артиллерия, живая сила и вертолеты противника. Благодаря продвинутому радиоэлектронному оборудованию и высокой маневренности «пятьдесят вторые» хороши для развед-

ки и управления звеньями других вертолетов. Морскую версию «Аллигатора» — корабельный вертолет Ка-52К «Катран» — сейчас готовят к испытаниям. Другие флотские «камовцы» — транспортно-боевые «вертушки» Ка-29 в 2017 г. прошли капремонт и усилили морскую авиацию Балтфлота. Их зона ответственности — высадка и прикрытие морских десантов, огневая поддержка морской пехоты и перевозка грузов.

В 2017-м ОПК передал Минобороны несколько военно-транспортных вертолетов Ми-8АМТШ «Терминатор» и поисково-спасательных Ми-8МТВ-5–1. Вторые «в базе» укомплектованы специальным светотехническим оборудованием и очками ночного видения. Хабаровские летчики приняли в этом году модернизированный Ми-26 — самый большой в мире серийный вертолет. Гигантская машина доставляет военных и грузы на остров Врангеля и мыс Шмидта. Летчики морской авиации Тихоокеанского флота (ТОФ) осваивают новейший арктический транспортно-штурмовой вертолет Ми-8АМТШ-ВА, адаптированный под суровые условия Севера. Кроме того, в рамках ГОЗ–2017 Минобороны заказало у холдинга «Вертолеты России» два опытных многоцелевых вертолета Ми-38, которые до конца 2019 г. поступят в ВКС.

Не осталась в стороне и флотская тематика. Одним из относительно крупных боевых кораблей, переданных морякам в 2017 г., стал корабль ближней морской зоны «Совершенный». Корвет ввели в состав Тихоокеанского флота в июле. Он вооружен управляемыми ракетами противокорабельного комплекса «Уран», 100-миллиметровым артиллерийским орудием, торпедными аппаратами, пулеметами и гранатометами. Каждая ракета комплекса несет 145-килограммовую фугасно-осколочную боевую часть проникающего типа, которой хватит для уничтожения любого типа корабля, вплоть до эскадренного миноносца на дистанции до 260 километров.

Новый корвет довольно универсален — может эффективно бороться с надводными кораблями и субмаринами, а также поддерживать артиллерийским огнем высадку морских десантов. Для прикрытия с воздуха на нем установлен зенитный ракетный комплекс «Редут». На корме устроена вертолетная площадка с ангаром для базирования вертолета Ка-27 в противолодочном варианте. Примечательно, что до «Совершенного» Тихоокеанский флот не получал новых надводных кораблей

с момента распада Советского Союза, за исключением трех легких противодиверсионных катеров.

Известно, что до Нового года ОПК планирует передать ВМФ еще три серьезных проекта — новейший фрегат «Адмирал Макаров», большой десантный корабль (БДК) «Иван Грен» и малый ракетный корабль (МРК) «Вышний Волочек».

«Макаров» — третий корабль проекта 1135.6. Первые два — «Адмирал Григорович» и «Адмирал Эссен» — сданы и исправно служат в составе Черноморского флота. Эти фрегаты имеют водоизмещение четыре тысячи тонн, скорость хода — 30 узлов, автономность — 30 суток, экипаж — 200 человек. Внушительный арсенал бортового вооружения включает в себя крылатые ракеты повышенной дальности «Калибр» или «Оникс», ракетный комплекс «Штиль», артиллерийскую установку, зенитный комплекс «Кортик» и торпедные аппараты. На кораблях базируются вспомогательные вертолеты Ка-31.

Шестой по счету представитель семейства «Буянов» МРК «Вышний Волочек» сейчас находится на завершающем этапе испытаний в Черном море. Корабли проекта 21631 разрабатывались для охраны экономической зоны России. При относительно небольшом водоизмещении в тысячу тонн «Буяны-М» солидно вооружены. Их главный ударный аргумент — ракетный комплекс «Калибр». Кроме того, имеется артиллерийская установка А-190 калибра 100 миллиметров и зенитный ракетный комплекс «Гибка».

БДК «Иван Грен» проекта 11711 относится к новому поколению кораблей подобного класса и уникален тем, что обеспечивает так называемую неконтактную выгрузку десанта и техники на необорудованное побережье с помощью понтонов. Корабль обладает водоизмещением в пять тысяч тонн и может перевозить до 300 морских пехотинцев, 36 бронетранспортеров или 13 танков. На борту базируется транспортно-десантный вертолет. Комплекс оборонительного вооружения представлен двумя шестиствольными 30-миллиметровыми артиллерийскими установками АК-630М. Второй БДК этого проекта «Петр Моргунов» пока еще достраивается.

Если говорить о «рыбке помельче», то в 2017 г. на флот продолжили поступать катера проекта 21980 «Грачонок» — главное транспортное средство противодиверсионных отрядов и боевых пловцов. Чуткий ги-

дроакустический комплекс катера обнаруживает различные объекты на глубине и точно определяет их местоположение. На тридцатиметровом «Грачонке» предусмотрены барокамера и оснастка для работы с глубоководным необитаемым аппаратом. Одним словом — плавучая база для аквалангистов.

Кроме того, в этом году в Балтийск прибыл скоростной «Раптор» — «патрульный» прибрежной зоны морей, проливов и устьев рек. Несмотря на скромные габариты (длина 17 метров, ширина — четыре), катер довольно интересный. Мощная силовая установка разгоняет его почти до 100 километров в час, что для перехватчика очень важно. На «Рапторах» предусмотрены помещения для досмотровой или антитеррористической группы, водолазов или спасателей.

В 2017 году отечественный ОПК не обидел и «сухопутчиков». Модернизированные танки Т-72Б3, Т-80БВМ, машины пехоты БМП-3 и бронетранспортеры БТР-82А в 2017-м приходят в войска эшелонами. Надежные и проверенные «семьдесят двойки» после обновления в цехах Научно-производственной корпорации «Уралвагонзавод» (УВЗ) буквально получили вторую жизнь. Их оснастили всеракурсной защитой, которая существенно повысила живучесть в бою, а также «освежили» систему управления огнем за счет установки новой прицельной аппаратуры. Фактически по боевым возможностям эти танки вплотную приблизились к Т-90С.

Боевая машины пехоты БМП-3 понемногу заменяет в армии легендарную «двойку». По сравнению с предшественницей ее огневая мощь возросла в разы. Добиться этого конструкторам удалось за счет установки универсального 100-миллиметрового орудия, стреляющего управляемыми и неуправляемыми боеприпасами. Есть также 30-миллиметровая автоматическая пушка, 7,62-миллиметроый пулемет ПКТ, система пуска дымовых гранат.

БТР-82А — глубоко модернизированная и доработанная версия БТР-80. На внутренние поверхности корпуса БТР-82А установлена противоосколочная многослойная защита из синтетического материала. Унифицированный боевой модуль оснащен электроприводом и двухплоскостным стабилизатором оружия. Главный калибр бронетранспортера — 30-миллиметровая пушка, для борьбы с пехотой предусмотрены два пулемета.

«Под раздачу» новой техники в этом году попали также российские десантники. В части ВДВ по заказу Минобороны отправили три батальонных комплекта боевых машин десанта БМД-4М «Садовница» и более 60 бронетранспортеров БТР-МДМ «Ракушка». В отличие от зарубежных аналогов эти машины можно сбрасывать с самолетов с экипажем внутри. Им также не требуется спецподготовка для преодоления водных преград.

Подразделения спецназа усилены бронеавтомобилями «Тайфун» и «Тигр», а артиллеристы получили самоходные и буксируемые артиллерийские установки «Мста-С» и «Мста-Б», станции наземной артиллерийской разведки «Зоопарк» и «Аистенок». Некоторые части оснастили комплексами с «беспилотниками» «Груша», «Орлан», «Гранат», «Леер» и «Форпост». Многие соединения ПВО укомплектованы зенитными ракетными системами С-400 «Триумф», зенитными ракетно-пушечными комплексами «Панцирь-С1», радиолокационными станциями «Подлет-К1», «Противник», «Сопка-2». В декабре российские военные ожидают крупные поставки реактивных систем залпового огня «Торнадо-С», а также береговых ракетных комплексов «Бал» и «Бастион».

3.6. Рост численности среднего и креативного класса

Революции затевают не бедняки, а представители растущего среднего класса, раздраженные преградами на своем пути вверх по социальной лестнице[42]

Ф.Фукуяма, политолог

Существует прямая связь между наличием, численностью и качеством «творческого» класса и военной мощью страны, её способностью обеспечивать свою безопасность в ухудшающихся условиях ВПО. Прежде всего, «творческий» («креативный») класс и социальные группы этого класса являются главное движущей силой развития экономики, создавая до 90% прироста ВВП, и общества, генерируя новые эффективные

институты государственного и общественного развития. Их количество и качество определяют мощь, в том числе военную мощь, государства и нации в современном мире. Прежде всего мощь ОПК, качество ВВСТ и качество вооруженных сил и военного искусства.

Это означает, что военно-политическое будущее России к 2025 году в решающей степени будет определять такое качественное состояние российского общества, когда, прежде всего, оно определяется качеством и количеством человеческого капитала, который в наибольшей степени концентрируется в более узком социальном слое — созидателей-творцов — «творческом» («креативном») классе.

Именно этот, достаточно узкий слой, составляющий менее половины среднего класса, является основным создателем и производителем продукта и услуг в XXI веке. Если предположить, что средний класс современной России (во всех своих слоях) не превышает 20%, то «творческий класс» нашей страны вряд ли превысит половину этой цифры, т.е.15–20 млн человек, хотя ряд западных исследователей полагает, что он может достигать (в силу российской специфики) и 35–40 млн человек.

Таким образом, основу политической, экономической и военной мощи государств во всё большей степени составляет национальный человеческий капитал и институты его развития, который в возрастающей степени будет концентрироваться в социальных слоях, называемых «средним классом» и его более узкой прослойке — «креативном классе». Именно эта социальная группа будет во все большей степени влиять на развитие экономики и общества[43]. И именно эта группа, условия её развития, должны быть в эпицентре внимания российской власти.

В период до 2025 года сохранится бурно развивающаяся и недооцененная до сих пор в полной мере тенденция увеличения абсолютной и относительной численности «среднего класса» в новых центрах силы. Как и увеличение значения человеческого капитала и его институтов, которые концентрируются в этих центрах, являясь главными драйверами развития. О чем было много написано прежде, в том числе и мною, но что практически не повлияло на политику правящей элиты России. Если, по оценкам западных служб, в 2000 году на эти страны приходило меньше 20% общей численности представителей среднего класса, а в 2020 году ожидается около 40%, то к 2030 году численность этих соци-

альных слоев в новых центрах силы превысит 60%, а в 2050 году — еще больше. Это изменение в соотношении сил лучше чем соотношение ВВП характеризует реальную мощь и влияние лидеров ЛЧЦ и их коалиций в будущем.

Одним из других важнейших дестабилизирующих долгосрочных последствий (кроме стремительного роста военной мощи) будет быстрый рост числа граждан развивающихся стран, принадлежащих к «среднему классу», что, в свою очередь, потребует быстрого роста необходимых потребляемых ресурсов. В частности, стремительно растёт число граждан развивающихся стран, которых, по стандартам потребления Запада, относят к среднему классу, вследствие чего резко возрастает спрос на продукты питания, воду, сырьё, увеличивается «давление человека» на окружающую среду. Так, прибавка в численности среднего класса Китая за последние 40 лет в 300 млн человек привела к резкому росту потребления молока и других товаров и услуг, которые прежде китайское общество использовало в незначительных объемах.

Руководство КПК и КНР, сформулировавшее задачу быстрого роста благосостояния граждан до «среднемирового» уровня, тем самым фактически увеличило запросы на потребление продовольствия, энергоресурсов, питьевой воды и прочих ресурсов в десятки раз уже к 2030 году.

Аналогичная ситуация складывается в Индии, странах Африки и Азии, где нормы потребления увеличены в несколько раз, а производства — растет существенно медленнее. Происходит разрыв, который угрожает стабильности и уже вызвал мощную волну миграции, которая будет развиваться дальше еще стремительнее.

В результате таких сдвигов в социальной структуре обществ происходят не менее радикальные изменения в структуре экономики, эффективности развития науки и техники, имеющие самые серьезные последствия для безопасности страны. Так, лидерство США во второй половине XX века во многом было обеспечено лидерством в области науки, техники и технологиях, которое постепенно было оттеснено другими странами (рис. 3.7[44]).

Это обстоятельство (уменьшение доли расходов на НИОКР США по сравнению с остальными странами), как оказывается сильно беспокоит США потому, что их бесспорное лидерство во второй полови-

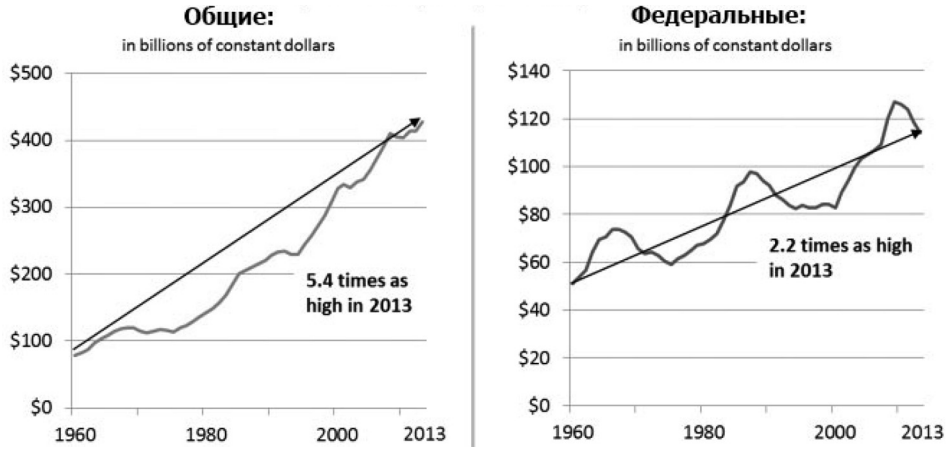


Рис. 3.7. Расходы на науку в США (общие и федеральные)

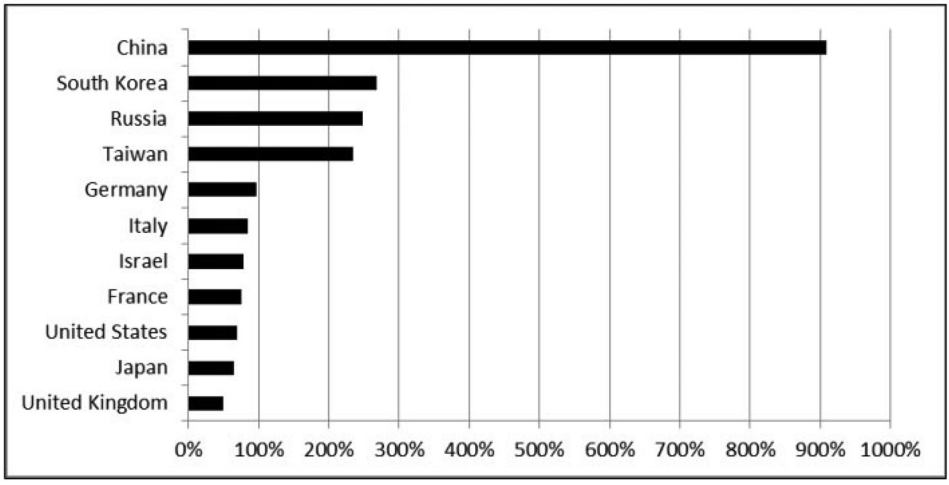


Рис. 3.8. Увеличение доли расходов на науку в ВВП некоторых стран

не XX века стало сокращаться, прежде всего, за счет увеличения доли расходов на науку в некоторых странах. Как видно из графика, представленного ниже, абсолютная доля США в финансировании НИОКР выглядит не столь выдающейся на фоне усилий других стран, которые позволили себе резко увеличить расходы на НИОКР. Так, например, расходы на НИОКР Китая выросли пропорционально ВВП на 90%, но даже расходы других стран относительно ВВП выросли больше, чем у США (рис. 3.8[45]).

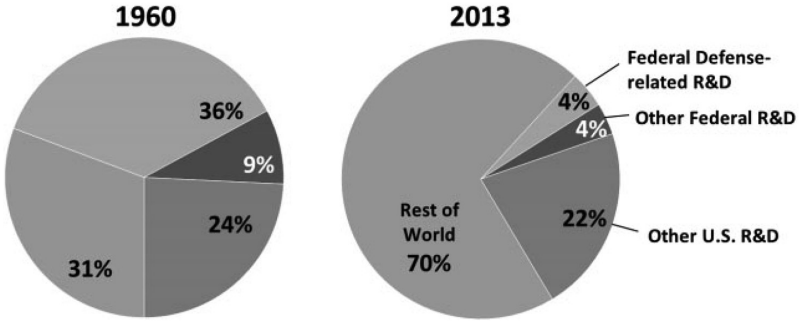


Рис. 3.9. Сравнение расходов на НИОКР в период 1960–2013 гг.

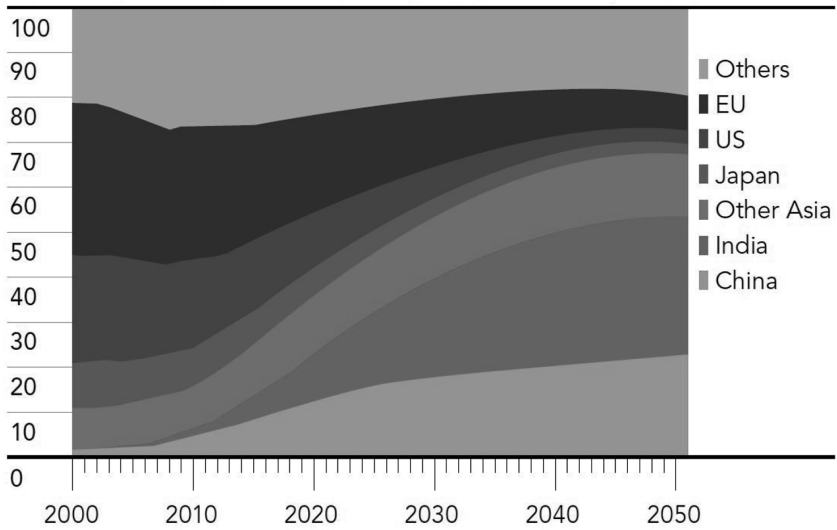


Рис. 3.10. Доля представителей среднего класса различных стран (в процентах)

Как показано на диаграмме, доля США в мировых НИОКР сократилась за период 1960–2013 годов с 69% до 30% (а государственных военных НИОКР с 36% до 4%). При этом уменьшение доли США отнюдь не было связано с сокращением ими расходов на науку, а ростом таких расходов в других странах (рис. 3.9[46]).

В постоянных ценах федеральные расходы США на НИОКР были в 2,2 раза больше, чем в 1960 году, в то время как общие расходы на науку (государственные, общественные и частные) за этот период выросли в 5,4 раза по сравнению с 1960 годом (рис. 3.10[47]).

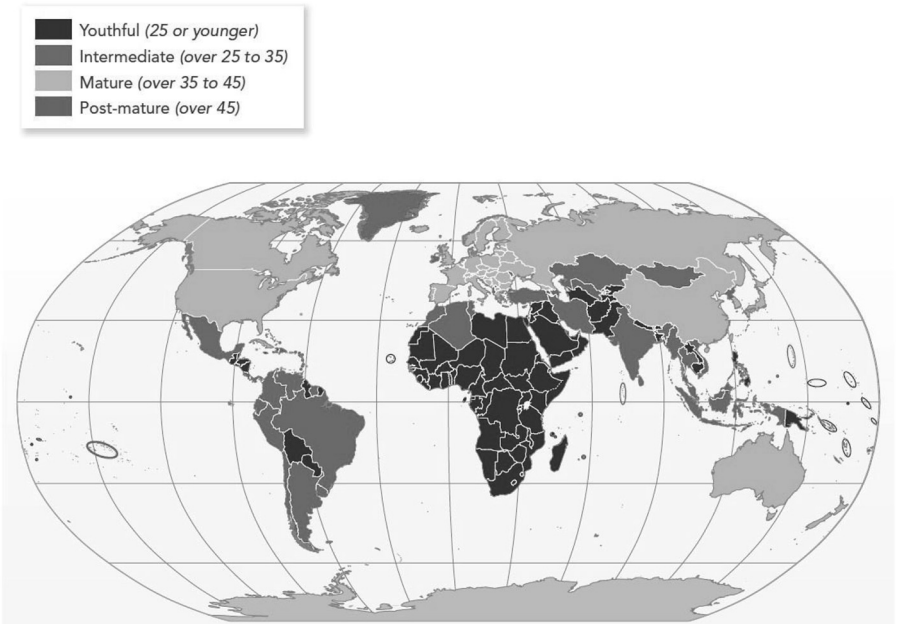


Рис. 3.11. Средний уровень возраста населения в различных странах в 2017–2030 годы

Прежде всего это выразится в неизбежном нарастании военно-политического конфликта между ЛЧЦ, о котором еще в 90-е годы предупреждал С. Хантингтон. Причем силовую и военную составляющие этого конфликта формируют США, стоящие во главе военно-политической коалиции Запада. Именно в интересах этой коалиции США создали такое новое явление как Военную организацию коалиции, которая фактически управляет политикой этих стран и направлена против других ЛЧЦ и центров силы. Прежде всего, если говорить о военном противоборстве, — против России[48].

В результате старения населения в развитых странах и, как следствие, нехватки рабочей силы, произойдёт глобальный рост миграции населения из бедных стран в более богатые[49], что неизбежно изменит как социальную, так и этническую структуру российского общества и, как следствие, — состояние внутриполитической стабильности в некоторых регионах России.

В целом проблемы, связанные с развитием человеческого капитала, станут ключевыми для развития тех или иных сценариев России до

2025 года. Для России эта проблема станет важнейшей для выживания в XXI веке. Прежде всего с точки зрения развития ее государственной и цивилизационной мощи, определяемой количеством и качеством человеческого капитала нации, способностью ее представителей к творческому мышлению и эффективностью институтов развития человеческого капитала. С количественной точки зрения, России удалось стабилизировать демографическую ситуацию, обеспечив в целом символический прирост населения в 2011–2017 годы, что, однако, не повлияло на общую негативную тенденцию в этой области: на фоне роста населения и качества НЧК новых центров силы российский потенциал, не увеличивается, а снижается[50].

Как видно из существующих оценок (рис. 3.11[51]), лидерами демографического роста до 2025 года будут Индия, Бразилия и страны Африки, что неизбежно будет оказывать влияние на соотношение сил между ЛЧЦ и центрами силы. Для России, как уже говорилось, эта тенденция имеет явно негативное значение, которое можно компенсировать мероприятиями в двух областях:

— во-первых, увеличением демографического прироста (рождаемости, сокращения смертности, продления жизни и пр.);
— во-вторых, увеличением качества человеческого потенциала (образования, доходов, науки, культуры, пр.).

Падение жизненного уровня граждан России — крайне дестабилизирующий внутриполитический фактор, присутствующий с 2014 года. Он ведет не только к отставанию России в социальном развитии от Запада, но и абсолютному ухудшению положения среднего и креативного класса, который по показателям дохода сократился на 10–15 млн человек за эти годы. Краткосрочный рост доходов россиян в январе 2017 года не переломил тренд, говорится в новом мониторинге Национального исследовательского университета (НИУ) Высшей школы экономики (ВШЭ): с 2014 года реальные доходы россиян упали уже почти на 20%.

«Начиная с февраля статистика снова фиксирует падение, — констатирует НИУ ВШЭ. — По итогам первых пяти месяцев 2017 года его глубина достигла 1,8% по отношению к соответствующему периоду прошлого года. Таким образом, май 2017 года стал, по сути, тридцать

первым месяцем сокращения реальных доходов россиян и по сравнению с октябрем 2014 года — последним периодом устойчивого роста реальных доходов: падение за прошедшее время составило 19,2%».

Реальная зарплата при этом продолжает вялый восстановительный рост — по итогам первых пяти месяцев 2017 года прирост составил 2,9% к прошлогоднему уровню. Падение реальных пенсий было прервано единовременной выплатой 5000 руб. в январе, но в мае этот показатель вернулся к уровню годичной давности. В целом с октября 2014 года по апрель 2017 года реальные пенсии сократились на 6,9%. «Рост пенсий и зарплат на фоне падения денежных доходов свидетельствует о том, что высокими темпами сокращаются такие источники денежных поступлений, как доходы от собственности и предпринимательский доход», — констатирует НИУ ВШЭ.

По данным мониторинга ВШЭ, с ноября 2014 года по конец мая 2017 года розничный оборот товаров и услуг сократился на 19,4%, прирост потребительских цен составил 25,7%, причем продукты подорожали на 28,5%, непродовольственные товары — на 26,2%, услуги — на 21,3%.

Сегодня очевидно, что новые информационные технологии приводят к включению в политические процессы новых социальных групп. Даже если иногда кажется, что это не так, что активисты социальных сетей уходят от политических реалий, а сама политика дискредитирована. Под этим давлением будет изменяться и сам общественный запрос, и политические институты, которые его должны удовлетворять. Ключевое слово нашего времени — «участие» или «инклюзия», если говорить более научным языком. Глобальный процесс, который сегодня переживает мировая политическая система, можно назвать очередной волной демократизации, т.е. вовлечением в политическое участие социальных слоев и страт, ранее там не присутствовавших. То, что иногда называют кризисом демократии или разочарованием в ней, на мой взгляд, является переходом демократической системы на новый исторический виток, который будет характеризоваться именно расширением «участия», — считает Е. Шульман[52].

Глобальный процесс, который сегодня переживает мировая политическая система, можно назвать очередной волной демократизации.

Могучий драйвер этого вовлечения — новые информационные технологии распространения информации, социальные сети, которые способствуют наращиванию глобальной связанности («connectivity»), и это, конечно, позитивное явление. Но, к сожалению, демократизация — не всегда красиво выглядящий процесс. Предыдущая его волна, произошедшая в начале XX века, включила тогда же возникшее массовое общество в политику, до этого бывшую почти исключительным делом элит. Массовое общество проявило себя в том числе и глобальными войнами, волнами геноцидов и межнациональных конфликтов. Ответом на запрос этого нового участия были в том числе и тоталитарные проекты XX века, а не только увеличение числа и качества демократий. Другое дело, что демократии победили. То, что сегодня называют популистским реваншем, ростом популярности ультраправых сил — следствие вхождения в политику людей, которые раньше ею не интересовались, были «самоисключены» из нее, выдавлены под воздействием существующих на неформальном уровне цензов — образовательного, ресурсного и т.д.

Пространство политики расширяется вместе с расширением числа и круга охваченных ею людей. Современное усложнение общественных отношений или усложнение самой ткани социума происходит за счет большей диверсификации обществ, новых глобальных волн миграции, и большей толерантности, которая тоже часть этого процесса инклюзии — включения в число людей, обладающих правами тех, кто раньше ими не обладал. Всю историю человечества можно рассматривать как такую расширяющуюся инклюзию. Права сначала были привилегией только молодых и сильных охотников, потом стали правом всех свободных мужчин, далее — женщин, инородцев и иноверцев, инвалидов, детей и т.д.

От глобальных процессов, даже если очень сильно захотеть — никуда не уйти. Другое дело, что современный социум всё больше напоминает Высокое Средневековье на новом техническом уровне, чем массовые общества XX века или абсолютистские монархии XVII–XIX веков. Сегодня общество соткано из разных лоскутков, напоминает «винегрет» народов или контурные карты с высокой легкостью перемещения по ним, высокой мобильностью, которая, кстати, как

это ни парадоксально, тоже сопоставима с мобильностью в Средние века[53].

В предисловии к «Истории упадка и разрушения Римской империи» Гиббон, например, пишет, что за три часа на дилижансе вас привозят в другое государство, к другому монарху, у которого свои правила. Имеется в виду, что если один царь тебе не нравится — можешь уехать к другому. А во времена Римской империи Сенека, напротив, взывал, что никто не сможет спастись от гнева Цезаря, поскольку на какой бы край Земли не попал, все равно будет на территории Рима. Сегодня средоточие этой лоскутности и разнообразия — всё более богатые и самостоятельные города (что тоже несколько напоминает Европу XIV–XVI века). Городская жизнь, чрезвычайно сложная, мозаичная, основанная на сложных системах взаимосвязей, требует принципиально другой степени гражданского участия.

Я предпочитаю мыслить в терминах общественного запроса. Гражданский запрос формируется не потому, что люди сидят и думают «а хорошо бы заняться развитием самоуправления», а потому что у людей есть деньги и свободное время, которого становится все больше. Как говорят нам исследования, по сравнению с 1980-ыми годами у жителя Великобритании в среднем стало на 7 часов свободного времени больше. С другой стороны, люди осознают, что живут в сложных негомогенных сообществах и это повышает у них потребность договариваться друг с другом, потребность включаться в то, что происходит «наверху» во время принятия важных, затрагивающих их жизнь решений. Поэтому в странах, где развитие городского самоуправления не прерывалось насильственным централизованным планированием высока и степень участия граждан в политике, и автономия местных властей от центра. Напротив, в таких странах, как Россия, приходится нарабатывать традицию участия граждан в политике на городском и местном уровне фактически с нуля (если не с минуса)[54].

Я беспрерывно говорю, что муниципальный уровень — самый главный в политике. Это базовый этаж, с которого начинается любая борьба за свои права и интересы. Городское население в России ущемлено в правах, не представлено ни на каком уровне власти, что противоестественно.

3.7. Неравномерность распределения и низкое качество человеческого капитала

Самая острая проблема, стоящая перед Концерном, — подготовка высокопрофессиональных кадров, — чему мы посвящаем много внимания и средств в последние годы[55]

Я. Новиков,
Генеральный директор АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей»

Главная политическая и экономическая ошибка либералов последних лет — уверенность в том, что научные достижения и технологии можно купить на внешнем рынке также просто как и все остальные товары и услуги, что не требует качественного человеческого капитала. С точки зрения внешнего влияния на развитие демографического потенциала и национального человеческого капитала России[56], можно констатировать, что негативное развитие ВПО в 2014–2017 годы усилило те разрушительные тенденции в развитии человеческого капитала, которые начались в 80-е годы XX века, а именно — ухудшение школьного и вузовского образования, потеря престижности интеллектуальных и квалифицированных профессий и вообще работы, связанной с интеллектом, деградация научных школ, начавшимся после 2014 года очередного витка снижения уровня жизни, оттока «мозгов» за рубеж и т.д. Все это создало крайне опасную демографическую ситуацию, на которую в ноябре 2017 года был вынужден реагировать В.В. Путин рядом достаточно символических (и малоэффективных) решений, стимулирующих рождаемость.

Были, надо признать, в последние годы и немногие позитивные моменты, не зависящие от правительства России, связанные, прежде всего, с усилением внешнего давления на Россию. Так, вынужденная политика импортозамещения и потребность производить свои товары и услуги глубокой степени переработки и наукоемкой продукции привели к росту потребности в квалифицированной рабочей силы, прежде всего ОПК, а также Вооруженных Силах России. Эта потребность, по

мнению руководителей ОПК, сделала проблему качества НЧК на предприятиях самой острой, важнее даже, чем ограничения на закупаемые технологии.

Но в целом качество и количество НЧК в России в последние десятилетия ухудшалось. Этот процесс, если попытаться его коротко описать, перешел от стадии «обвала», которая существовала до начала первого десятилетия XXI века, к стадии стагнации. Если с конца 1980-х годов Россия стремительно теряла качество НЧК (что отражалось в радикальном падении ИРЧП), то с начала второго десятилетия ИРЧП занял стабильное место в 7-м десятке мест вполне благополучных государств, скатившись на несколько десятков позиций. Стагнация в экономике в 2007–2017 годы сопровождалась такой же стагнацией ИРЧК[57]. Эта политика и состояние объясняются и характеризуются прежде всего долей расходов в бюджете на НЧК — образование, культуру, здравоохранение, которая стабильно оставалась в 2–3 раза ниже, чем в развитых странах[58].

Принято считать, что качество человеческого капитала в современной России, особенно определяемого по критериям образования (продолжительность обучения, количество студентов и др.), очень высокое. Это утверждение, однако, не вполне соответствует действительности. По целому ряду причин[59].

Во-первых, по индексу развития человеческого капитала Россия стабильно занимает самое последнее место в категории «стран с очень высоким индексом», либо даже наверху перечня более никой категории — «страны с высоким ИРЧК». На уровне Мексики, Аргентины, Словении и ряда других государств, далеко отставая от стран-лидеров — Ирландии, Швеции, Норвегии, Финляндии, Швейцарии и др. государств. При этом страны-лидеры мирового развития — Китай, Индия, Индонезия, Мексика и др. — сознательно и стремительно увеличивают показатели НЧК и, прежде всего, образования. Эта ситуация и динамика никак не могут расцениваться как удовлетворительный показатель для нашей страны в современной ВПО потому, что по количеству демографических ресурсов мы существенно уступаем странам-лидерам. «Прибавка» в 300–400 млн граждан, получивших высшее образование в КНР в последние 20 лет, означает их качественный рывок в показателях НЧК на фоне стагнации в России.

Во-вторых, реформы 1980-х и 1990-х годов, а также последующие эксперименты в области образования, привели к кризису российского образования в целом ряде областей, например, фактическому уничтожению ПТУ и отраслевых НИИ, где осуществлялась переподготовка кадров, снижению уровня общего и вузовского образования. Но эти же реформы продолжают негативно сказываться и на современном образовании, которое сокращается в масштабах и ухудшается качественно.

В-третьих, образование в целом ряде регионов страны стало отставать от уровня «среднефедерального», который и без того оказывался всё ниже и ниже. По сути дела создается массовое низкокачественное, крайне забюрократизированое, образование, ориентированное на западные стандарты, но никак им не соответствующее. Этому не противоречит тот факт, что за 2000–2018 годы расходы на образование в России, по признанию В. Путина 26 апреля 2018 года, выросли в постоянных ценах в 4 раза. Они лишь отчасти компенсировали «обвал» 1990-х годов и нерациональное использование средств.

В результате, можно сказать, Россия оказалась в ситуации, когда её образование становилось все менее и менее конкурентоспособным, продолжая соответствовать высоким требованиям в большей степени из-за тенденции инерции, заданной в советский период. Подобная ситуация, безусловно, отражается на возможностях страны обеспечивать свою военную и иную безопасность в условиях обострения ВПО и стремительного нарастания военных угроз.

Прежде всего, беспокоит качество управления Вооруженными силами России, которое, вероятно, в принципе не может быть выше качества государственного управления. А то — в свою очередь — по общему признанию, не является удовлетворительным. Это означает, что искусство управления Вооруженными Силами РФ, деградировавшее в последние десятилетия в связи с бесконечными реформами в стране, может оказаться на таком же уровне в случае конфликта, как это уже было в 1941 году, когда ни количество, ни качество ВВСТ, имевшееся в Красной Армии СССР, не помогло избежать тяжелых поражений.

Возникает известный и справедливый вопрос о нашей готовности встретить эти угрозы не только в «Час Х», который не известно когда случится, но — еще хуже — в условиях, когда этот «Час Х» фактически

наступил (хотя, в отличие от 1941 года, никто формально войны и не объявлял). В этой связи приведу конкретный пример. Полезно обратиться к тому опыту, который у нас уже имеется, — опыту начала Второй Мировой войны.

Известно (хотя и не афишируется), что главное причиной неудачи в начальный период Второй мировой войны РККА было низкое качество человеческого капитала как в военном руководстве, так и в войсках и в оборонном комплексе. Это крайне негативно сказалось на боеспособности Вооруженных Сил СССР и оборонной промышленности. Приведем примеры специалистов, которые многое объяснят. Так, А. Кравченко, изучивший досконально по военным архивам положение в танковых войсках РККА накануне войны, пишет: «Начнем с боеприпасов. Опять же, всем известно, что пушка Ф-34, стоявшая на танке Т-34, была самым мощным танковым орудием, ставившемся на серийные танки в 1941 году (пушка ЗиС-5 для танков КВ-1 имела идентичную характеристику и одинаковый боеприпас), и поражала практически любой немецкий танк с любой дистанции действительного огня. Еще раз повторюсь — это всем известно. Но танки противника ведь не разбегаются в панике, едва завидев силуэт Т-34! В немецкие танки — кто бы мог подумать — надо стрелять! А вот тут начинается новый ряд проблем. Так, в ведомости по в/ч 9090 от 30 апреля 1941 года в графе «76-мм бронебойно-трассирующий» стоит жирный нуль. Положено иметь 33 084 выстрела, недостает 33 084 выстрела, процент обеспеченности — нуль! А знаете, что это за в/ч 9090 такая? Это, ни много ни мало, 6-й мехкорпус ЗапОВО под командованием генерал-майора М. Хацкилевича — самый мощный механизированный корпус в Западном военном округе и один из самых укомплектованных в РККА. Так вот, самый мощный и укомплектованных мехкорпус ЗАпОВО на 22 июня 1941 года имел 238 танков Т-34, 113 танков КВ и… ни одного бронебойного снаряда к ним!»[60]. Иными словами, стрелять нашим танкам было просто нечем. Тех самых прекрасных боеприпасов, может быть, лучших в мире, просто не было в наличии.

Ту же ситуацию, — продолжает А. Кравченко, — можно увидеть не только в 6-м МК, но и, например, в 3-м МК ПрибОВО: на 25 апреля танков КВ — 51, танков Т-34 — 50, положено по штату 17 948 бронебойных 76-мм снарядов, имеется в наличии — 0. Еще раз повторю — нуль,

зеро, ничего, пустышка. А как обстоят дела с обеспеченностью 76-мм снарядами в самом укомплектованном новыми типами танков механизированном корпусе Красной Армии: в 4-м механизированном корпусе КОВО? наверное уж там-то они есть!

Нет, нету их и там: имеется в наличии (на 1 мая 1941 г.): танков КВ — 72, танков Т-34 — 242. Положено иметь к 76-мм танковым орудиям 66 964 артвыстрела, из них имеется в наличии… вы уже догадались… нуль! А может другие снаряды есть? Скажем, бронебойно-трассирующих или хотя бы осколочно-фугасных? Нет. Их тоже — нуль»[61].

Согласно справке Главного артиллерийского управления РККА составленной за 20 дней до начала Великой Отечественной войны обстановка с 76-мм бронебойными снарядами была плачевной: табл. 3.5.

Более того, около 100 тысяч выпущенных промышленностью корпусов снарядов калибра 76-мм к марту 1941 года так и не были снаряжены.

Ситуация с 76-мм бронебойными снарядами была настоящей катастрофой. В ней, как в зеркале отражались общие проблемы военно-промышленного комплекса СССР. До начала 30-х годов XX века о производстве специальных бронебойных боеприпасов для орудий калибра 76-мм речи вообще не велось, ибо практически все танки того периода имели противопульное бронирование с которым вполне справлялся, например, шрапнельный снаряд калибра 76-мм поставленный «на удар». Советская военная промышленность не сумела вовремя среагировать на очередной виток технологической гонки — появление первого поколения танков с противоснарядным бронированием. Ситуация усугублялась еще и худшим качеством советских боеприпасов, по сравнению с германскими боеприпасами сопоставимого калибра (75 мм).

Но ситуация с человеческим капиталом была еще более катастрофическая, чем с боеприпасами. А. Кравченко пишет: «В СССР был страшный кадровый голод. Наша страна просто не имела достаточного количества квалифицированных специалистов. В результате СССР не мог обеспечить линию производства бронебойных снарядов тремя (токарь, сварщик, штамповщик) специалистами высокой квалификации, как это сделали немцы. В СССР такие люди были наперечет, их распределяли по заводам „поштучно“. Да, советский бронебойный снаряд был проще, технологичнее, дешевле, и его делал один лишь токарь. Но по

Таблица 3.5. Справка о ходе выполнения заказов на изготовление 76-мм бронебойных снарядов за 1936–1940 гг.

(составлена 3 июня 1941 г.)

Год	Заказ	Выполнение	Примечание
1936	30 000	13 700	—
1937	50 000	15 900	—
1938	100 000	13 800	—
1939	200 000	3300	—
1940	150 000	28 000	—
1941	400 000*	на 02.06.41: 118000	* Без доп. заказа
ИТОГО	**930 000**	**192 700**	—

качеству он уступал аналогичному 75-мм немецкому снаряду. Во что это вылилось? С одной стороны в дополнительные жертвы наших солдат, танкистов. С другой стороны — никто не поспорит, что лучше иметь 15–20 снарядов ухудшенного качества, чем иметь один „золотой“ — это вам каждый артиллерист скажет»[62].

Но практически с такой же ситуацией мы сталкиваемся сегодня в российском ОПК, который с огромными трудностями ликвидирует провалы в профессиональном образовании 1980-х и 1990-х годов. Известно, например, что до 80% современных рабочих на предприятиях ОПК, использующих новейшее оборудование (производительность которого, кстати, в 7–25 раз выше), требует высшего образования и специальной переподготовки. Именно поэтому на всех предприятиях ОПК стали создаваться образовательно-научные центры, заключаться договора с институтами и даже школами на подготовку специалистов, как это делается, например, на Концерне ВКО «Алмаз-Антей».

Но требуется время. И не один год. И деньги, чтобы решить проблему, называемую руководителями ОПК «Проблемой №1».

Ещё хуже ситуация с качеством человеческого капитала в современных войсках, которая напоминает ситуацию, бывшую была в войсках Красной Армии в 1941 году. А. Кравченко пишет: «Начнем с весьма болезненной темы — общеобразовательного уровня солдат и командиров РККА в предвоенных танковых войсках. Сразу оговорюсь: за более чем 20 лет советской власти ситуация с образованием в России/СССР из-

менилась разительно. Так, в 1914 году 61% рядового состава Русской армии был неграмотен, накануне начала ВОВ этот показатель колебался в различных частях от 0,3 до 3%. Однако у противника и в 1914 году процент неграмотных составлял 0,4%, а к 1941 году эта величина в вермахте стремилась к нулю — **98% процентов солдат германской армии имели законченное среднее образование.**

Несмотря на титанические усилия СССР по повышению образовательного уровня населения догнать Германию по этому показателю к 1941 году мы так и не смогли. Из сохранившихся советских документов той поры перед нами предстанет довольно безрадостная картина. Возьмем для примера уже упоминавшийся 6-й МК. Напомню, это один из самых сильных и укомплектованных в РККА. В 7-й ТД этого корпуса из 1180 человек начсостава образование от 1 до 6 классов имели 484 человека, от 6 до 9 классов — 528 человек, среднее — 148 и высшее — всего 20 человек. Из 19 809 младших командиров и рядовых 6-го МК от 1 до 6 классов окончили 11 942 человека, от 7 до 9 — 5652, среднее образование имели 1979 человек, а высшее — 236.

В механизированных корпусах второй волны формирования дела обстояли еще хуже. Например, в 31-й танковой дивизии 13-го МК с рядовым составом дело обстояло так: табл. 3.6.

Интересно было бы узнать о качестве современных призывников, но я почему-то уверен, что оно значительно хуже советского качества,

Таблица 3.6.

«Неграмотных		—	30
1	класс	—	143
2	класса	—	425
3	класса	—	529
4	класса	—	1528
5	классов	—	682
6	классов	—	464
7	классов	—	777
8	классов	—	167
9	классов	—	116
среднее		—	320
высшее		—	20»

Таблица 3.7. Плотность населения некоторых государств мира[63]

Страна	Человек на квадратный метр
Великобритания	255
Германия	230
Италия	193
Франция	118
Турция	100
Украина	75
США	32
Европейская часть России	27
Бразилия	23,3
Финляндия	16
Россия	8,4
Казахстан	6,3
Канада	3,5
Австралия	2,8
Азиатская часть России	1,9

когда фактически обязательным было среднее образование (хотя даже в самых «грамотных» артиллерийских частях было немало людей с начальным образованием). Общее снижение качества НЧК в России усугубляется депопуляцией целых регионов России, которые и без этого процесса выглядят обезлюденными. Принципиально важно, чтобы изменить положение с численностью населения в отдельных регионах России, которое потребует специальных мер. Важно отметить, что во многом именно эта геополитическая обстановка формирует и ВПО вокруг России, которая в настоящее время характеризуется следующим образом, исходя из «обитаемости» регионов.

На протяжении последних трех столетий Россия была главным динамическим ядром Евразии и центром притяжения для соседей. Россия одной из первых принесла плоды европейской культуры на Кавказ, в Центральную Азию и на Дальний Восток. Однако будущее евразийского пространства в XXI веке будет определяться не одной Россией, которая будет вынуждена конкурировать с Китаем, ЕС, США, Турцией и Ираном.

Главным вызовом **в этой борьбе для России станет ее демография**[64]. Как бы успешно ни развивались экономика и технологии, все будет тщетно, если страна продолжит терять население. Именно поэтому система оценки эффективности деятельности глав российских регионов включает демографический критерий как один из главных.

Согласно демографическому прогнозу Росстата на 2020 год, в стране может реализоваться один из трех сценариев: «низкий» — сокращение населения до 141 736 100 человек, «средний» — небольшой рост до 144 473 400 человек и «высокий» — рост до 146 939 400 человек. С учетом воссоединения Крыма с Россией и при условии закрепления повышательной демографической тенденции может оправдаться и быть превышен «высокий» прогноз. Однако этого мало — для успешного и стабильного развития России необходимо **минимум в два раза больше населения**. Постепенное решение этой задачи возможно при возобновлении ежегодного прироста населения в 0,5–1%. Нынешний показатель держится на уровне 0,2%. И меры В. Путина, принятые в конце 2017 года, явно недостаточны.

Таблица 3.8. Численность и ежегодный прирост населения некоторых стран мира[65]

Страна	Численность населения	Ежегодный прирост в 2013 г.
Китай	1 330 141 295	0,5
Индия	1 173 108 018	1,2
США	310 232 863	0,7
Индонезия	242 968 342	1,2
Бразилия	201 103 330	0,9
Россия	146 300 000	0,2
Япония	126 804 433	–0,2
Германия	82 282 988	0,2
Турция	77 804 122	1,3
Иран	76 923 300	1,3
Франция	64 768 389	0,5
Великобритания	62 348 447	0,6
Италия	58 090 681	0,5
Украина	45 415 596	–0,2

На фоне быстрого роста населения главных центров силы — Китая, США и Индии, а также таких новых центров силы, где население в последние десятилетия выросло в несколько раз (Турция, Иран, Пакистан, др. государства), более чем скромный прирост, который отнюдь не гарантирован России до 2025 года, означает на самом деле её депопуляцию и ситуацию, когда целые регионы остаются без населения, но в окружении многолюдных соседей.

Если же к этому добавить проблемы качества населения, его профессиональной подготовки и мобилизационной готовности, то оказывается, что ухудшение ВПО в мире никак не отражается на политике власти в этих вопросах. Странным образом, но мы почему-то отказываемся учитывать опыт таких стран как Израиль и Швейцария, где фактически все граждане могут и должны принимать участие в обороне страны в случае необходимости отражения агрессии. И отнюдь не формально, а с учетом полноценной подготовки и переподготовки, которая проводится регулярно среди населения страны.

3.8. Душевой доход как фактор безопасности России

…антидемократическая волна не способна приобрести критические масштабы в условиях стратегического превосходства носителей идей демократии, правового государства и личных свобод в экономической, финансовой, военной и интеллектуальной мощи[66]

Эксперты ИМЭМО РАН

«Антидемократическая волна» в понимании некоторых ученых РАН означает политику России защитить свои национальные интересы и ценности в условиях военно-силового давления западной ЛЧЦ, которые привели к фактическому состоянию войны еще в 2015 году[67]. Эта волна связывается непосредственно с падением доходов населения и снижением общего уровня жизни в 2014–2017 годы, что в условиях усиления силового противоборства с Западом в эти годы неизбежно связывается с необходимостью изменить внутриполитический и внешнеполитический курс правящей элиты во главе с В. Путиным последнего десятилетия.

Объем и динамика душевого дохода являются очень важными политическими, социальными и даже военными показателями национальной безопасности, хотя, как правило, они сводятся только к оценке материального благополучия граждан. Причем, с точки зрения безопасности России до 2025 года, значение этого показателя будет только увеличиваться. Это связано с резким увеличением значения человеческого капитала (НЧК) и его институтов в социально-экономической и военно-политической деятельности государств. Так, качество НЧК в настоящее время определяет как уровень развития ОПК, так и качество управления Вооруженными силами и вооружениями России. Поэтому выбор между «маслом» и «пушками», о котором говорят либералы, на самом деле не существует: безопасность нации зависит как от «масла« (доходов населения) и качества НЧК, которое во многом определяется этими доходами, так и от «пушек» (его военного потенциала), которое также определяется качеством НЧК и его институтов. В определенном смысле инвестиции в НЧК (в том числе в рост доходов) ОПК и Вооруженных сил, НИОКР и военное образование становятся двигателями социально-экономического развития, а не только эффективным средством укрепления безопасности, т.е. «пушки» стимулируют рост «масла».

Пока что во внутренней политике и экономике нередко душевой доход рассматривается только в качестве важного макроэкономического показателя, иллюстрирующего социально-экономический уровень развития, хотя с точки зрения обеспечения безопасности России он имеет три важнейшие функции. Причем все они связаны с функциями развития национального человеческого капитала (НЧК)[68], где душевой доход выступает в качестве важнейшего из трех составляющих критериев:

Во-первых, высокие темпы роста душевого дохода свидетельствуют об эффективности государственного управления, степени удовлетворения населением политикой власти, и в конечном счете выступают важнейшим фактором сохранения внутриполитической стабильности в стране, которая, в свою очередь, является главным объектом силового внешнего воздействия. Зависимость почти прямая — чем выше душевой доход и темпы его роста, тем стабильнее внутриполитическая ситуация и тем труднее её дестабилизировать извне. Так, наиболее высокие душевые доходы в конце второго десятилетия нашего века сохраняются

в наиболее стабильных с внутриполитической точки зрения страх — Норвегии, Швеции, Финляндии, Швейцарии, Люксембурге и т.д.

Соответственно, дестабилизировать внутриполитическую ситуацию извне в этих странах очень трудно. Как минимум, такая область как социально-экономическая, для дестабилизации становится практически бесперспективной. И не только из-за высокого уровня жизни населения, но и из-за их понимания того, что этот уровень существенно выше, чем в других странах. Трудно убедить жителей Люксембурга и Швейцарии, где душевой доход порядка 100 000 долларов, что они живут в более сложных условиях, чем их соседи по континенту, где душевой доход менее 30 000 долларов.

Во-вторых, душевой доход свидетельствует, как правило, о материальном состоянии творческого класса, в т.ч. и этого класса в России — основного социального слоя, от которого в решающей степени зависит социально-экономическое развитие и безопасность страны. Только граждане, обеспеченные достаточно высоким уровнем благосостояния, способны в массовом порядке развивать свои интеллектуальные и творческие способности, создающие до 90% прироста национального богатства современного государства. Но эти же граждане способны создавать наукоемкую, в том числе военную, продукцию на предприятиях ОПК и быть качественным потенциалом личного состава Вооруженных сил, эффективно использовать современные ВВСТ[69].

Причем величина и возможности творческого класса в стране — критически важный показатель, характеризующий её способность к самостоятельному научному, технологическому и культурному развитию. Если этот слой быстро развивается, то быстро развивается и наука, и культура, и, конечно же, технологии. В конечном счете до 90% прироста ВВП в развитых странах обеспечивается деятельностью творческого класса. И, наоборот, если он сокращается (самоуничтожается, эмигрирует, не развивается), то это означает, что нация потеряла способность к самостоятельному развитию и попала под внешнюю зависимость, которая более опасна для неё чем оккупация.

В-третьих, величина душевого дохода косвенно, но существенно, влияет на формирование эффективных государственных и общественных институтов НЧК, имеющих для ОПК и ВС России важнейшее зна-

чение: если национальные институты (КБ, предприятия, организации и т.д.) способны вести самостоятельную работу в области фундаментальных наук и НИОКР, а также развивать военное искусство и способности использовать новейшие ВВСТ, то нация может рассчитывать на самостоятельную и суверенную политику.

В конечном счете главным показателем «государственного здоровья» станет поступательный рост ВВП на душу населения, а также другие критерии, характеризующие материальные и иные условия существования человека (доступ к информации, общению, культурным и научным связям и т.п.). Движение в этом направлении в России в целом существует, но гораздо менее динамичное, чем в развитых странах. Так, только в 2015 году, например, Россия впервые в своей истории вышла на рекомендуемую медицинскую норму потребления мяса (75 килограмм в год на человека). Причем этот показатель — «валовой», не характеризующий структуру потребления и регионы, а также общую доступность.

Важность этого и других подобных бытовых показателей нельзя недооценивать, но и абсолютизировать их бессмысленно. В каждой стране есть свои нормы, привычки и традиции потребления, по которым можно судить о доле относительно благополучных в материальном отношении граждан. Так, в 2017 году считалось, что в России доля бедных достигла 30% населения, но при этом не учитывалось, что более 70% граждан могли позволить себе расходы только на питание, т.е. они не покупали товары длительного пользования, не тратили на образование, отдых, туризм и пр. На мой взгляд, это — наиболее реальный показатель действительно обоснованных социальных границ населения России, где 70% живут в бедности и нищете. Они объективно не могут ни учиться, ни работать над повышением своего культурного уровня, ни творчески трудиться, ни многое другое. По этому показателю более 70% нации исключается из рядов потенциального «творческого» класса.

Учитывая, что количественно демографический потенциал России относительно США и других стран сокращается, такое наложение социального неблагополучия ставит Россию в заведомо невыгодные условия с точки зрения обороны, безопасности и перспектив развития. Тем более на фоне потенциального противника — США. Для исправления ситуации требуется, чтобы резко выросло качество НЧК в нашей стра-

Таблица 3.9. Показатели ВВП на душу населения некоторых стран мира

Страна	ВВП на душу населения, долл. США	Динамика ВВП в 2014 г., %
США	54678	2,2
Германия	47201	1,4
Франция	45384	0,4
Великобритания	44141	3,2
Япония	37540	0,9
Италия	35512	–0,2
Россия	14612	0,2
Польша	14329	3,2

не и расширилась численность этого творческого класса, компенсируя количественные демографические показатели[70].

Непрерывный рост ВВП на душу населения в США с 1880-х годов позволил сложиться в стране образцово зажиточному обществу, пример которого лежит в основе американской «мягкой силы». Российский ВВП на душу населения в 2014 году (14612 долл.) был выше показателей всех стран бывшего СССР, а также многих стран Центральной и Восточной Европы, включая Польшу и Венгрию, но существенно ниже показателей развитых стран, разница с которыми за эти 4 года только выросла. До 2020 года целью являлось восстановление темпов роста ВВП на уровне выше 3% и достижение уровня в 20000 долларов на душу человека, а в перспективе — достижение показателей Италии, т.е. порядка 35 тыс. долл. в год. Однако этого не произошло — кризис и стагнация 2014–2017 годов усугубили ситуацию. Как видно из данных, приводимых ниже (табл. 3.9), с 2014 года темпы роста душевого ВВП в России существенно отставали от тех стран, где абсолютный показатель был существенно выше. Это означает, не только негативное экономическое последствие, но и существенное внутриполитическое поражение В. Путина.

Таким образом главной стратегической задачей внутренней и экономической политики России до 2025 года станет возобновление высоких темпов экономического роста, как минимум, — от 3% до 5% годовых, которые могут гарантировать темпы роста и душевого дохода.

Радикальное отставание в душевом доходе граждан России требуется компенсировать очень быстрыми темпами и очень высокой динамикой, которая бы чувствовалась буквально ежегодно. Необходимость этого очень хорошо осознается в общественном сознании страны. Не случайно, что и в настоящее время часто повторяется аргумент в пользу политики И. Сталина, когда ежегодно цены на продукты питания снижались один-два раза публично в период 1945–1952 годов. Это вне сомнений влияло на внутриполитическую стабильность в СССР и качество жизни граждан буквально ежемесячно.

К сожалению, в настоящее время мы наблюдаем обратную динамику — рост цен, инфляцию и снижение уровня жизни. При том понимании, что это не «абстрактные макроэкономические показатели», в совершенно конкретные политические цели, имеющие в условиях осложнения ВПО и существенное военное значение. Причем логика развития должна быть следующая: рис. 3.12[71].

Основной вывод: национальные (в т.ч. бюджетные) ресурсы, затраченные на повышение НЧК с помощью увеличения душевого дохода граждан, — эффективные инвестиции в развитие и безопасность страны, улучшение военно-политических условий для России.

Дополнительный вывод:

1) необходимы специальные меры по инвестициям в НЧК творческих социальных слоев и групп (ученых, инженеров, военнослужащих и др. категорий), которые необходимо рассматривать не в качестве мер социальной защиты, а в качестве инвестиций в национальную безопасность;
2) необходимы дополнительные инвестиции в институты развития НЧК (университеты, школы, курсы и пр.), а также общественные и политические патриотические организации. Эти меры идеологического, организационного и политического порядка могут повлиять на темпы роста материальных возможностей и экономического потенциала нации. Так, как в свое время, в СССР, а позже в Японии, Германии, Корее и других странах.

К сожалению, наблюдается противоположный по своей логике процесс. В 2014 году власти в очередной раз изложили новую либеральную экономическую программу, нацеленную на поощрение ма-

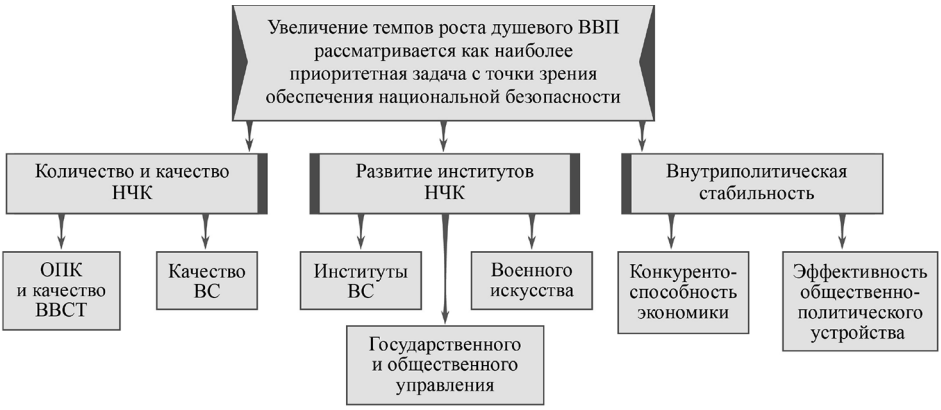


Рис. 3.12. Зависимость темпов роста качества НЧК и безопасности России

лого и среднего бизнеса, которая в очередной раз провалилась. Хуже этого, в период 2014–2017 годов социально-экономическое положение скатилось к кризису. Считалось, что в случае успеха этой программы, к 2025 году вклад малых и средних предприятий в ВВП страны достигнет 50% (в 2014 году их доля была 20%). Это позволило бы решить важную государственную задачу — создание самодостаточной экономической модели с долей экспорта в ВВП ниже 20% (нынешний уровень — 28,5%). Это избавило бы экономику от чрезмерной зависимости от цен на энергоресурсы. Но и этого не произошло: в эти годы изменение структуры экономики России происходило еще более медленными темпами.

В арсенале властей остаются важные неиспользованные инструменты. Помимо либеральной экономической политики и дирижизма по отдельным вопросам, Москва до сих пор не распаковала важный, но опасный ресурс развития — общественный энтузиазм[72]. Она так и не провела сколько-нибудь заметной политики идеологической и экономической модернизации под флагом мобилизации нации перед нарастающей внешней угрозой. Некоторые заявления (например, В. Путина о сохранении возможностей для расширения производства предприятиями ОПК) последовали лишь осенью 2017 года в весьма аккуратно-нейтральной форме, обращенные к определенным кругам, а не всей нации, что делает их не более чем «очередным сигналом» некоторым представителям правящей элиты, в частности, руководителям ОПК,

обеспокоенным тем, что развернутое ими серийное производство предстоит свертывать в 2018 году из-за недофинансирования ГОЗ.

На фоне стагнации и даже снижения доходов населения, перехода стагнации в депрессию, в 2014–2017 годах стремительно растет социальное неравенство. За 2017 год число запросов на покупку недвижимости в Лондоне вырос на 30% по сравнению с годом предыдущим, свидетельствуют данные консалтинговой компании Knight Frank. Сейчас самым популярным запросом является жилье «для себя, семьи или детей» с бюджетом в 1,5–5 млн фунтов (100–365 млн рублей). Таких запросов в 2017 году было почти 60%. Состоятельные россияне предпочитают центральные районе города — Челси, Вестминстер, Кенсингтон, Мейфейр, а также статусный Ричмонд и Хэмпстед, где можно найти интересные новостройки. В основном, объекты представляют собой элитные малоквартирные дома, расположенные возле парков и зеленых зон. Также россияне жалуют (30% запросов) инвестиционные проекты в жилую и коммерческую недвижимость. Здесь больший интерес привлекают апартаменты, помещения в стрит-ритейле на центральных улицах города и готовый бизнес[73]. Это свидетельствует о том, что в Лондон переезжают те, кто занят в творческо-креативном бизнесе, а также научно-образовательной деятельности, либо готов инвестировать в эти области.

Конечно на элиту не повлиял экономический кризис, в результате которого уровень большей части населения рухнул к отметкам 2007 года: если в среднемассовом сегменте (20–40 тысяч рублей в месяц) доходы упали на 17,5% за два года, то у богатейшей прослойки они выросли — на 9,6%. По данным «Forbes», за 2016 год состояние богатейших россиян увеличилось на 104 млрд долларов, или 5,7 трлн рублей. При этом остальное население обеднело практически на ту же сумму.

Остается острой и нерешенной проблема пенсионного обеспечения, к которой предлагает в последнее время вновь вернуться А. Кудрин с целью повышения пенсионного возраста. Между тем сравнение с ведущими зарубежными странами остается уже сегодня категорически не в пользу России. В США, например, средняя пенсия — более 1500 долларов, во Франции — более 1800, в Израиле — почти 2000, а в России — 200–250. Этот политический вопрос предстоит решать власти

достаточно быстро потому, что не только выборы 2018 года, но и вся внутриполитическая стабильность в России, как известно, во многом определяются отношением старшего, наиболее активного, поколения в крупных городах.

---

[1] *Орлов А.* Перспективы развития тактики и оперативного искусства форм и способов вооруженной борьбы по опыту минувших войн / ЦСОП, 2016. 8 ноября / http://csef.ru/

[2] *Фролов А.Л.* Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике, 2016. Январь–февраль. — №1. — С. 45.

[3] *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 279–280.

[4] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[5] О значении и влиянии китайской ЛЧЦ см., например: *Галенович Ю.М.* — М., — СПб., «Русская панорама». — С. 1171–1173.

[6] *Чижевский Я.А.* Будущие войны: асимметричный конфликт/ В кн.: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография/ под ред. А.И. Подберёзкин, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет. — С. 842.

[7] *Подберёзкин А.И.* Военная сила и политика новой публичной дипломатии США / Обозреватель, 2016. Декабрь. — №12. — С. 21.

[8] *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[9] *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 601–603.

[10] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[11] *Подберёзкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 23–156.

[12] См., например: *Подберёзкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 27–91.

[13] Новости / ИТАР-ТАСС, 19 апреля 2017 г.

[14] *Подберёзкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[15] *Фролов А.Л.* Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике, 2016. Январь–февраль. — №1. — С. 44.

[16] *Подберёзкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 325 с.

[17] См. подробнее: *Подберёзкин А.И. Боришполец К.П., Подберёзкина О.А.* Евразия и Россия. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 515.

[18] См., например: *Подберёзкин А. И., Родионов О. Е., Харкевич М. В.* Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии. — М.: МГИМО–Университет, аналитич. доклад, 2016. Декабрь. — С. 93–104.

[19] *Подберёзкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 129–142.

[20] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберёзкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — 86 с.

[21] *Яковец Ю. В., Растворцев Е. Е.* О системе целей и стратегий устойчивого развития Евразийского экономического союза / Экономические Стратегии, 2016. — №7. — С. 10.

[22] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[23] *Путин В. В*. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[24] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — Т. 3. — М.: МГИМО–Университет, 2011.

[25] *Фролов А. Л.* Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике, 2016. Январь–февраль. — №1. — С. 45.

[26] *Подберёзкин А. И. Боришполец К. П., Подберёзкина О. А*. Евразия и Россия. — М.: МГИМО–Университет, 2014. Январь.

[27] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — Т. 2. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

[28] *Яковец Ю. В., Растворцев Е. Е.* О системе целей и стратегий устойчивого развития Евразийского экономического союза / Экономические Стратегии, 2016. — №7. — С. 11.

[29] *Подберёзкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 434–451.

[30] Цит. по: *Никонов В. А.* Молотов: наше дело правое. — М.: Молодая гвардия. Книга первая, 2016. — С. 248.

[31] *Подберёзкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 455–561.

[32] *Попов И. М*. Оценка военно-политической обстановки: диалектика войны и мира / Международная научная конференция «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений в интересах национальной безопасности России (Москва, сентябрь 2016 года): сб.докладов / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 32.

[33] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 29–92; 307–350.

[34] *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[35] *Scheffran J.* The Climate-Nuclear Nexus / World Future Council. — Hamburg, 2016. — P. 6 / http://worldfuturecouncil.org

[36] Нерусский мир: Казахстан меняет «большого брата» / Эл. ресурс: Камертон. 2018, 25 марта /webkamerton.ru. 2018/03/

[37] См. подробнее: *Подберёзкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 455–561.

[38] *Линник С.* http://russian.china.org.cn/, http://www.globalsecurity.org, http://www.globalmil.com, www.ausairpower.net

[39] Там же.

[40] Там же.

[41] Масштабные перевооружения в России / *РИА новости*, 28.11.2017.

[42] Цит. по: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. III. — С.578.

[43] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Роль идеологии в модернизации России. — Т. 1. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — С. 4, 456–463.

[44] Moshe Schwartz, John F. Sargent Jr., Gabriel M. Nelson. Defense Acquisitions: How and Where DOD Spends and Reports Its Contracting Dollars. December 20, 2016. — P. 10 / https://fas.org/sgp/crs/natsec/R44010.pdf

[45] Там же.

[46] Там же.

[47] Разведывательный совет США о глобальном экономическом развитии / РИСИ / https://riss.ru/analitycs/3646/

[48] См. подробнее: раздел « Прогноз развития военной организации «российского ядра» локальной человеческой цивилизации» / Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии: аналитич. доклад / А. И. Подберёзкин, О. Е. Родионов, М. В. Харкевич. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 93–96.

[49] Разведывательный совет США о глобальном экономическом развитии / РИСИ / https://riss.ru/analitycs/3646/

[50] *Подберёзкин А. И.* Долгосрочный прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями: выводы и предложения / В сб.: Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений: сборник статей / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 126–139.

[51] Разведывательный совет США о глобальном экономическом развитии / РИСИ / https://riss.ru/analitycs/3646/

[52] *Шульман Е.* Политическое будущее: высокое средневековье на новом технологическом уровне? / Эл. ресурс: «Россия 2035. 2017.04.10 / www/russia2035/works/shulman-interview

[53] Там же.

[54] Там же.

[55] *Новиков Я. В.* Выступление Генерального директора Концерна на ежегодном совещании директоров предприятий. 2017.21.07.

[56] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

[57] *Подберёзкин А. И.* Человеческий капитал. — М.: Европа, 2007, а также: *Подберёзкин А. И.* Человеческий капитал на перепутье. — М.: МГИМО–Университет, 2011 и др.

[58] См. подробнее: Бюджет (проект) РФ на 2018 год / Эл. ресурс: «ИТАР-ТАСС», 2017.30.11.

[59] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

[60] *Кравченко А.* 1941 год: Тихий ужас в танковых войсках / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2011.16.12 / www.topwar.ru

[61] Там же.

[62] Там же.

[63] Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего. — М.: Эксмо, 2015. — С. 374–375.

[64] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[65] Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего. — М.: Эксмо, 2015. — С. 376–377.

[66] Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. акад. А. А. Дынкина. — М.: Магистр, 2017. — С. 35.

[67] Об этом состоянии ВПО в мире я написал еще весной 2015 года. См.: *Подберёзкин А.* И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[68] О роли и функциях душевого дохода в НЧК см. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

[69] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — Т. 2.

[70] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 256–260.

[71] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 601–631.

[72] Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего. — М.: Эксмо, 2015. — С. 378.

[73] Элита России продолжает бегство в Лондон // РИА-Новости, 2017, 29 мая.

ЧАСТЬ II

Военно-политические тенденции в развитии России до 2025 года

Устойчивость — это основа, но не гарантия дальнейшего развития. Мы не имеем права допустить, чтобы достигнутая стабильность привела к самоуспокоенности[1]

В. Путин

Для России предстоящие два десятилетия будут периодом упрочения своих позиций в меняющемся мире…. Этот поиск будет идти на основе сочетания двух факторов — осознания собственной идентичности и понимания глобальной ответственности[2]

А. Дынкин,
академик, бывший директор ИМЭМО РАН

Анализ военно-политических тенденций[3] в развитии мира и России на перспективу до 2025 года имеет исключительно важное прикладное значение для разработки эффективной Стратегии национальной безопасности страны, включающей в себя, как известно, как стратегию социально-экономического развития, так и прогноз развития МО и ВПО в мире[4]. Эти тенденции оказывают существенное влияние, а нередко и исключительно важное воздействие, на формирование социально-экономической и бюджетной политики России, включая её политику безопасности, прежде всего в военной области, а также на военно-политическую ситуацию в Евразии и в мире. Иными словами, исследование военно-политических тенденций, их прогноз на среднесрочную и долгосрочную перспективу, имеет важнейшее практическое значение, которое усиливается по мере нарастания конфронтации в ВПО в мире. И особенное значение их анализ и прогноз до 2025 года имеет для России в современный период потому, что он совпадает по времени с тремя развивающимися и очень важными тенденциями:

— эскалацией военно-силового противостояния Запада с Россией и попытками силовыми средствами заставить изменить свою политику, отказаться от суверенитета, который с большим трудом стали возвращать после 2000 года;
— шестилетним сроком правления В.В. Путина, чьё субъективное влияние на развитие страны и её безопасность имеет исключительно важное значение;
— необходимостью, которая (хочется верить) была осознана к 2018 году значительной частью правящей элиты, изменить сценарий развития страны, которая за 17 лет «обеспечила стабильность и устойчивость»[5], но не развитие.

Задачу опережающего развития России в период до 2025 года вполне определенно осознаёт и формулирует В.В. Путин, в частности, в своём ежегодном послании ФС РФ, называя её «определяющей судьбу нашей страны». В отличие от всех предыдущих лет (когда формулировались ложные цели или вообще отказывались от таких попыток), он ясно видит и главную цель развития, а также главное средство — развитие человеческого потенциала и его институтов (о чем я много и давно писал)[6]: «Роль, позиции государства в современном мире определяют не только и не столько природные ресурсы, производственные мощности, — подчёркивает В.В. Путин, — а прежде всего люди, условия их развития, самореализации, творчества каждого человека… Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв»[7].

Вместе с тем складывается впечатление, что развитие потенциала человека рассматривается им и его окружением как своего рода исключительно затратно-инвестиционная задача, требующая привлечения новых инвестиций, масштабы которых (в т.ч. и по состоянию ВПО) ограничены. На самом деле развитие НЧК даёт не только максимальный и быстрый прирост ВВП, но инвестиции, которые быстро растут в самом НЧК. Так, не раз подсчитывалось, что человек с высшим образованием, например, не только живет в средне на 10–12 лет дольше, но и его «налоговая нагрузка» в 1,5–2 раза выше. Иными словами, НЧК — ресурс для развития, сам является инвестицией.

Вместе с тем, к сожалению, необходимо признать, что сегодня у нас, прежде всего в правящей элите, нет достаточно определенного, а тем

более даже относительно консенсусного, представления о будущем развитии МО и ВПО, особенностях развития и эффективной политики России в области безопасности[8]. Существует немало идей и концепций, в которых отражаются разные подходы к стратегии развития России и обеспечению её безопасности, в т.ч. и до 2025, и даже до 2050 года. Например, эксперт Центра Военно-политических исследований МГИМО — Концерна ВКО «Алмаз-Антей» М. Александров полагает, что принятие ряда мер позволит России существенно увеличить к этому сроку свой потенциал: «К 2025 году сценарий национальной модернизации будет находиться на довольно продвинутой стадии. И главной задачей российского руководства будет плавная и бесконфликтная передача власти новому лидеру патриотической ориентации. При этом прозападные круги будут стремиться навязать стране собственный сценарий — сценарий геополитической капитуляции. Поэтому борьба на президентских выборах 2024 года предстоит нешуточная.

По его мнению, после 2025 года принятые в экономике меры обеспечат темпы экономического роста в среднем 4% в год. Соответственно в 2025–2035 гг. ВВП России по ППС увеличится на 40% и составит 6,110 трлн долл. В рейтинге крупнейших экономик мира Россия переместится с 6-го на 5-е место. Национальный доход на душу населения по ППС также вырастет и составит $35 658 на человека. По этому показателю Россия переместится с 71-го на 55-е место в рейтинге стран мира. Россия также улучшит свои показатели по индексу человеческого развития (ИЧР) ООН и переместится по этому показателю с 45-го на 33-е место. Благодаря мерам по стимулированию рождаемости удастся стабилизировать рост населения страны. В 2035 году оно приблизится к отметке 152 млн человек[9].

Такое «мозаичное» представление о будущей ВПО и сценариях развития России формируется у правящей российской элиты под влиянием множества факторов — от субъективной трактовки публичной политики безопасности других государств, озвученной, например, Д. Трампом в его очередной Стратегии национальной безопасности США 18 декабря 2017 года (которая в разных слоях российской правящей элиты воспринимается по-разному), до осознания и восприятия собственных национальных приоритетов, которые нередко формиру-

ются заведомо неопределенно и слишком обще. Особенно негативное значение для эффективности политической стратегии России имеет сохранение у части её правящей элиты горбачевско-ельцинских внешнеполитических приоритетов и трактовок, которые очевидно выходят далеко за рамки возможных расхождений внутри тех стран, кто отвечает за подготовку и принятие политических решений.

Приведу пример: в январе 2018 года в Центре стратегических разработок, возглавляемых А. Кудриным, вышел очередной доклад группы либеральных авторов, посвященных различным аспектам мировой политики, в котором один из разделов относился к внешней политике и подходам к ограничению и сокращению вооружений. Автор этого доклада А. Арбатов, например, следующим образом описывал изменения во внешней политике России, произошедшие во втором десятилетии нового века (после возвращения В. В. Путина на должность президента страны): «Дело довершил крутой поворот мировой политики после 2012 г., когда Россия заявила о нежелании мириться с моделью неравноправных отношений с Западом и доминированием США. Поскольку российский ВВП не превышал 2% мирового, акцент был сделан на другие факторы международного статуса. В частности, был резко усилен упор на роль ядерного оружия. В своей программной статье перед выборами 2012 г. Владимир Путин подчеркивал: „Мы ни при каких условиях не откажемся от потенциала стратегического сдерживания и будем его укреплять“. Была начата грандиозная программа перевооружения ядерных сил (включая развертывание 400 баллистических ракет). После 2010 г. контроль над вооружениями становился в России непопулярной темой, а прежние соглашения все чаще объявлялись, чуть ли не „национальным предательством“. С 2013 г. разразился украинский кризис, в 2014 г. произошло присоединение Крыма к России, и началась война в Донбассе. В 2015 г. Москва предприняла большую военную операцию в Сирии»[10].

Иными словами, по-Арбатову то, что произошло в мировых отношениях в новом веке, стало **следствием** «нежелания России мириться с моделью неравноправных отношений с США», «её нежелания отказаться от ядерного оружия», позицией по Украине, Крыму и на Донбассе, а также в Сирии…

Такой подход — диаметрально противоположен не только официальной внешнеполитической линии и реалиям, но и здравому смыслу, логике, потому, что фактически (не говоря об этом прямо) требует от России капитуляции. По аналогии с периодом горбачёвско-ельцинской внешней политики, но он — надо признать — существует. И не только в либеральных кругах антипутинской оппозиции, но и в достаточно широких кругах, которые близки или даже входят во власть. Во всяком случае — близки к власти. Достаточно сказать, что авторы доклада ЦСР — сами часть правящего истэблишмента, активно участвующие в реальной политике, а сторонники таких идей прочно оккупировали позиции в ряде институтов РАН.

Подобная «разноголосица» среди представителей элиты в России ведет к путанице не только в представлениях, высказываемых в СМИ, но и в реальной политике, и в нормативных документах. Так, как, например, в известном Указе Президента Российской Федерации «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», где (в отличие от американской Стратегии национальной безопасности Д. Трампа, в которой ясно формулирующей четыре приоритета — обеспечение безопасности нации, рост её благополучия, усиление влияния и защита национальных интересов с помощью силы)[11], — слишком абстрактно повторяется традиционный и банально-справедливый тезис о «содействии созданию благоприятных внешних условий для долгосрочного развития Российской Федерации…»[12]. Надо признать, что эта общеизвестная и банальная истина, бесконечно повторяемая со времен программы КПСС, мало что дает практически потому, что её смысл очевиден и не оспариваем.

Мало помогают этому и многочисленные последние решения исполнительной власти в России в отношении определения инструментов оценки различных показателей (которые приобрели характер не контролируемой эпидемии у чиновников), в частности, целевых 41 показателей, определенных Указами Президента РФ от 7 мая 2012 года и Перечня критериев и показателей национальной безопасности (17 критериев и 83 показателя), утвержденных Указом Президента РФ от 12 мая 2009 года №536. Хотя бы потому, что все они ссылаются на Стратегию национальной безопасности России до 2020 году, уже замененную 31 декабря 2015 года на новую редакцию[13].

Такая неясность создает двусмысленность в толковании основных наших национальных приоритетов, что отчетливо проявляется в ходе политических дискуссий по самым разным поводам, а также в политических выступлениях и научных публикациях. Причем не только представителей разных политико-идеологических лагерей, но и разных частей одной и той же правящей элиты. Приведу в этой связи два примера. Первый пример связан с оценкой и прогнозом политики России до 2035 года, сделанным экспертами ИМЭМО, суть которого коротко сформулировал А. Дынкин, а я процитировал в преамбуле в самом начале работы.

Как часто бывает в анализе, а тем более прогнозе сотрудников ИМЭМО, определенность тщательно скрывается за внешне обтекаемыми фразами, которые только затуманивают действительность. Из приведенной выше цитаты А. Дынкина, например, ясно, что:

— позиции России в ближайшие 20 лет будут «упрочатся» (при этом ни слова не говорится о том, кто и как этому активно препятствует);
— «этот поиск» путей России (какой?), видимо, «упрочение», будет происходить на основе процесса самоидентификации (с чем трудно не согласиться), но с учётом процессов глобализации (что также верно);
— который (этот поиск) — и это главное — крайне беспокоит А. Дынкина потому, что он «минимизирует влияние экономических» (и пр. либеральных, факторов), угрожая созданием некой «автаритарной» модели.

Предисловие руководителя авторского коллектива ИМЭМО широко разрекламированного прогноза развития России до 2035 года говорит о многом, но, прежде всего, не об анализе и прогнозе, а об опасении либеральных исследователей, составлявших в свое время «штаб яковлевской перестройки в СССР», что в условиях откровенной внешней агрессии (опасность которой странным образом они упорно не замечают) Россия выберет «не ту» стратегию развития, а именно — национально ориентированную, «минимизирующую» влияние внешних факторов (т.е. политики «силового принуждения» Запада)[14]. При этом, повторю, странным образом (но явно не случайно) полностью исключается не только откровенно негативное влияние внешнего, прежде всего, воен-

но-политического фактора на будущее развитие России (политики «силового принуждения» Запада), но и проявляется упорное беспокойство по поводу учета только финансово-экономических факторов внешнего влияния.

Именно поэтому в первую очередь огромное практическое значение приобретают существующие немногие попытки долгосрочного прогнозирования, которые ложатся в основу стратегического планирования будущего России, включая и опыты автора[15]. При этом важно подчеркнуть значение в таких долгосрочных прогнозах влияния именно внешних военно-политических факторов, создающих, к сожалению, исключительно неблагоприятную ВПО для развития России (что полностью расходится с оценками А. Дынкина и целого ряда других авторов), а не традиционного метода, основанного на «угадывании цен на энергоносители» и предполагаемые темпы мирового роста ВВП, прогнозируемые мировыми институтами.

Другой, обратный пример, дается в специализированном ресурсе, отражающем подход ряда военных экспертов России, на сайте «Военсервис»[16], — одном из немногих источников, к сожалению, которые рассматривают эти проблемы[17]. В частности, там говорится следующее(даю в сокращении): «Мировая военно-политическая обстановка сегодня характеризуется сочетанием двух основных тенденций: с одной стороны, стремлением большинства государств мира сформировать демократичную, более справедливую систему международных экономических и политических отношений. С другой — расширением практики применения вооруженной силы на основании национальных решений и вне мандата ООН. Подтверждение — несанкционированные Советом Безопасности ООН войны против Югославии и Ирака»[18].

Вряд ли можно согласиться и с этими оценками. Так, «Стремление большинства государств мира сформировать демократическую обстановку» — не является и никогда **не являлось основой** для формирования политики ни одного из субъектов МО или ВПО (разве, что в декларациях Запада). Это утверждение — благоглупость, кочующая из одного выступления в другое со времён М. Горбачева. Государства борются, как минимум, за выживание, сохранение идентичности, суверенитета, а когда это еще и возможно — за продвижение своих интересов

и ценностей, сохранение или улучшения условий существования, а не за «демократические институты», борьба за которые в последние годы ведет только к войнам[19].

Более того, все революции — апогей авторитаризма, о чем писал еще Ф. Энгельс: «Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие»[20]. Эта мысль Ф. Энгельса имеет важнейшее значение сегодня в силу двух обстоятельств:

Первое. Революционные изменения «под флагом» укрепления демократии в тех странах, где США и их союзники хотят дестабилизировать внутриполитическую обстановку — от СССР, Югославии, Ливии, Ирака, Афганистана, Сирии и т.д. — неизбежно будут вести к утверждению прозападных авторитарных режимов, которые смогут после таких революций удерживать власть. Очень яркий пример — Украина.

Второе. Такие революции — политический результат использования террористических и экстремистских действий отдельными субъектами и акторами ВПО, создаваемыми и поддерживаемыми западной военно-политической коалицией. Это означает, что террор и экстремизм НПО и других субъектов ВПО становится не просто следствием и нормой, а наиболее часто используемым практическим средством политики[21].

Возвращаясь к работе военных экспертов, можно даже согласиться с этими, слишком абстрактными характеристиками, если бы дальше авторы не писали следующее: «Современную военно-политическую ситуацию в мире можно охарактеризовать следующими основными тенденциями.

Во-первых, на первый план в глобальной системе военно-политических отношений выходит противодействие новым вызовам, стимулированным процессами глобализации. Со всеми этими проявлениями невозможно эффективно бороться в рамках отдельных государств. Поэтому в мире повышается важность международного сотрудничества силовых структур, включая спецслужбы и вооруженные силы»[22].

Не думаю, что международное сотрудничество становится ведущей военно-политической тенденцией. Такое сотрудничество, может быть, и было важным в 80-е и 90-е годы прошлого века, но не в силу своей значимости (как считает А. Арбатов и другие либералы), а потому, что оно развивалось на основе уступок национальных интересов СССР и России, которые устраивали Запад.

Гораздо убедительнее другая особенность, о которой далее пишут автора: «**во-вторых**, становится реальностью осуществление международных операций по применению силы вне традиционных военно-политических организаций. Военная сила все чаще применяется в рамках коалиций, сформированных на временной основе». Причем всё чаще такие неформальные коалиции, как, например, антисирийская западная коалиция (в которую входят более 60-и государств в той или иной форме) используют нетрадиционные военно-силовые средства и способы, в частности, международный терроризм и подготовку вооруженных выступлений оппозиции.

Причем этот подход приобрел универсальный характер по отношению к большинству противников США. Так, в частности, главным «проектировщиком» антиправительственных выступлений в Иране в конце 2017 года власти этой страны назвали высокопоставленного сотрудника американской внешней разведки, передал в январе 2018 года телеканал Al Jazeera. 4 января 2018 года, генеральный прокурор Ирана Мохаммад Джафар Монтазери представил предварительную информацию о «заговоре» США, Израиля и Саудовской Аравии, направленном на разжигание беспорядков в Исламской Республике. По словам Монтазери, главным проектировщиком плана и создателем группы по разжиганию беспорядков в ходе акций протеста был агент ЦРУ Майкл Д'Андре. «Для создания беспорядков в Иране была создана специальная группа, в которую входили США, Израиль и Саудовская Аравия. Группу возглавляли Майкл Д'Андре* и один из офицеров, связанных с израильской внешней разведкой „Моссад". Все расходы группы оплачивала Саудовская Аравия», — сообщил генпрокурор Ирана[23]. Монтазери добавил, что план был назван «Доктрина последовательной конвергенции» (Consequential Convergence Doctrine) и данные для его разработки собирались на протяжении нескольких лет. По его словам, в «проекте

ЦРУ» участвовала группировка «Организация моджахедов иранского народа» («Моджахедин-э Халк», признана в Иране террористической), другие экстремистские элементы[24].

Говоря о принципиальных концептуальных положениях цитируемых военных экспертов, я не согласен также с тем, что эти авторы полагают, что, «**в-третьих**, происходит дальнейшая экономизация внешнеполитических приоритетов государств. Экономические интересы становятся более важными по сравнению с политическими и военно-политическими. Кроме того, возникает более сложное сочетание экономических интересов отдельных государств и интересов крупных транснациональных компаний» потому, что и прежде экономические интересы определяли приоритетность в политике[25].

Этот преувеличенный экономизм в политике никак не оправдан: и прежде государства защищали свои экономические интересы и пытались продвинуть их как можно шире и дальше. В этом смысле новый век ничего не добавил, а тем более экономические интересы не заменили и «не подменили» военно-политические, которые всегда будут концентрированным выражением всех интересов, включая экономические[26]. Так, длительная война США в Афганистане не может быть объяснена исключительно экономическими интересами, впрочем как и их рискованная политика на Украине. Тем более нельзя объяснить только экономическими интересами использование против России торгово-экономических санкций, в результате применения которых за 2013–2017 годы товарооборот Запада с Россией сократился более чем на 50%.

Наконец, спорно утверждение о том, что «**в-четвертых**, произошло сращивание внутреннего и международного терроризма. Современный терроризм носит глобальный характер, создает угрозу большинству государств, их политической стабильности, экономической независимости, его проявления приводят к массовым человеческим жертвам, разрушению материальных и духовных ценностей»[27].

На мой взгляд, гораздо сильнее тенденция прямого стимулирования Западом международного терроризма, более того, его создание как субъектов ВПО, так и организаций и управление им. Вряд ли поэтому правы авторы, утверждая, что «Сегодня государства СНГ в силу их геополитического положения оказались на переднем крае борьбы с меж-

дународным терроризмом, что подтверждают события на Северном Кавказе и в Центрально-Азиатском регионе[28]. Государства СНГ занимают достаточно сложную и иногда сомнительную позицию. Ситуация может значительно осложниться в связи с крахом далеко идущих планов экстремистов на Северном Кавказе и сосредоточении основных сил джихада на Центрально-Азиатском направлении. Это не виртуальные сценарии, а вполне конкретные замыслы радикальной «перекройки» политической карты целого региона»[29].

Наконец, можно вполне согласиться с выводом авторов о том, что, «**в-пятых**, существенно повысилось значение негосударственных участников системы международных отношений для определения характера внешнеполитических приоритетов различных государств мира. Неправительственные организации, международные движения и сообщества, межгосударственные организации и неформальные „клубы“ оказывают широкое, порой противоречивое воздействие на политику отдельных государств»[30].

Эта группа факторов, влияющих на формирование ВПО в мире, действительно стала в ряде случаев (не только на Украине, в Сирии или Египте) определяющей, а её влияние необходимо обязательно учитывать в прогнозах развития не только ВПО, но и МО. Так, политика курдских организаций в Сирии и Турции в последние десятилетия стала влиятельным фактором формирования ВПО как в Сирии и Турции, так и в регионе, а сами эти организации — фактором политики США в регионе.

Таким образом, даже на этих двух приведенных выше примерах в подходах различных представителей правящей элиты России к политике безопасности видны самые разные оценки состояния и перспектив развития ВПО в мире и их влияние на военную политику России. Поэтому нужны некие общие выводы, которые не только были бы зафиксированы в выступлениях В. Путина и других нормативных документах (которые, надо признать, в целом концептуально, в принципе, согласованы), но и в неком общем подходе правящих кругов страны, который отражал бы самую принципиальную общность национальных и государственных интересов. Причем не только внешнеполитических, но и внутриполитических относительно развития МО и ВПО в мире.

Как итог — современные военно-политические тенденции в развитии международной обстановки в целом и России, в частности, можно охарактеризовать как совокупность процессов, характеризующих быструю эскалацию силовой политики западной ЛЧЦ в направлении к прямым военным действиям (при том условии, что граница между собственно вооруженной борьбой и силовыми действиями к концу второго десятилетия XXI века окончательно исчезла). Этот центральный процесс формирования ВПО в мире в 2018 году накладывает решительный отпечаток на всю политику России, включая внешнюю и военную, которые пытаются адаптировать к военно-силовым условиям существования, с одной стороны, и удержать от участия в эскалации, с другой[31].

В этих условиях вялые и далеко не всегда адекватные и своевременные ответные действия России в 2016–2018 годах объясняются только одним — вынужденной внешнеполитической стратегией, в которой всячески изыскивались средства деэскалации нарастающего военного конфликта по всему спектру отношений России и Запада — от Сирии и КНДР до Украины и энергетики. Заявление В. Путина 19 октября 2017 года, например, о «гибкости» политики будущего президента означает, на мой взгляд, подтверждение его действующей стратегии, в которой он сознательно каждый раз усиленно и сознательно «опускал планку» нарастающего конфликта, хотя на Западе от него требовали всё настойчивее «более решительных» действий. При этом, вполне вероятно, что он и сам сопротивлялся (с каждым разом всё труднее) желанию адекватного и соразмерного ответа[32].

В этой связи анализ и военно-политический прогноз развития России до 2025 года несет на себе очень ответственный отпечаток точности политических характеристик, которые (в случае переоценки угрозы) ведут к неоправданным расходам по их нейтрализации и другим материальным и морально-политическим издержкам, а в противном случае (в случае недооценки угроз) — к неспособности обеспечить национальную и государственную безопасность. Учитывая же социально-экономические трудности, которые сопровождали развитие российского государства в последние десятилетия (стагнацию 2014–2017 годов, бюджетный дефицит, спад промышленного произ-

водства и пр.), ошибка в такой оценке и прогнозе имеет особенно важное значение.

Следует признать и не бояться сделать политический вывод о том, что ВПО в мире, оказывающая самое неблагоприятное влияние на развитие России в 2008–2018 годах, будет еще более осложняться в среднесрочной перспективе до 2025 года, которая не раз была описана в других моих работах[33]. Суть развития ВПО в мире до 2025 года в концентрированном виде может быть выражена в формуле: **эскалация политики «силового принуждения» со стороны западной военно-политической коалиции во главе с США с тем, чтобы заставить правящую элиту России капитулировать, отказавшись от своей государственности, идентичности и защиты национальных интересов**[34].

При этом процесс перерастания конфликтов между центрами силы и ЛЧЦ в военно-силовой конфликт в период до 2025 года приобретает отчетливые черты цивилизационного, бескомпромиссного противостояния[35].

Это, однако, совсем не означает автоматического и симметрично — зеркального военно-силового ответа со стороны России. Соотношения экономик, бюджетов и ВС западной коалиции и России таково, что симметричных и автоматических ответных действий невозможно допускать в принципе[36]. Поэтому разработке этих эффективных ответных мер необходимо уделять особенное пристальное внимание, причем одновременно как на политико-идеологическом, экономическом, социальном и, естественно, военном уровне[37].

Исходя их этого, предлагаемая вторая часть книги посвящается наиболее прикладному и конкретному аспекту военно-политического планирования — среднесрочному военно-политическому прогнозу и планированию до 2025 года, требующему, прежде всего, максимально определенного и даже конкретного ответа на вопросы по поводу основных тенденций военно-политического развития России, которые должны включать в себя как реалии мировой МО и ВПО, так и российские внутриполитические и социально-экономические реалии, причем самого широкого (в том числе политико-идеологического) спектра, влияющие на формирование военной политики России[38].

В этой связи я предлагаю следующую структуру сценариев развития России до 2025 года, состоящую из двух групп :

— **Первая группа** — наиболее «вероятных» сценариев и их вариантов, которые представляются наиболее очевидными в силу разного рода причин. Эти сценарии, как правило, основаны на существующих тенденциях и реалиях, причем не только закрепленных нормативно, но и ставших общепринятыми, даже банальными.

— **Вторая группа** — более широкая группа «возможных» сценариев и их вариантов, которые отличаются от предыдущих (наиболее вероятных) переходом в новое, не инерционное качество, но чья вероятность меньше, чем предыдущих.

Обе эти две группы — вероятные и возможные сценарии развития России — делятся, на мой взгляд, по двум принципиальным различиям, характеризующим как особенности МО и ВПО в XXI веке, так и особенности развития России, прежде всего, её правящей элиты, а именно:

Во-первых, отношением правящей элиты и общества в России и «русском мире» (косвенно влияющем на позицию российской элиты) к приоритету национального и цивилизационного развития, признанию нарастающего военно-силового противоборства между локальными человеческими цивилизациями. Со всеми вытекающими из этого признания последствиями для будущего развития ВПО–СО в мире и в политике России[39].

В одном случае правящая элита не признает цивилизационного характера растущего противостояния, более того, не признает неизбежности эскалации военно-силового противоборства, которое уже превратилось в противоборство военно-политической коалиции Запада с остальными центрами силы, отрицания существования и развития в новом столетии качественно новой ВПО, характерной для уже начавшейся де-факто войны[40]. В этом случае, правящая элита упрощенно воспринимает обострение ВПО в мире, прямо связывая этот процесс с политикой России и «авторитаризмом» В. Путина, которые «изменили отношение Запада» к России.

В другом случае часть правящей российской элиты признает угрозу возможности уничтожения нашей ЛЧЦ и государственности, понимая,

что собственные — социально-классовые, групповые и личные — интересы должны уступить место общенациональным и цивилизационным.

Во-вторых, различному отношению правящей элиты России к роли и значению такого решающего фактора в развитии любой нации и цивилизации в XXI веке, как национального человеческого капитала вообще и в России, в частности. Причем не только как главного средства национального развития, но и как важнейшей цели и приоритета национального и государственного развития[41]. О чём впервые стал говорить В. В. Путин несколько лет назад, но отчетливо заявил в послании ФС РФ 1 марта 2018 года[42].

От отношения к НЧК и роли России в мире во многом зависит и восприятие тех мировых тенденций, которые доминируют в настоящее время в МО и ВПО. Политико-идеологическое лидерство, потерянное СССР, необходимо возвращать России не столько для самоутверждения и мессианства (как в США), сколько для обозначения реального ресурса и преимущества в нарастающем противоборстве. Как справедливо и неоднократно в своё время говорил С. Хантингтон, от признания преимущества советской модели и алгоритма развития, которая выражается в формуле: «мы другие и скоро вы станете как мы», а не «мы хотим стать такими же как вы», которая навязывалась СССР и России последние десятилетия. Мы так и «не стали Европой». Последняя попытка Украины вновь показала обречённость этой затеи.

Вопрос — хотим мы это признать или нет — вопрос, прежде всего, политико-идеологический, но не только. Это и вопрос экономический («опережающей модели развития»), и научно-технический (опоры на собственную научную базу и НИОКР), и социально-политический (создание справедливого общества). Если, говоря словами С. Хантингтона, если СССР смог предложить миру опережающую модель развития, в которой решающая роль принадлежала социальному фактору и НЧК, то сегодняшняя Россия выбрала для себя «догоняющую» модель развития, которая во всех областях — от экономики, науки, техники и технологий до культуры и образования (вспомним настойчивые усилия внедрения критерия цитирования в оценку деятельности ученых по «методу Хирша» российским министерством образования, например) — изначально будет всегда догоняющей, а значит и отстающей[43].

В целом подобный подход позволяет структурировать существующие возможные и вероятные сценарии (и их варианты) развития России следующим образом, выделив отдельно наиболее вероятный сценарий развития[44]: (рис. 1)

Очевидно, что в зависимости от того или иного сценария развития МО–ВПО или соответствующего реального сценария развития России будут определяться и конкретные национальные и государственные стратегии, прежде всего, в области распределения ресурсов и интенсивности их использования. В том числе на безопасность и оборону. Думается, что такой подход — наиболее прагматичен. Он задаёт политические, военные и финансово-экономические ориентиры для прогноза и стратегического планирования системно, а только исходя из частных приоритетов или методик.

Особенно важное значение этот подход имеет для разработки военной и военно-технической политики России, которые должны быть

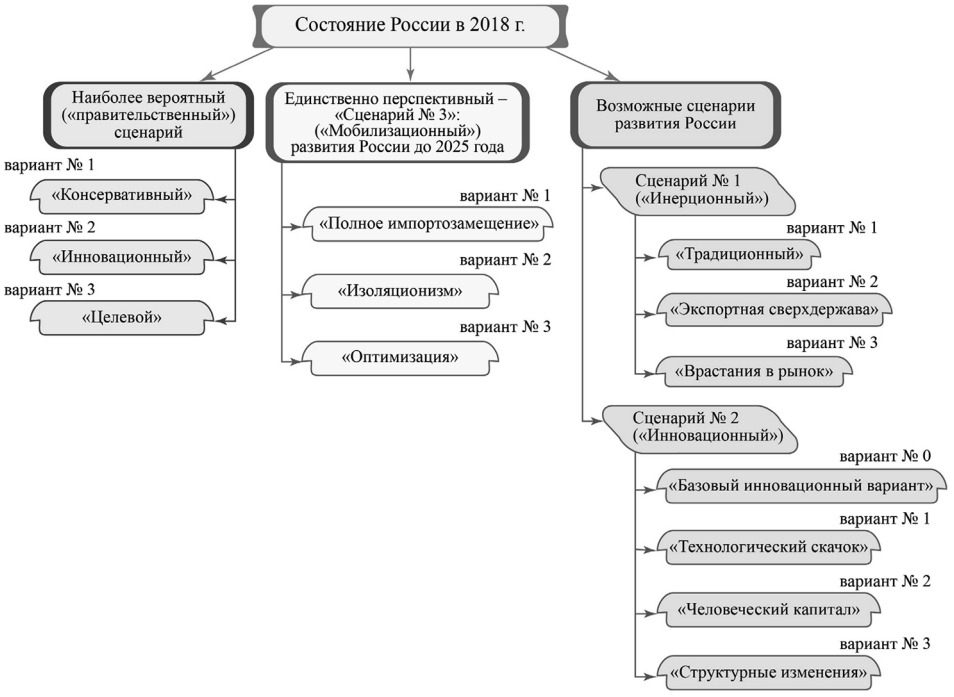


Рис. 1. Вероятные и возможные сценарии (и их варианты) развития России в XXI веке

следствием, частью сценария, его логическим продолжением, а не исходить из собственных представлений. Следует сказать, что подобная задача крайне редко освещалась в специальной советской и российской литературе из-за её достаточно тонкой (и не всегда обсуждаемой) специфики, прежде всего, сочетания оценки реалий, в т.ч. военных угроз, и конкретных предложений по их нейтрализации, которые нередко превращались в беспощадную конкурентную борьбу. Иногда не только между отдельными частями правящей элиты, но и внутри самих этих частей, например, среди представителей видов и родов ВС СССР и РФ.

Но не только поэтому. Следует признать, что научно-экспертное обеспечение для анализа эффективности принимаемых военно-технических и экономических решений, как правило, в СССР и в России было не только плохое, но и политизировано. Критикуя «идеологизацию», сторонники А.Н. Яковлева и Б.Н. Ельцина на самом деле усиленно продвигали западную либеральную модель, ориентированную нередко откровенно на интересы других стран. Так, некоторым ученым при М. Горбачеве удалось навязать советской правящей элите целую «обойму» ложных взглядов на безопасность и сотрудничество, которые в итоге вылились в катастрофу для ОВД и СССР[45].

В целях объективности следует признать, что эта область политики всегда являлась очень чувствительной в России, но и в мире, и абсолютно не обсуждаемой в СССР, что давало преимущества тем, кому «разрешалось» говорить и предоставлялась информация[46]. В этой связи возникло немало трудностей, связанных с вполне объективном недостатком информации и аналитических оценок, которые сведены всего лишь к нескольким источникам, с одной стороны, и их противоречивостью, разницей в подходах, с другой. К сожалению, влияния субъективных, в т.ч. идеологизированных факторов, полностью избежать невозможно, но это влияние можно попытаться минимизировать. Что и является, собственно говоря, задачей науки[47].

Другая трудность заключается в том, что с разрушением институтов безопасности СССР и России уничтожению и деформации подверглись и научные школы, коллективы исследователей, занимавшиеся военно-политическими исследованиями, которые либо были вообще уничтожены (как в Дипломатической академии, ИМЭМО АН СССР, ведомственных

учреждениях и военных академиях), либо сокращены до символического уровня. В результате собственно исследовательский корпус «усох» до уровня, когда его воспроизводство фактически прекратилось, а оставшиеся «островки» начали нередко работать на собственные корпоративные интересы или даже интересы потенциальных противников[48].

Мой собственный опыт и опыт работы сотрудников Центра военно-политических исследований, созданного в 2012 году МГИМО МИД России и Концерном ВКО «Алмаз-Антей», показывает, что объем, качество публикаций и количество исследователей сократилось в последние десятилетия до критического, недопустимо низкого уровня[49]. В то же самое время в США, Великобритании, даже Австралии, например, количество и качество исследований стремительно росло все последние годы, а к власти и принятию решений привлекались всё чаще те, кто мог в практическом и научном отношении быть впереди остальных. В частности, бывший до конца марта 2018 года советник Д. Трампа по национальной безопасности генерал Макмастер, прошел путь от командира танкового взвода во время первой иракской войны до автора нескольких книг и руководителя подразделения МО США, отвечающего за разработку новых способов ведения боевых действий.

Ситуация существенно осложняется еще двумя обстоятельствами.

Во-первых, объективно развитие ИКТ переходит с этапа «Больших баз данных» на этап «Когнитивно-информационный», требующий активного участия и высокого качества экспертов, не только отбирающих, но и обрабатывающих информацию. Особенно важное значение приобретает высший уровень, который (в Великобритании, например) относят к уровню «осмысления» обработанной информации и, наконец, особенно привилегированному уровню экспертов, на котором предлагаются варианты осмысленной информации. Эта «пирамида» подготовки и принятия решений, таким образом, состоит из нескольких «слоёв», она не однородна (когда получают, обрабатывают, осмысливают и предлагают одни и те же эксперты) и может выглядеть следующим образом:

Высший, политический, уровень, на котором принимаются общенациональные и государственные решения (президент, председатель правительства в России), представляет собой самый ответственный и стратегический уровень принятия решений, который влечёт за собой

прямые последствия в нескольких областях. Он, естественно, должен быть обеспечен последовательной и качественной работой многочисленных экспертов и специалистов, которых можно разделить (по степени подготовки и качеству):

На самом верхнем, «пятом», уровне находятся немногие действующие руководители министерств и ведомств уровне; на четвёртом, высшем экспертном уровне, — ведущие эксперты и специалисты (директора НИИ, академий, департаментов и управлений, отдельных служб и т.д., некоторые эксперты в личном качестве); на третьем уровне — ведущие эксперты и специалисты; на четвёртом — «старшие научные сотрудники» и служащие высокого ранга; наконец, на пятом уровне, — специалисты и эксперты, обрабатывающие огромный объем информации, умеющие не только получить, но и систематизировать информацию. Структура этой «пирамиды» выглядит приблизительно следующим образом:

Пятый уровень: «принятия решений» на уровне специальных стратегий (военных, финансовых, экономических и пр.), требующий опыта, знаний и интуиции.

Четвертый уровень: «предложение», высший экспертный уровень, требующий исключительных когнитивных и творческих способностей.

Третий уровень: «осмысления»,требующий знаний, квалификации и опыта, выдающихся когнитивных способностей, творческих возможностей и качеств.

Второй уровень: «обобщение» и вычленение важной информации, требующий более качественных знаний, навыков и опыта.

Первый уровень: сбор, обработка и систематизация информации и больших баз данных, требующий определенных специальных знаний.

Соответственно, требуется достаточное количество качественно подготовленных, желательно, обладающих большим опытом, экспертов, с которыми, как уже говорилось, возникли серьезные трудности из-за игнорирование потребностей политической и военной науки в последние десятилетия[50]. В настоящее время эксперты первого, второго, третьего, а нередко и четвертого уровня в России представляют собой одни и те же коллективы, а нередко одних и тех же людей. Что, естественно, сказывается на качестве.

Во-вторых, в то время пока в СССР и в России сокращались и даже уничтожались научные школы, они ускоренно развивались за рубежом. Прежде всего в США, как лидере западной ЛЧЦ и военно-политической коалиции. Поэтому абсолютное сокращение научного потенциала в России «наложилось» на относительное отставание, в результате чего возник мощный синергетический эффект — полное не соответствие военно-научного потенциала России и США, ведущее к потере эффективности военной политики, которая фактически сохраняется благодаря оставшимся советским наработкам[51].

Пока что не хочется, но вскоре всё-таки неизбежно придется, говорить и о более далеком будущем экспертизы в военно-политической области, когда информационно-аналитические ресурсы субъектов ВПО, в т.ч. России, выйдут на уровень развития синтеза с социо-гуманитарными науками, который пока что просматривается только теоретически в виде мощных центров подготовки и принятия решений и управления с самого верха вплоть до отдельных исполнителей. По моим оценкам, этот процесс уже начался и будет давать всё большую эффективность для принятия решений, но потребует глубокой теоретической и методологической проработки, к которой в России только начали еще приступать[52].

Это потребует еще более высокого качества исследователей и экспертизы, чем сегодня, но к которому, надо признать, мы пока что совершенно не готовы. Подобная ситуация очевидно станет угрозой для национальной безопасности России уже в скором будущем потому, что разработка рекомендаций для военно-политического руководства страны будет существенно отставать от качества рекомендаций на Западе. Это, безусловно, повлияет на эффективность политических и военных решений, где субъективность восприятия без сколько-нибудь научного обоснования превратится в аналог волюнтаризма, свойственного прежним лидерам — от Хрущева до Ельцина.

---

1 *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 16:39, 01 марта 2018 / http://cont.ws/@89825721067/868792

2 *Дынкин А. А.* Предисловие. Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. академика А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. — М.: Магистр, 2017. — С. 15.

[3] **Военно-политические тенденции** — *зд.* относительно устойчивые закономерности и направления (векторы) развития военно-политической обстановки (ВПО), а также внешней и внутренней политики государств, характеризующие современное состояние и перспективы их безопасности, прежде всего в международной и военной областях.

[4] Указ Президента России «Стратегия национальной безопасности Российской федерации». — №683 от 31 декабря 2015 г.

[5] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 16:39, 01 марта 2018 / http://cont.ws/@89825721067/868792

[6] См., например: *Подберёзкин А. И.* Человеческий капитал. — М.: Европа, 2007 г., а также *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.,ТТ.1–3 и др.

[7] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 16:39, 01 марта 2018 / http://cont.ws/@89825721067/868792

[8] См., например: *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 83–90.

[9] *Александров М. В.* Сценарий национальной модернизации России до 2025 и до 2050 года / Эл. ресурс: сайт ЦВПИ «Евразийская оборона», 21 марта, 2018 / www.eurasian-defence.ru

[10] 14 пунктов Вильсона: сто лет спустя. — М.: ЦСР. 2018. Январь. — С. 56.

[11] The President of the USA D. Trump. The National Security Strategy. — Wash., 2017. 18 December.

[12] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации №605 от 7 мая 2012 г.

[13] Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: планирование и прогнозирование: Материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции. М., 22 мая 2015 г. — М.: «Проспект», 2016. — С.10–18.

[14] См. подробнее: *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обозреватель, 2016. Декабрь. — С. 15–25.

[15] В частности, одной из таких попыток стала работа: *Подберёзкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 325 с.

[16] Эл. ресурс: «Военсервис» / www.voenservice.ru/boevaya_podgotovka…

[17] Этим вопросам были посвящены работы Центра военно-политических исследований МГИМО–Университет и Концерна ВКО «Алмаз-Антей» в 2013–2017 годах, в частности: Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад / А. И. Подберезкин, Р. Ш. Султанов, М. В. Харкевич и др. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 167 с.

[18] Эл. ресурс: «Военсервис» / www.voenservice.ru/boevaya_podgotovka…

[19] См. подробнее о ВПО в Евразии, например: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 292–298.

[20] Цит. по: *Линдер И.* Диверсанты. Я. И. Серебрянский. — М. 2011, с.35.

[21] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 601–631.

[22] Эл. ресурс: «Военсервис» / www.voenservice.ru/boevaya_podgotovka…

[23] Иран назвал внешних заговорщиков и главного «проектировщика» мятежа / Информационный ресурс «Евразия ежедневно» / http.eadaily.com. 5/01/2018

[24] См. подробнее: https://eadaily.com/ru/news/2018/01/05/iran-nazval-vneshnih-zagovorshchikov-i-glavnogo-proektirovshchika-myatezha

[25] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[26] Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад / А. И. Подберёзкин, Р. Ш. Султанов, М. В. Харкевич и др. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 167 с.

[27] Эл. ресурс: «Военсервис» / www.voenservice.ru/boevaya_podgotovka…

[28] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 292–298.

[29] Эл. ресурс: «Военсервис» / www.voenservice.ru/boevaya_podgotovka…

[30] Там же.

[31] См., например: *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[32] Выступление В. В. Путина на Валдайском форуме 19 октября 2017 года / ИТАР-ТАСС, 19.10.2017.

[33] См. например: *Подберёзкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014; *Подберёзкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015 и др.

[34] *Подберёзкин А. И.* Военная сила и политика новой публичной дипломатии / Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer», 2016. — №12 (323). — С. 24.

[35] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 273–277.

[36] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. В 2-х томах.

[37] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[38] В частности, если речь идет о влиянии развития НЧК на международную безопасность, то эта группа вопросов рассматривалась в томе 11 («Международная безопасность в XXI веке и модернизация России») моей работы «Национальный человеческий капитал». — М.: МГИМО–Университет, 2012. — 400 с.

[39] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 307–333.

[40] *Подберёзкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[41] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет. 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

[42] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 16:39, 01 марта 2018 / http://cont.ws/@89825721067/868792

[43] Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад / А. И. Подберёзкин, Р. Ш. Султанов, М. В. Харкевич и др. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 167 с.

[44] Подобный сценарный подход был апробирован в серии работ, например: *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015 г. и др.

[45] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017 г. В 2-х томах.

[46] Автору в 80-е годы прошлого века приходилось участвовать в этом процессе нередко вместе с руководителями некоторых управлений МО СССР, публикуя материалы в центральной партийной, советской и военной печати, например, журналах «Коммунист», «Военная мысль», газетах «Правда» и др.

[47] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 539–600.

[48] *Подберёзкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 317–433.

[49] Первые работы Центра, посвященные ВКО и военной доктрине России, пришлось писать фактически «с нуля», без опоры на теоретическую современную базу. См., например: *Подберёзкин А. И.* Евразийская ВКО. — М.: МГИМО–Университет, 2013 г.; *Подберёзкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014 г. и др.

[50] Об этой проблеме наши авторы писали и говорили не раз по самому разному поводу. См., например: Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад / А. И. Подберёзкин, Р. Ш. Султанов, М. В. Харкевич и др. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 167 с.

[51] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 660–667.

[52] Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад / А. И. Подберёзкин, Р. Ш. Султанов, М. В. Харкевич и др. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 167 с.

Глава 4
«Правительственный» сценарий развития России до 2025 года

«Россия и президент Путин хотят исправить отношения там, где это возможно, развивать и продвигать отношения со многими странами, особенно с нашими партнерами в Европе, с США, и продолжить это развитие покуда готовы наши партнеры»[1]

Д. Песков,
пресс-секретарь Президента России

…искать новые характеристики войн и конфликтов будущего необходимо в современных тенденциях развития человеческой цивилизации…[2]

С. Нарышкин,
Бывший председатель Государственной Думы ФС РФ

Прогноз развития России до 2025 года, т.е. на 6 лет, совпадает по времени с периодом правления В. В. Путина. В том числе и поэтому, такой прогноз становится ещё более зависимым от субъективного фактора — намерений и личности президента России. Но это же и возлагает особенную степень значения этого среднесрочного периода в развитии России и личной ответственности на В. В. Путина в этот период, когда по сути дела решается уже на долгосрочную перспективу будущее страны, т.е. на период до 2050 года. Именно такое личное, субъективное, понимание существует у В. В. Путина, который отчётливо сформулировал его в послании Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 года: «… значимость нашего выбора, значимость каждого шага, поступка исключительно высоки, потому что они определяют судьбу нашей страны на десятилетия вперед»[3].

В предлагаемой работе в этой связи изначально я пытаюсь именно поэтому вычленить наиболее реальный («правительственный») сценарий развития России, который, на мой взгляд, имеет мало общего[4] как с официальными намерениями правительства, так и принятыми документами, включая те, которые утверждаются на самом высоком уровне и носят правовой и нормативный характер. Он существует (складывается) «сам по себе», в результате взаимодействия множества, порой противоположных, сил — как объективных, так и субъективных. Иными словами, реальный сценарий развития (кто бы его ни предложил и ни утвердил) изначально будет отличаться от официального. Также как послание президента 1 марта 2018 года неизбежно будет в итоге отличаться от известных (а еще больше — не известных) планов правительства, МЭРа и других институтов (включая бюджет на 3 года), сформулированных к концу 2017 года: очевидно, что публичные планы президента решительно не совпадают с заявленными намерениями правительства, например, в том, что темпы роста ВВП в них в несколько раз ниже, чем требует в своем послании президент[5].

Это необходимо потому, что с военно-политической точки зрения самое большое значение имеет именно **наиболее вероятный** и реально реализуемый, — т.е. действующий, сценарий развития России до 2025 года в любом из его вариантов, — а не возможные (даже самые обоснованные, утвержденные «на самом верху» и даже оформленные в виде законов или нормативных актов) сценарии, которые не обеспечены политическим и материальным ресурсом, а, тем более, — далёкие от реальных факторов формирования.

Именно такой (не только не утвержденный, но нередко даже и не написанный, но реально реализуемый) сценарий ложится в основу военно-политического и военно-технического планирования. Причем, как правило, по молчаливому согласию правящей элиты. Так, например, на январском (2018 г.) Гайдаровском форуме, на котором собралась практически вся правящая элита, ни о каких стратегиях и планах развития России речи не шло: было молчаливо признано, что развитие страны происходит как-то «само по себе», точнее — под влиянием неких макроэкономических глобальных законов[6].

Сказанное означает, что в настоящее время у России реальной среднесрочной (а тем более долгосрочной) стратегии развития нет, а, значит, нет и вытекающих из неё более частных реальных долгосрочных внешнеполитических, военно-политических, экономических. социальных и иных стратегий и планов развития. Мы, например, справедливо восхищаемся российской дипломатией или действиями ВКС в Сирии, но также должны признать, что понятия не имеем не только о долгосрочных, но и даже среднесрочных внешнеполитических и военно-политических целях в Сирии потому, что если соотносить их с военными действиями оппозиции, принципиально поддерживаемыми США и их союзниками, которые направлены на сохранение нестабильности, то необходимо планировать постоянное присутствие и участие ВКС России в этом регионе в военных действиях. И это надо не только публично признать, но и соответствующим образом планировать, и учитывать в планах социально-экономического и бюджетного развития страны[7]. Так, ГОЗ и планы развития ВВСТ до 2025 года, на мой взгляд, формируются не из долгосрочных идеологических и политических установок, а нередко из субъективных представлений политиков и военных бюрократов (замены на 70–80% или даже 95% ВВСТ), а также из (инерционных в своей основе) ориентировок федерального бюджета, который в 2018 году и, вероятно, в последующие годы будет находиться на уровне существующих военных расходов России и их доли в ВВП страны. Не очень понятны, например, те критерии, которые были выбраны для обоснования сокращения военного бюджета на 2018 год, за исключением единственного аргумента в пользу того, что «прежде было много дано». Видимо, исходили из того состояния стагнации российской экономики, в котором она находилась последние годы, но в этом случае речь идет о планировании «от исходного», а не «от потребности»[8].

Таким образом, вероятно, исходя из соображений бюджетной дисциплины (которая, однако, не мешает планам военного строительства в США), сложилась тенденция финансирования военного строительства на ближайшие годы, главным достоинством которой является… её соответствие бюджетным возможностям, а не оценка и прогноз развития МО и ВПО, что, на мой взгляд, гораздо важнее. То есть в основу

обеспечения интересов безопасности кладутся макроэкономические и бюджетные приоритеты, а не приоритеты безопасности, которые и становятся принципами планирования на перспективу. Если, конечно, военно-силовое противостояние не перерастет в большую войну быстрее, чем ожидается, т.е. ещё до 2021 года[9].

Таким образом сегодня, в 2018 году, планируя на среднесрочную перспективу развитие России, необходимо признать, что в определенном смысле необходимо провести имеющуюся существенную разницу между тем, что происходит в реальной политической жизни и декларируемым желаемым результатом, между реальным, реализуемым, сценарием развития страны и тем сценарием. который разрабатывался, утверждался и может быть (но, скорее всего, не может) реализован на практике. Эта разница существует всегда, особенно в военной области, где влияние субъективных факторов иногда определяющее, но в современной России — оно слишком, неоправданно высоко.

Эту разницу между ожидаемым результатом и реальным иногда маскируют политико-идеологически, сознательно искажая не только действительность, но и историю. Так, на практике, экспансия Запада, начавшаяся еще в конце XV века против славян, о которой определенной говорил А. Тойнби[10], в политике, категорически не признается на современном Западе, который продвигает идею «защиты от русского варварства», выдвигая совсем иные концепции и теории, которые, как правило, и лежат в основании современной (в том числе российской) политологии, а иногда и политики со времен Горбачева. Эта экспансия прямо связана с русофобией, которая политически доминирует во влиятельных политических кругах Запада сегодня. Именно поэтому для меня всегда важнее всего был именно практически реализуемый сценарий, а не его нормативные, теоретические или идеологические аналоги. Иначе говоря, даже утвержденный формально на любом уровне сценарий, план или концепция развития России могут в реальности так и не стать таковыми.

Во многом это определяется внешними факторами, а не только недостатками в управлении: нам важно понимать те объективные и неизбежные тенденции в развитии экономики и военно-политической обстановки в мире, которые будут влиять на корректировку этих уже

фактически сложившихся условий российской военной политики и военного строительства: любое резкое изменение ВПО в мире потребует внесения корректив в существующие планы военного строительства до 2025 года, но в ещё большей степени в программы и проекты, планируемые на более далекую перспективу[11].

Эти, даже самые предварительные оценки, может дать нам только политическая теория, опыт и логика, а также знание политической и военной истории и отдельных аспектов современной политики. В частности, внешней и военной политики. Так, например, изменения в ВКО страны и в мировой СО (развитие и формирование новых конфликтов и войн) неизбежно потребуют в будущем радикальных корректировок планов военного строительства в России уже до 2025 года в сторону увеличения возможностей ПРО территорий и объектов, а также противоспутникой борьбы[12], которые пока что в полной мере не предусматриваются в российском ГОЗ на эти годы (собственно говоря, известные опубликованные в 2018 году выдержки из нового варианта «Ядерного обзора США», подготовленного по требованию Д. Трампа вместо соответствующего документа от 2010 года, подтверждают этот вывод). Поэтому коррективы, безусловно, будут внесены исходя не только из этих соображений, но и из потребностей поставки на экспорт систем ВКО, например, С-400, которые начались в КНР, и ожидаются в Индию, Турцию, Саудовскую Аравию и другие страны.

Сказанное означает, что реальный, практический политический прогноз будет принципиально отличаться от декларируемых прогнозов, планов и намерений, даже утвержденных на самом верхнем уровне. Эти планы будут, безусловно, учитываться, но не являться конечной инстанцией при оценке или прогнозе даже на среднесрочном уровне: к сожалению, приходится признать, что даже сколько-нибудь точных краткосрочных прогнозов (о чём свидетельствует пересмотр МЭРом 3 раза прогноза развития России в 2017 году) мы делать так и не научились. Именно поэтому в мой работе, посвященной перспективам и сценариям развития России до 2025 года, основной упор делается не на нормативных прогнозах и решениях, а на ожидаемых, реальных.

4.1. Возможные и наиболее вероятные сценарии развития России до 2025 года и их военно-политические последствия

Сама природа социальной жизни ставит творческие личности перед выбором совершить рывок. Этот рывок возможен, по определению Платона, через «напряженный интеллектуальный союз…»[13]

А. Тойнби

Следует, как я уже говорил выше, изначально попытаться выделить **возможные пути** (сценарии) развития МО и России, вычленив из них **наиболее вероятные** сценарии и их варианты. Этот этап обязателен, но и чрезвычайно сложен: прогнозируя возможные и вероятные сценарии развития России до 2025 года, мы вступаем в область крайне высокой неопределенности, связанной непосредственно с субъективными факторами, прежде всего, политикой правящей элиты и личностью её нынешнего лидера — В. Путина, — который наверняка останется на своем посту, как минимум, до 2024 года. Если, конечно, не произойдет катастроф, случайностей и трагедий.

Подобная привязка сценария развития страны к судьбе лидера более того, к конкретному лидеру в России, в отличие, например, от США или СССР в XX веке, — не преувеличение роли субъективного фактора. Достаточно напомнить о роли М. Горбачева и Б. Ельцина для судьбы СССР и России. За 1985–1991 годы, т.е. за 6 лет, политические изменения в СССР резко изменили его военную и военно-техническую политику, не только разрушив ОВД и СССР, но и дезорганизовав ВС и ОПК страны. Можно себе представить, что может произойти в России за те же 6 лет при изменении политики В. Путина от существующей в 2018 году парадигмы к новой…[14]

Подобный взгляд на консерватизм и инерционность может показать нам не только очевидные минусы этой политики, но и её плюсы, когда до 2025 года мы, как минимум, не ожидаем сегодня повторения «подвигов» М. Горбачева, которые радикально негативно повлияют на

безопасность страны и само существование нации и государства. Это, с одной стороны, свидетельствует о субъективности, сильнейшей зависимости российской политики от личности «вождя», а, с другой стороны, о её безусловной слабости, непредсказуемости и непоследовательности. В отличие от США, где истэблишмент смог «направить» действия Д. Трампа, скорректировав его поведение, в России подобные функции гораздо менее ожидаемы. Российская правящая элита, наверное, только в результате гвардейских переворотов XVIII века могли прямо влиять на политику. В дальнейшем её история — от Николая I до Горбачева и Ельцина — свидетельствовала о зависимости правящей элиты от вождя, а не наоборот[15]. Именно поэтому я делю прогноз и сценарии развития России до 2025 года на две большие группы:

— **Во-первых, на** наиболее **вероятные**, ожидаемые, «путинско-правительственные» сценарии и их конкретные варианты, которые так или иначе уже состоялись и будут развиваться инерционно-традиционно, консервативно, в том числе и потому, что В. Путин уже привык к таким действиям, может быть, устал от постоянного вмешательства в процесс принятия решений (о чем может свидетельствовать его отношение к «автономности» действий ЦБ, министерства энергетики, ряда губернаторов и чиновников), наконец, перемене своего позиционирования от качества руководителя — «директора» к качеству руководителя — «лидера».
— **Во-вторых**, **возможные,** теоретически и практически, сценарии и варианты, которые могут развиваться в случае радикальной и субъективной смены парадигмы политики и управления, что отнюдь не является исключением в российской истории, происходя, как правило, либо:
  — в том случае, если сам В. Путин (как в свое время Иван Грозный, Петр Первый или Иосиф Сталин) пересмотрит свою стратегию и по разным причинам, в том числе личным, сменит алгоритм управления и действующую парадигму развития;
  — либо в том случае, если произойдет что-то чрезвычайное, что заставит его отказаться от власти, а поддерживающую его часть элиты пересмотреть стратегию развития страны (например, чрезмерное силовое давление со стороны Запада).

И в первом, и во втором случае решающую роль на изменения окажут не некие политико-идеологические и концептуальные разработки, роль которых в России в отличие от США ничтожно мала[16], а субъективные решения «первого лица», принимаемые под воздействием внешних или внутренних причин. Такая роль субъективного фактора должна обязательно учитываться потому, что набор объективных факторов и тенденций отнюдь не гарантирует в России реализацию даже наиболее вероятного сценария. Также как и отсутствие в стране стратегического курса («программы КПСС» или аналога программы стратегического развития КПК в Китае). Не помогут в этом и нормативные документы и даже законы, с которыми в России традиционно считаются меньше всего при возникновении «политической целесообразности».

К сожалению, развитие стратегического прогнозирования и планирования в России не только в военно-политической, но и социально-экономической областях, не смотря на все многочисленные публичные заявления, до настоящего времени не представляет собой сколько-нибудь системного и реального практического подхода, который опирался бы на совокупность внешних и внутренних постоянных и переменных факторов и тенденций. Об этом я немало писал, начиная с первой работы, посвященной Концепции национальной безопасности России в 1994 году[17] и заканчивая серией работ 2016–2017 годов[18].

Пока что этому не помогает ни ФЗ о «Стратегическом планировании» 2014 года, ни Стратегия национальной безопасности 2015 года, ни другие документы, включая Указ Президента РФ №536 от 12 мая 2009 года, в котором дается схема обоснования стратегического планирования. В частности говорится: «24. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет (уточняет) стратегические национальные приоритеты, а также систему мер на долгосрочную перспективу по обеспечению защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, включая реализацию конституционных прав и свобод российских граждан, обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны, территориальной целостности и суверенитета государства»[19].

В соответствии с этим Указом Президента, например, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации разрабатывается на перспективу до 20 лет (уточняется каждые 5 лет). Она определяет стратегические угрозы национальной безопасности и стратегические риски для устойчивого развития Российской Федерации (прогнозные оценки на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный периоды), порядок и меры реализации стратегических национальных приоритетов, характер стратегической обстановки, включая положение, роль и место России в мире, а также внутреннее политическое и социально-экономическое состояние страны, задачи обеспечения национальной безопасности, порядок и способы их решения на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный периоды, основные характеристики состояния национальной безопасности. Однако пересмотр Стратегии в 2015 году, означавший фактический отказ от перспективы «до 2020 года», не был объяснен и мотивирован, за исключением, пожалуй, одного пункта — возвращения разработки Стратегии в Совбез из правительства вместе с возвращением В. Путина в Кремль[20].

Примечательно, что в этом, так и не заработавшем указе президента, выстраивалась четкая логика и последовательность, которая позже оказалась не востребованной в силу изменившихся внешних обстоятельств — сползания Россию в кризис и стагнацию и нарастающий конфликт с Западом[21]. Более того, постепенно «забылась» вообще. В частности, в нем предполагалось, что:

«25. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации разрабатывается на перспективу до 20 лет (уточняется каждые 6 лет) с учетом стратегических национальных приоритетов. Она определяет стратегические цели и приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации, пути, способы и средства повышения благосостояния российских граждан, обеспечения динамичного развития экономики, крепления позиций России в мировом сообществе. При этом учитываются задачи обеспечения национальной безопасности.

26. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации определяются:

— рациональный сценарий и механизмы достижения стратегических целей, а также необходимое ресурсное обеспечение реализации приоритетов социально-экономического развития Российской Федерации;
— критерии и показатели (индикаторы) социально-экономического развития Российской Федерации с учетом задач обеспечения национальной безопасности»[22].

Ничего из этого выполнить в действительности после 2009 года не удалось. России от попыток долгосрочного прогнозирования и планирования вернулась к банальному макроэкономическому прогнозу, основанному на всё той же экстраполяции, не учитывающему (хотя примеров набралось множество) внешнеполитических и неэкономических реалий. Поэтому я полагаю, что наиболее вероятным сохранится именно базовый («правительственный») сценарий, реализуемый в одном из своих более конкретных вариантов с помощью уже наработанных средств и методов субъективного управления политикой и экономикой, а именно — субъективно и в зависимости от обстоятельств и личных предпочтений, — т.е. как обычно.

В его «теоретической» основе находятся представления различных групп правительства, которые нередко не совпадают, но в итоге выливаются в некий компромиссный социально-экономический курс, где главным арбитром служит президент В. Путин. За этими субъективными и нередко непредсказуемыми решениями все-таки находится набор неких идей и концепций, представляющих определенными группами правящей элиты, которая близка к В. Путину. В самом общем виде эти представления могут быть сформированы в неких проектах документов. В качестве иллюстрации, например, предлагается рассмотреть один из последних прогнозов Министерства экономического развития РФ, сделанный несколько лет тому назад, для того, чтобы четче выделить его подходы и недостатки.

Основными базовыми сценариями развития России в среднесрочной перспективе до 2025 года, рассматриваемыми сегодня правительством России в той или иной форме в рамках парадигмы наиболее **вероятных**, «базовых» («правительственных») сценариев, могут быть три сценария развития страны (хотя существует немало и других, разраба-

тываемых извне сценариев, в том числе и самых радикальных, выдающих совершенно определенные намерения правящей элиты США. Так, в 2015 году, например, известная аналитическая кампания Stratfor выпустила прогноз, в котором достаточно категорически утверждала, что в результате регионализации Россия вообще не сохранится к 2025 году как единое государство в нынешнем виде)[23].

Повторю, что их — эти наиболее вероятные варианты — не надо путать с **возможными сценариями** в развитии России(«инновационными» и «модернизационными»), о которых будет речь идти ниже, чья вероятность значительно ниже, точнее — почти нулевая. В том числе и прежде всего вытекающими из резкого изменения ВПО в мире, например, скатывания (как сегодня) к прямому вооруженному конфликту[24].

Так или иначе, но этот базовый («правительственный») сценарий и еговарианты соответствуют в конечном счете одному–единственному, стагнационному, сценарию развития России до 2025 года, предполагающему **нарастающее отставание нашей страны от темпов социального и экономического развития современных мировых лидеров**. К сожалению, но приходится во многом согласиться с бывшим председателем правительства М. Касьяновым, который уже после программного выступления В. Путина в конце 2017 года написал: «Политический курс власти внутри страны и на международной арене привел к резкому снижению темпов роста экономики, росту бедности, снижению реальных доходов населения. Люди вновь потеряли уверенность в завтрашнем дне. Совокупный рост за второе путинское десятилетие (2009–2018 годы) не обеспечит удвоение экономики как прежде, а составит едва заметные 7% при среднегодовых ценах на нефть за период — более $75 за баррель. Характерно, что значительное падение темпов экономического роста началось на фоне беспрецедентно высоких среднегодовых цен на нефть свыше $110 долларов за баррель. Экономический рост в 2012 и 2013 годах составил ничтожные 1,3 и 0,7%[25].

Эта фактически отрицательная динамика программирует отставание России от темпов развития новых центров силы в Евразии и положение российской ЛЧЦ относительно других локальных цивилизаций уже до 2025 года в условиях быстрого изменения соотношения сил[26].

Даже появившиеся в связи с очередным ростом нефтяных цен «оптимистические» прогнозы (МВФ и ряда экспертов) роста ВВП России в 2018–2020 годах на 3–4% мало что меняют: при таком отставании, какое у нас возникло за 30 лет «реформ», нам потребуется не менее 30–40 лет, чтобы догнать этими темпами развитые страны.

И В. Путин фактически признал это в декабре 2017 года, впервые заявив о претензиях на высокие темпы душевого ВВП, никак не обосновав их никак и не отменив все предыдущие установки на инерционное развитие. На этот счет М. Касьянов вполне резонно заметил, что «Собираясь на новый срок, Владимир Путин в условиях экономического застоя обещает приблизить Россию по показателю ВВП на душу населения к развитым странам. Но всем понятно, что это не более, чем предвыборный популизм. По итогам прошлого года Россия занимает 55 место по ВВП на душу населения. Это отставание составляет полтора-два раза от развитых государств. Еще 15 лет назад нашей целью было догнать Европейский Союз по ВВП на душу населения, начиная с Португалии. И это было вполне реальным. Но в итоге Россия сегодня уступает по этому показателю и странам Балтии, и Греции, и Португалии, и даже Казахстану»[27].

Странным образом, но правящая финансово-экономическая элита России вновь возвращает её на тот самый путь «застоя», от которого она пыталась уйти как коммунистическими, так и либерально-демократическими методами в 80-е и 90-е годы прошлого века, а позже уже и при В. Путине. Это неизбежно заставляет задуматься о неких общих закономерностях и особенностях, хотя «брежневский застой» при росте ВВП в последние годы его правления в 2–3% рассматривался бы при нынешнем застое как «успешная» и положительная динамика[28].

В конечном счете всё, как оказывается, в политических оценках. Как и при Л. Брежневе, сегодня Кудрин твердит, что «… застой ярко демонстрирует необходимость перемен. Построенная Путиным бюрократическая „вертикаль власти“ и „силовая“ конструкция возглавляемой им системы, стали главным тормозом развития страны. На своей декабрьской „пресс-конференции“ Путин оправдал свое выдвижение на очередной президентских срок экономическими успехами 10–17-летней давности»[29].

На самом деле, как показывает практика, именно авторитаризм характерен для быстрых темпов роста экономики, а не «разгул демократии». Поэтому призывы к «демократизации» могут привести только к стагнации. Как и прежде, у либералов виновата оказывается власть, «игнорирующая политические свободы», хотя давным-давно, даже на любимом ими Западе уже стало ясно, что этот пропагандистский тезис создан исключительно для внешнего потребления и не имеет никакого отношения к реалиям. Как писал еще в конце прошлого века великий политолог С. Хантингтон, «Во имя идеологии, созданной на Западе, (в России. — *А.П.*) была создана политико-экономическая система, которая на Западе не могла существовать»[30].

Критика современных либералов направлена, прежде всего, именно на смену политического курса В. Путина, который им представляется излишне авторитарным, и не имеет ничего общего в действительности с качеством развития экономики. Точнее — прямо наоборот: пропагандируемые ими политические рецепты заранее ведут к дальнейшей деградации России, переходу от стагнации к самоуничтожению, а не развитию. Поэтому и критика либералов-западников в основном нацелена на политические реформы, точнее — децентрализацию и развал государства, как этот было при Б. Ельцине и М. Горбачеве.

Их суть вполне четко обрисовал тот же М. Касьянов: «Выстроенная система управления должна обеспечить ему дальнейшее удержание власти. По истечению нового шестилетнего периода общий срок правления Путина составит 25 лет. Это целый исторический период, вбирающий в себя и успехи первого десятилетия, и бездарно растраченные для страны и народа 15 лет застоя и деградации. „Эпоха Путина“ закончится очередной российской катастрофой. Так было всегда, когда власть искусственно сдерживала развитие общества и отказывалась от проведения реформ. Катастрофы еще можно избежать, если российское гражданское общество найдет в себе силы для консолидированного мирного давления на власть. Нынешний режим не опирается ни на какие ценности. Идеологически он ничтожен, крайне циничен и насквозь имитационный. За ним нет настоящей общественной энергии и силы. Новый срок Путина приведет страну на порог трагедии, и власть разделит свою вину за это

с трусливой элитой, а также с людьми, так и не ставшими настоящими гражданами»[31].

Перед правящей элитой и обществом сознательно создан искусственный выбор между «демократией» (западно-либеральным путем развития) и «авторитаризмом» (стагнацией), который на самом деле неприемлем ни в одном из своих вариантов, но такой выбор делает «незаметными» реальные варианты опережающего развития, когда России идет не за Западом, а впереди Запада. В свое время тот же С. Хантингтон писал: «На самом деле революция позволила России перепрыгнуть Запад, отличиться от остальных не потому, что „вы другие, а мы не станем как вы“, как утверждали славянофилы, а потому, что „мы другие и скоро вы станете как мы“, как провозглашал коммунистический интернационал»[32].

Именно этот вариант опережающего развития России вообще выпадает из политического дискурса в современной России даже в условиях выборов президента в 2018 году. Мы опять втискиваемся в заранее приготовленные кем-то рамки выбора из ограниченного числа сценариев и их вариантов, которые в итоге все сводятся либо к «нулевым», базовым сценариям «стабильно-стагнационного» развития как мечте российской правящей элите, которая в душе мечтает о дальнейшей западно-либеральной модели, но при сохранении ею контроля на распределением национальных ресурсов[33]. Поэтому анализ всех правительственных («базовых») вариантов одного и того же сценария будет очень похож друг на друга — отличить один от другого будет практически невозможно на практике, хотя те, кто их пишут в МЭРе и Минфине и будут очень стараться это сделать.

«За скобками» остается единственный возможный и реально позитивный сценарий развития России — «мобилизационный», — который однако не устраивает правящую элиту в своих основных чертах: он должен быть национально (а не только государственно) ориентирован, мобилизационен, нацелен на выживание русской цивилизации, предполагающее опережающее развитии, т.е. как писал С. Хантингтон, «Россия стала воплощением неотсталого азиатского прошлого, а прогрессивного советского будущего»[34]. Но именно этого и боятся отечественные либералы — бывшие партийно-советсткие руководители, быстро привыкшие к извращенным «нормам потребления новокапиталистической» экономики.

4.2. Наиболее вероятный («правительственный») сценарий как реальная основа для существующих вариантов развития России

Наиболее актуальным… является развитие методологии стратегического анализа угроз и рисков обеспечения национальной безопасности, а также разработки комплексного ситуационно-сценарного прогноза («стратегических дорожных карт») для решения ключевых проблем внутренней и внешней политики[35]

В. П. Назаров,
заместитель секретаря Совета безопасности РФ

Как уже говорилось выше, базовый («правительственный») сценарий развития, лежащий в основе различных конкретных вариантов его реализации, является **наиболее вероятным**, даже, может быть, единственно вероятным реальным сценарием развития России до 2025 года, из которого следует исходить, прогнозируя военно-политические последствия. К сожалению, в условиях быстрого развития новых центров силы и нарастающего военно-силового давления западной ЛЧЦ и коалиции, Россия не может предложить реальную альтернативу, кроме инерционно-стагнационного сценария базового («правительственного») развития до 2025 года. В. Путин — не Господь, которому удастся перевернуть все намерения правящей элиты и сломать инерцию. В лучшем случае он сможет как-то повлиять на неё, усилить то немногое положительное, что зародилось в последние годы. Что тоже очень немало. В пользу этого говорит весь мой опыт и знания, полученные в предыдущие десятилетия, а также все написанные мною работы в последние три–четыре десятилетия[36].

В этой связи следует, исходя из существующей («пессимистической») реальности, попытаться оценить военно-политические последствия развития ВПО и России до 2025 года. Мой пессимизм, если разобраться, не такой, уж, категорический, ведь инерционно-стагнационный сценарий развития России — лучше, чем «оптимизм» горбачевско-

ельцинского развития, который привел к катастрофическим экономическим и военно-политическим последствиям СССР и Россию: нас не ждет ни военная катастрофа, ни обвал цен, ни социальные катаклизмы. Стагнация и инерция в развитии предполагают , пусть медленное, даже очень медленное, но улучшение, а не катастрофу, которую мы получили к началу 1990-х годов.

Можно даже смириться с будущим реальным сценарием, который условно можно назвать: «Лишь бы не было войны»: его основные недостатки — инерционность, плохая динамика, игнорирование роли НЧК и другие, однако, вполне могут быть компенсированы его политической и долгосрочной предсказуемостью, которая очень ценится в современном мире. Более того, ценится еще выше в России, где привыкли к «причудам» правителей, которые заканчиваются трагедиями, и готовы простить многое, если не будет войны. Удивительно, но развал СССР, обнищание народа и множество иных напастей простили Горбачеву и Ельцину, которых надо было бы казнить (вместе с их приближенными), как это было сделано в целом ряде стран — от Румынии до Ливии.

Действительно, медленный рост ВВП в 2–3% и очень медленное повышение уровня жизни всё-таки лучше, чем «скачки в никуда», к которым мы стали привычны с 80-х годов прошлого века. Любое движение вперед — нарушение стабильного состояния, а значит — опасно, ведь известно, что стабильнее стоять, чем идти, а сидеть — стабильнее, чем стоять, лежать — чем сидеть. Правда, можно сказать, что самое стабильное положение будет на кладбище: там ни сидеть, ни стоять, ни идти уже не надо. Но это уже в России рассматривается как излишняя роскошь — от правителя НЕ требуют быстрого развития.

Кроме того, для того, чтобы двигаться вперед, а, тем более бежать, необходимо (и это самое главное) точно знать куда, зачем, как быстро надо бежать. Более того, иметь для этого все возможности, т.е. иметь стратегию, план, о которых говорится много с самого начала «перестройки», но попытки создания которых проваливались одна за другой. Но именно этого-то в реальности и не предлагается нации, выдвигая заведомо трудноусваимые концепции и правовые нормы (которые в мире никому в голову не приходит предлагать для широкого восприятия). Поэтому стратегии и плана нет, а их выдвижение выглядит не обосно-

ванным в глазах правящей элиты, которой это вообще не нужно — она-то точно знает свои цели и обнародовать их вовсе не собирается.

Как и очередное пожелание В. Назарова, которое осталось не реализованным — во всяком случае, вплоть до выборов президента страны в марте 2018 года. Удивительным образом, но даже выборы президента страны (по сути единственные реальные выборы, способные на что-то влиять) не привели к тому, чтобы российской нации была предложена даже попытка долгосрочной программы развития, которая соответствовала бы её значению, истории и масштабам русской цивилизации. И это происходит именно в условиях сверхострой и быстро нарастающей цивилизационной борьбы с военно-политической коалицией Запада за выживание[37].

На уровне правительства предлагались лишь унылые и инерционные финансово-макроэкономические схемы, которые трудно назвать сценариями развития нации и государства. Это означает, что на деле существовали отдельные варианты одного и того же сценария — инерционного и фактически стагнационного, которые условно соответствуют в нашей схеме «Сценарию №1». Прежде всего, потому, что они абсолютно статичны и инерционны и не учитывают внешних и внутренних неэкономических факторов формирования МО и ВПО, более того, даже возможной перспективе развития внутриполитической ситуации в самой России. Они (и это главное) полностью игнорируют творческий потенциал нации и НЧК в целом, без которого не существует сколько-нибудь реальных способов преодолеет нарастающее отставание.

Не смотря на видимость оптимизма и бурную деятельность некоторых членов правительства и президента, этот сценарий и все его варианты откровенно инерционны в самой своей основе потому, что не является в полном смысле национальной стратегией, доктриной или даже авторской концепцией. В лучшем случае — это ни для кого не обязательная и даже до конца не формализованная концепция социально-экономического развития, некий псевдонормативный документ, не влекущий за собой ни политической (не говоря уже об административной, а тем более уголовной) ответственности, ни сколько-нибудь действенных механизмов реализации[38].

Традиция такого подхода была заложена еще в Концепции социально-экономического развития, подготовленной к марту 2008 года МЭРом, но так никогда и не реализованной даже в незначительной части из-за начавшегося осенью того же года кризиса. В дальнейшем эта традиция была закреплена в других концепциях и стратегиях, которые были подготовлены еще более формально и менее добросовестно. В итоге к 2018 году таких концепций (с учетом отраслевых и региональных) набралось несколько сотен. Их всех отличало:

— оторванность от реалий;
— игнорирование неэкономических факторов влияния;
— полное отсутствие механизма реализации;
— существование некого понимании, относительного консенсуса в отношении их реализации и степени ответственности.

Другими словами, все эти возможные концепции и сценарии изначально и не рассматривались в качестве реальных. Они предлагались, вероятно, как попутный процесс нормотворчества, неизбежный при доминировании в сознании правящей элиты правил «правового дебилизма», абсолютизирующих значение любого документа, с одной стороны, и отрицающего его изначально, с другой.

В итоге места для реальной стратегии, в реализации которой участвуют все, — не остается. Но, главное, есть стабильность и воля одного человека, как в своё время при императорах и генсеках (когда существовала всё-таки некая позитивная динамика, относящаяся к личности). В итоге, к 2018 году, мы видим, что страна управляется «по желанию» и в зависимости от отношения президента (повторяется ситуация, возникшая в России при Николае I, когда «всё значило, и тот что-то значил, только до тех пор, пока он значил для императора»). Там, где нет ни первого, ни второго, нет и сколько-нибудь заметного движения. Что еще хуже — в этом случае оставался единственный мотив — откровенная коррупция. Не ясны ни перспективы такого движения, нет цели, будущего образа, приоритетов. Такое ощущение сложилось у многих в период, когда В. Путин «по идее» должен был бы продемонстрировать стране её «великое будущее».

Основными проблемами всех без исключения этих где-то существующих правительственных сценариев, которые, в конечном счете, сводят их к одному-единственному базовому «нулевому» сценарию (т.е.

Таблица 4.1. Основные характеристики сценариев долгосрочного экономического развития

	Консервативный (вариант 1)	Инновационный (вариант 2)	Форсированный (вариант 3)
Социальное развитие	Частичная модернизация социальной сферы и частичная реализация целей социального развития к 2018 году	Масштабная модернизация социальной сферы на федеральном и региональном уровнях	Масштабная модернизация социальной сферы на федеральном и региональном уровнях
	Усиление дифференциации по доходам, низкая доступность социальных услуг	Снижение дифференциации доходов	Снижение дифференциации доходов
	Доля среднего класса около трети населения	Доля среднего класса приближается к половине населения	Средний класс будет составлять более половины населения
Дополнительные расходы на оплату труда	Сдвиг основных мероприятий по реализации указов Президента РФ на период после 2015 года	Относительно равномерный рост расходов на реализацию указов	Увеличение объема расходов на реализацию указов за счет концентрации бюджетных учреждений в субъектах РФ с более высокой заработной платой по экономике
	Сохранение достигнутого паритета по уровню оплаты труда после 2018 года	Сохранение достигнутого паритета по уровню оплаты труда после 2018 года	Приближение соотношения заработной платы в социальных отраслях и экономике в целом к среднеевропейскому уровню после 2018 года
Транспортная инфраструктура	Преодоление «узких мест» в развитии транспортной инфраструктуры после 2020 года	Масштабная модернизация транспортной системы к 2025–2030 гг.	Модернизация транспортной системы к 2025 году
		Строительство высокоскоростных магистралей	Строительство высокоскоростных магистралей

	Консервативный (вариант 1)	Инновационный (вариант 2)	Форсированный (вариант 3)
Конкурентные преимущества	Используется потенциал нефтегазового сектора и транзитный	Рост технологической конкурентоспособности и снижение энергоемкости	Рост технологической конкурентоспособности и снижение энергоемкости
	Сохранение невысокой конкурентоспособности машиностроительного сектора		
	Рост производительности труда в 1,3 раза к 2018 году и в 1,9 раза к 2030 году	Рост производительности труда в 1,4 раза к 2018 году и в 2,3 раза к 2030 году	Рост производительности труда в 1,5 раза к 2018 году и в 2,7 раза к 2030 году
Изменение структуры экономики	Доминирование сырьевого сектора	Диверсификация экономики и экспорта	Диверсификация экономики и экспорта
	Развитие энергоемких производств		
	Рост импорта товаров и технологий	Рост доли высокотехнологичных отраслей и экономики знаний	Рост доли высокотехнологичных отраслей и экономики знаний
Бюджет	Бюджетное правило	Потребность в дополнительных ассигнованиях федерального бюджета	Потребность в дополнительных ассигнованиях федерального бюджета
Пенсионная реформа	Реализация пенсионной реформы с 2015 года — модификация формулы начисления пенсий, учет динамики прожиточного минимума пенсионера и доходов Пенсионного фонда. При этом обеспечивается снижение нагрузки на федеральный бюджет в части обеспечения сбалансированности бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации		

	Консервативный (вариант 1)	Инновационный (вариант 2)	Форсированный (вариант 3)
Финансирование экономического роста	Приток капитала на уровне 0,1–0,3% ВВП	Приток капитала на уровне 1–2,5% ВВП	Приток капитала в корпоративный и банковский сектор на уровне 3–6,5% ВВП
	Задолженность населения к 2030 году 50% ВВП	Задолженность населения к 2030 году 54% ВВП	Задолженность населения к 2030 году 62% ВВП
	Задолженность предприятий к 2030 году 72% ВВП	Задолженность предприятий к 2030 году 73% ВВП	Задолженность предприятий к 2030 году 94% ВВП
	Счет текущих операций сбалансирован	Счет текущих операций сбалансирован	Дефицит счета текущих операций 3–6% ВВП
Региональный аспект	Рост регионального неравенства при формировании новых энерго-сырьевых кластеров на Урале, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке	Сокращение регионального неравенства	Сокращение регионального неравенства
		Формирование новых центров инновационного развития, в том числе в Поволжье, на Урале и в Сибири	Формирование новых центров инновационного развития, в том числе в Поволжье, на Урале и в Сибири
Место в мировой экономике	Усиление зависимости от конъюнктуры рынков углеводородов и сырья, а также импорта технологий	Специализация на рынках сырья с глубоким уровнем переработки и высокотехнологичной продукции	Специализация на рынках сырья с глубоким уровнем переработки и высокотехнологичной продукции
		Реализация потенциала многосторонней интеграции и создание сильного евразийского регионального объединения	Реализация потенциала многосторонней интеграции и создание сильного евразийского регионального объединения

отсутствию вообще сценария), и их военно-политические черты, являются следующие:

Во-первых, не учитываются внешние, неэкономические, прежде всего, военно-политические факторы влияния, даже такие радикальные как угроза прямых военных действий[39]. Ни один из «сценариев развития» не допускает, что в процессе его реализации потребуется:

— дополнительная материально-техническая военная подготовка (оговорка, сделанная вскользь В. Путиным в октябре 2017 года, в отношении мобилизационных возможностей ОПК, — не в счет);
— его реализация будет происходить во враждебных, либо даже военных, условиях. Правящая элита страны перестала называть своих откровенных оппонентов «партнерами» (что звучало, уж, очень глупо), категорически не признавая ежедневной эскалации. Даже решения США о поставках оружия на Украину не повлияли на изменение «непоколебимой» позиции;

Во-вторых, не учитываются внутренние неэкономические факторы влияния, причем такие влиятельные, как:

— политико-идеологическое (концептуальное и организационное) обеспечение стратегического планирования;
— правовое и нормативное обеспечение;
— отсутствие механизмов реализации утвержденных планов.

В-третьих, не анализируются и не используются все национальные ресурсы, в т.ч. моральные, природные и производственные активы. Сложилось впечатление, что национальные ресурсы вообще не учитываются правящей элитой, если речь не идет о пресловутых финансах: сокращение инфляции, достигнутое в том числе за счет сокращения промышленного производства к 2017 году, было объявлено в качестве главного достижения;

В-четвертых, по-прежнему категорически недооценивается ведущая роль человеческого капитала и его институтов в развитии экономики и общества, прежде всего, научно-технологическими его составляющими[40].

Таким образом, различные правительственные сценарии, существовавшие накануне 2018 года, отличаются друг от друга по сути дела лишь самыми общими и до конца не сформулированными намерениями, ко-

торые, к тому же, **не были подкреплены** сколько-нибудь серьезной политической волей.

Ситуация в стране к 2018 году в области стратегического планирования сохранялась на уровне 2008–2017 годов, т.е. готовили ни к чему не обязывающие концепции и программы, за реализацию которых никто не отвечал. Исключения должны были бы «по идее» составить «майские», 2012 года, указы президента, требования к выполнению которых без конца выдвигались, но и они на самом деле были выхолощены до предела: бюрократия сумела их «выполнить» просто-напросто фальсифицировав суть. Так, повышение зарплаты в большинстве вузов и больниц было достигнуто за счет сокращений и массового перевода исполнителей на половину и четверть ставки и т.д.

Декларации В. Путина (о душевом ВВП России) полностью противоречили реальной ситуации и действиям правительства. Также, как и в предыдущие годы. В качестве очередного примера можно рассмотреть документ, который осенью 2016 года Минэкономики внесло в правительство: проект Стратегического прогноза России до 2035 года, который входит в список документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности, утвержденный 30 декабря 2015 года, как сообщили СМИ[41]. Текст, завизированный заместителем министра экономики А. Ведевым, содержал вполне добросовестную, но не удачную, попытку совместить «военно-стратегические» соображения и прогнозы социально-экономического развития России с точки зрения гражданских экономистов. Подобное «совмещение» изначально обреченное на провал, было простой механической попыткой объединить интересы (потребности) национальной безопасности и социально-экономического развития, которые в принципе механически не могут быть объединены. А, тем более, с использованием известных макроэкономических методов.

Примечательно, однако, что, пожалуй, впервые за все время проект Стратегического прогноза де-факто ставил устойчивость в сфере национальной безопасности в зависимость от уровня экономического развития России и, в частности, от инвестиционных возможностей страны, обеспечивающих доступность технологических решений — в том числе для нужд обороны. Это означает, что наши правительственные экономисты преодолели путь от полного отрицания стратегического

планирования, до признания его необходимости, в т.ч. в неэкономических областях. Правда, абсолютно без понимания того, как это делается.

Очень важно и то, что вопросами национальной безопасности в Стратегическом прогнозе Минэкономики объявлялось (помимо прочего) и развитие человеческого капитала — в том числе культуры и туризма, а также пенсионной системы и, что логично, структурных ограничений экономического роста — в понимании Минэкономики такие риски, так или иначе, имеют отражение в ситуации с национальной безопасностью. Но приоритеты развития человеческого капитала и его институтов в качестве общенациональных целей заявлены так и не были, что, в конечном счете, означает их простое игнорирование (как и случилось позже в проекте бюджета на 2018–2020 годы).

Как стало известно, таблица разногласий с этим ведомством, подписанная главой Генштаба Валерием Герасимовым, дает понять, что под Стратегическим прогнозом России подразумевают военные. Они хотели бы вполне справедливо видеть в нем оценки рисков социально-экономического развития и угроз национальной безопасности с поэтапными оценками вероятного состояния экономики и оптимальными сценариями «в виде плана или порядка» преодоления таких рисков и угроз. Другими словами, военные, как и следовало ожидать, ждали от экономистов конкретики потому, что их «работа» предполагает совершенно конкретные ответные, либо инициированные действия по обеспечению вполне конкретных военных угроз безопасности, вытекающих из развития социально-экономической ситуации в стране[42].

Судя по таблице, Генштаб даже представил сведения по детализации угроз такого рода — но документы о возможностях бунтов, войн и терактов попали в Минэкономики под грифом «совершенно секретно». В силу этого использовать их в Стратегическом прогнозе под грифом «для служебного пользования» (ДСП) экономисты уже не могли, отмечали некоторые издания.

В свою очередь, нужных экономистам сведений под грифом ДСП не нашли у себя военные, настаивающие на том, что Стратегический прогноз должен быть как минимум «секретным», а то и «совершенно секретным». В итоге 30 сентября 2016 года документ попал в правительство в более или менее гражданской версии, сообщает издание. В этой

связи наиболее интересным в проекте, с точки зрения издания, является долгосрочный «прогноз поэтапного вероятного состояния социально-экономического потенциала России» на 2016–2035 годы, который сделало Минэкономики, опережая Минфин, который должен был представить в правительство свой бюджетный прогноз до 2034 года.

По мнению Минэкономики, в 2016–2020 годах среднегодовой прирост ВВП России должен был бы составить 2,6%, в 2021–2025 годах — 4%, в 2026–2030 годах — 3,6% и в 2031–2035 годах — 3,3%. Кроме того, согласно прогнозу, инфляция упадет ниже 4% (3,4% в год) в 2021–2025 годах, а уровня 2,4% она достигнет в четвертом десятилетии этого века. Как стало видно в 2018 году, Минэкономики ошибся достаточно серьезно, причем как в одну, так и в другую сторону — темпы роста ВВП только в 2017 году почти достигли запланированного уровня, а темпы инфляции, наоборот, снизились до планируемого уровня быстрее. Это означает, что даже в краткосрочной перспективе 1–3 лет Минэкономики может прогнозировать очень неуверенно.

Хуже то, что Минэкономики при бывшем в то время министре А. Улюкаеве, даже не планировало роста промышленного производства на следующие 20 лет, полагая, что оно будет колебаться около 2,5–2,6% увеличения выпуска в год. Пик «новой модели развития экономики», по их мнению, придется на 2021–2025 годы, когда прирост инвестиций составит 6,5% в год, розничный оборот будет расти на 4,3% в год, реальные располагаемые доходы — на 3,5% в год (до и после все приросты слабее), сообщает издание. Другими словами, в 2016 году в Минэкономике сидели, ожидая, когда промышленное производство начнет расти «само по себе» после появления откуда-то внешних инвестиций. Что, естественным образом привели к падению промышленного производства к 2018 году.

При этом, ожидалось, что «пик прироста экспортного спроса» придется в 2020 году, когда он составит 3,4%, к 2035 году он будет прирастать на 2,4% в год — темпы роста мировой экономики, по мнению Минэкономики, сократятся с ожидаемых в 2020 году 3,6% прироста мирового ВВП до 2,9% в 2035 году[43]. Между тем, если допустить, что именно в эти годы может случиться другой «пик» — обострения ВПО, который приведет к военному конфликту, то все расчеты министерства полностью теряют смысл. Подобная «нестыковка» ВПО и внутренней

социально-экономической обстановки делает прогноз МЭРа бессмысленным с самого начала.

С другой стороны, неизвестно на каком основании, но министерство было уверено, что Россия станет «мировой державой XXI века». Удивительно, но в этой части прогноз МЭРа и ИМЭМО полностью совпадал. При тех же скептических оценках роста ВВП России относительно роста мирового ВВП и промышленного производства. Доля импорта в удовлетворенном внутреннем спросе снизится на 8%, производительность труда удвоится, обороты малого предпринимательства вырастут в 2,5 раза, доля обработки в ВВП составит 20%. Наконец, будет достигнут высокий уровень доверия гражданского общества к власти, которая станет эффективной и высокотехнологичной.

При этом главный критерий — человеческий капитал в его качественном измерении вообще не учитывался, а количественные показатели оценивались вполне пессимистически: по мнению специалистов министерства, численность населения будет увеличиваться до 2021–2025 годов, когда она достигнет 148,3 млн человек, но к 2035 году она сократится до 146,9 млн. На фоне роста НЧК в мире, в особенности в странах-лидерах — США, Китае, Индии, Индонезии и других, — падение численности и качества населения в России никак не может быть показателем роста «её мощи и влияния».

Кроме приведенных двух примеров прогноза развития России до 2025–2035 годов (ИМЭМО и МЭРа) существует и множество других сценариев — российских и зарубежных — развития России до 2025 года и даже далее. Со своей стороны мы предлагаем три основных сценария и их более конкретные варианты в дополнение к известным, правительственным. Поэтому можно ограничиться этими наиболее вероятными сценариями и их вариантами развития России до 2025 года и далее, оставив другие сценарии в качестве возможных развития российской ЛЧЦ и России[44].

Таким образом, в самом общем виде военно-политические особенности развития России можно предположить, исходя из логики и структуры развития этих сценариев на период 2018–2025 годов следующим образом:

Военно-политические особенности развития наиболее вероятного, «традиционно-привычного» и инерционного «Сценария №0» («Правительственного»), который является стихийной реализацией попыток бес-

сознательного управления правительством социально-экономическим развитием страны и реальными последствиями принимаемых, нередко противоречивых и анархических решений. Этот сценарий рассматривается не слишком подробно в силу его многочисленных (хотя и спорных порой) субъективных описаний, а, кроме того, абсолютной невозможности проследить субъективные мотивы и последствия тех или иных решений.

Этот сценарий — результат, а не прогноз и, тем более, не план, который получается в результате противоборства тысяч воль, субъективных факторов и переменных, на которых в действительности минимальной влияние оказывает деятельность правительства, которая по-прежнему ограничена абсолютной верой (хотя уже и не столь афишируемой) в «сознательную стихию рынка».

С точки зрения военно-политических последствий для России, реализация этого инерционного сценария может означать только постепенное нарастание отставания России от ведущих мировых центров силы по мере устаревания советского наследства в военно-технической области и усиления возможностей потенциальных соперников. К сожалению, в начале 2018 года именно этот, «Сценарий №0» («правительственный») и инерционно-стагнационный, **представляется наиболее вероятным для России до 2025 года.**

Кроме наиболее вероятного, реального инерционного сценария, существуют, на мой взгляд, **теоретически возможные варианты** того же сценарии, к которым может пытаться подойти традиционными способами правящая элита страны, до 2025 года. Суть сценария от этого не меняется. Как и его военно-политические и иные последствия: «разброс» сохраняется в пределах допустимой статистической погрешности. Иными словами, реальные варианты одного и того же практически реализуемого сценария фактически НЕ отличаются друг от друга. В зависимости от субъективных факторов они могут (и будут) несколько отличаться друг от друга, оставаясь в рамках существующей парадигмы базового сценария для России до 2025 года. С определенной степенью условности ими будут, как уже говорилось, следующие варианты:

«Вариант №1» («Инерционный»), в котором рассматриваются различные варианты инерционного развития России. В отличие от реального, «правительственного» сценария развития России, этот сце-

нарий — продукт псевдоинтеллектуальной деятельности российских макроэкономистов, их веры в модели и алгоритмы, используемые в экономике и влияющие на субъективные решения.

Этот сценарий, естественно, никогда не будет реализован, но пока что он является наиболее близким к реальному («правительственному») сценарию по самой своей природе деятельности тех финансистов и экономистов, которые отвечают в министерствах и правительстве за подготовку «научных» концепций и макроэкономических прогнозов.

С военно-политической точки зрения, подобные сценарии практически не учитывают ни внешние факторы, ни тем более военные угрозы, не говоря уже о цивилизационных опасностях. Их примитивные математические модели, от которых уже давно отказались в реальном мире, должны служить неким обоснованием экономической деятельности[45].

«Вариант №2» («Инновационный»). Этот сценарий не соответствует целиком правительственному варианту с тем же названием, так как он является своего рода данью моде, даже некой мечтой о сознательно-управляемом макроэкономистами экономическом процессе.

В условиях нарастающей враждебности ВПО, это сценарий может быть только минимально «экономическим», что делает его в глазах макроэкономистов изначально не интересным. Их симпатии и понимание сосредоточены на «идеальном» инновационном сценарии, где внешнеполитические факторы исключительно благоприятны, а военно-политические — полностью отсутствуют.

«Вариант №3» («Целевой»). По сути, повторение «Варианта №2»

Исключением может стать только сценарий, выпадающий из действующей парадигмы развития России — возможных и вероятных сценариев, сложившихся к 2018 году, а именно — единственно соответствующий будущим реалиям ВПО — «**Сценарий №3» («Мобилизационный»).** Наиболее перспективный и, однако, наименее реальный сценарий развития России в условиях нарастания враждебности в МО и ВПО в мире. Его разработка и реализация требует пересмотра основных принципов управления, сложившихся за последние годы, но, главное, переоценки всей системы ценностей, причем сознательной и достаточно категорической, с точки зрения неизбежности нарастания межцивилизационного противоборства[46].

Если попытаться формализовать существующие сценарии правительства в некую матрицу, то — кроме традиционных трех сценариев — она может представить собой очень простую, даже примитивную картину, которая, однако, вполне устраивает тех в руководстве страны, кто отвечает за стратегическое планирование: группа вариантов (вероятных) Сценария №1, аналогичная группа (возможных) Сценарий №2 и, наконец, группа мобилизационных вариантов Сценария №3.

На самом деле — по состоянию на начало 2018 года — ни один из этих сценариев (за исключением «правительственного», «инерциионнного», «стагнационного» и т.д.) — никогда не будет реализован потому, что не существует ни политической воли, ни правящей элиты, ни системы, ни механизмов их реализации. Поэтому, как всегда, будет реализован хаотически некий Сценарий №0, который получится в результате произвольной реализации влияния всех тенденций и факторов и отсутствия механизма реализации сознательно избранного и управляемого процесса.

Тем не менее, этот Сценарий №0 несет на себе субъективное — более или менее сильное — влияние неких умозрительных сценариев, формализованных в решениях правительства. Их порядок определяется **степенью вероятности**, когда наиболее вероятным, на взгляд экспертов, представляется «Сценарий №0» («Правительственный»), а наименее вероятный — «Сценарий №3» («мобилизационный»), хотя для будущего России представляется обратный порядок: как раз более предпочтительным («Сценарий №0», как уже говорилось, описывается коротко в силу уже указанных причин). Эта взаимосвязь может быть представлена в матрице «вероятность-желательность» того или иного сценария, на мой взгляд, следующим образом (где оценки могут соответствовать от 1 до 10 баллов) (табл. 4.2).

Таблица 4.2.

Вероятность	Желательность
Сценарий №0	10 : 0
Сценарий №1	8:2
Сценарий №2	3 : 7
Сценарий №3	1 : 9

Формально-логическое развитие этих сценариев и их трансформацию в те или иные варианты (о чем речь будет идти ниже) можно представить на следующем рисунке. Если исходить из того очевидного факта, что современный сценарий России является не сценарием развития, а «Инерционно-стагфляционным» сценарием, определяющим современное состояние экономики и социальной сферы как «депрессию» и стагнацию с незначительной положительной динамикой по сравнению с 2016–2017 годами.

Теоретически (но только теоретически) он может с 2018 года развиваться по следующим сценариям — «Инерционному», «Инновационному» и «Мобилизационному», хотя при полном отсутствии условий, о которых говорилось выше, этот «Инфляционно-стагнационный» сценарий после 2018 года будет хаотически эволюционизировать дальше, радуя некоторых наблюдателей снижением инфляции до 3% и нулевыми темпами роста промышленного производства (за исключением оборонки и нескольких отраслей).

В целях более точного анализа возможных (но маловероятных) перемен можно рассмотреть более конкретные варианты этих сценариев. Это разделение на базовые сценарии и их варианты значительно отличается от традиционных сценариев долгосрочного развития, предлагаемых, например, МЭРом, которые (по мнению его экспертов) определяются следующими тенденциями и факторами, сформулированными еще в 2013 году. Очевидно, что эти оценки сегодня, к 2018 году, выглядят абсолютно нереалистическими и оторванными от российских реалий по всему спектру, но мы обязаны допустить, что в результате политических перемен могут произойти и изменения в стратегическом планировании.

С военно-политической точки зрения, развитие России по разным сценариям и их вариантам имеет огромное значение. Так, очевидно, что реально реализуемый «Инновационный сценарий» в варианте «Технологического скачка» может привести к повторению истории, когда ВПО в мире в конце 40-х годов XX века формировалось уже под влиянием военно-технологических успехов СССР в области атомной и ракетной техники, что маловероятно после 2025 года при реализации «Инерционного сценария» в любом из его вариантов.

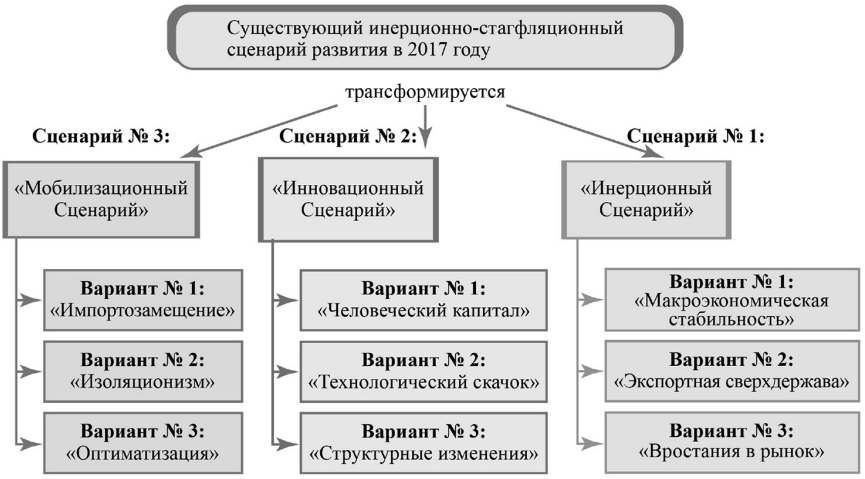


Рис. 4.1. Сценарии и варианты развития России на период до 2025 года

Тем более радикальны военно-политические последствия для России могут быть в случае реализации «Мобилизационного сценария» в варианте, например, «Импортозамещения», когда Россия создаст собственную современную технологическую базу, не уступающую западной ЛЧЦ. Как это сделали, например, в КНР или Израиле.

Варианты малореальных сценариев настолько нереалистичны. Что не требуют специального анализа, а тем более прогноза. Поэтому сегодня нет смысла их комментировать, однако необходимо еще раз о них напомнить для того, чтобы ясно себе представить оторванность правящей элиты России от реалий и её неспособность реализовать даже самый «консервативный» сценарий. Пусть в условиях резкого изменения МО и ВПО. Кстати, все прогнозы развития МО–ВПО, сделанные, например, РАН, вплоть, до конца 2013 года, свидетельствовали об излишне оптимистическом характере будущих внешних условий для России. Что, свидетельствует как о качестве прогнозов РАН, так и о качестве стратегического планирования в России, в целом.

Тем не менее, предлагается в целях иллюстрации существующего теоретически возможного развития России и правительственного подхода коротко рассмотреть основные положения различных сценариев и их вариантов развития России до 2025 года. Прежде всего, с точки зрения их военно-политических особенностей.

4.3. Военно-политические особенности наиболее вероятного («правительственного») сценария развития России до 2025 года[47]

Большинство сценариев развития международных отношений, составленных до 2014 года, сегодня полностью утратили свою актуальность[48]

Я. Новиков,
Генеральный директор
АО «Концерн ВКО „Алмаз-Антей“»

Изучение военно-политических особенностей правительственных сценариев развития в мире и России имеет исключительно важное значение потому, что они, как правило, — стихийно и субъективно складывающиеся, — в минимальной степени находятся под влиянием сознательных и планируемых решений. Субъективность, хаотичность и непредсказуемость военно-политических и военно-экономических решений усугубляется объективной невозможностью прогноза развития стратегической обстановки. Таким образом, происходит «наложение» одной группы субъективных факторов — непредсказуемости военной политики России — на другую группу — непредсказуемость развития СО в мире, — что дает «непредсказуемость в квадрате», т.е. абсолютную непредсказуемость, от которой необходимо по возможности как-то избавляться для того, чтобы иметь хотя бы самые общие военно-политические ориентиры[49].

Можно предположить, что если в числителе некой дроби будет стоять значение, которое будет обозначать понимание существующих и будущих реалий мировой ВПО, а в знаменателе — значение, обозначающее адекватность национальной стратегии (и военной политики), то теоретически может получиться некий результат, отражающий степень соответствия национальной политики внешним угрозам. Но как первая величина (ВПО, состоящая из тысяч переменных), так и вторая величина (состоящая из не меньшего числа факторов), понимаемые субъективно разными представителями правящей элиты совершенно

по-разному, дают очень условное восприятие действительности, отражающее лишь отчасти реалии.

_ МО–ВПО
= реальность
Национальная стратегия

При всём том, почему-то считается, что процедура согласования и проработки ГОЗ и военно-технических заданий, как и планов военного строительства, — наиболее проработанная и согласованная. Что очень далеко от реальности, как говорит нам вся военная история. Если ситуация такова — а это так и есть — то, вполне естественно, что их военно-политические последствия в минимальной степени прогнозируются и учитываются[50].

По весьма простой причине — они не планируются, более того, даже не рассматриваются. Кто, например, в 2015–1017 годах в России оценивал негативные последствия реформ в образовании для НЧК в оборонной промышленности или вооруженных силах? Или кто может прогнозировать в 2018 году в правительстве (кроме специалистов Генштаба и ВКО «Алмаз-Антей») будущие последствия массированного строительства ВТО в США?

Исходя из этого, необходимо попытаться спрогнозировать реальные последствия социально-экономического развития России до 2025 года в ходе реализации любого из декларируемых правительством (но, как мы знаем, никогда не реализуемым) сценариям. Я исхожу из того, что в долгосрочной перспективе развитие российской экономики и социальной сферы будет определяться следующими основными **реальными** тенденциями), которые неизбежно окажут влияние на военно-политические особенности развития страны (о которых можно судить на начало 2018 года)[51]:

1. Постепенной, но медленной адаптацией к замедлению темпов роста мировой экономики и спроса на углеводороды, постепенным и медленным возвращением к промышленному и научно-техническому развитию, которые — не смотря на все оптимистические декларации правительства — останутся второстепенными характеристиками. Это будет означать такое же постепенное и медленное

восстановление ОПК и Вооруженных сил, происходящее, как правило, на прежней технологической основе, и постепенно все более отстающее от мирового уровня. Выдающиеся советские достижения в системах ПВО-ПРО, авиации и бронетанковой техники будут сходить к 2025 году на нет, теряя модернизационный ресурс;

2. Усилением зависимости платежного баланса и экономического роста от притока иностранного капитала и состояния инвестиционного климата, не способностью правительства переориентироваться на внутренний спрос и ростом внешней зависимости. Инерция и стагнация станут желательной нормой, которую сможет изменить только смена политико-идеологической парадигмы, либо резко обострившаяся внешняя угроза. С военно-политической точки зрения это будет означать падение возможностей ВТС и способностей ВВСТ России конкурировать с другими странами в ряде высокотехнологических областей, прежде всего робототехники, БЛА, микроэлектроники.
3. Исчерпанием имеющихся технологических заделов в ряде высоко- и среднетехнологичных отраслей экономики при усилении потребности в активизации инновационно-инвестиционной компоненты роста. Правительство будет активизировать «точки технологического роста», будучи не в состоянии перейти к общему технологическому развитию. В ряде областей ОПК возможно удастся сохранить уровень и качество производства за счет зарубежных технологий, приобретенных в предыдущие годы.

   Отсутствие задела в фундаментальных науках и технологиях развития нового века неизбежно приведет к отставанию «по всему технологическому» фронту, которое скажется на ОПК России.
4. Необходимостью преодоления нарастающих ограничений в инфраструктурных отраслях (электроэнергетика, транспорт), приобретающих лавинообразный характер. Отсталая инфраструктура сможет развиваться по двум основным направлениям:
   — точечным, отдельным направлениям, как это было до 2018 года;
   — за счет партнерства с зарубежными инвесторами, которые могут быть заинтересованы, например, в развитии транспортных коридоров.

5. Начавшимся сокращением населения в трудоспособном возрасте в сочетании с усилением дефицита квалифицированных рабочих и инженерных кадров, что особенно тяжело сказывается на ОПК, где требуется высококвалифицированный персонал не только ИТР, но и рабочих.

   Эти негативные тенденции правительство будет пытаться компенсировать отдельными акциями по аналогии с теми, которые предпринимались в 2005–2017 годах, не влияющими принципиально на качество и количество НЧК, сохраняя его уровень на 2017 год, но постепенно уступая позиции и скатываясь за пределы развитых государств (за 70-е место ИРЧП).
6. Усилением конкуренции как на внутренних, так и на внешних рынках при значительном сокращении ценовых конкурентных преимуществ из-за опережающего роста заработной платы, энергетических издержек.

С учетом этого основные варианты долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации определяются степенью реализации следующих **ключевых факторов**:

— степенью развития и реализации сравнительных преимуществ российской экономики в энергетике, науке и образовании, высоких технологиях и других сферах;
— интенсивностью инновационного обновления обрабатывающих производств и динамикой производительности труда;
— модернизацией транспортной и энергетической инфраструктуры;
— развитием институтов, определяющих предпринимательскую и инвестиционную активность, эффективностью государственных институтов;
— укреплением доверия в обществе и социальной справедливости, включая вопросы легитимности собственности;
— интенсивностью повышения качества человеческого капитала и формирования среднего класса;
— интеграцией евразийского экономического пространства.

В зависимости от степени реализации этих факторов формально правительством выделяются три сценария социально-экономического развития в долгосрочной перспективе — консервативный,

инновационный и целевой (форсированный)[52], совпадающих целиком с предлагаемой мною классификацией сценариев на «Инерционный», «Инновационный» и «Мобилизационный». Примечательно, что, как уже говорилось, эти сценарии носят теоретический характер. На практике они будут реализованы в одном-единственном инерционном базовом правительственном сценарии, который становится нормой уже более 15 лет, — «стагнационно-инфляционном» сценарии. С поправкой на вполне вероятное снижение уровня инфляции до 3%.

«Целевой» (форсированный) вариант базового сценария разработан на базе инновационного сценария, являясь таким же теоретическим и не практическим вариантом базового сценария. При этом он характеризуется формально форсированными темпами роста, повышенной нормой накопления частного бизнеса, созданием масштабного несырьевого экспортного сектора и значительным притоком иностранного капитала, а также другими необоснованными «пожеланиями».

Сценарием предусматривается полномасштабная реализация всех задач, поставленных в указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №596–606, но которые, как стало ясно к 2018 году, будут выполнены в лучшем случае на 50%.

По этому сценарию среднегодовые темпы роста ВВП повышаются до 5,0–5,4%, что повышает вес российской экономики в мировом ВВП до 5,3% мирового ВВП к 2030 году. В «Мобилизационном» сценарии эти темпы могли бы достигать 9–12%, что соответствовало бы темпам развития ВВП в КНР в некоторые периоды.

Рассмотренные три основные сценария развития предполагают относительную стабилизацию динамики цен на нефть и другие сырьевые ресурсы в реальном выражении.

При этом все сценарии правительства представляли собой неоправданный оптимизм в отношении цен на энергоресурсы, что изначально лишает любое стратегическое планирование реалистической основы. Так, измеряемые в долларах США 2010 года, цена на нефть в период 2013–2030 гг. ожидалась на уровне 90–110 долларов за баррель. В долларах текущих лет цена на нефть достигает к 2030 году

164 долл. за баррель. Цена на российский экспортируемый газ в долларах 2010 года в среднем за период 2013–2030 годов в среднем оценивается в 310 долл. США за тыс. куб. м, что приблизительно соответствует текущим ценам на газ. При этом риски снижения цен на газ, особенно в среднесрочной перспективе, выше, чем риски снижения цен на нефть, что может значительно изменить условия развития российской экономики.

МЭР объяснял различия в сценариях тем, что они «вытекают из внутренних факторов, разной модели поведения бизнеса и государственной политики развития и обеспечения макроэкономической сбалансированности», что, на самом деле, мало что объясняет. Подлинные различия заключаются в целеполагании и создании механизмов для реализации таких сценариев.

Основные преимущества инновационного сценария в динамике экономического роста и доходов населения по сравнению с консервативным сценарием проявляются после 2015–2018 годов. В то же время уже в среднесрочной перспективе инновационный сценарий отличается от консервативного качественными параметрами экономического и социального развития, особенно в сфере развития человеческого потенциала[53].

Инновационный сценарий отличается повышенной устойчивостью к возможному падению мировых цен на нефть и сырьевые товары, а также к общему ухудшению мировой динамики и усилению глобальных торговых и финансовых дисбалансов. В то же время форсированный сценарий, который предполагает максимизацию использования всех факторов роста, будет характеризоваться усилением макроэкономической несбалансированности. Вариант предполагает рост долгов корпоративного сектора до 119% ВВП в 2030 году против 78% ВВП по инновационному сценарию. Долги домашних хозяйств вырастут по форсированному сценарию до 65% ВВП, по инновационному сценарию — до 52% ВВП. Сальдо счета текущих операций в форсированном сценарии, начиная с 2014 года (в консервативном с 2015 года), становится устойчиво негативным, что приведет к повышению уязвимости национального хозяйства к внешним шокам.

4.4. Консервативный вариант наиболее вероятного базового сценария («Вариант №1»)

Новая Стратегия (Стратегия Национальной безопасности США) содержит план того, как Америка может вновь перехватить инициативу, чтобы переломить многие эти тенденции, понимая, что есть некоторые совершенно новые угрозы, на которые нам нужно выработать новые стратегии[54]

Представитель «Белого дома», 18 декабря 2017 г.

Выборы Президента РФ в 2018 году должны были бы предложить стране новую стратегию опережающего развития в условиях усложняющейся ВПО, угрожающей прямым военным столкновением. Но этого не произошло — в качестве стратегии развития был фактически предложен вариант, прогноз и бюджет, разработанный МЭРом осенью 2017 года, который консервировал существующие инерционные тенденции и отставание России в условиях быстрого роста новых центров силы в Евразии[55].

Этот вариант остается в реальности базовым, на который ориентируются конкретные варианты развития России. В частности, если речь идет об энергетики, то утвержденный в июне 2017 года Генеральная схема размещения электроэнергетических мощностей до 2035 года, предполагает, что Долгосрочный прогноз спроса разработан на основе консервативного сценария прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030года и уточнен с учетом основных параметров прогноза социально-экономического развития России на 2017 год и плановый период 2018–2019 годов, одобренных на заседании Правительства Российской Федерации 21 апреля 2016 г.

Консервативный сценарий характеризуется умеренными долгосрочными темпами роста экономики на основе активной модернизации топливно-энергетического и сырьевого секторов российской экономики при сохранении относительного отставания в гражданских высоко- и среднетехнологичных секторах. Модернизация экономики ориентируется в большей степени на импортные технологии и знания.

Среднегодовые темпы роста ВВП оцениваются на уровне 3,0–3,2% в 2013–2030 годах. Экономика увеличится к 2030 году всего в 1,7 раза, реальные **доходы населения возрастут в 1,9 раза, а доля России в мировом ВВП уменьшится с 3,8% в 2012 году до 3,6% в 2030 году**[56].

Консервативный сценарий отражает доминирующие в настоящее время интересы иждивенчества правящей элиты в российской экономике и не предполагает полномасштабного перехода к новой модели развития. Ресурсы и уровень организации бизнеса и занятых в инновационных секторах экономики значительно слабее, чем в энерго-сырьевых секторах: около трети занятых и 11% ВВП против 2% занятых и 21% ВВП в нефтегазовом комплексе.

Инновационный и форсированный сценарии предполагают значительно более сложную модель управления и для государства, и для бизнеса. Они связаны с инвестированием в проекты по развитию высоких технологий и человеческого капитала с параметрами окупаемости, далеко выходящими за сложившиеся на рынке среднесрочные пределы. Основные барьеры вызваны дефицитом конкурентоспособных по мировым критериям профессиональных кадров как на уровне корпораций, так и государственного управления, неэффективностью механизмов координации усилий.

Долгосрочный прогноз спроса представлен в 2 вариантах: базовом и минимальном. Базовый вариант долгосрочного прогноза спроса учитывает замещение электроэнергией других видов топлива и энергии

Основные параметры и характеристики в базовом варианте прогноза

	2017	2018	2019
ВВП, *млрд руб.*	86 806	92 296	98 860
Темп прироста ВВП, *% к пред. году*	0,6	1,7	2,1
Средняя цена нефти марки Urals, *долл./барр.*	40	40	40
Среднегодовой курс руб. к долл. США, *руб. за долл.*	67,5	68,7	71,1
Индекс потребительских цен, *%*	4	4	4
Доходы всего, *млрд руб., в том числе:*	13 437	13 989	14 825
Нефтегазовые	5 029	5 133	5 370
Ненефтегазовые	8 408	8 856	9 455

Рис. 4.2[57]. Проект федерального бюджета России на 2017–2019 годы

Таблица 4.3. Основные показатели прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2010–2030 годы[58]

(среднегодовые темпы прироста, %)

	Варианты	2011–2015 гг.	2016–2020 гг.	2021–2025 гг.	2026–2030 гг.	2013–2030 гг.
Валовой внутренний продукт	1	3,6	3,6	3,0	2,5	3,0–3,2
	2	4,0	4.4	4,0	3,7	4,0–4,2
	3	4,6	6,8	5,3	4,2	5,0–5,4
Промышленность	1	3,4	2,7	2,3	2,3	2,6
	2	3,7	3,4	3,0	2,9	3,2
	3	4,0	5,2	4,1	3,3	4,2
Инвестиции в основной капитал	1	6,9	5,1	4,3	3,6	4,7
	2	7,3	6,6	5,5	4,8	5,9
	3	9,1	12,6	7,1	4,0	8,2
Реальная заработная плата	1	4,6	4,7	3,6	3,1	3,8
	2	5,2	5,4	4,6	4,1	4,8
	3	7,6	11,1	8,2	4,6	7,9
Оборот розничной торговли	1	5,5	4,5	3,3	2,3	3,6
	2	6,0	4,7	4,4	4,2	4,6
	3	6,2	7,3	6,1	4,5	6,0
Экспорт — всего (на конец периода), млрд долл. США	1	534	668	868	1176	
	2	534	705	989	1438	
	3	540	732	1051	1615	
Импорт — всего (на конец периода), млрд долл. США	1	426	563	703	909	
	2	426	574	765	1067	
	3	435	695	975	1244	

и углубление электрификации в ряде отраслей, в том числе в обрабатывающей промышленности, жилищно-коммунальном хозяйстве и на транспорте.

Минимальный вариант долгосрочного прогноза спроса учитывает интенсивную реализацию программ энергосбережения и внедрение новых технологий с пониженным потреблением электрической энергии.

Долгосрочный прогноз спроса учитывает присоединение к Единой энергетической системе России энергетической системы Республики Крым и г. Севастополя, а также Центрального и Западного энергетических районов Республики Саха (Якутия).

Долгосрочный прогноз спроса в базовом варианте предполагает к 2035 году в зоне централизованного электроснабжения России увеличение потребления электрической энергии до 1345,2 млрд кВт·ч, увеличение максимума потребления мощности до 197 млн кВт, среднегодовой прирост потребления электрической энергии на уровне 1,3%.

Долгосрочный прогноз спроса в минимальном варианте предполагает к 2035 году в зоне централизованного электроснабжения России увеличение потребления электрической энергии до 1275,3 млрд кВт·ч, увеличение максимума потребления мощности до 187,6 млн кВт, среднегодовой прирост потребления электрической энергии на уровне 1%[59].

Консервативный сценарий (вариант №1) обеспечивает к 2020 году частичное снятие ограничений развития за счет реализации конкурентного потенциала России в сферах энергетики и транспорта, повышения качественного уровня энерго-сырьевых отраслей и укрепления сырьевой специализации России в мире. Он характеризуется:

— реализацией (в том числе в рамках государственно-частного партнерства и иностранного партнерства) крупномасштабных проектов, обеспечивающих добычу и разработку месторождений полезных ископаемых в новых районах добычи (нефть Восточной Сибири, газ Арктического шельфа и другие), и строительством соответствующих трубопроводов;
— резким повышением эффективности использования месторождений за счет внедрения новых технологий;
— диверсификацией направлений экспорта российских углеводородов, в том числе в Китай, и созданием соответствующей инфраструктуры;
— развитием транспортной инфраструктуры, обеспечивающей реализацию транзитного потенциала экономики, в том числе совместных проектов по добыче и экспорту углеводородов в рамках Евразийского союза и с другими государствами, при сохранении значительных «узких мест» в автодорожной и железнодорожной инфраструктуре до 2025 года;
— модернизацией и интенсивным развитием российской энергетики, вводом новых эффективных генерирующих и сетевых мощностей

в электроэнергетике с постепенным развитием атомной электроэнергетики, угольной, гидро- и альтернативной энергетики;

— концентрацией инновационной активности преимущественно в энергетике, топливных и сырьевых отраслях (металлургия, основная химия), сопряженных машиностроительных производствах, обеспечивающих их технологическую модернизацию и повышение конкурентоспособности на мировых рынках;

— сохранением относительно низкого уровня инновационной активности высокотехнологичных секторов, закреплением их качественного отставания от лидирующих стран и сохранением высоких темпов импорта[60].

Расходы на научные исследования и разработки к 2030 году не превысят уровень 1,3% ВВП. Расходы на образование на протяжении всего периода стабилизируются на уровне 4,8–6,1% ВВП (в том числе бюджетная система — 4,0–5,1% ВВП). Расходы на здравоохранение к 2030 году вырастут до 6,2%, в том числе за счет бюджетной системы до 4,9% ВВП. Уровень частных и государственных инвестиций в человеческий капитал будет значительно уступать параметрам развитых стран[61].

Вместе с тем, даже этот вариант, как считают в Правительстве, позволит обеспечить необходимый уровень обороны при снижении военных расходов[62].

В сентябре 2017 года президент России Владимир Путин должен был утвердить новую Государственную программу вооружений (ГПВ) на 2018–2025 годы. Этот документ определит, на что именно будут потрачены средства, выделяемые на модернизацию Вооружённых сил РФ. В ближайшие 7 лет на эти цели из бюджета будет направлено около 17 трлн рублей[63].

Государственная программа вооружений была впервые принята в 2007 году. Документ содержал приоритетные направления закупок военной техники, боеприпасов, амуниции и оборудования. Также ГПВ определяла количество техники, подлежащей ремонту и модернизации. Госпрограмма вооружений — стержень будущего Гособоронзаказа (ГОЗ), который утверждается каждый год. В документе чётко указаны сроки и объёмы поставок в войска. Последние годы ГОЗ выполняется на 96–99%. В 2017 году в Минобороны ожидали показателя как минимум в 97%. Д. Рогозин в конце года даже говорил о 98–99%.

Обсуждение ГПВ на 2018–2025 годы продолжалось с конца 2016 года вплоть до конца 2017 года. Первоначальные запросы Минобороны составляли 30 трлн рублей. После анонсированного правительством сокращения военных расходов ГПВ урезали до 22 трлн, потом — до 17 трлн рублей. В ближайшем будущем президент РФ В. Путин видит затраты на оборону в пределах 2,7–2,8% ВВП (в 2016 году этот показатель был равен 4,7%). При этом считалось, что поставленные ранее задачи по модернизации Вооружённых сил и оборонно-промышленного комплекса (ОПК) должны быть выполнены.

Перед Минобороны и промышленностью стоят две стратегические цели, которые превратились в важнейшие приоритеты. Первая — увеличить к 2020 году долю современной техники в войсках до 70% (в 2016 году этот показатель составил 58,3%.). Вторая — нарастить к 2030 году долю гражданской продукции в ОПК до 50% (в 2015 году — 16%).

Минпромторг РФ прогнозировал к 2020 году рост объёма выпуска гражданской продукции в 1,3 раза. Вполне вероятно, что рывок в производстве будет достигнут за счёт масштабного производства пассажирских самолётов различного класса. Государство делает ставку на выпуск МС-21, Ил-114–300, Ил-112В, Ту-334, Ту-214 и Ту-204. К 2025 году количество выпускаемых самолётов должно увеличиться в 3,5 раза, с 30 до 110 единиц[64].

Основой финансовой стабильности оборонного сектора должны стать не только долгосрочные контракты в рамках ГОЗ. На совещаниях, посвященным вопросам ОПК, глава государства неоднократно призывал промышленников искать новые рынки сбыта.

Между тем повышение доли современной военной техники в войсках предполагает достаточно серьёзные расходы. Российская армия стоит на пороге смены поколений вооружений, ресурс советского оружия, даже некоторых глубоко модернизированных вариантов, подходит к концу[65].

Из заявлений официальных лиц следует, что государство направит бюджетные средства на разработку и покупку нового оружия и оборудования. Причём замена устаревших образцов не будет равноценной в количественном отношении. Причина в том, что современные средства разведки и поражения намного эффективнее образцов, изобретённых в прошлом веке.

На данный момент со стопроцентной уверенностью можно утверждать, что в приоритете ГПВ останутся Ракетные войска стратегического назначения (РВСН), выполняющие функцию ядерного сдерживания США[66].

В 2019–2020 годы на смену шахтному комплексу «Воевода» с ракетой Р-36М «Сатана» начнёт приходить комплекс пятого поколения «Сармат». Одноимённая межконтинентальная баллистическая ракета РС-28 будет оснащена гиперзвуковой боеголовкой, известной как изделие Ю-71.

К 2022 году с вооружения РВСН должен быть снят мобильный комплекс «Тополь-М», который начал поступать в ракетные войска в 1980-е годы. С 2011 года Минобороны закупает только РС-24 «Ярс». Кроме того, до 2025 года РВСН может получить несколько железнодорожных комплексов «Баргузин» с облегчённой версией РС-24.

Сухопутные войска и ВДВ ожидают пополнения в виде широкой линейки бронетехники: БРДМ-4М, БТР-МД «Ракушка», машины на платформе «Армата» и около 100 единиц единственного в мире танка третьего поколения Т-14.

Кроме того, ГПВ до 2025 года приведёт к долгожданной революции в средствах связи и управления войсками. Все пехотинцы и десантники будут носить форму «Ратник», которая повысит уровень кооперации и мобильности.

Командование ВМФ рассчитывает на появление в строю двух универсальных десантных кораблей (УДК) типа «Прибой», десятков корветов, фрегатов, вспомогательных судов и субмарин, в том числе атомных. С 2012 по 2016 год российские верфи заложили пять подводных крейсеров, способных нести ядерное оружие. Очевидно, что часть предусмотренных в ГПВ расходов пойдёт на окончание строительства атомоходов, которые укрепят морской компонент Стратегических ядерных сил РФ[67].

Ударную мощь российских кораблей и подлодок будут повышать с помощью закупок крылатых ракет семейства «Калибр» и гиперзвуковых противокорабельных ракет «Циркон». Береговую оборону РФ усилят комплексы «Бал» и «Бастион».

Текущие планы модернизации Воздушно-космических сил подразумевают пополнение 50 стратегическими ракетоносцами Ту-160,

а также истребителями Су-34, Су-35, модернизированными версиями МиГ-29, а также новейшими Су-57 (ПАК ФА) и МиГ-35. С большой вероятностью авиация получит новые транспортные самолёты, многоцелевые и ударные вертолёты, сотни беспилотников, в том числе ударных.

Пожалуй, самым современным звеном российской армии будут части ПВО, которые входят в состав ВКС и Сухопутных сил. Противовоздушным войскам будут переданы модернизированные комплексы «Панцирь» и «Тор», зенитные ракетные системы С-400 и С-500.

Важнейший вопрос, который волнует военных и экспертов, это распределение средств, предусмотренных ГПВ. Заместитель директора Центра анализа стратегий и технологий (ЦАСТ) К. Макиенко предполагает, что меньше всего денег получит ВМФ (ожидается 2,6 трлн рублей, 15% от объёма финансирования ГПВ).По его мнению, напряжённая ситуация на Украине, в Центральной Азии и операция в Сирии диктуют необходимость вкладывать больше средств в Сухопутные силы и ВДВ, где доля современной техники не превышает 50%[68].

Военный эксперт, старший научный сотрудник Высшей школы экономики Василий Кашин поддерживает идею направления вектора в сторону масштабной модернизации вооружений пехотных и десантных соединений[69]. По его мнению, текущая обстановка в мире создаёт слишком высокие риски появления локальных конфликтов. «Бронетехника России — практически вся советской разработки и многие из её образцов имеют концептуальные недостатки, неустранимые в рамках конструкций, которые были заложены в советское время, исходя из специфических задач, стоявших перед советской армией»[70], — заявил RT Кашин.

При этом эксперт отметил, что предыдущая ГПВ позволила вооружить ракетные бригады Сухопутных сил оперативно-тактическими комплексами «Искандер», беспилотниками различного типа, новыми системами связи и управления войсками. «Первые годы действия ГПВ будут закупаться ещё модернизированные версии вооружений. Техника нового поколения начнёт поступать в войска через несколько лет. Её предстоит доработать до стадии, когда можно запускать в серийное производство», — уточнил Кашин.

4.5. Инновационный вариант наиболее вероятного базового сценария развития («Вариант №2»)

Смысл всей нашей политики — это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России[71]

В. Путин,
Президент РФ

Инновационный вариант базового сценария развития — любимый тезис правительства и его экспертов, хотя он давно уже превратился в банальное и бессмысленное заклинание по простой причине: «инновация» это улучшение, совершенствование того, что есть. Если же этого — приборостроения и обрабатывающей промышленности, например, — нет вообще, то и улучшать нечего. Говорят, например, что отечественной экономике сегодня важно быстро переориентироваться и преодолеть отставание от лидеров. И не далее, чем в среднесрочной перспективе предстоит добиться лидерства по ключевым направлениям «цифровизации».

Это достаточно сложная задача, особенно принимая во внимание целый набор накопившихся характерных экономических проблем. Действовать придется в весьма стесненных обстоятельствах, предельно оптимизируя каждую серию движений в этом рискованном «беге по лезвию бритвы». Поэтому особое внимание знаниям и технологиям, которые дают долгосрочные конкурентные преимущества. А это значит, что существенные усилия должны быть направлены на развитие не только самих информационных технологий, но и на развитие базовых управленческих решений, которые уже в свою очередь строятся на производительных информационных технологиях, а также их использовании в социальной и политической областях[72].

Только конкурентные решения, основанные на сильной фундаментальной и прикладной науке, позволяют заложить прочную основу для внутреннего развития цифровой экономики[73]. И только опираясь на них, можно достойно выйти и закрепиться на международном пространстве жестко конкурирующих цифровых экосистем. В том числе

и прежде всего в военно-технической области, где с конца прошлого века исключительно важную роль стали играть информационные системы и средства управления ВВСТ и ВС, о чем я безуспешно пытался предупреждать еще в 80-е годы прошлого века[74].

«Инновационный» вариант базового сценария характеризуется усилением инвестиционной направленности экономического роста. Сценарий опирается на создание современной транспортной инфраструктуры и конкурентоспособного сектора высокотехнологичных производств и экономики знаний наряду с модернизацией энерго-сырьевого комплекса. По большому счету все элементы этого варианта относятся ко всему базовому сценарию, увеличивая несколько некоторые его пропорции[75].

Надо признать, что к 2018 году ни одно из этих условий выполнено не было, что во многом объяснялось политикой санкций со стороны Запада[76]:

— инвестиции в экономику, в том числе из-за санкций Запада, постоянно сокращались;
— современная инфраструктура создавалась крайне медленно и неравномерно в различных регионах;
— высокотехнологичные производства и экономика знаний — оставались в зародыше.

Напомню, что сценарий предполагал превращение инновационных факторов в ведущий источник экономического роста и прорыв в повышении эффективности человеческого капитала на рубеже 2020–2022 годов, что позволило бы в итоге улучшить социальные параметры развития[77]. Наверное, к этому варианту относился и пример расчета удельного веса ТЭКа в экономике России , иллюстрировавший эту логику: табл. 4.4.

Как видно из примера, среднегодовые темпы роста российской экономики оценивались на уровне 4,0–4,2% в 2013–2030 гг., что должно было бы превышать рост мировой экономики и позволило бы увеличить долю России в мировом ВВП до 4,3% к 2030 году[78]. Чего, как известно, до 2018 года не произошло. Более того, планы «инновационного» развития были радикально пересмотрены до сокращения прироста ВВП страны к 2030 годам до 2–3%.

Таблица 4.4. Роль ТЭК в экономике России, %[79]

	2010	2015		2020		2025		2030		2035		2040	
		1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Прирост ВВП	4,3	4,5	4	4,3	3,3	4,2	3,2	3,8	2,8	3,7	2,7	3,5	2,5
Вклад ТЭК в ВВП	28,5	25,6	25,5	22,9	23,1	20,0	20,4	18,4	18,8	17,0	17,3	15,6	15,9
Инвестиции* в ТЭК от ВВП	4,6	5,2	6,4	4,3	3,9	3,9	3,8	3,5	3,5	3,2	3,2	2,8	2,8
Доля ТЭК в общих инвестициях	22,6	23,8	23,5	17,4	15,1	15,0	12,3	13,4	13,4	12,5	12,5	11,2	11,2

*В среднем за 5 лет

1 — исходный вариант, 2 — прогнозный вариант

Источник: ИНЭИ РАН

Это означает, что в 2018 году российская экономика подошла к точке принятия решения о дальнейшем развитии и фактически не оставила себе времени на долгие теоретические дискуссии, как не оставила себе права делать серьезные стратегические и даже тактические ошибки. Потребуются усилия на порядок большие и значительно опережающие по смелости и дальновидности усилия других стран и межгосударственных союзов, чем в 2014–2017 годы. Поэтому особый интерес в этой связи обращен к соседям и к Евразийскому экономическому союзу. Его сегодняшняя задача — быстрое и вдумчивое формирование адекватной и амбициозной цифровой повестки для всех государств-членов, чтобы, наконец, не упустить шанс и использовать все преимущества единого цифрового экономического пространства ЕАЭС.

Вопрос уже не в том бежать ли вообще и куда бежать, а в том, как пробежать по лезвию бритвы в цифровую экономику? 28 июля 2017 года ответ дан на официальном уровне — утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (распоряжение Правительства РФ №1632-р)[80]. Заинтересованные лица могут теперь внимательно всмотреться в «дорожную карту», в вехи, в целевые показатели и оценить насколько они реализуемы в текущих условиях. Правительство проложило «дорогу» к цифровой экономике до 2024 года. И даже определило проводников — ведущие организации (Сбербанк, Ростелеком, Ростех, Росатом, Фонд «Сколково», АСИ), которые должны помочь преодолеть выбранный путь. Ну что, побежали или всё-таки сделали только первый осторожный шаг?![81]

Инновационный вариант сценария развития (вариант №2) опирается на использование конкурентных преимуществ российской экономики не только в традиционных секторах (энергетика, транспорт, аграрный сектор), но и в новых наукоемких секторах и «экономике знаний» и масштабное изменение структуры российского экспорта. Но это — теоретически, а практически, в условиях ухудшения ВПО и санкций, — любой такой вариант инновационного развития должен основываться на мобилизации творческого, прежде всего научного, потенциала нации. Чего так и не произошло, Более тог, судя по бюджету на 2018–2021 годы, — не предвидится.

Вместо этого предлагаются частные инициативы. Так, один из вариантов инновационного сценария летом 2017 года предложил А. Кудрин, суть которого, судя по утечкам, сводилась к следующему: стратегия развития России до 2024 года, которую А. Кудрин представил президенту, предполагает «экспортный бум», «технологическую революцию», повышение пенсионного возраста, увеличение расходов на образование, здравоохранение и инфраструктуру. Среди инициатив — реализация мегапроектов и использование материнского капитала на выплату пособий по бедности.

В презентации стратегии Центра стратегических разработок (ЦСР), подготовленной экс-министром финансов А. Кудриным и переданной в Кремль, угрозой номер один в очередной раз заявлено технологическое отставание России от развитых стран. Но ликвидация этого отставания предлагается не посредством рывка на опережение, лидерства, о очередного «догоняния» Запада. Отставание страны в технологиях А. Кудрин, например, предлагает мерить количеством «многофункциональных роботов на 10 тыс. населения». В России всего два робота на каждые 10 тыс. В Южной Корее — 446. В Китае — 36, в США — 136. Еще больше роботизирована экономика Германии и Японии[82]. Иными словами, Россия вновь должна участвовать в гонке на выживание, а не сама задавать себе собственные приоритеты в развитии. Это в корне не соответствует идее мирового научно-технологического и социально-экономического лидерства, в основе которой лежит мысль о собственном пути развития[83].

По-Кудрину технологическое отставание предлагается преодолевать с помощью «российской технологической революции», которая

должна повторить все изгибы технологического развития, пройденные Западом, а не «спрямлять» их в зависимости от видения и стратегии в России.

Соответственно и подход к решению этих проблем — утилитарно-примитивный. В частности, одним из элементов этой революции является формирование крупных стратегических консорциумов (инвестиционно-технологических партнерств) и их поддержка с помощью специальных инвестиционных контрактов и субсидий, т.е. опять избранное (на чьё усмотрение?) финансирование, которое удивительно напоминает создание очередного «Роснано».

А. Кудрин, видимо, полагает, что необходимо повторить опыт Республики Кореи, которая развивала свои консорциумы, но этот путь для России гораздо менее привлекательный чем развитие собственной фундаментальной науки и промышленности, который доказал свою эффективность. В частности, в ЦСР считают, что должно быть сформировано 10–20 таких консорциумов, в том числе с участием ведущих зарубежных компаний. Основная их задача — «реализация программ технологического прорыва».

При этом очевидно, что:

— такие усилия будут нести очень избирательный, частный характер, который не сможет обеспечить независимость российского рынка и его импортозамещение;
— не способны решить проблемы безопасности и ОПК;
— будут сдерживать другие, недофинансированные (но, возможно, более перспективные) направления науки и НИОКР.

Подход А. Кудрина — очередное свидетельство неспособности либеральной идеологии комплексно подойти к решению проблем стратегического развития и безопасности страны, которые гораздо шире и сложнее, чем либеральные экономические модели[84].

А. Кудриным, в частности, предлагается также внедрить систему «инвестиционных контрактов для продвижения российских компаний на рынке НТИ — беспилотных летальных аппаратов, морских интеллектуальных систем, беспилотных автотранспортных средств, средств человеко-машинных коммуникаций». Итогом реализации этих и других мер должно стать увеличение доли машин и оборудования в экспорте

с 8,3% в 2016 году до 13% в 2024-м, а также вхождение России в число десяти стран-лидеров по числу выданных международных патентов и заявок.

При этом совершенно не учитывается состояние реальной МО и ВПО, тех условий, в рамках которых должны «продвигаться» на внешний рынок российские компании. Опыт ВТС России показывает, например, что торговля высокотехнологическими товарами это, прежде всего, политика, даже еще конкретнее, — политика безопасности, а затем уже экономика[85].

Кудрина также беспокоит сокращение численности населения трудоспособного возраста. Трудоспособное население в 2030 году снизится по сравнению с 2015 годом на 10 млн человек в возрасте 20–39 лет, а в возрасте 40–59 лет, наоборот, вырастет на 3,2 млн человек.

ЦСР представил расчеты по поводу темпов экономического роста. «В среднем экономика России за последние десять лет — были, конечно, взлеты и падения — росла по 1% в год», — пояснял Кудрин в ответ на вопрос «Газеты.Ru» по итогам совещания в Кремле во вторник. Эти же расчеты содержит и презентация стратегии[86].

Но если взять за основу и начать реализацию этой стратегии, то экономически рост в России будет таким: 2,2% уже в следующем году и 4% в 2025 году. А с 2026 по 2035 год рост составит максимум — 4,2%.

Эти темпы роста (3,5–4% ВВП) возможны только при увеличении расходов на образование — на 0,8% ВВП, на здравоохранение — на 0,7%, на инфраструктуру — на 0,8%. А также при условии удвоения несырьевого экспорта к 2024 году, отмечается в документе ЦСР.

Кудрин считает, что можно создать условия для «экспортного бума». Например, за счет отмены валютного и таможенного контроля, упрощения административных процедур.

Он уверен, что целесообразно заключать преференциальные торговые соглашения не только со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, но и говорит, что надо подписать соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Евросоюзом и присоединиться к Организации экономического сотрудничества и развития до 2024 года. А также необходимо «проектирование и поддержка экспортно-ориентированных цепочек добавленной стоимости с российским участием».

Рост расходов на инфраструктуру подразумевает строительство «не менее 1200 км высокоскоростных железных дорог» (Москва — Казань, Екатеринбург — Челябинск, Москва — Тула), а также «не менее 5000 км скоростных автомобильных дорог. В частности, речь идет о завершении строительства трассы Москва — Санкт-Петербург и ЦКАД.

Увеличить расходы на образование, здравоохранение и инфраструктуру предлагается за счет сокращения трат на соцполитику, общегосударственные вопросы, оборону, безопасность и правоохранительную деятельность в сумме на 2,8% ВВП.

Стратегия предусматривает масштабную приватизацию, которая должна приносить казне не менее 0,5% ВВП ежегодно.

Кудрин предлагает нормативно ограничить «разрастание» госсектора в экономике, ограничить приобретение новых активов компаниями с госучастием, избавить госсектор от непрофильных активов.

Естественно, предусмотрены реформы надзорно-контрольной деятельности, судебной системы, госуправления и других ключевых институтов.

В целом предстоит за шесть лет увеличить на 30% производительность труда, на 100% — несырьевой экспорт, осуществить 100-процентную цифровизацию «критических элементов инфраструктуры»[87].

Это позволит к 2024 году добиться увеличения на 30% ВВП, на 25% — реальных располагаемых доходов населения, на четверть снизить бедность и увеличить продолжительность жизни до 76 лет (сейчас она немного выше 71 года).

Он предусматривает:

— создание эффективной национальной инновационной системы и развертывание долгосрочных программ и проектов, обеспечивающих лидирующие позиции России в отдельных сегментах мировых рынков средне- и высокотехнологичных товаров и услуг;
— глубокую модернизацию социальной инфраструктуры, включая образование, здравоохранение, жилищный сектор, обеспечивающую существенное повышение качества человеческого капитала и стандартов жизни населения;
— модернизацию инфраструктурных отраслей экономики: транспорта, включая реализацию проектов высокоскоростных железнодорожных магистралей и новой сетки региональных и местных авиаперевозок,

Таблица 4.5. Сравнение основных макроэкономических параметров

	варианты	2010	2020	2030
Доля России в мировом ВВП, %	1 2 3	3,8	3,8 4,0 4,6	3,6 4,3 5,3
ВВП по ППС на душу населения, тыс.долл. США	1 2 3	20	28 30 33	38 44 52
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата на одного работника, долл. США	1 2 3	690	1391 1476 2014	2524 3118 4639
ВВП, % (2007=100)	1 2 3	101	145 153 176	190 223 281
Инвестиции, % (2007 г.=100)	1 2 3	98	180 196 281	265 325 481
Отношение производительности труда по ВВП на занятого в России к США соответствующих лет, %	1 2 3	40	53 56 63	64 75 90
Энергоемкость, % (2007 г.=100)	1 2 3	98	79 75 65	66 57 46

что обеспечит качественно иной уровень мобильности населения, и электроэнергетики при значительно более высоком, чем в консервативном сценарии, повышении эффективности энергосбережения;

— создание сети конкурентоспособных инновационных кластеров, новых региональных центров экономического развития в Поволжье, на Дальнем Востоке и Юге России, преодоление отставания депрессивных регионов;

— развитие многовекторной модели интеграции в мировой рынок, опирающейся на расширение внешнеэкономических связей с США, Евросоюзом, Китаем, Индией, и формирование новых более глубоких форм интеграции в рамках Евразийского союза и СНГ;

— дальнейшую диверсификацию российской экономики и российского экспорта. Определится специализация России на рынках высокотехнологичной продукции — авиационной и космической

техники, судостроительной продукции, ядерных технологий, создания программного обеспечения, космических запусков, услуг космической связи, навигации и геоинформационного обеспечения. Экспорт машиностроительной продукции в долларовом выражении увеличится к 2020 году по отношению к 2010 году в 2,1 раза;

— ускоренное развитие экономических институтов, определяющих защиту прав собственности, усиление конкурентности рынков, снижение инвестиционных рисков и административных барьеров, развитие новых компаний и активизацию предпринимательской составляющей российского бизнеса, повышение качества государственных услуг и эффективности государственного управления при усилении его стратегической программной составляющей.

Частные и государственные расходы на здравоохранение возрастают с 4,6% ВВП в 2010 году до 6,1% ВВП в 2020 году и до 7,1% ВВП в 2030 году, расходы на образование, соответственно, до 6,0 и 6,5% ВВП (в 2010 году — 5,2% ВВП). Расходы на науку возрастают с 1,2% ВВП в 2010 году до 2,5% ВВП в 2030 году, что сопоставимо с параметрами развитых стран. При этом предполагается существенное повышение параметров эффективности экономики: энергоемкость ВВП по отношению к 2010 году снизится в 2020 году на 23%, в 2030 году — на 41%, производительность труда возрастет в 2020 году в 1,5 раза по отношению к 2010 году и в 2030 год, соответственно, в 2,3 раза.

При указанных предпосылках российская экономика будет развиваться быстрее мировой, и ее доля повысится с 3,8% в 2010 году до 4% в 2020 году и до 4,3% мирового ВВП к 2030 году. По размеру экономики Россия переместится с 6-го места в 2011 году на 5-ое место в 2014 году, обогнав Германию[88]. Сценарий предполагает сохранение нулевого баланса текущего счета, который достигается за счет существенного наращивания экспорта высокой степени переработки. При этом преобладает тенденция к умеренному ослаблению курса рубля. Надо подчеркнуть, что даже такой оптимистический сценарий не лает возможности России выйти на уровень развития новых центров силы в Евразии[89].

Реализация инновационного сценария позволяет значительно сократить разрыв с развитыми странами по уровню благосостояния

российских граждан и повысить статус России в мировой экономике. Уровень доходов на душу населения (ВВП на душу населения с учетом раунда сопоставлений покупательной способности 2008 года) возрастет с 57% от уровня Еврозоны до 75–77% в 2020 году и 95–100% в 2030 году. Россия укрепит свои позиции как одного из лидеров научно-технологического и образовательного развития в мире[90].

Рост экономики будет опираться на активные социальные сдвиги. Доля среднего класса повысится с 22% в 2010 году до 37% в 2020 и 48% в 2030 году[91]. К «вынужденно-инновационному» сценарию можно отнести вариант сценария развития российского ОПК, реализуемый в настоящее время.

В своем выступлении 01.06.2012 года секретарь Совета Безопасности Российской Федерации Н. Патрушев был вынужден признать, что за последние 30 лет по ряду субъективных и объективных причин наш ОПК пропустил несколько циклов своей модернизации. На современном тапе у России уже нет возможности позволить себе отставать и далее от ведущих стран в этой сфере деятельности. За предстоящее десятилетие нам необходимо «совершить прорыв и вернуть себе лидерство» по всему спектру основных военных технологий. Эта точка зрения оставалась доминирующей в 2012–2018 годы, хотя «прорыва» не произошло: в очередной раз удалось компенсировать собственное добровольное отставание от Запада.

С учетом имеющихся и прогнозируемых вызовов и угроз национальной безопасности, Президентом Российской Федерации перед отечественным ОПК поставлены следующие три приоритетные задачи[92].

Первая задача — обеспечение полномасштабного, комплексного и сбалансированного перевооружения нашей армии и флота. К 2020 году доля современных образцов, комплексов и систем должна составлять 70%.

В первую очередь это относится к средствам ядерного сдерживания, воздушно-космической обороны, связи, разведки, управления и радиоэлектронной борьбы, авиации, высокоточному оружию и индивидуальной экипировке.

Вторая задача — формирование опережающего научно-технического задела, освоение наукоемких, базовых и критических технологий,

обеспечивающих разработку конкурентоспособной продукции военного назначения.

Третья задача — создание на новой технологической основе производственной базы, способной в необходимом количестве и с высоким качеством серийно производить перспективные образцы, комплексы и системы вооружения, военной и специальной техники, не уступающие зарубежным аналогам.

В общей сложности в предстоящее десятилетие на эти программы из федерального бюджета будут выделены беспрецедентные объемы — более 22 трлн рублей. Это не означает милитаризации промышленного сектора нашей экономики. Напротив, эффективная деятельность обновленного и технологически модернизированного ОПК должна стать ключевым фактором обеспечения стремительного развития таких важнейших отраслей как металлургия, машиностроение, химическая радиоэлектронная промышленность и информационно-телекоммуникационные технологии.

В настоящее время основные угрозы международному миру и безопасности «переместились» в информационную сферу. Интенсивное развитие информационных и телекоммуникационных технологий (ИКТ), глобализация информационной инфраструктур и информационного пространства наряду с позитивной составляющей имеют и обратную сторону. В современных условиях реальной угрозой международной безопасности становится враждебное использование ИКТ в криминальных и террористических целях. Однако, наиболее серьезными являются угрозы, связанные с возможностью применения так называемого «информационного оружия», которое становится важным элементом военного потенциала государств[93].

Оно способно эффективно дополнить традиционные средства ведения боевых действий, а в целом раде случаев даже полностью заменить их. Становится все более очевидным, что посредством враждебного применения информационных и телекоммуникационных технологий в отношении того или иного государства может быть нарушено нормальное функционирование жизненно важных инфраструктур, дестабилизирована экономика, подорваны основы государственного устройства[94].

При этом решение задачи эффективного противодействия деструктивному использованию ИКТ осложняется тем, что для принятия адекватных мер зачастую очень непросто в глобальном информационном пространстве определить источник враждебных действий и его статус — государственный или негосударственный[95].

4.6. Целевой («форсированный») вариант наиболее вероятного сценария развития России («Вариант №3»)

Он (этап. — *А.П.*) представляет собой время бытия… определенной ситуации, понимаемой как относительно неизменное состояние… На смену одной ситуации приходит другая, генетически связанная…(называемая) периодом[96]

М. Хрусталёв, политолог

Целевой («форсированный») вариант правительственного сценария — продукт субъективного поведения главного политика России — В. Путина и целиком зависит, как с точки зрения масштаба его реализации, так и вероятности, от лидера. В число вероятных вариантов базового сценария развития страны он входит как «так называемый целевой («форсированный») правительственный вариант», который, однако, сам по себе не выходит за рамки существующей у правящей элиты инерционно-стагнационной парадигмы. Правда заключается в том, что он не имеет ничего общего с действительно целевым и форсированным сценарием развития, который требует пересмотра всех основных установок — идеологических, политических, социально-экономических — для качественного ускорения темпов развития. Торопиться можно и не спеша, тем же способом, как и прежде. Это, на мой взгляд, базовый подход В. Путина и его окружения к стратегии развития страны, которых пугает любое радикальное изменение в уже привычном окружении или принятие принципиального решения.

Переход к «форсированному варианту» базового сценария развития не является качественным изменением в темпах и масштабах развития

России, а лишь «продолжением ситуации», которая может, однако, характеризоваться как некий переход к её новому этапу, но в рамках всё того же периода, т.е. базового сценария развития. Этот базовый сценарий уже не будет «выглядеть» как инерционно-стагнационный, хотя (по сути) им же и останется. В СССР и России такие примеры уже были: в СССР с конца 70-х годов, когда темпы роста ВВП были порядка 2–3%, а в России — в начале нулевых, когда рост цен на энергоресурсы и внутриполитическая стабилизация привели к иллюзии развития. Впрочем, ненадолго[97].

Это означает, что в случае реализации такого «целевого» варианта базового сценария к 2025 году (вероятность которого не высока) принципиальных изменений в положении России в мире не произойдет. Как не произойдет и качественного улучшения для неё ВПО: по-прежнему будет реализовываться военно-силовой сценарий по отношению к России, сковывая возможности её развития. Эта перспектива не должна вызывать иллюзий — переход от одного этапа к другому в рамках одного и того же периода существования МО–ВПО и развития России ничего принципиально не меняет. Стагнационно-инерционное движение и относительное отставание России сохраняется. Качественный переход не происходит, а угрозы не уменьшаются[98].

Вместе с тем в случае, если в рамках базового правительственного сценария удастся реализовать форсированный вариант, к чему всё более склоняется часть правящей элиты России, действительно обеспокоенной усилением угрозы самому существованию нации, можно ожидать, что враждебные действия со стороны западной ЛЧЦ будут менее эффективными и не смогут достичь самых решительных целей. Это относится прежде всего к внутриполитической ситуации, где стагнация 2012–2017 годов и снижение уровня жизни сменится на достаточно быстрый социально-экономический рост. При этом потребуется не только обеспечить ликвидацию 15% падения уровня жизни и доходов за 2013–2017 годы, но и обеспечить заметный прирост[99].

Такой, который мог бы реально ощущаться большинством населения. Это значит — дополнительный прирост доходов в 15–20%, что вместе составит 35–40% за период 2018–2025 годов. Именно такие темпы прироста и могут означать переход к новому этапу развития, пусть

в рамках той же правительственной парадигмы, которая сложилась к 2017 году. Иными словами, требуется прирост ВВП за 7 лет не менее, чем в 30–35%, что сможет как-то оправдать существующую политико-социальную парадигму развития России и существование политического режима, сложившегося при В. Путине.

Таким образом, целевой («форсированный») вариант сценария развития России (Вариант №3) вполне реально соответствует декларируемым сегодня В. Путиным ориентирам долгосрочной государственной социально-экономической политики и характеризуется, прежде всего, необходимости интенсификацией всех имеющихся факторов экономического роста. К сожалению, эти декларации, как, например, заявление В. Путина о необходимости увеличения душевого ВВП, сделанное в ходе избирательной кампании, никак не подкреплены ни соответствующими практическими решениями правительства, ни механизмами реализации. Другими словами, целевой вариант развития — декларативный вариант, что несет в себе существенную внутриполитическую угрозу для самого В. Путина.

Этот вариант в рамках существующего инерционного сценария не выходит за его границы — он предполагает очередное «ускорение реформ для улучшения бизнес-климата» и традиционную «интенсификацию притока иностранного капитала», а также активизацию использования национальных сбережений и рост государственных расходов на развитие социальной, энергетической и транспортной инфраструктур. По сути дела это тот же декларативно-инновационный сценарий, но с несколько более напряженным (целевым) заданием. Декларации и риторика имеют более претенциозную оценку, т.е. политические задачи ограничены примитивной пропагандой накануне выборов.

В очередной раз этим сценарием «предусматривается реализация задач, поставленных в указах Президента Российской Федерации», в частности, по созданию и модернизации 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 году, увеличению объема инвестиций не менее чем до 25% ВВП к 2015 году и до 27% к 2018 году, увеличению относительно 2011 года доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП к 2018 году в 1,3 раза относительно уровня 2011 года, производительности труда в 2018 году в 1,5 раза, а так-

же мероприятий в рамках реализации государственной социальной политики, включая увеличение к 2018 году размера реальной заработной платы в 1,6–1,7 раза, в том числе «увеличение заработной платы работников бюджетной сферы и научных сотрудников к 2018 году до 200% от средней заработной платы в соответствующем регионе»[100] и т.п.

Очевидно, что к 2017 году для всех стало ясно, что эти ориентиры оказались не достижимыми. Более того, за прошедшие годы стагнация превратилась в устойчивую тенденцию. Возник существенный разрыв между декларациями и реальностью, который надо было устранить накануне выборовпрезидента. Оптимистические планы МЭРа оказались очень далекими от реалий, а социально-экономическая реальность — от действительности.

Так, дополнительно вариант сценария предполагал более благоприятные демографические тренды в развитии страны. К 2030 году численность населения, считалось, например, что достигнет 151,4 млн человек против 141,8 млн человек по консервативному сценарию. Численность трудоспособного населения сократится в меньшей степени[101]. Этого не произошло. Некоторый прирост к 2018 году был обеспечен только за счет неквалифицированной рабочей силы и среднеазиатской миграции. Это потребовало от В. Путина выдвижения новых инициатив, стимулирующих рождаемость, масштаб которых (например, выплата в некоторых регионах некоторым категориям населения по 10 тыс. рублей в течение 1,5 года) вряд ли сопоставим с масштабом проблемы. Особенно в связи с продолжением роста цен на ЖКХ, транспортные услуги, бензин и пр. в 2018 году.

То же самое относится и к другим показателям, на которые пытался ориентироваться МЭР в долгосрочной перспективе. Так, считалось, что формирование валового сбережения национальной экономики в прогнозный период при принятых сценарных условиях форсированного варианта развития должно было характеризоваться восходящим трендом его относительного уровня. Рассчитывалось, что к 2030 году норма сбережения вырастет до 30,6% ВВП по сравнению с 28% в 2012 году и т.д. Инвестиционная активность российской экономики в среднесрочной перспективе по форсированному варианту развития должна было существенно возрасти. Ресурсы экономики, направляемые на валовое накопле-

ние основного капитала, должны были возрасти с 21,8% ВВП в 2012 году до 29% ВВП в 2018 году. Уровень валового накопления основного капитала должен был достигнуть пиковых значений (более 33% ВВП) к 2022–2025 гг., несколько раньше, чем при развитии экономики по консервативному и инновационному вариантам, после чего в последующие пять лет ожидалось, что произойдет его понижения в пределах 2% пунктов.

Ничего этого не произошло. Более того, показатели стали существенно хуже. Интересно, что ожидалось при таком «форсированном» варианте усиление инвестиционного спроса, которое потребует мобилизации дополнительных финансовых ресурсов. Несмотря на более высокую норму сбережения домашних хозяйств, чем в других сценариях, опережающая потребность в масштабном финансировании инвестиционных программ приведет к необходимости повышения объемов заимствования недостающих ресурсов из-за рубежа, которые будут значительно выше соответствующих показателей консервативного и инновационного вариантов.

Более того, почему-то полагали, что в рамках этого сценария Россия превратится из экспортера в заемщика капитала. Но даже в очень скромных рамках этого не произошло. Если в 2012 году Россия была чистым кредитором зарубежных стран (3,2% ВВП), то в прогнозный период она стала чистым заемщиком. К 2018 году национальная экономика была бы должна последовательно увеличить объемы чистого заимствования у остального мира до 4,7% ВВП, а к 2020–2023 гг. — до 6,0–6,4% ВВП.

Однако ожидается, что к 2030 году чистый приток капитала в частный сектор снизится до 2,7% ВВП. Сальдо счета по текущим операциям будет находиться в отрицательной области на протяжении всего прогнозного периода. Таким образом, в сценарии форсированного развития создается достаточно высокая степень напряжения как в пропорциях деления располагаемого экономикой дохода между текущим потреблением и сбережением и целевого использования сберегаемого дохода на инвестиции, так и в плане зависимости роста от постоянного притока иностранных средств, в связи с чем формируются риски не достижения поставленных целей. Существенный рост внешнего долга и негативный счет текущих операций повышает уязвимость российской экономики по отношению к внешним шокам[102].

Таким образом опираться на сколько-нибудь обоснованные и реалистические сценарии развития, подготовленные МЭРом в предыдущие годы, не приходится. Не годятся для этих целей и прогнозы МЭРа, сделанные осенью 2016 года, в которых России вообще отказано в сколько-нибудь успешном развитии. Поэтому применительно к нашему прогнозу сценариев долгосрочного развития России до 2040 года приходится обращаться к собственной методике, апробированной в предыдущих работах[103].

Основные причины того, что этот «форсированный» вариант сценария оказался не реализованным были те же, что и причины провалов других вариантов в рамках этого сценария. Этот базовый (правительственный) сценарий по самой своей сути, в принципе, не может быть сценарием развития. Тем более развития опережающего. В силу многих причин, из которых основными являются следующие[104]:

С политической точки зрения правящая элита России вообще не заинтересована в опережающем развитии (также, впрочем, как и в любом национальном развитии). Она сознательно сформировалась в 70–80-е годы в СССР как часть правящей элиты, ориентированной на максимальное личное благополучие в ущерб интересам общественного и национального развития. Она сознательно оказалась в плену либеральной идеологии и системы ценностей западной ЛЧЦ, где, собственно говоря, и сосредоточились постепенно все её ресурсы и энергия.

Иными словами, у правящей элиты страны отсутствует главный мотив развития — национальный интерес. В эти же годы сложилось и ложное представление об отсутствии внешних угроз, которое очень медленно и не последовательно стало меняться только в последнее десятилетие. Для того, чтобы началось национальное развитие, необходим интерес и воля тех, кто управляет — распределяет ресурсы и принимает другие решения, которых у правящей элиты не было[105].

Осложнение ВПО и условий существования для части правящей элиты России, которое отчетливо проявилось после принятия в США в августе 2017 года закона о политики в отношении России, стимулировало процесс «национализации» правящей элиты, но пока что не в экономической области, где национальные и личные интересы по-прежнему не совпадали.

Появление варианта «целевого» сценария в этих условиях означало, что некоторая часть правящей элиты России озаботилась своими позициями в стране, которые резко отличались от национальных интересов. С экономической точки зрения «форсированный» вариант правительственного сценария должен был бы опираться на дополнительные ресурсы, но их распределение было изначально организовано таким образом, что большинство ресурсов капитализировалось в зарубежных активах, где к 2017 году, по оценке «Форбс», скопилось более 75% всего национального богатства России.

С научно-технической и технологической точек зрения в России оставались некоторые островки развития, которые выживали не благодаря, а вопреки реальным действиям правительства. Игнорирование потребностей опережающего развития национального человеческого капитала стало реальной политикой правящей элиты страны в последние десятилетия, что неизбежно вело к деградации социально-экономической обстановки.

Эта деградация («инфляционно-стагнационное развитие») сопровождалось популизмом и декларациями, в том числе об успехах социально-экономического развития, которые в реальности были результатом национального сопротивления политике правящей элиты страны. Так, блестящая реконструкция ряда предприятий концерна ВКО «Алмаз-Антей» в 2011–2017 годы, которая привела к значимым результатам и повлияла на формирование ВПО в 2014–2018 годы, потребовала более 170 млрд рублей, из которых собственно бюджетных средств было менее 30%, а остальные средства были получены за счет коммерческих кредитов.

---

[1] Песков рассказал о внешнеполитических планах Путина на ближайшие 6 лет/ https://www.rbc.ru/politics/23/03/2018/5ab4732c9a7947b3301552c6

[2] *Нарышкин С. Е.* Вступительное слово / Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналит. доклад / А. И. Подберёзкин, М. А. Мунтян. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 3.

[3] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 16:39, 01 марта 2018 / http://cont.ws/@89825721067/868792

[4] Надо признать, что все планы исполнительной власти последних лет радикально отличались от реальных действий — начиная от заявлений об «удвоении

ВВП» и концепции социально-экономического развития от марта 2008 года до самых последних бюджетов, подготовленных правительством к концу 2017 года.

[5] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 16:39, 1 марта 2018 / http://cont.ws/@89825721067/868792

[6] См. более подробно: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 332–335.

[7] См. более подробно: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[8] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналит. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2016 г.

[9] *Подберёзкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[10] *Тойнби А.* Подъем и падение цивилизаций / Вызовы и ответы / А. Тойнби. — С. Хантингтон. — М.: «ТД Алгоритм», 2016. — С. 16.

[11] *Подберёзкин А. И.* Военная сила и политика новой публичной дипломатии / Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer», 2016. — №12 (323). — С. 23–24.

[12] *Подберёзкин А. И.* Евразийская воздушно-космическая оборона. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[13] *Тойнби А.* Подъем и падение цивилизаций / Вызовы и ответы / А. Тойнби, С. Хантингтон. — М.: «ТД Алгоритм», 2016. — С. 93.

[14] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 539–600.

[15] Международная научная конференция «долгосрочное прогнозирование развития международных отношений в интересах национальной безопасности России» (Москва, сентябрь 2016 г.): сб. докладов / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2016, — С. 26–41.

[16] О роли аналитических центров США в разработке политики и стратегическом планировании см. подробнее: Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т. А. Шаклеиной. — М.: Аспект Пресс, 2014. — С. 109–134.

[17] Стратегия национальной безопасности России. — М.: РАУ-корпорация, 1994.

[18] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А. И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[19] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «Об основах стратегического планирования» .№536 от 12 мая 2009 г.

[20] См. подробнее: Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А. И. Подберёзкин (рук. авт.кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[21] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 39–56.

[22] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О стратегическом планировании». №536 от 12 мая 2009 г.

[23] Теневое ЦРУ предсказывает расцвет России / Эл. ресурс: «Правда.ру» / http://ruspravda.info/Tenevoe-TSRU-predskazivaet-rastsvet-Rossii–24684.html

[24] *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 148–161.

[25] *Касьянов М.* Ещё шесть лет Путина — катастрофа для страны / Эл. ресурс: «Эхо Москвы». 26.12.2017 // www. echo. msk. ru. 26.12.2017.

[26] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 292–298.

[27] *Касьянов М.* Ещё шесть лет Путина — катастрофа для страны / Эл. ресурс: «Эхо Москвы». 26.12.2017 // www. echo. msk. ru. 26.12.2017.

[28] См. подробнее: Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А. И. Подберёзкин (рук. авт.кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[29] *Касьянов М.* Ещё шесть лет Путина — катастрофа для страны / Эл. ресурс: «Эхо Москвы». 26.12.2017 // www. echo. msk. ru. 26.12.2017.

[30] *Тойнби А., Хантингтон С.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — С. 262–263.

[31] *Касьянов М.* Ещё шесть лет Путина — катастрофа для страны / Эл. ресурс: «Эхо Москвы». 26.12.2017 //www. echo. msk. ru. 26.12.2017.

[32] *Тойнби А., Хантингтон С.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — С. 262.

[33] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А. И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[34] *Тойнби А., Хантингтон С.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — С. — 263.

[35] *Назаров В. П.* Развитие теоретико-мотодологических основ стратегического планирования в сфере национальной безопасности /Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: планирование и прогнозирование: Материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 22 мая 2015 г. — М.: «Проспект», 2016. — С. 18.

[36] См., например: *Подберёзкин А. И.* Национальная доктрина России. — М.: РАУ-Корпорация, 1993 г.; *Подберёзкин А. И.* Стратегия для будущего президента России. — М.: ВОПД «Духовное наследие», 2000; *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

[37] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 292–298.

[38] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 1.

[39] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 273–306.

[40] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

[41] В кабмин внесен проект Стратегического прогноза России до 2035 года /

Взгляд, 5 октября 2016.

[42] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А.И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[43] В кабмин внесен проект Стратегического прогноза России до 2035 года / Взгляд, 5 октября 2016 u.

[44] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 201–205.

[45] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А.И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[46] *Подберёзкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 317–325.

[47] Долгосрочное прогнозирование международных отношений в интересах национальной безопасности России: сб.докладов / под ред. *Подберёзкина А.И.* — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 169 с.

[48] *Новиков Я.В.* Вступительное слово / *Подберёзкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 7.

[49] *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[50] *Подберёзкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 317–325.

[51] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 292–298.

[52] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. — М.: МЭР, 2013. Март. — С. 51.

[53] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А.И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[54] ИТАР-ТАСС. 18.12.2017 г.

[55] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 307–312.

[56] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. — М.: МЭР, 2013. Март. — С. 52.

[57] http://img.profi-news.ru/2016/10/31/357513_0.jpg

[58] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. — М.: МЭР, 2013. Март. — С. 53.

[59] Генеральная схема размещения электроэнергетики до 2035 года / Распоряжение Правительства №1209. 9 июня 2017 г.

[60] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. — М.: МЭР, 2013. Март. — С. 54.

[61] Там же. С. 57.

[62] На смене поколений: какое вооружение получит российская армия до 2025 года / Эл. ресурс: «Ньюслэнд». 2017.02.09 / http:newsland.com

[63] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А.И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[64] На смене поколений: какое вооружение получит российская армия до 2025 года / Эл. ресурс: «Ньюслэнд». 2017.02.09 / http:newsland.com

[65] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А.И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[66] На смене поколений: какое вооружение получит российская армия до 2025 года / Эл. ресурс: «Ньюслэнд». 2017.02.09 / http:newsland.com

[67] Там же.

[68] Там же.

[69] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А.И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[70] На смене поколений: какое вооружение получит российская армия до 2025 года / Эл. ресурс: «Ньюслэнд». 2017.02.09 / http:newsland.com

[71] *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию. 1 декабря 2016 г. / www.kremlin.ru/events.

[72] Публичная дипломатия: теория и практика / Е.А. Антюхова, Б.Х. Бахриев, К.П. Боришполец и др. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 2–3.

[73] *Подберёзкин А.И., Жуков А.В.* Факторы безопасности для российской нации, государства и общества. Угрозы силового использования социальных сетей / «Обозреватель — Observer», 2017. — №10. — С. 39–40.

[74] См., например: *Подберёзкин А.И.* Военно-политические последствия развития систем боевого управления, связи и разведки США. Докторская диссертация. — М.: ДА МИД СССР, 1990 г.

[75] *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России: Учебно-мотодический комплекс в двух томах. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 601–612.

[76] *Подберёзкин А.И., Харкевич М.В.* Долгосрочное прогнозирование международных отношений как стратегическое планирование политики национальной безопасности / Сравнительная политика, 2017. — Т. 8. — №3 (28). — С. 20–22.

[77] *Подберёзкин А.И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» / Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №4 (55). — С. 7–12.

[78] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. — М.: МЭР, 2013. Март. — С. 52.

[79] Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. ИНЭИ РАН — АЦ при Правительстве Российской Федерации / https://www.eriras.ru/files/prognoz–2040.pdf

[80] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства. — №1632 р, 28 июля 2017 г.

[81] *Тюрин В.* Бег по лезвию бритвы к цифровой экономике // PCWEEK, 2017.01.08.

[82] *Фаляхов Р., Орехин П.* Стали известны детали «Стратегии–2035» А. Кудрина / Эл. ресурс: «Лента.ру», 2017. 1 июня.

[83] *Подберёзкин А. И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» / Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №4 (55). — С. 7–12.

[84] См. подробнее: *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО Университета, 2017. — №4 (55). — С. 210–226.

[85] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России: Учебно-методический комплекс в двух томах. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 613–640.

[86] *Фаляхов Р., Орехин П.* Стали известны детали «Стратегии–2035» А. Кудрина / Эл. ресурс: «Лента.ру», 2017. 1 июня.

[87] Там же.

[88] С использованием базы оценки паритета покупательной способности 2008 года.

[89] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 333–351.

[90] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. — М.: МЭР, 2013. Март. — С. 58.

[91] В прогнозе в качестве основного критерия отнесения граждан к среднему классу определен уровень дохода свыше 6 прожиточных минимумов. Исходя из этого в 2010 году представители среднего класса имели среднедушевой доход более 34 тыс. рублей в месяц. В 2030 году уровень дохода, позволяющего относиться к этой категории населения, составит около 100 тыс. рублей. Однако доходный критерий не является исчерпывающим. Предполагается, что представители среднего класса должны иметь собственность, сбережения, обладать конкурентоспособными профессиональными квалификациями и участвовать в формировании гражданского общества.

[92] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А. И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[93] *Киселев В. Д., Рязанцев О. Н., Данилкин Ф. А., Губинский А. М.* Информационные технологии в оборонно-промышленных комплексах России и стран НАТО. — М.: Знание, 2017. — С. 78.

[94] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А. И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[95] *Киселев В. Д., Рязанцев О. Н., Данилкин Ф. А., Губинский А. М.* Информационные технологии в оборонно-промышленных комплексах России и стран НАТО. — М.: Знание, 2017. — С. 78.

[96] *Хрусталёв М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 29.

[97] *Подберёзкин А. И.* Россия и мир в период глобализации: в поисках концепции долгосрочного развития. — М.: Экспертно-консультативный совет Счетной палаты РФ, 2003 г.

[98] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Диагностика доверия к безопасности России в условиях нового знания о рисках и уязвимости / Гуманитарий Юга России. 2017. — Т. 6. — № 1. — С. 27–31.

[99] Эти темпы были вычислены эмпирически, исходя из обшей динамики развития ЛЧЦ в контексте развития глобальной МО. См., например: *Подберёзкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[100] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. — М.: МЭР, 2013. Март. — С. 58.

[101] Там же. С. 59.

[102] Там же. С. 60.

[103] См., например: *Подберёзкин А. И.* Сценарии развития России после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[104] Эти причины сформировались изначально в результате ложной стратегии М. Горбачева–Б. Ельцина, ориентированной не на реальные национальные интересы, а на ложные цели. См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капиталъ. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3.

[105] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А. И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

Глава 5
Возможные сценарии: Сценарий №1 («Инерционный») развития России в период 2017–2025 годов в условиях обострения военно-политической обстановки в мире

Западный демократ мог вести интеллектуальные споры с советским марксистом. А вот сделать это с русским православным националистом для него будет невозможно[1]

С. Хантингтон

Набор «возможных» сценариев развития отличается от аналогичного набора «вероятных» тем, что первые — выступают в качестве некого научно-теоретического обоснования для вторых. Они «прокладывают» им путь, делают их не просто привычными, но и неизбежными. Так, если на рубеже 2018 года очередного «ведущего экономиста» спрашивали о перспективах экономики России, то он обстоятельно объяснял вам, как правило, четыре макроэкономических показателя, определяющихся ценой на углеводороды, среднемировыми темпами роста ВВП, инфляцией и бюджетным дефицитом. Эти показатели, однако. Отнюдь не определяют ни экономические результаты, ни, тем более, стратегию развития страны. Но они заранее «закладываются» в будущий сценарий, становятся его ориентирами.

Во многом именно поэтому к числу возможных сценариев развития России в условиях нарастающей враждебности ВПО в мире можно отнести, прежде всего, наиболее привычный, ставший вполне традиционным, «инерционный» сценарий развития, существующий в том или ином виде в нескольких вариантах в умах различных представителей правящей элиты страны. От реального, практического, «базового» инерционно-стагнационного сценария этот сценарий отличается тем, что его сознательно планируют финансово-экономические власти (а на самом деле вся правящая российская элита), т.е. предпринимаются некие осознанные и целенаправленные усилия для разработки таких долгосрочных прогнозов и стратегического планирования[2].

Иными словами, этот сценарий — осознанная политика части правящей элиты, которая пользуется в настоящее время наибольшим влиянием, основанная на либеральной идеологии, в том числе «универсализме» западной системы ценностей, включая «общепринятые» макроэкономические показатели. Эта же идеология диктует и заведомо неверные для страны решения, например, предопределяющие выбор стратегии «догоняющего» развития, отставания в области развития фундаментальной науки (десятки лет нам твердят о необходимости её коммерциализации и пр.), «перенапряжении экономики» из-за расходов на ОПК и т.п. Эту идеологию и её носителей из правящей элиты называют нередко «финансово-экономической» потому, что она формально отвечает за экономическую политику, однако такое определение очень условно — в стране с президентско-правительственной формой правления, где влияние других институтов власти и общества крайне слабо, эти решения могут и принимаются только в одном центре. Соответственно и прогнозы, и стратегическое планирование начинаются из одного центра власти, как и последующие решения об их реализации. Думать иначе — наивность.

Этот заранее планируемый инерционный сценарий, реализуемый в его трех основных вариантах в период 2017–2025 годов, существенно отличается от «правительственного» сценария прежде всего тем, что изначально не предполагает с высокой степенью вероятности резкое обострение МО и ВПО в мире, которое с такой же высокой степенью вероятности приводит к войне[3]. Просто потому, что внешние, в том числе

военные, факторы традиционно не учитываются. Сказанное означает, что внешние и внутренние условия инерционного развития России в будущем будут заведомо и качественно хуже, чем в период 2008–2017 годов, но они отнюдь не отражены в субъективном стратегическом планировании. Не только МЭРа или ЦБ, или Минфина, но даже у ЦСР (А. Кудрина), а, тем более, в научных учреждениях РАН или университетах, хотя это обстоятельство стало очевидным для многих экспертов[4].

Складывается, по меньшей мере, странное впечатление, когда официальное стратегической планирование вообще не учитывает будущих реалий МО (за исключением угадывания цен на нефть) и ВПО, хотя именно эти реалии и должны предопределять самые различные варианты возможного сценария развития. Причем для реализации каждого конкретного варианта этого сценария будет важна именно динамика ухудшения МО-ВПО и его влияние на Россию[5], т.е. важны детали, а именно — темпы ухудшения ВПО, масштабы, участие стран и акторов, характер военных угроз и т.д.

Развитие этого возможного сценария по тому или иному конкретному варианту будет также зависеть от степени готовности правящей российской элиты пойти на уступки Западу. В истории почти всегда случается, что перед правящей элитой возникает вопрос о масштабах и допустимости компромисса: при Александре Невском с Ордой, при Александре I — при Наполеоне, когда он был в Москве и когда он был изгнан из России, при И. Сталине — после Второй мировой войны, при Л. Брежневе, а также — что особенно симптоматично — при М. Горбачеве и Б. Ельцине, которые шли на не допустимые компромиссы. Иначе говоря, речь даже идет не о компромиссе (в современных условиях развития ВПО он не возможен), а о капитуляции российской правящей элиты под силовым давлением Запада. Именно на это делает ставку западная военно-политическая коалиция, осуществляя эскалацию (насчитывающую за 2014–2018 годы уже более 200 действий политического, экономического и иного характера), «принуждающих» правящую элиту страны к капитуляции.

В этой связи в качестве решающих предлагается выделить два внешнеполитических условия, в зависимости и от которых и будет во многом реализовываться тот или иной вариант «Сценария №1»:

Во-первых, степень силового и военного давления и принуждения, оказываемого западной ЛЧЦ на Россию, т.е. та граница, до которой Запад готов дойти, усиливая давление на Россию. Эта граница может быть достаточно гибка, во всяком случае, она видится в 2018 году как спектр силовой политики — от военно-силового системного и сетецентрического давления (как минимум) на протяжении нескольких лет до военно-силовых действий одновременно на нескольких ТВД и стратегических направлениях.

Во-вторых, степень готовности правящей российской элиты защищать свои национальные интересы и свою систему ценностей, которая также может быть разной — от откровенной капитуляции и фактического принятия условий по разрушению государства, его суверенитета и потери идентичности до серии беспринципных

В этих целях предлагается рассмотреть три варианта «Сценария №1» в развитии России до 2025 года:

— **«Вариант №1»** («Традиционно-инерционный), сохраняющий основные тенденции развития страны и ВПО 2014–2017 годов, т.е.консервирующий МО-ВПО на уровне 2017 года;
— **«Вариант №2»** («Экспортная сверхдержава»), предполагающий экстенсивное развитие страны за счет её природных ресурсов, прежде всего, в направлении Востока и Юга;
— **«Вариант №3»** («Врастания в рынок»), означающий возвращение в либерально-западную парадигму, доминировавшую в политике России до второго десятилетия XXI века.

Как уже говорилось, на реализацию того или иного варианта сценария будет оказывать серьезное влияние международная и военно-политическая обстановка, которая на всем протяжении этого периода 2017–2025 годов прогнозируется как ухудшающаяся. Такое ухудшение неизбежно будет требовать сохранения (как минимум) или даже увеличения расходов на обеспечение безопасности. Между тем в бюджете на 2018 год запланировано снижение не только абсолютных, но и относительных расходов на оборону, что выступает явным диссонансом на фоне не только огромного роста военных расходов США (их прирост на 50 млрд долларов больше, чем весь российский бюджет), но и их союзников по НАТО.

Различные сценарии развития ВПО в мире до 2025 года рассматривались мною в целом ряде работ начиная с 2014 года[6]. Все они свидетельствуют об эскалации военно-силовой политики западной военно-политической коалиции и её очевидной антироссийской направленности. Этот вывод требует, безусловно, вполне конкретных ответных шагов со стороны России по укреплению своей безопасности в условиях обострения ВПО до 2025 года. Это положение нельзя ставить под сомнение, но можно и нужно исследовать: каким образом, как именно наиболее эффективно расходовать национальные ресурсы на средства и способы обеспечения безопасности в условиях фактически развертываемых военных действий. Так, например, усиление военно-силового противостояния в 2017–2025 года будет развиваться параллельно с процессами расширения:

— всего набора средств ведения войны — от стратегических наступательных и оборонительных вооружений до новых типов стрелкового оружия, беспилотников, средств обнаружения, связи и пр.;
— расширения способов ведения военных действий, которые переносятся в область РЭБ, кибероперациий, космоса, сетевых СМИ и т.д.

При этом отмечался целый ряд характерных и наиболее общих особенностей развития ВПО в 2014–2017 годы, а именно:

— бескомпромиссность и категоричность намерений западной ЛЧЦ и коалиции, объединенной под эгидой США;
— нарастанием силовой эскалации;
— усилением доли военных средств и способов в системе силового воздействия и политики «силового принуждения» и т.д.[7]

Развитие новых сценариев МО и ВПО ведет, прежде всего, к резким изменениям в политическом и военном искусстве, а также средствах силового принуждения (не только военных, но, например, и сетевых СМИ). Это означает, что в современных условиях создается неотложная необходимость в совершенствовании не только вооружения, но и форм и способов ведения войны, которые отвечали бы характеру новых опасностей и угроз, вытекающих из новых особенностей МО и ВПО[8], а также областей политического искусства, информационного и когнитивного противоборства.

Очевидно, что такие качественные изменения за период 2018–2025 годов потребуют не менее радикальных изменений в области го-

сударственного и общественного управления, развития науки, техники и технологий. Так, например, развитие робототехники и БЛА неизбежно повлияет уже в ближайшие годы на все области военного искусства и, как показывает опыт на Украине и в Сирии, потребует разработки новых средств противоборства.

Соответственно и задача, стоящая перед исследователями и политики, заключается в максимально точном определении стратегии национального развития, которая — уже известно заранее — не будет соответствовать инерционному сценарию развития страны в предполагаемом сегодня варианте просто потому, что внешние условия будут кардинально иными. Если говорить коротко и категорично, то инерционность в развитии России прямо противоречит темпам меняющихся внешних условий её существования.

Другой практической задачей работы является поиск современных тенденций развития и применения вооружённых сил противником с учетом опыта прошедших войн и конфликтов. Основные тенденции изменения характера вооруженной борьбы свидетельствуют, что происходит пространственное расширение размаха военных действий, масштабов воздействия боевых систем, а также смещения центра боевых действий в воздушно-космическую и информационную сферы[9].

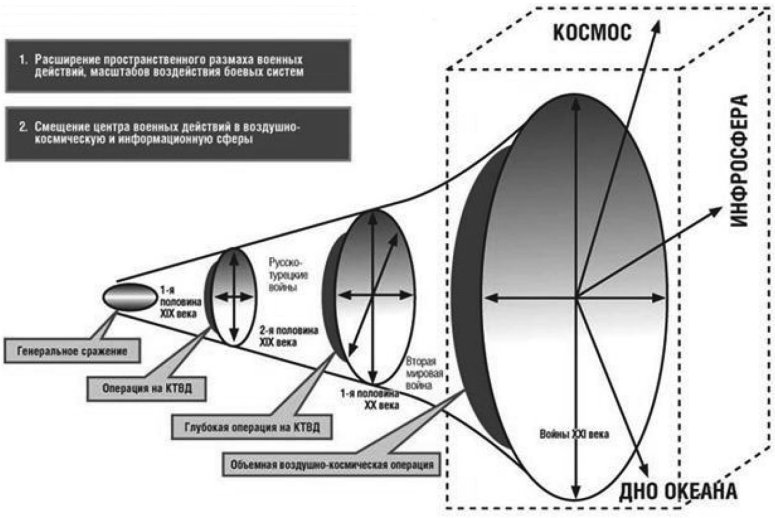


Рис. 5.1. Основные тенденции изменения характера вооруженной борьбы

Это хорошо видно на следующем рисунке (рис. 5.1), иллюстрирующем логику изменения средств ведения вооруженной борьбы.

Таким образом возможные сценарии развития России (в их наиболее традиционном «инерционно-стагнационном» вариантах) — абсолютно не соответствуют тому типу и масштабу внешних опасностей и угроз, которые окочательно сформируются к 2021–2025 годам, но которые совершенно не учитываются в настоящее время теми в правящей элите страны, кто формирует сегодня её стратегию[10]. «Отставание в понимании» характера и актуальности угроз развивается в правящей элите России по нарастающей, точнее — по мере увеличения рисков финансового и политического благополучия представителям этой элиты. Оно выражается в том числе в стремлении сохранить как стратегии, так и систему управления, включая военной организации государства, которые уже не соответствуют реалиям ВПО[11]. Оно, таким образом, выражается в упорном нежелании признать того, что сложилась качественно новая ВПО к 2018 году, во-первых, и что сохранять прежний алгоритм национального развития (точнее стагнации) в условиях новой обстановки невозможно, — во-вторых.

Нужна новая стратегия национальной безопасности России, скорректирующая ту, которая была принята в декабре 2015 года, на условия развития и обеспечения безопасности в нарастающей враждебности ВПО до 2025 года, в частности, учитывающая предложения о необходимости принтия решений о мобилизационном характере будущего развития России[12]. Важнейшей задачей такой Стратегии должно стать принуждение к отказу от сценариев инфляционно-стагнационного развития во всех их вариантах — от традиционного до «инновационного», — которые сегодня предлагаются правящей элитой страны. Эта группа «инерецонно-стагнационных» вариантов сценария развития России до 2025 года, к сожалению, в настоящее время совершенно исключительно доминирует в сознании тех, кто формирует будущую повестку дня, сохраняющую современную парадигму развития (даже снижение в 2017 году темпов инфляции до 4% не повлияло принципиально на инфляционный характер экономики). Но эти же варианты вступают во всё более острое противоречие с новыми реалиями ВПО, которые, не будучи учтены в ближайшем будущем (до конца 2018 года) очень остро отразятся на положении России уже в краткосрочной перспективе.

5.1. Вариант №1 («Традиционно-инерционный») «Сценария №1» развития России до 2025 года

Стоит создать свою сетку координат,
не бояться оказаться в сложном положении…[13]

М. Хрусталёв,
профессор

Рассматривая возможные сценарии развития России до 2025 года, прежде всего, необходимо упомянуть базовый, ставший уже традиционным, инерционный вариант («Вариант №1») сценария развития (Сценарий №1), который я рассматривал выше в рамках наиболее вероятных сценариев развития России. Отличие возможного варианта от наиболее вероятного варианта инерционного сценария — условное, крайне небольшое. Это различие заключается в отличие намерений правящей элиты от реалий, которые у российской элиты практически не видны: наиболее вероятный вариант инерционного развития, который рассматривался выше, это тот вариант, который практически неизбежно получится из возможного (планируемого) инерционного варианта сегодня. И в первом, и во втором случае все исходные данные и намерения одинаковы, но разница будет заключаться в важном внешнем факторе — МО и ВПО в реальности в 2018–2025 годах будет существенно хуже, чем она ожидается правящей элитой страны[14].

Так, оценивая результаты развития до 2018 года, никто из представителей руководства страны не акцентировал внимания на резко обострившейся МО и ВПО. Говорили об «улучшении экономических условий» развития мировой экономики, «разнонаправленности трендов ценообразования» и т.п., но о реально возникшей угрозе для существования России странным образом предпочитали даже не упоминать. Поэтому доминирующий в прогнозах и оценках официальный «Вариант №1» («традиционно-инерционный») рассматриваемого «Сценария №1» развития России , который был скучно-традиционен и даже привычен, — не обсуждался. Более того, даже начавшаяся президентская кампания странным образом обходила стороной эту важнейшую тему.

Между тем этот сценарий доминирует в прогнозах и оценках МЭРа, ЦБ и Минфина с начала 2000-х годов. Более того, после безуспешных попыток политики «удвоения ВВП» этот сценарий, похоже стал вполне удовлетворять и руководство страны, которое в период 2007–2009 годов вдруг осознало, что может быть и гораздо хуже, а именно не удвоение ВВП, а резкое его снижение, вплоть до кризиса. Поэтому выход из «провала» 2008 года показался уже успехом, а инерционный сценарий — вполне приемлемым.

Можно сказать, что этот сценарий после 2009 года стал вполне желаемым, даже общепризнанным, удовлетворяющим элиту сценарием развития России, который в своих основных чертах и реализуется в базовом сценарии развития. Основные черты его — наиболее привычны, но (и именно это не хочет признавать элита) этот вариант стал мало реален после 2014 года вслед за изменением МО и ВПО. Именно этим, в частности, объясняется критика «путинизма» как внешнеполитического курса, «мешающего» спокойно существовать правящей элите в симфонии с Западом. Собственно это принципиальное непонимание и стало основной причиной спора между Минобороны и МЭРом осенью 2017 года: там по-разному оценивали будущие внешние условия для страны.

Этот «традиционно-инерционный», относительно «благоприятный» вариант, когда внешние условия и конъюнктура цен на сырье создают относительно положительные внешние условия для развития России (по аналогии с периодом до 2007 года), привычен для российской правящей элиты, но требует возвращения, по сути, к антинациональной внешней политике «ограниченного суверенитета», которая после поворота российской политики 2008–2017 годов будет катастрофой.

Сохранение в будущем прежнего сценария социально-экономического развития России и основной парадигмы в развитии страны представляется также очень маловероятным: прежнее (пусть непоследовательное) инерционно-стагфляционное развитие в условиях активизации внешней политики невозможно. Запад потребует от России возвращения к зависимой и пассивной внешней политике, «нормам» международного права, а по сути возвращения антисуверенной внутренней и внешней политики[15]. Только тот, кто не хочет замечать реа-

лий, не видит усиления военно-силового давления Запада на Россию по всем направлениям — от торговли (где будут усложняться односторонние нормы ВТО и санкции) и экономического сотрудничества (снижение на 50% которого отнюдь не означает «дна») до усиления военной конфронтации — поставок оружия и финансирование враждебной политики Украины, инспирирования экстремистских и террористических кампаний и т.д.

Этот вариант в 2018–2025 годах создает угрозу внутриполитической стабильности в России. Он диктует также отказ даже от той малоэффективной социальной политики, которая проводится до 2017 года и привела к росту доли нищих и бедных в общей структуре населения страны. За 2014–2017 годы Россия окончательно превратилась в страну «бедных» и «нищих», составляющих две трети её населения, что крайне негативно сказывается на её НЧК и качестве НЧК. Прежде всего, творческих возможностях, уже всё последнее десятилетие[16].

Возвращение к этому варианту означало бы и возвращение к политике депопуляции 90-х годов XX века, которая в современных условиях политически абсолютно неприемлема (а меры, предложенные на рубеже 2018 года В. Путиным, — недостаточны). По официальным данным Росстата даже сохранение современной социально-демографической политики ведет к депопуляции страны, которая буде замаскированы миграцией из стран Средней Азии (табл. 5.1).

По сути дела этот «традиционно-инерционный» вариант «Сценария №1» означает возврат к внешней, внутренней и финансовой политике 90-х годов, что в современных условиях может поддержать не более 5% граждан и незначительная часть правящей элиты. Но он уже не возможен в новых реалиях ВПО, сложившихся после 2014 года. Этот вариант будет означать фактическую внешнеполитическую капитуляцию, на которую крайне маловероятно пойдет вся правящая элита, которая осознала разрушительные последствия такой политики.

Подобный возврат развития России был бы возможен при захвате власти в стране ультралиберальной компрадорской частью элиты (как на современной Украине), готовой расстаться с остатками суверенитета. Таким образом «Вариант №1» первого Сценария является крайне маловероятным с точки зрения естественного развития современной России.

Таблица 5.1. Изменение численности населения по вариантам прогноза[17] (тысяч человек)

Годы	Низкий вариант прогноза				Средний вариант прогноза				Высокий вариант прогноза			
	1*	Изменения за год			1*	Изменения за год			1*	Изменения за год		
		2*	3*	4*		2*	3*	4*		2*	3*	4*
2017	146 770,0	115,7	–120,1	235,8	146 865,5	241,6	–52,1	293,7	147 034,1	475,5	100,5	375,0
2018	146 885,7	69,1	–162,2	231,3	147 107,1	242,8	–57,2	300,0	147 509,6	535,6	142,2	393,4
2019	146 954,8	–37,7	–265,2	227,5	147 349,9	159,6	–146,0	305,6	148 045,2	502,7	94,1	408,6
2020	146 917,1	–116,1	–340,8	224,7	147 509,5	111,9	–198,1	310,0	148 547,9	470,3	48,9	421,4
2021	146 801,0	–187,4	–409,5	222,1	147 621,4	75,0	–239,1	314,1	149 018,2	430,3	–2,2	432,5
2022	146 613,6	–253,0	–472,7	219,7	147 696,4	38,4	–279,3	317,7	149 448,5	394,6	–47,6	442,2
2023	146 360,6	–313,2	–530,8	217,6	147 734,8	5,3	–315,7	321,0	149 843,1	365,1	–85,9	451,0
2024	146 047,4	–368,4	–584	215,6	147 740,1	–24,6	–348,4	323,8	150 208,2	340,0	–118,9	458,9
2025	145 679,0	–418,6	–633,6	215,0	147 715,5	–52,5	–379,0	326,5	150 548,2	317,2	–148,9	466,1
2026	145 260,4	–464,5	–677,9	213,4	147 663,0	–79,6	–408,5	328,9	150 865,4	296,1	–176,6	472,7
2027	144 795,9	–502,2	–714,1	211,9	147 583,4	–98,3	–429,5	331,2	151 161,5	287,3	–191,6	478,9
2028	144 293,7	–529,0	–739,6	210,6	147 485,1	–107,4	–440,7	333,3	151 448,8	297,7	–186,9	484,6
2029	143 764,7	–548,5	–757,7	209,2	147 377,7	–110,7	–446,1	335,4	151 746,5	311,2	–178,8	490,0
2030	143 216,2	–567,2	–775,3	208,1	147 267,0	–112,9	–450,3	337,4	152 057,7	324,5	–170,6	495,1
2031	142 649,0				147 154,1				152 382,2			

1* — Население на начало года; 2* — общий прирост; 3* — естественный прирост; 4* — миграционный прирост

Но — парадоксально — он же является и наиболее популярным потому, что под него подведены привычные «макроэкономические» обоснования.

Но этот вариант возможен при своего рода «победе» внешних сил, которые смогли бы продвинуть во власть представителей той правящей элиты, которые им необходимы. На что делается ставка правящих кругов Запада после принятия в августе 2017 года соответствующего закона Конгрессом США. Так, как это было сделано во времена М. Горбачева и Б. Ельцина. Такой силовой вариант может быть реализован в случае искусственного создания внутриполитического конфликта («Болотная-2»), в результате которого произойдет силовой захват власти, или постепенной активизации антигосударственных либеральных сил с помощью Запада, как на Украине в 2014–2017 годах.

С точки зрения развития МО и ВПО этот вариант будет означать фактическую медленную капитуляцию перед политикой «Военно-силового давления (принуждения)» западной ЛЧЦ, которая неизбежно потребует свертывания внешнеполитической активности, отказа от значительной части суверенитета, ограничения в создании и развертывании ВВСТ, приватизации ОПК и других мероприятий, которые хорошо известны из истории России 1990-х годов.

Таким образом, планируемый в настоящее время властью вариант традиционного («инфляционно-стагнационного») сценария развития России будет практически не осуществим. Это, похоже, понимают в правительстве, где ищут способы активизации темпов развития, хорошо понимая, что они могут быть только в области изменений:

— структуры экономики;
— роста производительности труда;
— увеличения роли человеческого капитала.

Снижение уровня инфляции и ставки рефинансирования, которые произошли за последние 2 года, — безусловно, хорошие признаки, но они не являются критериями развития, а только его условиями. Но пока что правительство остановилось на этом, полагая, по всей видимости, что динамика последних месяцев 2017 года вытолкнет Россию в её развитии. Собственно поэтому данный вариант остается приемлемым для правящей элиты, но крайне уязвимым для внешних воздействий.

5.2. Вариант №2 («Экспортная сверхдержава») «Сценария №1» развития России до 2025 года

Конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологические потенциалы[18]

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации

Другой, до конца не исключенный к 2018 году вариант традиционного инерционного «Сценария №1» развития России, — «Вариант №2» — более «реалистический»: «Экспортная сверхдержава». Более того, на 2018 год — он представляется самым реалистическим вариантом Сценария потому, что в условиях фактического игнорирования развития НЧК основным ресурсом остаются природные ресурсы страны. Введение закона, ограничивающего бюджетные расходы от стоимости энергоресурсов, рассматривается как огромный успех правительства, как, впрочем, и снижение против ожидаемого бюджетного дефицита и роста золотого запаса. Налицо — политика медленного выхода из кризиса, в котором оказалась Россия и последующего периода стагнации, где роль «палочки-выручалочки» опять будет приходиться на экспорт сырья. Правда, уже эта роль будет не абсолютная, как прежде, но все равно — решающая.

Справедливости ради следует признать, что доля природных ресурсов в ВВП страны и их значение в формировании бюджета за последние 10 лет сократилась, но она продолжает оставаться основной и наиболее ликвидной частью экономики. Символически стоимость одного барреля в бюджете ограничили 40 долларами, что должно увеличить значение не сырьевых доходов, однако в реальности перехода к качественному развитию в России так и не произошло. Но, главное, что доля промышленной продукции в экономике и экспорте остается незначительной, а реальная востребованность — минимальной. Ожидается, что доля энергетических доходов относительно других доходов бюджета и доли в ВВП будет сокращаться до 2025 года, но характер

таких сокращений можно назвать «условно-инерционным» потому, что не ясно за счет каких обрабатывающих и высокотехнологических отраслей будет расти ВВП, если для этого не создается никаких условий.

Настораживает и другое: этот вариант сценария представляет собой учет известного набора неблагоприятных политических, экономических и военных условий и решений для развития России, сложившихся к 2017 году, но всё-таки эти в условиях, когда цены на сырье остаются достаточно стабильными, в границах 50–60 долл. за баррель, что позволяет сохранить внутриполитическую стабильность и постепенное исправление бюджетного дефицита (в условиях продолжения политики его экономии). Но, как показывает недавняя история СССР и России, это далеко не факт. Не произошло главного, а именно — смены идеологической и политической парадигмы развития, которая по существу осталась прежней[19].

Таким образом, этот вариант Сценария также можно было бы назвать «инерционным вариантом в условиях сохранения санкций и стагфляции», когда реальные надежды по-прежнему возлагаются на сырьевой экспорт, объем которого будет неуклонно сокращаться в 2018–2025 годы под давлением Запада. Возникает сложная, но не новая ситуация, когда Россия будет в усиливающейся степени бороться с Западом и все более от него зависеть. Целесообразно остановиться на этом варианте подробнее потому, что вероятно он и станет ближайшим будущим для России, во всяком случае, в краткосрочной (до 3 лет) перспективе[20].

Этот вариант будущего инерционного сценария означает сохранение также фактически существующего правительственного, современного варианта Сценария инерционного, «догоняющего» развития, которого придерживаются финансово-экономическая элита России. Другими словами, вариант «Экспортная сверхдержава» одни из разновидностей инерционного сценария, программирующего отставание России. В соответствии с этим вариантом Сценария Россия продолжает отставать в темпах своего развития не только от стран-лидеров, но и в целом мире. Так, по самым оптимистическим оценкам правительства России, темпы роста экономики страны в 2017–2018 годы изначально не должны были превышать 1,5–2%, в то время когда темпы роста эко-

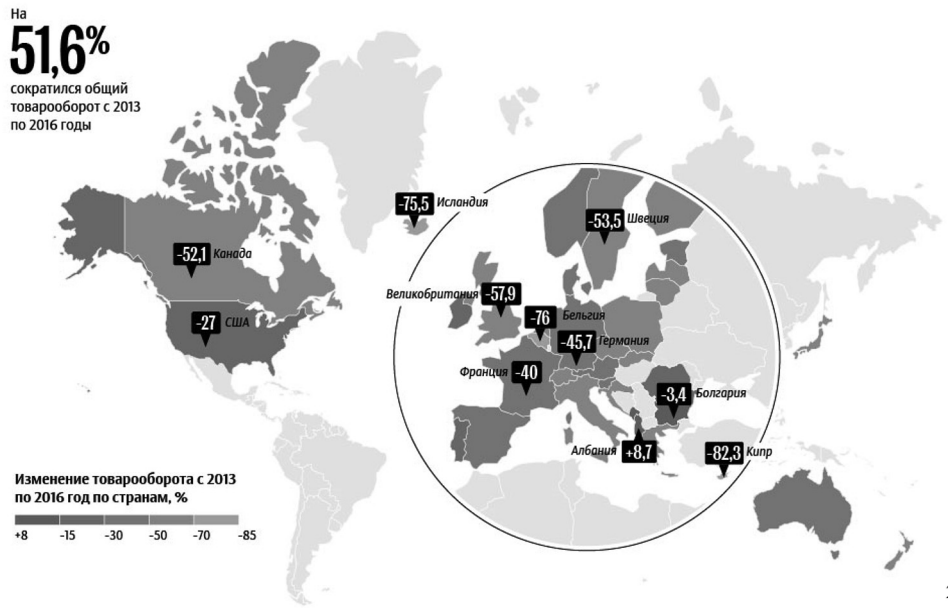


Рис. 5.2[21].

номик других стран были в эти годы в среднем 3,3–3,6%. Этому варианту соответствовал сценарий, предложенный Минэкономики осенью 2016 года и другие сценарии либеральных экономистов.

Именно так и произошло, с поправкой на то, что в эти годы темпы роста ВВП в России были отрицательные, а в остальном мире чуть ниже, чем прогнозировали наши экономисты. Этот пример показывает, что неумение прогнозировать в России сочетается с завышенным оптимизмом в отношении развития других стран. Так, даже по оптимистическому мнению Минэкономики в 2015 году, в 2016–2020 годах среднегодовой прирост ВВП РФ должен был бы составить 2,6%, в 2021–2025 годах — 4%, в 2026–2030 годах — 3,6% и в 2031–2035 годах — 3,3%. Инфляция упадет ниже 4% (3,4% в год) в 2021–2025 годах, а уровня 2,4% она достигнет в четвертом десятилетии этого века.

Итоги развития России в 2016–2017 годах категорически не подтвердили этих прогнозов (за исключением прогноза по инфляции, результаты которого были достигнуты самым неэкономическим способом не за счет роста ВВП, а за счет сокращения денежной массы). Произошел переход экономики России от этапа стагфляции к этапу

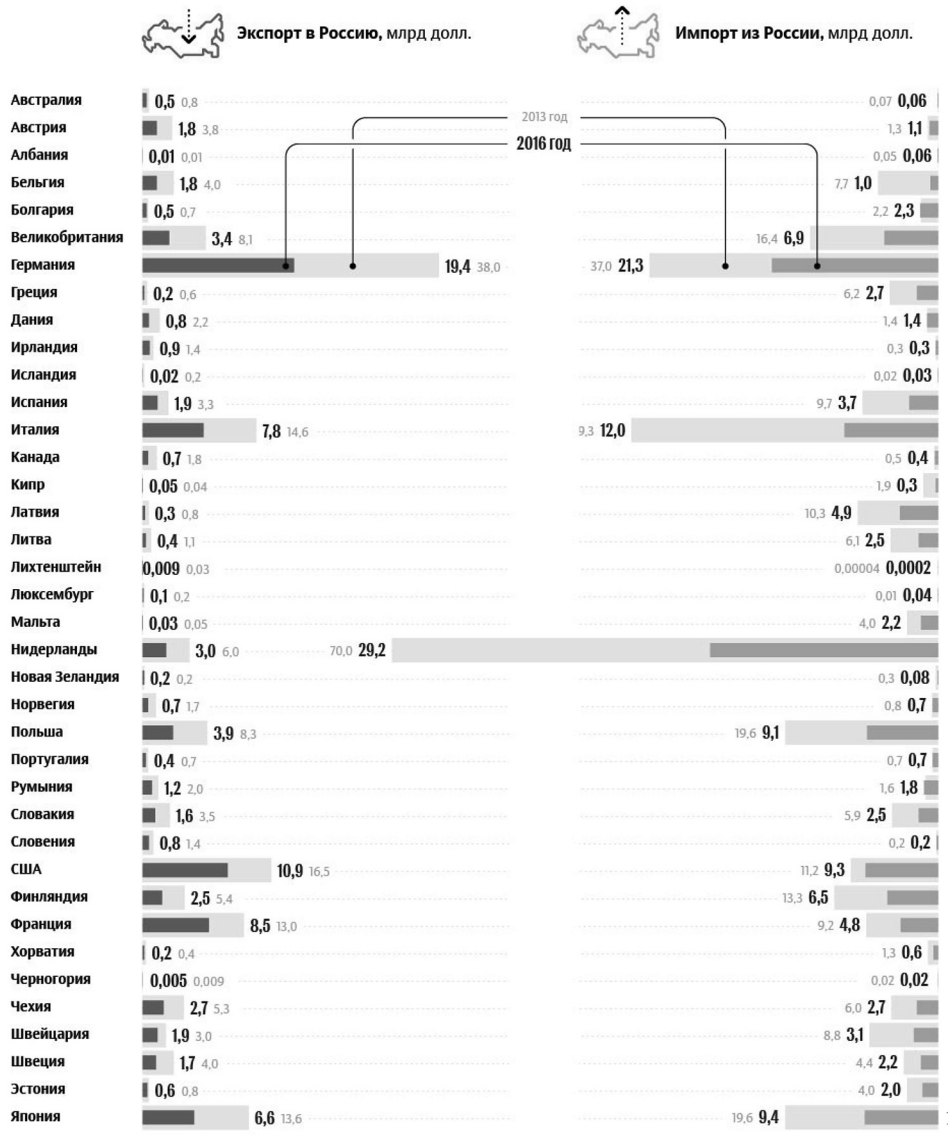


Рис. 5.3[22].

стагнации, который, как это ни покажется странным, планируется на несколько лет вперед. Не ставится ни общенациональных задач развития, ни даже сколько-нибудь амбициозных планов за исключением нескольких крупных проектов — Керченского моста, чемпионата мира по футболу и т.п.

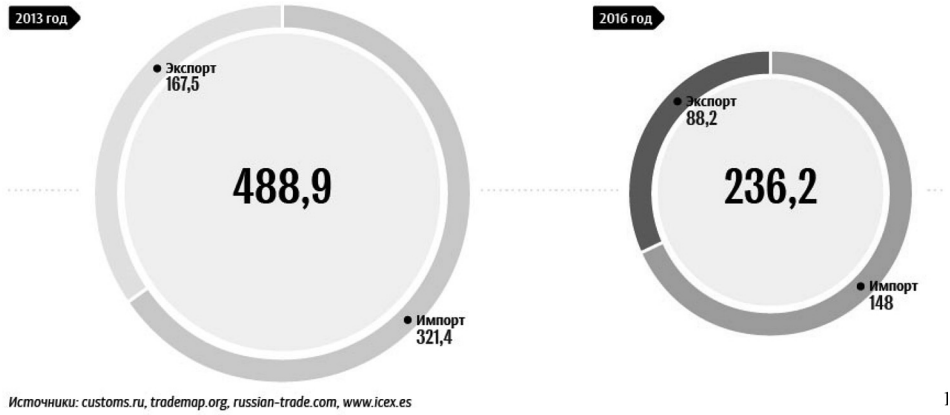


Рис. 5.4[23]. Общий товарооборот стран, поддержавших санкции, и России, млрд долл.

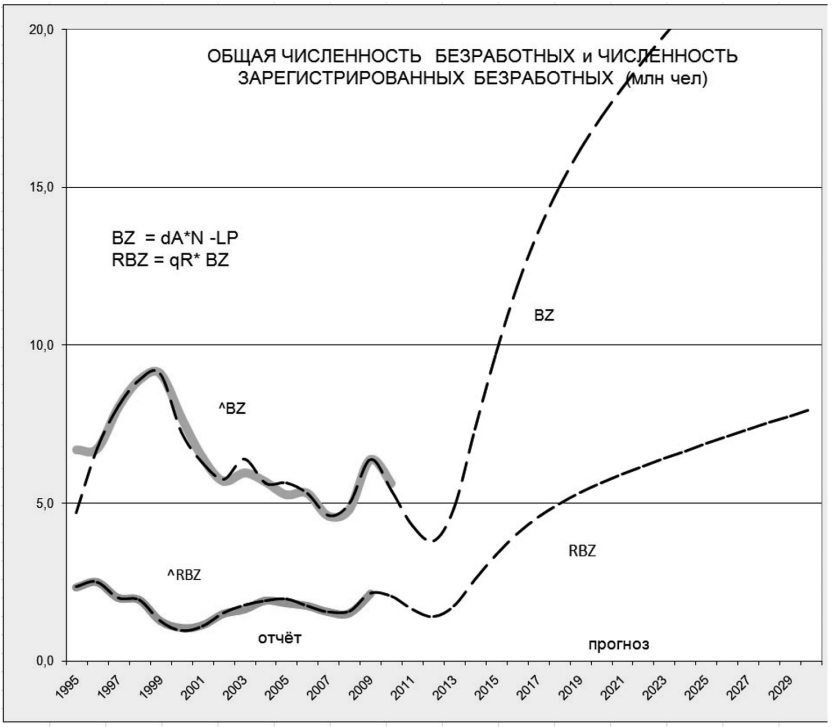
Но, главное, не ожидается и не планируется роста промышленного производства следующие 20 лет, полагая, что оно будет колебаться около 2,5–2,6% увеличения выпуска в год. Другими словами, прирост ВВП за счет производства товаров и услуг не ожидается. По-прежнему будет доминировать «сырьевая» экономика. Пик «новой модели развития экономики», по мнению властей, придется на 2021–2025 годы, когда прирост инвестиций составит 6,5% в год, розничный оборот будет расти на 4,3% в год, реальные располагаемые доходы — на 3,5% в год (до и после все приросты слабее). Пик прироста экспортного спроса ожидается в 2020 году, когда он составит 3,4%, к 2035 году он будет прирастать на 2,4% в год — темпы роста мировой экономики, по мнению Минэкономики, сократятся с ожидаемых в 2020 году 3,6% прироста мирового ВВП до 2,9% в 2035 году.

По этому варианту Сценария развития Россия, по мнению ведомства, почему-то вдруг станет «мировой державой XXI века». При этом доля импорта в удовлетворенном внутреннем спросе снизится на 8%, производительность труда удвоится, обороты малого предпринимательства вырастут в 2,5 раза, доля обработки в ВВП составит 20%. Наконец, «будет достигнут высокий уровень доверия гражданского общества к власти, которая станет эффективной и высокотехнологичной». Никаких внятных объяснений и обоснований этому не приводится.

Расти будут в первую очередь крупные городские агломерации, численность населения будет увеличиваться до 2021–2025 годов, ког-

да она достигнет 148,3 млн человек, но к 2035 году она, как ожидается, сократится до 146,9 млн[24]. И первое, и второе — вполне обоснованные и объективные ожидания, в которых однако не видна никакая созидательная роль власти, которая по сути отпускает развитие страны на волю стихии рынка, прежде всего, как видно, сырьевого.

Этот, безусловно, «пессимистический» вариант Сценария развития России рассматривается в качестве «нормального», «реалистического», что еще раз подтверждает субъективный характер оценок в социально-политических областях, даже если они и используют методы международной статистики. Так, рост числа бедных и нищих, признаваемый даже соответствующим министерством, считается «естественным», а рост числа скрытых безработных вообще не замечается. Между тем, по моим оценкам, страну ожидает ухудшение качества жизни граждан



BZ – численность безработных.
RBZ – численность зарегистрированных безработных.

Рис. 5.5. Динамика численности безработных и зарегистрированных безработных в России

и продолжение снижения душевых доходов по аналогии с периодом 2016–2017 годов. Некоторое представление дают оценки реальной и скрытой безработицы в России, хотя они, безусловно, не отражают двух важных и опасных тенденций:

— превращение большинства работающего населения в бедных и даже нищих, проживающих ниже реального, а не номинального порога бедности;
— снижения качества НЧК в результате общего снижения уровня доходов.

Сохранится, кроме того, абсолютное и относительное отставание России в развитии от наиболее передовых стран и новых центров силы. Более того, относительное отставание даже увеличится[25]. Это растущее отставание России в ближнесрочной перспективе не может не сказаться на ее политическом положении в мире потому, что Россия уже не сможет конкурировать в мире по ряду промышленных областей и отраслей глубокой переработки (атомной, оборонной, космической и ряду других), где она еще недавно могла конкурировать с другими странами. Так, в космической области она будет вытесняться КНР, ЕС и даже Индией, в атомной — Германией и Японией .

Но идее «энергетической сверхдержавы» противоречит сама логика мирового развития, в частности быстрого роста отраслей, использующих энергосберегающие технологии и альтернативные источники энергии. Те преимущества, которыми обладает Россия в энергетике, будут оставаться до 2025 года значимыми, но они не смогут гарантировать её выживание. Сама логика «энергетической экономики» — примитивный лозунг, который использовался для оправдания политики, игнорирующей технологическое развитие. Он не имеет экономического смысла, а с военно-политической точки зрения является откровенно провокационным, нацеленным на свертывание отечественного ОПК и обрабатывающих отраслей промышленности.

Надо признать, что во многом эта стратегия удалась. И не только в 1990-е годы, но и позже, когда отсутствие промышленной политики и неумения управлять было компенсировано за счет накачки бюджета нефтедолларами и другими мнимыми успехами процветания. В итоге оказалось уничтожено приборостроение и некоторые области про-

мышленности целиком, а большинству нанесен катастрофический удар, от которого не оправились и сегодня.

Таким образом, в условиях обострения ВПО в мире Россия, развиваясь по этому варианту сценария, неизбежно скатится к глубокому экономическому кризису, который в неблагоприятных военно-политических условиях превратится в системный кризис по аналогии с кризисом 1916–1917 годов в России. В этом случае неизбежны социальные потрясения, связанные не только с экономическими трудностями, но и с вопиющими социальными проблемами, которые пока что (надо признать) не объяснимо купируются политикой В. Путина. Но харизма политика и симпатии — факторы очень не стабильные, которые могут (особенно при настойчивой помощи извне) быстро смениться на ненависть. В этом случае Россию ждет наихудшее завершение варианта, который я условно назвал развитием.

5.3. Вариант №3 («Врастания в рынок») «Сценария №1» развития России до 2025 года в условиях обострения силового противоборства

…распад надломленной цивилизации начинается с отделения пролетариата от группы лидеров, выродившихся в правящее меньшинство[26]

А. Тойнби,
политолог

Третий вариант традиционного инерционного «Сценария №1» развития России («Врастания в рынок», «Вариант №3») представляет собой нереализованный до конца правительством Б. Ельцина — Г. Бурбулиса — Е. Гайдара вариант быстрых «рыночных реформ», остановленных на ряде направлений из-за огромных экономических и социальных издержек в 1992–1996 годов. В действительности, этот вариант даже не был «инерционным» потому, что в период его реализации в России происходила деградация экономики и социальной жизни, катастрофическая депопуляция и снижение НЧК[27]. В современных условиях этот

вариант развития представляется мало вероятным, даже невозможным, однако опыт России показывает, что такие мало реальные варианты иногда случаются.

Возвращение к этому варианту — возвращение к политике социально-экономической и геополитической катастрофы, которая, однако, вполне устраивала и устраивает не только Запад, но и часть российской правящей элиты. С помощью такого варианта развития политики страны правящая элита смогла за счет перераспределения национального богатства добиться личного обогащения и конвертировать случайно свалившуюся власть в собственность и капиталы. Поэтому этот вариант следует рассматривать в качестве возможного варианта развития России до 2025 года в случае силового захвата власти либеральной элитой, либо победы Запада.

Этот вариант также предполагает фактический уход государства из экономики и финансов, управление которыми будет предоставлено внешней «рыночной стихии», которая по замыслам либеральных стратегов «все нормализует». Политические, военные, этические и иные соображения в данном случае не принимаются к рассмотрению.

Для реализации этого варианта требуется, чтобы правящая элита была либо либерально жестко идеологизирована, либо управлялась из-за рубежа потому, а также что развития экономики и общества в этом варианте вообще не предусматривается, а государство — практически ликвидируется. Такие «романтики — идеалисты» однако приходили к управлению Россией не только в 1917–1921 годы, но и М. Горбачеве — Б. Ельцине. Поэтому полностью исключать этот вариант из числа сценариев не следует[28].

При этом, (согласно сценарным условиям) производительность труда продолжает расти вместе с безработицей. Причём в 2030 году эта цифра может достигнуть 24,7 млн человек, что неизбежно приведет к социальным потрясениям в России.

Этот вариант, как наименее вероятный, но все-таки планируемый влиятельными либеральными кругами в России, завершает перечень возможных вариантов инерционного сценария развития страны, которые в реальности планируются сегодня. Таким образом, базовый, наименее эффективный, но и наиболее вероятный «Сценарий №1» развития

России, означает процесс малоуправляемого «догоняющего» развития, который в основном характеризуется инерционно-стагнационными особенностями. Соответственно в итоге этот сценарий программирует абсолютное отставание России от большинства мировых держав к середине столетия[29].

Таблица 5.2.

Показатели и критерии	«Сценарий №1»		
	«Вариант №1»	«Вариант №2»	«Вариант №3»
Государственное управление	без изменений	без изменений	без изменений
Территория	та же	та же	та же
Природные ресурсы	активнее Арктика	Арктика	Арктика
Темпы роста ВВП России	+ 0–0,1%	+ 0–0,2%	– 3–5%
Демографический	+ 0,01%	0%	– 2–3%
Культуры и религия	национально-демократическая	национально-демократическая	национально-демократическая
Наука и образование	стагнация	стагнация	деградация
Внешняя политика	пассивно-подчиненная	зависимая	подчиненная
Военная политика	стагнация	деградация	развал

Инерционный прогноз, таким образом, — это имитация развития экономики при условии отсутствия управляющих воздействий Правительства и сохранении ранее обозначившихся тенденций развития. В частности, такими тенденциями являются динамика производительности труда и динамика коэффициента импорта. Кстати, это — очень инерционные тенденции, которые можно изменить, только при достаточно больших дополнительных капитальных вложениях (помимо бюджетных расходов) в соответствующие мероприятия. В настоящее время Правительство практически потеряло управление народным хозяйством, поэтому для долгосрочного прогноза можно ограничиться только инерционным прогнозом[30].

Формально на интервале 2009–2030 гг. мы наблюдаем длинную «волну Самуэльсона». Важно то, что в перспективе до 2025 года российская экономика выходит на стабильный и длительный **отрезок почти**

нулевого развития, т.е. стагнация сохраняется. В лучшем случае при низкой инфляции, что считается идеалом и решением крупной финансово-экономической задачи (как в 2018 году), хотя имеет очень слабое отношение к реальному развитию.

На фоне резкого ухудшения ВПО в мире и роста военных возможностей западной ЛЧЦ это будет означать для России постепенную потерю остатков суверенитета и национальной идентичности, которые станут заметны (в случае реализации этого возможного сценария в любом из его вариантов) к 2025 году.

---

[1] Хантингтон С. Борьба между цивилизациями. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — С. 264.

[2] *Подберёзкин А. И.* Стратегия для будущего президента России:русский путь. — М.: Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие», 2000 г.

[3] *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[4] Международная научная конференция «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений в интересах национальной безопасности России» (Москва, сентябрь 2016 г.): сб. докладов / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет. — 169 с.

[5] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 292–298.

[6] См. подробнее : *Подберёзкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014 г.

[7] *Подберёзкин А. И.* Военная сила и политика новой публичной дипломатии / Обозреватель-Observer, 2016. — №12 (323). — С. 16–18.

[8] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А. И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[9] *Орлов А.* Перспективы развития тактики и оперативного искусства форм и способов вооруженной борьбы по опыту минувших войн. 08–11–2016 / http://csef.ru/ru/articles/print/7222

[10] Подробнее о сценариях развития ВПО после 2021 года см.: Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития / А. И. Подберёзкин, Р. Ш. Султанов, М. В. Харкевич и др. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[11] *Подберёзкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 287–313.

[12] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А. И. Подберёзкин, М. В. Харкевич, М. В. Александров — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[13] Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т. А. Шаклеиной. — М.: Аспект Пресс, 2014. — С. 10.

[14] *Подберёзкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 287–300.

[15] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А. И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[16] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капиталъ. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3. — С. 601–618.

[17] Российский статистический ежегодник 2016. Статистический сборник / Россия в цифрах: Росстат, 2016.

[18] Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683.от 31 декабря 2015 года.

[19] *Подберёзкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 399–407.

[20] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А. И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[21] Санкции против России и международная торговля / Эл. ресурс: РИА Новости. 23.11.2017 / https://ria.ru/infografika/20171123/1509243542.html

[22] Санкции против России и международная торговля / Эл. ресурс: РИА Новости. 23.11.2017 / https://ria.ru/infografika/20171123/1509243542.html

[23] Санкции против России и международная торговля / Эл. ресурс: РИА Новости. 23.11.2017 / https://ria.ru/infografika/20171123/1509243542.html

[24] *Бутрин Д.* Генштаб не верит несекретным прогнозам // Коммерсант, 2017. 14 марта / http://www.kommersant.ru/doc/3107308

[25] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[26] *Тойнби А.* Подъем и падений цивилизаций. — М.: ООО «Алгоритм», 2016. — С. 98.

[27] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — Т. 1.

[28] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А. И. Подберёзкин (рук. авт. кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[29] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 333–351.

[30] *Антипов В. И.* Долгосрочный прогноз развития российской экономики. 2014. 18 апреля / http://rusrand.ru/forecast/dolgosrochnyj-prognoz-razvitija-rossijskoj-ekonomiki

Глава 6
Основные показатели «Инерционного» сценария развития России до 2025 года

Для России предстоящие два десятилетия будут периодом **упрочения своих позиций в меняющемся мире**, обеспечения стране высокого голоса при решении общезначимых проблем[1]

А. Дынкин, академик

Можно было бы согласиться с подобным оптимистическим прогнозом А. Дынкина, если бы была уверенность в том, что существовавший до этого курс развития был бы заменен на более динамичный, инновационный, рассчитанный на опережающие темпы. В случае его сохранения на период в 2018–2025 годы в том виде, каким он был до 2018 года, ни о каком «упрочении своих позиций» России говорить категорически не приходится. Странным образом А. Дынкин рассматривает деградацию экономики страны как «упрочение её позиций, что неизбежно ставит вопрос о том, какими критериями руководствуется РАН и, в частности, ИМЭМО, прогнозируя такое развитие ситуации. Если абсолютное и относительное отставание России, снижение удельного веса её ВВП в мире, нарастающее технологическое отставание видятся как «упрочение позиций», то можно предположить только одно — основные конкуренты России (США, страны ЕС, Китай) — еще больше потеряют в своем развитии.

Либо Россия, не смотря на все указанные варианты наиболее вероятного и возможного развития, сможет каким-то чудом опередить (от-

ставая при этом) своих конкурентов? Все три варианта этого инерционного развития (в форме наиболее вероятного и возможного сценария), однако, свидетельствует об обратном.

Основные показатели трех наиболее вероятных предполагаемых вариантов «Сценария №1» развития России до 2025 года коротко можно представить интегрировано следующим образом: стагфляция, в экономике и социальной жизни, которая сопровождается элементами «точечного» развития и нарастающим отставанием России от мировых лидеров. Эта стагфляция постепенно переходит просто в стагнацию, когда правительству и ЦБ удается искусственно удержать инфляцию в пределах 3%.

Типичным примером этого сценария (как наиболее вероятного, так и возможного, планируемого) стал вариант Стратегии России, предложенный Минэкономразвития в 2016 году. Подчеркну, что этот проект Стратегического прогноза РФ (сроком до 2035 года) внесен разработчиком, а именно — Минэкономики, в правительство. Документ входит в список документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности, который утвержден 30 декабря 2015 года. Напомню, что в соответствии с ФЗ №172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 года[2], все министерства и другие органы власти должны иметь такие планы, стратегии и концепции. При оценке военно-политических перспектив России важно знать максимально точно как нормативные цели и задачи, так и критерии их оценок.

В этом документе исходят из реалий, которые окончательно оформились к концу 2017 года. По оценке первого заместителя председателя правления правления ЦБ России К. Юдаевой, произошедшее снижение инфляции сохраняет потенциал для дальнейшего снижения ключевой ставки Банка России, а вслед за ней снижения и ставок по кредитам. Если не произойдет каких-либо новых шоков, ставка будет снижаться до тех пор, пока не будет нащупан уровень, при котором инфляция примерно постоянна на целевом уровне, а темпы роста соответствуют потенциальным. Этот уровень в настоящий момент мы оцениваем в районе 6–7% (на конец 2017 года ключевая ставка — 7,75% годовых).

Конечно, политика инфляционного таргетирования сама по себе не обеспечивает ускорение роста, — признает К. Юдаева. — Для этого необходимы структурные реформы. Но зато дает лучшую защиту

от шоков: инструментами инфляционного таргетирования можно добиться стабилизации роста на уровнях близких к потенциальным, то есть, помочь экономике показать свой лучший результат в условиях тех структурных ограничений, которые пока остаются»[3].

Существенный вклад в будущую устойчивость экономики вносит и бюджетная политика. В 2017 году было принято бюджетное правило. Оно позволит стабилизировать доходы бюджета, экономику, инфляцию и валютный курс на фоне колебаний цен на нефть.

Что касается экономики, то здесь тенденции пока разнонаправлены. Продолжается процесс структурной адаптации экономики к сырьевому циклу. Положительное влияние на российскую экономику оказывает устойчивый глобальный экономический рост, который в этом году наблюдался впервые за последние 10 лет. А вот рост цен на нефть в 2017 году по сравнению с 2016 имел на экономику разнонаправленное влияние, так как он был связан в том числе с ограничениями по производству, которые взяла на себя Россия вместе с другими производителями нефти. По традиционным товарам российского экспорта — металлам (кроме отдельных видов цветных металлов) и углю — 2017 год был благоприятным, что во многом было связано с политикой Китая по закрытию экологически грязных производств. Однако, насколько продолжительной будет эта тенденция, сказать сложно.

Благоприятным 2017 год был для сельского хозяйства и пищевой промышленности. Проводившаяся в последние годы политика и инвестиции дали о себе знать: наблюдался рекордный урожай, рос экспорт. Начавшееся восстановление потребительского спроса дало толчок развитию и других секторов, обслуживающих потребительский спрос. А вот что касается инвестиционной активности, там еще очень высока зависимость от разовых крупных проектов. Российскому бизнесу еще только предстоит нащупать и развить новые точки конкурентоспособности российской экономики.

Конечный вывод итогов развития России к 2018 году и одновременно среднесрочных перспектив для её экономики, который делает К. Юдаева и с которым можно согласиться : «Именно структурная адаптация экономики к новым условиям, поиск новых точек конкурентоспособности, рост производительности труда, более эффективное использование человече-

ского капитала являются основными вызовами и для экономической политики и для бизнеса на ближайшие годы[4]. Но именно этого и не делается — ни структурной адаптации экономики, ни роста производительности труда, ни более эффективного использования НЧК не наблюдается.

6.1. Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках прогнозирования на федеральном уровне[5]

В движении жизни перемена в любой части целого должна сопровождаться соответствующими сдвигами в других частях, если все идет хорошо[6]

А. Тойнби

«Если всё идет хорошо» — замечание А. Тойнби очень четко характеризует состояние современного планирования и управления политикой безопасности в России. Именно в этой области Стратегия национальной безопасности, которая должна быть тем «целым», о котором говорит А. Тойнби, не является таковым. Соответственно и в других своих частях политики — военной доктрине, экономической, социальной, информационной и пр. политиках, не происходят те «сдвиги», которые должны происходить.

Это замечание изначально очень важно потому, что отсутствие взаимосвязи между центральными и частными документами планирования в России имеет не менее важное значение, чем отсутствие механизма реализации этих документов.

Как уже говорилось, возможные сценарии развития России (в отличие от наиболее вероятных, базовых, реализуемых стихийно в настоящее время) основываются на неких концепциях и идеях, а также разрабатываемых нормах стратегического планирования. В основе инерционного сценария развития России, который нормативно закреплен в стране, прежде всего, в форме федерального бюджета, таким образом, находится не реальная политическая практика, а существующий (достаточно

условно) процесс стратегического планирования, который необходимо иметь ввиду, когда мы говорим о возможных вариантах развития страны, но требующих существенной доработки[7].

Этот процесс теоретически (но только теоретически) основан на внедрении в политическую систему страны норм, зафиксированных в ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», принятом в июне 2014 года, а именно:

— во-первых, (Статья 22). Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации, который разрабатывается на основе решений Президента Российской Федерации каждые шесть лет на двенадцать и более лет федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности…
— во-вторых, (Статья 23). Стратегический прогноз Российской Федерации[8], который:
    1) оценку рисков социально-экономического развития и угроз национальной безопасности Российской Федерации;
    2) поэтапные прогнозные оценки вероятного состояния социально-экономического потенциала и национальной безопасности Российской Федерации;
    3) оптимальный сценарий преодоления рисков и угроз с учетом решения задач национальной безопасности Российской Федерации;
    4) оценку конкурентных позиций Российской Федерации в мировом сообществе;
    5) иные положения по решению Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации.

3. Правительство Российской Федерации обеспечивает координацию и методическое обеспечение разработки и корректировки стратегического прогноза Российской Федерации.
4. Стратегический прогноз Российской Федерации рассматривается Советом Безопасности Российской Федерации.
5. Порядок разработки, корректировки и утверждения (одобрения) стратегического прогноза Российской Федерации определяется Президентом Российской Федерации;

— в-третьих, (Статья 24). Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период[9], который содержит:
    1) оценку достигнутого уровня социально-экономического развития Российской Федерации;
    2) определение вариантов внутренних условий и характеристик социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, включая основные показатели демографического и научно-технического развития, состояния окружающей среды и природных ресурсов;
    3) определение вариантов внешних условий социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, основные показатели развития мировой экономики, включая прогноз мировых цен на отдельные сырьевые ресурсы;
    4) оценку макроэкономического эффекта от реализации государственных программ Российской Федерации, отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации и планируемых институциональных преобразований;
    5) показатели вариантов прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период и других вариантов, учитывающих изменение внешних и внутренних условий развития…;
— в-четвертых, (Статья 25). Бюджетный прогноз Российской Федерации на долгосрочный период[10], который разрабатывается в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации и ряд других документов.

Этот прогноз был завизирован на уровне заместителя министра экономики Алексея Веденеева и содержит добросовестную попытку совместить «военно-стратегические» соображения и прогнозы социально-экономического развития РФ с точки зрения гражданских экономистов. Так, проект Стратегического прогноза де-факто ставит устойчивость в сфере нацбезопасности в зависимость от уровня экономического развития РФ и, в частности, от инвестиционных возможностей страны, обеспечивающих доступность технологических решений — в том числе для нужд обороны. Вопросами нацбезопасности Стратегический

прогноз Минэкономики объявляет помимо прочего развитие человеческого капитала — в том числе культуры и туризма, а также пенсионной системы и, что логично, структурных ограничений экономического роста — в понимании Минэкономики такие риски так или иначе имеют отражение в ситуации с нацбезопасностью.

Естественно, что такой подход у Минобороны понимания не нашел. Таблица разногласий с гражданским ведомством, подписанная главой Генштаба Валерием Герасимовым, дает понять, что под Стратегическим прогнозом РФ подразумевают военные. Они хотели бы видеть в нем оценки рисков социально-экономического развития и угроз нацбезопасности с поэтапными оценками вероятного состояния экономики и оптимальными сценариями «в виде плана или порядка» преодоления таких рисков и угроз.

Наиболее интересным в проекте является долгосрочный «прогноз поэтапного вероятного состояния социально-экономического потенциала РФ» на 2016–2035 годы — Минэкономики символически опередило Минфин, который скоро должен представить в правительство бюджетный прогноз до 2034 года. По мнению Минэкономики, в 2016–2020 годах среднегодовой прирост ВВП РФ составит 2,6%, в 2021–2025 годах — 4%, в 2026–2030 годах — 3,6% и в 2031–2035 годах — 3,3%. Инфляция упадет ниже 4% (3,4% в год) в 2021–2025 годах, а уровня 2,4% она достигнет в четвертом десятилетии этого века. Бурного роста промпроизводства следующие 20 лет ведомство А. Улюкаева не ожидает, полагая, что оно будет колебаться около 2,5–2,6% увеличения выпуска в год. Пик «новой модели развития экономики» придется на 2021–2025 годы, когда прирост инвестиций составит 6,5% в год, розничный оборот будет расти на 4,3% в год, реальные располагаемые доходы — на 3,5% в год (до и после все приросты слабее). Пик прироста экспортного спроса ожидается в 2020 году, когда он составит 3,4%, к 2035 году он будет прирастать на 2,4% в год — темпы роста мировой экономики, по мнению Минэкономики, сократятся с ожидаемых в 2020 году 3,6% прироста мирового ВВП до 2,9% в 2035 году[11].

По этому сценарию Россия, по мнению ведомства, почему-то станет «мировой державой XXI века». Доля импорта в удовлетворенном внутреннем спросе снизится на 8%, производительность труда удво-

ится, обороты малого предпринимательства вырастут в 2,5 раза, доля обработки в ВВП составит 20%. Наконец, будет «достигнут высокий уровень доверия гражданского общества к власти, которая станет эффективной и высокотехнологичной», а демографические последствия будут выражены в том, что расти будут в первую очередь крупные городские агломерации, численность населения будет увеличиваться до 2021–2025 годов, когда она достигнет 148,3 млн человек, но к 2035 году она сократится до 146,9 млн.

15 мая 2017 года опубликована Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года. Документ был подписан президентом РФ 13 мая 2017 года. Стратегия направлена на обеспечение противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности, а также на недопущение снижения качества жизни населения. До настоящего времени было принято пять подобных документов. С 2014 года такие правовые акты утверждаются в рамках закона «О стратегическом планировании в РФ» от 28 июня 2014 года.

Первая Государственная стратегия экономической безопасности РФ была принята указом президента РФ Б. Ельцина от 29 апреля 1996 года. Документ выделял четыре основные угрозы экономической безопасности: обеднение и имущественное расслоение населения; деформированность структуры российской экономики (в том числе усиление топливно-сырьевого сектора); неравномерность развития регионов; криминализация общества. Новый документ от 13 мая 2017 года выделяет уже 25 вызовов и угроз, в том числе усиление структурных дисбалансов в мировой экономике, дискриминационные меры в отношении ключевых секторов российской экономики, слабая инновационная активность.

9 сентября 2000 года президент РФ В. Путин утвердил первую версию Доктрины информационной безопасности. Документ описывал систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности государства в информационной сфере. В доктрине было выделено четыре вида угроз информационной безопасности: угрозы конституционным правам и свободам в области духовной жизни и информационной жизни; угрозы информационному обеспечению государственной политики; угрозы развитию отечественной информационной индустрии; угрозы безопасности информационных систем в целом.

Новая Доктрина информационной безопасности была принята указом президента РФ В. Путина от 5 декабря 2016 года. В документе было определено уже 10 видов угроз. В частности, наращивание рядом зарубежных стран возможностей информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру в военных целях; дискриминация российских СМИ за рубежом; рост масштабов компьютерной преступности; использование механизмов информационного воздействия террористическими и экстремистскими организациями и т.д.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года утверждена указом президента РФ Д. Медведева от 12 мая 2009 года, сменила утратившую силу Концепцию национальной безопасности РФ. Это базовый документ стратегического планирования, определяющий национальные интересы и стратегические национальные приоритеты страны, задачи внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности и устойчивое развитие. Понятие «национальные интересы» было определено в документе как потребность в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства. В числе факторов, угрожающих национальным интересам, были перечислены «рецидивы односторонних подходов в международных отношениях», неконтролируемая и незаконная миграция, эпидемии, исчерпание энергоресурсов, рост числа стран — обладателей ядерного оружия и др.

Новая версия Стратегии национальной безопасности была утверждена президентом РФ В. Путиным 31 декабря 2015 года. Национальными интересами в ней названы: укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя; укрепление национального согласия; повышение качества жизни; сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей; повышение конкурентоспособности национальной экономики; закрепление за Россией статуса одной из лидирующих мировых держав.

Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации утверждена президентом РФ Д. Медведевым 30 января 2010 года и действует в настоящее время. В ней зафиксированы цели, задачи и основные направления государственной экономической политики в этой области. В частности, введено понятие продовольственной независи-

мости — состояния экономики, при котором производство жизненно важных пищевых продуктов за год составляет не менее 80% потребностей населения в них. При этом планируется, что поставки рыбной продукции и сахара должны обеспечиваться внутренним производителем не менее чем на 80%, мяса — не менее 85%, молока и молочных продуктов — не менее 90%, зерна — не менее 95%. Документ развивает положения Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года.

Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года утверждена 19 апреля 2017 года и действует в настоящее время. Она сменила Государственную стратегию Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития (утверждена указом президента РФ Б. Ельцина от 4 февраля 1994 года). Документ развивает положения Стратегии национальной безопасности, оценивает текущее состояние экологической безопасности в России, выделяет основные глобальные и внутренние угрозы. В числе глобальных угроз — последствия изменения климата на планете, рост потребления природных ресурсов, сокращение биоразнообразия. Внутренние вызовы — высокая степень загрязнение почв, воды, воздуха; низкий уровень экологического образования и культуры; недостаточное финансирование экологических мероприятий[12].

Эта модель в целом соответствует основным параметрам и динамике развития России в 2014–2017 годах, т.е. в целом отрицательной динамике, которая иногда меняется на незначительный рост (как в первой половине 2017 года на 1% ВВП), в условиях нарастания неблагоприятных внешних условий и внешней угрозы перехода военно-силового противоборства в открытую военную конфронтацию. В самом общем виде подобное развитие России до 2025 года может быть экстраполяцией ситуации первой половины 2017 года на последующие 8 лет, а именно:

— очень медленный прирост ВВП, измеряемый показателями прироста в 1–1,5% на фоне общемирового роста 3–3,5% и целого ряда стран (КНР, Индии, Малайзии и др.) — в 6–8% ВВП;
— отставание в темпах роста промышленного производства от ведущих мировых стран за исключением некоторых отраслей и подотраслей (связанных преимущественно с ОПК), где такой рост может быть заметным и даже существенным;

— стагнация прироста НЧК и всех его основных показателей, включая здравоохранение и образование;
— нарастающее отставание в основных направлениях развития фундаментальной науки, НИОКР и технологий.

В целом все три варианта «Сценария №1» («Инерционного») развития России предполагают общее сохранение стагнации, а не стабилизации (как пытаются утверждать сторонники), в экономическом и социальном развитии на фоне усиления внешних опасностей и угроз и их перерастания в открытые военные действия[13]. А этом случае наиболее вероятно, что при переходе к непосредственным военно-силовым действиям российская экономика и общество окажутся не готовыми и им придется пройти через катастрофический период концентрации сил и ресурсов для противостояния агрессору.

Более детально ситуацию с развитием «Сценария №1» России до 2025 года можно описать следующим образом:

Вариант №1 («Традиционно-инерционный») Сценария №1 развития России до 2025 года предполагает:

— периодические скачки валютного курса, инфляции и падение темпов роста ВВП до отрицательных значений по аналогии с периодом 2008–2017 годов;
— снижение уровня жизни населения до предельно низких границ с последующим медленным восстановлением его показателей до исходного уровня.

  Этот вариант не предполагает рост численности среднего класса и его креативных слоев как результат разумной деятельности правительства;
— продолжение увеличения социальной дифференциации населения между 10% самых богатых и самых бедных слоев.

Вариант №2 («Экспортная сверхдержава») Сценария №1 развития России до 2025 года предполагает, что в рамках существующего сценария могут сложиться более благоприятные условия для роста экспорта энергоносителей и цен на него, которые позволят привлечь дополнительно в бюджет от 50 до 150 млрд долл. Эти средства будут способствовать в том числе улучшению социального самочувствия граждан на короткий период (3–5 лет), улучшению внешнеторгового баланса и сниженной внешней зависимости.

Однако этот вариант повторяет вариант развития российской экономики 2008–2011 годов, когда накопленные запасы быстро будут исчерпаны, а их восстановление возможно только при условии возвращения высоких цен на энергоносители.

Вариант №3 («Врастания в рынок») Сценария №1 («Инерционного») развития России до 2025 года предполагает, что ослабление государственных мер давления и регулирования в силу разного рода причин может привести к активизации экономической деятельности в некоторых отраслях экономики, связанных с частным предпринимательством. Условно, этот вариант может быть назван новым НЭПом в результате которого государство сознательно и достаточно искусственно создает более благоприятные условия для функционирования мелкого и среднего бизнеса.

Эти давно ожидаемые меры поддерживаются административным регулированием, финансово-промышленной политикой и страхованием, что в целом позволяет незначительно оживить экономическую и социальную жизнь, прежде всего, в регионах.

Предлагается более детально попытаться рассмотреть отдельные показатели возможной реализации этих вариантов развития Сценария.

6.2. Государственное и общественное управление в условиях реализации Сценариев инерционного развития

Научитесь разоблачать своих недругов,
узнавать их по признакам и приметам, скрывающим враждебность[14]

Р. Грин,
выдающийся теоретик

Государственное и общественное управление в 2018–2025 годы приобретает, как и всегда в условиях острого кризиса, исключительно важно значение. При этом важно не идти за формальной логикой, в основе которой находятся теоретические ценности, например, ценности демократии, а исходить из практической значимости для безопасности тех или иных ценностей и максим. Так, для России в условиях обостре-

ния ВПО до уровня военного конфликта, нужен авторитаризм и методы авторитарного управления, а не приоритеты «прав человека», которые в условиях войны бессмысленны.

В этом смысле, прогнозируя результаты инерционного сценария развития России до 2025 года, необходимо признать, что он угрожает, как минимум, двумя негативными последствиями в области стратегического управления, о которых необходимо помнить и которых пока что не удается избежать в России:

Во-первых, сохранением крайне неэффективной и коррупционной модели государственного управления, когда основные решения принимаются и контролируются из одного федерального центра. Нередко без учета специфики и даже во вред развитию отдельным направлениям, отраслям и областям управления. Так, решения, принимаемые в интересах всей военной организации нации, распространяются только на государственные институты, оставляя в стороне такие важные объекты управления, как бизнес и общественные институты.

Во-вторых, сохранением существующего неэффективного распределения функций управления (полномочий) и ресурсов между центром и регионами.

В самом общем виде сравнение этих моделей выглядит следующим образом: рис. 6.1.

Другими словами, мы будем вынуждены встретиться с двумя разнонаправленными тенденциями:

Первая тенденция — необходимость усиления авторитарных основ в управлении экономикой и вопросами безопасности, нарастания автаркии и централизации в управлении и распределении ресурсов.

Вторая тенденция — необходимость постепенного отказа от этой авторитарной и неэффективной модели управления экономикой и страной в целях использования всех национальных ресурсов, что возможно сделать эффективно только в случае делегирования полномочий вниз, на местный уровень.

Инерционная модель развития России предполагает сохранение существующей системы, которая концентрирует все решения и ответственность у федерального центра, точнее — у государства. Вместе с тем вся инициатива и новые креативные возможности концентриру-

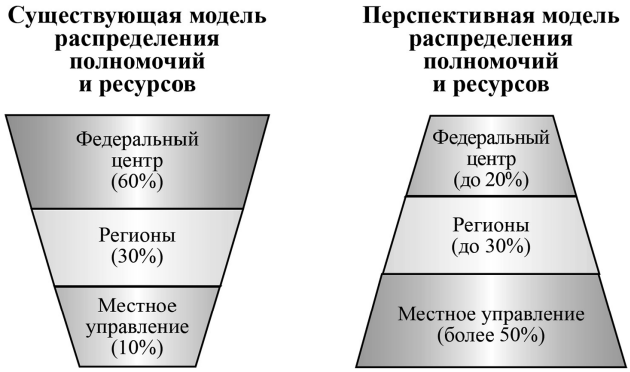


Рис. 6.1.

ются на местном уровне, который фактически исключается из процесса управления, т.е. эффективность его решений — близка к нулю.

В области государственного и общественного управления в России в частности в этой связи до 2025 года не ожидается каких-либо улучшений. Скорее наоборот: избранная модель игнорирует потребности опережающего экономического (технологического) развития и совершенствования социальной структуры общества. В частности:

— ожидается дальнейшее развитие модели президентской республики с усилением централизованных элементов управления и «вертикали власти», которая во все большей мере скатывается к «ручному управлению» деталями;
— продолжение отставания в эффективности государственного и общественного управления, прежде всего в области ликвидации социальных различий и противоречий. Существующее неравенство и ограничения на реализацию возможностей НЧК не будут сокращаться;
— сохранения отставания в области развития военной организации государства. Это отставание стало сокращаться в 2012–2017 годы, но сокращение отставания еще не превратилось в опережение в области развития политического и военного искусства: ликвидация научных школ и снижение уровня образования и научной подготовки в последние десятилетия к 2017 году не были еще преодолены;
— сохранения отставания в приоритетном развитии НЧК и его институтов, особенно институтов развития творческого потенциала человеческой личности.

Вместе с тем возможны частные изменения в т.ч. позитивного характера, вызванные, прежде всего, нарастанием понимания перемен:

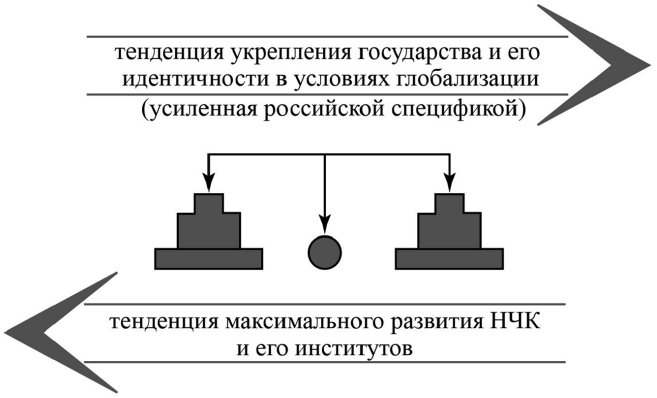
— в области совершенствования управления исполнительной, законодательной и судебной власти в рамках существующей модели и в связи с потребностями выборов (президента РФ, Федерального собрания и региональных органов власти) будет продолжаться хаотичный поиск новых средств и методов, некоторые из которых могут оказаться эффективными;
— в области стратегического планирования, прогнозирования и координации деятельности органов власти можно ожидать постепенное внедрение теоретических и нормативных результатов в практическую деятельность. Постепенная эволюция в политическом планировании привела к появлению (пусть с опозданием и несовершенных) документов их стратегическому прогнозированию и планированию в 2014–2017 годы, которые могут получить развитие;
— в области местного самоуправления можно ожидать определенного перераспределения полномочий от федерального центра и регионов в пользу муниципальных образований, хотя этот процесс будет противоречить общей тенденции;
— в области совершенствования системы исполнительной власти возможны постепенные изменения функций и структур некоторых органов власти, в частности, тех, которые смогут практически доказать свою эффективность.

К сожалению, неэффективная в целом система государственного управления, основанная на «ручном управлении» и простых нормативных актах, сохранится без существенных изменений. Также маловероятно, что произойдут изменения в политической и военной организации страны, которые крайне необходимы для повышения эффективности её работы с государственными институтами, общественными организациями и частным бизнесом.

Кроме того, государство столкнётся с усилением общественного недоверия и недовольства, связанного с охватившей ведущие страны коррупцией, а также эрозией законодательства. Население России будет все более недовольно де-факто сложившимся различием в отправлении законодательства и правосудия применительно к элите и остальному на-

селению. Это также увеличит вероятность протестов, нестабильности и эрозии государственных механизмов управления.

Есть общие для всех стран тенденции, угрожающие системе государственного управления. По мнению экспертов Национального Совета по разведке США в течение ближайших десятилетий власть будет принадлежать по-прежнему преимущественно государственным структурам. Правительствам в условиях неоднозначных перспектив экономического развития будет все сложнее удовлетворить общественные запросы, обеспечить безопасность, дать отпор преступности и снизить неравенство[15].



СООТНОШЕНИЕ СИЛ НАТО и РОССИЯ

Личный состав, оружие и техника	НАТО	Россия
1. Общая численность вооруженных сил, в том числе:	3 млн. 930 тыс.	1 млн. 260 тыс.
2. Сухопутные войска	2 млн. 100 тыс.	300 тыс.
3. ВВС	865 тыс.	170 тыс.
4. ВМС	714 тыс.	195 тыс.
5. Ядерные боеголовки (включая тактические)	9 700 ед.	7 900 ед.
6. Стратегические бомбардировщики	500	117
7. Военные самолеты	14 500	1 500
8. Военные вертолеты	9 100	2 000
9. Транспортные самолеты	1 600	400
10. Танки и боевые машины	98 тыс.	36 тыс.
11. Артиллерия (включая реактивные системы залпового огня)	90 тыс.	47 тыс.
12. Военные корабли	550	240
13. Подводные лодки	175	60
14. Авианосцы	19	0

Рис. 6.2[16].

Это будет иметь особенно важное значение в связи с тем, что общее соотношение сил между Россией и ЕС, Россией и НАТО будет не в пользу нашей страны, как минимум, составляя пропорцию 1 к 3. Поэтому эта общая тенденция укрепления институтов государства будет совпадать с субъективной тенденцией в России, развитой в период правления В. В. Путина.

Главная проблема, требующая решения в период его правления, для администрации и его лично — это попытаться совместить (не мешая, а содействуя) две противоположные тенденции: укрепления государства, рост автаркии и авторитаризма, его идентичности в условиях глобализации (и, специфически, российских обстоятельствах), с одной стороны, и максимально содействовать развитию НЧК, его институтов, личной свободы ради творчества личности, с другой.

Лидер, который создаст в XXI веке такую интегрированную систему, станет гениальным управленцем века.

6.3. Территории

Вы должны сознательно объявить прошлому войну, чтобы заставить себя откликаться на события настоящего[17]

Р. Грин,
военный теоретик

В последние десятилетия мы нередко становились жертвами усиленно навязываемой нам иллюзии о том, что контроль над территориями, суверенитет потеряли свое значение. При этом каким-то странным образом забывалось, что ровно в то же время со стороны западной ЛЧЦ этот контроль расширялся и усиливался. В настоящее время проблема развития государства естественным образом ассоциируется с проблемой сохранения суверенитета над территорией этого государства. Однако в XXI веке понятие «территория» изменило свой смысл, существенно включив в него не только акватории и космос, но и информационное пространство.

Территория традиционно ассоциируется с государственным суверенитетом страны и власти. Ослабление суверенитета и власти неизбеж-

но ведет к сокращению суверенитета, влияния, потере суверенитета, а в ряде случаев и превращению территории в плацдарм для агрессии. Эту эволюцию прошла Организация Варшавского Договора (ОВД) и СССР в 1990-е годы, когда они последовательно:

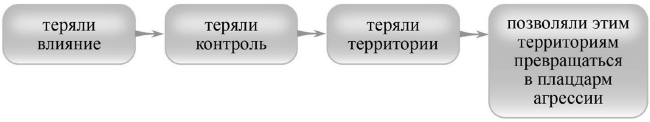


Рис. 6.3.

Эту эволюцию легко увидеть на примере Польши, Болгарии, балтийских республик, а сегодня уже Украины (и в перспективе — Казахстана и Белоруссии).

Поэтому суверенитет и контроль над территориями остаются важным атрибутом безопасности государства в XXI веке, когда Сценарий инерционного развития объективно ведет к сокращению влияния и ослаблению суверенитета и контроля над территориями. Тем более. Что в XXI веке это понятие стало включать и контроль над морскими акваториями и важнейшими транспортными коридорами.

С точки зрения территориальной, до 2025 года возможны некоторые изменения даже в рамках действующей парадигмы, связанные:

— С усилением влияния России на постсоветской территории, с одной стороны, и кризисом в постсоветских государствах: на Украине, в Молдавии, республиках Средней Азии и Казахстане и Закавказье, с другой стороны. Не только т.н. «непризнанные» республики (ДНР, ЛНР, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье), но и возможно, другие территории бывшего СССР захотят войти в Российскую Федерацию.
— Сохранится в целом депрессивное направление в развитии большинства российских регионов, в особенности в азиатской части страны, которое может привести к серьезным социально-политическим и национальным конфликтам, а те, в свою очередь, могут быть использованы для создания на этих территориях «независимых государств». Это — стратегическая цель Запада, которая останется актуальной и долгосрочной целью до 2025 года.

— Сохранятся опережающие темпы развития некоторых мегаполисов, в которых будет продолжаться концентрация людей, капиталов и социальной активности за счет, прежде всего, оттока из большинства депрессивных регионов России. Это неизбежно будет вести к дальнейшей деградации отдельных регионов и увеличению разрыва между богатыми регионами (где региональный ВВП будет достигать 40 тыс. долл.) и бедными регионами (где региональный ВВП сохранится в районе 10 тыс. долл.).

Для России до 2025 года ключевой проблемой останется проблема вырождения населения в значительной части восточных регионов страны, причем не только количественно, численно, но и качественно. Инерционный сценарий развития до 2025 года не просто консервирует эту проблему, он усугубляет ее, ведя к тому, что на целых огромных территориях страны перестает процесс национального воспроизводства.

Другая сторона этой проблемы заключается в том, что прежде всего в наиболее благополучных регионах происходит изменение национального, этнического и религиозного состава населения в пользу азиатских и кавказских этносов. Это неизбежно ведет к серьезным социокультурным, политическим и экономическим последствиям.

6.4. Природные ресурсы

> Стало не столько грустно, сколько интересно — а как долго это все может продолжаться и какова глубина того болота, в которое мы помалу погружаемся. Захотелось посмотреть, как пересидент Путин окончательно превратится в этакого дряхлого, но по-прежнему желающего выглядеть молодым и всем нравиться старца[18].
>
> *А. Русин, публицист*

Не смотря, на самые разные прогнозы, я полагаю, что применительно к природным ресурсам будут доминировать до 2025 года три основные тенденции, которые скажутся на основных показателях развития России в целом положительным образом.

Во-первых, будет продолжаться рост мировой экономики и рост спроса на природные ресурсы, который приведет к устойчивому росту цен не только на традиционные ресурсы (углеводороды и металлы), но и на пресную воду, продовольствие и древесину. Это обстоятельство позволит России лучше использовать свои конкурентные преимущества, в частности, на рынке нефти и природного газа, где цены будут достаточно высокими, существенно выходя за границы 40 долл. за баррель.

Во-вторых, будет продолжаться процесс роста энергосберегающих технологий и технологий, вытесняющих традиционные источники энергии, который, однако, не станет доминирующим в экономиках до 2025 года.

В-третьих, существенно обострится борьба за природные ресурсы и районы их добычи, а также доступ к ним и транспортные коридоры. Президент подписал указ, запрещающий иностранным судам осуществлять грузовые перевозки в акватории Северного морского пути. Часть европейских лидеров уже отметили, что это неприкрытый ответ на санкции, хотя никаких нарушений международного права нет. Напом-



Рис. 6.4. Северный морской путь (темный цвет) — почти вдвое короче, чем морской путь через Суэцкий канал

ним, что Северный морской путь — это кратчайшее расстояние между европейской частью материка и Азией. Он почти вдвое короче морского пути через Суэцкий канал, из-за чего притягивает особое внимание крупных частных и государственных компаний, снижая затраты на перевозки и снижая себестоимость товаров (рис. 6.4).

Таким образом, суда под российским флагом получают исключительное право на транспортировку грузов по данному маршруту. Поправка была внесена на заседании Государственной Думы и подписана Президентом. Подобные меры призваны укрепить положение российских торговых и судоходных компаний на мировом рынке, а также повысить сборы в государственную казну. Сегодня Россия — первая и единственная страна в мире, обладающая атомным ледокольным флотом, способным прокладывать путь в практически круглогодично замерзших водах Арктики. Длительность плавания кораблей на ядерном топливе фактически не ограничена ничем, кроме как запасом продуктов и воды. Им не требуется постоянное сопровождение дозаправщиков.

Ожидается, что до 2025 года будет развиваться экстенсивное направление в использовании природных ресурсов, которое будет распространяться на районы Арктики и Мирового океана.

Цены на природные ресурсы будут меняться скачкообразно, но в пределах границ 2016–2017 годов.

Значительно вырастит значение и потребность в пресной воде.

6.5. Население

Именно мировые — глобальные и региональные — тенденции развития являются основными факторами формирования МО в среднесрочной и долгосрочной перспективе…[19]

А. Подберёзкин,
2014 год

Приведенная выше моя цитата, дана для того, чтобы подтвердить сказанное прежде: именно глобальные тенденции являются основными факторами формирования МО и ВПО. В частности, такая важнейшая тенденция, которая выражена в развитии НЧК и его количественного,

демографического показателя. В период 2014–2018 годов развитие этой тенденции привело, в частности:

— к усилению противоборства и враждебности в ВПО;
— нарастанию конфликтности и военно-силовой борьбы между ЛЧЦ и отдельными субъектами;
— формированию новой модели мирового мироустройства, где роль новых центров силы — КНР, Индии, Индонезии, Пакистана и др. — определяется прежде всего количеством и качеством НЧК.

Учитывая сказанное, можно признать, что Россия в своем развитии перешла от стадии катастрофической депопуляции к стадии медленной деградациии, которую мы сегодня пытаемся трансформировать в стадию стагнации. Мы, в частности, ожидаем, что в 2018–2025 годы сохранится фактически нулевой прирост населения с одновременной тенденцией к существенному старению и увеличением в нем доли мигрантов. Классический пример в данном случае — Китай, где с 70-х годов прошлого века действовал хорошо известный лозунг «одна семья — один ребенок». Это помогло КНР снизить темпы прироста населения и побороть бедность, но обратной стороной медали оказалась острая проблема стареющего населения. В 2015 году большинство ограничений были сняты, но китайцы не спешат рожать второго ребенка по экономическим соображениям.

Что касается России, то она идет наперекор главной мировой тенденции — с годами численность россиян будет уменьшаться. По данным ООН, ныне 143-миллионная страна останется к 2050 году со 123 млн жителей. Данные 2017 года эту тенденцию подтверждают. В России продолжает падать рождаемость. За первые семь месяцев 2017 года численность родившихся снизилась на 11,3% по сравнению с аналогичным периодом 2016 года. Эксперты связывают падение числа новорожденных с демографической ямой и неуверенностью в завтрашнем дне. С января по июль в России родилось 969,4 тыс. человек, свидетельствуют данные Росстата. Годом ранее на свет появилось более миллиона детей. Падение рождаемости наблюдается практически во всех регионах России[20].

Рождаемость падает четвертый год подряд. Так, в 2014 году в России родилось 1,942 млн детей, в 2015 г. — 1,940 млн, в прошлом году — 1,888 млн. При этом снижается и коэффициент рождаемости (коли-

чество родившихся на 1000 человек). В этом году значение находится на уровне 11,4, в то время как годом ранее речь шла о 12,8[21]. «Сейчас, к сожалению, начался процесс снижения абсолютного числа родившихся», — признают в Минтруде. В ведомстве эти процессы связывают с «демографической ямой» 1993–2006 годов.

Эксперты согласны, что одна из главных причин — демографическая. С 1987 по 1993 годы число рожденных сократилось почти в два раза, а сейчас вошли в детородный возраст женщины и мужчины именно того времени, рассказывает главный научный сотрудник ВШЭ А. Коротаев. «Сейчас мы в самом разгаре процесса снижения количества женщин детородного возраста», — отмечает собеседник «Газеты.Ru»[22]. Так, если в 1990 году на свет появился 1,9 млн детей, то в 1993 году всего 1,3 млн. В 1997 году показатель опустился до 1,2 млн детей и держался на таком уровне до 2001 года.

Есть и оптимистические тенденции. В России за последние пять лет младенческая смертность снизилась на 40%. При этом Росстат прогнозирует сохранение коэффициента рождаемости в расчете на одну россиянку на уровне 1,8 до 2035 года. Несмотря на это, после четырех лет положительного естественного прироста населения в России уже в 2017 году он скорее всего будет отрицательным. Это во многом связано с тем, что женщин 20–25 лет сейчас существенно меньше, нежели в предыдущем поколении, пояснил автору заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО С. Рязанцев.

«Одна из самых актуальных для России проблем в плане демографии — высокий уровень сверхсмертности от внешних причин — алкоголя, наркомании. Второй момент: фактически исчерпан потенциал программы поддержки рождаемости — материнского капитала, введенного властями в 2007 году, благодаря которой те, кто откладывал рождение второго ребенка на лучшие времена, его в итоге родили», — сказал С. Рязанцев[23].

Как и в Европе, убыль населения в России ставит вопрос о необходимости компенсировать ее за счет мигрантов. Еще в 2007 году властями была принята Концепция демографической политики до 2025 года, где, в частности, прописаны параметры миграционного прироста, напоминает научный руководитель Центра по изучению проблем наро-

донаселения экономического факультета МГУ В. Елизаров. Уже тогда было понимание, что численность россиян будет снижаться, а потому на период 2011–2015 годов прописали ориентир в 200 тыс. мигрантов в год, а на период 2016–2025 года — 300 тыс. в год. «Уточненные в 2016 году целевые показатели прописали цель в 200 тыс. мигрантов ежегодно. Планку понизили за счет того, что ситуация стала несколько лучше, чем она виделась в 2007 году», — отметил эксперт.

Впрочем, без продолжения эффективной политики по поддержке семьи и стимулирования рождаемости миграция вскоре уже не сможет компенсировать убыль российского населения. Сохранение народонаселения и поддержка рождаемости — один из важнейших приоритетов для России, отметил весной 2017 года президент В. Путин на совещании по демографической политике, предложив проанализировать дальнейшее развитие программы предоставления материнского капитала и другие меры совершенствования системы социальных пособий для семей с детьми.

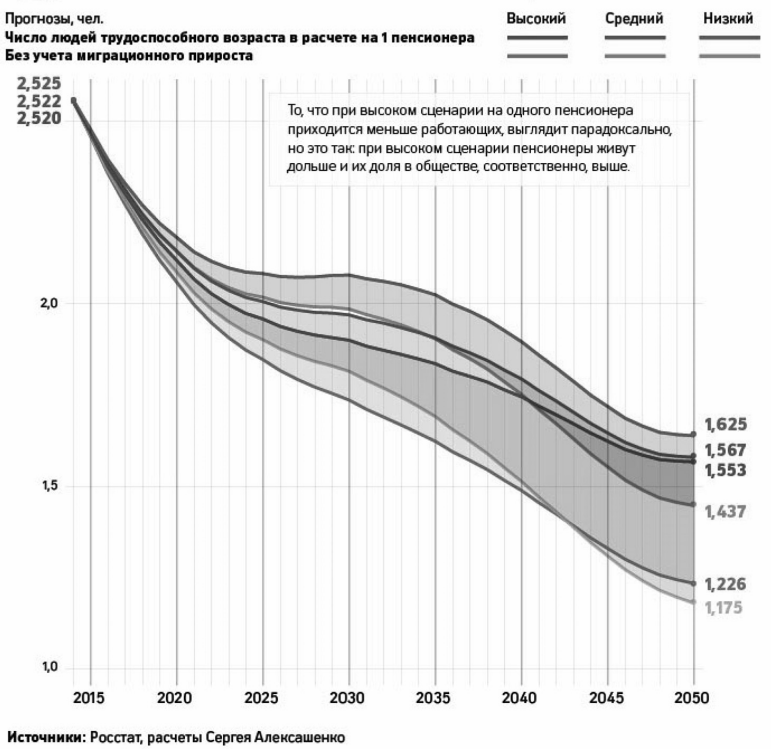


Рис. 6.5[24]. Трудоспособное население России и пенсионеры

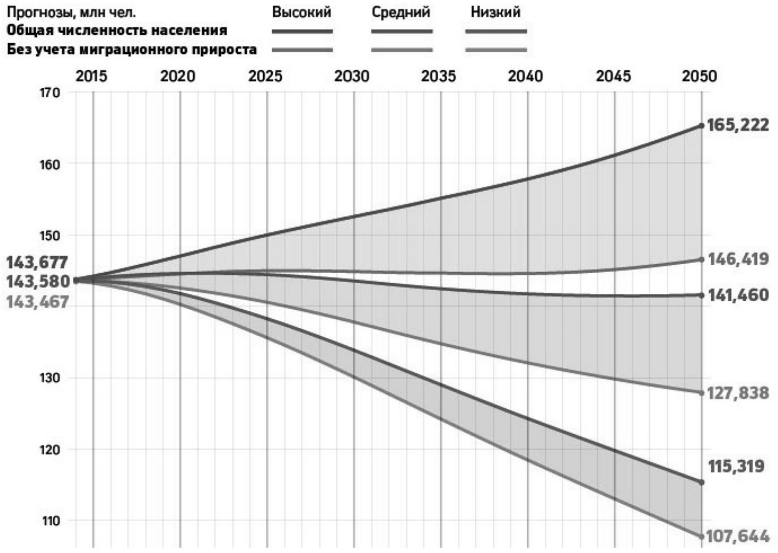


Рис. 6.6. Численность населения России и миграционный прирост

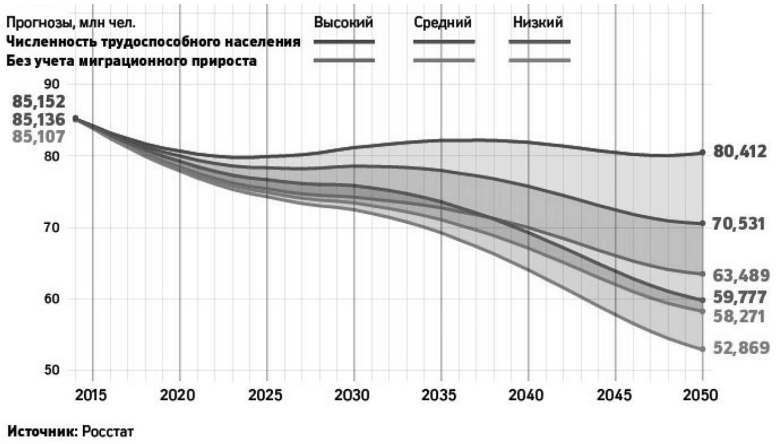


Рис. 6.7[25]. Трудоспособное население России и мигранты

В этой связи особенно важное значение до 2025 годов приобретают две проблемы, на которые обращает внимание С. Алексашенко.

Во-первых, трудоспособного населения, соотношения пенсионеров и работающих. В частности, к 2025 году коэффициент снизится до 1:2 с последующей тенденцией к снижению до 2040 года к 1:1,5 (рис. 6.5).

Во-вторых, приток мигрантов из ближнего зарубежья, который станет обостряющейся внутриполитической проблемой России. На фоне снижения рождаемости коренного населения России резко может вырасти доля недавно приехавших граждан, которая может повлиять на социально-политическую и культурно-образовательную среду в России (рис. 6.6).

Инерционный сценарий Росстата предполагает, что ежегодный прирост населения России (число людей, проживающих на территории нашей страны, с учетом временных трудовых мигрантов) за счет сальдо международной миграции (приехавшие минус уехавшие) до 2050 года будет плавно снижаться с 270 тыс. человек в год до 170 тыс. В целом же за 35 лет население России за счет миграции прирастет на 7,7 млн человек (без учета иностранных граждан, которые родятся на территории России).

В реалистическом прогнозе ежегодный миграционный прирост растет с 300 тыс. до 385 тыс. человек к 2030 году и потом плавно дорастает до 400 тыс. человек. В итоге — плюс 13,6 млн человек за весь прогнозный период.

В высоком варианте прогноза ежегодный прирост за счет миграции быстро увеличивается до полумиллиона человек в год к 2022 году, потом — до 555 тыс. к 2030 году и удерживается на этом уровне до 2050 года. Итог — дополнительные почти 19 млн человек (не уверен, что нынешние власти действительно хотят видеть такой приток мигрантов).

При этом оценку потенциальной миграции нужно увеличить на количество уезжающих в другие страны граждан России. Исходя из статистики последних пятнадцати лет — примерно на треть, то есть необходимый прирост составит 10, 18 и 25 млн человек соответственно.

Не только высокий, но даже и реалистический вариант представляются совсем не реалистичными в этом отношении. По данным ФМС, сегодня в России находится около 11 млн иностранных граждан, 80% из которых — граждане стран СНГ.

Очевидно, главное требование к массовой иностранной рабочей силе в нашей стране сегодня — знание русского языка. Поэтому все разговоры о миллионах китайцев, которые приедут жить и работать в Россию, следует отложить до тех пор, пока они не выучат как следует русский язык. Следовательно, для реализации реалистичного и высо-

кого прогнозов — при условии, что страны СНГ будут поставлять 80% мигрантов, — количество граждан этих стран, работающих в России, должно увеличиться в 2,5 и 3,2 раза соответственно. Поверить в это тяжело, особенно учитывая, что с Украиной политические отношения испорчены всерьез и надолго.

Отрицательный естественный прирост. К сожалению, по всем прогнозам демографов население России в 2020-е годы не будет расти естественным путём (то есть за счёт превышения рождаемости над смертностью). По худшим сценариям, естественная убыль сохранится и в 2030-е годы и далее. Если рождаемость в 1.8 ребёнка на женщину, наблюдаемая в 2016 году среди женщин в целом, сохранится на том же уровне, то поколение 1980-х и 1990-х, соответственно, будет рожать на 10% меньше детей, чем было их самих, и в среднесрочном плане, после смены одного поколения, без учёта миграции и особенностей возрастной пирамиды, это приведёт к 10%-му сокращению населения. Если число детей на женщину составит 1,6 — а именно такое число детей имеет поколение российских женщин, которое по состоянию на 2016 год выходит из детородного возраста — то в среднесрочном плане это приведёт к 20% сокращению населения. То есть, если считать коренными россиянами всех нынешних жителей России и их детей, то спустя полвека таких коренных жителей может оказаться на 15–30 млн меньше.

Негативные последствия. Сокращение населения крайне негативно для России по многим причинам:

Сокращение населения означает резкое ограничение роста экономики (в худшем, но маловероятном сценарии речь пойдёт о падении, а не о росте).

Сокращение населения ослабит военную и политическую мощь страны (при этом возросшие проблемы с безопасностью и снижение международного влияния могут значительно усугубить экономические сложности). Если нынешняя ситуация не изменится, то к середине века Россия с большой вероятностью окажется в середине — конце второй десятки стран мира по населению, что закономерно ставит под вопрос положение России как одной из главных мировых держав.

Сокращение населения приведёт к обезлюживанию либо длительному экономическому отставанию многих регионов (собственно, это

уже происходит из-за внутренней миграции в Москву и в другие экономически успешные города и регионы из менее успешных). Дело в том, что в России крайне низкая плотность населения (за исключением нескольких десятков крупных городских агломераций), и при такой плотности на большей части территории страны крайне сложно поддерживать инфраструктуру (не только в Сибири, на Севере или Дальнем Востоке, но и на большей части Европейской территории России).

Сокращение числа детей и рост числа стариков, в конечном счёте, означает резкое повышение нагрузки на оставшихся работников, что делает практически неминуемым не менее резкое повышение пенсионного возраста.

Сокращение числа молодых людей, в конечном счёте, может сильно ослабить научно-технический потенциал страны, так как молодёжь имеет естественные преимущества в освоении новых технологий и новых областей деятельности, в разработке новых идей и в совершении открытий.

Практически неизбежны попытки купировать проблему за счёт привлечения всё большего числа мигрантов, что может усилить социальную напряжённость и привести к этническим конфликтам, особенно если не будет производиться отсев менее законопослушных, менее способных к интеграции и менее работящих мигрантов (не стоит брать пример с ЕС и США, где мигранты и беженцы зачастую поколениями живут на пособия).

Позитивные последствия. Как ни странно, но снижение рождаемости будет иметь и некоторые положительные последствия, а точнее, оно даёт шанс на более быстрое решение некоторых нынешних проблем России:

Дефицит детей приведёт к почти полному исчезновению таких явлений, как безнадзорные дети и детские дома, которых и без того уже осталось мало.

Усилится и укрепится модель воспитания детей, при которой родители вкладывают в каждого из них очень большие средства (впрочем, это может иметь и негативные последствия).

Увеличение числа учителей и преподавателей по отношению к числу школьников и студентов может привести к заметному улучшению работы системы образования.

Быстрее будет расти размер жилплощади на каждого отдельного жителя России, что позволит к середине века сравняться по этому показателю с западноевропейскими странами, где по состоянию на 2017 год было в 1,5–2 раза больше квадратных метров жилья на человека.

Снижение остроты жилищной проблемы, стагнация или снижение населения резко стимулируют решение проблемы городской среды в России: люди перестанут гнаться за голыми квадратными метрами, лишь бы приобрести жильё, а скорее задумаются о жизни в красивой и удобной среде, о приобретении качественного жилья и о мероприятиях, зачастую не слишком дорогих, по преобразованию нынешних городов и других населённых пунктов России в более удобные и приятные для жизни места. Создание более комфортной и эффективной среды проживания, в свою очередь, может подстегнуть демографический и экономический рост.

Снижение численности рабочей силы серьёзно стимулирует рост производительности труда, которая в России уверенно растёт, но всё ещё сравнительно низкая по сравнению с западными и некоторыми восточноазиатскими странами. Это может качественно усилить российскую экономику.

Однако даже если эти шансы будут реализованы и нынешнее поколение россиян резко улучшит качество своей жизни, то в дальнейшем, если на новом качественном уровне не произойдёт существенного повышения рождаемости, через полвека станет очень велика вероятность экономической и геополитической катастрофы, связанной с депопуляцией страны (2050-е — 2070-е годы). Нынешние дети и молодёжь должны помнить об этом.

Сохранение и увеличение миграционного прироста.

Россия в 2010-е году имеет устойчивые показатели миграционного прироста населения в 200–300 тыс. человек год. Основной приток идёт из стран СНГ — с раздираемой кризисом Украины, из бедных стран Средней Азии и Кавказа. С одной стороны, миграционные ресурсы ближнего зарубежья для России во многом исчерпаны — за 25 постсоветских лет значительная часть этнических русских и русскоговорящих из этих стран, которые хотели и могли уехать в Россию, уже сделали это. С другой стороны, сохраняется и будет сохраняться значительное превышение уровня жизни в России по сравнению с уровнем жизни большинства постсоветских стран, поэтому миграционная привлекательность России останет-

ся на высоком уровне. Кроме того, рост уровня жизни в России, рост её международного имиджа и открытости, рост науки и технологий будут постепенно повышать привлекательность страны для мигрантов из стран дальнего зарубежья, кризисные явления в которых могут стать дополнительным фактором для переезда в Россию. Разумеется, всё это при условии политической и экономической стабильности и хотя бы небольшого, но в долгосрочном плане устойчивого экономического роста в России.

Позитивные последствия. Миграционный прирост будет полностью или частично компенсировать естественную убыль населения и связанные с нею негативные эффекты.

Негативные последствия. После того, как исчерпаются миграционные ресурсы Украины, Белоруссии, Молдавии, Армении, Казахстана и других стран, народности из которых в большом числе проживают сейчас в России, миграция начнёт приводить к существенному изменению этнического состава страны, что грозит обернуться конфликтами на этнической и культурной почве.

Рост продолжительности жизни, снижение смертности от внешних причин, рост ЗОЖ. С середины 2000-х годов средняя ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) в России устойчиво растёт. Прирост составил уже более 7 лет: с низкого постсоветского уровня примерно в 65 лет в середине 1990-х и начале 2000-х годов, до рекордно высокой в истории страны отметки в 72,1 года в 2016 году. Впрочем, для достижения уровня лучших мировых показателей, России предстоит поднять ОПЖ ещё по крайней мере на 10 лет, и решение этой задачи со временем будет становится всё сложнее.

По всем признакам, средняя продолжительность жизни будет расти и далее, хотя один важный фактор её роста уже практически исчерпан: уровень смертности в России в 2016 году стал уже ниже чем в США, достигнув уровня, близкого к лучшим мировым показателям (снижение младенческой смертности очень сильно влияет на рост ОПЖ). Однако остаётся ещё мощный резерв роста ОПЖ за счёт снижения смертности взрослых людей, как по внешним причинам смерти (убийства, самоубийства, алкогольные отравления, ДТП) путём повышения уровня правопорядка и безопасности в стране, так и по многим болезням путём повышения качества медицины и, что важнее всего, приобщения граждан к здоровому образу жизни (ЗОЖ).

Позитивные последствия:

С течением времени россияне в среднем будут проживать всё более долгие жизни, в ходе которых серьёзные проблемы со здоровьем будут наступать позднее и лучше решаться.

Рост популярности здорового образа жизни может способствовать снижению расходов на медицину в юном и зрелом возрасте.

Улучшится уровень правопорядка, безопасности и спокойствия в стране, в том числе за счёт старения населения.

Негативные последствия:

Пенсионный возраст неминуемо будет повышен, и очень существенно (в среднесрочной перспективе — до 63–65 лет у мужчин и женщин, в долгосрочной перспективе — до 70 лет и выше).

Старение населения увеличит нагрузку на людей трудоспособного возраста, и очень серьёзно увеличит нагрузку на пенсионную систему, если не будет вовремя поднят пенсионный возраст.

Старение населения может привести к резкой потере динамики общественного, культурного, научного развития, так резко уменьшится доля молодёжи в населении — станет гораздо меньше людей, желающих что-то серьёзно менять.

Рост консервативных тенденций в обществе

В конце 2000-х и особенно в 2010-е годы в российском обществе происходит заметный рост консервативных настроений. Он выражается во многих явлениях: в росте влияния Русской Православной Церкви и других традиционных конфессий, в проявлениях ностальгии по СССР и по дореволюционной России, в ужесточившейся законодательной борьбе с пороками, в росте патриотизма и интереса к достижениям страны, в росте общественного негатива по отношению к некоторым западным «веяниям свободы», в падении влияния так называемых либеральных СМИ, а также в неудовлетворённом запросе общества на более качественную и патриотически окрашенную культуру (кино, архитектуру, литературу). Важно, что рост консервативных, иногда даже националистических настроений в 2010-е гг. происходит также в Европе и США, которые оказывают заметное культурное влияние на Россию. Есть все основания считать, что в 2020-е годы эта тенденция продолжится.

Позитивные последствия. По идее, рост консервативных настроений должен положительно влиять на демографию страны — семьи должны становиться крепче, уровень преступности и прочих негативных явлений снижаться. Однако за последние 10–15 лет рост общественного консерватизма не смог кардинальным образом переломить общей негативной тенденции в демографии страны — до естественного воспроизводства населения ещё далеко, ситуация нестабильна и может серьёзно ухудшиться. С другой стороны, негативные прогнозы демографов 1990-х и начала 2000-х о снижении населения России до 130 миллионов уже к 2015 году не оправдались, чему, по всей видимости, способствовал не только рост экономики и политической стабильности в стране, но и сопутствующее «духовное преображение» российского общества. Влияние именно этой составляющей сложно оценить, но сбрасывать её со счетов заведомо неправильно, и в будущем её роль может возрасти.

Негативные последствия. Многие либеральные и левые деятели высказывают опасения, что те или иные проявления общественного консерватизма опасны, так как могут помешать развитию прогресса, науки, свободы и т.д. и т.п. Во многом эти опасения беспочвенны: история 1990-х годов показала скорее обратное, что разнузданный либерализм гораздо опаснее для сохранения прогресса, науки и свободы, чем консерватизм. Тем не менее, определённые опасности всё же есть, и состоят они в подмене здорового консерватизма вредными и нездоровыми вещами: ксенофобией, агрессивным невежеством, псевдонаукой, политическими манипуляциями и различными формами псевдопатриотизма.

Если мы хотим понять, что будет происходить с российским населением, то нужно вычесть из прогнозных оценок миграционный прирост. И тогда картина становится совсем другой. Промежуточные выводы звучат так:

1. Россия стоит перед угрозой быстрой депопуляции; поддержать существующую плотность населения «своими силами» на горизонте жизни ближайшего поколения не удастся. Это обернется огромными социальными и экономическими проблемами, связанными с вымиранием множества населенных пунктов.

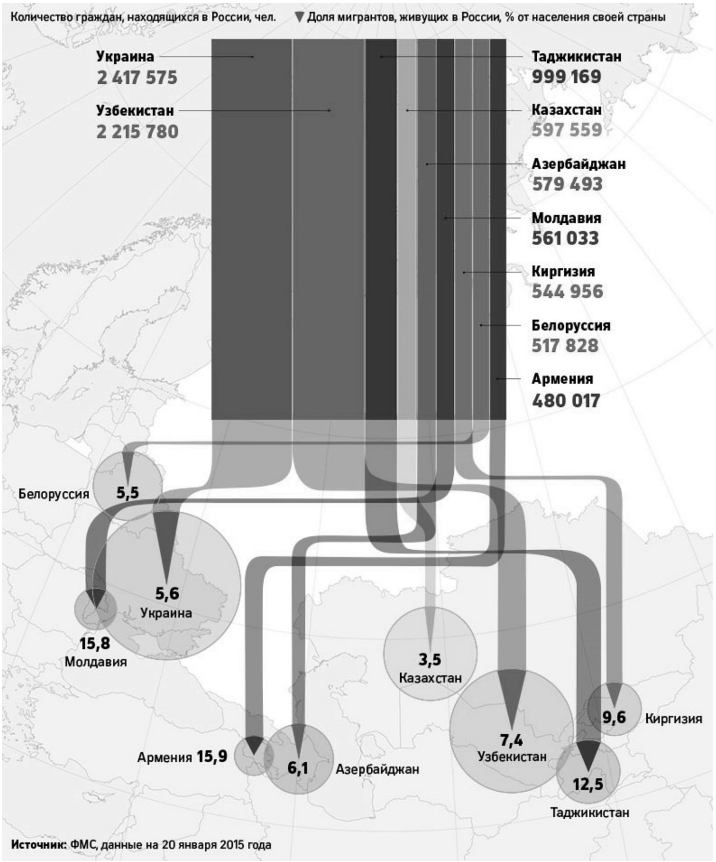


Рис. 6.8[26]. Сколько мигрантов из СНГ живут в России

2. Для сохранения нынешней численности населения страны (реалистический вариант прогноза) Россия должна обеспечить колоссальный приток мигрантов — более 12% нынешнего населения страны.

Демографический прогноз исключительно важен для долгосрочных оценок экономических перспектив страны. Помимо общей численности населения, он дает и оценку трудоспособного населения, трудовых ресурсов. В этой части прогноза ситуация выглядит еще хуже, т.к. доля населения в трудоспособном возрасте снижается примерно одинаково во всех вариантах прогноза (с почти 60% до менее чем 50%). На графике изменения численности трудоспособного населения хорошо видно две волны его снижения — в 2015–2020 годах и после 2030 года.

В-третьих, сохранения национальной идентичности, которое станет реальной проблемой в некоторых регионах России еще до 2025 года, и может дестабилизировать внутриполитическую и социально-экономическую ситуацию в стране.

Учитывая высокую вероятность того, что подобные изменения будут неизбежно использоваться из-за рубежа, более того, сознательно организовываться в интересах военно-силового противоборства с Россией, приходится признать, что эта проблема не до конца учитывается в военном строительстве России.

Биофармацевтические достижения приведут к разногласиям по поводу прав интеллектуальной собственности. Если отказы от патентов и обязательные лицензии станут более распространенными, это может угрожать появлению новых лекарств и уменьшить прибыль многонациональных фармацевтических компаний. Правительства должны будут взвесить экономические и социальные выгоды от внедрения новых биотехнологий, таких как генетически сконструированных зерновых культур, против конкурирующих внутренних соображений.

На международном уровне возможность устанавливать нормы и протоколы, определяющие этические пределы исследований и защиту права интеллектуальной собственности, обусловит техническое лидерство.

Один из долгосрочных возможных сценариев связан с феноменом, который Национальный Совет по разведке США назвал «Восстание идентичностей». Совет считает, что «Год от года будет неуклонно увеличиваться разнообразие глобальной динамики. Разнообразие будет проявляться во всем: в усиливающихся различиях в экономической динамике между регионами и странами; в конкретных конфигурациях технологических новаций; в динамике доходов и уровне жизни как внутри отдельных стран, так и между странами. При всей важности и наглядности указанных выше процессов, совершенно особая роль будет принадлежать восстанию идентичностей. Экономическая, информационная и отчасти политическая унификация последних 25 лет сопровождалась усилением существующих и появлением новых этнических, культурных, религиозных и иных сообществ. Эти сообщества существуют внутри государственного устройства. В одних странах границы идентичности совпадают с государственными границами. В других — нет»[27].

6.6. Экономика

Интеграция экономического и политического пространства России и Европы… с переходом на курс ускоренной социально-экономической модернизации

(один из 4-х сценариев ИМЭМО международной безопасности на 20 лет)[28]

Оставляя в стороне беспочвенно-безумные фантазии экспертов ИМЭМО и других либералов об интеграции России в Европу (даже на их, т.е. любых, условиях), мы можем исходить только из реалий вероятного развития России, основанного на собственных возможностях, а именно: Россия до 2025 года сохранит свое качественное отставание от ведущих стран мира по душевому доходу (не более 15 000 тыс. долл.) и доли в национальном богатстве. При том, что обе эти тенденции для развитых стран сохранятся. Сохранится и негативная ситуация в области распределения социальных благ (коэффициент Джинни).

Никто и никогда не захочет делиться своим богатством с гражданами России. Только отнимать у них уже имеющееся. По данным доклада, представленным профессором В. Андриановым в августе 2017 года[29], самыми богатыми на планете оказались жители **Швейцарии.** Общий объем активов частных домохозяйств Швейцарии в 2016 году составил 3,5 трлн долл., что соответствовало 1,4% мирового благосостояния. В целом Швейцарцы были в 11 раз богаче других жителей Земли.

Средние активы граждан страны, как самих швейцарцев, так и иностранцев там проживающих, составляли 561,9 тыс. долл. Немного беднее оказались американцы — уровень их финансового благополучия оценивается в 344,7 тыс. долл., британцев — в 288,8 тыс. долл., французов — в 244,4 тыс. долл., шведов — в 227,3 тыс. долл. и немцев — в 185,2 тыс. долл.

При этом **средний годовой доход швейцарцев** составил 244 тыс. долл. Для сравнения, в 2016 году британцы в среднем заработали 107,9 тыс. долл. в год, французы — 99,9 тыс. долл., американцы — 45 тыс. долл., немцы — 42,8 тыс. долл., шведы — 39,7 тыс. долл. По оценкам **«Credit Suisse Research Institute»** через пять лет активы домохозяйств самых благополучных в мире швейцарцев могут превысить 600 тыс. долл.

Для либеральной модели рыночной экономики, которой придерживаются большинство промышленно развитых стран мира, характерна тенденция к углублению неравенства в распределении доходов населения. Поэтому в глобальном масштабе и на уровне отдельных стран серьезной проблемой остается сохраняющееся **огромное неравенство в распределении доходов и общего благосостояния населения, которое будет до 2025 года только усиливаться.**

В 2016 г. с одной стороны, примерно 10% богатейшего населения планеты владели 89% всего мирового богатства. С другой стороны, на половину малоимущих жителей земли приходилось всего лишь 1% мирового благосостояния.

Экономика России в 2018–2025 годы скорее всего сохранит практически нулевых темпы роста (номинально — 2–3%), а душевой доход и качество жизни будут в целом ухудшаться. Это означает, что в отдельные периоды может наблюдаться незначительный рост темпов ВВП, но в другое время (особенно в связи с конъюнктурой цен) этот рост будет минимизирован. В целом можно ожидать, что в рамках этого варианта Сценария №1 общий прирост составит до 2025 года не более 2%, а в случае дальнейшего обострения МО–ВПО, — минус 2–3%[30].

Прогноз развития России в экономики до 2030 года, который был утвержден в 2013 году, предполагал краткосрочное снижение цены нефти до $80/барр. (!) в 2015–2016 годах. В базовом варианте нефть продолжала ежегодно дорожать ($124/барр. в среднем за 2013–2014 годы), а рост экономики в эти же годы замедлялся до среднегодовых 2,5% при темпах роста мировой экономики в 3–3,5%. Этот вариант предполагал активную модернизацию ТЭКа при отсутствии реформ в остальных секторах. Как мы знаем, ничего этого не произошло. Совсем наоборот. Сегодня правительство осторожничает и пытается исключить сверхдоходы из бюджета, но опять же, как и прежде, совсем не планирует развития и увеличения темпов роста.

Весь прошлый прогноз уже в следующем после его утверждения году потерял актуальность из-за резких изменений на нефтяном рынке, следствием чего стало падение цены нефти более чем втрое за два года; и изменений в российской внешней политике, следствием которых стали финансовые санкции в отношении российских компаний и банков

и ответный российский запрет импорта продовольствия из ряда стран. Если ничего не делать, в том числе со структурой бюджета, то сценарий долгосрочной стагнации может реализоваться и скорее всего именно это и произойдет до 2025 года. Но наиболее вероятен все-таки другой, целевой сценарий Минфина, который позволит экономике выйти на номинальные темпы роста в 2–3% при инфляции порядка 3,5–4%. О большем правительство и не мечтает.

Это возможно отчасти за счет более дорогой нефти — $50/барр. в реальном выражении на весь период. Но ключевое условие — структурные изменения в экономике, прежде всего — повышение отдачи на капитал за счет роста производительности труда, опережающего рост зарплат, и, как результат, увеличение доли инвестиций в ВВП.

В этом случае экономика преодолевает текущий спад в 2018 г., увеличиваясь к 2030 г. на 44%; реальные зарплаты россиян восстанавливаются до уровня 2014 г. в 2022 г. и затем растут на 3% в год. Для сравнения: в варианте без маневра при таком же уровне цены нефти темпы роста экономики почти вполовину медленнее и к 2030 г. реальный ВВП увеличивается только на 19%. При этом реальные зарплаты растут тоже медленнее (выходят на уровень 2014 г. в 2023 г. и затем растут менее чем на 2% в год).

Выход на рост в 3% возможен при условии, что зарплаты будут расти медленнее производительности, но это мало реально.

До кризиса чиновники говорили о необходимости роста экономики не менее чем на 4–5% в год, но для страны с сокращающимся трудоспособным населением и 3% роста не так уж плохо, считает Наталья Акиндинова из Центра развития ВШЭ. Опережающий рост производительности, конечно, несколько не согласовывается с демографией, рассуждает она. Но, в принципе, он реален, если снижать долю государства в экономике, вести консервативную бюджетную политику, так как высокую планку зарплат задавали компании, аффилированные с государством. Но главные стимулы для инвестиционного роста сейчас вне сферы экономической политики. «При холодной войне инвестиции не растут», — говорит Акиндинова.

Разница между 1,5 и 3% роста кажется не такой уж значительной, но на большом отрезке времени она радикальна, подчеркивает Акиндинова: либо догоняющее развитие, либо отставание и увеличение разрыва

с развитыми странами. Но «вековая стагнация» — аргентинский вариант — для России не очень характерна, замечает она: периоды короткого застоя всегда сменялись периодами модернизации.

Вариант долгой стагнации вполне реален, только будет еще сопровождаться периодическими шоками от очередного спада цен на нефть, возражает руководитель Экономической экспертной группы Е. Гурвич: «Это будет застой, на который будут время от времени накладываться финансовые кризисы». Неважно, на какой уровень цены нефти ориентироваться — $40 или $50, без ее роста и без реформ потенциал экономики ограничен ростом 1–1,5% в год, считает Гурвич.

Глобальные последствия развития технологий скажутся уже до 2025 года. Как признается в докладе Национальной разведывательного Совета США, «Технологии — от колеса до силиконового чипа — значительно повлияли на ход истории. Однако, предсказать, как, когда и где технологии повлияют на экономику, политику и безопасность не так-то просто. Некоторые значимые предсказания, например, такие как холодный ядерный синтез, до сих пор не продемонстрированы в реальности. Другие технологии развивались быстрее, чем эксперты могли себе представить. В последние годы были совершены прорывы в области редактирования и манипуляции с генами, например CRISPR. Это открывает новые широкие возможности в области биотехнологий. Технологии будут продолжать расширять права и возможности отдельных лиц, небольших групп, корпораций и государств, а также ускорять темпы изменений. Это породит новые сложные проблемы и конфликты».

Разработка и использование усовершенствованных информационных коммуникационных технологий, искусственный интеллект, новые материалы, робототехника и автоматизация, усовершенствование биотехнологий и нетрадиционных источников энергии разрушат рынки труда и изменят тип экономического развития. Технологии заставят задуматься над фундаментальным вопросом: как это — быть человеком?

Другая нарастающая опасность — финансовая система, которая уже доказала свою уязвимость в 2008 году. Кризис не закончился. По мнению экспертов Национального Совета по разведке США, «Смена технологических, институциональных и юридических основ глобальной финансово-экономической системы открывает возможность

для различных акторов — от преступных синдикатов до религиозных групп — бесконтрольно отмывать, накапливать и транспортировать деньги и иные активы. Согласно имеющимся данным, в оффшорах, находящихся в основном под Британской и Голландской юрисдикциями, находится сейчас примерно 6 трлн долл. из общей суммы 19 трлн долл. — в оффшорах. Теневой банкинг набирал силу в течение последних 40 лет. Однако в силу используемых в настоящее время бухгалтерских, финансовых и правовых решений, при наличии политической воли со стороны международного сообщества, всех эти 6 трлн могут быть в течение дня заблокированы. Банки, а соответственно, регуляторы хорошо знают, кому принадлежат эти деньги, когда и в соответствии с каким контрактом они получены. Лишь отсутствие политического решения позволяет современной банковской системе не предоставлять информацию и не осуществлять соответствующих конфискационных действий».

И далее: «… стремительное развитие криптовалют, нерегулируемых платежных сервисов, множества платформ новых финансов, типа краудинвестинга, краудлэндинга и т.п. ставит крест на банковской системе, базирующейся на господстве центральных банков, национальной юрисдикции и хранимых транзакциях. Особенность новой финансовой экономики такова, что даже при наличии политической воли, чем дальше, тем больше понять источники и локацию финансовых средств или иных активов не представляется возможным».

Динамика России по консервативному варианту будет отставать от экономического развития мира. В результате ее доля в мировой экономике к 2030 году сократится до 3,6%. Инновационная траектория роста позволит развиваться быстрее мировой экономики, что даст увеличение доли России в мире с 3,8% в 2010 году до 4,3%. Форсированный вариант развития позволяет опередить темпы роста мира в среднем на 1,8%. Этот темп даст увеличение веса России в мировой экономике до 5,3%.

Напомню, что прогнозировалось в 2013 году, что к 2030 году, в зависимости от варианта динамики экономики России, ВВП на душу населения возрастет с 20 тыс. долл. до 38–52 тыс. долл. Этот оптимистический прогноз остался в истории, а реальность оказалась значительно хуже.

Таблица 6.1. Изменение позиции России в мировой экономике

(структура мирового ВВП по паритету покупательной способности, %)

	2010	2012	2015	2020	2025	2030
Весь мир	100	100	100	100	100	100
США	19,3	18,8	18,1	16,8	15,7	14,9
страны Еврозоны	15,3	14,4	13,2	12,0	11,0	10,1
Япония	5,8	5,5	5,1	4,4	3,9	3,5
страны BRIC	26,1	27,6	29,9	33,1	35,7	37,7
Бразилия	2,9	2,8	2,9	3,0	3,0	3,0
Россия*	**3,8**	**3,8**	**4,0**	**4,6**	**5,0**	**5,3**
Индия	5,8	5,9	6,4	7,2	8,1	8,9
Китай	13,6	15,0	16,8	18,9	20,5	21,5

*Форсированный вариант

Напомню еще об оптимистических прогнозах. В частности, прогнозировалось, что Россия займет значимое, не менее 5–10%, место на рынках высокотехнологичных товаров и услуг по 5–7 и более позициям. Будет прослеживаться ориентация на диверсификацию экономики, сильный инвестиционный и потребительский спрос, опережающее развитие обрабатывающей промышленности и рост несырьевого экспорта. По ряду приоритетных направлений (авиация, ракетно-космические технологии, ядерная энергетика, судостроение, программное обеспечение, нанотехнологии и др.) Россия станет добиваться лидерства. Усилится специализация по предоставлению интеллектуальных услуг в области фундаментальных и прикладных научных исследований и профессионального образования. Продолжится развитие конкурентных преимуществ России в сферах транспорта, экологии, обрабатывающих отраслей и АПК. При этом Россия будет сохранять ведущую роль в области поставщика энергетических ресурсов и обеспечения энергетической безопасности.

Инновационное развитие предполагает формирование относительно самостоятельного национального рынка капитала и конкурентоспособного национального финансового сектора. Он может стать весьма притягательным для капиталов стран СНГ и развитых экономик, что в сочетании с привлечением иностранных инвестиций в инфраструктурные отрасли, сферу услуг и переработки создаст благоприятные условия для накопления капитала и экономического роста. Россия улучшит инвестиционный климат и станет одним из регионов мира, привлекательных для инвестиций. Повысится уровень прямых иностранных инвестиций. Будут созданы условия для превращения российского рубля в региональную резервную валюту.

Все эти прогнозы не просто не подтвердились, но оказались настолько провальными, что о них поспешили забыть. Тем важнее в начале 2018 года четко определить «точку отсчета», то место, где мы реально находимся, для попыток реалистического прогноза развития экономики до 2025 года.

На мой взгляд, при реализации наиболее вероятного сценария развития общее социально-экономическое положение граждан может до 2025 года несколько улучшиться, даже, скорее, вернуться к ситуации 2007 года. Эта тенденция затронет все население, но прежде всего его средние слои, чья численность вновь вырастет с 20 до 45–50%, прежде всего, за счет роста доходов на 20–30%. Напомню, что по данным Социологического центра РАН, почти половина россиян (47%) оценили свой ущерб от экономического кризиса 2014–2016 годов как «существенный» или «катастрофический». Для 50% он привел к ухудшению уровня жизни в целом, 40% отказались от отпусков, для трети упала доступность медицины. Впрочем, по итогам посткризисного 2017 года доля россиян, отказавшихся от экономии, все же начала расти и составляет сейчас 10%[31].

Как отмечается в 2018 году, Россияне уже « видят улучшение экономической ситуации, но все еще ощущают на себе последствия кризиса». Такие выводы можно сделать из доклада Социологического центра РАН «Российское общество в 2017-м: социальное самочувствие, тревоги, надежды на будущее». Его основой стали результаты седьмой волны общероссийского опроса населения (выборка — 4 тыс. человек).Как

следует из доклада, по итогам года доля россиян, оценивающих свое материальное положение на «хорошо», снизилась до 28% (в 2016 году — 35%). Среди молодежи этот показатель (39%) оказался самым низким с октября 2014 года. Доля отзывающихся о 2017-м как об экономически «плохом» годе увеличилась с 5% до 8%.

Тенденция изменится в 2018 году потому, что такая динамика оценок, видимо, отражает в первую очередь сокращение реальных доходов, которые падают с весны 2017 года. Авторы исследования объясняют сокращение числа довольных ростом их ожиданий — по их мнению, «то, с чем россияне соглашались мириться в условиях острой фазы кризиса, на этапе выхода из него перестало их устраивать». По итогам 2017 года наибольшая доля россиян (40%), как и в 2015–2016 годах, оценивает ущерб, нанесенный им кризисом, как «существенный, но не катастрофический». Еще 39% назвали его «умеренным» (максимум с осени 2015 года). Не пострадали от кризиса, по их заверению, 14% населения, «катастрофическим» же нанесенный им ущерб считают 7%[32].

Основные изменения по сравнению с докризисным периодом связаны для россиян со снижением уровня жизни — на его ухудшение пожаловались 50%. Для 40% кризис в первую очередь сказался на возможности отдохнуть в период отпуска, для трети — сократился доступ к необходимой медицинской помощи и лекарствам. Отметим, что, по данным фонда «Общественное мнение», 69% россиян занимаются самолечением. Как отмечают авторы доклада, кризис все еще влияет на занятость россиян. Респонденты отмечают не только ухудшение положения дел с зарплатой (характерно для более чем трети опрошенных (37%)), но и ухудшение «общей рабочей ситуации», затронувшее четверть (26%) опрошенных.

Чаще всего респонденты экономят на расходах на покупку одежды и обуви (47%), на отдыхе и туризме (44%), на покупке дорогостоящих товаров длительного пользования (39%). Более трети россиян экономят также на продуктах питания (35%) и досуге (31%). Тем не менее, авторы доклада отмечают, что экономия смещается от базовых потребностей к дополнительным — доля экономящих на всех статьях, кроме товаров длительного пользования, сократилась на 5–15 процентных пунктов[33].

6.7. Культура и религия

…в основе динамики общества лежит развитие человека, его духовного мира — науки, культуры, образования, этики, религии[34]

С. Белкин,
философ

Культура и религия в 2017–2025 годы будут испытывать постепенно возвращающуюся национальную специфику и ценности, что неизбежно приведет к положительным изменениям в обществе и экономики, не смотря на социально-экономическую стагнацию. Этот объективный процесс будет, естественно, испытывать на себе негативное, тормозящее, влияние реализуемого наиболее вероятного «Инерционного» сценария развития России до 2025 года, но (как и прежде в истории России, например, в первой половине 19-го века) негативные в целом экономические тенденции не смогут изменить национального культурного развития, более того, вполне ожидаемого подъема страны.

Именно подъем национальной культуры и религии в России, начавшийся вопреки экономической стагнации в начале XXI века, может дать неожиданный толчок в социально-экономическом и политическом развитии России. Это будет связано, прежде всего, с усилением положительного влияния культуры и науки на развитие качества и количества человеческого капитала[35].

Более того, культурное наследие и сама история России могут стать влиятельным внешнеполитическим средством страны, частью ею «мягкой силы», а на самом деле — мощным инструментом политического влияния в мире. Сохранение суверенитета России как одного из немногих государств, уцелевших после силового давления западной ЛЧЦ, безусловно, усиливает интерес к нации и государству в мире. В этом случае развитие суверенитета, идентичности и культуры может развиваться даже параллельно с отставанием в социально-экономическом развитии.

В этой же связи следует ожидать, что именно национальная культура и духовность станут главными объектами для внешних нападок и противостояния внутренней оппозиции. Иными словами, система

национальных ценностей России будет сохраняться в качестве приоритетной цели внешнеполитического силового воздействия.

Вместе с тем следует ожидать, что после 2025 года в еще большей степени обострится конфликт между национальными и западными системами, ценностями, внедрение которых (в т.ч. силовое) рассматривается западной ЛЧЦ в качестве приоритета. Как и в XIX веке, внешне этот конфликт может выглядеть как конфликт между разными частями правящей элиты, но в условиях нового силового противостояния он к 2025 году очень вероятно сможет приобрести черты гражданской войны между двумя условными лагерями — «русофилами» («патриотами», «государственниками», «державниками», «империалистами» и т.д.) и «русофобами» («западниками», «либералами», «демократами» и т.п.).

Подобное развитие событий может стать продолжением идеологического и когнитивно-ментального противостояния, начавшегося в России с событий на Украине 2014 года. Это противостояние обострялось и подпитывалось из-за рубежа, более того, прямо поддерживалось Западом, которые в 2017 году сумел расколоть и противопоставить друг другу разные части российской элиты, в особенности, принятием закона 3262, который фактически ставил активы элиты под контроль Запада.

6.8. Наука и образование

Холоп — персонаж подневольный, а холуй —
раб инициативный[36]

А. Коржаков,
бывший начальник СБП при Б. Ельцине

Глубочайший кризис, в котором оказалась Россия, глубже всего поразил науку. Одна из основных причин растущего отставания России — отставание в развитии фундаментальной и прикладной науки от мировых показателей, которое началось еще в 1980-е годы по ряду направлений. Это было признано в ЦК КПСС еще в начале 1980-х годов и на июнь 1985 года был запланирован специальный Пленум ЦК, по-

священный этим вопросам. Но вместо пленума получилась говорильня перестройки, а затем приоритеты на долгие десятилетия — «демократические», «макроэкономические», пр. — надолго оттеснили развитие науки и технологий на второй план. К концу XX века можно было говорить о том, что если экономика России находилась в глубоком кризисе, то наука за гранью катастрофы. Её оставшиеся сегменты медленно доживали последние годы.

Возвращение науки в общественную жизнь страны происходит крайне медленно и непоследовательно, что хорошо видно на примере РАН. Где возросшее финансирование (это — объективно — хороший признак) всё еще отстает от уровня 1990 года (что — объективно — плохо).

Современные тенденции развития глобальной экономики предполагают использование науки в качестве главной производительной силы, что подразумевает трансформацию сферы исследований и разработок из обособленного сектора социально-экономической системы в ее основополагающий элемент. Поэтому страны — мировые лидеры технологического развития воспринимают исследования и инновации в качестве главного фактора роста экономики и достижения устойчивости. Этот факт подтверждается и значительным ростом объемов финансирования науки во всем мире. В XXI веке мировые валовые расходы на НИОКР росли быстрее глобального ВВП, что привело к резкому повышению интенсивности научных исследований. По данным доклада ЮНЕСКО о науке, рост инвестиций в исследования и разработки за период с 2007 по 2013 гг. составил 31%, в то время как увеличение мирового ВВП за тот же период оценивается в 20%. Основными характеристиками развития глобального научно-технологического прогресса стали экспоненциальный рост производства и накопления знаний, расширение географии и интенсификации использования новых моделей трансляции данных, интернационализация исследовательской деятельности.

Согласно аналитическим обзорам «Global R&D Funding Forecast», динамика мировых валовых затрат на исследования и разработки с 2013 по 2016 гг. увеличилась на 25%. В Российской Федерации, напротив, за период с 2014 по 2016 гг. бюджетные ассигнования на граждан-

скую науку неуклонно сокращались. В 2014 г. они составляли 437,3 млрд руб., в 2016 г. — уже 306,3 млрд руб., а по итогам года и вовсе составили 285,8 млрд руб. (в рамках соответствующих государственных программ).

Глобализация науки и очевидная необходимость более активного включения России в процессы международного обмена знаниями предопределяют ключевые векторы современной научно-технологической политики. Среди них стимулирование публикационной активности и ориентация на интернационализацию отечественного сектора генерации знаний. Государственные меры, принятые за последние несколько лет, дали ощутимый результат. Так, доля России в мировом корпусе научных публикаций выросла с 1,65% до 2,3% за последнее пятилетие. Тем не менее, Россия имеет существенно более низкие показатели цитируемости статей, чем, большинство развитых стран мира.

Между тем зависимость важнейших областей человеческой деятельности экономики, социальной сферы, образования, здравоохранения, обороны и т.д. — непосредственно зависит от темпов развития науки.

Более того, в условиях роста напряженности и обострения ВПО, санкций и ограничений на научные контакты и обмены, национальная наука приобретает исключительно важное значение[37]. Наука и образование — следует признать — при существующем отношении власти будет и в дальнейшем находиться в глубоком системном кризисе, в котором они оказались за последние 30 лет. Выход из него (по самым оптимистическим прогнозам) еще только-только намечается, поэтому в 2017–2025 годы не ожидаются даже тех некоторых весьма скромных позитивных сдвигов, которые, конечно же, отличаются даже от скромных прогнозов МЭРа 2013 года. Так, если исходить из параметров бюджета правительства на 2018–2020 годы, то в ближайшие три года совокупная доля непроизводительных госрасходов (на безопасность, оборону и государственное управление) превысит 70%. Об этом говорится в заключении РЭУ им. Г.В. Плеханова на проект федерального бюджета 2018–2020 годов[38].

Вторая категория расходов связана с инвестициями в жилищное строительство, национальную экономику, а также в человеческий капитал (по разделам образование, наука и здравоохранение). В общей структуре расходов с 2018 по 2020 год они занимают примерно 22%.

В относительном выражении к ВВП объем условно непроизводительных расходов снижается с 11,9% в 2018 году до 10,7% в 2020 году за счет уменьшения расходов на национальную оборону и социальную политику. Объем условно производительных расходов за этот же период снизится на 0,4 п.п. ВВП с 3,8% в 2018 году до 3,4% в 2020 году. Общий объем расходов федерального бюджета по итогам следующих трех лет уменьшится в реальном выражении более чем на 9% к уровню в 2017 году (при условии целевой инфляции 4% в год).

При этом, лидерами по реальному сокращению будут расходы на национальную экономику (–16,1%), общегосударственные вопросы (–15,3%), социальную политику (–15%) и национальную оборону (–13,7%). Обращает на себя внимание то, что расходы на образование и здравоохранение по итогам трехлетки окажутся ниже их уровня в 2017 году на 5,5% и 3,6% соответственно. Кроме того, специалисты обратили внимание на сокращение как в абсолютном, так и в относительном выражении расходов федерального бюджета на научные исследования и разработки гражданского назначения. По данным РЭУ, их удельный вес в ВВП снизится с 0,37% в 2018 году до 0,31% в 2020 году, а затраты на фундаментальные исследования сократятся по отношению к ВВП с 0,16% в 2018 году до 0,14% в 2020 году.

Ранее в Минфине привели предварительные данные, из которых следует, что дефицит федерального бюджета РФ за январь–сентябрь 2017 год составил 300,623 млрд рублей или 0,5% ВВП. По оценке министерства, за 9 месяцев с начала 2017 года в бюджет РФ поступило 10 трлн 970,2 млрд рублей или 74,7% к общему объему доходов федерального бюджета, утвержденному федеральным законом «О федеральном бюджете на 2017 год». Исполнение расходов составило 11 трлн 270,8 млрд рублей или 66,8% к уточненной росписи.

Объем ВВП РФ за январь–сентябрь достиг 65 трлн 592,2 млрд рублей, что свидетельствует о небольшой положительной динамике развития экономики впервые за несколько лет.

Целесообразно в этой связи рассмотреть коротко эти оценки, которые позволяют сделать, как минимум, следующие выводы, позволяющие говорить о среднесрочных перспективах применительно к развитию науки в России до 2025 года:

Во-первых, относительная доля российской науки в мировой науке микроскопически мала и не будет практически увеличена к 2020 и, наверняка, к 2025 году при самых благоприятных прогнозах по всем направлениям развития (за исключением нескольких), если сохранится действующий («Инерционный) сценарий развития страны хуже того, учитывая рост расходов на науку в США, КНР и целом ряде других стран, Россия будет к 2025 году окончательно вытеснена на мировую научную периферию с весьма незначительными шансами вернуться в клуб мировых научных лидеров. Советские школы будут окончательно уничтожены, а достижения фундаментальных наук окажутся в прошлом за исключением, может быть, нескольких направлений в ОПК, где удастся сохранить научный потенциал.

Во-вторых, в условиях резкого обострения ВПО и фактическом военно-силовом противоборстве с западной ЛЧЦ, обладающей подавляющим превосходством в научно-технологической области, подобное состояние науки в России является прямой угрозой её выживанию и обороноспособности. Прежде всего, потому, что лишает Россию возможности проведения своевременных модернизаций ВВСТ и создания качественно новых видов и систем оружия на основе фундаментальной науки и новейших технологий.

Этот итог оказался не ожидаемым для руководителей экономики России, которые в 2012–2013 годах рассчитывали на совершенно иные результаты. Очевидно, что на такой катастрофический итог подействовал провал в экономике 2013–2016 годов, но даже с учетом этого провала, разница в ожидаемых результатах и фактических оказалась очень большой.

Рассмотрим основные показатели, которые разрабатывались в начале 2010 года. В начале 2011 года МЭР РФ прогнозировал, что в 2020 году доля российской наукоемкой продукции существенно увеличится относительно мировой[39] (табл. 6.2).

Как видно из приведенных данных МЭР РФ, за исключением нескольких направлений НТП состояние науки России оказывалось в 2011 году фактически второстепенным относительно достижений мировой науки, не превышая 2–2%. Это означает, что, как минимум, в тех областях жизнедеятельности, где положение науки определяет уровень развития этих областей, это состояние и в будущем будет заведомо хуже,

Таблица 6.2. Прогнозные значения объемов рынков (по данным технологических платформ)

Сегменты рынка	Объем рынка				Доля отечественной продукции			
	Российский рынок		Мировой рынок		Российский рынок		Мировой рынок	
	2011 г., млрд руб.	Прогноз (целевой год), млрд руб.	2011 г., млрд $	Прогноз (целевой год), млрд $	2011 г., %	Прогноз (целевой год), %	2011 г., %	Прогноз (целевой год), %
Науки о жизни								
Медицинские приборы и оборудование	100	350 (2020 г.)	289,2	420 (2020 г.)	22	45 (2020 г.)	**1**	**3 (2020 г.)**
Инновационные препараты на основе биотехнологий	2,3	140 (2020 г.)	147,7	299 (2020 г.)	15	55 (2020 г.)	0	0,2 (2020 г.)
Диагностические и лечебные системы на основе молекулярных и клеточных мишеней	23	45 (2020 г.)	158,5	222 (2020 г.)	12	40 (2020 г.)	**1**	**2 (2020 г.)**
Ядерная медицина	12,4	29,5 (2020 г.)	10,7	15 (2014 г.)	2,3	13 (2014 г.)	**0**	**0,5 (2014 г.)**
Информационно-телекоммуникационные системы								
Суперкомпьютеры	2,2	4,2 (2020 г.)	11,7	22 (2020 г.)	н/д		**1**	**2 (2020 г.)**
Облачные технологии	0,02	21 (2020 г.)	130	233 (2020 г.)			**< 1**	**1 (2020 г.)**
Программное обеспечение	208,5	858 (2020 г.)	537,1	896 (2015 г.)	20	44 (2015 г.)	**0,2**	**0,6 (2015 г.)**
Фотоника	10	90–120 (2020 г.)	420	580 (2015 г.)	80	70–80 (2020 г.)	**0,2–0,3**	**3–5 (2015 г.)**
Телекоммуникационные спутники и спутниковые каналы	33 (2010 г.)	49,5 (2015 г.)	50 (2010 г.)	70 (2015 г.)	66 (2010 г.)	85 (2015 г.)	**1,5 (2010 г.)**	**2,5 (2015 г.)**
Встраиваемые системы управления	29	34 (2015 г.)	104	120 (2015 г.)	21	35 (2015 г.)	**3**	**5 (2015 г.)**

Сегменты рынка	Объем рынка				Доля отечественной продукции			
	Российский рынок		Мировой рынок		Российский рынок		Мировой рынок	
	2011 г., млрд руб.	Прогноз (целевой год), млрд руб.	2011 г., млрд $	Прогноз (целевой год), млрд $	2011 г., %	Прогноз (целевой год), %	2011 г., %	Прогноз (целевой год), %
Технологии мехатроники и роботостроение	49	65 (2015 г.)	25	35 (2015 г.)	55	75 (2015 г.)	**5**	**10 (2015 г.)**
СВЧ-технологии	36,6	121 (2020 г.)	20,9	29 (2015 г.)	24	66 (2020 г.)	**0,1**	**2,9 (2015 г.)**
Индустрия наносистем								
Углеродное волокно	2,2	7,1 (2020 г.)	0,9	2,1 (2020 г.)	98	83 (2020 г.)	**0,02**	**1,5 (2020 г.)**
Металлургическое производство	1780	2600 (2020 г.)	770	1155 (2020 г.)	75	77	**7**	**7**
Рациональное природопользование								
Твердые полезные ископаемые и оборудование для их добычи	1885,3	2517,2 (2020 г.)	1318,5	1461 (2020 г.)	93	96 (2020 г.)	**2,3**	**5,5 (2020 г.)**
Транспортные и космические системы								
Авиационные системы	83,5	179,6 (2020 г.)	32,8	57 (2020 г.)	19,60	58 (2020 г.)	**1,5**	**4,4 (2020г.)**
Авиационные двигатели	44	64,6 (2025 г.)	21,9	33 (2025 г.)	11,40	46,9 (2025 г.)	**0,9**	**6 (2025 г.)**
Производство космических аппаратов и их элементов	5,8	14 (2015 г.)	9,2	11 (2015 г.)	80	85 (2015 г.)	**6**	**7 (2015 г.)**
Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика								
Управляемый термоядерный синтез	5,5	24,5 (2020 г.)	2,08	4,6 (2020 г.)	100	100 (2020 г.)	**5,6**	**16,6 (2020 г.)**
Энергомашиностроение	32	48 (2020 г.)	70	110 (2020 г.)	35	70	**0,06**	**0,5**
Продукты глубокой переработки углеводородных ресурсов	1346,7	5274,5 (2020 г.)	164 479,2	232 080 (2015 г.)	24	79	1,2	4,5

чем на Западе в условиях силового противоборства. Если, конечно, как в 1945–1955 годах, резко не изменить отношение к организации и обеспечению научного процесса, сконцентрировав ресурсы на нескольких стратегических направлениях (в те годы — на ядерных и ракетных программах).

В этой связи возникают неизбежные вопросы о возможных средствах ускорения развитии науки и технологий в России, которые нельзя сводить только к традиционным финансовым и административным инструментам. Прежде всего, речь должна идти о том, чтобы наука стала политическим приоритетом государства и всего общества — как с точки зрения материального обеспечения, так и отношения к науке в целом (престижности, статусности и пр.). Так, по престижности, например, труд ученого в США всегда входил в первые 2–3 категории, а в России — в самом конце рейтинга.

Второй аспект — участие молодых исследователей. В последние 30 лет «немолодая» советская наука стала просто старой, хотя демографическая ситуация начинает, пусть медленно, но исправляться. Прежде всего резко возрастет (на 30%) численность молодежи, что противоре-

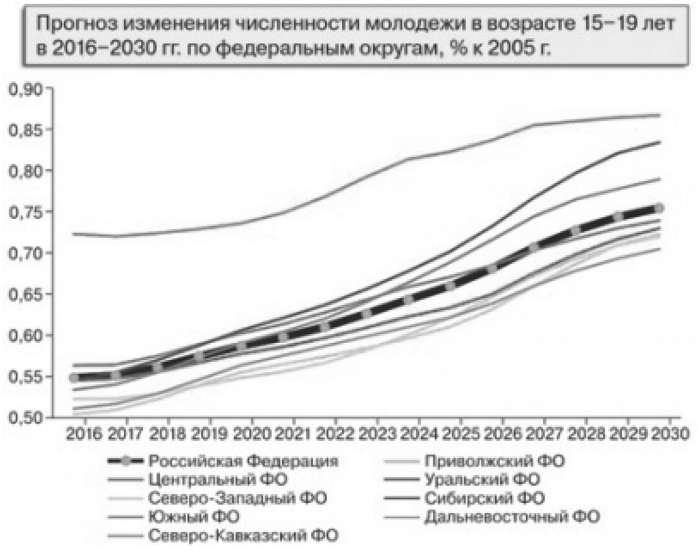


Рис. 6.9. Прогноз изменения численности молодежи в возрасте 15–19 лет в 2016–2030 гг. по федеральным округам, % к 2005 г.

Источник: Высшая школа экономики

чит во многом пессимистическим демографическим прогнозам. В том числе и ООН, сделанным в предыдущие годы.

При общей тенденции старения населения в России произойдут радикальные изменения возрастных групп. На смену малочисленного поколения лихих девяностых приходит многочисленное поколение Z — тех, кто родился в сытные нулевые. Эхо прошедшего нефтяного благополучия увеличит численность молодежи 15–19 лет почти на 37%. Поэтому эксперты предсказывают радикальные изменения в сфере образования и на потребительских рынках[40].

По официальным прогнозам, в ближайшее десятилетие Россию ожидает сокращение доли трудоспособного населения. Доля трудоспособных сократится с нынешних 55,9 до 53,1–54,4% к 2030 году. А доля стариков вырастет с нынешних 25,5 до 27,8–28,5%.

Одновременно будет меняться и численность россиян младше трудоспособного возраста — причем непредсказуемым образом. В трех вариантах демографического прогноза Росстата доля граждан младше трудоспособного возраста может снизиться с нынешних 18,6 до 17,1% к 2030 году, а может и увеличиться — до 19,1%. Такая неопределенность связана с тем, что в эту группу попадают и только что родившиеся, появление которых на свет в следующем десятилетии трудно предсказуемо.

Другое дело с теми, кто уже родился. Их численность известна довольно точно. Поэтому прогнозы для группы тех, кто будет старше 15 лет к 2030 году, отличаются высокой точностью. «2016–2017 годы — это переломная точка в динамике показателей численности населения в возрасте 15–24 лет. На смену малочисленным поколениям 1991–2000 годов рождения в старшие классы школы, в колледжи и университеты приходят молодые люди, родившиеся в цифровую эпоху, — поколение Z», — отмечают эксперты Института образования Высшей школы экономики (ВШЭ).

Общая численность когорты 15–19-летних вырастет на 37% — с 6,6 млн в 2016 году до 9 млн человек в 2030 году. Важно отметить, что последствия демографического спада предшествующего десятилетия так и не будут преодолены окончательно: в 2030 году численность 15–19-летних составит лишь 74,4% к уровню 2005 года, говорят в ВШЭ.

Самый динамичный рост населения в возрасте 15–19 лет к 2030 году покажут Чечня (124,2% к уровню 2005 года), Тыва (110,7%), Республика Алтай (108,4%), Ингушетия (97,9%), Тюменская область (91,9%), Ямало-Ненецкий автономный округ (88,8%), Дагестан (88%).

А наименьший прирост молодежи 15–19 лет к 2030 году ожидается в Карелии (65,9% к уровню 2005 года), Владимирской области (65,8%), Приморском крае (65,2%), Еврейской автономной области (64,9%), Ивановской (64,5%), Рязанской (64,5%), Воронежской (64,3%), Тульской (61,8%) и Псковской (60,8%) областях.

«Рост численности молодежи в возрасте 15–19 лет способен оказать положительное влияние на экономические показатели страны в течение одного–двух десятилетий. Выход на рынок труда заметного количества молодых не только скажется на уровне производительности труда, но и может снизить нагрузку на пенсионную систему страны», — надеется аналитик «Финама» А. Коренев.

«Ключевой эффект от роста численности молодежи мы уже видим — это повсеместная диджитализация экономики. Именно цифровая экономика будет расти наиболее быстрыми темпами на фоне роста числа сервисов, которые помогают быстро получить информацию или решить какую-то проблему. Дело в том, что молодежь не привыкла глубоко вникать в проблемы, поэтому меняется формат их решения — любой длительный процесс уже вызывает раздражение, и выбор делается в пользу сервисов, которые упрощают повседневную реальность. На этом фоне будут активно развиваться интернет-технологии, но при этом очень востребованы будут специалисты, которые могут делать что-то руками — мастера, поскольку их доля в новых поколениях падает», — говорит председатель партнерства «Центр развития инновационного бизнеса» А. Михеев.

«Молодые люди — это та часть населения, которая уже не мыслит свою жизнь без интернета и смартфона. Возникнут новые социальные лифты, расширятся географические горизонты возможностей. Мы сейчас уже видим последствия изменений целых отраслей — туристической, полиграфической, пассажирских перевозок, в частности, услуг такси, аренды жилья. Для страхования тоже настанут новые времена. Мы получим новые страховые продукты, которые можно варьировать в течение

дня по рискам, времени и сумме, групповое страхование и возможности застраховать все, что можно сфотографировать на телефон», — говорит замгендиректора компании «АльфаСтрахование» Т. Пучкова[41].

«Можно ожидать структурных сдвигов в потреблении (предпочтение аренды владению в недвижимости и транспорте), росту спроса на образовательные услуги и арендное жилье, повышение требования к качеству госуслуг. Одновременно вырастет спрос на образовательные и медуслуги», — прогнозирует главный экономист рейтингового агентства «Эксперт РА» Антон Табах. «Много пенсионеров и много детей — это вызов для страны, для бюджета и для политики по созданию рабочих мест», — говорит эксперт.

Характеристику состояния российской науки дал академик В. Черешнев, который в течение многих лет не только руководил институтом, но и отвечал в Государственной Думе за эту область деятельности власти. Вот как он описал это состояние в своем выступлении на пленарном заседании Государственной Думы 3 июля 2013 года: «Все эти реформы ведут к полной потере самоуправления Академий. Они подчиняются некоему агентству, руководитель которого назначается Правительством и подчиняется Правительству. А это агентство назначает директоров институтов.

Если говорить о бюджете: 60% всех достижений от всей сегодняшней российской науки — вузовской, корпоративной, государственных научных центров и академической — приходится на долю Академии наук, притом, что ее состав — это 17% всех ученых. И посмотрите все индексы цитирования — безоговорочно лидирует Академия наук: не вузы, ни ГНС, ни корпоративные центры!

Финансирование Академии наук к 2000 году было в 28 раз меньше, чем в 1990 году. Да, с 2000 года по 2012 год финансирование увеличилось с 8 млрд до 80 (вместе с Медицинской академией). И что мы видим? Даже сегодня это все равно в 2–4 раза меньше, чем в 1990 году. Так давайте финансировать на уровне и спрашивать, где, кто и почему. Тогда будет реально сравнение. Если у нас вся Академия — 2 млрд долл., 62 млрд руб., а Массачусетский МТИ — 4,5 млрд долл. (правда, только половину государство дает на его развитие), какие тут могут быть сравнения. О чем говорим?».

6.9. Внешняя политика России в инерционном сценарии развития до 2025 года

Эта новая Стратегия национальной безопасности направляет усилия государства США для защиты национальных интересов через сильную поддержку нашего лидерства[42]

Б. Обама,
Стратегия национальной безопасности

Предложенная в эпиграфе мысль Б. Обамы — имеет, очевидно, стратегический и долгосрочный характер, которые не завися в долгосрочной перспективе ни от партийности, ни от личности тех, кто планирует американскую внешнюю политику. Это — очень точная формулировка, в которой показано, что:

— государство (США) обеспечивает национальную безопасность и несет за это полную ответственность;
— эта безопасность рассматривается как защита национальных (более широких, чем государственные) интересов;
— главное средство защиты этих интересов — обеспечение лидерства США.

По большому счету лозунг Д. Трампа «Америка — первая!», за который его критикуют, не только его изобретение. Его впервые выдвинул президент США Вильсон ровно 100 лет назад после завершения Первой Мировой войны в качестве концепции будущего мирового устройства. С тем пор прошло много лет и войн, сменилось много администраций, но этот лозунг, как внешнеполитическая стратегия США, сохраняется.

Говоря о будущей внешней политике России и её политике безопасности хотя бы до 2025 года, можно констатировать, что в России концепция обеспечения национальной безопасности совершенно другая. Она, формирует иные принципы, в частности:

— не ставит долговременных и стратегических целей (потому, что формулировка типа «создание благоприятных условий» настолько универсальна, что подходит для любой страны и любого времени, а, значит, она бессмысленна;

— ставит государство главнее нации, хотя государство (как в США, например) — всего лишь один из инструментов политики нации; более того, понятие «нация» вообще отсутствует;
— безопасность рассматривается не через призму обеспечения интересов, а через призму защиты от угроз. Это создает ложное впечатление:
— обязательности защиты от любых угроз;
— потери инициативы, субъектности в политике;
— главное средство защиты — «меры» (средства и) защиты государства, а не лидерство нации в мире.

Таким образом на перспективу до 2025 года внешняя политика России представлена в наиболее традиционном инерционном варианте своего развития, существующим в настоящее время. В этом инерционном сценарии развития до 2025 года она представляется продолжением тех основных тенденций, которые сложились после 2014 года и закрепились в середине 2017 года во многом в ответ на принятие соответствующего дискриминационного законодательства США, закрепляющего развитие военно-силовых тенденций в отношении нашей страны со стороны Запада. Она представляет собой совокупность «простых» идей, которые утверждены в Стратегии национальной безопасности (31.01.2015 г.) и Концепции внешней политики (2016 г.) по защите национальных интересов и «обеспечению благоприятных условий для развития», но не обозначают никак, ни долгосрочные цели, ни основные средства такого развития.

Такой «туман» даже стал основанием для различного рода предположений о том, что долгосрочная внешнеполитическая стратегия России вообще не нужна. Во всяком случае, то формально-консервативное отношение к Концепции внешней политики России, которое было продемонстрировано после выхода новой редакции Стратегии национальной безопасности, говорит в пользу полнейшего отсутствия интереса к этой теме. Как справедливо признает эксперт М. Коростиков, «Мы лишь ситуативно реагируем на внешние вызовы, системного плана хотя бы лет на 10–12 вперед не просматривается. Взять, например, шаги РФ во время Украинского кризиса — 2014: такое ощущение, никто всерьез и не думал, к чему они приведут уже на дистанции в два–три года…

Однако современность настолько быстро меняется, что любая долгосрочная доктрина просто не сможет работать в подобном хаосе, поскольку устареет сразу после принятия. Вот вы можете сказать, в каком мире мы будем жить к 2030 году? Поэтому сегодня и выигрывают как раз те страны, которые стремятся не „следовать заданному сценарию", а максимально быстро адаптируются к изменениям. И максимально эффективно расходуют ограниченные ресурсы для отражения внешних атак, о которых вчера никто и не помышлял»[43].

Подобное обоснование внешнеполитической стратегии, конечно же, может иметь место, хотя в современных условиях, когда даже небольшие корпорации и территории занимаются стратегическим планированием, подобное утверждение выглядит не убедительно. Но, действительно, если посмотреть с точки зрения обеспечения внешней безопасности, то в соответствии с существующим ФЗ «О безопасности» (№390 от 28 декабря 2010 года) государственная политика в области внешней безопасности характеризуется следующими четырьмя положениями, которые во многом объясняют ее низкую эффективность:

— отсутствием реальной долгосрочной стратегии;
— непоследовательностью;
— противоречивостью;
— деидеологизированностью (Статья №4 ФЗ «О безопасности»)[44]:

Внешняя политика, повторюсь, — традиционно-инерционная, реагирующая на вызовы, а не создающая внешнюю реальность, основана на «простых» положениях, которые возведены в ранг абсолюта:

1. Государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объединенных **единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер.**
2. Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности определяет **Президент Российской Федерации**.
3. Государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется федеральными **органами государственной власти**, ор-

ганами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления на основе стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом Российской Федерации.

4. Граждане и общественные объединения **участвуют в реализации** государственной политики в области обеспечения безопасности.

Итак, если очень коротко, то эти базовые положения требуют, как минимум, конкретизации, если мы хотим заложить их в основу внешнеполитической стратегии России до 2025 года и её политики безопасности, а именно:

— государственная политика в области безопасности это не столько «скоординированные меры», сколько цели имеющие общенациональное значение, прежде всего, такие, как: «выживание наций», «сохранение идентичности», «укрепление суверенитета», где собственно меры по их достижению имеют второстепенное значение. Какими мерами и средствами этого добиться — вопрос второй, но гораздо важнее в новых условиях ВПО обеспечить достижения целей, которые, как минимум, должны:
  — сохранить национальную идентичность и суверенитет;
  — высокие темпы национального развития;
  — степень влияния и контроля внутри страны и за рубежом.

  Так, гораздо важнее обеспечить лидерство в образовании и культуре с целью укрепления системы национальных ценностей, чем «разработать меры в области безопасности».

— президент не может единолично определять основное направления государственной политики (а тем более политики национальной безопасности). Как это получалось у М. Горбачева и Б. Ельцина мы хорошо помним. Задача президента возглавить и скоординировать этот общенациональный процесс; даже в США, где традиционно все полномочия в этой области принадлежат президенту, Д. Трамп был поставлен под контроль Конгресса.

  В России должна быть общенациональная внешняя политика, в разработке которой принимает участие вся нация, все институты государства, а не аппарат Президента РФ.

— реализация государственной политики только «Федеральными органами власти» и субъектов федерации заведомо суживает представление о политике национальной безопасности, где роль учителя определил еще канцлер Германии О. Бисмарк, а ученого — В. Вернадский;
— наконец, граждане и «общественное объединения» (а шире — институты развития НЧК) являются теми основными субъектами, которые не просто участвуют, а реализуют в основном политику безопасности нации и государств.

Исходя из этих соображений, представляется целесообразным пересмотреть радикально основные положения внешней политики и политики безопасности России на долгосрочную перспективу, сделав ее:

— долгосрочной, в соответствии с национальным прогнозом и стратегическим планированием;
— концептуальной, а не эмпирической, ярко «деидеологизированной», а на самом деле бессистемной.

В частности, если использовать для этого пример со Стратегией национальной безопасности США, то в российской стратегии должно быть:

— определенно то, что эта стратегия является национальной. Где государству и его институтам поручается:
  — защита национальных интересов (а не противодействие бесконечным угрозам);
— главное средство обеспечения национальной безопасности и эффективности внешней политики это лидерство России во всех основных областях (а не только в военной области), а именно:
  — в области НЧК и его институтов;
  — науке;
  — культуре, образовании и экономике.

Примером того, как новые представления о национальной безопасности до 2025 года могут повлиять на Россию может стать исследование роли и влияния социальных сетей на современную политику. На основании предварительного теоретического анализа можно предложить рабочую исследовательскую гипотезу — несмотря на имеющийся абсентеизм и атомизацию социума в современных странах, проявляется стремительная политизация сообществ социальных сетей Интернета

по причине подрыва доверия граждан к традиционным политическим институтам — партиям и парламенту. Чтобы проверить это предположение, авторами статьи в декабре 2015 — январе 2016 гг. было проведено «Глобальное исследование политизации социальных сетей». Была определена цель исследования: изучение уровня наиболее политизированных узлов в популярных социальных сетях, а также более конкретные задачи проекта[45]:

— обнаружение провластных, патриотически настроенных сообществ социальных сетей;
— выявление сообществ социальных сетей, умеренно оппозиционных по отношению к власти;
— определение радикально настроенных к власти сообществ социальных сетей.

Вначале была проведена примерная кластеризация стран по следующим группам: Западноевропейский, Англосаксонский, Латиноамериканский, Азиатский и Африканский кластеры. После выявления кластеров производился подсчёт их сетевых участников (групп/узлов и их пользователей). Обнаруженные данные суммировались для выяснения результата по группам стран. Объектом исследования были популярные социальные сети: Facebook, Twitter, YouTube, Instagram, LiveJournal, Tumblr, Flickr,

При анализе уровня политизированности социальных сетей применялся принцип ранжирования, когда учитывались такие признаки как большое количество политизированных узлов, крупная активность и наиболее обсуждаемый контент. Соответственно, каждой из политизированных социальных сетей в кластере стран присваивался 1 балл, далее велся подсчет. Уже в ходе контент-анализа выяснилось, что в каждой стране количество политизированных социальных сетей разное.

Обследуемый Западноевропейский кластер глобального исследования включал ФРГ, Италию, Испанию, Францию, Швецию и Люксембург. Итоги замеров политизации социальных сетей были следующие: 38% — поддержка провластных сил, 58% — оппозиционных, 4% — радикальных. Самыми политизированными социальными сетями оказались: Twitter (в 6 из 6 стран кластера), Facebook (в 5 из 6) и YouTube (в 2 из 6). Мощнейший объем политизированного контента был найден

по тегам: имена политиков и/или названия политических партий — 19%, демократия — 19%, политические партии — 16%, государство — 10%.

Азиатский кластер включил такие страны как Саудовская Аравия, Иордания, Сирия, Иран, Китай, и Южная Корея. Итоги следующие: 59% — поддержка провластных сил, 35% — оппозиционных, 6% — радикальных сил. Самыми политизированными социальными сетями оказались: Facebook (в 5 из 6 стран кластера), Twitter (в 2 из 6), YouTube (в 1 из 6) и Instagram (в 1 из 6). Большой объем политизированного контента в кластере был найден по следующим тегам: религия — 20%, имена политиков и/или названия политических партий — 16%, гражданское общество — 12%.

Между тем в этом кластере можно выделить подгруппы не только по цивилизационно-культурному признаку, но и по критерию специфической поддержки власти в Интернете. Конечно, в Саудовской Аравии, Сирии, Иране и Китае существуют программы по цензуре информации в Интернете. Но власти заинтересованы и в появлении провластных групп в сети. Например, к таковой можно причислить Xijinpingoffice в Китае.

Однако Азиатский кластер крайне неоднороден. По подгруппе стран Ближнего Востока: 32% — поддержка провластных сил, 53% — оппозиционных, 15% — радикальных. Тогда как в конфуцианской подгруппе (Китае и Южной Корее): 95% — поддержка провластных сил, 5% — оппозиционных. Необходимо обратить внимание на то, что количество подписчиков у южнокорейских оппозиционных партий и политиков резко возросло за апрель 2016 года. Причина очевидна — 13 апреля прошли выборы, на которых правящая партия Южной Кореи потеряла большинство в парламенте впервые за 16 лет.

Также в ходе исследования выяснилось, что необходимо было исключить Индию из подсчетов уровня поддержки политических сил по причине огромной сетевой эклектики: по популярности сетевых технологий и распространению англоязычного дискурса, Индия близка к Англосаксонскому кластеру, но есть влияние и цивилизационно-культурного фактора азиатского региона. К примеру, расстановка политических сил в социальных сетях в Индии, несмотря на популярность англоязычного контента, схожа с конфуцианской подгруппой Азиатского кластера: 90,56% пользователей, состоящих в политизированных груп-

пах, поддерживают власть, 9,4% — оппозицию и всего 0,04% пользователей являются приверженцами радикальных идей.

Африканский кластер проекта включал Марокко, Египет, Кению, Нигерию, ЮАР и Тунис. В нём поддержка политических сил в социальных сетях следующая: 41% — симпатии к провластным силам, 57% — оппозиционным, 2% — радикальным. Наиболее политизированными социальными сетями оказались: Facebook (в 5 из 6 стран кластера), Twitter (в 2 из 6), YouTube (в 1 из 6), Instagram (в 1 из 6). Немалый объем политизированного контента был найден по следующим тегам: религия — 19%, имена политиков и/или названия политических партий — 15%, политические партии — 15%, либерализм — 12%[46].

Хотя в некоторых из изучаемых африканских государств и внедрена интернет-цензура, но политическая ситуация в этих государствах не так однозначна. Для примера, — в Марокко, где имеются случаи интернет-цензуры, есть серьёзные риски для легитимности политического режима: за оппозицию 72% участников сообществ, тогда как за правительство всего лишь 28%. Правительствам африканского региона уже недостаточно одной лишь цензуры, поэтому они заинтересованы в увеличении пользователей провластных социальных узлов, как и в случае правительств азиатских государств.

Исследование показало, что самыми политизированными социальными сетями стали Facebook и Twitter. Однако социальные сети для легитимации власти — больше Ларец Пандоры, чем Рог Изобилия. Конечно, по причине неудачи демократического транзита и экономических реформ, в различных странах воспроизводится и закрепляется серьёзное недоверие населения к политическим партиям и парламентам. Тем не менее пока никто не доказал, что виртуальная реальность на сто процентов сможет стать хорошим рецептом для эффективизации любой демократической политической системы, построения надёжной «обратной связи» между властью и обществом и успешной политической/экономической модернизации. Скорее, социальные сети Интернета создают уникальные условия для возникновения всевозможных политических симулякров, когда появляется виртуальный двойник политики в виде форм электронного правительства и электронной демократии. Также растёт количество аккаунтов самих граждан, увели-

чивается объём специальных ботов, своей активностью практически неотличимых от деятельности живых людей. Грань между виртом и реальностью размывается[47].

Перечисленные тренды эволюции виртуальных сетей открывают не только перспективы перед обществом и государством в области управления, политики и экономики, возникают и новые риски для легитимности власти, устойчивости социума, условия для сетевого экстремизма и терроризма, радикальных организаций. На этом фоне показательно, что в современных сетевых сообществах стран Западной Европы и Ближнего Востока наблюдается высокий уровень поддержки оппозиционных сил, растёт радикализация религиозного дискурса. Быстрое появление оппозиционных и радикальных политизированных сетевых узлов отчётливо видно на примере Германии и США (сетевая субкультура «южан» на основании аналогичной идентичности). Следовательно, Интернет является не только проводником демократического транзита, но и удобной средой для архаизации социально-политических отношений. Данные факты свидетельствуют о том, что из-за «архаического отката в сети» есть риск начала активного формирования в социальных сетях радикальных и экстремистских сообществ как религиозного, так расистского и неонацистского толка.

США при Д. Трампе не случайно пересматривают роль дипломатии в качестве средства внешней политики. В политике «новой публичной дипломатии» традиционная дипломатия резко снизила свое значение, уступив свое место прямому общению и контактам первых лиц государства. С. Духанов вспоминает, что еще в конце 90-х годов прошлого века российский посол в Вашингтоне **Юлий Воронцов** — безо всякой гордости и какого-либо удовольствия, естественно, — при свидетелях говорил, что посол и посольство утратили какую-либо значимую или существенную роль в поддержании и развитии двусторонних отношений. «Друг **Билл**» при малейших проблемах у любого не то что клерка госдепа, а даже какого-нибудь спекулянта или «грантопоедателя», не колеблясь, звонил «другу **Борису**». В Кремле от ельцинского рева дрожали не только стекла, но и чинуши всех рангов, а в посольство или консульство шли указиловки «решить вопрос». А массу вопросов, в том числе, разоруженческих, решали, вообще минуя посольство. Посол об

этом узнавал в лучшем случае, когда/если присутствовал на финальном подписании каких-нибудь документов, а в худшем — из СМИ.

Надо сказать, что многое здесь зависит от качества дипломатов и поставленных перед ними задач, которые со временем выродились в функции технического обеспечения деятельности посольств. «Про дипсостав посольства и говорить нечего. — Вспоминает С. Духанов. По сложившейся в МИД практике, какие-то встречи проводят и информационные материалы пишут дипломаты в ранге от советника и выше. А все остальные — атташонки, третьи, вторые и первые секретари с людьми-то и не встречаются. Американцев эти „американисты“ видят, по большей части, на сэйлах в магазинах. Их забота — в 9 утра из многоэтажного дома внутри обнесенного забором жилкомплекса пройти пешком 50 метров, прочитать у себя в кабинете какую-нибудь американскую газетенку (если посольство ему ее выписало), часов в 11 сходить „попить кофе“, потом — на обед, а там и конец рабочего дня. И так все несколько лет „командировки“. Если случится такая редкость, что у дипломата окажется сколь-нибудь сносный английский, и если руководящий им советник окажется барином-лентяем (что, естественно, не редкость), то ему „повезет“, и он для этого советника поработает переводчиком на какой-нибудь встрече в госдепе. Потом надо же ведь и информационный отчет о встрече написать, а барину с руки разве что подпись поставить, чтобы „документ“ отнести послу»[48].

В условиях снижения уровня сотрудничества и роста подозрительности возможности дипломатических представительств снижаются до минимума, а иногда и вообще теряют целесообразность. Вот как описывает ситуацию С. Духанов: «Но это было, когда были „друг Билл“ и „друг Борис“. Сейчас же у американцев „крышу снесло“ напрочь, если они умудряются разглядеть шпиона даже в карьерном дипломате **Сергее Кисляке**, который до своего назначения послом в 2008 году уже пять лет проработал заместителем министра. Так что, при царящей сейчас в Штатах антироссийской истерии наши дипломаты из посольства, думаю, носу не кажут. Их и раньше-то „на работу в город“ вытолкать было трудно, а теперь — и вовсе толку никакого»[49].

На мой взгляд, не стоит драматизировать эту ситуацию. Она лишь отражает новую политическую реальность, когда уровень и качество дипотношений играют незначительную роль — обширные связи и со-

временные коммуникации, СМИ и социальные сети — вытесняют традиционную дипломатию на обочину, когда она продолжает быть полезным инструментом в условиях хороших политических отношений и малоэффективна, когда эти отношения сведены к минимуму. С. Духанов, сформулировал это отношение следующим образом: «То, что сейчас происходит — нормально. США нам не друг, не товарищ и не брат. Они всегда были и всегда будут нашим врагом. Необходимо признать, что иметь отвратительные межгосударственные (!) отношения с США для России — норма. Прежде всего, потому что именно так считают в Вашингтоне. А, как известно, насильно мил не будешь. С Вашингтоном нам не нужны „хорошие отношения“ — хотя бы потому, что к ним будем стремиться только мы, а американцы в очередной раз будут лицемерить. Тот, кто этого не понимает и не признает — либо сам не знает американцев, либо вводит в заблуждение других. Нам достаточно иметь рабочие отношения — без улыбок и любезностей. „Красная линия“ на случай инцидентов уже неплохо. Обычный диалог без какого-либо доверия — только сделки после проверки: вы мне телевизор, я вам телефон»[50].

Таким образом, «зеркальный размен» вплоть до закрытия всех дипломатических и консульских представительств (я бы не стал исключать и возможность того, что американцы потребуют закрыть и нашу миссию при ООН), в принципе, возможен — обоснованно считает С. Духанов. И в том, что он говорит, есть много смысла — без радикального ответа США будут и дальше только развивать дипломатическую эскалацию, а ущерб российскому авторитету в мире и «потеря лица» окажется не восполним. Этот итог совершенно не нужен России, которая вполне может обойтись и минимальным уровнем дипломатических отношений не только с США, но и целым рядом других государств. Раздутые штаты дипломатов, при объективном снижении роли официальной дипломатии, не дают сколько-нибудь значимого политического эффекта. В будущем, вероятно, эта тенденция будет развиваться и дальше, поэтому России необходима долгосрочная программа сокращения своего дипломатического присутствия в тех странах, где политические и экономические контакты сведены к минимуму.

В настоящее время функции народной дипломатии и публичной дипломатии, которые переоценивались заведомо прежде, сводятся к ми-

нимуму. Как по причинам резкого ускорения технологического прогресса, заменяющего личные контакты, научное и культурное общение, так и по другим, политическим причинам.

И не надо бояться свертывания официальных контактов на дипломатическом и даже политическом уровне. Как ни странно, но такой процесс может идти на пользу России. За последние годы стало понятно (и об этом писали уже многие), что Россия кардинально изменила принципы взаимодействия с соседями, да и в целом с другими государствами. На место модели «братских отношений» пришел принцип взаимной выгоды. Этот факт отмечают многие обозреватели, причем чем дальше, тем сильнее он ощущается прежде всего на отношениях с бывшими советскими республиками, которые еще в 1990-е годы получали огромную «техническую» и материальную помощь, не отвечая сколько-нибудь взаимностью. Остатки этой политики еще чувствуются в тех странах, где антироссийские настроения правящими элитами подогреваются в наименьшей мере[51].

В 2000-х годах Кремль окончательно осознал, что «братские отношения», которые на самом деле представляли собой обмен российских благ и преференций на лояльность, окончательно перестали работать. Внедрение новых правил игры началось где-то с середины прошлого десятилетия, считает наблюдатель Ирина Алкснис, — «с государств, которые проводили особенно недружественную России политику — Прибалтики и Грузии»[52]. Теперь, спустя больше десятилетия, результаты очень постепенной и неторопливой работы Москвы можно наблюдать невооруженным взглядом. Латвийский министр сообщения призывает Россию активнее использовать латвийские порты, и его можно понять, поскольку мощный транзитный поток, шедший через эту прибалтийскую страну, превратился за последние годы в тоненький ручеек, который может окончательно пересохнуть в ближайшие годы.

Эта тема больше всего занимает экспертов и наблюдателей. Все уже давно все поняли, включая власти соответствующих государств. Но каждый раз, когда кто-то устраивает «цыганочку с выходом» (например, как , с высылками российских специалистов, со скандалами с российскими журналистами, спортсменами и артистами) всегда возникает вопрос — неужели они совсем не думают о своей стране и о своем народе. Все уже

усвоили, что Россия обязательно ответит — асимметрично и болезненно, и платить за недружественную политику в ее адрес придется всей стране. Так зачем же так себя вести?

Ответ — в общем, правильный — всегда находят в противостоянии России с Западом, в стремлении соответствующих национальных элит влиться в его ряды и готовности на любые шаги ради этой цели. А для этого нужен «пропуск» — русофобия и, как минимум, антироссийская политика. С их помощью пытаются получить от Запада долгосрочный вексель на присутствие в западной локальной цивилизации.

Проблема, однако, в том, — замечает И. Алкснис, — что это только часть ответа, а в реальности ситуация еще хуже (хотя, казалось бы, хуже некуда). «Дело в том, что дихотомия „Россия или Запад“ и выбор между ними является поверхностным, потому что, если копнуть чуть глубже, обнаруживается, что Россия и Запад (а вернее его гегемоны) фактически находятся в одной лодке, а вот страны, в которых идет между ними борьба — в другой. Она уверенно полагает, что политические и идеологические противоречия, даже если они очень сильны, а борьба между державами-геополитическими игроками идет жестокая, — все равно вторичны. Потому что в существе своем эти державы входят очень узкий (и все более сужающийся) клуб стран. Это страны, которые обладают современными знаниями и технологиями. Это страны, которые делают автомобили и ракетные двигатели, строят АЭС и самолеты, запускают космические аппараты и разрабатывают лекарства»[53].

Произошло радикальное изменение в МО и ВПО. XX век оказался столетием уникального окна возможностей, когда почти у любой страны был шанс шагать в ногу с прогрессом. А еще была одна удивительная страна, которая была готова активно помогать в этом тем, кто был с ней рядом — СССР. И она делала это. Она строила заводы, научные центры и конструкторские бюро там, где их до этого никогда не было, делилась тем, что знала и умела. В XXI веке это окно возможностей захлопнулось безвозвратно. Прогресс и технологии шагнули так далеко, что стали прерогативой очень редких избранных. В случае отставания шансов нагнать их уже практически нет.

А Россия — та самая удивительная страна, в XX веке называвшаяся СССР — получила болезненный урок, что добрые дела не остаются безна-

казанными. Урок был усвоен.Правда, самую «грязную» работу ныне делает ее вечный партнер-антагонист (да еще наверняка посмеивается над неизбывным чистоплюйством своей товарки-Москвы). В бесконечном историческом противоборстве «в расход» идут третьи страны. Их элиты полагают, что выбирают между Западом и Россией, а на самом деле они просто выбирают — делая выбор в пользу Запада — технологическую, экономическую и социальную деградацию своих стран, причем с билетом в один конец.

Мир будущего — уже вполне обозримого — обещает быть весьма мрачным. Денег на развитую социальную сферу — великое достижение XX века — не хватает уже у даже самых богатых и развитых стран. Грядет новое средневековье с колоссальным социальным расслоением, доступом к благам избранных и беспощадным отношением к низам[54]. Особенность этого нового средневековья в том, что в этих самых «низах» окажутся не только отдельные социальные слои, а целые страны и регионы. Как бы не повернулось нынешнее противостояние России и Запада (а история подсказывает, что в очередной раз уж как-нибудь договоримся), Восточной Европе уже предуготована печальная участь пустоши, «мертвых земель» между центрами развитой цивилизации.

6.10. Вооруженные силы и ВВСТ России: возможные перспективы развития до 2025 года

Скажите, по какой дороге мне отсюда идти? — спросила Алиса.
Это сильно зависит от того, куда Вы хотите прийти, — ответил Кот.
Мне, в общем-то, все равно, — сказала Алиса.
Тогда неважно, по какой дороге, и в каком направлении идти, — сказал Кот.
Да, мне, лишь бы, куда-нибудь, прийти! — призналась Алиса.

Л. Кэролл,
автор книги «Приключения Алисы в стране чудес»

Судя по намерениям высшего политического руководства России в 2017 году, в т.ч. снижению доли военных расходов в ВВП и бюджете страны на 20%, до 2025 года военная политика России и ее ВС будут

развиваться в целом по сценарию, реализуемому в 2017 году, но, как всегда, при двух обязательных и принципиальных условиях[55]:

Во-первых, если внешние факторы влияния, сложившиеся к концу 2017 года в негативный «Военно-силовой сценарий» развития МО–ВПО, не перейдут крайних границ, т.е. если в самих факторах внешнего влияния не произойдет радикальных, качественных, перемен (например, не начнется глобальная или крупная региональная война), меняющих общее состояние. Другими словами, если этот сценарий будет развиваться до 2025 года по своему «оптимистическому» или «реалистическому» варианту, не предполагающему масштабных и прямых военных действий[56].

Учитывая, что западная ЛЧЦ использует технологию «последовательной эскалации» военно-силового сценария, переход от одного варианта к другому варианту сценария можно обнаружить и не сразу — количественные изменения могут накапливаться постепенно и быстро, но не всегда явно бросаться в глаза. Так, эскалация политико-дипломатической напряженности, начатая Б. Обамой, проходила в несколько этапов, но всегда оставалось сомнение (или надежда) на то, что она будет остановлена. Особенно после победы Д. Трампа, когда создавалась иллюзия того, что он лично не заинтересован в обострении напряженности.

В этой связи уместно коротко напомнить просто об этих критериях и факторах, которые условно можно разделить на причинны, временные и силу влияния. Они неоднократно анализировались в работах сотрудников Центра военно-политических исследований МГИМО[57]. В данном случае предлагается следующая матрица, акцентрирующая внимание на возможности в качественном изменении ВПО в среднесрочной перспективе (табл. 6.3).

Подобные качественные изменения в ВПО неизбежно отразятся на сценарии развития России до 2025 года. Как показывает история (например, СССР периода 1930–1939 годов), в среднесрочной перспективе возможны решительные, качественные перемены не только в ВПО, но и во всей МО, требующие принципиальных изменений в стратегии и сценариях развития государств. В СССР это стало важнейшей причиной для проведения ускоренной коллективизации и индустриализации в 1930-е годы, а также мобилизации ОПК для создания ядерной и ракетной промышленностей в 1950-е годы.

Таблица 6.3. Возможные критерии качественных изменений ВПО

Причинные	2017	2025
— изменения в самом факторе влияния (политика государств);	Влияние субъекта МО переходит в новое качество (региональное в глобальное, как КНР или Индия)	Фиксируется новый статус субъекта МО (например, Индия — член Совбеза ООН)
— изменения в окружающей среде (МО–ВПО);	Формирование новых коалиций (региональных, центров силы или ЛЧЦ)	Появление новых субъектов — ЛЧЦ — в качестве коалиции
— изменения в идеологии и когнитивной области;	Провозглашение идеи глобального идеологического/ политического лидерства (СССР в 20-е годы XX века)	Заявка на глобальное лидерство не только западной, но и китайской, индийской, исламской ЛЧЦ
— изменения в стратегиях и средствах политики	Резкое усиление военной мощи КНР, Индии, исламской и западной ЛЧЦ и их коалиций	Новые политические и военные доктрины
Временные	**2017**	**2025**
— дата начала;	н/вр	До 2025 года
— дата окончания;	н/вр	До 2025 года
— продолжительность	н/вр	7–9 лет
Сила влияния	**2017**	**2025**
— слабое;	—	—
— переменное;	—	—
— среднее;	заметное	учитываемое
— сильное;	Сильное и очень сильное	Сильное и очень сильное
— решающее	Решающее	Решающее

Таким образом радикальных изменений в военной политике России до 2025 году не произойдет и она будет развиваться по известному сценарию, если изменения в ВПО будут происходить в рамках одного, существующего в настоящее время, «военно-силового сценария» в одном из его двух вариантов — «оптимистическом» или «реалистическом».

Во-вторых, качественных изменений в сценарии развития России не произойдет, если не будет качественных (революционных) изменений во внутренней политике и политической системе страны, т.е. не

будет изменена политическая система, не произойдет радикальной перемены в элите страны или внешнее вмешательство во внутренние дела не приведет к какой-нибудь «цветной» революции. В этом случае развитие ВВСТ и ВС России будет проходить примерно теми же темпами, что и последние 8 лет, и с такими же последствиями (положительными и отрицательными) для разных видов и родов ВС РФ.

Так, баланс между ними складывался в целом позитивно, о чём ярко рассказал В. В. Путин в своем послании ФС РФ 1 марта 2018 года. В результате резкой активизации военного строительства за этот период удалось сделать качественные скачки в военном строительств, которые в целом должны завершиться к 2025 году заменой всех основных видов и типов ВВСТ. Так, в России «затонула» программа строительства военно-морского флота.

Слабость российской судостроительной, судоремонтной и машиностроительной базы привела к провалу программы строительства военно-морского флота РФ. Фактический ввод в строй новых кораблей основных боевых классов в рамках госпрограммы вооружений до 2020 года, равно как и их ремонт, не соответствуют заявленным планам, сообщается в журнале Центра анализа стратегий и технологий «Экспорт вооружений».

После введения в 2014 году санкций крупные надводные корабли лишились двигателей, так как газотурбинные производились на Украине, а дизельные для ряда проектов — в Германии, пишет автор статьи Максим Шеповаленко. Он не видит оснований ожидать за остающиеся два года серьезного улучшения ситуации. При этом флот наряду с ВВС (ныне — ВКС) был в числе финансовых приоритетов ГПВ-2020: на него планировалось выделить 5 трлн из общей суммы в 19 трлн рублей, и на строительство новых кораблей планировалось выделить 47% от этой суммы, пишут «Ведомости».

Источник, близкий к руководству Минобороны, утверждает, что производство газотурбинных двигателей налажено на рыбинском «Сатурне», и проблема будет окончательно решена к 2020 году. Предполагается, что, часть дизельных заменяются на китайские, хоть их качество и ниже.

Оптимизм внушают лишь быстрые темпы строительства подлодок проекта 06360 и малых ракетных кораблей (называемых на Западе

корветами) проектов 21631 («Буян») и 22800 «Каракурт». Их строят завод «Пелла» и Зеленодольский судостроительный завод, неподконтрольные Объединенной судостроительной корпорации (ОСК).

Тема отставания в кораблестроении в последний раз публично затрагивалась министром Сергеем Шойгу в начале прошлого февраля. По словам источника на одном из предприятий ОСК, после отработки головных образцов серийное строительство идет быстрее и строительство лодок проекта 06360 на «Адмиралтейских верфях» тому пример. Можно ожидать, что так же произойдет и с серийными атомными подлодками на «Севмаше».

По мнению Шеповаленко, ситуация с выполнением госпрограммы вооружений значительно лучше в ВВС и РВСН. Он полагает, что в новой ГПВ-2027 Сухопутные войска, бывшие в прежней программе «пасынком», станут приоритетом. Новая программа в их отношении лучше сбалансирована, указывает редактор журнала «Арсенал Отечества» Виктор Мураховский.

Опыт современной политической истории СССР показывает, что внутриполитические изменения невозможно прогнозировать. Кто, например, мог предположить в 1982 году, на закате брежневского периода, что через 9 лет будет распущена ОВД и разрушен СССР? При том, что после афганской войны и успехов советского ОПК Вооруженные силы СССР были самыми сильными в мире.

Многие исследователи и сегодня оценивают как высокую вероятность внутриполитических изменений в США, даже революций на социальной или религиозной основе. События — бунты и восстания — 2016–2017 годов показали, что эти оценки отнюдь не утопия.

Поэтому, если не произойдет сколько-нибудь серьезных изменений во внутренней политике России до 2025 года её Вооруженные силы будут сохранять высокую степень эффективности и находиться на уровне 2017 года, т.е. делить с КНР 2–3 место в мире, уступая только США. Поэтому есть основания полагать, что даже при существующем инерционном развитии Вооруженные силы России к 2025 году будут представлять из себя серьезную мощь. Более того, даже быстрое развитие военных потенциалов США и КНР, ожидаемой до 2025 года, не повлияет принципиально на относительное военное положение России

в мире. Предполагаемое завершение программы перевооружения и переподготовки, начатое в 2007 году, уже дало значительные результаты к 2017 году. Как показали военные действия в Сирии, проверку боем в Сирии прошли свыше 600 образцов вооружения и военной техники. В реальной обстановке было проверено соответствие их характеристик тем параметрам, которые были указаны в паспортах и технических описаниях. При этом на базе Хмеймим с самых ранних этапов операции присутствовали и присутствуют представители компаний-разработчиков, которые фиксируют замечания к технике, и когда это возможно, устраняют их в полевых условиях[58].

6.10.а). Вооружения, технологии и техника России до 2025 года

В будущем основные угрозы будут связаны с тремя силами:
1). Негосударственные и нерегулярные войска;
2). Гибриды;
3). Враги государства[59]

Д. Джонс,
сотрудник РЭНД-корпорации

Развитие ВВСТ России в 2018–2025 годы во многом предопределено принятием осенью 2017 года Государственной программы вооружений до 2027 года, а также основными направлениями развития ОПК, которые были сформулированы президентом В. Путиным на заседании ВПК в Концерне ВКО «Алмаз-Антей». Этот общегосударственный, ответственный и традиционный подход, однако, может быть скорректирован реальным ходом событий в мире и эволюцией ВПО.

Остановимся на классической, наиболее известной и обоснованной схеме развития ВВСТ, которая была сформулирована в основных направлениях развития в ГПВ 2027, заменившей ГПВ 2020 осенью 2017 года. Она характеризуется двумя ключевыми обстоятельствами.

С экономической точки зрения, за прошедшие годы были сделаны мощные государственные инвестиции обеспечение военной безопасности, которые в нынешних условиях (когда цены на углеводороды

стали уже не 100, а менее 50–60 долл. за баррель и сохраняются низкие темпы роста ВВП) уже невозможны. Более того, их целесообразность и реалистичность (даже при сохранении нынешней ВПО) ставится под сомнение[60]. Поэтому в 2017 году произошло заметное сокращение военных расходов в угоду бюджетному балансу, которые стали находиться на уровне военных расходов Великобритании того же года.

Этот экономический аргумент, безусловно, справедлив, но не в условиях ухудшения ВПО, которые отчетливо наблюдались в 2016–2018 годах, но, как видно, не принимались во внимание при подготовке бюджетов и ГПВ на ближайшие годы. Между тем при резком возрастании риска прямых вооруженных действий, набранная сила тенденций в ОПК уже недостаточна. Так, новые танки и самолеты производятся в ограниченных количествах, достаточных для мирного периода, но совершенно не достаточных для войны даже на одном ТВД. Поэтому энергия В.В. Путина по сохранению темпов развития ОПК, которую он демонстрировал в конце 2017 и начале 2018 года, должна была компенсировать снижение военных расходов, произошедших в 2017 году.

С другой стороны, сделаны серьезные заделы в военно-технической области, которые, как считают, могут позволить уже «не перенапрягаться» до 2025 года. И эти заделы могут быть реализованы в полной мере, как считается, до 2025 года. Ставка до 2027 года будет сделана на завершение программ испытаний и модернизаций и внедрение в войска уже созданных систем — от самолетов и систем ВКО С-500 до танков и стрелкового оружия. Но это — при условии сохранения стабильной ВПО на основных ТВД и в мире. Чего, к сожалению, не ожидается.

В новой ГПВ произошло давно требуемое перераспределение расходов на отдельные виды вооруженных сил и рода войск. Если до сих пор ВМФ финансировались достаточно хорошо (относительно пропорций всего военного бюджета), а Сухопутные войска и ВДВ находились на положении бедных родственников, то теперь эти роли поменяются с точностью до наоборот. Так, в рамках пока еще действующей программы ВМФ выделялось 4,7 трлн рублей, а теперь флот получит лишь 2,6 трлн рублей. А вот финансирование Сухопутных войск и ВДВ увеличат с 2,6 трлн рублей до 4,2 трлн, что составляет почти четверть всех расходов новой программы.

Такой рост расходов по этой статье объясняется напряженной ситуацией на Украине, в Средней Азии и Сирии, а также необходимостью массовых закупок бронированных платформ нового поколения — «Армата», «Курганец» и «Бумеранг». О том, какую еще технику нам необходимо создавать и закупать, как увеличить продажи российского оружия на внешнем рынке и может ли в нынешних условиях наша оборонка провести конверсию, в интервью журналу «Эксперт» рассказал заместитель директора Центра анализа стратегий и технологий Константин Макиенко[61].

Само по себе сокращение расходов на закупки вооружений и военной техники оправданно и неизбежно. Во-первых, в ходе реализации текущей госпрограммы произойдет значительное насыщение современными или новыми вооружениями в нескольких финансово емких сегментах. До 2020 года, например, должны быть построены пять из восьми стратегических подлодок класса «Борей» и три из семи АПЛ класса «Ясень». Процентов на восемьдесят будут закрыты потребности ВКС по тактической авиации и вертолетам. Ни одна ГПВ в постсоветское время не выполнялась столь успешно, как текущая. Даже если не будет достигнут целевой индикатор — оснащение войск новой техникой на 70%, все равно уже сейчас можно смело утверждать, что этот показатель составит по большинству сегментов не менее 60–65 процентов. Надо только иметь в виду, что понятия «новые» и «современные» вооружения не тождественны. Например, поставленные в ВКС истребители МиГ-29СМТ — это, вне всякого сомнения, машины нового производства, построенные без использования производственного задела. Но являются ли современными самолеты, система вооружения которых выстроена на основе радара с механическим сканированием луча, — вопрос открытый.

Надо понимать, что ГПВ-2020 успешно выполняется в обстановке экономической стагнации, а в отдельные годы и рецессии, и в условиях резкого падения цен на углеводороды. Но этот успех создал предпосылки для сокращения объемов ГПВ–2025. У А. Сердюкова и Н. Макарова на руках были веские аргументы в их полемике с Алексеем Кудриным об объемах необходимого финансирования нынешней программы. Сегодня же Сергею Шойгу и Юрию Борисову гораздо труднее доказать

необходимость сохранения расходов на закупку вооружений и военной техники в прежнем объеме, так как финансовые возможности страны существенно сократились. ГПВ–2020 версталась при цене нефти около ста долларов за баррель, сегодня эта цена даже номинально вдвое ниже. То есть, с одной стороны, страна не может тратить деньги на закупки техники в прежнем объеме, а с другой — в этом уже нет такой острой необходимости, как в 2009 году.

— Возьмем ВКС. Туда действительно за последние годы поступило несколько сотен последних версий истребителей четвертого поколения — Су-30СМ, Су-34 и Су-35. Но у нас вместе с морской авиацией остается чуть ли не три сотни самолетов третьего поколения типа Су-24 и Су-25, а также огромное количество Су-27, МиГ-29, МиГ-31, которые хотя и относятся к четвертому поколению, но не прошли модернизацию. Наконец, у нас чудовищно изношен парк стратегических бомбардировщиков, прежде всего турбовинтовых Ту-95, которым уже по полвека. И эта ситуация неприемлема. Ясно же, что их надо вывести из парка и заменить новыми.
— Модернизировать Су-27 и МиГ-29 поздно, экономически это еще имело смысл в нулевые годы, но сегодня уже лучше закупать самолеты нового производства. Истребители раннего четвертого поколения не нужно заменять в соотношении один к одному, потому что современные комплексы в разы превосходят их по боевому потенциалу, но при этом и дороже. Модернизация МиГ-31 ведется и, насколько я понимаю, дает хорошие результаты. Наконец, что касается старых ударных самолетов — фронтовых бомбардировщиков Су-24 и штурмовиков Су-25, то кампания в Сирии показала, что после проведения модернизации эти машины могут быть весьма эффективными, правда в специфических условиях, при слабом ПВО противника[62].

Теперь что касается стратегической авиации. Насколько я понимаю, в новой программе в части ВКС акцент как раз и будет сделан на ее модернизацию. А вторым приоритетом станет военно-транспортная авиация.

За это время пять таких самолетов уже поставили, еще пять вроде бы должны передать военным в этом году. Правда, в Ульяновске уже

говорят, что знаменитый контракт на приобретение Минобороны 39 Ил-76МД-90А за 140 млрд рублей должен быть пересмотрен. При этом стоимость лайнера возрастет с 3,6 млрд рублей до 5 млрд.

Вернемся к «стратегам». У нас в парке три типа таких самолетов. Это шестьдесят устаревших Ту-95МС и примерно полтора десятка Ту-160. Есть еще менее полутора сотен сверхзвуковых Ту-22М3, но они имеют дальность полета менее семи тысяч километров и в строгом смысле слова дальними не являются. Мы намерены возродить выпуск Ту-160М2, но параллельно ведем работы по созданию нового перспективного авиакомплекса дальней авиации (ПАК ДА), который будет дозвуковым.

ПАК ДА — это все-таки отдаленная перспектива. Этот проект, скорее всего, войдет в новую программу только в части НИОКР, а его серийное производство развернется уже после 2025 года. Что же касается дозвуковой скорости, если только ПАК ДА действительно будет дозвуковым, это не должно смущать. Сейчас самолет такого класса должен, прежде всего, отвечать двум критериям — иметь возможность длительного полета и малую заметность. Задача такой машины — как можно дольше оставаться в заданном районе. При дозаправках и наличии сменного экипажа это могут быть десятки часов[63].

Грубо говоря, в угрожаемый период такие платформы выходят на рубеж пуска дальнобойных ракет и барражируют на этом рубеже, оставляя политикам возможность и время урегулировать кризис. Ни РВСН, ни морские стратегические ядерные силы такой гибкостью не обладают. В случае же начала боевых действий атака будет осуществляться сверхзвуковыми или гиперзвуковыми ракетами большой дальности. То есть сам самолет — это просто платформа для ракет. Она должна долго висеть в воздухе, иметь большой боезапас и минимально светиться на радарах и в инфракрасном диапазоне. Сверхзвук же для таких платформ избыточен. В принципе, такой комплекс вообще может быть создан на платформе коммерческого широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета. Малозаметным он, конечно, не будет, но автономность и боезапас будут огромными.

— Если следовать этой логике, то такие же платформы нам необходимо создать не только для ВКС, но и для ВМФ. Имеются в виду новые ракетные подводные крейсеры стратегического назначения

(РПКСН), которые придут на смену подлодкам проекта «Борей». Кстати, ВМФ уже заявил, что серия «Бореев» продлена не будет, идет работа над модернизацией проекта. И это легко объяснимо: основное оружие этих подлодок — МБР «Булава» — не доказало своей эффективности. Последние одиночные запуски вроде бы проходят успешно. Но вот обещанные залповые стрельбы не менее чем тремя ракетами «Булава» так и не состоялись.

— Если придется делать новую ракету, то под нее по определению нужно делать и новый носитель. Теоретически можно, наверное, вписать новую ракету в «Борей», но это технически намного сложнее. А вообще, предпочтительнее все-таки довести «Булаву», если, конечно, там действительно остаются проблемы[64].

Но для нас не менее важны и новые средства защиты, в том числе от создающихся сейчас в США гиперзвуковых средств поражения. Не секрет, что реализация концепции «быстрого глобального удара» предполагает уничтожение практически любого государства за один час. Проведенное в Пентагоне компьютерное моделирование показало, что для этого достаточно выпустить порядка четырех тысяч гиперзвуковых ракет. Могу сказать только одно: Россия должна сделать все, чтобы наши стратегические ядерные силы, СЯС, не были девальвированы. Потому что, как только произойдет технологическая или любая другая девальвация российских сил сдерживания, этим обязательно воспользуются США. Сразу же возникнут надуманные обвинения, не важно в чем.

Именно это сейчас и происходит. Так называемые русские хакеры — это же чистый аналог той самой пробирки с непонятным веществом, которой тряс в Совбезе ООН экс-госсекретарь К. Пауэлл. И всё — нас попытаются разнести в пух и прах. Тем более в условиях очевидной нарастающей дисфункции американской политической системы. Мускулы они нарастили невиданные, а мозг остался на уровне подростка, причем сразу, минуя фазу расцвета, впал в деградацию. Единственная причина, по которой Россия еще существует, сохраняя свою целостность и суверенитет, — наши силы ядерного сдерживания. А раз так, то они есть абсолютный, сакральный и экзистенциальный приоритет. И нам, безусловно, нужно их развивать и параллельно искать технологический ответ на концепцию «быстрого глобального удара».

У нас он вроде бы есть. Идут испытания новых гиперзвуковых ракет, создаются и новые стратегические носители: легкого класса — «Рубеж» и тяжелого — «Сармат». Кроме того, ведется НИР по подвижному железнодорожному комплексу «Баргузин». РВСН и ВКО даже в самые тяжелые для нашей страны годы, будь то 1993 г. или 1998 г., все равно оставались приоритетом. Так будет и сейчас. Правда, некоторые авторитетные академики-политологи иногда говорят, что мы все время ведем локальные войны, а деньги вбухиваем в СЯС и ПРО. Так, может быть, именно потому, что эти направления всегда инвестировались на пределе возможностей, это и позволило избежать глобальной войны.

Мне кажется, что после сил ядерного сдерживания приоритет должен перейти к Сухопутным войскам и ВДВ. А вот, скажем, ВМФ в иерархии приоритетов не должен занимать сейчас высокую позицию. Основные угрозы России исходят с сухопутных направлений. Важнейшие потенциальные задачи наших Вооруженных Сил — принуждение, в случае необходимости, некоторых наших соседей к отказу от враждебных действий против России, тоже будут выполняться на континенте. Но это не значит, что России вообще не нужен флот[65].

К сожалению, у ВМФ России есть серьезные недостатки, как связанные с отставанием в его развитии в новейшее время, так и с ограниченностью в ресурсах, что ставит серьёзные преграды на пути его развития. Иллюстрацией может стать современная ситуация на ЧФ, где военный конфликт в Сирии обострил восприятие действительности, а активность ВМС США и НАТО в Черном море делает проблему ЧФ стратегически важной. В частности, некоторые обозреватели следующим образом описывают положение ЧФ и его среднесрочные потребности и перспективы:

«После воссоединения с Крымом Черноморский флот активно перевооружается, о чем подробно рассказал командующий флотом адмирал Витко. Однако даже поступающие новые корабли и подводные лодки не могут восполнить острый дефицит главного компонента флота — ударных возможностей и авиации. Каких именно кораблей не хватает Черноморскому флоту России?

Черноморский флот России с 2015 года получил два новых фрегата — «Адмирал Григорович» и «Адмирал Эссен», шесть подлодок с крылатыми ракетами и более 10 противодиверсионных и патрульных

катеров, сообщил изданию «Красная звезда» командующий ЧФ адмирал Александр Витко. Кроме того, ЧФ пополнился двумя буксирными судами нового поколения, модульными водолазными платформами, плавучим краном и рядом других судов обеспечения.

В планах ЧФ — получение в распоряжение фрегата «Адмирал Макаров», который в ближайшее время совершит межфлотский переход из Балтики, сообщил Витко. Ожидаются и пополнения из черноморских судостроительных заводов. По словам командующего ЧФ, в Новороссийске сейчас проводятся заводские испытания малого ракетного корабля (МРК) «Вышний Волочек», и еще один корабль такого класса ожидается в течение 2018 года. В Керчи достраивается патрульный корабль нового проекта «Василий Быков», который должен войти в состав Новороссийской военно-морской базы, в 2019 году планируется получить еще два аналогичных корабля.

В 2015 году, с которого адмирал Витко в своем комментарии начал отсчет этапа модернизации, эксперты высказывали опасения о степени боеспособности ЧФ. Так, капитан первого ранга запаса Сергей Ищенко и военный эксперт А. Мардасов отмечали в публикации портала «Свободная пресса»: главная проблема ЧФ и его Средиземноморской эскадры — «острейший недостаток ударной мощи». «Одними только корветами, большими десантными кораблями, плавучими мастерскими, танкерами и буксирами много не навоюешь, — указывали эксперты. — Чтобы противостоять Шестому флоту США, нужно создавать хоть какую-то угрозу его ракетным крейсерам и авианосцам».

В состав Шестого флота ВМС США (а он ответственен за Средиземноморский бассейн) в том числе входит эскадра из четырех эсминцев управляемого ракетного оружия (УРО). В Средиземном море этот флот располагает авианосной ударной группой — атомный ударный авианосец плюс два ракетных крейсера и два эсминца УРО. Основные силы Шестого флота поддерживаются амфибийной десантной группой с соответствующими кораблями и, скорее всего, двумя подлодками с ракетами «Томагавк».

Несмотря на получение в последние годы новой техники, проблема недостатка ударной мощи ЧФ не решена, прежде всего, из-за нехватки надводных кораблей, полагает бывший командир группы управления

ракетным оружием на БПК «Комсомолец Украины» (Черноморский флот СССР), капитан первого ранга запаса Сергей Ищенко.

«У ЧФ очень мало что осталось от ударной мощи, — сказал Ищенко газете Взгляд. — Стоит обратить внимание, что когда случилось обострение вокруг Сирии и мы пообещали сбивать американские ракеты и даже их носители, то на дежурство вышел даже „Пылкий“. Это старый-престарый сторожевой корабль со старым оружием, который тоже вытолкали туда, потому что наши понимают, что „Адмирала Эссена“ и „Адмирала Григоровича“, которые там есть, совершенно недостаточно», — рассказал Ищенко.

А больше современных надводных кораблей Черноморский флот не имеет, говорит собеседник. «Фрегат „Адмирал Макаров“ до сих пор находится на Балтике, хотя был принят в боевой состав в конце декабря, насколько я понимаю, закрыв глаза на существующие у него проблемы. Несмотря на всю остроту ситуации в Сирии, „Адмирал Макаров“ просто физически не в состоянии прийти в Черное море», — отметил собеседник.

«Кроме „Пылкого“ есть „Ладный“, но это сторожевые корабли 1135-го проекта, которым почти по 40 лет. Мы выводим за скобки крейсер „Москва“, поскольку он ждет ремонта и модернизации и загнан до такого состояния, что, видимо, не может выйти в Средиземное море», — добавил он. Добавим, что в составе ЧФ находится сторожевой корабль «Сметливый» проекта 01090 — старейший боевой корабль в составе ВМФ РФ. Газета ВЗГЛЯД не так давно писала о больших проблемах с модернизацией кораблей ВМФ РФ советской постройки.

«Этого недостаточно. Если говорить, например, о фрегатах, то трудно представить ситуацию, когда все три имеющихся в наличии фрегата будут в состоянии выйти в Средиземное море. Обычно только не более трети кораблей одного проекта от наличного состава могут находиться на боевой службе в Средиземном море. Это означает, что из наличных фрегатов в лучшем случае один, а в некоторых случаях и ни одного в Средиземном море не будет», — объяснил Ищенко.

«Не хватает как минимум бригады фрегатов. Той бригады, которую должны были построить в Калининграде и от которой из шести кораблей построили только три („Адмирал Эссен“, „Адмирал Григорович“ и „Адмирал Макаров“)», — добавил Ищенко[66].

Собеседник считает, что китайские СМИ не так уж далеки от истины, говоря об истощении российского ВМФ. Поясним: накануне китайский портал Sina.com опубликовал материал, в котором военный эксперт Ли Жэнь высказывал сомнение в заявленных сроках окончания ремонта ракетного крейсера «Москва» — флагмана ЧФ. Представители ВМФ России обещают возвращение корабля в строй к 2022 году. Но учитывая, что работы по модернизации подобного ему крейсера «Маршал Устинов» заняли пять лет и многократно откладывались, «нельзя сказать, что все будет так легко», считает китайский эксперт.

Председатель Движения поддержки флота, капитан первого ранга запаса М. Л. Ненашев отмечает: нельзя сбрасывать со счетов то, что уже сделано для укрепления боеспособности ЧФ. «В частности, флот получил новые подводные силы — шесть подлодок с новыми тактико-техническими характеристиками, что делает ЧФ значительной ударной силой на черноморском и средиземноморском театре военных действий (если кто-то решит проверить нашу боеспособность)», — отметил Ненашев в беседе с газетой Взгляд. Но он также указывает: ощущается нехватка надводных кораблей.

«Необходимо обновление кораблей крейсерского уровня — порядка 10 таких кораблей, — пояснил Ненашев. — Необходимы как новые крейсеры, так и большие противолодочные корабли, десантные корабли первого ранга, новые тральщики (учитывая вопрос минной опасности)».

«Требуется обновление противолодочной авиации и других видов самолетов и вертолетов — не меньше 100 боевых единиц», подчеркивает эксперт. «Вопрос авиационного обеспечения — ключевой», — отмечает Ненашев. «Еще один важный вопрос — инфраструктура. ЧФ нужны новые причалы, новые базы хранения вооружений и техники, новое оборудование для морской пехоты», — отметил в заключение собеседник[67].

Тем не менее, В. В. Путин поставил задачу не допустить существенного превосходства ВМС других стран над российским флотом, который по боевой мощи должен стать вторым в мире**.** С учетом наших морских сил ядерного сдерживания общий боевой потенциал ВМФ России был, есть и еще долго будет вторым. Но в части морских сил общего назначения сохранение второго места невозможно. Не долж-

на и не сможет шестая экономика мира (при расчете ВВП по ППС. — «Эксперт»), чья торговля идет по трубопроводам или по «железке», стремиться к этому второму месту в мире. Не секрет, что, например, КНР сегодня вводит в состав ВМС НОАК один корвет в шесть недель. А в России недавно введенный в состав Тихоокеанского флота корвет «Совершенный» строился одиннадцать лет. А ведь это довольно простой корабль водоизмещением всего две тысячи тонн.

При создании морской авианосной системы один только авианосец будет стоить 350–400 млрд руб., а с авиагруппой и кораблями сопровождения вся система потянет на триллион. На этом дискуссию можно считать закрытой. Замечу, что в России отсутствует ряд критических технологий — нет катапульты, палубных самолетов дальнего радиолокационного обнаружения, палубных противолодочных самолетов, самолета укороченного взлета и вертикальной посадки STOVL. Все это можно создать, но это еще сотни миллиардов рублей. В нынешних реалиях до 2025 года нужно ограничиться научно-исследовательскими работами, максимум — опытно-конструкторскими. Главное — иметь технологический задел в этой области, и тогда, если возникнет необходимость и появятся ресурсы, построить такой корабль в течение семи-восьми лет. Если же говорить о проекции силы, то ограниченный потенциал России, безусловно, необходим. Хотя бы на имеющемся сейчас уровне его нужно сохранить. А в идеале и увеличить, построив пару универсальных десантных кораблей. Но сначала хорошо бы отработать и построить большую серию однотипных фрегатов и корветов[68].

Перед Сухопутными войсками стоит задача перехода на бронетехнику — танки, БМП и БТР — нового поколения. В советской традиции приоритет отдавался огневой мощи и скорости в ущерб защищенности. Возможно, для той эпохи это было правильно. Но в текущей демографической ситуации Россия чуть ли не впервые за три века не может рассчитывать на количественное превосходство. За исключением наполеоновского нашествия русская, а затем советская армия против западных противников в большинстве случаев имела количественное превосходство, которое позволяло компенсировать организационные недостатки и технологическое отставание. Но такое положение осталось в прошлом. Российский солдат становится большой ценностью.

А это значит, что мы должны действовать в израильской парадигме, когда ради сохранения человека надо вкладываться в технологии, создавать на порядки более защищенные платформы. Это танки «Армата», гусеничные БМП «Курганец» и колесные «Бумеранг».

Возвращаясь к бронетехнике: в период действия новой ГПВ хорошо бы начать массовые закупки этих основных танков и бронемашин нового поколения, если, конечно, будут закончены ОКР. При всей дороговизне этих машин закупки должны производиться сотнями единиц.

Нулевая рентабельность. Уровень рентабельности закупок по гособоронзаказу действительно приближается к нулю. Не по всем системам, но по многим, если не по большинству. И это при том, что законом четко определена маржа, которую должно получать предприятие: 20 процентов рентабельности на собственную продукцию и один процент — на покупные комплектующие изделия. Но весь вопрос в том, как эту рентабельность считать. Например, военные часто отказываются принимать в расчет себестоимости расходы предприятий на коммуналку, которая висит на заводе. И тогда реальная маржа сразу падает, условно говоря, с 20% до пяти. Отчасти это наследие девяностых годов. Именно тогда укоренилось мнение, что промышленность должна снабжать военных чуть ли не за свои деньги, например полученные от экспорта. Часто Минобороны отказывалось платить за НИОКР, особенно если есть экспорт. Аргументация такая: если уже проведены ОКР для экспортного заказчика (а других тогда не было), то в цену серийных образцов для Минобороны эту статью не включайте. Но, простите, русификация тоже стоит денег. «Иркут» за свои кровные провел ОКР по русификации Су-30МКИ и превращения его в Су-30СМ. Су-35 — это инициативная разработка «Сухого», проведенная на собственные и заемные средства и средства «Рособоронэкспорта»[69].

Вообще, очень похоже, что Анатолий Сердюков, будучи министром, ненавидел ОКР. И у него были на то основания, потому что это весьма коррупционная тема. Но ты разберись, кто ворует, а кто нет, кто может сделать, а кто нет. Это же всё известно. Но вместо того, чтобы разобраться, была затеяна азартная торговля с промышленностью, которая, в свою очередь, почувствовала, что скоро придут большие деньги, и была готова на все. Вспомните бурное совещание в Северодвинске

в 2011 году, когда цены на подводные лодки согласовывал чуть ли не сам Путин. И это только один эпизод, ставший достоянием СМИ. На самом деле в период подготовки ГПВ–2020 Минобороны относилось к собственной промышленности как к каким-то врагам и бракоделам. Наверное, часть оборонных предприятий такую репутацию заслужила. Но, в конце концов, и военные, и промышленность делают одно общее дело. К счастью, когда этими вопросами стал заниматься Юрий Борисов, атмосфера радикально изменилась, а подход нашего военного ведомства стал гораздо более профессиональным и компетентным.

— Уже всем ясно, что жирные годы для нашей оборонки позади, предприятиям необходимо проводить конверсию, увеличивать выпуск гражданской продукции. В каких сегментах и за счет чего это можно сделать?

— Ни в какую конверсию я не верю. Почти все главы оборонных предприятий понимали необходимость диверсификации производства с самого начала девяностых годов. И там, где это было возможно, сделали. Прежде всего в авиапроме, двигателестроении, кораблестроении. Но это нельзя сделать ни при каких условиях в отрасли боеприпасов, производства порохов. Думаю, что с большим трудом диверсификация возможна в ракетостроении. Кстати, примерно так же обстоят дела в США. Возьмите список Defense News и увидите, что, например, у корпорации Raytheon (выпускает ракеты и системы наведения) доля военной продукции составляет почти 90 процентов, а у Boeing — только 50%[70].

— **Но как нашему ВПК увеличить выпуск гражданской продукции?**

— Нужна государственная программа финансирования конверсии и соответствующие меры поддержки. Сейчас уже мало кто помнит, но еще двенадцать лет назад наши авиакомпании эксплуатировали преимущественно отечественные самолеты. И только где-то с 2005 года пошел вал западной авиатехники. Но государство ничего не сделало для сохранения национального якорного рынка за российским производителем. Хотя достаточно было нескольких правительственных директив, чтобы государственные авиакомпании хотя бы временно закупили Ту-204. Думаю, что сотню таких самолетов можно было продать на российском рынке. Но вместо этого авиаперевозчики

потратили миллиарды долларов на приобретение Boeing и Airbus. И только сейчас хотя бы на уровне риторики политическое руководство страны начало говорить о защите национального рынка, о приоритете закупок SSJ-100 и МС-21. Но отмотать назад эту ситуацию будет очень сложно, хотя и не невозможно.

Если посмотреть на крупнейших покупателей российских вооружений, то мы увидим, что Индия последовательно диверсифицирует источники вооружений, Китай обеспечивает себя сам по основным видам военной техники, Венесуэла переживает тяжелый экономический и политический кризис, Вьетнам также стремится найти альтернативы российским вооружениям. Сирия воюет, Иран под санкциями, Ливия де-факто уничтожена и так далее. То есть по каждому крупному импортеру есть объяснения стагнации или сокращения закупок. Но у меня есть интуитивное и провокационное объяснение тому, почему оборонный экспорт России не растет с 2013 года. В моем представлении позиции страны на рынке вооружений — это очень тонкий индикатор интегральной мощи государства. Сюда входит почти все — экономическая, промышленная, технологическая и военная мощь, мягкая сила, дипломатическое искусство и многое другое. В качестве слабого подтверждения этой гипотезы могу сказать, что худшие позиции России на мировом рынке оружия были в 1994 и 1998 годах. В первом случае это последствия острого политического кризиса 1993 года, когда наша страна чуть не свалилась в гражданскую войну и полный развал, во втором — дефолта и министерской чехарды. В результате, например, в 1994 году Россия поставила оружия всего на 1,7 млрд долл. — это исторический минимум за все время. И наоборот, когда интегральная мощь России росла, а это продолжалось до конца 2013 года, уверенно росли и продажи наших вооружений в мире. Таким образом, гипотеза состоит в том, что до 2013 года интегральная мощь России росла, даже несмотря на то, что экономическая и социально-политическая стагнация уже отчетливо ощущалась, а вот после 2013 года этот рост прекратился[71].

Необходимо агрессивное предложение совместных проектов по типу BrahMos в Индии, отказ от самоограничений на сотрудничество с рядом стран, например с Ираном и Пакистаном, продолжение попыток выйти на рынки нефтяных монархий Персидского залива. Есть парадокс в том, что

в девяностые годы, когда Россия переживала национальную катастрофу, были запущены такие грандиозные проекты, как создание истребителей Су-30МКИ и СП по производству ракет BrahMos. Но вернемся к FGFA. Бюджет ВВС Индии на закупку летательных аппаратов составляет примерно 2,5 млрд долл. в год. Примерно до 2021-го основной объем этих средств будет пожираться оплатой скандального контракта на закупку истребителей Rafale в объеме восемь миллиардов евро. Вообще, уже в момент выбора дорогого Rafale было ясно, что закупка этого истребителя лишит индийские ВВС возможности получить в необходимые сроки технологию пятого поколения. Тем не менее, работа по проекту FGFA продолжается, и я уверен, что контракт на совместное проектирование будет подписан.

Китайцы — тяжелые партнеры, ориентированные на автономную работу. Надо посмотреть, как пойдет с ними работа по созданию широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета. По «стратегам», боюсь, время ушло. В нулевые такой проект еще мог состояться, а сегодня они уже будут делать его сами. Хотя сама по себе идея очень интересная. Причем, если я правильно понимаю, в отличие от России им как раз нужен сверхзвуковой самолет, способный выполнять маловысотный полет для прорыва ПВО. Наши «стратеги» будут оперировать в пустынном пространстве над полюсом в Арктике, а китайцам надо прорывать плотную ПВО первой цепи островов.

Самоограничения на торговлю с Пакистаном устарели. Россия слишком долго опасалась индийской реакции. Но почему США и Франция, которые являются для Пакистана основными источниками боевых самолетов и подводных лодок, могут параллельно работать в Индии, а Россия опасается испортить отношения с Дели? Пакистан в какой-то период времени был третьим покупателем французского оружия после ОАЭ и Саудовской Аравии. Но это не помешало Индии купить истребители Rafale и подлодки Scorpene. Почему Россия, чтобы продать Исламабаду четыре боевых вертолета, которые будут работать в зоне племен на границе с Афганистаном, должна получать на эту сделку неформальное согласие индийцев?[72]

До тех пор пока Индия воспринимала Россию как стратегического партнера не на словах, а на деле, самоограничения имели смысл. Но теперь, когда Дели не просто диверсифицирует источники вооруже-

ний, а фактически переориентируется на США и Францию, эту практику надо менять. Если индийцы покупают американские и французские военно-транспортные и боевые самолеты, это их суверенное право. Но тогда и Россия резервирует за собой право ставить свои коммерческие интересы выше политических. Например, в 2011 году Индия выкинула из тендера МиГ-35. Значит, индийские специалисты, в компетентности которых нет ни малейших оснований сомневаться, считают, что этот самолет хуже закупленного ими Rafale. Из этого логически вытекает, что у индийцев не должно быть возражений, если Россия поставит эти самолеты в Пакистан, никакого ущерба военно-политическим интересам Индии от поставок такого «плохого» самолета не возникнет. Вообще, пакистанцы любят русское оружие. Они столкнулись с ним во время войны в Афганистане и прониклись большим уважением. А индийцы, видимо, начали забывать, чье оружие (и чья военно-политическая поддержка) обеспечило им успех во время кризиса в Восточной Бенгалии в 1971 году. На западной военной технике хорошо и комфортно служить, а на российской — воевать. Индийцы, конечно, почувствовали вкус к западной технике. Понятно, что в мирное время эксплуатировать западные системы и служить на них комфортнее. Но иногда случаются войны, а в реальных боевых действиях все становится на свои места[73].

По-настоящему качественный скачек в продажах нашей техники, такой, чтобы радикально превысить существующие 15 млрд долл. в год, может обеспечить только выход на рынок нефтяных монархий Персидского залива. До сих пор у России были ограниченные успехи в Кувейте и в ОАЭ. Первая страна еще в девяностые годы закупила БМП-3 и РСЗО «Смерч», а вторая — те же БМП-3 и ракетно-пушечные комплексы ПВО «Панцирь». Но пока саудиты или катарцы не начнут крупные закупки нашей техники, радикальный рост объемов оборонного экспорта представляется маловероятным, прорыва в продажах оружия в целом добиться будет очень трудно.

Подавляющее большинство оружия продемонстрировало прекрасные качества. И Министерство обороны подготовило, либо уже подписало контракты на закупку этих образцов. От ряда образцов пришлось отказаться, потому что практика показала, что они не выдерживали тех требований, которые к ним предъявлялись.

В начале 2017 года более конкретные в численном отношении данные предоставил журналистам министр обороны С. Шойгу. Премьеру в Сирии прошли 162 новых или модернизированных образца. 10 из них оказались забракованными. Однако это, — по признанию С. Шойгу, — «не окончательный приговор» — разработчикам предоставлено право довести технику до нужных кондиций. Так что и у них есть шанс получить в будущем добро на серийное производство[74]. В этой связи целесообразно сделать короткий обзор основных систем ВВСТ, характеризующих уровень и боевую эффективность ВС РФ:

— Одним из безусловных лидеров в «сирийской гонке вооружений» является многоцелевой истребитель поколения 4++ Су-35С. Он полностью соответствует лучшим зарубежным аналогам, а по некоторым показателем превосходит и будет превосходить их до 2025 года.

До принятия на вооружение Су-57 он является самым маневренным в мире самолетом. Но он и значительно дешевле, чем Су-57, а, кроме того, ни один другой самолет не способен выполнять «блинчик» — разворот в горизонтальной плоскости без потери скорости и высоты. По способности одерживать победы в воздушном бою находится в одной «весовой категории» с американским истребителем пятого поколения F-22 Raptor, но превосходит его в работе по наземным целям.

Дополнительные качества самолету придают большое количество ракет «воздух–воздух», которые он способен использовать в бое на любой дистанции, а также мощная станция радиоэлектронной борьбы.

Ударные вертолеты Ми-28Н «Ночной охотник» и Ка-52 «Аллигатор». Несмотря на различную схему расположения винтов, оба вертолета демонстрируют высокую маневренность. Но у «Аллигатора» она, конечно, повыше. За счет мощной авионики способны выполнять боевые задания по поддержке наземных операций в любое время суток при любой погоде. Противотанковые ракеты обладают высокой бронепробиваемостью — 900 мм брони под динамической защитой. В то же время оба ударных вертолета оснащены мощной бронезащитой, а также системами, которые повышают живучесть винтокрылых машин. У вертолетов снижена заметность в инфракрасном диапазоне. Помимо нанесения ударов по наземным целям вертолеты способны уничтожать и воздушные цели ракетами «воздух–воздух»[75].

Крылатая ракета «Калибр» вызвала информационный бум при пуске ее с малых ракетных кораблей по позициям боевиков в Сирии. Имеет морское базирование (на кораблях и подводных лодках), береговое и воздушное. Это семейство ракет по номенклатуре превосходит американские ракеты «Томагавк». В них используются различные способы наведения на цель, они способны поражать различные цели на море и на берегу, в них используются различные боевые части. Есть даже ракета с отделяющейся при приводнении торпедой для атак подводных лодок противника. «Калибры» осуществляют маловысотный полет на сверхзвуковых скоростях (до 2,9 М), впрочем, есть и дозвуковые модификации, и имеют дальность до 2600 км.

Противотанковый ракетный комплекс «Корнет» способен пробивать броню такой толщины, которую танкостроители пока еще не используют на практике — до 1400 мм. Ракета имеет лазерное наведение на цель. Дальность пуска достигает 10 км, что вдвое выше, чем у американского ПТРК «Джавелин». Потерей в дальности американские конструкторы заплатили за возможность установки на ракету инфракрасной ГСН. Тем самым реализуется принцип «выстрелил и забыл».

В «Корнете» также предусмотрена способность преодоления активной защиты танка. Последовательно с минимальный интервалом производится пуск двух ракет. Первая — «смертница», она подрывается разрывом гранаты активной защиты танка. Вторая устремляется к броне по «проделанному коридору».

— Реактивная система залпового огня «Солнцепек». Система появилась в прошлом десятилетии, однако в «настоящем деле» она участвовала лишь в Сирии. В залпе 24 снаряда, которые улетают на расстояние до 6700 м., покрывая площадь в 40 тыс. кв. м. «Солнцепек» — тяжелая огнеметная система, базирующаяся на гусеничном шасси высокой проходимости. РСЗО производит сильное впечатление не только на врага, но и на внешнего наблюдателя. Вот что о «Солнцепеке» пишет американский журнал Popular Mechanics: «Полный залп огнеметной системы способен испепелить восемь городских кварталов, создавая ад для всех, кто окажется в зоне поражения. Сложно найти что-либо более устрашающее среди наземных оружейных систем»[76].

Основной боевой танк Т-90АМ. Это самая последняя модификация базовой модели Т-90А. Является переходным звеном к перспективному танку Т-14 «Армата», используя ряд конструктивных идей заложенных в новейшее изделие Уралвагонзавода. Т-90АМ частично оснащен элементами активной защиты «Афганит», которая в полном объеме внедрена в Т-14. Имеет мощную РЛС, существенно повышающую оборонительные свойства, а также ударную мощь. Уникальна динамическая защита брони «Реликт», которая эквивалентна утолщению брони на 30 см. У лучших иностранных танков такой прирост не превышает 15 см. Гладкоствольная пушка позволяет не только обстреливать танки противника подкалиберными снарядами, но и запускать противотанковые ракеты «Рефлекс-М», у которых выше и бронепробиваемость, и дальность[77].

Сверхдальняя высокоточная крылатая ракета Х-101, базирующаяся на ракетоносцах дальней авиации Ту-95МС, Ту-160 и Ту-22М3. Когда ее запустили по позициям сирийских боевиков, то ракета нагнала жути не только на атакуемых, но и на американских генералов. Журнал Popular Mechanics высказался об этом событии так: «Если запустить ее в Москве, она может ударить практически по любой части США. И это сильно беспокоит Пентагон!» Хотя дальность, конечно, у нее меньше — 5500 км. Но это значительно больше, чем у самой дальней американской ракеты «воздух-поверхность» AGM-86D — 1200 км. Сюда следует присовокупить и отклонение от цели, не превышающее 5 м, и 400-килограммовую БЧ, и полет на высоте 30 м, и малозаметность — ЭПР 0,01 кв.м. Очень серьезное оружие. Ну, а модификация Х-102 оснащена ядерной боеголовкой мощностью 250 кт[78].

Статья издания The Diplomat «Russia's Future Armor Force Could Be in Trouble» затрагивает не самые последние новости о развитии российских вооруженных сил, но все же посвящена вопросам, которые будут сохранять актуальность в течение нескольких следующих лет. Как следует из заголовка, Франц-Стефан Гади склонен рассматривать последние новости и официальные заявления в негативном ключе. По его мнению, планы российского Минобороны в отношении модернизации танков Т-72, Т-80 и Т-90 с одновременным сокращением темпов утилизации устаревшей техники могут ударить по перспективному проекту «Армата».

Необходимо отметить, что в своей публикации зарубежный аналитик не учел одну из важнейших особенностей текущих планов. В недавнем прошлом представители российского военного ведомства, комментируя обновленные планы, указывали на причины их пересмотра. Оглашенные предпосылки к сокращению заказа на танки Т-14 и появлению контрактов на модернизацию вряд ли могут считаться поводом для беспокойства.

По официальным данным, причиной пересмотра планов стало желание получить максимальную отдачу от имеющейся в наличии техники. Танки сравнительно старых моделей имеются в больших количествах и вполне способны продолжать службу. Сообщалось, что обновленные машины сохранят требуемый потенциал, как минимум, до 2023–25 годов. Таким образом, срочный выпуск большого количества новейших танков Т-14 попросту не требуется. Эти машины можно будет строить средними темпами, постепенно насыщая ими строевые части.

Что касается сокращения программы утилизации, то в данном случае речь идет не о возвращении техники в армию. Исходя из желания избавиться от списанных машин с наибольшей пользой, министерство обороны планирует ремонтировать и продавать ненужные танки третьим странам. Кроме того, списанные бронемашины будут передавать регионам для строительства мемориальных объектов, а часть техники станет мишенями на полигонах.

Нельзя не признать, что проект «Армата» действительно может сталкиваться с теми или иными проблемами. Тем не менее, подавляющее большинство затруднений связано с тем широчайшим применением новых решений и технологий, впервые внедряемых в проект современного танка. Как следует из последних новостей, большая часть имевшихся проблем уже была решена, что позволило подписать первый контракт на серийное производство машин Т-14. В соответствии с этим документом до конца десятилетия будет построена первая сотня танков.

Актуальные планы по модернизации имеющихся танков самым заметным образом влияют на дальнейшее развитие парка техники сухопутных войск, но тоже не имеют прямой связи с проектом «Армата». Впрочем, появление большого числа отремонтированных и обновлен-

ных танков позволит не торопиться с выпуском новых Т-14, и выполнить желаемое перевооружение без спешки.

Действительно, программа создания новой бронетехники с последующим перевооружением танковых частей может сталкиваться с теми или иными проблемами разного рода. Однако работы продолжаются и приводят к желаемым результатам. Это позволяет утверждать, что проект «Армата» вовсе не оказался в беде, как пишет The Diplomat, а развивается и уже приносит первые плоды[79].

6.10.б). Военное искусство

> Необходимо подумать о мире, где важны не понятия национальных границ, а серии взаимосвязанных сетей — финансовых, транспортных, социальных, — которые легко атаковать и тяжело защищать…[80]
>
> *Б. Джиндал, Дж. Тэлант, американские эксперты*

Известно, что военное искусство зависит от двух основных групп факторов — средств ведения войны (ВВСТ) и политических целей войны. Учитывая, что и первая, и вторая группа стремительно меняются в настоящее время, можно ожидать, что начавшаяся революция в области военного искусства будет развиваться еще быстрее, чем в последние три десятилетия.

В настоящем разделе я хотел бы, однако, привлечь внимание не столько к собственно военному искусству, сколько к искусству силовой политики, которое стало в последние годы всё больше вытеснять вооруженное насилие.

В период до 2025 года ожидаются революционные изменения в политическом и военном искусстве, которые неизбежно последуют за стремительным развитием новых силовых и военных средств и способов военно-силового принуждения[81].

Вслед за Соединенными Штатами, где этот процесс уже развивается с начала второго десятилетия, он — непоследовательно и медленно, но начал охватывать и российское военное дело, где военная наука и искусство понесли катастрофические утраты в предыдущие десятилетия.

Некоторые изменения качественного характера в ВПО могут привести и к изменениям в стратегии и сценарии развития России. Это относится прежде всего к качественным изменениям в области военного искусства. Причем не только стратегии и оперативного искусства, но и тактики. Так, использование крупных масс танков в стратегических операциях гитлеровской Германии в конце 1930-х годов потребовало от СССР строительства целой линии стратегической обороны («Сталинского вала»), которая протянулась от Балтийского до Черного моря, а в 1940–1941 годах во многих местах продублирована с учетом новых границ СССР. Аналогичный пример может быть использован и с «Линией Маннергейма», построенной Финляндией на Карельском перешейке.

Применительно к современной ВПО можно говорить о существенных изменениях не только в военном искусстве, но и использовании в политике силы вообще, что существенно повлияло на характер силового противоборства в XXI веке. Стратегическое прогнозирование — позволяет определить направление движения и наметить цели, для долгосрочного и успешного развития компании, и отсекая все лишнее, сконцентрировать усилия персонала на достижение ожидаемых результатов. Но, для этого, прежде всего, необходимо фундаментально переосмыслить цели и задачи, начиная от руководителей до рядовых сотрудников предприятия.

Надо сказать, что исторически опыт военного искусства всегда запаздывал. В качестве яркого примера можно привести попытки правительства России в 1905 году создать тактику «контрповстанческих действий», которые они еще накануне категорически отрицали. Только после того, как выступления революционеров приняли массовый и вооруженный характер, правительство спохватилось и стало организовывать ответные действия. В одной из книг мой давний знакомый И. Линдер пишет о том времени: «Философия и психология чванливой административной машины, не способной вовремя реагировать на изменения, тупая самонадеянность высокопоставленных чиновников всегда играли злую шутку с теми, кто не хотел и не мог видеть дальше собственного носа. Таковы неизбежные законы исторического развития российского общества, да и цивилизации в целом.

В 1905 году ситуация в корне изменилась: практику стали подкреплять теорией. Поскольку в отечественной литературе соответствующих руководств не было, спешно была переведена и издана глава «Уличный

бой» из немецкой «Тактики» В. Балка. Офицеров стали подробно учить методам и способам уличной борьбы. Дело о Миланском восстании извлекли из архива и сделали предметом изучения. Под председательством великого князя Николая Николаевича был организован Комитет Государственной обороны, куда привлекли весь цвет военной профессуры того времени, признанных авторитетов в области теории и практики военного дела. По указаниям Комитета в полках читались лекции по тактике, аналогичные тем, что читались боевикам революционных партий. Примечательно, что основой лекций нередко были захваченные полицией в ходе обысков учебные пособия революционеров.

Одно из первых таких пособий под названием «Приложение тактики и фортификации к народному восстанию» составил В. Северцов (Н. М. Филатов). Оно было издание в Женеве в типографии ЦК РСДРП в 1905 году. В этой работе имелись следующие разделы.

1. Вооружение.
2. Постройка баррикад и укрепление домов, стен и т.п.
3. Расположение наших сил.
4. Атака:
   а) разведка;
   б) атака кавалерии;
   в) атака пехоты;
   г) атака артиллерии.
5. Наступление восставших.
6. Общий план восстания.

В 1906 году руководство по тактике под названием «Уличные бои. Конспект лекций, читанных начальникам дружин Боевого рабочего союза» подготовил один из руководителей Всероссийского офицерского союза и одновременно председатель Боевого рабочего союза, офицер Академии Генерального штаба С. Д. Масловский (Мстиславский).

После поражения Первой русской революции руководство большевистского крыла РСДРП начало уделять серьезное внимание организации конспиративной боевой подготовки. Уже в 1906 году в работе «Русская революция и задачи пролетариата» В. И. Ленин писал, что в основе партии рабочего класса должна быть «сильная тайная организация», располагающая особым аппаратом «открытых выступлений».

В сентябре 1906 года в статье «Партизанская война» В. И. Ленин сделал вывод: «Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы и в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или менее крупные промежутки между „большими сражениями“ в гражданской войне». Главными проблемами партизанской войны он назвал неорганизованность, а также попытки навязать практикам искусственно сочиненные формы вооруженной борьбы. С учетом неудачной попытки вооруженного восстания 1905 года диверсионно-террористические действия ударных боевых групп были признаны необходимыми в борьбе за власть.

Наряду со структурами, работающими внутри и против царской полиции и корпуса жандармов, получавшими информацию из недр Генерального штаба и правительственных кулуаров, появляются и крепнут структуры, предназначенные для ведения военно-диверсионных действий, причем как внутри трещавшей по швам империи, так и за ее пределами. В 1906–1907 гг. в России и за границей была создана сеть секретных школ, в которых тщательно отобранные партийные функционеры проходили специальную военную подготовку.

В качестве примера назовем школу боевых инструкторов в Киеве, школу бомбистов в Лемберге, школу боевиков в Болонье. Всего в трехстах метрах от знаменитого императорского комплекса Шённбрюнн в Вене висит мемориальная доска с информацией, что в этом здании в 1908 году во время пребывания и изгнании в Австрийской империи И. В. Сталин написал работу «Национальный вопрос и революция». На самом деле на этом месте находилась одна из особо засекреченных резидентур РСДРП(б), боевики которой занимались подготовкой боевых кадров партии и международными «эксами». Напомним, что знаменитый Камо (С. А. Тер-Петросян) как раз и входил в ту самую группу, возглавляемую Сталиным»[82].

Однако, изменения в управлении всегда воспринимаются людьми крайне неоднозначно, и всегда, по-разному, от испуганно-раздраженного до оптимистичного ожидания обновлений и улучшений. В одно и то же время, инертное и консервативное большинство не желает ничего знать об изменениях и обновлениях, другие легко и с удовольствием соглашается попробовать, что предлагает им новое время. Отношение

к новому меняется по мере того, как новое становится нормой, и входит в практику все большего количества людей[83]. В этом я сам убеждался неоднократно на собственном опыте.

Вооруженные силы в рамках существующей Военной доктрины России будет постепенно возвращать свою боеспособность, которая достигнет своего намеченного апогея к 2025 году. Принятая осенью 2017 года ТПВ–2025 приведет к относительно планомерному и быстрому увеличению силовых возможностей.

Однако необходимо помнить, что именно в 2017–2025 годы специалисты в военной и военно-политической области, в первую очередь в США и в основных странах НАТО, лихорадочно пытаются выработать эффективное противодействие глобальным и региональным угрозам собственной безопасности с учётом последних событий на Украине и на Ближнем Востоке.

На самом высоком уровне в США звучат упрёки в адрес нынешней американской администрации, да и в европейских странах в адрес своих правительств по поводу того, что внешнеполитическая повестка дня перегружена, военное строительство ведется рефлексивно, без учёта долгосрочных тенденций развития международных отношений, подавляющая мощь вооружённых сил США и НАТО, на поддержание которой тратятся огромные деньги налогоплательщиков, оказывается бесполезной перед лицом нетрадиционных методов ведения войны. При этом военные теоретики пытаются приспособиться к ситуации с завидной регулярностью «изобретая» всё новые войны: вслед за «нетрадиционной» или «асимметричной» войной появилась концепция «гибридной» войны, затем «нелинейной», сетевой, сетецентричной и т.д.[84]

Термин «гибридная война» родился в недрах американской военной науки и сначала полностью соотносился с попытками оптимизировать организационную структуру сухопутных сил с учётом той ситуации, что весьма специфическому типу конфликтов нельзя было противоположить со стороны армии США что-то симметричное. Логика рассуждений и предмет беспокойства здесь состояли в следующем. В конфликтах традиционных типов и масштабов армия США может противопоставить противнику свои соединения численностью от бригады и выше. Это, так сказать, обычная война, к которой «генералы гото-

вятся». Для действий против малых групп террористов в распоряжении командования имеются Силы специальных операций. Особо отметим, что американские теоретики никогда не рассматривали вопроса о том, что такие формы войн ведутся одновременно на какой-то локальной территории. Императивом здесь являлась установка на то, что подобные конфликты как минимум разнесены в пространстве[85].

Однако лет десять назад американские военные эксперты обратили внимание на то, **что могут иметь место ситуации, когда противник может быть организован, массивен, управляем и вооружён так, что для его подавления сил спецназа будет недостаточно**, а силы линейных армейских соединений (бригад) в данном случае будут явно избыточны[86].

Именно такая ситуация и была названа «гибридной угрозой» (отнюдь не войной), и в качестве единственного примера реализации подобного сценария назвались действия военизированной ливанской шиитской организации «Хезболла» против Армии обороны Израиля во время Второй ливанской войны в 2006 году. Вопрос, напрямую выводящий на нерешённые проблемы военного строительства в США, начал активно прорабатываться в среде американских теоретиков именно под углом зрения парирования «зазора» в понимании того, как организовать успешную операцию против такого противника[87].

Под влиянием обеспокоенности армейского командования известная «думающая корпорация» RAND Corporation провела исследование реального опыта действий Армии обороны Израиля против Хезболлы в 2006 году. В выпущенном в 2010 году. отчёте был сделан важный вывод, что «гибридность» противника выражается в том, что он оснащён системами вооружений, которые можно получить лишь при поддержке центральных властей или с государственного уровня других стран, но во всём остальном остаётся всё теми же группами террористов. Специально оговаривалось, что в организационном отношении такой противник может создавать регулярные подразделения силами до батальона. Однако конкретных примеров участия в боях со стороны Хезболлы самостоятельных военных единиц численностью до 800 человек не приводилось[88].

Американские компании Raytheon и Northrop Grumman займутся разработкой технологии, которая позволит дронам объединяться в стаи

и совместно выполнять различные задания. Как сообщает Defense News, новая технология должна быть открытой и пригодной для создания стай дронов как в реальном мире, так и в виртуальной среде. Позднее стаи, созданные с помощью новой технологии, будут использоваться для проверки и доработки групповой тактики.

Современные города имеют тенденцию к быстрому разрастанию, так что в ближайшие пару десятков лет большая часть населения планеты будет жить в городской черте. По мнению американских военных, это означает, что военные конфликты будут вестись преимущественно в условиях городской застройки, когда угрозы нападения следует ожидать буквально ото всюду. В войнах будущего перестрелки будут вестись на улицах, в квартирах домов, на верхних этажах небоскребов, в подземных помещениях.

Военные полагают, что они смогут эффективно противостоять противнику только в том случае, если будут использовать большие группы роботов. Групповая тактика позволит стаям дронов совместно с наземными роботами эффективнее выполнять различные задачи. При этом управление такими стаями со стороны военных будет сведено только лишь к выдаче задания, которое аппараты должны уже будут исполнить самостоятельно — разбить задание на несколько подзадач, а затем распределить их внутри группы, а также выбрать способы, которыми эти подзадачи будут решаться.

Как ожидается, новая технология, которая позволит объединять дроны разных типов от разных производителей в стаи, должна быть представлена в ближайшие полгода. Она получила название Sprinter. Новую технологию специалисты Агентства перспективных оборонных разработок США намерены использовать для создания тестовой смешанной группы из 50 летательных беспилотных аппаратов и наземных роботов. На этой группе уже будут проверяться различные групповые тактики.

Как ожидается, во время первых испытаний группе дронов и роботов необходимо будет установить полное наблюдение за зданием в пределах двух городских кварталов в течение 15–30 минут. Подробности предстоящих испытаний пока не раскрываются. Известно только что специалисты намерены оценить особенности построения разнородных групп роботов и их взаимодействия с операторами.

Испытания групп роботов будут проводиться в рамках более масштабной программы OFFSET (OFFensive Swarm-Enabled Tactics, наступательная тактика для стай), стартовавшей в январе прошлого года. Эта программа предполагает разработку более ста вариантов тактических действий для групп дронов и наземных роботов. Благодаря заложенному в пульт управления списку таких действий боец сможет без особых трудностей и всего несколькими нажатиями клавиш управлять группами, состоящими более чем из ста роботов. Проект OFFSET также предусматривает создание программного обеспечения, с помощью которого можно будет программировать тактические действия роботов. Такое программное обеспечение должно быть доступным для всех ком-

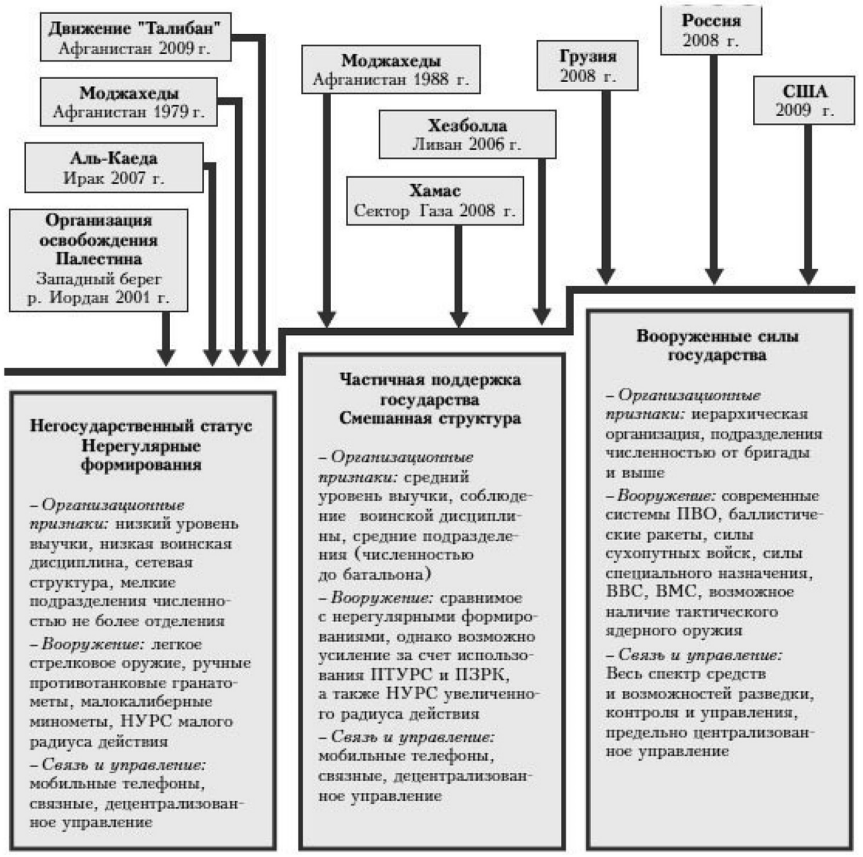


Рис. 6.10. Особенности вооруженных формирований, задействованных в гибридной войне

паний-разработчиков. Кроме того, должен быть создан комплекс управления роботами, поддерживающий не только нажатия на клавиши, но и голосовые команды и жесты.

Сохранятся основные приоритеты внешней политики и ее стратегические направления. Вместе с тем, будут набирать силу глобальные тенденции, которые Национальным Советом по разведке США были

«Следует ожидать замедление реформы международных и региональных институтов, а также возрастание препятствий при создании новых организационных структур международного характера. В решающей степени это будет связано с неизбежным в ближайшие 10–15 лет кризисом национальных государств из-за снижения темпов экономического роста, возрастания долговой нагрузки и постарения населения. В этих условиях неизбежен рост популярности популизма и народнических настроений, а также стремление к возведению таможенных барьеров.

Кризис международных институтов еще более ослабит национальные государства. Терроризм, киберпреступность, трансграничный криминал не ограничены рамками национальных государств и будут действовать как глобальные структуры. В условиях практически неиз-

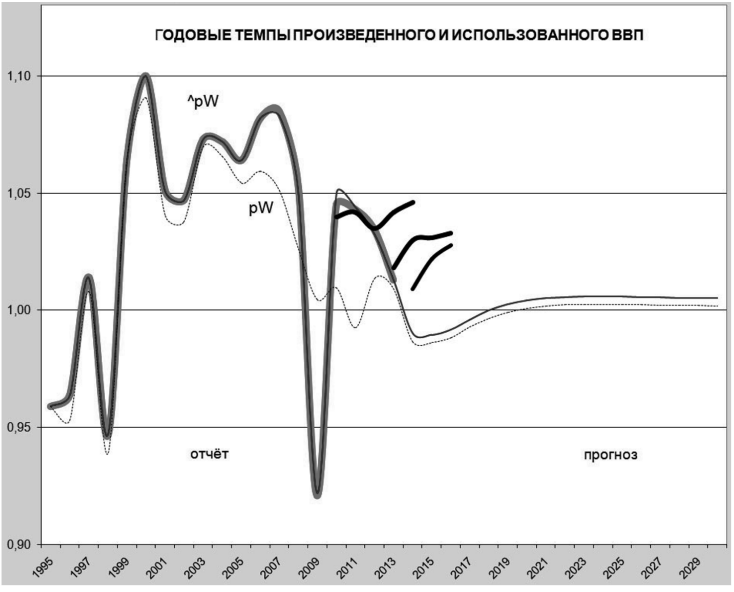


Рис. 6.11. Динамика годовых темпов произведенного и использованного ВВП

бежного кризиса международных институтов и возрастания политического и экономического национализма это чревато не только кризисом международного масштаба, но и внутренними проблемами для всех развитых государств»[89].

Руководство Военно-воздушных сил США требует от американского авиапрома, чтобы истребитель F-35 к 2030–2040 годам был неуязвим для самых лучших зенитных ракетных систем потенциального противника, в первую очередь России и Китая. Насколько реальна поставленная задача, разбиралась «Газета.Ru»[90].

Военно-воздушные силы США проверяют на практике, как выполняют боевые задачи истребители 5-го поколения типа F-35 в зонах поражения лучших китайских и российских средств ПВО. Чтобы максимально приблизиться к условиям боевой обстановки, в испытаниях используются как полигоны, так и компьютерное моделирование. По мнению издания Warrior, подобные мероприятия рассматриваются в качестве подготовки к угрозам, ожидаемым к середине 2020-х годов и далее. Испытания предназначаются для отражения угроз от современных, в первую очередь российских, ЗРС, а также от систем следующих поколений.

По словам должностных лиц Военно-воздушных сил США, программа JSF (Joint Strike Fighter, унифицированный многоцелевой истребитель) для ВМС, ВВС, МП Соединенных Штатов и ВВС Великобритании стартовала в 2001 году. В то время на вооружении вероятного противника на европейском театре военных действий находились ЗРК SA-10 Grumble (ЗРС С-300ПТ) и SA–20 Gargoyle (ЗРС С-300ПМУ-1). Теперь ситуация, по мнению издания, качественно изменилась. Сейчас американским истребителям угрожают намного более совершенные зенитные ракетные системы российского и китайского производства.

Высший руководящий состав Военно-воздушных сил США утверждает, что российские и китайские зенитные ракетные системы могут быстро перестраивать рабочие частоты и обрабатывать информацию в цифровом виде, что существенно повышает их боевые возможности. Угрозы от подобных ЗРС — весьма «трудная проблема», по словам генералов ВВС США, поскольку эти системы и комплексы обладают весьма значительными по размерам зонами поражения,

простирающимися на сотни миль. Возможности радиолокационных средств российских и китайских ЗРС (локаторов обнаружения, подсвета и наведения) позволяют им обнаруживать и американские истребители, выполненные по технологии стелс, утверждает Warrior. ЗРС С-400 считается лучшей в мире в своем классе, а Россия уже закончили испытания С-500 и занимается проектированием еще более совершенных систем ПВО. В рамках действующей госпрограммы вооружения 2011–2020 Воздушно-космические силы РФ должны были получить 56 дивизионов С-400 и 10 дивизионов новой системы С-500. Программа по С-400 успешно выполняется — на конец 2017 года развернуто 46 дивизионов этой системы, и с учетом имеющихся темпов производства она может быть закрыта уже в следующем году, за год до завершения ГПВ-2020. Производство С-500, однако, только разворачивается, и, скорее всего, первые дивизионы «Прометея» будут переданы не ранее следующего года. Темпы дальнейшего развертывания во многом будут зависеть от результатов эксплуатации первых поставленных систем. При этом уже известно, что первые дивизионы С-500 будут развернуты под Москвой — точно так же, как первые С-400 в 2007–2009 годах и первые С-300ПТ в конце 1970-х[91].

В своем текущем виде С-500 не имеет прямых аналогов: в мире нет другой серийной унифицированной мобильной наземной системы ПВО/ПРО. По ряду параметров он может сравниваться с THAAD, по другим — с Aegis или израильской Arrow. В целом С-500 представляет собой предельное выражение специфического российского опыта развития средств ПВО, который с середины 1940-х годов исходит из постулата возможной войны с противником, обладающим серьезным превосходством в воздухе. Это заставляет относиться к ПВО гораздо внимательнее, создавая «многослойную» систему с многократным резервированием функций и перекрытием зон ответственности для отражения возможного удара. Создание ракетно-ядерного щита отодвинуло непосредственную угрозу войны, но философия развития ПВО не изменилась.

Как сообщает Warrior, дальняя граница зоны поражения ЗРС С-500 по целям, выполненным с учетом технологии «Стелс», составляет 125 миль[92].

По мнению американских экспертов, Военно-воздушным силам США, возможно, придется в гипотетическом конфликте будущего

сражаться с Россией и Китаем. Более того, генералы ВВС США сильно озабочены по поводу необходимости противостоять противнику, который купил технологии ПВО у русских или китайцев.

Разработчики F-35 подчеркивают: несмотря на то что в обозримом будущем нет никакого конкретного конфликта, ожидаемого с какой-либо определенной страной, ВВС США должны быть готовы к любым непредвиденным обстоятельствам. Соответственно, разработчики и эксперты США считают, что лучше сейчас предусмотреть и отработать весь возможный спектр угроз, нежели потом импровизировать уже в ходе развернувшихся боевых действий[93].

По их мнению, в первую очередь необходимо считаться с высокотехнологичными быстро развивающимися угрозами высокого уровня. В этих вопросах, полагают эксперты, одну из главных ролей будет играть моделирование. ВВС США планируют соответствующим образом классифицировать угрозы и оружие, благодаря которому удастся свести все риски к минимуму. Сделать это планируется примерно к 2018 году. Смоделированная среда ведения боевых действий будет создана на авиабазах Лэнгли (штат Вирджиния), где дислоцируются F-22, и Неллис (штат Невада), где развернуты F-35.

Как сообщает Warrior, для того, чтобы идентифицировать средства ПВО противника и уклониться от огня зенитных управляемых ракет, предполагается в полном объеме использовать возможности бортового радиоэлектронного оборудования истребителя F-35. Сюда входят также возможности активной фазированной решетки БРЛС и перспективного комплекта средств РЭБ. Помимо этого, предполагается совершенствование программного обеспечения самолета, которое, по мнению разработчиков, должно идти в ногу с изменяющимися угрозами.

По мнению издания, если F-35 не может в полном объеме применять радиоэлектронные средства для защиты истребителя от вражеских средств ПВО, то в крайнем случае он может использовать свою скорость, маневренность и высокий уровень летной подготовки пилотов, что позволит снизить эффективность огня противника. Как считают разработчики, F-35 обладает такими же скоростными и маневренными возможностями, как F-15 и F-16. Он способен развивать скорость до 1,6 М.

В целом Военно-воздушные силы США планируют купить 1763 истребителя пятого поколения F-35A. К тому времени в боевом составе ВВС США предполагается иметь примерно 2 тыс. реактивных истребителей. То есть практически весь парк истребителей ВВС США будет состоять из F-35. В настоящее время в боеготовом состоянии в ВВС США уже есть 83 F-35.

Пока разработчики США усиленно работают над совершенствованием программного обеспечения самолета. Четвертый этап его модернизации предполагается завершить примерно к 2020 или 2021 году. Первая часть финансирования программного обеспечения (Block IV, примерно $12 млн) была выделена еще в рамках бюджета 2014 года, напоминают должностные лица ВВС США.

Именно этот вариант модернизации (Block IV) в итоге позволит F-35 применять современные системы вооружения, например бомбы малого диаметра (Small Diameter Bomb) и GBU-54 (JDAM). Эти авиационные средства поражения позволят уничтожать объекты противника в движении. Так, системы наведения бомб малого диаметра работают в трех диапазонах: инфракрасном, миллиметровых волн и лазерном. Комбинация этих датчиков позволяет оружию отслеживать и поражать движущиеся цели в любых метеорологических условиях.

Помимо этого, F-35 может оснащаться ракетами класса «воздух-воздух» типа AIM-9 Sidewinder, AIM-132 ASRAAM и AIM-120 AMRAAM. Ракету AIM-9 Sidewinder F-35 впервые применил сравнительно недавно на Тихоокеанском морском испытательном полигоне. Как утверждается в заявлении ВВС США, F-35 взлетел с авиационной базы ВВС Эдвардс (штат Калифорния) и запустил ракету на высоте примерно в 2 тыс. м.

Кроме того, создатели F-35 особенно нахваливают 25-мм четырехствольную скорострельную авиационную пушку GAU-22/A фирмы General Dynamics, специально созданную для истребителя 5-го поколения.

«Количество статей в самых разных изданиях США, в которых F-35 постоянно противопоставляется российским и китайским истребителям, а также средствам ПВО, растет даже не с каждым годом, а с каждым месяцем», — сообщил «Газете.Ru» заместитель директора Центра анализа стратегий и технологий К. Макиенко.

6.10.в). Вооруженные силы страны и Росгвардия

Развитие Вооруженных сил и войск Росгвардии России представляется вполне предсказуемым и запланированным, реализуемым по составленным планам, как минимум, до 2020 года. Очевидно, что идет процесс восстановление боевого потенциала и качества ВС, который развивается крайне неравномерно, но достаточно динамично. Участие ВС, прежде всего ВКС в боевых действиях в Сирии, сказывается положительно как на боевой подготовке военнослужащих, так и на реальных навыках военного руководства. Российские ВС стали «воюющей армией».

---

[1] Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. А. А. Дынкина; ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. — М.: Магистр, 2017. — 352 с.

[2] *Бутрин Д.* Генштаб не верит несекретным прогнозам // Коммерсантъ. 2016. 10 августа. — С. 2.

[3] *Юдаева К.* Вклад в 2018 год: как будет меняться российская экономика / Эл. ресурс: http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/ekonomika/p24611/#ixzz53leAJwYr

[4] Там же.

[5] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г.

[6] *Тойнби А.* Подъем и падение цивилизаций — М.: ООО «Алгоритм», 2016. — С. 98.

[7] См., например, одну из таких попыток: «Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями» / А. И. Подберёзкин (рук. авт.кол. и др.). — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

[8] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] *Бутрин Д.* Генштаб не верит несекретным прогнозам // Коммерсантъ. 2016. 10 августа. — С. 2.

[12] Российские доктрины и стратегии. Досье — Биографии и справки — ТАСС / http://tass.ru/info/3846109

[13] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 292–298.

[14] *Грин Р.* 33 стратегии войны / Р. Грин; [пер. с англ., Е. Я. Мигуновой]. — М.: РИПОЛ, 2016. — С. 33.

[15] Разведка США: преступность, терроризм и новые технологии ближайшего будущего. 07.03.2017 / http://www.narodsobor.ru/events/332-analytics/33615-razvedka-ssha-prestupnost-terrorizm-i-novye-texnologii-blizhajshego-budushhego?format=pdf

[16] http://www.liveinternet.ru/users/4768613/post394471873

[17] *Грин Р.* 33 стратегии войны / Р. Грин; [пер. с англ., Е. Я. Мигуновой]. — М.: РИПОЛ, 2016. — С. 57.

[18] *Русин А.* «На меня нашла напасть окончательно упасть» / Эл. ресурс: «Публицист. ру». 2018.14.01 / https://publizist.ru/blogs/110401/22627/-?utm_source=politobzor.net

[19] *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 15.

[20] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 292–298.

[21] Рождаемость в России снизилась более чем на 11% в 2017 году / Инф. ресурс: «Газета». 2017.03.09 / www.gazeta.ru

[22] Там же.

[23] *Юркевич Б.* Население РФ к 2020 году сократится на 20 миллионов // Независимая газета. 2017. 29 июня.

[24] *Алексашенко С.* Как вымирает Россия: выводы из нового демографического прогноза / Эл. ресурс: РБК, 2015. 29 января / http://www.rbc.ru/opinions/economics/30/01/2015/54c8d2459a7947498564d37

[25] Там же.

[26] Там же.

[27] Разведка США: преступность, терроризм и новые технологии ближайшего будущего. 07.03.2017 / http://www.narodsobor.ru/events/332-analytics/33615-razvedka-ssha-prestupnost-terrorizm-i-novye-texnologii-blizhajshego-budushhego?format=pdf

[28] Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. ак. А. А. Дынкина. — М.: Магистр, 2017. — С. 45.

[29] *Андрианов В. Д.* Эл. ресурс: «Виперсон», 2017. 27 августа.

[30] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 292–298.

[31] *Мануйлова А.* Россияне отходят от кризиса // Коммерсант, 13.12.2017.

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] *Белкин С. Н.* Цивилизационный фокус // Фокус, 2017. Апрель. — С. 3.

[35] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. Т. 1. Роль идеологии в модернизации России. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — С. 3–6; 433–460.

[36] *Коржаков А. В.* Бесы 2.0. А цари-то ненастоящие! — М.: Эксмо, 2017. — С. 13.

[37] Этой глобальной теме посвящены семь книг, объединенных в три тома, изданных в начале десятилетия в МГИМО–Университета. См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

[38] СМИ: Эксперты считают бесполезными для экономики 70% государственных расходов / Эл. ресурс: «РБК». 2017.03.10.

[39] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. — М.: МЭР, 2013.

[40] *Сергеев М.* Поколение Z перевернет рынки потребления и образования // Независимая газета. 27 июня 2017 г.

[41] Там же.

[42] National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February.

[43] *Чеснаков Э.* Стать великой России помогла тактика барсука-медоеда // Комсомольская правда, 2018.15.01.

[44] Федеральный закон РФ «О безопасности» №390-ФЗ от 28 декабря 2010 г. / http://base.consultant.ru

[45] Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности» №390-ФЗ от 28 декабря 2010 г. / http://base.consultant.ru

[46] Федеральный закон РФ «О безопасности» №390-ФЗ от 28 декабря 2010 г. / http://base.consultant.ru

[47] Там же.

[48] *Духанов С.* Кремль молча проглотит очередной раз хамство США / Эл. ресурс: «Политобзор». 2017.02.09 / www.poliobzor.ru

[49] Там же.

[50] Там же.

[51] См. подробнее: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет. — 874 с.

[52] *Алкснис И.* Россия перестала быть доброй / Информационный ресурс «РИА-Новости». 2017.16.08 / www.rian.ru

[53] Там же.

[54] Там же.

[55] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XX1 веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[56] См. подробнее: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет. — 874 с.

[57] См. подробнее: *Харкевич М.В.* Качественные показатели, определяющие характер войн и вооруженных конфликтов на долгосрочный период / В кн.: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 836–842.

[58] *Тучков В.* Обкатка боем: какое оружие отличилось в Сирии, а какое нет? / Эл. ресурс: «Свободная пресса». 2017. 27 августа.

[59] Цит. по: *Савин Л.* Новые способы ведения войны. — СПб., Питер, 2016. — С. 307.

[60] См. например: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. В 2-х томах. — М.: МГИМО–Университет, 2017.

[61] *Хазбиев А.* Приоритетные направления государственной программы вооружений и военно-техническое сотрудничество. Интервью / Эл. ресурс: «ЦАСТ». 2017.28.08.

[62] Там же.

[63] Там же.

[64] Там же.

[65] Там же.

[66] *Коваленко Н., Нечаев А., Мошкин М*. Черноморский флот бессилен противодействовать ВМС США / Взгляд, 21 марта 2018 г. / https://vz.ru/politics/2018/3/21/913580.html https://vz.ru/politics/2018/3/21/913580.html

[67] Там же.

[68] *Хазбиев А.* Приоритетные направления государственной программы вооружений и военно-техническое сотрудничество. Интервью / Эл. ресурс: «ЦАСТ». 2017.28.08.

[69] Там же.

[70] Там же.

[71] Там же.

[72] Там же.

[73] Там же.

[74] *Тучков В.* Обкатка боем: какое оружие отличилось в Сирии, а какое нет? / Эл. ресурс: «Свободная пресса». 2017. 27 августа.

[75] Там же.

[76] Там же.

[77] Там же.

[78] Там же.

[79] *Рябов К.* Статья «Russia's Future Armor Force Could Be in Trouble»: https://thediplomat.com/2017/10/russias-future-armor-force-could-be-in-trouble/

[80] Цит. по: *Савин Л.* Новые способы ведения войны. — Спб., «Питер», 2016. — С. 106.

[81] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[82] *Линдер И.* Я. Серебрянский. М.: 2011.

[83] *Копилков В.* Интегральный бизнес анализ / http://supervisionservice.edicypages.com/ metod/prognoz

[84] *Николайчук И. А.* О сущности гибридной войны в контексте современной. — С. 86 / https://riss.ru/images/pdf/journal/2016/3/08.pdf

[85] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[86] *Линдер И.* Я. Серебрянский. — М. 2011.

[87] *Николайчук И. А.* О сущности гибридной войны в контексте современной. — С. 98 / https://riss.ru/images/pdf/journal/2016/3/08.pdf

[88] Там же.

[89] Разведка США: преступность, терроризм и новые технологии ближайшего будущего. 07.03.2017 / http://www.narodsobor.ru/events/332-analytics/33615-razvedka-ssha-prestupnost-terrorizm-i-novye-texnologii-blizhajshego-budushhego?format=pdf

[90] *Ходаренок М*. ВВС США моделируют удары F–35 против ПВО России. — «Газета.Ру», 09.07.2017.

[91] Противоракетный «Прометей» / Эл. СМИ «Евразийская оборона», 21.03.2018 г

[92] *Ходаренок М*. ВВС США моделируют удары F–35 против ПВО России. — «Газета.Ру», 09.07.2017.

[93] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

Глава 7
«Сценарий №2» («Инновационный») развития России до 2025 года

Пусть другие теряют головы: ваше хладнокровие и присутствие духа помогут не поддаваться их влиянию и не отступать от намеченной цели[1]

Р. Грин,
военный теоретик

Для сохранения суверенитета и национальной идентичности России в условиях резкого ухудшения ВПО до 2025 года исключительно важное значение имеет повышение темпов развития экономики и уровня технологического развития России, вкупе с количеством и качеством НЧК уже в краткосрочной перспективе 2018–2020 годов[2]. Это вполне осознается в правящей российской элите, что подтверждает прогноз МЭРа, сделанный еще в 2013 году, нацеленный на инновационное развитие страны до 2030 года. В нем, в частности, предлагались три варианта такого «инновационного» сценария, показатели которых существенно отличаются друг от друга. Так, Инновационный сценарий развития опирался на использование конкурентных преимуществ российской экономики не только в традиционных секторах (энергетика, транспорт, аграрный сектор), но и в новых наукоемких секторах и «экономике знаний» и масштабное изменение структуры российского экспорта.

В. В. Путин, понимая необходимость резкого ускорения темпов развития, вновь заговорил о «рывке» в ходе своей избирательной кампании 2018 года, но без конкретики и обязательств. В ближайшие шесть лет **нужно обеспечить «такой рывок в развитии страны, придать**

такую динамику», чтобы «Россия продолжала идти вперед, даже если в жизни страны наступят какие-то сбои, какие-то сложности, какие-то непредвиденные обстоятельства»[3], заявил во вторник 30 января 2018 года баллотирующийся на четвертый президентский срок Владимир Путин на встрече со своими доверенными лицами. По его словам, так он видит свою сверхзадачу и как действующего президента, и как кандидата в президенты. Эта сверхзадача стоит и перед всем народом России, добавил Путин, отвечая на вопрос одного из участников встречи о пунктах его кандидатской программы, которую доверенным лицам предстоит донести до избирателей.

По словам президента, рывок России планируется обеспечить в здравоохранении, образовании, науке, высоких технологиях и инфраструктуре. «Нам нужно понимать, что без современного здравоохранения, образования, инфраструктуры, без современной науки, технологий, робототехники, без генетики, биологии нам просто невозможно будет сохраниться», — добавил он. В то же время все, что будет мешать движению вперед в этих направлениях, нужно устранить, призвал Путин: «Как бы нам ни хотелось цепляться за что-то, что нам кажется дорогим и близким, все, что мешает идти вперед, — все должно быть зачищено, отброшено». Это должен осознать каждый, подчеркнул президент: «Нам для самосохранения, для обеспечения будущего страны, будущих наших граждан, будущих поколений нужно решить эту сверхзадачу»[4].

Правда, конкретных путей достижения поставленной цели Путин не обозначил. «Это сверхзадача. А конкретизировать в беседе с конкретными людьми — это вы сделаете не хуже, а лучше меня», — сказал он своим доверенным лицам.

Собеседники «Ведомостей» в избирательном штабе Путина ожидали, что на встрече с доверенными лицами президент обнародует хотя бы некоторые пункты своей предвыборной программы. Ранее, в декабре, такие же ожидания были от большой пресс-конференции Путина, но и там он отказался представлять свою программу, посчитав место для этого неподходящим. Отдельные тезисы предвыборной программы могут прозвучать в послании президента Федеральному собранию — в этом документе традиционно говорится о будущем, поясняет близкий к Кремлю собеседник «Ведомостей». Послание, с которым Путин во-

преки традиции так и не выступил в течение 2017 г., может быть оглашено в феврале 2018 г., знает собеседник. Когда Путин может представить программу полностью, он не уточнил.

Отказ президента от презентации конкретных пунктов программы на текущий момент кампании может объясняться множеством причин, отмечает политолог А. Колядин. Одна из возможных причин — отсутствие необходимости повышать рейтинг данного кандидата с помощью программы, в которой он «должен поразить всех глубоким знанием темы — внедренностью в экономику, социальную политику, культуру страны», привел пример эксперт. Рейтинги Путина достаточно высокие, и все понимают, что он разбирается и в экономике, и в политике, и в социальной сфере, и в других вопросах, отмечает Колядин: «Поэтому мобилизационная часть кампании вообще может упускать такую часть, как презентация программы кандидата, исходя из того что она совершенно лишняя»[5].

У В. Путина, как видно из соцопросов (рис. 7.1), огромная (но не абсолютная) поддержка в России. Однако, мы знаем, что нередко такая поддержка быстро испаряется и ей на смену приходит неудовлетворение и даже ненависть. В августе 1914 года в России была абсолютная поддержка режима, а уже к концу 1916 года — она полностью исчезла.



Рис. 7.1.

Выборы В.В. Путина означают, что ему будет снова дан аванс, который может быть бесславно израсходован, либо использован максимально эффективно. «Экономический рывок» — на самом деле отнюдь не только и даже не столько экономический, сколько попытка «вывести Россию на иную орбиту» мирового сообщества, которая сегодня определяется в нем уровнем развития НЧК и технологий[6]. Что же касается идеи об экономическом рывке, то такие предложения могут быть связаны не только с позитивными реформами, которые можно прорекламировать в ходе избирательной кампании, но и другими направлениями социально-экономического развития. «Такие рывки могут быть связаны и со сложными реформами, которые не всегда презентуешь во время кампании». Речь может идти и о пенсионной реформе, о налоговых изменениях, приводит примеры Колядин: «Такие реформы делать непросто. Все такие вещи, наверное, нужно выпускать после того, как кампания пройдет».

7.1. Инновационная парадигма

На протяжении большей части истории человек производил товары преимущественно либо ради собственного потребления, либо с религиозными целями, либо для войны[7]

Т. Алексеева,
профессор МГИМО

Инновационная политика рассматривается, как правило, в качестве набора взаимосвязанных средств и приемов, обеспечивающих более эффективное производство товаров и услуг. За скобками, однако, остается главный вопрос, который всё чаще стал возникать в XXI веке, — ради каких целей создаются эти товары и услуги, увеличивается объем ВВП, расходуются природные ресурсы? Где границы потребления и потребностей?

Традиционный подход к политике инноваций и технологического развития выглядит следующим образом (рис. 7.2) (хотя и его целевое предназначение может быть оправдано только военно-техническим соперничеством).



Рис. 7.2. Ключевые отрасли промышленности

Считается, что жизненный цикл инновационного продукта состоит из четырех фаз:

— На первой фазе проводятся **исследования и разработки** по созданию нововведения-продукта. Заканчивается фаза передачей отработанной технической документации в производство.
— На второй фазе осуществляется **технологическое освоение** масштабного производства новой продукции. При этом объемы производства должны выйти на уровень, обеспечивающий безубыточность работы.
— Особенностью третьей фазы является **стабилизация объемов** производимой продукции.
— На четвертой фазе происходит постепенное **снижение объемов** производства.

При этом жизненный цикл инновационной технологии производства также складывается из четырех фаз.

— Первая связана с зарождением нововведений-процессов в недрах предыдущего технологического уклада. Интенсивно проводятся НИР технологического профиля по нововведениям-продуктам.

— На второй фазе преследуются цели **освоения** нововведений-процессов.
— На третьей фазе новая технология производства **распространяется и тиражируется** с многократным повторением на других объектах.
— Четвертая фаза включает **освоение** нововведений-процессов в стабильных, постоянно функционирующих элементах объектов.

Подобный подход в целом объясняет существо инновационного процесса и инновационной деятельности, а также особенности организации инновационных процессов. Инновационный процесс, обобщает результаты инновационной деятельности, и содержит четыре основных этапа, объединенных в цикл **«исследования — разработки — производство»**[8].

Непосредственно инновационный процесс начинается с этапа проведения поисковых НИР, которые реализуют результаты фундаментальных теоретических исследований (ФТИ). Все поисковые НИР проводятся в академических учреждениях и в крупных научно-технических организациях промышленности персоналом высокой научной квалификации. Основными источниками финансирования поисковых НИР являются средства государственного бюджета, выделяемые на безвозвратной основе.

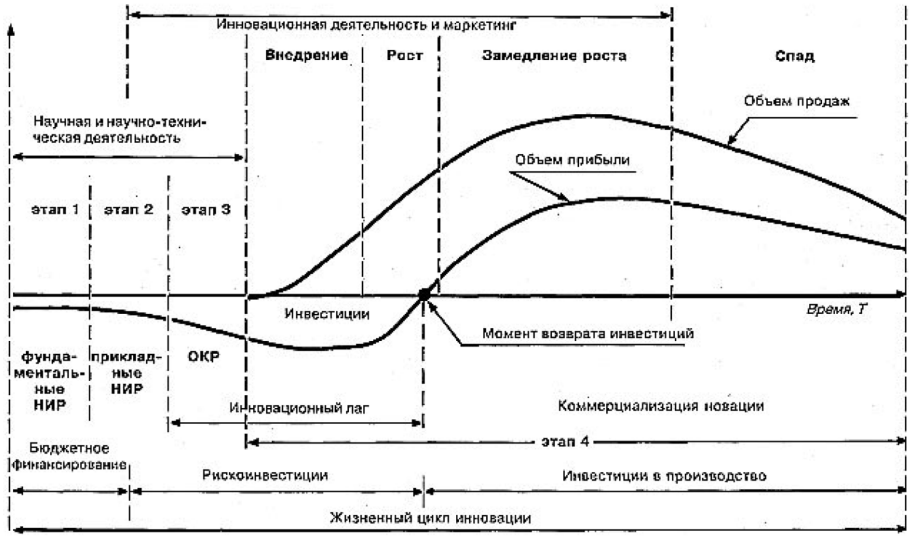


Рис. 7.3[9]. Жизненный цикл инноваций

На втором этапе инновационного процесса выполняются **прикладные НИР**. Для потенциальных инвесторов финансирование прикладных НИР связано с наличием экономического риска, что обусловлено высокой вероятностью получения отрицательных результатов. Поэтому инвестиции на эти цели принято называть **рискоинвестициями**. Проведением прикладных НИР занимаются научно-технические организации промышленности и кафедры вузов по различным направлениям тематики исследований и разработок.

На третьем этапе инновационного процесса выполняются **ОКР**. Из анализа тенденций в распределении затрат по укрупненным стадиям ОКР можно сделать вывод об экономической целесообразности их финансирования не на весь цикл работ по этапу, а раздельно по наиболее существенным результатам.

На четвертом этапе осуществляется **процесс коммерциализации** нововведения-продукта от запуска в производство до выхода на рынок в качестве товара. При запуске в производство требуются крупные инвестиции в реконструкцию производственных мощностей, затраты на подготовку персонала, рекламную деятельность и т.д. На этом этапе инновационного процесса реакция рынка на новый товар еще неизвестна и инвестиции продолжают носить рисковый характер.

Затраты на **масштабное освоение** технологии производства новой продукции превышают инвестиции в НИОКР в 4, 6, 8, 10 раз в зависимости от проектируемого типа производства (мелкосерийное, среднесерийное, крупносерийное или массовое).

Потенциальный инвестор НИОКР должен знать степень риска, которая зависит в значительной мере от фактической результативности работы научно-технических организаций. Известно, что фактическая результативность работы научно-технических организаций в среднем по стране определяется средним коэффициентом результативности $\mathbf{r = 0{,}4}$[10].

Расчет результативности проводится по данным годовых балансов о рискоинвестициях в НИОКР, отчетным калькуляциям о затратах по темам, а также по переходящим (незавершенным) работам на начало и конец анализируемого периода времени. Этот период целесообразно устанавливать продолжительностью **в 4–6 лет**, что объективно обу-

словлено практикой списания произведенных затрат на НИОКР только после их окончания.

Фактическая результативность научно-технической деятельности конкретной организации определяется по формуле[11]:

$$r = \frac{\sum_{i}^{N} R_i}{\sum_{i}^{N} Q_i - (H_2 - H_1)}$$

где:

r — коэффициент фактической результативности научно-технической деятельности организации;

R — суммарные затраты по законченным работам, принятым (рекомендованным) для освоения в серийном производстве;

H_1 — затраты по переходящим (незавершенным) работам на начало анализируемого периода времени;

H_2 — затраты по переходящим (незавершенным) работам на конец анализируемого периода времени;

N — число лет анализируемого периода времени;

Q_i — рискоинвестиции за i-й год.

В ЦНИИ приборостроения планировалось выполнить в течение 4-х лет пять ОКР. Из них успешно завершены в намеченные сроки только три ОКР с фактическими затратами по теме «А» — 7340 тыс. руб., по теме «В» — 8360 тыс. руб. и по теме «С» — 8410 тыс. руб. По двум другим темам сроки выполнения были перенесены на более поздний период времени. Таким образом, получилось, что R = 24 150 тыс. руб.

Объемы рискоинвестиций составили в первый год четырехлетнего периода 10 620 тыс. руб., во второй — 11 100 тыс. руб., в третий — 11 320 тыс. руб. и в четвертый — 11 510 тыс. руб. Итоговое значение рискоинвестиций за 4 года составило сумму 44 550 тыс. руб.

К 2018 году стало окончательно ясно, что достигнуть прогнозируемых результатов к 2020 году не удастся. Тем более не удастся достичь прогнозных результатов к 2030 году потому, что период 2010–2017 годов оказался полностью «провальным». Примечательно в этой связи даже не то, что в основу развития были положены абстрактные принципы «инновации» (чего стоит одно лишь утверждение об «определении специали-

зации России на рынках высокотехнологической продукции»), которые имели очень отдаленное отношение к реальности и не были выполнены, а социальные результаты развития России в 2013–2017 годы, требующие объяснения. Так, в декабре 2017 года ВЦИОМ был проведен опрос, давший неожиданные результаты развития России в условиях стагнации и кризиса. Индексы социальных оценок относительно личной жизни и ситуации в стране выросли, большинство россиян довольны жизнью и положительно оценивают положение в стране. Об этом свидетельствуют данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), опубликованные во вторник на сайте организации[12].

«Индекс социальных оценок относительно личной жизни по данным телефонного опроса в конце года составил 69 п. — против 46 п. в декабре 2016 года и 36 п. в декабре 2015 года, — говорится в сообщении. — Индекс социальных оценок относительно ситуации в стране, в конце 2015 года опустившийся в область отрицательных значений (–5 п.), в 2016 году поправил позиции (14 п. в декабре). В 2017 году он ушел в рост, достигнув 51 п. в ноябре и остановившись на 50 п. в декабре». Таким образом, оценки ситуации в личной жизни и в стране в целом в 2017 году превысили кризисные показатели. Большинство россиян оказались довольны своей жизнью — очень хорошей/хорошей/скорее хорошей жизненную ситуацию назвали 83% опрошенных. Что касается положения в стране, почти три четверти (73%) респондентов охарактеризовали его положительно или нейтрально.

Другими словами, не смотря ни кризис и снижение уровня жизни, — большинство граждан стало более позитивно настроено к состоянию и перспективам развития России, что, естественно, нельзя объяснить простой подтасовкой. Скорее всего сработала позитивная динамика последних месяцев 2017 года и снижение инфляции, а также результаты внешней и военной политики, которые в России всегда рассматривались населением как влиятельный фактор развития страны. Особенно на фоне провальной политики Горбачева-Ельцина последних десятилетий[13].

Положительную динамику показал и индекс социальных ожиданий: если в декабре 2016 года он составил — 41 п., то к концу 2017 года он вырос до — 23 п. Около трети (37%) опрошенных все еще считают,

что худшие времена ждут нас впереди, почти столько же (34%) полагают, что они уже позади. При этом, 20% опрошенных сказали, что самые большие сложности мы переживаем именно сейчас. «Текущие оценки позволяют с уверенностью говорить, что **ситуация в целом выправлена — люди чувствуют себя вполне комфортно и считают, что в стране все складывается так, как нужно**. Но кое-кто и сегодня находится под влиянием инерции, думая, что нужно быть готовым к худшему сценарию — на всякий случай»[14], — прокомментировал результаты исследования руководитель департамента исследований ВЦИОМ С. Львов.

Индексы рассчитываются как разница положительных и средних оценок и отрицательных оценок. Значения индексов могут колебаться в диапазоне от –100 до 100 пунктов. Чем выше значения индекса — тем более оптимистично настроены респонденты. Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 25–27 декабря 2017 года, объем выборки 1800 человек, максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает 2,5%.

Политика «инновации» походила скорее на набор наукообразных пожеланий, взятых из учебников по макроэкономике. В этой связи це-

	варианты	2010	2020	2030
Доля России в мировом ВВП, %	1 2 3	3,8	3,8 4,0 4,6	3,6 4,3 5,3
ВВП по ППС на душу населения, тыс.долл. США	1 2 3	20	28 30 33	38 44 52
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата на одного работника, долл. США	1 2 3	690	1391 1476 2014	2524 3118 4639
ВВП, % (2007=100)	1 2 3	101	145 153 176	190 223 281
Инвестиции, % (2007 г.=100)	1 2 3	98	180 196 281	265 325 481
Отношение производительности труда по ВВП на занятого в России к США соответствующих лет, %	1 2 3	40	53 56 63	64 75 90
Энергоемкость, % (2007 г.=100)	1 2 3	98	79 75 65	66 57 46

Рис. 7.4. Сравнение основных макроэкономических параметров

лесообразно привести эти направления «инновационного» развития целиком[15]: рис. 7.4.

— создание сети конкурентоспособных инновационных кластеров, новых региональных центров экономического развития в Поволжье, на Дальнем Востоке и Юге России, преодоление отставания депрессивных регионов;
— развитие многовекторной модели интеграции в мировой рынок, опирающейся на расширение внешнеэкономических связей с США, Евросоюзом, Китаем, Индией, и формирование новых более глубоких форм интеграции в рамках Евразийского союза и СНГ;
— дальнейшую диверсификацию российской экономики и российского экспорта. Определится специализация России на рынках высокотехнологичной продукции — авиационной и космической техники, судостроительной продукции, ядерных технологий, создания программного обеспечения, космических запусков, услуг космической связи, навигации и геоинформационного обеспечения. Экспорт машиностроительной продукции в долларовом выражении увеличится к 2020 году по отношению к 2010 году в 2,1 раза;
— ускоренное развитие экономических институтов, определяющих защиту прав собственности, усиление конкурентности рынков, снижение инвестиционных рисков и административных барьеров, развитие новых компаний и активизацию предпринимательской составляющей российского бизнеса, повышение качества государственных услуг и эффективности государственного управления при усилении его стратегической программной составляющей.

При этом общие приоритеты были указаны верно, но с той оговоркой, что в последующие годы делалось ровно все наоборот. Так, частные и государственные расходы на здравоохранение прогнозировались возрастать с 4,6% ВВП в 2010 году до 6,1% ВВП в 2020 году и до 7,1% ВВП в 2030 году, расходы на образование, соответственно, до 6,0 и 6,5% ВВП (в 2010 году — 5,2% ВВП). Расходы на науку возрастают с 1,2% ВВП в 2010 году до 2,5% ВВП в 2030 году, что сопоставимо с параметрами развитых стран. При этом предполагается существенное повышение параметров эффективности экономики: энергоемкость ВВП по отношению к 2010 году снизится в 2020 году на 23%, в 2030 году — на

41%, производительность труда возрастет в 2020 году в 1,5 раза по отношению к 2010 году и в 2030 год, соответственно, в 2,3 раза.

Считалось (и не без оснований), что при указанных предпосылках российская экономика будет развиваться быстрее мировой, и ее доля повысится с 3,8% в 2010 году до 4% в 2020 году и до 4,3% мирового ВВП к 2030 году. По размеру экономики Россия переместится с 6-го места в 2011 году на 5-ое место в 2014 году, обогнав Германию[16]. Сценарий предполагает сохранение нулевого баланса текущего счета, который достигается за счет существенного наращивания экспорта высокой степени переработки. При этом преобладает тенденция к умеренному ослаблению курса рубля[17].

Важное предположение заключалось в том, что реализация инновационного сценария позволило бы значительно сократить разрыв с развитыми странами по уровню благосостояния российских граждан и повысить статус России в мировой экономике. Уровень доходов на душу населения (ВВП на душу населения с учетом раунда сопоставлений покупательной способности 2008 года) должен был возрастить с 57% от уровня Еврозоны до 75–77% в 2020 году и 95–100% в 2030 году. Россия укрепит свои позиции как одного из лидеров научно-технологического и образовательного развития в мире[18].

Рост экономики будет опираться на активные социальные сдвиги. Доля среднего класса повысится с 22% в 2010 году до 37% в 2020 и 48% в 2030 году).

Внутриполитическая стабильность и доверие к правящей элите к 2018 году подверглись значительной эрозии именно из-за социально-экономических проблем, ставших иллюстрацией инфляционно-стагнационного периода развития предыдущих лет. Поэтому, выбирая стратегию инновационного развития среди всех прочих стратегий национальной безопасности, следует иметь в виду важное обстоятельство: эта стратегия «обречена на успех» даже при самых неблагоприятных внешних и внутренних обстоятельствах, которые могут сопутствовать ее реализации, если в её основе ставятся такие приоритетные задачи как развитие НЧК или экономики, а не абстракции макроэкономической стабильности, основанные на стагнации мысли и экономики. Этот успех будет выражаться в укреплении внутриполитической стабильно-

сти в стране, которая в 2007–2017 годы превратилась в главный объект агрессии со стороны западной ЛЧЦ.

Инновационный сценарий развития России, реализуемый в любом из его вариантов (некоторые из которых будут описаны ниже), обеспечивает для нации и страны главное — импульс опережающего качественного развития, а не количественного роста или — еще хуже — стагнации. Даже при неэффективном расходовании национальных ресурсов инвестиции в человеческий капитал, экономику знаний и развитие институтов общества дадут положительный эффект.

Но инновационный сценарий развития это не только переоценка приоритетов бюджета или инвестирования. Это — выбор приоритетов при принятии любого политического или административного решения в пользу развития человеческого капитала, прежде всего, его качественных составляющих. Даже, например, если речь идет об обороне, военных расходах или мобилизационных мероприятиях, всегда на первом плане должен находиться этот приоритет. И не только с точки зрения НИОКР, но и с точки зрения качества ВС, эффективности управления[19].

Вместе с тем, применительно к современным российским реалиям, этот Сценарий может быть назван достаточно условно «инновационным» потому, что он основывается не на качественных изменениях в развитии экономики и социальной жизни общества, а на неких «инновациях», не вполне осознанных, воспринятых и реализуемых, но достаточно признанных, даже на официальном уровне финансово-экономическими властями России во втором десятилетии XXI века. Это может обеспечить России вполне среднемировой экономический рост.

Более того, при благоприятных условиях рост ВВП и качество экономики могут изменяться даже быстрее, чем в среднем в мире. Так, согласно докладу Российской академии наук (РАН), Россию в период с 2017 по 2035 годы лаже ждет период бурного экономического роста. Как отмечается в докладе, среднегодовые темпы роста экономики составят 3,7%, а в пиковые годы в период с 2021 по 2025 годы он будет достигать 5% ВВП в год. Отмечается также, что к 2035 году в структуре ВВП значительно увеличится доля высокотехнологичных производств. Как отметил один из авторов доклада, заведующий лабораторий анализа и прогнозирования производственного потенциала и межотраслевых

взаимодействий РАН А. Широв, опережающий мировые темпы экономический рост России обеспечит восстановление экономики после кризиса и увеличение доли инвестиций в ВВП до 25%[20].

При этом прогнозы Минэкономразвития о росте экономики России в ближайшие годы выглядят обнадеживающими, но не столь радостными. Согласно прогнозам Минэкономразвития, например, рост экономики РФ в 2018 году составит 2,1%, в 2019 и 2020 годах — 2,2% и 2,3% соответственно. При этом инфляция зафиксируется в пределах 4% на весь прогнозный период[21].

7.2. Военно-технологические перспективы

Военно-технологические перспективы развития России изложены в ГОЗ 2018–2027 гг., однако они могут быть существенно скорректированы развитием ВПО в мире и особенно в Европе, которое может оказаться:

— быстрее и негативнее с точки зрения эскалации, чем планируется в России, в частности, переходу к прямому военному противоборстве на европейском и среднеазиатском ТВД уже до 2025 (и даже до 2021) года;
— агрессивнее и масштабнее ожидаемого негативного развития событий в отношениях между Россией и США, которые будут подталкивать партнеров по коалиции к военному противоборству с нашей страной.

Как Стратегия национальной безопасности Б. Обамы[22], так и ее новый вариант, утвержденный в декабре 2017 года Д. Трампом[23], делают ставку на то, что «силовые принуждение» России будет обеспечено прежде всего с помощью военно-технического превосходства. При этом новый вариант выдвигает противоборство с Россией и Китаем на первое место по сравнению, например, с борьбой с международным терроризмом, а комментарии, которые последовали в конце 2017 и начале 2018 года, дают ясно понять, что Россия становится приоритетным врагом №1 не только для Вашингтона, но и для целого ряда его союзников.

Именно союзников по военно-политической коалиции в Европе и на других ТВД США хотят использовать прежде всего в качестве «первого эшелона» военно-силового противоборства, пытаясь повторить удачную для них схему войны, использованную в 1914–1918 и 1941–1944 годах, когда прямое участие США в военном конфликте откладывалось до тех пор пока противоборствующие стороны себя окончательно не измотают. Затем — массированное вступление в войну всей мощи США и… получение всех основных (и не пропорциональных, как в честном бизнесе) политических и экономических дивидендов, среди которых главный приз — американская модель политического и экономического мироустройства.

Осознавая эти намерения, в России уже с начала второго десятилетия XXI века предпринимаются определенные усилия в военно-технологических областях самого разного характера.

В современной России технологическое прогнозирование и планирование продолжает оставаться важнейшей государственной задачей. В Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года в качестве одной из основных мер по модернизации экономики на основе технологических инноваций указывается формирование системы технологического прогнозирования развития страны на долгосрочную перспективу и механизмов определения приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Российской Федерации, включая[24]:

— создание системы (институциональных и организационных механизмов) технологического прогнозирования, включая использование методологии foresight;
— разработку на постоянной основе долгосрочного прогноза мирового научно-технического развития;
— формирование механизмов предоставления — на основе долгосрочного технологического прогноза — рекомендаций реальному сектору экономики (частному предпринимательству) по корректировке бизнес-стратегий, а также ответственности государства (в том числе финансовой) за недостоверность прогноза;
— определение долгосрочной государственной политики в области технического регулирования (гармонизации на международном уровне технических регламентов и стандартов);

— формирование методологии, нормативных правовых основ и механизмов установления и регулярного уточнения приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Российской Федерации, Перечня критических технологий Российской Федерации и приоритетов технологического развития, обеспечение их «информационной прозрачности» для общества в целом и предпринимательского сообщества в частности;
— разработку механизмов использования результатов технологического прогнозирования и утвержденных приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Российской Федерации и приоритетов технологического развития при формировании и совершенствовании соответствующих федеральных и ведомственных целевых программ технологического профиля;
— совершенствование системы целевых показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти, имея в виду, в частности, формирование показателей, характеризующих инновационные аспекты развития соответствующих отраслей[25].

В целях реализации планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и модернизации ОПК Правительству Российской Федерации поручено создание качественно новой системы анализа и стратегического планирования в области противодействия угрозам национальной безопасности на период от 30 до 50 лет в интересах формирования государственных программ вооружения. На Правительство Российской Федерации также возложено обеспечение динамичного развития прорывных высокорисковых исследований и разработок, фундаментальной науки и реализация прикладных исследовательских программ в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства, в том числе с участием Российской академии наук, государственных научных центров и ведущих университетов.

Основные элементы НТЗ для перспективных образцов ВВСТ создаются в рамках программы развития базовых военных технологий (далее — десятый раздел ГПВ), методология формирования, сопровождения и реализации которой постоянно совершенствуется и адаптируется

в соответствии с тенденциями развития науки и технологий, изменением системы заказов и принципов функционирования оборонно-промышленного комплекса и др.

К основным задачам десятого раздела ГПВ относятся:

— разработка новых принципов создания вооружения и технологий, материалов с принципиально новыми свойствами, новых химических соединений, методов анализа, синтеза и моделирования;
— поиск и реализация нетрадиционных способов и средств решения существующих и перспективных военных задач;
— создание, испытание, оценка эффективности и демонстрация экспериментальных (макетных) образцов перспективного вооружения по всему спектру критических военных технологий;
— создание конструкций на основе новых материалов, высокоэнергетических составов, типовых технических решений, узлов, агрегатов и модулей для принципиально новых образцов ВВСТ;
— создание экспериментальных и опытных образцов нетрадиционного вооружения, проведение их демонстрационных испытаний.

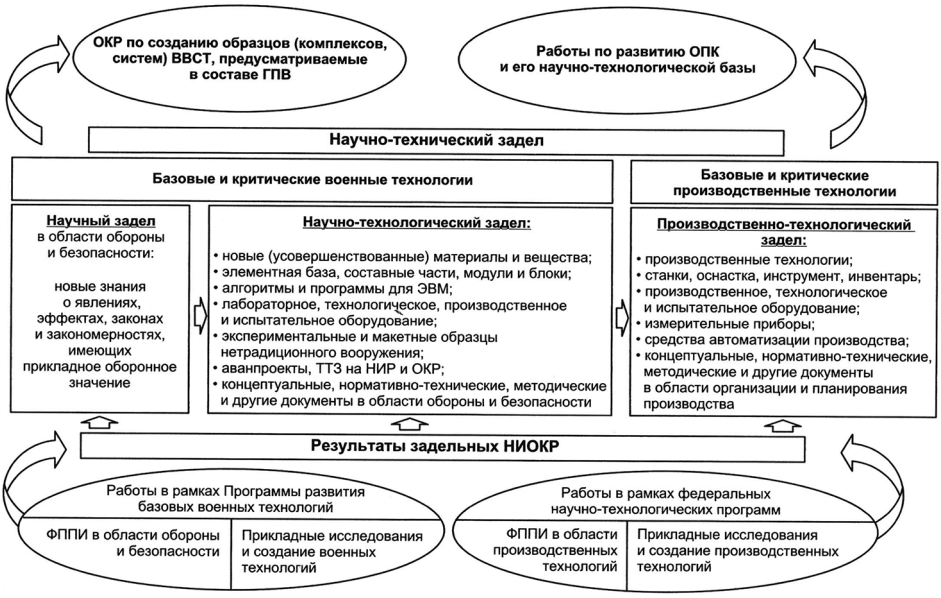


Рис. 7.5[26]. Схема создания научно-технического задела в интересах обороны и безопасности России

В десятом разделе ГПВ предусмотрено проведение фундаментальных, прогнозных и поисковых исследований в интересах обороны и безопасности, а также осуществление прикладных исследований и технологических разработок в обеспечение создания образцов нетрадиционного и принципиально нового вооружения»[27].

Развитию высокотехнологичных отраслей промышленности посвящены так называемые дорожные карты. В частности, Минпромторг России разработал ряд дорожных карт, необходимых для развития оборонных технологий. Они были утверждены Правительством/Российской Федерации в июле 2013 г. Рассмотрим некоторые из них[28].

1. План мероприятий («дорожная карта») «Развитие отрасли производства композитных материалов». Важность развития этой отрасли определяется тем, что композитные материалы являются одними из наиболее эффективных и технологичных современных материалов. Они представляют собой многокомпонентные материалы, состоящие из полимерной, керамической, металлической, углеродной или другой основы, армированной наполнителями. Композитные материалы предназначены для применения в различных отраслях экономики, но особое значение они имеют для ОПК, в частности для создания современной авиационной техники. Реализация мероприятий, предусмотренных дорожной картой, позволит достигнуть устанавливаемых этим документом контрольных показателей (на 2016 г. и 2020 г.), отражающих, в числе прочего, объемы производства, потребления, экспорта композитных материалов и изделий из них, а также сформировать необходимую для развития отрасли нормативную базу. Реализуемые в рамках дорожной карты меры государственного регулирования должны создать необходимые условия для формирования и развития современной отрасли композитных материалов, способной конкурировать на внутреннем и мировом рынках.

2. План мероприятий («дорожная карта») «Развитие оптоэлектронных технологий (фотоники)» включает в себя мероприятия по развитию исследований и разработок, системы подготовки кадров, производственного потенциала, а также совершенствованию государственного регулирования и координации деятельности органов власти и организаций. В последнее время оптоэлектронные технологии (фотоника) стали одним из важных направлений развития инновационной экономики

в развитых странах. По оценкам Европейской комиссии, в 2015 г. мировой рынок фотоники составит около 500 млрд долларов США.

3. План мероприятий («дорожная карта») в области инжиниринга и промышленного дизайна. Реализация плана позволит разработать и внедрить стандарты, нормативы и правила в области инжиниринга и промышленного дизайна, разработать комплекс инструментов господдержки, в том числе для реализации перспективных проектов инжиниринговых компаний, а также внедрить комплексные инструменты стимулирования модернизации экономики и промышленности в Российской Федерации.

4. В декабре 2013 г. Правительством Российской Федерации утверждена разработанная Минкомсвязью России новая редакция Плана мероприятий («дорожной карты») «Развитие отрасли информационных технологий». План мероприятий направлен на реализацию задач, поставленных Стратегией развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года. План включает мероприятия по проведению комплекса исследований в целях создания отечественных технологий вычислений в облачной и суперкомпьютерной среде и технологий для развития российских суперкомпьютеров, а также использование инфраструктуры и операционных возможностей инновационного центра «Сколково»[29].

5. В июле 2013 г. утвержден Правительством Российской Федерации разработанный Минэкономразвития России План мероприятий («дорожная карта») «Развитие биотехнологий и генной инженерии». Дорожная карта концептуально увязана с Комплексной программой развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной Председателем Правительства Российской Федерации 24 апреля 2012 г., и включает в себя мероприятия в области промышленной биотехнологии, биоэнергетики и генной инженерии, которые направлены, в частности, на создание производственно-технологической базы для формирования новых отраслей промышленности.

В настоящее время в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О долгосрочной государственной экономической политике» решается задача создания системы технологического прогнозирования Российской Федерации.

В систему технологического прогнозирования вовлечены ключевые министерства (в том числе Минпромторг, Минобрнауки, Минэкономразвития, Минтранс, Минкомсвязь, Минприроды, Минэнерго, Минздрав) и ведомства, институты развития, фонды поддержки научно-технической и инновационной деятельности, технологические платформы, инновационные территориальные кластеры, крупные российские компании, отраслевые центры научно-технологического прогнозирования, ведущие вузы и научные организации. Функционирование системы обеспечивает Межведомственная комиссия по технологическому прогнозированию президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России. Основными функциями Межведомственной комиссии являются методическое, организационное, экспертно-аналитическое, информационное сопровождение формирования и функционирования системы технологического прогнозирования[30].

В январе 2014 г. Председателем Правительства утвержден Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, формирующий единую платформу для разработки долгосрочных стратегий, целевых программ, прогнозных и плановых документов среднесрочного характера. Долгосрочный прогноз сформирован в разрезе приоритетных направлений развития науки, технологий и техники, обеспечивающих, в частности, реализацию задач обеспечения обороны и безопасности государства: информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, создание новых материалов, нанотехнологии и космические системы. По каждому из указанных направлений выделены глобальные вызовы, угрозы и «окна возможностей» для России; определены инновационные рынки и перспективные области спроса на отечественные инновационные технологии и разработки, а также дана оценка их уровня в сравнении с мировыми лидерами.

Проект по формированию долгосрочного прогноза стартовал в 2011 г. В работе были использованы данные опросов более 2000 экспертов из 15 стран, включая представителей научных центров, вузов, бизнеса, технологических платформ, инновационных территориальных кластеров. Были проанализированы более 200 зарубежных и российских форсайт-проектов, использованы данные специализирован-

ных статистических, библиометрических и патентных исследований. В ходе выполнения проекта сформирована сеть отраслевых центров научно-технологического прогнозирования, охватывающая более 200 научных организаций, вузов и компаний из 40 регионов России[31].

Некоторые российские форсайт-проекты в области науки, технологий и инноваций, осуществленные за период с 1998 г., представлены на следующем рисунке (рис. 7.6).[32]

В мае 2013 г. Правительство Российской Федерации утвердило федеральную целевую программу «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы», имеющую важное значение для развития отечественного ОПК. Основной целью ФЦП является формирование конкурентоспособного и эффективно функционирующего сектора исследований и разработок в области прикладных исследований.

Программа на 2014–2020 гг. преемственна по отношению к ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития

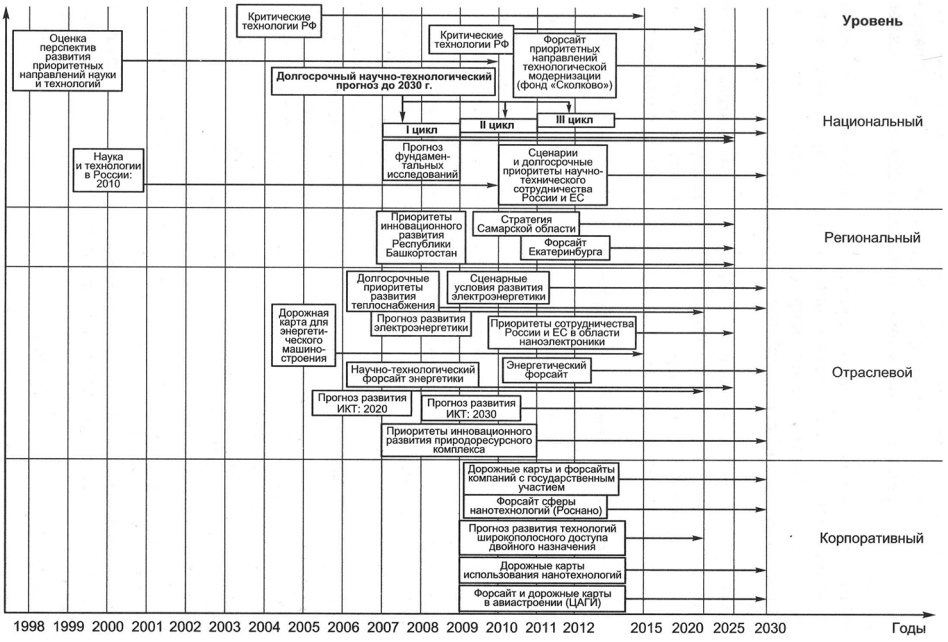


Рис. 7.6[32]. Российские форсайт-проекты в области науки, технологий и инноваций

научно-технологического комплекса России на 2007–2013 годы». Кроме того, она является программно-целевым инструментом реализации государственной программы «Развитие науки и технологий», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2012 г. №2433-р.

Реализация программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы» будет осуществляться в два этапа.

Основная цель 1-го этапа ФЦП (2014–2017 гг.) — закладка основ стратегического развития сектора исследований и разработок в области прикладных исследований[33].

Основной целью 2-го этапа ФЦП (2018–2020 гг.) является формирование сбалансированного и устойчиво развивающегося сектора исследований и разработок в области прикладных исследований.

7.3. Вариант №0 («Базовый инновационный вариант») инерционного развития России до 2025 года

Чтобы заставить оппонента сдаться,
необходимо вычислить критический узел… и вывести его из строя…[34]

Полковник Уорден,
автор концепции «на основе эффектов»

Ключевой «точкой поражения» СССР, а теперь и России в США считают отставание в технологическом развитии, которые в последние десятилетия только нарастает. Все сценарии развития СССР и России, начиная с 1987 года, исключали возможность и необходимость технологического соперничества с США, закладывая, тем самым, поражение с самого начала формирования национальной стратегии. Последний такой сценарий равноправного соревнования, созданный ГКНТ и утвержденный ЦК и Совмином в 1986 году, был окончательно забыт в том же году М. Горбачевым.

Теоретически возможный инновационный вариант развития России возвращает нас ко времени, когда смотрели реально на развитие страны. При этом я исхожу из простой посылки, что при любом инерционном варианте развития в нем будут реализовываться те или иные нововведения, изобретения и инновации, которые составляют содержание процесса экономического и социального развития. Даже в том случае, если правительство будут в этом совершенно не заинтересованы, более того, будут даже мешать ему. Процесс эволюции не останавливается даже в самых неблагоприятных условиях.

В этом смысле Россия «второго десятилетия XXI века» — пример того как развитие экономики и технологий происходит вопреки политике правительства и правящей элиты, при сокращающемся финансировании и свертывании научно-технических программ. Этот процесс приобрел, очевидно, инерционный, «самостимулирующийся» характер.

При этом бна уровне правительства разрабатываются и принимаются программы научно-технического и технологического развития, которые формально нацелены на стимулирование этих процессов. Как правило, после принятия таких программ работа свертывается. Речь не идет, конечно, о НИОКР в области вооружений и военной техники, где они носят характер завершающих советских работ и не претендуют на фундаментальные проработки.

Таким образом, из важнейшего этапа развития науки, техники и технологий исключается первый и самый главный этап — фундаментальных исследований, — определяющий лидерство в той или иной области. Определенно не формулируется и задача приоритетов для российской науки даже в тех случаях, когда отчетливо видны эти приоритеты у других развитых государств.

В частности, в официальном прогнозе МЭРа уже с 2013 года стали выделяться приоритеты технологического развития основных держав[35] (табл. 7.1).

Эти примеры весьма показательны. Так, стратегия развития науки и технологий в **Германии** основывается на удержании конкурентных позиций в традиционных отраслях машиностроения, а также на занятии сопряженных рынков экологических технологий и технологий безопасности.

Таблица 7.1. Приоритеты мировых центров научно-технического развития

	США	Германия	Япония	Франция	Великобритания	Китай
Медицина и биотехнологии	Медицина и биотехнологии	Медицина	Инновации для жизни	Медицина и биотехнологии	Медицина	Медицина
						Система производства с/х продукции с высокой добавленной стоимостью
ИКТ	ИКТ	Коммуникационные технологии		ИКТ	«Креативные» отрасли	Система всепроникающей информационной сети
Новые материалы	Композитные материалы		Композитные материалы			Композитные материалы
«Зеленые» технологии	Экологически чистая энергетика	Экология / энергетика	Переработка отходов, альтернативная энергетика	Переработка отходов, чистая вода, альтернативная энергетика	Переработка отходов, альтернативная энергетика	Устойчивая ресурсная база, атомная энергетика
Производственные технологии	Управление сложными системами		Робототехника, обработка металлов			Технологии умного производства
Другое	Технологии космической и авиационной отраслей	Мобильность	Науки о Земле, технологии скоростного железнодорожного движения	Атомные и термоядерные технологии, технологии скоростного железнодорожного движения	«Креативные» отрасли	Использование потенциала космоса и океана
	Оборонные технологии	Безопасность				Система безопасности, оборона
						Технологии транспортной отрасли

Государственная научно-техническая и инновационная политика во **Франции** ориентирована на преимущественное занятие новых перспективных рынков: био- и нанотехнологий, сегмента программирования и сенсоров в ИКТ.

Приоритеты развития науки и технологий в **Великобритании** направлены в первую очередь на развитие новых рынков, которые, с одной стороны, будут отвечать национальным и мировым потребностям, с другой — позволят реализовать потенциал конкурентоспособности британской экономики.

Стратегия развития науки и технологий в **Китае** направлена на увеличение независимости индустриального потенциала от технологий развитых стран и создание универсальной машиностроительной базы.

Этот сценарий предполагает, что в 2017–2025 годах в стране не произойдет изменение основных парадигм политического, экономического и социального развития, ориентированных не на рыночную стихию, а в пользу ориентиров на развитие человеческого капитала и его институтов. «Инновационность» как структурная перестройка экономики, и «инновационность» как ставка на качество развития нации и ее экономики — все-таки разные вещи. Именно о таком, действительно «инновационном», сценарии развития нации регулярно говорят некоторые эксперты и политики еще с начала 90-х годов XX века, имея в виду переход к парадигме качественного развития. Так, В. Ивантер, институт которого еще в 2007 году сделал такой инновационный прогноз до 2030 года, полагал, что есть все основания развиваться с темпами роста ВВП 8%, достигнув и 2030 году того же уровня душевого ВВП как и развитые страны Европы[36]. Главным условием быстрого роста он считал опережающий рост заработной платы и внутреннего потребления, т.е. развитие человеческого капитала и его институтов[37].

Технология формирования долгосрочного прогноза (не только инновационного, экономического) развития требует формализации определений, представлений и оценок, которые приведут к созданию моделей и сценариев исходных данных. При этом проводится чёткое различие между опорной (инерционной) траекторией развития экономики от «возмущённой» траектории развития, соответствующей некоторой стратегии поведения Правительства.

Таблица 7.2. Двенадцать наиболее важных технологических направлений в XXI веке[39]

Technology	Description
3D printing	Advances in additive manufacturing, using a widening range of materials and methods; innovations include 3D bioprinting of organic tissues.
Advanced materials and nanomaterials	Creation of new materials and nanostructures for the development of beneficial material properties, such as thermoelectric efficiency, shape retention and new functionality.
Artificial intelligence and robotics	Development of machines that can substitute for humans, increasingly in tasks associated with thinking, multitasking, and fine motor skills.
Biotechnologies	Innovations in genetic engineering, sequencing and therapeutics, as well as biological-computational interfaces and synthetic biology.
Energy capture, storage and transmission	Breakthroughs in battery and fuel cell efficiency; renewable energy through solar, wind, and tidal technologies; energy distribution through smart grid systems, wireless energy transfer and more.
Blockchain and distributed ledger	Distributed ledger technology based on cryptographic systems that manage, verify and publicly record transaction data; the basis of "cryptocurrencies" such as bitcoin.
Geoengineering	Technological intervention in planetary systems, typically to mitigate effects of climate change by removing carbon dioxide or managing solar radiation.
Ubiquitous linked sensors	Also known as the "Internet of Things". The use of networked sensors to remotely connect, track and manage products, systems, and grids.
Neurotechnologies	Innovations such as smart drugs, neuroimaging, and bioelectronic interfaces that allow for reading, communicating and influencing human brain activity.
New computing technologies	New architectures for computing hardware, such as quantum computing, biological computing or neural network processing, as well as innovative expansion of current computing technologies.
Space technologies	Developments allowing for greater access to and exploration of space, including microsatellites, advanced telescopes, reusable rockets and integrated rocket-jet engines.
Virtual and augmented realities	Next-step interfaces between humans and computers, involving immersive environments, holographic readouts and digitally produced overlays for mixed-reality experiences.

К числу такой группы «инновационных» вариантов «Сценария №2» следует отнести прежде всего ставший уже традиционным «Вариант №3» («Структурные изменения общества и экономики»), который усиленно продвигается либеральными экономистами и политиками, которые не абсолютизируют положительное влияние рынка. Этот вариант, — по мнению одного из разработчиков долгосрочной стратегии до 2035 года Минэкономики А. Аузана, также как и инерционный вариант относится к вариантам «догоняющего развития», но с той разницей, что процесс «догоняния» проходит быстрее. Он также изначально предполагает, что темпы роста ВВП России до 2025 года будут ниже среднемировых, а также лишь «к 2035 году планируется переход к модели роста»[38]. По большому счету этот вариант является еще одной разновидностью «Сценария №1» инерционного развития, не предполагающего поиск качественных и социальных инструментов роста. Либо вообще административной профанаций. Как показали реформы в образовании и здравоохранении, эти показатели сознательно искажаются и только ухудшают ситуацию.

В настоящее время выделяют двенадцать наиболее важных технологических направлений (табл. 7.2).

Примечательно, что вместо приоритетов фундаментальной науки и технологий в России определяются некие количественные критерии, которые, как правило, не имеют ничего общего ни с развитием науки, ни развитием технологий.

Для реализации долгосрочной стратегии развития экономики страны потребуются изменения не только в экономической, но и в культурной и политической сферах. (При этом подразумевается, прежде всего, социально-политическая область). По словам А. Аузана, одним из важнейших факторов инновационного развития страны является повышение уровня межличностного и институционального доверия в социуме, а также спроса на качественный человеческий капитал. Аргументы о важности доверия в социуме привел и В. Вахштайн, декан факультета социальных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук, представляя результаты исследования социокультурных факторов инновационного развития. Исследование было проведено в 2016 году по заказу РБК. Его результаты показали, что 6% трудоспо-

Таблица 7.3. Целевые индикаторы реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года

(утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011г. №2227-р)

№ п/п	Наименование показателя	Ед. измерения	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1.	Доля населения в возрасте 5–8 лет, охваченная образованием, в общей численности населения в возрасте 5–18 лет **Комментарий**: Не очень понятно, почему доля этих лиц остается на протяжении всех лет на одном и том же уровне и не планируется к сокращению к 2030 году	%	94,0	94,0	94,0	94,0	94,0	94,0					
2.	Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в образовании к среднемесячной номинальной начисленной заработной плате по экономике страны в целом **Комментарий**: Этот результат успешно достигается за счет зарплат ректоров и другого административного аппарата	%	67,2	67,6	71,3	78,7	79,6	79,1					
3.	Количество вузов, входящих в число 200 ведущих университетов, согласно Мировому рейтингу университетов (Quacquarelli Symonds World University Rankings) **Комментарий**: Это число не увеличивается в реальности	единиц	Разрабатывается Минобрнауки России										
4.	Доля обучающихся по программам, соответствующим требованиям федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения, в общей численности обучающихся текущего года (по уровням образования): общее образование, начальное и среднее профессиональное образование, высшее профессиональное образование	%	Разрабатывается Минобрнауки России										

5.	Доля выпускников учреждений профессионального образования, работающих по специальности не менее 3 лет, в общей численности выпускников учреждений профессионального образования	%	Разрабатывается Минобрнауки России					
6.	Доля обучающихся по программам общего образования, участвующих в олимпиадах и конкурсах различного уровня, в общей численности обучающихся по программам общего образования	%	Разрабатывается Минобрнауки России					
7.	Доля населения, участвующего в непрерывном образовании (за последние 12 месяцев), в числе опрошенных в возрасте от 25 до 64 лет	%	—	—	—	—	—	48,2
8.	Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет с персонального компьютера, в общем числе домохозяйств	%	41,3	50,2	59,1	65,1	67,0	68,4
9.	Валовая добавленная стоимость инновационного сектора, в процентах от валового внутреннего продукта	%	—	—	—	—	—	—
10.	Коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России, в расчете на 10 тыс. чел. населения)	единиц	2,01	1,85	2,00	2,00	1,65	2,00
11.	Доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем количестве организаций — всего	%	7,9	8,9	9,1	8,9	8,8	8,3
	из них:							
	добывающие, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды		9,3	9,6	9,9	9,7	9,7	9,5
	связь, деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий		10,8	9,9	10,3	10,3	9,5	9,4
12.	Доля инновационных товаров, работ, услуг, в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг организаций промышленного производства	%	4,5	8,8	12,1	13,7	11,5	8,9

№ п/п	Наименование показателя	Ед. измерения	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
13.	Интенсивность затрат на технологические инновации организаций промышленного производства (доля затрат на технологические инновации в общем объеме затрат на производство отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства)		—	1,5	1,8	2,2	2,1	1,8					
14.	Число договоров о торговле лицензиями и об отчуждении прав на патенты, заключенных юридическими лицами (гражданами) Российской Федерации	единиц	Разрабатывается Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатент)										
15.	Доля инновационных товаров, работ, услуг, в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства	%	4,9	6,1	7,8	8,9	8,2	7,9					
16.	Доля инновационных товаров, работ, услуг, новых для рынка сбыта организаций, в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства	%	0,8	0,6	1,1	1,1	1,1	0,9					
17.	Доля новых для мирового рынка инновационных товаров (работ, услуг), в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства	%	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0	0,3					
18.	Совокупный уровень инновационной активности организаций промышленного производства (доля организаций промышленного производства, осуществляющих технологические, организационные и (или) маркетинговые инновации, в общем количестве таких организаций)	%	10,8	11,1	11,1	10,9	10,9	10,6					
19.	Доля организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем количестве организаций	%	56,7	63,4	76,6	79,4	81,2	79,5					

20.	Доля организаций, имеющих веб-сайт, в общем количестве организаций	%	28,5	33,0	37,8	41,3	40,3	42,6
21.	Средний возраст исследователей	лет	47	47	47	46	46	46
22.	Доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей	%	35,5	37,5	38,6	40,3	41,3	42,9
23.	Доля России в общемировом количестве публикаций в научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (Web of Science)	%	Разрабатывается Минобрнауки России					
24.	Число цитирований в расчете на 1 публикацию российских исследователей в научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (Web of Science)	единиц	Разрабатывается Минобрнауки России					
25	Доля сектора высшего образования во внутренних затратах на исследования и разработки	%	8,4	9,0	9,3	9,1	9,8	9,6
26.	Доля средств, получаемых за счет выполнения научно-исследователь-ских и опытно-конструкторских работ, в структуре средств, поступающих в ведущие российские университеты за счет всех источников	%	Разрабатывается Минобрнауки России					
27.	Место Российской Федерации в международном рейтинге по индексу развития информационных технологий	место	Разрабатывается Международным союзом электросвязи (МСЭ)					
27.1	— число телефонных аппаратов местной телефонной сети на 100 человек населения	единиц	31,4	30,9	30,1	28,9	26,8	24,8
27.2	— число подключенных терминалов подвижной радиотелефонной связи на 100 человек	единиц	166,4	179,0	182,7	193,3	190,8	193,8
27.3	— пропускная способность международных каналов Интернета на одного пользователя Интернета	единиц	Разрабатывается Минкомсвязи России					
27.4	— удельный вес домашних хозяйств, имеющих персональный компьютер, в общем числе домашних хозяйств	%	54,5	60,1	66,5	71,4	71,0	72,5

№ п/п	Наименование показателя	Ед. измерения	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
27.5	— удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету, в общем числе домашних хозяйств	%	48,4	56,8	60,3	69,1	69,9	72,1					
27.6	— удельный вес населения — пользователей Интернета в общей численности населения	%	38,0	46,9	54,4	60,7	67,2	70,1					
27.7	— число абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения	абонентов	—	12,2	14,4	16,5	17,0	18,3					
27.8	— число абонентов мобильного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения	абонентов	—	47,8	52,6	59,8	64,5	68,1					
27.9	— уровень грамотности взрослого населения	%	99,7	99,7	99,7	99,7	99,7	99,7					
27.10	— удельный вес учащихся средних учебных заведений в общей численности населения:	%											
	«удельный вес обучающихся общеобразовательных учреждений в общей численности населения»		9,5	9,6	9,6	9,7	9,8	10,1					
	«удельный вес обучающихся образовательных учреждений начального профессионального образования в общей численности населения»		0,7	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5					
	«удельный вес студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования в общей численности населения»		1,5	1,5	1,5	1,4	1,4	1,5					
27.11	— удельный вес учащихся высших учебных заведений в общей численности населения	%	4,9	4,5	4,2	3,9	3,6	3,3					
28.	Доля федеральных государственных услуг, которые население может получить в электронном виде, в общем количестве таких услуг	%	Разрабатывается Минэкономразвития России										

29.	Доля городских округов и муниципальных районов, на территории которых созданы МФЦ предоставления государственных и муниципальных услуг, в общем количестве городских округов и муниципальных районов	%	Разрабатывается Минэкономразвития России						
30.	Доля лиц старше 50 лет, занимающих должности руководителей высшей и главной групп должностей государственной гражданской службы, в общей численности лиц, занимающих должности руководителей высшей и главной групп должностей государственной гражданской службы	%	—	45,2	—	42,6	—	—	
31.	Доля государственных служащих, свободно владеющих иностранным языком, в общей численности государственных служащих		Разрабатывается Минтрудом России						
32.	Доля государственных служащих, получающих ежегодно дополнительное образование за рубежом, в общей численности государственных служащих	%	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	
33.	Доля лиц, занимающих высшей и главной групп должностей государственной гражданской службы, получивших высшее профессиональное образование за рубежом, в общей численности лиц, занимающих должности руководителей высшей и главной групп должностей государственной гражданской службы	%	Разрабатывается Минобрнауки России						
34.	Количество вновь созданных малых инновационных предприятий при поддержке Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере	единиц	Разрабатывается Минобрнауки России						
35.	Число организаций-пользователей научным оборудованием федеральных центров коллективного пользования научным оборудованием	единиц	Разрабатывается Минобрнауки России						
36.	Доля экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем мировом объеме экспорта высокотехнологичных товаров	%	Разрабатывается Минпромторгом России						

№ п/п	Наименование показателя	Ед. измерения	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
37.	Количество триадных патентных семей (патентов, ежегодно регистрируемых российскими физическими и юридическими лицами в патентных ведомствах EPO,USPTO и JPO)	единиц	Разрабатывается Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатент)										
38.	Сальдо экспорта-импорта технологий	$ млн	–798,1	–1277,9	–1354,7	–1809,2	–1176,6	–550,7					
39.	Доля ученых в возрасте до 39 лет в общей численности ученых, направленных на работу (стажировку) в зарубежные научные организации	%	—	—	60,0	44,8	50,0	46,7					
40.	Количество субъектов Российской Федерации, получивших поддержку в рамках новых федеральных механизмов содействия субъектам Российской Федерации, активно инвестирующим в стимулирование инновационной деятельности, накопительным итогом	единиц	Разрабатывается Минэкономразвития России										
41.	Количество инновационных кластеров, получивших федеральную поддержку после 2010 года и сумевших удвоить высокотехнологичный экспорт с момента такой поддержки, накопительным итогом	единиц	Разрабатывается Минэкономразвития России										
42.	Внутренние затраты на исследования и разработки, в процентах от валового внутреннего продукта	%	1,13	1,02	1,05	1,06	1,07	1,10					
43.	Внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования:	%											
	бюджетные средства		68,8	65,6	66,0	65,8	67,1	67,5					
	внебюджетные средства		31,2	34,4	34,0	34,2	32,9	32,5					
44.	Внутренние затраты на образование, в % от ВВП	%	Разрабатывается Минфином России										
45.	Государственные расходы на образование, в % от ВВП	%	Разрабатывается Минобрнауки России										

собного населения по своим характеристикам являются потенциальными технологическими предпринимателями с активным экономическим поведением и большим социальным капиталом, однако именно эта группа демонстрирует самый низкий уровень доверия институтам. Поэтому вопрос повышения доверия институтам среди экономически активного населения является приоритетом государственной политики. Тем не менее, у государственной политики инновационного развития в России есть мощная социальная база: 48% респондентов исследования верят, что науки и технологии являются определяющими в развитии страны.

7.4. Вариант №1 («Технологический скачок») «Сценария №2»

> Основной проблемой прогнозирования долгосрочного социально-экономического развития РФ … видится в … совершенно очевидной ориентации … на сырьевую модель экономики. Именно сырье … были положены во главу угла авторами Прогноза долгосрочного социально-экономического развития России до 2030 года…[40]
>
> *В. Сургуладзе, исследователь*

Опережающее развитие возможно исключительно при отказе от субъективных установок части правящей элиты на инерционный сценарий развития, в основе которого находится модель экстенсивного использования природных ресурсов. Иными словами переход к инновационной модели от инерционной должен быть совершен, прежде всего, «в головах» представителей правящей элиты страны, где должна возникнуть устойчивая потребность (интерес) к качественному развитию экономики и общества.

Вариант №1 («Технологический скачок») «Сценария №2» («Инновационного») предполагает политику своего рода, «перескакивания через этапы», т.е. ускоренное развитие предприятий, подотраслей и целых отраслей искусственно, прежде всего, с помощью государства, на новой, наиболее перспективной, технологической базе, пропуская пока что не

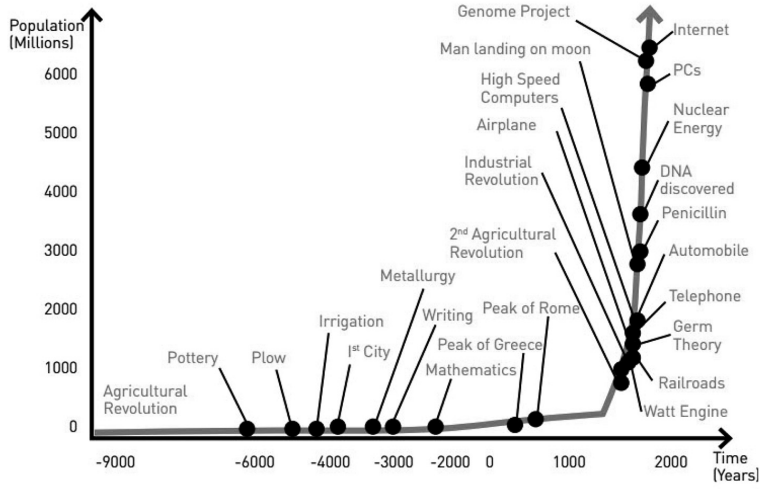
освоенные предыдущие, устаревшие, технологические этапы. Яркий пример такого варианта может быть опережающее развитие ОПК России и информатики[41].

Пока что до конца не ясно, что имел в виду В.В. Путин в январе 2018 года о «технологическом рывке» — просто ускорение развития, придание ему необратимого характера или что-то иное. Во всяком случае, конкретного плана он не предлагал[42].

Тем не менее, имеющийся опыт свидетельствует о том, что в истории человечества всегда происходили резкие рывки в его развитии, причем в последние десятилетия они фактически слились в «поток» таких рывков.

Очень трудно прогнозировать «технологические прорывы». В начале второго десятилетия Институт глобальных проблем Маккензи выделил 12 критических технологий в 4 областях: информатика, здоровье человека, автоматизация и роботизация, наконец, ресурсы.

На самом деле в США в интересах проведения максимально эффективной политики в области безопасности еще с 1960-х годов постоянно не только анализировали и прогнозировали критически важные технологии, но и регулярно сравнивали их с советскими, на основе чего принимались важнейшие решения, в т.ч. политические.



Source: Robert W. Fogel, Catching Up with the Economy, (Chicago, IL: University of Chicago Press, 1999), https://www.die-gdi.de/fileadmin/user_upload/pdfs/messner/Fogel_Catching_up_with_the_economy.pdf.

Рис. 7.7[43]. История развития технологий

Концентрация на наиболее важных и перспективных направлениях технологического развития не является революцией в теории развития: по сути дел любое развитие предполагает набор количественных изменений, переходных в качественно, «фазовые» сдвиги. Новое может заключаться в том, что не все промежуточные этапы технологического развития обязательно нужно осваивать. Можно планово и регулярно, «перескакивать» через некоторые этапы.

Этот теоретически возможный сценарий предполагает целевые административные и финансовые усилия государства на наиболее важных направлениях НТП. Такой опыт был у СССР, когда самыми различными способами развивались две группы передовых отраслей того времени: ядерная и ракетостроение. Такой опыт есть и у КНР, которая использовала новейшие технологические достижения для развития своей экономики и промышленности. Отчасти такой опыт используется и в современной России, где на базе устаревших предприятий индустриальной эпохи создаются предприятия, соответствующие новому технологическому укладу. Так, например, Концерн ВКО «Алмаз-Антей» фактически создал новые предприятия на базе заводов в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Вятке, производительность труда на которых в десятки раз выше, чем предыдущих предприятий, а в целом по подотрасли за 5 лет производительность выросла в 10 раз, т.е. на 1000%.

Проблемы заключаются в том, что такой «технологический рывок» требует:

— массированных инвестиций и пересмотра всей бюджетной и финансовой политики;
— новых кадров, включая конструкторских и управленческих;
— новых технологий и оборудования, которые трудно обеспечить в условиях санкций.

Такой опыт мог бы быть применим и в современной России применительно к наиболее передовым областям, прежде всего программного обеспечения и компьютерных технологий.

Влияние будет чрезвычайно большим, потому что вся социальная и даже политическая структура общества определяется тем набором, той суммой технологий, которая в этот момент доступна людям в конкретной стране. Думаю, что перемены, которые нас ожидают в ближайшие годы,

по своему масштабу будут сопоставимы с изменениями, произошедшими в процессе индустриальной революции в XVIII веке. Или, по крайней мере, с тем, как трансформировалась производственная модель в результате появления конвейерного производства в начале XX века. Можно по-разному называть происходящий процесс — постиндустриальной экономикой, новым технологическим укладом или как-то еще, но я бы скорее говорил о смене общественно-политической формации. На самом деле парадигма развития изменилась достаточно давно, лет 40–50 назад. Это уже привело к формированию абсолютно нового технологического ландшафта, окружающего нас. Он и будет определять форму существования всего человечества в XXI веке, а может быть, и в более отдаленном будущем[44].

— А какие технологии будут определять этот новый уклад и окажутся наиболее востребованными в нашей жизни?

— Очевидно, что сегодня платформа технологического развития — это информационные технологии. Сейчас в том или ином виде на них базируется абсолютно вся деятельность человечества. Без IT стали невозможны ни производственные процессы, ни конструирование чего-то нового, ни даже творчество. Информационные технологии в свою очередь базируются на двух столпах — на микроэлектронике и на программировании. Это, собственно, и есть тот набор технологий, который уже сегодня определяет наш технологический ландшафт, он же будет влиять и на развитие новых технологий в дальнейшем. Реальность такова, что все современные тренды технологического развития лежат в приложении IT к традиционным отраслям.

— 3D-принтер или робот — это как раз и есть продукт приложения информационных технологий к традиционным областям деятельности. На самом деле уже сейчас любой медицинский томограф — это не что иное, как специализированный компьютер, который работает с результатами сканирования, обрабатывает и превращает их в понятный человеку вид. Но без IT, без соответствующих программных инструментов работа таких аппаратов невозможна. Безусловно, массовое внедрение киберфизических систем кардинально поменяет рынок труда. Но надо понимать, что любая технологическая волна, любая существенная смена набора технологий вытесняет

старые профессии и делает более востребованными новые, которых раньше не было. Появление конвейера чуть больше 100 лет назад привело к тому, что очень быстро отмерла профессия кузнеца. И сегодня кузнечное дело воспринимается разве что как художественная деятельность. При этом количество кузнецов — одной из самых распространенных процессий в мире в конце XIX века — драматически сократилось, наверное, на несколько порядков. Но это не значит, что все эти люди в итоге оказались не у дел, просто они нашли себе другое занятие. Условно говоря, еще 100 лет назад для того чтобы обеспечить базовые потребности человечества, неквалифицированным трудом должны были заниматься 90% всех людей, а сегодня это всего 10%. Соответственно, разница в 80% — это и есть перераспределенный человеческий ресурс за сто лет. И такое перераспределение неизбежно продолжится и в следующем веке. Будет расти спрос на высококвалифицированный интеллектуальный труд с какими-то элементами творчества. Прежде всего потому, что наибольшая часть добавленной стоимости в современных технологических продуктах — это как раз дизайн и креатив. При этом во всех областях будет падать спрос на профессии средней квалификации, в том числе связанные с интеллектуальной деятельностью[45].

7.5. Вариант №2 («Человеческий капитал») «Сценария №2» («Инновационного») развития России до 2025 года

Искусство вождя — это, прежде всего,
искусство усмотреть верную цель и указать путь к ее достижению[46]

А. Свечин,
военный теоретик

Этот вариант «Сценария №2» обладает рядом особенностей, важней из которых является то, что развитие человечества, его эконом и общества, в настоящее время неизбежно концентрируется на развитии человеческого капитала и его институтов. Сказанное означает, что в любом

случае, любое развитие возможно только в этом направлении. Значение НЧК и институтов в современной экономике развитых стран принято считать следующим относительно других элементов.

Доля НЧК в национальном богатстве

70% НЧК	20% Материальные активы	10% Природные ресурсы

Доля НЧК и его институтов в приросте ВВП

90–95% НЧК	5–7% Активы	3–5% Ресурсы

Проблема таким образом заключается не в том, использовать НЧК или нет, а в том, насколько полно, и в приоритетном порядке эта политика будет реализовываться.

Другая сторона заключается в том, что любые инвестиции (финансовые, административные и пр.) беспроигрышны или очень выгодны.

Вариант №2 «Сценария №2»: «Человеческий капитал» предполагает концентрацию усилий всего государства и общества на количественном и качественном увеличении человеческого капитала. Целью такого варианта Сценария развития стало бы резкое увеличение всех критериев ЧК, особенно связанных с реализацией творческих возможностей человеческой личности, создания новых институтов развития и резкого увеличения качества управления[47].

Полная реализация этого сценария означала бы очень быстрое развитие России, в т.ч. ее экономики, которое сегодня на 90% обеспечивается ростом человеческого капитала в развитых странах.

Следует понимать, что этот вариант должен распространяться на все области экономики и человеческой деятельности, включая безопасность и оборону, от которого зависит прежде всего развитие ВВСТ[48].

В отличие от «Варианта №1» («Технологический скачок») «Вариант № 2» предполагает опережающее развитие не только (и даже не столько) технологий, сколько человека и его возможностей.

При этом варианте «технологический скачок» рассматривается как часть более масштабного «прорыва» в развитии НЧК человека и его институтов, в т.ч. в когнитивной и социальной областях.



Рис. 7.8. «Вариант №2» «Сценария №2» развития России до 2025 года

Таблица 7.4. Рейтинг государств по ИРЧП в мире

0,900–1,000	Очень высокий уровень развития (США, Канада, Западная Европа, Япония, Южная Корея и др.)
0,800–0,899	Высокий уровень развития (Малайзия, Казахстан, Восточная Европа, Россия и др.)
0,700–0,799	Удовлетворительный уровень развития (Бразилия, Китай, Украина, Иран, Египет и др.)
0,600–0,699	Средний уровень развития (Вьетнам, ЮАР, Индонезия, Узбекистан и др.)
0,500–0,599	Неудовлетворительный уровень развития (Марокко, Индия, Пакистан и др.)
0,400–0,499	Низкий уровень развития (Йемен, Судан, Нигерия, Кения и др.)
0,000–0,399	Очень низкий уровень развития (Афганистан, большинство стран центральной/южной Африки)

При этом для Российской Федерации характерен сильный разрыв по уровню индекса человеческого развития (ИРЧП) в разных регионах. Жизнь в наиболее благополучных Москве, Санкт-Петербурге и Тюменской области сопоставима с Польшей, Чехией или странами Балтии; качество жизни в самых бедных регионах, таких, как республика Тыва или Ингушетия, сопоставимо с Гватемалой или Таджикистаном. Серьёзный региональный разрыв по уровню ИРЧП замедляет общее развитие страны. Кроме того, объективная оценка человеческого потенциала невозможна ввиду наличия внутрирегионального неравенства населения по доходу, а также сильной неоднородности внутри региона (региональная столица наиболее богата, а муниципалитеты гораздо беднее). Другая серьёзная проблема — несбалансированность развития

Таблица 7.5. Рейтинг по ИРЧП регионов России по разным годам[49]

Место	Федеративная единица	ИРЧП															
		2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007	2006	2005	2004	2003	2002	2001	2000	1999
—	Российская Федерация	0,874	0,871	0,865	0,854	0,843	0,840	0,825	0,817	0,805	0,792	0,781	0,773	0,766	0,769	0,763	0,761
1	Москва	0,946	0,944	0,940	0,937	0,931	0,964	0,929	0,920	0,907	0,896	0,873	0,866	0,846	0,852	0,864	0,855
2	Санкт-Петербург	0,921	0,919	0,911	0,901	0,887	0,904	0,877	0,866	0,848	0,833	0,817	0,809	0,798	0,797	0,779	0,783
3	Тюменская область	0,903	0,901	0,897	0,890	0,887	0,882	0,878	0,876	0,888	0,896	0,867	0,852	0,866	0,847	0,840	0,847
4	Татарстан	0,894	0,892	0,888	0,880	0,864	0,864	0,848	0,840	0,834	0,822	0,812	0,807	0,798	0,795	0,804	0,792
5	Белгородская область	0,891	0,887	0,885	0,876	0,866	0,852	0,838	0,826	0,812	0,802	0,788	0,776	0,768	0,770	0,772	0,762
6	Якутия	0,884	0,871	0,864	0,853	0,844	0,836	0,813	0,806	0,799	0,797	0,790	0,782	0,784	0,766	0,763	0,766
7	Республика Коми	0,883	0,885	0,880	0,864	0,853	0,832	0,816	0,809	0,799	0,783	0,774	0,765	0,770	0,776	0,773	0,762
8	Томская область	0,880	0,873	0,869	0,862	0,852	0,850	0,834	0,826	0,815	0,794	0,799	0,778	0,776	0,789	0,772	0,776
8	Сахалинская область	0,880	0,877	0,871	0,861	0,871	0,855	0,829	0,825	0,788	0,765	0,755	0,746	0,749	0,745	0,742	0,732
10	Красноярский край	0,877	0,867	0,862	0,845	0,854	0,834	0,816	0,818	0,807	0,784	0,779	0,763	0,760	0,769	0,755	0,764
11	Свердловская область	0,873	0,871	0,865	0,848	0,842	0,828	0,817	0,812	0,802	0,781	0,767	0,758	0,749	0,754	0,744	0,745
11	Архангельская область	0,873	0,869	0,862	0,848	0,836	0,828	0,808	0,805	0,789	0,774	0,768	0,752	0,749	0,747	0,739	0,732
13	Липецкая область	0,872	0,860	0,852	0,842	0,833	0,829	0,816	0,810	0,809	0,799	0,798	0,783	0,777	0,767	0,779	0,764
14	Курская область	0,871	0,868	0,860	0,849	0,839	0,823	0,801	0,795	0,781	0,771	0,766	0,754	0,749	0,743	0,741	0,736
15	Магаданская область	0,870	0,869	0,860	0,846	0,839	0,817	0,798	0,790	0,785	0,776	0,765	0,774	0,776	0,744	0,731	0,733
15	Омская область	0,870	0,867	0,859	0,854	0,840	0,834	0,815	0,802	0,798	0,792	0,794	0,770	0,758	0,755	0,743	0,743
17	Краснодарский край	0,866	0,865	0,857	0,842	0,831	0,828	0,807	0,797	0,807	0,784	0,763	0,759	0,753	0,752	0,757	0,751
17	Ярославская область	0,866	0,864	0,854	0,843	0,828	0,823	0,805	0,801	0,793	0,777	0,771	0,764	0,759	0,761	0,754	0,763
17	Оренбургская область	0,866	0,867	0,861	0,853	0,842	0,831	0,813	0,811	0,797	0,785	0,778	0,763	0,758	0,759	0,763	0,751

20	Самарская область	0,865	0,858	0,854	0,840	0,827	0,825	0,817	0,811	0,803	0,795	0,787	0,780	0,776	0,772	0,766	0,768
21	Новосибирская область	0,864	0,860	0,851	0,816	0,830	0,828	0,814	0,804	0,790	0,780	0,773	0,769	0,761	0,763	0,749	0,749
21	Воронежская область	0,864	0,859	0,854	0,834	0,813	0,817	0,796	0,785	0,771	0,763	0,755	0,756	0,752	0,742	0,746	0,736
21	Астраханская область	0,864	0,863	0,843	0,824	0,812	0,808	0,797	0,779	0,770	0,760	0,758	0,753	0,747	0,743	0,748	0,741
24	Пермский край	0,863	0,859	0,854	0,841	0,827	0,817	0,802	0,791	0,790	0,770	0,760	0,755	0,755	0,765	0,758	0,757
25	Удмуртия	0,862	0,860	0,855	0,840	0,828	0,823	0,805	0,799	0,791	0,778	0,766	0,766	0,762	0,761	0,760	0,754
26	Волгоградская область	0,859	0,850	0,843	0,830	0,822	0,810	0,811	0,809	0,785	0,778	0,765	0,758	0,750	0,747	0,745	0,745
27	Новгородская область	0,858	0,844	0,839	0,821	0,808	0,799	0,778	0,769	0,762	0,753	0,739	0,732	0,734	0,732	0,730	0,727
27	Иркутская область	0,858	0,848	0,842	0,841	0,822	0,811	0,793	0,791	0,776	0,755	0,744	0,739	0,740	0,737	0,737	0,727
29	Московская область	0,857	0,854	0,846	0,840	0,820	0,820	0,806	0,794	0,781	0,767	0,754	0,748	0,743	0,743	0,737	0,746
29	Челябинская область	0,857	0,850	0,846	0,845	0,831	0,826	0,816	0,811	0,796	0,781	0,773	0,764	0,757	0,755	0,756	0,757
31	Мурманская область	0,857	0,858	0,848	0,834	0,831	0,809	0,797	0,796	0,782	0,776	0,762	0,745	0,750	0,756	0,765	0,742
32	Республика Башкортостан	0,855	0,862	0,856	0,843	0,832	0,827	0,815	0,807	0,805	0,792	0,786	0,783	0,774	0,777	0,780	0,772
32	Калужская область	0,855	0,857	0,852	0,838	0,820	0,811	0,791	0,778	0,763	0,752	0,749	0,745	0,734	0,732	0,726	0,726
32	Тамбовская область	0,855	0,845	0,835	0,821	0,806	0,805	0,784	0,782	0,766	0,755	0,752	0,750	0,739	0,738	0,735	0,726
35	Рязанская область	0,854	0,852	0,843	0,827	0,811	0,807	0,785	0,776	0,773	0,763	0,758	0,750	0,750	0,746	0,738	0,729
35	Вологодская область	0,854	0,849	0,848	0,833	0,818	0,810	0,814	0,809	0,800	0,792	0,783	0,768	0,763	0,762	0,775	0,752
35	Нижегородская область	0,854	0,851	0,843	0,835	0,820	0,818	0,801	0,790	0,784	0,763	0,757	0,754	0,758	0,760	0,746	0,755
38	Орловская область	0,853	0,854	0,844	0,835	0,823	0,815	0,797	0,792	0,781	0,773	0,768	0,769	0,767	0,769	0,758	0,757
39	Калининградская область	0,852	0,849	0,847	0,835	0,821	0,812	0,792	0,784	0,758	0,738	0,725	0,719	0,722	0,722	0,727	0,718
39	Чукотский автономный округ	0,852	0,843	0,827	0,837	0,798	0,809	0,783	0,757	0,741	0,738	0,746	0,768	0,774	0,721	0,709	0,708
41	Саратовская область	0,849	0,848	0,841	0,833	0,824	0,820	0,801	0,788	0,777	0,765	0,759	0,756	0,749	0,756	0,741	0,741
41	Пензенская область	0,849	0,845	0,834	0,821	0,802	0,806	0,786	0,778	0,767	0,750	0,744	0,738	0,739	0,734	0,727	0,725

Место	Федеративная единица	ИРЧП															
		2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007	2006	2005	2004	2003	2002	2001	2000	1999
43	Мордовия	0,848	0,839	0,832	0,825	0,810	0,809	0,794	0,786	0,773	0,761	0,770	0,757	0,738	0,749	0,756	0,740
43	Карелия	0,848	0,845	0,836	0,825	0,819	0,799	0,784	0,781	0,772	0,762	0,742	0,736	0,745	0,742	0,738	0,731
43	Хабаровский край	0,847	0,838	0,830	0,825	0,816	0,804	0,785	0,778	0,770	0,755	0,749	0,748	0,747	0,748	0,751	0,749
46	Ростовская область	0,847	0,844	0,837	0,824	0,816	0,818	0,801	0,788	0,775	0,763	0,754	0,747	0,742	0,746	0,748	0,741
46	Тульская область	0,846	0,837	0,828	0,815	0,802	0,800	0,784	0,773	0,763	0,746	0,736	0,736	0,737	0,732	0,728	0,728
48	Северная Осетия	0,846	0,842	0,832	0,818	0,817	0,812	0,791	0,795	0,784	0,765	0,748	0,746	0,740	0,752	0,750	0,756
49	Республика Хакасия	0,844	0,840	0,832	0,790	0,814	0,809	0,788	0,782	0,765	0,740	0,739	0,728	0,731	0,728	0,729	0,723
50	Ульяновская область	0,842	0,841	0,839	0,830	0,811	0,807	0,786	0,776	0,769	0,766	0,747	0,744	0,739	0,740	0,744	0,731
51	Кемеровская область	0,842	0,838	0,838	0,836	0,825	0,812	0,799	0,784	0,771	0,760	0,756	0,736	0,734	0,733	0,730	0,723
51	Костромская область	0,842	0,841	0,835	0,816	0,806	0,792	0,775	0,771	0,756	0,740	0,733	0,730	0,728	0,730	0,728	0,720
53	Кировская область	0,841	0,833	0,827	0,820	0,808	0,792	0,774	0,767	0,752	0,742	0,737	0,732	0,733	0,736	0,736	0,728
54	Смоленская область	0,840	0,841	0,832	0,820	0,804	0,795	0,775	0,768	0,755	0,748	0,737	0,737	0,735	0,730	0,730	0,729
55	Ленинградская область	0,839	0,840	0,836	0,823	0,809	0,805	0,778	0,768	0,760	0,748	0,740	0,731	0,731	0,727	0,720	0,722
55	Чувашия	0,839	0,841	0,838	0,826	0,812	0,810	0,797	0,787	0,780	0,767	0,761	0,754	0,747	0,742	0,736	0,736
57	Приморский край	0,838	0,830	0,827	0,820	0,814	0,804	0,775	0,766	0,758	0,746	0,736	0,729	0,730	0,724	0,727	0,714
57	Камчатский край	0,838	0,831	0,829	0,822	0,812	0,798	0,776	0,776	0,763	0,751	0,743	0,739	0,740	0,735	0,725	0,722
59	Дагестан	0,836	0,825	0,815	0,802	0,802	0,810	0,788	0,780	0,766	0,761	0,747	0,732	0,726	0,733	0,724	0,736
60	Республика Марий Эл	0,835	0,831	0,827	0,811	0,796	0,788	0,769	0,764	0,749	0,736	0,731	0,730	0,720	0,717	0,716	0,713
61	Алтайский край	0,834	0,831	0,822	0,805	0,805	0,796	0,748	0,769	0,756	0,738	0,735	0,733	0,729	0,731	0,729	0,730
62	Ставропольский край	0,833	0,828	0,818	0,808	0,797	0,801	0,782	0,773	0,760	0,752	0,748	0,741	0,734	0,745	0,744	0,737
63	Владимирская область	0,832	0,832	0,824	0,811	0,800	0,795	0,770	0,766	0,756	0,743	0,732	0,734	0,729	0,727	0,725	0,724

63	Тверская область	0,832	0,827	0,821	0,809	0,797	0,789	0,774	0,763	0,753	0,735	0,734	0,729	0,723	0,721	0,719	0,704
63	Республика Ингушетия	0,832	0,824	0,810	0,782	0,790	0,762	0,759	0,744	0,704	0,695	0,687	0,678	0,662	0,700	0,719	0,691
66	Республика Адыгея	0,831	0,830	0,824	0,810	0,799	0,795	0,767	0,759	0,742	0,732	0,725	0,718	0,723	0,724	0,730	0,724
66	Курганская область	0,831	0,830	0,823	0,817	0,809	0,796	0,776	0,766	0,755	0,738	0,730	0,726	0,724	0,717	0,715	0,707
68	Республика Калмыкия	0,830	0,819	0,815	0,797	0,782	0,783	0,763	0,755	0,731	0,732	0,744	0,738	0,761	0,737	0,750	0,751
69	Брянская область	0,829	0,829	0,823	0,809	0,798	0,791	0,770	0,762	0,752	0,734	0,730	0,732	0,726	0,723	0,722	0,720
70	Амурская область	0,828	0,820	0,817	0,818	0,803	0,789	0,765	0,759	0,744	0,731	0,726	0,728	0,730	0,725	0,711	0,714
71	Бурятия	0,825	0,818	0,812	0,795	0,796	0,791	0,771	0,763	0,744	0,732	0,728	0,719	0,722	0,717	0,714	0,703
72	Забайкальский край	0,821	0,822	0,815	0,823	0,790	0,782	0,762	0,748	0,730	0,713	0,709	0,709	0,702	0,699	0,698	0,687
73	Карачаево-Черкесская Республика	0,817	0,816	0,812	0,795	0,785	0,800	0,783	0,775	0,762	0,749	0,743	0,732	0,736	0,731	0,729	0,726
74	Кабардино-Балкарская Республика	0,815	0,812	0,809	0,795	0,795	0,788	0,769	0,760	0,752	0,746	0,744	0,737	0,734	0,749	0,749	0,750
75	Республика Алтай	0,814	0,807	0,802	0,795	0,777	0,763	0,748	0,737	0,718	0,708	0,712	0,707	0,710	0,718	0,714	0,708
76	Псковская область	0,813	0,811	0,803	0,797	0,781	0,772	0,751	0,750	0,729	0,720	0,718	0,714	0,713	0,709	0,710	0,707
77	Ивановская область	0,812	0,817	0,805	0,796	0,778	0,776	0,757	0,753	0,735	0,718	0,717	0,715	0,707	0,704	0,700	0,693
78	Чечня	0,799	0,792	0,775	0,768	0,765	0,765	0,766	0,745	–	–	0,722	–	–	–	–	–
79	Еврейская автономная область	0,797	0,792	0,799	0,795	0,786	0,762	0,748	0,745	0,734	0,717	0,705	0,705	0,702	0,701	0,697	0,690
80	Республика Тыва	0,772	0,770	0,762	0,782	0,750	0,732	0,717	0,705	0,691	0,671	0,668	0,653	0,651	0,646	0,633	0,579

0,900–1,000	Очень высокий уровень развития (США, Канада, Западная Европа, Япония, Южная Корея и др.)
0,800–0,899	Высокий уровень развития (Малайзия, Казахстан, Восточная Европа, Россия и др.)
0,700–0,799	Удовлетворительный уровень развития (Бразилия, Китай, Украина, Иран, Египет и др.)
0,600–0,699	Средний уровень развития (Вьетнам, ЮАР, Индонезия, Узбекистан и др.)
0,500–0,599	Неудовлетворительный уровень развития (Марокко, Индия, Пакистан и др.)
0,400–0,499	Низкий уровень развития (Йемен, Судан, Нигерия, Кения и др.)
0,000–0,399	Очень низкий уровень развития (Афганистан, большинство стран центральной/южной Африки)



Рис. 7.9.



Рис. 7.10.

отдельных составных частей человеческого потенциала (доход, образование и долголетие), в частности в России очень высокий индекс образования — 0,910, в то время, как индекс долголетия лишь 0,671, а индекс дохода — 0,703 (некоторые кавказские республики наоборот имеют высокий индекс долголетия, почти сравнимый с Москвой, но имеют худший Индекс образования) (рис. 7.9[50]–7.10[51]).

Легко увидеть, что динамика развития ИРЧП **во всех регионах отрицательна,** что особенно тревожно на фоне роста рейтинга развитых стран западной ЛЧЦ.

Ясно, что для перехода к развитию России по этому варианту необходимы достаточно радикальные меры:

— в области управления;
— идеологии;
— экономики;
— законодательно-нормативного обеспечения.

Эти меры и политика в целом не совместимы с существующей в России тенденцией, поэтому могут считаться маловероятными. В лучшем случае можно ожидать «сползание» к этому варианту развития страны.

Вместе с тем становится все более очевидным, что только этот вариант может обеспечить безопасность России в новых условиях МО–ВПО[52].

Таблица 7.6. Частота встречаемости терминов, обозначающих формы войны по годам в РУНЕТЕ

Года	Гибридная война, тыс.	Информационная война, тыс.	Ядерная война, тыс.	Идеологическая война, тыс.	Холодная война, тыс.	Кибервойна, тыс.
2007	0	10	10	0,61	20	1
2008	0	13	11	0,82	24	2
2009	0	20	20	0,99	35	3
2010	0	25	23	1	40	8
2011	8	39	34	2	85	14
2012	12	52	47	3	122	38
2013	28	64	56	5	103	30
2014	59	77	62	9	125	38
2015	**92**	**132**	**98**	**18**	**173**	**91**

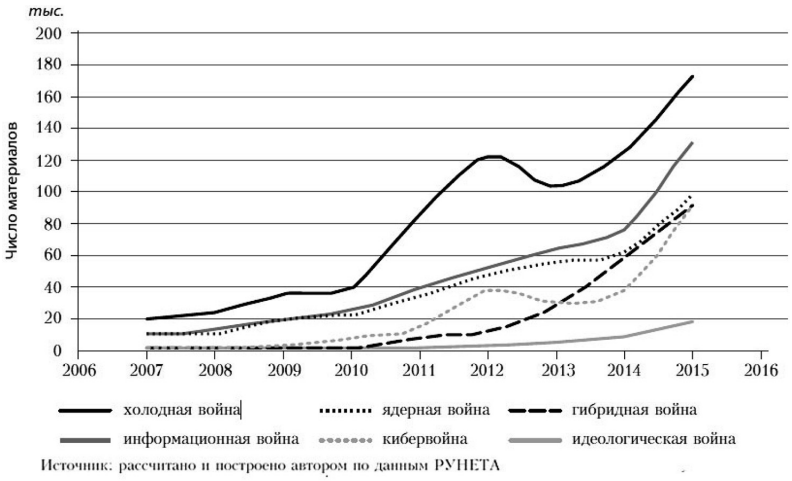


Рис. 7.11. Изменение по годам частоты встречаемости в РУНЕТЕ терминов, обозначающих различные формы войны

Полученные результаты заслуживают комментирования. Прежде всего отметим, что с 2014 г. использование терминов, обозначающих различные формы войны существенно возросло. Это означает, что совокупность событий, так или иначе связанных с вопросами войны и национальной безопасности России сегодня помещена в фокус общественного внимания. Тема войны, о которой сегодня можно говорить как об активизирующемся номинативно выраженном содержательном ядре некого цельного «мета-текста», не только служит естественным катализатором развития фобий, но и является неиссякаемым источником философских, социальных, этических и других вопросов, которые общество адресует власти и экспертному сообществу[53].

7.6. Вариант №3 («Структурные изменения») «Сценария №2» развития России до 2025 года

Этот вариант Сценария достаточно популярен в общественно–политических кругах и является своего рода «официальной» социально–экономической доктриной инновационного развития правящей элиты современной России, которая, однако, на практике реализуется непо-

следовательно, неоправданно медленно, что позволяет с полным основанием ставить вопрос о её реализации до 2025 года, как минимум, в запланированном объеме.

В официальных документах, прежде всего МЭРа, присутствует очень пессимистический вариант этого сценария, который обсуждался негативно осенью 2016 года в России и критиковался из-за крайне низких темпов развития в 2017–2030 годы.

Не зависимо от того, какой вариант **«Сценария №2»** будет в итоге реализован важно подчеркнуть, что это будет реальная альтернатива существующему инерционному сценарию. **Наиболее вероятным представляется именно Вариант №3 «Сценария №2», к сожалению, в его наименее эффективной форме — «стагнационно-инфляционной».**

На интервале 2000–2008 гг. (жирные годы, эра процветания и т.д.) процесс потери собственного рынка и исчезновения отраслей промышленности и сельского хозяйства не прекращался ни на минуту, но убытки «маскировались» ростом отраслей торговли и финансовых услуг. Население получало деньги от перераспределения прибыли от экспорта углеводородов и роста отраслей торговли и услуг, а инженеры, слесаря и животноводы становились банковскими служащими, таксистами и торговцами.

После «окончания структурной перестройки» и окончания мирового кризиса 2008 года Министерство экономики полагало, что рост ВВП возобновится и в ближайшей перспективе всё будет в порядке. Вначале всё так и было, пока мы плавно не подошли к «моменту истины» — явному прекращению роста собственной промышленности в 2013 году. Причём это произошло в условиях высоких цен на нефть и отсутствия мирового кризиса.

Как видно из графиков (рис. 7.12), предыдущие варианты «инновационного» Сценария развития привели к фактическому провалу. Те незначительные позитивные результаты, которые есть в структуре экономики (модернизация части предприятий), эксперта и в других областях слишком незначительны и не компенсируют растущего отставания России от Запада.

Сначала весной, а затем и осенью 2017 года А. Кудрин предложил свой вариант сценария инновационного развития, который в целом нахо-



Рис. 7.12. Динамика базисных темпов импорта (Pm), отечественного выпуска (POx) и базисных темпов инвестиций (Pn)

дится в русле указанной концепции, но одновременно делает «реверанс» в сторону ускорения развития человеческого капитала (избегая определения «национальный»). В этом варианте А. Кудрин раскрыл часть стратегии развития России до 2024 г., которую Центр стратегических разработок (ЦСР) под его руководством подготовил для В. Путина. Документ обсуждался за закрытыми дверями, и лишь периодически становилось известно об отдельных предложениях. Секретность Кудрин объяснял тем, что сперва идеи должны были быть одобрены президентом[54].

Теперь бывший министр финансов частично раскрыл карты в статье, подготовленной вместе с одним из авторов стратегии — И. Соколовым (завлабораторией Института прикладных экономических исследований РАНХиГС) и опубликованной в журнале «Вопросы экономики». Их ключевое предложение — провести структурные реформы, подкрепив их перераспределением бюджетных расходов.

Авторы исходят из того, что к 2035 г. расходы государства могут настолько превысить доходы, что «устойчивость бюджетной системы окажется под ударом», пишут Кудрин и Соколов. Динамика добычи нефти и газа будет ухудшаться, спрос на общественные услуги и госинвести-

ции — расти, население — стареть, и будет требоваться все больше денег на пенсии и медицину. Без реформ в 2022–2050 гг. России придется увеличить расходы на пенсии и медицину на 4,5% ВВП, оценивал МВФ[55].

Действительно, если сохранится та же инерционная финансовая и экономическая политика, к которой долгие годы имел самое прямое отношение А. Кудрин, то итог, скорее всего будет таким. На самом деле, еще хуже потому, что либеральные экономисты, как всегда, не учитывают внешних условий существования России, которые до 2025 года будут только ухудшаться. И не надо дожидаться реализации негативных прогнозов МВФ «2022–2050 годов», когда речь идет о стратегии развития до 2025 года, не более того[56].

В своем предложении ЦСР предлагает два сценария (на самом деле, два варианта одного и того же сценария структурных реформ) социально-экономического развития до 2035 г. — целевой и базовый: со структурными и институциональными реформами и без них. Если ничего не менять, ВВП даже в самые успешные годы будет расти не более чем на 2,5% и к 2035 г. увеличится всего на 50% по сравнению с 2016 г. Этот базовый («инерционный») сценарий реализовывался последние годы и реализуется в настоящее время, а целевой только декларируется.

Логика авторов сценариев такова: дыра в бюджете будет расширяться, в частности, из-за необходимости увеличивать социальные траты, которые и так выросли за 2006–2016 гг. с 8,8 до 12,7% ВВП, расходов на здравоохранение и обслуживание госдолга. Реформы же позволят экономике в отдельные периоды ускоряться вплоть до 4% — и к 2035 г. она удвоится. Расходы бюджетной системы ЦСР предлагает зафиксировать после 2019 г. на уровне 34% ВВП и изменить их структуру — перераспределить в пользу тех, которые ускорят рост экономики и, соответственно, доходов.

Иначе говоря, речь идет опять же об изменении структуры бюджета при сохранении его основных параметров и при отсутствии, как таковой, стратегии развития. При этом оба сценария, по-прежнему, исходят из цены барреля нефти Urals в $50 в 2017 г. и $52–55 в 2018–2019 гг., которая будет оставаться неизменной в постоянных ценах в долларах.

Авторы аргументируют свою позицию сравнением абстрактных бюджетов и их структур, прежде всего, благополучных европейских

стран и России, которая находится только-только в состоянии выхода из кризиса и отражения внешних угроз. Очевидно, что такие сравнения годятся для учебников по макроэкономике, да и то — плохих. Сейчас у российского бюджета «специфическая» структура расходов, пишут авторы: на развитие человеческого капитала — образование и здравоохранение — тратится меньше, чем в других странах, на оборону и безопасность — больше. В стратегии ЦСР предлагается увеличить самые производительные расходы, которые сейчас составляют 10,5–11% ВВП и потихоньку падают, а остальные — сократить. Например, на треть увеличить госинвестиции в развитие общественной инфраструктуры, расходы на образование — на 0,8–1% ВВП, на здравоохранение — на 0,7–0,8% в 2024 г. по сравнению с 2017 г. Всего бюджетный маневр увеличит расходы на 2–2,4% ВВП[57].

На самом деле такой маневр мало что добавит для национального человеческого капитала, которому нужны на порядок большие ресурсы, отсутствующие в бюджете. Они могут появиться в двух случаях:

— во-первых, когда будет качественно увеличена сама абсолютная величина бюджета в результате, прежде всего, роста экономики;
— во-вторых, когда в структуре всех бюджетных расходов — федеральных, региональных и местных — приоритетное значение будет уделяться именно увеличению национального человеческого капитала.

Так, речь идет о том, например, чтобы в расходах на ту же самую оборону, доля НИОКР, расходы на подготовку личного состава росли опережающими темпами по сравнению с другими долями военных расходов. НЧК — это не социальные расходы, а расходы на увеличение количества и качества человеческого капитала во всех сферах деятельности — от госуправления и обороны, и безопасности, до «чистых» расходов на образование, здравоохранение и науку.

Примитивное сокращение военных расходов может нанести не только ущерб обороноспособности страны, но и её промышленности. Так, если общие темпы роста производительности труда в обрабатывающей промышленности не превышают 2%, то на предприятиях ОПК они в несколько раз выше. На Концерне ВКО «Алмаз-Антей», например, за последние 15 лет они выросли в 10 раз, т.е. на 1000%.

Подобный механический подход к человеческому капиталу характерен для либеральных экономистов. Так, например, чтобы инвестиции в ЧК окупились и ускорили экономический рост, ЦСР предлагает комплекс реформ. В системе образования — ввести обязательную подготовительную школу для 5–6-летних детей и профильное образование для старшеклассников, сформировать сеть национальных исследовательских университетов, включить в программы прикладного бакалавриата системы среднего профессионального образования, создать не менее 300 колледжей высоких технологий и не менее 600 многопрофильных колледжей. В здравоохранении — развивать системы профилактики, оснастить клиники, реализовать программы ведения хронических больных. По расчетам авторов, это позволит повысить продолжительность жизни с 72 до 76 лет, увеличить численность рабочей силы, а значит, и темпы производства[58].

Наверное, предлагаемые меры дадут эффект. Но, главное, в области увеличения НЧК не организационные мероприятия, которые в области науки, образования и медицины в последние году обрушились на носителей ЧК, а качество таких реформ, которое, на самом деле, дает часто отрицательный вариант.

Действительно, расходы на образование и здравоохранение в России хронически недофинансированы: бюджетных расходов на образование и здравоохранение едва хватает для поддержания текущего уровня их качества, а повысить его вряд ли получится, говорит ректор НИУ ВШЭ Я. Кузьминов. Но и предлагаемые меры будут, скорее всего, неэффективны. Найти деньги предлагается, например, смягчив бюджетное правило и повысив базовую цену на нефть с $40 до $45 за баррель (такое же предложение есть и у Кудрина). По расчетам Центра развития НИУ ВШЭ, это будет ежегодно сберегать около 100 млрд руб. на каждый доллар превышения цены на нефть над базовой ценой. Альтернативное предложение Кузьминова — ввести прогрессивную шкалу НДФЛ.

Главное предложение А. Кудрина — сокращать надо непроизводительные расходы — прежде всего на безопасность и оборону, предлагает ЦСР. Численность занятых в правоохранительной системе можно сократить на четверть, реорганизовать ее, изменив структуру управления и стимулирования сотрудников. Расходы на оборону, возросшие

в 2006–2016 гг. с 2,6–2,7% до 4,4% ВВП, также можно снизить до 2,8%: стабилизировать финансирование закупки вооружений, полностью перевести рядовой состав армии на контрактную основу. Этот «финансово-бюджетный» подход поражает своей наивностью.

Почему, например, предлагается снизить военные расходы до 2,8% ВВП, а не сразу до 1,5–2%, как в большинстве стран Европы? В свое время либеральные экономисты, относившие себя к правящей «демократической» партии, вообще предлагали «закрыть» ОПК и «распустить» армию, которая не нужна России потому, что ей «никто не угрожает». И почти сделали и первое, и второе.

Или почему необходимо делать всю армию на контрактной основе, когда в некоторых «миролюбивых» странах (например, в Швейцарии и Израиле) сохраняется всеобщая воинская повинность, более того, военная переподготовка на протяжении всей жизни. Главное, однако, другое — современный характер войны эволюционизирует в направлении, когда в вооруженной борьбе все активнее будут участвовать не только профессионалы, но и широкие гражданские слои населения. Подходить к анализу таких последствий в области военного искусства с позиций «бюджетного подхода» — идиотизм[59].

Вряд ли кто-нибудь будет спорить с предложением о необходимости реформировать систему социальной поддержки: распределять средства адресно, повысить пенсионный возраст и развивать накопительные системы добровольного пенсионного страхования и т.д., но и это должно быть следствием установки на развитие НЧК, а не структурно-бюджетных реформ.

С предложениями о перераспределении расходов в бюджете в пользу производительных нельзя не согласиться — это необходимо, поддерживает чиновник финансово-экономического блока, в трехлетнем бюджете это отчасти происходит: снижаются по отношению к ВВП расходы на оборону. Предложенный бюджетный маневр стоило проводить раньше, когда он предлагался в Стратегии–2020 (готовилась также для Путина перед его избранием в 2012 г.), — условия были лучше, отмечает директор Центра развития НИУ ВШЭ Наталья Акиндинова. Конфигурация бюджетного правила, которую предлагает Минфин, — сберегать все, что выше $40 за баррель Urals, независимо от цен на

нефть, не оставляет экономике никаких ресурсов для развития, отмечает она. Ресурсы действительно нужно искать в бюджете, говорит Акиндинова, и в системе обороны, и в системе безопасности есть резервы, в социальной политике почерпнуть их будет сложнее из-за бедности населения и высокого неравенства[60].

Предложения Стратегии–2020 так и не были реализованы — сдвиги были скорее в противоположном направлении: расходы на оборону и социальные расходы увеличились, напоминает руководитель Экономической экспертной группы Е. Гурвич, замедлился экономический рост. Поэтому необходимость ускорить его и улучшить структуру бюджетных расходов сейчас еще острее, чем прежде. Если ничего не предпринимать, возникнут бюджетные ножницы: доходы будут падать, расходы — расти, чтобы закрыть этот разрыв, придется увеличивать заимствования, согласен он.

Стратегия ЦСР преследует задачу повысить экономический рост за счет диверсификации экономики и сокращения сырьевой компоненты с опорой на технологическое развитие, глобальная цель — построить экономику знаний постиндустриального этапа, замечает директор Института социальной политики НИУ ВШЭ Л. Овчарова. Этот вполне банальный вывод мало что добавляет к пониманию современной стратегии, опирающейся на действительное опережающее развитие НЧК[61]. Нет альтернатив сырьевой экономике, кроме развития человеческого капитала, продолжает она, делать ставку на дешевый труд Россия не сможет — проиграет Китаю и странам с большим демографическим запасом. Выход — развивать отрасли с высокой долей сложного труда и без инвестиций в образование не обойтись, заключает Овчарова, то же касается здоровья: профессиональная жизнь людей становится более продолжительной, значит, нужно увеличивать продолжительность жизни[62]. Здравоохранение сейчас недофинансировано на 700 млрд — 1 трлн руб., этих денег не хватает на то, чтобы выполнить конституционно прописанные гарантии, оценивает Овчарова. Иных путей, кроме как инвестировать в человеческий капитал, нет — если только не становиться стагнирующей страной, убеждена Овчарова[63].

Проблема бюджетных приоритетов — это всегда политический выбор, рассуждает Акиндинова, пока политический вес силовых структур



Рис. 7.13.

растет, такие предложения продвигать тяжело. Но этот выбор правящей элите объективно предстоит принимать во враждебных условиях и фактической войны, которые будут характеризовать ВПО до 2025 года[64].

Таким образом «вариант Кудрина» — это фактически вариант структурных реформ. Проведенных бюджетными средствами за счет безопасности и обороны, и учитывающий в определенной степени недофинансирование социальной сферы и человеческого капитала (рис. 7.13).

Эта концепция А. Кудрина (не смотря на всю инновационность) отнюдь не означает, что произошел отказ от структурного подхода. В частности, например, в «Энергетической стратегии России» были сделаны фактически те же оценки и обозначены следующие ориентиры: (рис. 7.14).

Бюджет России действительно «весьма зависит» от продажи ресурсов, но в 2014–2015 годах уже в значительно меньшей мере, чем в 2000–2013 годах. Налицо не только рост бюджета в эти годы в 10 раз, но и изменение структуры его доходов, уменьшение зависимости от экспорта энергоресурсов.

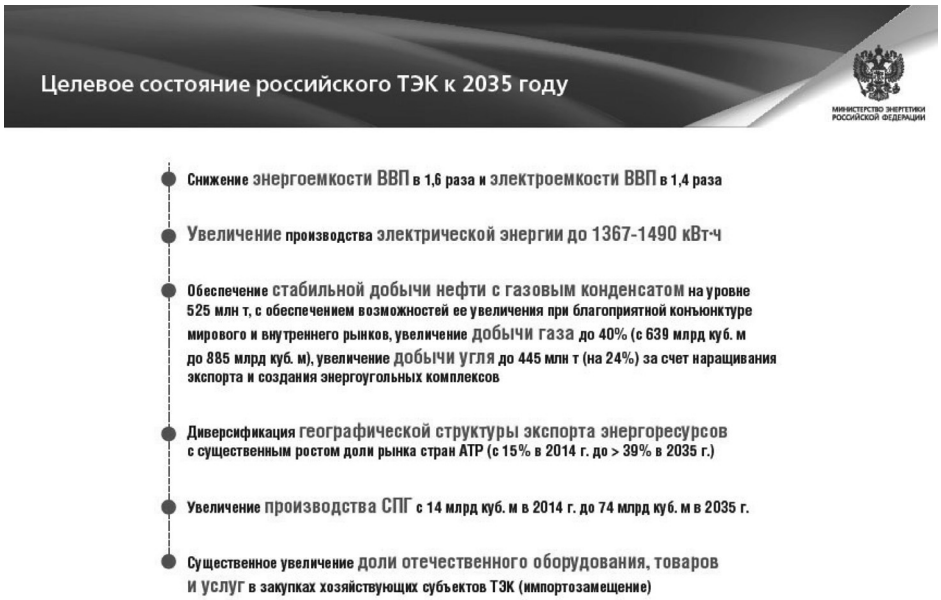


Рис. 7.14[65].

«Попытки модернизации пока дают слабый эффект». Этот вывод экспертов не полностью соответствует действительности потому, что за 2000–2015 годы более 50% промышленности было модернизировано, хотя естественно, можно и нужно было сделать значительно больше в промышленной политике.

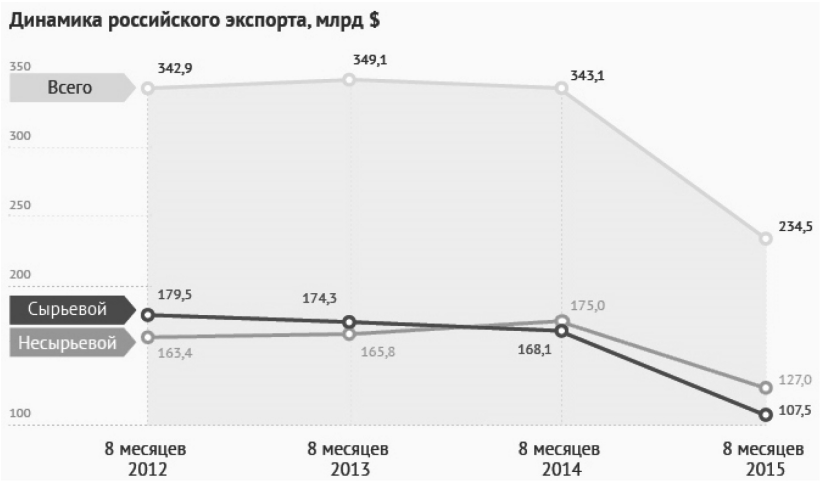


Рис. 7.15. Российский несырьевой экспорт: динамика, точки роста, география

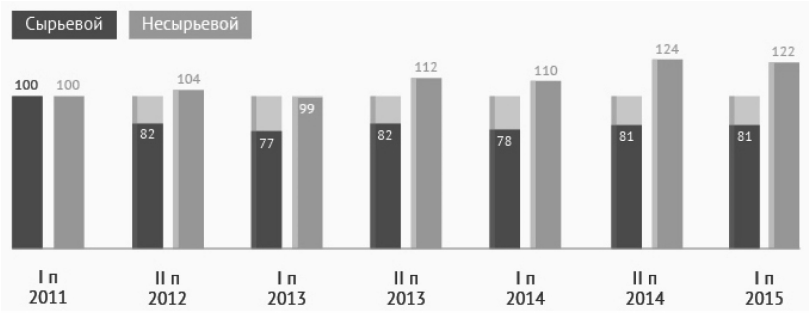


Рис. 7.16. Изменение физического объема экспорта
(в % по отношению к I полугодию 2011 года)



Рис. 7.17. Вклад экспорта несырьевых и сырьевых товаров в ВВП разных стран в 2014 г., %

«Старение рабочих кадров» — общая проблема для всех развитых и даже развивающихся стран, и эта проблема существует в России, но именно в 2012–2015 годы она решалась лучше, чем прежде[66].

Очевидно, что население России не только не уменьшается, но и в 2012–2015 годы даже понемногу увеличивается как за счет естественного прироста, так и за счет иммиграции. С учетом граждан Крыма оно может составить не 130 млн человек в 2030 году (как прогнозировали американцы), а около 150–153 млн человек.

Увеличивается и продолжительность жизни граждан, разница которой с прошлыми годами составляет уж не 15 лет, а не более 8–9 лет, при устойчивой тенденции к сокращению.

«Плечо» прогноза — 2013–2015 гг. — очень короткое, но уже видно, что этот прогноз полностью не оправдался. Но, главное, прогноз США не отражает реалий более важных, чем собственно количественный демографический прирост населения.

В этой связи (приходится повториться) — политическая и идеологическая ангажированность, субъективизм в составлении прогнозов играют решающее значение. Они непосредственно ведут к безответственности, ведь никто не спросит через 10–15 и даже 5 лет с авторов за их заведомо ошибочную позицию[67]. Для целей нашего долгосрочного прогноза развития сценариев МО после 2025 года этот вывод полностью соответствует существующим и будущим реалиям, которые также не раз анализировались в предыдущих работах[68]. Вот почему следует изначально разделять идеологические (публичные) прогнозы и научные прогнозы по степени влияния субъективных факторов. В первом случае они играют определяющее значение, а во втором — случайное, непреднамеренное или личностное.

7.7. Ключевые параметры «Сценария №2» («Инновационного») развития России до 2025 года

Евразийская интеграция — это не только и не столько волюнтаристский проект, сколько объективная необходимость, обусловленная незавершенностью советского проекта и действием острых и во многом схожих вызовов, с которыми столкнулись постсоветские государства[69]

В. Толстых,
профессор

Ключевые параметры развития России в период 2018–2025 годов будут определяться многими группами факторов, среди которых требуется выделить, прежде всего:

— **внешние условия развития,** которые могут быть враждебными, либо неблагоприятными, но, уж, точно не могут быть такими бла-

гополучными, какими они существовали до 2008 года, либо хотя бы до 2014 года; причем степень «неблагоприятности» может быть очень широка — от крайне враждебной, агрессивной, до умеренно враждебной.

— **избранной стратегии социально-экономического развития,** эффективность которой (если ее измерять, например, показателем темпов роста ВВП) колебалась в последние 30 лет от «–15%» до «+8%»;
— **качеством правящей элиты,** принимаемых ею решений, которое было очень плохим, и измеряется такими категориями, как «неприемлемое» (для 1990-х годов), «очень плохое» и «малоудовлетворительное», а также «отчасти удовлетворительное»; к сожалению, примеров других критериев (за исключением очень коротких кризисных периодов качественного принятия решений по Украине, Сирии и Грузии) мы не имеем;
— **ходом мирового развития,** включая тенденциями технологического развития, глобальными объективными и субъективными тенденциями, которые в минимальной степени зависят от принимаемых в России решений;
— **наконец динамикой развития НЧК** в России, особенно ее творческого («креативного») класса и институтов, которые в конечном итоге являются главным критерием национального развития. На мой взгляд, в целом можно оставить вообще только показатели, характеризующие уровень развития НЧК и его институтов, для того, чтобы судить об эффективности управления на всех уровнях:
  — национальном;
  — государственном;
  — отраслевом;
  — региональном.

В частности, например, если мы хотим получить представление о качестве управления на уровне региона, то мы получаем показатели НЧК по региону, которые являются результирующими показателями органов федерального, регионального и местного управления, а также некоторых министерств и ведомств, присутствующих в этом регионе. Они же (показатели НЧК) будут и характеризовать

действительно инновационную составляющую развития, а не искусственные критерии. Так, например, если продолжительность жизни в регионе вырастет на несколько лет, а продолжительность образования, наукоемкость продукции, производительность труда, уровень учреждений искусства и культуры, здравоохранения и пр. изменятся в лучшую сторону, то это и будет реальным критерием оценки эффективности управления, а не придуманные многочисленные критерии[70].

Эти группы факторов развития НЧК и его институтов будут действовать, естественно, на все возможные и вероятные сценарии и варианты России, но их влияние окажется особенно сильным на все варианты «Сценария №2» («Инновационного») развития страны потому, что другие сценарии и их варианты в наименьшей степени зависят от известных и прогнозируемых тенденций.

К числу ключевых факторов, влияющих на перспективы развития, следует отнести и состояние внутриполитической стабильности, которое в России и СССР играло решающую роль с XI века новой эры.

Наконец, эти показатели позволят (и даже заставят нас) отказаться от таких искусственных показателей «макроэкономического развития», которые в действительности не свидетельствуют о реальном национальном развитии.

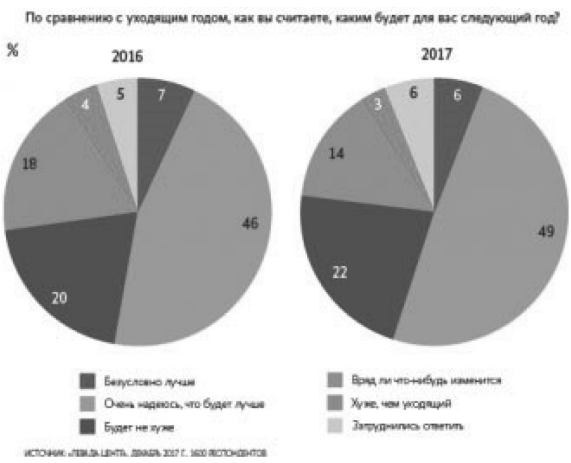


Рис. 7.18[71]. Что ждут и чего боятся россияне в наступившем году

7.7.а). В области государственного управления

Политическая теория переживает сегодня
в России и многих других странах не лучшие времена… широко
распространившийся дилентантизм в политике требует упрощения знания,
легко откликается на всевозможные лозунги и клише…[72]

Т. Алексеева,
политолог

Кризис в области государственного управления, наступивший в СССР с приходом М. Горбачева, сменил теряющую эффективность системы управления, основанной на КПСС, но не улучшил, а, тем более, заменил её на более эффективную, а привел к окончательному разрушению и развалу. К началу нового века и приходу к власти В. Путина Россия представляла собой государство, которое фактически потеряло контроль над внешней и внутренней политикой и ожидало окончательного развала. Запад, инициировавший этот процесс, и всячески инспирировавший его в 1990-е годы, «отошел несколько в сторону», чтобы спокойно дождаться окончательной смерти российской государственности и быть готовым приступить к разделу её наследства.

На удивление всем и в том числе Западу, который вплоть до 2008 года не верил в реанимацию российского государства, Россия не только выжила, но и стала постепенно возвращать себе инструменты управления и влияния государства как внутри страны, так и за рубежом. Это, естественно, встретило сначала недоумение, а затем и нарастающий протест со стороны Запада, который уже спланировал не только раздел, но и дальнейшее существование своей цивилизации без России[73]. Постепенно этот протест стал перерастать в силовую политику, приобретавшую в нарастающей степени военно-силовые черты в 2014–2017 годы, которые к 2018 году превратились в системную политику «силового принуждения», рассчитанную до 2025 года[74].

а). В области государственного и общественного управления будет **нарастать неудовлетворенность неэффективностью социально-экономической** и финансовой политики страны, которая отчасти будет компенсироваться положительными результатами внешней и военной политики В. В. Путина.

Такое недовольство имеет под собой объективные причины:

- растущее неравенство особенно остро реагирует на инфляцию и снижение уровня жизни большинства населения, виновниками которых в России всегда было руководство государством («плохие бояре»);
- инновационные цели реализуются слабо и непосредственно, как правило, в большей степени в публичной области (пропаганда «приоритетных национальных проектов», «инновационной стратегии» и пр.), которая происходит на фоне деградации некоторых отраслей обрабатывающей промышленности, развала приборостроения и фактического отсутствия эффективной промышленной политики и кредитования;
- расширяется разница между благополучными центрами, в которых концентрируется наукоемкое производство и финансы, и периферией, где особенно ярко проявляются социально-экономические различия, национальные, религиозные и иные противоречия;
- огромная разница в доходах, коррупция и безработица будут той питательной средой, которая будет генерировать социальный протест и требовать изменений в государственном управлении;

б). Будут продолжаться эксперименты с повышением эффективности государственного управления во всех областях:

- исполнительной федеральной и региональной власти;
- Федерального Собрания;
- органов местного самоуправления.

Эти эксперименты традиционны для общественно-политической системы России, с одной стороны, и необходимы в силу её явной неэффективности, с другой.

в). Отсутствие строгой вертикали военной организации государства, когда целые области государственного управления (общественные институты и бизнес) фактически выпадают из этой сферы, потребует в условиях нарастания военно-силового противоборства повышения управляемости и реформы системы управления военной организации государства:

- включения в её сферу общественных институтов;
- подчинения частного и корпоративного бизнеса;

— переоценки роли МО и Генерального штаба в системе управления страной и нацией.

г). Опыт прямых действий в Исландии, когда инициатива отдельных граждан привела к качественной переоценке и пересмотру управления страной с помощью методов «прямой демократии» показывает, что по мере развития средств информатики, социальных сетей и систем связи вероятно произойдет и смена социальных и политических моделей развития и управления обществом и государством, которые будут в большей степени соответствовать инновационному характеру современного развития.

7.7.б). Территория

Территория России возможно увеличится за счет новых независимых государств (Приднестровья, Южная Осетия, Абхазия), но, главное, может расшириться за счет воссоединения с бывшими советскими республиками, где возможно расширение антиэлитных настроений. Если российская правящая элита сформулирует последовательную политику по отношению к постсоветским государствам и будет её реализовывать во всех областях — политико-дипломатической, социально-экономической, информационной, культурной, образовательной и других, — в том числе в сочетании с реальной поддержкой пророссийских групп внутри этих стран, то можно ожидать ускорение процесса восстановления единого сообщества постсоветских государств либо в форме «реального СНГ», либо «русского мира», либо Конфедерации, либо, наконец, империи.

Главное, однако, заключается в том, что развитие объективных глобальных тенденций, прежде всего, в области связи, информатики, транспорта, экономики, торговли будет понижать роль национальных государств и суверенитетов. Этому объективному процессу будет всячески содействовать элита транснациональных корпораций и международных институтов, которая создает «универсалистскую» базу — правовую, экономическую и политическую — под этот процесс.

Это неизбежно в свою очередь приведет к усилению национальных и националистических тенденций (пример БРЭКЗИТА, правых во Франции, Венгрии, Испании), что отразится на внешней политике

этих государств и их государственном устройстве. Неизбежное нарастание противоречий внутри этих стран (пример: позиция Шотландии и Великобритании по выходу из ЕС) может привести к конфликтам, которые особенно ожидаемы для новых стран-членов ЕС, чьи элиты получило много минусов и мало плюсов от присоединения к «Единой Европе». До 2025 года эта проблема будет актуальна практически для всех государств не только Европы, что будет каждый раз являться вызовом для российской внешней и военной политики: пример Молдавии и Украины, где общество и элиты разделены практически поровну, — очень показателен потому, что этот пример характерен и для других государств в той или иной форме.

Отдельный вопрос — транспортные коридоры, значение которых к 2025 году будет постоянно возрастать, в частности, например, Северного морского пути, который вполне возможно превратится в привлекательную транспортную артерию, а также коридоры, связывающие регионы России с китайскими транспортными коридорами в Азии и Европе[75].

7.7.в). Природные ресурсы

В 2018–2025 годы для России сможет сложиться благоприятная ситуация с точки зрения её контроля над известными (разведанными и пригодными к эксплуатации) природными ресурсами. Её доля в мировых запасах в 2016–2017 годы быстро увеличивалась не только по нефти, но и по газу. Это означает, что если тенденция сохранится до 2025 года, то значительная часть доступных природных ресурсов будет контролироваться Россией, что может привести как к естественным положительным, так и отрицательным последствиям, в частности, попыткам силовым образом оспорить суверенитет страны над некоторыми акваториями и территориями в мире.

Инновационный сценарий развития России до 2025 не предполагает значительных изменений в развитии ресурсной базы страны. Исключением являются проекты экспорта энергоресурсов, в которых будет продолжаться активно вестись геологоразведка и строительство трубопроводов…

7.7.г). Количество и качество национального человеческого капитала

Универсализм — идеология, принятая Западом для противостояния незападным культурам[76]

С. Хантингтон
политолог

Нарастающее внешнее давление на Россию со стороны Запада в 2018–2025 годы может быть системно компенсировано только опережающими темпами развития НЧК и его институтов. Быстрое (а тем более сверхбыстрое, опережающее) развитие России до 2025 года возможно, в свою очередь, только при условии определения и движения по собственному пути развития, который не копировал бы слепо западные стандарты и принципы, но предлагал свою систему национальных ценностей и приоритетов, в рамках которой создавался бы не абстрактный «универсальный», а национальный человеческий капитал. Это — наиболее сложная и приоритетная задача, стоящая перед властью и политической элитой страны[77].

Учитывая, что НЧК в настоящее время создает более 90% ВВП и является главным показателем демографического и социально-политического развития, перед Россией стоит задача до 2025 года резко увеличить все основные показатели НЧК — душевой доход, продолжительность жизни, продолжительность образования, качество национальной науки и культуры, — минимизировав внешнее влияние на формирование НЧК и его институтов, прежде всего, в области идеологии, политики и государственного управления.

Влияние Запада, его системы ценностей и принципов универсализма с 80-х годов прошлого века на российскую нацию привело к катастрофическим ошибкам, избавиться от которых можно только выйдя на самостоятельный, национальный путь развития. Я об этом неоднократно писал с конца 1980-х годов[78], но реальное движение в этом направлении обозначилось эмпирически, не осознанно, со второй половины первого десятилетия нового века[79]. Проблема сегодня заключается в том, что дать возможность для опережающего развития НЧК может

только сознательная и последовательная деятельность правительства во всех важнейших областях, но, прежде всего, в идеологии.

Именно идеология должна сформулировать политические приоритеты национального развития, которые затем должны быть оформлены в социально-экономическую стратегию и стратегию национальной безопасности, которые, в свою очередь, должны быть подкреплены приоритетами финансово-бюджетной и экономической политики и инструментами управления государством и обществом. Только такая последовательность обеспечит нам достижение главной цели — опережающего развития НЧК[80].

Известно, что главной проблемой в реализации инновационного сценария развития России является качество человеческого капитала, которое, как уже говорилось, улучшается крайне медленно. Причин этому много и их нельзя ограничить узким перечнем, как это было в 90-е годы, когда происходило национальное вырождение и было ясно, что без срочного решения социально-экономических проблем Россия превратится в опустошенную территорию. К 2018 году эта проблема видится уже более сложной. Так, в 2018–2025 годы, например, сохранится тенденция «вымывания» представителей наиболее образованной части населения, значительная часть которой выбирает эмиграцию из России в развитые страны (необходимо учитывать, кстати, что среди неё возрастает доля тех, кто возвращается на родину в Узбекистан, на Украину и в другие страны из-за изменения условий существования в России).

Среди стран дальнего зарубежья больше всего россиян принимают традиционно Германия, США и Израиль. При этом с 2012 по 2015 год число уехавших из России на постоянное место жительство в другие страны активно росло. Так, в 2015 году страну, по данным Росстата, покинуло 350 000 человек, в 9,5 раза больше, чем в 2010 году. Это был 16-летний рекорд — предыдущий пик пришелся на кризисный 1999 год. Всего же в период с 1989 по 2015 год Россию оставили как минимум 4,5 млн человек. Но это неточные данные: так как методология учета миграционных потоков из России поменялась за последнее десятилетие, узнать точное число уехавших не представляется возможным, отмечал Комитет гражданских инициатив (КГИ) в прошлогоднем докладе «Эмиграция из России в конце XX — начале XXI века»[81].

Таким образом в конце прошлого века и в новом столетии из России уехало почти 5 млн человек, большинство которых имело высокий и очень высокий уровень развития НЧК, т.е. произошло фактически обескровливание национального организма страны, что имеет, кстати, и количественные экономические измерения: если допустить, что «стоимость» одного специалиста (учитывая деньги, затраченные на его образование, выживание, воспитание и профессиональную подготовку), как считают некоторые эксперты, составляет 1 млн долл., то оказывается, что Россия потеряла (1,5 млн чел. х 1 млн долл. = 1.500 000 000 000 долларов) 1500 млрд долларов только от утечки НЧК. Но, в действительности, это, конечно очень и очень приблизительные оценки — творческая и профессиональная личность «стоит» гораздо дороже. Так, «стоимость» пилота палубной авиации может составлять 15–20 млн долларов, а профессора, чье изобретение привело к возникновению новой отрасли знания или технологии — миллиардов.

Огромное и не исследованное пространство находится в области влияния НЧК на формирование институтов его развития и, естественно, наоборот — институтов развития на НЧК. В новом веке эта взаимосвязь осознается на примере роли университетов, определяющих уровень национального развития, и их роли в экономике и политике страны. Для России эмиграция приобретает исключительно опасный характер из-за потерь демографического, социально-экономического и интеллектуального капитала, указывали авторы доклада КГИ. В разных слоях общества, по данным исследований, доля готовых уехать из страны колебалась от 8 до 23%, причем максимальной она была среди молодежи и высокообразованных жителей крупных городов.

Основные причины эмиграции — личные, свидетельствовали данные социоисследований. Среди них — сомнения в личной и экономической безопасности, неудовлетворенность перспективами роста материального благосостояния, социального статуса. Среди других причин желания покинуть родину — нестабильные экономические условия ведения бизнеса, коррумпированность, низкие бюджетные расходы на науку и образование, недоверие к правоохранительной и судебной системе, сочувствие оппозиционным взглядам и боязнь подвергнуться преследованию из-за своей позиции. За границей потенциальные эми-

гранты надеялись улучшить качество жизни и найти благоприятный предпринимательский климат.

Среди стран дальнего зарубежья больше всего россиян принимают традиционно Германия, США и Израиль. Но как раз туда поток изменился не так сильно. Например, в Германию, лидирующую по числу принятых на ПМЖ россиян, в 2016 году уехало «всего» на 23% больше граждан России, чем в 2011 году. Бурный рост эмиграции обеспечил отъезд россиян в Узбекистан, на Украину и в Таджикистан. Например, в Узбекистан за 2014 и 2015 годы отправилось почти 190 000 человек, тогда, как в 2011 году — всего 2200 человек. Трудовые мигранты из бывших республик СССР возвращались домой, покидая страну, работать в которой после экономического кризиса и обострения внешнеполитической обстановки стало уже не так выгодно, объясняют эксперты[82].

Интересно, что в 2016 году на первое место по числу приехавших россиян вышла Украина — она приняла 60 000 человек. Поток уезжающих в эту страну растет с 2014 года, когда Россия включила в свой состав Крым и ее отношения с Украиной резко ухудшились.

Россия — на шестом месте по количеству покинувших страну долларовых мультимиллионеров, свидетельствуют данные исследования The Wealth Report 2017, проведенного Knight Frank совместно с консалтинговой компанией New World Wealth. Опросив инвестбанкиров и управляющих личными состояниями, эксперты подсчитали: с 2003 по 2013 год Россию покинули 14 000 обладателей миллионных и миллиардных состояний, или 17% от их общего числа. То есть в среднем по 1400 человек в год. В следующие три года поток резко вырос — из страны уехало 6000 состоятельных россиян. По данным того же исследования, в 2016 году Россию оставило около 2000 долларовых мультимиллионеров. Примечательно, что примерно столько же богачей покинули Испанию и Бразилию

К сожалению, приходится констатировать, что не смотря на попытки правительства изменить ситуацию в демографической области, предпринимавшиеся в последнее десятилетие, демографические изменения в России в результате развития по инновационному сценарию в 2018–2025 годы будут незначительными и в целом отражать сложившуюся негативную тенденцию как с точки зрения роста населения, так

и организации миграционных потоков. Не удастся переломить негативных в целом демографических тенденций. Что стало бы заметным в такой промежуток времени[83].

К 2025 году демографическая проблема России приобретет явный приоритет, как минимум. В трех областях:

— старение населения, изменение пропорций среди работающей и неработающей части в худшую сторону;
— опасные пропорции мигрантов в ряде регионов страны;
— сохранение отставания в качестве и темпах развития НЧК.

Современное общество в развитых странах переживает процесс, который ученые называют демографическим переходом: равновесие высокой смертности и высокой рождаемости сменяется равновесием низкой смертности и низкой рождаемости. Произошло это благодаря успехам науки, в первую очередь, медицинской. Детская смертность во много раз сократилась, теперь уже не надо рожать «запасных» детей, выживут почти все. Многие болезни перестали быть смертельными, старость отодвинулась. Структура населения выглядит не так, как 50 и тем более 100 лет назад. Доля людей старшего возраста непрерывно растет, доля молодых становится меньше. Этот процесс характерен для всех развитых стран — везде уменьшается смертность, увеличивается продолжительность жизни. Период «после зрелости» скоро будет продолжаться треть жизни. Менять ситуацию невозможно: как говорится, так природа захотела. Но можно приспособиться[84].

Проблеме старения населения была посвящена конференция «Общество для всех возрастов». Отношение государства и общества к людям старше 60 лет пересматривается. Каждое следующее поколение может наблюдать, как меняются их самоощущения, возможности, потребности по сравнению с предшественниками.

Профессор А. Вишневский, директор Института демографии НИУ «Высшая школа экономики», констатировал, что демографическое старение — общемировой тренд. Оно поменяло характер отношений между поколениями, типичные траектории индивидуальной и семейной жизни и постепенно ставит в непривычные условия практически все системы социальной жизнедеятельности: рынок труда и потребительский рынок, системы образования и здравоохранения, пенсионную

систему и систему организации досуга. Это приводит мир к невозможности жить по-старому в новых условиях и к необходимости глубоких перемен и отказа от многих прежних представлений. Старение происходит снизу — рождается меньше детей и сверху — увеличивается продолжительность жизни. Старение сверху, если оно сопровождается увеличением продолжительности здоровой жизни, открывает возможности как удлинения периода трудовой деятельности людей, так и активной жизни после ее окончания[85].

А. Вовченко, первый заместитель министра труда и социальной защиты РФ, заявил: «Уже к 2035 году пожилых людей будет большинство. И мы должны ответить себе на вопрос, каковы будут потребности этого большинства и как их будет воспринимать общество. Разработка стратегии долговременного ухода за пожилыми людьми очень важна. Ее главная задача — создание условий для активного долголетия — впервые ставится в стратегическом документе»[86].

Самая большая доля пожилых среди всех стран мира (25%) — в Японии. В нашей стране процент жителей старше трудоспособного возраста уже тоже достигает почти четверти всего населения. В России самый важный компонент, старение сверху, хуже, чем в других развитых странах, говорит Анатолий Вишневский. Во Франции, например, по сравнению с 1965 годом продолжительность жизни после 60 лет выросла на 7,5 года. У нас же у женщин она увеличилась на полтора года, у мужчин — лишь на полгода. Только сейчас мы достигли цифр как полвека назад, во времена Хрущева.

Новый метод определения старости — не по хронологическому возрасту, а по тому, сколько человеку предстоит прожить. Если принять в качестве условного порога старости возраст, начиная с которого ожидаемая продолжительность жизни становится ниже 15 лет, то в России старость наступает у мужчин на 8–9 лет раньше, чем в большинстве развитых стран, у женщин — на 4–7 лет раньше. При этом Россия существенно уступает другим странам по продолжительности здоровой жизни. Разрыв со многими странами достигает 10 и более лет у мужчин и 6–9 лет у женщин.

Это означает, что многие проблемы, которые появляются у пожилых людей и требуют внимания общества (лечение, уход и т.п.), в Рос-

сии возникают в более молодом возрасте, чем в других стареющих странах, и, при прочих равных условиях обходятся обществу дороже. Если предположить, что эти проблемы в России возникают с переходом через 60-летний рубеж, а в странах с более высоким порогом старости — с достижением 70 лет (примерно соответствует реальным данным), то надо сравнивать долю россиян в возрасте 60 и более лет с долей японцев, итальянцев в возрасте 70 лет и более. У них эта доля ниже, значит, и нагрузка на общество меньше, несмотря на большее старение по шкале хронологического возраста. Это имеет прямое отношение к определению пенсионного возраста. Его можно увеличивать, если увеличивается продолжительность здоровой жизни[87].

Профессор Павел Воробьев, заведующий кафедрой гематологии и гериатрии Первого Московского медицинского университета им. Сеченова, заявил: «Считается, что в пожилом возрасте формально нет здоровых людей, но можно ли только из-за наличия хронической болезни считать пожилого человека больным и когда его можно признать здоровым? Ни в коем случае нельзя забывать, что пожилые люди со своими болезнями могут жить десятки лет с высоким качеством жизни»[88].

Демографическое старение — это не катастрофа, а **целое поле вызовов** всем социальным институтам, заключил Анатолий Вишневский. Те же самые демографические процессы, которые приводят к старению, создают и предпосылки для ответа на эти вызовы. Если эти процессы пробуксовывают, что имеет место в России, нет и соответствующих предпосылок. Если общество не отвечает на вызовы времени, вызовы превращаются в катастрофу. Сформировавшаяся возрастная структура сама по себе не хуже и не лучше прежней, но она другая и никогда уже не вернется к прошлому. Важно это понять и принять.

7.7.). Культура и религия «Ренессанс российской культуры и духовности»

Россия может стать мировым лидером в области культуры и духовности в новом веке. Это, безусловно, признается и начинает пониматься в современной России. И такое обстоятельство может стать драйвером

роста российской экономики, развития общества и НЧК, что в итоге положительно повлияет на темпы и качество социально-экономического развития и безопасность страны[89].

Внешнее давление объективно усиливает эту тенденцию, заставляя правящую элиту и общество развивать и опираться на систему национальных ценностей и приоритетов развития.

7.7.е). Экономика

Опыт развития России до 2018 года свидетельствует о снижении инновационных факторов в её экономике не смотря на все попытки их оживления со стороны правительства. Существующая модернизация не в полной мере отвечает современным вызовам, сообщили в октябре 2017 года вынужденно в Минэкономразвития (МЭР). В советское время коэффициент обновления основных фондов в экономике был существенно выше, чем сейчас в России. В пресс-службе МЭР привели такие значения коэффициента: «В 1970 — 10,2%, 1980 — 8,2%, 1985 — 7,6% и 1990 — 5,8%». При этом наблюдалось «накопление» устаревшего оборудования из-за низких темпов выбытия, добавили в ведомстве.

По данным Росстата, сейчас коэффициент обновления основных фондов составляет около 4%, а выбытия — чуть меньше 1%. При этом темпы обновления, по данным Счетной палаты, замедляются. Когда коэффициент обновления составляет ежегодно 4%, это значит, что для полной замены старых фондов (оборудования, сооружений и т.п.) понадобится 25 лет. Соответственно показатель 3% удлиняет период обновления до 33 лет, а 2% — до 50 лет.

Между тем в Минэкономразвития добавили: «Рассматривая динамику производственных мощностей, следует отметить, что начиная со второй половины 2000 г. резко возросла интенсивность вводов при сохранении интенсивности выбытия, что привело к «омоложению» основных фондов предприятий. Так, в 2015 году средний возраст машин и оборудования в целом по экономике составил, по данным Росстата, 11,1 год (в том числе по сельскому хозяйству, охоте и лесному хозяйству — 9,4 года; промышленности — 11,7 лет; обрабатывающим производствам — 12 лет)». «Сверхлидерами» в обновлении производственных

мощностей (прирост мощностей за 15 лет составляет более, чем два раза) стали производства резиновых и пластмассовых изделий, электро- и оптического оборудования.

Просто к «лидерам» (прирост мощностей — 1,5–1,7 раза) относятся производства пищевых продуктов и транспортных средств, добыча и обогащение угля[90]. Секторы экономики, занимающие средние позиции (прирост мощностей весьма органичен), — практически все сырьевые производства, добыча топливно-энергетических полезных ископаемых.

Среди «аутсайдеров» (объем мощностей сокращается) — легкая промышленность, производство машин и оборудования (не включая оборонно-промышленный комплекс). «Риски аварийности из-за недостаточного обновления фондов наблюдаются в следующих отраслях: добыча полезных ископаемых (степень износа основных фондов на конец 2016 года составила 57,5%), транспорт и связь (55,7%), здравоохранение и предоставление социальных услуг (56%)»[91], — перечислили в МЭР.

Инновационное развитие России до 2025 года будет сильно затруднено неблагоприятными тенденциями в развитии МО и ВПО в мире в этот период. Прежде всего, по следующим причинам:

— на Россию будет оказываться беспрецедентное силовое давление Запада, которое будет являться частью проводимой политики «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ»;
— будет сохраняться, более того, вероятно даже ухудшаться неблагоприятный внешнеполитический климат, санкции и ограничения на научно-техническое сотрудничество;
— будет продолжаться падение товарооборота с Западом, которое может привести в итоге к 2025 году к его радикальному сокращению до уровня 25–30% от уровня 2013 года;
— введение дополнительных санкций и ответные меры России неизбежно приведут к свертыванию до минимального уровня экономического, технологического и научно-технического сотрудничества между Россией и Западом, которое, однако, может быть в значительной степени компенсировано развитием отношений со странами, не входящими в западную коалицию.

Экономическое развитие страны в результате реализации инновационного сценария может быть, тем не менее, существенно лучше, чем при сохранении инерционного сценария в самом оптимистическом из его вариантов[92]. Прирост ВВП составит не менее 2% в год (хотя при благоприятных обстоятельства может быть и 3,5–4%).

7.7.ж). Наука, технологии и образование: «Возвращение к реалиям»

Главная задача инновационного развития России заключается в реализации собственных и мировых технологических достижений максимально быстрыми способами. Это означает, в конечном счете, способность сконцентрироваться на освоении важнейших технологических направлений, которые существуют на настоящее время. Таких, как правило, выделяют 12–15. В частности, один из примеров выделения таких приоритетов выглядит следующим образом (он интересен тем, что был предложен 2 года назад, а в 2017 году его можно уже верифицировать)[93]. Так, специалисты McKinsey Global Institute рассказали несколько лет назад о 12 прорывных технологиях, которые могут кардинально изменить нашу жизнь, бизнес и глобальную экономику совсем скоро до 2025 года. В предлагаемом отчете подробно рассматривалось 2 года тому назад, как именно эти технологии смогут изменить мир и с какими проблемами придется столкнуться при их внедрении.

Во-первых, эксперты заявили, что в действительности оказать по-настоящему значительное влияние на нашу жизнь смогут лишь немногие из них. Ниже перечислены самые важные и перспективные технологии, по версии McKinsey Global Institute. Во-вторых, **по оценке экспертов, потенциальная экономическая выгода от внедрения этих технологий уже к 2025 году может составить от 14 до 33 трлн долл. в год.** При этом отмечается, что приведенные цифры не являются прогнозом, а призваны дать представление о том, какое влияние на экономику могут иметь ключевые преимущества внедрения этих технологий.

Попытаемся характеризовать эти оценки с позиций сегодняшнего дня и влияния на военно-политические особенности развития России до 2025 года.

Мобильный интернет

Всего за несколько лет подключенные мобильные устройства прошли путь от предметов роскоши для немногих в неотъемлемую часть жизни для более чем 1 млрд человек, владеющих современными смартфонами и планшетами. В США уже в то время 30% всего веб-серфинга и 40% использования соцсетей приходится на мобильные гаджеты; к 2015 году, как ожидалось, что беспроводной интернет обгонит проводной.

Теперь мы всегда на связи, и у нас под рукой масса полезных мобильных приложений. Мы по-новому получаем информацию, по-другому ее воспринимаем и даже иначе контактируем с окружающим миром. А наши мобильные гаджеты с каждым годом становятся все умнее, приобретая новые возможности и формы, включая носимую электронику.

Развитие мобильного интернета оказывает значительное влияние и на бизнес, и на общественную жизнь: производительность труда растет, появляются все новые полезные сервисы. **А в развивающихся странах мобильный интернет имеет особенное значение, открывая миллионам людей доступ ко всем возможностям глобальной Сети.**

Последнее замечание имело исключительно важное значение для организации «цветных» революций в странах Северной Африки и Ближнего Востока.

Искусственный интеллект

Достижения в сфере искусственного интеллекта, машинного обучения и естественных пользовательских интерфейсов (включая распознавание речи) позволили автоматизировать многие задачи, с которыми прежде мог справиться только человек. К примеру, сегодня многие программы могут выполнять неструктурированные запросы давать релевантные ответы на вопросы, заданные на естественном человеческом языке. Это может полностью изменить процесс организации интеллектуального труда. Часть задач, которые сегодня выполняют люди, могут полностью взять на себя машины.

А усовершенствованные аналитические инструменты смогут заменить даже высококвалифицированных сотрудников, освобождая их время для решения более сложных и важных задач.

Интернет вещей

Под Интернетом вещей понимают оснащение физических объектов, окружающих нас, различными сенсорами с доступом к интернету. Это позволит объединить возможности Сети с реальной жизнью и сделать окружающие нас предметы интеллектуальными. Сети дешевых в производстве сенсоров, которые осуществляют постоянный мониторинг и сбор информации, необходимой для выявления различных проблем и принятия решений, могут радикально улучшить жизнь каждого жителя нашей планеты: излечить тяжелые болезни, помочь решению климатических проблем и сделать каждый день нашей жизни счастливее.

Например, интеллектуальные системы домашнего мониторинга состояния здоровья позволят врачам своевременно диагностировать серьезные заболевания и принимать необходимые меры на ранней стадии развития болезни.

Облачные технологии

Благодаря облачным технологиям, обычные пользователи и бизнес могут пользоваться возможностями самых разных сервисов без установки специализированного ПО, с минимальными затратами и максимальной гибкостью. Облачные технологии позволяют легко масштабировать многие важные задачи и направления работы; как правило, дополнительные мощности легко добавляются в режиме «по требованию», без временных затрат и значительных денежных вложений.

Значение облачных технологий в современном мире сложно переоценить. В конечном итоге, облачные технологии способствуют развитию бизнеса, созданию массы полезных сервисов, разработке новых эффективных бизнес-моделей.

Усовершенствованная роботехника

На сегодняшний день роботы чаще всего используются, чтобы выполнять за человека физически тяжелую, вредную, опасную или неприятную работу, например, во вредном промышленном производстве. Правда, в большинстве случаев это довольно дорогие и не слишком удобные в использовании машины.

В будущем, благодаря сенсорам и датчикам, искусственному интеллекту и Интернету вещей, роботы приобретут подобие органов чувств и мышления и смогут качественно выполнять значительно более сложные задачи. Они станут более компактными и более простыми в использовании, и сфера их применения значительно расширится.

Можно ожидать, что в ближайшем будущем усовершенствованные роботы найдут широкое применение в промышленности, сфере услуг и даже в медицине. Например, роботехника может помочь значительно повысить качество жизни людей с ограниченной подвижностью.

Автономные автомобили

Частично или полностью автономный транспорт стал реальностью благодаря машинному зрению, искусственному интеллекту, современным сенсорам и датчикам. И такой транспорт, от военной техники до самоуправляемых автомобилей Google, может кардинально изменить многие сферы.

Автономный транспорт позволит значительно повысить эффективность в сфере грузоперевозок, сделать вождение автомобиля более безопасным, уменьшить объемы вредных выбросов в атмосферу, а также освободить время, которое водители тратят на дорогу, для более важных дел.

Геномика нового поколения

Геномика нового поколения объединяет достижения в сфере модификации генетического материала с новейшими разработками в сфере анализа больших данных.

Сегодня на изучение генома человека уходит несколько часов и несколько тысяч долларов. А ведь когда-то на это потребовалось 13 лет и 2,7 млрд долл.! Благодаря возможностям современной компьютерной техники ученые могут гораздо быстрее, качественнее и с меньшими затратами проводить исследования, необходимые для борьбы с серьезными заболеваниями. Кроме того, постепенно снижается стоимость медицинской диагностики, повышается качество лечения.

Следующий шаг синтетическая биология: проектирование и создание новых биологических систем. Все это открывает массу возможностей в медицине, что может спасти и продлить жизнь не одному миллиону человек.

Хранение энергии

Технологии для хранения энергии включают батареи и другие системы, которые позволяют хранить энергию для последующего использования. Литий-ионные батареи и топливные элементы уже используются в электрических и гибридных транспортных средствах, наряду с потребительской электроникой. В частности, литий-ионные аккумуляторы за последние годы приобрели большую популярность на фоне заметного снижения стоимости.

В скором будущем благодаря дальнейшему развитию технологий хранения энергии стоимость электрических транспортных средств станет сопоставима со стоимостью машин с двигателями внутреннего сгорания.

Кроме того, усовершенствованные системы хранения энергии будут способствовать распространению солнечных и ветровых электростанций, а также позволят более экономно расходовать энергию. В развивающихся странах благодаря возобновляемым источникам энергии вкупе с новыми системами хранения энергии люди, которые прежде были этого лишены, получат надежный источник энергии.

3D печать

До сегодняшнего момента 3D печать использовалась преимущественно дизайнерами и в довольно ограниченных рамках. Возможности современных 3D принтеров растут, выбор материалов расширяется, стоимость (и принтеров, и материалов) снижается и в результате 3D печать действительно может стать массовой технологией.

Благодаря 3D печати, путь от идеи до реализации продукта значительно сокращается, минуя многие обычные стадии процесс производства. 3D печать открывает интересные возможности для производства предметов «по требованию», что позволит снизить затраты на доставку и хранение товаров. Кроме того, 3D печать позволяет создавать объекты, которые сложно или невозможно создать традиционными способами. Ученые уже тестируют 3D печать стволовых клеток, что позволит «выращивать» человеческие органы для пересадки, имея лишь небольшой образец ткани пациента. Такая разработка сможет спасти очень много человеческих жизней.

Улучшенные материалы

За последние годы ученые достигли больших успехов в производстве материалов с невероятными характеристиками. Например, разработаны материалы, обладающие возможностями самозаживления и самоочищения, самостоятельно принимающие исходную форму, превращающие давление в энергию, а также наноматериалы.

Последние имеют наибольшее значение с точки зрения возможностей и перспектив. На наноуровне обычные материалы приобретают особенные качества. Такие разработки, в частности, могут найти широкое применение в медицине, например, в протезировании.

Графеновые и карбоновые нанотрубки могут быть использованы для создания новых типов дисплеев и высокоэффективных аккумуляторов и солнечных батарей. В свою очередь, фармацевтические компании уже экспериментируют с наночастицами для точечного лечения таких серьезных заболеваний, как рак.

Новые методы разведывания и добычи нефти и газа

Новейшие методы разведывания и добычи так называемых нетрадиционных залежей нефти и газа произвели настоящую технологическую революцию, позволив добраться до ресурсов, которые прежде были недоступны. Значение этих технологий трудно переоценить: они позволят обеспечить людей топливом на долгие годы вперед и придать заметный толчок развитию энергоемких отраслей.

Кроме того, не исключено, что благодаря новым технологиям разведывания и добычи нефти и газа удастся открыть месторождения новых ресурсов (метан угольных пластов, клатраты метана и другие), что может произвести еще одну «революцию» в энергетике.

Возобновляемая энергия

Возобновляемые источники энергии, включая солнце, ветер и морские волны, обещают обеспечить человечество энергией, которая не оказывает разрушительного влияния на экологию, никогда не закончится и доступна практически всем, в отличие от месторождений нефти и газа. Со временем «чистая энергия» становится все доступнее с финан-

совой точки зрения: так, за последние 20 лет стоимость энергии, произведенной солнечной электростанцией, снизилась уже в 10 раз.

«Чистая энергия» находит широкое применение в развитых странах, включая США и страны Европы. В свою очередь, такие страны, как Китай и Индия, также намерены агрессивно внедрять технологии производства «чистой энергии», что может дать заметный толчок экономике развивающихся стран.

С одной стороны, каждая из этих 12 технологий может значительно изменить наш мир в лучшую сторону. С другой стороны, на пути внедрения каждой новой технологии немало препятствий: на разработку эффективных и доступных по стоимости решений требуются годы времени и миллионы денег, а нередко и новые законы, не говоря уже о серьезных изменениях в привычках людей. Насколько значительным будет влияние каждой из этих прорывных технологий на жизнь людей, на бизнес и на глобальную экономику зависит от очень и очень многих факторов.

Опережающее развитие науки и образования возможно только на национальной почве, когда лучший мировой опыт адаптируется к российским реалиям, а не пытается их уничтожить. Эту простую истину начали осознавать в правящей элите России к 2017 году, что привело к внесению корректив в проводившуюся в 1990–2010-е годы политику[94].

Можно ожидать, что требования инновационного развития в условиях фактической внешней блокады приведут к окончательной переориентации в приоритетах[95] национальной научно-образовательной политики. Это сделает её развитие более динамичной, а положительное влияние на НЧК и экономику и безопасность страны еще более заметным.

Важное значение имеет организация процесса возвращения ученых, уехавших за границу, на работу в Россию. «Заявления о том, что из страны уехали 800 тысяч ученых — то есть больше, чем их было на момент распада Советского Союза, — в том числе 80% физиков, 50% математиков и т.д., больше похожи на спекуляции», — считает доктор экономических наук, руководитель группы по научной и промышленной политике Сколковского института науки и технологий И. Дежина. Не так давно были опубликованы результаты проведенного под ее ру-

ководством исследования о российской научной диаспоре за границей и судьбах ученых, принявших решение вернуться. «Достоверной информации, кто и куда уехал, нет. Но известно, что в начале 90-х из науки в другие сферы деятельности уходили до 90% ученых — и лишь 5% уезжали за рубеж», — отмечает Дежина. Косвенно это подтверждается, например, данными о количестве профессоров российского происхождения, работающих в американских университетах, — их немного по сравнению с китайцами или индусами.

«Очевидно, что уехало огромное число ученых, но при подсчете многое зависит от того, что вы понимаете под словами „уехавший ученый“. Например, переезжает в Америку или Европу студент или школьник, который уехал вместе с родителями. И уже там становится крупным ученым. А бывает наоборот: уезжает ученый, но на новом месте жительства в науке не работает — открывает магазин или сидит на пособии. Это уехавший ученый или нет?» — отмечает в свою очередь руководитель профильной рабочей группы и профессор Сколтеха, основатель методов компьютерного дизайна новых материалов и предсказания кристаллических структур А. Оганов. В 2015 г. он сам вернулся в Россию из Америки и сейчас возглавляет лаборатории в трех странах: США, РФ и Китае. «Наиболее достоверной выглядит оценка примерно в 100–200 тыс. человек. Из них за последние 10 лет на постоянную работу в России вернулись порядка 1500 ученых. Много это или мало? В масштабах страны явно недостаточно. Нужно, чтобы разрыв между числом уехавших и возвратившихся сократился со ста раз хотя бы до десяти»[96], — считает Оганов.

По его словам, больше всего бывших российских ученых проживают в США, Германии, Великобритании, меньше — в Италии, Японии, Испании, Канаде и Австралии. «Утечка мозгов» коснулась всех отраслей российской науки. Уезжали ученые с мировым именем — например, один из самых цитируемых математиков мира академик В. Захаров, академик в области ядерной физики Р. Сагдеев, выдающийся врач-нейроанестезиолог В. Зельман. А также те, к кому мировая слава пришла уже за рубежом: нобелевские лауреаты по физике за опыты с графеном К. Новоселов и А. Гейм, один из руководителей Гарвардского центра квантовой физики М. Лукин и другие.

7.8. Вооруженные силы и военное искусство: «Ассиметричное противостояние»

Таким связывающим звеном (всех стратегий Сунь-цзы. — *А.П.*)
является идеал — победа без кровопролития[97]

Р. Грин

В декабре 2017 года в России была принята программа развития ВС и ВВСТ на 10 лет.

России предстоит в 2018–2025 годы пересмотреть свой базовый подход к военной силе и начать процесс существенной корректировки планов военного строительства 2018–2025 годов, исходя из простой истины невозможности прямого военного противоборства с западной коалицией ЛЧЦ[98].

Приведем в этой связи некоторые базовые размышления:

1). $64,6 тыс. в год — столько в среднем тратит Россия на одного военнослужащего. В армиях ведущих стран НАТО затраты на солдата в пять раз выше, зато в Африке он раз в двадцать дешевле. В стоимости обслуживания ядерных сил разброс не так велик: примерно $20 млрд в год в США и $10–15 млрд, по разным оценкам, в России.

Но не все определяют деньги и ракеты. Эксперты констатируют снижение сдерживающей роли ядерного щита и предсказывают возможность конфликтов даже в киберпространстве и с применением боевых насекомых, не говоря уже о совершенно реалистических концепциях использования в первом ударе гиперзвукового, ударного космического и ВТО. 16 октября 2017 г.

К 2022 году в распоряжении США будет более тысячи противоракет системы ПРО, что в перспективе превысит число боевых блоков, развернутых на российских межконтинентальных ракетах. Об этом заявил представитель Минобороны России А. Емельянов на российско-китайском брифинге по ПРО на полях Первого комитета Генеральной ассамблеи ООН. «Такое количество огневых средств ПРО представляет угрозу для российского потенциала сдерживания, особенно с учетом постоянно ведущихся работ по модернизации огневых комплексов

ПРО», добавил военный политик, обеспокоенный также возможностью США сбивать низкоорбитальные спутники и разработкой гиперзвукового оружия[99]. Представитель Минобороны отметил, что всего у США более 30 зенитных управляемых ракет GBI (Ground-Based Interceptor), 130 противоракет Standard-3 и 150 комплексов ПРО, из которых 60 противоракет развернуты в Европе, а около 90 находятся в составе Азиатско-Тихоокеанского регионального сегмента ПРО.

На российско-китайском брифинге по ПРО Емельянов рассказал о перспективных разведывательных средствах американской ПРО, которые, по его словам, способны не только зафиксировать старт российских ракет, но и обеспечить перехват их боевых блоков. В частности, в 2018 году американские противоракеты Standard-3 модификации 2А будут «способны перехватывать стратегические баллистические ракеты не только на среднем и конечном, но и на восходящем участке траектории полета, что позволяет поражать баллистические ракеты до момента разведения боевых блоков».

Представителя военного ведомства обеспокоило то, что США могут заменить в Европе противоракеты крылатыми ракетами. «Тезис о том, что в наземном варианте пусковые установки Мк-41 якобы утрачивают способность запускать крылатые ракеты, неубедителен. Замена противоракет на европейских базах ПРО крылатыми ракетами… может быть осуществлена скрытно и в короткие сроки. В этом случае под прицелом крылатых ракет

Все это неудивительно. США, как Россия и Китай, последовательно модернизируют национальные системы ПРО, которые, в общем-то, предназначены для сдерживания потенциального противника, если, конечно, за ликвидацией его систем ПРО не следует нападение.

Особый интерес представляет оценка российскими военными возможностей США по уничтожению баллистическими ракетами низкоорбитальных спутников.

«Противоспутниковый потенциал перспективных противоракет Standard-3 модификации 2А с увеличенной скоростью полета, а также противоракет GBI значительно выше. Под угрозу уничтожения попадают практически все низкоорбитальные космические аппараты, находящиеся в зоне поражения комплексов ПРО. Учитывая глобальный

характер действий кораблей ПРО, под угрозой находится космическая деятельность любого государства»[100], заявил Емельянов.

Он вспомнил испытания десятилетней давности, когда США при помощи одной из ранних модификаций Standard-3 сбили собственный спутник на околоземной орбите на высоте 250 километров.

Беспокоит военного представителя и разработка в США гиперзвукового оружия изделий (военные самолеты, беспилотники и ракеты), способных на значительном участке траектории перемещаться со скоростями более пяти чисел Маха (более шести тысяч километров в час), в связи с чем их чрезвычайно трудно ликвидировать современными системами ПВО и ПРО.

Разработка нового оружия рассматривается в качестве элемента американской «третьей компенсационной стратегии», предусматривающей применение новейших технологий и методов управления для достижения преимущества над противником.

Если первые две «компенсационные стратегии» реализовывались в противодействии СССР, то третья направлена преимущественно против Китая. Разработка гиперзвукового оружия в значительной мере реализуется в рамках инициативы PGS (Prompt Global Strike), главная цель которой гарантированный удар по любой точке планеты в течение не более часа. Предполагается создание гиперзвуковой ракеты или использование кинетического оружия (запускаемого с околоземной орбиты снаряда), а также развертывание по всей планете систем ракетного запуска, например, с подлодок или авианосцев.

Хотя четкого плана реализации PGS в США нет, не исключено, что основные этапы программы воплотятся в реальности.

В настоящее время, по мнению полковника Виктора Мураховского, главного редактора журнала «Арсенал Отечества», к концепции PGS относятся воздушно-космические аппараты Northrop Grumman X-47B (перемещающийся на дозвуковой скорости беспилотник) и Boeing X-37 (орбитальный мини-шаттл, о нем писала «Лента.ру»), а также возможность совмещения систем ПРО с ударными системами. Важный элемент системы быстрого глобального удара низкоорбитальные разведывательные спутники, выдающие целеуказания ударным средствам и выступающие средствами целеуказания для системы ПРО.

Элементы PGS уже развертываются в отдельных регионах планеты, географически близких к России и Китаю. «Яркий пример это система Aegis Ashore противоракетной обороны, которая развернута в Румынии. Второй комплекс будет развернут в Польше. А сейчас вроде и Япония под предлогом угрозы со стороны КНДР тоже соглашается на размещение такого комплекса. Там применяются универсальные пусковые установки Mk-41, с которых могут использоваться как противоракеты системы ПРО, так и крылатые ракеты наземного базирования»,полагает Мураховский.

Частично справиться с американским гиперзвуковым оружием способны российские система С-400 и войсковой комплекс на гусеничном ходу С-300В4, но у них есть высотные и скоростные ограничения. Мураховский считает, что в полной мере противостоять американскому гиперзвуковому оружию сможет С-500. «Наверное, все слышали про перспективную универсальную систему противовоздушной и противоракетной обороны С-500. Она будет способна успешно противостоять средствам быстрого глобального удара»,заявил военный аналитик.

С ним согласен бывший начальник международно-договорного управления министерства обороны России генерал-лейтенант Евгений Бужинский. «Наш ответ: мы совершенствуем комплексы средств преодоления ПРО», отметил военный. По его словам, диалог по ПРО между Россией и США в настоящее время практически невозможен. Отметим, что власти США не дали въездные визы членам делегации Генерального штаба Вооруженных сил России во главе с советником начальника Генерального штаба Андреем Третьяком; российских военных на мероприятии ООН в Нью-Йорке представлял Емельянов.

Крупные военные конфликты будущего наверняка не обойдутся без гиперзвукового оружия и космической разведки. На соответствующие разработки военной науке выделяются средства в первую очередь. Россия, как США и Китай, тут не исключение. Хотя в военном отношении эти три страны сопоставимы, в экономике Россию от США и Китая отделяет пропасть. В такой ситуации сокращение военного бюджета, планировавшееся в 2018 году, выглядело бы целесообразным, однако в современной России военные важнее учителей, врачей и ученых.

В последнем варианте бюджета страны на 2018 год предусмотрено увеличение доли военных расходов на 179,6 млрд руб., в результате чего

военный бюджет достигнет 3,05 трлн руб. Рост финансирования в значительной степени приходится на закрытые статьи, в открытых, наоборот, произошло небольшое сокращение (на 2,2 млрд рублей). Для сравнения, расходы на все остальные направления, включая социальную политику, образование и здравоохранение, предлагается сократить в общем на 54 млрд рублей. Таким образом в 2018 году доля военных расходов может составить 3,3% ВВП страны.

7.8.а). Ближайшие планы военного строительства в России

В конце 2017 года произошло несколько знаменательных событий в жизни российской армии. Среди них — утверждение Государственной программы вооружений на 2018–2027 год, завершение военной операции в Сирии и вывод группировки войск. Эти и многие другие события в оборонной сфере, а также планы на 2018 год обсуждались на расширенной коллегии Минобороны 22 декабря 2018 год обещает массу событий в жизни армии и флота. Из основных — продолжение борьбы с террористами в Сирийской Арабской Республике (при этом там сохраняется российское военное присутствие), проведение большого количества военных учений, Армейских международных игр (АрМИ), военно-технического форума «Армия-2018» и начало реализации ГПВ. По словам замминистра обороны РФ Юрия Борисова, Россия будет в первую очередь развивать стратегические ядерные силы, чтобы ни у кого не появилось желания проверить страну «на прочность». Речь идет о ракетных комплексах, способных уверенно преодолевать существующие и даже перспективные системы противоракетной обороны[101].

В плане дальнейшего международного сотрудничества 2018 год ожидается также не менее интересным и насыщенным. Число контрактников, проходящих службу, к концу года должно достичь почти 500 тысяч человек.

«Мы не „бряцаем“ оружием»

Оборонный бюджет 2018-го составит $46 млрд «2,8% от ВВП или $46 млрд», — сказал Шойгу. Для сравнения: у Пентагона на следующий год — более $700 млрд, минобороны Великобритании — порядка

$60 млрд, а бюджет оборонных ведомств Франции и Германии — по $40 млрд каждый.

Военный бюджет позволит повысить долю современного вооружения и техники в войсках до 61%, в том числе в стратегических ядерных силах ожидается 82%, в Сухопутных войсках — 46%, в Воздушно-космических силах — 74%, в Военно-морском флоте — 55%.

Ракетные войска стратегического назначения (РВСН) оснастятся еще 11 пусковыми установками с ракетами «Ярс». Также планируется выполнить 12 пусков межконтинентальных баллистических ракет (МБР), в частности, с целью подтверждения правильности принятых конструкторских решений по развитию перспективных разработок. На сегодняшний день в войсках на боевом дежурстве находятся около 200 пусковых установок подвижных грунтовых ракетных комплексов.

РС-24 «ЯРС»

Ракетный комплекс мобильного или стационарного базирования с твердотопливной МБР с разделяющейся головной частью. Разработан в 2000-х годах специалистами ОАО «Корпорация „Московский институт теплотехники“» под руководством главного конструктора Юрия Соломонова на базе комплекса «Тополь-М»[102].

В **Сухопутных войсках** будет сформировано семь соединений и воинских частей. Планируется поставить более 3,5 тысяч единиц новых образцов вооружения.

Уже заключены контракты на поставку первых танков Т-14 на платформе **«Армата»** в войска для опытной эксплуатации. Сейчас предприятия оборонно-промышленного комплекса проводят отладку «Арматы», ее настройку и согласование всех узлов и агрегатов танка. Ожидается также поступление новейшей бронетанковой техники, по которой в 2017 году были заключены долгосрочные контракты с Минобороны.

В 2018 году продолжится поставка модернизированных Т-72Б3, самоходных артиллерийских установок 2С19М2 и другого вооружения, которое корпорация «Уралвагонзавод» традиционно поставляет в последние годы. Новыми станут контракты по поставкам БМПТ, Т-90М и Т-80.

В 2018 году запланировано оснащение ракетными комплексами «**Тор-М2»** двух воинских формирований ПВО; подразделения ПВО,

действующие в условиях Арктики и Крайнего Севера, должны получить ЗРК малой дальности **«Тор-М2ДТ»**; подразделения ПВО общевойсковых соединений — ПЗРК **«Верба»**.

В **боевой состав ВКС** должны войти шесть модернизированных стратегических ракетоносцев — бомбардировщики дальней авиации **Ту-160** и **Ту-95МС**.

Новый полк армейской авиации в Смоленской области полностью будет укомплектован вертолетами **Ка-52 «Аллигатор»**. Все пилоты вновь сформированного полка прошли переподготовку в 344-м центре боевого применения и переучивания летного состава армейской авиации в Торжке.

Шесть истребителей-бомбардировщиков **Су-34** поступят на вооружение авиаполка, дислоцированного в Челябинской области, в первом квартале года. Это будет первая поставка таких самолетов в Центральный военный округ[103].

Боевая эскадрилья, вооруженная истребителями **Су-30СМ**, будет сформирована в Западном военном округе (ЗВО). Новые самолеты заменят по плану перевооружения МиГ-29СМТ. Также в ЗВО запланировано формирование еще одной боевой эскадрильи, вооруженной самолетами нового поколения.

Планируется, что будет введен в эксплуатацию для ВКС новейший истребитель поколения «4++» МиГ-35. Минобороны России также рассчитывает подписать контракт на поставку установочной партии истребителей пятого поколения **Су-57** (ранее известный как Т-50, ПАК ФА). Войска должны будут получить эти самолеты в 2019 году.

Заключены госконтракты с Улан-Удэнским авиационным заводом на поставку модернизированных вертолетов. В соответствии с условиями контракта, до конца года в ВКС будут переданы два вертолета **Ми-АМТШ-В**, а до конца 2019 г. — восемь вертолетов **Ми-8АМТШ** в комплектации «салон». Также заключен контракт с холдингом «Вертолеты России» на поставку установочной партии вертолетов **Ми-28НМ**. Первые две машины будут изготовлены до конца года.

МИ-28НМ

Начал создаваться в 2009 году Облик машины в значительной степени отличается от базовой версии вертолета Ми-28Н. Прежде всего, улучшена функциональность боевой машины за счет изменения эрго-

номики кабины экипажа и установки дублирующей системы управления вертолетом в кабине летчика-оператора. Машина приобрела модифицированный фюзеляж, модернизированные двигатели, бортовой комплекс радиоэлектронного оборудования и обзорно-прицельную систему, новую вспомогательную силовую установку, аппаратуру связи с беспилотными летательными аппаратами. В сравнении с базовой версией увеличен объем топливных баков.

Всего в **ВКС и авиацию ВМФ** поставят 203 новых и модернизированных самолета и вертолета, четыре дивизионных комплекта зенитного ракетно-пушечного комплекса **«Панцирь»** и 10 дивизионных комплектов зенитной ракетной системы (ЗРС) **С-400 «Триумф»**. В начале года ожидается заступление на боевое дежурство двух дивизионов С-400 в Крыму[104].

Стало также известно, что в 2018 году могут заключить контракт на создание заряжающей машины для новой ЗРС **С-500**, которая придет на смену С-400. Она создается с возможностью эксплуатации в ближайшие 25 лет. Ранее Шойгу сообщал, что поставки системы в войска начнутся в 2020 году.

Ситуация по С-500 следующая. Я думаю, что в ближайшее время будет заключен контракт с нашим предприятием «Старт», расположенным в Екатеринбурге, на транспортные машины, транспортно-заряжающие машины, устройства закатки-выкатки и подвозки на транспортной машине.

В **боевой состав ВМФ** планируется принять 35 кораблей и судов обеспечения, из которых 20 надводных кораблей и боевых катеров, одна подводная лодка, 14 судов обеспечения, в том числе:

— головной фрегат проекта 22350 «Адмирал Горшков»;
— головной корабль проекта 11711 — большой десантный корабль «Иван Грен», а также второй корабль этого проекта — «Петр Моргунов»;
— первый корвет «Гремящий» проекта 20385 из четверки кораблей этого класса, строящихся на заводе «Северная верфь»;
— первое серийное судно тылового обеспечения проекта 23120 «Всеволод Бобров»;
— разведывательный корабль «Иван Хурс» (второе судно проекта 18280);
— два первых корабля проекта 22800 «Каракурт» («Ураган» и «Тайфун»);

— два спецкатера для поисково-спасательных сил Тихоокеанского флота.

Также среди них — головной подводный стратегический ракетоносец проекта 955А («Борей-А») **«Князь Владимир»**, вооруженный баллистическими ракетами «Булава». Испытания подлодки пройдут на Северном флоте.

О «Бореях»

«Князь Владимир» был заложен в 2012 году и стал четвертой подлодкой в серии из восьми «Бореев». Три субмарины уже переданы флоту, заложены и строятся «Князь Олег» и «Генералиссимус Суворов» (2014 год), «Император Александр III» (2015) и «Князь Пожарский» (2016). Каждая такая подлодка несет 16 МБР «Булава».

Проект «Борей-Б» включен в ГПВ до 2027 года. Работы по созданию головного подводного ракетоносца должны начаться в 2018 году, сдача его флоту запланирована на 2026 год.

В 2018 году в Морской авиации ВМФ продолжится модернизация парка летательных аппаратов, самолет Ил-38 модернизируется в вариант **Ил-38Н «Новелла»**, а парк вертолетов Ка-27 обновляется на **Ка-27М**, которые составят основу противолодочных сил и сил целеуказания для корабельных группировок.

Ожидается подписание контракта на ремонт с модернизацией тяжелого авианесущего крейсера проекта 11435 **«Адмирал Кузнецов»**, рассчитанный на три года. Ранее гендиректор Невского ПКБ Сергей Власов сообщал, что на «Кузнецове» и вовсе пройдет ремонт без модернизации. Он указывал тогда, что будут заменены лишь некоторые виды оборудования.

Планируется начать испытания морского зенитного ракетно-артиллерийского комплекса **«Панцирь-МЕ»**. Первым морской вариант, как ожидается, получит корабль проекта 22800 «Каракурт».

Новый инженерно-саперный полк **Западного военного округа** (ЗВО) получит более 100 единиц вооружения и военной техники в рамках гособоронзаказа. На вооружение полка уже приняты современные образцы военной техники связи, тыла и снаряжения. Также на вооружении появятся путепрокладчики БАТ-2, инженерные машины разграждения ИМР-2, плавающие транспортеры ПТС-2, искатели неразрывных взрывчатых устройств «Коршун» и новейший защитный костюм (ОВР-2) «Сокол».

В **Восточном военном округе** (ВВО) планируется сформировать дивизию береговой обороны на Чукотском операционном направлении. Военным руководством поручено обеспечить выполнение задач опытного боевого дежурства Единой космической системы[105].

Обновление вооружения в частях и подразделениях армии и флота — процесс перманентный. Ракеты и автоматы, корабли и танки неизбежно устаревают, им на смену приходят новые изделия, созданные и изготовленные на предприятиях отечественного ОПК. Появляются совершенно новые системы вооружений. Рождение некоторых изделий продиктовано военно-политической обстановкой, нежеланием отстать от потенциального противника, стремлением непременно защитить свою страну. Попытаемся систематизировать сведения о том, какое именно вооружение поступит в войска на ближайшую перспективу[106].

Флагман отечественного парка истребителей

Буквально с начала 2018 года, после завершения госиспытаний легких многофункциональных МиГ-35, российская самолетостроительная корпорация (РСК) «МиГ» примется за выполнение госзаказа на производство установочной партии этих истребителей. Всего по госзаказу числится 24 машины. Серийные же поставки самолета Воздушно-космическим силам (ВКС) России предусмотрены государственной программой вооружений (ГПВ) России в 2018–2027 годах.

Взлетная масса самолета — 19,2 т, максимальная — 24,5 т, максимальная скорость на высоте — 2100 км/ч, у земли — 1400 км/ч. Практический потолок — 16 км, радиус действия с ракетами «воздух–воздух» и тремя подвесными топливными баками (ПТБ) — 1000–1400 км в зависимости от состава вооружения и высоты полета, с ударным вооружением и тремя ПТБ — 800–1100 км. Максимальная эксплуатационная перегрузка — 9,0 g.

МиГ-35 относится к поколению «4++», это переходное звено к истребителю пятого поколения. Радиоэлектронное оборудование самолета позволяет ему нести все авиационные средства поражения. МиГ-35 уже сегодня присущи элементы самолетов пятого поколения. Истребитель способен одновременно захватывать десять целей, он малозаметен и многофункционален. Российские военные заявляют: весь парк легких истребителей ВКС будет заменен на МиГ-35.

В 2018 г. ВКС получат два–три истребителя из первой установочной партии в 12 самолетов пятого поколения Су-57. Предсерийное его производство запланировано с 2019 года. Сегодня опытные образцы летают с двигателем «Изделие 117», который уже запущен в серийное производство. Первый полет с двигателем второго этапа одна из опытных машин успешно совершила в конце прошлого года. По топливной эффективности и удельной тяге он будет значительно превосходить «Изделие 117», а по конструктивно-технологическому исполнению и уровню достигаемых параметров соответствовать мировому уровню двигателя пятого поколения.

Су-57 — самолет пятого поколения. У него принципиально новый комплекс авионики и перспективная РЛС с фазированной антенной решеткой. Су-57 будут оснащены крылатыми ракетами, ракетами «воздух–воздух», обычным вооружением, высокоточным оружием, которое практически незаметно для радиолокационного распознавания, 30-мм авиационной пушкой. Для истребителя есть шесть принципиально новых ракет. Четыре образца ракет внутрифюзеляжного размещения уже проходят испытания.

Военные возлагают большие надежды на Су-57 как на флагман отечественного парка истребителей в будущем.

Отечественный ОПК вплотную подошел к созданию первого опытного образца перспективного авиационного комплекса дальней авиации (ПАК ДА). Этот многофункциональный самолет заменит Ту-22М3, Ту-95МС, а чуть позже и Ту-160. Новый стратегический бомбардировщик может быть представлен публике уже в 2018 году, тогда же планируется провести первый полет Ту-160М2[107].

По-прежнему будут закупаться зарекомендовавшие себя в Сирии истребители Су-30 и Су-35, а также вертолеты Ка-52 и Ми-28Н.

И последний штрих: очередная партия палубных истребителей Су-33 оборудована специальной вычислительной подсистемой СВП-24–33 производства компании «Гефест-Т». Подсистема позволяет «укладывать» точно в цель даже далеко не новые неуправляемые авиационные бомбы. После модернизации Су-33 смогут эффективно работать не только по воздушным, но и по наземным и морским целям. Продолжится оснащение данной СВП и бомбардировщиков Су-24М, Ту-22М3.

Космический сегмент СПРН

Воздушно-космическим силам в наступившем году предстоит осваивать впервые созданное в России единое сплошное радиолокационное поле, а также продолжить опытно-боевую эксплуатацию недавно введенной в строй Единой космической системы (ЕКС), которая обеспечивает космический сегмент российской системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН). Она должна предупредить военно-политическое руководство страны о ракетном нападении для принятия решения о нанесении ответно-встречного удара.

Система работает в связке с загоризонтными РЛС, расположенными на территории России, Белоруссии и Казахстана. ЕКС обнаружит пуск ракеты с гиперзвуковыми летательными аппаратами, а РЛС типа «Воронеж» возьмут их на сопровождение в верхних слоях атмосферы и определят их цели. Глобальный неядерный удар уже не угрожает России[108].

«Калибровка» ВМФ

Развитие высокоточного оружия названо главным приоритетом новой государственной программы вооружения ГПВ-2027. Войска будут оснащаться высокоточным оружием воздушного, наземного и морского базирования наряду с ядерной триадой, беспилотными ударными комплексами, средствами индивидуальной экипировки военнослужащих, новейшими системами разведки, связи и радиоэлектронной борьбы.

Разделение систем вооружения на «платформы» и «боеприпасы» произошло достаточно давно. С одной стороны, это строительство танков, пушек, самолетов, вертолетов, с другой — управляемых боеприпасов, крылатых, аэробаллистических и гиперзвуковых ракет. Особенно ожесточенно оборонщики о преимуществах того и другого подхода спорили в конце прошлого года.

Напомним: наиболее важные объекты террористов были уничтожены высокоточными ракетами «Калибр», Х-101 и Х-55, а также ракетами оперативно-тактического комплекса (ОТРК) «Искандер». Очевидно, что даже старый самолет с новыми высокоточными боеприпасами получает серьезные возможности. Те же Х-101 могут нести модернизированные бомбардировщики Ту-95МСМ. А для применения «Калибров» не нужны авианосцы, достаточно обычных дизельных подводных лодок и малых ракетных кораблей.

По планам в войска поступят новые гиперзвуковые ракеты. Гиперзвуковое оружие в перспективе позволит сместить силы стратегического сдерживания из ядерной сферы в неядерную. И ущерб противнику, если случатся боестолкновения, будет нанесен не менее мощный, в то же время не пострадает третья сторона, не участвующая в конфликте.

Высокоточное оружие снижает необходимость вступления в контактные бои с противником. Высокая точность стрельбы увеличивает поражающую силу снарядов, позволяя экономить на их количестве и, главное, сохранять жизни солдат.

Корпорация «Тактическое ракетное вооружение» начинает испытания уникального «изделия 715». Эта новая крылатая ракета — фактически уменьшенный вариант Х-101. Новинка войдет в состав вооружения дальних бомбардировщиков Ту-22М3. Применять ее смогут и фронтовые бомбардировщики Су-34, истребители Су-30, Су-35 и Су-57.

Используя Х-101 и «изделие 715», ВКС смогут бороться как с высокотехнологичным противником, так и с террористами.

В свою очередь, крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) «Калибр» сегодня устанавливаются практически на все боевые корабли. Военные называют это «калибровкой». Они пополнят, в частности, арсенал российских корветов проекта 20380.

Стоящие сегодня на вооружении СВ и ВМФ устаревшие ракетные комплексы «Точка-У» к 2020 году будут полностью заменены «Искандерами». Кроме того, в прошлом году в составе общевойсковых армий началось формирование отдельных разведывательных рот специального назначения. Их задача — находить в тылу противника цели и передавать их координаты ракетным комплексам «Искандер».

Здесь сыграл роль опыт Сирии. Спецназовцы находят и опознают цели на земле, а средства разведки и целеуказания в режиме реального времени передают координаты пусковым установкам ОТРК. Цель будет гарантированно уничтожена.

Князь, император и генералиссимус

ВМФ России планирует получить в 2018 году ракетный подводный крейсер стратегического назначения (РПКСН) типа «Борей-А» и два новейших фрегата проекта 22350. Ракетоносец «Князь Владимир» типа «Борей-А», заложенный в 2012 году на «Севмаше» при участии Влади-

мира Путина, в ноябре 2017-го был спущен на воду. РПКСН четвертого поколения «Князь Владимир» спроектирован в Центральном конструкторском бюро морской техники «Рубин». Его полное водоизмещение — 24 тыс. т, длина — 170 м, ширина — 13,5 м.

Этот корабль, утверждают военные моряки, по сравнению с предыдущим типовым проектом «Борей» обладает усовершенствованными тактико-техническими характеристиками практически всех систем, способен нести на борту до 16 МБР морского базирования Р-30 «Булава». Это будущее российской группировки морских стратегических ядерных сил. На стапелях «Севмаша» строятся еще четыре «Борея-А»: «Князь Олег», «Генералиссимус Суворов», «Император Александр Третий» и «Князь Пожарский». Не исключено, что флот получит новую стратегическую субмарину 17 декабря 2018 года — в день 60-летия атомного подводного флота России. До середины 2020-х годов планируется завершить строительство всех крейсеров этого проекта[109].

На северодвинской верфи также идет строительство многоцелевых атомных подводных ракетных крейсеров (АПРК) типа «Ясень-М». В июле 2017 года заложили АПРК «Ульяновск». Он станет шестым в линейке субмарин проекта, разработанного Санкт-Петербургским морским бюро машиностроения «Малахит» имени академика Н. Н. Исанина.

Головной корабль — АПРК «Казань» — в марте 2017 года спущен на воду и проходит заводские испытания. АПРК «Новосибирск», «Красноярск», «Архангельск», «Пермь» находятся на разных этапах строительства. На их вооружении мины, торпеды калибра 533 мм, крылатые ракеты «Калибр-ПЛ» и «Оникс». Подводные крейсеры этого проекта, которые строятся большой серией, станут основными многоцелевыми атомными субмаринами ВМФ РФ.

В рамках новой ГПВ в состав ВМФ РФ продолжат поступать новые и модернизированные корабли дальней морской и океанской зон. Наиболее массовым кораблем в данном сегменте станет модернизированный фрегат проекта 22350, оснащенный высокоточным оружием. Всего планируется построить восемь кораблей проекта.

Головной корабль этого типа «Адмирал флота Советского Союза Горшков» сейчас проходит государственные испытания. Его, минуя опытную эксплуатацию, сразу передадут флоту в 2018 году. Перенос сроков

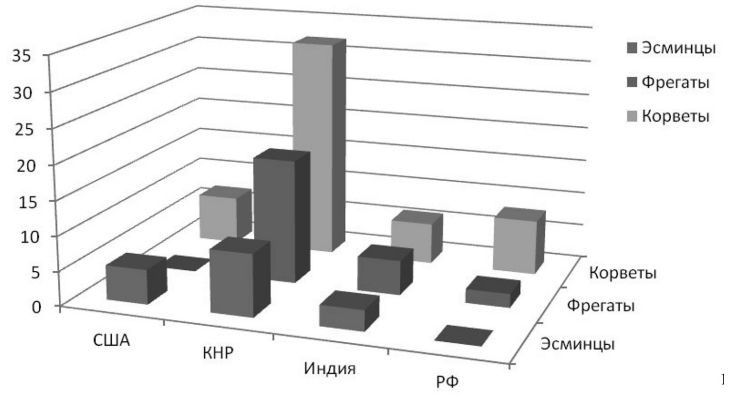


Рис. 7.19[100]. Темпы строительства основных подклассов кораблей

сдачи (с конца 2017 года) связан с требованием ВМФ России еще раз отработать все системы корабля: у флота «есть вопросы» к новому оборонительному ракетному оружию, отмечают в ОСК. Работы на втором корабле серии («Адмирал Касатонов») будут ускорены после того, как будет передан головной фрегат. В состав флота он может войти опять же в 2018 году.

Строительство еще двух фрегатов серии — «Адмирал Головко» и «Адмирал Советского Союза Исаков» — продолжается на стапелях «Северной верфи». Благодаря оригинальной архитектуре надстройки (с использованием стелс-технологии) понижена их радиолокационная заметность. Эти корабли предназначены для ведения боевых действий в дальней океанской зоне против надводных кораблей и подводных лодок, отражения атак средств воздушного нападения самостоятельно и в составе соединения кораблей[111].

Фрегаты этого проекта имеют водоизмещение 4,5 тыс. т. Их длина — 135 м; ширина — 15 м, скорость хода — до 29 узлов. Дальность плавания — до 4,5 тыс. морских миль, автономность — до 30 суток. Экипаж — около 200 человек. Корабли будут вооружены 130-мм артустановкой А-192 «Армат», пусковыми установками для 16 противокорабельных ракет «Оникс» или «Калибр-НК», зенитным ракетным комплексом «Полимент-Редут».

В апреле прошлого года в 30 милях от пролива Босфор столкнулся с грузовым судном и затонул средний разведывательный корабль проекта 861М «Лиман». Поэтому командование ВМФ судно связи проекта

18280 «Иван Хурс», сдача которого ожидается в этом году, отправит на Черноморский флот вместо Тихоокеанского.

Заноза для ПРО

Ракетные войска стратегического назначения (РВСН) в текущем году продолжат выводить из эксплуатации комплексы «Тополь» и заменять их на более совершенные «Ярсы». В рамках новой госпрограммы вооружений в соединения этого рода войск начнут поступать новейшие межконтинентальные баллистические ракеты «Сармат» с гиперзвуковыми блоками (изделие 4202) и «Рубеж».

Тяжелая жидкостная МБР шахтного базирования «Сармат» придет на замену Р-36М2 «Воевода». Полезная нагрузка «Сармата» 10 т против 8,75 т у предшественницы. Новинка затрачивает меньше времени на преодоление активного участка траектории за счет очень хорошей энергетики. «Сармат» настолько мощный, что сможет лететь к целям не только через Северный полюс, но и через Южный, то есть будет иметь практически глобальную дальность стрельбы. Ракета сможет идти в обход развернутых средств ПРО США. Это обстоятельство заставит США создавать круговую систему ПРО, а это очень дорого.

Средствам ПРО потенциального противника придется гораздо тяжелее. Это будет хорошая заноза для него, — оценил комплекс заместитель министра обороны Юрий Борисов.

Массово «Сармат» поступит на вооружение в 2019–2020 годах. «Воевода» останется на боевом дежурстве как минимум до 2024 года. Более того, планируется продление срока эксплуатации до 2025–2027 годов. Вице-премьер Дмитрий Рогозин заявил, что МБР «Сармат» преодолеет любую систему ПРО.

Подвижный грунтовой ракетный комплекс РС-26 «Рубеж» станет дальнейшим развитием проекта РС-24 «Ярс». У РС-26 новые управляемые боевые блоки для прорыва противоракетной обороны. Максимальная дальность полета ракеты — 12 тыс. км, однако она может запускаться по целям и на дальности от 2 до 6 тыс. км[112].

А вот работы над боевым железнодорожным ракетным комплексом «Баргузин» не включены в новую госпрограмму вооружения на 2018–2027 годы из-за недостатка финансирования. Решено сосредоточиться на проектах «Сармат» и «Рубеж».

Солдатский автомат

Сухопутные войска получат бронетехнику нового поколения: танки Т-90 и Т-14 «Армата», БТР «Бумеранг», БМП «Курганец-25». Опытные войсковые испытания танка «Армата» планируют завершить в 2018 году.

Минобороны и Уралвагонзавод летом прошлого года заключили контракт на поставку новейших боевых машин поддержки танков «Терминатор». В 2018 году военные получат более десяти единиц этой бронетехники. Продолжится производство для российской армии модернизированных танков Т-90М. Заключен контракт на поставку десяти самоходных артиллерийских установок «Коалиция-СВ» для опытной войсковой эксплуатации. Окончание госиспытаний планируется на 2019 год.

Практически завершено формирование облика боевой экипировки нового поколения «Ратник-3». Оснащенные ею подразделения будут обладать самостоятельностью, автономностью и самодостаточностью для выполнения многих боевых задач в разных условиях, смогут интегрироваться в разведывательно-огневые контуры.

«Ратник-3» превосходит экипировку армий иностранных государств, в том числе США, противопульной и противоосколочной стойкостью средств индивидуальной бронезащиты. У новой экипировки больше дальность обнаружения и распознавания целей оптикоэлектронными средствами, стрельба ведется эффективнее. В нее предусмотрена интеграция микроробототехнических комплексов, беспилотника для ведения мотострелковыми подразделениями разведки на поле боя. Для усиления физических возможностей военнослужащих в комплекты планируется включение экзоскелетов.

Один из элементов экипировки — стрелковое оружие. Военные завершили испытания автоматов АК-12, АК-15 и АЕК-971. Более дешевый АК-12 может стать армейским, солдатским автоматом, более сложный, с большим количеством функций, высокоточный АЕК-971 — дополнить вооружение спецподразделений.

АЕК-971создан на заводе имени Дегтярева под руководством Станислава Кокшарова на основе автомата системы Константинова (СА-006). В конкурсе Минобороны России принимают участие модификации АЕК-971 под названием «А-545» и «А-762» (под патроны калибров 5,45 мм и 7,62 мм соответственно)[113].

Дроны и антидроны

В России ежегодно создают десятки новых беспилотных летательных аппаратов (БЛА) различной номенклатуры, однако возможности полигонов недостаточны для исследовательских и летно-конструкторских испытаний. Поэтому планируется создать сеть полигонов для испытаний беспилотников и противодронов. Она будет включать аэродромную, полигонную и стендовую базы. Эти компоненты могут использоваться и разработчиками систем борьбы с БЛА. Сеть полигонов позволит проводить полный комплекс испытательных работ. Там же будут готовить операторов, исследовать методы внедрения БЛА в единое воздушное пространство.

Экспертное сообщество инициировало формирование сводного реестра имеющихся полигонов, чтобы приступить к реализации единой системы испытаний в государственном масштабе. Одна из существенных причин — в ближайшее время в ВС РФ начнут поступать комплексы с многофункциональными беспилотными летательными аппаратами, способными решать не только разведывательные, но и ударные задачи.

Объединенная авиастроительная корпорация работает над созданием ударных беспилотников, которые смогут организовываться в группы и координироваться между собой по защищенным каналам связи, взаимодействовать в сетецентрической системе и с наземными пунктами. Такая сложная задача решается и в других странах.

Концепция интеграции беспилотных авиационных систем (БАС) в единое воздушное пространство может быть принята в России уже в мае 2018 года. Документ разрабатывается Минтрансом, Росавиацией и ФГУП «Госкорпорация по организации воздушного движения» совместно со специалистами рабочей группы Ассоциации эксплуатантов и разработчиков беспилотных авиационных систем «Аэронет».

Согласно замыслу авторов концепции, интеграция БАС пройдет в два этапа и завершится за 10 лет. Для реализации проекта необходимо подготовить инфраструктуру, определить источник финансирования. Документ должен определить подход к безопасной интеграции БАС в единую среду с пилотируемой авиацией, в том числе общего назначения. Участники проекта к маю подготовят свои предложения по внесению изменений в регулирующие документы.

Согласно протоколу заседания Комиссии при президенте Российской Федерации по вопросам развития авиации общего назначения и навигационно-информационных технологий на основе глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС, составлением плана по реализации концепции займется Минтранс сразу после утверждения документа. Это произойдет во второй половине следующего года. Принятые решения будут интегрированы в «Стратегию развития аэронавигационной системы (АНС) Российской Федерации до 2030 года» и в Аэронавигационный план Российской Федерации.

Сейчас полеты беспилотных воздушных судов (БВС) в России проходят на основании подачи планов и разрешения на использование воздушного пространства (ИВП), но возможны только в сегрегированном воздушном пространстве, то есть воздушное пространство закрывается для выполнения полетов пилотируемых воздушных судов. При этом заявка на закрытие воздушного пространства под полеты БВС подается за пять (для временного режима ИВП) или трое суток (для местного режима ИВП) до даты полета — из-за рисков при функционировании беспилотной и пилотируемой авиации в единой среде. Существует и ряд ограничений, которые не позволяют безопасно интегрировать БАС в Единую систему организации воздушного движения[114].

Кадровый резерв оборонки

Правительство России приступило к формированию единого кадрового резерва предприятий оборонно-промышленного комплекса. Коллегия военно-промышленной комиссии (ВПК), возглавляемая вице-премьером Дмитрием Рогозиным, планирует централизовать информацию о наиболее ценных молодых сотрудниках, которые впоследствии могут быть назначены на руководящие посты в различных областях оборонки. Кадровый резерв должен быть сформирован к весне 2018 года.

Речь идет о создании списка кандидатов на замещение должностей среднего и высшего звеньев. Руководителям крупных оборонных холдингов поручено направить в коллегию ВПК свои предложения по кандидатам для последующего включения в резерв. Предпочтение будет отдаваться специалистам 35–45 лет с высшим образованием, проявившим себя, готовым переехать в другой регион, не имеющим судимостей и препятствий для оформления допуска к сведениям, содержащим государственную тайну.

Предполагается централизация кадровых резервов всех отраслей оборонки[115].

Лазером по БЛА

Научно-исследовательский институт «Полюс», ведущий научный центр России в области лазерных технологий (входит в холдинг «Швабе» госкорпорации «Ростех»), объявил тендер на научно-исследовательскую экспериментальную работу по созданию мобильного лазерного комплекса для борьбы с малоразмерными БЛА.

Комплекс должен состоять из системы сопровождения и построения траекторий полета объектов, выдавать целеуказания на систему наведения мощного излучения, источник которого — жидкостный лазер. Мобильный лазерный комплекс должен уметь бороться с беспилотниками в любое время суток, обнаружить и получить детальные изображения до 20 воздушных объектов на расстоянии от 200 до 1500 м, отличить беспилотник от птицы или облака, просчитать траекторию и поразить цели. Начало работы над проектом — январь, окончание — апрель 2018 года[116].

7.8.б). Военные расходы

Мировые военные расходы в 2015 году стабилизировались, но в среднесрочной перспективе будут расти, причем, не только благодаря ближневосточным нефтяным монархиям и стратегическому соперничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как это было раньше, но и в силу изменения представлений об угрозах безопасности в странах Запада, долгое время снижавших в реальном выражении оборонные бюджеты.

Глобальные военные расходы в 2015 году оцениваются лондонским Международным институтом исследования проблем безопасности в $1,5 трлн. Специалисты института отмечают, что относительное равновесие, когда снижение оборонных бюджетов в развитых странах компенсировалось ростом на Ближнем Востоке и в регионе АТР, вероятно, пройденный этап. Основная причина этого — коренная переоценка рисков безопасности на Западе, происшедшая после конфликта на Украине и особенно после успешной операции России в Сирии. Посткрымская реальность активизировала процесс увеличения бюджетных ассигнований на укрепление оборонного потенциала участников альянса.

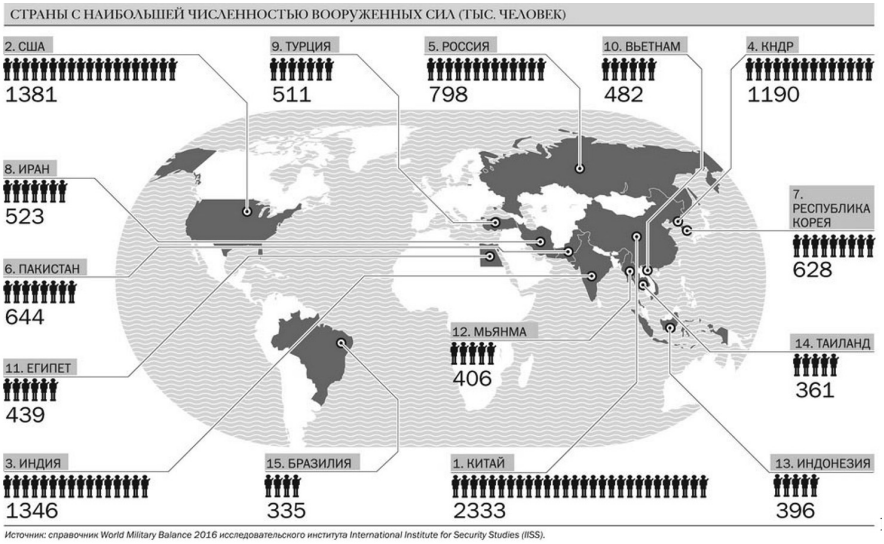


Рис. 7.20[117].



Рис. 7.21[118].



Рис. 7.22[119].

Пока рекордные темпы роста военных расходов в Европе демонстрирует только Польша; среди мировых лидеров — участвующие в локальных боевых действиях Украина, Иран и Россия.

В 2015 году только четыре из 26 европейских членов НАТО (Греция, Польша, Великобритания и Эстония) тратили на оборону целевые для блока 2% ВВП, для остальных 22 стран средний показатель составил 1,1%. Этот уровень далек от рекордно низких военных расходов относительно ВВП, характерных для африканских государств, но, например, в четыре раза меньше, чем в России (4,18%), и в три раза меньше, чем в США (3,33%). При этом по военным расходам на душу населения ключевые участники НАТО остаются на лидирующих позициях в мире.

Для достижения отметки 2% ВВП европейским странам альянса потребуется увеличить оборонные статьи бюджетов на $100 млрд (на 45%). Однако пока рекордные темпы роста военных расходов в Европе демонстрирует только Польша; среди мировых лидеров — участвующие в локальных боевых действиях Украина, Иран и Россия.

Уровень милитаризации можно оценить не только по формальным критериям финансирования, но и исходя из географических параметров. Если посмотреть на соотношение численности вооруженных сил и площади национальной территории, вне конкуренции окажется Сингапур, где на 1 кв. км размещается больше 100 военнослужащих, — он опережает ближайших преследователей более чем в 10 раз. А вот в группе государств, где солдата встретить не так-то просто, предсказуемо оказались в основном крупные по площади государства Африки.

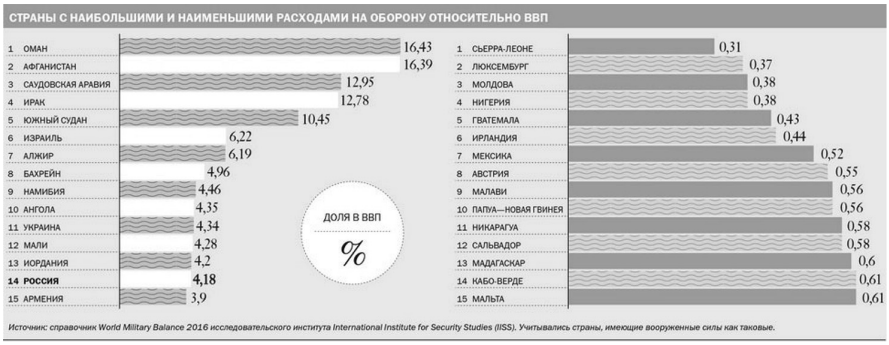


Рис. 7.23[120].

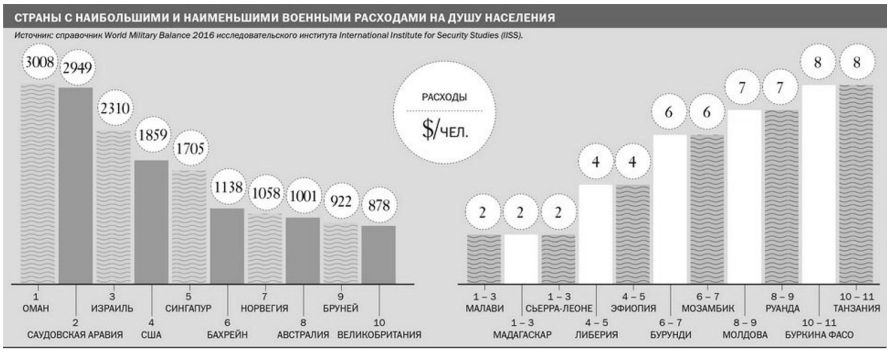


Рис. 7.24[121].



Рис. 7.25[122].

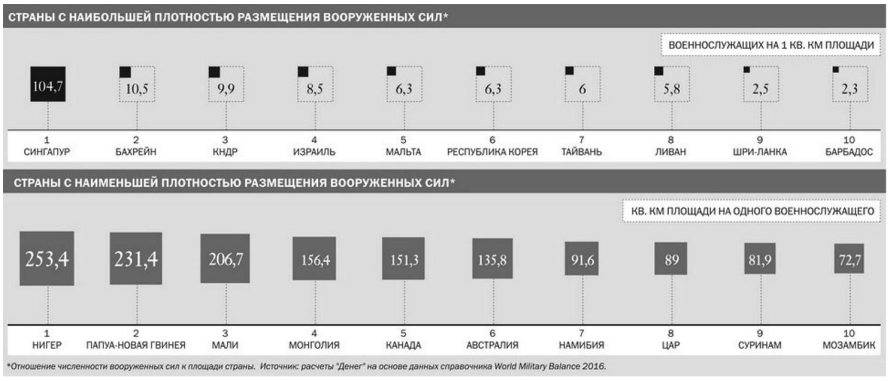


Рис. 7.26[123].

7.8.в). Военно-техническое сотрудничество

Международный рынок вооружений и военной техники (ВВТ) традиционно рассматривается, как единственная возможность для подавляющего большинства стран мира модернизировать армию и увеличить военный потенциал.

Технологически сложные образцы ВВТ перестают быть эксклюзивным западным продуктом ровно в той степени, в какой теряют национальную принадлежность остальные промышленные товары, выпускаемые в современной мировой хозяйственной системе. Глобализация производства основана на трансграничной кооперации и неразрывной связи военных и гражданских технологий. Их коммерческое продвижение зачастую также осуществляется в одной связке. Расширяющийся до-



Рис. 7.27[124].

КРУПНЕЙШИЕ ОБОРОННЫЕ КОМПАНИИ МИРА *Источник: рейтинг Defense News Top 100 List 2015.*

№	Компания	Страна	Продажи продукции военного назначения ($ млрд)	Общие продажи ($ млрд)	Доля ПВН в общем обороте (%)
1	Lockheed Martin	США	40,13	45,60	88,0%
2	Boeing	США	29,00	90,76	32,0%
3	BAE Systems	Великобритания	25,45	27,41	92,8%
4	Raytheon	США	22,23	22,83	97,4%
5	General Dynamics	США	18,56	30,85	60,2%
6	Northrop Grumman	США	18,40	23,98	76,7%
7	Airbus Group	ЕС	14,61	80,69	18,1%
8	United Technologies	США	13,20	65,10	20,0%
9	Finmeccanica	Италия	10,56	19,49	54,2%
10	L-3 Communications	США	9,81	12,12	80,9%
11	«Алмаз-Антей»	Россия	9,21	9,21	100,0%
12	Thales	Франция	8,46	17,24	49,1%
13	Huntington Ingalls Industries	США	6,82	6,96	98,0%
14	ОАК	Россия	6,24	7,81	80,0%
15	Rolls-Royce	Великобритания	5,43	24,04	22,6%

Рис. 7.28[125].

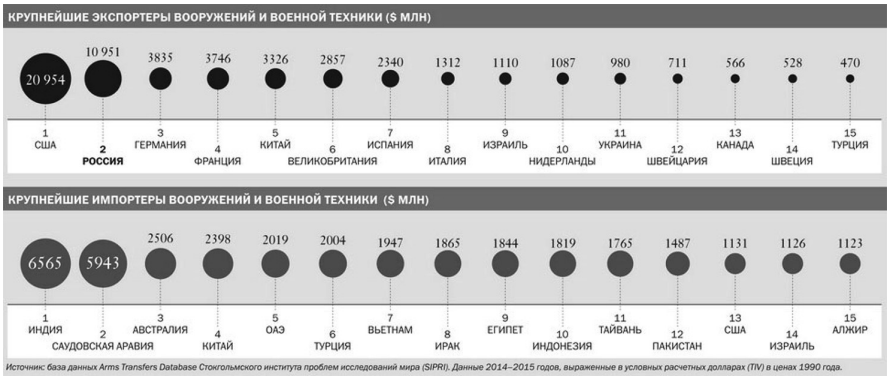


Рис. 7.29[126].

ступ развивающихся стран к современным ВВТ также основан на углублении сотрудничества между оборонными предприятиями этих стран и трансфере технологий при заключении контрактов на поставку оружия.

Тем не менее западный мир в целом и США в частности сохраняют лидирующие позиции в оборонных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках (НИОКР). США стабильно тратят на военные исследования почти половину всех выделяемых на это в мире средств. Помимо этого, США остаются крупнейшим экспортером оружия, второе место сохраняет за собой Россия; в совокупности на них приходится примерно половина мировой торговли ВВТ.

Вооруженные конфликты обычно считаются ключевым драйвером продаж оружия на так называемых нерегулярных рынках. Вслед за увеличением числа горячих точек на карте следует рост закупок ВВТ участниками противостояния, и наоборот. Российская военная кампания в Сирии может служить обратным примером использования новейших образцов военной техники (таких, как истребитель Су-35С или крылатые ракеты «Калибр-НК») в реальных боевых действиях для стимуляции рыночного спроса на них.

Как заявил в марте 2015 года после завершения основной фазы операции ВКС в Сирии президент России Владимир Путин, портфель экспортных заказов на отечественную продукцию военного назначения достиг максимального с 1992 года показателя — $56 млрд. Экспертные оценки потенциального маркетингового эффекта сирийской кампании для отечественного ВПК достигают $7 млрд.

7.8.г). Качество личного состава Вооруженных сил

Несмотря на непрерывный прогресс военных технологий, позволяющих вести боевые действия удаленно — с пультом в руках или сидя за компьютером, к выполнению боевых задач, как и тысячелетия назад, по-прежнему привлекают животных. Их роль не так велика, однако в некоторых областях военного дела остается исключительно важной.

Стоимость содержания ведущими армиями мира одного военнослужащего как отношение общих расходов на оборону к численности вооруженных сил достигает $300–400 тыс. в год. Учитывая оснащение и экипировку, последовательно эволюционирующую в сторону индивидуальных боевых комплексов (концепция «солдат будущего»), человека с ружьем можно считать во всех смыслах ценным ресурсом. Характерно, что в ряде африканских стран этот показатель в 200 раз меньше и составляет $1,5–3 тыс. в год (в России — $64,6 тыс. в год).

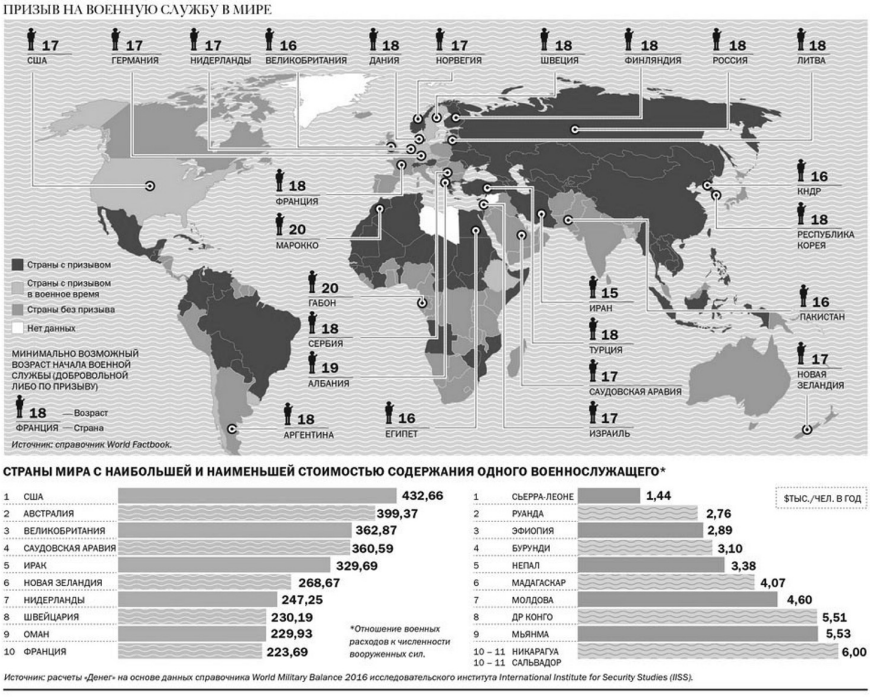


Рис. 7.30[127].

В мире постепенно отказываются от обязательного призыва в пользу смешанных принципов комплектования и профессиональных контрактников, при этом война по-прежнему остается делом молодых. В большинстве государств мира военную службу можно начать не раньше 18 лет. Самый низкий порог установлен в Иране и Доминиканской Республике — 15 лет, самый высокий — 20 лет — в Марокко и Габоне.

Люди всегда были и пока остаются ключевым компонентом военной машины. Не исключено, что в будущем войны станут противостоянием боевой роботизированной техники или вовсе перейдут в киберпространство. Пока же армия не в силах полностью отказаться от применения в военных целях братьев наших меньших. Вплоть до начала Нового времени использование животных было основой революций в военном деле, пример — конница, ставшая благодаря изобретению стремян главной ударной силой[128].

В некоторых областях животные до сих пор практически незаменимы. Например, при транспортировке грузов в горной и пересеченной местности, в военных исследованиях или подводном минно-взрывном деле. В этом контексте размещение Минобороны России в марте 2016 года заявок на закупку пяти дельфинов-афалин за 1,75 млн руб. и пяти макак-резусов за 1,49 млн руб. не должно вызывать удивления.

Отдельные военные теоретики считают, что животные не только прошлое, но и будущее технологий войны. Прежде всего речь идет о насекомых как биологическом оружии, а также как средствах разведки и поражения. В последнем случае имеются в виду полностью механические или технически модифицированные насекомые.

В период до 2025 года России предстоит решить труднейшую задачу создания средств и разработку способов ведения войны в условиях абсолютного неравенства в соотношении сил с Западом. Традиционное решение этой задачи — создание военно-политической коалиции или быстрое увеличение военной мощи — в современных условиях представляется нереальным. Поэтому России предстоит, так или иначе, двигаться по одному из двух генеральных направлений:

— либо существенно сокращать свои амбиции, ограничивать политические и иные цели и задачи, даже сознательно идти на пересмотр

параметров суверенитета и обязательств, а также системы ценностей и положения правящей элиты;

— либо найти средства и способы противостояния, включая самые радикальные, для защиты своих интересов, ценностей и суверенитета.

В условиях инновационного развития одним из таких способов может стать ускоренное развитие НИОКР и ОПК страны, которые могут стать драйверами всей российской экономики и воссоздать экономический и технологический потенциал России. Естественно, что это может произойти в достаточно ограниченных масштабах и далеко не во всех технологических областях, хотя в 70-е и 80-е годы прошлого века СССР мог конкурировать с США во всех областях научно-технического прогресса.

7.8.д). Развитие военного искусства

Гибридная война против России разворачивается не только на национальной территории, но и в смежных приграничных регионах и регионах, отстоящих от российских границ на многие тысячи километров. В связи с этим особого внимания требуют вопросы своевременного вскрытия разведкой подготовки и проведения операций гибридной войны как внутри страны, так и на удаленных театрах — на Ближнем Востоке, в Центральной и Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке. Такие операции наших геополитических противников могут включать военно-гражданскую составляющую, разведку и контрразведку, контроль населения и ресурсов, использование советников и наемников[129].

Основные направления

Целенаправленный характер и высокая динамика перехода гибридных угроз из категории потенциальных к реально действующим, требуют тщательной предварительной проработки на государственном уровне мер по противодействию.

Следует выделить ряд тенденций в развитии международной и внутренней обстановки, способствующих появлению новых угроз или повышающих степень опасности для России от существующих угроз.

К числу внешних угроз следует отнести выход США из договора по ПРО и расчеты на создание в обозримой перспективе комплекса взаи-

мосвязанных стратегических ядерных сил и стратегической ПРО, способного полностью нейтрализовать стратегический потенциал России и лишить ее возможности нанести ответный ядерный удар.

В результате мощным катализатором нестабильности и неопределенности в сфере международной безопасности являются[130].

— действия США и НАТО по размещению в Европе элементов глобальной системы противоракетной обороны, наращивание военной активности альянса у российских границ;
— негативное влияние на стабильность и предсказуемость международной обстановки оказывают рецидивы односторонних силовых подходов в международных отношениях. Укреплению такой тенденции способствует снижение авторитета и реальных возможностей международных организаций влиять на развитие обстановки в мире;
— обострение противоречий между США и другими важными участниками мировой политики, в том числе между США, Россией, Китаем, а также между США и Ираном, США и КНДР, Россией и НАТО. Сохраняется дестабилизирующее влияние на международную безопасность конфликтов в Ираке, Сирии и Афганистане, на Ближнем и Среднем Востоке, в ряде стран Южной Азии и Африки, на Корейском полуострове;
— незаконное использование экономических санкций США и ЕС против России, провоцирование финансово-экономических кризисов, что по совокупному ущербу сопоставимо с масштабным применением военной силы;
— возрастающая угроза распространения оружия массового уничтожения и его попадания в руки террористов. Зыбкость международного консенсуса по борьбе с терроризмом;
— усиление глобального информационного противоборства, совершенствование форм противоправной деятельности в кибернетической области и в сфере высоких технологий;
— создание напряженности в международных отношениях в рамках реализации стратегии геополитических противников России на поддержку националистических настроений, ксенофобии, сепаратизма и насильственного экстремизма, в том числе под лозунгами религиозного радикализма;

— угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, наркоторговлей и торговлей людьми;
— обострение борьбы за ресурсы, в том числе на Ближнем Востоке, на шельфе Баренцева моря и в других районах Арктики, в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии.

Внутренними угрозами национальной безопасности России являются:
— коррупция в системе государственного управления;
— отсутствие государственного органа интегрального планирования экономики страны на фоне продвижения либеральной идеи «невмешательства» государства в экономику и социальное строительство в качестве гаранта неотвратимости подлинно демократических преобразований;
— попытки некритического внедрения западных моделей управления экономикой, многие из которых не соответствуют российским условиям;
— сохраняющаяся привязанность к сырьевой ориентации экономики и неразвитость обрабатывающих отраслей промышленности;
— сохранение положения «ведомой» страны в сфере культурно-цивилизационного развития;
— неразвитость потенциала «мягкой силы», недостаточная притягательность страны и модели ее развития;
— неконтролируемая миграция как фактор, ослабляющий культурно-цивилизационную идентичность государства, создающий питательную среду для международного терроризма и организованной преступности.

Комплекс взаимосвязанных мероприятий

Противостояние гибридным угрозам предполагает разработку и системную реализацию комплекса взаимосвязанных различных по форме и содержанию (гибридных) политических, дипломатических, военных, экономических, информационных, технических и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства-агрессора (коалиции государств)[131].

Разведка должна строиться с учетом важных особенностей гибридной войны:

— гибридная война не объявляется. Военные действия в течение длительного времени могут не проводиться, в войне нет фронта и тыла, а операции гибридной войны охватывают всю территорию государства-жертвы. Государство-агрессор в течение определенного времени не раскрывает себя, не проводит масштабных мобилизационных мероприятий, стремится вести войну чужими руками, использует наемников, частные военные компании, активизирует действия внутренних иррегулярных формирований, «пятой» колонны и агентов влияния;
— отсутствует единый руководящий центр гибридной войны. Общая целевая установка по разрушению государства противника разрабатывается и согласовывается на уровне правительственных органов, руководства транснациональных корпораций, финансово-банковских структур, отдельных влиятельных лиц. Планы действий по дестабилизации административно-политической, социально-экономической и культурно-мировоззренческой сфер предусматривают создание на территории противника распределенных сетевых структур с высокой степенью самостоятельности и способностью к самосинхронизации. Заранее отрабатываются каналы их обеспечения: финансового, материально-технического, информационного, кадрового. Создаются склады оружия, боеприпасов, средств связи, подбираются места для подготовки боевиков;
— в гибридной войне используются катализаторы-ускорители подрывных процессов. В таком качестве выступают дипломатические демарши, экономические санкции, информационные «вбросы», успешные действия иррегулярных сил против важных объектов. Мощным катализатором является цветная революция, организованная на критически важном переломном этапе войны с целью ускорения процесса лавинообразной дестабилизации государства. Своевременное вскрытие подготовки операций, нацеленных на ускорение процессов развала государства, представляет важную задачу разведки;
— силы специальных операций применяются против стратегически важных объектов, для похищений и убийств политических лидеров и оказания поддержки иррегулярным формированиям;

— использование регулярных вооруженных сил осуществляется на заключительных этапах гибридной войны под предлогом «гуманитарной интервенции», проведения операции по принуждению к миру. Получение мандата ООН для таких действий желательно, но не обязательно[132].

Технологии цветной революции

Цветная революция как современная технология смены политических режимов обладает рядом уникальных особенностей, которые определяют задачи и объекты разведки в интересах противодействия конфликту.

Во-первых, технологии цветной революции предусматривают формирование якобы стихийного «взрыва народного негодования» и последующих действий по свержению власти. Внешнее воздействие тщательно маскируется. Поэтому добывание ответов на вопросы, кто спланировал агрессию и когда он, где и как намерен реализовать планы, требует глубокого проникновения в структуры глобального управления, где разрабатываются базовые идеи подрывных технологий. Особенно высокими являются требования к упреждающему характеру и оперативности добывания информации, поскольку цветные революции на Украине, в Сербии, Грузии, Киргизии, Тунисе, Египте состоялись в течение одного–двух месяцев.

Во-вторых, условия для подготовки цветной революции формируются во многом с опорой на факторы внутреннего порядка. В их числе социально-политические проблемы государства-жертвы, высокий уровень коррупции, неразвитость социальных лифтов, нестабильность политической системы и раскол элит на фоне недостаточно развитой объединяющей идеологии, национально-религиозные и клановые противоречия. Эти и некоторые другие факторы создают уязвимые места государства, вокруг которых формируются области критичности во внутренней политике, провоцируется кризис власти. Одной из задач разведки в этом контексте является своевременное вскрытие узких и уязвимых мест государства, используемых противником для дестабилизации обстановки, обеспечение руководства объективной информацией с целью противодействия процессу дестабилизации. Важно вовремя определить и пресечь внутренние и внешние каналы финансовой поддержки цветной революции.

В-третьих, не менее важную роль в развитии конфронтационной спирали в ходе цветной революции играют внешние факторы, связанные с финансовой и информационной поддержкой подрывных процессов. Именно контроль зарубежных информационных каналов и внутренних оппозиционных СМИ обеспечивает противнику способность оперативно воздействовать на направленность и динамику применения технологий цветной революции.

Таким образом, разведка в гибридной войне и цветной революции имеет ряд отличий от разведки в межгосударственном конфликте обычного типа, когда основная часть интересующих разведку объектов, включая органы управления, войска, находятся на территории, контролируемой противником.

В гибридной войне и цветной революции операции разворачиваются на национальной территории государства-жертвы без вторжения противника и оккупации национальной территории. Соответственно разведка иррегулярных формирований, вскрытие содержания и направленности информационных атак требуют добывания значительного объема сведений на своей собственной территории. При этом объектами разведки являются сетевые структуры с высокой степенью самостоятельности и способностью к самосинхронизации, к которым относятся иррегулярные войсковые формирования, а также силы и средства информационной войны. На национальной территории практически отсутствуют объекты, на которых противник сосредоточивает документы с обобщенными сведениями, представляющими интерес для разведки[133].

Сбор сведений следует планировать с учетом территориально распределенного характера ячеек сети, что потребует организации разведки мест подготовки и отдыха боевиков, складов оружия, транспортных коммуникаций. Противостояние в информационной сфере предполагает кропотливый анализ местных СМИ, контроль за деятельностью радикальной оппозиции, псевдорелигиозных и неформальных молодежных организаций. Решение разведывательных задач базируется на использовании современных технических средств, мониторинге обстановки на местности, контроле за каналами связи, за СМИ и Интернетом, за местами, где может осуществляться идеологическая обработка и вербовка боевиков внутри страны и за ее пределами[134].

Для анализа и оценки сведений должна быть заблаговременно создана информационно-аналитическая служба, в составе которой будут не только военные, но и гуманитарии, лингвисты, регионоведы, психологи, экономисты, финансисты. Важное значение имеет наличие специалистов со знанием местных языков и национально-психологических особенностей населения соответствующих стран и регионов.

Главная задача разведки

Особенности конфликтов современности определяют содержание разведывательных задач, которые должны решаться всеми видами разведки при подготовке и в ходе гибридной войны и цветной революции.

Главная задача состоит в своевременном вскрытии подготовительных мероприятий противника по развязыванию гибридной агрессии, комплекса гибридных угроз, которые планируется использовать для подрыва безопасности страны. Успешное решение главной задачи опирается на комплекс разведывательных задач, стоящих перед всеми видами разведки и контрразведки. Задачи охватывают сферы деятельности противника, в которых формируются стратегии подрывных действий, создаются необходимые ресурсы, устанавливаются каналы связи и взаимодействия.

Решение задач ведется на многих объектах как за пределами, так и внутри страны, а содержание задач требует высокой степени компетентности разведчиков в политической, экономической, военно-стратегической, научно-технической, гуманитарной, экологической и других областях.

Особенность деятельности разведки в гибридной войне состоит в необходимости добывать сведения о скрытых подрывных элементах, которые действуют в сети, состоящей из изолированных ячеек. В этом контексте в регионах, охваченных гибридной войной, может быть полезным создание разведывательно-ударных групп с собственными каналами оперативной, надежной и скрытной связи. Источниками сведений являются самостоятельный поиск и разветвленная агентурная сеть.

Перечисленные и некоторые другие особенности разведки обусловливают необходимость поддержания в высокой готовности наличных сил и средств разведки, их постоянного совершенствования с учетом процессов трансформации конфликтов современности, скрытого формирования гибридных угроз.

Ведущая роль в решении задач своевременного вскрытия вызовов и угроз безопасности России, связанных с гибридной войной и цветной революцией, принадлежит ряду государственных структур: Федеральной службе безопасности (ФСБ России), Службе внешней разведки Российской Федерации (СВР России), Национальной гвардии Российской Федерации.

Действовать совместно с союзниками

Наращивание масштабов ведущейся против России гибридной войны делает этот вид межгосударственного геополитического противостояния одной из наиболее острых угроз для национальной и международной безопасности. Более того, использование комплекса гибридных угроз в качестве инструмента внешнего давления с целью создать нестабильность внутри государства перестает быть лишь угрозой национальной безопасности, а представляет собой мощный дестабилизирующий фактор для всей системы международной безопасности.

Противостояние гибридным угрозам предполагает разработку и системную реализацию комплекса взаимосвязанных, различных по форме и содержанию политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение воздействия внутренних и внешних факторов, способствующих формированию угроз.

С учетом особенностей гибридных угроз главный акцент во внутриполитической сфере следует сделать на укреплении внутреннего единства российского общества, обеспечении социальной стабильности, межнационального согласия и религиозной терпимости, устранении структурных дисбалансов в экономике и ее модернизации, повышении обороноспособности страны.

Во внешнеполитической сфере усилия должны быть сосредоточены на обеспечении военной, информационной и экономической безопасности страны, сохранении и укреплении ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, в наибольшей мере отвечающих интересам Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира.

Следует совершенствовать способность государства быстро и решительно реагировать на конфликты, нелинейный характер которых

позволяет достигать значительных результатов при относительно небольших деструктивных возмущающих воздействиях со стороны государства-агрессора или коалиции враждебных государств.

Наращивать усилия по созданию надежной территориальной обороны для обеспечения надлежащего уровня государственной и общественной безопасности, правопорядка, законности и защиты конституционного строя. Продолжать усиление охраны границ по всему периметру государства.

Обеспечить ведение непрерывной разведки и ее тесное взаимодействие со структурами политического и военного управления с целью прогнозирования угроз и планирования мероприятий по противодействию за счет оперативного создания и использования преимущества на угрожаемом направлении.

Совершенствовать способность противостоять гуманитарным вызовам, таким как бедность, социальная неустроенность, массовая миграция и рост числа беженцев. Исходить из того, что возрастание числа и интенсивности гражданских и международных конфликтов дополнительно усугубляет существующие гуманитарные кризисы.

Организовать подготовку качественного кадрового ресурса, способного обеспечить разработку и реализацию стратегии противодействия гибридной войне.

В качестве первоочередных шагов по совершенствованию способности России противостоять гибридным угрозам следует провести обзор гибридных угроз и определить узкие и уязвимые места с учетом потенциальных угроз национальным, союзническим и партнерским структурам.

Совместно с союзниками по ОДКБ, СНГ и ШОС предпринять шаги по обновлению и координации возможностей по осуществлению предупредительной стратегической коммуникации и оптимизации использования мониторинга для противодействия гибридным угрозам, включая разработку индикаторов, позволяющих оперативно прогнозировать и распознавать угрожающие ситуации в административно-политической, социально-экономической и культурно-мировоззренческой сферах.

Приоритетным направлением совместной деятельности в рамках ОДКБ, СНГ и ШОС должно стать обеспечение способности своевременно вскрывать и парировать угрозы цветных революций, работать на опе-

режение. С этой целью в рамках совместной стратегии должны быть разработаны планы по подготовке к отражению угрозы и внедрены методы обмена информацией между союзниками и партнерами, предусмотрены совместные шаги по борьбе с финансированием цветных революций[135].

Следует включить в число приоритетных проекты по адаптации оборонных возможностей России, ОДКБ, СНГ и ШОС для ответа на гибридные угрозы против одной из страны или коалиции. Изучить возможности военного ответа на гибридные угрозы, для чего разработать соответствующую нормативно-правовую базу в рамках диалога и укрепления сотрудничества и координации по осведомленности о ситуации, стратегическим коммуникациям, кибербезопасности и предупреждению и реагированию на кризисы для противодействия гибридным угрозам.

Важное внимание следует уделить вопросам обеспечения безопасности атомного сектора и технологически опасных объектов, транспорта, связи и космической инфраструктуры, предупреждению актов «телефонного терроризма».

В рамках развития программы цифровизации экономики разработать и внедрить технологии для киберзащиты пользователей и инфраструктуры от гибридных угроз, включающих кибертерроризм и кибершпионаж. Ключевым решением проблемы киберзащиты является заключение широкого международного соглашения по кибербезопасности, содержащее пункт о введении коллективных санкций стран-подписантов против государств, отказывающихся присоединяться к соглашению.

7.9. Внешняя политика: «Дипломатия в условиях военно-силового противоборства»

Неверный изначально тезис о том, что свертывание внешней активности облегчает задачу ускорения социально-экономического развития станет к 2025 году очевиден для правящей российской элиты, у которой будет наглядная возможность сравнить политику уступок М. Горбачева — Б. Ельцина и стагнации социально-экономического развития с активной

внешней политикой В. Путина, сопровождающейся экономическим ростом, несмотря на санкции и внешнее давление со стороны Запада.

Необычное состояние внешней политики, когда не вполне ясно мир или война определяют положение МО и ВПО в 2017 году, не просто продолжится, но и будет углубляться в среднесрочной перспективе до 2025 года. Внешняя политика России до 2025 года будет продолжать адаптироваться к сценарию «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ», что будет означать прямое силовое противоборство по всему спектру проблем — от культуры и образования до военной области — с Западом[136].

Состояние «на грани войны» (или даже за её гранью) между Россией и Западом, в конечном счете, неизбежно должно закончиться вооруженным столкновением, которое Запад попытается ограничить территориями отдельных ТВД (Европой, Закавказьем и Средней Азией), спектром вооружений и участниками (создав против России несколько «облачных противников» или использовав для этого своих союзников.

7.10. Общая характеристика военно-политических условий развития России по «Сценарию №2»

Метод — это тот образ действий, который используется для необходимого результата[137]

М. Хрусталёв, политолог

К концу 2017 года стало очевидным, что избранный метод социально-экономического развития России, результатом которого стало нынешнее состояние экономики и общества, не соответствует международным реалиям стремительно ухудшающейся МО и ВПО. Этот метод, по сути, был экстраполяцией «инерционно-ресурсного» метода развития начала века[138], когда Россия только-только выходила из кризиса, но вновь в него свалилась благодаря США. Необходимость достижения конкретных практических результатов в опережающем развитии России в еще

большей степени заставляет объективный прогноз развития человечества до 2025 в условиях быстро меняющейся ВПО. Такой прогноз однозначно свидетельствует о том, что само существование нации и суверенного государства к 2025 году может быть поставлено под угрозу. Это требование, вытекающее из абсолютно объективных международных обстоятельств, делает необходимость опережающего развития нашей страны не просто актуальной задачей, а неотложной, может быть, даже самой острой . Что, в свою очередь, требует переоценки концептуальных документов, в которых формулируются основы государственной политики[139].

Этим объясняется то, что особое внимание привлекает «Сценарий №2» развития России, который он представляется в конце 2017 года как наиболее желательный, но (прежде всего, в силу неэффективности управления) наименее вероятным, а именно тем сценарием, к которому сползает — медленно и неохотно — правящая российская элита под давлением, прежде всего, внешних обстоятельств. Решения, в том числе кадровые, принимаемые В. Путиным, пока что не привели к смене метода управления (образа действий, используемого для получения необходимого результата — по-Хрусталёву), а значит и не привели к смене алгоритма развития России с инерционного сценария на инновационный. Очень медленный и неуверенный выход России из кризиса в 2017 году, сопровождавшийся ростом ВВП в 1,5%, выглядел крайне не убедительным не только на фоне среднемировых темпов роста в 3%, но, тем более, ожидаемых темпов роста огромной экономики враждебных США в 4%.

Настораживает тот факт, что попытки правящей элиты обратиться к инновационным методам развития не подкреплены ни концептуально, теоретически, ни конкретными решениями на политическом уровне. В частности, требование опережающего и инновационного развития не сформулировано ни в Стратегии национальной безопасности, ни в социально-экономических стратегиях, которые готовятся МЭРом и Минфином, а также полуофициальными организациями типа ЦСЭР под руководством А. Кудрина. Об этом я многократно писал в 1990-е и последующие годы[140].

В этом смысле положение в 2017 году мало чем отличается от ситуации 2000–2013 годов, когда МО и ВПО в мире были гораздо благоприятнее для России. Правящая элита настойчиво уходит от задачи

формулирования целей развития, которые (надо честно признать) она и сформулировать толком пока не может, ведь использовать в качестве общенациональной цели задачу «создания комфортных условий» (как для пенсионера построить теплый туалет на даче) — очевидно, заведомо принижать планку развития для нации. Подобная инерция неизбежно отражается и на развитии общества и его институтов, что резко замедляет темпы развития национального человеческого капитала[141].

Необходимо, прежде всего, публично отказаться от прогнозов и планирования «от достигнутого», перейдя к постановке политических задач в экономической и научно-технической области. Этим же «политическим» подходом объясняется и основной метод прогноза — сценарное прогнозирование, когда политически и юридически, а также на идеологическом уровне (включая когнитивно-информационный, общенациональный уровень) формулируется долгосрочная цель опережающего инновационного развития нации и государства.

Вероятность и во многом желательность для самой правящей элиты России реализации «Сценария №2» развития страны непосредственно зависит от будущей МО и ВПО, которая сложится к 2025 году. Уже к 2017 году стало окончательно ясно, что политика «силового принуждения» направлена, прежде всего, по отношению к правящей российской элите, которую (как и элиты Югославии, Ирака, Румынии и других стран) поставили перед очень жестким выбором: либо капитуляция (по примеру бывших соцстран и республик СССР) и подчинение интересам западной ЛЧЦ, со всеми вытекающими последствиями — депопуляцией, деиндустриализацией, потерей остатков суверенитета и идентичности, — либо уничтожение: экономическое, финансовое, политическое и физическое (по примеру Чаушеску, Каддафи, Милошевича, хусейна и др.).

Другими словами, этот инновационный сценарий для части элиты может стать (и, похоже, даже уже, пусть медленно, становится для части правящей элиты) вынужденным. Это объясняется тем, что нарастание внешних опасностей и угроз, которое активно началось в первом десятилетии нового века, было прямо связано с попытками российской правящей элиты страны вернуть себе контроль над процессом принятия решений и ресурсами, потерянный фактически в период правления Б. Ельцина. В эти годы сложилась четкая взаимосвязь между укреплени-

ем (возвращением) суверенитета и контроля, с одной стороны, и формированием неблагоприятных внешних условий для правящей элиты и страны, с другой[142].

Эта взаимосвязь носила четко выраженный и «обратно пропорциональный» характер: чем больше суверенитет и самостоятельности, независимости и решений в пользу национального суверенитета (а позже и пришло осознание о такой же необходимости в обеспечении национальной идентичности), тем хуже внешние условия существования, в том числе и для правящей элиты, которая была поставлена такой зависимостью перед сложным выбором, ведь все предыдущее время она ориентировалась на западные ценности и аккумулировала именно там свои активы и интересы.

Именно поэтому процесс «возвращения суверенитета», начатый В. Путиным постепенно где-то в 2005–2006 годах, сопровождался ухудшением внешних условий для существования страны и её правящей элиты. Качественными переходами стали события в Южной Осетии в 2008 году, окончательно оформившиеся в негативный сценарий в феврале 2014 года после событий на Украине. Примечательно, что еще в ноябре 2013 года в докладе и прогнозе ИМЭМО РАН наши либеральные сторонники Запада писали о том, что внешние исключительно благоприятные условия России сохранятся в будущем.

7.10.а). Соотношение основного сценария развития международной обстановки в мире с «Сценарием №2» («Инновационным») развития России

После окончания холодной войны… апокалипсические сценарии были на четверть века забыты[143]

А. Арбатов, политолог

Результатом «забывчивости» действительных намерений США в отношении СССР и России в прошедшие четверть века стала не мудрость Запада, а слабость и деградация России, правящая элита которой по-

слушно уничтожала собственный суверенитет, экономику и даже народ. Как только этот процесс прекратился и Россия стала — пусть медленно и непоследовательно, но развиваться в обратном направлении — западные «партнеры» немедленно стали возвращаться к силовой политике, которая со временем сравнялась с масштабами холодной войны. К концу 2017 года сложился крайне неблагоприятный сценарий развития МО и вытекающий неизбежно из него сценарий ВПО, который я еще в 2014 году назвал «Сценарием военно-силового противоборства»[144]. Он выражался в формировании в широкой западной военно-политической коалиции политике «новой публичной дипломатии» и стратегии «силового принуждения», сформулированных, естественно, в США, и попытках дискредитации и развала международных институтов с помощью возглавляемой ими широкой международной коалиции, которая (как показала попытка «реорганизации ООН», предпринятая США осенью 2017 года), может достигать численности 130 государств, т.е. по численности стран составлять две трети мирового сообщества. Закон, принятый в августе в США против Ирана, КНДР и России, закладывал долгосрочную и системную основу политики «силового принуждения» правящих элит. Этот сценарий, в частности, предполагал эскалацию силового принуждения в отношении России и её правящей элиты, апогеем которой стало бы превращение военно-силового принуждения в военное (войну) еще до 2025 года[145].

Подобное очень вероятное развитие событий в мире неизбежно и сильно отражается на планах по развитию России, превращая её во многом в заложника политики коалиции стран западной ЛЧЦ, прежде всего США. Этот же вектор неизбежно ставит и перед российской правящей элитой, более того, перед всей нацией проблему выбора: либо опережающее развитие и сохранение идентичности и суверенитета, либо капитуляция и (возможно) сохранение личного благополучия. Причем неизбежность такого радикального выбора каждый год усиливается, становясь «Часом Х», не позднее 2021–2023 годов.

В данной работе я исхожу из ключевой предпосылки того, что из всего множества возможных сценариев развития МО до 2025 года в конце-концов останется один, наиболее вероятный сценарий развития МО — сценарий «Военно-силового противоборства**»,** который,

в конечном счете, трансформируется в один из своих конкретных вариантов развития МО и неизбежно вытекающий из него сценарий развития ВПО в трех «гибридных» вариантах — «оптимистическом», «реалистическом» и» пессимистическом». Развитие событий в мире говорит в пользу того, что этот сценарий уже не просто стал единственным, но и его эскалация стремительно нарастает, что делает выбор правящей элиты России особенно неотложным.

Будущее России и её варианты развития во многом будут предопределены логикой развития МО и ВПО в мире, что особенно ясно показало развитие событий в 2015–2017 годы. Эта логика также с неизбежностью приводит нас в конечном счете к одному, **наиболее вероятному**, варианту МО и вытекающему из него варианту развития ВПО, а в конечном счете и особенностей вытекающих из этого ВПО, СО, войн и конфликтов. О ней не раз говорилось уже в работе, но, применительно к ее заключительной части, эту логику можно повторить в следующем рисунке.

Как видно на рисунке ниже, таким наиболее вероятным сценарием развития МО и ВПО я выбрал (опираясь на множество примеров, информации и логических построений, а также экспертных оценок) «Сценарий №3» — «Глобального военно-силового (вооруженного и невооруженного) противоборства с западной ЛЧЦ, который будет доминировать до 2021 года в вариантах «А», «В» и «Б». Причем, на мой взгляд, «Вариант А» («Оптимистический») развития ВПО будет наиболее вероятным, а в процессе его реализации будут сформированы уже до 2021 года различные варианты СО и начнутся (продолжатся) старые и новые войны и военные конфликты, которые окончательно оформятся в 2021–2025 годы. Спрогнозировать такое развитие событий в МО–ВПО и СО крайне важно, хотя и крайне сложно, однако, сделанный мною прогноз в 2014 году, к сожалению, полностью подтвердился к концу 2017 года[146].

Иными словами, можно констатировать, что если до 2017 года Россия развивалась уже несколько лет во враждебных условиях, то в период 2018–2021 годов она будет развиваться в условиях постоянно усиливающихся военных конфликтов и войн. Сложившаяся в 2017 году ВПО будет только постоянно и, скорее всего, быстро, ухудшаться.

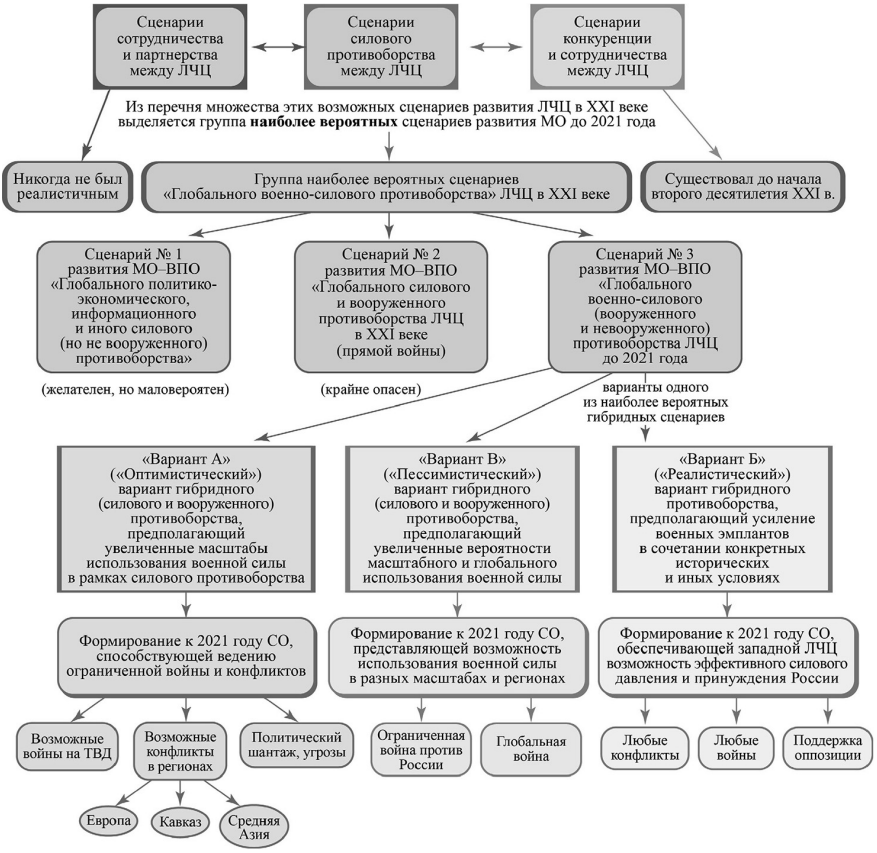


Рис. 7.31. Логика выделения единственного варианта сценария развития МО–ВПО до 2021 года

Учитывая решительное значение, которое развитие МО и ВПО в период 2017–2025 годов окажет на Россию, требуется ясно соотносить любые прогнозы и планирование в стране с этими реалиями. Что далеко не всегда происходит.

Конкретный вывод данной части работы заключается в том, что из всего множества (сотен и даже тысяч) возможных сценариев развития МО до 2025 года и их вариантов, к 2021 году, в конечном счете, неизбежно остается один, наиболее вероятный вариант сценария развития России, который, в свою очередь, будет реализован в условиях эскалации крайне негативного сценария развития международной и военно-политической обстановки, названного мною «Вариантом А»

сценария №3 «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ». Ответственность правящей российской элиты в период 2018–2021 годов возрастает многократно потому, что по истечении этого срока у неё может не остаться возможности для самостоятельного принятия решений. Ситуация станет абсолютно для неё не подконтрольной.

При этом мы, естественно, не можем (да и это в принципе невозможно) прогнозировать наиболее вероятные конкретные варианты развития СО, войн и конфликтов, которые будут зависеть от сотен тысяч факторов и переменных и которые будут формировать конкретные условия существования России до 2021–2025 годов. Но мы можем и обязаны рассмотреть возможные, наиболее опасные, варианты развития СО и их влияние на ВПО и МО в 2018–2025 годы. Так, можно прогнозировать, что для России наиболее угрожающими будут три стратегических направления, где Запад попытается развязать военно-силовое противоборство: Украина, Кавказ и Средняя Азия.

Кроме того, не смотря на любые заявления политиков Запада можно прогнозировать, что основными ТВД для общей ВПО в мире останутся: Ближний и Средний Восток (Иран, Ирак, Сирия и Афганистан), к которым может добавиться Пакистан и страны Средней Азии, Восточная Европа и Северный Кавказ, где напряженность будет искусственно развиваться, переходя в военные конфликты, и Юго-Восточная Азия, где пересекаются интересы США, КНР, Японии, КНДР и Индии.

В этой связи необходимо попытаться оценить степень зависимости России и её правящей элиты от внешних факторов, которые, повторю еще раз, будут радикально, даже критично, влиять на развитие России до 2025 года. Вероятно можно выделить среди них следующие группы, которые в разной степени и по-разному, но радикально, будут влиять на развитие России. Во многом из-за этого влияния в любые планы развития страны, включая концепции социально-экономического развития и бюджетное планирование на 2018–2021 годы, необходимо вносить уже сегодня коррективы:

Во-первых, это традиционные факторы, объединяемые в группу «Внешние условия, опасности и угрозы» развития государства и нации, которые предопределяют непосредственно само существование и развитие России: военные опасности и угрозы, негативное влияние,

силовое принуждение и пр. экономические, технологические, информационные и иные средства негативного влияния, угрожающие существованию не только государства, но и — в XXI век это особенно важно — нации.

Эти факторы и угрозы включаются в соответствующие документы государственного и военного планирования — Стратегию национальной безопасности, Военную доктрину, Концепцию внешней политики, Гособоронзаказ, Бюджеты и пр. документы, но их требуется скорректировать с точки зрения усиления некоторых угроз и их приоритетности, произошедших в последние месяцы 2017 года.

Таким образом, планы и прогнозы развития России должны изначально учитывать негативную внешнюю среду для их реализации. Так, с точки зрения «Инновационного» сценария это означает, что процесс импортозамещения, начатый несколько лет назад, должен превратиться в долгосрочную научно-техническую и экономическую политику, а не серию акций, связанных с деятельностью Минпромторга.

Во-вторых, требуется по-новому отнестись к таким факторам, формирующим группу национальных ценностей и интересов, как базовые ценностные и социокультурные факторы, позволяющие в настоящее время самоидентифицировать нацию и суверенитет государства.

Надо признать — и Украина стала ярким тому примером, — что приоритеты суверенитета и национальной самоидентификации сознательно размывались в последние десятилетия в СССР и в России, что и привело не только к развалу СССР, но и превращению некоторых регионов и наций в русофобские регионы, используемые внешними силами.

Внутриполитическая стабильность невозможна вне национальной самоидентификации и сознательно принятых приоритетов и ценностей, а их размывание и уничтожение становится для внешних агрессоров не менее приоритетной задачей, чем уничтожение военного потенциала.

В-третьих, требуется особенное внимание обратить на факторы, связанные с эффективностью управления правящей элитой.

Эта эффективность должна оцениваться не только с точки зрения администрирования и успешного менеджмента, но и с точки зрения

лояльности национальным и государственным интересам представителей правящей элиты России, как минимум, на уровне требований США и Украины (хотя для современной России они должны быть уже выше).

Надо признать, что выбор, который формулируется перед представителями правящей элиты России Западом, — капитуляция, либо уничтожение — приведет к тому, что часть элиты и общества выберет капитуляцию и путь предательства. Более того, именно такой выбор станет гарантией их сохранения, тем «пропуском», который их заставят предъявить.

В-четвертых, факторы, определяющие эффективность стратегии национальной безопасности, и развития, а также использования ресурсов.

Очевидно, что Запад будет стремиться ограничить экспортные возможности России и области её сотрудничества с внешним миром в 2018–2025 годы, усиливая не только финансово-экономическое, но и военно-политическое давление на Россию и её возможных политических партнеров. Это потребует, с одной стороны, активизацию внешней политики по самым разным направлениям, а, с другой, готовности к большей концентрации на внутренних потребностях, например, удовлетворения внутреннего спроса в газе и нефтепродуктах по минимальной стоимости.

Этот сценарий развития России в условиях эскалации военно-силового давления реализуется (иногда попеременно) в конкретных вариантах, реалистичность которых зависит от многих факторов. Среди них выделяются следующие:

Предлагается рассмотреть влияние этих групп факторов на формирование сценария развития России до 2025 года по порядку, начиная с группы внешних факторов. Так, в ближнесрочной перспективе до 2017–2021 годов наиболее вероятным рассматривался «оптимистический» вариант развития МО по сценарию «Глобального военно-силового противоборства», т.е. вариант без применения вооруженного насилия. Этот вариант, однако, имел устойчивую тенденцию к эволюции в сторону «пессимистического» варианта, что стало реальностью примерно в то же самое время, т.е. еще до 2021 года.

Очень наглядно эти колебания от одного варианта к другому варианту одного и того же сценария были видны в 2014–2017 годах, когда

возникала вероятность прямого военного столкновения. Его не произошло в «видимом спектре» отношений России и Запада, однако в реальности в 2014–2017 годы росло не просто напряжение и силовое противоборство, но и фактическое вооруженное противоборство в направлениях:

- стимулирования диверсионно-разведывательный деятельности, убийств, террористических актов на территории ЛНР и ДНР, а также в некоторых регионах России;
- усиление военной активности, особенно ВВС и ВМФ США и их союзников, передислокация и развертывание новых соединений вблизи границ с Россией;
- активизация кибероперациий во всем спектре деятельности этого командования;
- усиления военно-психологической войны и специальных информационных операций;
- активизация поддержки оппозиционных социальных групп населения по:
  - социальному;
  - национальному;
  - конфессиональному признакам;
- усиление силового давления, включая психологического, на правящую элиту России, прежде всего, тех, кто поддерживает В. Путина.

Более того, даже в 2015 году уж можно было предположить, что эта эволюция приведет к тому, что будущая МО будет характеризоваться как откровенно враждебная России и будет развиваться по «пессимистическому» (наихудшему) варианту Сценария, а именно переходу к военно-силовым действиям непосредственно против России на отдельных ТВД пока что они сдерживаются рисками неконтролируемой эскалации военного конфликта, однако развитие ВВСТ (ВТО, гиперзвуковых систем и пр.) и концепций их использования в последние годы позволяет говорить о возможности «незаметного сползания» к военным действиям под контролем «ядерного зонтика» и широкомасштабной ПРО США. Можно признать, что некоторые признаки уже свидетельствуют о том, что определенные элементы такого варианта уже существуют и развиваются достаточно быстрыми темпами.

САМЫЕ ДОРОГИЕ ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ XXI ВЕКА

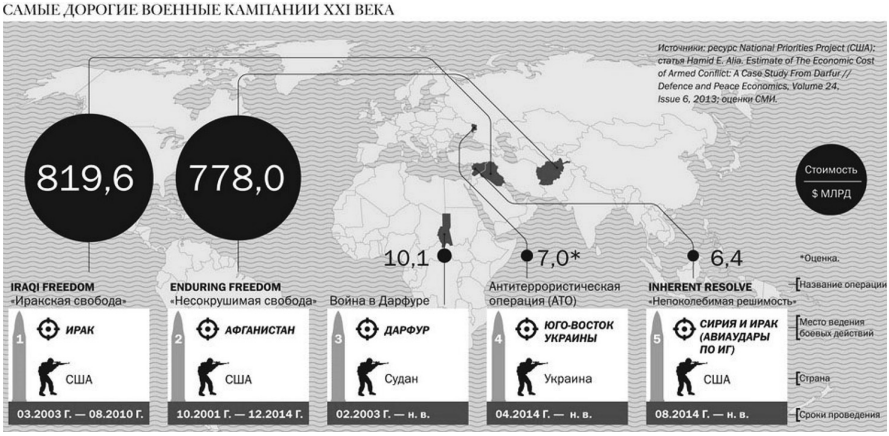


Рис. 7.31[148].

ГЛОБАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЯДЕРНЫЕ СИЛЫ *Источник: справочник World Military Balance 2016.*

	Средства доставки									Боеголовки
	Наземные					Морские		Воздушные		
Страна	МБР	БРПД	БРСД	БРМД	Ракеты класса «земля—земля»	БРПЛ	Крылатые ракеты морского базирования	Бомбардировщики	Истребители-бомбардировщики	Всего
Китай	62	16	80	0	0 (54)	0 (48)	0	50	н/д	>250
Франция	0	0	0	0	0	64	0	0	43	280
Индия	0	н/д	12	42	0	0 (12)	0	0	н/д	>120
Израиль	0	24	0	0	0	0	н/д	0	50	80
КНДР	0 (6)	н/д	0	н/д	н/д	н/д	0	н/д	н/д	>20
Пакистан	0	0	30	30	н/д	0	0	0	н/д	>130
Россия	322	н/д	0	0	н/д	192	н/д	76	н/д	3648
Великобритания	0	0	0	0	0	64	0	0	0	120
США	450	0	0	0	0	336	0	90	н/д	2038

Данные по состоянию на ноябрь 2015 года, в скобках указаны носители с неопределенным операционным статусом.
(МБР — межконтинентальная баллистическая ракета; БРПД, БРСД, БРМД, БРПЛ — баллистические ракеты промежуточной, средней, малой дальности, подводных лодок.)

Рис. 7.32[149].

СТРАНЫ МИРА С НАИБОЛЬШИМ КОЛИЧЕСТВОМ ВОЕННЫХ СПУТНИКОВ (КОЛИЧЕСТВО)*

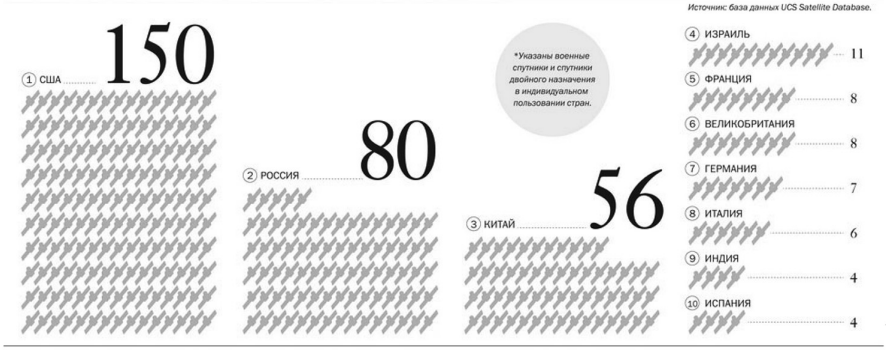


Рис. 7.33[150].



Рис. 7.34[151].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к 2021 году в основном, а 2025 году — даже в целом — МО будет сформирована по «пессимистическому» варианту Сценария №3 и в дальнейшем до 2040 года будет одновариантной[147]. Если до 2025 года еще можно ожидать, что МО будет колебаться в зависимости от множества субъективных факторов между «реалистическим» и «пессимистическим» силовыми вариантами этого сценария «Военно-силового противоборства», то после 2025 года прогнозируется, что она устойчиво приобретет характер «пессимистического» варианта, т.е. полномасштабной войны между ЛЧЦ. Как минимум, между российской и западной, но не исключено, что и с тем или иным участием мусульманской, латиноамериканской и китайской.

И проблема тут не только в политике западной ЛЧЦ. Количество конфликтов в современном мире растет, меняется как их характер, так и цели, которые ставят перед собой противники. Одновременно привычные инструменты сдерживания военной агрессии вроде ядерного оружия теряют свое значение, оставаясь тяжелым бременем для национальных бюджетов.

Война постепенно вернула свои позиции в качестве обыденного фона мировой политики. Эксперты предупреждают, что рост числа конфликтов и изменение их качества через прямое или косвенное вовлечение многосторонних коалиций, в том числе с участием ядерных стран, грозит разбалансировкой сложившейся глобальной конфигурации обеспечения безопасности. Высокоточное оружие и системы ПРО

снижают значение ядерных сил сдерживания, сыгравших стабилизирующую роль в период холодной войны, что теоретически делает возможным неядерный военный конфликт между великими державами.

При этом, по данным на 2015 год, содержание одной ядерной боеголовки обходится США в $1,8 млн в год, стоимость содержания и обслуживания всей инфраструктуры стратегических ядерных сил превышает $20 млрд в год. Для России аналогичный показатель по разным оценкам составляет $10–15 млрд в год. Общие расходы членов «ядерного клуба» на свои арсеналы превышают $100 млрд в год.

Напротив, возвращением к опыту холодной войны стало участие ядерных держав в локальных конфликтах через своих союзников, что и происходило в Сирии. Если для большинства местных вооруженных групп конечной целью остаются захват и удержание территорий либо контроль перемещения ресурсов, то для внешних игроков боевые действия служат инструментом влияния на политику оппонента. Такие «сложносочиненные» конфликты кажутся особенно опасными, поскольку чреваты непредсказуемым развитием событий.

Теоретически конфликты нового типа могут протекать и по другому сценарию, также не принимающему во внимание наличие ядерного оружия. В современных условиях ключевую ценность представляет не живая сила или территория противника, а информация и контроль ее потоков. Успешно развернутой кибербокады должно быть достаточно для полного расстройства коммуникаций враждебного государства и, таким образом, для обеспечения победы. Судя по количеству размещенных на околоземной орбите военных спутников, к такой перспективе готовы пока только три страны: Россия, США и Китай.

Сказанное означает, что «Сценарий №3» развития МО–ВПО «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» является наиболее вероятным для России в период с 2017 по 2040 годы. При этом с 2017 по 2021 годы будет происходить эволюция в его развитии от «Варианта Б» («реалистического») к «Варианту В» («пессимистическому») этого Сценария. В целом же можно констатировать, что в 2017 году «Сценарий №3» развития МО–ВПО соответствует «Сценарию №2» развития России.

Предполагается, что в период 2021–2025 годов этот переход завершится, т.е. окончательно утвердится вариант «Сценария №3», в котором

Таблица 7.7. Сценарии развития МО–ВПО и России в период 2017–2040 годов

Периоды (годы)	Сценарии развития МО («Сценарий №3»)	Сценарии развития ВПО	Сценарии развития СО	Сценарии развития России («Сценарий №2»)
2017–2021 гг.	Сценарий «Жесткая глобализация» (сохранение контроля США над создаваемой западной ЛЧЦ и военно-технического превосходства)	Завершение формирование военно-политической коалиции западной ЛЧЦ. Реализация сценария «Военно-силового противоборства» в переходе от «Варианта Б» (силового) к «Варианту В» (военно-силовому)	Создание материально-технических возможностей и разработка способов ведения военно-силовых операций, конфликтов и войн в разных регионах и разного характера	Инерционно-стагфляционный сценарий развития (по аналогии с периодом 2014–2017 годов)
2021–2025 гг. («переходный период)	Сценарий «Жесткая глобализация» (усиление контроля США и возглавляемой или коалицией над МО и ВПО	Активное использование силовых и военных средств политики с целью «принуждения» других ЛЧЦ	Разработка многочисленных форм и методов силовой и военной политики в разных регионах и на разных ТВД на основе военно-технологического превосходства	Деградация и стагнация в развитии России на фоне усиления новых центров силы
2025–2040 годы	Сценарий «Жесткая глобализация» реализуется в установлении контроля со стороны западной ЛЧЦ над поведением других ЛЧЦ и субъектов МО–ВПО	Контроль коалиции западной ЛЧЦ над эскалацией военных действий на всех основных ТВД	У западной коалиции существуют материальные возможности и способы использовать военную силу в любой форме	Потеря значительной части суверенитета, территории и отказ от ряда качеств национальной идентичности. Управляемость извне превращается во внешний контроль

предполагается прямое и непосредственное использование военной силы западной ЛЧЦ против России.

После 2025 года «Вариант В» становится единственным сценарием развития МО и ВПО, делая для России неизбежным выбор в пользу мобилизационного сценария развития в условиях ведущихся против нее прямых военных действий и возможного перехода к глобальному военному конфликту.

Сказанное означает, что сценарии развития России в период 2017–2040 годов во все возрастающей степени будут зависеть от внешних условий развития МО и ВПО, требуя соответственно значительных политических, организационных, демографических и материальных издержек. Эту параллельность сценариев развития России и МО–ВПО можно проиллюстрировать следующим образом (табл. 7.7).

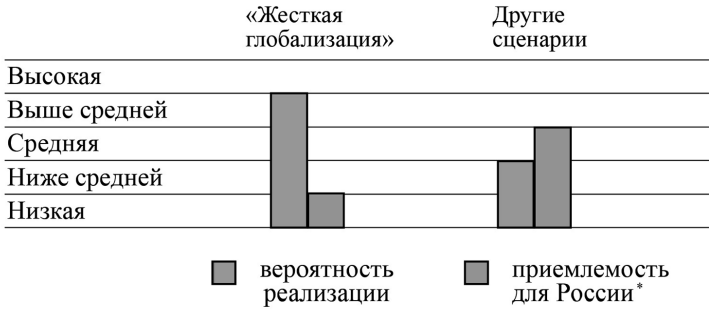
7.10.б). Вероятность реализации «Сценария №2» («Инновационного») развития России

Вычленение наиболее вероятного Сценария развития МО и ВПО, а также России (и их вариантов) из всего спектра существующих — возможных и вероятных сценариев и вариантов предпочитает оценку этого Сценария по соотношению «приемлемость для России» и «вероятность его реализации». Эта оценка может быть сделана на основе анализа вероятности и реализуемости большинства сценариев и их вариантов по критериям: «высокая» (80–100%), «выше средней» (60–80%), «средняя» (40–60%), «ниже средней» (20–40%) и «низкой» (0–20%).

Целесообразно рассмотреть эти соотношения в динамике по годам и отдельно по основному Сценарию и его вариантам (рис. 35–37).

Таким образом, можно констатировать, что:

1. наиболее вероятный сценарий развития МО и ВПО является наименее приемлемым для России;
2. Россия не принимает решительных мер для изменения своего сценария развития;
3. Вероятность изменения сценариев развития МО и ВПО в мире до 2040 годов низкая.



* Следует учесть, что для части (компродорской) правящей элиты этот критерий не приемлем

Рис. 7.35. Оценка вероятности реализации и приемлимости для России основного сценария развития МО («Жесткой глобализации») и других сценариев (в целом до 2040 года)

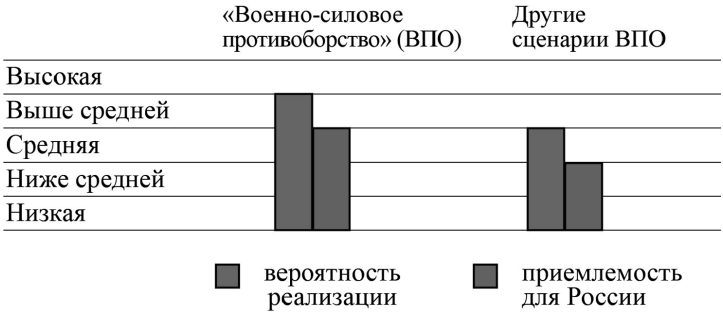
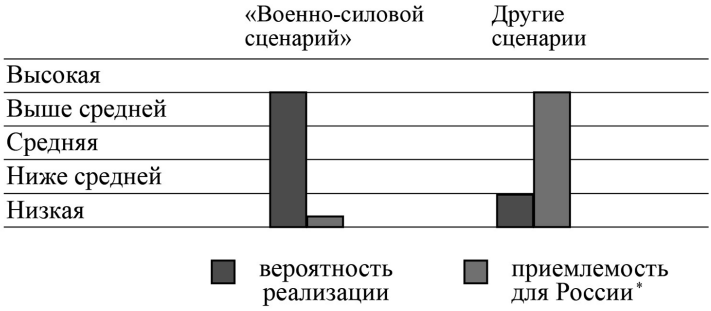


Рис. 7.36. Оценка вероятности реализации и приемлимости для России основного сценария развития МО («Жесткой глобализации») и реализации сценариев развития ВПО «Военно-силовое противоборство» ЛЧЦ (до 2025 года)



* для узкой части правящей элиты

Рис. 7.37. Оценка вероятности и приемлимости основного сценария развития ВПО и России (в период 2025–2040 годов)

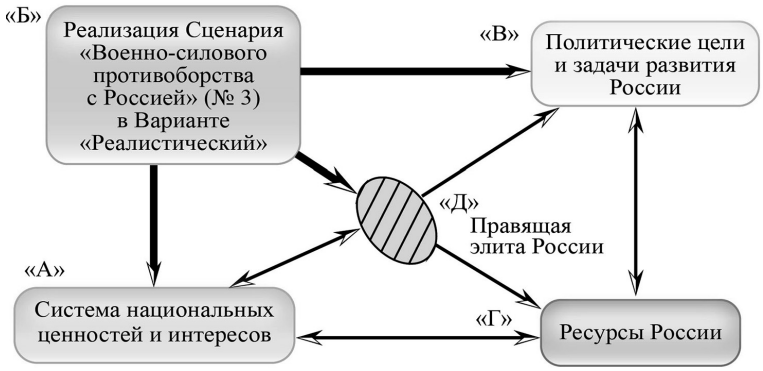


Рис. 7.38. Развитие России по «Сценарию №2» под влиянием внешних факторов к 2021 и 2025 годам

Таким образом, влияние «Сценария №3» развития МО–ВПО под давлением западная ЛЧЦ на Россию и стратегию ее развития будет в 2017–2025 годы очень сильным и скажется на всех трех областях:

— в области сохранения системы национальных ценностей и интересов будет оказываться сильное давление с целью их изменения в направлении принятия системы ценностей и интересов и норм западной ЛЧЦ не только в международной, но и внутриполитической областях (вектор «Б»–«А»);
— в области отношений к правящей элите России сохранится и даже усилится внешнее силовое давление, которое может достигнуть эксплицитных угроз и террористических актов (вектор «Б»–«Д»);
— в области политики и стратегии будет усиливаться давление с целью изменить вектор развития страны (прежде всего в мире), а также «кооптировать» Россию в нормы западной ЛЧЦ.

Ключевым вопросом развития МО и ВПО после 2025 года следовательно становится вопрос о том, в каком именно варианте силового противоборства и когда будет реализован сценарий гибридного «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ». Пока что он развивается, повторяю, по «оптимистическому» варианту (с очевидным усилением тенденции на использование военной силы и скатыванию к «реалистическому» варианту еще до 2021 года), но вопрос о том, какой вариант будет преобладать до 2025 года, а тем более — после 2025 года, остается открытым. Как известно, что чем дольше перспектива, тем меньше ве-

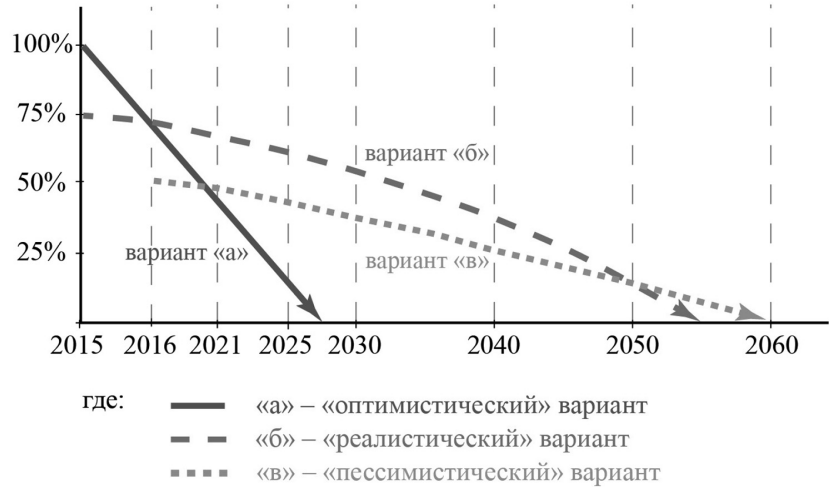


Рис. 7.39. Вероятность реализации одного из вариантов «Сценария №3» «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ»

роятность. Если использовать теоретическую модель вероятности прогноза, которую я приводил в одной из работ[152] еще в 2015 году, то для практических целей оценки вероятности одного из вариантов известного сценария, эту вероятность можно проиллюстрировать следующим образом: рис. 7.39.

Как видно из рисунка, наибольшую вероятность на долгосрочную перспективу имеют «реалистичный» и «пессимистичный» варианты, «Военно-силового сценария» формирования МО–ВПО, что для нас имеет существенное значение: при оценке вероятности любого сценария или его варианта приходится исходить из «худшего» варианта не только потому, что в вопросах безопасности нельзя допустить известной недооценки угрозы, но и потому, что вероятность «худших» вариантов существенно выше, чем «оптимистических» и даже «реалистических». При этом вероятность «оптимистического» варианта стремительно приближается к нулю и исчезнет в 2025 году.

В конечном счете можно сделать вывод о том, что в долгосрочной перспективе до 2025 года наибольшую вероятность из всех возможных сценариев развития МО имеет сценарий гибридного «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ», который может быть реализован в двух наиболее опасных своих вариантах:

Таблица 7.8. Основные характеристики «Сценария №2» («Инновационного») и его вариантов развития России до 2025 года

Направления развития	«Вариант А» («Оптимистический»)	«Вариант Б» («Реалистический»)	«Вариант В» («Пессимистический»)
1. Государственное управление			
2. Территория			
3. Природные ресурсы			
4. Население			
5. Экономика			
6. Культура и религия			
7. Наука и религия			
8. Вооруженные силы			
9. Внешняя политика			

— «Варианте В» — «пессимистическом» — глобального гибридного силового (вооруженного и невооруженного) противоборства, когда военная сила используется в полном объеме на различных ТВД, вовлекая в такую войну всех участников МО и повышая уровень эскалации вплоть до применения ОМУ;
— «Варианте Б» — «реалистическом» — глобального гибридного силового противоборства (вооруженного и невооруженного) противоборства, когда военная сила используется в ограниченном масштабе на ограниченных ТВД с привлечением части ведущих стран мира;
— «Варианте А» — «оптимистический», возможности которого, видимо будут окончательно исчерпаны к 2021 году, хотя изменение ряда условий (внутриполитический конфликт США, развал военно-политической коалиции Запада и др.) может привести к тому, что он останется актуальным и после 2025 года.

Таким образом, на реализацию «Сценария №2» (Инновационный») развития России до 2025 года будут оказывать очень негативное влияние внешние факторы. Причем одновременно по нескольким стратегическим направлениям: базовые ценности и интересы, существование правящей элиты и политическую стратегию.

Это означает, что реализация такого сценария, с одной стороны, будет максимально затруднена, а, с другой стороны, неизбежна. Проблема, однако, заключается в том, в каком из вариантов этого сценария должна развиваться Россия? Ответ на этот вопрос предполагает ответ и на вопросы о сроках (темпах) и масштабе развития России до 2025 года в условиях нарастающего военно-силового противоборства (табл. 7.8).

Таким образом «Сценарий №2» («Инновационный») развития России до 2025 года предполагает определенное ускорение темпов развития в условиях роста неблагоприятных внешних обстоятельств и угроз. Ключевой вопрос этого сценария: хватит ли времени и условий для его реализации до 2025 года?

---

1 *Грин Р.* 33 стратегии войны / Р. Грин; [пер. с англ., Е. Я. Мигуновой]. — М.: РИПОЛ, 2016. — С. 78.

2 См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 124–130.

3 *Бочарова С.* Путин назвал сверхзадачу четвертого президентского срока // Ведомости, 30.01.2018.

4 Там же.

5 Там же.

6 *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — Т. 3.

7 *Алексеева Т. А.* Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. — М.: Аспект Пресс, 2016. — С. 127.

8 *Леонтьев С. К., Губинский И. М.* Технологическое прогнозирование и планирование: российский и зарубежный опыт перспективы для отечественного оборонно-промышленного комплекса. — М.: Изд-во Московского университета, 2014. — С. 18.

9 http://helpiks.org/9-41533.html

10 *Леонтьев С. К., Губинский И. М.* Технологическое прогнозирование и планирование: российский и зарубежный опыт перспективы для отечественного оборонно-промышленного комплекса. — М.: Изд-во Московского университета, 2014. — С. 18.

11 Там же.

12 ВЦИОМ: большинство россиян довольны жизнью и считают ситуацию в стране нормальной / Информационный ресурс: «ТАСС». 09.01.2018. Подробнее на ТАСС: http://tass.ru/obschestvo/4861468

13 См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

14 ВЦИОМ: большинство россиян довольны жизнью и считают ситуацию в стране нормальной / Информационный ресурс: «ТАСС». 09.01.2018. Подробнее на ТАСС: http://tass.ru/obschestvo/4861468

[15] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. — М.: МЭР, 2013. Март. — С. 58.

[16] С использованием базы оценки паритета покупательной способности 2008 года.

[17] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. — М.: МЭР, 2013. Март. — С. 58.

[18] В прогнозе в качестве основного критерия отнесения граждан к среднему классу определен уровень дохода свыше 6 прожиточных минимумов. Исходя из этого в 2010 году представители среднего класса имели среднедушевой доход более 34 тыс. руб. в месяц. В 2030 году уровень дохода, позволяющего относиться к этой категории населения, составит около 100 тыс. руб.

[19] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[20] *Славинский И.* Академики РАН предрекли России бурный рост // Известия 2017.23.10.

[21] Там же.

[22] *Obama B.* The National Security Strategy of the US. — White House, 2015. 15 Febr.

[23] *Trump D.* The National Security Strategy of the US. — White House, 2017. 17 Dec.

[24] *Леонтьев С. К., Губинский И. М.* Технологическое прогнозирование и планирование: российский и зарубежный опыт перспективы для отечественного оборонно-промышленного комплекса. — М.: Изд-во Московского университета, 2014. — С. 16.

[25] Там же. С. 17.

[26] Там же. С. 20.

[27] Там же. С. 18.

[28] Там же. С. 22.

[29] Там же. С. 23.

[30] Там же. С. 24.

[31] Там же.

[32] Там же. С. 25.

[33] Там же. С. 27.

[34] Цит. по: *Савин Л.* Новые способы ведения войны. — Спб.: Питер, 2016. — С. 86.

[35] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. — М.: МЭР, 2013. Март. — С. 18.

[36] РФ: прогноз РАН развития России до 2030 года / Эл. ресурс: «Институт эволюционной экономики» / http://iee.org.ua/prognoz914/2007.07.02

[37] Об этом же не раз я писал с 90-х годов XX века. См., например: *Подберёзкин А. И.* Человеческий капитал. — М.: Европа, 2007 и др.

[38] РВК и клуб «Валдай» запустили дискуссионную площадку для обсуждения вызовов будущего / http://usirf.ru/news/rvk-i-klub-valdai-zapustili-diskussionnuyu-plos…

[39] The Global Risk Report 2017. 12th Edition World Economic Forum. 2017. — P. 43 / The 12 emerging technologies listed here and included in the GRPS are drawn from World Economic Forum Handbook on the Fourth Industrial Revolution (forthcoming, 2017) / http://reports.weforum.org/global-risks–2017/part–1-global-risks–2017/

[40] *Сургуладзе В. Ш.* Актуальные проблемы прогнозирования в системе государственного стратегического планирования. 2016. 7 мая / Эл. ресурс: https://cyberleninka.ru

[41] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[42] *Путин В. В.* Выступление перед доверенными лицами. ИТАР-ТАСС, 2018.30.01.

[43] Global Risks 2035: The Search for a New Normal. The Atlantic Council of the United States. — P. 29.

[44] *Агамирзян И.* «Возникает вопрос, зачем в такой модели нужен человек…» / https://www.business-gazeta.ru/article/334149

[45] Там же.

[46] *Свечин А.* Методы стратегического мышления / Стратегия в трудах военных классиков. — М.: «Финансовый контроль», 2003. — С. 19.

[47] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал: монография в 3 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО (У), 2011–2013 гг.

[48] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[49] http://www.wikiwand.com/ru/ИРЧП_субъектов_Российской_Федерации

[50] https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Russian_regions_by_HDI_2010.png?uselang=ru

[51] https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Russian_regions_HDI_2006.svg?uselang=ru

[52] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[53] *Николайчук И. А.* О сущности гибридной войны в контексте современной. — С. 92 / https://riss.ru/images/pdf/journal/2016/3/08.pdf

[54] *Соколов И.* Кудрин предложил сократить военные расходы // Ведомости, 2017.06.09.

[55] Там же.

[56] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[57] *Соколов И.* Кудрин предложил сократить военные расходы // Ведомости, 2017.06.09.

[58] Там же.

[59] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет. 2011. — Т. 3.

[60] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[61] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет. 2013. — Т. 1.

[62] *Соколов И.* Кудрин предложил сократить военные расходы // Ведомости, 2017.06.09.

[63] Там же.

[64] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[65] Энергетическая стратегия России до 2035 года / Екатеринбург, 2016. 7 июня / http://www.fondpgu.ru/wp-content/uploads/2016/09/en_strategy.pdf

[66] *Подберёзкин А. И.* Особенности прогноза развития наиболее вероятного сценария МО и его вариантов после 2025 года / Эл. ресурс: «ЦВПИ» 2016. 24 октября / http://nasled.ru/?q=print/4005

[67] *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО (У), 2015. — С. 137–138.

[68] См., например: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО (У), 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. — М. 2015. — С. 795 / Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. — М. 2015. — С. 720.

[69] *Толстых В. Л.* Проблемы евразийской интеграции / Эл. ресурс: «Евразийское право», 2015. 23 апреля / https://www.eurasialaw.ru/

[70] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / *Батанов А. С., Подберёзкин А. И., Зоркальцев В. И.* — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005 г.

[71] Россию ждут изоляционизм, усиление репрессий и продление «эпохи Путина». 19.01.2018 / https://www.vedomosti.ru/; http://zapad24.ru/articles/56163-rossiyu-zhdut-izolyacionizm-usilenie-repressiy-i-prodlenie-epohi-putina.html

[72] *Алексеева Т. А.* Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. — М.: «Аспект Пресс», 2016. — С. 9.

[73] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография/ А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 34–37.

[74] См. первую попытку описание этой стратегии: *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[75] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография/ А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 34–44.

[76] *Хантингтон С.* Борьба между цивилизациями / Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации / А. Тойнби. — С. Хантингтон. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. — С. 208.

[77] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Человеческий капиталъ. — М.: «Европа», 2007.

[78] См., например: *Подберёзкин А. И.* Русский путь. — М.: ВОПД «Духовное наследие», 1999 (4-е издание, переработанное и дополненное).

[79] Стратегия для будущего президента России: русский путь / А. И. Подберёзкин. — М.: ВОПД «Духовное наследие», 2000.

[80] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 34–36.

[81] *Виноградова Е.* Эмиграция по-русски: почему россияне передумали уезжать? // Коммерсант, 17.11.2017.

[82] Там же.

[83] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А. С. Батанов, А. И. Подберёзкин, В. И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005.

[84] *Горбачева А.* Демографическое старение — не катастрофа, а закон природы // Независимая газета. 2017.18.10.

[85] Там же.

[86] Там же.

[87] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А.С. Батанов, А.И. Подберёзкин, В.И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005.

[88] *Горбачева А.* Демографическое старение — не катастрофа, а закон природы // Независимая газета. 2017.18.10.

[89] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А.С. Батанов, А.И. Подберёзкин, В.И. Зоркальцев — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005 г.

[90] *Башкатова А.* Россия отстала от Советского Союза // Независимая газета, 2017.18.10.

[91] Цит. по: *Башкатова А.* Россия отстала от Советского Союза // Независимая газета, 2017.18.10.

[92] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А.С. Батанов, А.И. Подберёзкин, В.И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005.

[93] 12 прорывных технологий, которые изменят мир.

[94] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А.С. Батанов, А.И. Подберёзкин, В.И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005.

[95] Ученые боятся возвращаться в Россию / Блог. 17.09.2017.

[96] Там же.

[97] *Грин Р.* 33 стратегии войны / Р. Грин; [пер. с англ., Е.Я. Мигуновой]. — М.: РИПОЛ, 2016. — С. 19.

[98] См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[99] *Борисов А.* Россия испугалась американских комплексов глобального удара / Эл. ресурс: «Лента.ру».2017.17.10 / www.lenta.ru

[100] *Борисов А.* Россия испугалась американских комплексов глобального удара / Эл. ресурс: «Лента.ру».2017.17.10 / www.lenta.ru

[101] Что ждет российскую армию в 2018 году / Армия и ОПК. 9 января 2018 г. / http://tass.ru/armiya-i-opk/4851793

[102] Там же.

[103] Там же.

[104] Там же.

[105] Там же.

[106] *Маурин Ф.* Глобальный неядерный удар Москве уже не угрожает / http://nvo.ng.ru/forces/2018-01-19/8_980_global.html

[107] *Маурин Ф.* Глобальный неядерный удар Москве уже не угрожает / http://nvo.ng.ru/forces/2018-01-19/8_980_global.html
[108] Там же.
[109] Там же.
[110] Занимательная арифметика. ВМФ: СССР — Россия / Новый оборонный заказ / 2017. — №4. — С. 58.
[111] *Маурин Ф.* Глобальный неядерный удар Москве уже не угрожает / http://nvo.ng.ru/forces/2018-01-19/8_980_global.html
[112] Там же.
[113] Там же.
[114] Там же.
[115] Там же.
[116] Там же.
[117] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im5.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/1%20map%20R.jpg
[118] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im5.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/1%20TXT%20WAR%20gr%20Budzhet.jpg
[119] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im4.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/01%20WAR%20R.jpg
[120] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im5.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/1%20TXT%20WAR%20gr%201R.jpg
[121] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im5.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/1%20TXT%20WAR%20gr%202R.jpg
[122] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im5.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/1%20TXT%20WAR%20gr%203R.jpg
[123] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im5.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/1%20TXT%20WAR%20gr%204R–1.jpg
[124] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im5.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/02%20WAR%20R.jpg
[125] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im6.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/2%20TXT%20tabl%20R.jpg
[126] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im6.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/2%20TXT%20WAR%20gr%20R.jpg
[127] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im3.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/11/03%20WAR%20R%20for%20site%20.jpg
[128] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А. С. Батанов, А. И. Подберёзкин, В. И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005.
[129] *Бартош А.* Разведка России в противостоянии военным угрозам // Независимая газета. 2017.06.10.
[130] Там же.
[131] Там же.
[132] Там же.

[133] *Бартош А*. Разведка России в противостоянии военным угрозам // Независимая газета. 2017.06.10.

[134] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А.С. Батанов, А.И. Подберёзкин, В.И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005 г.

[135] *Бартош А*. Разведка России в противостоянии военным угрозам // Независимая газета. 2017.06.10.

[136] См. подробнее: *Подберёзкин А.И*. Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[137] *Хрусталёв М.* А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 39.

[138] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А.С. Батанов, А.И. Подберёзкин, В.И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005.

[139] См. подробнее: *Подберёзкин А.И*. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[140] См., например: *Подберёзкин А.И*. Стратегия для будущего президента России: русский путь. — М.: ВОПЛ «Духовное наследие», 2000 г.

[141] *Подберёзкин А.И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет. — Т. 1–3. 2011–2013 гг.

[142] См. подробнее: *Подберёзкин А.И*. Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[143] *Арбатов А*. До основания, а затем… // Россия в глобальной политике, 2017. — №3. — С. 88.

[144] *Подберёзкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[145] *Подберёзкин А.И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 5–8.

[146] *Подберёзкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[147] См. подробнее: *Подберёзкин А.И*. Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[148] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im7.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/04%20WAR%20R–1.jpg

[149] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im8.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/4%20TXT%20tabl%20R.jpg

[150] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im8.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/4%20TXT%20SPUTNIKI.jpg

[151] Самые дорогие армии мира-4 // Коммерсант-Деньги, 2016. 15 мая / https://im7.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/CORP/2016/05/14/04%20txt%20SIRIA.jpg

[152] *Подберёзкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО (У), 2015. — С. 138.

Глава 8
Эффективность стратегического сдерживания как следствие сценария развития России

Долгосрочные стратегии — искусство просчитывать результаты и видеть их на несколько ходов вперед. Для этого необходимо концентрироваться на главной цели и составить план ее достижения[1]

Р. Грин,
военный теоретик

Стратегическая обстановка формируется мирными средствами для ведения войны и является, таким образом, первым этапом такой войны[2]

Эксперты ЦВПП

В настоящее время особенно актуальной стала проблема обеспечения политики эффективного стратегического сдерживания России в условиях нарастающей военной эскалации в мире. При этом стало достаточно очевидно, что происходит эволюция представлений о стратегическом сдерживании вообще и средствах и методах его эффективного обеспечения, в частности. Оно уже не ограничено только ядерным сдерживанием или даже военным сдерживанием, как это традиционно понималось[3], а включает в себя весь набор противодействия силовым средствам и способам силового принуждения. Так, в одной из последних работ западных исследователей прямо противопоставляется «растущая агрессивность российской политики «интегрированного стратегического сдерживания» (которая рассматривается, как минимум, как системный, наступательный подход, используемый в политических целях не только

в качестве ядерного, но даже и регионального сдерживания), противостоящий политике «современного сдерживания НАТО»[4].

Очевидно, что сдерживаемая, «политическая» функция российского ядерного оружия, которая, по их мнению, используется, в том числе, и на региональном уровне, очень мешает и беспокоит политике «силового принуждения» США и их союзников: диапазон такой политики «силового принуждения» оказывается ограниченным, а существующая неясность в российской политике ядерного сдерживания — мешает её активному проведению. Не случайно поэтому такая функция была определена в 1990 году в качестве «стратегической стабильности»[5], но позже о ней не только «забыли» в США, но и всячески пытались исключить из политического дискурса. По мнению А. Арбатова, для формирования таких отношений предполагалось, что будущие договоры о сокращении СНВ должны были включать ряд согласованных положений, в частности:

— Взаимосвязь между наступательными и оборонительными стратегическими вооружениями (от которой США вскоре отказались);
— Уменьшение концентрации боезарядов а стратегических носителях (что продолжало быть приоритетным для США);
— Предпочтение средствам, обладающим повышенной выживаемостью[6].

После 1990 года сложилось впечатление, что США потеряли интерес к этой теме потому, что сохранение (а тем более укрепление) стратегической стабильности стало противоречить их политике «силового принуждения».

Вместе с тем можно признать, что даже в этих условиях теоретически сохраняется возможность достижения соглашений по некоторым аспектам стратегической стабильности как в её узком (военно-техническом) понимании, так и в более широком контексте (как укрепления основ международной безопасности).

Принципиально важно, что в интересах российской внешней и внутренней политики полнее использовать возможности как ядерного, так и не ядерного сдерживания, в том числе и в контексте укрепления стратегической стабильности. Даже в условиях, когда США реализуют стратегию «силового принуждения», которая в своей сути предполагает

демонтаж стратегической стабильности, которая в практической политике заменена на стратегическое сдерживания не только в ядерном, но и в неядерном и даже невоенном отношении.

Поэтому в работе используется следующее определение понятия «стратегическое сдерживание», которое несколько отличается от традиционных представлений, а именно: **Стратегическое сдерживание** — это **способность государства эффективно обеспечивать защиту национальных интересов и ценностей как в периоды относительно мирного развития международной и военно-политической обстановки, так и на любом уровне развития конфликта, в т.ч. без прямого использования военной силы, обладая для этих целей достаточными возможностями, силами и средствами противодействия любым попыткам силового принуждения**[7] (рис. 8.1).

Таким образом, стратегическое сдерживание получает более широкое толкование. Оно направлено не только на оборону от военного (прежде всего ядерного) нападения, но и:

— на защиту национальных интересов в т.ч. в мирное время, которым может и не угрожать прямое военное нападение;
— на эффективную защиту системы национальных ценностей в мирное и военное время;
— на обеспечение эффективной защиты интересов и ценностей на любом уровне конфликта, в т.ч. и до перехода его в военную фазу;
— предполагает наличие широкого спектра силовых (не только военных) сил и средств, а также разработку максимально эффективных способов их использования.

Более того, стратегическое сдерживание нужно рассматривать и как политику защиты от **угрозы отставания**, которую В. В. Путин в послании 2018 года назвал «главная угроза и вот наш враг»[8].

Иными словами, политика стратегического сдерживания предполагает более широкое политико-философское восприятие защиты от:

— внешних угроз и опасностей самого широкого спектра;
— угроз опережающему развитию России.

Такая трактовка понятия «стратегической стабильности» делает его неизбежным следствием вполне определенного и достаточно высокого уровня социально-экономического и научно-технического развития го-

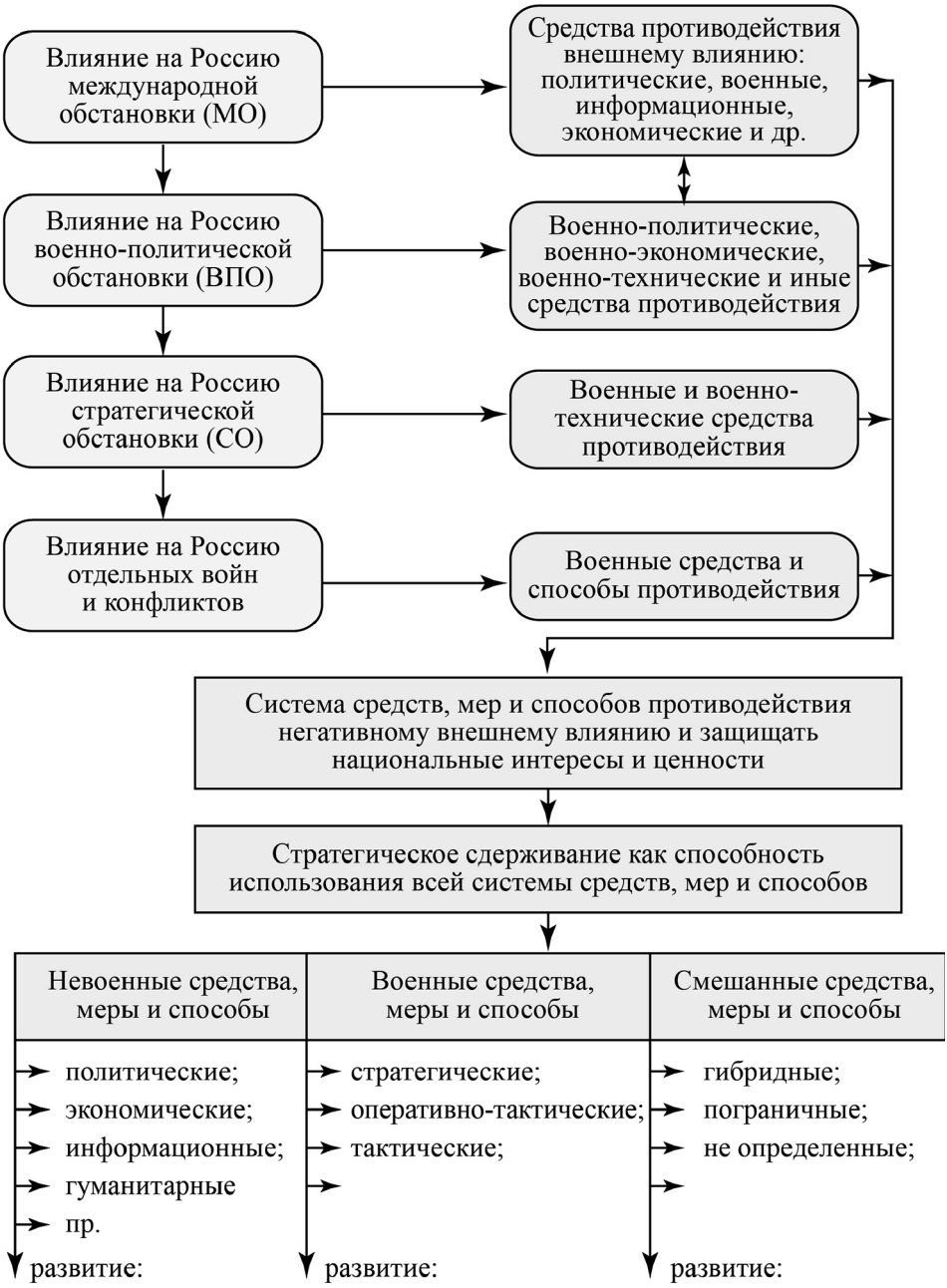


Рис. 8.1. Методический комментарий эффективной политики стратегического сдерживания

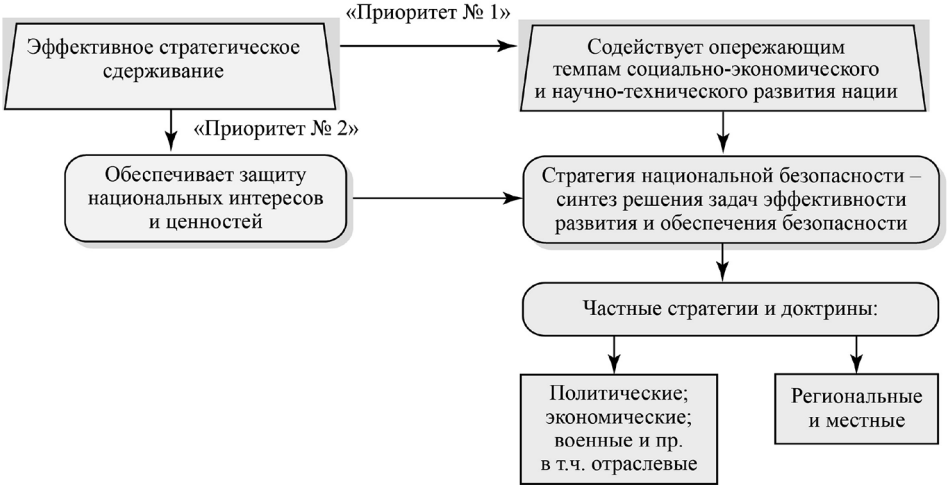


Рис. 8.2. Методический комментарий относительно эффективности развития

сударства и общества, уже имеющихся и потенциальных возможностей. Прежде всего, естественно, эта зависимость проявляется в эффективности политики государства и общества в самом широком круге областей — от социально-экономической до оборонной, в конечном счете, от избранного политического курса и сценария развития[9].

Стратегическое сдерживание в понимании В. Путина в 2018 году это уже не только эффективная защита национальных ценностей и эффективная оборона (причем в более широком, а не только ядерном контексте), но и эффективное развитие, которому не препятствуют ни внешние, ни внутренние силы. Очевидно, что такое широкое понимание означает, что политика стратегического сдерживания уже не ограничена не только ядерной областью (в частности, сохранением стратегической стабильности) или даже военной областью, но и задачами силового — военного и не военного — противодействия. Она предполагает решение задач опережающего развития, что очень существенно расширяет область стратегического планирования, выводя её за скобки чисто оборонительных задач.

В новом веке у России была возможность развиваться по нескольким потенциально возможным сценариям, предпосылки к которым сложились с конца прошлого столетия. В реальности это привело к реали-

зации инерционно-восстановительного сценария, который полностью исчерпал себя к кризису 2008 года, но сохранялся вплоть до последнего времени, т.е. до 2018 года, в качестве инерционно-стагнационного варианта этого сценария. Современную историю России, таким образом, можно чётко разделить на два периода:

— период неудачных реформ и катастрофических социально-экономических провалом, которые привели к тому, что к началу 2000 года Россия скатилась по основным показателям развития на 50–60% (которые сопоставимы с потерями Второй Мировой войны и оккупации страны);
— период непоследовательного, крайне медленного порой подъема и стагнации, который «вернул» Россию в 2018 году к уровню развития РСФСР 1990 года, причём по ряду показателей обрабатывающей промышленности этот уровень так и оказался не достигнутым.

Послание В.В. Путина 2018 года стало политической стратегией для ФС РФ, а указ 7 мая 2018 года — поручением правительству разработать до октября того же года четкий план развития, предполагающий утвердить до 1 октября прогноз и основные направления развития страны[10].

Реализация любых планов социально-экономического развития России будет проходить в условиях постоянно обостряющейся МО, которая ведёт неизбежно к резкому ухудшению военно-политической обстановки в мире. Подобный наиболее вероятный прогноз делает задачу опережающего развития ещё более сложной и комплексной: опасное развитие ВПО в последние 5 лет уже сделало неизбежным отказ от этого сценария и переходу к мобилизационному сценарию развития России, с которым непосредственно будут связаны возможности укрепления стратегического сдерживания страны[11].

Таким образом, задачи стратегического сдерживания и развития страны становятся взаимосвязанными: быстрое развитие невозможно без сохранения стратегического сдерживания как средства защиты суверенитета, интересов и ценностей. Но и сохранение, и развитие возможностей стратегического сдерживания невозможно без опережающих темпов развития, которые, как показывает практика, реальны только при условии развития по модели мобилизационного сценария.



Рис. 8.3. Методический комментарий к выбору возможного сценария развития и его влиянию на стратегическое сдерживание

Мобилизационный сценарий развития страны — вынужденный и во многих отношениях непопулярный сценарий, который возникает в условиях, когда под прямую и непосредственную угрозу поставлены главные интересы и ценности нации — ее идентичность, суверенитет государства, важнейшие национальные интересы, сама выживаемость нации, в конечном счете[12].

Именно такие внешние условия сложились к 2014–2018 году, когда процесс эскалации силового давления со стороны Запада на Россию стремительно набирал силу, проходя быстро все предвоенные предыдущие ступени. Фактически Россия оказалась в начале 2018 года в состоянии необъявленной ассиметричной войны, которая в некоторых аспектах является даже более опасной, чем холодная война 1946–1990 годов. Ещё более опасной представляется перспектива развития эскалации военно-силового противоборства со стороны Запада даже на несколько ближайших лет, не говоря уже о долгосрочной перспективе, потому, что стратегическими целями противоборства станут уже не только политические цели, но и система национальных ценностей и глубинные национальные интересы[13].

В этих условиях Россия должна обеспечить себе эффективное стратегическое сдерживание, которое не ограничивается только способностью к ведению оборонительных военных действий, но ориентировано

на предотвращение или снижение эффективности силового (в т.ч. военного) внешнего давления на Россию для достижения политических целей, а также предотвращение политических и военных конфликтов, т.е. не должно препятствовать опережающим темпам социально-экономического развития. Иными словами планирование мероприятий в области стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов (ПСС и ПВК) должно толковаться расширительно не только на все силовые мероприятия, проводимые извне[14], но и на мероприятия в области социально-экономического развития[15].

Сказанное означает (и это лежит в основе методологического подхода к исследованию проблемы), что стратегическое сдерживание, которое нередко рассматривается по-разному, находится в трех плоскостях, или трёх формах объекта исследования и практического политического применения:

Во-первых, в самой узкой плоскости, — в плоскости ядерного сдерживания и сохранения стратегической стабильности, которая в настоящее время наименее перспективна в связи с тем, что откровенно противоречит политике «силового принуждения» и, вероятнее всего, в ближайшие годы будет находиться «в состоянии на уровне 1990 года», т.е. лишенная всякой перспективы (что, однако, отнюдь не говорит об отсутствии необходимости попыток исследования и дипломатической активности).

Во-вторых, в более широкой плоскости — военно-силового противоборства, — которая предполагает исследование и применение всех возможных военных средств и способов принуждения. Как на стратегическом, так и оперативном и тактическом уровне. Эта область предполагает разработку эффективного ответа на внешние вызовы, опасности и угрозы самого широкого спектра, который в последние годы стал включать такие области, как космос, кибернетику, новые физические принципы, робототехнику и пр.

Наконец, **в-третьих,** самая широкая область стратегического сдерживания предполагает противодействие любым силовым средствам принуждения и влияния — как военным, так и не военным. Причём обеспечить такое эффективное стратегическое сдерживание Россия должна в условиях нарастающего военно-силового воздействия и обо-

стрения МО и ВПО, прежде всего, до 2025 года. Есть основания предполагать, что именно в этот период западная военно-политическая коалиция попробует «вернуть» Россию в рамки развития парадигмы, которую она ей уготовила, а именно окончательно лишить её суверенитета и территориальной целостности, уничтожив основы национального самосознания.

Это — качественно новая и гораздо более масштабная задача, чем те, которые ставила западная коалиция перед собой накануне нашествия Наполеона 1812 года, Крымской, Первой Мировой и Второй Мировой войн. Она по своей сути является уже не только политической, но и геополитической, даже цивилизационной задачей, о чём недвусмысленно говорил В. Путин в своем послании Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 года.

Соответственно и подходить к решению проблемы эффективного противоборства, которое в современной форме представляет собой политика стратегического сдерживания, надо качественно по-иному. Прежние способы и приёмы, а также средства такого силового противоборства могут быть неэффективными.

В этой связи представляется целесообразным и необходимым изначально не просто уточнить «нормативное» определение, данное понятию «стратегическое сдерживание» в Стратегии национальной безопасности России в редакции от 31 декабря 2015 года[16], которое мною предлагалось прежде в работах, посвященных совершенствованию СНБ России[17], но и пересмотреть многие положения политики существующего понимания стратегического сдерживания в условиях усиления политики «силового принуждения» Запада.

В интересах повышения эффективности стратегического сдерживания в будущем, прежде всего за счет силовых, но не военных средств, подобная работа (речь идёт вообще о работе над эффективным стратегическим сдерживанием, а не о конкретной данной книге) представляется обязательной, ибо она позволяет в том числе существенно расширить спектр сил, средств и способов стратегического сдерживания на невоенном уровне, а также на смешанном, «военно-силовом» уровне, который в настоящее время является наиболее распространенным, основным[18].

Эта работа также непосредственно связана с прогнозом развития стратегического сдерживания в будущем, который не должен быть простой экстраполяцией существующих представлений, средств и способов обеспечения. Причем не в узком, военно-техническом, понимании, а в широком политическом, экономическом и социальном контексте. Один из таких широких подходов, основанных как на учете специфики будущей МО–ВПО, так и на собственно военных особенностях, предлагается, например, рядом авторов на следующем примере[19].

Существует немало и других попыток изложения подобной логики, в том числе и в данной работе, но главное в них то, что теоретически и методологически необходимо выстраивать политику стратегического сдерживания России не только (и даже не столько) «от угроз» — к чему мы привыкли и что, как правило, делаем, — а из анализа целого ряда групп факторов[20]:

— состояния и прогноза развития МО и ВПО;
— состояния и перспектив социально-экономического и научно-технического развития России;
— состояния и прогноза основных членов враждебной военно-политической коалиции;

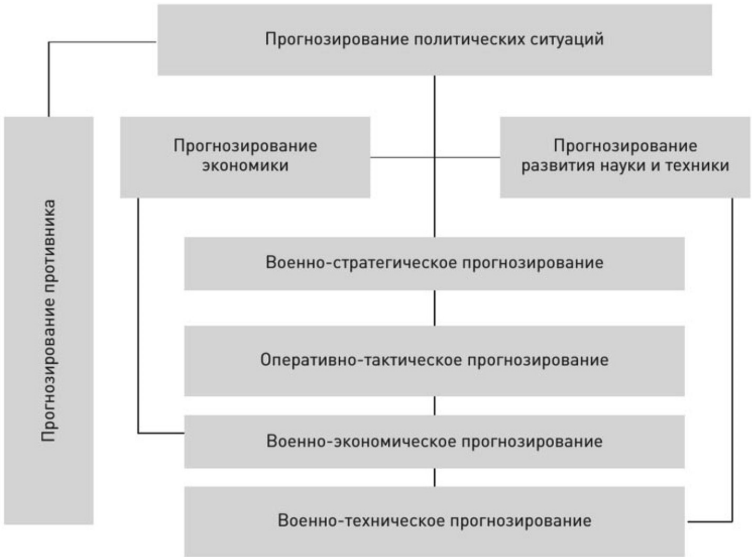


Рис. 8.4[21]. Один из вариантов структурной схемы военно-политического прогнозирования

— развития военной политики, ВВСТ и военно-экономического потенциала страны;
— развития областей военного и политического искусства и т.д.

Другая особенность нового понимания понятия «стратегического сдерживания» определяется переносом акцентов в силовом противоборстве с собственно военной силы на силовые, но не военные средства и способы, а также институты их использования, в особенности специальные, созданные целевым образом для такого противоборства — как государственные (например, ЦРУ), так и общественные (партии, организации и пр.). Именно от них в возрастающей степени зависят современные силовые возможности государства[22].

Важно понимать, что именно в начале нового века произошло существенное перераспределение политических и материальных ресурсов именно в пользу силовых, но не военных инструментов политики, которое хорошо видно на примере разведывательного сообщества США, где бюджеты ЦРУ, РУМО, Национального комитета разведки, других ведомств стали сопоставимыми с военными бюджетами крупных государств. Известно, например, что с XXI века особую ставку в деле силового принуждения приобретают специальные операции, в т.ч. добывания разведданных, а также контроль над правящими элитами зарубежных государств. Поэтому ЦРУ делает особенный упор на усиление использования в своих интересах возросшего значения и роли человеческого фактора, его институтов. В итоге «за 1950–2000 годы было разработано множество концепций, сочетающих использование „мягкой“ и „жесткой“ силы, которые уже в новом столетии привели к созданию в США некого синтеза… — стратегию „силового принуждения“»[23].

Это обстоятельство объясняет и изменение функций многих государственных и общественных органов и институтов, например, ЦРУ, — которая, конечно, уже не только и не столько разведка, но и политический инструмент силового принуждения. На неё возложена задача ведения так называемой психологической войны, на которую идет 90% многомиллиардных ресурсов этого монстра. При этом психологическая война в директивных наставлениях ЦРУ определяется так: «Координация и использование всех средств, включая моральные и физические, при помощи которых уничтожается воля врага к победе, подрываются его политиче-

ские и экономические возможности для этого; враг лишается поддержки, помощи и симпатий его союзников и нейтралов; приобретается и увеличивается поддержка нейтралов и «пятой колонны» в стане врага. А шпионаж — явление производное и подчиненное этой цели».

Иными словами, произошло изменение в функции этой организации, которая превратилась из информационно-консультативного органа власти в саму власть, из вспомогательного инструмента в самостоятельный, нередко основной, инструмент силовой политики. Соответственно это требует, как минимум, создания инструмента для силового противоборства: прежние информационные функции СВР уже слишком ограничены[24].

Исключительно важное значение в этой связи приобретает то, какими темпами и насколько успешно будут развиваться экономическая, социальная и научно-образовательные системы России, от которых будут непосредственно зависеть все силовые возможности России в ближайшие 6 лет. Причём не только и, может быть, не столько военные, сколько силовые не военные возможности. Прежде всего качество человеческого капитала и его институтов, которые стали решающими силовыми инструментами политики. Этой важнейшей задаче было посвящено не только послание президента ФС РФ 2018 года[25], но и первый указ после инаугурации, принятый В.В. Путиным, который так и назывался «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[26].

8.1. Уточнение современного понятия «стратегическое сдерживание»

Политическая война — логическое применение
формулы Клаузевица в периоды мира[27]
Коллектив сотрудников РЭНД, 2018 год

Изначально требует попытаться максимально точно обозначить предмет исследования, каковым является, собственно говоря, политика «стратегического сдерживания», лежащая сегодня в основе существую-

щей стратегии обеспечения безопасности России. Одновременно она является и концептуальной основой политики Запада в отношении России, синтезируя «силовое принуждение» и «сдерживание» в странную концепцию, которая часто не находит своего точного обоснования на Западе[28].

Но и в России существует некая размытость в определении Стратегии национальной безопасности, которая с политической точки зрения выгодна потому, что не даёт чётких границ и гарантий, но которая в реальной российской политике основывается как на поддержании и определённых социально-экономических условиях, так и на условиях обеспечения собственно безопасности. Так послание В.В. Путина ФС РФ 1 марта чётко делится на две не равные по свой величине части — порядка 27–28 страниц посвящено социально-экономическому развитию и порядка 11–12 страниц — вопросам военной безопасности[29]. Иными словами, стратегическое сдерживание — основа концепции безопасности и внешней, а также военной политики России в настоящее время, которая (видимо, обоснованно, но никто этого — подчеркну не доказывал) рассматривается правящей элитой страны в качестве наиболее эффективного средства обеспечения национальной и государственной безопасности[30].

Именно средства, а не целью, и, тем более, не самоцелью. Это означает, как минимум, что если стратегическое сдерживание перестаёт быть таким средством и уступает место более эффективным средствам (например, стратегическому нападению или обороне), то необходимо иметь в виду эти возможности. В нашем случае это означает, что до 2026 года стратегическая стабильность **не обязательно** может быть самым эффективным средством обеспечения безопасности. Могут быть и иные. Пока что концепция «стратегического сдерживания» предназначена для противодействия западной концепции «силового принуждения», которая, однако, эволюционизирует достаточно динамично[31], создавая реальные практические трудности в выборе средств и методов сдерживания. Особенно в невоенной области.

Если же говорить о том, что пока что стратегическое сдерживание является самым эффективным средством обеспечения безопасности России, то в настоящей работе потребуется более современная трактов-

ка понятия «стратегическое сдерживание», чем оно присутствует в последней очень общей и не вполне точной редакции СНБ (от 31 декабря 2015 г.), в частности, Статьи №34, где говорится: «Достижение стратегических целей обороны страны осуществляется в рамках реализации военной политики путём стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, совершенствования военной организации государства, форм и способов применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, повышения мобилизационной готовности Российской Федерации и готовности сил и средств гражданской обороны»[32].

Первая попытка уточнения определения «стратегическое сдерживание» давалась выше: «**Стратегическое сдерживание** это способность государства эффективно обеспечивать эффективную защиту национальных интересов и ценностей как в периоды мирного развития МО и ВПО, так и на любом уровне развития конфликта, в т.ч. без прямого использования военной силы, обладая для этих целей достаточными возможностями, силами и средствами противодействия любому силовому принуждению, как военному, так и не военному».

Но в этом определении присутствует (как и в официальном определении, данном в Стратегии) существенный недостаток — понятия «безопасность» и «развитие» искусственно разделены. Что неправильно. Принципиально. Необходимо более широкое определение, в котором цели безопасности и развития тесно взаимосвязаны[33]. Современная безопасность государства и общества непосредственно связана с качеством и темпами его социального и экономического развития. Даже «идеальная» безопасность, гарантированная военными средствами, не способна обеспечить нации и государству подлинную безопасность (внутриполитическую стабильность и пр.) в условиях отстающего развития, а тем более в условиях стагнации или кризиса. Поэтому и понятие «безопасность» необходимо рассматривать значительно шире, чем это используется сегодня. Так, в частности, предлагается следующая возможная редакция этой статьи: «Достижение стратегических целей обороны **и развития** страны осуществляется в рамках реализации **национальной политики безопасности** путём стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, а также ущерба **интересам**

и ценностям, совершенствования военной организации государства, форм и способов применения Вооруженных Сил и **других возможностей государства и общества»**[34].

Как видно из предлагаемой редакции, представление о стратегической стабильности в предлагаемой редакции существенно расширенно, а именно:

— задачей стратегической стабильности становится не только военная оборона, но и обеспечение основных условий безопасности для развития;
— военная политика расширяется до политики обеспечения национальной безопасности, которая существенно шире только военных аспектов;
— расширяется задача от собственно предотвращения военных конфликтов до защиты национальных интересов и ценностей;
— расширяется спектр используемых сил и средств обеспечения стратегического сдерживания до силовых, но не военных сил и средств.

Кроме того, предлагается новая редакция Статьи №36 «Стратегии», в которой говорится: «В целях обеспечения стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов разрабатываются и реализуются взаимосвязанные политические, военные, военно-технические, дипломатические, экономические, информационные и иные меры, направленные на предотвращение применения военной силы в отношении России, защиту её суверенитета и территориальной целостности»[35]. В ней предлагается скорректировать этот текст следующим образом: «В целях обеспечения стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, **а также в условиях силового противоборства**, разрабатываются и реализуются взаимосвязанные политические, военные, военно-технические, дипломатические, экономические, информационные и иные меры, **включая невоенные,** направленные на предотвращение применения военной силы, **её нейтрализацию** в отношении России, защиту её суверенитета и территориальной целостности».

Наконец, предлагается дать второй абзац Статьи №36 «Стратегии» в следующей редакции: «Стратегическое сдерживание и предотвращение военных конфликтов осуществляются путём поддержания потенциала ядерного **и неядерного** стратегического сдерживания на доста-

точном уровне, а Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов **и иных национальных возможностей** в заданной степени готовности к **силовому, включая** боевому, применению».

Таким образом, в предлагаемой редакции понятие «стратегическое сдерживание» распространяется на все силовые средства и способы противоборства, а не только военные и, тем более, не только ядерные, выделяя, например, стратегические неядерные (ВТО) силы и средства, но, прежде всего, выделяя силовые (но не военные) средства и способы, разработка которых видится в качестве приоритетной задачи. Иными словами, эффективность «стратегического сдерживания» ставится в прямую зависимость от обладания невоенными средствами и разработку (область политического и военного искусства) новых способов их силового использования[36].

Важным представляется также расширение спектра сил и средств, и иных возможностей с государственного до национального уровня, когда существенными (и не используемыми) возможностями обладает общество и его институты, а также негосударственный бизнес и конкретные личности, чей творческий и интеллектуальный потенциал необходимо использовать в целях повышения эффективности стратегического сдерживания[37].

Таким образом, существенно расширяется предмет исследования и использования в политике понятия «стратегическое сдерживание», что отражено уже и в официальных документах, которое связывается с новыми внешними условиями и факторами, о которых В. Путин определенно заявил в послании ФС РФ[38], а позже в своём первом указе 7 мая 2018 года «О национальных приоритетах и стратегических задачах развития России до 2024 год». В них по сути дела была по-новому сформулирована редакция Стратегии национальной безопасности и вытекающие из неё задачи для стратегического сдерживания. Они определялись изменения в следующих ключевых областях:

— развития МО и ВПО в последние десятилетия и представлений о них (порой очень субъективных) в различных странах[39];
— объединением категорий «безопасность» и «развитие»;
— расширением спектра силовых средств;

— расширением всего спектра использования силовых невоенных средств на область не только политического, но и военного искусства[40].

Исходя из подобных базовых теоретических положений, можно говорить о новых частных методических и методологических вопросах анализа и прогноза развития концепции стратегического сдерживания России.

8.2. Теоретическое обоснование развития политики стратегического сдерживания России

Стратегическое сдерживание, как государственная политика, теоретическая концепция и политическая практика, развивается в последние годы особенно быстро в силу многих внешних и внутренних факторов и обстоятельств, о которых подробно я скажу ниже. Главное, что движет этими изменениями — то, что политика стратегического сдерживания должна быть эффективной, т.е. быть средством эффективного противодействия усиливающемуся внешнему силовому влиянию, характер и особенности которого в последние десятилетия существенно изменились[41]. На протяжении последних десятилетий разные формы стратегического сдерживания, существовавшие в СССР и в России, так или иначе, являлись отражением изменений в МО и ВПО, с одной стороны, и глубоких внутренних изменений, — с другой.

Достаточно сравнить политику стратегического сдерживания, которой фактически придерживался СССР в 1980-е годы, отказавшись от идеи «продвижения коммунизма», либо — в 1990-е годы, когда политика стратегического сдерживания вообще перестала существовать в России, оставив внешней политике страны функции дипломатических компромиссов, или — в начале нулевых, когда до 2007 года России продолжала делать вид, что у неё нет внешнеполитических национальных интересов, наконец, после 2008 года, когда Россия всё смелее и настойчивее стала возвращаться в международную политику[42]. Общее, что объединяло политику стратегического сдерживания в эти годы, это стремле-

ние не допустить нападения на нашу страну, противодействуя политике силы с разной степенью активности при помощи угрозы применения ядерного оружия в скрытой или открытой форме.

В каждый период, как мы видим, стратегическое сдерживание было разным, причём существенно разным в своих важнейших особенностях, но его опорой было ЯО. Уже изначально, как мы видели, понятие стратегическое сдерживание требует более точного толкования и понимания, если говорить о реалиях, которые неизбежно влияют на адекватность его восприятия у исследователей и лиц, принимающих решения. В ещё большей степени потребуется уточнение, если мы будем говорить о будущей политике стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов до 2025 года, — среднесрочного периода, который будет нести на себе отчётливый отпечаток личности и президентства В. В. Путина и его попытки в очередной раз ускорить развитие страны, обеспечив одновременно её безопасность[43].

Это, в свою очередь, неизбежно потребует как минимум некоторых теоретических и методологических пояснений и дополнений к уже сказанному выше, а именно:

— относительно влияния тех или иных особенностей сценариев развития МО и ВПО (и их конкретных вариантов, особенно в области СО) на представления об эффективности стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов (ПСС и ПВК)[44]. Так, современная стратегия «силового принуждения» Запада требует от России, как показал опыт силового противоборства в 2015–2018 годы, принципиально нового отношения к стратегии нейтрализации этой политики[45];
— относительно влияния характера и особенностей социально-экономического и военно-политического развития собственно России в период до 2025 года на развитие потенциала стратегического сдерживания и приоритетах развития России, о чём В. В. Путин заявил в своём самом первом Указе 7 мая 2018 года;
— относительно вероятных мировых и региональных политических и экономических трендов и изменений в научно-технической, технологической и иных областях и т.д., которые будут определять будущий характер МО и ВПО.

Есть основания полагать, что существующее восприятие СС и ПВК в нормативных документах и некоторых (очень немногих) работах в области политической и военной теории уже недостаточно. Иными словами, упрощенное восприятие стратегического сдерживания как средства защиты от существующих и новых угроз (господствующее сегодня) оказывается малоэффективным. Как и восприятие сдерживания только в качестве ядерного сдерживания (хотя и первое, и второе выгодно в современных условиях политически потому, что не даёт определенности, при которой можно применять военную силу Западом)[46]. Как и многие другие традиционные посылки, требующие теоретического и методологического пересмотра, такие, например, как первичности и приоритетности анализа внешних и внутренних угроз безопасности, которые должны уступить анализу реальных национальных интересов и ценностей, защиту которых должно обеспечить концепция стратегического сдерживания[47].

Существует немало и других теоретических и методологических вопросов, требующих рассмотрения, без которых анализ военно-политических особенностей развития России в среднесрочной перспективе вряд ли будет достаточно полным[48]. В то же время их перечень и объем очень широк и не может быть рассмотрен в одной книге, однако, при всей широте проблем, связанных с исследованием современных проблем стратегического сдерживания, а, тем более, их практического применения, целесообразно, на мой взгляд, остановиться, прежде всего, на следующих положениях, характеризующих политику стратегического сдерживания России в настоящее время.

1. **Месте** стратегического сдерживания в политической системе и структуре политики государства;
2. **Ключевых факторах** влияния на формирование политики стратегического сдерживания;
   2.а). внешних факторах влияния;
   2.б). политических приоритетах;
   2.в). субъективных факторах правящей элиты;
   2.г). национальные ресурсы.
3. **Интересы и система ценностей** как основа для формирования стратегического сдерживания.

4. **Формы** стратегического сдерживания:
   4.а). вооруженные;
   4.б). невооруженные;
   4.в). смешанные;
   4.г). неясные.

Общее представление о роли, месте, структуре и ключевых факторах формирования политики стратегического сдерживания предоставляет следующая модель политического процесса

Главная трудность в подготовке современной эффективной политики стратегического сдерживания России заключается в понимании разницы между традиционной внешней политикой и влиянием МО-ВПО, существовавшей до XXI века, и новой политикой силового принуждения, вытекающей из качественно новой внешней и военной политики. Разница между ними может быть проиллюстрирована следующим образом (рис. 8.5).

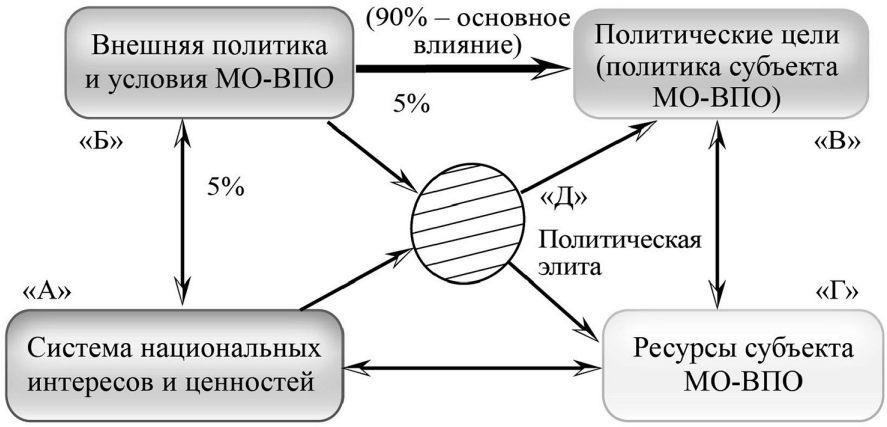


Рис. 8.5. Модель традиционной внешней политики влияния

Где: влияние МО–ВПО и субъектов на других субъектов МО–ВПО характеризуется:

— влиянием (90%) на политику;
— влиянием (по5%) на систему ценностей и правящую элиту.

Именно такая модель действовала, например в XX веке, когда достижение политических целей (в т.ч. войны) предопределялось спо-

собностью оказать решающее влияние на политику другого государства — будь то политика Наполеона (и его коалиции) или Гитлера и его коалиции.

Ситуация радикально, качественно изменилась в XXI веке, когда ее условно можно представить следующим образом.

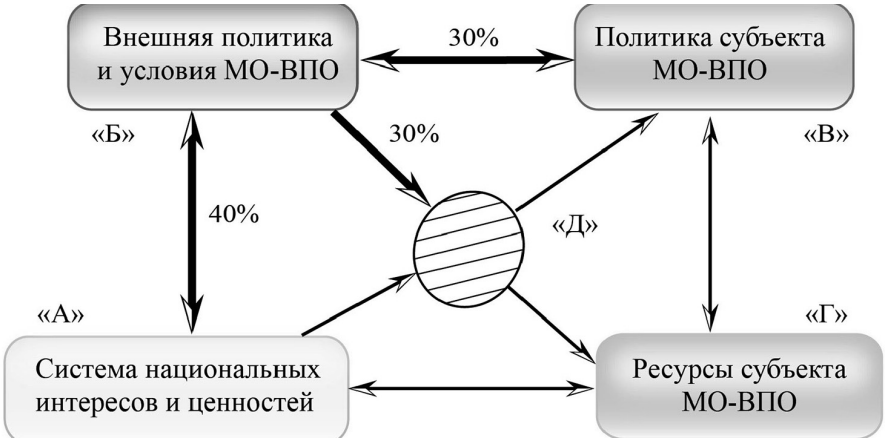


Рис. 8.6. Модель политического влияния в XXI веке

Где: произошло перераспределение «векторов» влияния в пользу векторов:

«Б» → «А» (национальные интересы и системы ценностей).

«Б» → «Д» (правящая элита).

Соответственно не менее радикально произошли изменения и в политических стратегиях: если произошло перераспределение энергии силового принуждения «в пользу» влияния на правящие элиты и систему ценностей, то и средства претерпели существенные изменения

Как видно из сравнения двух вариантов, отображенных на рисунке 8.7 («Вариант №А»и «Вариант №Б») в стратегиях произошли самые радикальные изменения. Прежде всего, видно, что область стратегии распространилась далеко за традиционные области — политические цели и ресурсы — на области отношений правящей элиты и, главное, системы национальных ценностей и интересов. Таким образом, новая стратегия по своему характеру, целям и факторам, радикально отличается от прежних

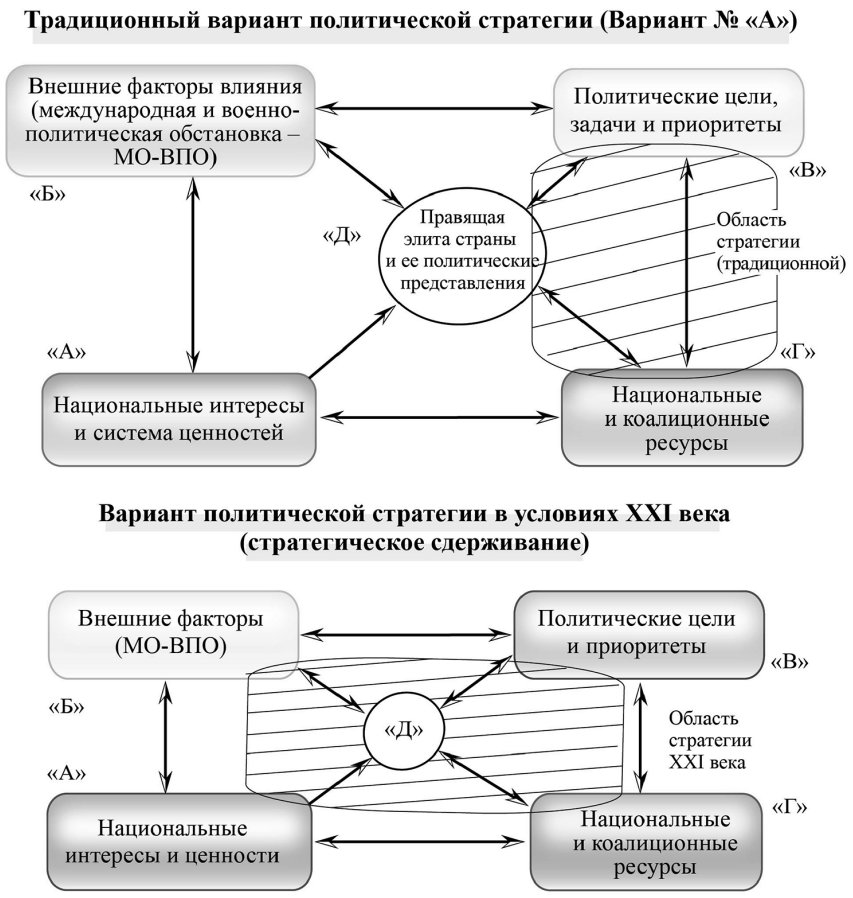


Рис. 8.7. Роль, место, структура и факторы формирования политики стратегического сдерживания

8.3. Эволюция понятия и политики стратегического сдерживания

Если говорить коротко[49], то за период существования современной политики «сдерживания», начало которой относят к послевоенным годам и политике «ядерного сдерживания» США, эта политика, по общепризнанному мнению, прошла целый ряд стадий в своём развития, которые вряд ли целесообразно подробно рассматривать в данной работе[50]. Однако следует сделать существенную оговорку: политика

«сдерживания» или «политической войны» («containment»), т.е. политического сдерживания, всегда являлась основой западной политики, внутри которой формировалось множество частных концепций «ядерного сдерживания» («deterrence») и прочих концепций — от «массированного возмездия» и «гарантированного уничтожения» до «упреждающего», «разоружающего» удара[51], а теперь ещё и «быстрого глобального удара», где роль ЯО планируют заменить неядерным ВТО.

По большому счёту в этой области мало что изменилось и при американских президентах Б. Обаме и Д. Трампе, которые в 2010, 2015 и 2017 годах представили свои варианты политического «сдерживания», изложенные в соответствующих Стратегиях национальной безопасности и Стратегиях военной безопасности, Ядерных обзорах и пр. документах. Если говорить, опять же, коротко, то, как и прежние политические и военные стратегии, они были по сути дела тщательно продуманными планами **повышения эффективности** политики силового принуждения США и НАТО, сформулированными в новых реалиях МО и ВПО. Прежде всего, с учётом усиления влияния новых центров силы — Китая, Ирана, России и ряда других стран.

Их отличие — в некоторых, второстепенных нюансах, которые конкретизируются в более подробных документах, посвященных собственно военной политики США — Стратегии военной безопасности и Ядерном обзоре, — о которых будет сказано ниже.

С точки зрения современной политической теории и методологии подхода к изучению «стратегического сдерживания» политика России является ответной реакцией, стремлением повысить эффективность политики стратегического сдерживания в ответ на соответствующий рост политики «силового принуждения» со стороны западной военно-политической коалиции, хотя, следует признать, могут быть и другие варианты такой реакции[52]. В том числе и откровенно капитулянские. На них настаивают те политики и учёные, которые сознательно или нет, но продолжают традиции горбачёвско-ельцинской внешней политики и соответствующего отношения к стратегическому сдерживанию.

Теоретически это могут быть (названия, естественно, условные, требующие уточнения) альтернативные политике стратегического сдерживания такие концепции, как:

— «политика капитуляции», отступления, беспринципных компромиссов (как при Горбачёве и Ельцине), которая в любой форме отказывается от государственного суверенитета и отдаёт целые области национальной идентификации внешнему оппоненту;
— политика стратегического сдерживания, основанная на бесконечном поиске компромиссов ради компромиссов (очень любимая нашими учёными — либералами из РАН), которая, по сути, является завуалированной формой односторонних компромиссов и беспринципных уступок;

Могут быть и иные варианты (не капитулянские) стратегического сдерживания, которые существовали не только в советской истории, но теоретически возможны и сегодня:

— политика «стратегического наступления» (как при И. Сталине), предусматривающая расширение влияния России посредством своеобразного толкования стратегического сдерживания, как борьбы с империализмом во главе с нашей страной. Сегодня таким мировым лидером могут выступить уже КНР, исламские государства, а в социально-культурной области — Россия;
— политика «сдерживания, обороны», «мирного сосуществования» (как при Л. Брежневе и Ю. Андропове), которая постепенно ограничивает сферу обороны и действия стратегического сдерживания;
— наконец, политика «стратегического сдерживания» (активной обороны, как в настоящее время), но фактически являющейся политикой «стратегического отступления» в силу крайне невыгодных внешних и внутренних факторов.

На Западе, особенно в НАТО, рассматривают и другую возможность ревизии «сдерживания», противопоставляя «дестабилизирующие» положения российской стратегии (как они называют, «интегрированного стратегического сдерживания») свою стратегию «современного сдерживания»[53].

Это следует иметь ввиду, как минимум, для того, чтобы изначально не исключать полностью других вариантов стратегического сдерживания просто потому, что «этого не может быть никогда» в угоду сегодняшней, «единственно правильной» политике стратегического сдерживания[54].

На мой взгляд, например, политика «стратегического наступления» сегодня может быть более эффективной и плодотворной в части возвращения контроля над постсоветским пространством и в Восточной Европе, который «тает» в последние десятилетия. Очевидно, например, что политика «стратегического сдерживания» оказалась малоэффективной (за редким исключением Южной Осетии, Абхазии и Крыма) в отношении не только Украины, но и Казахстана, Армении, Молдавии, Киргизии и ряда других стран.

Концентрируясь только на официальной концепции политики «стратегического сдерживания» современной России, мы исходим из того, что стратегическое сдерживание — в современном понимании — политика, обеспечивающая защиту национальных интересов на любом уровне противостояния или противоборства[55], которая становится всё более и более зависима и обеспечена не только военными, но и полувоенными и даже невоенными средствами. Она исходит из тенденции потери влияния военной силы во всём наборе мер, сил и средств силового принуждения и противодействия. Более того, в целом ряде своих специфических (информационном, когнитивном и даже экономическом) аспектах силовой политики собственно военная сила может лишь облегчать решение этих задач, но быть в целом малоэффективным инструментом[56].

Простое, даже традиционное, восприятие военной силы как «инструмента силовой политики», а сдерживания — как «ядерного сдерживания», сменилось в последние десятилетия на сложный синтез, сочетающий, понимание силовых инструментов, как правило, **системное и одновременное использование всех форм силовой политики**, оставляя за военной силой роль последнего политического аргумента[57]. Более того, современная трактовка стратегического сдерживания не даёт однозначного ответа на вопрос о том, какими средствами и способами такая политика будет реализовываться, в каких условиях и т.д., оставляя сознательно простор для разных интерпретаций.

Во многом этому подходу и степени неопределённости способствовало достижение Советским Союзом и удержание Россией стратегического равновесия, а также резко увеличенные риски применения не только ядерного, но и обычных вооружений. Войны XX века поэтому, как

правило, ограничивались локальными и региональными конфликтами, когда великие державы стремились избегать прямого военного участия в военных конфликтах друг с другом. Исключения, которые существовали (война в Индокитае, Корее и ряд агрессивных экспедиций США в странах Латинской Америки), в целом подтверждают этот вывод.

Ситуация стала радикально меняться с конца 1980-х годов, когда США и их союзники стали активно использовать невоенные и полувоенные силовые инструменты в Европе, а затем и в Азии и Африке. Произошел постепенный отказ от политики «сдерживания» при сохранении политики «ядерного сдерживания», которая превратилась, по сути, в военную гарантию активного использования силовых инструментов (политических, экономических, информационных и пр.). Таким образом, политика политического сдерживания как форма политики «силового принуждения» откровенно уступила своё место политике **системного и комплексного принуждения силой**. Это, в свою очередь, привело к резкому расширению всего набора средств использования силы, включая военную силу, произошла тихая революция, в результате которой незаметно ядерное сдерживание потеряло своё практическое значение. Примером этому стала Югославия и Ирак, которые откровенно принуждались с помощью самых разных форм применения военной силы к признанию капитуляции, а позже — Афганистан, Ливия, Сирия, — представление о которых может дать следующая таблица.

Существует множество иллюстраций того, как происходит «эскалация угроз» и средств противодействия им, которые как правило, повторяют в основном модели «сдерживания» и «ядерного сдерживания», разработанные еще в конце 40-х годов XX века. Их суть проста: существует политическое сдерживание («containment») и военной сдерживания («deterrence»), как часть от политического сдерживания. Между ними возможны и необходимы частные разработки как политического, так и военного сдерживания. В принципе все эти рассуждения вполне укладываются в понятие, предложенное еще в 1948 году Дж. Кеннаном «политическая война («Political warfare»). Одна из последних таких попыток предлагается ниже (табл. 8.1).

По большому счету все эти изыски сводятся к мысли о том, чтобы максимально увеличить эффективность политики силового принуж-

Таблица 8.1. Таблица определений для поиска[58]

Search Category	Search Terms
1. Geopolitical Threats	Geopolitical AND (risk* OR concern* OR tension* OR uncertaint*) "United States" AND tensions AND (military OR war OR geopolitical OR coup OR guerrilla OR warfare) AND ("Latin America" OR "Central America" OR "South America" OR Europe OR Africa OR "Middle East" OR "Far East" OR Asia)
2. Nuclear Threats	("nuclear war" OR "atomic war" OR "nuclear conflict" OR "atomic conflict" OR "nuclear missile*") AND (fear* OR threat* OR risk* OR peril* OR menace*)
3. War Threats	"war risk*" OR "risk* of war" OR "fear of war" OR "war fear*" OR "military threat*" OR "war threat*" OR "threat of war" ("military action" OR "military operation" OR "military force") AND (risk* OR threat*)
4. Terrorist Threats	"terrorist threat*" OR "threat of terrorism" OR "terrorism menace" OR "menace of terrorism" OR "terrorist risk" OR "terror risk" OR "risk of terrorism" OR "terror threat*"
5. War Acts	"beginning of the war" OR "outbreak of the war " OR "onset of the war" OR "escalation of the war" OR "start of the war" (war OR military) AND "air strike" (war OR battle) AND "heavy casualties"
6. Terrorist Acts	"terrorist act" OR "terrorist acts"

дения («the power to coerce»), которая и является стратегией западной внешней и военной политики, оставляя пространство как для развития политических, так и военных концепций, средств и способов использования силы — военной и не военной.

Это означает, что все последние десятилетия внешнеполитическая стратегия и военная политика Запада не менялись, но, по мере изменения МО и ВПО, они приспосабливались с целью сохранения высокой эффективности силового воздействия.

В XX веке произошла, как уже говорилось, очередная корректировка политики «силового принуждения» в направлении перераспределения основных объектов, когда к собственно политике добавились фактически два новых объекта — правящие элиты и системы ценностей.

С точки зрения теории и методологии анализа политики «силового принуждения» Запада это означало необходимость создания дополни-

тельных инструментов и способов влияния на эти объекты: очевидно, что средства влияния на системы ценностей, либо на конкретных субъектов правящей элиты отличаются от традиционных силовых средств, применяемых в политике.

Прежде всего, это привело к необходимости разработки силовых, но не военных средств силового принуждения на эти объекты. Трудно ожидать, например, что применение (или угроза применения) ядерного оружия будет влиять на смену системы ценностей или появление тяги к новым нормам международного права. Эти функции стали успешно выполнять массовые средства информации (телевидение, радио) и интернет-ресурсы, которые стали важнейшими силовыми инструментами политики с конца XX века, формирующими общественное сознание.

По мере развития этой новой стратегии «силового принуждения» Западом в отношении двух относительно новых политических объектов появилась объективная потребность создания стратегии противоборства, получившей название «стратегического сдерживания», которая, как и стратегия «силового принуждения», стала результатом эволюции политики сдерживания.

Соответственно стратегическое сдерживание России показало на этих примерах свою недееспособность: Россия по сути ничего не смогла противопоставить использованию со стороны США и их союзников силы против этих государств[59]. Вялая и неэффективная реакция демонстрировала, что у России нет эффективной стратегии противодействия США на уровнях «ниже глобального конфликта». Более того, у России не осталось средств эффективного противодействия против использования силовых инструментов на постсоветской и даже российской территории: вмешательство во внутренние дела, открытая поддержка оппозиции, террористов на Кавказе и в других регионах, наконец, глобальная кампания санкций продемонстрировали низкую эффективность официальной концепции стратегического сдерживания.

Для целей повышения эффективности политики обеспечения защиты интересов национальной безопасности, воспринимаемой в настоящее время исключительно как стратегическое сдерживание, можно использовать аналог этого подхода, вытекающий из оценки угроз и действий стратегическому сдерживанию (как это показано в таблице выше)[60].

Для практических целей современной политики обеспечения безопасности России можно и нужно определить, что кроме существующего определения и подхода — обеспечение стратегической стабильности — существуют и могут рассматриваться иные. Поэтому следует изначально оговориться (и повториться) относительно различных форм противодействия силовой политики для того, чтобы достаточно определенно отличать стратегические средства и силы для достижения самых разных политических целей:

— стратегической капитуляции;
— стратегического нападения;
— стратегической обороны;
— стратегического сдерживания.

Опыт показывает, что все эти формы, в свою очередь, делятся на[61]:

— военные формы стратегических действий, предполагающие применение ВВСТ и ВС;
— не военные формы стратегических действий (экономические, политические, информационные и пр.).

Таким образом, мы можем заявить, что теоретически возможны 4 формы стратегических действий, которые так или иначе использовались в истории современной России и СССР, каждая из которых применяла как военные, так и не военные инструменты насилия, но в разных пропорциях. При «стратегической капитуляции» военная мощь применялась для политико-дипломатических целей, стремления «сохранить лицо» и обеспечить экономические компенсации за односторонние уступки СССР. При «стратегическом нападении» СССР получал массу преимуществ разного рода — от политических до экономических, — расширяя зону своего влияния в Европе и в Азии.

При этом (достаточно условном) делении необходимо также иметь ввиду, что:

— существующие различия между стратегическими, оперативными и тактическими средствами в военном деле и в политике в настоящее время достаточно условны, а границы между ними нередко исчезают;
— как правило, военные и не военные стратегические средства используются системно и совместно, комплексно. Даже в тех случаях, когда происходит применение только не военных силовых средств, их

эффективность обеспечивается стратегическими военными силами в открытой или скрытой форме (Угрозы или применения). Так, торгово-экономические санкции против Кубы в начале 60-х годов прошлого века обеспечивали ВМС и ВВС США, а экономический шантаж и санкции против России сегодня — поддерживает вся военная машина, включая средства разведки, наблюдения, мониторинга и пр.

Такая же непростая ситуация наблюдается и в области военного искусства, т.е. разработки способов и методов наиболее эффективного применения стратегических сил и средств, а также в области политического искусства и его отдельного направления — военно-политического искусства, где в самые последние годы наблюдаются серьезные изменения. В частности, «Стратегическое нападение», «ядерный удар», «стратегическая оборона» и «стратегическое сдерживание»[62] — эти понятия долгое время находились в основе представлений о внешней и военной политики и отношений ядерных держав. Под ними, как правило, понимались вполне определенные представления о роли и значении, а также способах использования ядерного оружия, которое было вполне конкретно связано с существованием и развитием стратегических наступательных вооружений (СНВ), характеристику которых определили в ходе советско-американских переговоров об ограничении СНВ как средств доставки, обладающих дальностью более 5000 километров, оснащенных ядерными боеголовками или бомбами (для ТБ).

Вторая половина XX века была во многом обеспечена отсутствием глобальной войны именно из-за существования стратегического сдерживания, посредством ядерного устрашения (deterrence), которое вплоть до недавнего времени не ставилось под сомнение и рассматривалось не только как стратегическое равновесие, но и по сути как военно-стратегическое равенство[63]. Политический суверенитет СССР и России в настоящее время, в конечном счете, как известно, гарантирован возможностями СЯС РФ нанести ядерный удар по территории США и их союзников[64]. Грубо говоря, до сих пор считалось, что политический суверенитет равнозначен способности отразить ядерное нападение, которое рассматривалось как стратегическое нападение[65], которое могло быть осуществлено, как правило, в очень ограниченном наборе заранее подготовленных планов-вариантов использования СНВ.

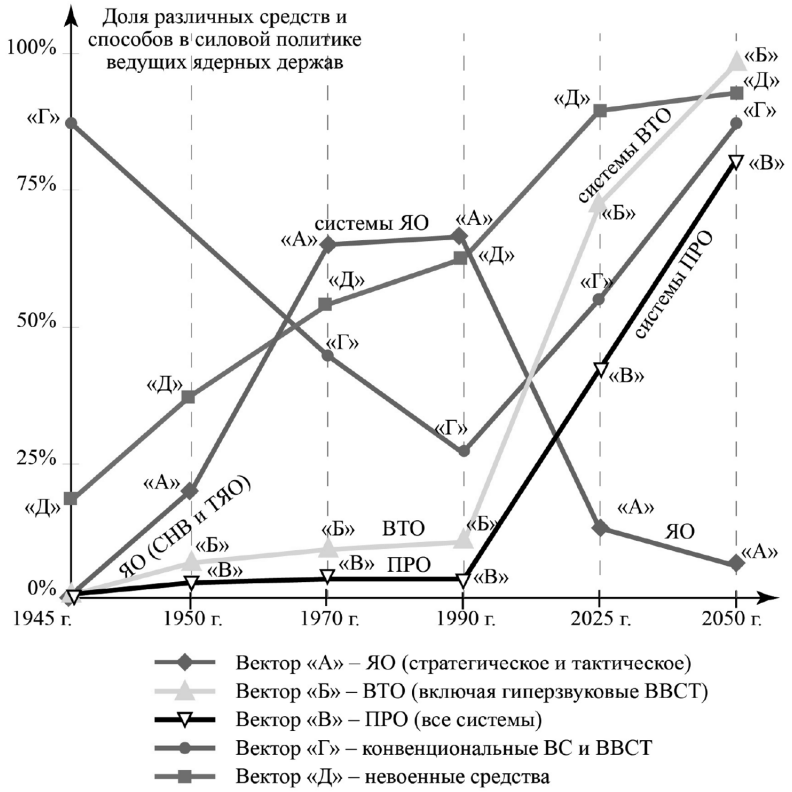


Рис. 8.8. Эволюция роли ядерного оружия среди средств и способов стратегического нападения

Эта возможность нанесения Советским Союзом и Россией ответного удара в течение нескольких послевоенных десятилетий обеспечивала стратегическое равновесие и гарантировала СССР, а затем России, практически полную самостоятельность при принятии важнейших политических решений. Причем не только при защите собственной территории, но и интересов своих союзников (СССР несколько раз прибегал к эксплицитным угрозам) и интересов СССР и России за рубежом[66]. В этом смысле стратегическое сдерживание несло в себе и глубокий политический смысл как способность гарантировать защиту интересов национальной безопасности посредством угрозы применения ядерного оружия[67].

Но эта возможность постепенно обесценивалась и, как уже говорилось, к концу XX века превратилась в возможность исключительно ядерного ответного удара, который уничтожил бы всю человеческую

цивилизацию. В фильме, посвященном В. В. Путину накануне выборов 2018 года президент в одном из документальных интервью по телевидению так и сказал: «А зачем нам весь мир без России?». Понятно, что такого рода радикальное решение может применяться только один раз и в исключительных случаях, что означает «одноразовость» или (что, то же самое) «не используемость» этого средства политики. В полной степени эту логику отражают представления экспертов о будущей роли разных видов и систем вооружений в политике, где роль ЯО стремительно сокращается, а других — увеличивается (рис. 8.8).

Долгие годы было очевидным, что США пытаются избавиться от «дискомфорта», вызванного распространением ЯО в мире. К началу XXI века эта ситуация, от которой долгие годы пытались избавиться США, создавая качественно новые системы СНВ и управления ими, была поставлена под сомнение: применение ЯО стало не просто опасным, но и бессмысленным с появлением новых видов оружия, прежде всего ВТО.

Это означает, однако, что сомнения могут возникать уже и в России в отношении всего военно-стратегического равновесия, включая военные возможности на разных ТВД и соотношения в самых разных областях. Но такие же сомнения могут возникать и в политическом плане, что уже ставит под вопрос само существование российского суверенитета и независимой политики[68]. Эрозия этих представлений к концу второго десятилетия нового века достигла такого уровня, когда суверенитет России в целом ряде областей, прежде всего политике, экономике, финансах, стал ставиться под сомнение потому, что оказался оторванным от военно-стратегического суверенитета, рассматриваться в качестве возможного для ограничения с помощью силовых, но не военных инструментов политики «силового принуждения»[69].

Более того, во втором десятилетии стало ясно, что против целого ряда силовых средств, способов и угроз со стороны Запада ядерное оружие, включая стратегическое, бесполезно, а его ценность стремительно падает. Соответственно и трансформируется представление о стратегическом сдерживании, которое в XXI веке приобретает более широкое понятие как способность того или иного государства эффективно управлять своими силовыми компонентами и средствами поли-

тики в условиях кризиса[70]. Особенно в связи с появлением новых видов и систем оружия в области ПРО–ПВО, с одной стороны, космических систем и средств ВТО, с другой. Эта тенденция набирает силу, угрожая к 2025–2030 годам возникновению такой ВПО, когда стратегические потенциалы станут экзотическими средствами ведения войны в исключительных обстоятельствах, освобождая руки для любых силовых и собственно военных действий[71].

Выше уже достаточно подробно говорилось о том, что силовые невоенные средства принуждения в политике Запада вытесняют вооруженные средства борьбы, но, естественно, не отменяя, а совершенствуя их применение и качество. Стратегическое наступление в XXI веке, таким образом, во всё большей степени превращается в политику системного использования всех силовых сил и средств, где роль собственно военных сил и средств сводится постепенно к обеспечению эффективного применения невоенных силовых средств «политики принуждения»[72].

И наоборот: стратегическое сдерживание в XXI веке тем эффективнее, чем большим набором средств и способов их применения обладает тот или иной субъект ВПО. Иными словами, в традиционной силовой политике государств в XXI веке (а она — подчеркнем — остается в любом случае силовой, т.е. не замененной ни на «правовую», ни на «моральную», ни на любую ещё) произошли изменения, в результате которых основными средствами принуждения становятся силовые, но не военные средства, а собственно военные постепенно превращаются во вспомогательные инструменты политики, обеспечивающие эффективность использования первых. Этот процесс начался еще в 70-е годы прошлого века, но в то время многие политики и ученые в СССР поспешили заявить о том, что «военная сила потерла своё значение», что было — как теперь стало для всех очевидным — ошибкой, а не их «глубокой мудростью», пропагандировавшейся на всех углах[73].

Военная сила, надо констатировать, всегда выполняла две функции — политическую (угрозы, шантаж) и военную (прямое применение вооруженного насилия). Иногда говорили, что это функции «со стрельбой» и «без стрельбы», хотя политическая функция, как правило, делилась на явную угрозу (шантаж) и скрытую (демонстрацию мощи). В разное время, и в разных условиях эти функции использовались раз-

ными субъектами ВПО по-разному. В конце прошлого века показалось (особенно тем, кто был, как Горбачев, неопытен в реальной политике), что вторая, собственно военная, функция себя исчерпала.

На самом деле она просто на какой-то период отошла в тень тех доминировавших политических процессов, которые развивались в связи с самоуничтожением социалистического центра силы в лице СССР и ОВД. На первое место вышли невоенные инструменты насилия, прежде всего экономические, информационные и когнитивные, с помощью которых Запад планировал окончательно приспособить в своих интересах МО и ВПО[74], когда (как говорится в официальных документах США) «… контроль над эскалацией становится более трудным и более важным …»[75].

Но постепенно стало ясно, что только этих, невоенных, инструментов уже не хватает. Прежде всего, потому, что новы центры силы (КНР, Индия, Бразилия, Индонезия и др.), а также не захотевшая «самоликвидироваться окончательно» Россия, начинают активно противоборствовать. В том числе и силовой политике Запада. Для России таким «часом икс» стал конфликт в Южной Осетии, а до этого — на Северном Кавказе, где именно позиция федерального центра и его «решимость» использовать военную силу встретила самую негативную оценку в кругах правящих в стране либералов, развязавших информационную войну против федеральных сил на Кавказе.

Стало также ясно к 2008 году, что Россия сохранит и будет использовать силовые инструменты для целей государственного суверенитета. И это удивило сначала Запад (похоронивший Россию как субъекта ВПО), а потом и вызвало «негодование»[76]: появилась страна-«ревизионист», претендующая на то, чтобы не признавать сформированные Западом нормы и правила. Поэтому западная ЛЧЦ вернулась к своему «естественному» ресурсу, в котором она имела очевидное финансово-экономическое и технологическое превосходство, — военной силе, с тем, чтобы резко повысить эффективность своих силовых инструментов политики. Прежде всего, информационных, экономических, финансовых и торговых, которые стали уступать в развернувшемся противоборстве аналогичным силовым инструментам новых центров силы. Короче говоря, там где США и союзникам стало труднее добиваться своих целей

экономическими и иными средствами, вновь была подключена функция политической угрозы военной силой[77].

Отражение этих изменений нашлось в нормативных документах, принятых в России по вопросам безопасности во втором десятилетии новой эры, например, в Стратегии национальной безопасности[78]. Но эта общая тенденция в политике Запада не меняет развития ещё более общих глобальных тенденций в политике государств, суть которых сводится к тому, что в «наборе» средств силовой политики военные средства постепенно, но неуклонно уступают свою роль не военным средствам. Естественно, что со многими оговорками, в том числе и о характере таких не военных средств и способов их использования (например, относятся ли к ним средства РЭБ, РЭП, социальные диверсии или средства кибероперация). Логику этих тенденций в развитии до 2050 года можно изложить следующим образом (рис. 8.9).

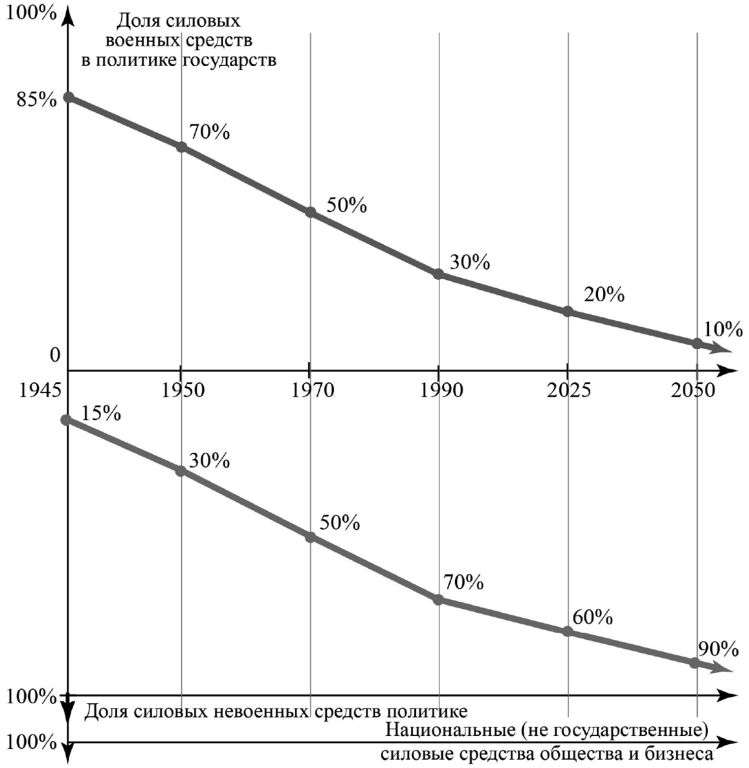


Рис. 8.9. Изменение роли вооруженного насилия среди других силовых инструментов политики

Таким образом, произошло «перераспределение» внутри всей системы средств и способов политики «силового принуждения» в пользу не военных средств и способов. При том условии, что не произошло не только отказа от использования военных средств насилия, но и ведётся настойчивый поиск повышения их эффективности. Это обстоятельство достаточно быстро изменило ВПО в мире. В том числе, и прежде всего, в регионах. На Западе сразу же подчеркнули, что «ядерное сдерживание» стало использоваться Россией в регионах в качестве «политического инструмента влияния», что, в конечном счёте вполне соответствует действительности[79].

Другая сторона ядерного сдерживания — использование ЯО в качестве компенсации относительной слабости невоенных средств политики. Для военно-политической обстановки, в которой будет существовать Россия до 2025 года, стало характерно не только усиления собственно военных угроз, но и развитие невоенных угроз, вытекающих из эскалации силовой политики Запада[80]. Такие угрозы обладают двумя очень важными преимуществами:

Во-первых, они значительно дешевле, чем военные угрозы, — ни одна информационная, экономическая или финансовая акция не идет ни в какое сравнение по своей стоимости, например, с экспедицией Вооруженных Сил США, которую те осуществили во Вьетнам или Ирак.

Во-вторых, эти действия гораздо менее рискованны. Применение оружия рассматривается как неоспоримый факт войны, а использование дезинформации, кибератак или РЭБ оставляет возможность для деэскалации насилия[81].

С точки зрения военно-политического развития России, невоенные инструменты насилия могут быть опаснее, чем военные по простой причине: отставание нашей страны в темпах развития от противников неизбежно и вне сомнений меняет дальнейшее соотношение сил не в её пользу.

Иными словами, сам по себе параллельный процесс развития западной ЛЧЦ и стагнации российской с неизбежностью ведет к победе первой. Даже при отказе от эскалации насилия и сохранения нынешнего уровня военно-силового противоборства. В этом во многом заключается сущность и характер современных войн, которые ведутся без объявления войны и без применения больших масс вооруженных сил[82]. Сохранение в этих условиях политики «стратегического сдерживания» в её узком, се-

годняшнем понимании как политики ответа на внешние угрозы, — неизбежно приведёт к скорому поражению России. Необходимо:

— либо радикально менять стратегию развития России в пользу ускорения темпов её социально-экономического и научно-технического развития, о чём говорил в послании ФС РФ 1 марта 2018 года В. В. Путин;
— либо менять политику защиты национальных интересов, в частности, стратегическое сдерживание, на другую форму — стратегического наступления, обороны, либо капитуляции, — потому что стратегическое сдерживание в современном понимании уже не обеспечит сохранения суверенитета России, её идентичности и интересов.

8.4. Основы комплексного противоборства

Планирование политики стратегического сдерживания и предотвращения войны предполагает, как следует из самого определения такой политики, силовое противоборство с известным вероятным противником, который действует также определенным образом[83]. В данном случае речь идёт о США как лидере противостоящего военно-политического блока и политике «силового принуждения», которой необходимо противопоставить эффективную политику ПСС и ПВК[84]. В самом общем виде эта ситуация представляется следующим образом.

Как видно из рисунка 8.10, политика стратегического сдерживания России означает фактически политику системного и комплексного силового противоборства, которое охватывает весь спектр влияния — от «мягкого» убеждения до применения стратегических арсеналов вооружений. В этом случае «ядерное сдерживание», как и «военно-силовое сдерживание» в целом, являются лишь одной, причем не самой важной частью политики стратегического сдерживания (хотя де-факто это и не признаётся, когда в Стратегии национальной безопасности России в последней редакции перечисляются не военные инструменты сдерживания). Парадоксально, но факт — доминирующая сегодня политика системного и комплексного силового принуждения Запада (политика «принуждения силой») не получила пока что сколько-нибудь серьезного теоретическо-

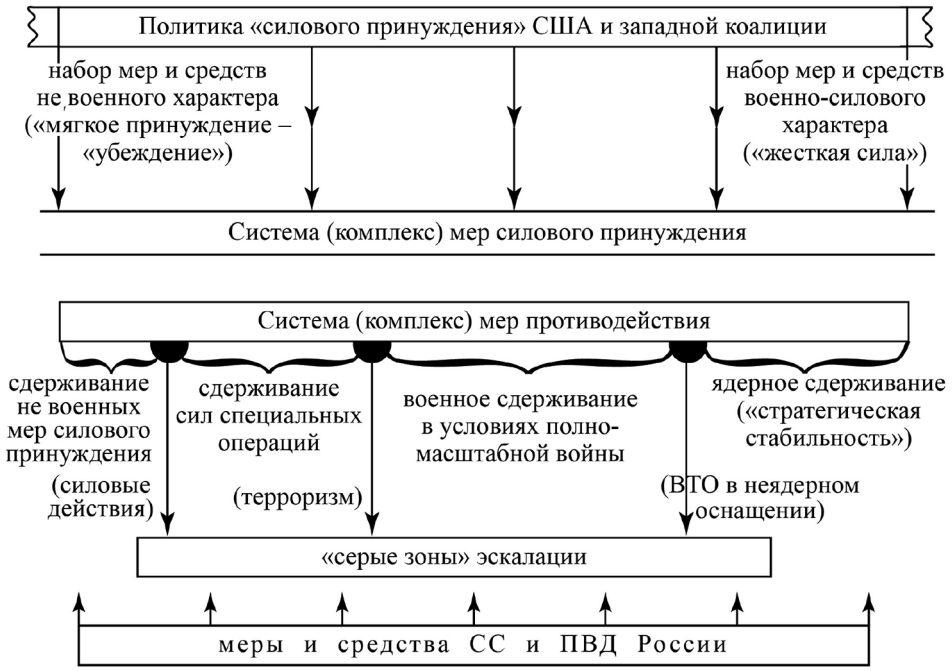


Рис. 8.10. Политика стратегического сдерживания России как реакция на политику «силового принуждения» США и их союзников по коалиции

го, а тем более формально-нормативного закрепления в России, хотя практика стратегического сдерживания (как отмечают на Западе) вполне успешно использует аналог в виде «ядерного сдерживания»[85].

От этого страдает, безусловно, общее понимание целей и средств их достижения в политике Запада и объединенной военно-политической коалиции. Складывается ситуация, когда не только политики, но и военные живут «по старым лекалам» в то время, когда мир уже радикально изменился. Поэтому на месте, в Сирии или других регионах, приходится исходить из новых реалий, откладывая в сторону прежние наставления. В частности, об «уменьшении значения военной силы в международных отношениях», которое не соответствует реалиям — за последние 10 лет мы наблюдаем достаточно стабильное и полномасштабное увеличение использования военной силы, измеряемое сотнями инцидентов за год. В том числе (может быть, прежде всего) против России и членов ОДКБ[86]. Как видно из графика (рис. 8.11), количество войн и военных конфликтов после 2015 года стало нарастать.

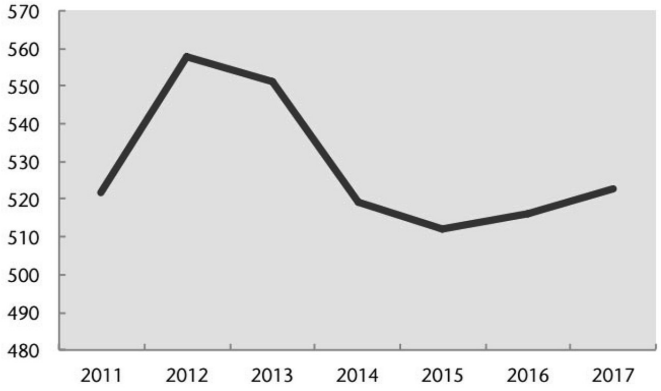


Рис. 8.11[87]. Политическое насилие

Представляется, что это не случайность, а осознанная политика западной коалиции, стремящейся сознательно дестабилизировать МО и ВПО в мире.

Не сокращается и численность военно-силовых конфликтов в мире. Скорее наоборот. Происходит очередной «переток» конфликтов из одного региона в другой, причем старые конфликты не исчезают, а к ним **добавляются** новые. Мы являемся свидетелями того, что США пытаются дестабилизировать МО во всех регионах, создав там ситуацию хаоса и непредсказуемости с тем, чтобы применение военной силы в политике в таких регионах стало международной нормой. При этом достаточно ясно обозначились две тенденции, которые представляют собой **замену мер и средств обеспечения международной безопасности с помощью переговоров на односторонние военно-силовые действия:**

Первая — сознательное разрушение США и их союзниками по коалиции **систему международной безопасности**, сложившейся после Второй Мировой войны на основе многочисленных институтов — от ООН и Совета Безопасности ООН, ОБСЕ и многосторонней дипломатии до практики поведения и соблюдения норм международного права, которые сознательно девальвируются[88].

Вторая — демонтаж переговоров и самых различных площадок, на которых обсуждались вопросы ограничения и сокращения вооружений и военной деятельности, укрепления международной и региональ-

ной безопасности — от ограничения СНВ и РСМД, ПРО и противоспутникового оружия, ДОВСЕ и т.д., включая сопутствующие области (контроль, меры доверия и пр.).

Применительно к России такая силовая политика принуждения преследует очень точную цель — принудить правящую элиту России принять нормы, условия и интересы Запада в качестве безусловных к реализации. Это предполагает, в частности, что силовое принуждение будет продолжаться до тех пор, пока эти условия не будут приняты (включая неизбежную впоследствии потерю суверенитета), либо правящая элита и руководство страны будут заменены силой и (как показывает опыт других стран) вероятно уничтожены.

Эти и подобные инновации ведут к тому, что использование военной силы и силы вообще становится в основе западной внешней политики силового принуждения по отношению к России, количество и интенсивность политических и военных конфликтов в мире будет возрастать, а военные риски увеличиваться — сознательно и целенаправленно. Соответственно, политика стратегического сдерживания России не может быть эффективной, опираясь только на ядерное сдерживание, что хорошо понимают на Западе[89].



Рис. 8.12[90]. Карта политических рисков в 2017 году

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что происходит совмещение регионов «политических рисков» и регионов «международного терроризма», что может свидетельствовать только об одном — международный терроризм стал фактически **легальным инструментом внешней политики США и их союзников.** Эти изменения ведут к качественным переменам в современной МО и ВПО и подходах к обеспечению эффективного стратегического сдерживания. Действительно, если экстремизм и терроризм становятся легальными инструментами внешней политики, то неизбежно необходимо предпринимать срочные меры по противоборству такой политике. Это означает, кроме того, что приоритеты «совместной международной борьбы с терроризмом», объявленные в начале века важнейшими приоритетами внешней политики и политики безопасности, стремительно теряют своё значение: за терроризмом стоят интересы и государственная мощь. Прежде всего, западной военно-политической коалиции[91].

Стратегическое сдерживание России, как и политика ПВК, должны предполагать систему мер военно-силового противодействия в условиях, когда войны формально не объявлены. Именно так с начала 1990-х годов приходится действовать России на Кавказе против инспи-



Рис. 8.13[93]. Карта риска терроризма и политического насилия в 2017 году

рированных экстремистских и террористических групп, а теперь уже и в других регионах — на Украине, вероятно вдоль границ с Грузией, прибалтийскими государствами, а в перспективе — в Средней Азии и на Ближнем и Среднем Востоке.

Расширение спектра условий применения военной силы в политике США и их военно-политической коалиции стало достаточно определенной тенденцией уже при Б. Обаме, но выразилось в отчетливую стратегию при Д. Трампе. В современном представлении США эта концепция изложена Д. Трампом в его «Стратегии национальной безопасности США», опубликованной 18 декабря 2017 года, и конкретизированной в Военной стратегии США и Обзоре ядерной стратегии, ставшими публичным достоянием соответственно в январе и феврале 2018 года.

В СНБ США, в частности, говорится: «Президент Дональд Трамп провозглашает стратегию национальной безопасности, направленную на продвижение американских интересов, а именно[93] — Стратегическая уверенность позволяет США защищать свои жизненно важные национальные интересы. В Стратегии определены четыре жизненно важных национальных интереса, которые названы «основополагающими основами», требующими военно-силовой защиты. Есть все основания очень внимательно рассмотреть эти интересы и приоритеты. Это, по мнению Д. Трампа:

1. **Защита страны, американского народа и американского образа жизни** (т.е. защита и продвижение в мире системы ценностей США, их норм, правил и представлений о мире, поведении в нём и других нормах). Подобная формулировка означает, что США будут продвигать не только силой, но и военной силой свои нормы и представления, включая замену этими нормами и правилами норм международного права и систем национальных ценностей других субъектов МО и ВПО.

Иными словами, это означает, что США и их союзники готовы силой, в т.ч. военной силой, воздействовать на базовые, основополагающие представления, которые делают из народа — нацию и государство. Это означает вне сомнения, что США будут использовать силовые инструменты для дезинтеграции наций и уничтожения государств. Причём чем дальше, тем всё активнее[94].

Очевидно, что такой стратегии США во всё возрастающей степени будет мешать политика стратегического сдерживания России в любой форме, но прежде всего в части ядерного сдерживания. Поэтому США и их союзники будут пытаться максимально обесценить — политически и морально — ядерное оружие, с одной стороны (а значит и политику ядерного сдерживания), и нейтрализовать ядерный потенциал России с помощью систем ВТО, ПРО и других ВВСТ, с другой.

2. **Развитие американского благосостояния.** Этот приоритет в действительности не столь безобиден как выглядит, ведь «благосостояние» можно понимать очень по-разному. Например, как более выгодные условия для международной торговли или обменов, а также как наиболее благоприятные условия функционирования валютной, биржевой и иной систем и т.д.

Угрозой «американскому благосостоянию» Д. Трамп объявил неудобный баланс внешней торговли или невыгодные таможенные пошлины, или, наконец, невыгодные цены на сырье и энергоносители.

3. **Сохранение мира посредством силы.** Этот приоритет откровенно декларирует, что мира (политических целей) США намереваются добиваться не переговорами и компромиссами, а с помощью силы, включая военную.
4. **Расширение американского влияния**. Данный приоритет — откровенная заявка на экспансию США в мире, которая не может не быть силовой и военной.

Этим приоритетам в Стратегии противопоставляются главные вызовы и тенденции, влияющие на положение США в мире. Их перечень — перечень тех субъектов Мо и ВПО, которые рассматриваются США в качестве основных препятствий для реализации указанных выше приоритетов. Прежде всего, это:

— «ревизионистские державы», такие как Китай и Россия, которые используют технологии, пропаганду и принуждение в целях формирования мира, «несовместимого с нашими интересами и ценностями»; другими словами, это те, кто сегодня открыто готов противостоять экспансии США в мире, т.е. «переоценить» сложенную ими систему МО–ВПО в соответствии с другими нормами и представлениями;

— это — «региональные диктаторы», сеющие террор, угрожающие своим соседям и создающие оружие массового уничтожения; другими словами, это те руководители, чьи нормы поведения не соответствуют американским требованиям, которые должны быть поставлены в статус «за пределы международных (американских) норм»;
— это — те акторы, которые будут не согласны с поведением США в мире и их стремлением навязать свои нормы и правила. Сегодня их относят в США к «террористам из джихадистских организаций, разжигающие ненависть, подстрекающие к насилию против ни в чем не повинных людей во имя извращенной идеологии, а также транснациональные преступные организации, которые распространяют наркотики и сеют насилие в нашем обществе», другими словами, к ним можно при желании отнести любые антиамериканские организации и движения, а также отдельные лица.

В основу реализации политических приоритетов США положена «Стратегия принципиального реализма», которая объясняет и приводит к политической норме силовую политику. По мнению Д. Трампа, «она реалистична, потому что в ней признается ведущая роль силы в международной политике, подтверждается, что сильные и суверенные государства являются лучшей надеждой для миролюбивого мира, и четко определяются наши национальные интересы». Кроме того, «Она реалистична, потому что в ее основе лежит отстаивание американских принципов, которые способствуют делу мира и процветания во всем мире».

По понятным причинам эта силовая стратегия объясняется тем, кто еще не до конца осознал её «практицизм» и реалистическую направленность следующим образом (в порядке приоритетности)[95]:

1. **Защита страны**. Главная обязанность президента Трампа заключается в защите американского народа и американского образа жизни.
   — Мы будем укреплять свои границы и реформировать свою иммиграционную систему в целях защиты страны и восстановления нашего суверенитета.
   — Главными транснациональными угрозами нашей стране являются:
      — террористы из джихадистских организаций, которые с варварской жестокостью совершают убийства, порабощают людей, осуществляют репрессии, создают виртуальные

сети, чтобы использовать уязвимое население, инспирировать и направлять заговоры;

— транснациональные преступные организации, которые разрушают наше общество наркотиками и насилием, ослабляют наших союзников и партнеров, подрывая их демократические институты.

— Америка будет с корнем вырывать эти угрозы. Мы будем устранять их еще до того, как они доберутся до наших границ и нанесут вред нашему народу.

— Мы удвоим усилия в целях защиты наших важнейших объектов инфраструктуры и цифровых сетей, поскольку новые технологии и новые враги создают новые уязвимости.

— Мы развертываем эшелонированную систему противоракетной обороны с целью защиты Америки от ракетных нападений.

2. **Развитие американского благосостояния**. Сильная экономика защищает американский народ, укрепляет наш образ жизни и поддерживает американскую мощь.

— Мы будем восстанавливать американскую экономику на благо американских рабочих и компаний, поскольку это необходимо для возрождения могущества нашей страны.

— Америка больше не потерпит хронических злоупотреблений в торговле и будет выступать за свободные, справедливые, основанные на взаимности экономические отношения.

— Чтобы преуспеть в геополитическом соперничестве XXI века, Америка должна лидировать в области научных исследований, технологий и инноваций. Мы будем защищать инновационную базу нашей национальной безопасности от тех, кто крадет нашу интеллектуальную собственность и несправедливо пользуется инновациями свободных обществ.

— Америка воспользуется своим превосходством в энергетике для сохранения открытости мировых рынков и для того, чтобы преимущества диверсификации и доступа к энергоресурсам содействовали экономической и национальной безопасности.

3. **Сохранение мира посредством силы.** Окрепшая, обновленная и восстановленная Америка будет обеспечивать мир и сдерживать проявления враждебности.

— Мы восстановим военную мощь Америки, чтобы она не уступала никому. Подобный тезис не может означать ничего иного как откровенную заявку на уничтожение стратегического сдерживания как особенности существования МО и ВПО[96].
— Для защиты своих интересов Америка в новую эпоху стратегического соперничества будет задействовать все инструменты государственного управления: дипломатические, информационные, военные и экономические.
— Америка будет укреплять свой потенциал в самых разных областях, включая космос и киберпространство, а также возрождать те возможности, которые обделены вниманием.
— Союзники и партнеры Америки усиливают нашу мощь и влияние, и защищают наши общие интересы. Мы рассчитываем на то, что они будут брать на себя больший груз ответственности за противодействие общим угрозам.
— Мы сделаем так, чтобы баланс сил в ключевых районах мира по-прежнему склонялся в сторону Америки. Это относится к зоне Индийского и Тихого океанов, к Европе и к Ближнему Востоку.

4. **Расширение американского влияния**. Будучи силой добра на всем протяжении своей истории, Америка будет использовать свое влияние для продвижения наших интересов во благо всего человечества.

— Мы должны и дальше укреплять свое влияние за рубежом ради защиты американского народа и отстаивания нашего благосостояния.
— Усилия Америки в сфере дипломатии и развития будут направлены на достижение более весомых результатов во всех областях — двусторонних, многосторонних, в сфере информации — с целью защиты наших интересов, поиска новых благоприятных экономических возможностей для американцев и противодействия нашим конкурентам.
— Америка будет стремиться к созданию партнерств с государствами-единомышленниками в целях развития свободной рыночной экономики и частного сектора, а также в интересах политической стабильности и мира.

— Мы будем отстаивать свои ценности, включая власть закона и права человека, поскольку это способствует укреплению силы, стабильности и процветания суверенных государств.
— Наша внешняя политика под лозунгом «Америка — прежде всего» воздает должное американскому влиянию в мире, рассматривая его в качестве позитивной силы, которая помогает формировать условия для мира, процветания и развития успешных обществ.

Таким образом основные принципы внешней политики Д. Трампа — достаточно последовательно развивают предыдущие положения политики «силового принуждения», сформулированные до него Бушем и Обамой. Они подтверждают главную тенденцию: **переход от «ядерного сдерживания» к «расширенному военному» и «комплексному» (силовому) стратегическому сдерживанию**, под которым понимается распространение политики «силового принуждения» как на новые области отношений (экономики, информатики, гуманитарную и пр.), так и на средства и способы силового принуждения. В том числе и военные.

Такой переход де-факто уже начал происходить в 90-е годы прошлого века с появлением ВТО и новых систем боевого управления в политике и войсках: сомнения относительно неизбежности использования ядерного оружия в ответ на конфликт с применением конвенциональных средств с тех пор только укреплялись и стали доминировать к настоящему времени . Доля неуверенности и сомнений, естественно, остается, но в политическом и военном планировании она не стала решающей.

Можно сказать, что бомбардировки Югославии и Ирака стали политической апробацией новой силовой политики, которая позже (и несколько неожиданно) встретили противодействие со стороны России. Её развитие в Афганистане, Ираке, Сирии и Ливии встречало всё чаще сопротивление уже не только со стороны России, но и других государств, поставив руководство США перед выбором: продолжать эскалацию силовой политики как средства против изменения в соотношении сил в мире, либо перейти к другой стратегии, попыткам переговоров. США со всей определённостью выбрали первое, но с той разницей, что при Д. Трампе движение в этом направлении стало быстрее[97].

В этих условиях на Западе сохранилась та часть стратегии «силового принуждения», которая относилась к стратегическому сдерживанию в условиях силового (но невоенного) противоборства**.** Вполне понятно почему **— военные риски и экономические затраты прямого военно-силового противоборства в отношении России качественно, на порядки, выше.**

Гораздо «естественнее», а, главное, практичнее стало стратегическое силовое принуждение невоенными силовыми средствами (но при обязательном присутствии военной угрозы в политическом плане), которое мы наблюдаем по отношению к России последнее десятилетие. Использование широкого набора невоенных средств — от экономических санкций до информационно-дезинформационных провокаций — стало современной практикой в отношениях Запада и России, которая предполагает развитие силовой эскалации до предела, когда правящая элита России должна будет сделать принципиальный выбор — капитуляция, либо продолжение борьбы.

Сказанное предполагает, что силовая эскалация должна неизбежно перерасти в военно-силовую, что, в свою очередь, предполагает и**зменение классического сценария подготовки и начала войн. Этим объясняется прежде всего то, что** к началу второго десятилетия нового века произошли коренные изменения в характере войн и военных конфликтов, которые в настоящее время радикально отличаются от привычных оценок и традиционных представлений. Что неизбежно уже нашло своё отражение в стратегическом видении российским руководством[98].

В то же самое время такие перемены в ВПО превратились в динамичный процесс, который требует постоянного внимания со стороны руководства. В частности, состояние «война» стало равнозначно состоянию «не войны», когда трудно отделить начавшееся вооруженное противоборство от не военного, но силового.

Эти и другие изменения неизбежно предполагают внесение существенных корректив в представления и практическую политику стратегического сдерживания России уже в среднесрочной перспективе ПСС и ПВК, требующие, прежде всего, долгосрочного стратегического прогноза и подготовки, как минимум, точного плана развития страны и обеспечения её безопасности.

8.5. Методика планирования стратегического сдерживания

Долгосрочный прогноз развития стратегического сдерживания является следствием и результатом долгосрочных прогнозов разного уровня иерархии и политического значения. В этом заключается его основная сложность: такой прогноз может быть только заключительным этапом в серии прогнозов более высокого уровня. Невозможно подготовить стратегический прогноз и ПСС и ПВК без подготовки таких прогнозов более высокого уровня, качество которых в настоящее время отстаёт от потребностей.

Это же относится и к прогнозам развития России. Причем практические потребности новой стратегии развития России, о которой В. Путин заявил 1 марта и 7 мая 2018 года в своем послании ФС РФ и Указе для нового правительства РФ[99], предполагают, что при разработке долгосрочного прогноза развития страны[100] и стратегического сдерживания исключительно важное значение приобретает методология, в частности, последовательность разработки такого прогноза, которая выглядит следующим образом[101].

Последовательность разработки плана СС и ПВК

1-й этап: долгосрочный прогноз развития человеческой цивилизации и её отдельных (локальных — ЛЧЦ) представителей, который лежит в основе прогноза развития будущей МО и ВПО. Этой теме я посвятил со своими коллегами целый ряд специальных исследований в 2014–2018 годах[102];

2-й этап: долгосрочный прогноз развития международной обстановки, который представляет собой «пакет» сценариев и их вариантов развития на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу как основы развития будущей ВПО в мире[103];

3-й этап: долгосрочный прогноз развития военно-политической обстановки (ВПО), который является следствием развития МО и обладает существенными военно-политическими особенностями[104];

4-й этап (где возможно): прогноз развития СО, войн и конфликтов. Этот прогноз, как наиболее субъективный и динамичный прогноз, наиболее тяжелая задача, но и — следует подчеркнуть — наиболее важная

задача, от которой в максимальной степени зависят практические решения по созданию ВВСТ и других средств и мер противодействия;

5-й этап: прогноз социально-экономического, научно-технического и военно-политического развития России, который является основой для планов национального и государственного развития, создавая материальную и интеллектуальную, а также социальную базу для стратегического сдерживания. Не случайно самый первый указ избранного президента В. Путина 7 мая 2018 года обязывал правительство до октября того же года разработать такой прогноз и план.

6-й этап: прогноз и план ПСС и ПВК, логически вытекающий как из прогноза внешних, так и внутренних условий развития МО-ВПО и страны. Таким образом, долгосрочный прогноз развития ПСС и ПВД предполагает, прежде всего, и в обязательном порядке разработку методики и теории в таких областях стратегического планирования, как:

— долгосрочный прогноз развития основных ЛЧЦ, МО и ВПО, включая прогноз развития отдельных глобальных и региональных тенденций, отдельных субъектов и акторов МО, а также многих сотен факторов и тенденций, формирующих МО и ВПО;
— долгосрочный прогноз развития экономики и общества России и её возможностей обеспечить силовое противодействие и ПСС и ПВК, включая военные и не военные ресурсы и возможности.

Повторю, что долгосрочный прогноз развития стратегической обстановки и стратегического сдерживания становится **следствием прогноза развития МО и ВПО, с одной стороны, и последствий социально-экономического развития России, с другой**[105]. Он ложится в основу прогноза и плана развития стратегического сдерживания.

Долгосрочный прогноз развития политики стратегического сдерживания становится жизненно важным потому, что от него будет, в конечном счете, зависеть существование стратегического сдерживания в будущем и возможность использования силовых и военно-силовых инструментов политики. С ним стыкуются, например, такие проблемы, как существование и развитие новых форм стратегического сдерживания, вытекающих из новых реалий стратегии «силового принуждения» Запада[106].

Отдельная область прогноза относится к области развития новых форм стратегического сдерживания[107]. Так, зародыши сомнений от-

Таблица 8.2. Основные типы ядерных боеприпасов[108]

Bomb Type (Deployed Warheads, Number)	Country	Yield, KT	Burn Radius, km	Burned Area, km²	Equivalent Number	Total Yield, KT
Air-dropped						
Hiroshima	United States	15	2.0	13	100	1,500
B61–12 (in production)	United States	50	3.2	32	40.3	2,016
DH-10 ALCM (150)	China	90	4.1	52	25.2	2,267
ALCM (78)	United States	150	5.0	78	16.7	2,511
B61–3/-4(184)	United States	170	5.2	86	15.1	2,575
AS-15A/B ALCM (72)	Russia	200	5.6	98	13.3	2,660
Rafale C/M F3 (50)	France	300	6.6	135	9.6	2,884
B61–7/11, B83–1 (11)	United States	1,200	11.4	410	3.2	3,806
SLBM						
Mk-4/4A. 4x (660)	United States	100	4.2	56	23.2	2,315
Trident II D5, 3x (48)	United Kingdom	100	4.2	56	23.2	2,315
M45/M51, 4x (48)	France	100	4.2	56	23.2	2,315
RSM-54/56, 4x(144)	Russia	100	4.2	56	23.2	2,315
JL-1/2 (48)	China	300	6.6	135	9.6	2,884
Mk-5, 4x (300)	United States	475	7.9	195	6.7	3,162
ICBM						
Mk-21 (250)	United States	300	6.6	135	9.6	2,884
Mk-12A, 3x (220)	United States	335	6.9	148	8.8	2,949
RS-12M2/12M (177)	Russia	800	9.7	296	4.4	3,510
Land-based missiles						
DF-21 (<100)	China	300	6.6	135	9.6	2,884
DF-3A/4 (10)	China	3,300	17.1	921	1.4	4,660
DF-5A (20)	China	5,000	20.2	1,284	1.0	5,063

Note. The approximate relationship of the radius of the area burned relative to blast yield, $R_{km} = 0.67\ (KT)^{0.4}$, was calibrated to the firestorm at Hiroshima. All bomb yields and numbers deployed, unless noted: B61–12; Russian and Chinese ALCM yields. Where bombs were noted to have variable yields, the highest yields are shown; multiple warheads on single delivery vehicles are designated with "x". Total yield is equivalent number multiplied by individual yields.

носительно универсальности стратегического сдерживания появились одновременно с многообразием ядерных средств доставки и мощности ядерных боеприпасов. Очевидно, например, что ограниченность по-

ражения территории неизбежно наводит на мысль о «неглобальности» ядерного оружия. Как видно из приведенных примеров (табл. 8.2), все годы шло соревнование за повышение точности и снижение мощности ядерных боеприпасов, которые изначально рассматривались (не зависимо от заказа) в качестве конкретных и ограниченных средств поражения.

Другая область стратегического прогноза и планирования — анализ нового соотношения военных и невоенных (баланса) сил. При этом, анализ соотношения сил предполагает не только анализ соотношения военных сил и соответствующих потенциалов (военно-технических, военно-экономических и пр.), но и соотношения невоенных и даже внешне не силовых потенциалов и факторов. Таких, например, как степень и качество развития институтов культуры, науки и образования, характеризующих современные возможности стратегического сдерживания[109].

Стратегический прогноз должен учитывать и возможное появление и развитие влиятельных негосударственных акторов, возможное отсутствие государств-противников в классическом понимании военного противоборства.

В настоящее время стратегическое сдерживание во всё большей степени относится не только к области отношений между субъектами МО и ВПО — государствами, — но и между акторами: общественными, политическими, религиозными и иными организациями и структурами, которые становятся как объектами, так и субъектами стратегических отношений.

Отдельная и очень важная тема в стратегическом прогнозе — оценка эффективности сил и средств невоенного стратегического сдерживания.

Оценка эффективности сил и средств невоенного стратегического сдерживания — область, которая пока что является абсолютно не изученной и не используемой в политике, хотя в оперативном планировании она неизбежно учитывается на «рабочем уровне». Например, когда речь заходит о гуманитарной помощи и средствах её обеспечения — продуктах, средствах доставки и т.д.

Представляется, что выделение в качестве наиболее приоритетного направления внешнего влияния направление, связанное с системой национальных ценностей и интересов, предопределяет важность невоенных средств, методов и мер воздействия, которые будут основными

в этой сфере[110].

В настоящее время система таких мер не определена, как, впрочем, и её роль в военной организации государства, где главным координатором и исполнителем выступает МО России. Это представляется не вполне верным, если говорить о разработке, выборе и использовании невоенных силовых инструментов политики.

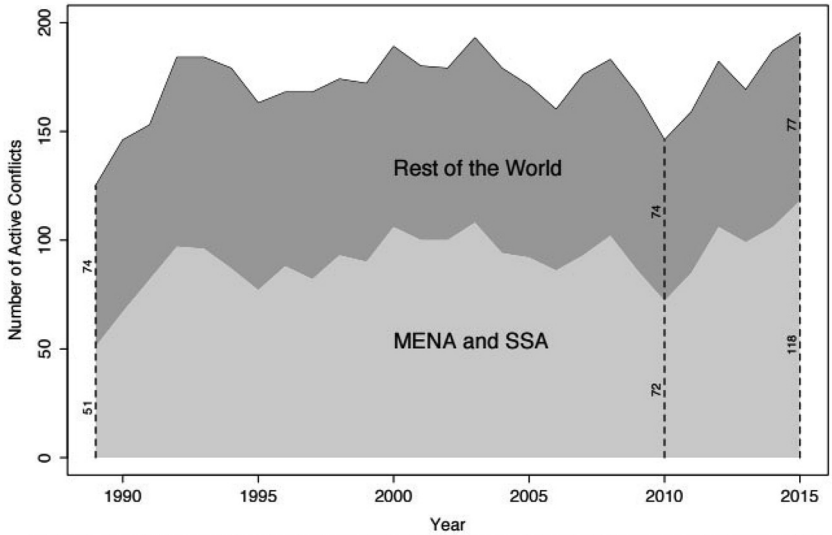
Особенно важное значение, в этой связи, приобретает своевременная оценка, раннее предупреждение, прогноз и мониторинг конфликтов и войн, которые не сразу могут приобрести стадию вооруженного конфликта.

Существует множество прикладных методов и методик анализа, прогноза и мониторинга конфликтов, включая военные. Раннее предупреждение и мониторинг конфликтов между оценкой риска и ранним предупреждением: Оценка риска основана на систематическом анализе косвенных и промежуточных условий. В качестве иллюстрации предлагается следующая матрица: табл. 8.3.

Таблица 8.3. Взаимозависимость вероятности и последствий рисков

Вероятность						
	5	5	10	15	20	25
	4	4	8	12	16	20
	3	3	6	9	12	15
	2	2	4	6	8	10
	1	1	2	3	4	5
		1	2	3	4	5
		Последствия				

Раннее предупреждение требует оценки **точно в реальном** времени тех событий, которые в ситуации высокой напряженности вероятнее всего ускорят или инициируют быструю эскалацию конфликта. Так, на графике, иллюстрирующем активность конфликтов с 1990 года по 2016 год, видно, например, что в общей численности резко выросло число конфликтов, происходящих в Азии и Африке. Это, соответственно, приводит к необходимости особого внимания за мониторингом, а также разработкой мер по предотвращению конфликтов на их ранней стадии.



Note: Data on active conflicts is extracted from the most recent UCDP-GED dataset and aggregated by year. The lower (upper) area shows the yearly total number of active conflicts in the Middle East and Africa (Rest of the World). The number of active conflicts in the MENA and SSA increased from 72 to 118 between 2010 and 2015.

Рис. 8.14[111]. Количество активных вооруженных конфликтов 1989–2015 гг.

В свою очередь подобные прогнозы имеют исключительное значение для прогнозов развития МО и ВПО, а также стратегической обстановки, войн и локальных конфликтов.

Отталкиваясь от этого определения, под «ранним реагированием» подразумеваются инициативы, осуществляемые на латентной стадии предполагаемого вооруженного конфликта с целью его ограничения, разрешения или трансформации. Такое «реагирование» может дать положительные результаты с точки зрения эволюции политического конфликта в военный и наоборот[112].

Термин «механизм» относится к таким компонентам системы раннего предупреждения (СРП), как сбор, обработка и анализ данных, причем СРП можно называть функциональной только тогда, когда эти компоненты взаимодействуют между собой. Это требование заимствовано из естественных наук и подразумевает всего лишь то, что систему образуют взаимодействующие единицы.

Выше уже говорилось и приводилась матрица зависимости увеличения вероятности конфликта и расширения его последствий. Но, как

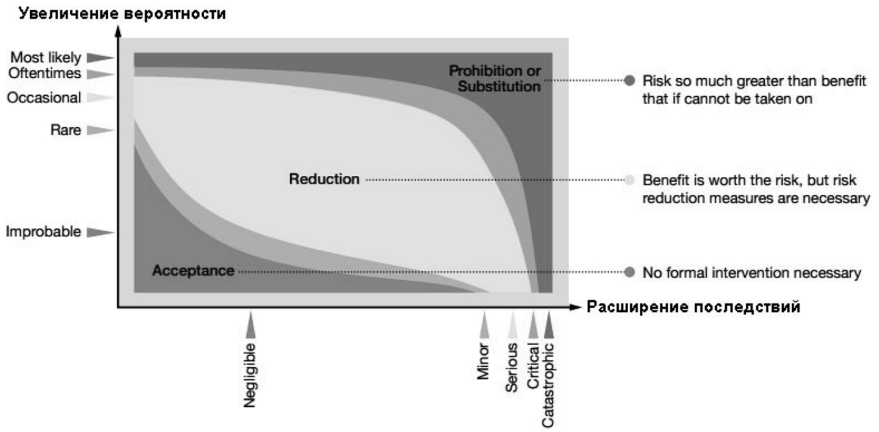
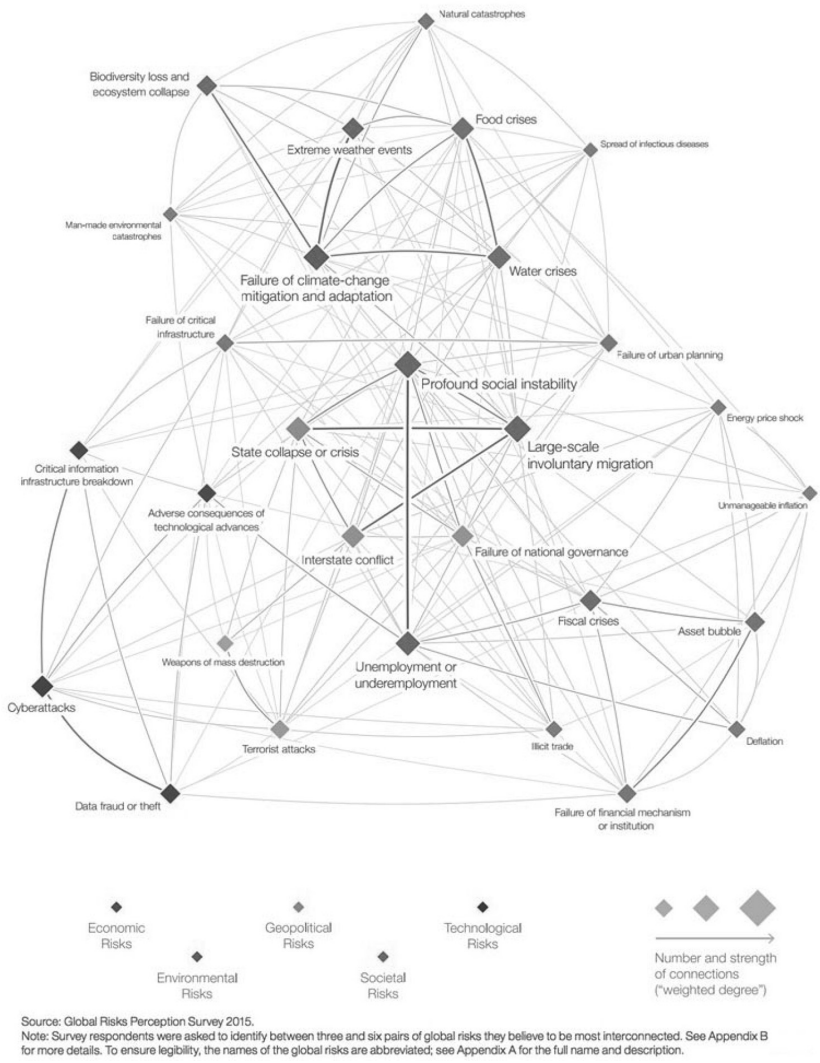


Рис. 8.15[113]. Зависимость усиления последствий от вероятности

оказывается, «в середине» этой матрицы существует зона, когда можно резко снизить риски и их последствия, охватывающее значительное пространство. Пространство, которое принадлежит области политико-дипломатических мер.

Системы раннего предупреждения конфликтов (СРП). Системы раннего предупреждения — не новые механизмы. Они существуют с 1950-х годов. За это время разработаны разные методологические подходы для работы по различным вопросам. Современные СРП уходят корнями в два направления деятельности:

— **во-первых,** военно-стратегическая разведка, позволяющая предсказать атаку; Эта деятельность имеет исключительно важное значение потому, что существует потенциальная возможность предотвращения перехода рисков из потенциальных угроз в реальные. Их изучение возможно и необходимо, хотя и требует широкого системного подхода, который оправдан при долгосрочном прогнозе развития МО и ВПО, в особенности в связи с непониманием многих представлений друг друга (случайным, либо осознанным) в отношении, например, таких понятий, как «стратегическое сдерживание»[114].
— **во-вторых**, огромное значение имеет долгосрочное прогнозирование таких экологических, медицинских (ЭБОЛА), гуманитарных и природных катастроф, как засуха или голод. Обладая способностью прогнозировать такие кризисы и конфликты, тот или иной



Source: Global Risks Perception Survey 2015.
Note: Survey respondents were asked to identify between three and six pairs of global risks they believe to be most interconnected. See Appendix B for more details. To ensure legibility, the names of the global risks are abbreviated; see Appendix A for the full name and description.

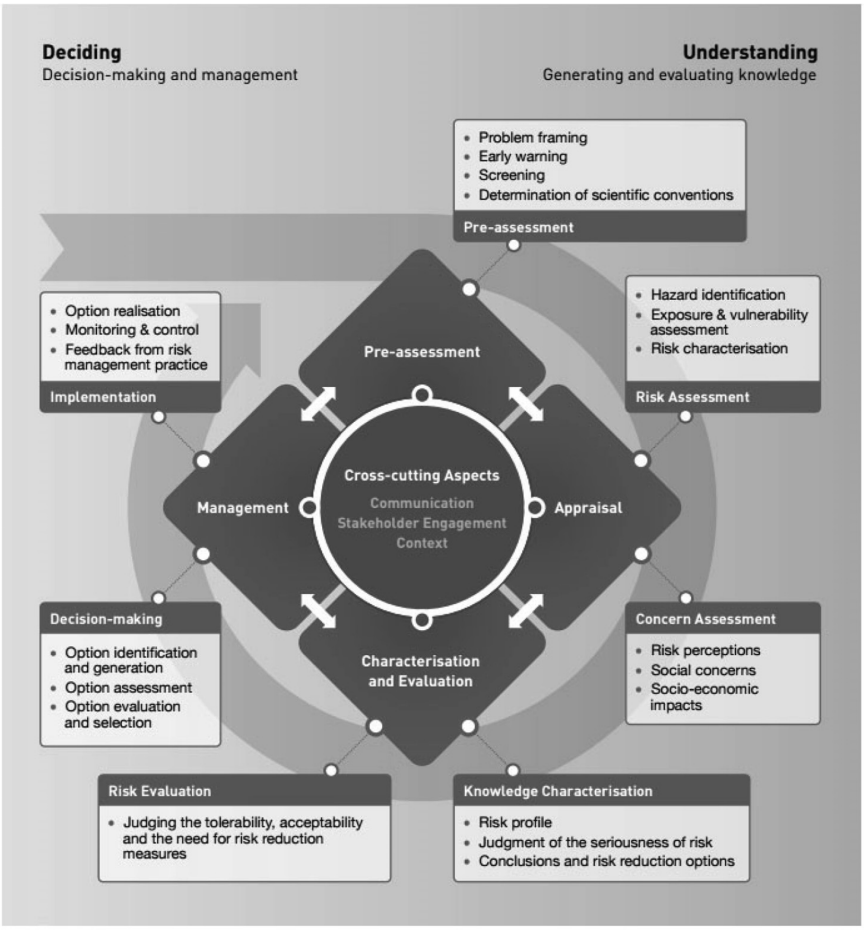
Рис. 8.16[115]. Взаимосвязь рисков

субъект МО и ВПО может подготовиться к негативным развитиям событий. Это крайне необходимо как с точки зрения работы государственных органов, так и обладания стратегическим резервом.

В истории человечества есть много примеров того как эпидемии уничтожали до половины населения стран, например, Европы, либо полностью вымирали целые нации. Примером этого может служить Система гуманитарного раннего предупреждения ООН.

Особенно важное значение, как уже говорилось, способность адекватно прогнозировать риски, угрозы и опасности приобретает в связи с тем, что внешние опасности и воздействия приобретают сознательно целенаправленный характер на правящие элиты. От этого непосредственно зависит выбор наиболее эффективных средств стратегического сдерживания — как военных, так и не военных.

Такие оценки и прогнозы со стороны правящей элиты имеют исключительно важное значение. Так, недооценка военно-политических рисков М. Горбачёвым и Б. Ельциным привела к провалам не только во внешней и военной политике, но и геополитике СССР и России.



Detailed visual representation of the IRGC Risk Governance Framework.

Рис. 8.17[116]. Понимание рисков и принятие решений

Но не менее опасна и переоценка рисков, связанных с внешней угрозой, которая имела место, например, в период правления Н. Хрущева и Л. Брежнева, потребовавшая перенапряжения национальных сил в интересах обороны.

С точки зрения укрепления стратегической стабильности необходима не только адекватная, но и очень объективно-точная система оценок и принятия решений, имеющая обоснованный научный характер. Модели такой системы существуют и их реализация в конечном счете не является сложной научно-технической задачей. Очень многое зависит от политической воли.

Теоретические и методологические основы таких систем разработаны в СССР и России достаточно давно и могут быть рекомендованы к практическому использованию[117]. Классические примеры приводятся в работах зарубежных и российских авторов. Так, например, А. Остин пишет:

«В этом разделе рассматриваются препятствия, стоящие перед третьей целью систем раннего предупреждения (СРП) — а именно снижением интенсивности конфликта. Одна из основных идей заключается в том, что для раннего реагирования недостаточно лишь обеспечить нужный отдел или человека нужной информацией в нужное время. Это демонстрировал конфликт в Заире: на ранней его стадии, несмотря на открытые предупреждения, не было предпринято практически никаких действий. Но проблема состоит не только в том, что предупреждения остаются без

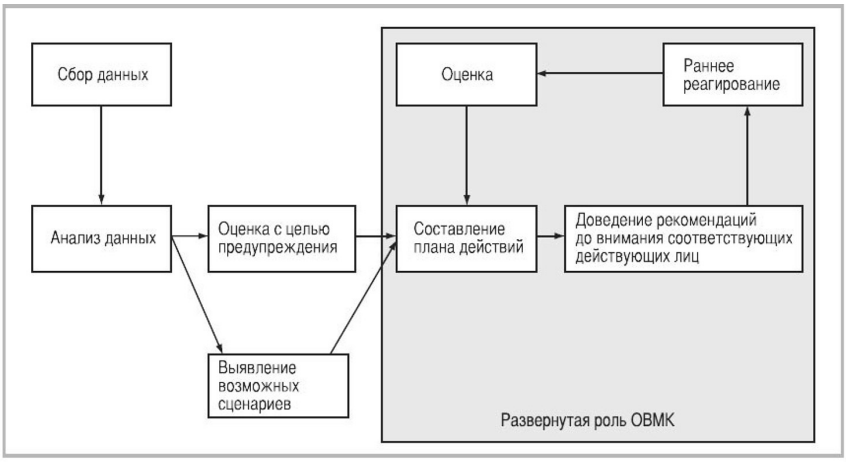


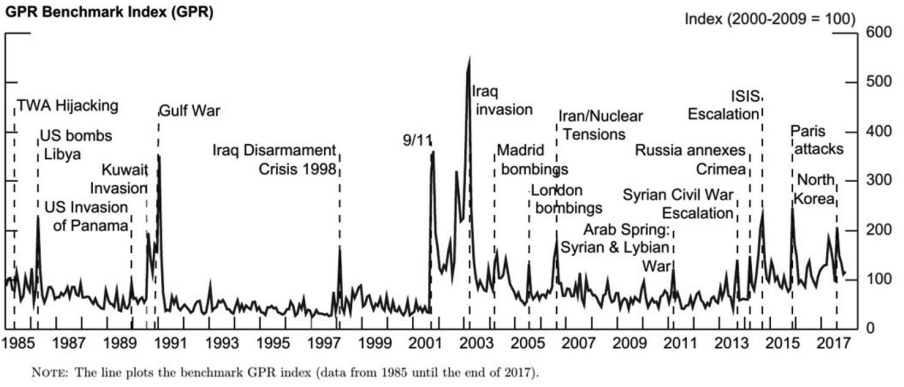
Рис. 8.18[118]. Основные системы раннего предупреждения

внимания: в Руанде, даже после того, как конфликт достиг насильственной стадии, реагирование либо запаздывало, либо вообще не происходило. Если нет никакой реакции даже при таких красноречивых сигналах, какие тогда шансы могут быть у раннего предупреждения? Однако есть и противоположные примеры, когда раннее реагирование происходило там, где не было явных предупреждающих сигналов, как в некоторых странах бывшего Советского Союза, в частности в Эстонии и Молдове.

Учитывая эти ограничения, можно все же поставить вопрос: способны ли КСРП предложить идеи для второй цели (прогнозирование конфликта)? Как человеческое поведение, так и развитие конфликта следуют неким закономерностям. Наблюдая эти закономерности, можно делать различные прогнозы. Эти предсказания конфликта, пожалуй, можно сравнить с попытками угадать смысл того или иного слова в иностранном языке. П. Уинч утверждает, что даже в том случае, если нам неизвестна ни тема разговора, ни правила грамматики, можно статистически прогнозировать появление того или иного слова.

Подводя итоги, следует отметить, что в развитии конфликта существуют закономерности, по которым можно составлять прогнозы о том, как события могут развиваться в будущем. Но поскольку эмпирические данные не могут исправить неверную гипотезу, количественные системы раннего предупреждения терпят вечные муки: они могут оказаться как правыми, так и неправыми, и ни то, ни другое невозможно доказать.

— Методика
— Предложения



Note: The line plots the benchmark GPR index (data from 1985 until the end of 2017).

Рис. 8.19[119]. Геополитические риски (Индекс)

Методология построена на алгоритме подсчёта частоты статей, относящихся к геополитическим рискам в ведущих международных изданиях (Этот индекс ежемесячно обновляется и доступен по адресу: https://www.bc.edu/matteo-iacovello/gpr.htm).

8.6. Уровень военной безопасности и её допустимого порога

Внешние факторы, тенденции и условия, влияющие на политику стратегического сдерживания России, формируются на уровне МО и ВПО[120]. Методологически важно разделить на **три принципиальных, стратегических, направления**, о которых коротко уже говорилось выше. В данном случае их анализ важен, прежде всего, с точки зрения определения уровня безопасности (и военной безопасности), а также допустимого порога угроз, оценка и прогноз которых имеет очень субъективное значение и зависит нередко от личности руководителя, обстоятельств и прочих преходящих условий. В самой первой Концепции национальной безопасности России, например, военная угроза вообще отрицалась. Позже, вплоть до второго десятилетия нового века считалось (не только в научных кругах, но и среди части политиков), что внешние условия развития России исключительно благоприятны. Более того, будут такими в будущем. Совсем по другому эта проблема видится, например, в послании В. Путина ФС РФ в 2018 году[121].

Для каждого направления этот уровень будет разный потому, что характер угроз определяется не только их масштабом, но и временем, скоростью возможной реализации. Так, если временной фактор для цивилизационных угроз и угроз национальной безопасности (вектор «Б»–«А») может занимать годы и даже десятилетия (если говорить, например, о национальной идентичности), то угрозы национальной элите могут ограничиваться месяцами (вектор «Б»–«Д»), может быть, несколькими годами — этот «путь» проходят быстро, как показывает печальный опыт Милошевича, Хусейна, Кадафи и Асада.

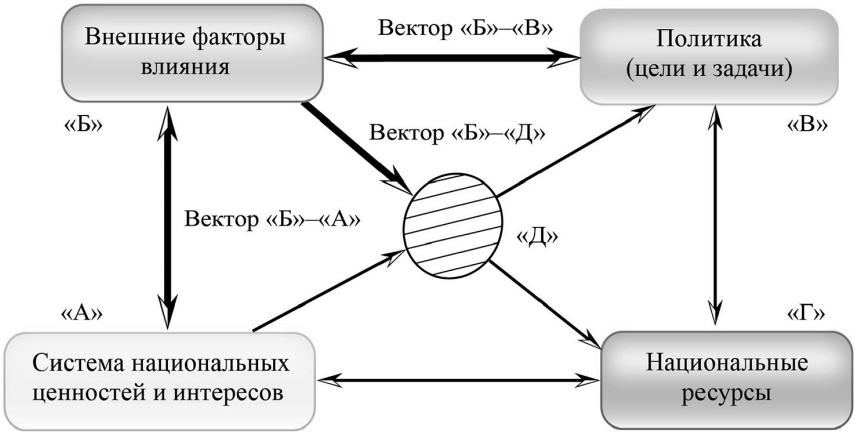


Рис. 8.20. Основные направления внешнего влияния на политику стратегического сдерживания и ПВК России

Эти три стратегических направления влияния внешних условий и факторов на политику вообще и стратегического сдерживания, в частности, графически можно проиллюстрировать следующим образом: рис. 8.20.

Как видно из уже рассмотренной коротко Стратегии национальной безопасности США, важнейший приоритет этой страны (приоритет №1», — продвижение американской системы ценностей, который на нашем рисунке обозначен **«вектором «Б»–«А»**)[122].

К сожалению, это обстоятельство нередко выпадает из виду, например, при анализе силовых средств принуждения, которые для реализации этого приоритета носят вполне специфический, как правило, не военный, характер. Действительно, менять систему ценностей, как это делалось на Украине, в Армении или других странах СНГ, лучше всего (менее рискованно и дешевле) при помощи ресурсов дипломатии и денег. Именно поэтому численность сотрудников посольства США в Киеве была больше, чем в Москве, а в Армении ещё до мая 2018 года — более 2,5 тысяч человек.

Другой **внешний приоритет** Запада — влияние на правящую элиту России **(вектор «Б»–«Д»)** — был в августе 2017 года закреплен в США законодательно. Это позволяет формировать такое влияние на долговременной и системной основе. И до закона, принятого в США,

а тем более после, очевидно что давление на российскую правящую элиту нарастает, а конечной целью такой политики «силового принуждения» является ликвидация власти «режима Путина».

Наконец, **третий приоритет (вектор «Б»–«В»)** — традиционное внешнеполитическое влияние на политику России, которое в новом веке превратилось в комплекс мер силового принуждения — политических, информационных, дипломатических и военных. Следует подчеркнуть, что в 2018 году сложилась крайне опасная для России международная и военно-политическая обстановки в мире, которые характеризуются следующими основными чертами и особенностями, качественно отличающимися от прежних МО и ВПО.

Соответственно **уровни военной безопасности и допустимых порогов угроз для всех трёх направлений будут разные. Рассмотрим основные примеры.** Условно эти уровни можно определить по шкале от 0 до 100.

Для системы национальных ценностей и интересов (**группа факторов «А»)** России такой уровень военных угроз, например, будет **очень высоким** потому, что с помощью военной силы быстро нанести катастрофический ущерб национальной идентичности трудно. Даже военное поражение не всегда вело к исчезновению государства, а тем более — нации. С военной точки зрения угрозы безопасности России со стороны западной военно-политической коалиции можно оценить на уровне 10–20 баллов.

Однако для этой группы факторов очень важными становятся последствия не военных действий, а силовых экономических и информационных операций, разрушающих систему национальных ценностей и самоидентификации, например, в области СМИ, где уровень угроз неожиданно становится крайне высоким. Достаточно привести пример таких действий под руководством А. Н. Яковлева, который за 1986–1990 годы фактически разрушил советскую идентичность в СССР. Поэтому уровень таких не военных угроз безопасности России в области её национальных интересов и системы ценности, фактически разрушенных А. Н. Яковлевым за какие-то 3–4 года, можно оценить до 70–80 баллов.

Для национальной элиты **(группа факторов «Д»),** наоборот, уровень военной опасности будет достаточно высок потому, что не только

поражения, но и временные неудачи, даже временные трудности, как показывает история, могут привести к смене или «переформатированию» правящей элиты. Так, принятие на Западе антиэлитных мер против России создало определенный дискомфорт не только в рядах правящей элиты, но и российском обществе, прежде всего, той его западнически ориентированной части, которая давно уже настроена антироссийски. Этот уровень опасности можно оценить как «высокий» — более 50–60 баллов.

Для традиционной политики конкретного субъекта МО, в данном случае России **(группа факторов «В»),** влияние допустимого порога и уровня угроз будет динамично меняться в зависимости от:

— состояния МО и ВПО;
— состояния внутренней стабильности в России;
— от того или иного направления внешней политики[123]. Так, в частности, в Концепции внешней политики России выделено почти 100 направлений, по каждому из которых можно оценить наличие угроз по очень широкой шкале — от 1 до 100 баллов[124].

Таким образом, суммируя вышесказанное, мы можем предложить следующую матрицу, характеризующую уровни военной опасности и допустимые пороги угроз:

Таблица 8.4. Уровни опасностей и допустимые пороговые значения угроз России до 2025 года

Направления	Уровень опасности		Допустимые значения (от 1 до 10)		
	военный	не военный	комфортные	терпимые	нетерпимые
«Б–А»	длительные, масштабные («стратегические»)	— « —	1–2	3–4	5–10
«Б–В»	среднесрочные, ограниченные («оперативные»)	в комплексе с военными	1–3	3–5	6–10
«Б–Д»	краткосрочные, ограниченные («тактические»)	ограниченные	1<	1–2	3–10

В целом внешнее влияние на политику России в новом столетии можно охарактеризовать следующим образом: по всем трем стратегическим направлением происходит эскалация силового и военного давления, целью которого является принуждение правящей элиты страны к капитуляции[125]. Оно выражается в конкретных мероприятиях и видах деятельности, а именно:

— характеризуются усилением военно-политического и экономического противоборства между западной локальной человеческой цивилизацией (ЛЧЦ) и новыми центрами силы, среди которых российский рассматривается в качестве основного претендента («ревизиониста»), претендующего на переоценку правил поведения однополярного мира, т.е. характер угроз имеет цивилизационную, а, значит, **бескомпромиссную основу;**
— созданием фактически антироссийской военно-политической коалиции из более, чем 60 государств под руководством США, кото**рая активно и системно** участвовала во всех активных силовых мероприятиях США — от политико-дипломатических до использования сил специальных операций и прямого применения военной силы;
— формированием системной, достаточно консолидированной и долгосрочной стратегии «силового принуждения» в отношении России, в которой используются все области жизнедеятельности и средства противоборства — от политико-дипломатической до торгово-экономической, культурной, спортивной и пр. При этом выделение отдельной, военно-силовой, составляющей **не всегда возможно и целесообразно**;
— формированием сетецентричной политики «силового принуждения» в отношении **отдельных социальных групп** и даже конкретных представителей правящей элиты России, целью которой является фактическое принуждение правящей российской элиты к капитуляции и принятию ею системы, норм и ценностей западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ). Этот факт переносит противоборство не только в силовую и цивилизационную плоскость, где достижение компромиссов труднодостижимо, но и область межличностных отношений, где силовое воздействие **может быть эффективно**;

— завершением создания до 2025 года Западом **военно-технического коалиционного потенциала,** способного на всех ступенях военной эскалации обеспечить западной коалиции военные и иные преимущества и даже превосходство[126].

В частности, речь может идти о такой консолидации военных финансов западной коалиции, которая может достигнуть к 2030 году объемов в 2 трлн долл., или создание мощного потенциала средств в области информатики и социальных сетей, которые могут быть объединены военно-политической коалицией Запада. Директор Национальной разведки США в феврале 2018 года следующим образом оценивал потенциальные киберугрозы, исходящие из наиболее развитых стран.

— разработкой стратегий и концепций **использования военной силы** в качестве реального инструмента внешней политики в условиях доминирования в развитии силовой эскалации и её военной фазы;
— наконец, формированием **военно-политической инфраструктуры** для трех потенциальных ТВД против России: на Западе, Юге и Кавказе, Востоке России. В этих условиях возрастает неотложность и необходимость повышения координации между внешнеполитическими мероприятиями России, а также в анализе и прогнозе действий потенциальных противников.

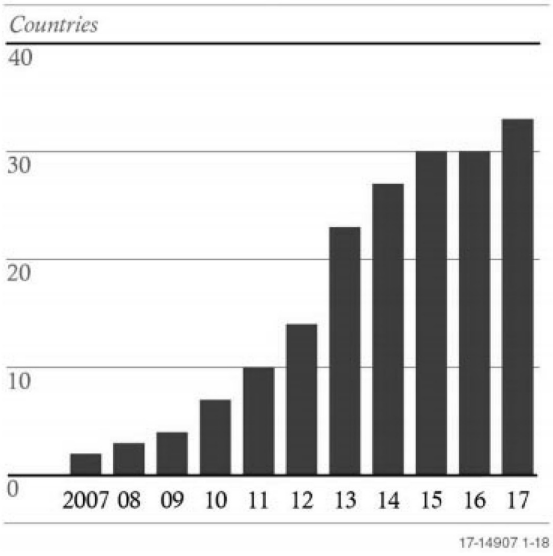


Рис. 8.21[127]. Страны с возможностями кибератак

Таким образом, можно сделать следующие основные выводы относительно определения уровня внешней опасности и характера угроз:

— Их оценка и прогноз предопределены развитием МО и ВПО в мире в конкретные периоды времени и формируемой ими СО в том или ином регионе;
— Их значение зависит от степени враждебности и наличия ресурсов у основных противостоящих субъектов МО–ВПО;
— Их прогноз зависит от реального состояния экономики, внутриполитической обстановки и общества в конкретном субъекте МО;
— Их оценка и прогноз во многом предопределены субъективным восприятием правящей элитой тех реалий МО и ВПО, которые сложились и развиваются в неких конкретных обстоятельствах, её способностью адекватно оценивать угрозы и вызовы;
— Все эти основные оценки и прогнозы даются так или иначе в основных нормативных документах и выступлениях руководителей страны[128], которые можно анализировать и препарировать, в том числе и с точки зрения количественного анализа, естественно, с поправкой на конкретные условия и время их изложения.

8.7. Координация мероприятий в России

С 1883 по 1885 годы в Лондоне произошло 13 террористических взрывов. Взрывы в редакции газеты «Таймс», два взрыва в метро, взрыв на вокзале «Виктория». 30 мая 1884 года взрыв в Скотланд-Ярде. Взорвали бомбу в парламенте. 29 января 1885 года Фридрих Энгельс разразился статьей «Императорские русские действительные тайные динамитные советники» в журнале Der Sozialdemokrat: «У меня нет оснований сомневаться в том, что лондонские взрывы 24 января 1885 г. дело рук России… Всем известно, что официальная Россия не отступает ни перед какими средствами, если только они ведут к цели… О том, что может сделать официальная Россия для устранения мешающих ей лиц при помощи яда, кинжала и т. п., достаточно примеров дает история Балканского полуострова за последние сто лет…»[129]

Эффективность мероприятий в области стратегического сдерживания в настоящее время во многом зависит от **степени координации органов, формирующих** внешнюю политику внутри страны, и субъ-

ектов внешней политики — участников коалиции. Так, часто «монолитная» позиция Запада в ООН, СМИ и по отдельным вопросам, отнюдь не гарантирует на будущее сохранение такой монолитности, например, в вопросе о сохранении договоренностей с Ираном.

Степень координации внешнеполитических усилий в России и в рамках формирующихся коалиций в силу разной природы субъектов внешнеполитической деятельности очень разная: если степень координации в России прописана достаточно подробно и точно, например, в Концепции внешней политики России[130], то степень координации с её союзниками по ОДКБ и ШОС — носит весьма условный характер.

Формирование широкой военно-политической коалиции во главе с США было высшим приоритетом американского руководства последние десятилетия, одним из двух важнейших внешнеполитических принципов (наравне с сохранением военно-технического превосходства). Надо признать, что США во многом преуспели в такой политике — вокруг них сформировалась широкая военно-политическая коалиция, состоящая из порядка 60 государств, которые в разной степени, но связаны с внешней политикой США[131].

Однако для стратегического прогноза развития МО и ВПО, а также политики России в области стратегического сдерживания принципиально важно максимально подробно знать будущий возможный состав и характер военно-политической коалиции условного Запада, степень координации которой и зависимости политики одних государств от стран-лидеров коалиции будет предопределяться их будущим ожидаемым соотношением экономических сил и ростом экономической зависимости. Иными словами, будущая политика ведущих государств будет во многом предопределяться их возрастающей экономической зависимостью от стран-лидеров[132].

Вот почему **а**нализ и прогноз развития потенциальных противников и их коалиций в интересах политики стратегического сдерживания России представляется не только возможной для решения, но и абсолютно необходимой задачей. Сложнее прогнозировать уровень и темпы развития науки и технологий, но, на мой взгляд, предыдущее десятилетие позволяет сделать вывод о том, что:

— по качеству ВВСТ и ВС, как и по количеству и подготовке личного состава ВС, Китай и Индия к 2025 году не будут существенно уступать США;

— в области стратегических вооружений Китай и Индия смогут подойти вплотную к показателям США, учитывая возможности развертывания ВТО и новейших систем ВВСТ;
— в области ВМС сохранится определенное отставание только по авианесущим кораблям у Индии и Китая, которое, однако, будет сокращаться, прежде всего, за счет китайских программ, которые по темпам развития уже в 2017 году опережали американские;
— на качественно новый уровень выйдут ВМС Японии, которые станут вполне сопоставимыми с ВМС других государств в АТР.

Сказанное означает, что в настоящее время в известных оценках и прогнозах существенно недооценивается конфликтный потенциал, который накапливается между этими государствами и их коалициями. Прежде всего из-за сознательного снижения уровня политических и военных амбиций. Причем не только Индии и Китая, но и Японии. Пока что только США открыто заявляют о своем стремлении к доминированию в АТР и Евразии, но неизбежно со временем, а именно к 2025 году, политические амбиции и военные планы станут известны и у КНР, Индии и Японии, между которыми накапливаются противоречия[133].

Пока что очевидно появление таких «полей противоречий» в области контроля над морскими транспортными коридорами и сухопутными путями, вокруг которых возникают не только экономические «хабы», но и политические точки напряжения, способные поставить тематику геополитического контроля в Евразии на первое место в отношениях между этими странами.

Особенно важное значение в этой связи приобретает анализ и прогноз развития экономик основных центров силы и стран, формирующих коалиции. Общее соотношение экономических сил в мире иллюстрирует неизбежный переход к многополярному миру в любом случае и при любом сценарии, что хорошо понимают в основных странах-лидерах, включая США[134].

Но особенно важное значение приобретает в этой связи прогноз будущего соотношения сил наиболее вероятных и сильных противников-лидеров ЛЧЦ.

В целом общее соотношение сил в 2025 году может иллюстрировать график, отражающий уровень развития экономик этих стран, если

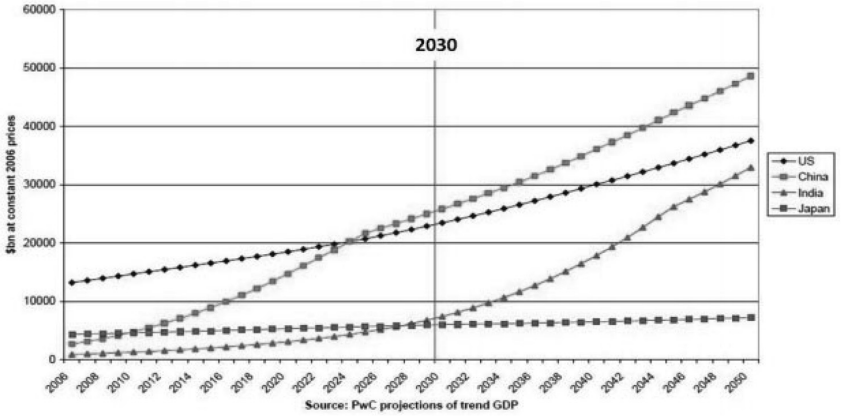


Рис. 8.22[135]. Перспектива развития экономик КНР, США, Японии и Индии до 2050 года

показатели 2050 года в области экономики трансформировать в показатели военной мощи и демографических потенциалов на 2025 год, т.е. «сдвинуть» их на 25 лет. Это означает, что темпы экономического развития и уровень ВВП указанных государств являются «нижними» показателями в других областях, т.е. ожидаемые их темпы роста будут заведомо выше[136].

Следует подчеркнуть, что эти закономерности можно отнести ко всем странам, представляющим центры силы и ЛЧЦ, включая Россию. Они известны и учитываются, в том числе в нормативных документах в России[137].

Как видно на примере развития экономики КНР, наихудший сценарий развития предусматривает среднемировые темпы роста, то есть сохранение позиций КНР в мире при любых обстоятельствах. Вероятно США исходят именно из этого сценария, прогнозируя нарастание военно-политических противоречий, которые во многом будут предопределяться именно страхами быстрого экономического развития Китая. Есть все основания полагать, что военно-политические противоречия США–КНР будут нарастать прямо пропорционально усилению мощи Китая, которая при любых обстоятельствах будет увеличиваться. Даже самые пессимистические оценки развития экономики КНР говорят в пользу того, что до 2025 года Китай станет доминировать в мировой экономике и торговле.

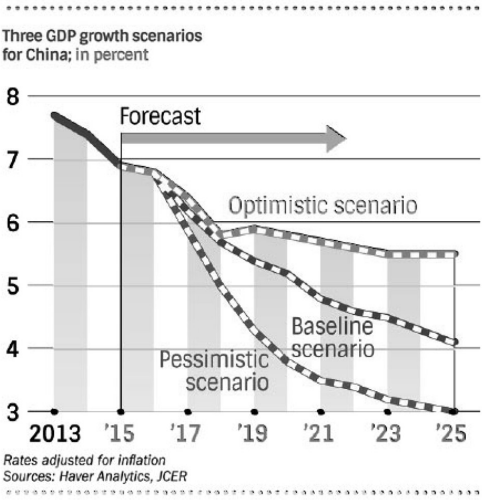


Рис. 8.23[138]. Сценарии эволюции роста ВВП Китая

Естественно, что США (они и не скрывают этого) будут противодействовать усилению Китая. Но, несмотря на это, Китай по-прежнему планирует стать крупнейшей экономикой мира к 2022 году. Разрыв с Японией, по-видимому, увеличивается ещё больше потому, что рост японского потенциала кажется обреченным на низкую скорость. Это хорошо видно из прогноза, предлагаемого ниже.

Сопоставляя темпы роста экономик ведущих стран мира, можно сделать достаточно категорический вывод о том, что если к 2030 году основные военно-политические коалиции будут формироваться вокруг США и Китая (причем вокруг КНР процесс будет идти быстрее), то после 2035 года на арену выйдет Индия как страна-лидер ЛЧЦ и коалиции.

Что касается России и Западной Европы, то они будут оставаться важными военно-политическими центрами силы, но перестанут играть решающую роль окончательно к 2035 году, а позже станут — наравне с исламской ЛЧЦ — одними из «регулярных» военно-политических центров силы, которые уже не будут играть решающей роли.

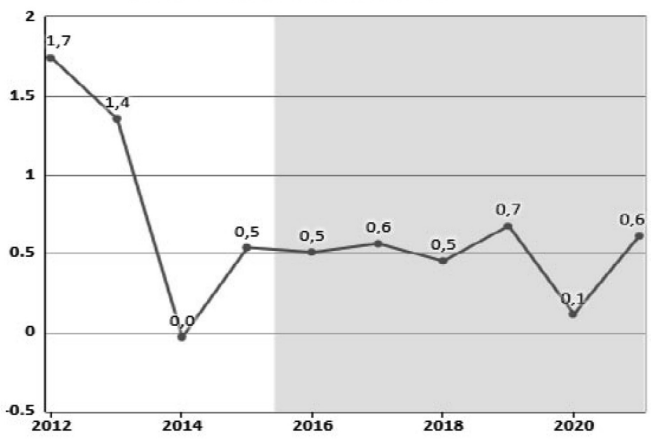
Сказанное означает, что до наступления нового периода в соотношении военно-политических сил, т.е. до 2035 года, роль России может быть решающей в мире. Силы противостоящих основных коалиций — Запада, Китая, Исламского мира — будут приблизительно равны, а поэтому роль России как балансира, будет заметной[139]. От

неё, в конечном счёте, может зависеть, будет ли развитие МО и ВПО идти естественным путем, либо США и их союзникам удастся вновь нарушить этот процесс с помощью военного вмешательства. Из этого, собственно говоря, и исходят современные оценки внешней политики России[140].

Таким образом, очень многое в период до 2030–2035 годов будет зависеть именно от России. В том числе и будущее КНР и, отчасти, Индии, которой либо удастся перейти в новое качество сверхдержавы и центра силы, либо она останется в одном ряду с демографическими гигантами — Пакистаном, Бразилией, Индонезией, — но во втором ряду крупных держав.

У России есть много резервов, которые она так и не научилась использовать в последние десятилетия. И если В. В. Путину удастся этого добиться в период 2018–2025 годов, то у России может появиться уникальный шанс вернуться в число стран мировых лидеров, определяющих характер МО и ВПО. Так, обращает на себя внимание при сопоставлении данных ВВП ведущих стран тот факт, что:

1. Самая низкая доля государственного бюджета в ВВП России в 2015 (осталась в 2018 г. на том же уровне). Она значительно ниже, чем, например, во Франции или даже Германии. Это означает потенциальную возможность использования государственных моби-



Source: IMF

Рис. 8.24[141]. Прогноз роста ВВП Японии

лизационных ресурсов для очень быстрого рывка в развитии. Прежде всего, НЧК и его институтов.

2. В России сохраняется самый низкий душевой доход, который можно резко увеличить, увеличив тем самым и темпы развития внутреннего рынка и обрабатывающей промышленности, и НЧК[142].

И первое, и второе в случае не использования этих резервов (как и прежде) создаёт уже явные угрозы развитию России, которые, на мой взгляд, игнорируются. Ответная реакция России на эти угрозы до настоящего времени была, на мой взгляд, половинчатая, не вполне адекватная и запоздалая, не отвечающая масштабу и остроте угроз. В условиях фактически начатой «войны пятого поколения» (о которой начальник РУМО США Стюард заявил открыто в августе 2017 года)[143], российской правящей элитой к 2018 году так и не были решены главные задачи:

— выход на опережающие темпы развития: в лучшем случае прогнозируется прирост ВВП страны до 2020 года на среднемировом уровне;
— восстановление промышленного производства, которое в целом ряде областей не достигло даже уровня 1990 года;
— обеспечение высокого уровня НЧК, который в России сохраняется на уровне государств из 6-го или 7-го десятка;
— повышения эффективности государственного и общественного управления, отличающегося крайней коррупционностью и неэффективностью;
— отсутствием полного использования и мобилизации необходимых национальных ресурсов;
— подчинения власти части либеральной правящей элиты, готовой принять неприемлемые требования Запада и даже капитулировать др.

Весь этот «набор» недостатков государственного управления привёл к провалу социально-экономической политики последних лет, который в России назвали «стабилизацией» и «выходом из кризиса», но результаты которого в сравнении даже со среднемировыми темпами развития хорошо видны на графике ниже (рис. 8.25).

Часто можно услышать ссылки на последний кризис нефтяных цен, который начался с лета 2014 г., которые не являются оправданием.

В связи с этим предлагаем сравнить реакцию темпов роста ВВП на резкое падение цен на сырье в 2008–2009 гг. и во второй половине

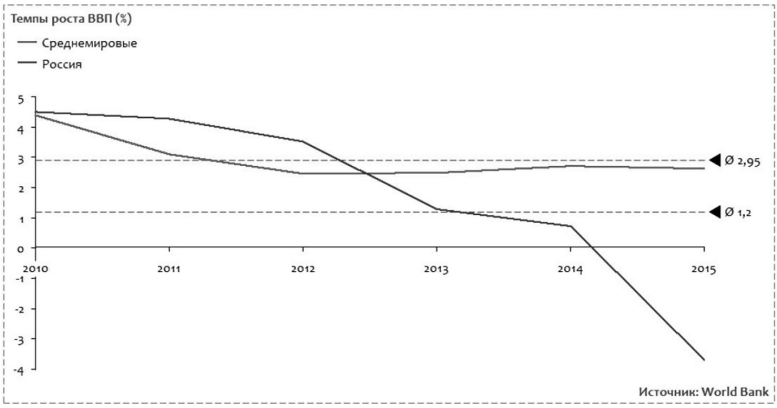


Рис. 8.25[144].

2014 — начале 2015 г. среди различных страновых групп, в том числе и других экспортеров нефти — членов ОЭСР. Мы видим, что в 2008–2009 гг. случился, как это модно называть, «черный лебедь», то есть ситуационный кризис, затронувший всех без исключения. Российская экономика тогда провалилась сильнее остальных, однако, стоит отметить, что до этого она росла лучше прочих.

Если рассматривать период 2014–2015 гг., то здесь ситуация совсем другая.

Наглядно видно, что отечественная экономика «сжимается», тогда как остальные, даже страны-экспортеры нефти, остаются в положительной зоне (табл. 8.5).

Динамика мирового развития такова, что к 2030 году Россия останется позади не только Японии, но и Индонезии, Бразилии и, возможно, Мексики. По качеству своей экономики она будет по-прежнему уступать Германии, Великобритании и Франции, а также возможно Италии и Испании. Собственно именно это и имел в виду В. В. Путин, говоря о том, что будущее даёт нам последний шанс войти в число мировых экономических лидеров.

К сожалению, темпы развития новых государств, как и среднемировые темпы роста ВВП, при сохранении прежней ситуации в нашей стране неизбежно приведут к тому, что она передвинется в разряд второстепенных держав и не сможет быть ни центром силы, ни центром формирования военно-политической коалиции. Это неизбежно отраз-

Таблица 8.5. Прогнозный рейтинг стран по размеру ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности (ППС)
(в постоянных ценах 2014 года, выраженных в долларах США)

№ п/п	2014 г.		2030 г.	
	Страна	ВВП по ППС (долл. США за 2014 г.)	Страна	Прогнозируемый размер ВВП по ППС (долл. США за 2014 г.)
1.	Китай	17 632	Китай	36 112
2.	США	17 416	США	25 451
3.	Индия	7277	Индия	17 138
4.	Япония	4788	Япония	6006
5.	Германия	3621	Индонезия	5486
6.	Россия	3559	Бразилия	4996
7.	Бразилия	3073	Россия	4854
8.	Франция	2587	Германия	4590
9.	Индонезия	2554	Мексика	3985
10.	Великобритания	2435	Великобритания	3586
11.	Мексика	2143	Франция	3418
12.	Италия	2066	Саудовская Аравия	3212
13.	Южная Корея	1790	Южная Корея	2818
14.	Саудовская Аравия	1652	Турция	2714
15.	Канада	1579	Италия	2591
16.	Испания	1534	Нигерия	2566
17.	Турция	1512	Канада	2219
18.	Иран	1284	Испания	2175
19.	Австралия	1100	Иран	1914
20.	Нигерия	1058	Египет	1854
21.	Таиланд	990	Таиланд	1847
22.	Египет	945	Пакистан	1832

ится не только на геополитической ситуации в мире, но и на цивилизационных перспективах развития России.

Подытоживая, необходимо сделать вывод, что перед Россией стоит трудный выбор[146]: либо она в период 2018–2025 годов резко увеличит темпы и качество своего развития, соответственно модернизировав свои

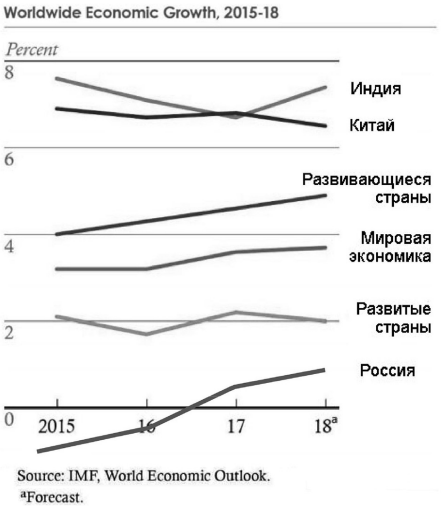


Рис. 8.26[145]. Динамика развития России на фоне других стран (2015–2018 гг.)

возможности стратегического сдерживания, либо превратится в объект внешнего влияния со стороны влиятельных центров силы и военно-политических коалиций.

В первом случае у России будут все основания не только сохранить свой суверенитет и идентичность, но и укрепить их, став лидером ЛЧЦ и широкой пророссийской коалиции, созданной на базе ОДКБ, ШОС и БРИКС.

8.8. Демографический показатель военно-политических центров силы

То время, в которое мы живём, значимость нашего выбора…, поступка, исключительно высоки, потому что определяют судьбу нашей страны на десятилетия вперёд[147]

В. Путин

Демографический показатель — самый главный, в конечном счёте, критерий для оценки роли государства в мире, который так или иначе трансформируется в государственную мощь и влияние в мире[148]. Соответственно из этого тезиса вытекает и то, что политика эффективного

стратегического сдерживания прямо и непосредственно зависит от темпов и качества демографического развития той или иной нации и государства: сильная нация, как правило, создаёт сильное государство и эффективную внешнюю политику[149]. Демографический потенциал лежит в основе потенциала национального человеческого капитала, который вместе с качеством этого капитала определяет научно-техническую, экономическую и социальную мощь нации и темпы её развития.

Количество НЧК не может быть компенсировано ничем иным, кроме качества человеческого капитала, которое даже и в этом случае не может существовать отдельно от количественного критерия. В истории человечества демографическая мощь всегда играла важное значение, но далеко не всегда — решающее. Бывали примеры того как небольшое государство оказывалось намного сильнее своих соседей. Так было в IV веке до нашей эры с Македонией, в VIII–IX веках — с викингами, в XVII веке со Швецией. В настоящее время демографический критерий позволяет достаточно определенно говорить о влиянии тех или иных государств в мире, в особенности потому, что происходит определенное выравнивание темпов развития стран и рост их ВВП с количеством и качеством НЧК. Естественно, что демографический потенциал нации и коалиции прямо отражается на возможностях политики, в т.ч. стратегического сдерживания. Так, демографические потенциалы локальных человеческих цивилизаций, определяющие во многом, как уже говорилось, политические возможности субъектов МО и ВПО, распределяются приблизительно следующим образом:

— китайская ЛЧЦ — 1350 млн человек;
— индийская ЛЧЦ — 1350 млн человек;
— исламская ЛЧЦ — 1450 млн человек;
— западная ЛЧЦ (включая Японию, Австралию и ряд других союзников США и близких политических партнёров) — 900 млн человек;
— наверное, можно выделить еще некоторые ЛЧЦ, которые (прежде всего в демографическом отношении) могут представлять собой новые центры силы и влияния, — латиноамериканскую, африканскую и т.д.[150]

Для оценки настоящего положения и будущего прогноза состояния МО и ВПО демографические показатели будут играть всё возрас-

тающую роль по мере выравнивания качественных показателей НЧК и его институтов, включая душевой доход и уровень образования[151]. Эта тенденция, например, привела к тому, что более 300 миллионов граждан КНР, десятки миллионов граждан Индии всего лишь за 20–25 лет получили высшее образование и стали значительной частью нового среднего класса[152]. Можно сказать поэтому, что будущая структура и характерные особенности МО и ВПО будут предопределяться, прежде всего, теми государствами, вокруг которых формируются локальные человеческие цивилизации и создаются военно-политические коалиции, а именно:

— китайской ЛЧЦ и КНР;
— западной ЛЧЦ во главе с США;
— исламской ЛЧЦ во главе с несколькими борющимися за лидерство странами;
— индийской ЛЧЦ во главе с Индией её диаспорой, которая массово расселяется вдоль побережья Индийского океана.

Кроме этих безусловных лидеров могут претендовать на самостоятельную роль в мире и даже лидерство еще несколько ЛЧЦ — российская (во главе с Россией), латиноамериканская (Мексика, Бразилия), индонезийская (Индонезия), ряд других, менее значимых[153]. Именно вокруг этих ЛЧЦ и государств будут формироваться будущие военно-политические центры силы и коалиции уже в среднесрочной перспективе. Западная военно-политическая коалиция, контролирующая ВПО в мире в настоящее время, будет вынуждена «потесниться» — сначала для китайского центра силы, затем для исламского (может быть, даже двух), вполне вероятно, что Европа захочет также стать независимым от США самостоятельным центром силы.

Для того, чтобы полнее представить себе общую картину, ниже приведён список стран мира с прогнозируемой численностью их населения по оценке Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (табл. 8.6). Приведён средний вариант прогноза (по состоянию на 1 июля 2015, 2020, 2030, 2050 и 2100 годов).

Легко заметить, что к 2030 году мир разделится в зависимости от численности населения отдельных стран на некие центры силы и коалиции вокруг стран-лидеров — Китая, Индии, США, Бразилии, Ин-

Таблица 8.6.

№	Страна	2015	2020	2030	2050	2100
	Мир	7 328 008 820	7 715 482 309	8 463 198 644	9 577 822 753	10 64 367 721
1	КНР	1 397 028 553	1 425 148 266	**1 442 181 813**	1 150 456 723	700 665 216
2	Индия	1 299 053 980	1 365 197 753	**1 502 985 207**	1 656 478 162	1 416 600 380
3	США	324 129 162	337 431 534	**361 711 670**	401 291 663	463 240 156
4	Индонезия	258 162 113	272 301 000	**296 752 234**	322 650 686	315 025 532
5	Бразилия	205 962 108	214 053 046	**226 372 214**	233 418 044	170 423 052
6	Пакистан	189 380 513	208 362 334	**244 248 371**	306 940 443	296 242 431
7	Нигерия	181 181 330	206 104 101	**260 067 527**	396 137 868	746 542 316
8	Бангладеш	160 411 155	169 662 309	**185 582 511**	201 926 116	169 523 465
9	Россия	143 888 004	143 786 842	**140 543 418**	122 730 511	72 012 605
10	Япония	127 974 958	126 495 647	**121 580 505**	93 794 446	60 532 388
11	Мексика	125 890 949	133 870 027	**147 540 127**	164 279 302	130 491 044
12	Филиппины	101 716 359	109 703 396	**125 372 282**	151 306 435	173 120 100
13	Эфиопия	99 873 033	112 759 070	**139 620 178**	190 869 632	249 529 919
14	Вьетнам	93 571 567	98 360 145	106 283 637	114 629 852	77 645 705
15	Египет	90 174 172	99 374 484	116 345 677	147 445 292	192 748 056
16	Германия	81 707 789	82 540 450	82 186 736	79 238 486	71 033 283
17	Иран	79 360 487	83 587 129	88 901 308	93 562 454	63 489 296
18	Турция	78 271 472	82 915 750	88 516 609	95 826 279	66 178 302
19	ДРК	76 196 619	89 505 201	120 442 943	197 404 202	372 575 244
20	Таиланд	68 657 600	69 410 868	69 626 212	65 372 345	33 535 689
21	Великобритания	64 857 080	66 894 208	70 611 614	75 481 137	81 315 491
22	Франция	64 457 201	65 721 165	68 106 271	70 925 300	75 262 659

донезии, возможно, России, Вьетнама, а также Германии, Ирана или Турции. При этом «пограничность» положения России свидетельствует о том, что она окажется перед непростым выбором, от которого будет зависеть её политика стратегического сдерживания, которая пока что ориентирована на противодействие Западу:

— Россия может добровольно войти в коалицию, созданную одним из центров силы — Китаем, США, Германией, Индией (маловероятно, чтобы другими центрами);
— Россия может быть быть силой втянутой в такую коалицию, что происходит не так уж и редко в истории;
— Россия может сформировать свою коалицию на базе евразийских идей или «русского мира».

На мой взгляд, будущее у России может быть только при выборе последнего варианта, который потребует существенного увеличения прежде всего её «демографического веса» в мире. Более того, если динамика развития демографических потенциалов в мире сохранится, то Россия неизбежно, даже вопреки её воле, будет втянута в орбиту более мощных ЛЧЦ и центров силы.

Какой выбор будет сделан зависит прежде всего от количества и качества человеческого потенциала и эффективности его институтов. К сожалению, объективные данные свидетельствуют об ухудшении количественных и качественных показателей НЧК России, что В.В. Путин в своём послании от 1 марта 2018 года обозначил в качестве наиболее приоритетной проблемы России. Особенно плохие показатели работоспособного и молодого населения страны, которые свидетельствуют о резком сокращении количества и качества трудовых и мобилизационных ресурсов. Так, если численность трудоспособного населения в 2010 году достигала 95 млн человек, то (по разным оценкам) к 2035 году она составит на 10–15 млн человек меньше, а доля этого населения в общем объеме сократится с 68% до 53–57% граждан (рис. 8.27).

Лишь после 30-го года нашего столетия ситуация начнёт медленно исправляться и достигнет нынешнего уровня (отнюдь не благополучного уровня) только к 2050 году. Не трудно заметить, что демографическое отставание России от стран-лидеров точно совпадает с отставанием в темпах роста ВВП. Подобное сочетание — крайне опасно для

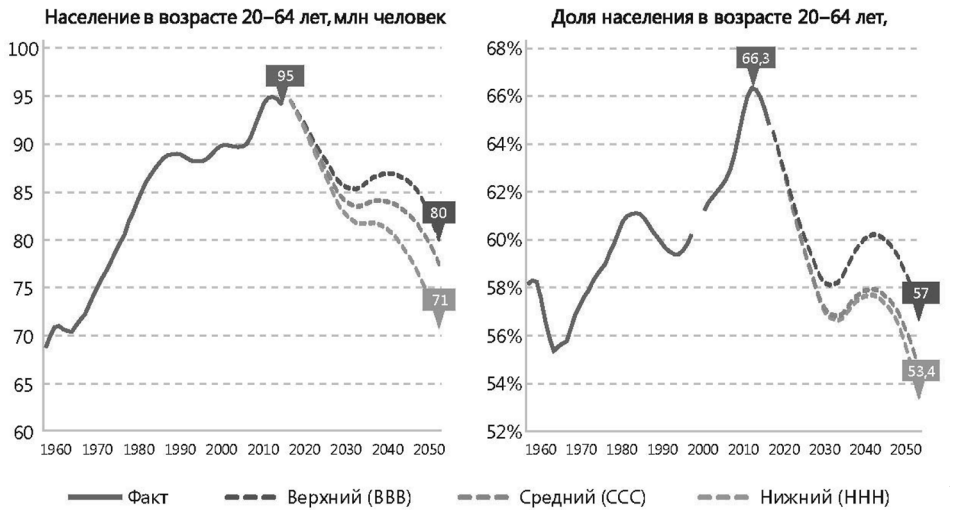


Рис. 8.27[154]**. Численность и доля населения России в возрасте 20–64 лет, 1960–2050 гг., с 2007 г. — три варианта прогноза** (млн человек и %)

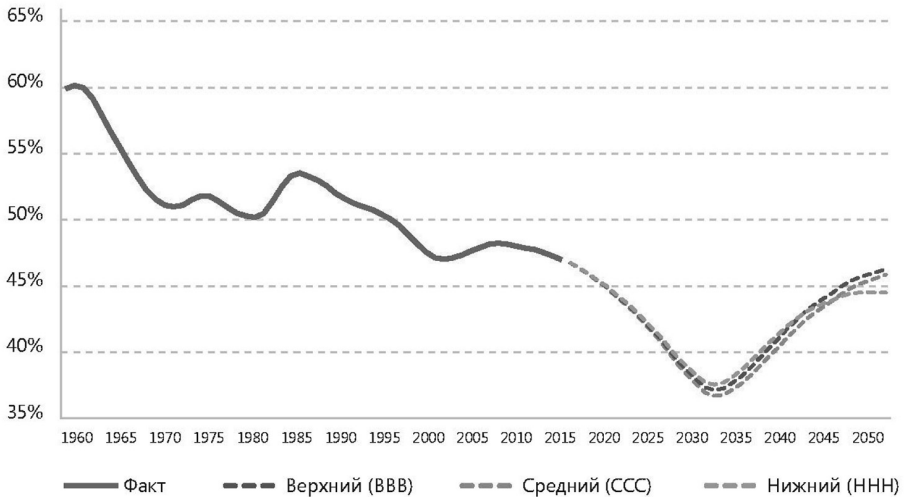


Рис. 8.28. Доля населения в возрасте 20–39 лет в населении 20–64 лет, 1960–2050 гг., с 2007 г. — три варианта прогноза

экономики и общественного развития потому, что свидетельствует о глубоком кризисе, из которого трудно выйти в короткие сроки. Поэтому поставленная В. Путиным в его Указе от 7 мая задача радикального ускорения социально-экономического и демографического развития,

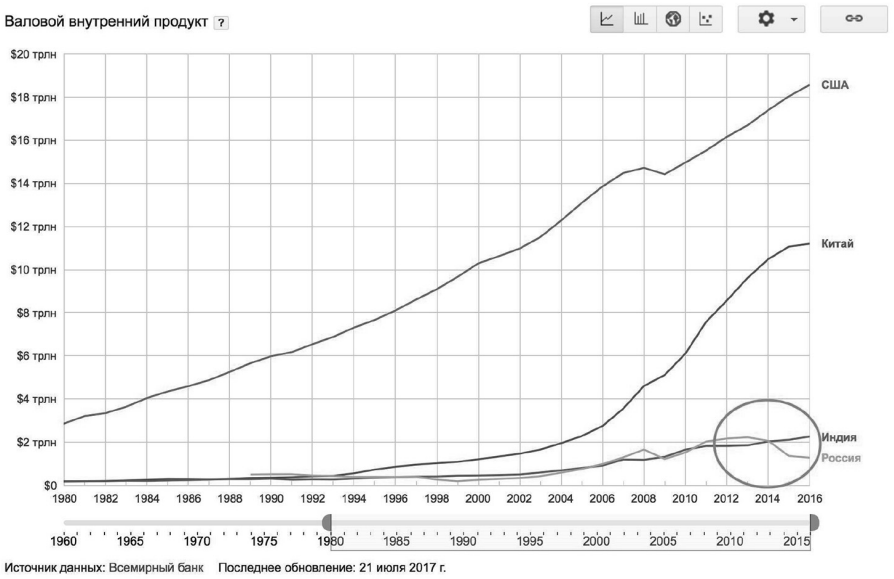


Рис. 8.29.

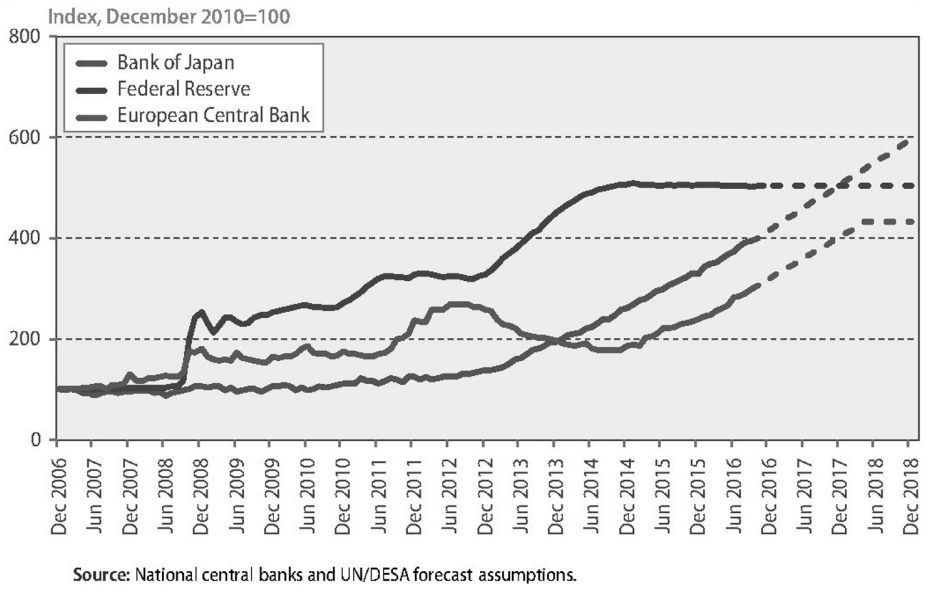
которую называют амбициозной, на мой взгляд соответствует только минимальной программе выхода из кризиса.

Ситуация с этой точки зрения в геополитическом плане и в долгосрочной ретроспективе выглядит даже хуже. В глобальном видении МО и ВПО обстоит следующим образом: отчетливо видно, что динамика изменения в соотношении сил между СССР–Россией и США, Китаем и Индией с 1960 года по 2018 год свидетельствует о **нарастающем геополитическом (стратегическом) отставании России** от мировых лидеров, которое в новом столетии приобрело качественное, почти абсолютное, значение. Как видно на рисунке 8.29, отставание России, начавшееся на фоне подъема КНР и США в 1980-е годы, переросло в феномен «стратегической стагнации», который после 2014 года грозит превращением России в вечного аутсайдера. Пока что стабилизация 2017–2018 годов качественно не исправила ситуацию. И не может исправить потому, что нужна долгосрочная тенденция опережающих темпов демографического и экономического роста России относительно других центров силы. Только в том случае, если такая тенденция просуществует, как минимум 20 лет, у России появляется перспектива сохранения себя в качестве самостоятельной ЛЧЦ и центра силы.

Учитывая, что динамика роста ВВП и демографических факторов после 2018 года вероятно остается для России негативной, а «вес» прироста ВВП КНР и США (а в будущем и Индии) за один год будет приближаться к объему всего ВВП России (5–7% прироста ВВП КНР и США за год означают прирост на 1–1,5 трлн долл., т.е. на весь годовой ВВП России), можно констатировать, что растущее отставание России превращается в геополитическую угрозу национальной безопасности. Об этом ясно сказал в своём послании ФС РФ В. В. Путин 1 марта 2018 года.

Сказанное означает, что с точки зрения политики стратегического сдерживания России придется рассчитывать на перспективу, как минимум, 20–25 лет. Причём в этот период такая политика будет уже ориентирована не только на противоборство с западной ЛЧЦ, но и другими ЛЧЦ и центрами силы, не исключено, что это может быть Европа, Китай, исламская ЛЧЦ (с центром силы в Турции, Пакистане или Иране).

При этом, такое отставание России от темпов развития ведущих стран происходит на уровне энергичного и качественного развития



Source: National central banks and UN/DESA forecast assumptions.

Рис. 8.30[155]. Активы основных центральных банков, декабрь 2006 — декабрь 2018

наиболее передовых стран в условиях, которые отнюдь не считались для них и мировой экономики самыми благоприятными. В этих обстоятельствах особенно наглядно демонстрируют устойчивый рост финансовые активы западных стран (США и ЕС), а также Японии, именно в период 2008–2018 годов. Во многом именно благодаря контролю Запада над мировой финансово-экономической системой. Как видно на графиках (рис. 8.30), кризис 2008 года не мешал, а содействовал быстрому росту финансовых активов западной ЛЧЦ, которые выросли более чем на 250%.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уже в десятилетие после кризиса 2008 года в мире продолжался экономический рост не только в развивающихся, но и в других государствах, включая страны западной военно-политической коалиции, в то время как в России в целом сохранялась ситуация стагнации на протяжении всего этого периода.

Демографическая катастрофа в России совпала по времени с глубочайшим и затянувшимся экономическим кризисом, которые, взятые вместе, усилили негативную динамику развития России последних десятилетий. В итоге к началу 2018 года Россия только вышла на уровень демографического и экономического развития РСФСР 1987 года. Это означает, что она подошла к старту нового витка в социально-экономическом развитии, когда другие страны-лидеры уже давно стартовали и набирали темпы. В определённом смысле период 2008–2018 годов, т.е. целые десять лет, Россия только и делала, что как-то (крайне неудачно, на мой взгляд, даже коряво) приспосабливалась к новым условиям. Она бесконечно и непоследовательно исправляла свои ошибки, которые привели её к катастрофе в конце 1990-х годов, но так и не нашла алгоритма своего развития.

Эти ошибки, включая ошибки в военной политике, удалось только-только исправить к началу 2018 года, который может стать годом для старта быстрого, опережающего развития, что и имел в виду В.В. Путин в своём послании и майском Указе 2018 года. Теперь, чтобы даже приблизиться к ведущим странам (или, как говорил В.В. Путин, войти в пятерку развитых государств)[156], потребуются фантастические усилия, которые, не будучи сделанными, обрекут Россию на десятилетия стагнации и развала государства.

8.9. Влияние на внутриполитическую стабильность и способность стратегического сдерживания России

Без сомнения, турецко-европейский флот сможет разрушить Севастополь и уничтожить русский Черноморский флот; союзники в состоянии захватить и удержать Крым, оккупировать Одессу, блокировать Азовское море и развязать руки кавказским горцам. То, что должно быть предпринято в Балтийском море, так же самоочевидно, как и то, что должно быть предпринято в Черном море: необходимо любой ценой добиться союза со Швецией; если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путем высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключен только при условии присоединения этой провинции к Швеции. Высаженные в Финляндии войска угрожали бы Петербургу, в то время как флоты бомбардировали бы Кронштадт[157]

К. Маркс,
статья «Восточный вопрос»

Взаимосвязь эффективной политики стратегического сдерживания и сохранения внутриполитической стабильности известна в мире и в России существует давно, однако ни в реальной политике, ни в нормативных документах она не всегда выглядит очевидной[158]. Как ни странно, но обвинения со стороны США России во вмешательстве во внутренние дела в 2014–2018 годы в наибольшей степени привлекли внимание к этой проблеме в России, правящая элита которой долгое время делала вид (или в силу своей необразованности не понимала?), что не видит опасностей во вмешательстве во внутренние дела России со стороны Запада все последние десятилетия с конца 1980-х годов вплоть до настоящего времени[159].

Между тем не способность правящей элиты СССР обеспечить стратегическое сдерживание на уровне сохранения внутриполитической стабильности привела к быстрой деградации институтов советского государства, развалу его экономики и смене общественно-политического строя. Этот результат вновь продемонстрировал, что самый большой политический успех достигается не военными победами, а развалом управления в стане противника.

С точки зрения силового противоборства внутриполитическая дестабилизация и смена режима имеют огромные преимущества по сравнению с военно-силовыми, а тем более «чисто» военными мерами: **практическое отсутствие политических и военных рисков, относительно небольшие затраты, возможность сохранения контроля над эскалацией и многие другие преимущества делают политику внутриполитической дестабилизации противника наиболее эффективной формой силового противоборства.**

Исторически, внутриполитическая дестабилизация — важнейшее условие поражения России в силовом противодействии и противоборстве с Западом на протяжении целого ряда столетий — от времён польско-литовского нашествия начала семнадцатого века до настоящего времени. Сохранение внутриполитической стабильности превращается в главную задачу политики руководства России, с одной стороны, и главную цель внешнеполитического воздействия со стороны Запада, — с другой.

С точки зрения стратегического сдерживания, внутриполитическая дестабилизация — самая эффективная и важная часть политики силового противоборства, приобретающая в настоящее время, как показывает опыт «оранжевых» революций, не менее важное значение, чем «ядерное сдерживание». Та страна, та правящая элита, которые не в состоянии обеспечить внутриполитическую стабильность и противодействие влиянию извне, — неизбежно сначала будут дестабилизированы, а затем потеряют власть и суверенитет. После чего последует неизбежная потеря национальной идентичности.

Таким образом самый короткий путь уничтожить противника можно сформулировать в качестве простейшего алгоритма:

Потеря внутриполитической стабильности

ведёт

К потере контроля элиты

ведёт

К потере власти

ведёт

К потере суверенитета

ведёт

К потере идентичности

Именно по такому пути двигался, например, СССР, который в 1989–1991 году потерял внутриполитическую стабильность, в 1991 — контроль элиты, в конце 1991 года — власти, а в 1990-х годах — суверенитета и идентичность. Последние два этапа дались России особенно тяжело: возвращать и первое, и второе В. В. Путин только ещё начал.

При этом поддержка внутриполитической стабильности может быть обеспечена, как правило, только политикой стратегического сдерживания агрессора извне и изнутри, с помощью специальных мер и средств не только военного характера, либо такими вооруженными средствами и способами, которые имеют специальное назначение (достаточно напомнить неудачные в отдельности операции по вводу войск в Тбилиси и в Москву, которые не были обеспечены другими мерами). Так, противодействие силовым акциям гражданского населения с помощью традиционных военных средств, как правило, политически нежелательно, а иногда и невозможно — для этих целей есть специальные средства не летального характера.

Эта важная особенность периода развития России до 2025 года будет отличительной чертой как внутренней, социальной и экономической политики страны, так и её внешней политики и политики безопасности, которые в целом концептуально сбалансированы в Стратегии национальной безопасности России, утвержденной 31 декабря 2015 года указом президента В. В. Путина за №685[160]. Но только в целом, и только концептуально. Конкретные действия власти, в том числе ограничивающие некоторые права СМИ и человека, предпринятые в последние годы, были нередко недостаточно обоснованы и объяснены публично.

Особенно негативно, например, были встречены ограничения на активность в социальных сетях и интернет в целом, в частности, в месседжера «Телеграмм», запрет которого привёл к организованному социальному сопротивлению не только в сетях, но и на улицах: в мае 2018 года в Москве на площади Сахарова митинговало по некоторым оценкам более 15 тыс. человек.

Напомню, что внешнее силовое влияние на политику России распределяется в настоящее время уже не традиционно, как на политические цели и стратегию власти, а в значительной степени ориентировано[161]:

— на изменение системы национальных ценностей и продвижение собственной системы ценностей, норм и правил;
— на корректировку или даже полную смену субъективного восприятия правящей элиты, включая силовое принуждение, угрозы и даже прямое насилие;
— наконец, смену собственно (традиционное) политического курса, нередко под силовым давлением или угрозой его применения.

Другими словами, все три направления внешнего силового принуждения направлены прежде всего на **внутриполитическую дестабилизацию России.** Условно, это внешнее влияние в настоящее время «переориентировано»: если прежде основные ресурсы и усилия направлялись на изменение политического курса (в частности, принятие Заключительного акта в Хельсинки 1 августа 1975 года дало старт компании по «защите прав человека»в СССР и созданию специального органа — ОБСЕ, который рассматривается до сих пор Западом прежде всего как инструмент влияния на политику России).

И это очень хорошо осознаёт В.В. Путин, который центральным посылом своего послания ФС РФ в 2018 году сделал именно мысль о развитии потенциала человека, НЧК России[162]. Эта же мысль в мае того же года была закреплена в указе, где он поручал правительству до октября разработать среднесрочную программу развития человека и общества, которые являются самым эффективным из всех инструментов внешнему влиянию и силового принуждения. Иначе говоря, самыми эффективными инструментами стратегического сдерживания являются политические силовые инструменты, базирующиеся на высоком качестве НЧК и его институтов[163].

Особенно активно этот инструмент внешнего вмешательства используется на постсоветском пространстве, где влияние стран-членов западной коалиции значительно превосходит влияние России и органов ЕАЭС. События в Грузии, на Украине, а до этого в Прибалтике, привели в итоге к созданию антироссийского фронта. Ощущается это влияние и в других бывших советских республиках — достаточно сказать, что, например, в Армении штат американского посольства насчитывает 2500 человек, что для такой маленькой страны является рекордной цифрой.

Обращает на себя внимание «традиционность» действий Запада, которую можно в целом объяснить достаточно высокой эффективностью такой политики. Как справедливо считает, например, эксперт Р. Ищенко, «События в Армении в 2018 году развиваются по украинской кальке, но в ускоренном режиме. Точно так же они развивались в ходе цветных переворотов в Грузии, Киргизии, Молдавии. Точно так же действовала оппозиция во время подавленных попыток цветных путчей в Белоруссии (неоднократно), на Украине (в ходе акции „Украина без Кучмы“) и в России (в 2012 году). Отличие подавленных путчей от неподавленных заключается в том, что в первом случае власть чувствовала себя достаточно уверенно, опираясь на поддержку консолидированной элиты и большей части общества»[164].

Во многом можно согласиться с его выводом о том, что «цветные путчи происходят не там и тогда, где и когда хотят американцы, а там и тогда, где и когда находящаяся у власти элитная группа теряет точку опоры в собственной стране. Американцы, конечно, с удовольствием поддерживают деструктивные процессы, оказывают оппозиции всевозможную финансовую, политическую, дипломатическую, а иногда (Югославия, Ливия, Сирия) и военную поддержку. Но главное — наличие серьезного раскола в элите, стимулирующего раскол в обществе»[165].

Однако, на мой взгляд, методологически, стоит сделать оговорку по поводу этой мысли и отметить, что в **любой стране** существуют, как минимум, три базовых потенциальных «узла противоречий», которые при помощи внешнего влияния и при слабом сопротивлении или бездействии правящей элиты можно превратить в очаги силового и даже военного противоборства:

Во-первых, это **социальные конфликты**, которые обостряются при неблагоприятных обстоятельствах социально-экономического развития государства, либо при нарастающем ощущении социальной несправедливости. Надо отметить, что и первое, и второе имеет место в современной России, но такие социальные конфликты в той или иной степени есть везде, даже в самых благополучных странах, где порой возникают стихийно социальные недовольства.

Вопрос в том, насколько эти недовольства могут быть использованы внешними акторами. Как показывает история, очень часто такие

социальные взрывы могут создаваться искусственно, в том числе и извне. Если же есть заранее спланированная установка на создание таких взрывов, если выделены ресурсы, подготовлены люди, то вряд ли стоит удивляться быстрому перерастанию социальных конфликтов в восстания и бунты.

Во-вторых, это **национальные конфликты**, основа для которых также существует почти всегда в любой стране, включая современную Россию, в особенности, если речь идет о роли мигрантов из Закавказья и Средней Азии. Эти конфликты можно создавать искусственно, заведомо планируя межнациональные противоречия. Но особенно эффективно, — если удаётся создать для этого некую зарубежную базу — лагеря по подготовке экстремистов. Яркий пример — Украина, на территории которой было создано целое русофобское государство, претендующее на то, чтобы стать инструментом для развала России.

Украинские националисты готовят с 2018 года, например, акцию на мосту через Керченский пролив. Об этом журналистам сообщил глава Организации украинских националистов (ОУН, деятельность организации запрещена в России) Н. Кохановский. По его словам, «Добровольческое движение ОУН» готово разместить на мосту баннер. «Очень может быть, что на Крымском мосту появится какой-то плакат, например, с надписью „Смерть России“ или „Крым — Украина“».

Примечательно, что эти действия националистов ориентированы не только на украинские, но и на внешние, мировые реалии, точнее — политику Запада в отношении России. Прежде всего с точки зрения её внутриполитической дестабилизации и уничтожения суверенитета. Так, по мнению Н. Кохановского, «Смерть России — это самый актуальный на сегодня лозунг». «Это сатанинское образование — Россия — должно исчезнуть. Вместо этого, — по его мнению, — должны возникнуть несколько отдельных стран — например, Татарстан, Башкирия, республика Сибирь, республика Урал. А Россия — как раковая опухоль»[166], — заявил он. Как видно, эти идеи вполне совпадают с долгосрочными целями США по разделу России.

Подобные идеи и концепции выступают в качестве «теоретической» основы политики экстремизма и терроризма в отношении России. Напомним, что ранее «идеями» устроить теракт на Крымском мосту или

воспрепятствовать движению по нему транспорта делился один из лидеров запрещенного в РФ экстремистского движения «Меджлис крымскотатарского народа» **Л. Ислямов**. Другими словами, на территории Украины создана база, как минимум, для внешнего влияния на население России по двум направлениям — национальному (украинскому, южно-российскому)и татарскому.

В-третьих, это **межрелигиозные и межконфессиональные конфликты**, которые обострили в последнее десятилетие в мире, не оставив в стороне Россию. Достаточно сказать, что в 2018 году почти ежедневно захватывались российскими силовыми структурами не только отдельные религиозные экстремисты, но и целые банды. И это вполне относится не только к исламскому радикализму, но и протестантскому и православному экстремизму. Попытка, например, провозгласить «независимую» украинскую православную церковь направлена на очевидную дезинтеграцию не только религиозных основ православия, но и уничтожение.

Конечно Р. Ищенко прав — не важно, происходит этот раскол по конфессиональному, этническому, лингвистическому принципу или основой служит борьба за раздел не поделенной или передел разделенной собственности. Важно, чтобы такой раскол в элите был. Или хотя бы трещина, которую можно расширить. Тогда сражающиеся элитные группы, для укрепления своих позиций, рано или поздно, «выбираются из-под бюрократического ковра» и начинают апеллировать к обществу, разжигая противоречия между различными его слоями и группами, пытаясь представить себя и свою группу поддержки революционерами и борцами за справедливость.

Именно здесь и наступает время для внешнего вмешательства[167].

Внешнее вмешательство в такой ситуации становится предопределенным даже не потому, что многие с удовольствием пользуются ослаблением государства, чтобы поставить его ресурсы себе на службу. Вмешательства добиваются внутриполитические группировки. Они его буквально требуют, осаждая потенциальные зарубежные центры влияния. Раз начавшись, и не будучи вовремя подавленной, внутриэлитная борьба вначале охватывает широкие слои народа, а затем инициирует неформальную (скрытую) интервенцию[168].

Как это происходит было хорошо видно на украинском примере, когда украинские политические группировки, боровшиеся за контроль над бюджетными потоками и государственным имуществом, вначале развернули между собой борьбу за то, кто окажется прозападнее. Проиграв эту борьбу за поддержку Запада, Янукович попытался уравновесить западное влияние на украинскую политику, которое стало определяющим, российским. Но было уже поздно.

Важно и другое замечание Р. Ищенко, с которым, однако, целиком согласиться нельзя, а именно: и в России, и на Украине есть радикальные группы, утверждающие, что Москва должна была активнее вмешиваться во внутриукраинские процессы, тратить на Украине больше денег, развивать свои неформальные структуры и т.д. Меня удивляет, как эти люди не могут понять простую вещь. Нельзя работать на территории суверенного государства без поддержки правительства суверенного государства. Между тем, к активной работе России с русскими относятся с подозрением (мягко говоря не приветствуют ее) даже власти Белоруссии и Казахстана — союзников России по ЕАЭС и ОДКБ. На Украине ситуация была значительно жестче.

На мой взгляд, любое правительство, но, прежде всего, российское, должно добиваться постоянно всеми средствами (а их немало) права на активное и легальное участие во внутриполитической жизни постсоветских республик. Как минимум, потому, что оно является правопреемником СССР и обязана защищать своих бывших граждан, в том числе этнических русских. Причем во многих вопросах — от прав собственности до возможности обучения на родном языке.

В целом Р. Ищенко адекватно оценивает ситуацию, хотя и очевидно снижает ответственность российской и советской правящих элит в 1980-е и 1990-е годы, фактически оставивших своих граждан на произвол судьбы. Описывая МО, Р. Ищенко пишет: «Итак, помимо того, что у Запада было и больше времени (Россия стала восстанавливаться только с 2000-го года), и больше денег, и больше организационных возможностей, что уже определяло нецелесообразность конкуренции с ним по западным же правилам, Запад еще и опирался на поддержку местных властей, одновременно усиленно ставящих палки в колеса аналогичной российской работе. Поэтому, когда задаешь вопрос: «А как

собственно в таких условиях Россия должна была конкурировать с Западом на постсоветском пространстве?» — честный оппонент, в конечном итоге, просто заявляет, что надо было все оккупировать. Это при том, что только чеченские войны Россия завершила в начале 2000-х, а с остатками терроризма на Кавказе борется до сих пор. Думаю, что даже не слишком образованному человеку должно быть понятно, что в таких условиях оккупация и последующее финансирование пророссийской ориентации отпавших территорий СССР становилась путем в никуда — а экономическую и социальную катастрофу»[169].

Единственное, что Россия могла предлагать и предлагала — совместное развитие, при котором национальные элиты за счет кумулятивного эффекта могли получить больший доход и делить его без вмешательства Москвы, на основе национальных порядков и традиций. Как показали практика и опыт, такое предложение на определенном этапе устроило часть элит постсоветских республик. За счет относительно слабой, зато находящейся рядом России они не только зарабатывали, но еще и балансировали западное влияние, сохраняя в неприкосновенности свои режимы.

Но, по мере роста сил и возможностей Москвы, эти «пророссийские» национальные элиты стали беспокоиться, что в один прекрасный день из Кремля им скажут, что пора прекращать воровать и потребуют жить и работать по российским законам и правилам. Именно поэтому, уже с начала 2000-х годов абсолютно все «пророссийские» элиты стали в той или иной степени поддерживать и даже взращивать национальные проевропейские движения, в основном среди молодежи. А там, где были сильны националистические течения, неформальную поддержку властей стали получать и националисты, вплоть до самых радикальных.

Национальные элиты не понимали и не желали понимать, что баланса между Россией и Западом больше не будет. Ситуация далеко ушла от 1990-х годов. Конфликт между США и Россией, по инициативе пытавшегося сохранить свою мировую гегемонию Вашингтона, развивался по нарастающей, все более радикализируясь. В условиях фактической войны (даже уже не холодной, а гибридной) нельзя было оставаться союзниками и партнерами сразу обоих воюющих государств. Надо было

делать выбор и примыкать к одному из лагерей. Именно поэтому модная теория «многовекторности» теряет смысл и является просто вредной для России. Эта теория позволяет правящим элитам союзников быть не просто всеядными, но и нередко антироссийскими.

Воспитанные балансирующими между Западом и Востоком в рамках теории «многовектроности» национальными властями националистические проевропейские движения были готовы окончательно уйти под Запад и стать врагами России, чего бы это ни стоило их государствам. Сами же «многовекторные» элиты продолжали занимать коллаборантскую позицию, в рамках которой они развивали политическое сотрудничество с Западом, получая экономические преференции от России, в обмен на ничего не стоящие клятвы в верности и вечной дружбе.

Москва не только намекала, но и в прямую демонстрировала коллаборантским национальным элитам, что когда их собственные прозападные выкормыши, опираясь на западную поддержку, придут их свергать в рамках цветного переворота, Россия не станет им помогать до тех пор, пока они сами жестко не определятся со своей позицией и однозначно не уйдут в российский лагерь. Национальные элиты в это не верили. Не верят до сих пор. Даже самые близкие России и самые ненавистные для Запада политики все еще думают, что можно отказывать в признании независимости Абхазии и Южной Осетии, но при этом требовать открытия российских рынков для «своих» креветок и устриц, а также продавать в Россию молочной продукции больше, чем производит собственное государство.

Это ошибочное мнение. Оно многим народам уже дорого стоило и многим еще будет дорого стоить. Тем не менее, именно эти люди, обвиняющие Россию в том, что она считает, что республики от нее «никуда не денутся», на деле сами считают, что Россия «никуда не денется» от них. Они ошибочно рассчитывают на то, что какой-нибудь очередной цветной переворот, который сметет очередного «национального лидера» вызовет в России брожение народа или страх власти перед появлением «НАТОвских баз» у российских границ.

На деле любая держава российского ранга (а таких сейчас кроме России всего две: Китай и США) обеспечивает свою безопасность, са-

мостоятельно, с опорой исключительно на свои ресурсы и в рамках своей территории. Это не значит, что не нужны союзники, базы в ключевых регионах, что надо замкнуться в национальных рамках. Чем больше у тебя группа поддержки, тем лучше. Но полный суверенитет сегодня в том и заключается, что в худшем случае ты можешь один противостоять всему миру и мир понимает, что фраза: «Зачем нам такой мир, в котором не будет России?» — не риторическое упражнение, а военная доктрина.

Таким образом, и союзникам есть куда деться от России, и России есть куда деться от союзников. Вопрос только в последствиях.

Сделавшую выбор в пользу России, Сирию сохранили и уже восстанавливают, усердно понукая весь остальной мир присоединяться. И можно не сомневаться, он присоединится. Прибалтика, самой первой сделавшая самый удачный антироссийский выбор (она успела полноценно попасть в ЕС и НАТО) потеряла промышленность и обезлюдела. Социальная напряженность в ней растет опережающими темпами. У меня есть серьезное подозрение, что те НАТОвские батальоны, размещения которых так усиленно добивались прибалтийские правительства, нужны им не для защиты от России (все равно не защитят), а для обеспечения поддержки в случае серьезных волнений собственного народа.

Украина, рвавшаяся в ЕС, потеряла экономику, уничтожила собственные государственные структуры, утратила территории, находится на грани гражданской войны всех со всеми на всей своей территории, население разбегается такими темпами, что власти боятся его считать, а эксперты спорят сбежало ли за четыре года из страны треть или половина граждан. До Украины была Грузия, погрязшая в нищете, проигравшая войну, утратившая территории. Ныне же пытающаяся найти способ нормализации отношений с Москвой.

Сейчас на очереди Армения, где, как я написал в начале статьи, все процессы развиваются значительно быстрее, чем на Украине. Безудержные требования слабой оппозиции к непопулярной власти, которая к тому же утратила устойчивость, пойдя на не вынужденные уступки (исключительно из-за борьбы внутривластных группировок), толкают страну к гражданскому конфликту. Армения уже балансирует на грани

кровопролития, а после первой крови что-либо исправить будет уже невозможно. С учетом же Карабаха, сегодняшний «праздник демократии» в Ереване может поставить вопрос о существовании армянского государства, как такового.

При этом надо понимать, что и для США ситуация изменилась по сравнению с началом 2000-х и даже с 2014 годом. Если все первое десятилетие XXI века Вашингтон стремился к созданию вокруг российских границ стабильных русофобских постсоветских режимов, то Украина была в этом смысле последним неудачным экспериментом.

Сейчас Вашингтону достаточно того, чтобы «проевропейские» силы на Украине свергли более-менее устойчивый «старый режим» и привели очередную страну в состояние хаоса. Хаос на российских границах в зоне исключительных российских интересов — тоже не самое плохое решение для Америки. Тем более, когда кровавый хаос охватывает вроде бы близких союзников России. Это и в качестве пропаганды можно использовать — смотрите, мол, до чего дружба с Москвой довела. Ведь большинство не только на Западе, но и у нас не знает, что там были в лучшем случае «многовекторные», а в худшем — прямо прозападные правительства, только маскировавшиеся под друзей России, ради экономических бонусов.

У России нет другого способа навести порядок в этих государствах, кроме полной замены элит. Но такая замена возможна только в результате оккупации, а оккупацию не приемлет значительная часть местного населения, она весьма затратна, да и с точки зрения международного права ее трудно будет обосновать. Следовательно, как и раньше, судьба стран и народов в руках правящих и оппозиционных элит. Если они окажутся достаточно вменяемыми, чтобы осознать произошедшие в мире изменения, постсоветское пространство выйдет на новый уровень интеграции, на котором к одному знаменателю будут приводиться уже национальные законодательства, правила и методы ведения бизнеса, а также права граждан всех членов Евразийского союза на полноценное участие в бизнесе, политике и удовлетворение своих культурных потребностей на всей его территории.

На таких условиях Россия может, как и раньше, взять на себя обеспечение безопасности окраинных земель от внешней агрессии (в том

числе от цветного переворота). Если национальные элиты не проявят адекватности, то в ближайшем будущем на постсоветском пространстве мы станем свидетелями целой череды цветных кризисов, стремящихся перерасти в гражданские войны. США будут стремиться сделать их как можно более кровавыми, но только от национальной элиты зависит сработает ли в подведомственной ей стране технология безупречного переворота, в рамках которой изначально слабая оппозиция, наращивая требования, сравнительно быстро размазывает непопулярную, колеблющуюся между желанием получить поддержку от России и опасением не понравиться Западу, власть.

Причем, в отличие от событий полуторадесятилетней давности, сейчас народы и элиты делают даже уже не цивилизационный выбор между Западом и Востоком, а выбор между жить и не жить[170]. Подобный приоритет воздействия на внутриполитическую стабильность означает, что существующая в настоящее время внутриполитическая стабильность, основанная на поддержке В.В. Путина, может быть разрушена. Прежде всего, с помощью вмешательства Запада[171].

Может быть по аналогии со схемой вмешательства Германии, которая стимулировала переворот в октябре 1917 года. И не только деньгами и поставками оружия, но и участием своих специальных служб, о котором пишет, например, И. Линдер: «Среди отрядов, бравших город под контроль, были и специальные подразделения разведки германской армии и морской пехоты. По свидетельству очевидцев, немецкие моряки были одеты в русскую военно-морскую форму, но вооружены немецкими карабинами. Командовали ими офицеры с хорошим знанием русского языка. Сведения такого рода скупы, поскольку долгие десятилетия они были государственной тайной. Представители германских спецструктур действовали конспиративно, в точном соответствии с договоренностями, достигнутыми с руководством восстания. Данных о несогласованности, разногласиях или конфликтах между представителями российской и германской сторон нет. Каждая сторона знала и пунктуально выполняла взятые на себя обязательства. Все было проведено столь быстро и столь аккуратно, что большинство жителей города почти ничего не заметили. Отправившись спать 25 октября, наутро они проснулись уже в другой исторической эпохе…»[172].

Сочетание этих внешних условий и внутренних обстоятельств сложились к 2018 году в ситуацию, когда остро встал вопрос о корректировке политического курса российской правящей элиты во главе с В.В. Путиным, который отличается непоследовательностью и противоречивостью. Так, признавал осенью 2017 года необходимость резервировать возможности предприятий ОПК, одновременно происходит свертывание ГОЗ и оборонных расходов, а военная деятельность интенсифицируется медленно.

Аналогичная непоследовательность наблюдается в отношениях с потенциальными союзниками, которым нередко прощается не только их нелояльность, но и нарушение обязательств.

Таким образом к новому президентскому сроку крайне остро встала проблема выбора правящей элитой страны мобилизационного сценария, который в состоянии обеспечить этой элите политику эффективного стратегического сдерживания. В. Путин всего лишь озвучил эти ожидания в своём послании и майском указе 2018 года. Мобилизационный сценарий развития должен выступать в качестве сознательного и решительного выбора правящей элитой соответствующей стратегии, в которой все действия подчинены главной общенациональной цели — сохранению и выживанию нации, — ради которой правящая элита и общество готовы пойти на огромные издержки, связанные с мобилизацией национальных ресурсов и готовностью идти на большие, даже критические риски.

И речь идет прежде всего о правящей российской элите, которая отвечает за все то, что произошло в СССР и в России в последние десятилетия, и за то, что может произойти в условиях неизбежного дальнейшего обострения ВПО. Встреча В.В. Путина с руководителями ОПК и военачальниками в ноябре 2017 года показала, что перехода к мобилизационному сценарию, как минимум, в нескольких его аспектах, — не избежать. И В.В. Путин «дал сигнал» обществу. 3 ноября 2017 года, но этот сигнал не превратился в действующую политику. Напомню, что он сказал: «Способность экономики быстро увеличивать объёмы оборонной продукции и услуг в нужное время — одно из важнейших условий обеспечения военной безопасности государства. К этому должны быть готовы все стратегические и просто крупные предприятия независимо

от форм собственности», — заявил президент В. В. Путин на традиционном совещании с руководством Минобороны и оборонно-промышленного комплекса[173].

Хотя основной темой встречи были итоги сентябрьских учений «Запад–2017», но именно эта фраза была мгновенно растиражирована информагентствами. Это высказывание логично вытекало из общего контекста, поскольку чуть раньше Путин отметил, что по итогам учений были выявлены определенные недостатки, которые нужно внимательно изучить и выработать дополнительные меры по повышению мобилизационной готовности.

Эти «мобилизационные сигналы» фактически остались не замеченными, хотя развернувшаяся президентская кампания могла бы стать отличным поводом для проведения политико-идеологической мобилизации, которая могла бы лечь в основу программы кандидата в президенты В. В. Путина. Поэтому В. Путин повторил эти сигналы в своём послании 1 марта 2018 года, в котором он сделан упор на ускоренном развитии самого эффективного средства стратегического сдерживания — НЧК[174].

Но СМИ и тогда проигнорировали этот посыл. Вместо этого начался традиционный «паркетный пиар», который не отличался от предыдущих кампаний В. В. Путина, хотя внешнеполитическая ситуация радикально изменилась. Эта идеологическая инерционность обеспечивала социально-экономическую инерционность развития, ставшую традицией правящей элиты России в последние десятилетия. Именно поэтому В. Путин повторил мысль послания уже в форме указа-поручения правительству 7 мая 2018 года. Причём, чтобы стало ясно совсем — он произвёл рокировку в кабинете тех фигур, которые, прежде всего, отвечали за развитие НЧК.

Заявленная постановка вопроса дает российскому обществу серьезный повод для оценки своих отношений с властью и обществом. На мой взгляд, выступление Путина имеет больше отношения к военно-политической и общеэкономической ситуации в стране, нежели к узким вопросам ОПК. Президент дал крайне важный сигнал российской элите, касающийся не только и не столько вопросов оборонной промышленности, сколько приоритета общегосударственных интересов в эконо-

мике. И наивны те, кто считает случайным совпадение этого заявления с шумом вокруг задержания во Франции Керимова. Российской бизнес-элите указывается — впрочем, не в первый раз — вектор дальнейшего безопасного существования в условиях усиления внешнего давления»[175], — отметил профессор Д. Евстафьев. Фактически Владимиром Путиным поставлен вопрос дееспособности всей социально-экономической системы современной России в экстремальных и мобилизационных условиях. «Исторически у России имеется разный опыт ответа на этот вопрос: негативный во время Первой мировой войны, спасительный опыт мобилизации и победы, в том числе и в сфере экономики войны, в Великую Отечественную, перегрев экономики в эпоху холодной войны с Западом», — справедливо напоминает эксперт П. Родькин. По его мнению, существенную опасность представляет повторение опыта дореволюционной России, оказавшейся неготовой к современной войне и опровергшей пропагандистский миф о «патриотическом национальном бизнесе».

Позиция правящей элиты России и бизнеса — самая острая проблема, которую необходимо решить для смены политического курса. «На самом деле история всех войн и конфликтов XX века показывает, что всегда бизнес ставит свои интересы превыше всего, перекладывая всю нагрузку на общество. Было бы наивным полагать, что и в условиях войны бизнес добровольно согласится на потерю прибыли ради общественных интересов, а именно такой идеализм демонстрирует власть по отношению ко многим проблемам, например, в сфере патриотизма или народного единства. Текущий рост оборонзаказа идет одновременно с оптимизацией военных производств и научной базы, падением реальной прибыли работников и ухудшением социального климата. Решение этой проблемы требует от государства „репрессивных“ мер по отношению к частному бизнесу, вплоть до полной национализации. Пойдет ли на это государство, — вопрос, который следует задать уже самой власти»[176], — резюмирует Родькин.

Таким образом «сигнал», посланный В. В. Путиным на встрече с руководителями ОПК осенью 2017 года, остался на уровне сигнала правящей элите, за которым не последовали соответствующие политические, правовые и организационные меры, вплоть до 1 марта 2018 года

и 7 мая того же года. Другими словами, смены политического курса не произошло, хотя категорическое требование прозвучало. Более того, президентская кампания В. В. Путина лишь подтвердила его «спокойно-уверенное» отношение к развитию ситуации в мире. Даже публикация долгожданной Стратегии национальной безопасности США 20 декабря 2017 года, в которой совершенно ожидаемой было четко обозначена стратегия на продолжение политики «силового принуждения», привела к очень спокойной, даже демонстративно-спокойной реакции России.

Есть и другая, своего рода «техническая», интерпретация высказывания Владимира Путина — уже со стороны самого бизнеса, которые подтверждает неготовность правящей элиты к смене курса. «Сигнал» В. В. Путина был оценен как частный шаг. Руководитель Координационного совета РСПП по СКФО В. Гурьянов считает, что оно касалась, прежде всего, продукции оборонного назначения, которая в России производится не только государственными предприятиями, но и акционерными обществами, имеющими зачастую сложную структуру капитала, в том числе акционеров, не связанных с государством. «По сути, речь, не идёт ни о каких чрезвычайных мерах или новых правовых механизмах, — считает Гурьянов. — С 1997 года действует федеральный закон „О мобилизационной подготовке и мобилизации“, в его статье 9 прописано, что предприятия выполняют государственные мобилизационные задания на основе контракта с уполномоченным органом власти, убытки от выполнения мобилизационного задания возмещаются правительством РФ.

Все предприятия ОПК имеют подобные контракты, которые должны обеспечить возможность производства необходимой для обороны продукции в нужное время, то есть некий аналог „резервирования мощности“ в энергетике. Таким образом, то, о чем говорил президент, адресовано достаточно специфичному сегменту бизнеса, и так связанному в той или иной мере с государственным оборонным заказом». В то же время, добавляет Владимир Гурьянов, в целом бизнес, конечно, волнует, чтобы мобилизационные задания объективно учитывали возможности предприятий и сопровождались адекватным бюджетным механизмом поддержания подобной мобилизационной готовности.

[1] *Грин Р.* 33 стратегии войны / Р. Грин [пер. с англ., Е. Я. Мигуновой]. — М.: РИПОЛ, 2016. — С. 303.

[2] Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / А. И. Подберёзкин, М. А. Мунтян, М. В. Харкевич. — М.: МГИМО(У), 2014. — С. 48.

[3] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации №683 от 31 декабря 2015 года «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»/ https//rg.ru/2015/12/31

[4] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 2.

[5] В совместном советско-американском заявлении от июня 1990 года «стабильность» была определена как **состояние стратегических отношений, которое «устраняет стимулы для ядерного удара первой».**

[6] *Арбатов А. Г.* Угрозы стратегической стабильности — мнимые и реальные // Полис, 2018. — №3. — С. 7.

[7] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[8] Там же.

[9] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — Т. 2.

[10] *Путин В. В.* Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. 7 мая 2018 г.

[11] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[12] Впервые я охарактеризовал такое состояние как военно-силовое противоборство и войну в работе, опубликованной в самом начале 2015 года. См.: *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет. Март 2015 г.

[13] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Усложняющаяся динамика политических интересов: вызовы для национальной безопасности России / Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer», 2017. — №10. — С. 24–26.

[14] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 2.

[15] Подобная связь между развитием и безопасностью отчётливо видна и в послании В. Путина 2018 года. См. подробнее: *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[16] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / https//rg.ru/2015/12/31

[17] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016 г.

[18] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[19] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[20] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — Т. 2.

[21] *Малышев В. П.* и др. Методологические подходы к анализу военно-политических рисков / https://docviewer.yandex.ru/view/35247875/?…

[22] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3.

[23] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–23.

[24] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[25] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[26] *Путин В. В.* Указ президента РФ от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года» // Российская газета, 8 мая 2018 г.

[27] Modern Political Warfare. Current Practices and Possible Responses. — Cal., RAND, 2018. — P. 8.

[28] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 2–3.

[29] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[30] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–49.

[31] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–23.

[32] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»/https//rg.ru/2015/12/31

[33] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[34] Там же.

[35] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / https//rg.ru/2015/12/31

[36] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Факторы безопасности для российской нации, государства и общества. Угрозы силового использования социальных сетей / Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer», 2017 — С. 24–25.

[37] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 25–28.

[38] *Путин В. В*. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[39] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 4–5.

[40] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–23.

[41] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И*. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[42] См. подробнее: *Подберёзкин А. И*. Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[43] *Путин В. В*. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[44] *Путин В. В*. Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 года.

[45] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–23.

[46] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 2–9.

[47] *Подберёзкин А. И*. От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» // Вестник МГИМО–Университет, 2017. — №1(52). — С. 8–9.

[48] См. подробнее: *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И*. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[49] Эволюции западной, прежде всего американской, политики сдерживания посвящено много работ советских и российских ученых, включая и моих, опубликованных в разные периоды начиная с 1970-х годов по настоящее время.

[50] См. также: *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И*. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–469.

[51] См. подробнее в целом ряде работ, включая: *Подберёзкин А. И*. Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017.

[52] *Путин В. В*. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[53] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 2.

[54] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–23.

[55] Это представление формально утвердилось после принятия современной редакции Стратегии национальной безопасности 31 декабря 2015 года, но отнюдь не закреплено в политическом и военном сознании правящей элиты.

[56] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[57] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[58] Measuring Geopolitical Risk Caldara, Dario and Matteo Iacoviello / https://doi.org/10.17016/IFDP.2018.1222. — P. 31.

[59] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[60] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[61] Там же.

[62] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет. — Т. 1. («Раздел «Основные понятия»).

[63] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–23.

[64] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[65] **Стратегическое нападение** — нападение с использованием ядерного и неядерных вооружений, а также всех других силовых средств, для достижения самых решительных политических целей в войне. Стратегическое нападение должно осуществляться по плану, который должен быть реализован при любом противодействии противника. Сверхзадачей стратегического нападения является на подготовительном этапе исключить огромное множество неэффективных вариантов стратегий, оставив и выбрав только один, наиболее эффективный вариант будущей стратегии нападения.

[66] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[67] **Стратегическое сдерживание** — *трад.*: Способность обеспечения интересов безопасности с помощью угрозы применения ядерного оружия.

[68] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[69] The National Military Strategy of the United States of America 2015. — Wash. 2015. — P. I.

[70] **Стратегическое сдерживание** (новое определение): Способность государства эффективно обеспечивать защиту национальных интересов и ценностей на любом уровне развития конфликта, в т.ч. без прямого использования военной силы, обладая для этих целей достаточными возможностями, силами и средствами противодействия силовому принуждению.

[71] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 2.

[72] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Модуль 3 «Основные особенности обеспечения безопасности современной России». В кн.: Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 249–674.

[73] К сожалению, как эти ученые, и политики сохранили до сих пор свое влияние, которое перестало доминировать, но все еще чувствуется в выступлениях «прорабов» перестройки от Горбачева до Козырева.

[74] The National Military Strategy of the United States of America 2015. — Wash. 2015. — P. 1.

[75] Там же.

[76] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 4.

[77] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–45.

[78] *Путин В. В*. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[79] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 7.

[80] *Путин В. В*. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[81] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 25–26.

[82] См. подробнее: *Попов И. М.* О долгосрочных характеристиках войн и вооруженных конфликтов / В работе: «Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки»: кол. монография / под ред. А. И. Подберёзкина, К. П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 659–666.

[83] *Путин В. В*. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[84] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[85] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 5–7.

[86] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 23–25.

[87] 2017 Risk Maps Aon's guide to Political Risk, Terrorism & Political Violence / Political Risk, Terrorism and Political Violence Risk Maps — 2017 / Aon http://www.aon.com/chile/attachments/2017-Aon-Risk-Maps-Report.pdf. — P. 33.

[88] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[89] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 7–8.

[90] 2017 Risk Maps Aon's guide to Political Risk, Terrorism & Political Violence / Political Risk, Terrorism and Political Violence Risk Maps — 2017 / Aon http://www.aon.com/chile/attachments/2017-Aon-Risk-Maps-Report.pdf. — P. 66.

[91] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–23.

[92] 2017 Risk Maps Aon's guide to Political Risk, Terrorism & Political Violence / Political Risk, Terrorism and Political Violence Risk Maps — 2017 / Aon http://www.aon.com/chile/attachments/2017-Aon-Risk-Maps-Report.pdf. — P. 66.

[93] Президент Дональд Трамп провозглашает стратегию национальной безопасности, направленную на продвижение американских интересов. 19.12.2017 / https://inosmi.ru/politic/20171219/241042738.html

[94] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 3–4.

[95] См. подробнее: *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–23.

[96] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 5–7.

[97] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И*. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[98] *Путин В. В*. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[99] Там же.

[100] См. *Путин В. В*. Указ президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года» // Российская газета, 8 мая 2018.

[101] См. подробнее: *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И*. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–56.

[102] См., например: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.

[103] См., например: Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений: сборник статей / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 307 с.

[104] См., например: Долгосрочное прогнозирование развитие сценариев военно-политической обстановки: аналит. доклад / А. И. Подберёзкин, М. А. Мунтян и др. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 161 с.

[105] *Путин В. В*. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[106] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–33.

[107] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 7.

[108] Nuclear Weapons in a Changing Climate: Probability, Increasing Risks, and Perception / https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1029&context=bseliska

[109] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 2.

[110] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–33.

[111] Empirical Advances in the Measurement and Analysis of Violent Conf lict / https://edoc.hu-berlin.de/bitstream/handle/18452/19034/Baliki.pdf?sequence=10. — P. 19.

[112] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И*. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[113] Introduction to the IRGC Risk Governance Framework / https://infoscience.epfl.ch/record/233739/files/IRGC.%20%282017%29.%20An%20introduction%20to%20the%20IRGC%20Risk%20Governance%20Framework.%20Revised%20version.pdf. — P. 22.

[114] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 2.

[115] http://nordic.businessinsider.com/water-crises-charts–2016-10/

[116] Introduction to the IRGC Risk Governance Framework / https://infoscience.epfl.ch/record/233739/files/IRGC.%20%282017%29.%20An%20introduction%20to%20the%20IRGC%20Risk%20Governance%20Framework.%20Revised%20version.pdf. — P. 22.

[117] Этому, например, посвящены работы сотрудников МГИМО. См., например: *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И*. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[118] *Остин А*. Раннее предупреждение и мониторинг конфликтов / Настольная книга Бергхофского центра. — М.: Наука, 2007. — С. 132–155.

[119] Measuring Geopolitical Risk Caldara, Dario and Matteo Iacoviello / https://doi.org/10.17016/IFDP.2018.1222

[120] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И*. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[121] *Путин В. В*. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[122] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 24–26.

[123] *Путин В. В*. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[124] *Путин В. В*. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» №640 от 30 ноября 2016 г.

[125] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И*. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[126] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 25–32.

[127] *Daniel R*. Coats Director of National Intelligence / Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community. Febr. 13, 2018. — P. 5 / https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Coats_03-06-18.pdf

[128] См., например: *Путин В. В*. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[129] *Андреев Н*. Карл Маркс: Сжечь Одессу… Разрушить Севастополь… / Эл. ресурс: «Родина», 1 марта 2018 / www.rg/2018.05.03

[130] В частности, статьи 100–107 Концепции специально прописывают отношения органов власти. См.: *Путин В. В*. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» №640 от 30 ноября 2016 г. — С. 35–37.

[131] См. подробнее: Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии: аналитич. доклад / А. И. Подберёзкин, О. Е. Родионов, М. В. Харкевич. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 123 с.

[132] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 32–33.

[133] *Путин В. В*. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[134] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И*. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[135] India — China in 2030: A Net Assessment of the Competition Between Two Rising Powers / http://www.defence.gov.au/ADC/Publications/Commanders/2012/01_India%20-%20China%20NA%20-%20Full%20Paper%20v16%20-%2015%20Dec%2011%20-%20final.pdf

[136] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–27.

[137] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» №640 от 30 ноября 2016 г.

[138] Economic Interdependence and Strategic Thinking in Sino-Japanese Relations: Reconsidering the amendment of article 9 of the Constitution of Japan. February 2018 / http://www.iris-france.org

[139] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–33.

[140] *Путин В. В*. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» №640 от 30 ноября 2016 г.

[141] Economic Interdependence and Strategic Thinking in Sino-Japanese Relations: Reconsidering the amendment of article 9 of the Constitution of Japan. February 2018 / http://www.iris-france.org

[142] Именно на эти аспекты делал акцент в 2018 году В. Путин в своих заявлениях.

[143] *Иванов В*. США должны готовиться к войне пятого поколения // Независимая газета. 25.08.2017.

[144] Развитие, а не стагнация / Конкуренция — главный рычаг экономического роста / Годовой доклад к съезду Ассоциации российских банков — 2017. — М.:

АРБ, 2017. — С. 11 / http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2017/03/Godovoy-Doklad-A5_WEB.pdf

[145] *Daniel R*. Coats Director of National Intelligence / Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community. Febr. 13, 2018. — P. 15 / https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Coats_03-06-18.pdf

[146] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 23–33.

[147] *Путин В*. Послание президента России Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 года.

[148] Подробнее о человеческом капитале и его роли в политике государств см.: *Подберёзкин А. И*. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО-университет, 2011. — Т. 3.

[149] *Путин В. В*. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» №640 от 30 ноября 2016 г.

[150] Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии: аналитич. доклад / А. И. Подберёзкин, О. Е. Родионов, М. В. Харкевич. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 123 с.

[151] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И*. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[152] *Подберёзкин А. И*. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3. — С. 25–31.

[153] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 307–332.

[154] Демографические вызовы России. Экспертно-аналитический доклад. — М. Ноябрь 2017 / https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/11/Report-Demography-web.pdf

[155] World Economic Situation and Prospects 2017 / United Nations New York, 2017 / http://www.un.org/en/development/desa/policy/wesp/wesp_current/2017wesp_full_en.pdf

[156] Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии: аналитич. доклад / А. И. Подберёзкин, О. Е. Родионов, М. В. Харкевич. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 123 с.

[157] Цит. по: *Андреев Н*. Карл Маркс: Сжечь Одессу… Разрушить Севастополь… / Родина, 1 мая 2018 / www. rg/2018/05/03

[158] См. подробнее: *Подберёзкин А. И*. Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[159] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И*. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[160] *Путин В. В*. Указ президента РФ «Стратегия национальной безопасности России» №685 от 31 декабря 2015 г.

[161] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И*. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[162] *Путин В.* Послание президента России Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 года

[163] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3.

[164] *Ищенко Р.* Технология безупречного переворота / Эл. ресурс: Актуальные комментарии. 2018, 2 мая / http://actualcomment.ru/tekhnologiya-bezuprechnogo-perevorota-1805040941.html?utm_source=politobzor.net

[165] Там же.

[166] Подробнее: https://eadaily.com/ru/news/2018/05/04/ukrainskie-radikaly-zayavili-chto-gotovyat-akciyu-na-krymskom-mostu

[167] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[168] *Ищенко Р.* Технология безупречного переворота / Эл. ресурс: Актуальные комментарии. 2018, 2 мая / http://actualcomment.ru/tekhnologiya-bezuprechnogo-perevorota-1805040941.html?utm_source=politobzor.net

[169] Там же.

[170] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[171] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[172] *Линдер И.* Я. И. Серебровский. — М.: 2011.

[173] *Проценко Н.* На совещании по ОПК Путин послал мобилизационный «сигнал» элитам. 2017.23.11 / https://eadaily.com/ru/news/2017/11/23/na-soveshchanii-po-opk-putin-poslal-mobilizacionnyy-signal-elitam-eksperty

[174] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3. — С. 25–31

[175] *Проценко Н.* На совещании по ОПК Путин послал мобилизационный «сигнал» элитам. 2017.23.11 / https://eadaily.com/ru/news/2017/11/23/na-soveshchanii-po-opk-putin-poslal-mobilizacionnyy-signal-elitam-eksperty

[176] Там же.

Глава 9
Национальный человеческий капитал и институты его развития как фундамент эффективного стратегического сдерживания

Роль, позиции государства в современном мире определяют не только и не столько природные ресурсы, производственные мощности…, а прежде всего люди, условия их развития, самореализация, творчество человека[1]

В. Путин

В развитии современных государств и обществ исключительная роль принадлежит национальному человеческому капиталу и институтам его развития. Не только величина национального богатства и ВВП страны определяется, прежде всего, величиной национального человеческого капитала (до 80% в развитых странах), но и до 95% прироста ВВП. Об этом вновь в своём послании Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 года в очередной раз напомнил В.В. Путин. Другими словами НЧК — важнейший ресурс развития и обеспечения безопасности, от величины и качества которого прямо зависят темпы развития и безопасность государства и всей нации[2].

Кроме того, этот потенциал развивается и сам развивает институты, которые и являются главными инструментами политического влияния внутри страны и за рубежом. Эти же институты становятся всё более важными невоенными средствами стратегического сдерживания, кото-

рые в ряде случаев могут играть исключительно важную и уникальную роль в обеспечении безопасности страны. Прежде всего, современной политики Запада «силового принуждения», против которой необходимо выстраивать эффективное противодействие в форму политики «стратегического сдерживания», обеспеченной невоенными средствами и способами применения[3]. К сожалению, эта роль НЧК и его институтов до сих пор до конца не оценена, хотя, например, выступая в марте на конференции АВН Начальник Генерального штаба ВС России В.М. Герасимов подчеркнул особую значимость именно институтов гражданского общества и не военных средств стратегического сдерживания в обеспечении безопасности России.

Опять же, к сожалению, эта банальная истина практически не учитывается в конкретной политической, социально-экономической и военной деятельности органов государственной власти, что отражается на уровне социально-экономического развития России и её стратегическом отставании (хотя Президент и считает, что «прочный фундамент для этого создан»)[4]. За годы реформ (1990-е годы по настоящее время, т.е. за 27 лет) величина НЧК, измеряемая Индексом развития человеческого капитала (ИРЧК / ИЧР), в России снизилась как абсолютно, так и относительно. В 1992 году, например, ИРЧП России находился на **34 месте** среди других стран «высшей лиги», а в 2006 — только на **73 месте**. С тех пор ситуация практически не изменилась, хотя деклараций по этому поводу было сделано немало.

Это то реальное наследство, которое мы получили в результате реформ и социально-экономической политики последних лет СССР и правления команды «перестройщиков» и либеральных демократов, оказавшись к концу века в числе отстающих по этому показателю государств. После 1999 года ситуация стала медленно исправляться. С тех пор Россия несколько поднялась в рейтинге (до **49 места**, почти последнего, места) наиболее развитых государств, опередив Румынию, но всё ещё отставая от Латвии и Хорватии. Это и есть сегодня реальный потенциал (или НЧК) России, формирующий до 75% национального богатства и обеспечивающий рост экономики страны. И потенциал институтов НЧК, во многом определяющий возможности невоенных средств стратегического сдерживания России[5].

Такая ситуация создаёт явную угрозу не только социально-экономическому развитию, но и эффективности обеспечения национальной безопасности. Не случайно 28 марта 2018 года Д. А. Медведев сказал, что «потенциал роста экономики России исчерпан», а 1 марта в своём послании ФС РФ В. В. Путин сказал о цивилизационной угрозе России, которая неизбежно возникает в связи с растущим противоборством между локальными человеческими цивилизациями[6]. Глубину этого кризиса, который стал прямым следствием «демократических» реформ, из которого предстоит ещё выбираться, характеризуют следующие конкретные параметры ИРЧП в эти годы. Примечательно, что после 2006 года Россия вступила в длительную полосу кризиса и стагнации, из которой она вышла только к 2018 году.

Таблица 9.1. Слагаемые ИРЧП России[7]

	1992	1999	2000	2001	2004	2005	2006
Продолжительность жизни (лет)	70	66,6	66,1	66,6	65,2	65	65,2
Уровень грамотности взрослых (%)	98,7	99,6	99,6	99,6	99,4	99,5	99,4
ВВП на одного жителя (долл.)	6930	7100	8377	7100	9902	10845	13205
Индекс качества жизни	0,858	0,775	0,781	0,779	0,797	0,802	0,806
Место по рейтингу ООН	34	55	60	63	65	67	73

За неполные 15 лет, как видно из приведённых данных, нация откатилась в мировом рейтинге ИРЧП с 34 на 73 место, где и «закрепилась» до сего дня.

На фоне взрывообразного роста ИРЧП и экономик новых центров силы и их демографических потенциалов, которые не могут по объективным причинам даже в долгосрочной перспективе быть превзойденными Россией, у неё остаётся единственный шанс выйти на опережающие темпы мирового развития — только с помощью резкого **увеличения качества НЧК и его институтов. Других способов при существующих моделях и алгоритмах просто нет. Даже теорети-**

чески. Как нет и возможности развития институтов НЧК, которые формируют систему невоенных средств обеспечения стратегического сдерживания.

Другая сторона проблемы — эффективность государственного и общественного управления, которая должна измеряться не субъективным отношением «начальников», а конкретными результатами, прежде всего в области качества НЧК и его институтов**. Это важно признать в условиях, когда В. Путин декларирует смену курса и команды управленцев для осуществления рывка в развитии России.** Таким образом, реальный критерий, который должен быть универсальным показателем эффективности деятельности органов власти — от федерального до местного уровня — должен стать ИРЧП, по которому можно судить о конкретных результатах работы и полезности не только чиновника, но и той или иной идеи, программы или концепции.

Парадоксально, но факт: за эти же 27 лет «реформ» в России по сравнению с СССР ухудшилось качество и количество институтов развития НЧК, причем в том числе и таких эффективных, которые успешно защищали интересы страны в мире. Только в последние годы началась медленная реанимация некоторых из них, которые пока что далеко не соответствуют уровню даже тех же институтов развития, которые существовали в СССР. Например, возможности Россотрудничества, Союзы обществ дружбы, РИА-Новости, Редакции иновещания и т.д., значительно отстают (может быть, за исключением РТВ) от тех же аналогов, существовавших в СССР. А некоторые существовавшие очень эффективные институты даже не пытаются возродить — Комитет молодежных организаций, Комитет защиты мира, Комитеты солидарности и другие.

Иными словами, столкнувшись во втором десятилетии с проблемой обеспечения эффективного стратегического сдерживания, Россия смогла достаточно оперативно приступить к решению военной части этой проблемы — развитию ВВСТ и Вооруженных Сил страны, — но она очень отстала в «перевооружении» своего потенциала невоенных средств стратегического сдерживания, который можно развивать только на основе институтов развития НЧК.

9.1. Фундаментальное значение национального человеческого капитала и институтов его развития в XXI веке

Президент России Владимир Путин подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» — «в целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека»[8]

В. Путин

Уже говорилось, что не только величина национального богатства и ВВП страны, но и военная мощь государства, его способность (в нашем случае) обеспечивать стратегическое сдерживание, во многом предопределяются величиной НЧК и эффективностью его институтов, что легло в основу послания президента ФС РФ 2018 года и первого Указа, в котором было сформулировано поручение правительству до октября того же года подготовить прогноз и план его реализации[9].

Только к началу 2018 года правящая российская элита признала так или иначе, что напрочь «потеряла» для своего развития 30 лет. Сначала в послании ФС РФ 1 марта, а затем в первом указе сразу же после инаугурации В. В. Путин обозначил самые болезненные точки развития страны, о которых, следует признать самокритично, известно было очень давно[10]. В 2018 году мы только-только вышли по основным показателям экономического развития на уровень 1990 года РСФСР, не достигнув основных показателей по машиностроению, а тем более приборостроению и целому ряду других наукоёмких отраслей.

Но за эти же 30 лет мир стремительно развивался, а экономические показатели КНР, Индии, США, Малайзии, Индонезии, Турции и целого ряда других стран увеличились в несколько раз и даже десятки раз. Это означает, что в физических показателях и объемах ВВП Россия осталась на уровне 1990 года (порядка 2 трлн долл.) в то время как объем ВВП КНР достиг 12–13 трлн, а США — 18 трлн. Но это же означает,

что Россия потеряла не меньше в качестве развития институтов НЧК, а, следовательно, и невоенных средств стратегического сдерживания. Это, следует признать, негативно сказалось на её развитии в последние годы и на способности защищать свои интересы за рубежом, в частности, на постсоветском пространстве, где она теснится западной коалицией.

Преодолеть этот разрыв в условиях неблагоприятной международной и военно-политической обстановки можно только и исключительно с помощью качественного роста НЧК страны, когда индивидуальный потенциал **каждого** человека станет составной частью национальной мощи. Условно говоря, если потенциал отдельной личности измеряется от «минус 1000» (для криминальных или других антисоциальных субъектов) до «плюс 1000 и даже 1 000 000»), то НЧК страны в итоге будет арифметической суммой потенциалов этих личностей. Из чего следует, что рост личного потенциала (физического, нравственного, материального, творческого) каждого отдельного гражданина России становится главной задачей нации на среднесрочную перспективу, решение которой в итоге будет означать и решение задачи преодоления отставания страны[11]. Ровно та же логика присутствует и в отношении развития невоенных мер и средств стратегического сдерживания — информационных, политико-дипломатических, научно-образовательных, культурных, духовных и прочих.

Личность каждого отдельного человека в современных условиях играет важную роль, но особенно, если это личность творца — управленца, ученого, писателя. Ещё больше значение отдельных институтов НЧК — творческих и научных коллективов, школ, объединений, в которых человеческий потенциал получает своё развитие. Эта особенность развития современной экономики и общества достаточно давно (как минимум, с 60-х годов прошлого века) и хорошо известна на Западе, где, например, изучили влияние ухода из жизни (ранней смерти) руководителей бизнеса или изменения их (роста) социального статуса, последствия которых немедленно и значительно сказываются на доходности и эффективности бизнеса. По некоторым оценкам, происходит снижение производительности, уменьшение продаж, как минимум, на 2–3% немедленно, но ещё больше в отдалённой перспективе.

В этом смысле институты развития НЧК приобретают исключительное значение для реализации внешне и военной силовой полити-

ки потому, что «сам по себе» личный человеческий потенциал развиваться не может[12]. Для него нужны условия, инструменты и стимулы. И политики ведущих государств мира уже с 90-х годов прошлого века ориентированы именно таким образом. Так, в Германии, например, в марте 2018 года ввели обязательное дошкольное образование (напомню, что во времена «демократических реформ мы массового уничтожали ясли и детские сады, а школы и университеты переводили на платные услуги), а в Японии фактически — всеобщее высшее, как, впрочем, и в целом ряде других стран (которое с 2017 года в Германии бесплатное).

Фундаментальное значение НЧК и его институтов для стратегического сдерживания и национальной безопасности объясняется целым набором факторов, из которого основные — следующие:

— качество НЧК определяет темпы развития и качество ВВП страны и общества, в конечном счёте военную мощь государств, ЛЧЦ и их коалиций;
— качество НЧК определяет качество личного состава ВС и качество военного искусства в государстве, т.е. способности эффективно использовать средства противоборства;
— качество НЧК определяет в целом научно-технические возможности и возможности ОПК;
— наконец, качество НЧК формирует качество его институтов и не военных средств политики, которые в настоящее время являются наиболее эффективными инструментами противоборства и стратегического сдерживания, но которые практически не учитываются, например, в Стратегии национальной безопасности России и других нормативных документах военного планирования[13].

После соответствующих заявлений В. Путина, которые последовали после его послания ФС РФ 1 марта 2018 года, можно ожидать, что акцент на развитии потенциала человека действительно превратится в стратегию развития России. Подобный сдвиг, естественно, потребует огромных усилий и, к сожалению, не гарантирует быстрого результата, которого хочет президент, но даже простое движение в этом направлении будет укреплять потенциал ПСС и ПВК, основанный на невоенных средствах и мерах их реализации.

9.2. Национальный человеческий капитал и его институты

Обращает на себя внимание изначально тот факт, что практически все силовые невоенные средства принуждения, так или иначе, ориентированы на человеческий капитал и его институты, прежде всего представленные в виде системы национальных ценностей[14]. Это подтверждается тем приоритетом, который был сформулирован В. В. Путиным в его первом указе в мае 2018 года о национальных приоритетах и стратегических задачах развития[15].

«Немилитаризованная» форма «сетецентрической» концепции преследует в своей основе те же цели — дезинформация, перекрытие каналов получения информации и/или уничтожение последних, подрыв всей политической системы государства, что влечет за собой фактическую военную победу над противником в условиях современных реалий, когда даже стрелковое оружие становится бессмысленным в отсутствии должной организации и управления, не говоря уже о высокоточных видах вооружений.

Проанализировав тенденцию увеличения количества небоевых операций, проводимых государствами с целью достижения своих национальных интересов, можно составить следующий график, наглядно демонстрирующий динамику изменений соотношения вооруженных и невооруженных средств насилия в арсенале государства, который представлен в виде диаграммы в Приложении. Не боевая составляющая рассматривается в нескольких форматах:

— информационно-пропагандистская деятельность;
— морально-психологическое воздействие;
— дипломатическая деятельность (в том числе публичная дипломатия);
— экономическое давление;
— миротворческие операции;
— гуманитарные миссии[16].

Вместе с тем отдельно требуется рассмотреть каждый из видов небоевых методов воздействия на противника в начале XXI века, которые вынесены в табл. 9.2.

Таблица 9.2. Основные методы морально-психологического воздействия

Психогенное воздействие	Физическое воздействие на мозг индивида, вызывающее нарушения нервно-психологической деятельности, в результате которых человек теряет рациональность мышления, возможность ориентироваться в пространстве, испытывает аффект, депрессию, панические припадки и др.
Психоаналитическое (психокоррекционное) воздействие	Воздействие на подсознание человека терапевтическими средствами, в том числе в состоянии гипноза; благодаря подобному методу можно осуществлять кодировку подсознания по принципу слово — команда, картина — образ и др.
Нейролингвистическое воздействие	Вид психологического воздействия, осуществляемый путем введения в сознание индивида (группы) специально разработанных лингвистических программ, изменяющих эмоционально-волевое состояние; подобные программы могут быть вербального и невербального характера.
Психотропное воздействие	Воздействие на психику людей с помощью медикаментозных средств, химических и биологических веществ; целью данного воздействия является управляемость и контроль того или иного индивида (группы людей).

Одной из важнейших стадий проведения вооруженной операции в ее сегодняшнем виде является прямая работа с местным населением, проводимая вооруженными силами, в частности силами специальных операций (ССО). Подобная деятельность включается в себя: обеспечение безопасности населения (размещение полицейского контингента), помощь в создании органов местного самоуправления, медицинское обеспечение, гуманитарное (продовольственное, в том числе водоснабжение, электроснабжение). Наглядный пример эффективной работы с местным населением демонстрируют ВС РФ в Сирийской Арабской Республике, продолжая оказывать гуманитарную помощь и после вывода основного контингента войск.

9.3. Меры силового невоенного принуждения

Меры силового невоенного принуждения как самостоятельные средства внешней политики «обособились» от остального спектра силовых мер в конце XX века. Это произошло в результате резко возросшего риска самоуничтожения, возникшего в связи с бурным развитием ОМУ. Это нашло своё отражение, в частности, в резко возросшем значении социально-экономических показателей развития общества и государства для безопасности. В России в стратегическом плане этот факт нашел признание с явным опозданием к концу второго десятилетия[17].

Смена политического курса, модели развития и команды исполнителей, похоже, произошла в мае, что отнюдь не гарантирует реализацию этого нового курса: смена программы и исполнителей — только первый шаг, за которым должен заработать новый механизм реализации. Можно коротко свести эти направления силовой невоенной политики, отражающие особенности современного стратегического нападения, к следующим двум основным направлениям:

Первая группа — связана с применения силы относительно **основных объектов** политики «силового принуждения» в новых условиях ВПО и СО, прежде всего по отношению:

— к системе национальных ценностей и национальных интересов;
— к правящей элите и её отдельным представителям.

Характер военно-политического противоборства в XXI веке существенно, качественно изменился по отношению к традиционному характеру, существовавшему до недавнего времени, прежде всего, в том, что основными объектами силового воздействия стала уже не политика и её цели, а система ценностей и конкретные представители правящей элиты объекта, на который оказывается силовое воздействий. Так, силовое (не военное) воздействие, которое оказывалось США на Украину 1980-е, 1990-е и в более поздние годы, заключалось не столько в оказании влияния на её политику, сколько на фундаментальные изменения системы ценностей и приход к власти прозападной и русофобской правящей элиты[18].

Соответственно и средства противодействия такой политики со стороны России должны были бы быть направлены против такой поли-

тики, прежде всего, в области национальной системы ценностей и правящей элиты украинской элиты. Чего сколько-нибудь эффективно не делалось — не поддерживалась ни пророссийская элита, но институты, ни единая с Россией система ценностей[19].

Вторая стратегическая цель — правящая элита противоборствующего государства, которую можно подчинить своей воле и заставить отказаться как от системы национальных ценностей, так и защиты национальных интересов. В конце 1980-х годов и в 1990-е годы было видно как правящая элита СССР и России откровенно игнорировала систему национальных интересов России[20].

Вторая группа, входящая в основное направление силовой политики, — средства стратегического нападения, обороны и сдерживания, которые охватывают всё расширяющейся спектр новых средств и способов силового принуждения, которые становятся единым коалиционным ресурсом Запада и с определенной степенью условности можно перечислить следующим образом: **экономические санкции и технологические ограничения,** которые обеспечивают важнейшие условия для стратегического нападения, — военно-техническое превосходство, а также создают экономические и финансовые трудности в странах-противниках.

При этом важно подчеркнуть, что эти меры эффективны только ПОСЛЕ того, как оппоненту удается навязать изначально неправильную модель социально-экономического развития. Как это удалось сделать в свое время по отношению к СССР и России, навязав им «макроэкономическую» модель «всеобъемлющего рыночного развития». Необходимо подчеркнуть, что нередко эти меры носят скрытый, латентный характер, который выражается в политическом навязывании ложных моделей развития в экономике, науке и технологической областях. Так, например, как это было применительно к России, когда не только политико-идеологические ложные модели, но и настойчивые экономические рекомендации Запада привели к деградации российской экономики. В определенном смысле такое внешнее вмешательство Запада оправдано потому, что оно направлено на устранение конкурента. Вина правящей российской элиты в том, что она не хотела и не смогла сопротивляться, да и сегодня продолжает по сути ту же политику.

Соответственно и противодействие этому внешнему влиянию должно происходить на ценностном уровне, а также на уровне цивилизационных и национальных интересов, а не отдельных враждебных действий и угроз. Россия, как оказалось, была ввергнута в управленческий, политический и экономический хаос, из которого она до сих пор не может выбраться. Одним из последствий этого стало увеличивающееся отставание, а другим — уязвимость для экономических и технологических средств «политики принуждения», лечение от которых происходит в алгоритме избавления от «импортозависимости», хотя главная «импортозависимость» у нас сохранилась в политико-идеологической области[21].

В этой связи интересно мнение одного из ведущих специалистов из центра Сколково по этому вопросу П. Биленко, который говорит следующее: «Сегодня мир стоит на пороге нового технологического уклада, стартовала цифровая трансформация и российской экономики. Как можно изменить ситуацию и почему не эффективно двигать прогресс с помощью госпрограмм государственных инициатив». Как и 100 лет тому назад Россия стоит перед выбором алгоритма развития — модернизационно-мобилизационного или инерционно-стагнационного, — который будет определять её будущее на десятилетия вперед.

Если «посмотреть в прошлое», то можно сделать некоторые выводы, имеющие политико-идеологическое значение для нации, прежде всего с точки зрения её способности к быстрому экономическому и социальному развитию. Правда индустриализация Российской Империи проводилась при активном участии зарубежного капитала. На 1 января 1917 г. на долю иностранных инвестиций в промышленности приходилось более 50%. При этом на долю французского капитала приходится 32,6%, английского — 22,6%, немецкого — 19,7%, бельгийского — 14,3%, американского — 5,2% и на долю остальных стран — 5,6%. Именно поэтому отсутствие западных инвестиций сегодня будет сказываться на темпах развития России, но не определять их и политику страны.

Исходя из данных о производстве основных видов продукции, характерной для периода «угля и стали», мы легко сможем увидеть, что Революция и Гражданская война остановили развитие России на 15–20 лет. А компенсация этого отставания произошла в годы Великой депрессии, когда Россия оказалась рынком сбыта для терпящих кри-

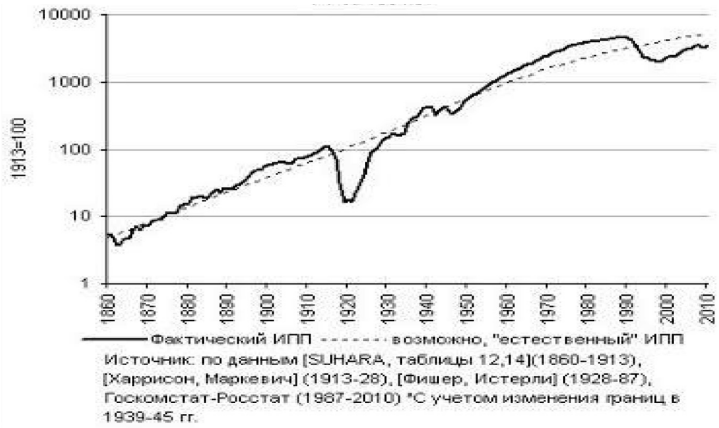


Рис. 9.1. Индекс промышленного производства в Российской империи, СССР*, РФ за 150 лет

зис перепроизводства европейский стран и США. За индустриализацию пришлось заплатить не только материальными ценностями, накопленными в предыдущие столетия, но и тяжелейшим положением крестьянства и сверхэксплуатацией рабочей силы.

Иосифу Сталину банально повезло править в момент пика научно-технической революции. Во всем мире проходила электрификация и механизация, началась автомобилизация и внедрение тракторов в сельском хозяйстве. Электричество и автомобили в России без Сталина точно также появились бы — это абсолютно не его заслуга. И из-за вынужденного отставания СССР шел уже проторенной дорожкой, опираясь на опыт и технологии других стран. А как известно догонять значительно легче, чем разрабатывать все с «нуля», чем и объясняется «сталинское экономическое чудо» — процессы, занимавшие десятилетия в других странах уложись в более короткий промежуток. А так, с «низкого старта» для 1930-х гг. получаем те высочайшие темпы роста экономики, которые нас сегодня впечатляют.

Прежде всего, необходимо говорить о реанимации машиностроения, росте производительности труда и быстрой трансформации экономики в более эффективную: реальный сектор и машиностроение — это основа основ, именно здесь сосредоточены критические узлы всей экономической системы. Мы много работаем глобально и видим, что в мире за последние пять лет затраты на старт и развитие новых тех-

нологических проектов существенно снизились. В Кремниевой долине пять лет назад для запуска продукта надо было потратить два года и $5 млн, сегодня — шесть месяцев и $100 тыс. Издержки на запуск прототипа продукта сократились в пятьдесят раз, скорость производства прототипа — в четыре раза. Программное обеспечение зачастую бесплатное или упало в цене, офисы переместились в коворкинги, затраты на аппаратное обеспечение также снизились — инфраструктура в облаке. Чтобы создать прототип продукта или прорывной технологии теперь нужно гораздо меньше денег, времени и усилий[22].

И далее он делает вывод: «А все эти красивые слова — „инфраструктурные организации“, „субъекты рынка“, „институциональные условия“ — это фантомы. Особенно это понятно, если вы оглядитесь по сторонам на центральных улицах наших городов. Какие институциональные условия, если в центральных городах на улицах у нас рестораны, а в Сан-Хосе, не первом городе Калифорнии — техшопы, детские образовательные центры и интерактивные музеи? Даже так любимые всеми сегодня словам „платформа“, „архитектура систем“ и „уберизация“ — фантомы. Они существуют сегодня только как сильно потерявшие ценность слова, затасканные с конференции на конференцию, из важной речи в важную речь. Время изменилось, новое поколение уже устало от фантомов и понимает их призрачность. Нет в природе таких сущностей. Что есть — сотни компаний по всей стране в разных стадиях развития. Которыми управляют люди. Которые меняют или не меняют эти компании»[23].

Да, подобные пространства в России есть, но их немного — инновационный центр Сколково, Иннополис в Татарстане, инфраструктура технологического предпринимательства на Дальнем Востоке. И они в определенной степени закрыты. То, что представляет собой пространство для развития за рубежом, у нас пока больше похоже на резервацию. Все дело в доступности. В Сан-Хосе вы можете увидеть площадку для развития (техшоп) в центре города, она открыта до полуночи и здесь рады видеть всех: например, рядом с программистами увлеченно работают сварщики, которые тут же мастерят прототипы будущих продуктов. У нас, чтобы просто въехать в фонд Сколково и технопарк на автомобиле, надо заранее заказать пропуск. Строили экосистему, получилась резервация. Так не работает развитие новых компаний, транс-

формация идей в революционные продукты. И это, по-моему, очевидный, но, к сожалению, пока не разделяемый на практике создателями программ, повесток и лозунгов факт»[24].

Эти меры принимались Западом по отношению к Кубе, СССР, Ирану, Ливии и целому ряду других государств еще в XX веке, но в новой стратегии «силового принуждения» они носят тотальный и глобальный характер, когда в противоборство вовлекаются все члены западной военно-политической коалиции (более 60 государств), а также к ним принуждаются другие страны[25].

Главная цель всего комплекса таких силовых средств и мер, используемых в политике силового принуждения, — разрушении не только экономики, но и самого государства и общества, принуждение его правящей элиты к капитуляции. Они могут быть систематизированы следующим образом:

— **Меры давления на представителей правящей элиты противника**, которые можно назвать мерами политико-экономического шантажа и принуждения. Комплекс этот мер применялся западной коалицией неоднократно, но именно в XX веке он стал системным (комплексным) и сетецентричным (нацеленным на отдельных, конкретных представителей, а не только на какие-то социальные группы.

Более того, после демонстративного уничтожения лидеров противоборствующих сторон (Чаушеску, Каддафи, Хусейна, Наджибуллы и др.), а также изобретения Международного трибунала, фактически была создана правовая основа для легального шантажа и уничтожения любых лидеров и представителей правящих элит, которые могут показаться руководителям западного блока целями политики «силового принуждения».

Принятый Конгрессом в августе 2017 года закон, предполагает усиленное и долгосрочно давление на правящую российскую элиту до тех пор, пока она не капитулирует и не примет американские условия для политического курса России.

— **Меры сетевого социального силового давления на общество** и правящую элиту, включающие широкий набор средств и способов принуждения, который создавался со второй половины XX века в виде разного рода СМИ, НКО и международных организаций.

Пример с Украиной в этой связи выглядит очень показательным — там в течение трех десятилетий создавались антисоветские и антироссийские организации, которые быстро трансформировались в националистические, экстремистские и даже фашистские общественные организации и партии.

— **Силовые меры по снижению темпов и уровня социально-экономического развития противника,** которые предполагают внедрение вредных — неэффективных и нередко откровенно диверсионных — схем управления, лиц, ориентированных на развал государства и экономики, в правящую элиту страны, как это было в СССР, когда «иностранные консультанты» управляли целыми министерствами, или, как на Украине, где такие же советники управляют СБУ.

— **Средства и меры, разрушающие системы национальных ценностей и самоидентификацию.** Комплекс этих мер и средств следует отнести к числу наиболее приоритетных невоенных средств ведения силового противоборства. С единственной поправкой на их невысокую оперативность при исключительно значимой, фундаментальной, эффективности. В особенности с точки зрения политической сетецентричности, когда одновременно оказывается влияние на сотни и тысячи объектов. Л. Савин, например, таким образом описывает «роевое применение» средств принуждения: «Представьте себе, что вы в лесу потревожили осиное гнездо. Рой разъяренных ос вылетает, чтобы жалить своего обидчика во все места, до которых они могут добраться. Каковы будут ваши действия? Очевидно — убежать как можно быстрее. А как будет убегать государство со своей территории? При применении такой аллегории это будет выражаться в смене институтов власти»[26].

Когда разрушается система национальной самоидентификации, людьми можно манипулировать через их ценности и интересы, посредством определенных техник, устанавливая выгодное для внешних сил и ложное с точки зрения национальных интересов целеполагание. Именно так формировалось общественное мнение со второй половины 80-х годов в СССР, когда главным манипулятором, искажавшим систему ценностей, выступил орган, многие годы отвечавший в стране за

формирование национального и классового сознания, — Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС во главе с А.Н. Яковлевым. В результате было создано альтернативное общественное мнение, поддерживаемое властью, враждебное самому существованию СССР как государства.

При этом у разных групп могут быть разные цели, но, в конечном счете, все будет складываться в одну картину. Имея разные «отряды» под общим управлением, о котором могут и не догадываться сами уличные исполнители, заказчик может ввергнуть страну в хаос, как уже неоднократно повторялось. Именно в такой хаос ввергался СССР, который к августу 1991 года превратился в неуправляемое государство. Возможность сопротивления таким организациям и сетям, продвигающим ложную систему ценностей, зависит как и от умения властей распознавать угрозы на этапе их зарождения, так и способности создавать и активно использовать свои организации и свои контрсети для баланса через непрямые действия. В СССР в августе 1991 года у власти были и организации и сети, но не было решительности и воли их использовать против оппонентов.

И прежде всего потому, что была деформирована базовая система национальных ценностей, подорвана уверенность в её значении для нации и государства. То, что тот же Л. Савин называет «базовой резистенцией» общества:«Но и базовая резистентность должна быть достаточно сильной. — Пишет он. — Имеется в виду чувство патриотизма у народных масс и желание защищать свою страну». Агентура, как правило, ожидает время «икс», когда она используется в соответствии с их опытом, связями и умением[27].

— **Демографические, биологические и иные меры, предполагающие депопуляцию и деградацию нации, особенно качество национального человеческого капитала.** К числу таким мер относится, прежде всего, ложная социально-экономическая позиция правящих кругов, которая может быть сформулирована и навязана извне[28]. Не секрет, что на Западе существует немало концепций, книг и организаций, которые своей прямой задачей поставили максимально громко «сформулировать озабоченность» перенаселением планеты и грядущим демографическим коллапсом, угрожающим самоуничтожением. Эти организации и фонды, в том числе

на правительственном уровне, всячески стимулируют активность разного рода сил, которая вела бы к свертыванию демографических программ и сокращению численности населения.

Ярким примером этих действий стала деятельность российского правительства в 1990-е годы, которая привела к демографической катастрофе, из которой правительство В.В. Путина пытается как-то выбраться сегодня, принимая меры по стимулированию рождаемости и сокращению смертности.

Надо признать, что для некоторых регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, которые богаты природными ресурсами и крайне ограничены демографическим потенциалом, подобная политика правительства и западных организаций привела к депопуляции целых районов, которую не удается преодолеть сегодня.

К числу таких мер следует отнести и многочисленные меры, навязываемые извне и иногда поддерживаемые внутри России, по распространению вредных продуктов, фальсификатов и особенно вредных «услуг» населению, принявших массовый характер.

Особенно важно для национальной безопасности, вернуть лидерство России в НЧК, его институтах и конкретных руководителях государственных и общественных институтов, в особенности кадрового потенциала у правящей элиты, которая по свои профессиональным и нравственным качествам не соответствует потребностям России сегодня, в особенности, за рубежом, на что обращал внимание в своих майских указах МИДу и МЭРу В.В. Путин[29].

— **Средства информационного и когнитивного воздействия на общество и его институты**. Исключительно важное значение приобретает силовая борьба с Россией в когнитивной области, смысл которой сводится к превращению общества в неорганизованную массу и, в конечном счете, в неуправляемую толпу, лишенную здравого смысла и национальных ориентиров, руководимую чужими интересами и ценностями[30].

Здесь огромная роль принадлежит идеологии, как системе упорядоченных взглядов на основные цели и средства развития общества, экономики и государства, которая выполняет — о чем нередко забывают — функцию системного политического, социально-экономическо-

го и даже военного управления[31]. Примечательно в этой связи то, что официальная Военная доктрина России «представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и защиту Российской Федерации»[32].

Развал СССР начался с развернутой сознательно масштабной работой по уничтожению идеологии правящей элиты («деидеологизации идеологии») и развала государства и его институтов («борьбы с этатизмом»), которая достаточно быстро привела к образованию идеологической пустоты, быстро заполненную чем угодно — от «лечения» Кашпировского до «свободорыночных» универсальных идеологем западных либералов, естественно, сопровождавшихся развалом институтов государства — сначала КГБ и Министерства обороны, а затем и всех экономических и социальных органов управления[33].

Было уступлено добровольно и идеологическое лидерство, в том числе и в мире, которое долгие годы объединяло многие страны и движения, превратившееся в жалкую политико-идеологическую компиляцию убогих западных либеральных идей. То, что последовало за этим — отказ от многих атрибутов политического суверенитета, одностороннее разоружение, развал ОПК и т.д. — другая стороны медали, но которая является прямым следствием отказа от идеологии, который попытались даже закрепить в Конституции Российской Федерации.

В условиях глобализации и информационного противоборства достижение стратегических преимуществ государством напрямую зависит от имеющихся у него информационных возможностей, которые представляют собой совокупность следующих компонентов:

— оперативное получение информации, разведданных;
— регулирование потоков информации;
— воздействие на ее обработку (трансформация информации);
— реализация информации (СМИ и иные методы);
— контроль СМИ, в том числе интернет-пространства;
— морально-психологические разработки влияния на внутреннего и — внешнего получателя информации;
— технические и технологические аспекты (достаточное количество — спутников на орбите, развитая наземная инфраструктура, автоматизированные системы передачи данных и пр.);

— защита информации, в том числе каналов ее передачи;
— создание достаточного количества дата-центров для обработки и хранения информации.

В контексте противоборства в кибернетической ноосфере осуществляется, в том числе, и информационно-психологическое воздействие, которое приобретает статус полноценного (нефизического) оружия. Орудием и оружием единовременно служит информация в самом широком понимании. Целью информационно-психологических мероприятий является формирование определенных идей, взглядов, побуждающих к деятельности, дестабилизирующей ту или иную сферу общественной жизни государства (экономическую, социальную, культурную, религиозную) или же политический строй в целом.

Подобное оружие принято называть консциентальным, имеющим целью оказывать воздействие на сознание (подсознание) народонаселения государства-противника. Мишенью в данном случае становится идентификация социальных групп или же отдельно взятых индивидов. Проявление идентификации личности осуществляется в рамках культурных, религиозных, языковых и пр. особенностях традиций родной страны, иными словами его самоопределение. Соответственно, оказывая воздействие на сознание человека, возможно «перекодировать» его отношение к тому или иному событию в целом. Подобные мероприятия сегодня привычны и широко используются СМИ, форма и содержание подачи информации в которых зачастую формирует определенное отношение граждан к той или иной новости. Яркий пример — освещение сирийской кампании (2015–2016 гг.) российскими и зарубежными новостными агентствами. Следовательно, уступить в подобной информационной «схватке» равносильно деморализации — одной из составляющих дальнейшего поражения уже на физическом уровне. На сегодня особую актуальность приобретают слова Н. Ротшильда: «Тот, кто владеет информацией, тот владеет миром». Вместе с тем следует вспомнить также менее известное, но раскрывающее суть жизненно важной необходимости информации, высказывание британского премьер-министра Б. Дизраэли[34]: «As a general rule, the most successful man in life is the man who has the best information»[35].

Следует вместе с тем отметить, что консциентальное оружие применяется не только на международном уровне, в геополитической борьбе, но широко распространено и внутри отдельно взятых государств, поскольку институт государственной власти в последние десятилетия претерпевает серьезные изменения на структурном уровне. Выходя за рамки физического воздействия, государственная власть осуществляет контроль, управление, принуждение в рамках, организованных по сетецентрическому принципу мероприятий. На современном этапе развития общества дихотомия «власть-знание» уже не является прерогативой какого-либо специализированного института государства, как это было, к примеру, в Третьем Рейхе с его министерством пропаганды под руководством Йозефа Геббельса. Сегодня «власть-знание» представляет собой разработанную и развивающуюся информационную сеть, лишь малой частью которой выступает сама государственная (прямая) власть и все большую роль играют негосударственные структуры, социальные сети, отдельные личности.

Возвращаясь к вопросу геополитической борьбы в контексте информационно-психологического противоборства, важно подчеркнуть, что под действием изложенных в Таблице 4 вариантов психологического вмешательства трансформируется сама психосоциальная структура сетевого сообщества, коим на сегодняшний день является население, в том числе и политическая элита государства.

9.4. Меры стратегического сдерживания развития национального человеческого капитала противника

Совершенно очевидно, что резкое увеличение значение НЧК, его институтов, в том числе и как очень эффективных средств силового принуждения, естественным образом ставит вопрос и об их использовании в качестве средств и мер стратегического сдерживания. Другими словами, не военных контрсредств силового принуждения. Более того, подобная перспектива неизбежно ставит вопрос о возможности эффективного не только военного, но и не военного противодействия

со стороны России, в ответ на военные средства. Синтез средств не военного и военного принуждения может быть очень эффективен в связи с начавшимся переходом ВВСТ на новый интеллектуальный уровень использования, например, робототехники для воздушно-космических и наземных операций.

Но не только. Средства могут быть и средствами влияния на развитие НЧК и институтов НЧК противника. В самом простом виде — это идеологические, концептуальные, политические, информационные и финансовые ресурсы, направляемые на сдерживание развития НЧК и его институтов у потенциальных оппонентов. Так, например, в 1980-е годы западным политическим технологам удалось продвинуть на «российский рынок» целый пул псевдоидей и концепций, направленных на сдерживание научно-технического развития СССР под разными предлогами. Например, часто внедрялись идеи о том, что «фундаментальная наука на Западе не финансируется государством», что вело за собой свёртывание финансирования науки в СССР и России.

Другая идея — «экономическая выгода конверсии», которая привела к развалу ОПК и прекращению НИОКР в военной области на целые десятилетия. Ещё одна идея — экономическая неэффективность развития производительных сил в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке — привела к депопуляции регионов, которую не удалось остановить до сих пор.

Массовые выдвижение подобных идей происходи при двух условиях:

— существовании соответствующих заинтересованных институтов (фонда Сороса, например);
— пассивному отношению или даже поддержке внутри страны со стороны власти и общества, что наблюдалось в СССР и России в 1980-е и 1990-е годы особенно сильно. Конечной целью таких специальных операций является разрушение суверенитета и идентичности, отстранение от власти патриотической элиты, т.е., в конечном счете, речь идет о политической цели и противодействии этим акциям — сохранении суверенитета и национальной идентичности в будущем. Можно представить эту политику в качестве реакции на политику «силового принуждения» Запада в виде некой матрицы следующим образом.

Важно отметить, что защитой от такого оружия является само это оружие, используемое, однако, на государственном уровне в целях защиты населения от информационно-психологического воздействия извне. Таким образом, в современных условиях отдельно взятый индивид является непосредственным участником информационно-психологического противоборства, его жертвой, средством борьбы и самим «полем боя».

Не случайно, что лидерство в «толковании» и «объяснении» пытаются навязать западные средства, включая СМИ. В частности, тот словарь, справочник, энциклопедия и т.д., который будет признан наиболее авторитетным, и будет задавать тон и моду в обучении и трактовке событий.

В этой связи обращает на себя внимание упорно продвигаемая практика внедрение в российскую систему высшего образования рейтинга университетов, в котором все первые десятки мест заранее прописаны для английских, американских и швейцарских университетов, а критерии отбора подобраны соответствующим образом. Не случайно и то, что критерием научной эффективности (который внедряется российскими органами образования) являются рейтинги «Хирша», «Скопус» и другие, формируемые, прежде всего, западными журналами. Получается, что российский ученый, например, в области безопасности, должен соответствовать требованиям … американских журналов, в зависимость от которых прямо ставится его заработная плата, участие в НИР и пр.

Нельзя не сказать и не вспомнить о влиянии различного рода «экспертных» медиа, прямо влияющих на политические процессы и принятие решений в области экономики. Такие издания, как Forbes и Bloomberg регулярно издают свои рейтинги и аналитику, которая ложится в основу научных и политических выводов. При этом мало кто интересуется качеством и достоверностью информации, даже в тех случаях, когда она вызывает сомнение. В данном случае ситуация выглядит типично коммерческой — кто заплатит за рекламу и заказную статью, того и будут воспевать «эксперты» по экономике и инвестициям данных изданий. Но приоритет всегда будет за местом обитания — США, которые обладают подавляющим превосходством в СМИ, оцененным

в свое время Б. Обамой как 95% мирового потенциала[36]. Причем весь этот потенциал превращен в единый интеграционный военный потенциал США по всему миру, который обеспечивает «операции, основанные на глобальных логистических возможностях, безопасности связи, объединенной разведке и возможностях наблюдения и анализа»[37].

Таблица 9.3.

		Политика «силового принуждения» Запада	
Стратегическое сдерживание со стороны России		**Стратегическое нападение военными средствами**	**Стратегическое нападение невоенными средствами**
	Стратегическая оборона военными средствами	**«А»** широкий спектр войн и военных конфликтов — от глобальной ядерной войны до использования сил террористов	**«Б»** Широкий спектр невоенных силовых средств (экономических, финансовых, информационных и др.)
	Стратегическая оборона невоенными средствами	**«В»** Широкий спектр военных средств стратегической обороны и сдерживания	**«Г»** Широкий спектр невоенных средств стратегической обороны и сдерживания

В данной матрице видно, что основное поле противоборства (стратегическое наступление) находится в квадрате «Г», который предполагает, что:

— стратегическое сдерживание делится, как минимум, на оборону с помощью силовых, но невоенных средств и на собственные силы сдерживания невоенными средствами и способами;
— сдерживание в данном случае рассматривается как способность контролировать (управлять) силовой эскалацией противоборства.

Такая постановка вопроса требует, как минимум, вернуться к вопросу о существующих возможностях не военного сдерживания и обороны России и поиске способов их увеличения в области информатики и СМИ, а также в стратегии их использования, которая в случае со СМИ (как показал опыт работы «России сегодня») может быть очень эффективной. Эти возможности и средства концентрируются в негосударственных областях развития институтов НЧК, которые условно можно разделить:

На меры и средства, используемые неправительственными гражданскими организациями (НГО):

С точки зрения «сетецентрической» теории, в России, некоторые вопросы представляют собой определенные трудности на пути построения и реализации данного концепта. К факторам, напрямую влияющим на эффективность формирования информационно-управляющей сети, относятся следующие, в отсутствие которых российский «сетецентризм» невозможен. Условно разделим необходимые компоненты на 4 уровня.

1. Законодательный уровень.

Очевидны законодательные противоречия, с которыми сталкивается модернизация институтов человеческого капитала на государственном и неи государственном уровнях, включая ВС РФ. К ним относятся, в первую очередь, приоритетность соблюдения иерархичности армейской системы, в то время как сетецентрическая модель горизонтальна и саморегулируема. Коль скоро необходимость принятия решений на современном этапе развития технологий приобретает минутное измерение, промедление в ожидании получения приказа «сверху» может стоить потери управления, что, соответственно, влечет военное и политическое поражение государства.

2. Информационно-технологический и технический уровень.

Несмотря на колоссальную работу по модернизации современных систем вооружений, одним из уязвимых мест российских сетецентрических войск все еще является недостаточность информационного сопровождения, несвоевременность получения, а зачастую и отсутствие такового. На лицо также несовершенство автоматизированных систем приема и обработки информации различных уровней и происхождения, что значительно усложняет процесс принятия решения руководством и, как следствие, дальнейшее выполнение задачи. К примеру, по данным Генерального штаба к концу 2016 года Сухопутные Войска лишь на 45% были укомплектованы современными средствами связи[38]. Особое внимание следует уделить разработкам в области космических технологий получения и передачи разведданных, а также непрерывному сопровождения наземных операций ВС. Требует развития такая научная дисциплина как геоиконика, основной задачей которой является анализ геоизображений, получаемых спутниками, преобразование и реализация их на практике.

Безусловно, в рамках Сирийской кампании информационное освещение, в том числе спутниковое, было на высшем уровне, на что обратили пристальное внимание военные эксперты на Западе. Развитие получили спутники оптической и радиотехнической разведки. В отсутствие последних операция ВКС с применением современных средств поражения, высокоточного оружия представлялась бы невозможной вообще. Однако электронно-техническая промышленность России все еще значительно отстает от американской и китайской. Несмотря на отечественные разработки в области ракетных двигателей (к примеру, военные спутники США, запускаемые ракетой Atlas, используют российский двигатель РД-180), в то время как функциональная составляющая, т.е. электроника, является продуктом зарубежной научной мысли[39].

3. Организационный уровень.

Важно подчеркнуть необходимость прямой связи и зависимости военной и гражданской промышленности в области информационных технологий. Требуется работа по стандартизации и унификации программно-технического оборудования и документации с целью упрощения и ускорения процесса организации и управления, поскольку различные составляющие (детали) создаются зачастую разными производителями по собственно разработанным стандартам, замедляя дальнейшую оптимизацию и поставку на боевое дежурство того или иного оборудования.

4. Морально-психологический уровень.

Еще одним из аспектов, который необходимо рассмотреть, является моральная и профессиональная подготовленность личного состава ВС к работе с современными аппаратами, программами и другими техническими средствами. Система обучения в высших военных образовательных учреждения требует модернизации, поскольку в современных условиях некоторые законы оперативного искусства теряют свою актуальность. К примеру, одним из основных критериев планирования боевых действий все еще считается плотность войск, массированность, которая определяется числом соединений, сил и средств на 1 км фронта. Данное исчисление боевой мощи относительно современных средств и способов ведения вооруженной борьбы уже уходит в прошлое. При этом следует менять и мировоззрение военного руководства всех уровней относительно управления формированиями, повышать их техническую грамотность.

Поскольку на сегодняшний день российские ВС все еще находятся на стадии модернизации, анализируя, в том числе американский опыт неоднократного применения военного сетецентризма, хотелось бы особо подчеркнуть дефиницию западного подхода по отношению к необходимым отечественным разработкам, которые не в полной мере способны обеспечить национальную безопасность РФ. США и их союзники по НАТО на протяжении десятилетий ведут наступательные военные действия на чужой территории со слабым противником (ассиметричные конфликты) и обладают инициативой в развязывании войны. В условиях российских реалий данный опыт представляется лишь частично актуальным, поскольку исторически Россия ведет, прежде всего, оборонительные военные действия и не обладает возможностью влияния на стартовые условия ведения войны. Данный факт, безусловно, следует учитывать, разрабатывая российскую «сетецентрическую» концепцию. Только при условии реализации всех вышеупомянутых факторов российский сетецентризм станет действительно преимуществом.

Среди других силовых невоенных мер можно выделить две обособленные группы, влияние которых во внешней политике стремительно возрастало в последние десятилетия:

1. **Меры и средства, используемые некоммерческими организациями (НКО).**

В настоящее время трудно оценить количество НКО, численность их членов и деятельность в той или иной области. Я пытался это сделать в начале нулевых при создании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека при Президенте России, но столкнулся с проблемой**:** при численности в 350 тысяч зарегистрированных НКО в России их реальная численность была намного ниже.

В то же время существовали тысячи не зарегистрированных НКО, среди которых были и сотни (а, может быть, тысячи) очень активных. Особенно это характерно было для региональных НКО, деятельность которых находилась фактически вне всякого контроля.

В любом случае можно говорить об огромном ресурсе, который может быть использован как в интересах нации, так и против интересов России.

2. **Меры и средства, применяемые средствами массовой информации (СМИ).**

Особенностью современного периода противоборства с точки зрения использования СМИ стало их превращение в откровенные психологические средства дезинформации и силовой борьбы, когда прежние задачи «информирования общества» окончательно были заменены на задачи информационно-психологической борьбы. В этом смысле СМИ стали как средствами силового принуждения, так и средствами стратегического сдерживания со всеми вытекающими из этого последствиями.

9.5. Координация сил и средств силового невоенного противодействия России

Срочно необходимы разработки
теоретических основ комплексного поражения противника[40]

В. Герасимов,
начальник Генерального штаба ВС РФ

Переход в начале нового века силового противоборства на уровень отношений между локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ) и их коалициями[41] означает создание нового качества МО и ВПО, которое отличается по целому ряду характерных черт и особенностей от МО и ВПО даже конца XX века:

— во-первых, произошло стремительное расширение всего спектра **средств и методов** силового противоборства, как военных, так и не военных, и их быстрое наращивание. Можно сказать, что в качестве средств силового противоборства стали использоваться любые, порой самые безобидные средства, которыми обладают не только государства и отдельные акторы, но и простые граждане. Так, например, в качестве террористических инструментов стали использоваться газовые баллоны, автомобили, обычные ножи, рассылка СМС-сообщений и пр.;

— во-вторых, произошло резкое **расширение участников** противоборства — субъектов ВПО — «вширь», которое положило начало формированию широких военно-политических коалиций, из которых, по меньшей мере, одна — западная, во главе с США, — окончательно оформилась уже к началу нового столетия. Среди полноценных участников силового противоборства стали не только отдельные вооруженные формирования, но и вполне гражданские организации («Белые каски», например), которые стали заметным фактором в соотношении сил;
— в-третьих, появились и стремительно развиваются такие качественно **новые особенности** военно-силового противоборства на современном этапе развития ВПО как:
  — расширение спектра условий применения военной силы;
  — исчезновение границ между силовыми и военными способами;
  — искажение норм международного права;
  — изменение классических сценариев подготовки и начала войн;
  — комплексное поражение противника;

При этом нередко отсутствие явных противников в качестве государств и др. акторов, создание «облачных противников», а также заметные изменения в политическом и военном искусстве (в особенности отчётливая тенденция перехода стратегического сдерживания из ядерного в неядерную и невоенные сферы), предполагают необходимость координации на качественно новом уровне усилий и средств по обеспечению эффективного стратегического сдерживания[42] не только между государственными институтами, но и между институтами государства и общества, государства и бизнеса, государства и отдельных граждан. Иными словами, требуется переформатирование военной организации страны в военную организацию нации. В самом общем виде эта реорганизация представляет собой создание такой военной организации, которая использует все национальные ресурсы в интересах безопасности и стратегического сдерживания, включая потенциал бизнеса и конкретного человека (рис. 9.2).

Привлечение к обеспечению стратегического сдерживания всех ресурсов и структур необходимо потому, что ядерная стратегия государства и коалиции перестаёт быть основной, уступая своё значение дру-

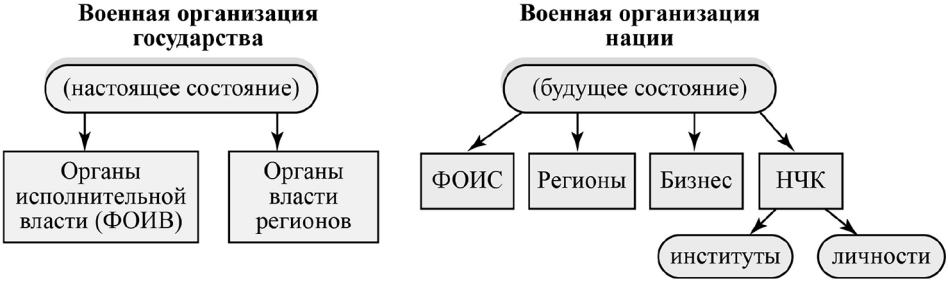


Рис. 9.2. Реорганизация военной организации государства в военную организацию нации

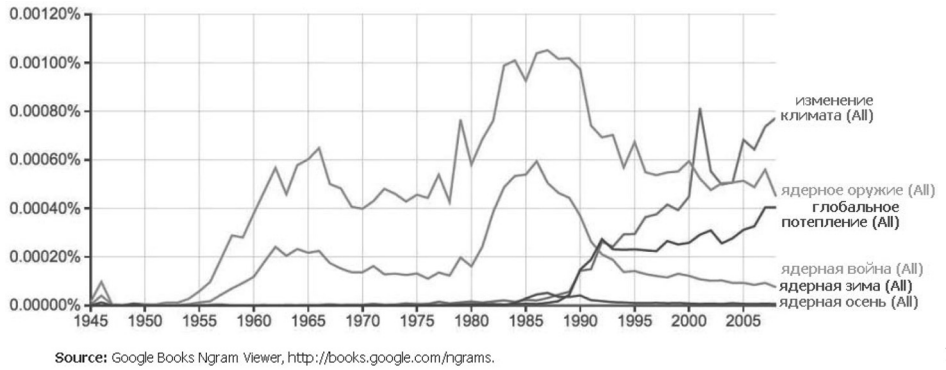


Рис. 9.3[43]. Реорганизация военной организации государства в военную организацию нации

гим, порой даже не военным факторам. Так, на графике ниже (рис. 9.3) отчетливо видно, что в период после 1990 года вплоть до 2008 года значение факторов, не связанных с ядерным оружием, стремительно росло, а собственно ядерного оружия — сокращалось.

Это означает, что к 2008 году в мировом общественном мнении, в т.ч. в Великобритании, опасности ядерной войны была вытеснена экологическими и климатическими опасениями. Однако, если такое обследование провести сегодня, в 2018 году, то, уверен, что ситуация в Англии вернется к «пику» ядерных опасений начала 1980-х годов.

Иными словами, характер и особенности развития МО и ВПО в мире решительно влияют на восприятие правящими элитами и общественностью характера угроз. Это же означает, что уровень и степень

координации отдельных министерств, ведомств, государственных и общественных институтов во многом предопределяется характером МО и ВПО. Характерен пример с искусственным создание истерии вокруг мнимого применения химического оружия и вмешательством России в выборы в США, когда был достигнут очень высокий уровень согласованных антироссийских действий не только внутри Англии и США, но и между западными союзниками, более того, СМИ и общественными организациями.

В настоящее время, когда состояние МО и ВПО приобрели открыто угрожающий характер, координация российских государственных и общественных институтов, а также привлечение отдельных граждан должно быть на качественно новом уровне. Его можно назвать «тоталитарном» (или авторитарном), что будет соответствовать реалиям 1940-х и 1970-х годов, т.е. периода «горячих» и «холодных» войн[44].

Таким образом, в современных условиях МО и ВПО можно выделить следующие уровни такой координации[45]:

Во-первых, **общенациональный уровень координации** — т.е. на уровне всех министерств, ведомств и организаций как «силовых», так и «не силовых», а также регионов и местных органов власти. В настоящее время в военную организацию России фактически входит только система «силовых» институтов и органов политической власти, которая медленно и постепенно привлекает к своей деятельности функционал «не силовых» институтов управления, которые в действительности играют всё возрастающую роль в обеспечении безопасности государства и его эффективном сдерживании. Например, министерство образования, создающее человеческий капитал ВС России, от качества которого будет зависеть качество личного состава и управления войсками, министерство здравоохранения социальной защиты и др., а также органов законодательной власти — Совета Федерации и Государственной Думы ФС, — которые активнее участвуют в силовом противоборстве (например, Комитета по международным делам обеих палат, специальная Комиссия по укреплению суверенитета СФ ФС и др.).

Во-вторых, на крайне слабом уровне, существующем в настоящее время, координации деятельности государственных и обществен-

Республика	Население, млн. чел.	ВВП, млрд.$	ВВП по ППС, млрд.$	ВВП по ППС на душу, $	Бюджет, млрд.$	Бюджет, % к ВВП	Госдолг, млрд.$	Экспорт, млрд.$	Импорт, млрд.$	Внешняя торговля, % к ВВП	Внешний долг, млрд.$	Внешний долг, % к ВВП
Германия	80,6	3 730,0	3 483,0	43 200	1 626,0	43,6	2 980,3	1 493,0	1 233,0	73,1	5 717,0	153,3
Франция	66,0	2 806,0	2 453,0	37 200	1 410,0	50,2	2 620,8	578,6	659,8	44,1	5 371,0	191,4
Великобритания	64,1	2 679,0	2 373,0	37 000	1 023,0	38,2	2 440,6	813,2	782,5	59,6	9 577,0	357,5
Италия	59,8	2 150,0	2 044,0	34 200	984,0	45,8	2 859,5	474,0	435,8	42,3	2 604,0	121,1
Испания	46,7	1 393,0	1 474,0	31 600	505,1	36,3	1 305,2	458,0	431,0	63,8	2 278,0	163,5
Нидерланды	16,8	853,5	755,3	45 000	315,5	37,0	634,2	576,9	511,0	127,5	2 347,0	275,0
Греция	11,0	242,2	270,7	24 600	106,2	43,8	423,9	30,4	50,6	33,4	568,7	234,8
Португалия	10,5	227,3	267,7	25 600	95,5	42,0	290,5	61,0	59,0	52,8	508,3	223,6
Бельгия	11,2	524,8	454,6	40 600	241,9	46,1	537,4	295,3	310,2	115,4	1 424,0	271,3
Швеция	9,6	579,7	419,6	43 800	283,5	48,9	240,6	181,5	158,0	58,6	1 039,0	179,2
Австрия	8,5	428,3	376,0	44 400	200,0	46,7	324,2	165,6	167,9	77,9	812,0	189,6
Швейцария	8,1	685,4	442,0	54 600	217,8	31,8	231,7	229,2	200,5	62,7	1 544,0	225,3
Дания	5,6	335,9	235,7	42 100	181,4	54,0	157,9	106,0	98,5	60,9	586,7	174,7
Финляндия	5,4	267,3	211,3	38 800	139,4	52,2	151,0	75,7	70,7	54,8	586,9	219,6
Норвегия	5,1	512,6	317,5	62 300	292,8	57,1	154,3	154,2	90,1	47,7	720,6	140,6
Ирландия	4,6	232,1	206,5	44 900	75,3	32,5	288,3	113,6	61,5	75,4	2 164,0	932,4
Европа	**413,6**	**17 647,1**	**15 783,9**	**38 200**	**7 697,4**	**43,6**	**15 640,2**	**5 806,2**	**5 320,1**	**63,0**	**37 848,2**	**214,5**
Россия	143,5	2 096,8	3 460,4	**24 100**	439,0	**20,8**	**166,9**	515,0	341,0	40,5	714,2	33,8

Рис. 9.4[46].

ных институтов. Речь идет о взаимодействии в интересах безопасности огромного числа общественных организаций с органами власти и управления, прежде всего, патриотических, спортивных, образовательных, научных и др., а не только Общественной палаты и Совета по содействию развитию гражданского общества и правам человека.

Можно в этой связи напомнить, что в высшей степени такая координация была достигнута во времена ВОВ 1941–1945 годов, когда Государственный Комитет Обороны СССР смог консолидировать всю управленческую власть в своих руках. Включая деятельность общественных и профсоюзных, кооперативных и партизанских организаций, православной церкви и пр. общественных организаций.

В-третьих, на не существующем сегодня уровне координации частного бизнеса и государства, которое формально существует в виде деятельности РСПП и соответствующего Совета при президенте России. При этом роль не государственного бизнеса в России огромна. Так, на долю государственного бюджета России в национальной экономике приходится порядка 20% (в то время как во Франции, например, до 50%, а в Норвегии и того выше — 57%). В среднем в Европе доля бюджета превышает 43% при российской доле — 20,8%, которую правительство предлагает всячески сокращать.

Мы можем констатировать, что в 2018 году уровень координации силовых средств противодействия западной ЛЧЦ и её военно-полити-

ческой коалиции совершенно недостаточен. Это означает, что политика стратегического сдерживания России недостаточно эффективна, что, в общем-то и подтверждается на практике. Причем, эта ситуация наблюдается в таких принципиальных областях, которые определяются важнейшими тремя блоками, составляющими национальную структуру общества и экономики:

— между государственными институтами (в частности, не только между силовыми и не силовыми, но и между силовыми);
— институтами общества, которые по сути не организованы, ответственность за это может нести только соответствующее управление администрации президента РФ, которое последние два десятилетия фактически монополизировало сферу внутренней политики;
— институтами бизнеса и государства, где существуют очень слабые периодические попытки Д. Медведева, Б. Титова и ряда других политических деятелей.

При этом надо подчеркнуть, что принципиальной основой координации между ними может быть:

— институтов (министерств, организаций, ассоциаций, предприятий и пр.), которые в настоящее время присутствуют в государственной власти — правительство, палаты Федерального собрания и пр.;
— координация стратегий, которые также существуют (и то, лишь формально) в органах государственной власти.

В этой связи проблема видится в создании системы координации как институтов, так и стратегий, которые (прежде, чем координировать) надо создать в большинстве случаев, либо превратить их из формальных в реальные[47]. Первым шагом представляется координация таких стратегий и институтов на уровне уже существующих и принятых законодательных и нормативных актов, которые регулируют систему безопасности страны, — ФЗ и Указы президента РФ. В.В. Путин в своём послании и Указе от 7 мая заложил мощную концептуальную основу для такой координации, выполнить которую одно только правительство будет не в состоянии просто потому, что многие функции, прежде всего политические, находятся в компетенции президента и ФС РФ.

9.6. Нормативно-правовая база стратегического сдерживания России

К 2018 году в России сложилась определённая иерархическая система нормативно-правовых документов, характеризующих политику безопасности и, как следствие, её части — стратегического сдерживания, в основе которой находится Стратегия национальной безопасности. В настоящее время действует Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом президента №683 от 31 декабря 2015 года (т.е.более двух лет назад)[48], в основе которой, в свою очередь, находятся два федеральных закона — №390-ФЗ «О безопасности» от 28 декабря 2010 года и №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 года.

В 2018 году Стратегия была существенно скорректирована де-факто ежегодным посланием Президента Федеральному Собранию РФ[49] и первым указом избранного президента В. Путина от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[50].

Таким образом, Стратегия, утвержденная указом президента от 31 декабря 2015 года, базируется на двух ФЗ, принятых соответственно в 2010 и в 2014 году, а позже она была скорректирована двумя важными нормативными документами президента от 2018 года. Причём корректировки эти носят принципиальный политический и нормативный характер, включая соответствующие поручения правительству. Эти изменения отразились неизбежно в определённой степени и на политике стратегического сдерживания.

В самом общем виде Стратегия представляет собой наличие и взаимосвязь двух основных блоков, которые условно можно назвать «Развитие» и «Безопасность» с вытекающими из более частными Стратегии нормативными документами[51]. Во многом именно эта взаимосвязь и определяет в настоящее время суть стратегического сдерживания как политики безопасности России. Эту взаимосвязь можно проиллюстрировать следующим образом (рис. 9.5).

Следует изначально оговориться, что политика стратегического сдерживания — производная часть политики национальной страте-

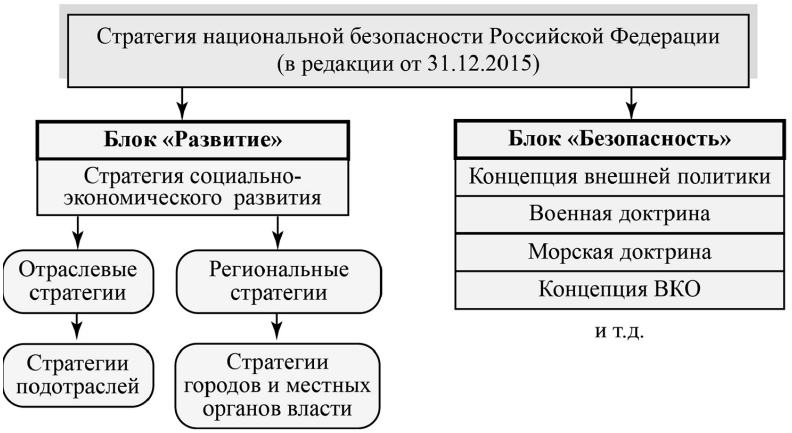


Рис. 9.5. Взаимосвязь основных нормативных документов, вытекающих из Стратегии национальной безопасности России, и стратегическое сдерживание

гии, как её совокупности (системы) частных стратегий более высокого (философско-нравственного, идеологического и культурно-исторического) уровня, которая ещё только находится в стадии формирования. В этом смысле прав военный теоретик генерал А. И. Владимиров, считающий, что «общая структура Национальной стратегии России имеет вид системы иерархических оснований, или уровней (в его последовательности — уровни генетики, базовый, искусства управления, система частных стратегий)[52]. Поэтому многие вопросы стратегического сдерживания изначально следует отсылать на более высокий и до конца еще не проясненный в современной России политический и теоретический уровень.

Как видно из рисунка, существует органическая взаимосвязь между двумя приоритетами Стратегии национальной безопасности — блоком «Развитие» и блоком «Безопасность», которые составляют единую стратегию. Между тем эта взаимосвязь многие годы была на удивление слабой: финансово-экономические власти, опираясь на сохранение макроэкономических приоритетов, по сути, формулировали задачи, абстрагируясь как от внешних условий, так и потребностей безопасности[53]. Особенно заметна эта черта была при анализе стратегий и концепций социально-экономического развития, которые из всех внешних факторов влияния учитывали практически один — ожидаемую цену на нефть.

Что еще хуже — положения Стратегии не были обеспечены механизмом реализации: требования «исходить из её положений» носили декларативный характер, а финансы распределялись в соответствии с документами бюджетной политики, которые фактически игнорировали Стратегию. Соответственно и стратегическое сдерживание, как часть более общей политики безопасности и обороны, несла на себе и все отпечатки и диссонансы государственной политики последних лет[54].

Наконец, стратегическое сдерживание рассматривается в Стратегии «в рамках реализации военной политики» (Ст. 34 Указа президента), хотя и с оговоркой о том, что (Ст. 36 Указа) «В целях обеспечения стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов разрабатываются и реализуются взаимосвязанные политические, военные, военно-технические, дипломатические, экономические, информационные и иные меры, направленные на предотвращение применения силы в отношении России, защиту её суверенитета и территориальной целостности»[55].

Ниже, в тексте Указа о Стратегии, конкретизируется ответственность следующим образом: «Стратегическое сдерживание и предотвращение военных конфликтов осуществляется путём поддержания ядерного сдерживания на достаточном уровне, а Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов…»[56].

Другими словами, стратегическое сдерживание в существующей Стратегии национальной безопасности **не предполагает** использования многих ресурсов государства в целях безопасности и развития, прежде всего не военных средств и методов силового противоборства, а также использования всех не военных органов государственного и общественного управления[57]. Стратегическое сдерживание в Стратегии рассматривается только как военное, даже преимущественно ядерное, сдерживание, находящееся под управлением военных органов, находящихся в «заданной степени готовности к боевому применению»[58].

Это означает, что военно-силовое противоборство, характеризующее состояние современной ВПО, не может быть адекватно и эффективно встречено со стороны России потому, что её политика стратегического сдерживания не предполагает использования всех национальных ресурсов и всех методов, ограничиваясь по сути только военными (даже ядерными) средствами и методами. Акцент на военно-техническом противодействии

традиционен и очевиден, хотя многие, в т.ч. в Минобороны и Генеральном Штабе ВС России это уже хорошо понимают как на уровне руководства МО и ГШ, так и на уровне руководства родов и видов войск и округов.

В том числе и потому, что опыт противостояния и противоборства на Украине и в Сирии показал важность не военных средств и мер стратегического сдерживания. Такое силовое противоборство в 2014–2018 годы против России как на Украине, так и в Сирии продемонстрировало необходимость применения самого широкого спектра не только военных, но и силовых не военных средств и методов. В частности, опыт противостояния на Украине продемонстрировал мощные синергетические возможности гражданского и военного ополчения в Крыму и на Востоке Украины, которые при поддержке вооруженных формирования смогли радикально повлиять на формирование ВПО и МО в Европе.

9.6.а). Стратегия национальной безопасности и стратегическое сдерживание

Стратегия национальной безопасности России в её нормативной современной форме[59] уже не соответствует полностью современным реалиям. В том числе реалиям, сформулированным президентов В. Путиным в его послании[60] и первом, майском, указе[61], посвященном стратегическим целям развития нации. За те годы, которые прошли после её подготовки и принятия, ВПО в мире существенно изменилась, а противоборство приобрело не только более жесткие и разнообразные формы, но и распространилось на те области, которые прежде были затронуты незначительно, либо вообще не учитывались в Стратегии.

Существенно изменились и силовые акценты противоборства, на которые повлияла политика администрации Д. Трампа и его союзников. Так, например, в настоящее время уже потерял всякий смысл (во всяком случае на обозримый период) процесс согласования мероприятий по укреплению стратегической стабильности, которым в СССР охотно занимались в конце 1980-х годов.

С тех пор этот процесс был полностью остановлен со стороны американцев, а с приходом Д. Трампа вообще дискредитирован: действительно, зачем нужна стабильность вообще, если США упорно

и планомерно занимаются совершенно обратным — дестабилизацией в регионах, институтов безопасности, переговоров, отношений, договорных обязательств — РСМД, «пакета» с Ираном, ДНЯО и пр. В этой связи как-то странно выглядят попытки некоторых российских учёных, например, А. Арбатова, попытаться «вернуть» США к переговорам по укреплению стратегической стабильности.

Таким образом, современная политика стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов России уже не соответствует полностью сложившимся реалиям. В частности, уже говорилось о том, что западной военно-политической коалицией в 2014–2018 годы были существенно скорректированы основные объекты для силового воздействия России в сторону усиления акцентов на силовое принуждение её правящей элиты и насильственное изменение её системы национальных ценностей[62]. Эти стратегические акценты пока что нашли отражение в послании президента ФС РФ и его майском Указе 2018 года, но не в Стратегии и не в военной доктрине, а также вытекающих из них других документах. Это означает, что в нормативном плане необходимо внести изменения в существующую Стратегию национальной безопасности России, как минимум, в следующих областях[63]:

Во-первых, необходимо рассматривать политику стратегического сдерживания России в самом широком контексте, как долгосрочную политику национального военно-силового противоборства (не менее долгосрочную, чем предусмотрено законом США от августа 2017 года о противоборстве с Россией) с попытками силового принуждения России к капитуляции, отказу от суверенитета и системы национальных ценностей. Сохранение и укрепление системы национальных ценностей и суверенитета должны системой силовых средств и мер России, сформулированных в Стратегии более отчётливо, как минимум, наравне с системой мер по обеспечению прав и свобод человека, описанных очень подробно.

«Желательность» учёта Стратегии в оперативной деятельности ФОИВ и законодательных органов должна быть заменена на обязательность. Сказанное означает, что Стратегия национальной безопасности России должна быть юридически оформлена в статус Федерального Закона, обязательного для исполнения всеми органами власти, гражда-

нами и негосударственными институтами, чьё невыполнение влечёт за собой правовые и административные последствия.

Во-вторых, в таком системном силовом противоборстве России , т.е. национальном стратегическом сдерживании, должны принимать участие не только военные или силовые институты государственной власти, но и не военные органы власти и организации, а также общественные организации и — что не менее важно — отдельные граждане.

Необходимо задействовать весь потенциал нации, все её ресурсы, но, прежде всего, творческий потенциал граждан, что может дать огромный положительный эффект. Иными словами, современное и эффективное стратегическое сдерживание России предполагает участие всех государственных и общественных сил. Соответствующим образом должны быть внесены изменения и в военную организацию страны.

В-третьих, Стратегия национальной безопасности должна определённо расширить спектр сил и средств, участвующих в военно-силовом противоборстве (стратегическом сдерживании), прежде всего, за счет не военных сил и средств, обозначив перед ними вполне конкретные цели по защите системы национальных ценностей и институтов государства.

В современном тексте Стратегии[64] соответствующие разделы (культура, наука, здравоохранение и пр.) рассматриваются не в качестве областей силового противоборства и политики стратегического сдерживания, а как объекты враждебного воздействия, угрозы, требующие соответствующей необходимости в отражении этой угрозы. Между тем, культурный, духовный потенциал нации, вкупе с интеллектуальным и научным потенциалами, объединенными в соответствующие институты развития НЧК, могут и должны стать эффективными инструментами стратегического сдерживания.

9.6.б). Концепция внешней политики России и стратегическое сдерживание

В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной указом президента России за №640 30 ноября 2016 года[65], предполагалось развитие положений Стратегии национальной безопасности страны, утвержденной соответствующим указом 31 декабря 2015 года[66]. Таким

образом уточнение Концепции проходило почти год, в течение которого МО и ВПО в мире быстро менялись. Кроме того, правовую основу Концепции составляют Конституция России, международные договоры, федеральные законы, а также Указ Президента России от 7 мая 2012 года №605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», в котором (помимо общих указаний давалось поручение Правительству РФ «разработать концепцию укрепления ресурсного и кадрового потенциала системы Министерства иностранных дел…, Министерства экономического развития… и Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и международному гуманитарному сотрудничеству»[67].

В концепции уже значительно шире рассматривается подход к политике стратегического сдерживания России, в частности, когда даётся характеристика современной МО и политики Запада «сдерживания альтернативных центров силы», «повышения роли фактора силы», «наращивании и модернизации силового потенциала»[68] и т.д., вполне отчётливо просматриваются подходы расширенного толкования стратегического сдерживания как не только военного средства обеспечения безопасности.

Специально следует сказать о том, что в Концепции прямо и впервые говорится о том, что «На передний план, наряду с военной мощью, выдвигаются такие важные факторы влияния государств…, как экономические, правовые, технологические, информационные», а также «неотъемлемой частью современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы, прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам»[69].

9.6.в). Военная доктрина России и стратегическое сдерживание

Современная военная доктрина России, как система официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации, была утверждена Ука-

зом Президента России №815 от 26 декабря 2014 года, заменив прежнюю редакцию Военной доктрины, сформулированную в указе президента Д. Медведева №146 от 5 февраля 2010 года[70].

Военная доктрина в новой редакции по-прежнему сохраняется как оборонительная, но при этом учитывает новые угрозы, в том числе в связи с ситуацией на Украине, расширение НАТО и развертывание глобальной системы ПРО. В частности, вводится новое понятие — «неядерное сдерживание», которое характеризует возможности использования неядерных вооружений в качестве ответных мер после того, как будут исчерпаны другие средства и методы обороны. Уточнение Военной доктрины страны проведено во исполнение решения Совета Безопасности России от 5 июля 2013 года. Поправки были одобрены на совещании СБ РФ 19 декабря. Подчёркивалось, что изменения потребовались в связи с «изменением характера военных опасностей и военных угроз, задач в области обеспечения военной безопасности и обороны, а также условий развития Российской Федерации».

Прежде всего, они касаются появления новых угроз, которые проявились в ситуации на Украине и вокруг нее, а также в событиях на севере Африки, в Сирии, Ираке и в Афганистане. «В борьбе ведущих государств мира за свои интересы типичными стали „непрямые действия“, использование протестного потенциала населения, радикальных и экстремистских организаций, частных военных компаний; наращивается наступательный потенциал НАТО непосредственно у российских границ, активно проводятся мероприятия по развертыванию глобальной системы ПРО»[71], — отмечается в сообщении Совбеза РФ, посвященном принятию новой редакции Военной доктрины.

Иными словами, Военная доктрина России отреагировала на расширение спектра средств и методов силового принуждения признанием возможности использования в оборонительных целях не только ядерного и обычного оружия, но и других средств.

Произошла и переоценка приоритетов основных военных опасностей и угроз. Наращивание силового потенциала НАТО, «наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права», приближение военной инфраструктуры стран —

членов НАТО к границам России, а также дестабилизация обстановки в отдельных государствах и регионах названы в доктрине основными внешними военными опасностями.

Вместе с тем, актуальные положения прежней редакции Военной доктрины остались неизменными: «Сохранен оборонительный характер Военной доктрины, сделан акцент на приверженность России к использованию военной силы только после исчерпания возможностей применения мер ненасильственного характера», — подчеркивают в Совбезе. Остались прежними принципы применения Вооруженных Сил РФ и порядок применения ядерного оружия. Основные формулировки доктрины при этом были конкретизированы. «В первую очередь это относится к основным внешним и внутренним военным опасностям, особенностям военных конфликтов, а также вопросам применения Вооруженных Сил», — отметили в Совбезе.

Так, введено понятие «неядерное сдерживание» — то есть поддержание в высокой степени боевой готовности сил общего назначения. Конкретизированы и дополнены основные задачи по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов. В доктрине дано понятие мобилизационной готовности и определены задачи по ее поддержанию на необходимом уровне, включены задачи по повышению эффективности военно-патриотического воспитания граждан, т.е. обозначен подход к использованию в целях сдерживания не только собственно военной силы, но и не военных инструментов политики. Кроме того, был дополнен перечень основных задач Вооруженных Сил, других войск и органов положениями, касающимися обеспечения воздушно-космической обороны, обеспечения национальных интересов страны в Арктике, создания, развития и модернизации объектов военной инфраструктуры[72].

Уделено внимание и коалиционной политике: в доктрине говорится о расширении взаимодействия со странами БРИКС, развитии отношений с республиками Абхазия и Южная Осетия. Подчеркнута необходимость поддержания равноправного диалога с ЕС и НАТО, содействия построению в Азиатско-Тихоокеанском регионе новой модели безопасности.

В Военной доктрине в редакции 2014 года также, как и в предыдущей редакции, учтены: «основные положения Концепции долго-

срочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, а также соответствующие положения Концепции внешней политики Российской Федерации, Морской доктрины Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года и других документов стратегического планирования»[73].

Между тем эти «основные положения» к декабрю 2014 года уже устарели, прежде всего, в отношении Стратегии национальной безопасности России, новый вариант которой будет принят только через год, 31 декабря 2015 года. Примечательно, что если Концепция внешней политики после принятия новой редакции Стратегии будет пересмотрена, то Военная доктрина (принятая, напомню, до Стратегии) так и не пересмотрена до сего дня, хотя её «конкретизация» в соответствии с посланиями президента предусмотрена изначально.

Важно обратить внимание на некоторые положения Военной доктрины. Так, в пункте №5 говориться о том, что «В Военной доктрине отражена приверженность Российской Федерации к использованию для защиты национальных интересов страны и интересов ее союзников военных мер **только после исчерпания возможностей применения политических, дипломатических, правовых, экономических, информационных и других инструментов ненасильственного характера».** С точки зрения стратегического сдерживания это означает, что **до тех пор, пока не будут использованы все не военные средства, не предусматривается применение военной силы.**

Другая важная часть связана с современным изменением стратегии развития России, которое выражено в послании и Указе В.В. Путина 2018 года: «6. Положения Военной доктрины **конкретизируются в посланиях** Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации и могут корректироваться в рамках стратегического планирования в военной сфере (военного планирования)»[74].

9.6.г). Концепция воздушно-космической обороны и стратегическое сдерживание

Средства воздушно-космического нападения и обороны в XXI веке превратились в решающий инструмент политики с двух точек зрения[75]:

С военно-технической точки зрения, превосходство в таких средствах гарантировало успешное проведение военных операций, как это было в войнах против Югославии, Ирака, Афганистана и Ливии.

С политической точки зрения, способности к воздушно-космической эффективной обороне стали оцениваться как способности к сохранению суверенитета. И в этом смысле не военные (политические) формы применения военной силы превратились в решающий инструмент политики, от которого зависит сохранение государства.

9.6.д). Морская доктрина и стратегическое сдерживание

Морская доктрина России — одна из наиболее дискуссионных тем военной политики, что объясняется огромной стоимостью военно-морских программ и неясностью политических целей. С точки зрения обороны и стратегического сдерживания эта тема требует особенного внимания потому, что длительное время отношение к ВМФ у правящей элиты (за исключением ПЛАРБ) было очень разное.

9.6.е). Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации и стратегическая стабильность

Стратегия социально-экономического развития России играет исключительно важную роль для обеспечения безопасности и развития нации и государства, являясь, по сути, вторым фундаментом (наравне с Военной доктриной, Концепцией внешней политики и другими документами) для Стратегии национальной безопасности. Причем значение этого фактора с каждым годом возрастает, потому в том числе, что на

него во всё большей степени возлагаются и функции не вооруженного насилия или не военного стратегического сдерживания.

В настоящее время, после послания Президента и Указа от 7 мая 2018 года, речь должна идти о новом стратегическом прогнозе и плане развития России, которые поручил президент разработать правительству до 1 октября 2018 года. Это означает по сути, что правительство должно подготовить новую концепцию (стратегию) социально-экономического развития, которая существенно отличается от прежней, а также новые проекты бюджета и планы обороны до 2025 года.

---

[1] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[2] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[3] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[4] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[5] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[6] См. подробнее: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.

[7] Доклады ООН о развитии человека за соответствующие годы (1994, 2001–2003, 2006–2008).

[8] *Латухина К.* Президент поставил правительству новые цели // Российская газета. 07.05.2018.

[9] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»/https//rg.ru/2015/12/31

[10] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3.

[11] См. подробнее: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.

[12] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[13] *Путин В. В*. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»/https//rg.ru/2015/12/31

[14] См. подробнее: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.

[15] *Путин В. В*. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»/https//rg.ru/2015/12/31

[16] *Попов И. М., Хамзатов М. М*. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. — С. 413.

[17] *Путин В. В*. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»/https//rg.ru/2015/12/31

[18] The National Military Strategy of the United States of America 2015. — Wash. 2015 — P. 12.

[19] *Gompert D., Binnendijk H*. The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016. — P. 5–10.

[20] См. подробнее: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.

[21] *Подберёзкин А. И*. Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т .2. — С. 249–273.

[22] *Биленко П*. Цифровая экономика — как успеть? / Эл. ресурс: «ЦСР», 15.12.2017 / www.csr.ru

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] *Gompert D., Binnendijk H*. The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016. — P. 5–10.

[26] *Савин Л*. «Где в следующий раз ударит Запад почти всегда можно просчитать…» / Эл. ресурс: «Столетие». 15.12.2017 / www.stoletie.ru

[27] Там же.

[28] См. подробнее: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.

[29] *Путин В. В*. Указ Президента РФ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». №605 от 7 мая 2012 г.

[30] См. подробнее: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.

[31] См. подробнее: *Подберёзкин А. И*. Национальный человеческий капитал, — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т.3. Идеология русского социализма. — С. 3–833.

[32] *Путин В. В*. Указ Президента РФ «О Военной доктрине Российской Федерации». № 815 от 26.12.2014 г.

[33] *Подберёзкин А. И*. Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет. — Т. 2. — С. 249–333.

[34] Бенджамин Дизраэли (1804–1881 гг.) — английский государственный деятель, 40-й и 42-й премьер-министр Великобритании.

[35] Пер. с англ. «В жизни, как правило, преуспевает больше других тот, кто располагает лучшей информацией».

[36] *Gompert D., Binnendijk H*. The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016. — P. 5–10.

[37] The National Military Strategy of the United States of America 2015. — Wash. 2015 — P. 10.

[38] РИА Новости. Сухопутные войска РФ на 45% укомплектованы современными комплексами связи. [Электронный ресурс] / URL: https://ria.ru/defense_safety/20161022/1479801371.html?inj=1 (дата обращения: 05.02.2018 г.)

[39] Газета.ru. «Уже никто не возвращает фотопленку с орбиты». [Эл. ресурс] / URL: https://www.gazeta.ru/army/2016/03/29/8148851.shtml (дата обращения: 5.02.2018 г.)

[40] Выступление В. В. Герасимова перед членами Академии военных наук (научно-практическая конференция). — М.: Академия ГШ ВС РФ, 24 марта 2018 г.

[41] См. подробнее: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.

[42] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[43] Nuclear Weapons in a Changing Climate: Probability, Increasing Risks, and Perception / https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1029&context=bseliska

[44] *Подберёзкин А. И*. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3. Идеология русского социализма. — С. 3–833.

[45] См. подробнее: *Подберёзкин А. И*. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[46] http://ray-idaho.ru/picture_library/2015-03-29_150818.png

[47] *Подберёзкин А. И*. Национальный человеческий капитал, — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т.3. Идеология русского социализма. — С. 3–833.

[48] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / https://rg.ru//2015/12/31/nac-bezohasnost-site-doc

[49] *Путин В. В*. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию. 1 марта 2018, ПАИ / https:cont.ws/@89825721067/868792

[50] Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» // Российская газета, 7 мая 2018 г.

[51] См. подробнее о структуре Стратегии: *Подберёзкин А. И*. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[52] *Владимиров А. И*. Основы общей теории войны. Часть II: теория национальной стратегии. — М.: «Синергия», 2013. — С. 51.

[53] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / https://rg.ru//2015/12/31/nac-bezohasnost-site-doc

[54] См. подробнее: *Подберёзкин А. И*. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитический доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[55] Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / http:rg.ru//2015/12/31/nac-bezohasnost-site-doc

[56] Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / http:rg.ru//2015/12/31/nac-bezohasnost-site-doc

[57] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[58] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / https://rg.ru//2015/12/31/nac-bezohasnost-site-doc

[59] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / https://rg.ru//2015/12/31/nac-bezohasnost-site-doc

[60] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию. 1 марта 2018, ПАИ / https:cont.ws/@89825721067/868792

[61] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / https://rg.ru//2015/12/31/nac-bezohasnost-site-doc

[62] *Подберёзкин А. И., Харкевич М. В., Александров М. В.* Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[63] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[64] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// http.: rg. ru // 2015/12/31/nac-bezohasnost-site-doc

[65] *Путин В. В.* Указ президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». №640 от 30 ноября 2016 г.

[66] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / https://rg.ru//2015/12/31/nac-bezohasnost-site-doc

[67] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». №605 от 7 мая 2012 г.

[68] *Путин В. В.* Указ президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». №640 от 30 ноября 2016 г. — С. 4.

[69] Там же. С. 5.

[70] *Путин В. В.* Указ №815 «О признании утратившим силу Указа Президента от 5 февраля 2010 года №146 «О Военной доктрине Российской Федерации».

[71] *Лотухина К.* Ответ на новые угрозы // Российская газета, 26 декабря 2014 года.

[72] Там же.

[73] *Путин В. В.* Указ №815 «О признании утратившим силу Указа Президента от 5 февраля 2010 года №146 «О Военной доктрине Российской Федерации».

[74] Там же.

[75] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Евразийская воздушно-космическая оборона. — М.: МГИМО–Университет, 2013.

Глава 10.
Укрепление стратегического сдерживания России

Спецназовцы (Силы специальных операций. — *А.П.*) — это не только стрельба на поражение, но и информационно-психологическая война, разведка, научные исследования и разработки, внедрение новых методов противоборства[1]

Л. Савин,
эксперт

Эффективность стратегического сдерживания и возможностей реагировать на возникающие конфликты зависят, прежде всего, от понимания сути развития МО-ВПО и обладание необходимой и очень широкой информацией.

Резкое осложнение международной и военно-политической обстановки в новом веке привело к целому ряду негативных последствий, которые немедленно отразились как на имеющихся инструментах и механизмах международного сотрудничества, так и на роли силовых компонентов в политике. Два последних десятилетия мы наблюдаем устойчивые негативные тенденции в области прекращения военно-политического сотрудничества и снижения уровня обеспечения международной безопасности. В этом смысле программа укрепления стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов будет сталкиваться с нарастающими трудностями:

Во-первых, в области демонтажа Западом системы безопасности, сложившейся к концу XX века, и развалу механизмов обеспечения этой системы (переговоров и договоренностей в области ограничения воен-

ной деятельности и вооружений), а также ликвидации институтов, обеспечивающих международную безопасность (ООН, ОБСЕ и др.).

Во-вторых, в наращивании возможностей (сил, средств, мер) по использованию Западом и коалицией силы — военной и невоенной — в качестве инструмента своей политики в мире и формирования МО-ВПО.

Разработка предложений по обеспечению СС и ПВК в этих условиях превращается в особенно трудную задачу, которую предстоит решать в исключительно сложных условиях. Кроме того, конкретные предложения по укреплению стратегического сдерживания — очень ответственный этап стратегического планирования, от точности и объективности которого во многом зависит не только эффективность стратегического сдерживания, но и вся национальная безопасность. Поэтому необходимо максимально ответственно подходить к формулированию таких предложений, с одной стороны, не исключая, а предполагая выдвижение неожиданных и радикальных инициатив, с другой.

На мой взгляд, разработка предложений повышения эффективности стратегического сдерживания предполагает создание такой системы исходных данных[2], объединяющей, как минимум, усилия основных субъектов формирования внешней и военной политики России в условиях развития еще более сложной системы — международной обстановки и военно-политической обстановки (МО и ВПО), — которая требует обязательного системного и объективного подхода, очень ответственного, учитывающего основные международные реалии и ресурсные возможности, в основе которого лежит четко выверенный линейный алгоритм, основанный на обоснованной концепции.

Причем эта концепция должна базироваться изначально на стратегическом прогнозе развития МО-ВПО в мире и России. Мероприятия в области политики стратегического сдерживания приобретают эффективность только в долгосрочной перспективе потому, что они являются ответом на развитие многочисленных долгосрочных трендов, тенденций и факторов развития международной и военно-политической обстановки. Так, ошибки руководства СССР и России в 1990-е годы в области стратегического планирования крайне негативно отразились на способности России к стратегическому сдерживанию в период 2000–

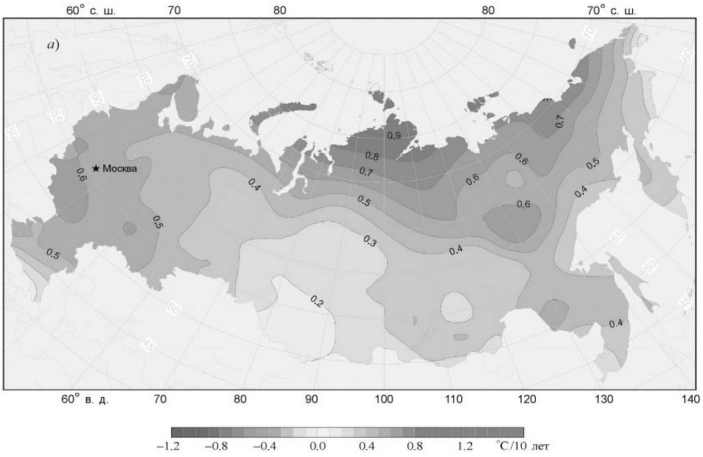


Рис. 10.1[3]. Что происходит с климатом России
(особенно быстро теплеет на Крайнем севере России)

2011 годов и далее. В этой связи я считаю обязательным стратегический прогноз развития МО–ВПО, как минимум, на 20–30 лет, учитывающий множество факторов и исходных данных. Так, вероятность конфликта в Артике или силового противоборства по новому использованию Северного морского пути (СМП) во многом предопределяется климатическими тенденциями их долгосрочным прогнозом, в соответствии с которым доступность СМП быстро нарастает.

Линейный алгоритм, в свою очередь, является конечным результатом набора строго последовательных действий (этапов), оформленных в виде точных инструкций, имеющих, как правило, нормативный и межведомственный характер. Иными словами, требуется не только разработка, но и согласование этих мер между различными институтами государственной власти, регионального, местного управления, институтами развития общества и бизнеса.

Естественно, что в основе такого проекта должен находиться некий документ или даже несколько документов. В частности, самый общий алгоритм согласования невоенных и военных средств и способов политики присутствует в Стратегии национальной безопасности России, утвержденной Указом президента №683 от 31 декабря 2015 года[4], где говорится об основах стратегического сдерживания, а также в Военной доктрине России и Концепции внешней политики Российской Федерации.

Приоритетность невоенных средств и способов в политике государства подчеркнул президент В.В. Путин в своём послании (по порядку — в первых минутах — и значению — более 60% объема — в тексте, что, к сожалению, не было замечено большинством обозревателей) Федеральному Собранию РФ 1 марта, в котором, в частности, он говорил: «Роль, позиции государства в современном мире определяют не только и не столько природные ресурсы, производственные мощности…, а прежде всего люди, условии их развития, самореализации, творчества каждого человека»[5].

Примечательно, что в марте 2018 года на научно-практической конференции в Академии Генерального Штаба ВС РФ начальник ГШ В.В. Герасимов подчеркнул «решающее значение невоенных средств политики в обеспечении безопасности» и их значение для «военных и не военных балансов сил», а командующий Южным округом генерал-полковник А.В. Дворников — «значение комплекса невоенных мер» в обеспечении безопасности, основываясь на опыте военных действий в Сирии[6].

Таким образом можно констатировать, что в 2018 году высшее военно-политическое руководство страны и её Вооруженных сил отчётливо представляло себе растущую роль невоенных средств и способов обеспечения эффективной стратегической стабильности России. Тем не менее в настоящее время очевидно, что этого не вполне достаточно для реальной политики эффективного стратегического сдерживания. Требуется комплекс согласованных, ответственных, в большинстве своём качественно новых утвержденных решений, представляющих собой комплексную систему мер, которые фиксируют исходные данные всего проекта.

Необходимо исходить из того факта, что происходит резкое сужение переговорных возможностей, более того, их фактического игнорирования Западом по всему спектру сложившихся отношений в военно-политической области между СССР — Россией и США и их союзниками за весь период с 1972 года. В частности, как зафиксировал это состояние начальник департамента МИД РФ В.И. Ермаков, 24 апреля 2018 года в Женеве[7], «Наблюдается отказ от коллективных механизмов сотрудничества, подрывается авторитет международных организаций. На смену традиционному диалогу, уважению позиций и интересов друг друга, пониманию

необходимости поиска компромиссов приходит какой-то воинственный радикализм и отнюдь не подкрепленный здравым смыслом максимализм».

Иными словами, перспективы ограничения и сокращения вооружений и военной деятельности очень пессимистичны, если говорить о равных переговорах, не наносящих ущерба безопасности. Это означает, что Запад:

— не будет реально заинтересован в переговорах и компромиссах, как минимум в тех областях, где он ожидает своих технологических прорывов и результатов военного строительства.
— будет разрушать прежние договоренности и отойдет от предварительно согласованных позиций по таким вопросам как запрет на вывод оружия в космос, полномасштабный запрет на ядерные испытания, запрет на размещение РСМД и пр.

Это означает, что перспектив у «контроля над вооружениями» в ближайшие годы не наблюдается, а вся активность переносится в пропагандистское русло, которое может быть в этом качестве использовано Россией.

Другая сторона вопроса заключается в необходимости согласовать и разработать в таких неблагоприятных условиях процедуру создания комплекса мер невоенного характера по укреплению ПСС и ПВК.

Весь процесс такой разработки и согласования, на мой взгляд, может представлять собой некий жесткий и последовательный «строгий алгоритм» обязательных действий, в результате реализации которых мы можем получить некий план повышения эффективности стратегического сдерживания невоенными средствами.

10.1. Алгоритм предложений для планирования стратегического сдерживания

Такой алгоритм, на мой взгляд, необходим для того, чтобы разработать некие формальные нормы для предложений. Он предусматривает некое количество обязательных последовательных и дополнительных этапов работы, результатом которой и должен стать план и набор рекомендаций по повышению эффективности стратегического сдерживания.

Эти меры — необходимо помнить — должны разрабатываться в крайне неблагоприятных и, вероятно, ухудшающихся внешнеполитических условиях, что создает дополнительные трудности, а, кроме того, объективно лишает их разработчиков определенной инициативы, что уже видно из внешней политики России.

Важно воспользоваться некоторым опытом, который появился в последние годы при работе над анализом и стратегическим прогнозом МО и ВПО, в частности, опубликованных в работах коллектива Центра военно-политических исследований МГИМО — Концерна ВКО «Алмаз-Антей»[8].

10.1.а). Первый этап:

Выяснение специфики проекта, которая может быть выяснена в результате обмена информацией и всеми типами необходимых сведений между всеми заинтересованными сторонами. Специфика развития МО-ВПО может быть выявлена в процессе коммуникаций между МИДом, Минобороны, Генштабом, СВР, ФСБ и исследовательскими центрами

Специфика развития России в среднесрочной перспективе должна быть выяснена в результате обмена мнениями между всеми политическими, экономическими и общественными органами власти и институтами России.

Специфика проекта определяется, прежде всего, спецификой состояния, структурой и перспективами развития МО и ВПО, которые, на мой взгляд, формируются следующими 4 основными группами факторов, которые предлагались мною в виде модели «креста», где состояние и перспективы развития МО–ВПО определялись состоянием и взаимодействием следующих групп основных тенденций и факторов:

— Группой факторов, характеризующих состояние и отношения субъектов МО–ВПО и их военно-политических коалиций и союзов;
— Группой факторов, характеризующих взаимодействие и взаимовлияние основных мировых и региональных тенденций и трендов (например, глобализации и национализма или регионализации);
— Группы факторов, характеризующих состояние и взаимоотношение основных акторов — международных, национальных и пр.;

— Группы факторов, характеризующих состояние и развитие национального человеческого капитала и его институтов, а также когнитивно-информационные тенденции в мире[9]. Так, например, эксперты подсчитали, что смерть даже 1% основных владельцев фирм ведет к резкому снижению доходности предприятия.[10]

Для анализа состояния МО, а тем более ВПО, этот пример очень показателен потому, что качество НЧК предопределяет:

— качество ВС;
— качество военного искусства;
— качество ОПК, в частности, ВВСТ.

Очевидно, что невоенные меры и возможности того или иного государства или актора во многом являются прямым следствием как развития этих субъектов и акторов, так и результатом их взаимодействия в процессе развития соответствующих отношений. Так, информационные возможности и средства, например, России зависят как от уровня развития экономических и информационных возможностей страны, так и степени их взаимодействия с информационными мировыми возможностями, идеологическими и когнитивными способностями руководства и операторов, степенью привлекательности и т.п., но, прежде всего, уровнем информационно-когнитивного противодействия в мире.

Поэтому предложения в области увеличения невоенных возможностей сдерживания должны исходить из адекватной оценки не только МО–ВПО и самого государства, но и результатов взаимодействия

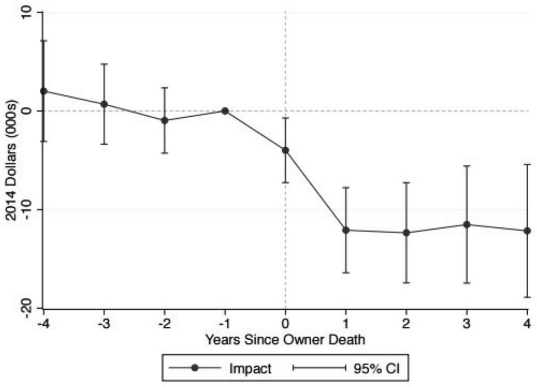


Рис. 10.2. Доходы на одного рабочего

и противодействия различных тенденций в мире и между субъектами и акторами МО–ВПО, а также относительного соотношения сил между основными субъектами и акторами.

10.1.б). Второй этап:

Согласование между участниками планирования **пространственного охвата** и **времени** для подготовки. В нашем случае это означает, что **с пространственной точки** зрения может быть предложено три измерения:

— глобальное стратегическое сдерживание на уровне противоборствующих локальных человеческих цивилизаций и их коалиций[11];
— региональное стратегическое сдерживание (в отдельных регионах и на отдельных ТВД), предполагающее, что разные субъекты политики и её акторы по-разному воспринимают ту или иную политику сдерживания в конкретном регионе. Так, например, стратегическое сдерживание в восточных регионах России имеет одну специфику, а в южных и западных — другую, которые отличаются по целому спектру характеристик. В частности, доли военного сдерживания в общем спектре системы сдерживания;
— местное, локальное и приграничное стратегическое сдерживание, которое может существенно отличаться как по средствам, так и способам, например, в Москве и в восточных регионах страны.

Относительно **временного периода** предполагается, что периодов для разработки эффективных средств и методов может быть два — среднесрочный (до 2025 года) и долгосрочный (до 2050 года). Однако, есть все основания считать, что в рамках этих периодов работа над совершенствованием средств и методов невоенного сдерживания должна вестись постоянно, более того, не просто не прекращаясь, но постоянно усиливаясь.

Важно, на мой взгляд, чтобы уточняющаяся постоянно специфика — МО, ВПО, условий развития отдельных субъектов и т.п. — немедленно отражалась в деятельности органов власти, институтов государственного, общественного и местного управления потому, что социальные изменения наиболее динамичны. Они требуют постоянного обновления и мониторинга не реже 1 раза в 6 месяцев.

10.1.в). Третий этап:

Структура и объем возможностей невоенного противодействия, определяемые максимально конкретными возможностями и ресурсами участников планирования (МИД, МО, СВР, МВД, Росгвардия и т.д.), должны постоянно уточняться и дополняться. Эти возможности и способы их использования меняются очень динамично, что предполагает не только мониторинг и координацию, но и принятие немедленных и согласованных решений.

Кроме того, необходимо учитывать и развивать силовые возможности других федеральных органов власти, а также региональных и местных властей. Огромное, всё возрастающее значение приобретают силовые возможности негосударственных институтов и бизнеса. Так, в университетах, колледжах и на частных предприятиях (даже без учёта ЧОПов) аккумулируются огромные демографические и иные ресурсы, которые могут играть решающую роль как для внутриполитической стабилизации, так и для дестабилизации обстановки в стране в случае инспирирования кризиса.

10.1.г). Четвертый этап:

Существующие законодательные, нормативные и ведомственные нормы и правила, регулирующие политику в области использования силовых невоенных средств стратегического сдерживания (например, ФЗ о СМИ и т.д.), требуется не только чётко скоординировать, но и регулярно корректировать на предмет отсутствия противоречий. Известно, что в случае внутриполитического конфликта или кризиса возникают коллизии и противоречия, которые немедленно используются противоборствующими сторонами. История России 1991 и 1993 годов свидетельствует, что противоречия в федеральном законодательстве, нормативных документах, приказах становятся немедленно основанием для тех или иных действий.

На этом этапе согласования важно вычленить области, требующие законодательного или нормативного регулирования, а также принятия соответствующих политических, финансово-экономических и идеологических решений, исключающих двусмысленные толкования или возможности игнорирования.

10.1.д). Пятый этап:

Исходные документы, требуемые для подготовки проекта плана обороны. В самом общем виде эти исходные документы и данные требуют ответа на следующие вопросы:

— какое будет задания на осуществление проекта, если документация готовится на основании соглашения между отдельными ведомствами или органами власти (например, федеральными министерствами и областными администрациями);
— каковы будут отчетные документы по итогам проведенных согласованных работ;
— каковы будут правоустанавливающие документы, если речь идет о создании неких структур, объектов или иных активов;
— каковы будут документы по согласованию объектов земельной собственности, градостроительного плана и т.д.;
— какова будет процедура регистрации новых структур или объектов;
— какова форма сведений о специфике функционального назначения объекта, в рамках реализации проекта (например, на промышленном предприятии);
— каковы необходимые данных о потребностях объекта в тех или иных видах топлива, газа, воде, электричестве;
— данных о размере денежных средств, которые необходимо направить владельцам отторгаемой собственности (например, земельных участков для строительства коммуникаций, складов и пр.) и порядке возмещения им возможных убытков;
— данных о применении при реализации проекта различных изобретений, результатов исследований;
— обоснования имеющихся возможностей для реализации проекта в рамках отдельных этапов;
— сведений о плановых затратах, которые связаны с модернизацией инфраструктуры, расположенной в районе строительства;
— схемы расположения тех или иных проектируемых объектов, определение границ сервитутов, если это требуется при реализации проекта.

Кроме того, могут потребовать и другие исходные данные и сведения, например:

— обоснование методов прокладки инфраструктуры теплоснабжения;
— данные о трубопроводах, обоснование метода соединения различных элементов инфраструктуры в рамках проекта, систем управления лифтами, сигнализацией, сетями связи, телевидения;
— данные об оформлении различных разрешений по видам, а также лимитам по топливу;
— обоснование формирования маршрутов трубопроводов, а также границ охраняемой территории[12].

10.1.е). Шестой этап:

Исходные данные о перспективах социального, экономического, военно-технического развития, новых возможностях ВВСТ и особенно невоенных средств и способов силового принуждения.

Эти направления, в особенности в области средств массовой информации, социальных сетей и в других областях, приобретают исключительное значение. В частности, если речь идёт о:

— средствах, фактах и технологиях когнитивного воздействия;
— новых социальных проектах и технологиях;
— потенциальных результатах в области социальных и гуманитарных наук;
— развитии социальных институтов общества (особенно в регионах);
— росте популярности тех или иных настроений и идей и т.п.

10.1.ж). Седьмой этап:

Подготовка исходных данных по будущим возможностям основных участников МО–ВПО и участникам формирования политики стратегического сдерживания внутри страны, предполагающие высокую степень качественных прогнозов и получения иной информации, а также их координацию для полготовки соответствующих ответных действий.

Исключительно важно знать, как минимум, в среднесрочной перспективе о будущих невоенных силовых возможностях (средствах и способах их использования) основных участниках ВПО, а также о будущих ведущих тенденциях в мировом развитии, например, появлении новых средств коммуникации — социальных сетей или возможностей когнитивного влияния.

Неожиданное появление новых технологических или социальных технологий, которые можно будет использовать в интересах силовой политики, может резко изменить соотношение сил и характер ВПО. Так, появление GPS стало одним из решающих факторов победы в войне США против Ирака, а создание CNN — обеспечило политическую поддержку военных действий.

10.1.з). Восьмой этап:

Сбор, анализ и прогноз соответствующих данных по финансовым и иным затратам ресурсов приобретает огромное значение в связи с практикой бюджетного планирования, которая реализуется в настоящее время на три года, но в будущем неизбежно должна будет приобрести долгосрочный характер.

В любом случае (даже невозможности стратегического планирования на федеральном уровне) такое планирование в области безопасности и создания ВВСТ придется применять. Прежде всего, потому, что период создания и модернизации вооружений и военной техники, как правило, затрагивает от 30 до 50 лет, а в ряде случаев и больше. Это означает, что как НИР и ОКР, так и модернизацию ВВСТ и подготовку ВС требуется планировать на долгосрочной основе. В полной мере это относится и к невоенным средствам насилия — как социальным институтам и носителям ЧК, так и материальной основе человеческой жизнедеятельности.

10.1.и). Девятый этап:

Отраслевая специфика определения исходных данных, которая должна быть учтена при подготовке единых планов.

Эта специфика заключается в том, что политика отдельных ведомств и органов власти регулируется разными нормативными доку-

ментами, которые нередко не только не согласуются друг с другом, но и прямо противоречат друг другу. Что хуже всего — отдельные «смежные» подразделения нередко плохо взаимодействуют друг с другом. Так, в области сбора, обработки информации и стратегического планирования ощущается острое отсутствие взаимодействия не только между органами исполнительной власти и общественными институтами, но и внутри собственно самих этих органов власти. Особенно если речь идет о разных ветвях власти, например, палатами ФС и министерствами.

В еще большей степени существуют различия в политике ведомств и государственных корпораций: есть «своя» политика у «Газпрома», МИДа и Минобороны по отношению к Украине. Еще большая разница у политики Сбербанка и МЭРа в этой же области.

10.2. Развитие невоенных мер стратегического сдерживания

Информация и требования к СИД подобного рода определяются, прежде всего, понимаем характера современной ВПО и стратегиями развития основных субъектов-участников МО. Как уже говорилось, в послании президента РФ В. В. Путина и в его майском указе подчёркивалась мысль о том, что «главная угроза России — отставание»[13]. Соответственно и стратегическое сдерживание, как политическая стратегия России в условиях обострения ВПО, предполагает не только развитие системы мер военного противодействия, но и опережающего социально-экономического развития России и её НЧК, в результате которого Россия сможет создать эффективные невоенные средства противоборства (сдерживания). Графически и условно это можно обозначить следующим образом (рис. 10.3).

Как видно из рисунка, не только военные, гибридные, но и не военные меры и средства нейтрализации угроз вытекают из возможностей, предоставляемых развитием России — демографическим, экономическим, военным и т.д., которые, в свою очередь, формируются в результате социально-экономического развития страны. Иными словами, возможности развития равняются возможностям стратегического сдер-

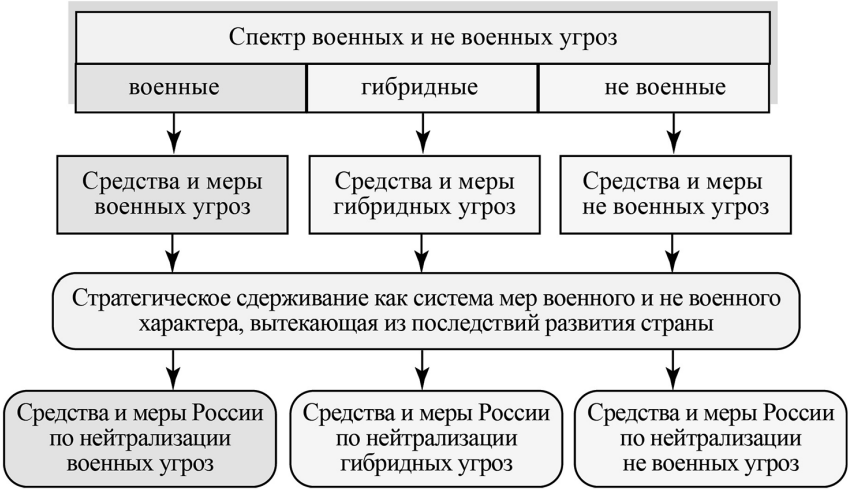


Рис. 10.3. Угрозы политики «силового принуждения» и меры России по их нейтрализации в условиях обострения ВПО в мире во второй половине XXI века

живания. Именно это имеется в виду, когда принимался майский указ президента В. В. Путина, в котором (пункт №2)[14] правительству поручалось до 1 октября этого года подготовить прогноз, основные направления и механизмы обеспечения выполнения этих задач.

При этом оценка угроз остаётся по-прежнему (я бы сказал, традиционно) исходной точкой для разработки системы мер по их противодействию в МО и МИД, частью собственно внешней и военной политики, хотя более целесообразно уже разрабатывать эти меры, исходя из потребностей (национальных интересов) и сохранения национальной идентичности и системы ценностей. В этом видится определённое расхождение со стратегией, предложенной президентом, которая «отходит» от приоритетности угроз.

Это расхождение особенно важно и потому, что в настоящее время обострилась проблема адекватной и своевременной оценки угроз эффективности стратегического сдерживания в России и за рубежом, а также предотвращения политических и военных конфликтов невоенными средствами в связи с резким ростом как возможностей, так и способов применения невоенных средств насилия[15]. Совершенно очевидно, что США и их союзники в последние годы пересмотрели своё отношение

к не военным средствам и мерам политики в сторону их усиления и использования в качестве инструментов силового принуждения.

Появилась новая «политика экономических санкций», целью которых (как в Ираке, Иране и в России) стало не только экономически дестабилизировать, но и политически сменить правящие элиты. Причём эта политика откровенно нарушает даже те рамки, которые были созданы в своё время Западом, те институты, например, ВТО, которые рассматривались как незыблемые основы.

Появилась и новая информационная политика, которая радикально отличается от предыдущей политики «свободы демократических СМИ» в сторону откровенной публичной дезинформации, создающей идеологическую и политическую основу для силовой политики. Таким образом произошло **изменение характера и направленности угроз политики публичной политики Запада в направлении откровенного «силового принуждения»**[16]. Очевидно, что необходимы уже сегодня меры и средства стратегического сдерживания и противодействия.

Причем поведение самого субъекта, на которого направлено внешнее воздействие (например, России), может привести как к ухудшению его положения, так и улучшению его положения, а также самым разным издержкам политического и материального характера. Это зависит не столько от характера угроз, сколько от национальных интересов и их понимания правящей элитой страны, а также избранными ей средствами противодействия.

Подобный вывод неизбежно отрицает и механический подход к разработке средств и мер противодействия, включая меры стратегического сдерживания. Рассмотрим чисто формальную логику поведения субъекта, на которого направлены такие угрозы.

Поведение субъекта, на которого направлены угрозы в условиях конфликта, может привести с самым разным последствиям, которые чисто формально, логически можно представить следующим образом: рис. 10.4.

Иными словами, прогнозируя угрозы, необходимо прогнозировать и меры и способы их нейтрализации, т.е.е политика стратегического сдерживания России должна быть не механической ответной реакцией, а управленческим решением высокого уровня[18]. Это означает, что

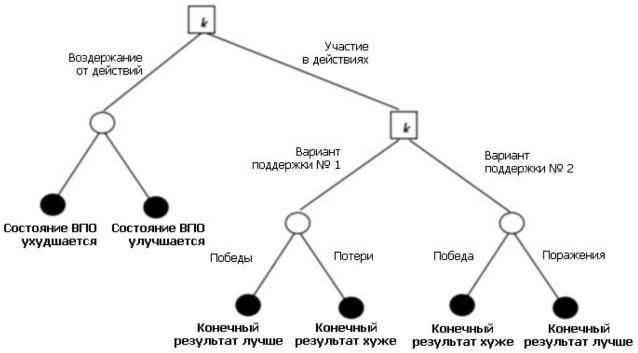


Рис. 10.4[17]. Пример поведения субъекта МО–ВПО

стратегическое сдерживание перестало быть механической реакцией на угрозы, превратившись в осознанный управленческий процесс, уже продемонстрировавший определённые результаты. В частности, отнюдь не случайно в 2018 году военный бюджет России не вырос механически, а был сокращен на 20%. Другой пример — отсутствие немедленной ответной реакции В. В. Путина на некоторые вызывающие действия Запада, например, высылку дипломатов.

Таким образом поведение того или иного субъекта МО-ВПО в конфликте в XXI веке во многом предопределяется не только изначальными условиями состояния МО-ВПО, но и избранной этим субъектом стратегией и эффективностью политики этого субъекта. В частности, политикой стратегического сдерживания, предполагающей гибкое и осмысленное реагирование на новые угрозы, что, в свою очередь, предполагает более широкое использование не военных мер и средств противоборства.

В этой связи необходимо рассматривать как «внешние» факторы этой политики (МО-ВПО-СО), так и собственно стратегию субъекта. В зависимости от избранной стратегии субъект МО-ВПО может добиться совершенно разных, порой противоположных, результатов. Опять же чисто формально-логически ситуация для того или иного субъекта ВПО может развиваться следующим образом (рис. 10.5).

Очевидно, что принятие того или иного решения на оперативном (а тем более стратегическом) уровне требует целой системы принятия решений, основанной как на законодательно-нормативной базе, так

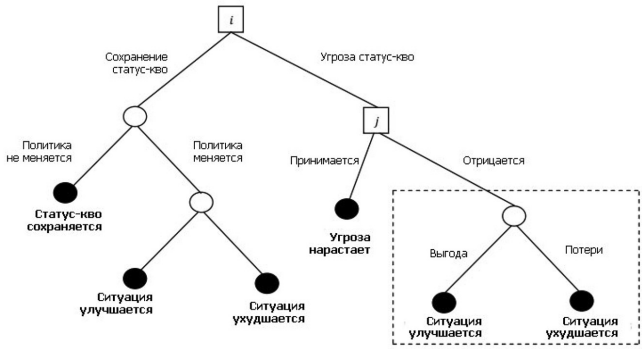


Рис. 10.5[19]. Стратегия поведения в двустороннем конфликте

и оперирующей точными исходными данными. Именно в силу огромных возможных последствий принятия таких решений требуется тщательная проработка самых разных вариантов, их тщательное обоснование и прогноз политических последствий. Причём, как правило, не смотря на все меры, такие решения принимаются в состоянии временного цейтнота и отсутствия достаточных накопленных ресурсов. Поэтому предлагается создать (или развить) некую систему для принятия решений по стратегическому сдерживанию, в основе которой находились бы заранее проработанные варианты и ресурсы. В частности, это решение предполагает:

— во-первых, заранее, заблаговременно просчитать самые возможные и наиболее вероятные сценарии (и их варианты) развития МО — ВПО;
— во-вторых, заранее подготовить несколько вариантов возможной реакции в ответ на развитие каждого сценария и его варианта;
— в третьих, подготовить необходимый запас ресурсов, требуемый для реализации каждого из варианта ответов. При том понимании, что спектр возможных ресурсов, мер и способов реакции может быть очень широким и качественно отличаться друг от друга.

Одним из вариантов такой системы может явиться иллюстрация системы и процесса принятия решений в Великобритании (рис. 10.6).

Главное, что существует в этой системе, это её разделение на уровни принятия решений и выделение приоритетов, среди которых военные — только часть таких приоритетов[20].

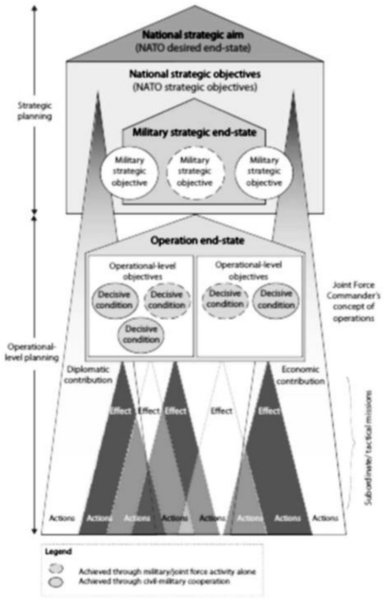


Рис. 10.6. Взаимосвязи между оперативным и стратегическим планированием в Великобритании

10.2.а). Системы ценностей в системе стратегического сдерживания

Необходимо понимать, что в основе успешной политики стратегического сдерживания находятся тщательно обоснованные политические цели, базой которых, в свою очередь, выступает система национальных ценностей, национальные интересы, включая суверенитет, являются базой для формирования политических целей правящими элитами. Такая наиболее приоритетная цель была сформулирована, например, в майском (2018 г.)указе президента В. В. Путина как «прорывное научно-технологическое и социально-экономическое развитие Российской Федерации, увеличение численности населения страны, повышение уровня жизни граждан» и т.д., что коротко можно было бы охарактеризовать как ускорение развития национального человеческого капитала[21].

Их девальвация неизбежно ведет к ослаблению и развалу государства и его институтов, а укрепление — к развитию институтов и самого государ-

ства. Эта зависимость сознательно искажается, когда происходит подмена национальной системы ценностей и интересов чужими системами или требованиями «ввести универсальные» («общечеловеческие» и пр.) ценности[22].

На мой взгляд, в новейшей истории, после исчезновения «полюсов» противоборства, произошел процесс «перенацеливания» с точки зрения противоборствующих стратегий и смены их приоритетов с традиционных, политических целей на новые, не традиционные. Цели — цивилизационные, геополитические стали более бескомпромиссными, радикальными, когда вопрос встал о потере суверенитета государств и идентичности наций.

Вместе с тем далеко не всегда и далеко не для всех значение и взаимосвязь между этими основными категориями в политике очевидна. Нередко её пытаются сознательно или бессознательно исказить, пытаясь нанести ущерб системе ценностей или интересов, что создаёт самые опасные и масштабные угрозы национальной и государственной безопасности. Соответственно такие долгосрочные угрозы могут и не восприниматься частью правящей элиты (и нередко не воспринимаются) в качестве угроз, хотя разрушение системы ценностей и национальной идентичности имеет гораздо более тяжелые последствия, чем угрозы политическим целям правящей элиты и общества.

Можно вычленить следующие новые объекты, которые превратились в наиболее приоритетные политические цели:

— **долгосрочной,** наиболее важной, стратегической целью политики «силового принуждения» стали системы ценностей и национальные интересы (прежде всего, суверенитет) государств:
— **среднесрочной** целью внешнего воздействия остается собственно политика субъектов МО и ВПО, но этот приоритет во все большей степени «размывается» между другими приоритетами;
— **главной оперативной** и тактической целью становится правящая элита страны и прежде всего ее управляющий слой.

В самом общем виде этот процесс «перенацеливания» можно проиллюстрировать на модели политики субъекта МО–ВПО (рис. 10.7).

Группа факторов «Б» в самом общем виде представляет собой состояние МО и ВПО (включая естественно, влияние важнейших субъектов и акторов, в частности, западной военно-политической коалиции).

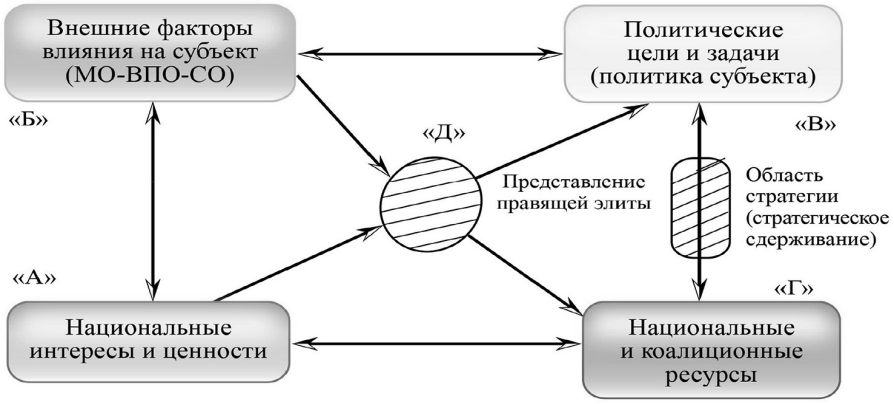


Рис. 10.7. Модель политики субъекта МО–ВПО

Это влияние направлено на три важнейших объекта политического воздействия непосредственно:

— **политику государства** (вектор «Б»–«В»);
— **правящую элиту** (вектор «Б»–«Д»);
— **систему ценностей и интересов** (вектор «Б»–«А»);

Причем сила этого влияния МО и ВПО, определяемая, прежде всего, лидерами мирового сообщества, в нашем случае, — западной коалицией, относительно объектов влияния (принуждения) не только разная, но и меняется в зависимости от многих факторов во времени.

Так, очень условно говоря, сила влияния МО-ВПО на политику СССР (России) в 1950 и 2018 годах распределялась следующим образом: табл. 10.1.

Другими словами произошло перераспределение внешнего влияния на политику субъектов МО-ВПО в пользу влияния на правящую элиту (краткосрочное) и систему ценностей (долгосрочное).

Таблица 10.1. Влияние МО–ВПО на политику СССР–России в 1950 и 2018 годах

Доля влияния	1950 г.	2018 г.
Вектор«Б»–«В» (среднесрочное)	90%	50%
Вектор «Б»–«А» (среднесрочное)	5%	20%
Вектор«Б»–«Д» (среднесрочное)	5%	30%

Это обстоятельство необходимо обязательно учитывать, в том числе, и потому, что **средства** такого влияния (в том числе и силовые) и **способы** во многом зависят от того **против кого это влияние нацелено**. Так, закон США, принятый в августе 2017 года против РФ, Ирана и КНДР, направлен не только против политики этих государств, но и против их правящих элит, и против защищаемых ими систем ценностей.

Сказанное означает, что изменился не только **характер угроз** политике стратегического сдерживания России (вектор «В»–«Г»), но и важнейшие области, которым угрожает внешнее влияние («Б»–«А» и («Б»–«Д») остались фактически без защиты потому, что сама логика формирования стратегии государства, как субъекта МО-ВПО, исключает их этого процесса.

Сказанное означает, что политика стратегического сдерживания России должна быть расширена до двух наиболее приоритетных современных и важнейших областей[23]:

— стратегической, защиты системы национальных ценностей и интересов как национальной системы;
— оперативной, защиты правящей элиты и ее органов управления. включая суверенитета и развития способности ее эффективного управления.

10.2.б). Изменение в структуре международной и военно-политической обстановки

Чем глубже приходится заниматься анализом состояния и развития конфликтов и вытекающих из этого состояния угроз, тем важнее становится более четкое представление о факторах, формирующих современную систему МО, ВПО и СО (конфликтов и войн). Логика рассуждений такого анализа вытекает из дедукции развития МО и ее конкретизации в ВПО, а последних — в СО, войны и конфликты.

Соответственно и политика стратегического сдерживания вытекает из подобной иерархии, когда состояние и будущее конфликтов и СО предопределяется состоянием и развитием ВПО, а до этого — состоянием и развитием МО.

Военно-политический конфликт в Сирии как пример политики стратегического сдерживания России

В основу понимания сущности конфликта положена модель развития международной, военно-политической и стратегической обстановки в регионе, которая структурно состоит из следующих элементов и определяется следующими группами факторов:

1-я группа: субъекты МО включает основные государства и коалиции, сформировавшиеся в начале XXI века на основе локальных человеческих цивилизаций.

Конфликт западной ЛЧЦ с российской, исламской (отчасти) и китайской ЛЧЦ стал международной основой для конфликта в Сирии.

2-я группа: широкий спектр негосударственных акторов, участвующих в общественно-политической деятельности, — от религиозных и экстремистских организаций до НПО.

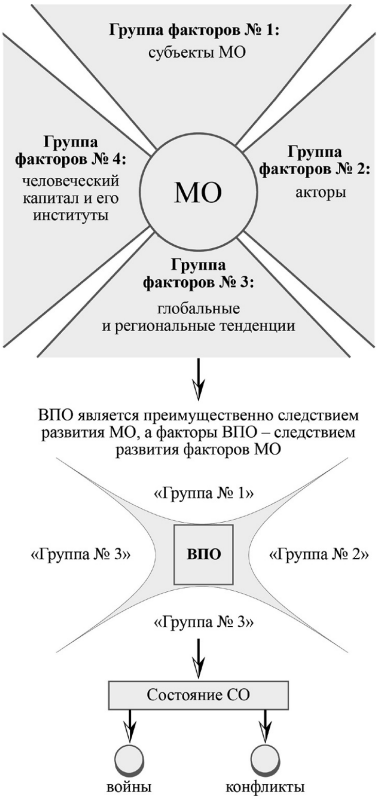


Рис. 10.8.

3-я группа: существующие глобальные и региональные тренды и процессы.

4-я группа: факторы определяющие когнитивное состояние общества и институтов нации.

1-я группа военно-политических факторов: Отношением между важнейшими субъектами ВПО в мире, регионе и их коалициями. Применительно к Сирии, это отношение западной коалиции и России, Сирии, Ирана, Ирака и других стран, включая КСА и Катар и пр. В качестве примера можно привести подход одного из российского автора-сотрудника МИД РФ.

Применительно к конфликту в Сирии главным вопросом остается поиск баланса между потенциалом российско-американского взаимодействия и оптимальной степенью вовлеченности стран региона. Это приближает к решению задачи определения наиболее эффективного инструмента решения конфликта САР и региональных кризисов в целом.

По итогам исследования проведенного одним из авторов, на основе категоризации аспектов сирийского конфликта автором был выявлен, например, механизм урегулирования кризиса в Сирии в рамках трансформирующейся системы международных отношений. Речь идет о методологии, способной помочь определить «точку баланса» между оптимальной вовлеченностью в конфликт глобальных игроков (России и США_ и заинтересованных государств региона, а также ООН. Наработки могут использоваться в преломлении к другим региональным конфликтам.

Данный механизм изложен автором в следующей таблице[24]: (табл. 10.2.)

2-я группа военно-политических факторов: состоянием и перспективами развития международных, региональных и национальных акторов — исламских, сирийских и пр. негосударственных экстремистских, террористических и пр. организаций.

3-я группа: развитие глобальных и региональных военно-политических тенденций в мире (отношений между ЛЧЦ и их коалициями) и в регионе Ближнего и Среднего Востока.

4-я группа: развитие институтов человеческого капитала и когнитивных способностей, представлений об общих закономерностях в развитии человечества и общества.

Таблица 10.2.

Категории вопросов (уровни)	Участники выработки договоренностей	Возможные аспекты урегулирования	Примеры
Глобально-стратегический	Глобальные игроки (Россия, США)	Определение стратегии борьбы с терроризмом — ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра».	1. Химическая демилитаризация САР (2013 г.) на основе договоренностей России и США.
		Согласование ключевых элементов политического урегулирования конфликта в САР.	2. Российско-американская координация в борьбе против ИГИЛ в районе р. Евфрат (2017 г.).
			Неудачные примеры (в отсутствие региональных игроков):
		Задействование потенциала СБ ООН.	1. Российско-американские договоренности о введении режима прекращения огня в САР, февраль. 2016 г. 2. Соглашение между Россией и США по урегулированию проблемы Восточного Алеппо, 9 сентября 2016 г.
Регионально-оперативный	Один из глобальных игроков (Россия, США) и страны региона (Катар, Турция, КСА, Иран, Иордания), а также ООН, другие международные организации.	Согласование условий общенационального режима прекращения боевых действий.	1 .Решение проблемы Восточного Алеппо в 2016 г. (Россия — Турция с привлечением ООН и международных организаций).
		Достижение и реализация договоренностей об эвакуациях членов НВФ из блокированных населенных пунктов.	2. Достижение договоренностей о создании зон деэскалации (Восточная Гута, Хама-Хомс, Идлиб — Россия, Иран, Турция; Южная зона — Россия, США, Иордания) в 2017 г.
		Создание зон деэскалации. Выработка мер доверия.	3. Эвакуация боевиков из Восточной Гуты в 2018 г. (Россия — Катар и Саудовская Аравия с привлечением ООН и международных организаций).

		Достижение локальных замирений и гуманитарных пауз.	4. Договоренности между США и Сирийскими демократическими силами по борьбе с ИГИЛ на Севере и Северо-Востоке САР 2016–2017 гг.
		Разработка наступательных операций.	
Локально-тактический	Региональные игроки.	Решение гуманитарных вопросов локального характера.	1. Договоренности о прекращении огня в лагере палестинских беженцев Ярмук в 2015–2016 гг. между Сирийской Свободной Армией, «Джабхат ан-Нусрой», ИГИЛ и правительством Сирии.
	Страны региона и стороны «на земле».	Принятие мер взаимного доверия.	2. Договоренности «Фуа-Кафрая-Ярмук» по прекращению огня и синхронной доставке в н. п. гумпомощи (Приложение) между Ираном и «Джейш аль-Фатх» в 2015 г.
	Допускается привлечение одного из глобальных игроков России и США.	Урегулирование местных социально-экономических проблем.	3. Подписание локальных соглашений о замирении между российским Центром по примирению враждующих сторон в Хмеймиме и лидерами НВФ о перемирии.
	Поддержание режима прекращения боевых действий на местном уровне. Передислокация сил «на земле» вокруг определенного н. п. или участка линии фронта.		4. Социально-гуманитарные меры (выплата зарплат учителям Восточной Гуты правительством Сирии), меры восстановления доверия (передача тел погибших в Думе родственникам на территориях, подконтрольных правительству САР по договоренности между «Джейш аль-Ислам и спецслужбами САР), договоренности по коммерческим поставкам продуктов питания и воды в осажденные районы, выплаты средств на лечение онкологическим больным в Африне из центрального бюджета.
	Альянсы между группировками для достижения тактических целей или между НВФ и странами региона.		

Угрозы системе ценностей, идентичности, суверенитету и национальной идентичности имеют фундаментальный, базовый характер. В отличие от «классических» угроз национальной безопасности эти угрозы:

— имеют долгосрочный характер и последствия, влияющие на основные условия существования нации и государства;
— как правило, они не носят ярко выраженного характера и могут недооцениваться обществом и правящей элитой;
— средства и способы формирования таких угроз нередко не носят ярко выраженного силового характера и поэтому могут игнорироваться;
— как правило, используются не военные силовые средства и способы.

Эта специфика требует, как минимум, соответствующего подхода к оценке угроз и разработке системы мер стратегического сдерживания, которые нередко не находятся в системе приоритетов обеспечения национальной безопасности.

Кроме того, можно говорить о появлении устойчивой среды для проявления таких угроз в смешанной, «серой» зоне, где трудно отличить военные и невоенные средства и способы, либо они используются одновременно, в комплексе, как правило, системно. Так, например, ударный беспилотник (БЛА) используется как для целей разведки, так и нанесения огневого поражения и РЭБ. Одновременно, как показывает опыт Украины и Сирии, он может использоваться и для нарушения связи, дезинформации, транспортировки листовок и пр. невоенной деятельности.

Отдельная область — политико-силовое применение сил специальных операций (ССО), которые могут выполнять в том числе миротворческие, гуманитарные и иные функции. Проблема в том, что эти силы обеспечивают в настоящее время всё возрастающую силовую поддержку мер, угрожающих системе национальных интересов и ценностей.

Большую и непосредственную угрозу стратегической стабильности и безопасности России представляет использование специальных сил, которые включают самые разные службы и виды войск, объединенные в силы специальных операций (ССО), отражающие коллективные возможности государства или даже всей коалиции. По некоторым оценкам, их бюджет только в США превысил 10 млрд долл., а числен-

ность в последние годы превысила 70 тыс. человек, что, на мой взгляд, не включает финансирование всей деятельности, в т.ч. более чем на 120 зарубежных базах разного рода оппозиционных, экстремистских и террористических организаций.

Иными словами, дестабилизацией и силовым противоборством с Россией занимаются в самых разных формах — от террористической деятельности до политико-психологических диверсий — десятки тысяч человек, обладающих огромными организационными и финансовыми ресурсами. Причем многие из этих форм и направлений традиционно не соотносятся с использованием военной силы. Даже, например, в тех случаях, когда в результате деятельности ССО террористические организации непосредственно осуществляют нападение на органы власти и управления противника, как это происходит на Кавказе, или организуют националистические и экстремистские батальоны, как на Украине. В частности, приводятся в пример такие формы действий ССО, которые традиционно **не относятся к области вооруженной борьбы, но которые требуют адекватных ответов**, как:

— Нападения и атаки на объекты, имеющие важное политико-дипломатическое значение (захваты дипломатов, посольств, собственности и пр.), которые совсем не обязательно связаны с физическим уничтожением противника;
— Специальное наблюдение и контроль за деятельностью противника, имеющее стратегическое значение, связанное иногда с силовыми действиями (операции против российских дипломатических представителей и дипломатов);
— Специальные операции, затрудняющие или прекращающие работы (в т.ч. НИОКР) в области создания ВВСТ, в частности ОМУ (операции в Иране, Ираке, Пакистане);
— Операции, препятствующие развитию экстремистской и террористической деятельности противника в самых различных областях — информационной, финансово-экономической, политической и др.;
— Поддержка антиправительственных выступлений (до 2014 года на Украине, а до этого во множестве других стран), которые должны перерасти в вооруженную борьбу и прямое военное противостояние (как в Сирии);

— Иностранная внутренняя оборона, предполагающая поддержку «дружественных режимов», противостоящих выступлениям оппозиции (НДРЙ, Ливан, Израиль);
— Иностранная гуманитарная помощь, которая осуществляется в экстремальных условиях в интересах США (Афганистан, Ирак);
— Силовая поддержка информационных мероприятий и другие формы внутриполитической дестабилизации противника и т.д.

Множество различных форм силовых операций, которые традиционно не относятся к военным, означает только одно: существуют цели, стратегия и средства для проведения силовых операций специальными силами, которым могут противодействовать только такие же специальные силы, способные использовать как собственные ресурсы, так и ресурсы других силовых ведомств самых различных целях.

Как известно, в России существуют различные силовые структуры, обладающие специальными силами и средствами для проведения операций самого широкого профиля, но нет структуры, которая обладала бы всеми коллективными возможностями специальных сил МВД, МО, Росгвардии, МЧС, Финансовой разведки, а, тем более, МИД и СВР.

10.2.в). Стратегическое сдерживание в области политического целеполагания, суверенитета и самостоятельности правящей элиты

В XXI веке особенно важное значение приобретают внешние угрозы правящей элите и управлению государством, которые требуют соответствующих изменений в политике стратегического сдерживания России.

Некоторые из таких угроз можно назвать традиционными, а их противодействию (с разной степенью эффективности) государства всегда уделяли внимание. В частности, если речь идет о физической защите представителей руководства и правящей элиты страны.

Однако с конца XX века появилась серия новых возможностей внешнего влияния на правящую элиту, которая либо не существовала вообще, либо не акцентировалась прежде. Так, физическое устранение

лидеров (Чаушеску, Хусейна, Милошевича, Каддафи и др.) очевидно предназначалось и для шантажа и политико-психологического влияния на лидеров, чье поведение не устраивает западную коалицию.

Отдельные новые направления предоставляют экономические и финансовые акции (арест активов, санкции, преследования бизнесменов), которые активно начали применяться США против Каддафи еще с 70-х годов прошлого века, распространяясь на все области жизни и на все окружение оппонента.

Наконец, огромное значение приобрело использование интернет-ресурсов, прежде всего, социальных СМИ.

Основным объектом политического силового — не военного и военного — внешнего воздействия становится правящая элита субъекта МО–ВПО, от решений которых зависит политический курс страны. Усилия, направленные на лишение правящей элиты суверенитета, либо её «переориентации» на внешние интересы, как правило многократно эффективнее политико-силовых действий, а тем более применения военной силы.

Примеры того, как правящие элиты принуждались в прошлом веке и в настоящее время — многочисленны. Причём для этого использовались любые средства и методы, в том числе и психологического и физического воздействия, вплоть до уничтожения лидеров и их окружения — Чаушеску, Милошевича, Каддафи, Наджибуллы и т.д.

В этой связи возникает вопрос о защите суверенитета политической элиты вообще (включая информационную, физическую и пр.) и лидеров, в частности. Представляется, что необходим комплексный план по обеспечению безопасности правящей элиты, включающий не только традиционные меры физической защиты, но и:

— меры по защите семьи, родственников и близких, а также обеспечению их жизнедеятельности в России (и, если необходимо, за рубежом);
— разработку норм, мер и правил поведения, обучения, лечения и т.д.;
— меры информационной и психологической защиты;
— гарантии существования и работы после завершения полномочий.

Кроме того, эти меры должны иметь оградительно-запретительный характер, прежде всего, на зарубежные поездки, обучение, собственность за рубежом и пр.

10.2.г). Стратегическое сдерживание развития национальных ресурсов

В XXI веке стало очевидным, что влияние на состояние и развитие системы национальных ценностей со стороны внешних сил имеет наибольшее стратегическое значение. Изменение «национального кода», «переформатирование» сознания общества в желаемом направлении становится наиболее полной и лучшей политической гарантией.

В этой связи политика стратегического сдерживания должна быть расширена до области когнитивно-информационного противодействия.

Необходимо отчетливо представлять себе, что силовое воздействие извне имеет одной из важнейших целей сокращение и развал имеющегося потенциала России — материального, природного ресурсного, но, прежде всего, национального человеческого капитала, составляющего самую большую часть и быстро развивающуюся часть национального богатства. Необходимо тщательно контролировать как состояние НЧК и его институтов, так и темпы его развития, не допуская действий по замедлению, а тем более сокращению и уничтожению этого потенциала.

Соответственно и действия всех властей и органов власти на всех уровнях должны быть сконцентрированы на этой задаче с точки зрения эффективности противодействия политики силового принуждения, проводимой Западом. Для чего могут быть использованы как известные, традиционные, критерии (измерения ИЧР и эффективности институтов власти и общества), так и новые критерии, специально разработанные в интересах политики стратегического сдерживания[25].

Учитывая решающую роль в развитии и обеспечении безопасности человеческого капитала и его институтов, неизбежно приходится сделать вывод о том, что представляется целесообразным создание такой структуры, объединяющей специальные информационные, когнитивные, военные, политико-дипломатические и разведывательно-диверсионные возможности в интересах обеспечения стратегической стабильности и безопасности России в качественно новый военно-политической обстановке.

Причем уровень принятия решения в этой структуре должен быть исключительно высок. Оперативное управление этой структуры, имеющей

межведомственный характер, должно осуществляться непосредственно Советом национальной безопасности, а сама структура иметь возможность координации всей деятельности не только силовых министерств, служб и ведомств, но и финансовых и социально-экономических органов власти.

Сказанное, означает, что политика стратегического сдерживания должна делится не только по средствам реализации на системы военные и невоенных средств и методов, но и по **объектам защиты** от политики силового принуждения Западом на 4 области:

— стратегическое сдерживание как политика противодействия агрессии против государства;
— стратегическое сдерживание как политика противодействия против правящей элиты и общества;
— стратегическое сдерживание как политика противодействия против нации, ее системы ценностей и интересов

Главное — политика стратегического сдерживания, направленная на ослабление негативного влияния на развитие человеческого капитала и его институтов. Это стратегическое направление противоборства проявляется во многих областях — от отказы в выдаче виз артистам Большого театра весной 2018 года до массовой незаконной депортации в США из других стран российских программистов. Для начала хорошие новости. Только что российские студенты в седьмой раз подряд стали победителями чемпионата мира по программированию ACM ICPC в Пекине. Первое место заняла команда из МГУ, второе — Физтеха, ИТМО занял девятое место. Россияне взяли мировой кубок мира и четыре медали из 13, больше всех других стран[26].

Да, программисты у нас очень крутые. Это все знают. Но я совершенно уверен, что большая часть сегодняшних победителей покинет нашу страну на горизонте трех–пяти лет. Очевидцы и участники рассказывают, что победителей и призеров олимпиад по программированию окружает плотная толпа рекрутеров из мировых ИТ-компаний (в основном американских, естественно) — IBM, Intel, Google и прочие. Понятно почему. У нас одно из лучших математических образований в мире, по большей части — бесплатное. А там, «у них», стоит станок, щедро печатающий мировую валюту, там венчурное казино в Кремниевой долине с раздачей угощений игрокам, там лучше климат, там изо-

бильная еда, там разрешили наркотики, там вообще движуха. Зарплаты там выше минимум в два–три раза. Они с удовольствием берут у нас дармовых математиков. Где же осознание государством стратегической важности этого редкого ресурса? Где специальная ипотека для программистов, где государственные награды и призы за олимпиады, где льготы, медийная раскрутка, где программа поддержки, где…

Среди прочих методов хедхантинга США, то есть способов дешево забирать у нас математических и программистских гениев и специалистов, есть и один особо эффективный. Российские программисты, экстрадированные в США за последние несколько лет (неполный список)[27]:

1. Марк Вартанян в декабре 2016 года был выдан из Норвегии в США. В марте 2017 года признал вину, а 19 июля был приговорен к пяти годам лишения свободы.
2. Станислав Лисов экстрадирован из Испании в США. Его задержали в Испании 13 января 2017 года, ему может грозить до 35 лет тюрьмы.
3. Евгений Никулин был задержан осенью 2016 года в Праге. В марте этого года экстрадирован в США.
4. Петр Левашов был задержан в апреле 2017 года в Барселоне по запросу США.
5. Владимир Дринкман и Дмитрий Смилянец: в феврале 2018 года судом штата Нью-Джерси Дринкман приговорен к 12 годам тюремного заключения, Дмитрий Смилянец освобожден в зале суда.
6. Никита Кузьмин был арестован в США в 2010 году. В мае 2016 года суд обязал его выплатить 6,9 миллиона долларов в качестве компенсации пострадавшим и приговорил к 37 месяцам тюремного заключения (уже отбытый срок под стражей), освобожден.
7. Владимир Здоровенин 16 января 2012 года был экстрадирован в США. В феврале 2012 года он частично признал вину.
8. Александр Костюков был арестован в Майами в марте 2012 года. В декабре 2015 года он приговорен к девяти годам лишения свободы и выплате штрафа в размере 50 миллионов долларов.
9. Александр Панин в июне 2013 года в Доминиканской Республике был арестован и затем экстрадирован в США. Он признал вину в обмен на снятие части обвинений. В сентябре 2015 года приговорен к 9,5 года заключения.

10. Белороссов Дмитрий арестован в аэропорту Барселоны 17 августа 2013 года, в мае 2014 года экстрадирован в США. В сентябре 2015 года приговорен к 4,5 года заключения и выплате 322 тысяч долларов в погашение ущерба.
11. Максим Чухарев в апреле 2014 года был экстрадирован в США из Коста-Рики. В сентябре 2014 года он признал свою вину, приговорен к трем годам лишения свободы.
12. Роман Поляков, задержан в Испании 3 июля 2014 года, в 2015 году был экстрадирован в США. В июне 2016 года признал вину, приговорен к четырем годам тюрьмы и штрафу в размере 90 тысяч долл.
13. Роман Селезнев задержан 5 июля 2014 года в аэропорту Мальдивской Республики в городе Мале американскими спецслужбами. В апреле 2017 года он частично признал вину, был приговорен к 27 годам тюремного заключения и штрафу в 170 млн долл. В июле 2017 года против Селезнева были выдвинуты новые обвинения в кибермошенничестве, и он был приговорен еще к 14 годам тюрьмы, суммарно 41 год.
14. Максим Сенах был арестован в Финляндии в августе 2015 года, в январе 2016 г. был экстрадирован в США. В марте 2017 года признал вину в киберпреступлениях. В августе 2017 года приговорен к 46 месяцам тюремного заключения.
15. Юрий Мартышев задержан 26 апреля 2017 года в Латвийской Республике по запросу США.
16. Дмитрий Украинский задержан в июле 2016 года в Таиланде по запросу ФБР США.
17. Сергей Медведев, задержан в Бангкоке в феврале 2018 года по наводке ФБР.
18. Александр Винник задержан 25 июля 2017 года в Греции по запросу спецслужб США.

Что здесь нужно отметить.

Первое: очевидно, США считают своей юрисдикцией весь мир. Часто они даже не заморачиваются ордерами Интерпола, а просто требуют выдачи. И довольно большая часть мира послушно исполняет: американцев боятся.

Второе: эти люди — вроде бы преступники. Я слышал такие мнения: зачем они нам, их правильно ловят. Что нам тут с ними делать?

К сожалению, нет способа это узнать наверняка. И вот почему. Если почитать более внимательно список экстрадированных, можно заметить одну особенность: либо подсудимый идет на сделку со следствием и получает несколько лет тюрьмы, а то и вовсе выходит на свободу, потому что уже отсидел точно назначенный судом срок, либо получает немыслимые сроки — 25–40 лет тюрьмы. Больше, чем у нас дают за несколько убийств. Схема тут такая[28]:

1. Суд по экстрадиции в стране ареста «хакера» не рассматривает дело по существу предъявленных обвинений. Он разбирается только в том, является ли инкриминируемое деяние преступлением по законам данной страны. Если да — автоматически отдает арестованного «хакера» в США. Предполагая, что уже там его будут судить по существу — честно и беспристрастно, конечно же. Мы же знаем, что в США все честно.
2. В США экстрадированному говорят: смотри, парень, по сумме обвинений тебе «ломится» 30–40 лет тюрьмы. Выйдешь стариком, если до этого загорелые скучающие сокамерники не замучают до смерти прогрессивной любовью. А если пойдешь на сделку, признаешь себя виновным, получишь от двух до пяти лет, а то и просто срок уже отсиженного в хорошей тюрьме — потом выйдешь, получишь грин-карту и будешь работать на лучшую разведку мира АНБ по специальности.
3. Что делает «хакер», который давно оторван от семьи, родины, друзей, который обычно не может себе позволить хорошего адвоката, измотан уговорами и страшилками подсаженных в камеру «наседок» и начинает верить в эти 30 лет тюрьмы впереди? Естественно, соглашается на сделку. У него же нет других альтернатив перед лицом самой мощной репрессивной машины мира — мы же, Россия, ему ничего не предлагаем.
4. А дальше суд не должен рассматривать никаких доказательств. Сделка же. Полное признание вины. Очень удобно — потому что доказательства обычно отсутствуют или негодные.

   И узнать уже, был ли «хакер» на самом деле виновен, — уже нельзя.

Разведка США получила очередного специалиста по серым операциям, оперативники АНБ и ФБР — звездочки на погоны, «хакер» выскочил из самого жуткого кошмара его жизни и выдыхает, привыкает к новой реальности.

Сейчас ровно такая схема развивается с Александром Винником, арестованным в Салониках в 2017 году. Ему сначала инкриминировали создание криптовалютной биржи BTC-E, не лицензированной в США. Пара граждан США (агентов ФБР) специально завела аккаунты на бирже, чтобы показать, что эта биржа работает также с гражданами США, а значит — находится в американской юрисдикции.

Нам эти их знания жизненно важны для тех самых технологических прорывов, о которых говорит руководство страны.

Во-вторых, он гражданин России. Этого уже должно быть достаточно. Если бы мы попробовали задержать и судить гражданина США по сходным обвинениям, поднялся бы совершенно чудовищный медийный шторм. А сейчас все тихо. Мы по Конституции не выдаем своих граждан со своей территории, а вот с чужой, из отпуска, выдаем. Почему так?

Мы тоже должны защищать своих граждан. Если они и правда виноваты — это должен определять наш суд, российский, а не американский.

Это же наши граждане.

Сейчас выезд любого технического специалиста в отпуск или командировку за рубеж — огромный риск, особенно в условиях, когда, по сути, на них идет охота. А у нас нет механизма автоматического включения государственных процедур защиты и спасения.

Нам нужно, чтобы арест любого гражданина России за рубежом становился событием национального масштаба. Чтобы статус гражданина России был подобен статусу римского гражданина времен Римской империи. Чтоб сразу докладывали на самый верх, чтобы создавались немедленно межведомственные рабочие группы, начинали работать дипломаты и так далее. И уж тем более — при попытке захвата стратегических интеллектуальных ресурсов «потенциальным противником».

10.3. Повышение согласованности межведомственных стратегий

При этом важно напомнить, что важнейшая роль в повышении эффективности стратегического сдерживания принадлежит конкретным исполнителям высшего звена, которые осуществляют общую коорди-

нацию и согласование политики безопасности и проведение конкретных акций и мероприятий. В современной России, где исполняется не более 25% президентских поручений, эффективность государственного управления является самой острой проблемой. Эта эффективность в области обеспечении национальной безопасности может, вероятно, считаться выше, но учитывая стремительное обострение ВПО, — всё еще не достаточной.

Учитывая, что общее политическое и стратегическое руководство политикой безопасности может и должно принадлежать Президенту РФ и Совету национальной безопасности, оперативное управление и текущую деятельность по реализации этих решений должно быть возложено на **Национальный штаб обороны** (по определенной аналогии с ОКНШ ВС США), **частью которого** становится Генеральный штаб ВС, а также штабы МВД, Росгвардии, ФСБ, СВР, МЧС и др. органов государственного управления, включая министерство финансов, здравоохранения и другие, которые должны представлять первые заместители руководителей соответствующих ведомств, либо (аппарат Правительства РФ, Совет Федерации, Государственная Дума ФС и Счетная палата России) руководители соответствующих аппаратов.

В соответствии с Конституцией и политической практикой, руководителем Национального штаба обороны может быть только председатель правительства РФ, в руках которого концентрируется контроль над всей системой исполнительной власти в стране, а также общественными институтами и бизнесом в той части и в пределах тех компетенций, которые оговариваются Президентом и Советом национальной безопасности.

Причем (по аналогии со штабом Партизанского движения в годы ВОВ) должны быть созданы отдельные управления по работе с бизнесом и институтами гражданского общества, которые в новых условиях (особенно университеты, частные СМИ, интернет-ресурсы и пр.) будут играть исключительно важную роль в политике безопасности. В Эстонии уже действует, например, Центр кибербезопасности НАТО, в Латвии — Центр альянса по вопросам стратегических коммуникаций. Накануне маневров «Запад–2017» премьер-министр Эстонии Юри Ратас заявил, что его страна вместе с союзниками внимательно следит за ними «и при необходимости готова реагировать».

Сообщается, что летом этого года НАТО передало Украине оборудование для создаваемых в этой стране центров реагирования на компьютерные инциденты для ключевых государственных институтов, в том числе для Службы безопасности (СБУ) и Службы внешней разведки (СВР). Любопытно, что назначенный на днях новый глава СВР Украины Егор Божко долгое время исполнял обязанности главы миссии страны при НАТО.

Напомним, что после событий 2014 года в Украине при поддержке США и НАТО были развернуты подразделения информационно-психологических операций, главная цель которых «подрыв основ государственного строя России». С ними взаимодействуют уже упоминавшиеся Центр НАТО по вопросам стратегических коммуникаций (Рига), Киберцентр НАТО (Таллин), Командование специальных операций и 4-я группа операций информационного обеспечения Пентагона, 77-я бригада и 15-я группа психологических операций Великобритании.

Отнюдь не случайно, поэтому одновременно с началом российско-белорусских учений 15 сентября 2017 года на многие города России обрушился шквал звонков, дезорганизовавших работу многих учреждений.

10.4. Межведомственный план по обеспечению стратегического сдерживания

Не надейтесь, что единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно. Русские всегда приходят за своими деньгами. И когда они придут — не надейтесь на подписанные вами иезуитские соглашения, якобы вас оправдывающие. Они не стоят той бумаги, на которой написаны. Поэтому с русскими стоит или играть честно, или вообще не играть

Отто фон Бисмарк

Как уже подчёркивалось, обеспечение стратегического сдерживания, как синоним обеспечения национальной безопасности России в среднесрочной перспективе, — задача, которую предстоит решать

скоординировано всеми, а не только «силовыми» ведомствами, включая общественные институты и частный бизнес.

10.4.а). Орган, отвечающий за планирование

И прежде всего возникает естественный вопрос, кто конкретно будет отвечать в системе национального управления за решение этой задачи? По разным причинам на это может претендовать только президент при помощи Совета национальной безопасности, который может сформулировать и поставить такую задачу. Что совершенно не означает, что Совбез её может решить. Во всяком случае Совбез в его нынешнем виде.

Необходим некий «штаб» или даже «Национальный штаб обороны России», который и должен подготовить проект соответствующего долгосрочного плана политики безопасности для рассмотрения Советом национальной безопасности и утверждения Президентом на основании скорректированного варианта Плана обороны России и Стратегии национальной безопасности, а также директив, с учетом изменений ВПО и имеющихся и перспективных национальных ресурсов и возможностей.

Этот план, оформленный в политической (публичной) Стратегии национальной безопасности, а также закрытой редакции, должен, на мой взгляд, отражать новые реалии в мире и формулировать общенациональные задачи социально-экономического развития и обороны:

Во-первых, такой план должен объединять в реальности задачи национального социально-экономического развития и обеспечения безопасности (чего сегодня нет) и на практике являться основным документом для Концепции внешней политики, Военной доктрины и прочих нормативных документов отдельных ведомств и организаций.

При этом статус Стратегии национальной безопасности России как политического и юридического документа должен быть резко повышен[29] с президентского указа до федерального закона, обязательного к исполнению;

Во-вторых, этот план должен опираться на стратегический прогноз развития МО, ВПО и России и точную (и полную) оценку как национальных ресурсов, так и ресурсов потенциальных союзников[30];

Наконец, **в-третьих**, этот план должен быть комплексным, учитывающим все основные факторы безопасности (включая, например, этапы эскалации военно-силового давления, реализуемые в настоящее время)[31], а также влияющие на развитие ВПО тенденции, в частности, факт противоборства локальных человеческих цивилизаций и их военно-политических коалиций(не учитываемый сегодня в Стратегии)[32].

Такой план должен существовать в трех органически взаимосвязанных по времени видах, отражающих строгую последовательность его реализации:

— краткосрочном, на срок до 3-х лет;
— среднесрочном, на срок 3–5 лет;
— долгосрочном, на срок 5–7 и более лет.

В настоящее время можно с определённой натяжкой говорить только о наличии краткосрочного взаимосвязанного плана обороны и бюджетного планирования (на 2018–2021 гг.), что абсолютно не соответствует потребностям обеспечения эффективности СС и ПВК.

Для подготовки такого плана и его корректировки необходимо, чтобы в Национальном штабе обороны было создано соответствующее подразделение из представителей всех министерств и ведомств, а также Счетной палаты РФ, ЦБ и регионов, которое выполняло бы функции учета национальных ресурсов. Эти функции сегодня возлагаются на Совет безопасности как координатора, однако реальность такова: собственных возможностей для разработки у Совбеза недостаточно, а ведомственные, отраслевые и прочие структуры, которые должны предоставлять такие исходные данные, с этим заданием эффективно не справляются.

Особенно важное значение в этой области противоборства имеет разработка и применение силовых, но не военных средств и способов, которые прежде относились к области традиционной дипломатии. В настоящее время можно говорить о развитии одновременно двух процессов:

Во-первых, возможности традиционной дипломатии сужаются, её сфера деятельности (в том числе и считавшаяся прежде исключительной — личная дипломатия) становится всё менее значимой. Лидеры государств и правительств, высшие чиновники обладают теперь воз-

можностями не только для личных встреч по несколько раз в год, но и регулярных контактов, а также других действий, т.е. они фактически находятся в постоянном контакте.

Другая сторона вопроса — их отношения со СМИ и социальными сетями, где они практически мгновенно реагируют на изменение МО и ВПО. Так, например, Д. Трамп до 10 раз в день комментирует и делает заявления в «Твиттере», а его аудитория насчитывает десятки миллионов человек.

Традиционная дипломатия, таким образом, становится все менее важной для политики, что, кстати, отражается на внимании к ней руководителей государств. В частности, именно в этой связи Трамп намеревался в 2017 году сократить бюджет Государственного департамента на 30%.

Во-вторых, одновременно со снижением значения традиционной дипломатии, резко возрастает других средств и способов политики, прежде всего силовых, военно-силовых и военных. Эти средства вытесняют средства дипломатических переговоров, оставляя за ними возможность международно-правового закрепления тех или иных политических результатов.

10.4.б). Использование силовых средств политики

Очень условно эти новые силовые средства политики и создаваемые ими угрозы можно разделить на три большие группы, изначально сделав очень важную оговорку — между этими группами **нет четких границ, более того, эти границы сознательно стираются. Во многом именно поэтому противодействовать этим средствам силовой политики и создаваемым ими угрозам сколько-нибудь исключительно военными средствами невозможно, либо, как минимум, неэффективно.**

Первая группа — силовые, но не военные, средства и способы политики, которая в принципе может относиться в той или иной степени — как видовое понятие — к другим двум группам, потому, что они объединяются единой концепцией «силового принуждения». Тем не менее, в эту группу входят многочисленные способы силового принуждения без вооруженного насилия, которые используют средства экономического, политического, информационного, когнитивно-пси-

хологического и иного принуждения, а также политико-психологический шантаж применения вооруженного насилия[33].

Противодействовать этим средствам силового насилия военными средствами в современных условиях не считается адекватной реакцией, хотя в истории можно найти немало примеров того как это делалось в прошлом, когда, например, торговые преференции достигались за счет прямого применения военной силы.

Есть основания полагать, что при исключительно опасных невоенных угрозах государства в будущем смогут использовать для своей защиты военную силу. Например, против эмбарго, блокады и т.д. Испытания в КНДР ядерного оружия и БР по сути — военный ответ на экономические санкции.

Я бы не стал категорически исключать возможности военного ответа со стороны России на не военные, но угрожающие безопасности и стратегической стабильности угрозы со стороны западной военно-политической коалиции. Например, в случае использования электромагнитного импульса, попытки выведения из строя системы раннего оповещения о ракетном нападении или кибернетическом нападении. Но эти варианты военного ответа на военные угрозы, которые должны прорабатываться, не являются основными и рабочими. Наиболее приемлемыми и используемыми становятся варианты **ассиметричного ответа на не военные силовые угрозы.**

В последние годы спектр этих средств и способов резко возрос, более того, обновляется практически ежедневно. Если, например, посмотреть на политику США по отношению к России последних трех лет, то можно легко увидеть такие новые силовые способы, как:

— угрозы представителям правящей элиты, в том числе личные, попытки запугивания, аресты имущества, счетов, активов и пр.;
— использование подконтрольных международных организаций для создания психологического давления на различные профессиональные и иные сообщества в России — спортсменов, ученых, деятелей искусства, СМИ и т.д.;
— создание атмосферы политико-дипломатической изоляции России, отмены визитов и других контактов, свертывание дипломатической деятельности (сокращение диперсонала, консульств);

— личные угрозы руководителям и оскорбления представителей России;
— попытки сдерживания активности России в международных правительственных и неправительственных организациях;
— организация процесса пересмотра существующих норм международного права и правил работы международных организаций (Совет Европы, ООН и др.).

Вторая группа средств и способов силового принуждения — военно-силовая группа, в которую входит очень широкий и постоянно расширяющийся спектр средств и способов. Они, как правило, ассоциируются с «ассиметрической войной», под которой подразумевается «ассиметрическое» использование преимуществ США и западной ЛЧЦ в ресурсах и методах их применения[34]. С точки зрения развития доминирующего сценария «Военно-силового противоборства» до 2025 года эта группа средств и способов силового принуждения **может считаться основной**.

В этой связи можно привести характерный пример. По мнению руководителя ССР США, силы противника США в Сирии активно применяют средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ) против американских летающих батарей АС-130 поддержки подразделений сухопутных войск. Как передает в среду телеканал Fox News, такое утверждение выдвинул на симпозиуме GEOINT в штате Флорида глава Командования специальных операций Вооруженных сил США (United States Special Operations Command, SOCOM) генерал Реймонд Томас. «В настоящий момент в Сирии мы находимся в наиболее агрессивной среде радиоэлектронной борьбы со стороны наших противников» — заметил генерал. «Они проверяют нас на прочность ежедневно, подавляют наши коммуникации и выводят из строя наши АС-130 и так далее», — добавил он.

Следует подчеркнуть, что роль ССО США в политике в последние годы стремительно увеличивается. По данным газеты Military Times, на деятельность Командования специальных операций Вооруженных сил США запрошено у Конгресса $13,6 млрд — самая большая сумма за все время существования американского спецназа. В 2017 финансовом году бюджет SOCOM составил $11,8 млрд в текущем — 12,6 млрд. В подчинении генерала Томаса находятся 70 тыс. спецназовцев, включая армейских «зеленых беретов» и бойцов «Дельты», а также морских диверсантов (Navy SEAL)[35].

Примечательно, что в России на официальном уровне придается важное значение развертыванию этой активности, но она непосредственно не ассоциируется с внешней политикой США и их союзников. Так, в тексте Стратегии национальной безопасности в нескольких редакциях «борьба с международным терроризмом» выносится на самое приоритетное место, но не уточняется что этот международный терроризм и экстремизм является во многом и прежде всего порождением западной политики[36]. Более того, и сегодня часто террористические акции объясняются не действиями созданных спецслужбами организаций, а «индивидуальным творчеством».

Вторая группа средств и способов силового принуждения находится в состоянии очень быстрой динамики развития и легализации. Поэтому она требует тщательного мониторинга и оперативного осмысления. В ней, в частности, можно выделить следующие наиболее важные подгруппы:

— Подгруппа №1. Силовые военные средства, не считающиеся вооруженным насилием — киберсредства, информационные средства борьбы, средства РЭБ и др.
— Подгруппа №2. Использование средств и способов экстремистских организаций и радикальной оппозиции, что очень наглядно проявилось на Украине в 2014–2017 годы.
— Подгруппа №3. Создание и развертывание террористических организаций, способных выполнять задачи в интересах политики США и их союзников, не ассоциируясь прямо с руководством этих стран
— Подгруппа №4. Создание и использование диверсионные и террористических организаций ВС, а не специальными службами. Прежде всего речь идет о развертывании новых сил и средств Сил специальных операций (ССО), не входящих в структуру ВС США и ЦРУ. Таких, как многочисленные частные военные компании типа «Блэкуотер». В этих целях в 1999 году был создан на базе ВМС США Центр по ассиметричной войне.

Третья группа средств и способов силового принуждения — **военные средства и способы,** которые широко и традиционно используются как политико-психологические средства силового принуждения (как говорили прежде — «без стрельбы») в двух формах[37]:

— **эксплицитной** (явной), откровенного военного шантажа применением военной силы. Эта форма в последнее время открыто демонстрировалась США в отношении Сирии, Ирана, КНДР, а в определенные периоды времени и против СССР и России.

Но эту же форму использовал СССР во время кризиса 1956 года в Египте, кризиса 1962 года на Кубе, а также — менее выражено — во время вьетнамской войны США.

При определенных условиях эта форма используется нередко и сегодня, например, когда «отставные» или «не отвечающие» за внешнюю политику лица (в т.ч. сенаторы, конгрессмены и пр.) пытаются угрожать использованием ядерного оружия, что было характерно не только для кризиса с КНДР, но и вокруг ситуации в Грузии и на Украине.

Но эта форма, по сути дела — ультиматум, — далеко не всегда эффективна даже по отношению к заведомо более слабым государствам, хотя полностью исключать её из арсенала политических средств нельзя.

— **имплицитной** (скрытой), когда принуждаемого объекта заставляют учитывать возможные военно-политические последствия. Примером этому служит решение США о возможности предоставления Украине летального оружия, которое посчитали на Западе удачным примером силового давления на Россию. «Президент РФ Владимир Путин согласился на ввод контингента ООН на Донбасс, потому что испугался заявлений руководства США о предоставлении Украине летального оружия». Об этом 16 сентября 2017 года в Киеве на конференции «Ялтинская европейская стратегия» заявил бывший генсек НАТО Андерс Расмуссен. И далее: «Путин понимает, что цена продолжения дестабилизации на Украине стала выше. Очень часто политические и дипломатические процессы можно проводить через четко сформулированную угрозу использования силы. Я уверен, что дальнейшее давление на Россию поможет этому процессу», — подчеркнул он. Более того, он, что для того, чтобы миротворческая миссия ООН «стала реалистичной», ей нужен мандат, по которому она сможет контролировать границу между Украиной и Россией, и получит полномочия защищать «не только ОБСЕ, но и население».

И первая, и вторая форма силового политического принуждения не являются новыми явлениями. Их «расцвет» применения произошел в годы, когда США обладали ракетно-ядерным превосходством, но по мере складывания военно-стратегического равновесия между СССР и США, ОВД и НАТО эти формы отходили в отношениях между двумя центрами силы на второй план, но до конца так и не исчезли, трансформируясь в состояние «ядерного сдерживания». С конца 1990-х годов такая ситуация постепенно стала девальвироваться. Нападение 1999 года НАТО на Югославию по сути означало, что ядерное сдерживание сохранилось только в отношении угроз и попыток силового давления на Россию. Развитие последующих событий в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии и на Украине показало, что политико-психологическая форма силового военного давления на Россию со стороны Запада не работает, однако такому состоянию объективно угрожают две военно-технологические тенденции в развитии военной политики Запада:

— во-первых, создание потенциала высоко точного оружия разных типов базирования в неядерном оснащении (ВТО), обладающего большой дальностью и численностью, который будет размещен до 2025 года на разных стратегических направлениях против России;
— во-вторых, развертывание глобальной и глубоко эшелонированной системы ПРО США и их союзников, развертывание и совершенствование которой рассматриваются как долгосрочная и приоритетная программа США и их союзников. Учитывая огромный экономический потенциал западной коалиции, эта система может стать достаточно эффективной в обозримой перспективе.

Развитие обеих тенденций может привести к такой стратегической обстановке к 2025 году, когда ядерное сдерживание России станет не убедительным. Во всяком случае, это состояние будет быстро девальвироваться, т.е. сомнения в эффективности сил ответного удара со стороны России будут нарастать. В этой связи неизбежна резкая активизация политико-дипломатической и неофициальной (не публичной) деятельности России, которая потребует принципиального пересмотра основ стратегического сдерживания и полити-

ки безопасности. Политико-дипломатические и иные меры противодействия и укрепления политики безопасности и стратегической стабильности России могут находиться в самых различных плоскостях — от высшего политического уровня до уровня народной дипломатии. Более того, можно выделить и такие уровни, которые сегодня пока что практически не задействованы, как «национальный» и даже «глобальный».

При этом важнейшим условием их разработки должно быть изменение характера их использования от только и исключительно оборонительного к **контрнаступательному и даже стратегически наступательному**. Это означает, что понимание эффективного стратегического сдерживания должно включать в себя в обязательном порядке не только ответы на угрозы, но и активные наступательные действия, которые в настоящее время не планируются. Инициативы России в Сирии и на Украине показали эффективность такой политики. Если в каких-то областях сохраняется стратегия оборонительных действий, то в других — необходимо обязательно найти возможность для ведения контрнаступательных операций и даже стратегического наступления. Прежде всего в политико-дипломатической, информационной и когнитивной областях, где Россия должна перехватить инициативы, которую ей навязывает Запад, обладающий многократным превосходством в ресурсах.

Причем для каждого из уровней противоборства необходима специальная разработка средств и способов. Такая «многоуровневая» стратегия обороны и наступления обеспечивает значительно более высокую эффективность. По аналогии с военной областью, где, например, дорогостоящей ракетой не будут уничтожать дешевую и второстепенную по своей важности цель. Так, для президента России потребуется, например, популярный сайт и блог, для министра обороны РФ — другой, а для уровня народной дипломатии — множество блогов и много блогеров.

10.5. Использование силовых невоенных средств обеспечения стратегической стабильности

…будущие конфликты будут мультимодальными (вестись разными способами) и многовариантными, не вписываясь в рамки простой характеристики…в том числе и преступным поведением[38]

С. Хоффман,
сотрудник МО США

Важно, как уже говорилось, **самим** выбрать те области, где можно было бы проявить инициативу и начинать масштабное стратегическое наступление (контрнаступление), имеющее конечной целью укрепление стратегической стабильности и стратегического сдерживания в условиях фактически ведущейся против России войны силовыми — военными и не военными — средствами и способами. С конца 1980-х годов СССР, а затем и Россия находились отступлении, в лучшем случае (при В.В. Путине), — в активной обороне, отдав противнику территории, целые области экономики, культурное, образовательное и научное пространство и ценности. Всё это необходимо возвращать. И начинать надо с объявления новой политики и нового стратегического курса.

И прежде всего необходимо пересмотреть подход к переговорам с Западом, который долгие годы представлялся не просто самоценным, но и политическим фундаментом для отношений. В настоящее время важно не допустить ошибок, которые допустил СССР, Ливия, Югославия, Ирак, когда переговоры и компромиссы превратились для них в самоцель, а США смогли добиться преимуществ именно с помощью переговоров. Как подметил американский профессор Дж. Пятрас, «Вашингтон использует «переговоры» и «мирные процессы» в качестве тактического оружия для дальнейшего укрепления империи. Разоружая и демобилизуя противников, он облегчает себе достижение таких стратегических целей, как смена режимов. «Знание того, что строители империи являются вероломными врагами не означает, что страны должны отвергать мирные процессы и переговоры. Такое поведение предоставило бы Вашингтону пропагандистские козыри».

Американский профессор справедливо считает, что «Вместо этого (политики уступок в переговорах. — *А.П.*) противники империи могли бы действовать в следующем направлении. Переговоры должны вести к взаимным, а не односторонним, уступкам, особенно, если это относится к одностороннему сокращению программ вооружений. Переговоры никогда не должны вести к демилитаризации и демобилизации собственных сил обороны, поскольку это увеличивает уязвимость и создает условия для внезапного нападения. Переговорщики должны сохранять способность навязать империи высокую цену за нарушения ею принятых обязательств и особенно — за внезапный отказ от военных и экономических соглашений. Имперские нарушители сомневаются относительно возможности вторжения, когда человеческие и государственные издержки оказываются высоки и политически непопулярны»[39].

Кроме того, по мнению профессора, противники империи не должны оставаться в изоляции. Они должны заключать военные союзы. Особенное значение в наше время получает создание широких цивилизационных коалиций, объединяющих страны со схожими политическими интересами, как, например, западная коалиция ЛЧЦ, ШОС, исламская коалиция, латиноамериканская и др.[40] Случай с Сирией ясное тому подтверждение. Асад выстроил такую коалицию из России, Ирана и Хезболлы, которая эффективно противостояла террористическим «повстанцам», которых поддерживали США, ЕС, Израиль, Турция и Саудовская Аравия.

Наконец, профессор совершенно справедливо полагает, что «Базовыми принципами являются взаимность, стратегическая оборона и тактическая экономическая гибкость. Главная мысль состоит в том, что не бывает постоянных союзников — есть только постоянные интересы. Ни на чем не основанная вера в возвышенно-величественные западные имперские „ценности“ и нереалистичное признание имперских интересов могут стать фатальными для независимых лидеров и разрушительными для любого народа, как это явно было продемонстрировано в случае с Ираком, Ливией, Палестиной и стало почти фатальным для Сирии. Наиболее свежим примером является случай с Ираном — США подписали мирное соглашение в 2016 г. и отказались от него в 2017 году»[41].

Важно не считать существующие соглашения — как это делают в Вашингтоне — чем-то «вечным» и постоянно действующим. Вашингтон отказался от Договора по ПРО 1972 года через 30 лет, Ливия подписала соглашение с США о разоружении в 2003 году, и Вашингтон разбомбил ее в 2011 г. Во всех случаях этот принцип остается одним и тем же. В истории нет такого примера, чтобы имперская держава отказалась от своих интересов в соответствии с документальным соглашением. Она соблюдает соглашения только тогда, когда у нее нет никаких иных вариантов.

10.5.а). В области официальной политико-дипломатической деятельности

Потребуется активное и системное использование всего спектра силовых возможностей России и её партнеров с целью демонстрации публичной готовности к защите своих национальных интересов и системы ценностей. Пассивное поведение или запоздалая реакция на мероприятия политики «новой публичной дипломатии» неизбежно будут означать уступки и «потерю лица», которые и являются промежуточными целями такой политики[42].

Для этого, **во-первых**, необходимо обеспечить активизацию силовой и военной деятельности и инициативы сил специальных операций России, имея в виду навязывание инициативы противоборства, а не только отражения угроз, включая демонстрацию военной силы по аналогии с нанесением удара с помощью СУ-30МС по старому сирийскому судну. В Сети после этого стал набирать популярность видеозапись учений воздушно-космических сил России в Средиземном море, в ходе которых штурмовик Су-30СМ показательно уничтожает фрегат прямо на глазах у ВМФ Соединенных Штатов. Эти учения состоялись 15 апреля, ровно через день после того как США устроили ракетный удар по территории Сирии, якобы ставший ответом на придуманную химическую атаку в городе Дума. Как отмечают осведомленные источники, русская «сушка» «пустила на дно» старенький фрегат сирийского флота ракетой Х-35.

На американцев этот инцидент произвел сильное впечатление, поскольку сразу после удара несколько американских эсминцев судорожно покинули места дислокации, дабы не попасть под горячую руку русских ВКС. За американцами последовали и французы, эсминец которых также второпях последовал в сторону Кипра.

Во-вторых, необходимо активизировать весь спектр политико-дипломатических средств и способов, в частности, провести глубокую и массированную публичную кампанию, в которой необходимо продемонстрировать самые острые формы политики силового принуждения:

— связь правительств США и других стран Запада с международными террористическими организациями, более того, их ответственность за создание и развитие таких организаций;
— роль правительств США и их союзников в создании и поддержке экстремистских организаций и движений.

Это можно сделать на разного рода международных конференциях (желательно не только в Москве), инспирируя дискуссии на основе утечек информации, публикации многочисленных материалов, прямых обвинений руководства США и их союзников, сделанных самыми разными представителями СМИ, социальных сетей, полуофициальных и официальных органов. Так, например, возможны проведения регулярных брифингов, посвященных международному терроризму, со стороны Антитеррористического центра ФСБ. Но не только. Еще более наступательный характер, привлекающий внимание СМИ, могут иметь брифинги СВР и даже ГРУ ГШ МО.

Наконец, **в-третьих,** может быть полезным возвращение к практике советских лидеров, когда выдвигаются публично масштабные внешнеполитические инициативы, которые трудно замолчать, в самых разных областях, но особенно в тех, где американская политика носит заведомо критикуемый внутри страны и за рубежом характер[43].

В частности, во **внутриполитической области** можно обратить внимание общественности на такие крупные недостатки американской системы, как:

— сохраняющаяся расовая дискриминация;
— высокий уровень безработицы;

— несовершенство политической и избирательной системы и пр. недостатки, лишающие США права претензий на мировое лидерство.

Во внешнеполитической области можно использовать такие темы, как:

— длительное военное присутствие США в Афганистане и Ираке, превратившееся в оккупацию;
— «террор беспилотников» в Пакистане;
— нарушение суверенитета государств без решения ООН и т.д.

И, **в-четвертых,** не стоит игнорировать практику выдвижения предложений, которые могут найти широкую поддержку за рубежом у общественности. Так, например, можно предлагать самые разные идеи, концепции и инициативы для преодоления кризисов и противоречий, которые по инерции выливались в конфликты, даже если ни одна из сторон этого не желала.

Представляется, что текущая ситуация несет угрозу опасного просчета или случайности, которые способны привести к дальнейшему усугублению кризиса или даже к открытому военному противостоянию между Россией и Западом.

Представляется необходимым срочный созыв Совета Россия–НАТО для обсуждения перспектив заключения меморандума о взаимопонимании между НАТО и Российской Федерацией касательно правил поведения, обеспечивающих безопасность взаимодействия в воздушном и морском пространстве. Подобное соглашение было подписано США и Китаем в конце 2014 года для поддержания соблюдения существующих международных законов и норм, повышения оперативной безопасности на море и в воздухе, укрепления взаимного доверия, а также разработки новой модели отношений между военными ведомствами обеих сторон.

Переговоры по многостороннему соглашению между Россией и НАТО могут вестись параллельно с переговорами по аналогичным соглашениям между Россией и странами-членами НАТО или их партнерами.

Американо-китайским соглашением установлены принципы и процедуры взаимодействия, которые должны соблюдаться при контактах военно-морских и военно-воздушных судов, в том числе обязательство каждой из сторон своевременно предупреждать другую сторону об опасности

в случае проведения учений или стрельб вблизи возможного расположения военно-морских или военно-воздушных судов другой стороны.

Соглашением также установлен ряд правил, направленных на установление атмосферы взаимного доверия, — в частности, обязательство своевременно сообщать о планируемых маневрах военно-морских и военно-воздушных судов при проведении операций.

Приводится и перечень действий, которых следует избегать, среди которых, в частности, имитация нападения путем наведения орудий, ракет, торпедных аппаратов и других вооружений на встречные военно-морские или военно-воздушные суда. В соглашении указаны радиочастоты, используемые для коммуникации, а также приводится словарь сигналов, которые следует применять в случае затруднений при вербальном общении между командным составом или капитанами судов. Отдельным положением каждой стороне предписано проводить ежегодные встречи под председательством представителей высшего командного состава для анализа всех событий, связанных с имплементацией соглашения в прошедшем году.

В рамках двусторонних отношений между США и СССР (и Россией как его преемницей) были заключены как минимум два подобных соглашения. Это Соглашение о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним (1972 год) и Соглашение о предотвращении опасной военной деятельности (1989 год).

10.5.б). В области публичной дипломатии и информационной деятельности

> В гибридных войнах противник чаще всего представляет уникальную комбинацию угроз… ожидаются…все формы войны, в том числе и преступное поведение[44]
>
> *Ф. Хоффман, МО США*

В России до настоящего времени существует ошибочное представление о подлинной сущности американской политики «публичной дипломатии» и «сдерживания», которые нередко мешают разработке

эффективных средств и методов ПСС и ПВК. Надо понимать, что проведение политики «новой публичной дипломатии» Западом означает формальное и официальное закрепление политики «силового принуждения», предполагая дальнейшее существенное расширение всего спектра мер, средств и методов силового противоборства, которое было предложено еще в 1948 году Дж. Кеннаном в его концепции «политической войны»[45]. Эта концепция, получившая в СССР не вполне точное название «сдерживания» (хотя бы потому, что до сих пор ассоциируется с политикой «ядерного сдерживания»)[46], сохранила заблуждение части политической элиты не только СССР, но и России относительно подлинных намерений США. Такая неточность препятствует сегодня адекватной оценке реальной политики западной военно-политической коалиции в отношении России, которая носит системно-силовой и эскалационный характер, включающей разработку всё более совершенных средств и методов силового принуждения (как военных, так и не военных). Эксперты РЭНД, например, называют такую политику «Современная политическая война» (по аналогии с «политической войной Дж. Кеннана)[47].

И — что не менее важно — мешает проведению согласованной и скоординированной политики России по противодействию политике «силового принуждения», что крайне негативно отражается на использовании возможностей страны в области ПСС и ПВК. Сложилась странная политическая ситуация, когда отсутствие единой публичной внешнеполитической концепции (которую отнюдь не заменяет Концепция внешней политики России, готовящаяся МИДом и утверждаемая Президентом) откровенно ведет не только к разным ведомственным подходам, но и разным политическим подходам отдельных структур в России по отношению к зарубежным субъектам и акторам.

Так, например, в конце апреля 2018 года в сети появилась информация о том, что в Белоруссии участились случаи, когда местных откровенно антироссийски настроенных общественно-политических и культурных деятелей стали финансировать из России. При этом речь идёт не только о небольших анонимных пожертвованиях, но и о весьма внушительных средствах, которые выделяются на поддержание выражено русофобских проектов и авторов. Последним наиболее ярким приме-

ром такого парадокса стал сбор денег на издание полного «белорусскоязычного» собрания сочинений С. Алексиевич «Голоса Утопии». За несколько месяцев краудфандинговая компания собрала в пять раз больше, чем требовалось, а к ней присоединились 660 человек, которые в общей сложности пожертвовали 231 942 белорусских рубля (около $ 115 500), хотя изначально организаторы планировали собрать всего 40 000 бел. руб. (около $ 20 000). Как оказалось, самую большую часть денег — 150 000 бел. руб. (около $ 75 000) — пожертвовали «Белгазпромбанк» и центр «Новая культурная инициатива». Еще по $ 3000 дали магазины Symbal.by (торгует вещами с национальной символикой) и Biblio.by (интернет-магазин книг). Еще около $ 4500 дала белорусская «Академкнига» и $ 5500 анонимный жертвователь, которые заказали крупнейшие оптовые партии. Остальные «сознательные» граждане Белоруссии в общей сложности собрали чуть более $ 23 000. В данном случае необходимо отметить, что, исходя из сбора средств, всенародная любовь к госпоже Алексиевич так и не пришла, даже несмотря на то, что в 2015 году она стала первым белорусским лауреатом Нобелевской премии за «многоголосное творчество — памятник страданию и мужеству в наше время»[48].

Сохранение «разноголосицы» в деятельности государственных и общественных организаций России недопустимо, как, впрочем, и сохранение «отдельных» внешних политики корпораций.

Соответственно и средства, и меры, и методы противоборства такой политике силового принуждения необходимо регулярно пересматривать, переоценивать, разрабатывая новые и совершенствуя старые, традиционные. Так, например, как минимум, необходимо вернуться к практике и опыту СССР, когда создавались и поддерживались массовые общественные и профессиональные организации, которые сотрудничали бы с зарубежными партнерами[49]. Причём главной особенностью такого сотрудничества должно быть его разделение (включая субъектов и акторов такого сотрудничества) **на разные уровни,** на которых проводились бы автономные, но согласованные и скоординированные общие мероприятия в рамках единого плана (как это делалось, например, в Международном отделе ЦК и, отчасти, МИДе в СССР).

Специфика этих уровней такова, что эффективность действий на одном уровне может не соответствовать эффективности действий на

других уровнях. В этой связи можно согласиться с моделью политики публичной дипломатии, например, предлагающей в соответствии со спецификой выделить четыре основных уровня политики стратегического сдерживания невоенными средствами:

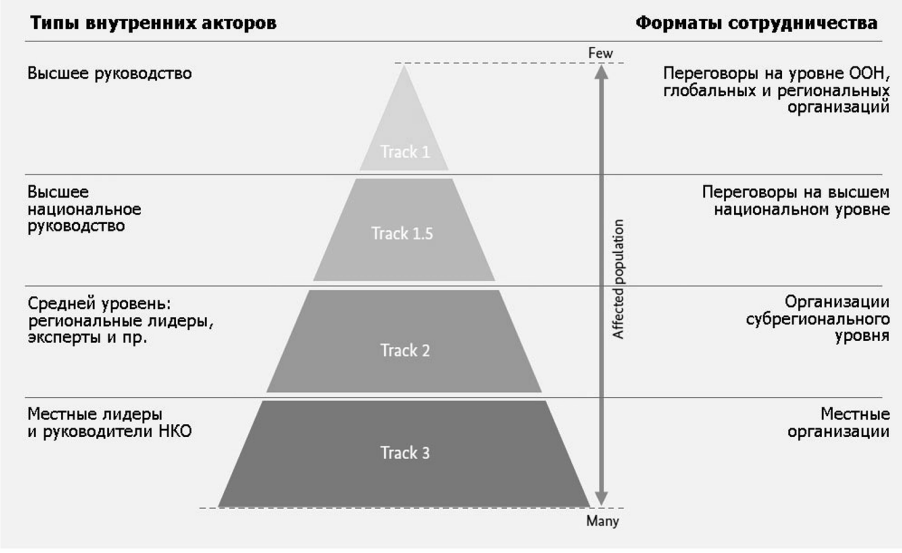
Первый уровень — отношения самого высокого уровня между коалициями и организациями (ООН, ШОС, «Семёрка» и т.д.), где присутствует чёткая специфика многосторонней публичной дипломатии.

Второй уровень — высшее национальное руководство, на котором действуют правила и традиции (включая историю отношений) взаимодействия между руководителями двух стран.

Третий уровень — отношения между руководителями регионов, ведущими экспертами, политическими лидерами и т.д.

Наконец, **четвертый уровень** — отношения между местными лидерами, НКО, журналистами и т.п.

На каждом из этих уровней действуют свои средства, правила и нормы, которые не эффективны или бесполезны на других уровнях. В западных исследованиях эту «пирамиду» иногда представляют следующим образом (рис. 10.9).



Based on Lederach, John Paul (1997). Building Peace. Sustainable Reconciliation in Divided Societies. Washington D.C.: USIP, p. 39, adapted by IMSD.
* Insider Mediators are "trusted and respected insiders at all levels of a conflicted society who have a deep knowledge of the dynamics and context of the conflict and a sensitivity in their contribution to finding solutions that are recognized and valued by the parties themselves". (Hislaire/Smith/Wachira (2011). Insider Mediators in Africa. Prangis: PeaceNexusFoundation, p. 2.)

Рис. 10.9.

Так, в частности, важное значение в условиях нарастающей враждебности ВПО приобретают отношения на 3-м и 4-м уровне, которые можно развивать на уровне акторов:

— общества дружбы, сотрудничества, культуры и пр., функции (которые координировал ССОД, а теперь переданы Россотрудничеству). Россотрудничество в настоящее время с трудом сохраняет накопленный в СССР потенциал, имея в распоряжении недостаточные ресурсы и возможности, хотя потенциал такого сотрудничества (сокращающийся) ещё достаточно велик;
— молодежные, студенческие
— профессиональные, научные, образовательные и прочие организации, ассоциации и союзы.

В области противодействия терроризму и экстремизму необходимо предпринять неотложные политические действия в самом широком спектре контексте при том понимании, что они в любом случае найдут серьёзную поддержку в странах западной коалиции среди широких слоёв общественных и политических кругов, которую правящие элиты не смогут игнорировать.

Надо отчётливо понимать. Что глобальное распространение радикальных, экстремистских идей и практики представляет собой тревожную



Рис. 10.10[50]. Поддержка мер по сохранению мира среди политических сил Германии, Великобритании и США

тенденцию в современном мире, ведет к обострению террористических угроз, подрывает безопасность как отдельных государств, так и целых регионов, весьма негативно воздействует на международную безопасность и стабильность. И это отношение необходимо использовать в политике России. Эта тенденция встречает серьёзное противодействие в общественных и политических кругах Запада, прежде всего, США, Великобритании, Германии и Франции. Как показывают социологические исследования 2017 года, все основные политические силы этих стран обеспокоены ростом насилия и готовы ему противодействовать.

Более того, в той или иной степени, но общественность и политические круги этих стран готовы к разным формам коммуникаций как национальных правительств, так и международных организаций с вооруженными группировками, о чём также свидетельствуют недвусмысленно данные социологических опросов, проведённых в 2017 году. Иными словами, переговоры с террористами и экстремистами встречают поддержку у большинства западной общественности.

Особое беспокойство вызывает экстремизм, ведущий к террористическим преступлениям, создающий условия для вербовки террористов,

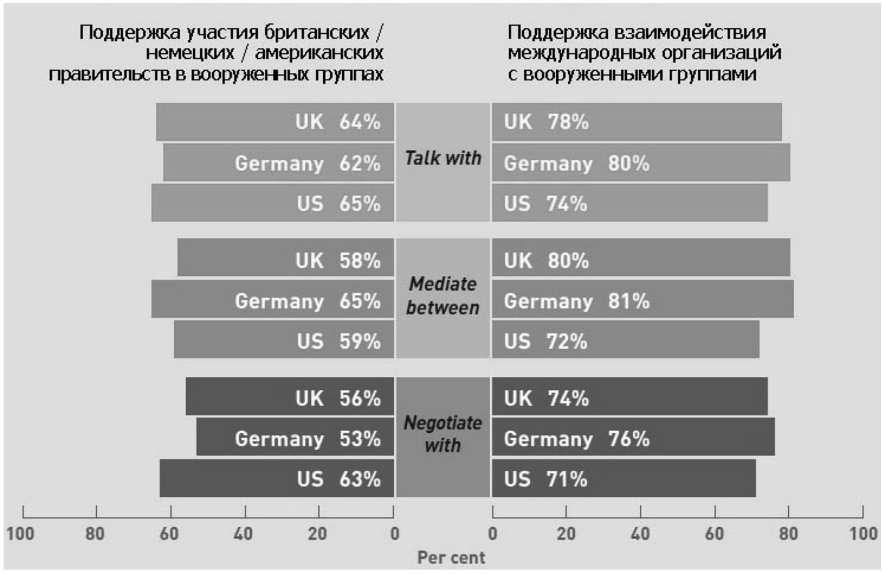


Рис. 10.11[51]. Поддержка коммуникации и переговоров с вооруженными террористами среди западной общественности

для существенной и опасной радикализации настроений в уязвимых слоях населения либо у отдельных лиц. Соответственно, важнейшие задачи противодействия экстремизму должны вписываться в работу, нацеленную на противодействие терроризму, прежде всего, в рамках комплексных усилий по предупреждению, «превенции» терроризма, по недопущению распространения экстремистских идей, по организации эффективной контрпропаганды.

Учитывая, что общественное мнение на Западе в своём абсолютном большинстве поддерживает практически любые форма сотрудничества в области антитеррористической деятельности, можно предложить (как и во времена существования СССР, когда удалось сделать борьбу за мир объединяющей идеей) концепцию «борьбы с терроризмом» в качестве объединяющей концепции. На этом уровне могут быть полезны самые разные отношения между профессиональными антитеррористическими организациями разных стран и НКО, разработанные общественными организациями и учеными России, например:

— широкие возможности по противодействию экстремизму, экстремистской деятельности открываются на направлении полной и всесторонней имплементации государствами, мировым сообществом имеющегося развернутого контртеррористического законодательства, национального и международного, в частности, профильных универсальных конвенций, резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, Глобальной контртеррористической стратегии ООН.

  Приоритетное в этом плане значение для целей антиэкстремизма имеют предусмотренные указанными документами меры предупреждения терроризма;

— сказанное не отменяет задачи укрепления и совершенствования как практических мероприятий по противодействию экстремизму, на национальном и международном уровне, так и возможностей международного сотрудничества, выработки соответствующих международных решений, международно-правовых документов, специально нацеленных на преодоление и предупреждение экстремистских преступлений;

— ключевая и актуальная задача в этом плане — согласование широко признаваемого международно-правового определения «экстремизма», содержащего, в частности, указания на его отличия от понятия «терроризм». Можно при этом вести речь об определении экстремизма в качестве системного и сознательного выбора каких-то групп людей или отдельных лиц в пользу разрешения тех или иных политических, идеологических, социальных, национальных и прочих проблем незаконным путем, нарушающим конституционные основы и традиционные устои государств и обществ, а также права значительных масс людей. Не всегда, но часто такие действия экстремистов связаны с насилием, а крайним проявлением экстремизма является терроризм;
— выработка определения «экстремизма» в практическом плане уже может опереться на конкретные формулировки как в ряде национальных законодательств и концептуальных документов, включая российские, так и в новаторской Конвенции ШОС по противодействию экстремизму (подписана главами государств-членов ШОС в Астане 9 июня 2017 года), в которой под экстремизмом понимается не только его наиболее опасные, насильственные проявления (антиконституционные действия, направленные против государства), но также в широком смысле ненасильственные, идеологические и пропагандистские составляющие этого явления, в равной степени опасные, дестабилизирующие для общества;
— напротив, не считаем вполне удачной попытку ввести антиэкстремистские задачи в рамки международного сотрудничества и соответствующих национальных усилий под эгидой концепции «противодействия насильственному экстремизму» (ПНЭ), запущенной на т.н. «Вашингтонском саммите» в феврале 2015 года и в дальнейшем международного «оформленной», в том числе, в «Плане предупреждения насильственного экстремизма» бывшего Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна (представлен в январе 2016 года). Концепция содержит целый ряд фундаментальных изъянов, предполагает, в определенных версиях, сценарии произвольного вмешательства во внутренние дела суверенных государств, более того, может служить инструментом для провоцирования экстремизма,

дестабилизации и даже смещения законных властей, произвольно квалифицируемых как «репрессивные» или «авторитарные» режимы. Реализация концепции ПНЭ уже фактически приводит к размыванию важнейших, основополагающих понятий и принципов в рамках контртеррористического сотрудничества, к подрыву его эффективности и даже к оправданию террористов (теперь «насильственных экстремистов») и их выводу из-под действия механизмов межгосударственного контртеррористического взаимодействия, включая санкционные режимы Совета Безопасности ООН[52];

— как и международное контртеррористическое сотрудничество, взаимодействие государств на направлении борьбы с экстремизмом должно строиться на следующих ключевых принципах: необходимость опоры на выработанную международно-правовую контртеррористическую базу (профильные резолюции Совета Безопасности ООН, Глобальную контртеррористическую стратегию ООН); признание центральной роли государств и их компетентных органов в контртерроризме и антиэкстремизме, в том числе на международном уровне; недопустимость использования проблематики противодействия терроризму и экстремизму и, тем более, террористических и экстремистских группировок в качестве инструмента внешней политики, геополитики и вмешательства во внутренние дела государств, дестабилизации «неугодных» режимов;

— борьба с терроризмом и экстремизмом, безусловно, не должна использоваться в качестве предлога для произвольного, необоснованного ограничения основных прав и свобод, но не менее значимым и принципиальным является тот принцип, что задачи обеспечения контртеррористической и антиэкстремистской защищенности общества и, с другой стороны, задачи соблюдения прав человека не противоречат друг другу, а, напротив, являются взаимодополняющими и, более того, взаимно обуславливающими. Экстремизм и терроризм покушаются на главное право человека — право на жизнь, которое должно быть защищено, прежде всего государством и обществом;

— противодействие экстремизму не может быть реализовано исключительно усилиями государств и их компетентных органов без создания в обществе атмосферы категорического отторжения

насилия, оправдываемого террористами и экстремистами любыми идейными, политическими, националистическими или иными лозунгами. Ведущая роль государств в противодействии террористическим и экстремистским угрозам должна пониматься широко, в том числе как необходимая основа для эффективного и партнерского — т.е. предполагающего разделение ответственности — сотрудничества с гражданским обществом. В рамках превенции терроризма и в более широких параметрах противодействия экстремизму требуется системное, комплексное и инициативное подключение — в рамках свойственных полномочий и возможностей — институтов гражданского общества, прежде всего, авторитетных общественных фигур, заинтересованных неправительственных организаций, СМИ, научных и деловых кругов. С учетом современных тенденций «маскировки» террористической и экстремистской активности под псевдорелигиозные лозунги особую роль в этой работе призваны сыграть традиционные религиозные общины, их лидеры;

— международный терроризм черпает свою едва ли не главную силу в широко и умело, эффективно распространяемой в информационно-коммуникационном поле террористической и экстремистской идеологии. Современное информационное пространство имеет глобальный охват, и его содержание способно оказывать прямое — в том числе, опасное, радикализирующее — воздействие на людей, где бы они ни находились. При этом СМИ зачастую становятся носителями материалов, способствующих разжиганию ненависти, провоцирующих совершение террористических атак против государства и общества, против гражданских лиц. В подобных материалах могут быть заложены элементы манипулирования сознанием и поведением, в особенности уязвимых категорий населения, прежде всего молодежи. Террористы и их пособники цинично используют абсолютизируемое право на бесконтрольную «свободу выражения» в качестве прикрытия для целенаправленных кампаний по оправданию своих действий, для продолжения и наращивания своей пропагандистской и мобилизационной активности;

— в международной и национальной практике требуется разработать и внедрить концепцию «добровольных контртеррористических ограничений», которые включали бы «самозапрет» и воздержание от нагнетания медийного контекста, способного спровоцировать ведущую к экстремизму и терроризму радикализацию. Такого рода «кодексы поведения» должны были бы быть применимы не только для представителей медиа-сферы и общественных деятелей, но и для официальных лиц и политиков, которые в своей деятельности обязаны задавать самый высокий стандарт формулирования публичных позиций, прежде всего в сфере контртерроризма. Подобный успешный опыт у России есть: повышенного международного внимания заслуживает пример выработки «Антитеррористической конвенции по правилам поведения СМИ в случаях террористического акта и контртеррористической операции» (принята российскими СМИ в 2003 году).

10.5.в). В области силовой невоенной внешней политики

Необходим переход к активным наступательным действиям, которые могут вестись отдельными социальными группами и даже лицами, включая экстремистскими, в том числе на территории потенциального противника. Так, например, возможна помощь национальным и расово ориентированным группам, отдельным оппозиционным слоям, создание неправительственных НПО, в т.ч. ориентированных на националистическую деятельность, и т.д.

В этой области необходима очень жесткая координация политических, специальных и информационных органов, с тем, чтобы сохранить конфиденциальность мероприятий. Следует понимать, что террористическая и экстремистская деятельность, как правило, не возникают стихийно, под влиянием неких эмоций или религиозных чувств. И первое, и второе являются следствием политики противоборства, организованными ССО (или их аналогами).

Поэтому и борьба с международными террористическими и экстремистскими организациями должна вестись теми же средствами и спосо-

бами, т.е. силами и средствами ССО, а не классическим использованием военной силы.

Не следует создавать излишних иллюзий, а тем более самим верить этим иллюзиям, что террористическая и экстремистская деятельность имеет стихийный характер. Особенно негативно это сказывается в тех случаях, когда подобные положения фиксируются в официальных и нормативных документах, как, например, в редакции Стратегии национальной безопасности РФ, где приоритетом объявляется борьба с неким абстрактным международным терроризмом. Борьба России на Кавказе и других регионах свидетельствует, что ни традиционная военная сила, ни политико-дипломатические средства не в состоянии обеспечить позитивного результата. Нужно комплексное и комбинированное военно-силовое насилие (информационное, политико-дипломатическое давление, разведывательное, военное, специальное военно-техническое и пр.).

Даже в тех случаях, когда за каким-то враждебным актом и не стоит непосредственно организующая (и обеспечивающая ресурсами) сила, эта сила может:

— создавать атмосферу страха и террора;
— дестабилизировать внутриполитическую ситуацию;
— содействовать распространению идеологии (в т.ч. через образование, игрушки, фильмы и пр.) терроризма и экстремизма
— создавать сознательно социально-экономические трудности и т.п.

Поэтому удар против терроризма и экстремизма должен быть прежде всего ударом **по источнику политического заказа**, финансирования и организационно-технического обеспечения, т.е. по штабу, которого необходимо принудить отказаться от этих форм борьбы под угрозой проведения аналогичных мер. Так, например[53]:

— можно предоставить оппозиции в Афганистане современные средства ведения борьбы с тем, чтобы максимально увеличить количество потерь в вооруженных силах именно США и их союзников, что, как известно, встречает на Западе болезненную реакцию. Увеличение американских потерь с 2000 до 20 000 сделает присутствие США невозможным, но это также может стать мотивом для прекращения антироссийской террористической деятельности;

— можно профинансировать радикальную антиамериканскую деятельность исламских организаций на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке;
— можно усилить антиамериканскую направленность тех зарубежных СМИ, которые в наиболее резкой форме выступают против США и т.п., создав тем самым «площадку для компромисса» о прекращении террористической деятельности.

При этом надо отчетливо понимать, что США **не откажутся от неё полностью** потому, что в рамках стратегии силового принуждения России им будет необходима стадия перерастания внутриполитической нестабильности в стадию «низвержения режима».

Примером силового и скоординированного политико-информационного использования силы стало, например, заявление Исследовательского центра конгресса США о необходимости «согласования с Россией использование средств «Быстрого глобального удара» США в случае их использования против других государств. Политическая и военная нелепость этого предложения — очевидна: практически все мировые СМИ сообщили об озабоченности, охватившей исследовательский центр конгресса США, отраженной в опубликованном им отчете. Тревогу аналитиков, обслуживающих американских парламентариев, вызвало предположение, что русские могут «неправильно» среагировать на пролет над их территорией американских ракет[54].

Как известно, американские стратеги до сих пор увлечены концепцией «молниеносного глобального удара». Его идея заключается в том, что ВС, ВМС и ВВС США наносят массированный удар неядерными средствами по командным пунктам, пусковым позициям, ракетоносным судам и аэродромам противника, чтобы лишить его возможности нанести ответный удар и принудить к капитуляции.

В отчете Центра указывается, что в случае нанесения американскими военными неядерного удара по возможному противнику, ракеты могут пролетать над территориями России или Китая. США, в свою очередь, обеспокоены тем, что в подобной ситуации Москва и Пекин используют в ответ ядерное оружие, не успев оценить угрозу. В документе указывается, что в целях снижения «риска недопонимания» Вашингтон мог бы заранее уведомлять российскую сторону о намеченном запуске бал-

листических ракет с неядерной боеголовкой или инициировать создание специальной горячей линии для связи после запуска.

Но нелепость этого построения заключается в следующем: цель «Молниеносного глобального удара» — обезоружить опасного для США противника до того, как он успеет привести свои силы в боевую готовность и нанести ответный удар. А, как известно, стран, способных нанести по США ответный удар, не так уж и много. Это — Россия, КНР и КНДР. К таким странам с определенной натяжкой можно отнести и Пакистан. Остальные страны, обладающие атомным оружием и имеющие необходимые технические возможности, числятся в американских друзьях и союзниках. То есть «глобальный удар» может быть нанесен если не по России, то по какой-то дружественной ей стране. И предположить, что наша страна готова будет предоставить свое воздушное пространство для нанесения ударов по своим друзьям, чересчур фантастично даже для американцев. Да и вообще ожидать, что Москва будет спокойно взирать на маневры у своих границ ракет страны, которая числит Россию своим главным противником, мягко говоря, странно. Конечно, утверждать, что голова у американского руководства работает так же как у нормальных людей, и они действую в соответствии с человеческой логикой, становится все трудней.

Но если это так, то можно предположить, что вся эта информационная подача относительно согласования пролета ракет призвана решить следующие задачи: во-первых, сообщить миру и американской общественности, что США даже в изменившейся, благодаря возросшей российской обороноспособности, ситуации остаются способными осуществить «глобальный удар». А во-вторых, таким образом Белый Дом пытается оказать давление на нашу страну.

Предотвращение политических и военных конфликтов по самой своей природе относится исключительно к политико-дипломатической и иной невоенной деятельности. Очевидно, что использование военной силы даже в небольших, ограниченных масштабах по силам и пространственному масштабу уже означает перехода кризиса из силовой в военную фазу развития.

Учитывая, что граница между этими фазами в последние годы сознательно уничтожается посредством применения «полувоенных» и неформальных организаций и сил, требуется прежде всего провести

«красную линию» между военными и невоенными средствами и способами силового противодействия. В частности, по применению средств вооруженного насилия и гражданских средств, вооруженных и гражданских формирований.

В этой связи представляется целесообразным осуществление ряда инициатив в политико-дипломатической и информационной области, которые уточнили бы границы между вооруженным и невоенным насилием, используемым государствами во внешней и военной политике. Их цель — укрепить международно-правовой режим, запрещающий применение военной силы.

10.7. Научно-методический аппарат для укрепления стратегического сдерживания

Есть основания полагать, что прогноз развития существующих и потенциальных конфликтов может стать в перспективе важным инструментом их ограничения и предотвращения ещё до перехода в военную фазу. В настоящее время сложилось несколько школ конфликтологии и предотвращения военных конфликтов, которые с разной эффективностью используются в политической практике. Так, наиболее «прагматическая» школа, к которой относятся исследователи РЭНД-корпорации следующим образом описывает свои «беспокойства» относительно политика России.

Мы хотим лучше понять большую стратегию России (Russian grand strategy). Под большую стратегию мы понимаем государственную концепцию о том, как обеспечить для себя безопасность и определение средств для достижения данной цели. Наш анализ, основывается на детальном рассмотрении официальных стратегических документов и высказываний высокопоставленных лиц. Мы также хотим понять до какой степени действия России соответствуют тем документам и словам.

1. Полицентричный мир часто упоминается в официальных стратегических документах. Как выглядит такой мир на практике и какими будут признаки его появления?

2. Принимает ли Россия шаги чтобы ускорить переход к полицентричному миру?
3. В военно-политических дискуссиях в России изменила ли концепция «мобилизация» по сравнению с тем, как она понималась 10 лет назад?
4. Чем отличаются понятия «внутренний конфликт» и «внешний конфликт»?
5. Часто утверждается в России, что развязывание крупномасштабной войны с участием России маловероятно. Меняется ли эта оценка в результате недавних геополитических событий?
6. Указывает ли российская операция в Сирии смещение приоритеты в сфере безопасности от СНГ?
7. Является ли переориентация внешней политики России к «новым центрам силы» результатом украинского кризиса и ухудшения отношений с Западом после 2014 или последствием осознанного решения изменить стратегические приоритеты?
8. Нужно ли, чтобы Запад был слабым и расколотым для того, чтобы Россия могла бы достичь своих целей?
9. Какая у России концепция по отношению к постсоветскому пространству? Какой уровень контроля над регионом нужен для безопасности России? Сколько влияния должны иметь ЕС и США в этом регионе?

Представители этой школы видят ситуацию в области развития МО и ВПО вполне критически.

Обращает на себя внимание очень разумная и реалистическая рекомендация, предлагаемая сотрудниками РЭНД (под руководством Рич Клинтон) в отношении России» которая в случае её реализации могла бы вывести отношения США и России из кризиса, в котором они оказались в 2018 году. Рассмотрим коротко основные тезисы:

— Интересы ПИЛ и России не всегда противоположны: признавая широту интересов России…, можно найти потенциальные точки соприкосновения… (Russian and U.S. interests are not always opposed. By recognizing that Russian views of the current international order vary across elements of the order, it becomes possible to identify points of potential cooperation and likely contestation. Where there are shared

interests — including avoiding major war, improving economic cooperation, and combating terrorism — cooperation is feasible and potentially desirable).

— В тех местах, где интересы пересекаются, желательно для США исходить из понимания двух факторов: 1. Важность … врастания западных институтов… 2. Ограничит ли Россия свою активность в случае признания её интересов (In areas where there is contestation, the desired U.S. approach to Russia with respect to the international order critically depends on two factors: (1) the importance of enabling former Soviet republics to freely join Western institutions and (2) whether Russia will limit its aggression in Europe if its interests are recognized).

— В разных случаях… на адаптацию политики США в отношении российских интересов (надо пойти If one does not believe that Western institutions should necessarily be open to former Soviet countries or that Russia would undertake aggression if the West ceased to be active in the former Soviet countries, it would make sense to adapt the U.S. approach to order to recognize Russia's sphere of influence).

— However, if one believes that the former Soviet countries should be free to join Western institutions and that Russia has the potential to expand its influence and undertake aggression, it would make sense to double down on the existing approach to order while bolstering U.S. support for its partners.

— Политика США должна заключаться как в признании элементов интересов России и укрепления системы европейской безопасности (U.S. policy toward the European political and security order will likely involve some elements of both recognizing Russian interests and strengthening the existing international order in Europe)[55].

Военные конфликты возникают «не вдруг» и не сами по себе. Они являются следствием нарастающей враждебности в политических, экономических и иных отношениях между субъектами МО, а, значит, могут наблюдаться в развитии и в динамике. Причем, как правило, такое развитие враждебности проходит через этапы, на каждом из которых видны отличительные особенности нарастающей враждебности. Нередко в силу политических соображений эти особенности маскируются, либо используется дезинформация, но в целом эффект неожиданности

достигается прежде всего за счет нежелания одной из сторон объективно оценивать угрозу и принимать меры по её предотвращению. Так, войны, начатые гитлеровской Германией и Японией, в действительности были вполне прогнозируемы.

10.8. Организация исследований стратегического сдерживания

Процесс планирования мероприятий в области стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов предполагает развитие исследований в области анализа и прогноза по двум направлениям:

Во-первых, в области мониторинга, анализа и прогноза развития международной обстановки и, как следствие, вытекающей из неё военно-политической обстановки, а также конкретной стратегической обстановки, политических и военных конфликтов и войн. Этот процесс требует анализа огромного количества факторов и тенденций, формирующих МО–ВПО–СО.

Причем этот анализ должен делаться на постоянной, желательно очень динамичной основе, с использованием комплексной информации (политико-дипломатической, военной, экономической, научно-технической и пр.) на системной основе представителями, как минимум, нескольких ведомств, чьи сотрудники и исследователи пользуются различными методиками и источниками. Такой подход позволяет избежать односторонних представлений, которые часто отражают узковедомственную специфику.

Во-вторых, требуется отдельный и системный анализ развития ресурсов и иных возможностей России, которые являются основой для разработки средств, мер и способов стратегического сдерживания. В настоящее время в этой области отмечаются следующие негативные особенности, препятствующие получению адекватных результатов, и требующие устранения:

— чрезмерная ориентация на макроэкономические показатели и критерии, которая нередко игнорирует другие факторы, например, при составлении прогноза социально-экономического развития России;

— ведомственная ориентация на собственные подходы и методики, особенно свойственная Минфину, Центробанку и Минэкономики;
— отсутствие даже общих договоренностей о приоритетах развития и планирования в области безопасности и социально-экономической и финансово-экономической областях.

В результате в настоящее время имеется созданная система стратегического планирования, которая обладает двумя крупными недостатками:

Первый недостаток: отсутствует взаимосвязь (декларируемая в ряде документов) между Стратегией национальной безопасности, Концепцией внешней политики, Концепцией социально-экономического развития и решениями Президента РФ (например, сформулированными в послании ФС РФ 1 марта). Так, например, прогнозы социально-экономического развития на среднесрочную перспективу предполагают рост ВВП ежегодно на уровне 2–3%, а послание Президента, как минимум, — на 5–7%.

Второй недостаток: отсутствует механизм реализации этих концептуальных нормативных документов. Правительство России и вся исполнительная власть в целом руководствуются не этими документами, а текущими «сигналами» и потребностями.

В этой связи требуется более четкое формулирование стратегии развития России и её информационно-пропагандистское обеспечение в интересах внешней и внутренней политики, которое смогло бы ликвидировать «разноголосицу», характерную для последних десятилетий в научной и журналистской среде. Использование аналитических, прогностических материалов, а также ряда материалов СМИ в качестве дополнения к политике ПСС и ПВК может стать частью такой политики в будущем.

В настоящее время, как правило, внимание привлекают к себе те конфликты, которые переходят из политико-силовой в военную фазу, игнорируя достаточно длительный переходный период складывания предпосылок для эволюции этих конфликтов военную плоскость. Поэтому требуется анализ и прогноз не только состоявшихся уже военных конфликтов, а также таких, которые имеют потенциал превращения их в вооруженную борьбу. С точки зрения обеспечения интересов России и сохранения эффективности политики стратегического сдерживания это означает необходимость тщательного исследования состояния всех

групп факторов, формирующих МО, в особенности тех из них, которые влияют на развитие ВПО. Речь, в частности, может идти:

Первое. О мониторинге и прогнозе развития отношений между основными субъектами МО-ВПО и особенно военно-политическими коалициями (что сегодня игнорируется вообще), в частности, тех факторов, которые содействуют развитию конфликта в военную фазу (например, тенденциях в военном строительстве наступательных вооружений и военной техники, разработке концепций и оперативных планов и т.д.).

Представляется, что в этом случае возможны и необходимы:

— развитие контактов между военными организациями и военными;
— международные конференции;
— сопоставления военных доктрин и планов использования ВС и ВВСТ.

Второе. О мониторинге и прогнозе развития глобальных и региональных тенденций в мире, угрожающих безопасности и стратегической стабильности, на межведомственной основе (с участием МИД, СВР, ГРУ и РАН).

В настоящее время большинство напряжений и военных конфликтов наступает в области противоречий развития глобальных и региональных тенденций, как, например, в Сирии, где в последние годы резко усилилось влияние региональных и национальных тенденций.

Третье. О мониторинге и прогнозе развития негосударственных акторов в мире, имеющих прежде всего опасный характер (экстремистских, террористических и иных). Привлечение внимания к таким актором стало важной тенденцией, однако, на мой взгляд, не следует забывать, что в эти же годы развивались и другие опасные тенденции:

— в области социальной инженерии, создании социальных конфликтов;
— в области роста межрелигиозного и межконфессионального противоречия;
— в национальной области и гуманитарных областях, например, между усиливающимся «креативным классом», претендующим на политическую власть, и государственными органами власти и т.д.

Четвёртое. О мониторинге и последствиях развития когнитивно-идеологической сферы жизнедеятельности, последствиях развития НЧК и его институтов. Эта область и её влияние на ПСС и ПВК остаёт-

ся фактически в стороне от исследований, хотя именно она в истории человечества становилась основой для социально-политических потрясений (религиозные, межконфессиональный войны, буржуазные, пролетарские, национально-демократические и прочие революции).

В настоящее время происходят революционные изменения в этой сфере, требующие исследований с точки зрения влияния на ПСС и ПВК, как минимум, в следующих областях:

— последствиях для СС и ПВК появления «синтезированных» технологий в ближайшем будущем, когда социальные и когнитивные технологии будут синтезированы с био-, информ- и другими технологиями, например, в робототехнике. В этой области уже проявились радикальные последствия в связи с быстрым развитием БЛА, социальных сетей и пр.;

— социальных последствиях стремительного роста качества человеческого капитала (ЧК), который превратился в решающий фактор развития экономики и государственной (в том числе военной) мощи;

— политических последствиях роста влияния и роли институтов развития человеческого капитала (например, университетов) и «креативного класса», которые проявились, например, в политическом влиянии этих структур на политические партии государственные органы власти.

---

[1] *Савин Л.* Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. — М., С.-П.: Изд-во «Питер», 2016. — С. 120.

[2] Исходные данные для будущего проекта — сведения, отражаемые в документах, которые оформляются при участии субъектов правоотношений, возникающих в результате реализации проекта (в данном случае стратегического сдерживания).

[3] *Юлкин М.* Климатическое регулирование. — М.: Сколково, 29 июля 2017 г. / http://eic-ano.ru/publications/presentations/_download/Yulikin_Climate_regulation_28072017.pdf

[4] *Путин В. В.* Указ №683 от 31 декабря 2015 года «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

[5] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 года, ПАИ / http.:ws/@89825721067|868792

[6] Выступления В. В. Герасимова и А. В. Дворникова на ежегодном собрании Академии военных наук. Академия Генерального Штаба ВС РФ, 16 марта 2018 г.

[7] *Ермаков В. И.* Выступление руководителя делегации Российской Федерации, директора Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России В. И. Ермакова на второй сессии Подготовительного комитета Конференции 2020 года по рассмотрению действий Договора о нераспространении ядерного оружия, Женева, 24 апреля 2018 года / Эл. ресурс: МИД РФ. 25 апреля 2018 г.

[8] С 2012 по 2018 год сотрудниками Центра было подготовлено более 20 монографий, докладов и НИР, сотни статей по данной проблематике.

[9] См.: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России: учебно-метод. компл. В 2-х т. 2017. — Т. 2.

[10] Capitalists in the Twenty-First Century / https://eml.berkeley.edu/~yagan/Capitalists.pdf

[11] См., например: *Подберёзкин А. И., Харкевич М. В.* Долгосрочное прогнозирование международных отношений как стратегическое планирование национальной безопасности / Сравнительная политика, 2017. — №3 (28). — Т. 8. — С. 21–24.

[12] Читайте подробнее на FB.ru: http://fb.ru/article/281369/neobhodimyie-ishodnyie-dannyie-dlya-proektirovaniya

[13] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 / https://cont.ws@89825721067/868792

[14] *Путин В. В.* Указ президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития России до 2024 года». 7 мая 2018 год.

[15] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[16] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–23.

[17] Children and Families Education and the Arts Energy And Environment Health and Health Care Infrastructure and Transportation International Affairs Law and Business National Security Population and Aging Public Safety Science and Technology Terrorism and Homeland Security / https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/rgs_dissertations/2011/RAND_RGSD 290.pdf. — P. 21.

[18] *Подберёзкин А. И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №1. — С. 18–19.

[19] Children and Families Education and the Arts Energy And Environment Health and Health Care Infrastructure and Transportation International Affairs Law and Business National Security Population and Aging Public Safety Science and Technology Terrorism and Homeland Security / https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/rgs_dissertations/2011/RAND_RGSD 290.pdf. — P. 20.

[20] JSCSC Operational-level Planning Process Aide-memoire / https://docviewer.yandex.ru/view/35247875…

[21] В своё время этой теме была посвящена целая серия работ. См., например, *Подберёзкин А. И.* Человеческий капитал. — М.: Европа, 2005; Подберёзкин А. И. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг. В 3-х т. и др.

[22] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[23] Там же.

[24] *Ходынская-Голенищева М. С.* Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений / Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. — М.: МГИМО–Университет, 2018. — С. 48–50.

[25] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[26] *Ашманов И.* США захватывают русских программистов силой. И заставляют их работать на себя / Эл. ресурс: Русские новости, 26 апреля 2018 г. / http://narodnovosti.com|v-mire

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[30] Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений: сборник статей / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 145–147.

[31] Там же. С. 15–16.

[32] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[33] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[34] См., например: *Tomes R.* Releaning Countersurgency Warfare / U S Army War College, 2004.

[35] Подробнее на ТАСС: http://tass.ru/mezhdunarodnayapanorama/5159496?utm_source= smi2.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=exchangesmi2

[36] *Путин В. В.* Указ Президента РФ №683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

[37] На этот счет написано много работ в период 1970–1990-х годов, в т.ч. и автором.

[38] *Савин Л.* Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. — СПб., Питер, 2016. — С. 108.

[39] *Дж. Пятрас*. Новое правительство станет смертным приговором России / Эл. ресурс: Свободная пресса, 5 мая 2018 г. / svpressa.ru

[40] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 273–277.

[41] *Дж. Пятрас*. Новое правительство станет смертным приговором России / Эл. ресурс: Свободная пресса, 5 мая 2018 г. / svpressa.ru

[42] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[43] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[44] Цит. по: *Савин Л.* Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. — СПб., Питер, 2016. — С. 108.

[45] См., например: Modern Political Warfare: Current Practicts and Possible Responses / Cal., RAND, 2018 March. — PP. iii-iv.

[46] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–53.

[47] См., например: Modern Political Warfare: Current Practicts and Possible Responses / Cal., RAND, 2018 March. — PP. iii-iv.

[48] Подробнее: https://eadaily.com/ru/news/2018/05/06/belorussiya-rusofobiya-na-rossiyskie-dengi?utm_source=smi2&utm_term=6a299d60-f92e-40dc-941d-ac255b04e873&utm _conten t=90597

[49] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[50] Public support for peace building. September 2017 / Sociology June–Jule 2017 / www.revangeldesigns.co.uk

[51] Там же.

[52] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[53] Там же.

[54] *Дмитриев Б.* Вашингтон намерен «согласовать» с Москвой молниеносный глобальный удар // ВПК-курьер, 20.04.2018 / https://vpk-news.ru/

[55] Clinton Rich / RAND, 2017.

Глава 11
Последствия для стратегического сдерживания

Эффективное стратегическое сдерживание России и её возможности влиять на предотвращение войн и военных конфликтов будет непосредственно зависеть не только от направления развития МО и ВПО в мире, но и от результатов в социально-экономическом развитии России. Здесь следует напомнить, что в истории России и СССР было немало периодов, когда внешние условия развития страны оказывались для неё крайне неблагоприятны. Так было в новейшее время при «Смуте» начала XVII века, при европейско-французской агрессии Наполеона 1812 года, в годы интервенции после революции 1917 года, накануне Второй мировой войны, когда СССР противостоял всей оккупированной Европе, наконец, в послевоенные годы, когда разрушенный и обескровленный СССР должен был выстоять в холодной войне против Запада.

С этой точки зрения нынешняя опасная МО и ВПО ничуть не более опасная, чем предыдущие. Для адекватного ответа требуется политическая воля и мобилизация. Эти два условия каждый раз были у России и СССР в предыдущих случаях.

Политическая воля должна быть сформулирована внятно и публично верховной властью, либо (если та не сможет, как случалось) представителями народа. Это в нынешних условиях может и должен сделать президент В. В. Путин, дав старт кампании общенациональной мобилизации.

Эти результаты перехода России к мобилизационному сценарию развития в наибольшей степени будут проявляться в среднесрочной

перспективе в таких решающих областях для военно-политических возможностях России и её способности к сохранению СС и ПВК, как:

— развитие человеческого капитала и всех его составляющих[1], прежде всего институтов развития человеческого капитала;
— как следствие развития институтов человеческого капитала — развития не военных возможностей стратегического сдерживания и ПВК;
— способности правящей элиты и всей нации к мобилизации и проведению эффективной политики в интересах опережающего развития и укрепления стратегического сдерживания;
— способности государственного и общественного управления сконцентрировать национальные ресурсы в интересах безопасности и развития.

11.1. Общие принципы мобилизационного сценария

…синергия обозначает общий эффект взаимодействия различных сил, который превосходит их простую сумму[2]

В. Малявин,
профессор

Перспективы сохранения национальной идентичности и суверенитета России в будущем непосредственно связываются со способностью её правящей элиты обеспечить противодействие системному и тотальному силовому давлению со стороны западной ЛЧЦ. Такая способность, в свою очередь, зависит от другой способности — концентрировать и эффективно использовать национальные и союзнические ресурсы, которые не ограничиваются только известными материальными (экономическими, финансовыми и иными) ресурсами, но и моральными, духовными, волевыми ресурсами всей нации, способными в своей совокупности обеспечить новый, синергетический, удивительный по своей мощи, эффект[3].

Не случайно, что такой эффект, достигнутый благодаря Сергию Радонежскому и Дмитрию Донскому в XIV веке, обеспечил Руси освобождение от татаро-монгольского ига, в XVII веке — от Смуты, а в се-

редине XX века от нашествия объединенной «под Гитлером» Европы, когда СССР, обладавший в 3–5 раз меньшими ресурсами, смог стать победителем[4].

Современная военно-политическая обстановка развивается таким образом, что, как и прежде, потребует от России мобилизации всех ресурсов с целью получения синергетического эффекта потому, что механическое противостояние при соотношении сил с Западом измеряется соотношением от 1:5 (в демографической области) до 1:25 (в области технологической). Именно поэтому, прежде всего, «Мобилизационный» сценарий развития России до 2025 года качественно, принципиально отличается от других сценариев, которые концентрируются на социально-экономических аспектах развития нации, общества и государства.

11.2. Морально-политическая национальная мобилизация

> Исходным моментом политического анализа при исследовании политической ситуации в стране… является определение социально-политической ориентации её населения…[5]
>
> *М. Хрусталёв, профессор*

Правящая элита России уже опоздала с признанием опасной ситуации для самого существования нации, позволив внешним и внутренним антироссийским силам развернуть тотальную компанию против России, которая только начала встречать организованное сопротивление в самые последние годы у части правящей элиты. Поэтому признание необходимости общенациональной мобилизации становится запоздалым и срочным шагом, способным компенсировать ошибки предыдущих лет[6]. В основе реализации мобилизационного сценария лежат принятие правящей элитой следующих принципов, среди которых важнейшее место занимает принцип морально-политической мобилизации, предполагающий:

— решительную защиту жизненно важных интересов, ценностей и борьба за сформулированные цели нации, отрицающая беспринципные компромиссы, которыми прославился СССР и Россия в период горбачевско-ельцинского правления;
— признание критического уровня опасности большинством правящей элитой и обществом, что означает согласие на системные и радикальные меры в области государственного и общественного управления;
— готовность использовать максимально полно все национальные ресурсы (материальные, духовные, демографические, пр.) в целях обеспечения безопасности и развития;
— создание и реализацию соответствующей стратегии обеспечения национальной безопасности и мобилизационного развития.

Для России в настоящее время приближается решающее время признание всех этих принципов и условий, которое потребует, в свою очередь, неизбежное признание необходимости разработки соответствующей стратегии развития и других политических, правовых и нормативных документов. Эта стратегия должна означать также:

— пересмотр Стратегии национальной безопасности от 31 декабря 2015 года, которая отражала уже в то время устаревшие международные и российские реалии[7];
— превращение новой Стратегии в действительно общенациональный, обязывающий документ;
— реализацию практических мер по обеспечению новой мобилизационной стратегии всеми необходимыми ресурсами[8].

Очевидно, что такую стратегию необходимо иметь в нескольких возможных вариантах, предполагающих достаточно быстрый переход России к этапу мобилизационного развития. Такие варианты должны зависеть от внешних, объективных относительно России, условий развития МО и ВПО. Этот этап, в свою очередь, соответствует условиям фактического вступления российского государства в войну в ближайшие годы, а также неизбежной открытой (публичной) констатации возможности и вероятности этого факта. Именно на этой стадии перехода Россия оказалась в 2017 году после расширения санкций и фактического использования военной силы на Украине и при помощи экстремистских организаций против России.

11.3. Принцип системной (тотальной) мобилизации

И думает Путин: «Прежде чем войти, подумай, как выйти». Думает «Лучше шаг вперёд и два шага назад, чем прыжок вперёд — а там пропасть». Думает Путин: «Поспешишь — не только людей насмешишь, но и страну угробишь». И ещё думает: «Тише едешь — дальше будешь». И молчит Путин о том, о чём думает. А говорит и вовсе не то, что сказать хочет. А лишь то, что надо. Либералов хвалит. Патриотов жалует. Всем жить дружно предлагает. Тем улыбнётся — и с этими обнимется. Солженицыну цветочки возложит — и в Бессмертном полку пройдётся. Алексееву наградит — и героям Сирии награды раздаст[9]

А. Халдей,
публицист

Не трудно заметить, что В. В. Путин дистанцируется от политических доктрин и идеологических стратегий, очевидно предпочитая им конкретные действия. Идеологию он заменяет «сигналами», посылаемыми обществу, которое, надо признать, внимательно к ним прислушивается. Но это же «ручное управление» само по себе неизбежно отрицает системные решения, делает политику мозаичной и субъективно-эклектичной, а, главное, не дает исполнителям четких стратегических ориентиров: ни к одному из нормативных документов принципиального характера — от Стратегии национальной безопасности, Военной доктрины, Концепции социально-экономического, информационного, цифрового и пр. развития — у лиц, принимающих решения, нет абсолютного доверия. Похоже, что В. В. Путин боится сказать «Да» потому, что для кого-то и где-то это будет «Нет», что совершенно не вяжется с его образом и опытом.

Между тем России предстоит принять стратегические решения в 2018–2025 годах даже если В. В. Путин и не захочет этого потому, что этого будет требовать новая ВПО. Также как это произошло в августе 2008, январе 2014 годов, а до этого — когда Ш. Басаев отправился в свой рейд по Северному Кавказу. Тогда В. В. Путин принял точные и системные решения в силу внешних обстоятельств.

Как правило, такие мобилизационные сценарии выбираются властью в условиях ведения или неизбежного вступления в войну. На опыте СССР можно говорить о том, что именно такой сценарий доминировал с конца 20-х годов прошлого века, превратившись в фактическую военную экономику СССР к 1939 году[10]. Используя аналогию, можно сказать, что Россия в 2018 году находится накануне 1939 года, когда Мировая война неизбежна и практически уже началась в отдельных регионах, о чем я достаточно откровенно написал еще в 2015 году[11]. Именно 2015–2017 годы явились годами стремительной эволюции политики западной ЛЧЦ от силовой к военно-силовой составляющей, превратившись в войну против России в «войну де-факто». Войну с использованием широкого арсенала силовых средств (апогеем которых стал системно-стратегический закон, утвержденный Д. Трампом 2 августа 2017 года), но пока что с осторожным использованием вооруженного насилия.

Поэтому для В. В. Путина время принятия такого системного и радикального решения наступило. Оно будет означать, что после выборов президента предстоит серия системных шагов в политической области, которых уже избегать больше невозможно.

11.4. Фактор времени

Становится совершенно ясно, что президентский срок В. В. Путина в 6 лет (до 2024 года) и есть тот период, за который нация и её правящая элита должна решить наиболее острые проблемы опережающего развития и выйти на новую парадигму и сценарий развития. Эта среднесрочная перспектива:

— объективно не оставляет времени для подготовки;
— ограничивает временной промежуток коротким отрезком.

Общие контуры такого мобилизационного сценария должны быть очерчены и приняты очень быстро, учитывая огромное временное отставание. Нужен помесячный план реализации, составлять который должны параллельно с созданием новой военной организации страны, т.е. тем инструментом, механизмом управления, который будет не только планировать, но и выполнять намеченное.

11.5. Многовариантность как политико-дипломатический ресурс сценария развития России

В политике важную роль играет своевременное использование различных стратегий и их вариантов. Политическая тактика — искусство маневрирования. Во многом беспринципное и даже циничное. И это обстоятельство, составляющее суть политики, необходимо использовать.

На мой взгляд, мобилизационный сценарий развития со стороны России объективно предполагает следующие конкретные варианты своего развития, которые могут реализовываться в зависимости от темпов и масштабов проведения всех мобилизационных мероприятий в России:

— **Вариант №1: «Импортозамещение» мобилизационного сценария ,** предполагающий распространение опыта импортозамещения и государственное стимулирования развития отечественной промышленности и сельского хозяйства на все отрасли экономики и внешней торговли и в полном объеме до уровня, когда внешняя зависимость от того или иного вида продукты или услуги становится минимальной;

— **Вариант №2: «Изоляционизм» мобилизационного сценария,** распространяющий политику импортозамещения не только на все отрасли экономики и торговли, но и финансовую и таможенную политику до степени возможности существования на ограниченной территории и рынках; этот сценарий, например, предполагает снижение экспорта сырья, но резкое увеличение глубины его переработки (запрет на экспорт сырой древесины, нефти и газа, а также руд металлов).

— **Вариант №3: «Оптимизация» мобилизационного сценария,** предполагающий максимальную степень экономической и социальной мобилизации в наиболее современных формах, с опорой на развитие творческого потенциала человека и его институтов. В частности, необходимо вернуться к опыту всеобщей воинской службы, запретив занимать государственные должности лицам, не

отслужившим срочную службу. Переподготовка, кстати, должна стать регулярной и не формальной, как, например, в Швейцарии или Израиле.

Примеров такой мобилизации экономики и общества не мало не только в далекой, но и современной истории. Очевидно, что исторический проект «Кузьма Минин» может быть повторен в современных условиях в тех или иных масштабах.

Само по себе признание правящей элитой фактического состояния «силового противоборства» или «войны» означало бы, что процесс реорганизации государственных институтов, общества и экономики стартовал и можно вести речь о его самых различных формах. Так, например, следует принять (также единогласно) закон о противодействии политике США в качестве ответного шага на принятие Конгрессом закона 3362, а также начать широкую дискуссию о национальной мобилизации в целях отражения внешней агрессии.

В рамках этой дискуссии можно было бы разработать и применить самый широкий набор мер по мобилизации нации в самых различных областях — от повышения эффективности экономики до национальной, демографической и военной политики, включая ужесточение административных и уголовных мер в области сохранения правопорядка, борьбы с экстремизмом и терроризмом[12].

Понятно, что в рамках этого мобилизационного сценария возможны в конечном счете самые разные варианты, а не только обозначенные в качестве примера в этой работе.

Основные варианты и их характеристики «Сценария №3» развития России можно сгруппировать следующим образом в зависимости от динамики основных показателей развития России до 2025 года, сделанных разными экспертами в разное время на основе экстраполяции и интерполяции различных возможных показателей развития России: табл. 11.1.

В целом можно констатировать, что в случае реализации до 2025 года «Сценария №3» («Мобилизационного») развития России результат мог бы стать аналогичным результаты семилетки 1950–1960-х годов, т.е. фактическому удвоению ВВП, изменению структуры экономики страны, социальной и демографической структуры российского общества. Это означало бы, что через 7 лет, т.е. к 2025 году, объем и качество наци-

Таблица 11.1. Основные возможные показатели и критерии «Сценария №3» («Мобилизационного») развития России до 2025 года

Показатели и критерии	«Сценарий №3» («мобилизационный»)		
	«Вариант №1» («импортозамещения»)	«Вариант №2» («изоляционизм»)	«Вариант №3» («оптимизация»)
Темпы роста ВВП	3–5%	7–9%	4%–9%
Демографические темпы роста	0–0,1%	0,25–0,5%	2%–3%
Приоритет промышленно-технологическому развитию	Прирост ВВП за счет отработанной промышленности	Быстрый рост промышленной продукции	Новая структура экономики
Опережающие темпы развития науки, НИОКР	Выход на уровень развитых стран по доле ВВП	Выход на уровень стран-лидеров	Выход на первое место
Приоритет развитию человеческого капитала	Переход по ИРЧП в первую десятку	Переход по ИРЧП в первую десятку	1–3 место по ИРЧП
Приоритетность развития институтов человеческого капитала	Создание системы институтов развития НЧК	Развитие институтов НЧК	Высокоразвитая система институтов НЧК
Поддержание безопасности на уровне сохранения национальной идентичности и суверенитета	Минимальный уровень защиты	Гарантированный уровень защиты	Эффективный уровень защиты
Внешняя политика	Элементы «изоляционизма»	Активизация политики внутри СНГ и среди незападных государств	Продолжение политики 2007–2016 годов
Военная политика	Ограничение союзов при расширении ВТС	Создание системы обороны по всем стратегическим направлениям	Продолжение политики 2010–2017 годов на качественно новом уровне

ональной мощи страны, как минимум, были бы увеличены в несколько раз и появилась бы реальная возможность сохранения нации и страны.

Этот сценарий предполагает разработку и принятие комплекса мер в политической, финансовой, экономической, информационной и административной областях для концентрации всех национальных возможностей. В частности, если говорить о финансовой области, то необходима реальная «деоффшоризация» российской экономики и финансов, которая позволит вернуть в страну порядка 1000 млрд долл. и ограничит вывоз валюты и золота за рубеж. Бывший помощник Председателя правительства РФ профессор В. Андрианов пишет по этому поводу: «Несмотря на экономические санкции со стороны промышленно развитых стран, по оценкам экспертов, по-прежнему около 15–20% финансовых и других активов наиболее состоятельных граждан России оседают за рубежом и прежде всего в оффшорных зонах[13].

Оффшорные[14] структуры российского бизнеса — это, в первую очередь, центры концентрации прибыли, которую они получают в России и выводят из-под российского налогообложения, а также надежные «сейфы» для состояний олигархов, полученных как законным, так и криминальным путем.

В начале текущего столетия в оффшорных зонах было зарегистрировано более 20 тыс. российских оффшорных компаний и открыто около 6,6 тыс. счетов российских банков. Прибыль от деятельности оффшорных компаний практически не попадала в Россию. С начала так называемых либеральных экономических реформ в России именно оффшорные компании стали одним из основных каналов утечки российского капитала за рубеж. На протяжении длительного периода времени вывоз капитала из России осуществлялся как законным (легальным), так и незаконным (нелегальным) путем[15].

По оценкам специалистов, уже к моменту распада СССР за пределами страны оказалось порядка 100 млрд долл. советского капитала. С начала проведения в России либеральных экономических реформ в 90-е годы прошлого столетия сформировалась и развивалась устойчивая тенденция постоянного роста масштабного ежегодного оттока капитала. По официальным данным платежного баланса за 23 года (1994–2017 гг.), накопленный объем оттока капитала из России, рассчитанный

Таблица 11.2. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором
(по данным платежного баланса) (млрд долл.)

Годы	Всего	в том числе	
Банками	Прочими секторами		
1994	–14,4	–2,0	–12,4
1995	–3,9	6,8	–10,7
1996	–23,8	1,3	–25,1
1997	–18,2	7,6	–25,8
1998	–21,7	–6,0	–15,7
1999	–20,8	–4,3	–16,5
2000	–24,8	–2,0	–22,8
2001	–15,0	1,3	–16,3
2002	–8,1	2,5	–10,6
2003	–1,9	10,3	–12,2
2004	–8,9	3,5	–12,4
2005	–0,3	5,9	–6,2
2006	43,7	27,5	16,2
2007	87,8	45,8	42,0
2008	–133,6	–55,2	–78,4
2009	–57,5	–32,2	–25,3
2010	–30,8	15,9	–46,7
1994–2010	–383,7		
2011	–81,4	–23,9	–57,5
2012	–53,9	18,5	–72,4
2013	–59,7	–7,6	–52,1
2014	–151,5	–49,8	–101,7
2015	–57,5		
2016	–15,4		
2017*	–22,8		
Итого: 1994–2017	**–825,9**		

* первое полугодие 2017 г. предварительные данные ЦБ
Источник: по данным Банка России за соответствующие годы.

как отрицательное сальдо счета операций с капиталом и финансовыми инструментами в частном секторе, оценивался в 826 млрд долл. США.

В целом объем оттока капитала из России превышал как объем притока прямых предпринимательских иностранных инвестиций, так и займы, и кредиты международных финансовых организаций, и дву-

стороннюю финансовую помощь промышленно развитых государств. Иными словами, вся политика привлечение иностранных инвестиций за последние 30 лет оказалась несостоятельной. И не только финансово, но и политически: вывоз капитала осуществлялся банками и прочими хозяйствующими субъектами, к которым относятся **как крупные компании, так и предприятия малого и среднего бизнеса.**

11.6. Критерии и показатели эффективности стратегического сдерживания

В зависимости от представлений о том, чем является политика стратегического сдерживания, какие функции она должна выполнять и какой её характер формулируются основные обоснования и оценки её критериев и показателей. В частности, если функции стратегического сдерживания **ограничены ядерным сдерживанием** (как сегодня), то и основные критерии могут быть следующие:

— невозможность использовать ядерное оружие в качестве политико-психологического средства (угрозы, шантажа) в эксплицитной или имплицитной форме;
— невозможность нанесения разоружающего удара;
— невозможность нанесения упреждающего удара;
— маловероятность использования тактического ядерного оружия на отдельных ТВД и т.д.

Несколько другая трактовка критериев будет в случае, если понятие стратегическое сдерживание расширяется до **военного сдерживания**. В этом случае (к чему мы практически подошли в 2018 году) стратегическое сдерживание предполагает уверенную защиту военными и иными средствами от военного нападения любыми средствами на любом ТВД.

Наконец, в будущем **«расширенное» стратегическое сдерживание** (на это указывает устойчивая тенденция) должно гарантировать защиту всех основных национальных интересов военными и невоенными средствами, а не только эффективную военную оборону.

В зависимости от представлений, таким образом, формируются основные **критерии** эффективности стратегического сдерживания.

11.6.а). Критерии и показатели в области стратегического сдерживания (обоснование и оценка)

Как уже говорилось, критерии и показатели стратегического сдерживания непосредственно вытекают из его, прежде всего, стоящих перед ним политических и военных задач.

Так, к основным **критериям,** характеризующим наиболее вероятное будущее «расширенное» стратегическое сдерживание можно отнести:

а). Неспособность противника (государства или иного актора) принудить своего оппонента наносить ущерб своим национальным интересам, системе ценности или суверенитету;

б). Ограничить его активность во внешней или международной политике;

в). Отказаться от продвижения своих интересов и ценностей в мире;

г). Отказаться или ограничить свои международные обязательства;

д). Каким-либо образом подчинить свою внутреннюю экономическую, информационную или образовательную политику.

К основным **показателям** эффективности стратегического сдерживания можно отнести следующие:

а). Способность абсолютной нейтрализации внешнего влияния (полный суверенитет);

б). Способность частичной нейтрализации внешнего влияния (ограниченный суверенитет);

в). Способность незначительной нейтрализации внешнего влияния (частичный суверенитет).

Естественно, что такие способности государства будут во многом зависеть от:

— намерений и готовности правящей элиты к защите своего суверенитета и обеспечению эффективного стратегического сдерживания («воли»);

— имеющихся и потенциальных ресурсов и других национальных возможностей («ресурсов»).

11.6.б). Критерии и показатели в области прогнозирования стратегического сдерживания

Разработка критериев и показателей эффективности тех или иных средств, способов и мер стратегического сдерживания требует особенного внимания и тщательности в силу целого ряда причин.

Прежде всего — это новое явление, относительно которого нет устоявшегося общего понимания и, соответственно, критериев оценки эффективности.

Кроме того, если говорить о ВВСТ, то в этой области могут пересекаться не только самые разные точки зрения, но и интересы — политические, научные, корпоративные, личные.

11.7. Практическое применение научно-методического аппарата

Практическое применение научно-методологического аппарата имеет значение с точки зрения привлечения исследователей и практиков к разработке проблемы силового (невоенного) противодействия и стратегического сдерживания, которая находится только в начальной стадии своей разработки[16].

11.7.а). Для военного планирования России

(умышленно пропущенный раздел для открытой печати)

11.7.б). Для национального планирования

(умышленно пропущенный раздел для открытой печати)

11.7.в) Для планирования МИД

Классификатор политико-дипломатических мероприятий Международные соглашения влияющие на стратегическое сдерживание (К этой сфере относятся соглашения в следующих областях: контроль над вооружениями и вооруженными силами, меры доверия в военной области, транспарентность военной деятельности, включая военные программы; военные союзы, нейтралитет и ненападение, военный транзит, поставки вооружений, направление военных советников, обучение военного персонала, миротворческие операции, соглашения о линии прохождения границы, соглашения о границах экономической зоны и континентального шельфа, существенные торгово-экономические соглашения, а также соглашения об оказании значимой экономической помощи)

Переговоры направленные на заключение новых реальных соглашений

Имитационные переговоры, направленные на дезориентацию партнера по переговорам, либо третий стороны. (Пример: переговоры между СССР, Англией и Францией в 1939 году о заключении военной конвенции. Англо-французская сторона не стремилась к реальным договоренностям, а использовала переговоры, чтобы сдержать Гитлера от нападения на Польшу).

Переговоры, направленные на пересмотр, видоизменение или дополнение действующего соглашения.

Односторонняя денонсация действующего соглашения.

Угроза денонсации действующего соглашения с целью давления на партнера (например, чтобы вынудить его вступить в переговоры по пересмотру соглашения).

Имитационное предложение о заключении нового соглашения, обычно с целью добиться благоприятного международного эффекта без серьезного намерения вступать в переговоры или понимании невозможности переговоров по такому соглашению (например, предложения СССР о всеобъемлющем запрещении ядерного оружия).

Дипломатические демарши

Разрыв дипломатических отношений.

Высылка посла иностранного государства.

Понижение дипломатического представительства до уровня поверенного в делах.

Отзыв своего посла из страны пребывания для консультаций.

Высылка дипломатов иностранного государства с объявлением их персонами нон-грата.

Высылка дипломатов иностранного государства без объявления их персонами нон-грата.

Заявление протеста в письменной форме (нота протеста).

Заявление протеста в устной форме путем вызова посла той или иной страны в МИД РФ для устного представления ему озабоченностей российской стороны.

Политические демарши

Заявление Президента РФ по той или иной международной проблеме.

Заявление МИД РФ по той или иной международной проблеме.

Заявление Министра иностранных дел РФ.

Заявление представителя МИД РФ.

Заявление посольства РФ в той или иной стране.

Заявление МО РФ.

Заявление Министра обороны или Начальника Генштаба.

Заявление представителя МО РФ.

Заявление военного атташе РФ в стране пребывания.

Резолюция Государственной Думы РФ или Совета Федерации РФ (Например, о положении соотечественников в странах Прибалтики).

Заявление комитетов Госдумы РФ или Совета Федерации РФ.

Коллективное заявление двух или нескольких государств по той или иной международной проблеме.

Военные демонстрации

Военные учения, подчеркивающие их направленность против потенциального противника.

Концентрация войск в определенных районах и акваториях.

Беспокоящие действия в приграничных районах (тактика КНР в районе о-ва Даманский до начала боевых действий, полеты военных самолетов по границам потенциального противника с вторжением в его воздушное пространство, заходы военных кораблей в прибрежные акватории противника).

Невооруженные силовые действия против кораблей и самолетов потенциального противника (например: столкновение российской подводной лодки с американским авианосцем в 1983 г., столкновение китайского истребителя с американским самолетом разведчиком в 2001 году).

Вооруженные провокации (тактика КНР во время конфликта на о-ве Даманском, тактика Японии в р-не озера Хасан)

Методы военного, политического и экономического давления

Угроза применения военной силы (например, заявление Герасимова об ответных ударах в случае атаки США на Сирию).

Выдвижение территориальных претензий.

Публичная демонстрация возможностей своих вооружений.

Угроза введения экономических санкций.

Реальное введение экономических санкций.

Угроза применения политических санкций.

Реальное применение политических санкций (запрет на военные, научные, культурные и другие контакты с той или иной страной, запрет на въезд в РФ или объявление нежелательной персоной того или иного политического деятеля, возбуждение против него уголовного дела, запрет на транзит через территорию и воздушное пространство РФ и др.).

Методы военного, политического или экономического вовлечения

Предложение об оказании военной помощи (реальное или имитационное).

Предложение о поставках вооружений и военной техники (реальное или имитационное).

Предложение о вступлении в военный, политический или экономический союз или организацию (реальное или имитационное).

Предложение о проведении миротворческой операции или направлении миротворческих сил (реальное или имитационное).

Любое предложение в сфере безопасности (меры доверия, инспекции, развод войск и т.п.).

Предложение о расширении торгово-экономического сотрудничества в обмен на расширение политического или военного сотрудничества (или наоборот)

Использование механизмов международных организаций

Созыв Совета Безопасности ООН.

Инициирование резолюций в рамках ГА ООН.

Инициирование резолюций и решений в рамках Комитетов и специализированных учреждений ООН.

Инициирование резолюций и решений в рамках международных организаций, связанных с международной безопасностью: МАГАТЭ, ОЗХО и др.

Инициирование резолюций и решений в рамках региональных организаций, связанных с международной безопасностью: ОДКБ, СНГ, ОБСЕ, ШОС и др.

Предложения по роспуску (видоизменению) существующих или созданию новых международных организаций.

Информационно-политические мероприятия

Направление посланий от российского руководства лидерам других стран по актуальным международным проблемам, используя дипломатические каналы.

Проведение межмидовских консультаций на двусторонней основе с другими государствами по насущным вопросам международных отношений.

Проведение встреч между парламентариями двух стран или в более широком формате для обсуждения международных проблем.

Слушания в Госдуме РФ по тому или иному международному вопросу (например об отношениях с Абхазией и Южной Осетией в 2008 году).

Проведение международных конференций определенной направленности по военно-политическим вопросам с привлечением ученых и экспертов зарубежных стран.

Размещение статей дипломатов, других официальных лиц, известных экспертов и ученых, связанных с властями, в ведущих мировых и российских изданиях.

Приглашение в Россию на стажировку ученых, экспертов и преподавателей из других стран.

Информационно-пропагандистские мероприятия

Организация информационных кампаний по различным международным вопросам.

Утечки в прессу из анонимных источников с целью повлиять на общественное мнение по тем или иным вопросам.

Публикация книг, докладов, статей с целью повлиять на потенциального противника (союзника) путем информации или дезинформации.

11.8. Организация исследований и долгосрочного прогноза развития военно-политической обстановки и стратегического сдерживания

В марте 2018 года В. В. Путин предложил по сути дела «прорывной сценарий» развития России в условиях нарастающего военно-силового противоборства, которое поставило вопрос о выживании России в цивилизационную, историческую, плоскость. Этот сценарий (не называя его «мобилизационным», как в настоящей работе) по сути является очередной попыткой мобилизации в будущие 6 лет в целях экономического и технологического рывка. В нем прямо говорится, что в зависимости от того, удается ли нам изменить характер нашего развития, который вплоть до начала 2018 года определялся в основном инерционными тенденциями, с инерционно-стагнационного на инновационно-мобилизационный, — будет зависеть не только сохранение суверенитета России, но и ее национальной идентичности.

Но даже горизонт планирования, ограниченный сроком правления В.В. Путина в 6 лет, не снимает, но, наоборот, делает более важным и необходимым стратегическое планирование на период после 2025 года, который, вероятно, уже будет связан с судьбой новой элиты и нового президента. Поэтому стратегический долгосрочный военно-политический прогноз развития России после 2025 года крайне необходим, даже неизбежен, — без него уже сегодня невозможно не только планировать долгосрочные военно-технические программы, например, строительства стратегических наступательных вооружений, судов ВМФ, электростанций, военно-технического сотрудничества и многого другого, в тем более создавать принципиально новые ВВСТ, но и планировать сколько-нибудь определенное социально-экономическое развитие страны, определять приоритеты финансирования и распределения национальных ресурсов.

Обоснование необходимости долгосрочного прогноза стратегической стабильности в интересах среднесрочного планирования

Такой прогноз однако крайне труден в силу целого ряда особенностей. Прежде всего, огромного множества переменных величин, формирующих будущую МО и ВПО, но еще больше — из-за не известных факторов и переменных, парадигм и тенденций в экономике, науке и технике, которые проявятся неизбежно в будущем[17]. Причем многие из этих факторов могут радикально повлиять как на будущую ВПО, так и на перспективы и сценарии развития России.

Кроме того (и прежде всего) мы не уверены, что после 2025 года ВПО не превратится в глобальную, региональную или серию локальных войн. Скорее всего, — если соотнести прогноз с нашими оценками, сделанными выше, — именно так и произойдет. Иными словами, если прогнозировать военно-политические перспективы развития России на долгосрочный период после 2025 года, то сразу же возникает вопрос относительно того, какие «перспективы развития» могут быть после завершения почти неизбежной для России войны или серии войн 2021–2025 годов[18], к которым мы стремительно двигались после 2013 года, и о которых я неоднократно предупреждал в своих работах 2014–2015 годов[19]. Общий ход размышлений сводился к следующей модели развития России в будущем (рис. 11.1).

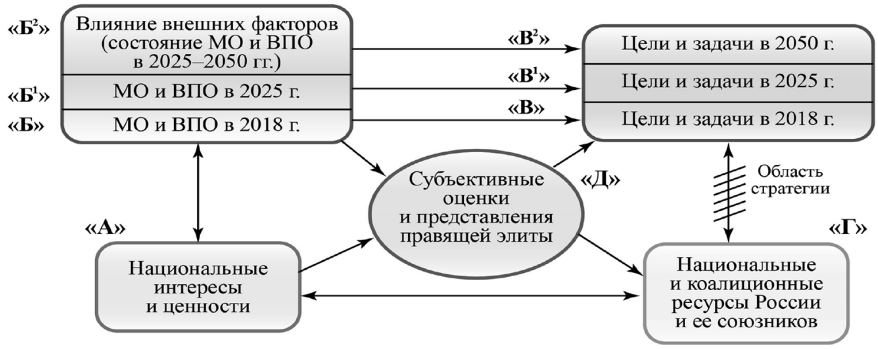


Рис. 11.1. Модель развития России на долгосрочную перспективу (2025–2050 годов)

Иными словами, в самом общем виде, сценарий развития России в период 2025–2050 годов будут зависеть:

1. От субъективной оценки национальных интересов России ее правящей в 2018, 2025 и 2050 годах, тех целей и задач, которые могут вытекать из характеристики национальных интересов (вектор «А»–«Д» и «Д»–«В» («$В^1$» и «$В^2$»);
2. Влияния МО и ВПО на цели и задачи политики России (вектор «Б»–«В» и «$Б^1$»–«$В^1$»; «$Б^2$»–«$В^2$»;
3. Объема и качества национальных и коалиционных ресурсов России (группа векторов «Г»);
4. Наконец, избранной политической и военной стратегией, средствами и способами ее реализации (вектор «Г»–«В»).

Напомню, что в свою очередь военно-политическая обстановка (ВПО) формируется под влиянием как уже известных многочисленных групп постоянных и переменных тенденций, факторов и парадигм, так и малоизвестных и совсем пока что не известных[20]. Их причудливое сочетание в долгосрочной перспективе не поддается строгому прогнозированию, а тем более планированию, однако, практическая потребность все-таки вынуждает к этому. Тем более на перспективу более 8–10 лет, как в нашем случае, когда принимается программа ГОЗ 2027 и планируются огромные средства для ее реализации. Иными словами, хотим мы этого или нет, умеем, либо нет, но прогнозировать развитие МО и ВПО (факторы «Б», «$Б^1$», «$Б^2$») нам все равно придется.

Поэтому для нас крайне важно попытаться спрогнозировать максимально точно будущее состояние международных отношений в военно-политической области, хотя будущую ВПО можно сравнить с обстановкой, которая появится на биллиардном столе, где одновременно бьют по шарам не двое, а сотни играющих. Причем не только один раз, но и через десятки «ходов» игроков, как в случае с прогнозом на 2025–2050 годы. Тем не менее это сделать придется, хотя, повторю, что через десятки «ходов» игроков, участвующих сотен и тысяч субъектов ВПО, ситуация может измениться радикально, иногда абсолютно не предсказуемо.

Однако сказанное выше отнюдь не означает, что для целей стратегического прогноза ВПО и развития России невозможность прогнозирования, их бессмысленность. На мой взгляд, наоборот, потребность таких прогнозов только возрастает. В особенности если это касается глобальных военно-политических последствий для развития России в долгосрочной перспективе.

Для этих целей можно использовать те или иные вполне обоснованные сценарии или логические модели развития ВПО или субъектов, в которых уже сегодня формируются некоторые долгосрочные тенденции и обоснованные предпосылки[21]. Так, например, на мой взгляд, в военно-политической области можно искать и анализировать перспективы развития следующих сценариев и их вариантов, в которых проявляются следующие тенденции:

— финансирования долгосрочных программ (особенно в области ВМС), ориентированных на десятилетия;
— тенденции технологического развития в тех или иных областях (например, робототехники, ИИ или БПЛА);
— тенденции в развитии политического и военного искусства, которые, на мой взгляд, представляют сегодня наибольший интерес для целей прогноза.

Взятые вместе, эти и многие другие тенденции могут подсказать общий вектор развития ВПО в мире и, соответственно, военно-политические последствия для России. В этой работе используется, например, самая общая модель развития сценариев МО и ВПО после 2025 года, которая продолжает логическое следствие развития ВПО в период с 2018 по 2025 год. Она имеет следующий общий вид: рис. 11.2.



Рис. 11.2. Логическая модель сценариев развития России и их вариантов на период 2025–2040 годов

Естественно, что такая абстрактная модель может быть построена только предположительно, в самом общем плане. В нашем случае, выделяется:

Во-первых, общее стратегическое направление №1, в котором доминируют старые, известные, парадигмы развития, продолжающие в той или иной степени прежние сценарии, хорошо нам известные до 2018 года и описанные во второй части работы. Напомню, что наиболее вероятными из них я выделил «Сценарий №2 («Инерционный») в нескольких его вариантах[22].

Так, в нашем случае мы можем говорить, например, об устойчиво набирающей тенденции роста напряженности и эскалации военно-силовой политики, которая объясняется долгосрочным и вполне объективным интересом западной коалиции сохранить исключительно благоприятную для них систему финансово-экономических и военно-политических отношений, ставших в результате однополярного мира «нормой» международных отношений.

Во-вторых, стратегическое направление №2, в сценариях которых после 2025 года будут доминировать уже новые парадигмы (экономиче-

ские, социальные, военные, технологические и пр.) развития. Эти парадигмы могут быть как уже известны в 2018 году, так и ожидаемы, предполагаемы или совсем неожиданными, о которых мы пока что не подозреваем.

С точки зрения вероятности реализации, представляется, что стратегическое направление №2 более перспективно. Через 7–8 лет ожидаются очень серьезные изменения в мире, которые неизбежно отразятся на МО и ВПО. Прежде всего, в технологической и социальной области, но их последствия (как это и бывает обычно, например, в ракетостроении или ядерной физике) быстрее всего найдут свое применение в области безопасности.

Но эти изменения — и в этом их главная проблема — и их последствия наиболее трудно прогнозируемы. В отличие от инерционного направления № 1. Когда те или иные последствия могут накапливаться годами. Однако и у первого, и второго направления есть общие черты, создающие в целом некую общую тенденцию развития. Результатом развития этой тенденции стали многочисленные конфликты и войны, которые в 2014–2018 годах существовали по всему миру, но особенно в Евразии, где и происходит основной «разлом» между ЛЧЦ и их коалициями. Причем эти войны уже не делятся только на «внутренние» и «внешние», но и на целый ряд других особенностей, среди которых основной является интернационализация любого военного конфликта, участия в нем других стран, прежде всего, представляющих западную военно-политическую коалицию.

И, приходится признать, что к началу 2018 года абсолютное большинство этих факторов и тенденций подтверждало прогноз 2014 года[23] о долгосрочной глобальной тенденции эскалации военно-политической напряженности в мире как в первом, так и во втором стратегическом направлении развития , делая войну (или, как минимум, серию крупномасштабных военных конфликтов) неизбежными.

В этих условиях было бы справедливо говорить о том, что после 2025 года Россия будет существовать (если сумеет противостоять внешней агрессии) и даже развиваться в условиях военно-силового противоборства или его завершения в результате военной победы одной из сторон[24]. При этом, естественно, важно понимать или, как минимум, представлять себе, возможные итоги такого военно-силового противоборства к 2025 году,

т.е. попытаться сделать долгосрочный прогноз военного конфликта. Очевидно, что бесполезно заниматься прогнозированием военно-политических последствий для России после 2025 года, не оценив результатов противоборства на предыдущем этапе[25]. Это, как по аналогии с оценкой военно-политических перспектив для СССР в 1930-е годы, строить планы развития (пятилетки), не проанализировав результатов Первой Мировой и Гражданской войн для Советской России.

Поэтому в качестве рабочей гипотезы и вполне обоснованной концепции, основанной на предыдущих разделах и работах, предлагается следующая модель развития России в условиях обострения ВПО в мире после 2025 года, который основан на сохранении в России инерционного сценария развития, существовавшего до 2018 года, несмотря на все попытки «прорыва в будущее», которое предпринимал В.В. Путин и часть правящей элиты страны. Этот вывод основывается на реальном состоянии социально-экономического положения России в 2018 году и на том, что все предыдущие попытки «рывка», к сожалению, окончились ничем — ни в начале XXI века, ни после 2008 года (рис. 11.3).

Основной вывод, который следует в 2018 году из долгосрочного прогноза развития ВПО и ситуации в России, следующий: если Россия хочет сохранить национальную идентичность и суверенитет, то ей придется неизбежно перейти уже в 2018–2019 годах к мобилизационной и инновационной модели развития. Подобный, единственно возможный, по сути



Рис. 11.3. Модель инерционного развития России в условиях эскалации сценария военно-политического противоборства после 2025 года

дела сценарий её развития еще до 2025 года будет реализовываться фактически в условиях постоянного военно-силового противоборства с коалицией западной ЛЧЦ, т.е. крайне неблагоприятных внешних условиях.

Причем этот мобилизационный сценарий охватывает все области, а не только те, которые связаны с военной безопасностью. Так, например, за последние 30 лет из России, по оценке С. Глазьева, вывезли более 1 трлн долл.[26], что означает финансовое обескровливание страны, причем мы даже не знаем куда, кто и зачем вывез эти огромные деньги, сопоставимые с тремя годовыми бюджетами. Вполне возможно, что они сегодня работают против России. Если ситуацию не исправить до 2025 года, то после она уже может оказаться не исправимой.

Сказанное означает, что основные военно-политические условия для развития России после 2025 года можно представить в следующем виде, как две доминирующие тенденции:

Во-первых, как нарастающее военно-политическое противоборство, прежде всего российской и западной ЛЧЦ[27], переходящее в прямые военные действия практически во всех регионах планеты, которое создает устойчивую и не преодолимую негативную общую динамику развития МО и ВПО. Она характеризуется большим количеством военных конфликтов в мире и стремлением США расширить искусственно их спектр и интенсивность, стимулируя создание и развитие во всех регионах системы «управляемого хаоса»[28]. Иными словами, маловероятно, что после 2025 года внешние условия для России будут лучше, чем в 2018 году, скорее — хуже.

Я исхожу из того, что при перераспределении экономической, политической и военной мощи между ЛЧЦ и центрами силы не в пользу Запада, последний в возрастающей степени становится заинтересованным в «размывании» мощи этих новых центров силы, как минимум, препятствуя их консолидации. Сохранение «норм» и «правил» западной ЛЧЦ будет выступать в качестве политического и правового обоснования политики США по стимулированию дестабилизации в мире. Так, США не будут заинтересованы в стабильности внутри таких новых центров силы, как Китай, Индия, Пакистан, Индонезия, Бразилия и другие быстро развивающиеся страны, но, прежде всего, приоритетами их политики провоцирования военных конфликтов станут те страны,

которые попытаются «ревизировать» (как следует из Стратегии национальной безопасности США и их военной стратегии, утвержденных Д. Трампом в декабре 2017 и январе 2018 годов)[29] существующую проамериканскую военно-политическую систему в мире:

— Россия и постсоветское пространство, в особенности нарождающийся цент силы в виде Евразийского союза, ОДКБ или ШОСа;
— Китая и его доктрины консолидации прокитайских сил «Шёлковый пути»;
— Ирана и его амбиций создания центра исламского притяжения в Евразии;
— КНДР, Вьетнама и других государств, способных стать антиамериканской альтернативой политики США в ЮВА.

Для реализации этих планов у США вполне достаточно уже существующих очагов напряженности, однако, как показывает опыт Сирии, при необходимости они могут достаточно быстро организовать «внутренний» конфликт в любом регионе мира или даже отдельной части конкретного государства, как, например, в Йемене.

Обилие реальных и потенциальных конфликтов в XXI веке, как ожидается, будет не сокращаться, а увеличиваться. Чем меньше «доля власти» США в мировом управлении, тем больше должно быть конфликтов и проблем за пределами США. И не только в других ЛЧЦ, но и в самой западной ЛЧЦ, где США, например, могут быть заинтересованы в дестабилизации даже таких своих союзников как Саудовская Аравия, Пакистан или страны Западной Европы. В любом случае территория планеты рассматривается в США как «поле дестабилизации». Тем более, что реальность вполне совпадает с такими стратегическими планами сохранения мирового контроля США. Как видно на рисунке ниже, условий для их реализации вполне достаточно. В этом смысле имеющихся более 50 конфликтов вполне достаточно, но, если будет необходимо, то США быстро подготовят почву для новых. В качестве основы для них могут быть любые поводы или реальные проблемы в следующих областях:

— национальной;
— религиозно-конфессиональной;
— социальной.

В свою очередь эти области могут легко быть разделены по иным признакам, отражающим местную или региональную специфику, которую с помощью различных информационных и социальных технологий можно в короткие сроки трансформировать в кризис и военный конфликт. Поэтому число имеющихся военных конфликтов — «горящих» и «разгорающихся», — которых эксперты клуба «Валдай насчитали в 2017 году 57, может быть быстро увеличено в зависимости от потребностей политики США или их союзников. Классический пример — Украина, где значительную часть населения в течение короткого периода времени превратили в русофобов, готовых бороться и даже воевать со свои соседом, который этнически, исторически и культурно абсолютно идентичен.

Поэтому традиционный подход, фиксирующий наличие вооруженных конфликтов де-факто, используемый экспертами клуба «Валдай», не вполне информационен. На мой взгляд, было бы более перспективно выделить те страны и регионы, где потенциальные интересы США будут вести политику к формированию искусственных «зон конфликтов», превращаемых в вооруженные конфликты и войны. В частности, речь может идти о таких странах, как:

— Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан в Средней Азии;
— пограничных районах Индии и Вьетнама с КНР, а также потенциальных спорных территориях в Ю-В Азии, где оппонентами Китая могут выступить Япония, Филиппины, Вьетнам, Индонезия, Республика Корея, Сингапур и др. страны;
— Украина, страны Прибалтики и Молдавия;
— наконец, можно прогнозировать, что будут приложены определенные усилия США для развития кампания антироссийской истерии в европейских государствах с тем, чтобы минимизировать возможное сотрудничество с Россией в Европе. В этом смысле будет в полном объеме использован потенциал средств политики «новой публичной дипломатии США», которая стала внешнеполитическая доктрина после прихода к власти президента Б. Обамы на второй срок[30].

Эти и другие регионы — потенциальные очаги военных конфликтов, которые могут стать реальными еще до 2025 года. Их долгосрочный прогноз должен входить в прогноз развития МО и ВПО после 2025 года и прогноз развития военной политики России и ГОЗ.

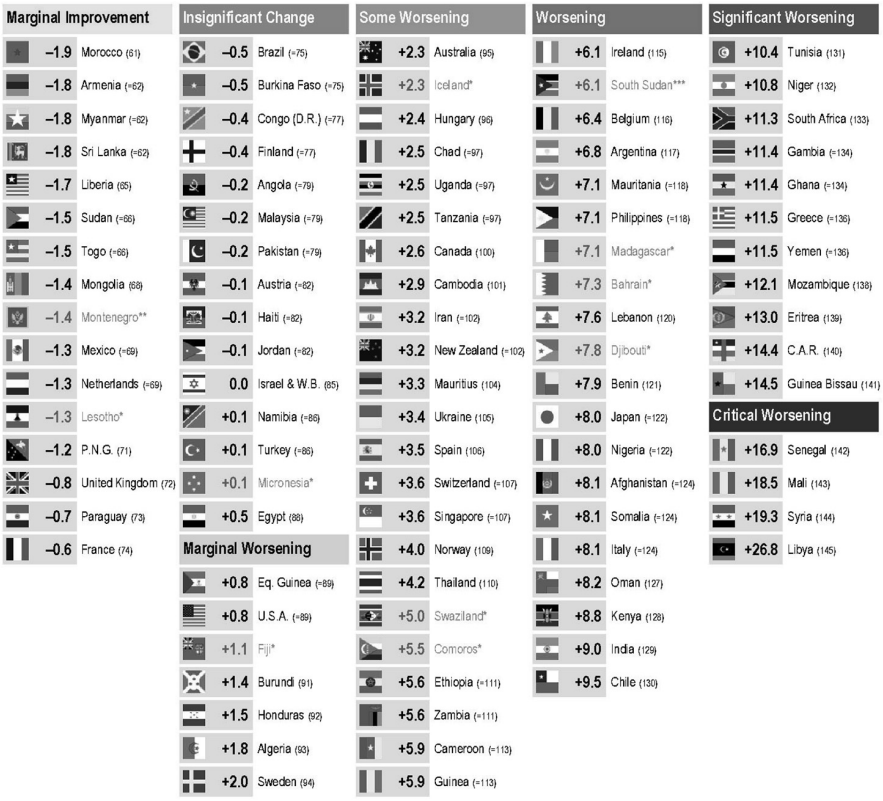


Рис. 11.4[31]. Прогноз стабильности государств

В области стратегического сдерживания на период до 2030 годов и до 2050 года

Системы раннего предупреждения конфликтов

Системы раннего предупреждения — не новые механизмы. Они существуют с 1950-х годов. За это время разработаны разные методологические подходы для работы по различным вопросам. Современные СРП уходят корнями в два направления деятельности: во-первых, военно-стратегическая разведка, позволяющая предсказать атаку; во-вторых, прогнозирование таких гуманитарных и природных катастроф, как засуха или голод. Примером этого может служить Система гуманитарного раннего предупреждения ООН. В настоящей статье внимание будет сосредоточено на втором из этих направлений в его широком смысле, включая анализ этнополитического конфликта (см. табл. 11.3).

Таблица 11.3. Список сокращений в СРП[32]

AKUF	Рабочее объединение по изучению причин войн (Arbeitsgemeinschaft Kriegsursachenforschung)
BCOW	Поведенческие составляющие войны (Behavioural Correlates of War)
CASCON	Компьютеризированная система анализа конфликтов (Computer Aided System for Analysis of Conflicts)
CEWS	Система раннего предупреждения конфликтов (Conflict Early Warning System)
CEWP	Проект по раннему предупреждению конфликтов (Conflict Early Warning Project)
CHE	Комплексные гуманитарные чрезвычайные ситуации (Complex Humanitarian Emergencies)
COPDAB	Банк данных по конфликтам и миру (Conflict and Peace Data Bank)
EAWARN	Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (Network for Ethnological Monitoring and Early Warning)
EEWS	Система раннего предупреждения по электронной почте (E-mail Early Warning System)
EWNET	Сеть раннего предупреждения (Early Warning Network)
EWS	Система раннего предупреждения (Early Warning System)
FAST	Раннее установление напряженности и поиск фактов (Fruhanalyse von Spannungen und Tatsachenermittlung)
FEWER	Форум по раннему предупреждению и раннему реагированию (Forum on Early Warning and Early Response)
FEWS	Система раннего предупреждения голода (Famine Early Warning System)
FUGI	Модель «Будущее всеобщей взаимозависимости» (Future of Global Interdependence)
GEDS	Система данных по событиям в мире (Global Event Data System)
GIEWS	Система раннего предупреждения по данным со всего мира (Global Information Early Warning System)
HEWS	Система гуманитарного раннего предупреждения ООН (United Nations Humanitarian Early Warning System)
HURIDOCS	Система информации и документации по правам человека (Human Rights Information and Documentation System)
ICB	Проект «Поведение в периоды кризиса в мире» (International Crisis Behaviour)
ICG	Международная группа по предотвращению кризисов (International Crisis Group)
ICOW	Тематические составляющие войны (Issue Correlates of War)

IDEA	Интегрированные данные для анализа событий (Integrated Data for Event Analysis)
KEDS	Канзасская система данных по событиям (Kansas Event Data System)
KOSIMO	Модель имитации конфликта (Konflikt-Simulations-Modell)
LIVA	Анализ нарушений неприкосновенности жизни (Life Integrity Violations Analysis)
MAR	Меньшинства в опасности (Minorities at Risk)
PANDA	Протокол анализа прямых ненасильственных действий (Protocol for the Analysis of Nonviolent Direct Action)
PCIA	Оценка воздействия на мир и конфликт (Peace and Conflict Impact Assessment)
QnEWS	Количественные системы раннего предупреждения (Quantitative Early Warning System)
SIPRI	Стокгольмский международный институт по исследованию мира (Stockholm International Peace Research Institute)
TABARI	Текстовой анализ посредством расширенных инструкций по замещению (Textual Analysis by Augmented Replacement Instruction)
TWEED	Проект «Терроризм в Западной Европе: данные по событиям» (Terrorism in West Europe: Event Data Project)
UNDHA	Департамент ООН по гуманитарным вопросам (United Nations Department of Humanitarian Affairs)
USAID	Агентство США по международному развитию (United States Agency for International Development)
WEIS	Исследование взаимодействия между событиями в мире (набор данных по событиям) (World Events Interaction Survey (event data set))

В настоящее время существует значительное число СРП, которые занимаются анализом и прогнозированием в разных сферах, включая угрозу геноцида или терроризма, положение меньшинств, комплексные гуманитарные чрезвычайные ситуации и нарушение прав человека (см. табл. 11.4).

Термин «раннее предупреждение» часто обозначает такие виды деятельности, которые, строго говоря, и не посвящены собственно раннему предупреждению. Этот термин может включать анализ и мониторинг конфликтов, анализ данных, оценку риска и защиту интересов групп. Некоторые системы работают только в одном секторе (например, «Рабочая группа по причинам войны» занимается анализом кон-

Таблица 11.4. Раннее предупреждение — о чем?[33]

Проблема	Проект / организация / орган
Беженцы, взаимозависимость, развитие, нарушения прав человека	Будущее всеобщей взаимозависимости (FUGI)
	Международная Амнистия (Amnesty International)
	Хьюман Райтс Вотч (Human Rights Watch)
	Междисциплинарная исследовательская программа по первопричинам нарушений прав человека (PIOOM)
Этнополитические конфликты	Раннее выявление напряженности и поиск фактов (FAST)
	Форум по раннему предупреждению и раннему реагированию (FEWER)
	Международная группа по предотвращению кризисов (ICG)
Геноцид и политицид	Катализаторы геноцида
	Проект по геноциду и политициду
	Анализ нарушений неприкосновенности жизни
Вооруженный конфликт, военные расходы, производство вооружения	Система данных по событиям в мире
	Проект по недееспособности государств
Голод и запасы продовольствия	Система раннего предупреждения голода (FEWS)
	Система раннего предупреждения по данным со всего мира (GIEWS)
Успех или неудача попыток предотвратить насильственный межгрупповой конфликт	Система раннего предупреждения конфликтов (CEWS)
Военизированные споры	Корреляты войны
Углубление кризиса и эффективность попыток его урегулировать	Поведение во время кризисов в мире
Телекоммуникации и их связь с конфликтом	Леландская инициатива: Африканский телеметрический проект
Меньшинства	Меньшинства в опасности (MAR)
Прямое политическое действие	Протокол анализа прямых ненасильственных действий (PANDA)
Комплексные гуманитарные чрезвычайные ситуации	РелифВеб (Департамент ООН по гуманитарным вопросам) (UNDHA)
Терроризм	Проект «Терроризм в Западной Европе: данные о событиях» (TWEEO)

Таблица 11.5. Секторы раннего предупреждения[34]

Мониторинг / анализ конфликтов	Анализ данных модели	Оценка риска / раннее предупреждение	Лоббирование	Сетевое взаимодействие
Рабочее объединение по изучению причин войн (AKUF)	Канзасская система данных по событиям (KEDS)	Меньшинства в опасности (MAR)	Международная группа по предотвращению кризисов (ICG)	Форум по раннему предупреждению и раннему реагированию (FEWER)
Модель имитации конфликта (KOSIMO)	Протокол анализа прямых ненасильственных действий (PANDA)	Раннее выявление напряженности и поиск фактов (FAST)	Хьюман Райтс Вотч	Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN)
Стокгольмский международный институт по исследованию мира (SIPRI)	Катализаторы геноцида	Агентство США по международному развитию (USAID)		Система информации и документации по правам человека (HURIDOCS)
Тематические составляющие войны (ICOW)	Исследование взаимодействия между событиями в мире (WEIS)	Система раннего предупреждения голода (FEWS)		Система гуманитарного раннего предупреждения ООН (HEWS)
UPSALLA	Проект по недееспособности государств	Система раннего предупреждения по данным со всего мира (GIEWS)		Сеть раннего предупреждения (EWNET)
Междисциплинарная исследовательская программа по первопричинам нарушений прав человека (PIOOM)	Проект по катализаторам	Система раннего предупреждения по электронной почте (EEWS)		Межгазетная служба наблюдения за конфликтами
Международная группа по предотвращению кризисов (ICG)	Система данных по событиям в мире (GEDS)	Модель «Будущее всеобщей взаимозависимости» (FUGI)		
Хьюман Райтс Вотч	Канзасская система данных по событиям (KEDS)	Международная группа по предотвращению кризисов (ICG)		
	Протокол анализа прямых ненасильственных действий (PANDA)			

фликтов), другие же охватывают несколько секторов (например, проект «Раннее выявление напряженности и поиск фактов» (FAST) занимается анализом и мониторингом конфликтов, анализом данных, оценкой риска и защитой интересов).

Таблица предлагает упрощенную картину основных тем, которые рассматриваются системами раннего предупреждения. Их можно разделить на четыре методологические категории: а) количественные, б) качественные, в) сочетающие количественную и качественную методологию, г) сети (см. табл. 11.5, в которой приводятся методологии раннего предупреждения).

Качественное раннее предупреждение

Системы качественного раннего предупреждения ассоциируются с группой организаций-»наблюдателей» (Adelman, 1996. P. 47), таких как, Human Rights watch, Международная Амнистия и Международная группа по предотвращению кризисов. Эта группа осуществляет мониторинговые и исследовательские проекты силами местных аналитиков и специальных представителей в регионе. Их рекомендации ложатся в основу стратегии лоббирования основных лиц, принимающих решение, и политиков.

Пример 1: Международная группа по предотвращению кризисов (МГПК)

Сильной стороной МГПК является ее внутренняя структура, формой напоминающая песочные часы, где верхний конус формируют влиятельные лица самого высокого уровня, а нижний — аналитики, которые на протяжении длительного срока работают в целевых регионах МГПК, в числе которых — Центральная Азия, Африка, Южная Америка (в частности, Колумбия) и Балканский полуостров. На основе анализа самых последних данных с мест они разрабатывают доклады о развитии ситуации и направляют их в головные офисы организации в Брюсселе, Париже и Вашингтоне. Там эти доклады обрабатываются и рассылаются 40 членам Совета директоров, в числе которых такие влиятельные лица, как бывшие премьер-министры, министры иностранных дел и советники из разных стран. Затем они лоббируют эти рекомендации среди ключевых политических деятелей. Доклады предлагают конкретные рекомендации по каждой из ситуаций, а так-

же возможные сценарии развития событий, учитывая их последствия, а не абстрактные призывы что-то сделать. МГПК представляет собой одну из немногих организаций, которая путем передачи информации с мест влиятельным лидерам высшего уровня преодолевает разрыв между микро- и макроуровнями. Она служит трибуной для местных акторов, позволяя им не только высказаться, но и быть услышанными. Работу с высокопоставленными должностными лицами дополняют встречи по обсуждению политических стратегий в головных и региональных офисах организации, часто с участием самих аналитиков. Чтобы максимально распространить свои материалы, МГПР активно сотрудничает со СМИ; сами СМИ нередко становятся предметом исследования МГПР, если они своей необъективностью рискуют усугубить ситуацию. Таким образом, МГПК представляет собой систему, которая может успешно ликвидировать разрыв между ранним предупреждением и ранним реагированием[35].

---

1 *Путин В. В.* Официальный текст послания президента России Федеральному Собранию РФ. 1 марта 2018 г.

2 *Малявин В. В.* Синергия и грядущее евразийское содружество / Фокус, 2017. Апрель. — С. 21.

3 Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А. С. Батанов, А. И. Подберёзкин, В. И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005.

4 См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

5 *Хрусталёв М.* А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: «Аспект Пресс», 2015. — С. 68.

6 Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А. С. Батанов, А. И. Подберёзкин, В. И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005.

7 *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 365–378.

8 См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

9 *Халдей А.* Почему Путин не слушает советников / Эл. ресурс: «РЕХ». 11.01.2018 / www.rex.ru

10 Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития

России / А.С. Батанов, А.И. Подберёзкин, В.И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005 г.

[11] *Подберёзкин А.И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[12] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А.С. Батанов, А.И. Подберёзкин, В.И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005.

[13] *Андрианов В.Д.* Эл. ресурс: «ВИПЕРСОН», 2017. 11 августа.

[14] Там же.

[15] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А.С. Батанов, А.И. Подберёзкин, В.И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005.

[16] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[17] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — Т. 1. — 796 с.

[18] *Подберёзкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[19] См., например: *Подберёзкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

[20] Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 874 с.

[21] *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №4 (55). — С. 223–224.

[22] См. подробнее: *Подберёзкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[23] *Подберёзкин А.И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[24] *Подберёзкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 251–279.

[25] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[26] Глазьев озвучил сумму денег, вывезенную за 30 лет // Независимая газета, 29.01.2018.

[27] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2017. — С. 49–60.

[28] *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[29] Summary of 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 2018, January 18.

[30] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[31] Fragile States Index 2015 / http://fundforpeace.org/fsi/wp-content/uploads/2017/05/Fragile-States-Index-Annual-Report–2015-ver-9.pdf

[32] *Остин А.* Раннее предупреждение и мониторинг конфликтов / https://www.berghof-foundation.org/fileadmin/redaktion/Publications/Handbook/Articles/russian_austin_handbook.pdf. — P. 133.

[33] Там же. P. 135.

[34] Там же. P. 137.

[35] Там же. P. 138.

Глава 12
Варианты мобилизационного сценария и их последствия для стратегического сдерживания

Существует теоретическая потребность в том, чтобы попытаться выделить и рассмотреть из всего мобилизационного сценария его отдельные варианты. Опыт показывает, что, как правило, в рамках одного сценария и его границ могут развиваться отдельные его варианты, иногда сменяя друг друга, а иногда и взаимодополняя. Поэтому вычленение таких вариантов позволяет нередко конкретнее рассмотреть особенности каждого из них, что имеет значение для отдельных последствий, например, развития политики стратегического сдерживания.

В рамках существующего мобилизационного сценария предлагается рассмотреть три его варианта, которые сегодня отчётливо просматриваются после 2018 года, их отдельные черты видны уже сейчас, в первой половине года, но многое будет зависеть как от прогноза и плана, сделанного правительством в соответствии с указом Президента РФ от 7 мая, так и от практики реализации намеченной установки в послании президента 1 марта 2018 года и его майском указе.

Как уже говорилось, в рамках одного сценария, в данном случае «мобилизационного», не ожидается существенных, принципиальных различий для политики стратегического сдерживания России, однако и в этих рамках могут присутствовать существенные детали, имеющие значение для военной политики и безопасности России. На мой взгляд,

можно выделить три таких варианта уже сегодня (что не исключает появления четвёртого, пятого и т.д.):

— Вариант №1 («Импортозамещение»), развивающийся последние годы, как наиболее осторожный вариант эволюции стагнационного сценария в мобилизационный сценарий развития России с 2014 года.
— Вариант №2 («Изоляционизм»), как вариант, который может развиваться вынужденно, в результате блокады, либо в результате осознанного решения, направленного на максимально быстрое развитие внутреннего рынка.
— Вариант №3 («Оптимизация»), как наиболее гибкий, «политический» вариант маневрирования между неблагоприятными факторами МО–ВПО и российскими реалиями. Этот вариант изначально предполагает стратегию маневрирования России в крайне неблагоприятных внешних условиях, но — в случае развития некоторых благополучных внешних факторов (скачков цен на нефть, разлада в западной коалиции и т.п.) — может быть вариантом сочетания мобилизационности и участия в глобализации.

12.1. Вариант №1 («Импортозамещение») мобилизационного сценария и стратегическая стабильность

> В настоящее время на земле сосуществуют несколько крупных цивилизаций, имеющих целый ряд принципиальных различий во взглядах на цели и основные ценности развития человечества[1]
>
> *А. Орлов, эксперт*

Изначально важно оговориться, что действительный мобилизационный сценарий в его варианте «импортозамещения» не имеет ничего общего с фактически провалившимся сценарием пропагандировавшегося курса на импортозамещение в условиях внешнего давления 2014–2017 годов. Главная задача варианта №1 «Сценария №3»

(«Импортозамещение»), декларируемая в настоящее время, заключается в минимизации внешних рисков давления или силового принуждения в условиях резкого обострения МО и ВПО во втором десятилетии XXI века. Количество, опасность и актуальность этих рисков возросли до степени прямой и острой угрозы национальной безопасности России уже в 2014 году[2].

Однако парадигма «импортозамещения», к который были вынуждены обратиться, не предполагала, что в конечном счете она превратиться в парадигму «опоры на собственные силы» в результате не только финансово-экономических ограничений, но и политики попыток прямой изоляции России.

Нынешняя тяжелая ситуация требует мобилизации, смены экономического курса, форсированного развития ряда отраслей обрабатывающей промышленности, опоры на отечественного производителя и внутренний рынок. Нет худа без добра — многие товары в условиях санкций и падения курса рубля сейчас оказывается дешевле производить в России, чем закупать в Китае.

Ситуация санкций, на быструю отмену которых трудно надеяться, предполагает усиление плановых начал в экономике, сильную и точную государственную промышленную политику. Вполне возможно, что воссоздание таких структур как Госплан, Государственный комитет по науке и технике (ГКНТ), координирующий проведение всех науч-

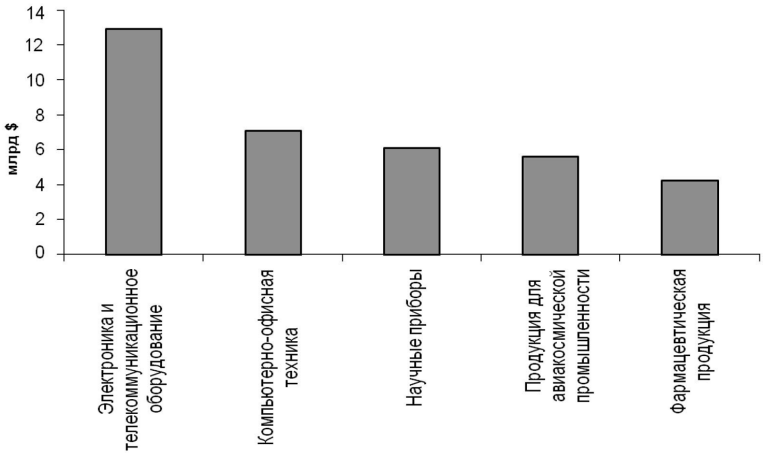


Рис. 12.1[3]. Зависимость от импортных закупок

но-исследовательских и опытно-конструкторских разработок в стране и внедрение их результатов, Госснаб и Госкомцен, оправдано в нынешней критической ситуации.

Перед Россией стоит трудный выбор: либо попытаться создать собственную, независимую экономику, прежде всего промышленность, либо согласиться на внешние условия участия в процессе глобализации производственной деятельности, диктуемые Западом[4].

И первый, и второй выбор означают огромны риски, которые могут привести к окончательной деиндустриализации и экономической зависимости России. В первом случае из-за рисков, связанных с трудностями создания эффективных научно-технических направлений по всем основным азимутам НТП.

Во втором случае — попадание в окончательную внешнюю зависимость от стран, обладающих передовыми технологиями и промышленной базой.

Но тенденция «размножения» рисков имеет под собой и объективную основу, вытекающую из развития глобальных тенденций, роста взаимосвязей и взаимозависимостей между субъектами и акторами мировой политики даже в тех областях, где они прежде вообще не наблюдались.

Фактически существующий сегодня очень ограниченно в ряде областей российской экономики вариант развития сценария «импортозамещения» после 2014 года, который:

— во–первых, является вынужденным, а, значит, ожидаемо временным, когда руководители КБ и НИИ, а также заводов полагают, что «временные трудности» не станут постоянными атрибутами развития, что так или иначе им удастся переждать это время. Соответственно развивать фундаментальную науку, НИР и НИОКР предполагается в ограниченных масштабах, сконцентрировавшись на модернизации. Собственно практика военного строительства в современной России свидетельствует именно о таком подходе не только к модернизации СНВ, но и всех других систем и видов ВВСТ — от бронетанковой техники (образцы которой создавались еще при СССР), до авиации (очередная модернизация ТУ-190 — пример подхода);
— во–вторых, современная политика импортозамещения охватывает только несколько отраслей, оставляя в стороне целые области про-

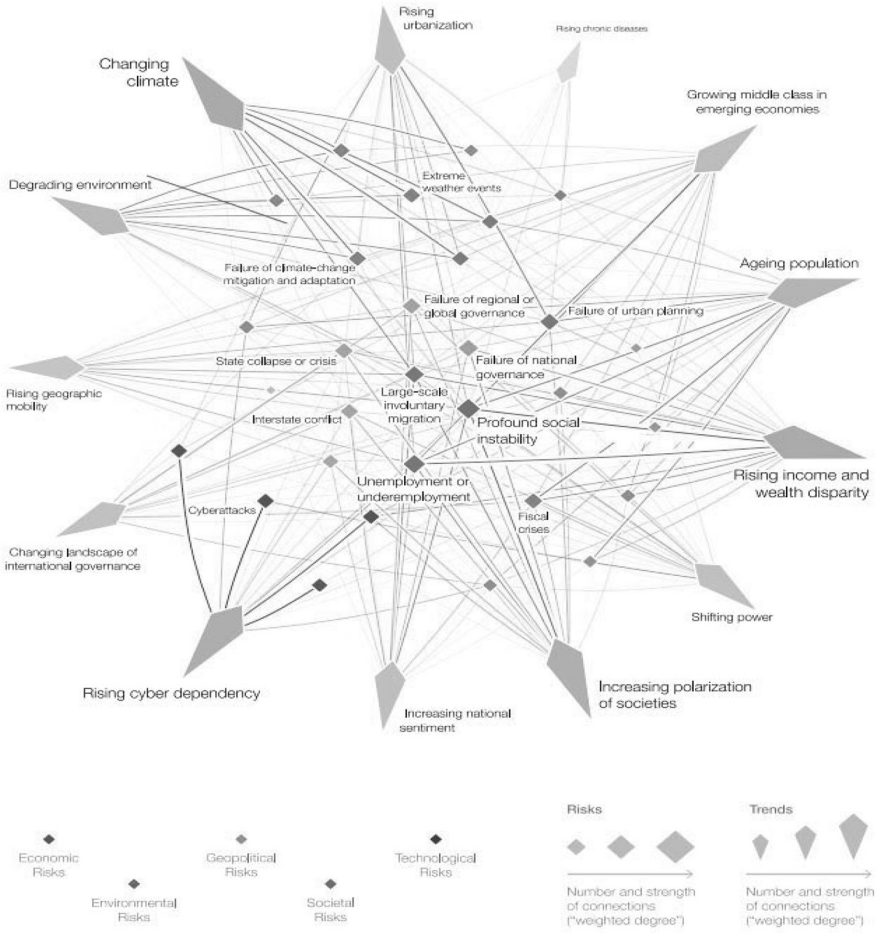


Рис. 12.2[5]. Карта взаимосвязей различных рисков

мышленности и особенно приборостроения. Между тем, независимую экономику придется создавать не в отдельных секторах, а по всему спектру, как минимум, — важнейшим направлениям;

— в–третьих, политика импортозамещения не является стратегическим долгосрочным проектом, что ограничивает инвестиции и участие российских финансистов и промышленников, для которых «горизонт такой политики» ограничен в лучшем случае 2–3 годами. Тратить ресурсы и время на создание собственных областей, которые возможно дадут отдачу только через десятилетие, означает не оправданный экономический и коммерческий риск.

Другими словами это современный реализуемый в некоторых областях экономики и общественной жизни (ПВО–ПРО, сельского хозяйства и пр.) России вариант «Инновационного» сценария на временной основе. Его главная слабость — отсутствие последовательного системного подхода, который распространялся бы на все области экономики, вынужденность, временность, что лишает инвесторов и бизнес уверенности в сохранении этого курса на долгосрочную перспективу.

Строго говоря, вариант импортозамещения не может являться вариантом развития. Это вариант исправления перекосов и недостатков в развитии, допущенных прежде, когда объем импорта по тем или иным позициям, особенно критически важным для безопасности страны) превышает разумные пределы. Так, например, было и остается во многом в приборостроении, медикаментах и даже сельском хозяйстве России[6].

Вместе с тем у этого варианта есть и некоторые немаловажные положительные черты, которые проявились в России в последние годы, прежде всего, связанные с необходимостью самостоятельного научного и технологического решения новых задач. Это, безусловно, положительно повлияло га развитие творческого потенциала нации, науку, технологию качество НЧК в России.

Отдельно можно говорить о разновидности этого варианта «по-Трампу» — политике протекционизма. Как отмечает бывший председатель ЦБ России, Сергей Дубинин, «Президент Трамп именно экономические проблемы поставил во главе всей своей политической риторики. Трамп пытается компенсировать низкую производительность труда во многих секторах промышленности политикой протекционизма: «Мы должны защитить наши границы от взлома другими странами, которые вместо нас изготовляют нашу продукцию, похищают наши компании и уничтожают наши рабочие места. Протекционизм приведет нас к огромному процветанию и усилению». Он предлагает решить сложные проблемы развития самыми простыми способами: установить заградительную таможенную пошлину в 45% на пути импорта в США китайских товаров и пошлину в 35% против мексиканских товаров. Введение подобных мер может разрушить весь современный экономический порядок, если другие страны их также применят.

В период между двумя мировыми войнами именно возникновение закрытых таможенных союзов и валютных зон толкало мировую экономику к погружению все глубже в Великую депрессию. Только через долгие 10 лет и только с началом войны экономика США перешла к росту. Поскольку современный мир развивается скорее по модели С. Хантингтона, чем Ф. Фукуямы, когда «столкновение цивилизаций» разворачивается на наших глазах, исключать вероятность наихудшего сценария невозможно. Но Трамп намерен начать переговоры со всеми торговыми партнерами на двусторонней основе. Его угрозы являются попыткой занять выгодную для США позицию и вести переговоры с позиции силы в международной торговле. Он сам писал когда-то, что договоры бывают крепкими только в том случае, если обе стороны находят в них что-то для себя выгодное. Так что торг здесь более чем уместен. Помимо одного азартного игрока, пусть даже президента великой державы, в США и других странах Запада существует система выработки и принятия важных решений в ходе их публичного обсуждения. «Пирожки и пышки, синяки и шишки» для экономики будут точно определены и взвешены».

12.2. Вариант №2 («Изоляционизм») и стратегическая стабильность

> … очень многие явления жизни общества, внедряемые модели развития и т.д. можно рассматривать как действия, оказывающие свое влияние на процесс цивилизационного развития … тем, что впоследствии назовут цивилизационным выбором[7]
>
> *С. Белов, философ*

Изоляционизм, как политика, не такое, уж, редкое явление. И далеко не всегда вредное, если в качестве приоритета рассматривать сохранение национальной идентичности, суверенитета и образа жизни, а не темпы социально-экономического развития. В условиях изоляционизма фактически существовал СССР долгие годы, выживали Куба, КНДР, Иран и другие страны. Более того, в политике изоляционизма достаточно успешно развивались США в 30-е годы XX века.

Этот вариант фактически неизбежен в том или ином виде и для России по мере усиления санкций. Выход из него при помощи развития сотрудничества с другими странами возможен только отчасти, но речь идет не о «долях» в торговом балансе, а о самом подходе к сотрудничеству с Западом, которому надо заявить о решительном свертывании всех «сомнительных» для России связей в ответ на санкционную политику и переход нашей страны к мобилизационному сценарию развития, предполагающему концентрации на развитии внутренних ресурсов. И не только переработки сырья и развития внутреннего рынка, но и развитии собственной цивилизации и потенциала человеческой личности[8].

Иными словами, этот вариант мобилизационного сценария делает акцент на развитии российской локальной человеческой цивилизации, вокруг которой концентрируются те субъекты, силы и акторы, которые признают её для себя самой приоритетной.

Это вариант мобилизационного сценария предполагает, на мой взгляд, две разновидности политики изоляционизма:

Во-первых, добровольное решение о мерах по таможенной и иной защите своих рынков в условиях санкций и ограничений, включая возможный выход из ВТО. Предполагает максимальную консолидацию внутренних ресурсов и ограничение внешнего доступа на внутренние рынки, т.е. фактически переход к государственному регулированию в условиях рыночной экономики при сохранении контроля над рынками.

Этот вариант «Сценария №3» не представляется таким уж, невероятным. В определенном контексте он может рассматриваться как вариант «а-ля Трамп» для России. Действительно, если США будут манипулировать таможенным регулированием, то что может мешать России делать то же самое?

Этот вариант по сути представляет собой административно-силовое управление экономикой в условиях, когда нарастает процесс глобализации, что делает его изначально нереалистичным. Примеры стран, которые проводили вынужденную политику изоляционизма — Куба, Иран, КНДР — продемонстрировали её отрицательные стороны для развития. Изоляционизм в качестве политики возможен только в условиях вынужденного выживания государства на какое-то время и вряд ли может быть добровольным выбором.

Однако в условиях чрезвычайного положения, а тем более фактической войны, вариант которой к 2025 году становится уже не просто реальным, но даже неизбежным, подобный изоляционизм может быть вполне разумной и адекватной реакций.

В любом случае необходимо рассматривать возможность проведения такой политики как один из вариантов поведения в условиях перехода западной ЛЧЦ к открытым военным действиям, за которыми последует неизбежная блокада и изоляция России.

Во-вторых, изоляционизм может быть навязан извне, когда санкции превращаются в глобальную политику западной коалиции по отношению к России, а угрозы военных действий, карантина и блокады становятся вполне реальными. Принятый в августе Конгрессом США закон против России, Ирана и КНДР, фактически загоняет Россию в угол от развития глобализации, лишает её этих преимуществ, но и освобождает её от обязательств и недостатков этого процесса.

С точки зрения развития «Сценария №2» МО и ВПО такая изоляция России выглядит не просто реально, но и закономерно. Уже к 2017 году западная коалиция реализовывала эту политику системно во многих областях одновременно — от политико-дипломатической изоляции и попыток разрушения международных связей до спортивных, культурных и прочих гуманитарных обменов, не говоря уже о торгово-экономических санкциях.

12.3. Вариант №3: («Оптимизация») и стратегическая стабильность

Проходящий в мире процесс глобализации объективно расширяет возможности самоорганизации массы и её политическую активность[9]

М. Хрусталёв, политолог

Процесс глобализации очень облегчает Западу и задачу влияния, фактического управления правящими элитами других государств, что и является главным направлением в стратегии «силового принуждения» западной ЛЧЦ[10]. Это же означает, что выбор сценария изоляционизма

в развитии России в значительной степени ослабляет эти возможности, т.е. правящая элита страны выходит из-под внешнего контроля. Так, по оценке «Форбс» абсолютное большинство представителей правящей элиты России выводили свои деньги и другие активы за рубеж, что означает их контроль со стороны финансовой разведки США, которая в свое время за 40 часов заморозила все активы Кадаффи, составлявшие в то время 30 млрд долл. США.

Представляется, что только ради «национализации элиты» стоит пойти на политику изоляционизма в России, которая предполагает постепенное развитие «Варианта №1» («Импортозамещение») и его превращение в эффективную мобилизационную модель рыночной экономики в условиях глобализации, с одной стороны, и фактической войны с западной коалицией, с другой. Это вариант вполне совместим с возвратом по отдельным направлениям экономического и социального развития к рыночным методам управления и широкого привлечения частного бизнеса и общественных институтов. Его цель — максимальная консолидация всех ресурсов — государства, общества, бизнеса — для отражения внешней агрессии в условиях отсутствия внешней поддержки и ведения военно-силового противодействия[11].

В Стратегии национальной безопасности России блок проблем безопасности непосредственно связан с блоком проблем социально-экономического развития. Они влияют друг на друга также радикально как и конкретные внешние и внутренние условия развития страны. Это — достаточно универсальное правило[12]. Так, в ходе президентских выборов Д. Трамп публично сказал о том, что «Экономические и социальные успехи США прямо зависят от уровня их национальной безопасности», подчеркнув тем самым, что американское материальное мировое лидерство основано на военной силе. Позже, придя к власти, он подтвердил эти заявления конкретными намерениями по увеличение военного могущества и расходов страны на военные цели.

Современные внешние условия создают непосредственные угрозы России, которая вынуждена реагировать на них увеличением оборонных усилий. Естественно, что это не может не сказаться на темпах социально-экономического развития России. По итогам 2016 года Россия на 5,9% увеличила свои расходы на военные нужды, доведя их до 69,2 млрд долл.

Это позволило стране войти в тройку мировых лидеров по объемам затрат на оборону, потеснив на четвертое место Саудовскую Аравию, расходы на военные нужды которой за прошедший год составили 63,7 млрд долл.

В то же время два первых места в этом рейтинге по-прежнему удерживают США с расходами на уровне 611 млрд долл. и Китай с расходами в 215 млрд долл. Такие данные содержатся в очередном докладе Стокгольмского международного института исследования проблем мира(SIPRI). При этом в номинальном выражении в местной валюте специалисты SIPRI оценили военные расходы России за 2016 год в сумму 4,64 трлн руб. Рост по сравнению с 2015 годом составил 14,8%. И это, повторю, в условиях фактической стагнации экономического развития.

В итоге мы можем констатировать, что российская экономика, занимающая далеко не первое место по объему ВВП в мире, расходует на оборону больше, чем остальные страны, но меньше, чем нужно для её безопасности просто потому, что её расходы соотносятся с расходами противостоящей ей военно-политической коалиции, как минимум 1:20! При этом мы просто обязаны констатировать, если не хотим показаться далёкими от реальности, что последние годы со стороны Запада нарастает военно-силовая эскалация, которая поставила нас на грань (или уже за гранью?) войны.

В этих условиях нарастает критика правительства и вполне справедливые требования «эффективной стратегии» и «хорошего управления», которые сводятся в конечном счете к требованию иметь эффективную концепцию безопасности и развития, сочетающую требования «больше и пушек, и масла». Причем реализовывать эту концепцию безопасности и стратегию развития придется наверняка не только в условиях цейтнота времени, но и в условиях фактического внешнеполитического и экономического кризиса, санкций и жестких ресурсных ограничений, что делает требования к повышению ее эффективности еще более жесткими. И ещё более неотложными[13].

Кроме того, решать эту задачу предстоит, видимо, тем же структурам и людям, которые уже пытались ее решать прежде в имеющихся институтах управления государства, и на той же материальной и информационно-аналитической основе, что уже изначально ставит под сомнение возможность такого эффективного решения. Действительно,

если многократно заявленный курс на «ускорение», «инновации» и «модернизации» так практически и не реализовывался в большинстве областей экономики России в течение десятилетий, то где уверенность в том, что это произойдет сегодня или хотя бы в среднесрочной перспективе? Тем более, если сами ответственные за этот курс в экономике страны лица, прежде всего в МЭР, Минфине и Центробанке, загодя планируют относительное отставание даже от среднемировых темпов роста ВВП?

Ситуация осложняется тем, что если говорить о законодательной и нормативной основе развития нации и государства, то в ней, как оказывается, вообще нет места для долгосрочной стратегии самого высокого уровня, в которой, прежде всего, формируется национальное целеполагание, т.е. начисто отсутствуют внятные цели развития и основные требования к безопасности[14]. Коротко и не бесспорно они описаны в двух последних редакциях Стратегии национальной безопасности России (2009 и 2015 года), в которых подчеркивается, что они являются «базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты[15], но где сами интересы и приоритеты изложены достаточно противоречиво и вызывают серьезные возрастания (Ст. 30 Стратегии).

Сказанное означает, что выход следует искать в новом алгоритме управления, а именно: необходимости уйти от бесконечного реформирования в консервативную политику временного ограничения на всякого рода реформы, сосредоточив усилия на положительном (и достаточно богатом) отечественном опыте, который есть у российской науки, конструкторской мысли и промышленности. Другими словами предлагается отказаться от практики последних 30 лет, т.е. надо прекратить бесконечно пробовать новые модели и новые кадры (которых за предыдущие десятилетия попробовали достаточно), а использовать имеющиеся и уже апробированные подходы в экономике и кадровой политике, которые давали положительные, пусть иногда и скромные, результаты в интересах всей промышленности и экономики. Об этом я говори и писал не раз[16].

И прежде всего необходимо начинать с того чтобы немедленно и тотально… запретить реформы. Любые: экономические, социальные, а тем более (и особенно) кадровые. Взять «абсолютную паузу» на подобную деятельность хотя бы на 2–3 года просто потому, что все

предыдущие реформы были неудачны и разрушительны: в политике, экономике, науке, образовании, даже во внешнем облике чиновников и военнослужащих! Для предприятий ОПК, например, это означает, что, как сказал М. Ремизов, «… необходимо переходить от мобилизационного периода работы по исполнению ГОЗ к режиму планомерных ответов на долгосрочные вызовы».

Раз, уж, мы оказались в болоте «по самые ноздри», то и вести себя нужно соответственно — не психовать, не дергаться, а то окончательно захлебнешься (особенно с учетом того, что тебе охотно помогут извне). Необходимо осторожно осмотреться и аккуратно (но достаточно энергично) выбираться, используя для этого твердую основу — почву, деревья, все то, что может помочь этому. Исправить ситуацию можно по принципу «хуже не будет», используя практический накопленный и очень конкретный позитивный (а не абстрактный и псевдонаучный, искусственный) опыт тех конкретных предприятий, структур и лиц, которые сумели в тяжелейших условиях добиться положительных результатов. И только опыт, и только **конкретный результат** деятельности (а не «компетенции», которые стали у нас заменять знания, результат и опыт) должен стать на время единственным критерием в оценке деятельности того или иного руководителя, метода управления, экономического подхода. Это предложение, естественно, не относится к поиску новых, более совершенных мер и способов силового противодействия, т.е. политическому и военному искусству, которые должны максимально быстро учитывать меняющуюся МО и ВПО[17].

Надо отчетливо понимать, что в принципе любые (даже удачные) реформы неизбежно несут в себе отчетливо выраженные негативные последствия (причем очень серьезные, а не сопутствующие), как минимум, в нескольких областях:

— **во-первых,** они выливаются в массовую бюрократизации, появление новых чиновников и котроллеров, нормотворчество, создание «новых компетенций» и прочую ерунду, мешающую работе. Это отчетливо видно на опыте предприятий российского ОПК, которыми руководят не только соответствующие министерства правительства, но и другие государственные органы и службы, контролеры, государственная приемка, надзорные службы и т.д.

Опыт СССР, когда значительная часть полномочий была сосредоточена у генеральных конструкторов и руководителей КБ и объединений, показывает однако, что именно этот путь оказывается наиболее эффективным. Особенно для тех структур, которые, Концерн ВКО «Алмаз-Антей», способны самостоятельно решать многие проблемы. Так, например, при минимальной помощи со стороны федерального центра в Санкт-Петербурге с 2008 года ведется строительство и модернизация 17 объектов Северо-Западного регионального центра (СЗРЦ), на которых уже производится продукция военного, двойного и гражданского назначения;

— **во-вторых,** следствием непродуманных реформ последних десятилетий всегда являлось создание все новых управленческих и контрольных структур, которые нередко некомпетентно вмешивались в управление, в частности, в организацию ОКР, непосредственное производство, бесконечно стремятся «заслушать» и «обсудить», «проверить и посоветовать» тем, кто реально работает в КБ и на заводе. Все это не просто отвлекает и препятствует работе, а иногда ведет просто к её дезорганизации, принятии ошибочных решений. При этом, «реформаторами», естественно, нередко преследовались цели, очень далекие от создания новых и модернизации прежних образцов ВВСТ;

— **в-третьих,** в результате бесконечных реформ всегда теряется время, требуемое на реорганизацию (совещания, согласования и т.п.), нередко тратится бездарно энергия и даже здоровье управленцев наукой и производствами, как правило, теряются ещё сохранившиеся кадры, которых сокращают в «целях оптимизации».

Когда реформы удачны, то их недостатки не бросаются в глаза или просто игнорируются. Но сегодня мы видим, как правило, негативные, неудачные реформы. Достоинства от таких «реформ», мягко говоря, не очень заметны, а потому естественный вопрос «Зачем нам нужны их недостатки?» абсолютно закономерен и понятен многим, хотя публично задается не часто. Странно только, что такой простой вопрос не возникает каждый раз публично и — что важно — достаточно настойчиво после очередного провала «реформ».

И, наоборот, есть немногие, но достаточно яркие примеры того, как коллективы КБ и предприятий в сверхсложных условиях добива-

ются реальных и осязаемых результатов. И в качестве примера можно и нужно взять некий конкретный образец деятельности, практический результат, рассмотрев, что помогает, а что мешает его дальнейшему развитию. Более того, попытаться спроецировать его опыт не только на другие предприятия и все отрасли ОПК, но и на другие отрасли экономики России, прежде всего, естественно, промышленности.

Наиболее яркий пример — Корпорация ВКО «Алмаз-Антей», — которая отметила недавно 15-летие своего создания. Эта корпорация, объединяющая сегодня более 60 КБ и предприятий, может быть иллюстрацией того, как фактически уничтоженная подотрасль возродилась и бурно развивалась в тяжелейших условиях после разрухи 1990-х годов. Именно поэтому опыт Корпорации представляется достаточно универсальным — у неё не было искусственно созданного тепличного условия для развития, она не была обеспечена внешними огромными ресурсами. Как и все предприятия ОПК и промышленности, она прошла трудный путь безденежья, бесконечных попыток «реформирования», приватизации, «наездов», внутренних и внешних конфликтов[18].

К наиболее известным достижениям Корпорации (полученным, напомним, на фоне деградации всей промышленности страны) можно отнести:

В военно-политической области — воссоздание суверенитета России в своем воздушно-космическом пространстве, которое сегодня контролируется практически на всей его огромной территории, после многих лет сознательного разрушения ПРО и ПВО страны. Фактически в наше время, как показал опыт Ливии, Сирии, Ирака, Афганистана, а до этого — Югославии, эффективная система ПРО–ПВО стала синонимом государственного суверенитета. И таким суверенитетом в настоящее время обладают всего несколько стран в мире, как и способностью оказать помощь в создании такого суверенитета, что само по себе имеет колоссальное внешнеполитическое значение.

И если кто-то думает, что не только за рубежом, но и в российской элите это считает достижением, то он ошибается. До сих пор у части российской элиты существует убеждение о том, что «России никто не угрожает», которое трансформируется в самых разных формах. В том

числе и в настойчиво-некомпетентное «прожимание» идеи о всесильности СНВ и «бесперспективности» американской ПРО. Эти идеи в свое время привели к деградации стратегических наступательных и оборонительных вооружений СССР и России, но эти же идеи и их носители благополучно и безбедно существуют (в том числе и на зарубежные гранты) и сегодня.

В настоящее время по мере развития средств воздушно-космического нападения, особенно новых средств ВТО и развертывания широкомасштабных систем ПВО-ПРО, обеспечение защиты с воздуха и из космоса становится самостоятельной политической задачей. Такой же по своему значению, какой была задача создания ЯО и средств его доставки. И Концерн ВКО «Алмаз-Антей» решил эту задачу на самом высоком уровне, более того, обеспечил заделы для её будущего решения, как минимум, на 15–20 лет.

Самый острый период, о котором сегодня все чаще говорят — 2020–2025 годов, — связанных с массированным развертыванием в США КРМБ и других ВТО, а также гиперзвуковых и других стратегических систем формулирует новую военно-политическую и стратегическую задачу перед коллективом Концерна по сохранению этой неуязвимости, т.е. суверенитета России в новых геополитических условиях резкого обострения военно-политической обстановки, а именно: обеспечить оборону страны и её ВС в условиях сползания к войне. Очевидно, что малейшее сомнение в обеспечении Концерном такой возможности приведет к началу полномасштабной войны.

Этот положительный опыт можно использовать для ключевых отраслей не только ОПК, но и всей промышленности России, сконцентрировав её «на основных направлениях прорыва», но только без всяких нововведений и реформ, опираясь на уже существующие структуры и кадры. По сути дела требуется только одно: жестко сформулировать перед руководством задачу получения краткосрочного и среднесрочного результата, а также «горизонта планирования» на 10–15 лет в развитии, дать этому руководству максимальные права, ограничив вмешательство министерств, прежде всего, МО, Минпрома, МЭРа, Минфина и других государственных структур, сформулировав перед ними задачу оказания помощи таким концернам.

В военно-экономической области — Концерн ВКО «Алмаз-Антей» доился исключительного результата на фоне деградирующей российской промышленности. Он вошел в 10 крупнейших военно-промышленных компаний мира, став безусловным лидером в целой линейке систем не только военного, но и гражданского назначения. Продукция концерна не просто конкурентоспособна, но и крайне востребована на мировых рынках.

Этот факт еще по достоинству не оценен, хотя вся американская военно-политическая стратегия основывается на идее научно-технического и технологического превосходства США, которое должно обеспечить в этом веке внешнеполитическое доминирование в мире. Естественно, что такое превосходство предполагает, что никакая другая страна не сможет создавать и производить аналогичные по эффективности системы вооружений и военной техники. Концерн буквально «взрывает» эту идею, что всерьез обескураживает не только военно-промышленные, но и политические круги США.

Более того, Концерн задает тон и на мировом рынке торговли ВВСТ в области ПВО–ПРО, сам формирует во многом этот рынок ВВСТ. Его продукция, особенно системы ПВО ближнего и среднего радиуса «Тор» и «Бук», а также системы большой дальности «С-300», «С-350» и «С-400», создают в настоящее время эталон эффективности ПВО в мире. Кто ещё (за исключением компаний — экспортеров нефти и газа) может похвастаться таким результатом?

В промышленной области — Концерн создал по сути новую высокоразвитую наукоемкую «суперотрасль» промышленности, объединяющей весь цикл конструирования и производства — «от заготовки до упаковки» (получивший даже название принципа предметно-замкнутого производства), причем этот цикл полностью автоматизирован и объединяет все известные инновации, достигнутые к настоящему времени. Естественно, что это дало значительный прирост производительности труда — в среднем в 2 раза, а на некоторых участках в несколько раз.

Но начиналось в 2002 году с Указа президента России, который исходил из анализа и прогноза будущих угроз и необходимости создания средств противодействия. Для этого нужно было создать новое производство средств ПВО-ПРО из того, что было, оставалось к тому

времени, а именно: нужно было объединить предприятия с самой разной формой собственности, у которых из 40 млрд руб. выручки на гособоронзаказ приходилось только 20% (для сравнения, забегая вперед, — в 2015 году выручка составила почти 10 млрд долл.), а коэффициент использования мощностей не превышал 20%, отсталой технологической базы (некоторые предприятия вообще не могли сохранить технологические платформы), угрозы массовых банкротств и отсутствия сколько-нибудь положительного опыта создания крупных структур.

Для Концерна это означало прежде всего сохранения того, что оставалось к тому времени, и неизбежную необходимость коренной реконструкции производств — от фундаментов и очистных сооружений до технологических и образовательных цепочек, — что, в свою очередь, привело к необходимости перестроить, построить и закупить фактически три новых комплекса заводов, соответствующих лучшим мировым стандартам.

Причем, сделано было это преимущественно за счет собственных средств и коммерческих кредитов, когда роль государственной поддержки была сведена к минимуму: из 120 млрд руб., затраченных на переоснащение и строительство трех новых предприятий концерна, государство выделило менее 20. Это — лучшее свидетельство пустой критики либералов относительно «разорительности оборонки», её неспособности привлекать инвестиции. Это факт означает, что и в других областях ОПК и промышленности возможен подобный маневр ресурсами, что имеет огромное значение в условиях санкций на привлечение инвестиций. Напомню, что Концерн ВКО «Алмаз-Антей» находится на самом острие санкционной политики Запада.

Естественно, что это требует заемные средства и их возврат в полном объеме и в срок, предусмотренный кредитными соглашениями, что возможно только при проведении жесткой политики по снижению непроизводительных расходов. В том числе на управленческую деятельность, где в 2017 году произойдет сокращение численности управленческого аппарата на 30%. Но, главное, такая промышленная политика Концерна требует концентрации всех ресурсов, управленческих усилий, полномочий и ответственности

В главной, военно-технической, области — Концерну предстоит завершить решение стратегической задачи создания технической основы

воздушно-космической обороны (ВКО) страны. И Концерну — уже можно это сказать — удалось это сделать. Это нашло выражение в том числе и в том, что удалось модернизировать прежние и создать новые системы ПРО и ПВО, не имеющие своих аналогов по эффективности в мире. Это системы ближнего радиуса — ТОР всех модификаций, средней дальности — БУК, большой дальности — С-300, С-400, а теперь и на подходе — С-500, а также многие другие системы разных типов базирования.

Завершение этой задачи будет означать, что Концерн создал замкнутую и единую научно-производственную систему, включающую весь спектр технологий по созданию вооружений для ВКО России как в области перспективных огневых средств, средств разведки и предупреждения о воздушно-космическом нападении, так и системы боевого управления, гарантийного обслуживания и ремонта этих средств.

В полной мере это относится не только к уже существующим, но и перспективным системам новых поколений, таким как С-500, и другие.

Важно также отметить, что Концерн сохраняет лидерство и в гражданской области, в частности, в создании и производстве радиолокационных систем и организации и управления воздушным движением, где Концерн является основным производителем и поставщиком продукции.

В научно-технической и образовательной области — Концерну удалось в целом решить эту наиболее трудную задачу предотвращения деградации научного, конструкторского и рабочего потенциала, сохранив в основном старый и нарастив новый кадровый потенциал. Конечно сегодня он меньше, чем во времена СССР, а задач — больше, но его наращивание является главным приоритетом руководства Концерна и его предприятий.

В целом можно сказать, что проблема кадров и человеческого капитала является самой важной для всей промышленности, включая, конечно же, и ОПК. Не является исключением и Концерн, который в процессе реорганизации и превращения в мирового лидера наукоемкой продукции столкнулся с проблемой качества человеческого капитала, решать которую приходилось «на марше», в процессе создания новых производств и новых систем ВВСТ.

В этих целях пришлось создавать фактически заново целый пласт образовательной политики, в результате которой более половины чис-

ленности сотрудников Концерна стали составлять ученые, конструкторы и технологи, а численность специалистов с высшим образованием превысила в целом 70%. В частности, были созданы базовые Научно-образовательные центры, а в 120-и тысячном коллективе Концерна сегодня трудятся более 1000 академиков, докторов и кандидатов наук.

Иными словами, Концерн выступил в короткие сроки организатором образовательного и научного процесса в отрасли. Что самое главное — заказчиком и основным потребителем специалистов с высшим образованием.

Примечателен и опыт Концерна в научной области и НИОКР, где санкционное давление привело к кардинальному перераспределению ресурсов, направляемых на НИОКР. По признанию генерального директора Яна Валентиновича Новикова, если в 2014 году из 2 млрд руб., выделявшихся на НИОКР, половина шла из средств Концерна, то в 2017 году — почти полностью из собственных средств. При том, что объем НИОКР вырос.

Не удивительно, что на Западе поражаются этим результатам, которые там называют «выдающимися» даже на фоне вполне позитивной динамики развития ОПК в целом.

А теперь попробуем применить этот удачный опыт к российской экономике в целом.

Каковы же главные условия успеха? На мой взгляд, они вполне осязаемы и поучительны. Причем как для российской оборонки, так и всей промышленности.

Во-первых, вовремя удалось остановить приватизацию и разграбление предприятий концерна. Конечно, не без потерь. Часть собственности, документации и оборудования оказалась в частных руках. Можно привести много примеров как в последний момент, например, остановили распродажу цехов легендарного Обуховского завода (кое-что все-таки так и не удалось отстоять) или комплекса зданий на Ленинградке в Москве. Самый яркий пример — Брянский завод, с цехов которого срывали крыши и двери, а оборудование отправляли в металлолом: два года назад, когда он вошел в концерн, женщины-станочницы вернулись на завод, чтобы как и во время войны зимой работать в цехах, где разворовали не только двери и крыши, но и трубы отопления. Сей-

час вы можете увидеть на параде многоосные тягачи этого завода, которые, по общим оценкам, являются выдающимся достижением мировой конструкторской мысли в автомобилестроении.

Во-вторых, огромная заслуга в этом корпоративной патриотичности руководителей, конструкторов и рабочих Концерна, которые работали буквально «с утра и до ночи». Так, как когда-то работали во время войны и в самые тревожные годы гонки вооружений. Этот интеллектуальный, творческий и нравственный человеческий капитал и стал в конечном счете тем рычагом, с помощью которого удалось Концерну добиться таких успехов.

Концерну удалось добиться того, что на его предприятиях средний возраст составляет менее 40 лет, а численность лиц с высшим специальным образованием колеблется от 66% (на Кировском заводе) до 85% (на Нижегородском заводе). Это, кстати, о реформах бывшего руководства Минобра, которое полагало, что промышленности России не нужно столько специалистов с высшим образованием. Опыт же Концерна на практике подтверждает, что курс на всеобщее и бесплатное высшее образование, взятый в Германии и Японии, — имеет конкретное экономическое значение.

В-третьих, это, безусловно, внимание и участие некоторых руководителей страны, которые лично следили и помогали Концерну. Особенно в самом начале, когда Концерн создавался на обломках советских институтов и предприятий, а желающих воспользоваться трудностями страны было предостаточно. Надо сказать, что в начале 2000-х Концерн стоял на самом краю катастрофы. Как, впрочем, и вся страна. Тем разительнее то, что с ним произошло за эти 15 лет, и что дает повод рассчитывать на то, что этот положительный опыт будет использован в промышленной политике и экономике страны в целом.

Необходимо также признать, что за эти 15 лет Концерну везло на руководителей и тех, кто определял на высшем уровне и курировал его деятельность. Принципиальные вопросы и задачи перед Концерном, естественно, ставились все эти годы Президентом России и Главнокомандующим страны В. В. Путиным, который очень внимательно следит за работой Концерна и без опеки которого, надо признать, Концерн, конечно же, не состоялся бы.

Но, справедливости ради, заметим, что до В.В. Путина были два других президента — СССР и России, — которые вели себя по отношению к оборонке совершенно по-иному. И, останься они у власти, неизвестно, что получилось бы с российской ПРО и ПВО. Точнее, — точно известно, что ничего хорошего. Добили бы и доворовали бы то, что оставалось к 2000 году.

Ну, а что же мешает дальнейшему развитию Концерна и оборонки, а по большому счету и всей российской промышленности? Вопрос можно поставить именно таким образом, потому, что на примере истории Концерна можно сделать выводы для всей российской экономики. К тому же, к сожалению, даже самые положительные результаты не гарантируют от того, чтобы этот опыт был сохранен и поддержан. В жизни так бывает. Особенно в тех случаях, когда во главе угла стоит не главный мотив — результат деятельности, — а иные мотивы. И люди, заинтересованные в иных мотивах. В принципе Концерну сегодня больше всего мешает то же самое, что и всем предприятиям и институтам, КБ, да и всей наукоемкой промышленности.

Во-первых, проводимая экономическая политика, когда собственно развитию промышленности и технологиям, как важнейшему экономическому приоритету, практически не уделяется внимание. Конечно, это уже не бурные 1990-е годы, когда промышленность сознательно уничтожалась, но и еще не период новой индустриализации, соответствующий требованиям нового экономического и технологического уклада. Приоритет развития науки, техники и технологии очень часто остается декларацией, а реалии — административные, финансовые, правовые — направлены против этого приоритета.

Во-вторых, остается проблема эффективности управляющей элиты, некомпетентности, малообразованности и безнравственности руководителей, игнорирование и непонимание ими интересов страны и оборонной промышленности, нахальное и некомпетентное вмешательство в дела Концерна, стремление начальников «порулить», а кураторов — почаще «посоветовать». Другими словами, стремление бюрократии «поучаствовать» в управлении, прежде всего посредством очередного «реформирования». Естественно, что без всякой ответственности за последствия. И не всегда бескорыстно.

Поэтому-то (при негативном опыте последних десятилетий) лучшим препятствием для такого очередного «реформирования» является полный запрет на «реформы». Как минимум, на какое-то время. Для того, чтобы использовать все механизмы для самоорганизации и все имеющиеся резервы. И отказ тем, кто хочет очередного реформирования, в законном праве на это. Как, впрочем, и в праве на некомпетентное и непрофессиональное вмешательство. Надо понимать, что Россия находится на самом опасном этапе развития военно-политической обстановки, когда от неё требуется полная мобилизация ресурсов и воли.

Кроме того, уверен, что необходимо вернуть полномочия и права руководителям предприятий и конструкторам, которые сегодня их фактически лишились. Которые были у С. Королева и других выдающихся руководителей. Их полномочия, авторитет и статус должен соответствовать масштабу и уровню решаемых ими задач, когда рядовой чиновник не может помешать движению. До уровня, который у них был во времена военно-технического соперничества с США, когда, напомню, СССР был единственной страной в мире, способной (наравне с США) развивать все основные направления научно-технического прогресса.

12.4. Неизбежность перехода к мобилизационному сценарию развития России до 2025 года как эффективному средству обеспечения стратегической стабильности

Будущая война станет представлять собой столкновение информационных технологий с помощью которых и против которых будут наноситься «информационные удары»[19]

В. Буренок,
Президент РАРАН

История России периодически возвращается к таким периодам, когда политической власти приходится мобилизовывать все национальные ресурсы в интересах выживания народа и сохранения государства[20]. Эти

периоды повторялись в истории народа на протяжении всей известной истории существования государства — от мобилизационного рывка к единому государству князя Олега, создания Московского государства Иваном III и его оформление Иваном IV, продвижением на запад, юг и восток при Петре I и Екатерине II, наконец, при мобилизации, проведенной в 1930-е годы И. Сталиным.

Каждый раз расширение границ России было:

— вызвано внешней угрозой (хазарами, печенегами, половцами, Ордой, немецко-литовской агрессией, которую сменила угроза Западной Европы и США);
— причиной для неизбежных изменений в военной организации русского государства, требовавшей повышения эффективности управления и консолидации ресурсов;
— нередко нежелательными действиями, носившими часто вынужденный характер (раздел Польши, продвижение в Закавказье и в Средней Азии со стороны российской власти.

Аналогичная ситуация возникла перед Россией в начале XXI века, когда после уничтожения ОВД и СССР Россия вновь оказалась перед лицом очевидной и масштабной угрозы со стороны коалиции стран, входящих в западную ЛЧЦ[21]. Стремительное нарастание этой внешней угрозы и невозможность развития России в течение ряда десятилетий развиваться аналогичными темпами, как у большинства успешных государств нашего времени[22], диктуют необходимость принятия неизбежного и достаточно радикального политического решения о смене существующей инерционной модели развития России в пользу «мобилизационной» модели, вероятнее всего, в ее наиболее «оптимальном», мобилизационно-рыночном, но долгосрочном варианте. Как минимум, по аналогии с китайским вариантом, до 2050 года[23].

Этот шаг предполагает политический выбор, изменение не только (так и не сложившегося формально к 2018 году) целеполагания, создание реальной системы стратегического прогнозирования и планирования, но и, главное, создание практику принятия и реализации решений. Того, чего не делалось в должной мере в предыдущие десятилетия[24].



Рис. 12.3. ВВП России и цены на нефть

Между тем разрушить миф о том, что нынешнее руководство России связывает будущее страны с ее нефтегазовыми богатствами, очень просто. Достаточно взглянуть всего на один график[25]: рис. 12.3.

Розовая линия отображает среднюю цену за баррель нефти. Синяя линия — ВВП России, выраженный также для удобства в долларах. Примечательна на графике вторая половина 2012 года. Еще нет санкций, еще нефть котируется высоко, но ВВП России начал расти заметно быстрее, чем нефтяные цены. А это как раз и говорит о том, что уже с этого момента стали заметными результаты системной перестройки российской экономики. Именно результаты, так как сама эта работа проводилась много раньше.

12.4.1. Нормативно-правовая база для создания системы стратегического сдерживания в условиях мобилизационного сценария развития

Система стратегического сдерживания России, как уже говорилось, должна реагировать на меняющиеся внешние условия и угрозы, а также на перемены в развитии экономики и социальной сферы России[26]. Собственно это теоретическое положение и лежит в основе послания В. В. Путина 2018 года и его первого указа, принятого в мае 2018 года,

в котором дано поручение правительству до октября того же года разработать прогноз и основные положения развития страны, т.е. принять меры стратегического планирования.

Целесообразно в этой связи напомнить еще раз основные 7 положений Статьи №11 ФЗ №172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 2014 года[27]:

1. Документы стратегического планирования разрабатываются в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования **на федеральном уровне, на уровне субъектов** Российской Федерации и на уровне муниципальных образований.
2. Координация разработки и реализации документов стратегического планирования осуществляется Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации по вопросам, находящимся в их ведении. В данном случае — стратегическое сдерживание является исключительным приоритетом президента России и его во многом личной стратегией[28].
3. К документам стратегического планирования, разрабатываемым на федеральном уровне, относятся:
    1) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания, к которым относятся:
        а) ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации;
        б) стратегия социально-экономического развития Российской Федерации;
        в) стратегия национальной безопасности Российской Федерации, а также основы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;
        г) стратегия научно-технологического развития Российской Федерации;
    2) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу, к которым относятся:
        а) отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации;

б) стратегия пространственного развития Российской Федерации;
в) стратегии социально-экономического развития макрорегионов;

3) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках прогнозирования, к которым относятся:
а) прогноз научно-технологического развития Российской Федерации;
б) стратегический прогноз Российской Федерации;
в) прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период;
г) бюджетный прогноз Российской Федерации на долгосрочный период;
д) прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период;

4) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках планирования и программирования, к которым относятся:
а) основные направления деятельности Правительства Российской Федерации;
б) государственные программы Российской Федерации;
в) государственная программа вооружения;
г) схемы территориального планирования Российской Федерации;
д) планы деятельности федеральных органов исполнительной власти.

4. К документам стратегического планирования, разрабатываемым на уровне субъекта Российской Федерации, относятся:

1) документ стратегического планирования, разрабатываемый в рамках целеполагания, — стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации;

2) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках прогнозирования, к которым относятся:
а) прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период;
б) бюджетный прогноз субъекта Российской Федерации на долгосрочный период;

в) прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период;

3) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках планирования и программирования, к которым относятся:

а) план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации;

б) государственные программы субъекта Российской Федерации;

в) схема территориального планирования субъекта Российской Федерации.

5. К документам стратегического планирования, разрабатываемым на уровне муниципального образования, относятся:

1) стратегия социально-экономического развития муниципального образования;

2) план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования;

3) прогноз социально-экономического развития муниципального образования на среднесрочный или долгосрочный период;

4) бюджетный прогноз муниципального образования на долгосрочный период;

5) муниципальная программа.

6. В соответствии с требованиями к порядку разработки, утверждения (одобрения) и содержанию документов стратегического планирования, установленными настоящим Федеральным законом, последовательность и порядок разработки документов стратегического планирования и их содержание определяются:

1) на федеральном уровне Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации согласно их компетенции;

2) на уровне субъекта Российской Федерации органами государственной власти субъекта Российской Федерации, определенными в соответствии с настоящим Федеральным законом и законодательством субъекта Российской Федерации;

3) на уровне муниципального образования органами местного самоуправления, определенными в соответствии с муниципальными нормативными правовыми актами.

7. К разработке документов стратегического планирования могут привлекаться объединения профсоюзов и работодателей, общественные, научные и иные организации с учетом требований законодательства Российской Федерации о государственной, коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайне[29].

Так, в п. №1 Статьи 11 ФЗ №172, например, говорится о том, что документы разрабатываются на федеральном уровне и координируются Президентом и Правительством РФ. На мой взгляд, подобные документы должны быть предметом общенационального обсуждения, во-первых, и публичной дискуссии, во-вторых. Нация должна ясно понимать к какому «светлому будущему» ее ведет руководство страны[30].

Деградация отечественной промышленности и потеря внутреннего рынка в предыдущие годы достигли таких величин, что стали факторами стратегической угрозы для нашей страны, ее суверенитета и идентичности. Выход из этой кризисной ситуации происходит недопустимо медленно, а перспектива отставания и стагнации — очень реальной.

12.4.2. Усиление силового противоборства и эскалация опасного развития военно-поитической обстановки

Усиление тенденции военно-силового давления на Россию в 2014–2017 годы ведет к превращению этого сценария развития МО-ВПО еще до 2021 из военно-силового в военный сценарий развития. Отставание в экономическом и научно-техническом развитии в этих условиях уже угрожает не только социальному благополучию и стабильности, но и существованию самой нации и государства[31].

Требуются срочная и кардинальные решения. Фактически уже идущая против России война станет неизбежно признанным фактом даже если и не будет соответствующих правовых и политико-дипломатических решений и мероприятий в ООН[32]. Можно в этой связи напомнить, что война США во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, в Ливии и Югославии и других странах Конгрессом США никому не объявлялась.

В этих условиях России необходимо сделать принципиальный выбор: либо продолжать инерцию и капитулировать, отказавшись от

суверенитета и национальной самоидентификации, ресурсов и части территории, либо публично принять военно-силовые реалии и оказать сопротивление. Это будет означать, прежде всего, решительные изменения в целеполагании и стратегии развития страны, о чем я постоянно говорю с конца 1980-х годов[33].

Надо отчетливо отдавать отчет в том, что противоборство будет неизбежно системным (во всех областях), сетецентричным (против разных целей) и комплексным, одновременным по времени: экономическим, политическим, информационным и военным. Соответственно такие особенности требуют от России мобилизационной подготовки во всех областях. Прежде всего экономической и социальной, где положение современной России можно охарактеризовать только как кризисное, депрессивно-стагнационное[34]. Достаточно сказать, что на фоне роста ВВП стран-лидеров все последние годы в России наблюдался спад, который за 2016 год снизился до 0,2%. хуже всего то, что даже официальные прогнозы оценивают перспективы развития при сохранении существующей модели как депрессивно-стагфляционные. За последние 10 лет об этом говорилось много раз и в трудах учёных, и на различных совещаниях, но ситуация пока не меняется поскольку не решены, по мнению некоторых экономистов, три принципиальные финансово-экономические проблемы:

— проблема высокой инфляции;
— проблема низкой монетизации экономики;
— проблема ставки рефинансирования ЦБ[35].

В действительности развитие России не сводится к финансовой политике, а стоит перед более существенными проблемами и угрозами, имеющими системный и цивилизационный характер, о которых необходимо говорить отдельно и подробнее в другом месте. Так, если допустить, что указанные выше проблемы будут решены, либо смягчены (на что указывают тенденции последних двух лет), то это не означает решения задач опережающего развития России относительно других стран, которые, на мой взгляд, могут быть решены исключительно быстрым переходом к модели мобилизационного развития. Эта модель должна состоять из следующих основных элементов: рис. 12.4.



Рис. 12.4.

Первое: из привлекательной не только для собственных граждан, но и за рубежом **идеологической модели,** предполагающей культурно-цивилизационное лидерство России в мире. Опережающее развитие в социально-экономической области не может быть без привлекательной идеологии. Более того, из идеологии, имеющей более перспективное значение, чем доминирующая сегодня западно-либеральная модель. Столкновение между новыми центрами силы и ЛЧЦ в нашем веке приобретает характер военно-силового противоборства между различными военно-политическими коалициями, т.е. имеет фактически глобально-цивилизационный характер[36].

Приоритет идеологической модели во многом обеспечивает и приоритет моделей цивилизационных, и социально-экономических, говоря словами С. Хантингтона,, «мы другие и вы скоро станете как мы»[37].

Второе: из положительной социальной модели, в которой эффективно и справедливо регулируется не только производство и распределение благ, но и состояние общественных и политических институтов.

Новая модель политического, государственного и общественного управления России должна соответствовать складывающейся острой МО и ВПО, необходимости максимально полно и эффективно использовать все национальные и цивилизационные ресурсы. Прежде всего, ресурсы НЧК.

Новая модель государственного и политического устройства должна обеспечить адекватное реагирование (внешнюю и военную политику, прежде всего) России в условиях резкого обострения ВПО в мире[38].

Третье: из возможностей, которые предоставляются государством и обществом для развития потенциала человеческой личности (НЧК), который превратился в XXI веке в главный критерий оценки эффективности экономики и общества.

Наконец, эффективное использование всех национальных ресурсов предполагает:

— использование всех национальных (а не только государственных) ресурсов — интеллектуальных, духовных, нравственных, творческих и иных в интересах всей нации;
— использование ресурсов максимально эффективно, т.е. при минимальных затратах, но при достижении максимальных результатов.

Надо отчетливо понимать, что альтернативы поведения, другой политической парадигмы и модели для нас не существует. Только борьба за выживание, которая, как сказал бывший руководитель нелегальной разведки Ю.Дроздов, обусловлена характером цивилизационной борьбы: «Мир вступил в фазу наиболее опасного противостояния — цивилизованного. Цена поражения в этом противостоянии — полное исчезновение с лица Земли одной из цивилизаций»[39]. Это предупреждение легендарного разведчика, руководившего резидентурами в КНР и США, стоит многого, а именно: признание бескомпромиссного характера противоборства России с Западом, которое продолжается многие столетия и не может быть отменено или заменено никаким другим видом взаимоотношений. Как и признание, сделанное известным западным политологом С. Хантингтоном о невозможности найти договоренности после того, как «русские стали себя вести не как коммунисты, а как русские»[40].

Максимально полное и эффективное использование национальных (и цивилизационных) ресурсов вытекает из таких признаний реалий ВПО, сложившихся к 2018 году и еще более обостряющихся в будущем. Глобальный и системный характер такой борьбы предполагает противоборство по всему спектру возможного соприкосновения интересов и систем ценностей, о котором Ю. Дроздов конкретизирует следующим образом: «В данном случае под словом «цивилизация» понимается система

или системы ценностей, объединяющих людей разных национальностей, живущих в разных государствах и исповедующих разные религии. Могущественные транснациональные олигархические кланы уже определили будущее всего человечества, а академические круги Запада даже придали ему для большей убедительности научно-теоретическую форму. Практический процесс глобализации уже идет, и с каждым годом мир неуклонно приближается к торжеству нового мирового порядка.

При этом история Запада не дает никаких оснований для надежды на то, что его правящие круги предоставят не западным странам и народам необходимые ресурсы и материальные блага, которые западные государства целеустремленно отбирали у них на протяжении столетий. Вся мировая история убедительно свидетельствует, что они никогда и ни при каких обстоятельствах не пойдут на уменьшение своего потребления ради выживания не западных народов. В этих условиях России уготована участь тельца, который должен быть принесен в жертву «для блага всего человечества», как и предлагал почти сто лет назад личный советник президента США Вильсона полковник Хауз»[41].

Иными словами, либо нас неизбежно ждет участь тельца, предназначенного для заклания, либо нам удастся отбить в очередной раз нападение западной ЛЧЦ, имеющее исторический и цивилизационный характер. И выбор это нам предстоит сделать именно в период 2018–2025 годов. От его результата зависит сохранится ли государство и нация в будущем, либо они, как не раз бывало в истории человечества, будут рассеяны по громадным просторам Евразии.

12.4.3. Развитие системы силовых невоенных мер Запада

…устойчивость — это основа, но не гарантия дальнейшего развития[42]

В. Путин,
Послание ФС РФ 2018 года

Потребности совершенствования мер и средств стратегической сдерживания России в настоящее время является объективной предпосылкой сохранения суверенитета и национальной идентичности России,

в особенности в той части, где речь идет о противодействии невоенным средствам и мерам политики «силового принуждения» Запада[43]. Стремительная эволюция системы МО и ВПО в новом столетии в направлении усиления роли всех форм насилия фактом, из которого неизбежно следует, как минимум, два важных практических вывода относительно возможностей использования силы в международных отношениях:

Во-первых, эта тенденция сознательно вносит хаос и дезорганизацию во всю систему международных отношений последних десятилетий, уничтожая или ослабляя сложившиеся **институты** (международные и национальные) и разрушая **механизмы** для разрешения конфликтов и процедуры, начиная с институтов ООН и таких механизмов безопасности как переговоры по ограничению и сокращению вооружений, включая области гуманитарного сотрудничества. Поставлены под сомнения такие институты как ООН, Совбез, Конференция по разоружению в Женеве, разрушаются основы для международного права, фактически пересматриваются все существующие договоренности по ограничению вооружений и военной деятельности — от ДОВСЕ и РСМД до ДЗЯИ и ДНЯО.

Иными словами Соединенными Штатами и частью их союзников сознательно и быстро уничтожается вся сложившаяся основа системы международной безопасности и переговоров, на месте которой возникают механизмы силового обеспечения национальных интересов[44].

На месте системы безопасности, сформированной после Второй Мировой войны, нередко на её обломках, в условиях сознательного формируемого хаоса, создаётся такая ВПО, когда основные решения в мире будут приниматься на основе права сильного, а не международного права[45].

Эту ситуацию очень точно охарактеризовал 23 апреля 2018 года Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, который заявил следующее: «Мы наблюдаем неэффективность Совета Безопасности и начало новой холодной войны». Отвечая на вопрос о законности авиаударов страна Запада по Сирии в ответ на появившуюся информацию о якобы химической атаке в городе Дума, он сказал, что «у нас есть понятные правила для разрешения таких ситуаций, но теперь важно не оглядываться назад». «Холодная война вернулась», — заявил он, отметив, что

по сравнению с аналогичным периодом XX века есть существенные отличия. «Тогда был серьезный конфликт между США и Советским Союзом. Теперь Вашингтон и Москва не контролируют всех, как это было тогда. Многие страны очень активны в регионе: Турция, Иран, Саудовская Аравия и другие, нет двух однородных контролируемых блоков», — пояснил он.

Более того, ситуация в МО и ВПО сегодня даже хуже, чем во времена холодной войны. «Во время холодной войны существуют функции для диалога, контроля и коммуникации, чтобы гарантировать, что, когда возникнет риск конфронтации, события не будут выходить за рамки контроля. Теперь у них больше нет механизмов. Вот почему ситуация была настолько опасной, и я рад, что все успокоилось», — сказал генсек[46].

Во-вторых, в основе такой политики лежит стремление Запада и прежде всего лидера западной ЛЧЦ — США — с помощью силы, как военной, так и не военной, — сохранить свой контроль над сложившейся к концу XX века финансово-экономической и военно-политической системами в мире. Главная цель всего комплекса таких силовых средств и мер, используемых Западом в политике силового принуждения применительно к России, — разрушение не только российской экономики, но и самого государства и общества, более того, национальной идентичности и принуждение правящей элиты к капитуляции. В этих целях идет процесс ускоренной разработки и совершенствования как прежних, так и новых (военных и не военных) мер, средств и способов политического насилия. Эти невоенные меры и средства могут быть систематизированы следующим образом:

12.4.3.а). Меры силового давления на представителей правящей элиты противника

Комплекс этот мер применялся в политической истории человечества регулярно — от подкупа и создания оппозиции до убийств и организации восстаний. В особенности преуспели в этом правящие круги Великобритании, создав на обломках империи довольно эффективную структуру в форме британского Содружества. Применялся этот метод нередко и западной коалицией , но именно в XX веке он стал систем-

ным (комплексным) и сетецентричным (нацеленным на отдельных, конкретных представителей, а не только на какие-то социальные группы[47]. Этот комплекс мер приобрёл характер узаконенной политики, в основу которой положена стратегия «силового принуждения»[48], предполагающий применение любых силовых средств, прежде всего политико-дипломатического, экономического, финансового и информационного характера для дестабилизации правящей элиты, её запугивания и принуждения к необходимым для Запада действиям.

Более того, после демонстративного уничтожения лидеров противоборствующих сторон (Чаушеску, Каддафи, Хусейна, Наджибуллы и др.), а также изобретения Международного трибунала, фактически была создана правовая основа для легального шантажа и уничтожения любых лидеров и представителей правящих элит, которые могут показаться руководителям западного блока целями политики «силового принуждения».

Принятый Конгрессом США в августе 2017 года закон, предполагает усиленное и долгосрочно давление на правящую российскую элиту до тех пор, пока она не капитулирует и не примет американские условия для политического курса России. Иными словами, была декларирована публичная политическая и долгосрочная стратегия принуждения правящих элит России, Кореи и Ирана.

12.4.3.б). Меры сетевого социального и силового давления

> Эти меры, включающие широкий набор средств и способов принуждения, который создавался со второй половины XX века в виде разного рода СМИ, НКО и международных организаций[49]

Пример с Украиной в этой связи выглядит очень показательным — там в течение трех десятилетий создавались антисоветские и антироссийские организации, которые быстро трансформировались в националистические, экстремистские и даже фашистские общественные организации и партии[50]. Эти меры вполне вписываются в качестве одного из компонентов в стратегию «силового принуждения» Запада[51].

12.4.3.в). Силовые меры по снижению темпов и уровня социально-экономического развития противника

Среди силовых невоенных средств и мер воздействия на противника в социально-экономической области особенное значение приобретает внедрение неэффективных методов экономического и социально-политического управления, которые неизбежно ведут к снижению темпов экономического и научно-технического развития, а в случае удачи — развалу экономики и кризису общества. Классический пример такого силового давления, оказанного в скрытой, но очень эффективной форме на СССР и страны социалистического содружества в конце 1980-х годов, стало политико-информационное и финансово-экономическое воздействия западных стран[52].

Эти меры предполагают внедрение вредных — неэффективных и нередко откровенно диверсионных — схем управления, лиц, ориентированных на развал государства и экономики, в правящую элиту страны, как это было в СССР, когда «иностранные консультанты» управляли целыми министерствами, или, как на Украине, где такие же советники управляют СБУ[53].

Кроме того, предполагается внедрение соответствующих понятий и представлений, формирование ложных парадигм, ценностей и интересов, ориентированных на разрушение государства, либо ослабление его институтов[54].

12.4.3.г). Средства и меры, разрушающие системы национальных ценностей и самоидентификацию

Комплекс этих мер и средств следует отнести к числу наиболее приоритетных невоенных средств ведения силового противоборства. С единственной поправкой на их невысокую оперативность при исключительно значимой, фундаментальной, эффективности[55]. В особенности с точки зрения политической сетецентричности, когда одновременно оказывается влияние на сотни и тысячи объектов. Л. Савин, например, таким образом описывает «роевое применение» средств при-

нуждения: «Представьте себе, что вы в лесу потревожили осиное гнездо. Рой разъяренных ос вылетает, чтобы жалить своего обидчика во все места, до которых они могут добраться. Каковы будут ваши действия? Очевидно — убежать как можно быстрее. А как будет убегать государство со своей территории? При применении такой аллегории это будет выражаться в смене институтов власти»[56].

Когда разрушается система национальной самоидентификации, людьми можно манипулировать через их ценности и интересы, посредством определенных техник, устанавливая выгодное для внешних сил и ложное с точки зрения национальных интересов целеполагание[57]. Именно так формировалось общественное мнение со второй половины 1980-х годов в СССР, когда главным манипулятором, искажавшим систему ценностей, выступил орган, многие годы отвечавший в стране за формирование национального и классового сознания, — Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС во главе с А.Н. Яковлевым. В результате было создано альтернативное общественное мнение, поддерживаемое властью, враждебное самому существованию СССР как государства.

При этом у разных групп могут быть разные цели, но, в конечном счете, все будет складываться в одну картину. Имея разные «отряды» под общим управлением, о котором могут и не догадываться сами уличные исполнители, заказчик может ввергнуть страну в хаос, как уже неоднократно повторялось[58]. Именно в такой хаос ввергался СССР, который к августу 1991 года превратился в неуправляемое государство. Возможность сопротивления таким организациям и сетям, продвигающим ложную систему ценностей, зависит как и от умения властей распознавать угрозы на этапе их зарождения, так и способности создавать и активно использовать свои организации и свои контрсети для баланса через непрямые действия. В СССР в августе 1991 года у власти были и организации и сети, но не было решительности и воли их использовать против оппонентов.

И прежде всего потому, что была деформирована базовая система национальных ценностей, подорвана уверенность в её значении для нации и государства. То, что тот же Л. Савин называет «базовой резистенцией» общества:«Но и базовая резистентность должна быть достаточно сильной. — Пишет он. — Имеется в виду чувство патриотизма

у народных масс и желание защищать свою страну». Агентура, как правило, ожидает время «икс», когда она используется в соответствии с их опытом, связями и умением[59].

Это означает, что система стратегического сдерживания должна ориентироваться на защиту именно базовых ценностей приоритетов, что, кстати, вполне отчётливо признаётся Западом[60], который не желает распространение влияния стратегического сдерживания на невоенные области.

Исключительно важно то, что политическая элита России в конечном счёте пришла к этому выводу. Во всяком случае та её часть, которая ориентирована на В. Путина, озвучившего свою политическую стратегию в послании ФС РФ и подкреплённую соответствующим майским указом в 2018 году. В этих стратегических документах, как минимум, обозначен приоритет развития НЧК России и сформулирован механизм его реализации в соответствующей статье, предполагающей бюджетное и дополнительное финансирование[61].

12.4.3.д). Демографические, биологические и иные меры, предполагающие депопуляцию и деградацию нации

К числу таким мер относится прежде всего ложная социально-экономическая позиция правящих кругов, которая может быть сформулирована и навязана извне. Не секрет, что на Западе существует немало концепций, книг и организаций, которые своей прямой задачей поставили максимально громко «сформулировать озабоченность» перенаселением планеты и грядущим демографическим коллапсом, угрожающим самоуничтожением. Эти организации и фонды, в том числе на правительственном уровне, всячески стимулируют активность разного рода сил, которая вела бы к свертыванию демографических программ и сокращению численности населения[62].

Ярким примером этих действий стала деятельность российского правительства в 1990-е годы, которая привела к демографической катастрофе, из которой правительство В.В. Путина пытается как-то выбраться сегодня, принимая меры по стимулированию рождаемости и сокращению смертности.

Надо признать, что для некоторых регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, которые богаты природными ресурсами и крайне ограничены демографическим потенциалом, подобная политика правительства и западных организаций привела к депопуляции целых районов, которую не удается преодолеть сегодня.

К числу таких мер следует отнести и многочисленные меры, навязываемые извне и иногда поддерживаемые внутри России, по распространению вредных продуктов, фальсификатов и особенно вредных «услуг» населению, принявших массовый характер[63].

Особенно важно для национальной безопасности, вернуть лидерство России в НЧК, его институтах и конкретных руководителях государственных и общественных институтов, в особенности кадрового потенциала у правящей элиты, которая по свои профессиональным и нравственным качествам не соответствует потребностям России сегодня, в особенности, за рубежом, на что обращал внимание в своих майских указах МИДу и МЭРу В. В. Путин[64].

12.4.3.е).Средства информационного и когнитивного воздействия на общество и его институты

Исключительно важное значение приобретает силовая борьба с Россией в когнитивной области, смысл которой сводится к превращению общества в неорганизованную массу и, в конечном счете, в неуправляемую толпу, лишенную здравого смысла и национальных ориентиров, руководимую чужими интересами и ценностями. Здесь огромная роль принадлежит идеологии, как системе упорядоченных взглядов на основные цели и средства развития общества, экономики и государства, которая выполняет — о чем нередко забывают — функцию системного политического, социально-экономического и даже военного управления[65]. Примечательно в этой связи то, что официальная Военная доктрина России «представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и защиту Российской Федерации»[66].

Развал СССР начался с развернутой сознательно масштабной работой по уничтожению официальной идеологии правящей эли-

ты («деидеологизации идеологии») и развала государства и его институтов («борьбы с этатизмом»), которая достаточно быстро привела к образованию идеологической пустоты, быстро заполненную чем угодно — от «лечения» Кашпировского до «свободорыночных» универсальных идеологем западных либералов, естественно, сопровождавшихся развалом институтов государства — сначала КГБ и Министерства обороны, а затем и всех экономических и социальных органов управления[67].

Было уступлено добровольно и идеологическое лидерство, в том числе и в мире, которое долгие годы объединяло многие страны и движения, превратившееся в жалкую политико-идеологическую компиляцию убогих западных либеральных идей. То, что последовало за этим — отказ от многих атрибутов политического суверенитета, одностороннее разоружение, развал ОПК и т.д. — другая стороны медали, но которая является прямым следствием отказа от идеологии, который попытались даже закрепить в Конституции Российской Федерации[68].

Не случайно, что лидерство в «толковании» и «объяснении» пытаются навязать западные средства, включая СМИ. В частности, тот словарь, справочник, энциклопедия и т.д., который будет признан наиболее авторитетным, и будет задавать тон и моду в обучении и трактовке событий. Например, если говорить о «сдерживании» и его разных формах — «стратегическом сдерживании», «ядерном сдерживании», «новом сдерживании», «интегрированном сдерживании» и т.п.[69] Достаточно сказать, что одна короткая форма «стратегического сдерживания», данная в Стратегии национальной безопасности, привела не только к появлению десятков интерпретаций в военно-политической литературе, но и конкретным политическим и военным последствиям.

В этой связи обращает на себя внимание упорно продвигаемая практика внедрение в российскую систему высшего образования рейтинга университетов, в котором все первые десятки мест заранее прописаны для английских, американских и швейцарских университетов, а критерии отбора подобраны соответствующим образом. Не случайно и то, что критерием научной эффективности (который внедряется российскими органами образования) являются рейтинги «Хирша», «Скопус» и другие, формируемые прежде всего западными журналами. Получает-

ся, что российский ученый, например, в области безопасности, должен соответствовать требованиям … американских журналов, в зависимость от которых прямо ставится его заработная плата, участие в НИР и пр.

Нельзя не сказать и не вспомнить о влиянии различного рода «экспертных» медиа, прямо влияющих на политические процессы и принятие решений в области экономики. Такие издания, как Forbes и Bloomberg регулярно издают свои рейтинги и аналитику, которая ложится в основу научных и политических выводов. При этом мало кто интересуется качеством и достоверностью информации, даже в тех случаях, когда она вызывает сомнение. В данном случае ситуация выглядит типично коммерческой — кто заплатит за рекламу и заказную статью, того и будут воспевать «эксперты» по экономике и инвестициям данных изданий. Но приоритет всегда будет за местом обитания — США, которые обладают подавляющим превосходством в СМИ, оцененным в свое время Б. Обамой как 95% мирового потенциала[70]. Причем весь этот потенциал превращен в единый интеграционный военный потенциал США по всему миру, который обеспечивает «операции, основанные на глобальных логистических возможностях, безопасности связи, объединенной разведке и возможностях наблюдения и анализа»[71].

Подобная перспектива неизбежно ставит вопрос о возможности эффективного не только военного, но и не военного противодействия со стороны России, т.е. в конечном счете о сохранении суверенитета и национальной идентичности в будущем. Можно представить эту политику в качестве реакции на политику «силового принуждения» Запада в виде некой матрицы следующим образом (табл. 12.1), которая вполне подходит под определение политики «стратегического сдерживания», но вполне может представлять её самые разные формы[72].

В данной матрице видно, что основное поле противоборства (стратегическое наступление) находится в квадрате «Г», который предполагает, что:

— стратегическое сдерживание делится, как минимум, на оборону с помощью силовых, но невоенных средств и на собственные силы сдерживания невоенными средствами и способами;
— сдерживание в данном случае рассматривается как способность контролировать (управлять) силовой эскалацией противоборства[73].

Таблица 12.1.

Стратегическое сдерживание со стороны России		Политика «силового принуждения» Запада	
		Стратегическое нападение военными средствами	**Стратегическое нападение невоенными средствами**
	Стратегическая оборона военными средствами	**«А»** широкий спектр войн и военных конфликтов — от глобальной ядерной войны до использования сил террористов	**«Б»** Широкий спектр невоенных силовых средств (экономических, финансовых, информационных и др.)
	Стратегическая оборона невоенными средствами	**«В»** Широкий спектр военных средств стратегической обороны и сдерживания	**«Г»** Широкий спектр невоенных средств стратегической обороны и сдерживания

Такая постановка вопроса требует, как минимум, вернуться к вопросу о существующих возможностях не военного сдерживания и обороны России и поиске способов их увеличения в области информатики и СМИ, а также в стратегии их использования, которая в случае со СМИ (как показал опыт работы «России сегодня») может быть очень эффективной.

Причем неизбежен вопрос о необходимости обладания не только средствами обороны и сдерживания и умением их использовать, но и средствами и способами проведения активных операций: только защищаясь противоборства не выиграешь. Сама по себе постановка вопроса о силах и средствах сдерживания публично ставит и вопрос о способах их использования, в частности, в наступательных операциях.

Это означает, например, что в ответ на действия противника в заведомо более слабых областях можно и нужно проявлять активность, в т.ч. наступать, в тех областях, где обстановка для России оказывается более благоприятной. Например, на действия в финансовой области (где позиции США особенно сильны) можно действовать в области кибероперациий, нарушения связи, диверсионной деятельности и пр.

Не являются исключением и действия в военной области в ответ на финансово-экономическую агрессию США.

За последние 40 лет мы сменили несколько стратегий и даже идеологических доктрин. Как минимум, можно условно перечислить их следующим образом:

— стратегия идеологической и политико-психологической войны СССР против Запада;
— период «романтизации» отношений не только с Западом, но и отношения к « свободным» СМИ;
— период «рыночных отношений, когда СМИ используются в интересах инвестора (хозяина);
— наконец, «период Путина», когда СМИ возвращаются обществу и государству со всеми плюсами и минусами этого процесса в отношениях с Западом[74].

Сегодня неизбежна постановка вопроса о будущей информационной политике России в условиях обострения ВПО, которая может быть, на мой взгляд, либо мобилизационно-ориентированной, либо прозападной. При этом очень важно, чтобы СМИ и содержательная экспертиза была ориентирована не только на силовую борьбу, но и на продвижение собственной повестки дня, собственной идеологии и собственной стратегии. В этом смысле правы авторы стратегического прогноза ИМЭМО РАН, полагающие, что «… России важно в максимальной степени задействовать фактор «умной силы», использовав его … продвижения собственной повестки … разработки новой архитектуры будущего миропорядка»[75].

При этом очень важно не только обладать существенными когнитивными и идеологическими преимуществами, но и уметь быстро их перевести в реальные инструменты влияния — в смежной области использования силовых средств и методов — военной и не военной области, — а также в других областях противоборства, даже таких, «невинных» как социальные сети[76]. Так, эффективность «России сегодня» в США и ряде других стран привело к прямым ограничением на деятельность российских СМИ в этих странах.

Особенно яркий пример — информационное противоборство на Украине, которое имеет с точки зрения действующей власти приоритетный характер не только в законодательной деятельности и работе исполнительной власти, но и в районах АТО, где наиболее важными

целями считаются ретрансляционные вышки, радиостанции и отдельные журналисты.

Чрезвычайно важную роль стали играть сетевые СМИ в интернете, которые превратились уде не только в инструменты пропаганды, но и организационно-политического влияния. В особенности для негосударственных акторов и крупных сетей, а также отдельных политических лидеров, создавших на их основе «частные СМИ», успешно конкурирующие с крупными компаниями.

Кому-то все это может показаться низким уровнем, недостойным политики и дипломатии. Однако известно, например, что лидеры присутствия в социальных сетях — Д. Трамп и Папа Римский — по сути формируют политическую повестку дня, а отдельные особенности работы в социальных сетях стали предметом самого пристального политического внимания в США и Великобритании в 2017 году. Так, «русский троллинг» в Британии стал настолько известным, что отдельный материал этому явлению посвятила даже солидная Financial Times. Можно привести в качестве иллюстрации следующий пример: «Когда Тереза Мэй обвинила ЕС во вмешательстве во всеобщие выборы в Великобритании, посольство России в Лондоне невозмутимо заявило в Twitter: «Слава богу, на этот раз — не Россия». После того как сообщение набрало 9,7 тыс. ретвитов и 12 тыс. лайков, даже некоторые ярые критики России в социальной сети признали (подобно тому, как футбольные фанаты неохотно аплодируют голу, забитому нападающим из команды соперника), что это был «эпический троллинг». Автор этого материала Бакли констатирует: «За прошедший год аккаунт российского посольства «RussianEmbassy опередил по популярности сайты американского и израильского посольств и стал наиболее посещаемой из страниц дипломатических миссий в Лондоне».

Таким образом невоенных силовых инструментов влияния государств и негосударственных акторов вполне достаточно чтобы обеспечить достижение политических целей без прямого военного вмешательства и рисков, неизбежно связанных с таким вмешательством, а также огромных материальных затрат[77]. Так, война США в Ираке, по некоторым оценкам, стоила порядка 1000 млрд долларов, тысяч смер-

тей и до сих пор скрываемых материальных потерь при сомнительной политической эффективности. Некоторые эксперты считают, что подобные затраты могли бы быстрее и надежнее обеспечить интересы США без военных и репутационных потерь[78].

Другой пример — успеха американской внешней политики — вмешательство США в дела на Украине, где им удалось многого добиться за 25–30 лет, создавая проамериканские и антироссийские институты, которые пришли к власти в 2014 году, сформировав по сути антироссийский фронт в Европе. Затратив на эти процессы несколько больше 5 млрд долл., и не вмешиваясь непосредственно, США и их союзникам в конечном счёте удалось создать широкий антироссийский фронт, запустив процесс эскалации военно-силовой конфронтации на новый уровень. Всего этого удалось добиться без прямого использования военной силы, военных, политических и экономических рисков, огромных политических и моральных издержек, а также — что немаловажно — материальных и людских потерь.

Есть все основания полагать, что конкретные позитивные результаты российской внешнеполитической деятельности (как они понимаются сегодня)[79] будут определяться наличием и эффективным применением самых различных силовых не военных средств в будущем.

---

1 *Орлов А.* Перспективы развития тактики и оперативного искусства форм и способов вооруженной борьбы по опыту минувших войн. 08–11–2016 / http://csef.ru/ru/articles/print/7222

2 Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 651–836.

3 *Ковалев В., Малков С., Малинецкий Г.* «Помни войну» (доклад российскому интеллектуальному клубу) / http://spkurdyumov.ru/uploads/2015/05/pomni-vojnu.pdf

4 Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А.С. Батанов, А.И. Подберёзкин, В.И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005.

5 World Economic Forum Global Risks Perception Survey 2016 / Note: Survey respondents were asked to select the three trends that are the most important in shaping global development in the next 10 years. For each of the three trends identified, respondents were asked to select the risks that are most strongly driven by those trends. The global risks with the most connections to trends are spelled out in the figure. See Appendix B for more details. To ensure legibility, the names of the global risks are ab-

breviated; see Appendix A for the full name and description / http://www3.weforum.org/docs/GRR17_Report_web.pdf

[6] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[7] *Белов С. Н.* Колонка главного редактора // Фокус, 2017. Апрель. — С. 5.

[8] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А. С. Батанов, А. И. Подберёзкин, В. И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005.

[9] *Хрусталёв М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М: Аспект-Пресс, 2015. — С. 63.

[10] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[11] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[12] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[13] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–33.

[14] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[15] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[16] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А. С. Батанов, А. И. Подберёзкин, В. И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005.

[17] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–23.

[18] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[19] *Буренок В. М.* Между миром и войной. Направления и проблемы создания системы вооружения будущего. 2017. — №4. — С. 62.

[20] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[21] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 3–7.

[22] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — С. 427–459.

[23] Долгосрочное прогнозирование международных отношений в интересах национальной безопасности России: сборник докладов. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[24] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[25] *Подоляка Ю.* Большой экономический рывок России: автаркия неизбежна / Военное обозрение. 11.01.2018.

[26] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–33.

[27] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. / http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630

[28] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 33.

[29] Система ГАРАНТ: http://base.garant.ru/70684666/3/#ixzz4qH3VJa00

[30] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[31] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–33.

[32] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[33] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А. С. Батанов, А. И. Подберёзкин, В. И. Зоркальцев. — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005.

[34] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[35] *Антипов В. И.* Долгосрочный прогноз развития российской экономики. 2014. 18 апреля / http://rusrand.ru/forecast/dolgosrochnyj-prognoz-razvitija-rossijskoj-ekonomiki

[36] См. подробнее: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 273–305.

[37] *Хантингтон С.* Борьба между цивилизациями. — М.: Алгоритм, 2016. — С. 262.

[38] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[39] *Дроздов Ю.* России уготовлена роль жертвенного тельца / Военное обозрение, 11.04.2011.

[40] *Хантингтон С.* Борьба между цивилизациями. — М.: Алгоритм, 2016. — С. 263.

[41] *Дроздов Ю.* России уготовлена роль жертвенного тельца / Военное обозрение, 11.04.2011.

[42] Путин В. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. / http://cont.ws@89825721067

[43] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[44] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[45] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–23.

[46] Генсек ООН объявил о начале новой холодной войны / Эл. ресурс: «Лента.ру», 24 апреля 2018 г. / www.lenta.ru

[47] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[48] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–33.

[49] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[50] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[51] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–33.

[52] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[53] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–33.

[54] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 2–4.

[55] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[56] *Савин Л.* «Где в следующий раз ударит Запад почти всегда можно просчитать…» / Эл. ресурс: «Столетие». 15.12.2017 / www.stoletie.ru

[57] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[58] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–33.

[59] *Савин Л.* «Где в следующий раз ударит Запад почти всегда можно просчитать…» / Эл. ресурс: «Столетие». 15.12.2017 / www.stoletie.ru

[60] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 2.

[61] *Путин В. В.* Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». 7 мая 2018 г.

[62] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–33.

[63] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[64] *Путин В. В*. Указ Президента РФ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» №605 от 7 мая 2012 г.

[65] См. подробнее: *Подберёзкин А. И*. Национальный человеческий капитал, — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3. Идеология русского социализма. — С. 3–833.

[66] *Путин В. В*. Указ Президента РФ «О Военной доктрине Российской Федерации» № 815 от 26.12.2014 г.

[67] *Подберёзкин А. И*. Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет. — Т. 2. — С. 249–333.

[68] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И*. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО–Университета, 2018. — №2. — С. 44–46.

[69] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 2–7.

[70] *Gompert D., Binnendijk H*. The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016. — P. 5–10.

[71] The National Military Strategy of the United States of America 2015. — Wash. 2015 — P. 10.

[72] *Th. Frear, L. Kulesa, D. Raynova*. Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report / European Leadership Network, 2018. April. — P. 1–2.

[73] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В*. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Обозреватель-Observer, 2018. — №4. — С. 22–33.

[74] Там же.

[75] Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. акад. А. А. Дынкина. — М.: Магистр, 2017. — С. 50.

[76] *Gompert D., Binnendijk H*. The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016. — P. 5–7.

[77] См. подробнее: Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[78] *Подберёзкин А. И*. Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет. — Т. 2. — С. 249–255.

[79] *Путин В. В*. Указ Президента РФ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» №605 от 7 мая 2012 г.

ЧАСТЬ III

Военно-политические перспективы развития России после 2025 года: инерционные сценарии в условиях эскалации силового противоборства

Мы обязаны сконцентрировать все ресурсы, собрать все силы в кулак, проявить волю для дерзновенного результативного труда[1]

В. Путин,
Президент РФ

Следующий этап развития — это когнитивные центры. Говоря на понятном для обывателя языке, речь идет об усилении роли экспертов в представлении информации, необходимой для принятия решений. А послезавтра наступит время симбиоза человеческого мозга и искусственного интеллекта, внедрения социо-гуманитарных технологий …[2]

Н. Ильин,
сотрудник Ситуационного центра Президента РФ

В марте 2018 года В. В. Путин предложил по сути дела «прорывной сценарий» развития России в условиях нарастающего военно-силового противоборства, которое поставило вопрос о выживании России в цивилизационную, историческую, плоскость. Этот сценарий (не называя его «мобилизационным», как в настоящей работе), по сути, является очередной попыткой мобилизации в будущие 6 лет в целях экономического и технологического рывка. В нем прямо говорится, что в зависимости от того, удается ли нам изменить характер нашего развития, который вплоть до начала 2018 года определялся в основном инерционными тенденциями, с инерционно-стагнационного на инновационно-мобилизационный, — будет зависеть не только сохранение суверенитета России, но и ее национальной идентичности.

Но даже горизонт планирования, ограниченный сроком правления В. Путина в 6 лет, не снимает, но, наоборот, делает более важным и необходимым стратегическое планирование на период после 2025 года, который, вероятно, уже будет связан с судьбой новой элиты

и нового президента. Поэтому стратегический долгосрочный военно-политический прогноз развития России после 2025 года крайне необходим, даже неизбежен, — без него уже сегодня невозможно не только планировать долгосрочные военно-технические программы, например, строительства стратегических наступательных вооружений, судов ВМФ, электростанций, военно-технического сотрудничества и многого другого, в тем более создавать принципиально новые ВВСТ, но и планировать сколько-нибудь определенное социально-экономическое развитие страны, определять приоритеты финансирования и распределения национальных ресурсов. Такой прогноз однако крайне труден в силу целого ряда особенностей. Прежде всего, огромного множества переменных величин, формирующих будущую МО и ВПО, но еще больше — из-за не известных факторов и переменных, парадигм и тенденций в экономике, науке и технике, которые проявятся неизбежно в будущем[3]. Причем многие из этих факторов могут радикально повлиять как на будущую ВПО, так и на перспективы и сценарии развития России.

Кроме того (и прежде всего) мы не уверены, что после 2025 года ВПО не превратится в глобальную, региональную или серию локальных войн. Скорее всего, — если соотнести прогноз с нашими оценками, сделанными выше, — именно так и произойдет. Иными словами, если прогнозировать военно-политические перспективы развития России на долгосрочный период после 2025 года, то сразу же возникает вопрос относительно того, какие «перспективы развития» могут быть после завершения почти неизбежной для России войны или серии войн 2021–2025 годов[4], к которым мы стремительно двигались после 2013 года, и о которых я неоднократно предупреждал в своих работах 2014–2015 годов[5]. Общий ход размышлений сводился к следующей модели развития России в будущем (рис. 1).

Иными словами, в самом общем виде, сценарий развития России в период 2025–2050 годов будут зависеть:

1. От субъективной оценки национальных интересов России ее правящей в 2018, 2025 и 2050 годах, тех целей и задач, которые могут вытекать из характеристики национальных интересов (вектор «А»–«Д» и «Д»–«В» («$В^1$» и «$В^2$»);

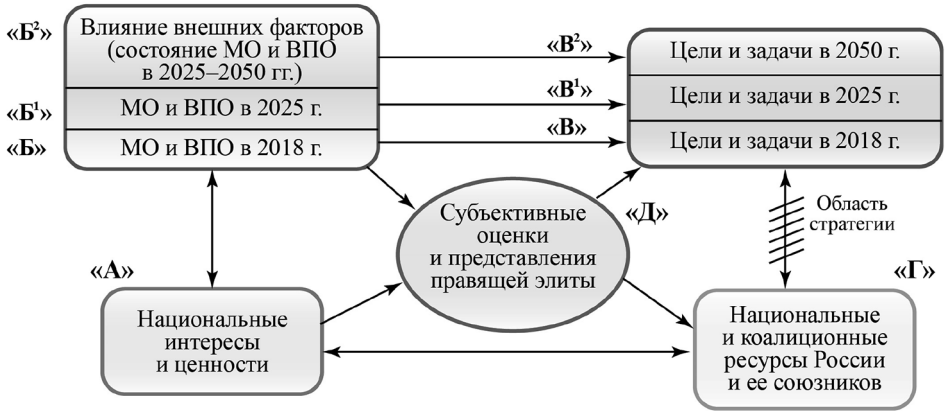


Рис. 1. Модель развития России на долгосрочную перспективу (2025–2050 годов)

2. Влияния МО и ВПО на цели и задачи политики России (вектор «Б»–«В» и «Б¹»–«В¹»; «Б²»–«В²»;
3. Объема и качества национальных и коалиционных ресурсов России (группа векторов «Г»);
4. Наконец, избранной политической и военной стратегией, средствами и способами ее реализации (вектор «Г»–«В»).

Напомню, что в свою очередь военно-политическая обстановка (ВПО) формируется под влиянием как уже известных многочисленных групп постоянных и переменных тенденций, факторов и парадигм, так и малоизвестных и совсем пока что не известных[6]. Их причудливое сочетание в долгосрочной перспективе не поддается строгому прогнозированию, а тем более планированию, однако, практическая потребность все-таки вынуждает к этому. Тем более на перспективу более 8–10 лет, как в нашем случае, когда принимается программа ГОЗ 2027 и планируются огромные средства для ее реализации. Иными словами, хотим мы этого или нет, умеем, либо нет, но прогнозировать развитие МО и ВПО (факторы «Б», «Б¹», «Б²») нам все равно придется.

Поэтому для нас крайне важно попытаться спрогнозировать максимально точно будущее состояние международных отношений в военно-политической области, хотя будущую ВПО можно сравнить с обстановкой, которая появится на биллиардном столе, где одновременно бьют по шарам не двое, а сотни играющих. Причем не только один раз, но и че-

рез десятки «ходов» игроков, как в случае с прогнозом на 2025–2050 годы. Тем не менее это сделать придется, хотя, повторю, что через десятки «ходов» игроков, участвующих сотен и тысяч субъектов ВПО, ситуация может измениться радикально, иногда абсолютно не предсказуемо.

Однако сказанное выше отнюдь не означает, что для целей стратегического прогноза ВПО и развития России невозможность прогнозирования, их бессмысленность. На мой взгляд, наоборот, потребность таких прогнозов только возрастает. В особенности если это касается глобальных военно-политических последствий для развития России в долгосрочной перспективе.

Для этих целей можно использовать те или иные вполне обоснованные сценарии или логические модели развития ВПО или субъектов, в которых уже сегодня формируются некоторые долгосрочные тенденции и обоснованные предпосылки[7]. Так, например, на мой взгляд, в военно-политической области можно искать и анализировать перспективы развития следующих сценариев и их вариантов, в которых проявляются следующие тенденции:

— финансирования долгосрочных программ (особенно в области ВМС), ориентированных на десятилетия;
— тенденции технологического развития в тех или иных областях (например, робототехники, ИИ или БПЛА);
— тенденции в развитии политического и военного искусства, которые, на мой взгляд, представляют сегодня наибольший интерес для целей прогноза.

Взятые вместе, эти и многие другие тенденции могут подсказать общий вектор развития ВПО в мире и, соответственно, военно-политические последствия для России. В этой работе используется, например, самая общая модель развития сценариев МО и ВПО после 2025 года, которая продолжает логическое следствие развития ВПО в период с 2018 по 2025 год. Она имеет следующий общий вид: рис. 2.

Естественно, что такая абстрактная модель может быть построена только предположительно, в самом общем плане. В нашем случае, выделяется:

Во-первых, общее стратегическое направление №1, в котором доминируют старые, известные, парадигмы развития, продолжающие в той или иной степени прежние сценарии, хорошо нам известные до



Рис. 2. Логическая модель сценариев развития России и их вариантов на период 2025–2040 годов

2018 года и описанные во второй части работы. Напомню, что наиболее вероятными из них я выделил «Сценарий №2 («Инерционный») в нескольких его вариантах[8].

Так, в нашем случае мы можем говорить, например, об устойчиво набирающей тенденции роста напряженности и эскалации военно-силовой политики, которая объясняется долгосрочным и вполне объективным интересом западной коалиции сохранить исключительно благоприятную для них систему финансово-экономических и военно-политических отношений, ставших в результате однополярного мира «нормой» международных отношений.

Во-вторых, стратегическое направление №2, в сценариях которых после 2025 года будут доминировать уже новые парадигмы (экономические, социальные, военные, технологические и пр.) развития. Эти парадигмы могут быть как уже известны в 2018 году, так и ожидаемы, предполагаемы или совсем неожиданными, о которых мы пока что не подозреваем.

С точки зрения вероятности реализации, представляется, что стратегическое направление №2 более перспективно. Через 7–8 лет ожида-

ются очень серьезные изменения в мире, которые неизбежно отразятся на МО и ВПО. Прежде всего, в технологической и социальной области, но их последствия (как это и бывает обычно, например, в ракетостроении или ядерной физике) быстрее всего найдут свое применение в области безопасности.

Но эти изменения — и в этом их главная проблема — и их последствия наиболее трудно прогнозируемы. В отличие от инерционного направления № 1. Когда те или иные последствия могут накапливаться годами. Однако и у первого, и второго направления есть общие черты, создающие в целом некую общую тенденцию развития. Результатом развития этой тенденции стали многочисленные конфликты и войны, которые в 2014–2018 годах существовали по всему миру, но особенно в Евразии, где и происходит основной «разлом» между ЛЧЦ и их коалициями. Причем эти войны уже не делятся только на «внутренние» и «внешние», но и на целый ряд других особенностей, среди которых основной является интернационализация любого военного конфликта, участия в нем других стран, прежде всего, представляющих западную военно-политическую коалицию.

И, приходится признать, что к началу 2018 года абсолютное большинство этих факторов и тенденций подтверждало прогноз 2014 года[9] о долгосрочной глобальной тенденции эскалации военно-политической напряженности в мире как в первом, так и во втором стратегическом направлении развития, делая войну (или, как минимум, серию крупномасштабных военных конфликтов) неизбежными.

В этих условиях было бы справедливо говорить о том, что после 2025 года Россия будет существовать (если сумеет противостоять внешней агрессии) и даже развиваться в условиях военно-силового противоборства или его завершения в результате военной победы одной из сторон[10]. При этом, естественно, важно понимать или, как минимум, представлять себе, возможные итоги такого военно-силового противоборства к 2025 году, т.е. попытаться сделать долгосрочный прогноз военного конфликта. Очевидно, что бесполезно заниматься прогнозированием военно-политических последствий для России после 2025 года, не оценив результатов противоборства на предыдущем этапе. Это, как по аналогии с оценкой военно-политических перспектив для СССР



Рис. 3. Модель инерционного развития России в условиях эскалации сценария военно-политического противоборства после 2025 года

в 1930-е годы, строить планы развития (пятилетки), не проанализировав результатов Первой Мировой и Гражданской войн для Советской России.

Поэтому в качестве рабочей гипотезы и вполне обоснованной концепции, основанной на предыдущих разделах и работах, предлагается следующая модель развития России в условиях обострения ВПО в мире после 2025 года, который основан на сохранении в России инерционного сценария развития, существовавшего до 2018 года, несмотря на все попытки «прорыва в будущее», которое предпринимал В.В. Путин и часть правящей элиты страны. Этот вывод основывается на реальном состоянии социально-экономического положения России в 2018 году и на том, что все предыдущие попытки «рывка», к сожалению, окончились ничем — ни в начале XXI века, ни после 2008 года (рис. 3).

Основной вывод, который следует в 2018 году из долгосрочного прогноза развития ВПО и ситуации в России**,** следующий: если Россия хочет сохранить национальную идентичность и суверенитет, то ей придется неизбежно перейти уже в 2018–2019 годах к мобилизационной и инновационной модели развития. Подобный, единственно возможный, по сути дела сценарий её развития еще до 2025 года будет реализовываться фактически в условиях постоянного военно-силового противоборства с коалицией западной ЛЧЦ, т.е. крайне неблагоприятных внешних условиях.

Причем этот мобилизационный сценарий охватывает все области, а не только те, которые связаны с военной безопасностью. Так, например, за последние 30 лет из России, по оценке С. Глазьева, вывезли более 1 трлн долларов[11], что означает финансовое обескровливание страны, причем мы даже не знаем куда, кто и зачем вывез эти огромные деньги, сопоставимые с тремя годовыми бюджетами. Вполне возможно, что они сегодня работают против России. Если ситуацию не исправить до 2025 года, то после она уже может оказаться не исправимой.

Сказанное означает, что основные военно-политические условия для развития России после 2025 года можно представить в следующем виде, как две доминирующие тенденции:

1. Во-первых, как нарастающее военно-политическое противоборство, прежде всего российской и западной ЛЧЦ[12], переходящее в прямые военные действия практически во всех регионах планеты, которое создает устойчивую и не преодолимую негативную общую динамику развития МО и ВПО. Она характеризуется большим количеством военных конфликтов в мире и стремлением США расширить искусственно их спектр и интенсивность, стимулируя создание и развитие во всех регионах системы «управляемого хаоса»[13]. Иными словами, маловероятно, что после 2025 года внешние условия для России будут лучше, чем в 2018 году, скорее — хуже.

Я исхожу из того, что при перераспределении экономической, политической и военной мощи между ЛЧЦ и центрами силы не в пользу Запада, последний в возрастающей степени становится заинтересованным в «размывании» мощи этих новых центров силы, как минимум, препятствуя их консолидации. Сохранение «норм» и «правил» западной ЛЧЦ будет выступать в качестве политического и правового обоснования политики США по стимулированию дестабилизации в мире. Так, США не будут заинтересованы в стабильности внутри таких новых центров силы, как Китай, Индия, Пакистан, Индонезия, Бразилия и другие быстро развивающиеся страны, но, прежде всего, приоритетами их политики провоцирования военных конфликтов станут те страны, которые попытаются «ревизировать» (как следует из Стратегии национальной безопасности США и их военной стратегии, утвержденных Д. Трампом в декабре 2017 и январе

2018 годов)[14] существующую проамериканскую военно-политическую систему в мире:

— Россия и постсоветское пространство, в особенности нарождающийся цент силы в виде Евразийского союза, ОДКБ или ШОСа;
— Китая и его доктрины консолидации прокитайских сил «Шёлковый пути»;
— Ирана и его амбиций создания центра исламского притяжения в Евразии;
— КНДР, Вьетнама и других государств, способных стать антиамериканской альтернативой политики США в ЮВА.

Для реализации этих планов у США вполне достаточно уже существующих очагов напряженности, однако, как показывает опыт Сирии, при необходимости они могут достаточно быстро организовать «внутренний» конфликт в любом регионе мира или даже отдельной части конкретного государства, как, например, в Йемене.

Обилие реальных и потенциальных конфликтов в XXI веке, как ожидается, будет не сокращаться, а увеличиваться. Чем меньше «доля власти» США в мировом управлении, тем больше должно быть конфликтов и проблем за пределами США. И не только в других ЛЧЦ, но и в самой западной ЛЧЦ, где США, например, могут быть заинтересованы в дестабилизации даже таких своих союзников как Саудовская Аравия, Пакистан или страны Западной Европы. В любом случае территория планеты рассматривается в США как «поле дестабилизации». Тем более, что реальность вполне совпадает с такими стратегическими планами сохранения мирового контроля США. Как видно на рисунке ниже (рис. 4), условий для их реализации вполне достаточно. В этом смысле имеющихся более 50 конфликтов вполне достаточно, но, если будет необходимо, то США быстро подготовят почву для новых. В качестве основы для них могут быть любые поводы или реальные проблемы в следующих областях:

— национальной;
— религиозно-конфессиональной;
— социальной.

В свою очередь эти области могут легко быть разделены по иным признакам, отражающим местную или региональную специфику, ко-

торую с помощью различных информационных и социальных технологий можно в короткие сроки трансформировать в кризис и военный конфликт. Поэтому число имеющихся военных конфликтов — «горящих» и «разгорающихся», — которых эксперты клуба «Валдай» насчитали в 2017 году 57, может быть быстро увеличено в зависимости от потребностей политики США или их союзников. Классический пример — Украина, где значительную часть населения в течение короткого периода времени превратили в русофобов, готовых бороться и даже воевать со свои соседом, который этнически, исторически и культурно абсолютно идентичен.

Поэтому традиционный подход, фиксирующий наличие вооруженных конфликтов де-факто, используемый экспертами клуба «Валдай», не вполне информационен. На мой взгляд, было бы более перспективно выделить те страны и регионы, где потенциальные интересы США будут вести политику к формированию искусственных «зон конфликтов», превращаемых в вооруженные конфликты и войны. В частности, речь может идти о таких странах, как:

— Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан в Средней Азии;
— пограничных районах Индии и Вьетнама с КНР, а также потенциальных спорных территориях в Ю-В Азии, где оппонентами Китая могут выступить Япония, Филиппины, Вьетнам, Индонезия, Республика Корея, Сингапур и др. страны;
— Украина, страны Прибалтики и Молдавия;
— наконец, можно прогнозировать, что будут приложены определенные усилия США для развития кампания антироссийской истерии в европейских государствах с тем, чтобы минимизировать возможное сотрудничество с Россией в Европе. В этом смысле будет в полном объеме использован потенциал средств политики «новой публичной дипломатии США», которая стала внешнеполитическая доктрина после прихода к власти президента Б. Обамы на второй срок[15].

Эти и другие регионы — потенциальные очаги военных конфликтов, которые могут стать реальными еще до 2025 года. Их долгосрочный прогноз должен входить в прогноз развития МО и ВПО после 2025 года и прогноз развития военной политики России и ГОЗ.

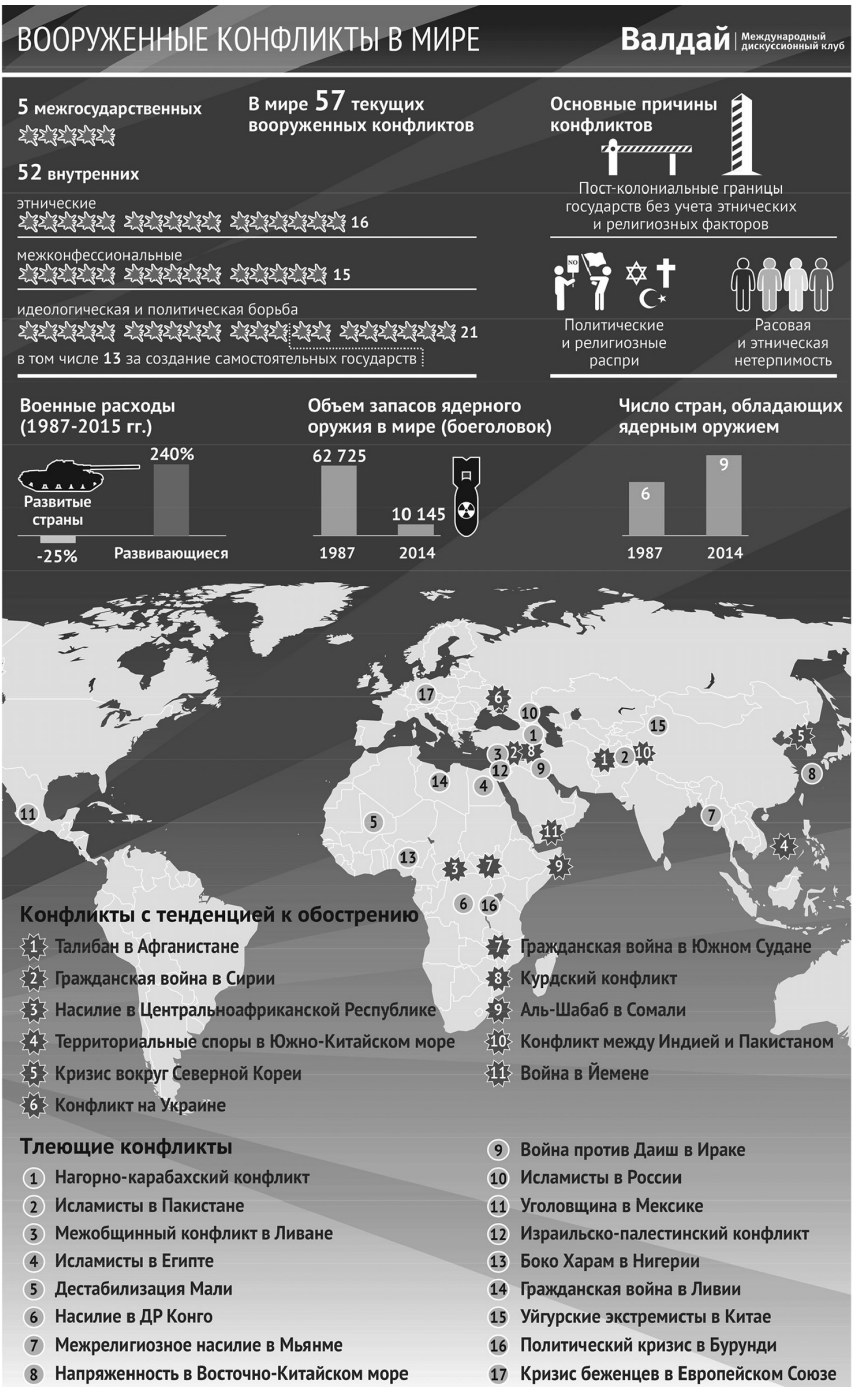

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В МИРЕ
Валдай
Международный дискуссионный клуб
5 межгосударственных
В мире 57 текущих вооруженных конфликтов
52 внутренних
этнические
16
межконфессиональные
15
идеологическая и политическая борьба
21
в том числе 13 за создание самостоятельных государств
Основные причины конфликтов
Пост-колониальные границы государств без учета этнических и религиозных факторов
Политические и религиозные распри
Расовая и этническая нетерпимость
Военные расходы (1987-2015 гг.)
240%
Развитые страны
-25%
Развивающиеся
Объем запасов ядерного оружия в мире (боеголовок)
62 725
10 145
1987
2014
Число стран, обладающих ядерным оружием
6
9
1987
2014
Конфликты с тенденцией к обострению
1 Талибан в Афганистане
2 Гражданская война в Сирии
3 Насилие в Центральноафриканской Республике
4 Территориальные споры в Южно-Китайском море
5 Кризис вокруг Северной Кореи
6 Конфликт на Украине
7 Гражданская война в Южном Судане
8 Курдский конфликт
9 Аль-Шабаб в Сомали
10 Конфликт между Индией и Пакистаном
11 Война в Йемене
Тлеющие конфликты
1 Нагорно-карабахский конфликт
2 Исламисты в Пакистане
3 Межобщинный конфликт в Ливане
4 Исламисты в Египте
5 Дестабилизация Мали
6 Насилие в ДР Конго
7 Межрелигиозное насилие в Мьянме
8 Напряженность в Восточно-Китайском море
9 Война против Даиш в Ираке
10 Исламисты в России
11 Уголовщина в Мексике
12 Израильско-палестинский конфликт
13 Боко Харам в Нигерии
14 Гражданская война в Ливии
15 Уйгурские экстремисты в Китае
16 Политический кризис в Бурунди
17 Кризис беженцев в Европейском Союзе

Рис. 4[16].

2. Вторая тенденция, формирующая внешние условия безопасности и развития России, — нарастающая общая энтропия в природе и обществе в мире, хаотичные, противоречивые и трудно прогнозируемые социальные, природные и иные процессы, которые становятся не случайно нормой существования в мире в XXI веке. Можно говорить о самых разных закономерностях, но, на мой взгляд, нельзя не заметить и не признать того, что в мире нарастает хаос несмотря на все результаты в области сбора, обработки и передачи информации и успехов в области управления.

Очевиден парадокс, требующий своего объяснения: чем больше и эффективнее средств управления появляется в руках у человечества, тем менее управляемыми становятся глобальные процессы. Так, революция в области управления в военном искусстве уже привела к ситуации, когда верховное командование получило возможность управления уже самыми небольшими подразделениями (а, вскоре, и отдельными военнослужащими), включая возможность ведения системных и сетевых войн. Это, однако, не привело к увеличению способности руководства страны контролировать развитие не только войн, но и даже отдельных конфликтов. Войны западной коалиции в Афганистане, Ираке и Сирии показали абсолютную неспособность военного руководства стран реализовать политические цели, если, конечно, не допустить, что лидеры западной коалиции умышленно создают ситуацию «потери контроля»[17].

В целом можно выделить следующие некоторые области, где процесс хаотизации развивается особенно стремительно, угрожая стабильности ВПО и, соответственно, ухудшая внешние условия для развития России[18]:

— рост военно-силового противоборства и отношений между разными субъектами и акторами ВПО, фактический возврат к традиционной политике силы в МО, которая, как казалось некоторым с 70-х годов прошлого века, исчезла с повестки дня истории. Военная сила не просто вернулась в мировую политику, но и стремительно вытеснила из неё международное право, экономические интересы, гуманистические принципы и даже экологическую обеспокоенность;
— усиление торгово-экономического и финансового соперничества между старым и новыми центрами силы, которые стали быстро превращаться из партнеров в конкурентов и даже соперников;

— развитие новых технологий и технологических укладов, не предполагающих сотрудничества, но активно используемых в целях конкуренции, противоборства и даже вооруженного противостояния;
— рост социальной нестабильности и нарастание социальной напряженности характерной уже не только для бедных стран, но и «благополучных» стран-лидеров;
— усиление религиозной, национальной и конфессиональной розни, переходящей в силовое противоборство.

Это позволяет сделать вывод об искусственно стимулируемой напряженности в мире со стороны Запада, которому необходима эта нестабильность для сохранения своего влияния и присутствия в максимальном количестве стран и регионов. Сказанное означает, что и далее, на перспективу после 2025 года, эта тенденция будет сохраняться, более того, развиваться, а ценность «военной силы» — повышаться. Естественно, что «нестабильность в слабых государствах» выступает в качестве основного обоснования для правящих кругов США и их союзников в эскалации военно-силовой политики, закладывая фундаментальную основу для их развития на будущее[19].

Очевидно, что такая будущая МО и ВПО после 2025 года будет определять негативные внешние условия для развития России. И не только военно-политические, что вполне естественно, но и социально-экономические, и научно-технические. Эти внешние условия развития российской нации и государства после 2025 года будут определяющими и о них надо говорить сегодня, в 2018 году, а не в 2025 году, потому, что период до 2025 года будет во многом решающим для развития России: либо она окончательно встанет в ряды второстепенных региональных держав, наравне, например, с Мексикой (чьему уровню развития и основным показателям она соответствует в 2018 году), либо она вернется в число великих держав к 2025 году и сможет не просто определять мировую повестку дня, но и сохранить свою идентичность и суверенитет в новых условиях. Всё, в конечном счете, будет зависеть от нашей стратегии и готовности её реализовать[20].

Наконец, трудно объяснимое, но реально существующее совпадение двух глобальных тенденций: нарастания социально-политических катаклизмов и природных стихийных явлений, войн и природных бед-

ствий, наводнений и революций и т.п. Резкое увеличение таких природных явлений началось с катастрофы на Чернобыльской АЭС и увеличилось ко второму десятилетию XXI века в 2, 3 и даже 4 раза.

С военно-политической точки зрения это означает, что для государств, наций и ЛЧЦ внешние условия существования становятся все более опасными и непредсказуемыми, требующими дополнительного внимания и отвлечения ресурсов. Действительно, если в условиях снижения риска внешних угроз, военные расходы сокращаются, как правило, до уровня менее 2% ВВП и даже стремятся к нулю, то в условиях внешних опасностей они могут стремительно расти, превышая уровень в 8%, который считается рядом экономистов «границей милитаризации экономики». В СССР, гитлеровской Германии и ряде других стран (в н/вр. в Израиле и Саудовской Аравии) этот уровень составляет порядка 30%, что, однако — важно подчеркнуть отнюдь не препятствует ни технологическим, ни социально-экономическим достижениям этих стран.

Таким образом, можно сделать три самых общих вывода:

— во-первых, в ВПО нарастает процесс хаотизации, совпадающий с целым рядом социальных и природных процессов;
— во-вторых, нарастает «экономическая милитаризация», которая во втором десятилетии отражается ростом военных расходов США и их требованиям к союзникам увеличить свои расходы;
— в-третьих, целому ряду стран милитаризация не препятствует опережающему развитию, что вступает в противоречие с их известной аксиомой о том, что деньги, потраченные на оборону, — выброшены на ветер[21].

При этом у российской правящей элиты есть выбор: либо активно участвовать в военно-политическом соперничестве, защищая суверенитет и идентичность страны, её национальные интересы в мире, при том, понимании, что такая политика будут сталкиваться ежедневно с политикой западной ЛЧЦ «принуждения России военно-силовыми средствами» и эскалацией военного противоборства[22].

Либо, как и в середине 80-х годов XX века, выбрать политику уступок, так называемых «компромиссами», изобретая каждый раз для этого новые обоснования, т.е. фактически политической капитуляции. Очередной пример нам дали молодые исследователи в своем докладе, где

они сделали следующий вывод: «Сравнения — вечный источник рисков для российской внешней политики и российской системы союзов. Он заключается в том, что отечественная политическая элита, которая в значительной своей части состоит из людей, сформировавшихся еще в Советском Союзе, не отрефлексировала тот геополитический сдвиг, который пережила страна за последние четверть века. «Остров Россия» оказался не столько проектом, сколько предсказанием, между тем, в нарративах России о самой себе господствует мотив неполноты — по сравнению с Российской империей или СССР. Это толкает Москву к тому, чтобы испытывать фантомные боли, связанные с исчезновением элементов геополитического статуса государств — предшественников»[23].

Иными словами, «старички-недоумки» из российской элиты, которые в отличие от «всей страны» не смогли понять и смириться с тем, что страну уничтожают, мучаются по-пустому, подвергая молодых (тех, кто уже «отрефлексировал») не нужному риску в отношениях с Западом. Этих недоумков и их сторонников из лагеря государственников и патриотов необходимо, по мнению Сушенцова и К, отодвинуть от процесса принятия решений, заменив их «нормальными», т.е. воспринявшими как свои, интересы Запада людьми. Сказанное накануне президентских выборов в России, это мнение особенно значимо — оно отражает надежды горбачевско-ельцинской элиты на возвращение того времени, когда отношения с Западом были идеальны потому, что никто в российской элите не испытывал «фантомные боли» в отношении уничтожаемого государства.

Среди всех этих процессов, на мой взгляд, наиболее дестабилизирующий — технологический, — который превратился в бесконечную череду «технологических скачков», определяющих в настоящее время не только уровень экономического и социального, но и военного развития. И Россия на этом направлении, очевидно, все более проигрывает. Тем более что результаты такой технологической революции могут проявляться в долгосрочной перспективе в трех важнейших областях: (рис. 6)

В представлении Н. Ильина, например, это, прежде всего, технологическое развитие — переход революции в области ИКТ на новый, когнитивный и даже социо-гуманитарный уровень, имеющий под собой вполне понятную характеристику. На мой взгляд, это — вполне



Рис. 5[24].

объективная база для долгосрочного технологического прогноза. Так, сегодня мы можем прогнозировать создание к 2025–2030 годам новых компьютеров, обладающих памятью и быстродействием в миллионы раз больше, чем сегодняшние[25].

Но это то, что касается технологических и, может быть, экономических последствий «технологических рывков», которые практически не прогнозируются на стратегическую перспективу сколько-нибудь точно. Еще сложнее представляются их социальные и политические последствия. Так, появление и развитие персональных компьютеров привело, как известно, к революционным изменениям в экономике. Но в то же самое время (о чем говорится меньше) — к социальным и политическим последствиям, прежде всего, оформлению в самостоятельную политическую силу такой социальной группы, как «креативный» (творческий) класс. В свою очередь, эта социальная группа стала двигателем социальных революций в целом ряде стран и политическим инструментом силовой политики — против других стран. Это стало заметно еще в начале нового века, о чем я писал в серии своих работ, посвященных значению национального человеческого капитала и его институтов еще с 2000 годов[26].



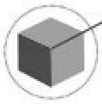
Рис. 6.

В настоящее время эта социальная группа превратилась в основу такой политической силы как социальные сети и другие интернет ресурсы, в т.ч. те, которые создают самостоятельные контент и его объяснение, что ведет к когнитивным и иным изменениям, способным повлиять не только на политику правящих элит (что уже видно на примере США), но и их представлениях о системах национальных ценностей и интересах[27].

Сказанное означает, их развитие России во многом будет предопределяться как «технологическими рывками», так и их последствиями в политической, экономической, социальной и военных областях. Это направление еще только обозначено в качестве объекта исследования и ни в коем случае не исследуется с точки зрения перспектив развития России. А между тем может произойти примерно то же самое, что произошло в СССР в начале 1960-х годов, где главной силой политических изменений в очередной раз был провозглашен пролетариат, который в то же самое время в развитых странах (а на самом деле и в СССР) уже уступил свою ведущую роль «среднему классу» и служащим.

Восемь ключевых технологий и основные области их применения

Технология «Блокчейн»



Что это такое?

Система распределенных баз данных, использующая программные алгоритмы для надежного и анонимного учета и подтверждения транзакций. Информация об операциях распространяется среди участников, и после введения в систему ее нельзя изменить, так как более поздние цепочки защищают данные о предыдущих операциях.



Основные области применения:

- Системы идентификации и управления доступом
- Проведение голосований
- P2P транзакции
- Управление цепочками поставок
- Заключение смарт-контрактов
- Место происхождения / отслеживаемость информации
- Регистрация актива / права собственности
- Торговое финансирование
- Делопроизводство

Беспилотные устройства (дроны)



Что это такое?

Летательные или водные устройства и транспортные средства, например беспилотные летательные аппараты (БПЛА), пилотируемые дистанционно. Дроны могут летать самостоятельно по заданному маршруту (благодаря бортовому компьютеру) или выполнять команды пилота с земли.



Основные области применения:

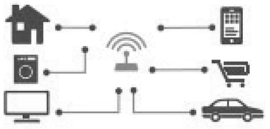
- Валидация страховых требований
- Точное земледелие
- Проверка состояния инфраструктуры
- Безопасность на железной дороге
- Доставка грузов
- Управление стройплощадкой
- Лесное хозяйство
- Контроль за состоянием оборудования (ветродвигатели, буровые вышки и др.)

«Интернет вещей»



Что это такое?

Сеть объектов (устройств, транспортных средств и др.), оснащенных сенсорами, программным обеспечением, вычислительным и сетевым оборудованием и способных собирать и обмениваться данными через Интернет. Интернет вещей объединяет устройства, позволяя отслеживать и контролировать их удаленно. Термин «Интернет вещей» обозначает любое устройство, которое можно назвать «подключенным» и к которому можно получить сетевой доступ. Промышленный Интернет вещей является частью Интернета вещей, которая относится к производству и различным отраслям промышленности.



Основные области применения:

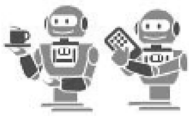
- Отслеживание движения товаров и материалов
- Мониторинг активов в реальном времени
- Сбор данных о работе подключенных устройств
- Самообслуживание клиентов
- Сопоставительный анализ использования и эффективности
- Интеграция и аналитика данных
- Управление поставками запчастей
- Удаленное оказание услуг
- Получение рыночных данных в режиме реального времени
- Гибкие модели выставления счетов и ценообразования

Роботы



Что это такое?

Электромеханические устройства или виртуальные агенты, автономно или согласно инструкции (как правило, компьютерной программе) автоматизирующие, улучшающие или поддерживающие действия человека.



Основные области применения:

- Производство
- Вредное производство
- Гостиничный бизнес и туризм
- Сфера услуг
- Автоматизация предсказуемых операций
- Управление данными

Рис. 7[28].

Именно поэтому привлекают к себе внимание любые попытки проследить последствия технологической революции не только в экономической, но и в социальной, и в политической областях. Рассмотрим в качестве примера одну из таких попыток анализа технологических последствий, имеющую принципиальное значение для понимания того, по какому сценарию может развиваться человечество и российская ЛЧЦ.

Американская компания Lockheed Martin приступила к проектированию большого автономного необитаемого подводного аппарата, который в перспективе может поступить на вооружение ВМС США. Как сообщает Defense Aerospace, работы ведутся в рамках программы Orca. Помимо Lockheed Martin проектированием большого подводного робота также занимается американский концерн Boeing.

Подводные роботы используются военными для разведки, исследования морского дна, патрулирования входов в морские базы, поиска боевых пловцов противника, противоминной борьбы, а также в поисково-спасательных операциях. По мнению американских военных, большие роботы будут более универсальными и смогут выполнять широкий спектр задач, иметь оборудование массой до 18 тонн и погружаться на глубину 3,4 тыс. метров[29].

Очень наглядно влияние научно-технических последствий проявилось, например, в демонстрации В. В. Путиным военно-технических достижений в ежегодном послании президента ФС 1 марта 2018 года, где были продемонстрированы технологические прорывы в таких областях, как:

— гиперзвуковые ЛА;
— миниатюризация ядерных двигателей на воздушных, космических и подводных аппаратах;
— возросшие возможности БР наземного базирования;
— лазерное оружие и др.

Очевидно, что в 2018 году предсказать возможные военно-технические последствия развития науки и технологий после 2025 крайне трудно, однако, несомненно, что они (причем самые радикальные), безусловно, будут. В самом общем виде можно ожидать, что даже самые «безобидные» направления технологического развития отразятся на создании эффективных военных средств и способах их применения.

Трехмерная печать

Что это такое?

Метод послойного создания трехмерных физических объектов на основании цифровой модели посредством последовательного наложения или «печати» материала. В 3D-печати используются инновационные «краски», например пластмасса, а с недавнего времени – стекло и дерево.



Основные области применения:

- Здравоохранение и интеллектуальные медицинские приборы
- Изготовление инструментов и деталей, готовых к использованию
- Создание прототипов
- Мостостроение
- Оптимизация цепочки поставок
- Индивидуализация товаров
- Удаленное производство

Виртуальная реальность

Что это такое?

Компьютерная симуляция трехмерного изображения или полноценной среды в рамках заданного и контролируемого пространства, с которым пользователь может реалистично взаимодействовать. Задача виртуальной реальности состоит в том, чтобы добиться эффекта «погружения», и, как правило, требует специального оборудования, такого как шлем/наушники.



Основные области применения:

- Журналистика погружения
- Виртуальные рабочие места
- Производство/разработка продуктов
- Проектирование и строительство
- Образование/обучение
- Управление большими данными
- Сфера развлечений
- Здравоохранение
- Мерчандайзинг

Дополненная реальность

Что это такое?

Добавление визуальной и иной информации к физическому окружающему миру посредством наложения графики и (или) аудиоряда с целью более подробного ознакомления пользователя с задачей или продуктом. Такое «расширение» реальности происходит благодаря использованию вспомогательных устройств, которые передают и отображают дополнительную информацию.



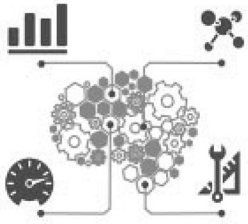
Основные области применения:

- Виртуальные экспозиции
- Образование
- Путешествия и туризм
- Игровая индустрия
- Печать и реклама
- Розничная торговля
- Маркетинг

Искусственный интеллект

Что это такое?

Программные алгоритмы, оказывающие помощь в решении задач, которые традиционно под силу только человеческому разуму, такие как визуальное восприятие, распознавание речи, принятие решений и перевод с одного языка на другой. Концепция «искусственного интеллекта» включает множество направлений, таких как машинное обучение, целью которого является написание самообучающихся программ, способных «учиться», «понимать», «планировать» и «действовать» (т. е. становиться более «разумными») при работе с заданными объемами новых данных.



Основные области применения:

- Управление личным благосостоянием
- Трейдинговые системы
- Управление рисками и противодействие мошенничеству в режиме реального времени
- Автоматизированные виртуальные помощники
- Андеррайтинг кредитов и страхование
- Клиентская служба, «горячие линии» поддержки клиентов
- Анализ данных и передовая аналитика

Рис. 8[30].

Как видно из приведенных примеров, каждый из них создает целую платформу возможностей по созданию новейших средств и способов вооруженного насилия, эффективность которых будет чрезвычайно высока, как минимум, до тех пор, пока не будет создано средств противодействия. Так, второе направление (создание дронов) может привести к революции в области средств воздушно-космического нападения, когда тысячи ударных беспилотников (в особенности гиперзвуковых) наносят массированный удар.

Этот подход — вполне научен, если говорить о попытках объективных исследований, но чаще в таких перспективах присутствует политический нарратив[31], несущий в себе не просто субъективное знание и опыт, но и политическую заданность. Так, лозунг «Построить коммунизм к 1980 году!», выдвинутый Н. Хрущевым, — типичный пример такого политического нарратива, из которого попытались сделать научно обоснованную программу развития СССР.

Другой, современный, пример — многочисленные оценки и частные не только экономические, но и социальные прогнозы, которые стали популярными с 70-х годов прошлого века[32]. Так, например, американский журнал «Ю Эс Ньюз энд Уорлд Репорт» в январе 2018 года сделал очередную комплексную попытку оценки «качества» того или иного государства, в результате которой Россия поднялась на одну позицию и заняла 26-е место в рейтинге лучших стран мира по версии журнала U.S. News & World Report.

Эксперты оценивали 80 стран по девяти критериям: сила и влияние на мировой арене, темпы роста экономики, инновации, открытость для бизнеса, социальная сфера, общий уровень жизни населения, культура, туризм и историческое наследие. Аналитики высоко оценили вооруженные силы России, ее политическое и экономическое влияние, крепкие международные союзы, а также высшее руководство. Кроме того, доверие вызвала перспективность экономики.(Первое место в рейтинге заняла Швейцария, Канада и Германия оказались на второй и третьей строчках, США стали седьмыми)[33].

Иными словами, в долгосрочном политическом прогнозе очень часто собственно научного обоснования меньше, чем субъективных желаемых оценок. В наибольшей степени это сказывается на описании

тех или иных (прошлых или будущих) политических событий[34]. Пропорции в истории и прогнозе между объективными и субъективными оценками еще больше искажены, чем в реальной политике[35]. Так, более чем через 200 лет, которые прошли после Бородинского сражения, когда написаны тысячи исследований, книг и статей, до сих пор так и нет определенности по ключевому вопросу: кто же одержал победу в этом сражении, — русские или французы.

Еще больше субъективности в долгосрочном военно-политическом прогнозе, где сочетаются самые разные факторы — экономические, политические, технологические, информационные и пр. — как объективные (известные, предполагаемые и ожидаемые), так и субъективные. В этом же и заключается основная трудность долгосрочного военно-политического прогноза развития субъекта ВПО: с одной стороны уже существуют вполне определенные факторы и тенденции, которые будут развиваться и влиять на будущую военную политику России (например, некоторые вида и системы оружия — ТБ ТУ–190, вертолеты МИ-8 и другие существуют уже десятки лет и постоянно модернизируются), построены заводы, существуют КБ и полигоны, которые, например, позволяют уже сегодня делать вполне обоснованные выводы о том, что эффективность ПРО США будет высока или, что можно ожидать, что в 2020 годы появятся гиперзвуковые и космические системы оружия, а после 2030 годов, вероятно, оружие, основанное на новых физических принципах.

С другой стороны, существует множество частных и очень субъективных оценок и гипотез, которые в корне могут изменить эти обоснованные и вполне объективные оценки с появлением новых парадигм. Так нередко случалось в прошлом. Причем, совершенно не ожидаемых и даже не наблюдаемых сегодня. Так, никто, конечно, в 1970 году не ожидал, что в 1991 году будут уничтожены ОВД и СССР. Более того, этого не ожидали, а, тем более не планировали в СССР даже в 1989 году, когда шла работа над новой военной доктриной ОВД (которая через год будет распущена). Также в декабре 1916 года никто в России не ожидал февральской революции, а тем более — Октябрьской, которые последуют через несколько месяцев[36].

Исключительно важно поэтому попытаться синтезировать все возможные и предполагаемые тенденции и факторы, выделив их в некую

общую, стратегическую, тенденцию развития всей международной и военно-политической обстановки в XXI веке (и уже, как следствие, ВВСТ в России)[37]. На мой взгляд, такая наиболее общая тенденция развития человечества после 2025 года приведет к изменению качества НЧК и его институтов, что станет основой для радикальных социальных и политических изменений, сопоставимых с самыми масштабными революциями прошлого.

НЧК и его институты в период 2025–2050 годов станут той качественно новой основой, на которой будут происходить технологические, экономические и военные изменения в социальной и политической жизни государств. В этом смысле развитие МО и ВПО в период 2025–2050 годов станет радикальным и непредсказуемым, с одной стороны, и прочно связанным с развитием НЧК и его институтов, — с другой.

Взаимосвязь лидерства по профессиональной подготовке и технологических областей требует, например, выделения наиболее приоритетных направлений, которые в отношении стран ЕС уже до 2020 года представляются следующим образом (рис. 9).

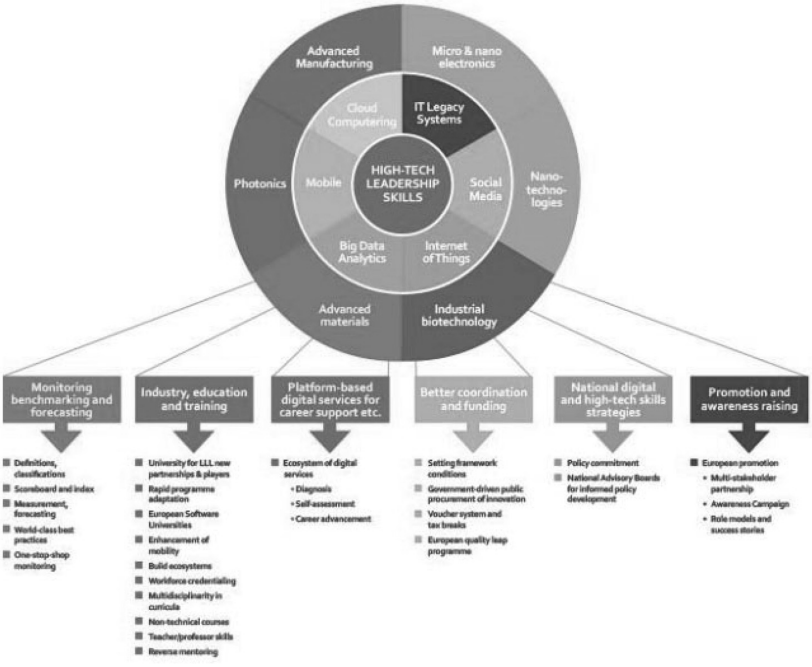


Рис. 9[38]. Приоритеты профессионального лидерства для Европы 2020 года

Как видно, профессиональная и социальная структура общества в развитых странах будет стремительно меняться еще до 2025, что неизбежно приведет после 2025 к новой социальной, а затем и политической структуре общества и государства. В ее основе будет лежать, прежде всего, творческий потенциал нации (ее НЧК) и эффективность ее институтов.

Эта доминирующая тенденция, безусловно, окажет решающее влияние на развитие всех сценариев (и их вариантов) — как возможных, так и наиболее вероятных. Однако, силу этого влияния мы ещё пока что оценить не в состоянии, а поэтому мы можем только говорить об «известных» сегодня (возможных и вероятных) сценариях развития МО–ВПО и России и «не известных», тех, о которых мы можем в лучшем случае только ещё догадываться.

В основе моего подхода находится тот же сценарный метод, в котором остается попытка синтеза происходящих событий, влияния самых различных факторов и тенденций, формирующих МО, когда конкретное состояние ВПО выступает их частным проявлением, следствием, в рамках нескольких наиболее вероятных сценариев. Понятно, что подобная индукция носит вполне субъективный и, возможно, даже ошибочный, характер, но без неё, на мой взгляд, не обойтись. Я твердо уверен, что **без авторской концепции стратегический прогноз невозможен**.

Сценарии, предлагаемые мною, конкретизируются в нескольких частных вариантах их практической реализации, учитывающих те или иные особенности развития МО и ВПО. Таким образом, анализ и долгосрочный прогноз развиваются четко «сверху–вниз»: от отношений между ЛЧЦ и соответствующими сценариями развития МО, к их части — сценариям развития ВПО и их конкретным вариантам[39].

Понятно, что на этот процесс оказывает влияние и движение «снизу-вверх» — от существующих конкретных состояний стратегической обстановки (СО), характера и особенностей войн и военных конфликтов на формирование ВПО, но этому специальному процессу уделяется значительно меньше влияния[40]. Прежде всего в силу огромного объема, субъективности и специального характера. Так, характер будущих войн будет, безусловно, влиять на формирование ВПО, но этот опыт 2025–

2050 годов еще не доступен: он будет очень конкретен, субъективен, обладать только своими особенностями. Поэтому характер будущего состояния СО, войн и конфликтов мы можем пытаться прогнозировать только в самых общих чертах. Соответственно и влияние будущей СО на ВПО, а тем более на МО, мы должны, но можем прогнозировать только очень и очень предположительно.

---

[1] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года.

[2] *Елков И.* Взгляд из Центра / Ситуационный центр президента: что из него видно, как работает и что будет завтра / Российская газета / Неделя 7397 (231) / https://rg.ru/2017/10/11/kak-rabotaet-situacionnyj-centr-prezidenta.html

[3] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — Т. 1. — 796 с.

[4] *Подберёзкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[5] См., например: *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

[6] Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберёзкина, К. П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 874 с.

[7] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №4 (55). — С. 223–224.

[8] См. подробнее: *Подберёзкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[9] *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[10] *Подберёзкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 251–279.

[11] Глазьев озвучил сумму денег, вывезенную за 30 лет / Независимая газета, 29.01.2018.

[12] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / Подберёзкин А. И. и др. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2017. — С. 49–60.

[13] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[14] Summary of 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 2018, January 18.

[15] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия:

Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[16] Вооружённые конфликты в мире. 15.10.2017. Клуб «Валдай» / http://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/vooruzhennye-konflikty-v-mire/

[17] Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберёзкина, К. П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 874 с.

[18] См. подробнее: *Подберёзкин* А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[19] Там же.

[20] Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберёзкина, К. П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 874 с.

[21] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[22] См. подробнее: *Подберёзкин* А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[23] *Силаев Н., Сушенцов А.* Союзники России и геополитический фронтир в Евразии / Валдайские записки №66, апрель 2017. — С. 18–19.

[24] Мир в 2050 году: Глобальные мегатренды Харриндер Коли / http://group-global.org/sites/default/files/prezentaciya_harindera_koli_rus.pdf

[25] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — № 4 (55). — С. 224–225.

[26] См., например: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: Европа, 2007; *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг. — Т.1–3.

[27] См. подробнее: *Подберёзкин* А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[28] Восемь ключевых технологий для бизнеса: как подготовиться к их воздействию / http://www.pwc.ru/ru/assets/8-technologies.pdf. — P. 6–7.

[29] *Сычев В.* Американцы начали строительство боевых роботов для ВМС / Эл. ресурс: «Наука», 2017.01.10.

[30] Восемь ключевых технологий для бизнеса: как подготовиться к их воздействию / http://www.pwc.ru/ru/assets/8-technologies.pdf. — P. 6–7.

[31] В политике и дипломатии нарративность справедливо понимается как преднамеренный обман, даже сокрытие истинных намерений. Что является естественной частью их деятельности. Отличием нарратива от обыкновенного рассказа является желание заставить слушать, произвести впечатление, что характерно для

речи современных политиков и ангажированных ученых / подробнее на FB.ru: http://fb.ru/article/192513/narrativ---chto-eto-takoe-narrativnyie-istochniki-i-tehniki

[32] См. подробнее: *Подберёзкин* А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[33] Эл. ресурс «Лента.ру». 23.01.2018.

[34] См., например: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[35] *Подберёзкин А. И., Харкевич М. В.* Долгосрочное прогнозирование международных отношений как стратегическое планирование политики национальной безопасности. Сравнительная политика. 2017. — №8(3). — С. 20–37 / DOI:10.18611/2221-3279-2017-8-3-20-37.

[36] См. подробнее: *Подберёзкин* А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[37] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — Т. 1. — 796 с.

[38] Talent for Europe. Towards an Agenda for 2020 and beyond. High-Tech Leadership Skills for Europe. March 2017 / http://www.eskills-scale.eu/fileadmin/eskills_scale/all_final_ deliverables/scale_e-leadership_agenda_final.pdf

[39] Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений: сборник статей / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 307.

[40] *Подберёзкин А. И.* Военная сила и политика новой публичной дипломатии / Обозреватель, 2016. Декабрь. — №12. — С. 17–21.

Глава 13
Долгосрочные вероятные сценарии военно-политического развития России после 2025 года

Россия — единственная глобальная сила, способная и готовая к противодействию в военном и идеологическом плане[1]

А. Гилёв,
военный эксперт

Стратегический прогноз Российской Федерации разрабатывается по поручению президента РФ на 12 и более лет правительством РФ с учетом данных, представляемых федеральными органами исполнительной власти, органами власти субъектов РФ и Российской академией наук. Корректировка Стратегического прогноза … должна осуществляться каждые 6 лет[2]

ФЗ № 172, Ст. 23

На фоне амбициозных программ военно-технического строительства, озвученных В.В. Путиным в Послании 1 марта 2018 года, кажется, что в России не существует проблемы долгосрочного военно-политического и социально-экономического прогнозирования, хотя Президент России в том же послании предупреждал об исключительно важном аспекте фактически цивилизационного соперничества между Западом и Востоком. В самом общем виде оно выражается в том, что в ретроспективе 30 лет (от 1990 до 2020 года) Россия оказалась в положении стратегического аутсайдера, выйдя к 2018 году только на уровень развития РСФСР 1990 года в то время как Китай, Индия, США и новые центры силы в несколько раз увеличили не только объемы своего ВВП, но и качество экономики.

Основные сценарии военно-политического развития России и их варианты на период 2025–2050 годов, основанные на известных парадигмах и информации к 2018 году, являются обязательной областью для долгосрочного стратегического прогноза, имеющей исключительно важное прикладное политическое значение. Их нельзя заменить даже сколько-нибудь обоснованными планами военно-технического строительства или программой ГОЗ в среднесрочной перспективе, например, до 2027 года, которые ориентированы сугубо на технологические и экономические аспекты. «Горизонт» ГОЗ до 2027 года обозначен запросами на ВВСТ военных, а не развитием ВПО в мире, которое может принципиально изменить такие запросы в самые короткие сроки.

К началу 2018 года Россия подошла в состоянии высшей степени неопределенности не только с точки зрения будущей ВПО, но и своего будущего[3]. Оптимизма президентского послания В. В. Путина отражает пока что намерения, а не реальность. Хуже того, внутри большинства правящей элиты нет сколько-нибудь определенного представления о первом и втором: значительная часть правящей элиты воспитана в системе либеральных ценностей 90-х годов и унаследовала по сути антигосударственные взгляды западников. Даже проект бюджета 2018–2020 годов свидетельствует не только об инерции социально-экономического развития России, но и отсутствии у ее элиты долгосрочных представлений о будущем, которые существенно расходятся с политическими реалиями. Тем более о долгосрочных, стратегических перспективах. В том числе и из-за политико-идеологического кризиса и из-за провалов в теоретических наработках после развала СССР[4].

Иными словами, в условиях резкого обострения ВПО в мире в 2018 году у правящей элиты страны в целом не было сколько-нибудь обоснованного представления о стратегической картине мира до 2050 года, будущей ВПО, а, значит, и исходных данных для стратегического планирования развития страны. Всё, чем располагало общество (не говоря о закрытых и мало известных специальных работах МО), — проекты и бюджеты страны, а также ни к чему не обязывающие многочисленные концепции, о которых забывали еще до их публикации, а также оценками и запросами соответствующих силовых структур и ведомств, которые часто исходили из своих, узковедомственных

потребностей. Ситуацию не могло исправить и послание президента В.В. Путина 1 марта 2018 года, в котором были обозначены среднесрочные перспективы развития, а не долгосрочная стратегия.

Не было и стратегического плана развития страны, рассчитанного на долгосрочную перспективу потому, что не было даже самого общего представления о «желаемом будущем» для всей нации. Ситуацию не исправила даже избирательная кампания В.В. Путина, которая была бы отличным и своевременным поводом для представления всему обществу проекта будущего плана развития России — так, как правило, делается в ходе всех избирательных кампаний[5]. Президентское послание, скорее, было тактическим, а не стратегическим документом. Но эта норма не стала поводом.

Надо признать, что слишком медленное и непоследовательное возвращение России к стратегическому прогнозированию и планированию с начала нового столетия стало следствием двух фундаментальных причин, сохраняющих значительное влияние в 2018 году, в том числе на военно-политическое планирование[6]:

Во-первых, отказа правящей элиты от сколько-нибудь оформленной идеологии, как системы взглядов (в т.ч. по укреплению государства), означает фактически и отказа и от обоснованного (пусть политически) целеполагания, без которого стратегическое планирование лишено всего смысла. Отсутствие «национальной идеи» означает неизбежное отсутствие не только «образа будущего», даже самых общих представлений о будущем, но и сугубо практической стратегической цели и плана развития в социально-экономической и иной областях[7].

Между тем такая идея объективно не просто существует, но и требует превращения в самую приоритетную политическую цель. Причем неотложного, срочного, потребность к чему возрастает по мере обострения ВПО: если в относительно спокойных условиях развития МО и ВПО можно пренебречь стратегией и эффективным управлением, то в условиях кризиса — это становится преступлением тех, кто претендует на управление[8]. Эта общенациональная идея и стратегическая цель — развитие национального человеческого капитала (НЧК), которое стало такой целью для ведущих западных стран уже с конца XX века, и о котором говорил еще 30 лет тому назад А.И. Солженицын. Формально к ней обращался в своих посланиях ФС в 2016 и 2018 годах и В.В. Путин.

Во-вторых, сохранение в начале века в России влияния вульгарно-либеральных взглядов правящей элиты, предполагающей категорический отказ от советского опыта («Госплана–Госснаба»), который лежит в основе социально-экономического планирования. И, соответственно, кадров, принимающих важнейшие решения. Сложилась уникальная ситуация, когда у Минфина, Минэкономики и ЦБ есть «своё» видение будущего, «свои» приоритеты, «свои» планы, а у Минобороны и других министерств, обеспечивающих национальную безопасность, свои[9]. Эти планы основываются на фактическом отрицании любых прогнозов, планов и целеполагании, ориентации на «всесильную рыночную стихию», которая и «так все отрегулирует».

Но эти же причины (а совсем не санкции и кризис) стали основой для формирования инерционно-стагнационного курса России в 2009–2017 годах, причем прежде всего в области ментальной, когда правящая элита согласилась с тем, что России будет развиваться медленных других стран или не развиваться вообще. Это отношение фактически стало той основой, которая легла в качестве фундамента для нынешней политики не только в социально-экономической области, когда всерьез прибавку в несколько рублей рассматривают в правительстве в качестве взноса в улучшение материального положения, но и в области промышленного, научно-технического и технологического развития, где нарастающий разрыв стал уже не просто угрожающим, но и катастрофическим.

Таким образом, в 2018 году в российском истэблишменте не существовало общего представления о будущем МО и ВПО и желаемом будущем для России (исключая самых общих слов о патриотизме и суверенитете), а также о стратегии развития страны. Попытка В.В. Путина сконструировать это будущее, опираясь на некие отдельные элементы (например, на рост душевого ВВП в 1,5 раза или увеличение продолжительности жизни) выглядят достаточно бессистемными. В основе военно-политического планирования России находились не всегда понятные и объяснимые оценки и запросы силовых министерств, прежде всего МО и Генштаба, а не будущие военно-политические условия и особенности развития мира и российской нации[10]. «Сюрпризы» В.В. Путина, сделанные входе Послания 1 марта 2018 года, подтверждаю этот вывод: обще-

ство не знает, в каком направлении развивается не только ее военно-техническая политика, но и ее принципиальные цели.

Это означало, что вероятность ошибки и негативных последствий для страны была и остается очень высока. Также как и в 1989 году для СССР, когда велась работа над редакцией военной доктрины ОВД (которая через год перестанет существовать), Россия может оказаться в таких военно-политических условиях, которые не предусмотрены ни существующими концепциями, ни ГОЗ до 2027 года, ни развитием МО, которая (как показали, например, маневры КНДР в ядерной области) может меняться не только очень динамично, но и радикально.

13.1. Отсутствие стратегического прогнозирования и планирования в России в военно-политической области

> В основе всех перспективных военных разработок … лежат выдающиеся достижения, которые могут, должны и будут в свое время использоваться в высокотехнологичных гражданских отраслях производства…[11]
>
> *В. Путин*

> … в 2020–2050 гг. реальными возможностями по созданию широкого спектра военных технологий кроме России будут обладать только Соединенные Штаты и КНР…[12]
>
> *А. Фролов,*
> *Главный редактор журнала*
> *«Экспорт вооружений»*

В России отсутствует сколько-нибудь обоснованное стратегическое прогнозирование и планирование на перспективу после 2025 года. Не смотря на принятие в 2014 году ФЗ «О стратегическом планировании» и целого списка нормативных документов, требующих конкретных действий, ситуация в этой области остается прежней, хотя именно военно-политическая область сегодня требует самого неотложного внимания. Если в других областях, например, социально-экономической и финансовой, неудачи в прогнозах и планировании могут как-то

оправдать отсутствие реальных инструментов и механизмов (хотя я полагаю, что это просто отговорки), то в военно-политической области такая ситуация недопустима: радикальные изменения ВПО (в частности, по военным бюджетам США и их союзников, новым концепциям и стратегиям и т.д.), требуют немедленной реакции и внесения коррективов в военную политику России[13].

Этот вывод ничуть не противоречит тому, что в России создаются самые современные и эффективные системы и виды ВВСТ, о которых, например, говорил В.В. Путин в своем послании ФС РФ 1 марта 2018 года. Напомню, что он, в частности, сказал: «… хочу особо отметить: такое уникальное, сложнейшее оружие может успешно разрабатываться и производиться только государством **с высочайшим уровнем фундаментальной науки и образования, мощной исследовательской, технологической, промышленной, кадровой базой.** И вы видите, что всеми этими ресурсами Россия располагает.

Мы будем наращивать этот потенциал, концентрировать эти возможности на решении тех масштабных задач, которые стоят перед страной в экономике, в социальной сфере, в инфраструктуре. И такое уверенное **долгосрочное развитие России всегда будет надежно защищено**.

Повторю, каждая из названных систем оружия уникальна и важна, но еще более значимо то, что все это вместе дает возможность специалистам Минобороны и Генерального штаба создавать перспективную, комплексную систему обороны страны, в которой каждому новейшему инструменту вооруженной борьбы отводится своя роль. Наряду с имеющимся и уже стоящим на боевом дежурстве оружием стратегического назначения, которое мы также постоянно совершенствуем, Россия получает такую систему обороны, которая надежно обеспечит ее безопасность на длительную перспективу»[14].

Речь идет не о создании современных видов ВВСТ, а о стратегическом прогнозе и планировании развития России, в т.ч. ВПО в мире, который фрагментарно делался В.В. Путиным в т.ч. и в его послании, и о его периодически повторяемых призывах «заглянуть за горизонт», которым для нас сегодня может являться 2025 год. Более того, все призывы В.В. Путина «заглянуть за горизонт» так и остаются призывами.

«Долгосрочный прогноз» А. Фролова, на мой взгляд, не вполне обоснован: сегодня никто в России системно не прогнозирует именно международные и военно-технологические последствия развития технологий, в т.ч. социальных, а тем более делает политические выводы. К сожалению, отсутствие реальной стратегии долгосрочного развития России в 2018 году (при наличии формально существующих «Стратегии национальной безопасности» и ФЗ «О стратегическом планировании», как и целого ряда других нормативных документов) лишает нашу страну реальных перспектив национального развития и эффективной политики национальной безопасности, включая ее военные аспекты[15]. И это отсутствие, конечно же, не может компенсировать даже такое масштабное ежегодное послание В. В. Путина 1 марта 2018 года, которое некоторые поспешили назвать «планом стратегического развития России». Такой план мог бы быть только политико-идеологической программой (как в КНР или США), но поскольку правящая российская элита уходит от этого, то и вряд ли стоит ожидать сколько-нибудь обоснованных прогнозов и планов на период после 2025 года.

В этой связи можно привести пример с прогнозом развития ВПО после 2025 года, который иллюстрирует долгосрочный подход Запада.

«Война» — отнюдь не одноразовое явление или некий «законченный акт». Это — политический процесс, который начинается с применения насилия (не обязательно военного) и заканчивается нормализацией отношений. Итог «нормализации» сегодня по оценке Запада, это принятие внешне навязываемых условий для России в результате «политики принуждения» («the power to coerce»), иначе говоря, капитуляции. При этом компромисс возможен только очень условный — как компромисс по принятию западных условий (рис. 13.1[16]).

Как видно, из 9 стадий процесса (достаточно условных) выделяются стадии «насилия» и «нормализации», являющиеся своего рода «границами войны».

Это категорическое утверждение, прежде всего в полной мере относится к долгосрочному прогнозу развития России после 2025 года. Именно поэтому в процессе работы предстоит сделать слишком много не всегда обоснованных допущений и предположений, которых было бы значительно меньше при прогнозе развития тех стран (как, напри-

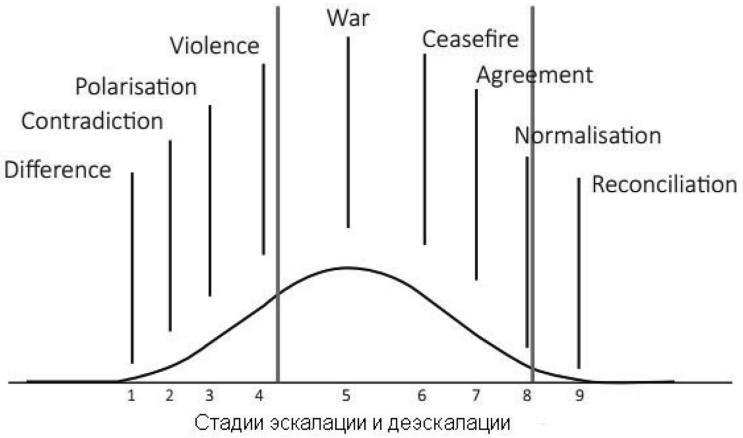


Рис. 13.1. «Петля эскалации» и деэскалации конфликта

мер, КНР, Великобритания, Австралия), где существуют к настоящему времени устоявшиеся политико-идеологические системы и, как следствие, долгосрочные национальные стратегии.

Другая причина заключена в том, что несколько десятилетий в России искусственно и сознательно игнорировались любые сколько-нибудь значимые попытки прогноза и планирования по причинам чисто политико-идеологического порядка: ассоциирование планирования с политическими функциями Госплана и политической системой СССР, коммунизмом и директивным управлением считалось вредным для «рыночных реформ»[17]. Это привело, в конечном счете, также как и в других областях, к отставанию в стратегическом планировании, хотя именно в этой области в СССР были сделаны самые глубокие теоретические и практические наработки, используемые сегодня за рубежом. Иными словами проблема стратегического планирования стала составной частью проблемы доминирования либерализма (идеологии и кадров) в политике России. В 2018 году В.В. Путин сделан в послании новый шаг в развитии основ своей идеологии и политики, который неизбежно должен привести к вытеснению либеральной части правящей элиты из политической жизни России.

Исходя, прежде всего, из потребностей военно-политического планирования, требуется вернуть себе это политическое и идеологическое лидерство, что можно сделать, только попытавшись соединить резуль-

таты научной работы советских и российских ученых прежних лет (с возрождением прежних школ) и современными научными исследованиями в этой области. Такой синтез мог бы дать положительный результат в короткий срок потому, что создавать научные школы в области прогнозирования и стратегического планирование на новой основе потребует много времени, которого у нас сегодня нет. Нам требуются уже сегодня достаточно оперативные результаты в военно-политической области, способные с научной точки зрения обосновать возможности стратегического прогнозирования и планирования в интересах национальной безопасности России.

13.1.а). На каком этапе использования стратегического прогнозирования в военно-политической области мы находимся?

Изначально сегодня, в 2018 году, важно объективно оценить состояние стратегического прогнозирования и планирования в России. Если говорить коротко, то мы находился на этапе перехода от полного отрицания необходимости этих процессов на государственном уровне к более чем скромным эклектическим попыткам его реализации в интересах политической практики, в частности, развития Государственной программы вооружений, которая в любом случае имеет долгосрочный характер и нуждается в достаточно фундаментальном, на мой взгляд, военно-политическом обосновании[18]. Фактически это означает, что реальный долгосрочный стратегический прогноз делает в современной России очень ограниченный и малоизвестный круг лиц, одним из которых является В.В. Путин, который в своем ежегодном послании Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 года, например, сказал следующее: «Дело в том, что скорость технологических изменений нарастает стремительно, идёт резко вверх. Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперёд. Тех, кто не сможет этого сделать, она — эта волна — просто захлестнёт, утопит.

Технологическое отставание, зависимость означают снижение безопасности и экономических возможностей страны, а в результате —

потерю суверенитета. Именно так, а не иначе обстоит дело. Отставание неизбежно ведёт к ослаблению, размыванию человеческого потенциала. Потому что новые рабочие места, современные компании, привлекательные жизненные перспективы будут создаваться в других, успешных странах, куда будут уезжать молодые, образованные, талантливые люди, а вместе с ними общество будет терять жизнеспособность и энергию развития.

Повторю: изменения в мире носят цивилизационный характер. И масштаб этого вызова требует от нас такого же сильного ответа. Мы готовы дать такой ответ. Мы готовы к настоящему прорыву»[19].

Масштаб «цивилизационного» характера происходящих в МО и ВПО перемен (в качестве оценки президента страны) имеет огромное значение, хотя бы потому, что большинство правящей элиты России не признает такого характера, тщательно обходя оценки «цивилизационного» противоборства[20].

Так, например, будущее МО и ВПО будет предопределяться соотношением сил между основными центрами силы и цивилизациями, которое измеряется, прежде всего, количеством и качеством человеческого потенциала. Его оценка (в т.ч. и в послании ФС РФ В.В. Путина) имеет огромное значение, лежащее в основе социально-экономического прогноза развития России и ее стратегии.



Примечание. На рисунке наиболее оптимистический (верхний); средний; наиболее пессимистический (нижний). Многообразие вариантов отражает множество различных комбинаций сценариев рождаемости, смертности и миграции, каждый из которых имеет свои верхний (В), средний (С) и нижний (Н) варианты. Соответственно верхний вариант на рисунке получен объединением верхних сценариев рождаемости, смертности и миграции (ВВВ), средний – средних сценариев (ССС), нижний - нижних сценариев (ННН).

Рис. 13.2[21]. Численность населения России: 1950–2050 гг., с 2017 г. — три варианта прогноза, млн человек

При этом, учитывая специфику развития МО и ВПО после 2025 года, значение долгосрочного прогноза может быть определено только как относительное (применительно к прогнозам других центров силы и ЛЧЦ), прежде всего, западной, китайской, индийской и исламской.

Сразу же оговорюсь, что в науке и в политической практике России реальные результаты стратегических прогнозов и планирования отсутствуют, а их симулякры, существующие в виде формально утвержденных документов или наработок различных институтов РАН, — ни в коей мере не могут заменить сегодня реальных работ в области стратегического прогнозирования развития России[22]. Хотя бы потому, что они не находят практического применения, но, что бывает чаще, потому, что нередко вводят в заблуждение читателей.

Можно сказать, что реальный этап в вопросе о стратегическом планировании начался после провала так называемой «Концепции социально-экономического развития России», принятой в марте 2008 года. Но дальше произошло следующее: кризис и потеря интереса, невозможность прогнозировать даже приблизительно темпы развития ВВП (прогноз которых МЭР в 2017 году, например, пересматривал четыре раза), привел к потере интереса и недоверию в отношении стратегического прогнозирования.

Напомним, что в 2014 году на смену Федеральному закону от 20 июля 1995 года №115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации», который должен был бы быть правовой основой государственного прогнозирования и программирования, пришел Федеральный закон от 28 июня 2014 года №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Но проблема в том, что начатый новый этап развивается крайне медленно и не последовательно, сохраняя прежние ошибки, что негативно отражается на прогнозе и планировании военно-политического развития России[23].

Так, эксперты подчеркивают, например, что в соответствии с Законом № 115-ФЗ от 1995 года какое-то время (до 2014 года) разрабатывались государственные прогнозы социально-экономического развития РФ на долгосрочную, среднесрочную и краткосрочную перспективы, а также концепции социально-экономического развития РФ на долго-

срочную перспективу и программы социально-экономического развития на краткосрочную и среднесрочную перспективы. Аналогичные документы принимались и на уровне субъектов Российской Федерации[24].

Однако указанный Закон №115-ФЗ действовал не в полной мере. Точнее, — если говорить прямо, — вообще не действовал. Например, в 2008 году Минэкономразвития России подготовило проект Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 1 ноября 2008 года № 1662-р), получивший название так называемая «Стратегия 2020». «Стратегия 2020» разрабатывалась не по правилам Закона № 115-ФЗ, а в соответствии с поручением Президента РФ, данного по итогам заседания Государственного совета РФ 21 июля 2006 года. Но и этот труд рисковал остаться не законченным, если бы не очередное поручение Президента РФ на совещании с Правительством РФ по экономическим вопросам 1 ноября 2007 года, которым предписывалось активизировать работу над Концепцией.

Из предусмотренных Законом №115-ФЗ прогнозов и программ регулярно принимались только среднесрочные программы социально-экономического развития РФ. Но периодичность их принятия не была связана с требованиями Закона, а скорее была обусловлена политической необходимостью. Закон №115-ФЗ не конкретизировал правовой статус концепций социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу[25]. Вопросы разработки и содержания долгосрочных программ должны были регулироваться Правительством РФ. Такое понижение статуса концепций до уровня постановлений Правительства РФ создавало опасность их неисполнения федеральными министерствами и ведомствами, что и происходило на практике. Это касалось и среднесрочного, и краткосрочного прогнозирования и программирования.

Надо вспомнить, что именно в 1998 году был дефолт, и это не могло быть случайностью. Такие результаты могли быть связаны с полным отсутствием среднесрочного прогнозирования в тот период, либо сознательным желанием некоторых должностных лиц уйти от возможной ответственности неисполнение Закона №115-ФЗ и поручений Председателя Правительства РФ. Связь между дефолтом 1998 года и отсутствие

системы прогнозирования нужно иметь в виду при анализе текущей экономической ситуации.

Есть несколько причин отсутствия системы прогнозирования и программирования на долгосрочную перспективу, то есть фактической неработоспособности Закона №115-ФЗ. Во-первых, это коллизии в законодательстве, в частности, противоречия с Бюджетным кодексом РФ. Во-вторых, это отсутствие механизма реализации закона в самом законе: ряд норм требовал принятия подзаконных актов. Ряд норм оставался неопределенным: например, это касалось определения ряда процедур Правительством РФ. Статус этих подзаконных актов оставался неоднозначен, что не позволяло создать в рамках Бюджетного кодекса РФ систему среднесрочного бюджетного планирования для перехода на трехлетние бюджеты[26].

Как уже сказали, новый закон формально был введен в действие через 10 дней после его опубликования, т.е. 11 июля 2014 года. Но заключительные положения закона предусматривают следующее.

До 1 января 2015 года должен был быть принят план подготовки документов стратегического планирования, содержащий сроки разработки и утверждения (одобрения) документов стратегического планирования. Поиск по правовой базе данных не выдал такого плана на уровне Федерации, хотя у ряда субъектов РФ такие планы, действительно, утверждены.

До 1 января 2016 года должны были быть приняты акты, определяющие порядок разработки и корректировки документов стратегического планирования, а также осуществления мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования. Тут все хорошо: было принято постановление Правительства РФ от 29 октября 2015 года №1162 «Об утверждении Правил разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации по вопросам, находящимся в ведении Правительства Российской Федерации»[27].

Другими словами, в 2017 году мы находились примерно на том же уровне развития стратегического прогнозирования и планирования, как и в 2014 году. И такое положении не позволяет нам сколько-нибудь обосновано прогнозировать развитие России на правительственном

уровне, а, значит, и заниматься стратегическим планированием и последовательной реализацией поставленных долгосрочных задач в военно-политической области, соответствующих скорректированной политике США и их коалиции[28].

Впрочем, и самих таких долгосрочных задач нет. Существуют только краткосрочные, не более, чем на 1–2 года, цели: удержать инфляцию в пределах 4%, выйти на более, чем скромный рост ВВП, прекратить снижение социально-экономических показателей и продолжить замену ВВСТ. Для целей развития нации, тем более долгосрочных, этого явно не достаточно.

Стагнация экономики России в эти годы подтверждает этот факт, но — что еще хуже — новый федеральный бюджет на 2018–2020 годы свидетельствует о том же самом[29]. В лучшем случае нас ожидает более, чем скромный рост в условиях ухудшающейся ВПО до 2025 года.

Ситуацию в самом общем виде сдвинул В. В. Путин, который в своем ежегодном посланию ФС РФ 1 марта 2018 года дал стратегические ориентиры для развития экономики, социальной сферы и военной политики. Так, в частности, он дал целый перечень перспективных задач, которые должны быть решены в среднесрочной перспективе (5–7 лет) роста «качества жизни людей», интегрирующий душевой доход и продолжительность жизни: «Россия должна не только прочно закрепиться в пятёрке крупнейших экономик мира, но и к середине следующего десятилетия увеличить ВВП на душу населения в полтора раза[30]. Это очень сложная задача. Уверен, мы готовы эту задачу решить». — Сказал Президент России. И далее: «Важнейший базовый показатель благополучия граждан и страны — это, конечно, продолжительность жизни. Напомню, в 2000 году в России она составляла немногим более 65 лет, а у мужчин — вообще меньше 60. Это не просто мало, это трагедия, трагически мало.

В последние годы темпы роста средней продолжительности жизни в России — одни из самых высоких в мире. Нам удалось этого добиться. Продолжительность жизни увеличилась более чем на семь лет и составляет 73 года. Но и этого, конечно, недостаточно. Сегодня мы обязаны поставить перед собой цель принципиально нового уровня. К концу следующего десятилетия Россия должна уверенно войти в клуб стран

«80 плюс», где продолжительность жизни превышает 80 лет. Это в том числе такие страны, как Япония, Франция, Германия.

При этом опережающими темпами должна расти продолжительность именно здоровой, активной, полноценной жизни, когда человека не ограничивают, не сковывают болезни. Убеждён, такая цель, учитывая положительную динамику прошлых лет, достижима. И для этого всей России, конечно, предстоит сделать большой шаг в своём развитии, чтобы качественно изменилась жизнь каждого человека»[31].

Проблема, однако, в том, что эти задачи носят среднесрочный характер, т.е. рассчитаны на перспективу президентства В. В. Путиным 2018–2024 годов, а не на стратегическую перспективу хотя бы 15–20 лет. Поэтому они не могут стать стратегией развития страны, тем были долгосрочной. Так, например, увеличение ВВП в 1,5 раза, о чем В. В. Путин сказал в послании, будет означать его рост с 15 до 22–24 тыс. долл. на человека, и то существенно ниже уровня развитых государств.

В реальности требуется увеличение душевого ВВП до уровня Швейцарии и Норвегии (60–65 тыс. долл.), т.е. в 4 раза, или на 400%, если мы



Рис. 13.3[32].

хотим достичь уровня жизни наиболее передовых государств, а продолжительности жизни в 2025 году не 80+, а 85+.

Иными словами, «горизонты (стратегического) планирования» должны быть ясно обозначены. В том числе и потому, что все руководители (не только федеральных органов, но и в регионах и на местах) должны ориентироваться на эту перспективу.

13.1.б). Необходимость и возможность «заглянуть за горизонт» 2025 года при политическом планировании: энергетические и демографические тренды

Необходимо «заглянуть за горизонт»[33]
В. Путин

Необходимость «заглянуть за горизонт» стратегического планирования, который сегодня у нас в лучшем случае ограничен 5–7 годами, — гораздо больше, чем имеющиеся возможности. Не случайно в течение последних 5 лет В. В. Путин не раз говорил о необходимости «заглянуть за горизонт» того планирования и видения, которое существует в обществе и в правящей элите. Лидер отличается от обычных людей, прежде всего, способностью к стратегическому прогнозу, который, как правило, не интересен большинству правящей элиты, а тем более обычных людей[34], чьи потребности ограничены сегодняшним днем. Тем не менее, даже в своем послании 1 марта 2018 года В. В. Путин не попытался «заглянуть» в будущее больше, чем на 6 лет.

Не интересен стратегический прогноз, как правило, и правящей элите, которая ориентирована в лучшем случае на среднесрочные цели. Исследования показали примерное распределение этого долгосрочного интереса среди опрошенных как представителей абсолютного меньшинства.

Из него, в частности, видно, что долгосрочный прогноз, особенно МО и ВПО, интересует очень узкую группу людей. Даже среди правящей элиты интерес ограничен сроком пребывания у власти, этой груп-

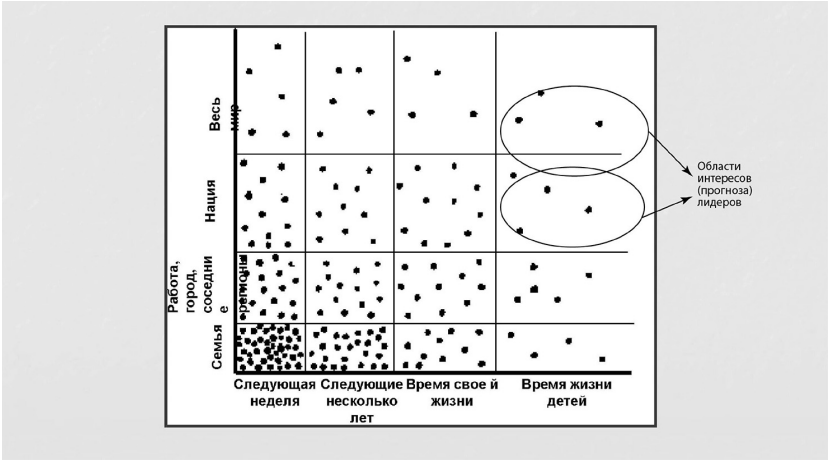


Рис. 13.4[35]. Распределение людей по группам в зависимости от масштабности волнующих их перспектив

пы, а в лучшем случае — будущим их детей. Таким образом, долгосрочные стратегические прогнозы важны, но, не интересны правящей элите, которую в лучшем случае беспокоит временный отрезок до будущих выборов, либо смены власти.

Между тем, принятие сегодняшних, даже частных, решений не только сказывается на будущем, но и формирует его основные черты уже в настоящем. Иными словами, долгосрочные планы на будущее **уже сегодня меняют реальность**. Поэтому государственные деятели и политики, ориентированные хотя бы на будущее отчасти, вынуждены принимать во внимание последствия своих решений. Для них формула: «Шах, осёл, либо я, но кто-нибудь к тому времени умрет» — не вполне приемлема.

На самом деле, как оказывается, прикладное, значение таких прогнозов — огромно. И прежде всего потому, что дальновидные политики понимают, что долгосрочные последствия начинают сказываться значительно раньше, чем они запланированы. Приведу несколько примеров.

Энергетические тренды в МО и их влияние на ВПО до 2050 года

Важное значение для стратегического прогноза развития ВПО в мире имеет прогноз основных энергетических трендов. Причем не столько в традиционно-макроэкономическом, сколько в геополитическом аспектах.

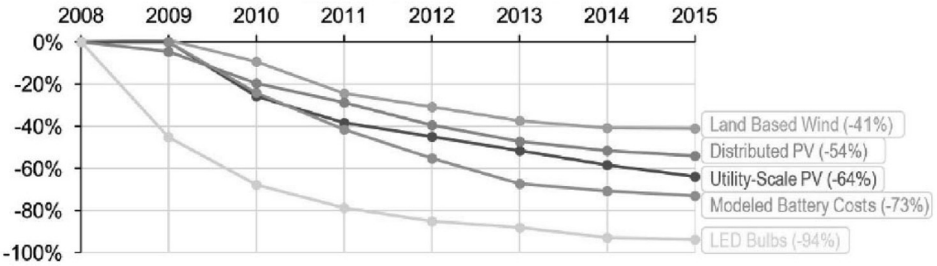


Рис. 13.5. Снижение себестоимости электроэнергии, получаемой от возобновляемых источников

Так, политика финансирования правительством США возобновляемых источников энергии не привело пока что к отказу от традиционных видов энергии, или даже сокращению потребления, но уже привело к существенному снижению их себестоимости, что хорошо видно на графике (рис. 13.5), демонстрирующем развитие различных источников энергии в недавнем прошлом.

Более того, эти тенденции могут привести к тому, что в период 2020–2040 годов потребности растущей экономики США будут во



Рис. 13.6[36].

многом обеспечены не только за счет роста импорта, но и за счет повышения эффективности потребления и снижения себестоимости возобновляемых источников энергии. Что, естественно, уже сказывается на отношениях США с европейскими государствами, включая Россию.

Эта тенденция уже превратилась в ведущую мировую тенденцию. Причем не только экономическую, но и технологическую и геополитическую. В частности, будет быстро расти доля возобновляемых источников энергии, которая в некоторых странах (таких, например, как Дания) к 2050 году может приблизиться к 100%, а это уже сегодня учитывается в будущей политике Дании, например, по отношению к России. Если в настоящее время структура энергопотребления в Дании распределяется между разными источниками энергии, то в результате реализации энергетической стратегии к 2050 году абсолютное большинство перейдет к возобновляемым источникам.

Это означает, что примеру Дании неизбежно последуют и другие развитые страны. И не только ОЭСР, но и такие новые экономические и технологические центры силы, которые больше других зависят от внешних источников энергии — Китай, Индия, Индонезия, Мексика и др. — и чья экономика после 2025 года будет развиваться наиболее

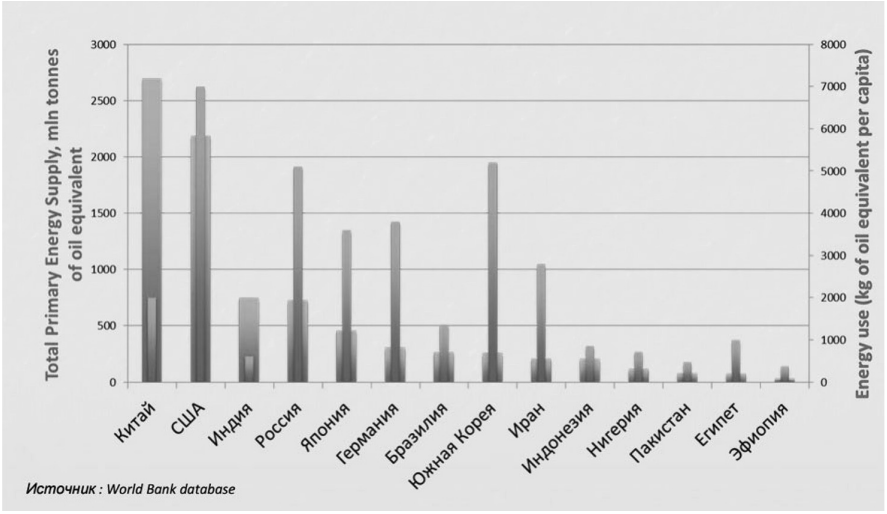


Рис. 13.7[37]. Потребление первичной энергии — на уровне стран и на душу населения

быстрыми темпами. Как видно из графика ниже (рис. 13.7), — огромный ресурс для роста потребления потенциально существует именно у новых, быстро развивающихся, центров силы, численность населения которых через 15–25 лет составит большинство населения планеты. Такие страны как Бразилия, Пакистан, Индонезия и ряд других будут ярко выраженными лидерами в росте потребления энергоресурсов на долгосрочной основе.

Это, кроме того, неизбежно даст толчок развитию новых технологий и производств, улучшит экологию развитых стран и многое другое.

Другой пример практического применения стратегического прогноза — связан с применением «мягкой силы» в политике России, которая сможет значительно усилить её влияние в мире. В новом веке основная борьба развернулась за защиту и продвижение цивилизационных и национальных ценностей в мире, на основе которых создаются новые международные и правовые нормы и процедуры, которым заставляют следовать более слабых субъектов МО. В этой связи исключительное значение имеют культурные и духовные ценности тех или иных наций, которые являются фундаментом для такой политики[38].

Борьба за защиту национальных ценностей и их продвижение в мире стала альтернативной политикой в большинстве стран мира. Кое-где, как в Иране, защита национальных ценностей имеет статус системной государственной политики, а в других странах — в Венгрии, Франции, Шотландии и др. — за этот курс идет самая ожесточенная борьба внутри самих правящих элит. При этом продвижение таких ценностей в мире становится важным внешнеполитическим инструментом. Причем очень эффективным. Так, масштабная помощь и продвижение российской культуры и искусства за рубежом, научных и технических достижений, вне сомнений позволят добиться, как минимум, двух глобальных результатов:

— укрепления и продвижения российской системы ценностей в мире, что не менее важно, чем экономические и финансовые успехи;
— развитие национального человеческого капитала (НЧК) и его институтов, оказывающих сильное влияние на формирование МО и ВПО[39].

Эта политика, кроме того, имеет и два других огромных достоинства:

— она не несет в себе политических и финансовых рисков;

— она, безусловно, позитивно-результативна — один танк по своей стоимости равен очень крупному фестивалю российской музыки, который не будет стоять на складе, а потом утилизирован (опять же, за деньги).

В период 2030–2050 годов мировое потребление углеводородов стабилизируется при сохранении роста ВВП и (вероятно) численности населения, которые потребуют роста душевого потребления в ряде стран до уровня США, что гарантирует потребности в газе и нефти даже при развитии энергосберегающих технологий. Поэтому борьба за энергоресурсы, доступ к их добыче и потреблению, станет фактором формирования МО и ВПО до 2050 года. Это также означает, что рост энергозависимости ряда государств к 2050 году будет идти, может быть, даже более быстрыми темпами, но преимущественно не только за счет возобновляемых источников энергии.

Это же означает, что имеющиеся преимущества России как экспортера энергоресурсов неизбежно будут постепенно исчезать и будут практически исчерпаны если не к 2030, то 2050 году. Эта тенденция отчетливо обозначилась во втором десятилетии XXI века. Как видно из данных ниже, рост экспортных поставок российского газа прекратился, а его потребление в странах ЕС и на Украине стало сознательно

Таблица 13.1. Российский экспорт природного газа, млрд м³

Год	Экспорт (всего) [237]	Экспорт (в ЕС)*	Транзит через Украину
2010	177,8	138,6	92,0
2011	189,7	150,0	104,2
2012	178,7	149,9	84,3
2013	196,4	172,6	86,1
2014	174,3	152,0	58,8
2015	190,0	150,0	50,0

* **Справочно**: поставки российского газа в Европу включают кроме 18 стран ЕС (Австрия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Италия, Македония, Финляндия, Нидерланды, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Франция, Хорватия, Чехия), также поставки в европейские страны, не являющиеся членами ЕС (Турция, Сербия, Босния и Герцеговина, Швейцария).

сдерживаться. При этом важное значение стал занимать транзит газа через территорию Украины, который стал устойчиво сокращаться с 2014 года, грозя его фактическим прекращением после 2020 года.

Зависимость стран ЕС от поставок российского газа после 2014 года превратилась в политическую проблему не случайно: США были крайне в этом заинтересованы, в том числе и по экономическим причинам, которые отчетливо проявились в ходе реализации ими в 2014–2018 году политики широких санкций против России. Между тем, есть основания полагать, что США и их сторонникам не удастся избавиться полностью от поставок российского газа. В особенности тем странам, где его доля в импорте высока или даже очень высока. Таким образом, можно предположить, что до 2050 года в странах ЕС сохранится заинтересованность в российском экспорте, как минимум, на уровне 2014–2018 годов, однако это будет проявляться во взаимном противодействии двух тенденций:

— росте душевого потребления газа и заинтересованности в сохранении российских поставок; это может привести к усилению сотрудничества и строительству альтернативных газопроводов в обход Украины с юга или с севера континента;



Рис. 13.8. Зависимость европейских стран от украинского транзита

— снижении потреблении газа и его замещением альтернативными или американскими источниками энергии, что, вкупе с политическим давлением, будет вести к попыткам вытеснить Россию из Европы.

Либерализация газового рынка ЕС снижает долю долгосрочных контрактов в пользу увеличения ниши спотовых продаж. Кроме того. Набирает обороты так называемый рыночный принцип «свободный газ» — «gaz release», означающий свободную продажу и перепродажу газа[40]. Это, кстати, прекрасно понимают на Западе, где США активно борются за рынок СПГ в Европе, преследуя геополитическую (привязку Германии и других стран к своим поставкам) и одновременно экономическую цель. Так не секрет, что США занимают ведущее место в добыче газа, но значительно меньшее — в его экспорте.

Основными источниками энергии были и остаются нефть, уголь и газ, доля которых в мировом энергетическом балансе составляет соответственно 32, 27 и 23 процента. Есть все основания предполагать, что в период с 2025 по 2050 годы эта ситуация существенно не изменится: пропорции будут медленно меняться в Европе в пользу газа, но это не означает, что в мире будет развиваться такая же тенденция. При этом следует особо подчеркнуть, что наиболее экологичным из трех ведущих энергоносителей является природный газ, но в Евразии и других быстро развивающихся рынках будет испытываться его дефицит, который будет компенсирован углем.

Другой «газовый» аспект — отношения России и США. Как известно, лидерами газодобычи традиционно являются США и Россия, на долю которых приходится примерно поровну — 20 и 18 процентов соответственно (рис. 13.9). Однако по экспорту природного газа Россия значительно (202 и 43 млрд $м^3$) превосходит США. И есть все основания предполагать, что такая ситуация сохранится после 2025 года потому, что огромная экономика и население США будут продолжать расти и требовать всё большего количества природного газа.

Прогнозы развития России пока что не обнадеживают, что также стабилизирует потребление газа внутри страны на существующем уровне даже с учетом реализации программ газификации. Таким образом, структура экспорта газа во многом будет зависеть от таких стран как Катар, Иран и Саудовская Аравия, а также других государств, что

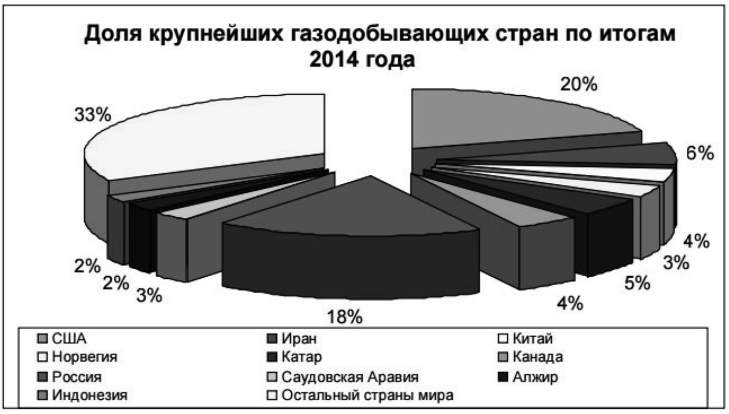


Рис. 13.9[41]. Доля ведущих стран в мировой добыче природного газа

делает их приоритетными объектами для американской внешней политики в долгосрочной. Это также означает, что следует прогнозировать до 2050 сознательную дестабилизацию Соединенными Штатами ВПО не только в Ираке и Сирии, но и в Катаре, Саудовской Аравии и других государствах-экспортерах газа.

Кроме того, США будут пытаться вытеснить других экспортеров с газового рынка, попытавшись заменить их экспорт своими поставками сланцевого газа. Еще недавно такое трудно было себе представить, но Соединенные Штаты не только являются крупнейшей газодобывающей страной, но и собираются осуществлять поставки сжиженного газа на внешние рынки. Стоит отметить, что еще несколько лет назад США были крупнейшим импортером газа в мире. Рост добычи, причем не только газа, но и нефти, был обеспечен за счет освоения сланцевых залежей. Так называемая «сланцевая революция» — процесс внедрения технологий, позволяющих осуществлять добычу газа и нефти из залежей сланцевых пород, позволила увеличить объемы добычи газа, что привело к снижению цен на природный газ внутри страны. В результате, США объявили о намерении стать крупным игроком на СПГ — рынке, построенные для импорта в Европу.

Эти тенденции будут продолжаться и даже усиливаться, «привязывая» экономику других стран к американскому экспорту, который может быть очень надежным якорем вкупе с финансовыми акциями США. Доля газа в производстве электроэнергии до 2050 года будет оставаться критически

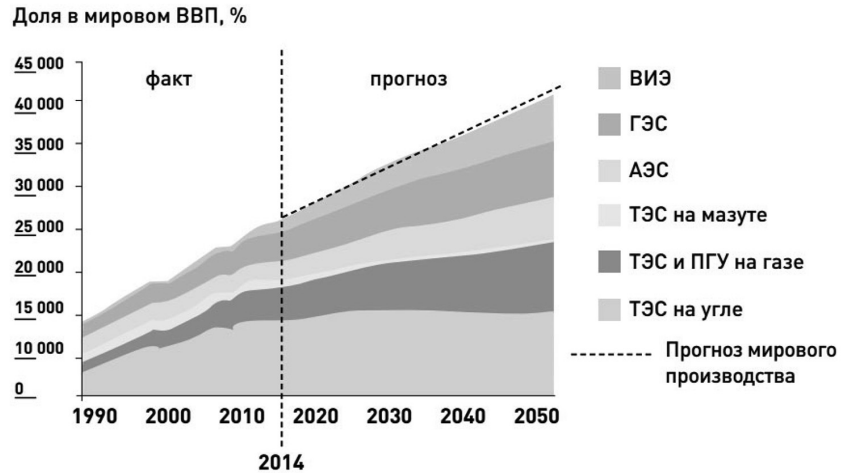


Рис. 13.10[42]. Динамика мирового электропроизводства и его структуры в 1990–2014 гг. (фактическая) и их прогнозы на 2015–2050 гг.

важной, что делает его объектом манипулирования и политическим средством для США. Контролируя поставки газа и атомную энергетику, а также технологии по возобновляемым источникам энергии (ВИЭ), которым в США уделяют огромное внимание, США смогут влиять на мировую экономику в целом решающим образом в период 2025–2050 годов, что хорошо видно на графике, приводимом ниже (рис. 13.10).

Это становится критически важно с ростом потребления жидких энергоносителей экономикой США после 2025 года. Как видно из графика, приводимого ниже (рис. 13.11), с 2020 года начинает резко увели-

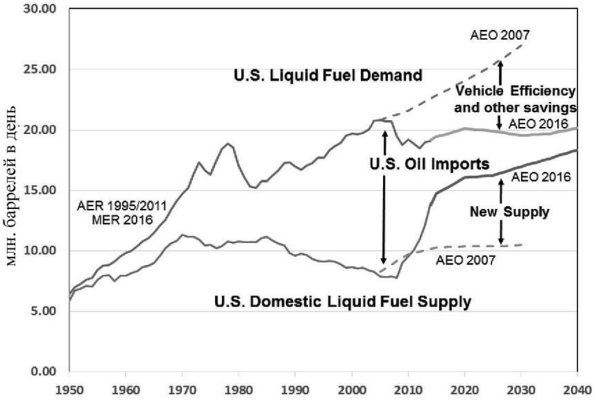


Figure 5: The EIA Annual Energy Outlook (AEO) projections for 2007 compared to those for 2016 illustrate the dramatic reduction in oil imports resulting from the reduction in demand growth from new CAFE standards for vehicles and other efficiency gains, and also because of the increase in U.S. domestic liquid fuel production, primarily from oil shale and natural gas liquids in this projection. Sources: DOE and EIA[11]

Рис. 13.11. История и перспективы поставок жидких энергоносителей

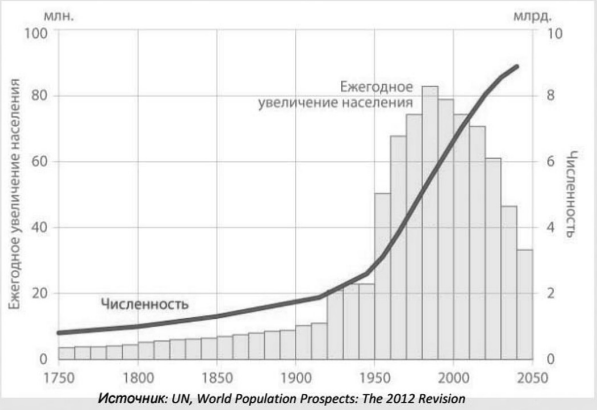
чиваться разрыв между потребностями США в жидких энергоносителях и их импортом, которые оцениваются в 10–15 млн баррелей в сутки. Этот разрыв должен быть компенсирован либо сланцевыми источниками, либо импортом. Причем такой импорт должен быть гарантированным и устойчивым, но, главное, он может в дальнейшем еще больше вырасти. При худшем для США сценарии (когда провалены программы энергоэффективности и сокращена сланцевая добыча) до 25–30 млн баррелей в день.

Демографические тренды и их военно-политические последствия для России

Огромное значение для прогноза будущей ВПО в мире имеет предположение о демографических последствиях. Это связано с двумя обстоятельствами:

Во-первых, резким усмотрением увеличения демографических диспропорций между развитыми государствами и новыми центрами силы, население которых будет составлять абсолютное большинство населения планеты после 2025 года.

Во-вторых, резким увеличением значения качества НЧК и его институтов, которое в еще большей степени усилит влияние демографи-



Источник: UN, World Population Prospects: The 2012 Revision

Пик относительного прироста численности населения пройден, максимальное значение прироста – 2,19 % в 1963-1964 упало до 1,10% – в 2010.
Пик абсолютного прироста также пройден, рекордное десятилетие 1980-1990, ежегодно численность увеличивалась на 80 миллионов человек.
В десятилетие 2000-2010 рост составил около 75 миллионов человек в год.

Рис. 13.12[43]. Пик прироста численности уже пройден

ческих изменений. Этот глобальный тренд — радикальные демографические изменения в мире, прогнозируемые до 2050 года, — имеющие прямое отношение к России. Остановимся на некоторых аспектах:

Во-первых, быстрый рост населения, особенно молодых возрастов, приведет к его увеличению к 2050 году до 9 млрд чел. (т.е. на 3 млрд), но за счет населения новых центров силы. Дальнейший прирост, как ожидается, стабилизируется на уровне 75–80 млн человек в год, но это, опять же, будет прирост за счет новых центров силы (к сожалению, последние 10 лет прирост населения в России не наблюдается).

Весьма вероятно, что основной «пик прироста» уже пройден, но в отдельных ЛЧЦ и центрах силы ожидается его продолжение вплоть до 2050 года, что создает определенное напряжение потому, что вместе с ростом численности растет не только объем экономики, но и могут меняться внешнеполитические приоритеты. Примерами таких стран могут стать Индонезия и Пакистан, которые резко увеличат свой потенциал к 2050 году.

Во-вторых, этот количественный рост будет сопровождаться качественным ростом человеческого капитала, что уже хорошо видно на примере Китая. Прежде всего, это отразится на численности среднего класса и на уровне потребления в мире. В итоге произойдет как рост потребления, так и изменение глобальной социальной структуры (рис. 13.13).



Рис. 13.13[44].

Таким образом, после 2025 года в мире будет форсировано формироваться новая система международных отношений, которая приведет к созданию новой МО и ВПО, где важную роль будут играть новые центры силы. В них будет сосредоточен огромный и качественный человеческий потенциал, превосходящий по своему объему потенциал западной ЛЧЦ в 2–3 раза[45].

В-третьих, эти два процесса, вероятно, очень болезненно скажутся на положении и безопасности России. Прежде всего, с точки зрения её демографического потенциала и, соответственно, сокращения её относительной мощи в мире. В частности, если не предпринять решительные шаги, то к 2050 году в России радикально и негативно изменятся пропорции между рождаемостью и смертностью. Причем самый болезненный для нашей страны период уже наступил, а к 2050 году он может развиться в тенденцию масштабного вырождения.

Причем это катастрофическое развитие будет закреплено сразу в нескольких негативных тенденциях, например, в сокращении численности женщин репродуктивного возраста, увеличении лиц пенсионного возраста, сокращении пропорций молодого населения и др.

Как видно на графике (рис. 13.15), предлагаемом ниже, численность женщин репродуктивного возраста к 2050 году сократится в России в 2 раза. Это означает, что только для того, чтобы сохранить имеющуюся численность населения (при сохранении смертности на прежнем

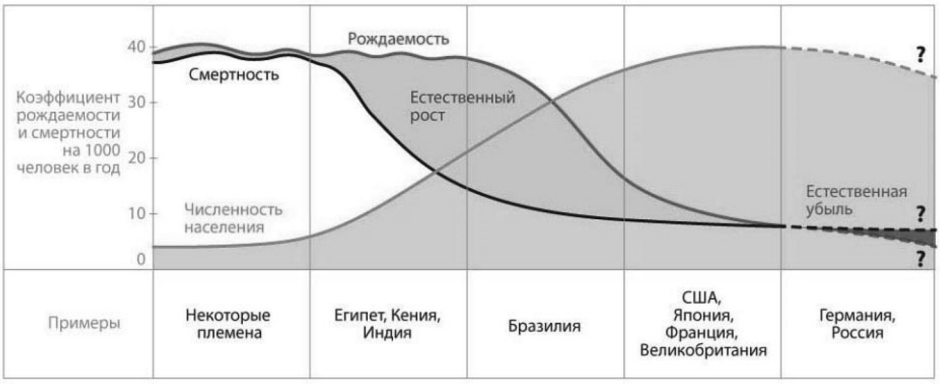


Рис. 13.14[46]. Важнейший тренд 200 лет (с 1800 г.) — демографический переход от традиционного (аграрное общество) к современному (индустриальное общество) типу воспроизводства населения

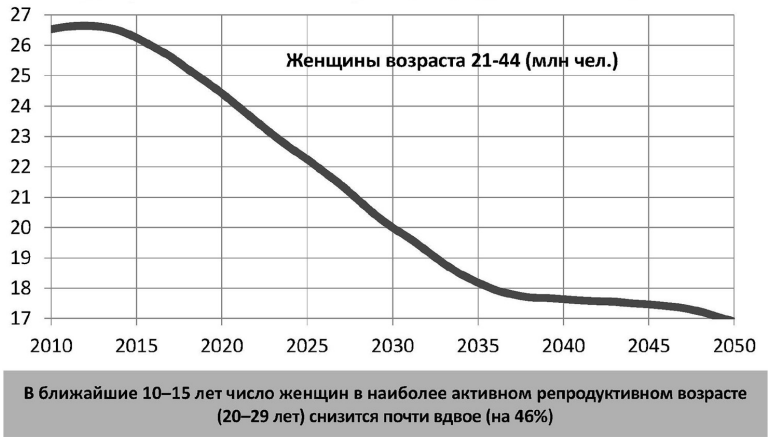


Рис. 13.15[47]. Последствия демографической ямы в России: ожидаемое количества женщин в репродуктивном возрасте

уровне) потребуется, чтобы оставшиеся к 2050 году российские женщины имели, как минимум, вдвое больше детей.

Другая тенденция 2040–2050 годов — «демографическая яма», в которую будет все глубже опускаться Россия после 2025 года, которая является последствием демографической и социально-экономической катастрофы 1990-х годов. Как видно из приведенных данных (рис. 13.16), в период 2025–2050 годов ожидается сокращение рождаемости до менее 1 млн человек, т.е. до уровня кризиса 1990-х годов, но, вероятность сохраняется, что этот уровень может быть и ниже.

Подобные перспективы непосредственно отражаются на военно-политических условиях развития России после 2025 года. В частности это крайне негативно скажется на мобилизационных возможностях России, которые уменьшатся более чем в 2 раза — с 10 млн человек до менее 5 млн человек.

Это, в свою очередь, означает, что для поддержания численности Вооруженных Сил России на уровне 2018 года (1 млн человек) и Российской гвардии (1 млн человек), а также других силовых структур просто напросто не хватит молодых людей. Как правило, только 10% военнообязанных готовы и идут служить в Вооруженные силы, т.е. «потенциал» — 0,5 млн человек, которого будет явно не достаточно даже для мирного времени.

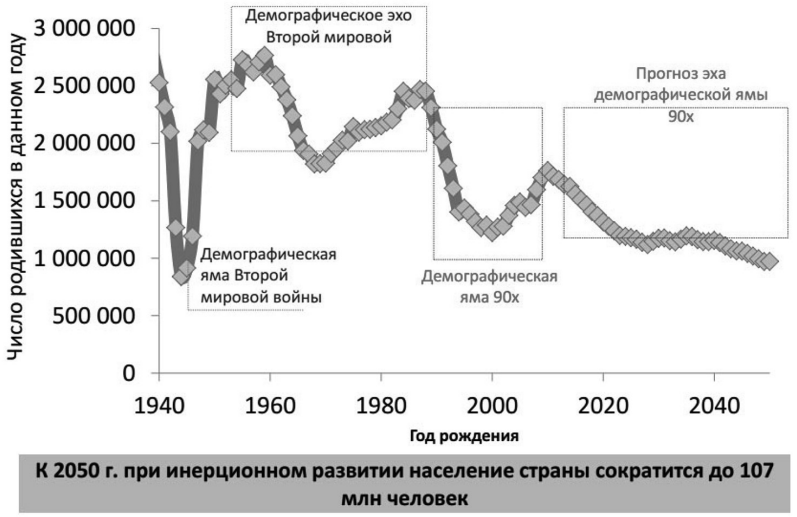


Рис. 13.16[48]. Надвигается новая демографическая яма (тяжелое наследие 1990-х)

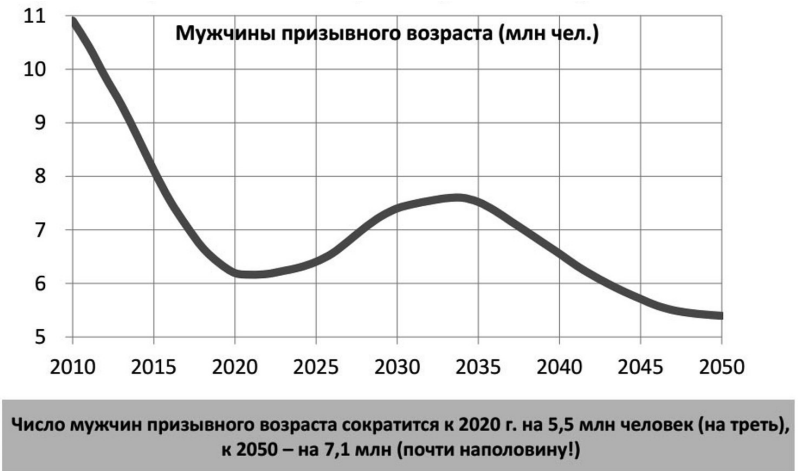


Рис. 13.17[49]. Последствия демографической ямы: число мужчин призывного возраста (18–27 лет)

Наконец, в-четвертых, снижение качества НЧК в России будет непосредственно связано с отставанием в темпах развития науки и техники в стране, которые являются результатом и следствием развития качества национального человеческого потенциала[50].

Известно, что в последние десятилетия научный капитал России стремительно деградировал, что связано, в том числе, и с сокращением численности научных работников в России и снижением масштаба финансирования науки. Общий негативный прогноз развития демографического потенциала не может не отразиться на численности ученых и инженеров, которая продолжает сокращаться, что неизбежно приведет к экономической деградации и не способности отечественного ОПК обеспечить соответствующее качество ВВСТ уже к 2025 году. Как видно из некоторых оценок (рис. 13.18), существует явная зависимость между ростом ВВП и численностью занятых в НИОКР, которая отражает отчасти и качество НЧК в целом. При этом важно понимать, что расходы США на НИОКР в 3% (а России — 1%), при том, что их ВВП в 10 раз больше российского, означает, что Соединенные Штаты тратят на НИОКР в 30 раз больше, чем Россия. Если же учесть расходы союзников, то в 50–60 раз больше.



Рис. 13.18[51].

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о практической необходимости разработки долгосрочных военно-политических прогнозов и оценки последствий для будущей безопасности России, без которых стратегическое планирование теряет смысл.

В этой связи некоторые ученые справедливо делают выводы[52], что:

Во-первых, конкретные ответственные органы за стратегическое прогнозирование и планирование (кроме принципиальной ответственности Президента РФ и Правительства РФ, а, значит, отсутствия ответственности) не определены, а самое главное — меры ответственности за ненадлежащее выполнение каким-либо органом, исполняющим эти функции, не установлены. В отличие от СССР, когда все руководители несли партийную (политическую) и административную (и даже уголовную) ответственность за не выполнение пятилетнего или годового плана, российские чиновники такой ответственности не несут. Во всяком случае, она законодательно и политически не определена[53].

С точки зрения военно-политического планирования это означает, что ни руководители ОПК, ни Минобороны, ни других силовых ведомств и институтов государства, в конечном счете, не отвечают за эффективность работы всей военной организации страны. Их круг ответственности определен достаточно узкими, ведомственными, задачами. Так, Росгвардия, МЧС, МВД, а тем более МИД, Минфин и политические институты фактически не участвуют в работе военной организации страны, более того, даже не предполагают точно в ней своего места.

Во-вторых, встраивание законодательства о стратегическом военно-политическом планировании в систему действующего законодательства произведено нечетко. Не понятно, например, соотношение Стратегии национальной безопасности России (как базового документа) с процессом и приоритетами бюджетного планирования и планами социально-экономического развития страны, хотя оно и заявлено в ФЗ о стратегическом планировании. Логика, когда бюджетный процесс вытекает из приоритетов национальной безопасности, очевидно, нарушена. Пока что складывается впечатление, что происходит наоборот: логика бюджетного процесса формирует стратегию национальной безопасности.

Сохраняют свое действие множество программных и стратегических документов в различных сферах, в том числе в сферах экономики и национальной безопасности, которые потеряли свою актуальность, или не были в реальности приведены в реальное соответствие со Стратегией национальной безопасности (как, например, Концепция внеш-

ней политики России). На данный момент о коллизиях между ними и новым законом даже нет речи, но это не значит, что коллизий нет. О согласовании стратегического планирования с бюджетным процессом нужно было думать сразу при принятии нового закона и предусматривать прямые корреспондирующие нормы.

В-третьих, принятие подзаконных актов во исполнение нового закона проходит явно неспешно, что приводит к тому, что закон до сих пор не работает. Более того, многие подзаконные акты противоречат как Стратегии национальной безопасности, так и ФЗ «О стратегическом планировании».

Перечни полномочий в законе пестрят отсылочными нормами, что плохо для любого нормативного правового акта.

В-четвертых, конкретизация полномочий министерств должна производиться, в том числе на уровне их регламентов. Работа с полномочиями должна, в том числе решать задачу исключения дублирования. Сейчас такое дублирование сохраняется в некоторых сферах.

13.1.в). Практические выводы для военно-политического прогноза России после 2025 года

> … если оценить санкции по самому значимому показателю — ведут ли они к смене политической линии, — то здесь мы видим полный провал[54]
>
> *Э. Эшфорд, эксперт*

После изучения некоторых глобальных прогнозов развития человечества и МО может сложиться впечатление, что у России не осталось перспектив для успешного долгосрочного развития, т.е. нет будущего. Между тем, на мой взгляд, катастрофические внешние, прежде всего, военно-политические последствия для России в случае умелой политики могут быть не только смягчены, но и нейтрализованы. Прежде всего, если правящая элита сменит алгоритм развития и управления с инерционно-стагнационного на мобилизационно-инновационный, сможет использовать главный ресурс развития нации — национальный человеческий капитал[55].

Если использовать творческие и иные возможности нации, то окажется, что до 2030–2050 годов у страны ещё есть время — 15–20 лет, чтобы создать полноценный самостоятельный центр силы, способный обеспечить национальную безопасность. Рассчитывать на «международное право», «солидарность», «союзы» — бесполезно. В лучшем случае они могут иногда помочь, хотя (как показывала история СССР и России) чаще мешали.

Надо понимать, прежде всего, что у элиты И. Сталина до Второй Мировой войны и правящей элиты СССР после этой войны было меньше времени и ресурсов, чем у современной России. Что же помогло преодолеть в то время такое трагическое отставание?

Положение России объективно не хуже, чем у развитых стран планеты, в частности в демографической области, если бы не потеря темпов в развитии в предыдущие десятилетия. Ситуация в России близка к таковой в развитых странах…

Иными словами для позитивного долгосрочного стратегического планирования на 2025–2050 годы есть не только острая потребность, но и объективные основания. В качестве примера можно привести рассуждения относительно решения труднейшей российской проблемы — демографической, — если к ней подойти не традиционно, с помощью методов экстраполяции (которые её решить не могут), а с помощью

регион	1950 год	1970 год	1990 год	2010 год	2030 год	2050 год
Весь мир	460,7	664,7	1003,5	1223,5	1276,9	1311,8
Экономически развитые страны	139,1	167,5	169,2	160,1	147,1	142,4
Развивающиеся страны	321,6	497,2	834,3	1063,4	1129,8	1169,5
Африка	43,6	67,9	120,9	204,6	321	436,8
Азия	261,9	394,2	642,7	762,3	711,3	642,1
Европа	95,9	104,5	105,3	94,8	81,9	73,3
Латинская Америка и Карибский бассейн	31,7	54,1	88,1	107,5	105,8	97,1
Северная Америка	25,7	40,4	41,8	48,6	50,0	54,8
Австралия и Океания	2	3,5	4,7	5,7	6,9	7,6
Россия	22,3	22,7	19,7	21,3	16,6	13,5

Примечание: данные на 2030 и 2050 год приводятся по среднему варианту прогноза.
Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2013). World Population Prospects: The 2012 Revision, DVD Edition.

Рис. 13.19[56]. Численность молодежи в мире, основных группах стран

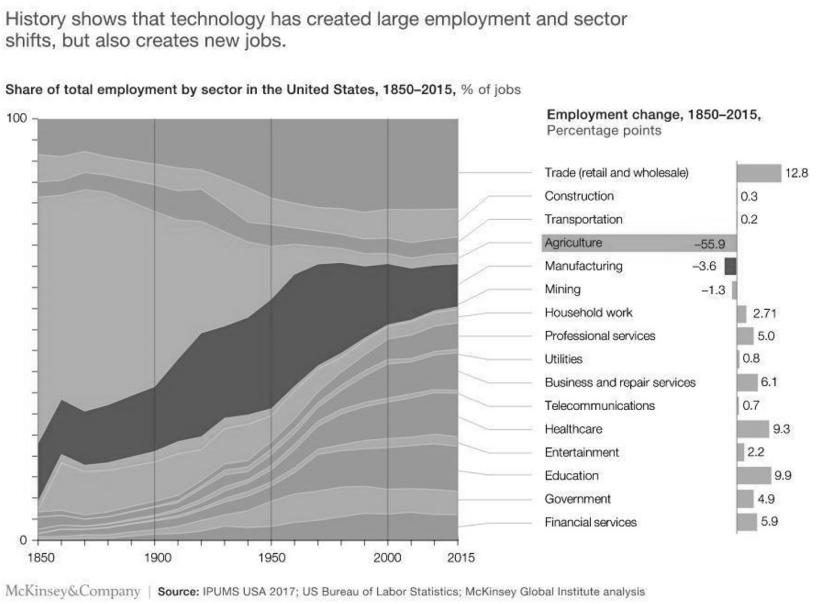


Рис. 13.20.

смены алгоритма решения. Так, по оценке консалтинговой компании Маккензи, после 2030 года более 20% рабочих мест (особенно в промышленности) будут заменено на роботов. Это означает, что из современной экономики будет освобождено порядка 800 млн человек, которые займутся другим трудом.

Другой пример решения проблемы связан с изменением структуры рабочей силы, которая за последние 30 лет претерпела радикальные изменения, но, как прогнозируется, может и далее меняться не менее быстро. По мнению экспертов, — в разных странах по-разному. По меньшей мере, треть всех рабочих мест может быть автоматизирована на 60%. В качестве иллюстрации приводится картинка, описывающая изменение структуры рабочей силы в США с 1850 по 2015 год, показывающая резкие изменения в этой области[57].

Как видно на рисунке (рис. 13.20), за последние 50 лет в США резко сократилось:

— количество занятых в сельском хозяйстве;
— промышленности;
— добыче полезных ископаемых и др.



Рис. 13.21[58]. ЦЭНЭФ: снижение к 2050 г. выбросов на 50% от уровня 1990 г. не ведет к потерям ВВП

При этом выросло:

— в обслуживании;
— финансах,
— образовании, науке и культуре.

Иными словами, выход из демографической ямы может быть найден несколькими путями, но, прежде всего, за счет повышения качества НЧК, включая опережающее развитие науки, техники и технологий.

Не однозначно, например, рассматриваются и пессимистические прогнозы в отношении развития экономической ситуации в мире, в частности, с CO_2 и другими выбросами. Ситуация в странах, экономиках и целых ЛЧЦ в конечном счете определяется эндогенными факторами, что очень хорошо понимают в КНР ориентируя свою программу развития до 2050 года на внутренние факторы.

Таким образом, можно констатировать, что по состоянию стратегического прогноза на 2018 год в России[59]:

1. В России в 2018 году не существует сколько-нибудь устойчивой идеологии, как системы взглядов и приоритетов нации, лежащих в основе долгосрочного прогнозирования и планирования. С одной стороны, это хорошо уже понимается и вызывает дискуссию в обществе (в результате которой пока что пришли к выводу об «идеологии Путина» — патриотизме), но, с другой, отсутствие системы политико-идеологических взглядов не позволяет определить приоритеты и цели национального

развития. Этим Россия принципиально отличается от США, где существует жесткая и последовательная политико-идеологическая система[60].

2. Закон о стратегическом планировании, Стратегия национальной безопасности, а также другие документы, предполагающие стратегический прогноз и стратегическое планирование формально есть, но практического толку от них до сих пор пока нет. Как нет и соответствующего правового и административного механизма координации прогнозов и планов развития на долгосрочную перспективу. Это позволяет сделать вывод об отсутствии сколько-нибудь обоснованной стратегии развития России на долгосрочную перспективу.

«Горизонт планирования» не превышает 3-х лет по формальным основаниям и 1–2 года — по фактическим[61].

3. Органы исполнительной и законодательной власти заняты преимущественно тактическим, часто очень частным, решением наиболее острых проблем, не обладая даже минимальной стратегической перспективе, что делает часть решения ошибочными. Функция стратегического планирования даже в формальном выражении реализуется бессистемно ограничиваясь краткосрочной перспективой, что не позволяет сделать действующие акты реальными стратегическими инструментами управления. Это неизбежно ведет к потере эффективности в области военно-политических приготовлений, в частности, в ОПК и Вооруженных Силах, где такое обязательное планирование происходит на инерционной основе.

4. Отсутствие долгосрочного прогнозирования и планирования привело к тому, что подавляющее большинство проблем во всех сферах обеспечения безопасности и жизнеустройства страны остались за последнее десятилетие не решенными, а долгосрочные тенденции развития России существенно отстают от общемировых. Это крайне негативно сказывается на обеспечении ее безопасности и эффективности распределения ресурсов, которые носят откровенно субъективный характер вплоть до самого последнего времени.

Только в самые последние годы предприняты попытки научного обоснования стратегического прогноза развития ВПО в мире на долгосрочную перспективу, которые носят пока что частный характер в интересах ГОЗ. Перспектива развития России после 2025, попытка «заглянуть за горизонт», к которым неоднократно призывал В.В. Путина

с 2011 года, пока что не привели к значимым результатам в стратегическом планировании.

5. Отсутствуют политические механизмы и институты, обеспечивающие возможность и ответственность органов исполнительной власти за результаты своей деятельности. Это негативно влияет на любую сферу государственного управления и. в частности, это тормозит развитие стратегического планирования[62]. Существующие законы и указы не требуют обязательной координации действий отдельных институтов государства, которые на практике руководствуются собственными, по сути автономными, планами, стратегиями и концепциями. Даже в области национальной безопасности Стратегия национальной безопасности России[63] отнюдь не является в действительности основой для стратегических прогнозов и планирования, сформулированных в Концепции внешней политики, Военной доктрине, Морской доктрине и других документах[64].

6. В настоящее время не существует эффективной военной организации **нации** в условиях угрожающей эскалации ВПО. Действующая военная организация **государства** фактически ограничена по своим возможностям и ресурсам только частью исполнительных органов власти (МО, МИД, СВР, Росгвардия, ФСБ и др.). Это означает, что стратегический прогноз развития России, как объекта ВПО, предпринимается только с учетом этих министерств и ведомств, а не на общенациональном уровне[65].

7. Дефолт 1998 года, кризис 2007–2008 годов и стагнация 2014–2016 годов были во многом обусловлен отсутствием долгосрочного и среднесрочного прогнозирования. С 1991 года прошло 27 лет, и уже можно говорить о глубоком системном кризисе, ситуативном и случайном регулировании практически во всех сферах госуправления. На этом фоне мы живем фактически без государственного стратегического прогнозирования и планирования, в том числе и в военно-политической области, что значительно снижает эффективность создаваемых ВВСТ и разрабатываемых концепций использования военной и иной силы государства — по заведомо старым и разрозненным концепциям и стратегиям.

Исходя из этих условий для стратегического прогноза развития ВПО после 2025 года (точнее — не смотря на это), можно допустить возможность и даже необходимость создания абстрактно-логических сценариев развития России, учитывающих как основные объективные

закономерности развития МО и ВПО, так и российские — объективные и субъективные — особенности политического, экономического и военно-технического долгосрочного развития после 2025 года.

13.2. Структура основных сценариев и вариантов развития России после 2025 года: (Направление №1) и (Направление №2)

Будущее состояние безопасности может быть описано посредством двух доминирующих и взаимосвязанных групп угроз: во-первых, попытками разрушить систему норм и правил…, а, во-вторых, нарастающим беспорядком, возникающим из-за неспособности управлять кризисом в слабых государства[66]

Объединенный оперативный план по контролю над внешними условиями. 2035

Программа, предложенная В. Путиным 1 марта 2018 года, может уже сегодня требовать учета возможности и вероятности развития России после 2025 года по двум основным направлениям, которые я обозначил как «Направление №1» и «Направление №2», вытекающие из наиболее вероятного сценария развития до 2025 года и его самого вероятного «Варианта №2». Таким образом основными сценариями военно-политического развития России до 2050 года могут быть сценарии, объединенные в две группы, связанных с двумя **принципиально разными направлениями как в развитии МО–ВПО, так и России**[67]. Если первая группа сценариев основывается на известных или относительно известных парадигмах, а также фактах и информации, формирующих новые или развивающие прежние парадигмы, то вторая группа — на неизвестных или малоизвестных сегодня факторах, которые формируют новые парадигмы и которые могут сыграть решающую роль в будущем[68]. Естественно, что в 2018 году мы можем исходить из реалий.

Иными словами, первая группа сценариев является, так или иначе, продолжением тенденций, существовавших до 2025 года, а вторая —

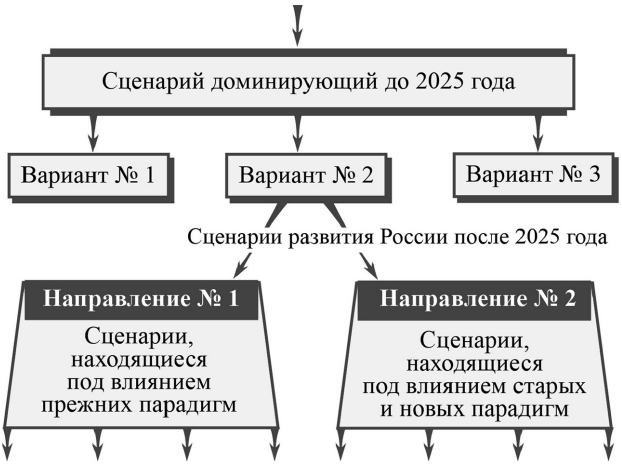


Рис. 13.22.

синтезом прежних тенденций и новых парадигм. В самом общем виде эта логика может быть представлена на следующем рисунке: рис. 13.22.

Как видно из этого рисунка, принципиально важна «точка отсчета» — где именно в 2025 году окажется Россия, на каком этапе развития и по какому сценарию. Этим объясняется исключительно важное значение, которое В. Путин назвал «цивилизационным», развития России до 2025 года[69]. Этой же проблеме были посвящены и первые две части работы, а также мои предыдущие исследования, публиковавшиеся начиная с 2014 года[70].

13.2.а). «Направление №1» сценариев развития России после 2025 года

…ближайшие годы станут решающими для будущего страны[71]

В. Путин,
Президент России

Первая группа сценариев развития России до 2050 года, вытекающих из преимущественного сохранения влияния прежних парадигм, а также сценариев и их вариантов развития (уже существовавших и реализованных в той или иной мере до 2025 года — «**Направление №1»)**, представляется достаточно известной. Соответственно, эта группа сце-

нариев описывается легче, во многом по аналогии со сценариями и вариантами развития, развивавшимися до 2025 года. Инерционности в их развитии кажется вполне обоснованной, а доминирование новых парадигм — маловероятным. Именно инерционность этого направления представляется как аргумент в пользу наибольшей вероятности.

Действительно, можно ожидать, например, что к 2025 году, т.е. за годы президентства В.В. Путина, сценарий развития России сохранится тот же, каким он был и в предыдущие годы — с 2000 до 2018 годы страны медленно и мучительно выходила из того катастрофического кризиса, в котором оказалась к концу 1999 года[72]. Кризис в целом оказался преодолён только к 2018 году, когда ВВП страны и основные показатели вышли на уровень РСФСР 1990 года[73]. Если предположить, что инновационный сценарий (а тем более — мобилизационный) не удастся реализовать до 2025 года, то можно допустить, что инерция продлиться дольше. Что потребует неизбежно изменений в стратегии национальной безопасности даже при этих условиях[74]. И социально-экономического, и военно-политического развития, что плавно перейдет (если допустит Запад) в такую же инерцию затухающего, стагнационного развития России после 2025 года. В самых различных сценариях и их вариантах.

Вероятность реализации этих сценариев и их вариантов, как минимум, такая же, как и у возможных сценариев другого, отчасти альтернативного, направления **(«Направление №2»)**, основанных на доминировании новых парадигм. Но, как представляется, исходя из реалий последних 20–30 лет, вероятность инерции доминирующих парадигм сохраняется ещё длительное время. Так, в частности, мы в настоящее время можем относительно точно прогнозировать развитие до 2025 года и после, до 2050 года, как численности населения той или иной ЛЧЦ, так и будущие объемы экономик и даже их соотношение. Как и общее соотношение других сил между основными центрами силы. В качестве примера можно привести следующие иллюстрацию, связанную с динамикой демографических изменений. Так, общая численность населения в мире с 2015 по 2050 год увеличатся с 7,3 до 9,7 млрд человек, т.е. на 2,4 млрд человек (примерно на 25% по сравнению с настоящим временем. Причем это произойдет за счет, прежде всего новых центров силы и ЛЧЦ в Азии, Африке и Л. Америке, где «прибавка» в 2 млрд человек скажется очень ощутимой.

Таким образом, мы можем предположить развитие как общих, так и относительно частных демографических тенденций до 2050 года, на которые изменения (до 2025 года) в демографической области не окажут принципиального влияния.

Сложнее будет с изменениями качества демографического потенциала и в целом национального человеческого капитала, которые происходят динамичнее, чем количественные показатели. Так, ожидаемые изменения в качестве НЧК КНР и Индии, могут привести к тому, что после 2025 года качество экономики, военной мощи и государственного могущества и, как следствие, — внешнего военно-политического влияния КНР и Индии в мире — стремительно возрастет, что решительно может повлиять ещё до 2025 года на соотношение сил и ВПО в мире.

Таким образом, с точки зрения развития НЧК, как решающего фактора формирования МО и ВПО до 2025 года, мы можем вполне обоснованно прогнозировать те исходные данные для последующих долгосрочных сценариев развития России до 2050 года. В частности, как показано ниже (рис. 13.23), сокращение абсолютной и относительной доли стран Евросоюза и США, т.е. западной военно-политической коалиции в целом.

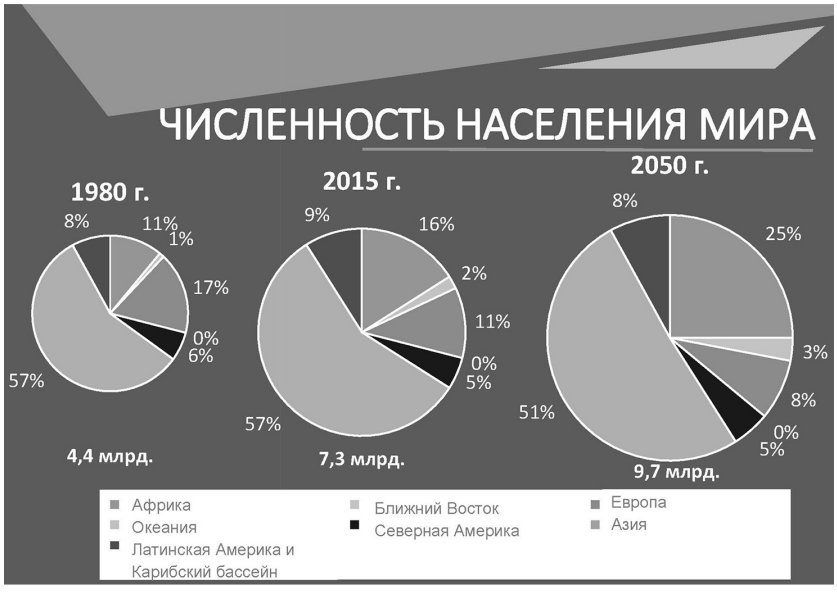


Рис. 13.23[75].

В еще большей степени прогнозируемые изменения в соотношении сил произойдут в экономике, где (в зависимости от того или иного сценария) роль новых центров силы после 2030 года будет меняться еще значительнее, но также вполне ожидаемо и прогнозируемо.

Таким образом, даже ориентируясь по прогнозам демографического и экономического развития, мы ожидаем, что после 2025–2030 годов значение новых центров силы, прежде всего, Китая, Индии, Пакистана, Индонезии, Бразилии и Мексики изменится настолько, что объективно поставит под сомнение возможность западной ЛЧЦ по-прежнему доминировать в мире. В частности, можно говорить, наверное, о том, что экономическая мощь западной военно-политической коалиции будут устойчиво снижаться относительно новых центров силы после 2025 года до критического уровня, который, как ожидается, может наступить к 2050 году.

Это также означает, на мой взгляд, что вероятность крупномасштабных конфликтов между новыми центрами силы, с одной стороны, а старыми центрами силы, с другой, возрастает. Но не только, необходимо признать, что развитие возможных сценариев ВПО после 2025 года может принять остро антагонистический характер, даже если учитывать сохраняющиеся в настоящее время разногласия:

— между КНР и Индией;
— между Индией и Пакистаном;
— между КНР и странами Ю.-В. Азии;
— между КНР и Японией и США и т.д.

При этом вполне очевидно, что ожидаемые изменения в мире уже сегодня учитываются в долгосрочных стратегиях западной ЛЧЦ и их военно-политических коалиций. Так, в декабре 2017 года, а затем в январе 2018 и феврале 2018 года в США последовательно были озвучены Стратегия национальной безопасности, Военная стратегия и ядерная стратегия США, которые акцентировали внимание на глобальном противоборстве со странами-«ревизионистами», которые не согласны со сложившейся однополярной военно-политической системой в мире[76].

Это отчётливо видно на примере тенденций в изменении экономического соотношения сил в мире до 2050 года, показанных на пред-



Рис. 13.24[77].

лагаемой диаграмме. С определенной степенью условности можно сказать, что аналогичные тенденции будут наблюдаться и в изменении соотношения военно-технических и технологических потенциалов. Но с определенной оговоркой: если технологическое развитие КНР, Индии и России до 2025 года (что вполне реально) выйдет на уровень Запада, то соотношение военных сил после 2025 года, особенно ближе к 2050 году, будет аналогично соотношению сил экономических.

В целом можно констатировать, что после 2025 года на период до 2050 года ситуация прогнозируется как относительно инерционная. Причем как с точки зрения развития МО и ВПО, так и с точки зрения развития России. Очень условно, но период 2025–2050 годов можно охарактеризовать как нарастающую военно-силовую эскалацию, сопровождаемую периодическими военными конфликтами и войнами. В крайнем случае, эти конфликты будут перерастать в региональные войны, а в исключительных случаях для России — на войны на отдельных ТВД. В частности, вполне вероятны войны на следующих стратегических направлениях:

— западном и юго-западном (с территории Украины, Польши и Молдавии, а также стран Прибалтики);

— кавказском, посредством наращивания крупномасштабных террористических операций;
— южном, через развитие военных действий на территории Ирака, Афганистана, Ирана, с последующим их переносом на территории Таджикистана, Киргизии, Узбекистана и — главное — Казахстана[78].

При этом, нарастающие глобальные проблемы могут провоцировать военные конфликты на постоянной основе: можно ожидать, что существующие в 2018 году 50 военных конфликтов вряд ли исчезнут. Более того, к ним могут добавиться новые. Так, К 2050 году в мире появятся 140 миллионов климатических мигрантов

Всемирный банк спрогнозировал к 2050 году 140 миллионов климатических мигрантов. Авторы доклада «Надвигающаяся буря» считают, что миграция будет происходить внутри стран. В зоне риска — страны Африки к югу от Сахары, Южная Азия и Латинская Америка. Самые бедные и наиболее уязвимые к изменениям климата районы пострадают сильнее всего. По мнению экспертов, проблема недооценивается правительствами, ведь население этих регионов составляет более половины от жителей всех развивающихся стран мира. Учитывая население нашей планеты, 140 миллионов — не так много и не так страшно, рассказал в марте 2018 года эфире «Спутника» проректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ Сергей Мясоедов.

Таким образом, в целом это направление развития МО-ВПО и России можно коротко обозначить как эскалацию военно-силового противоборства Западом на фоне медленного выхода России из глубочайшего кризиса. Выбор инновационной или мобилизационных моделей развития и их реализация позволяет России рассчитывать на то, что её удастся выстоять перед таким силовым давлением, хотя и не без издержек. Продолжение стагнации означает, что она неизбежно будет вынуждена потерять свой суверенитет и идентичность[79].

По сути дела в период до 2025 года России предстоит сделать исторический, даже цивилизационный, выбор, о котором говорил в своём послании ФС РФ 1 марта 2018 года В. В. Путин[80]. Ясно одно, что сохранение инерционного курса неизбежно приведёт к поражению.

13.2.б). «Направление №2» сценариев развития России после 2025 года

> В то же самое время (т.е. ещё до 2025 года), параллельно будут зарождаться и уже зарождаются новые будущие парадигмы, которые станут основой для будущих сценариев развития МО (и России) после 2025 года[81]
>
> *А. Подберёзкин*

Долгосрочный прогноз предполагает риск «заглянуть за горизонт» существующего стратегического планирования в России, которое в реальности ограничено (не только нормативно и практически, но и политически) сроком пребывания В.В. Путины в президентской должности, т.е. до 2025 года. Очевидно, однако, что даже планирование до 2025 года должно исходить из вероятных неожиданностей и предполагаемых действий после 2025 года. Это предполагает иной, более широкий и методологически более раскованный подход, а именно: другая группа сценариев развития России, вытекающая из сохранения инерции развития ВПО, но нарастающего доминирования принципиально новых парадигм, прежде всего, нового экономического, научно-технического и социального уклада **(Направление № 2)** после 2025 года. Очевидно, что они — трудно прогнозируемы. О них нам известно мало или вообще пока что ничего не известно, как и об очень важных возможных особенностях развития экономики и политики стран-лидеров ЛЧЦ: прогнозом развития даже ведущих стран мира в России практически никто не занимается, а иностранные источники требуют серьёзного переосмысления.

Необходимо сразу же оговориться, что противопоставляя эти два направления, нельзя их абсолютизировать, а дата — 2025 год, — хотя и имеет, как говорилось выше, определенное обоснование, но отнюдь не является абсолютно точной границей этапа в развитии МО. Она условна и отражает мое субъективное представление о том, что нынешний этап в развитии ВПО к 2023–2025 годам. Закончатся. Вероятнее всего серией региональных или глобальной войной, после которых развитие МО и ВПО должно либо перейти на новый этап, либо закончиться. В зависимости от конкретного состояния СО и развития многих

субъективных факторов, эта дата может быть сдвинута по времени как в одну, так и в другую сторону. Так, существующее острое состояние ВПО в конце 2017 года, мною прежде прогнозировалось (в 2014 году) только на начало 2019 года. События (эскалация развития военно-силового сценария), как оказалось, развиваются быстрее и значительно негативнее для России, чем я оценивал, хотя именно в то время меня критиковали за пессимизм и даже алармизм.

Уже говорилось о важности максимально точного прогноза развития того или иного сценария ВПО и России в 2025 года, когда они станут «точкой отсчета» для будущих сценариев. На мой взгляд, можно обозначить эту «точку отсчета» для состояния ВПО или России следующим образом:

Состояние ВПО в 2025 году как «точка отсчета» сценариев развития России может быть крайне неблагоприятным в результате реализации предыдущих сценариев, а именно:

— характеризоваться состоянием войны России на нескольких ТВД (в Европе, Закавказье и Средней Азии) или серией длительных конфликтов, в результате которых возможные военные успехи будут отягощены крупными экономическими и социальными издержками;
— характеризоваться серией локальных войн России с «облачным противником» по одному–трем стратегических направлений, со всеми известными издержками;
— результатом относительно успешной войны с западной военно-политической коалицией, эскалация которой была остановлена на уровне конфликтов средней интенсивности;
— результатом серии злаковых, но не крупных побед российской армии в Сирии, на Украине, в Закавказье и Средней Азии, которые существенно изменили не только ВПО, но и МО в пользу России.

Этот прогноз вероятной «точки отсчета» в 2025 году предполагает, что ВПО будет развиваться до этого времени на основе известных парадигм и тенденций, существующих в начале 2018 года. Кроме того, доминирование прежних парадигм в развитии известных сценариев предполагает и возможность, более того, неизбежность, зарождения новых парадигм, которые, однако, в это период не имеют решающего значения. И наоборот. Наличие принципиально новых парадигм

в 2025–2035 годах отнюдь не означает ликвидации прежних. На мой взгляд, существование в 2025–2035 годах старых парадигм будет определять на 60–70% будущую МО и ВПО, что неизбежно отразится и на сценарии развития России[82].

Вместе с тем, наличие 30–40% влияния новых парадигм на сценарии развития России может быть в определенные периоды времени решающим. Так, например, возникновение ракетного оружия в 1950-е годы не отменило мгновенно необходимость создания и совершенствования стратегической авиации, которая и после развертывания многочисленных МБР и БРПЛ продолжалась, (хотя Н. Хрущев и пытался выступить за уничтожение бомбардировочной авиации в СССР). Более того, развития стратегической авиации стало постепенно требованием командования ракетно-ядерных сил, которое увидело в нем возможность использования ТБ в качестве платформ — носителей ракет.

Подобный синтез парадигм и основных тенденций заметят, прежде всего, в экономике страны, которая бывает, как правило, многоукладной, представляющей разные уровни технологического и социального развития. Так, на рубеже 2025–2030 годов в России она будет отражать одновременно реалии 3-го (индустриального) этапа, 4-го (информационного — индустриального) этапа, 5-го (информационно-технологического) этапа и даже 6-го этапа. При этом доли каждого из этого укладов в экономике и социальной структуре общества в 2025 году будут определяться очень подвижными, «гибкими» субъективными решениями правящей элиты России, принятыми в период 2018–2025 годы.

Очевидно, что для того, чтобы результаты ВПО в 2025 году была наиболее благоприятны, России прежде всего необходимо повысить технологический уровень обрабатывающих отраслей экономики, чтобы она стала не только восприимчивой к инновациям, но и способна к эффективной обороне. Иначе, как показывает табл., при низком технологическом уровне путь для инновационного развития экономики закрыт. Следовательно, России в первую очередь необходимо приступить к модернизации экономики, технологическому перевооружению обрабатывающих отраслей промышленности. Как правило, в соответствии с моделью «догоняющего развития» это осуществляется путем массированного и эффективного заимствования передовых западных технологий, доказавших

Таблица 13.2. Базовые направления технологических укладов[83]

4-й технологический уклад 1940–1980 гг.	5-й технологический уклад 1980–2020 гг.	6-й технологический уклад 2020–2060 гг.
Нефтеугольная и атомная энергетика	Нефтегазовая энергетика	Альтернативная энергетика, включая водородную
Автоматизация управления	Микроэлектроника	Нанотехнологии
ЭВМ и информатизация	Персональные компьютеры и интернет	Глобальные телекоммуникационные информационные сети
Химизация	Биотехнология микроорганизмов	Биотехнология растений, животных, лекарств и генная инженерия
Зеленая революция	Информационные технологии	Фотоника и оптоинформатика
Авиастроение и космонавтика	Робототехника	
Автомобилестроение		

свою высокую продуктивность на практике, так называемых технологий широкого применения. Так поступали в свое время Япония, Южная Корея и другие «азиатские тигры» и добились впечатляющих успехов в социальном и экономическом развитии. В последние десятилетия по этому пути успешно продвигаются две крупнейшие азиатские страны — Китай и Индия. России также целесообразно для скорейшего осуществления модернизации своей экономики активно закупать оборудование и технологии пятого уклада, обучать инженерно-технические кадры и тем самым стремительно повышать технологический уровень промышленности. В этом, собственно, и заключается задача технологического перевооружения экономики России, выдвинутая В. В. Путиным.

Любой анализ и прогноз, однако, предполагает разделение этих двух направлений из-за стремительности происходящих перемен в экономике, технологиях и социальной сфере в долгосрочной перспективе. В этой связи предлагается рассмотреть по порядку эти два принципиальные направления. При этом основания для анализа и прогноза первого направления, по сути являющегося преимущественно экстраполяцией сценариев развития России 2017–2025 годов есть, а для прогноза второ-



Рис. 13.25. Логическая модель сценариев развития России и их вариантов на период 2025–2040 годов

го направления — требуются многочисленные дискуссии, согласования, предположения и неизбежные фантазии и даже «додумывания». Таким образом, вся предыдущая логика исследования предполагает, возможно, долгосрочный прогноз развития России на период 2025–2050 годы представить следующим образом.

Как видно из рисунка (рис. 13.25), наиболее вероятными (из множества возможных) я полагаю в 2025–2050 годы три сценария, в основе которых находятся существующие в настоящее время парадигмы развития человечества, ЛЧЦ, МО и ВПО, выделенные в «Направление №1», а именно:

— **Сценарий №1: «Мобилизационный»** развития России в условиях национальной мобилизации и фактического перехода к ведению военных действий на нескольких ТВД (европейском, кавказском, среднеазиатском). К 2018 году развитие ВПО в мире и военно-политические условия России вплотную подошли к реализации этого сценария;
— **Сценарий №2: «Инерционный»** сценарий развития России в условиях сохранения широкого спектра средств и способов военно-силово-

го противоборства, но без масштабного использования Вооруженных Сил и оружия массового поражения. Этот сценарий был характерен для развития России с 2014 года по настоящее время, сопровождаясь эскалацией, которая привела его к фактическому состоянию вооруженного противоборства в ряде регионов, прежде всего Сирии, на Украине;

— **Сценарий №3: «Оптимистичный»** развития России в условиях нейтралитета по отношению к противоборству основных ЛЧЦ и коалиций. Этот сценарий исключал бы в своих основных вариантах прямого вооруженного противоборства России или её участия в других военных конфликтах, но сохранял бы военно-силовое противоборство, сложившееся к 2018 году между Россией и другими ЛЧЦ, прежде всего, западной.

Важно сделать дополнительные три замечания, связанные с развитием предложенной логики формирования военно-политических сценариев развития России после 2025 года.

Во-первых, предлагаемые сценарии, как первого, так и второго направлений отнюдь не означают, что не может быть иных сценариев развития России. Речь идет о наиболее вероятных, на мой взгляд, из множества возможных сценариев развития, основанных на известных парадигмах.

Во-вторых, сами эти сценарии требуют конкретизации в нескольких вариантах, часть из которых будут рассмотрены ниже, а часть может проявиться в процессе развития этих сценариев.

В-третьих, как видно из рисунка, в «Направлении №2» не рассматриваются конкретные сценарии, основанные на новых парадигмах — они слишком гипотетичны и не могут быть отнесены к категории «вероятные», а только «возможные». Некоторые из них будут рассмотрены в работе именно как гипотетические, хотя переход в категорию «вероятные» становится все более реальным по мере приближения 2025 года.

[1] *Гилёв А.* Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике. 2014. — Т. 12. — №5. — С. 47.

[2] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. — Ст. 23. — Глава 6 / http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630

[3] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — № 4 (55). — С. 224–225.

[4] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т./ под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — Т. 1. — 796 с.

[5] Так, в ходе избирательной кампании по выборам президента России, я, как один из кандидатов, представил свою программу, которую опубликовал в книге большим тиражом: См. : *Подберёзкин А. И.* Стратегия для будущего президента России: Русский путь. — М.: ВОПД «Духовное наследие», 2000.

[6] См., например: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2012, Т. 1. «Роль идеологии в модернизации России». — 468 с.

[7] Стратегическое прогнозирование международных отношений / А. И. Подберёзкин, М. В. Александров, К. П. Боришполец и др. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[8] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* Диагностика доверия к безопасности России в условиях нового знания о рисках и уязвимостях / Гуманитарий Юга России, 2017. — Т. 6. — № 1. — С. 29–30.

[9] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России: учебно-метод. комплекс в 2-х томах. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 539–547.

[10] См. подробнее: *Подберёзкин* А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[11] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 года / https://cont.ws/@89825721067/868792

[12] *Фролов А. Л.* Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике, 2016. Январь–февраль. — №1. — С. 52.

[13] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России: учебно-метод. комплекс. В 2-х т. — М.: МГИМО, 2017. — Т. 2.

[14] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 года / https://cont.ws/@89825721067/868792

[15] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[16] Understand to Prevent Practical guidance on the military contribution to the prevention of violent conflict / A Multinational Capability Development Campaign project. April 2017 / https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/618886/dar_mcdc_u2p_handbook.pdf

[17] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — Т. 1. — 796 с.

[18] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберёзкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 709–724.

[19] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 года / https://cont.ws/@89825721067/868792

[20] См. подробнее: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 44–49.

[21] http://rationalnumbers.ru/tags/naselenie/

[22] См. подробнее: *Подберёзкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 19–73.

[23] См. подробнее: *Подберёзкин* А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[24] *Гаганов А. А.* Есть ли в России стратегическое планирование? / http://rusrand.ru/analytics/est-li-v-rossii-strategicheskoe-planirovanie

[25] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[26] *Гаганов А. А.* Есть ли в России стратегическое планирование? / http://rusrand.ru/analytics/est-li-v-rossii-strategicheskoe-planirovanie

[27] Там же.

[28] См. подробнее: *Подберёзкин* А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[29] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[30] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 года / https://cont.ws/@89825721067/868792

[31] Там же.

[32] http://images.myshared.ru/5/399433/slide_5.jpg

[33] *Путин В. В.* Выступление на XIV ежегодной встрече Валдайского клуба / Эл. ресурс: «Валдайский клуб». 2017.19.10 / ru.valdaiclub.com (events). 2017.19.10.

[34] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — Т. 1. — 796 с.

[35] *Тарасова Н. П.* Зеленое общество и устойчивое развитие / http://www.chem.msu.su/rus/ecology_2017/tarasova.pdf

[36] Там же.

[37] Там же.

[38] Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд.-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–38.

[39] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 93–97.

[40] Современные проблемы и перспективы развития арктического газопромышленного комплекса / http://www.iep.kolasc.net.ru/mat2012-2.pdf. — P. 127.

[41] Там же. P. 120.

[42] Геополитическая отрасль РФ к началу 2050-х годов / CNPC World Energy Outlook 2050 / http://www.rosgeo.com/sites/default/files/u1891/geologiya_budushchego.pdf

[43] *Тарасова Н. П.* Зеленое общество и устойчивое развитие / http://www.chem.msu.su/rus/ecology_2017/tarasova.pdf

[44] Геополитическая отрасль РФ к началу 2050-х годов / CNPC World Energy Outlook 2050 / http://www.rosgeo.com/sites/default/files/u1891/geologiya_budushchego.pdf

[45] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 312–324.

[46] *Тарасова Н. П.* Зеленое общество и устойчивое развитие / http://www.chem.msu.su/rus/ecology_2017/tarasova.pdf

[47] *Андреев А. И.* Молодежь и развитие России / http://kafedroziz.ru/files/conference_2016/12.pdf

[48] Там же.

[49] Там же.

[50] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — Т. 3.

[51] *Андреев А. И.* Молодежь и развитие России / http://kafedroziz.ru/files/conference_2016/12.pdf

[52] *Гаганов А. А.* Есть ли в России стратегическое планирование? / http://rusrand.ru/analytics/est-li-v-rossii-strategicheskoe-planirovanie

[53] См. подробнее: *Подберёзкин* А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[54] Foreign Affairs, 2016. — №1.

[55] См. подробнее концепцию: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013. — Т. 1–3.

[56] *Андреев А. И.* Молодежь и развитие России / http://kafedroziz.ru/files/conference_2016/12.pdf

[57] Grey A. These are jobs most likely to be taken by robots\ 2017. 15 Dec. / www.weforum.org

[58] Потенциал решительных / ccgs.ru›system/system/archives…Bashmakov_pdf.pdf

[59] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[60] См. подробнее: *Подберёзкин* А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[61] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. В 2-х т. — Т. 2. — С. 7–15.

[62] *Гаганов А. А.* Есть ли в России стратегическое планирование? / http://rusrand.ru/analytics/est-li-v-rossii-strategicheskoe-planirovanie

[63] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[64] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[65] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберёзкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 690–708.

[66] Joint Operating Environment, JOE 2035, DoD, Department Of Defense. — Wash.: Joint Chiefs of Staff, 2016. 14 July. — P. 4.

[67] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[68] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — Т. 1. — 796 с.

[69] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года.

[70] См., например: Подберёзкин А. И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[71] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года.

[72] См.: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 1.

[73] Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание /под ред. М. М. Лебедевой — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 43–45.

[74] *Подберёзкин А. И.* От «Стратегии противоборства» к «Стратегии управления» // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №1 (52). — С. 18–20.

[75] Мир в 2050 году: Глобальные мегатренды Харидер Коли / http://group-global.org/sites/default/files/prezentaciya_harindera_koli_rus.pdf

[76] См. последовательно: The National Security Strategy, Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America edc/

[77] Мир в 2050 году: Глобальные мегатренды Харидер Коли / http://group-global.org/sites/default/files/prezentaciya_harindera_koli_rus.pdf

[78] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[79] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналит. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[80] *Путин В. В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года.

[81] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России: аналит. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 105.

[82] См. подробнее: *Подберёзкин* А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[83] *Акаев А.* О новой стратегии модернизации экономики России / http://askarakaev.org/upload/iblock/223/2233ba30dfe8d5da50358b58167e323f.pdf. — P. 83.

Глава 14
Сценарии развития России в 2025–2050 годы и их варианты, основанные на известных парадигмах («Направление №1»)

…рост населения обеспечивает новый человеческий капитал (трудовые ресурсы), обороноспособность страны (есть кому служить…) и работать в ОПК, рынки сбыта (есть кому продавать и кому покупать)…[1]

Я. Симчера

Наиболее прогнозируемым в 2018 году является направление развития ВПО и России, основанное на известных парадигмах и тенденциях мирового развития, названное мною условно «Направлении №1». Объяснений этому, на мой взгляд, несколько, но главные из них следующие:

Во-первых, вероятные сценарии развития России после 2025 года рассматриваются в среднесрочной перспективе 7–10 лет, когда основные тенденции развития в экономике, демографии, научно-технической области и других областях относительно хорошо известны и не ожидаются, что в них произойдут революционные перемены и смена парадигм. Так, в 2025 году, например, потенциал ЯО США и России не изменится качественно, а изменения в стратегических системах ВТО и ПРО ожидаемы и достаточно определенно контролируемы.

Во-вторых, мы не знаем, какие именно социальные и политические качественные изменения могут произойти в ВПО (например,

не ожидаем революции в США), но не исключаем полностью такой возможности, т.е. резервируем свою позицию.

В-третьих, мы предполагаем, что в период после 2025 года будет доминировать сложившихся до этого «Военно-силовой сценарий ВПО», т.е. развитие России будет проходить в условиях нарастающей враждебности, инерционно, предполагая, что такая враждебность (в силу логики эскалации) неизбежно приведет к вооруженным формам противоборства уже до 2025 года.

Следует признать, что у всех этих сценариев развития России после 2025 года есть и общие черты. В частности, темпы и качество развития России в возрастающей степени, можно сказать, практически абсолютно, после 2025 года будут обеспечиваться за счет количественного и качественного роста национального человеческого капитала. Этот вывод вытекает из того, что уже к 2018 году все экстенсивные ресурсы нации были фактически исчерпаны (за исключением борьбы с коррупцией) и выбор сводился к росу за счет НЧК или продолжения стагнации 2014–2017 годов. Последние «остатки» экстенсивного роста были ликвидированы вместе с обвалом цен на энергоресурсы в 2008 году[2].

Вместе с тем следует признать, что до 2018 года ни количественного демографического прироста, ни качественного увеличения НЧК России не происходило. Как и в социально-экономической области, в 2014–2018 годы наблюдалась в лучшем случае стагнация, а в худшем — деградация НЧК. Это говорит о том, что переход России к качественному развитию отнюдь не гарантирован[3].

Преодолеть эту тенденцию после 2018 года являлось главной задачей политической элиты России, но если она не была решена до этого времени, то нет уверенности в том, что она будет решена до 2025 года. Тем более, что само правительство планирует на 2018–2020 годы инерционный сценарий развития страны. Это означает, что к 2025 году не только ВПО, но и положение России относительно других стран может ухудшиться. Это и станет точкой отсчета для развития страны после 2025 года с вероятностью до 90% потому, что власть так и не решится на реализацию мобилизационного сценария развития, а инновационный сценарий в очередной раз окажется провальным[4].

На перспективу развития России в 2025–2050 годы, в рамках «Направления №1», как уже говорилось, условно можно выделить три основных и наиболее вероятных сценария, основанных на известных в настоящее время парадигмах, тенденциях и факторах.

Во-первых, это **Сценарий №1 («Мобилизационный»)** — как возможная и наиболее желательная экстраполяции мобилизационного сценария развития России (в случае его существования до 2025 года) на период до 2050 годов в условиях ведущихся фактически против России военных действий.

Этот сценарий предусматривает не только дальнейшее обострение и эскалацию ВПО до состояния прямого военного конфликта с Россией, но и вероятного затягивание этого состояния на несколько лет.

Если допустить, что переход в это качество произойдет до 2025 года (например, в форме военных действий в бывших советских среднеазиатских республиках или на Украине), то можно прогнозировать возможное затягивание противостояния на несколько лет. Примером этому может быть конфликт на Украине, который продолжается уже более трех лет, но который может быть в таком замороженном состоянии находиться и после 2025 года. В принципе западной ЛЧЦ выгодно как сохраняющаяся напряженность на Украине, так и в отношениях между Украиной и Россией. Подобное (или близкое к нему) состояние существовало в Молдавии и Грузии.

Детали ВПО и СО не так, уж, и важны потому, что подобный сценарий ВПО был бы выгоден Западу в самых разных вариантах. Но такой сценарий был бы крайне невыгоден для России потому, что требовал бы бесконечной затраты ресурсов для поддержания возможности борьбы. Этот сценарий, надо признать, вполне вероятен и может быть удобен для Запада еще и потому, что связал бы на многие годы руки и ресурсы России. Особенно если западной военно-политической коалиции удалось бы создать и поддерживать боеспособность «облачного противника», на Украине и в Европе, как она это делала в последние годы в Сирии. Рост военно-силового противоборства неизбежно вел бы к росту не только военного бюджета России и других расходов по обеспечению безопасности, но и общегосударственных расходов в условиях ограниченного роста ВВП и доходов.

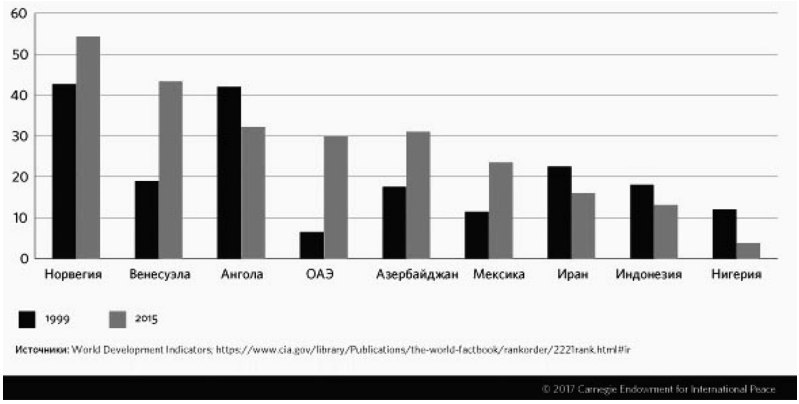


Рис. 14.1[5]. Доходы бюджета, % ВВП

Эта экстраполяция на период после 2025 года вполне закономерна и объяснима, ибо только мобилизационный сценарий до 2025 года, на мой взгляд, способен по сути дела сохранить Россию в качестве суверенного субъекта МО–ВПО в будущем, на 2025–2050 годам. В настоящее время бюджет России составляет порядка 20% ВВП, но при мобилизационном сценарии он может быть увеличен до 25–35%, что позволит увеличить расходы на безопасность и оборону в 1,5–2 раза, а в случае роста ВВП — еще и пропорционально этому росту. Как видно из графика (рис. 14.1), резервы для этого существуют, хотя этот шаг, безусловно отразится и на социально-экономической ситуации в стране.

Во-вторых, наиболее вероятным в 2018 году представляется **Сценарий №2 («Инерционный»)** военно-политического развития России в условиях нарастающих санкций и силового давления со стороны западной коалиции. Это традиционный для России в последние десятилетия инерционный сценарий, которые неизбежно угрожает, в конечном счете, утратой части суверенитета России. Инерция стагнации в развитии России, сложившаяся к 2018 году, может сохраниться до 2025 года, но уже в условиях обострения враждебности ВПО. В этом случае России в целом удается обеспечить минимальный уровень внутриполитической стабильности и развития обороноспособности до 2025, но после этого периода она неизбежно столкнется с непреодолимыми трудностями. Инерционный сценарий развития после 2025 года будет сопровождаться:

— неизбежной внутриполитической дестабилизацией, вытекающей из растущего социально-экономического отставания России, которая в условиях быстрого развития в мире доли среднего класса и душевых доходов, вряд ли сможет заметно увеличить свой уровень душевого дохода и качество жизни. Ситуация в еще большей степени будет осложнена, двумя обстоятельствами:
— разрывом между богатыми и бедными, достигшим максимальной дистанции в мире;
— разрывом в душевом доходе между отдельными регионами (например, Бурятии и Москвой — 1:15);
— отставанием в научно-техническом и технологическом развитии, сложившимся в последние десятилетия, а также невозможностью перехода к новым видам и системам ВВСТ;
— отставанием в военной мощи и мощи военно-политической коалиции, которое изменится в пользу Запада и новых центров силы (например, соотношения 1:20 в пользу западной коалиции, к соотношению 1:50 в 2035–2040 годах).

Есть определенные основания для предположений о сохранении в основном тенденций, парадигм и политики, существующих в настоящее время, на более длительную перспективу до 2050 года. Этот изматывающий Россию экономически инерционный сценарий требует постоянного противоборства во всех сферах от России и крайне выгоден Западу, который всегда может «торговаться» по поводу тех или иных уступок[6].

Кроме того, этот сценарий не только инерционен, но и находится в плену своей логики и людей, связанных годами с его реализацией. Как показывает история, некоторые тенденции в экономике, политике, идеологии, а также программы ВВСТ существуют длительное время. Так, с 1990 года, например, по настоящее время развитие России происходит в рамках макроэкономической и политической либеральной парадигм, на протяжении всего периода в 27 лет. За этот период они претерпели, естественно, изменения, которые однако не выходят за рамки либеральной парадигмы и сценария развития.

В эти же 30–45 лет продолжали сохраняться многие системы ВВСТ: вертолеты Ми-8, ТБТ-95 и ТУ 150 и т.д., созданные в советский период, но крайне медленно современные российские системы.

Таким образом, можно с некоторым основанием констатировать, что экстраполяция инерционного сценария развития России после 2025 года вполне возможна.

В-третьих, возможен и даже вполне вероятен, впервые после 2008 года, и качественно новый сценарий развития России, — **«Сценарий №3»** и его варианты, — который предполагает, что к 2025 году будут созданы новые политические, геополитические и военные парадигмы, способные качественно повлиять на развитие всего человечества.

Это влияние отразится и на России. Например, в случае войны западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, что сделает дальнейшее продолжение фактической войны с Россией затруднительным. Именно такой сценарий развития МО-ВПО сработал в 1939–1941 годах, когда Великобритания и США с союзниками были вынуждены сконцентрировать усилия на борьбе с Германией и Японией, а не с СССР.

Таким образом, в период 2025–2050 годов развитие России может происходить под влиянием 3 основных и наиболее вероятных сценариев развития, реализуемых в 7 вариантах. Эти сценарии будут оказывать решающее влияние на возможности социально–экономического развития страны, которые будут определяться следующими критериями относительно доли ВВП, например, выделяемой на нужды безопасности и обороны.

В рамках этого подхода к сценариям можно выделить, таким образом, три принципиально различных сценария для России на период 2025–2050 годов и их варианты, которые похожи отчасти на сценарии развития до 2025 года. Их вероятность в 2018 году может оцениваться экспертами по-разному в зависимости от их личных субъективных предпочтений, знаний и политической ориентации. Тем не менее, можно предположить, что вероятность развития этих трех сценариев и их вариантов, оцениваемая в 2018 году, выглядит, на мой взгляд, следующим образом:

	в 2017 году:		**прогноз в 2018 году**
Вероятность развития «Сценария № 1» —	30%	⟶	60%
Вероятность развития «Сценария № 2» —	60%	⟶	30%
Вероятность развития «Сценария № 3» —	10%	⟶	10%

Причем на вероятность реализации того или иного сценария **после 2025 года** оказывает существенная динамика развития ВПО в мире и состояния дел в России в 2016–2017, а именно — наблюдается устойчивая тенденция **ухудшения прогноза после 2025 года**. Так, если в 2014 году я прогнозировал вероятность перехода к военно-силовым действиям Запада в 2025 году, то в 2018 году — уже в 2021–2023 годы, что неизбежно оказывает влияние на прогноз развития России после 2025 года[7].

Вместе с тем резкое ухудшение ВПО в 2017 году может потребовать от руководства страны в период решительных действий мобилизационного характера, как в политической, так и экономической областях, в частности, реорганизации всей военной организации страны и корректировке военного бюджета. Другими словами, не исключается, что руководство страны решится на радикальные меры, предусматривающие переход от инерционного сценария к мобилизационному уже в начале 2018 года.

Сказанное означает, что стратегическое планирование, в т.ч. в области обороны и безопасности, ГПВ и др. решения, должны исходить, на мой взгляд, из наибольшей вероятности развития после 2025 года «Сценария № 1», в котором будет доминировать логика эскалации военно-силового противоборства при стремлении Запада сохранить свой контроль над этой эскалацией. При этом наиболее вероятным после 2025 года может быть «Вариант №2» сценария развития России потому, что этап развития «Варианта №1» того же сценария в 2018 году может быть уже фактически пройден.

При этом реализация такого сценария требует известных мер по подготовке со стороны России не только в области военной политики, но и военного искусства. Так если говорить, например, о наиболее вероятных способах применения военной силы, то можно акцентировать внимание на стратегии иррегулярной войны, вероятность которой стремительно усиливается. Ее описал достаточно подробно в России Р.В. Арзуманян следующим образом: «Конфликты последних лет на примере Югославии, Ирака, Ливии и Сирии показывают, что копившийся годами военный потенциал в том виде, в котором он создавался, в большинстве случаев в условиях обострения обстановки **либо не**

работает вообще, либо **оперативно требуется его перестройка и адаптация к условиям, которые, как правило, кардинально отличаются от тех**, к которым готовилась армия. Как результат — крайне низкая эффективность боевого применения сил и средств для решения стоящих задач.

С другой стороны, попытка государства применить военную силу для решения задач обеспечения безопасности и наведения порядка (как это было в России в ходе трех чеченских кампаний, либо в событиях на Украине и в Крыму), т.е. для решения именно тех задач, для которых, в том числе, и создавался многие годы военный потенциал, на деле упирается в крайне отрицательное «общественное мнение» и последующие международные санкции.

Также необходимо учитывать, что широкомасштабному применению военной силы предшествует этап наращивания сил, а с началом применения необходимо заботиться и о поддержании группировки (особенно это важно, если войска привлекаются для решения долгосрочных задач на оккупированной территории). Эти шаги крайне дороги и могут быть оправданы лишь на очень короткий период времени, либо только в условиях ведения широкомасштабной войны и перевода экономики на мобилизационный план.

Анализ показывает, что Запад первым осознал происходящие изменения. Формирование и поддержание группировки сил и средств, к примеру, по той же Югославии или по Ираку обошлись американским и европейским налогоплательщикам в очень значительную сумму. При этом необходимо учитывать, что от всей мощи созданных группировок эффективно применялись лишь несколько процентов (как правило, это авиация и силы специального назначения).

Понимание происходящих изменений отразилось в усиленном развитии невоенных средств и методов борьбы (включая экономические, информационные и др.). Сегодня **Госдепартамент США в сфере ведения противоборства занимает гораздо более весомую позицию, чем Пентагон, поскольку координирует и интегрирует все элементы национальной мощи для решения стоящих задач**.

Результатом такой работы стала, к примеру, концепция «цветной революции», когда поставленные политические цели достигаются за



Рис. 14.2.

счет использования внутреннего протестного потенциала без широкомасштабного применения военной силы.

Сегодня наиболее перспективной концепцией на Западе является концепция иррегулярных военных действий, подразумевающая широкое применение партизанских, диверсионных и специальных форм и способов борьбы[8].

Как видно из предложенных сценариев и их вариантов (рис. 14.2), «Сценарий №1» и отчасти даже «Сценарий №2» являются, по сути, продолжением сценариев развития России до 2025 года, реализуемых преимущественно на основе прежних парадигм мирового развития. С той небольшой разницей, что «Сценарий №2» можно отнести к развитию «Военно-силового сценария» до 2014 года, а «Сценарий №1» — после 2014 года.

Их модернизация до 2025 года и в особенности в 2025–2050 годы носит важный, но не принципиальный характер и не предполагает появление в период 2025–2050 годов принципиально новых политических, экономических или военных парадигм.

Иными словами эволюция военно-политических особенностей развитии России (в сценариях №1 и №2) — будет экстраполяцией развития ВПО и России в 2014–2017 годы с частными различиями, имеющими второстепенный и (часто) субъективный характер.

Соответственно развитие России после 2025 года по тому или иному сценарию требует от руководства страны в настоящее время, т.е. в 2018 году, учета этих факторов. Например, прямые военные действия на ТВД в 2025–2050 годы потребуют огромных запасов не только ВВСТ, прежде всего, средств ведения неядерной войны, но и боеприпасов. Достаточно сказать, например, что боезапас КР США «расстреляли» в Ираке в течение одного месяца.

В значительной степени прогноз сценария развития России в 2025–2050 годы будет влиять на ту часть национальных ресурсов, которая выделяется через федеральный бюджет. На мой взгляд (очень условно), можно было бы говорить о следующих пропорциях военного бюджета в общефедеральных расходах для того или иного сценария и его вариантов.

Сказанное выше означает, что формальное сокращение оборонного бюджета в 2017 году не основано на долгосрочном прогнозе, а опирается на иную аргументацию и решения, а именно на стагнацию российской экономики в 2014–2017 годы и некоторое «перенасыщение» военного бюджета в эти годы.

Предлагаемая выше таблица представляет собой скорее логическую модель, а не реальные оценки военно-политического прогноза, а тем более планирования. Она является, скорее, «приглашением» к совместному прогнозу будущего России.

Тем не менее, из нее можно сделать вывод о том, что наиболее вероятен «худший сценарий», когда России предстоит до 2025 года и вплоть до 2050 годов опираться на собственные силы в условиях усиления военной опасности. Это означает, что «мобилизационный», сценарий в одном из своих вариантов неизбежен и самая лучшая стратегия — начинать его реализацию самим по принципу «чем раньше — тем лучше».

Таблица 14.1. Доля ВВП, выделяемая на потребности безопасности и обороны в 2025–2050 годы, в соответствии с разными сценариями и вариантами развития России

Характеристика сценария	Характеристика варианта сценария (в %)	Степень внешней угрозы (от 1 до 10)	Доля ВВП (в %), выделяемая на оборону России
Сценарий №1: («Мобилизационный»). Предполагает, что развитие России крайне затруднено в условиях военно-силового давления и противоборства с западной ЛЧЦ	**Вариант №1**. Конфликт с использованием «облачного противника»	8 баллов: наиболее вероятен	8–10% ВВП
	Вариант №2. Участие США и НАТО в прямых военных действиях против России	7 баллов: вероятен	10–15% ВВП и даже до 30% ВВП (как в Израиле)
	Вариант №3. Глобальная война на различных ТВД	5 балла: наименее вероятен	до 40% ВВП (как в СССР в 1939–45 гг.)
Сценарий №2: («Инерционный»). Предполагает, что развитие России сдерживается расходами на безопасность	**Вариант №1**. Сохранение существующего военно-силового противоборства	3 балла: вероятен в отдельные периоды	до 5% ВВП (на уровне 2011–2015 гг.)
	Вариант №2. Усиление силового противоборства	6–7 баллов: вероятен	до 7% ВВП
Сценарий №3: («Оптимистический»). Новые центры силы переносят противоборство в иную плоскость	**Вариант №1**. Война западной коалиции с КНР	3 балла: мало вероятен	до 5% ВВП («вооруженный нейтралитет)
	Вариант №2. Война с исламской ЛЧЦ	3 балла: вероятен	до 5% ВВП (участие в коалиции)
	Вариант №3. Война западной ЛЧЦ с другими центрами силы	2–3 балла: очень маловероятен	до 3% ВВП

В этой связи можно сопоставить военные расходы России по тому или иному сценарию и его варианту с расходами других стран. Так, относительно расходов бюджета, можно говорить о том, что «Мобилизационный СЦЕНАРИЙ России после 2025 года вполне допустим на уровне расходов в 10–15% (Азербайджан, Иран, США, но меньше чем Саудовская Аравия, ОАЭ или Израиль), что будет приблизительно со-

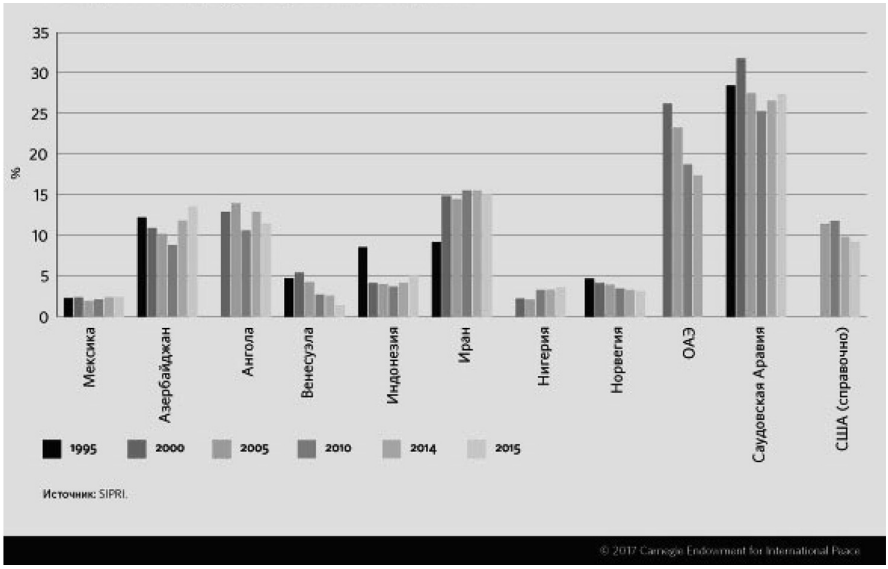


Рис. 14.3[9]. Расходы на оборону в % расходов бюджета

ответствовать 3–5% уровня ВВП, т.е. сегодняшнему уровню военных расходов России.

Вероятно, что это — минимальный уровень военных расходов России в условиях реализации «Мобилизационного» сценария после 2025 года, который, скорее всего, будет недостаточным для эффективного противоборства. Это означает, что еще до 2025 года должны будут сделаны дополнительные инвестиции и накопления стратегические запасы ВВСТ и боеприпасов.

Очевидно, что доля военных расходов в ВВП России после 2025 года будет высокой, может быть, очень высокой, что отнюдь не означает, что эти расходы бесполезны. Важно, чтобы они были сконцентрированы в рамках «Мобилизационного» сценария на наиболее важных не только для обороны и безопасности, но и экономики и социальной области приоритетах, а именно:

— на НИОКР, которые могут стать двигателями технологического развития (как в 40–50-е годы XX века ракетная и ядерная области);
— на НЧК, который может не только резко повысить качество ВС, но и всей нации;
— на эффективности управления в государстве, ОПК и ВС.

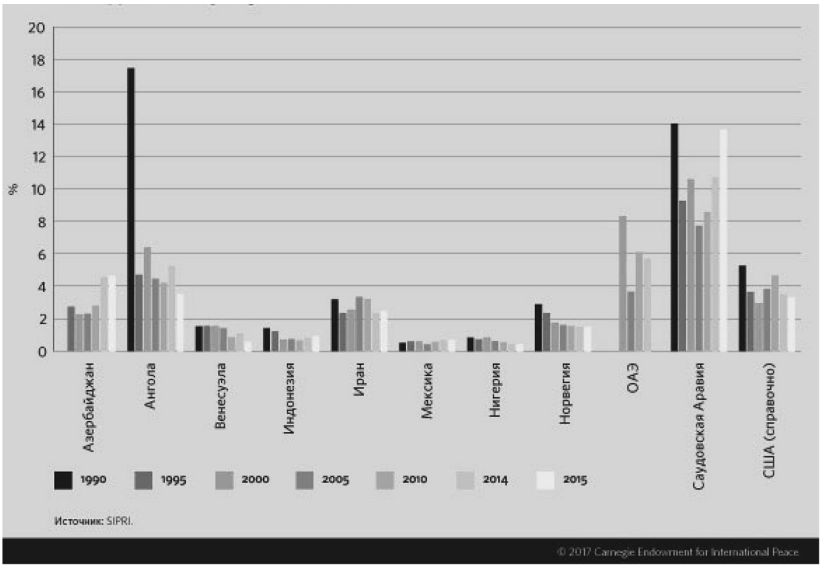


Рис. 14.4[10]. Расходы на оборону в % ВВП

После 2025 года расходы на оборону России в решающей степени будут зависеть не от абсолютных величин или соотношения расходов с основными оппонентами (они будут абсолютно не сопоставимыми), а от других факторов. Таких, прежде всего, как:

— состояния МО и ВПО в мире;
— угроз национальной безопасности, среди которых военные угрозы могут быть не самыми главными;
— внутриполитической стабильности и др.

Так, в частности, можно ожидать, что величина душевого дохода или, например, заработной платы, к 2025 году станет примерно одинаковой в большинстве развитых стран. Более того, к ней «подтянутся» доходы значительной части граждан новых центров силы, а их средний уровень достигнет 35–40 тыс. долларов в 2025 году. Это означает, что большинство стран создадут ведущую «прослойку» населения, состоящую из представителей среднего класса, когда внутриполитическая стабильность будет определяться не только доходами, но и отношениями в нематериальной области, а внешняя безопасность не будет непосредственно зависеть от объема финансирования, выделенного на оборону. Так, если в настоящее время существует огромная разница в зарплатах

и доходах между группами развитых стран, с одной стороны, и развивающихся стран, с другой стороны, то после 2025 года это соотношение может практически сравняться для большинства населения, как это произошло в КНР. Учитывая налоги, разница может составить уже не 1:10, а 1:3 или даже 1:2, что сравняет в принципе доходы основных групп населения в большинстве стран[11].

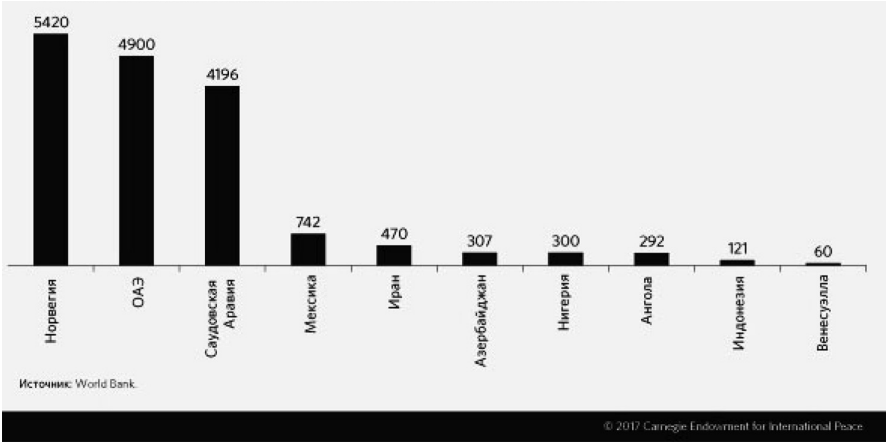


Рис. 14.5[12]. Средняя зарплата граждан в месяц, в долларах США, 2015 г.

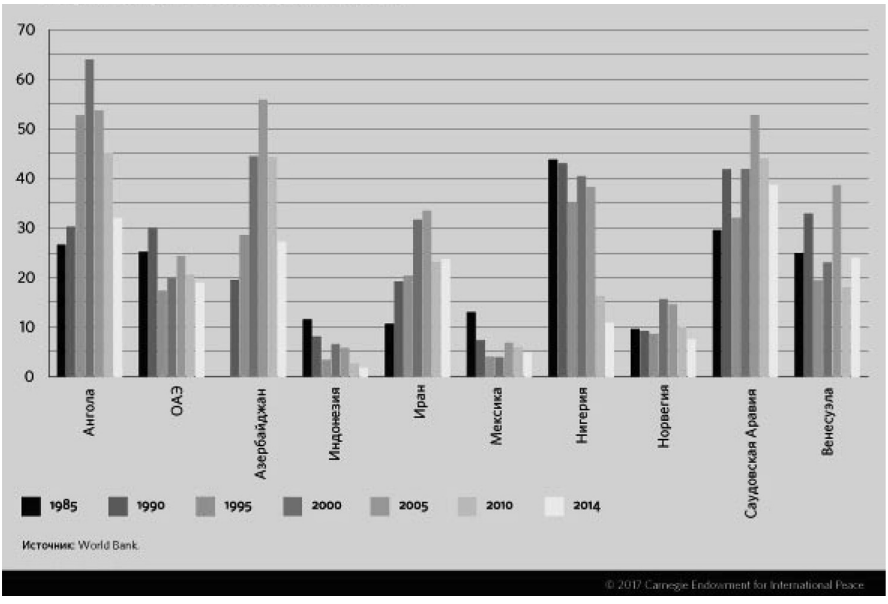


Рис. 14.6[13]. Нефтяная рента по годам, в % ВВП

У России есть огромные ресурсы, которые не используются в настоящее время, но могут быть использованы в случае выбора в пользу «Мобилизационного» сценария как минимум речь идет:

— о ликвидации оффшоров и активов за рубежом;
— снижения коррупции;
— более эффективного использования природной ренты что, как показывает опыт зарубежных стран, может быть сделано в очень широком диапазоне.

Иными словами, у России есть огромный ресурс для маневра при выборе того или иного сценария развития, если уйти от механического следования рекомендациям финансистов — «макроэкономистов»[14]. В частности, можно использовать даже опыт финансирования военных расходов на Украине в период 2014–2017 годов, который был достаточно показателен:

Динамика военных расходов Украины в 2013–2016 гг.

— **2013 — 18,8 млрд гривен** (1,11% ВВП)
— **2014** — первоначально, принятый в середине января 2014 года государственный бюджет на 2014 год включал военный бюджет в размере 14,6 млрд гривен; 10 мая 2014 года министр финансов А. Шлапак сообщил, что в период с января 2014 года, когда был утвержден военный бюджет, военные расходы увеличились уже на 50%, а военный бюджет — с 14 млрд гривен до более чем 20 млрд гривен. 21 мая 2014 года для оплаты военных расходов начался выпуск казначейских облигаций «Военные» на общую сумму 100 млн гривен. В июне 2014 года военный бюджет Украины составил 20,1 млрд гривен (1,25% ВВП).
— **2015** — в декабре 2014 года было объявлено, что военные расходы на 2015 год составят не менее **50 млрд гривен**; 8 января 2015 года было объявлено, что военный бюджет Украины составит 44,6 млрд гривен; 17 июля 2015 было принято решение о выделении на нужды министерства обороны и вооружённых сил Украины дополнительных средств в размере 5,3 млрд гривен.
— **2016** — по предварительным расчётам, военный бюджет 2016 года планировали в размере не менее **100 млрд гривен** (5% ВВП), а с учётом средств из специальных фондов — **113 млрд гривен**.

— **2017** — по предварительным данным, военный бюджет на 2017 год должен составлять не менее 5% ВВП (150 млрд гривен).

Таким образом развитие военных возможностей «облачного противника» России за 3 года прошло путь от 18,8 млрд до порядка 150 млрд, что (даже, с поправкой на инфляцию) означает рост в 3–4 раза!

Таблица 14.2. Основные критерии сценариев развития России и их вариантов в период 2025–2040 годов, основанных на известных парадигмах

Основные критерии	«Сценарий №1» («Мобилизационный)	«Сценарий №2» («Инерционный»)	«Сценарий №3» («Оптимистический»)
Темпы роста ВВП	30% ВВП тратится на военные цели. Рост ВВП достигает 7–10%	0–0,5% ВВП	1–1,5% в зависимости от модели развития
Демографические	Минимальная динамика	0 рост	Рост заметный
Внешняя политика	Активизация	Осторожная активность	Отсутствие активности
Военная политика	Активная	Малозаметная	Отсутствует

И это привело во многом к обострению кризиса на Украине в социально-экономической области, но отнюдь не к социальному взрыву. Прежде всего потому, что власти удалось внедрить в сознание граждан необходимость «защиты» от внешней угрозы.

14.1. «Сценарий №1» («Мобилизационный») развития России в 2025–2050 годы

Путин подчеркнул, что системы вооружений нового поколения сопоставимы по эффекту с ядерным, но «более приемлемы» в политическом и военном плане[15]

А. Фролов,
главный редактор журнала
«Экспорт вооружений»

В 2018 году ухудшение ВПО превратилось в ускоренно-развивающийся процесс, который сопровождался эксцессами в военно-силовой политики сделавшими войну вполне «мыслимой» категорией. Во многом именно поэтому, среди наиболее вероятных сценариев развития России после 2025 года я выделяю «Сценарий №1» («Мобилизационный») развития, который в свою очередь делю, как минимум, на три конкретных варианта, которые во многом будут зависеть от состояния СО:

— Вариант №1 («Военный конфликт с использованием «облачного противника»);
— Вариант №2 («Война с США и НАТО на ограниченных конфликтах против России на отдельных ТВД»);
— Вариант №3 («Глобальная война против России»).

Сразу же оговорюсь, прогнозируя развитие этого сценария и его вариантов, что считаю:

1. Этот сценарий в целом наиболее вероятным, более того, почти неизбежным. Выше я определял его вероятность реализации после 2025 года как 60% в 2018 году, но эта вероятность увеличилась за 2017 и может еще больше увеличиться в 2018–2025 годы, вплоть до начала реализации всего сценария по одному из конкретных вариантов.
2. Между конкретными вариантами реализации этого сценария не существует жесткой границы. Более того, ее нет и между наиболее вероятным сценарием «Военно-силового развития» ВПО и России до 2025 года и «Мобилизационным сценарием.

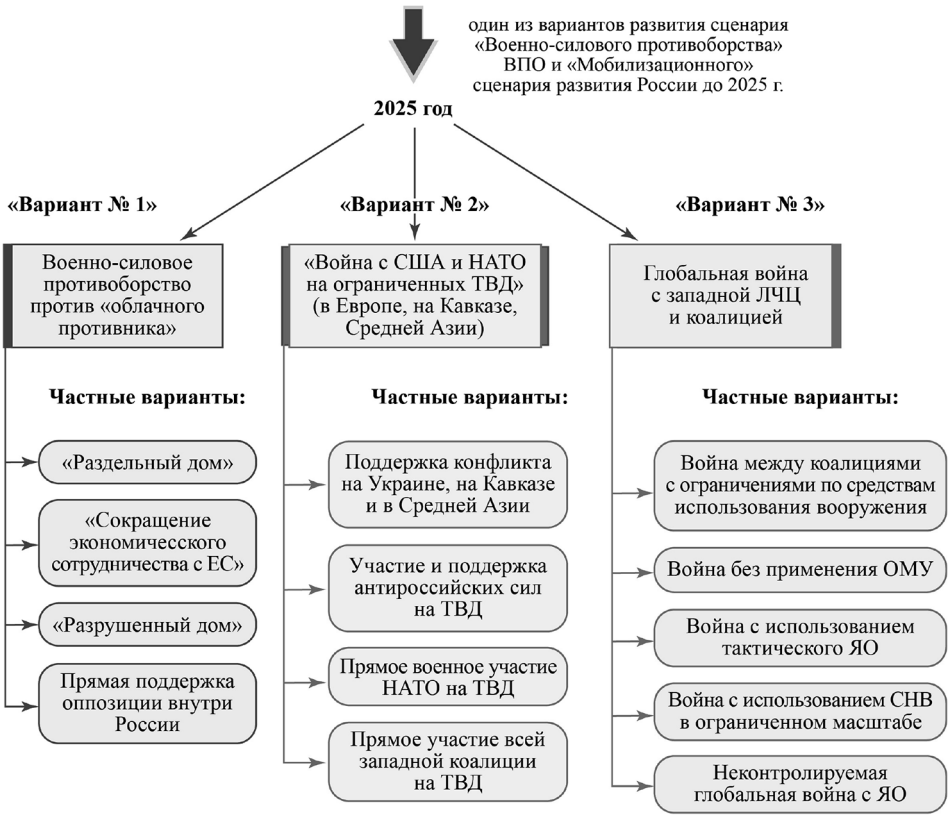


Рис. 14.7. Логическая модель сценария развития России после 2025 года

«Сценарий №1» («Мобилизационный») развития России в 2025–2050 годы исходит из неизбежности концентрации значительной части ресурсов России для противодействия военно-силовой политике западной ЛЧЦ **в военной фазе**, т.е. это, по сути дела сценарий выживания России в условиях военного конфликта с западной ЛЧЦ. Повторю, что этот сценарий развития России исходит из того, что в результате эскалации военно-силовой политики Запада к 2025 году. Россия будет находиться в состоянии войны[16]. Этот сценарий, в свою очередь, как уже говорилось выше условно можно разделить на следующие варианты:

Вариант №1 «Сценария №1»: «Конфликт с использованием «облачного противника». Речь идет, прежде всего, о следующих факторах, которые условно можно изобразить на такой логической схеме:

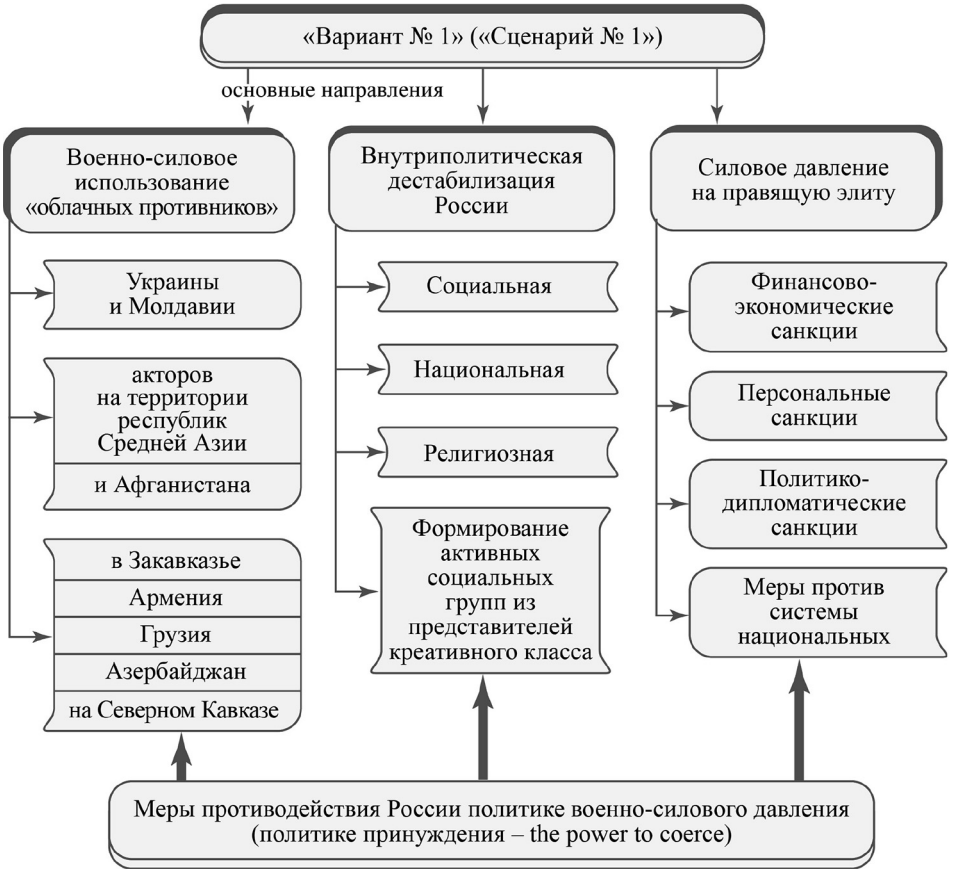


Рис. 14.8. Логическая схема развития России в условиях противодействия западной стратегии в соответствии с «Вариантом №1» «Сценария №1» («Мобилизационного») после 2025 года

Как видно из рисунка 14.8, военно-силовые средства и способы воздействия Запада отнюдь не сводятся только к военным[17]. Они носят комплексный (сочетание всех средств) и системный характер. В отличие от политики военно-силового давления до 2025 года они будут откровенно враждебны. Так, например, военно-экономическая и техническая помощь Украине будет существенно увеличена с тем, чтобы не дать затухнуть конфликту, более того, распространить его на другие регионы.

Активность Запада после 2025 года распространиться на Закавказье, прежде всего, на Армению и Азербайджан, которые будут принуждать к свертыванию отношений с Россией.

Соответственно, что со стороны России подобные действия должны будут встречать адекватный отпор, который, как и у Запада, не может быть сконцентрирован в одной, например, военной области. Так, политико-идеологическую мобилизацию и концентрацию ресурсов (если она начнется в период 2018–2025 годов) необходимо будет перевести после 2025 года в режим «Чрезвычайная ситуация» или даже «Военное положение», что потребует дальнейшей реорганизации всей системы управления страной.

В этом смысле главная задача заключается в поэтапное превращение системы государственной военной организации в систему эффективного государственного управления (включающей все институты, включая не силовые), а затем и в систему национального военного управления, способную противодействовать все угрозам — военным, политическим, психологическим, иным.

Этот вариант западной стратегии предполагает, что США и их военно-политическая коалиция не будут прямо вовлечены в военный конфликт, предоставив инициативу другим государствам и акторам, однако:

— будет продолжаться усиливаться силовое давление, использование потенциальных проблем России в трех областях[18]:
— национальной;
— социальной;
— религиозной

для создания внутренней оппозиции в России и захвата его власти. Так, например, в настоящее время Бюро разведки Государственного департамента США инициировало «программу помощи» религиозным меньшинствам/сектам), которые насчитывается в России более 500 (около 800 000 человек)[19];

— будет стимулировать военно-силовые действия против России со стороны «облачного противника» и создаваемых экстремистских и террористических организаций на прилегающих к России территориях. Прежде всего, на Украине, в Прибалтике, Грузии и республиках Средней Азии и Казахстана. Целью развития этого сценария является принуждение. Последствия развития такого сценария для России можно проиллюстрировать результатами, достигнутыми в 2014 году на Украине.

В рамках этого варианта Сценария очень вероятен и своего рода вариант использования ЕС в качестве «облачного противника» против России, способного, как минимум, изолировать Россию от других стран Евросоюза. В частности, рассматриваются самые разные варианты, например, такие:

14.1.а). Мягкий вариант «Облачного противника»: «Разделенный дом»[20]

— **Холодный мир**: Между ЕС и Россией сохраняется патовая ситуация, сложившаяся до 2025 года. Наличие определенных экономической и энергетической взаимозависимости предотвращает дальнейшее серьезное ухудшение ситуации. Однако из-за отсутствия доверия и углубления расхождений, стимулируемых ряда стран Запада, улучшение ситуации представляется маловероятным.
— **Оспариваемая среда**: страны-участницы программы «Восточное партнёрство» колеблются между Востоком и Западом. Их экономическое и политическое развитие серьёзно сдерживается из-за наличия конкурирующих интеграционных проектов: ЕС и Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС).
— **Отсутствие преобразований**: В условиях «холодного мира» никаких политических и экономических преобразований не происходит. Европа во все большей степени теряет связи с новыми центрами глобальной силы в Азии и Америке.

Состояние отношений в 2025–2050 годах

К 2025 году политические и экономические системы ЕС, России и большей части стран-участниц программы «Восточное партнёрство» не претерпели значительных изменений. В то время как ЕС с некоторым усилием защищает свою модель либеральной демократии от популистских партий, страны-участницы программы «Восточное партнёрство» все еще пытаются избавиться от своего постсоветского наследства. Беларусь и Азербайджан сохраняют свои автократические системы. В России укрепляется государственный строй, характеризуемый дальнейшим ограничением деятельности либеральной оппозиции.

Несмотря на атмосферу острого политического соперничества за влияние на соседние страны и воздействие взаимных санкций, ЕС и Россия по-прежнему связаны торговыми и энергетическими отношениями. И хотя взаимозависимость экономик препятствует возникновению открытого конфликта, экономические отношения находятся под постоянным давлением, при этом время от времени напряженность достигает довольно высокого уровня. Частные торговые и замороженные конфликты, включая украинский конфликт, способствуют дальнейшему торможению экономического и социального развития стран, расположенных в непосредственной близости от ЕС и России. Лишь в Грузии и Молдове наблюдается некоторый подъём уровня жизни.

Конфронтация между ЕС, США с одной стороны, и Россией с другой стороны, обострённая украинским кризисом 2014 года, приводит к возникновению отношений «с позиции силы» между бывшими противниками в холодной войне. Это отношение характеризуется стагнацией и — если говорить о странах-участницах программы «Восточное партнёрство» — атмосферой неопределенности.

Поскольку ЕС не в состоянии обеспечить прочный мир, процветание и стабильность своим соседям в Европе, его отодвигают не только от участия в решении глобальных вопросов, но и до определенной степени в решении вопросов безопасности в Европе. Как следствие, значение НАТО значительно возрастает[21].

Последствия кризиса 2014–2018 годов

Украинский кризис 2014 года оказал значительное влияние на отношения между ЕС, Россией и их общими соседями: Белоруссией, Украиной, Молдовой, Грузией, Арменией, Азербайджаном, а также на миропорядок в Европе, сложившийся в конце Холодной войны. Прежде всего, украинский кризис сместил центр внимания от внутренних вопросов к внешней политике, а также от постмодернистского мира вновь к реальной политике. Кризис разделил государства-члены ЕС на те страны, которые находятся в более значительной экономической зависимости от сотрудничества с Россией и выступают за осторожный подход к разрешению украинского кризиса, и на те страны, которые выступают за более твердый подход к политике России по отношению

к Украине. При отсутствии единой позиции в ЕС, прочного решения по урегулированию украинского кризиса найти не удается. Часть восточной Украины становится полуавтономией, где наблюдатели ОБСЕ пытаются предотвратить возобновление открытого конфликта.

Страны-участницы программы «Восточное партнёрство» стремятся отыскать новый баланс в проведении своей внешней политики по отношению как к ЕС, так и к России, при этом Украина, Грузия, Молдова более склонны, чем другие участники партнёрства, к интеграции в ЕС. Однако устремления Украины в этом отношении серьёзно ограничены продолжающимся территориальным конфликтом в восточных регионах страны, а также постоянной внутренней нестабильностью. После проведенного в 2015 году Саммита программы «Восточное Партнёрство» в ЕС осознают, что многие страны-участницы программы «Восточное партнёрство» потеряли интерес к многосторонним аспектам Программы, поскольку не видят перспективы своего членства в ЕС. Гораздо больше внимания уделяется двусторонним отношениям отдельных стран с ЕС, Россией, США и другими влиятельными соседями.

Незначительные преобразования в политике и экономике России

В связи с общей атмосферой кризиса, системы принятия политических решений большинства участников этого процесса сохранили свою жесткость, не претерпев существенных изменений. И если в ЕС преобладает политика плюрализма, то в странах-участницах программы «Восточное партнёрство» проявление плюрализма в политике весьма незначительно.

В России наблюдаются дальнейшие ужесточение в отношении гражданского общества. В экономической сфере ситуация развивается аналогичным образом. Несмотря на последствия экономического и финансового кризиса и отрицательного воздействия взаимных санкций, ЕС сохраняет свою социальную и экономическую модель. Российская экономика становится все более государственной и по-прежнему значительно политизирована. Отдельные страны-участницы программы «Восточное партнёрство» стали активно бороться с коррупцией, стремясь продемонстрировать своим гражданам хоть какие-то успехи в ус-

ловиях отсутствия более широких реформ. Грузия и Молдова проводят длительные и болезненные реформы, в надежде на то, что ЕС поддержит эти усилия. В 2023 году обе страны обращаются с просьбой о принятии в ЕС, после чего Приднестровье объявляет о своей независимости.

Сокращение экономического сотрудничества

В связи с отсутствием прочного и взаимовыгодного решения по урегулированию украинского кризиса, в регионе не только усугубляется политическая и экономическая нестабильность, но и формируются противоречивые отношения между Россией, ЕС и США. Переход от внешней политики, основанной главным образом на принципах сотрудничества между ЕС и Россией, к политике соперничества однозначно оказал влияние на характер их экономических отношений, включая отношения с соответствующими соседними странами Восточной Европы и Южного Кавказа.

Во-первых, украинский кризис ускорил процесс, который привел к подписанию Соглашений об ассоциации (СА) и Глубоких и всесторонних соглашений о свободной торговле (ГВССТ) между ЕС и Грузией, Молдовой, Украиной. В то время как реализация указанных соглашений даёт в 2018 году положительные результаты в Грузии и Молдове, вступление в силу соглашений с Украиной неоднократно откладывается, и в немалой степени из-за давления России. В результате важные стимулы для модернизации экономики не используются, в стране отсутствует политическая стабильность, происходят частые смены правительства. В 2017 году очередной перенос вступления в силу Глубокого и всестороннего соглашения о свободной торговле приводит в Украине к новому «майдану».

Во-вторых, Россия еще более укрепилась в решимости построить свою собственную модель сотрудничества с соседними странами — ЕАЭС. Однако это решение приводит к дальнейшей политизации её экономики и нарастанию напряженности в связи с притоком мигрантов в Россию. Поскольку Украина в данном проекте участия не принимает, долгосрочная экономическая обоснованность и привлекательность проекта по созданию Евразийского Союза для самой России ставится под сомнение.

В-третьих, солидарность стран-членов ЕС постоянно подвергается испытаниям в связи с экономическим санкциями ЕС против России

и ответными санкциями с российской стороны, что неизбежно наносит ущерб как европейским, так и российским экономическим интересам и сдерживает рост ВВП.

Несмотря на экономические санкции и политическую напряженность, экономические отношения между ЕС и Россией по-прежнему отличаются высоким уровнем взаимозависимости, главным образом из-за огромной значимости энергоресурсов и торговли, а также потребности России в европейских технологиях для модернизации своей экономики. Такая значительная взаимозависимость экономик не позволяет обоим партнёрам скатиться в открытый конфликт. Личные контакты и деловые связи способствуют сохранению такой взаимозависимости даже на пике украинского кризиса.

В частности, последствия стагнации экономических отношений между ЕС и Россией оказывают прямое воздействие на страны-участницы программы «Восточное партнёрство». Хронические отклонения от нормальных торговых отношений между Россией с одной стороны, и отдельными странами-членами ЕС и некоторыми странами-участницами программы «Восточное партнёрство» с другой стороны — особенно с теми, которые подписали с ЕС Соглашения об ассоциации. Глубокие и всесторонние соглашения о свободной торговле, — сдерживают экономическое развитие в странах «общего соседства». Поэтому многие положительные эффекты от СА/ГВССТ, оказываются в среднесрочной перспективе нивелированы постоянно повторяющимися конфликтами и тарифными войнами.

Рост отчуждения

В связи с ростом политического отчуждения между ЕС и Россией, никакого движения вперёд не прослеживается — ни в плане построения Единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, ни в плане достижения поставленных ранее задач по пересмотру соглашения об облегчении визового режима или даже соглашения о либерализации визового режима. В этой связи Россия вынуждена вступить в беспрецедентные и интенсивные контрактные отношения с Китаем, которые углубляют и без того значительную асимметрию между двумя сторонами[22].

Поставленное перед необходимостью объяснить своим гражданам, почему они страдают от экономической стагнации и почему они не могут пользоваться такими же свободами, руководство России ужесточает свою позицию по вопросу сотрудничества с ЕС. В результате между ЕС и Россией углубляется ценностная пропасть.

К усугублению этого положения приложили руку консерваторы, особенно в части, касающейся роли государства, семейных ценностей, прав сексуальных меньшинств. В качестве символа такого подхода и в противопоставление Евровидению, в 2018 году создается Евразийский песенный конкурс.

Архитектура европейской безопасности под вопросом

Несоблюдение правил, совместно согласованных сторонами после окончания Холодной войны (и даже до этого периода), приводит к существенному ослаблению архитектуры европейской безопасности. Нет ни более узкой (в формате НАТО-ЕС), ни более широкой системы (в формате ЕС) военного сотрудничества по обеспечению безопасности. Поскольку США прилагает все больше усилий для сдерживания процесса усиления влияния Китая в Азии, а на Ближнем Востоке набирает силу радикализм, Европа перестает быть центром внимания остального мира. Из-за ослабления трансатлантических связей и необходимости учитывать активную внешнюю политику России и бурно развивающегося Китая в сфере обеспечения безопасности, ЕС оказывается все более отодвинутым на вторые роли. В итоге, в сфере обеспечения европейской безопасности вновь возрастает роль НАТО. В 2019 году Финляндия и Швеция подают заявку на вступление в члены НАТО, но избирателями эта идея отвергается на референдуме 2021 года. Позиция НАТО в отношении России и её прямолинейной политики в отношении стран-участниц программы «Восточное партнёрство» способствует дальнейшему разрастанию соперничества между Россией и Западом. Через 40 лет после окончания Холодной войны, отношения между ЕС, Россией и их ближайшими соседями, таким образом — характеризуются отношениями «с позиции силы» и соперничеством между ЕС и Россией за привлекательность их разных моделей регионального сотрудничества[23].

14.1.б). Жесткий вариант: «Разрушенный дом»[24]

— **Продолжение конфликта**: поскольку прочного решения по урегулированию украинского конфликта не найдено, конфронтация между ЕС и Россией продолжается вплоть до 2030 года.
— **Взаимной зависимости больше не существует**: Относительный успех проведенной авторитарными методами модернизации в России и переход на альтернативные источники энергии в ЕС позволил обеим сторонам действовать независимо.
— **Неустойчивая среда**: Общие страны-соседи по-прежнему являются объектом острого соперничества между ЕС и Россией.

Состояние отношений в 2030 году

В 2030 году Россия и Запад находятся в состоянии длительной конфронтации. Для предотвращения этой конфронтации взаимозависимость экономик Европы и России оказывается недостаточным фактором. По сути, наблюдается процесс постепенного снижения этой взаимозависимости экономик, сформировавшейся после окончания Холодной войны, до уровня 1980-х годов. Прослеживается чёткая геополитическая линия раздела, проходящая от Балтийского до Черного моря, при этом страны бывшей программы «Восточное партнёрство» стали объектами конфронтации между ЕС и Россией. То пространство, которое ЕС называло своим «восточным соседством», а Россия — «ближним зарубежьем», превратилось в зону нестабильности, где вялотекущие конфликты подвержены постоянному риску перехода в горячую фазу.

Путь к 2030 году

Рост военной напряжённости

После присоединении Россией Крыма происходит стремительное ухудшение ситуации в Украине. ЕС обвиняет Россию в дестабилизации положения в Восточной Украине. Когда в июле 2014 года был сбит малазийский авиалайнер и погибли сотни граждан ЕС, вину за это ЕС и США возложили на Россию и пророссийских ополченцев. В результате этого события в ЕС сложилась консолидированная позиция по отношению к России. В частности, облегчился процесс принятия реше-

ний о введении новых санкций. Россия в ответ ввела санкции против ЕС и стран-членов ЕС.

В политическом плане Россия предпринимает попытки разрешения конфликта на своих условиях. Учитывая рост решимости Киева противостоять российской агрессии, а также его неспособность остановить пророссийское восстание в восточных регионах Украины военным путём, Запад начинает оказывать правительству Украины военную помощь. В свою очередь, такое развитие событий подталкивает восточноевропейские страны — члены НАТО, например Польшу и страны Балтии, опасающиеся, что Россия может начать против них «гибридную войну», к тому, чтобы получить дополнительные гарантии безопасности от НАТО.

В результате, в Восточной Европе начинается массированное наращивание военной мощи, запускающее спираль эскалации. Россия агрессивно реагирует на планы НАТО расширить свои обязательства по защите восточноевропейских стран — членов этой организации. Россия размещает военную технику, в частности ракетные комплексы «Искандер», в Калининградской области и других регионах, расположенных поблизости от западных границ. НАТО уточняет свою позицию по военным вопросам, а Россия публикует новую военную доктрину, в которой говорится о решимости использовать ядерное оружие в ответ на нападение с применением обычных вооружений[25]. К 2020 году гонка вооружений разворачивается в полную силу.

Демонтаж экономической взаимозависимости

Если в начале казалось, что в долгосрочной перспективе кризис не может продолжаться долго в силу того, что противоборствующие стороны не могли бы себе этого позволить, к 2020 году ситуация изменилась. Россия приступает к реализации мер по диверсификации торговых отношений с другими странами, в частности за счет привлечения инвестиций из стран Дальнего Востока и Азии. Происходит резкое увеличение объёма китайских инвестиций в российский сельскохозяйственный сектор, посредством чего удовлетворяется высокий спрос на мясо и молочные продукты среди растущего среднего класса Китая. В долгосрочной перспективе Россия смогла довольно успешно завершить свои планы авторитарной модернизации экономики. Со своей стороны, ЕС интенсивирует

разработку новых технологий, что позволяет сократить энергетическую зависимость от России. Появление внешней угрозы также стимулирует развитие более тесного сотрудничества в сфере безопасности и укрепление общей внешней политики в области безопасности. У обеих сторон формируются новые идеологии, растет уровень враждебности. Каждая сторона конфликта рассматривает себя как державу «статус-кво», а другую сторону — как державу, стремящуюся изменить сложившееся положение. ЕС и Россия рассматривают ситуации со взаимоисключающих точек зрения, предлагая при этом неприемлемые условия урегулирования. Обе стороны воспринимают противную сторону как существующую угрозу, что становится основным обоснованием для продолжения конфронтации.

По мере снижения зависимости обеих сторон от экспорта/импорта углеводородов, перед экономическим сотрудничеством воздвигаются новые барьеры. Опасаясь обвинений в поддержке России, все больше западных компаний отказываются от инвестиций в Россию, а российским компаниям не разрешают инвестировать в ЕС. Кроме того, в условиях «авторитарной модернизации» в России входят в практику целевые репрессии, направленные, по сути — против тех компаний, которые хотят развивать экономические отношения с Западом.

Неустойчивая среда

Страны, расположенные между ЕС и Россией, становятся объектами конфронтации. Помимо своего военного присутствия, Россия постоянно использует различные приёмы в виде «пряника» (например, финансовую помощь) и «кнута» (например, отключение энергии и торговые ограничения). В самом начале процесса конфронтации, ЕС отреагировал тем, что предложил более широкие привилегии таким странам, как Молдова и Грузия, которые были готовы осуществить требуемые экономические и политические реформы. Однако ЕС не предложил им членство в ЕС даже в перспективе. Что еще более важно, из-за постоянной нестабильности и угроз сложилась ситуация, когда население пространства, которое одно время называлось «восточным добрососедством», хочет жить, главным образом, в условиях обычной безопасности, и не стремится к поддержке экономических реформ или геополитической ориентации своих слабых правительств.

Украина по-прежнему сильно разрознена а ее восточные регионы находятся под контролем пророссийских сепаратистов. Продолжается вялотекущий конфликт. Молдова сохраняет нейтралитет, опасаясь, что если бы она предприняла шаги по вступлению в НАТО, Россия могла бы прибегнуть к военной силе. Неизменным остается статус Приднестровья, равно как и положение в Грузии. Инициатива ЕС «Восточное добрососедство» сходит на нет. Единственная страна в регионе, способная использовать конфронтацию между Западом и Россией для своей собственной пользы — по примеру Югославии в годы Холодной войны — это Казахстан, искусно маневрирующий между двумя сторонами. Армения становится членом ЕАЭС и входит в сферу российского влияния.

Украина

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Финансы (млн. $)															
Запасы иностранной валюты и золота	13012	13257	17676	16940	17185	18658	18167	20622	17922	20868	23814	24059	23568	24796	24550
Паритет покупательной способности	175748	179064	238752	228804	232120	252016	245384	278544	242068	281860	321652	324968	318336	334916	331600
Внешний долг	72345	73710	98280	94185	95550	103740	101010	114660	99645	116025	132405	133770	131040	137865	136500
Трудовые ресурсы (млн. чел.)															
Трудовые ресурсы	11,79	12,01	16,02	15,35	15,57	16,91	16,46	18,69	16,24	18,91	21,58	21,80	21,35	22,47	22,24
Общая численность населения	23,62	24,07	32,09	30,76	31,20	33,88	32,98	37,44	32,54	37,89	43,24	43,68	42,79	45,02	44,57
На действительной военной службе	0,08	0,09	0,12	0,11	0,11	0,12	0,12	0,13	0,12	0,14	0,16	0,16	0,15	0,16	0,16
Ежегодно достигают призывного возраста	0,26	0,26	0,35	0,33	0,34	0,37	0,36	0,40	0,35	0,41	0,47	0,47	0,46	0,49	0,48
Людей годных к военной службе	8,31	8,47	11,29	10,82	10,98	11,92	11,61	13,18	11,45	13,33	15,22	15,37	15,06	15,84	15,69
Мобилизиционный резерв	0,53	0,54	0,72	0,69	0,70	0,76	0,74	0,84	0,73	0,85	0,97	0,98	0,96	1,01	1,00
Логистика															
Торговые суда	71	72	96	92	94	102	99	113	98	114	130	131	129	135	134
Основные порты и терминалы	3	3	4	4	4	5	4	5	4	5	6	6	6	6	6
Действующие аэропорты	99	101	135	129	131	142	138	157	137	159	181	183	180	189	187
Автодороги с твердым покрытием	89832	91527	122036	116952	118646	128816	125426	142376	123731	144071	164410	166105	162715	171190	169495
Железные дороги	11479	11695	15594	14944	15161	16460	16027	18193	15810	18409	21008	21225	20792	21875	21658
Нефтяные ресурсы (млн. бар/сут)															
Потребление нефти	0,33	0,34	0,45	0,43	0,44	0,48	0,46	0,53	0,46	0,53	0,61	0,61	0,60	0,63	0,63
Добыча нефти	0,05	0,05	0,07	0,07	0,07	0,08	0,07	0,08	0,07	0,09	0,10	0,10	0,10	0,10	0,10
Доказанные запасы нефти	209,35	213,30	284,40	272,55	276,50	300,20	292,30	331,80	288,35	335,75	383,15	387,10	379,20	398,95	395,00
География (тыс. км)															
Сухопутная граница	4566	4566	4566	4566	4566	4566	4566	4566	4566	4566	4566	4566	4566	4566	4566
Водные пути	2150	2150	2150	2150	2150	2150	2150	2150	2150	2150	2150	2150	2150	2150	2150
Береговая линия	2782	2782	2782	2782	2782	2782	2782	2782	2782	2782	2782	2782	2782	2782	2782
Сухопутные войска															
Самоходки	638	650	866	830	842	914	890	1011	878	1023	1167	1179	1155	1215	1203
Системы залпового огня	332	338	451	432	438	476	463	526	457	532	607	613	601	632	626
Полевая артиллерия	530	540	720	690	700	760	740	840	730	850	970	980	960	1010	1000
Танки	2179	2220	2961	2837	2878	3125	3043	3454	3002	3495	3989	4030	3948	4153	4112
Бронемашины	3408	3473	4630	4437	4502	4888	4759	5402	4695	5466	6238	6302	6174	6495	6431
ВМФ															
Подводные лодки	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Тральщики	2	2	3	3	3	3	3	3	3	3	4	4	4	4	4
Фрегаты	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Всего военных судов	13	14	18	17	18	19	19	21	18	21	24	25	24	25	25
Корветы	4	4	5	5	5	5	5	6	5	6	7	7	7	7	7
Корабли береговой охраны	1	1	1	1	1	2	1	2	1	2	2	2	2	2	2
ВВС															
Истребители	61	63	84	80	81	88	86	97	85	99	113	114	111	117	116
Самолеты-штурмовики	94	96	127	122	124	135	131	149	129	150	172	173	170	179	177
Транспортные самолеты	32	32	43	41	42	46	44	50	44	51	58	59	58	61	60
Учебно-тренировочные самолеты	60	61	81	78	79	86	84	95	82	96	110	111	108	114	113
Всего самолетов	212	216	288	276	280	304	296	336	292	340	388	392	384	404	400
Боевые вертолеты	21	21	28	27	27	30	29	33	28	33	38	38	37	39	39
Вертолеты	66	67	89	86	87	94	92	104	91	105	120	122	119	125	124

Рис. 14.9.

Конфронтация между ЕС и Россией ограничена данным регионом. Китай не стремится быть втянутым в эту конфронтацию, занимая в основном, нейтральную позицию. Вместе с тем, руководству Китая ясно, что тонко выстроенное инвестиционное сотрудничество Китая с Россией способствует общему ослаблению западной экономики, позволяя, таким образом, Китаю занять более твердую позицию по отношению к США, проводя политику «Азия для стран Азии»[26].

14.2. Вариант №2 («Сценария №1»): «Война с США и НАТО на ограниченных ТВД против России»

… серьезным риском представляется участие России в нескольких вооруженных конфликтах за пределами собственной территории…[27]

А. Фролов,
главный редактор журнала
«Эксперт вооружений»

Война на ограниченных ТВД против России рассматривается на Западе как нежелательный, но возможный итог развития военно-силовой политики в отношении России. Эскалация такой политики в 2014–2017 годы показала, что у нее нет «красной черты», за которой она превращается в бессмысленность, как считалось прежде. Возросшие возможности ведения неядрного конфликта (примеры Ирака, Сирии и Украины), слабость конвенциональных возможностей России, несопоставимость экономической и технологической мощи и другие факторы делают возможность прямого военного противоборства на отдельных ТВД между Россией и западной коалицией, на мой взгляд, вполне реальной. Даже при определенных обстоятельствах, — желательной.

К этому ведет и логика развития конфликтов, которой придерживается КНШ США, например, в одном из последних оперативных обзоров[28], где, в частности, отображена следующая эволюция содержания «мирового порядка»: рис. 14.10.

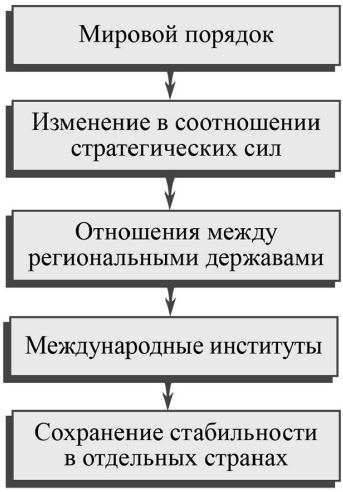


Рис. 14.10.

Этот вариант после 2025 года предполагается как вполне возможный, хотя и опасный и наименее желательный. Его допустимость абсолютно присутствует в планах военного строительства и развитии военного искусства, а также инфраструктуры и других приготовлениях стран западной ЛЧЦ, но практическая реализация должна оставаться только возможностью в силу понятных рисков и издержек.

Для России это означает, что ее развитие после 2025 года, может быть, на десятилетия, будет определяться военно-силовой борьбой на нескольких стратегических направлениях против широкой коалиции Запада, которая потребует огромных ресурсов и запасов.

Западное стратегическое направление. Военный действия на этом направлении вероятнее всего будут опираться на ресурсы Украины, бывших республик Прибалтики и бывших восточноевропейских союзников СССР, которые в своей совокупности (экономической, демографической и военной) примерно равны российским возможностям.

Поддержанный и инспирируемый Западом, такой военный конфликт на ТВД крайне выгоден США потому, что позволяет разрушить и истощать потенциал не только России и Восточной Европы, но и Германии и других стран ЕС, сохранив по большому счету, возможности США. Повторяется ситуация войн 1914–1918 гг. и 1939–1945 годов в самом выгодном разрезе.

14.3. Вариант №3 («Сценария №1»): «Глобальная война против России»

Войну — как любой другой конфликт — ведут и выигрывают благодаря стратегическому искусству[29]

Р. Грин

Этот вариант развития России после 2025 года (как и до этого периода) трактуется иногда только как «теоретически возможный», а практически не реальный в силу угрозы самоуничтожения участвующих сторон, либо даже сторонних государств, что является явным упрощением развития ситуации в мире и в России: на деле, на уровне реальной политики США он рассматривается как вполне практический сценарий развития военной эскалации на каждом из этапов которой США будут находиться в выигрышном положении, контролируя всю ситуацию в мире и в конкретном регионе в полном объеме. И действительно, иногда масштабы последствий кажутся настолько не приемлемыми, что сама мысль о реализации подобного сценария представляется кощунственной, хотя можно было бы напомнить, что и масштабы и последствия Второй мировой войны в свое время не смогли предотвратить её начала.

Таким образом, военное искусство США, прежде всего, их военная стратегия, разрабатываются с учетом необходимости создания такой военно-технической возможности у США, которая позволит им оставаться на более высоком уровне контроля и военного превосходства на любой стадии эскалации, включая стадию глобального военного конфликта, о чем я писал еще в конце 80-х годов прошлого века[30]. Иными словами, «стратегическое искусство» США не просто учитывает, но и сознательно готовится к такому варианту сценария развития ВПО.

Этого можно добиться, прежде всего, сочетанием двух способов: сохраняя неуязвимые силы и средства политического и военного управления, связи и контроля (значению которых США уделяли самое приоритетное внимание с начала 80-х годов XX века), в том числе и с помощью эшелонированной системы ПРО, а также обладая способностью к разрушению всей системы управления противника, т.е. потенциалом

стратегических средств (ВТО и ядерных), сил и средств войны из космоса, РЭБ и кибероперациий.

США уже опробовали эту стратегию на практике в Югославии, Ираке и Афганистане. Именно поэтому их беспокоит деятельность других стран в этом направлении. Так, в 2018 году в исследовании РЭНД признавалось, что «Китайские военные осваивают стратегию, описанную 2500 лет назад выдающимся полководцем Сунь Цзы. В ее основе лежит принцип «выиграть войну, не принимая участия в сражении». Как пишут авторы доклада, Китай в случае столкновения с Соединенными Штатами попытается сделать так, чтобы США просто не смогли использовать высокоточное оружие на суше, на море и в воздухе.

Основной упор военнослужащие НОАК, — по мнению экспертов РЭНД, — будут делать на выведении из строя американских систем обработки данных и передачи приказов командования. В результате действия авиации, армии и флота будут хаотичными и не смогут привести к успеху. Вкупе с применением методов информационного воздействия, армия Китая сможет просто «вытеснить» противника с поля битвы[31]. По мнению авторов доклада, подобной тактики придерживались и американцы во время операции «Буря в пустыне» против Ирака в 1991 году. Теперь таким способам войны научился и Китай. Причем, как замечают в США, нынешнюю внешнюю политику КНР вовсе не следует считать миролюбивой. Она направлена на достижение глобального лидерства, но новыми методами[32].

Кроме того, вероятность реализации этого варианта сценария развития ВПО прямо зависит как от эффективности реализации предшествовавшего сценария развития России до 2025 года, так и возможностей России по противодействию в области создания эффективных СНВ (включая неядерных) и средств ВКО. Очевидно, что чем труднее будет США создать потенциал, уничтожающий систему управления России и силы ответного удара, чем эффективнее будут средства обороны России, прежде всего ВКО, тем сомнительнее будут расчеты на сохранение контроля над эскалацией военного конфликта.

Реализация этого варианта «Сценария №1» для России во многом будет зависеть не только от будущей МО и ВПО, но и от сложившейся после 2025 года конкретной стратегической обстановки (СО), т.е. нали-

чия и хода развития конкретных военных конфликтов, которые будут во многом предопределять логику противоборства между ЛЧЦ и их военно-политическими коалициями. Так, если, например, предположить, что основные противоречия в ВПО возникнут после 2025 года между КНР и США в Южно-Китайском море, т.е. в конкретном регионе, где участниками военного конфликта кроме КНР и США скорее всего будут и другие государства, то можно допустить, что СО создаст крайне конфликтную ситуацию сразу между несколькими коалициями, как минимум, западной, китайской, скорее всего, индийской и рядом других стран, а также вполне вероятно и российской ЛЧЦ. Ясно, что развитие глобального конфликта будет очень вероятно, что неизбежно отразится и на России. Это означает, что развитие российского сценария может идти не только «сверху–вниз» — от сценариев МО к сценариям ВПО и СО, но и наоборот — «снизу–вверх» — от конкретного военного сценария конфликта и СО к развитию сценариев ВПО и, вслед за этим, — МО.

В несколько расширенном виде (до иллюстрации возможности других сценариев) эта логика может быть следующая: рис. 14.11.

Это означает, что резко возрастает роль военно-технических факторов влияния на формирование не только конкретной СО, но и ВПО

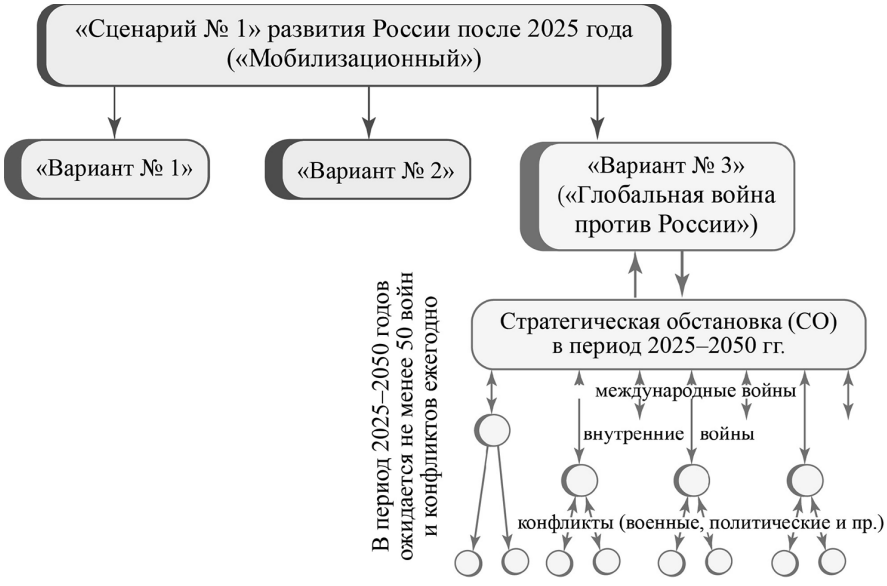


Рис. 14.11.

и в итоге — всей МО. Так, например, в случае конфликта в Южно-Китайском море, США, обладая потенциалом для уничтожения средств ответного удара КНР (прежде всего их средств боевого управления), а также средствами эшелонированной и эффективной ПРО, элементы которой могут быть размещены на суше и на море по периметру КНР, могут сознательно решиться на военную эскалацию вплоть до глобального уровня. Сделанные в последние годы неоднократно расчеты РЭНД и других служб в США показывают, что за последние 20 лет возможности КНР к ответному удару практически не увеличились, не смотря на рост военно-технических средств Китая, а ущерб оценивается как вполне допустимый (естественно, с поправкой на глобальный характер войны США — КНР).

Главное, однако, заключается в другом: создавая потенциал контроля над эскалацией военного конфликта в новом веке, США получают механизм военно-силового давления не только над существующими в настоящее время (почти 60) войнами и конфликтами, но и любыми будущими войнами и конфликтами. Это означает, что они получают колоссальный по своей эффективности механизм силового принуждения в любой политической или экономической ситуации, которая неизбежно будет рассматриваться с точки зрения её обеспечения военной мощью.

Более того, даже использование так называемой «мягкой силы» в этих условиях будет неизбежно расцениваться под углом зрения военно-силовых возможностей. В целом произойдет окончательный синтез «мягкой» и «жесткой» силы в «силу принуждения» в рамках политики «новой публичной дипломатии»[33], что, безусловно, является целью политики США.

Развитие России в рамках такого сценария ВПО после 2025 года будет неизбежно предполагать необходимость полной мобилизации всех ресурсов и высокой степени боеготовности, которую придется поддерживать на всем предшествующем периоде. Создать потенциал по нейтрализации сил нападения и обороны США в короткий период в случае резкого изменения ВПО — не реальная и бессмысленная задача по двум основным причинам:

Во-первых, развитие ВПО до и после 2025 года будет постоянно создавать прямую и непосредственную угрозу войны, превосходящую

по своей актуальности угрозы 2014–2018 годов. Поэтому реагировать на эти внешние условия придется адекватно даже в условиях бюджетного дефицита и ограничения темпов социально-экономического развития.

Во-вторых, с экономической, научной и военно-технической точек зрения создать быстро потенциал, нейтрализующий глобальные военно-силовые возможности США, не реально. Этот процесс занимает десять–пятнадцать лет. Поэтому России, как в свое время СССР, придется находиться в режиме «постоянной боеготовности».

14.4. Сценарий №2 («Инерционный») развития России в 2025–2050 годы

Сегодня фронт глобальных противоречий переместился с идеологического уровня именно на цивилизационный[34]

А. Орлов,
военный эксперт

В отраслевой структуре мировой экономики коренных переломов не произойдет … Доля сферы материального производства к 2025 г., вероятно, опустится ниже 25%, … сельского хозяйства до 2%, добывающей промышленности до 4%, обрабатывающей промышленности — до 13–14% …, услуг превысит 75%[35]

Эксперты ИМЭМО РАН

Сценарий №2 («Инерционный») развития России в 2025–2040 годы является по сути дела продолжением сценария, предложенного Д. Медведевым в мае 2017 года В.В. Путину, в котором предусматривается выход к 2020 году на среднемировые темпы роста ВВП, а в 2021 году — на темпы, несколько превышающие среднемировые. Весной–летом 2017 практически такие же варианты предложили А. Кудрин и ряд других групп («Столыпинский клуб», РССП и др.), что может говорить о сложившейся инерционной тенденции в правящей элите России к 2018 году относительно перспектив социально-экономического развития. Проект бюджета на 2018–2020 годы фактически закрепил эту тенденцию, сделав ее во многом инерцией и на последующие годы, т.е.

после 2025 года, хотя бы потому, что указанные концепции ориентировались на перспективу до 2035 года.

В этой связи необходимо напомнить, что стратегическое прогнозирование предполагает подготовку долгосрочных прогнозов на периоды свыше 10 лет. С нормативной точки зрения этот период в России ограничен 12 годами, т.е. в 2017 году мы должны иметь стратегический прогноз до 2030 года и даже далее. Именно такой прогноз и стал во главу угла споров о развитии России в 2013–2017 годы в связи, прежде всего, как с кризисом и последующей стагнацией экономики страны, так и введенными в 2014 году против страны США и их союзниками вплоть до конца 2017 года, имея четкую перспективу дальнейшего усиления.

В этих условиях прогноз, основанный на предположении о сохранении инерционного вектора развития России после 2025 года, означал окончательной потерю ею перспективы в будущем. При этом можно было бы выделить две разновидности этого инерционного сценария развития России («Сценария №2»), которые очень близки друг другу, с одной стороны, но все-таки несколько отличаются один от другого.

Варианты №1 и №2 «Сценария № 2» («Инерционного») в частности, предполагают, что:

— либо опасная эволюция сценария «Военно-силового противоборства» в 2017–2025 будет остановлена, как минимум, на какое-то время, и ситуация в МО и ВПО вернется к ситуации 2014–2017 годов;
— акценты в политике западной ЛЧЦ будут перенесены с «военного» на «силовое» противоборство, как это было до 2014 годы , предоставив России время и возможности, как и в прежние десятилетия, лениво паразитировать на распродаже природных ресурсов.

Оба эти ожидаемых варианта исходят из того, что произойдет возврат в политике Запада к политике, существовавшей до 2014 года, когда в ней доминировали силовые, но не военные средства по отношению к России. Это означает ожидание правящей элиты России отказа от эскалации «Военно-силового сценария» развития МО и ВПО в отношениях с Россией. В основе таких оптимистических ожиданий лежит несколько основных причин:

Первая. Резкий рост угроз и рисков эскалации развития «Военно-силового сценария», развивавшегося в 2014–2017 годы, который

вызвал опасения в отношении неконтролируемого характера его развития[36]. В пользу этого говорят заявления некоторых правительств (Италии, Венгрии, Греции и др.), которые даже в условиях санкций не свернули политическое и экономическое сотрудничество с Россией.

Вторая. Усиление разногласий среди членов самой коалиции и западной ЛЧЦ как по линии «США–ЕС», так и внутри правящего истэблишмента США и Европы, что достаточно наглядно проявилось на фоне выхода Великобритании из ЕС и выборов 2017 года.

Третья. Резкое обострение отношений западной ЛЧЦ с другими субъектами МО–ВПО (КНДР, исламскими странами и акторами, КНР и странами Юго-Восточной Азии и др.), которое объективно требует минимального уровня сотрудничества с Россией.

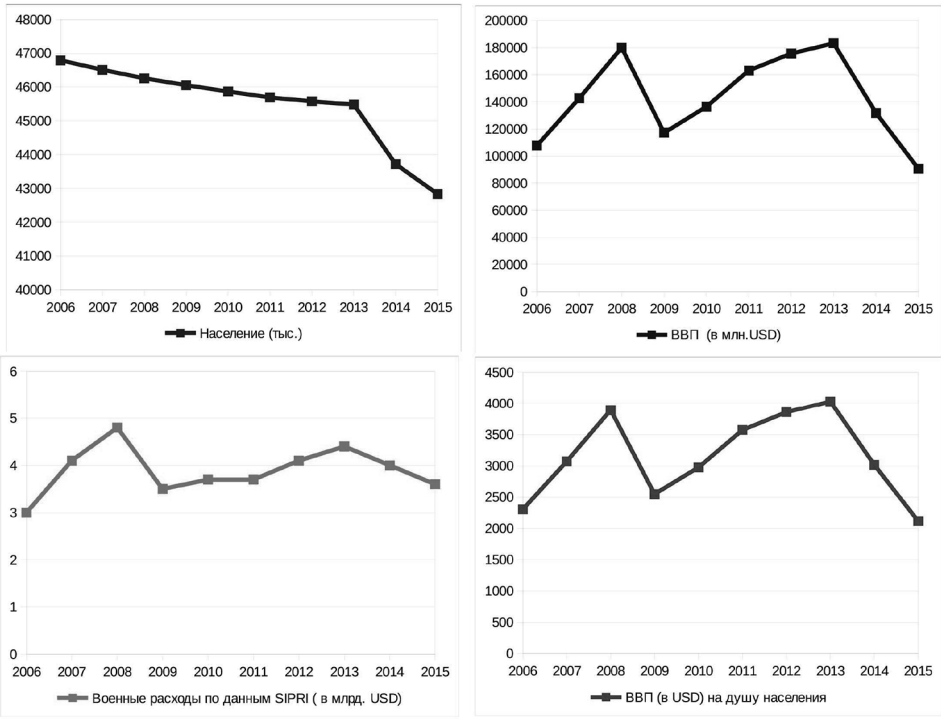
И в первом, и во втором варианте развития этого инерционного сценария, таким образом, предполагается, что процесс усиления силового противоборства с Западом в экономической, политико-дипломатической, информационной и пр. невоенных областях будет не просто продолжаться, но даже несколько усиливаться, но, однако военная составляющая такого противоборства не будет получать своего развития, т.е. в чистом виде будет использована «стратегия силового принуждения» («the power to coerce») при минимальном прямом использовании военной силы[37]. Другими словами, в целом для России сохранятся внешние условия 2014–2017 годов, к которым ее правящая элита уже адаптировалась.

Правящая элита России игнорирует как вероятность негативного развития ВПО после 2025, так и то, что оба эти варианта неизбежно приведут уже не к стагнации, а к деградации экономики и социальной сферы России в 2025–2050 годы. «Точка отсчета», сравнение социально-экономической ситуации в России и ее внешнеполитического положения у правящей российской элиты фактически исходит из сравнения с положением на Украине, где сократилась численность и качество жизни населения в 2014–2015 годы, на фоне которой инерционность России выглядит даже привлекательной.

Действительно, ментальность правящих элит в России и на Украине очень близка, хотя события 2014–2017 годов и сделали их противниками, а динамика развития (стагнации) России и Украи-

Украина

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Население (тыс.)	46787,8	46509,4	46258,2	46053,3	45870,7	45693,3	45576,7	45482,7	43721,8	42836
ВВП (в млн.USD)	107753	142719	179992	117228	136419	163160	175781	183310	131805	90615
ВВП (в USD) на душу населения	2303	3068,6	3891	2545,5	2974	3570,8	3856,8	4030,3	3014,6	2115,4
Военные расходы по данным SIPRI (в млрд. USD)	3	4,1	4,8	3,5	3,7	3,7	4,1	4,4	4	3,6



Источник данных: http://index.minfin.com.ua/index/gdp/
Диаграммы: ЦВПИ МГИМО МИД РФ

Рис. 14.12. Изменения в динамике развития Украины

ны в 2012–2017 годы выглядит очень похожей, с той разницей, что изначально у Украины не было экспортно-ресурсных преимуществ и существовали потребности закупать энергоресурсы за рубежом. Это свидетельствует о том, что модели развития России и Украины в 2012–2014 годы были очень похожи с той разницей, что на Украине к власти пришла группа радикалов, которая в России пришла к власти в октябре 1993 года.

При этом динамика основных показателей развития Украины в 2006–2015 годы очень напоминает динамику этих же показателей в России (с естественными поправками на демографические изменения

и расходы военного бюджета, вызванными внешними причинами). На мой взгляд, эти показатели говорят о глубинных причинах инерционной тенденции в развитии России.

«Сценарий №2»: «Инерционный» развития России после 2025 года — таким образом, предполагает, с одной стороны, медленную динамику развития ВПО, существующей в 2017 году, в сочетании со слабой позитивной динамикой развития России возникшей в 2017 году, с другой. По сути дела этот сценарий развития России после 2025 года — экстраполяция развития внешних условий и внутриполитической обстановки, а также сохранения эффективности управления Россией в период 2014–2017 годов не только до 2025 года, но и при минимальных изменениях, которые отражены в его двух вариантах, а именно:

14.4.а). Вариант №1 традиционное инерционное социально-экономическое развитие России в условиях сохранения острого военно-силового противоборства до 2025 года

> Центральной угрозой процветанию и безопасности США выступает возрождение долгосрочной и стратегической угрозы соперничества… со стороны ревизионистских государств[38]
>
> *Национальная военная стратегия США, 2018 год*

С позиций 2018 года отчетливо видно, что США рассматривают отношения с Россией (и Китаем) в качестве долгосрочного (на период 2018–2050 годы) военно-силового противоборства, которое:

— имеет предопределенно-запланированный и последовательный характер эскалации силовой политики в её самых разных, в т.ч. вооруженных формах;
— поддерживается абсолютным большинством правящей элиты, т.е имеет общенациональный характер, который не подвержен политической краткосрочной конъюнктуре и колебаниям, с одной стороны, о сильной инерцией, с другой;

— предполагает лидерство США на объединенной военно-политической коалиции западной ЛЧЦ с привлечением в её ряды других государств[39].

Такое противостояние России и западной ЛЧЦ в долгосрочной перспективе будет означать не только дальнейшее сохранение и даже развитие санкций, еще большее свертывание внешней торговли с ЕС, ограничение западных рынков и российского импорта, но усиление собственно силового и даже военного давления на Россию, целью которого, как минимум, является отказ от суверенитета, а, как максимум, уничтожение государства и национальной идентичности России как единого целого.

Так как такое давление пока не влияет на состояние ментальности большинства российской правящей элиты, которая уже адаптировалась к существующей инерции, и, во всяком случае в 2018 году, не готово к капитуляции, то можно предположить, что наиболее вероятным сценарием развития ВПО будет эскалация силового давления на Россию в долгосрочной перспективе с вероятным переходом в военную стадию. Этот вариант сценария представляется не только традиционным и даже консервативным (а поэтому и привычным), но и наиболее вероятным по сравнению с другими вариантами этого же сценария, о которых будет сказано ниже.

Его основное отличие от сценария 2018–2025 годов будет заключаться в возможности создания новых (в том числе и принципиально новых) средств и способов ведения силовой и вооруженной борьбы, прежде всего в информационной и когнитивной сфере, которые также активно будут использоваться против России[40]. Уже в 2017–2018 годах стало видно, что в этом ряду наиболее эффективными будут:

— кибероперации и действия по нарушению функционирования систем информационного обеспечения, включая государственное и общественное управление, России;
— средства радио-электронной борьбы, нарушающие функционирование систем безопасности, в том числе систем государственного и военного управления;
— социальные сети и широкий набор интернет-ресурсов и возможностей, включая новые технологии, использующие когнитивные возможности и обработку больших объемов баз данных;

— социальные технологии внутриполитической дестабилизации России[41].

Надо сказать, что в определенной степени возможности противодействия такой политике, заложенные в военной политике России до 2025, дадут ее правящей элите уверенность в сохранении власти и своего суверенитета, но вопрос об эффективности такого противодействия, т.е. способности полностью нейтрализовать такое влияние, остаётся открытым.

Этот вариант Сценария во многом близок и даже повторяет реализацию «Варианта № 2» «Сценарии №1» развития России до 2025 года однако, ни в коем случае не означает его простого повторения, тем более механического повторения потому, что исключает по-прежнему прямое массированное использование против России военной силы в силу высоких рисков ответного противодействия. Однако, как и в варианте сценария до 2025 года, наличие такого риска:

— во-первых, не исключает его игнорирования при определенных условиях, т.е. переоценки своих возможностей;
— во-вторых, стремления (и это-то и является главным) обеспечить позиции военного превосходства на любом возможном этапе эскалации вероятного конфликта — от регионального столкновения специальных сил до массированного применения стратегического неядерного и ядерного оружия.

14.4.б). Вариант №2 «Сценария №2» развития России: «Усиление военно-силового противоборства» в 2025–2050 годы

Войну — как и любой другой конфликт — ведут и выигрывают благодаря стратегическому искусству[42]

Р. Грин,
военный теоретик

Этот, более конкретный, даже частный, вариант «Сценария №2» предполагает, что по времени нарастание военно-силового противоборства с Россией будет затягиваться, превращаясь в некую стратегию

«удушения» России после 2025 года в том случае, если её политическая элита не капитулирует до этого времени и не примет условия Запада, т.е. перестанет быть «ревизионистской». При этом характерная для последнего десятилетия инерционность социально-экономического развития сохранится. На мой взгляд, после 2025 года развитие этого сценария для России не представляется слишком вероятным по следующим причинам:

— Во-первых, характерная для 2011–2018 годов стагнация в развитии России, в случае её сохранения до 2025 года, неизбежно приведет к катастрофическим социально-экономическим последствиям. Кризис может продолжаться несколько лет, но когда он затягивается на десятилетия, он неизбежно выливается в социальные потрясения — ни общество, ни правящая элита не могут существовать даже в самом авторитарном режиме управления долго.
— Во-вторых, ухудшение МО и ВПО не может быть слишком долгим, растянутым. Если за 2014–2018 годы против России было предпринято более 200 враждебных действий (санкций, акций, ограничений и пр.), то , даже допуская инерцию до 2025 года, трудно предположить, что такая политика «силового принуждения» сможет сохраниться. Она неизбежно должна будет трансформироваться в ту, либо иную сторону[43].

Поэтому, разрабатывая стратегию национальной безопасности России после 2025 года, следует иметь ввиду, что она не может быть в будущем инерционной, по аналогии с периодом 2011–2018 годов, — для этого у неё просто не останется возможностей. Она, вероятнее всего, будет еще более подвержена внешнему силовому давлению, чем до 2018 года, которое может продлиться, может быть, до 2025 года, но потом неизбежно перейдет в вооруженную фазу. Важно помнить при этом, что возможность и вероятность победы в будущей неизбежной войне во многом **предопределены современным состоянием военного искусства, прежде всего, военной стратегии в** стране.

Важно уже сейчас признать, что этот вариант означает фактическую войну, ведущуюся нашей страной с Западом пока что преимущественно невоенными средствами, но без официального объявления

войны и непосредственного участия ВС США и НАТО. При этом также вероятно, что в 2025–50 годы в политике США и их коалиции усилятся именно невоенные силовые средства[44], а также стремление США использовать своих союзников и партнеров в тяжелой и длительной войне на нескольких ТВД. Планируя социально-экономическое развитие и безопасность России на стратегическую перспективу в условиях враждебной ВПО, необходимо учитывать, что, как и в Первую, и во Вторую Мировые войны, США будут максимально стремиться ограничить:

— вовлеченность собственной материковой территории в военные действия попытками перенесения их на удаленные ТВД — в восточную Европу, Среднюю Азию и на территорию АТР;
— ограничить участие собственных сухопутных сил, используя ВВС и ВМС в качестве основных средств ведения боевых действий;
— максимально использовать свои военно-технологические преимущества, в особенности в новейших областях ВВСТ;
— массово использовать социально-политические технологии, дестабилизирующие внутриполитическую обстановку в России.

В настоящее время уже не раз озвучивались подобные сценарии со стороны США, связанные прежде всего с попытками обвинить Россию «во вмешательство в выборы в США, означающее фактическую войну», «публикацию секретных документов» и т.п.

Это означает, как минимум, что подобный вариант Сценария будет всегда использоваться Западом, когда будет необходимо усилить негативную внешнюю обстановку для России.

Таким образом, рассматривая подобный вариант сценария, необходимо исходить из того, что вероятность его реализации после 2025 года представляется не высокой потому, что к тому времени он себя, очевидно, изживет: либо правящая элита избавится от стагнации, либо общество избавится от правящей элиты. Сохранение и даже ухудшение ВПО в этих условиях неизбежно, что будет в еще большей степени осложнять развитие России, делая его по сути дела постоянно кризисным.

14.5. Основные параметры развития России в условиях реализации «Сценария №1» и «Сценария №2» в 2025–2050 годы

Одним из основных отличий научного знания от продукта обыденной познавательной деятельности является **системность** и **обоснованность** знания[45]

В. Степин,
академик РАН

Основные параметры развития России в долгосрочной перспективе 2025–2050 годов, как объект стратегического прогноза, могут быть научно обоснованы только в случае использования некоторых научных приемов и методов. Прежде всего, как в нашем случае, метода системного и сценарного прогнозирования. При этом, учитывая неизбежные качественные изменения в области технологий, социальных институтов, МО и ВПО, а также в других областях, необходимо сделать вывод о том, что после 2025 года влияние прежних факторов, тенденций и особенностей (о которых мы знаем в 2018 году) будет стремительно снижаться, а новых — не известных — увеличиваться.

Очевидно, что основные известные параметры развития России в 2025–2050 годы станут результатами пассивной реализации инерционных сценариев. Не стоит думать, что в России за 2018–2025 годы произойдет социальная или иная революция, которая изменит алгоритм её развития. Инерция 2000–2018 годов, вероятнее всего, сохранится вместе с инерцией политики и политической элиты В.В. Путина, которая в основной своей массе относится к возрасту 60–65 лет в 2018 году. Это означает, что к 2025 году она должна будет неизбежно (в силу, прежде всего, биологических причин) подготовить и произвести замену — от Лаврова и Патрушева, Бортникова и Шойгу до Шувалова, Медведева и Дворковича. Эта замена может произойти совершенно по-разному, но её детали абсолютно не принципиальны — никто из этих лиц не определял политику. Все они были (лучшими или худшими) исполнителями воли В.В. Путина.

Между тем перемены, которые остро назрели к 2018 году, должны будут неизбежно произойти в силу самых разных, но, прежде всего, объективных причин: стагнация стала угрозой национальной безопасности России. Авторитаризм и консерватизм режима В.В. Путина, как «охранителя», может ускорить эти объективные перемены (причем радикально, принципиально), если этот авторитаризм в очередной раз в российской истории, как при многих прежних правителях — от Ивана III до Иосифа Сталина — откликнется и даже пойдет впереди объективных потребностей, либо заморозить изменения. Их диапазон, однако, может быть достаточно широк, что объясняется как темпами развития внешнего мира (и на этом фоне результатами в России), так и возможными негативными последствиями эскалации ВПО[46].

Как было показано выше, они могут развиваться по двум наиболее вероятным сценариям, которые включают несколько вариантов, конкретизирующих детали, но не меняющие, в конечном счете, результатов. Соответственно и их последствия можно предположить относительно этих результатов и сценариев применительно к конкретным областям политической, экономической и социальной сферы развития России.

14.5.а). Государственное управление

Государственное управление России предстоит внести существенные изменения, если предстоит перейти от инерционной к мобилизационной модели развития, либо в более радикальной степени участвовать в военно-силовом противоборстве в мире после 2025 года. Мобилизационные тенденции потребуют неизбежного усиления роли государства, которая выйдет за традиционные рамки на общенациональный уровень.

Другой аспект — государственный импульс развитию НЧК и его институтов во всех областях — от бизнеса до творчества (в науке, культуре, искусстве). Эта задача в условиях перехода к мобилизационной модели развития потребует от власти особенных усилий: без полного раскрытия творческого потенциала нации, у неё не хватит ресурсов для преодоления силового давления Запада в условиях эскалации военно-силового сценария развития ВПО после 2025 года[47].

До 2025 года, вероятно, будет происходить медленное увеличение роли государства в экономике страны, которое началось после 2008 года. Это «возвращение» государства имеет как положительные, так и отрицательные стороны, поэтому требуется минимизировать отрицательное влияние и усилить положительное влияние государства на экономику и общественную жизнь страны. Центр стратегических разработок в феврале 2018 года представил доклад «Эффективное управление государственной собственностью в 2018–2024 гг. и до 2035 г.», в котором оценивается объем госсектора в России и предлагаются варианты подходов к оптимизации управления государственной собственностью.

В современных условиях России государственный сектор играет заметную роль в любой национальной экономике. В нашей стране, начиная с 2000-х гг., количественный и качественный рост госсектора стал преобладающим трендом. **За прошедшие годы размеры сектора достигли исключительно высоких значений. Общая доля государственного сектора в ВВП выросла с 39,6% в 2006 г. до 46% в 2016 г.** По состоянию на 2016 г. госсектор включал около 65,2 тыс. хозяйствующих субъектов, хотя еще двумя годами раньше их было на 1600 меньше. Фактически в 4 секторах (энергетика, транспорт, добыча полезных ископаемых, финансы) доля выручки госкомпаний в общей выручке топ-100 компаний близка или превышает 50%.

Дальнейшее наращивание или даже простое сохранение существующих объемов госсектора чревато, по мнению либералов, для экономики негативными последствиями. Эти негативные последствия они никак не соотносят с ухудшением внешних условий развития России. При этом, как правило, выдвигаются старые аргументы, а именно:

Во-первых, конкурентные механизмы рынка заменяются административным ресурсом и лоббизмом. Вследствие этого**, экономика начинает «пробуксовывать» — темпы роста снижаются, а технологическое отставание от более успешных стран только усиливается. Это «пробуксовывание», однако, стало особенно серьёзным явлением именно в 1990-е годы, когда роль государства была сведена к минимуму.**

Во-вторых, государство проявляет себя как менее эффективный собственник по сравнению с частными структурами. Фактически **гос-**

предприятия превращаются в многоступенчатые бюрократические пирамиды административного контроля и формальной отчетности. Прежде всего, этот тренд заметен в конкурентных отраслях.

Это — ложное утверждение. Мой анализ, сделанный в СП РФ, показал, что частные предприятия в России работают сегодня хуже государственных[48].

В-третьих, происходит неформальное огосударствление частного сектора и появление «частных государственных компаний». **Пространство для частной инициативы резко сужается, а цивилизованные имущественные отношения подвергаются эрозии.** Процессы, происходящие в сфере функционирования государственной собственности, ставят перед властями непростую дилемму. Либо экономика РФ продолжает инерционно идти по пути огосударствления, либо необходим поиск прагматичного баланса между сохранением за государством контроля в стратегических отраслях и стимулированием частного сектора.

Авторы доклада в качестве основной идеи на 2018–2024 гг. и до 2035 г. традиционно предлагают повысить общую эффективность управления государственной собственностью: **«сократить избыточный объем государственного сектора в экономике и оптимизировать управление объектами (имуществом), необходимыми для реализации функций государства и стратегических задач экономического развития**

Как представляется, это можно сделать следующим образом: с одной стороны содействовать усилению роли государства там, где это требуется, прежде всего в развитии наиболее приоритетных областей науки, образования, здравоохранения и обороны. С другой стороны, сформировать эффективную политику развития и поддержки негосударственного сектора в 3-х областях:

— индивидуальном творчестве и ускоренном развитии личного ЧК, его потенциала (интеллекта, информвооруженности, культуры, здоровья и т.д.);
— развитии институтов человеческого капитала, прежде всего, творчества, науки, культуры, образования;
— максимальном содействии развитию частного бизнеса и индивидуальной занятости населения, в особенности, творческих специаль-

ностей, которые в период 2025–2050 годов могут стать значительной частью производительной силы общества.

Учитывая стремление правящей элиты сохранить существующую систему (политическую и конституционально-административную), в рамках существующих правил и авторитарно-правовой традиции, которая в условиях кризиса потребует не просто своего сохранения, но и укрепления:

— возможно и необходимо будет введение еще прежде, до 2025 года, чрезвычайного положения, а — при определенных условиях — и введения военного положения;
— учитывая необходимость консолидации национальных ресурсов, Россия неизбежно должна будет трансформировать систему управления военной организации страны в систему военного управления всей нации, включив в неё не только государственные, но и общественные органы и бизнес;
— глобальный характер противоборства потребует фактической мобилизации ресурсов (не только материальных, но и духовных, интеллектуальных, нравственных) всей нации, всего НЧК и его институтов, а также местного самоуправления;
— неизбежна централизация власти через новые органы управления, возможно, по аналогии с созданием Государственного Комитета Обороны (ГКО) времен Великой Отечественной войны;
— потребуется «возвращение идеологии», на базе которой можно выстроить широкое гражданское сопротивление;
— вероятно потребуется пресечение деятельности любой оппозиции;

14.5.б). Территория

Территория: развитие России в условиях нарастающего военного противоборства потребует:

— расширение движения «на восток», осваивание новых территорий Сибири и Дальнего Востока;
— консолидации русскоязычного населения и развертывания поддержки в прежних советских республиках и зарубежных государствах;
— воссоединения с Россией части территорий;
— развертывание противоборства на чужих территориях.

14.5.в). Природные ресурсы и экономика

Природные ресурсы и экономика России до 2050 года будут определяться, прежде всего, политическими, вполне субъективными, решениями правящей элиты России. Причем во многом эти решения будут предопределены тем, как Россия будет развиваться в период президентства В.В. Путина 2018–2024 годов, который заложит вектор развития страны после 2024 года, вплоть до 2050 года.

Исключительно важная роль субъективного фактора до 2025 года может быть проиллюстрирована на примере политики России в отношении доли золота в ЗВР страны за 10 лет — с 2008 по 2018 год, — которая выросла до 18% и 1857 тонн (5-е место в мире после США, Великобритании, Франции, Германии и Италии). Если до 2008 политика России фактически игнорировала роль золота в ЗВР, сводя его к «дополнительным» ресурсам, то после 2008 года, т.е. кризиса, золотые резервы быстро росли за счет приобретения на внутреннем рынке, увеличив объем к 2018 году в 4 раза.

Очевидно, что изменения в такой политике были вызваны как общими изменениями в МО и ВПО, так и субъективными переменами в правительственном отношении к золоту, которое обладает целым рядом ценных, модно сказать, уникальных, качеств:

— наименьшей зависимостью от внешних рисков и угроз;
— более быстрыми темпами удорожания;
— способностью быть универсальным платежным средством в условиях, например, отключения России от международной системы расчетов (СВИФТ).

Естественно, что эти качества были известны и ранее, но когда автор и ряд его коллег ставили вопрос об этом в правительстве, то они не получали внятного ответа (за исключением традиционных сетований на ликвидность золота). На самом деле подход к росту золотого запаса означает более общий подход финансово-экономической элиты России к экономической политике: либо акцент на усилении внутренних, мобилизационных, факторов развития и выбор, в конечном счете, мобилизационного сценария, либо продолжение политики внешней (в том числе финансовой) зависимости от Запада.

Мобилизационные варианты сценариев потребуют восстановления контроля над всеми национальными ресурсами, но прежде всего финансами, которые во многом продолжают контролироваться из-за рубежа. И сделать это можно только при помощи создания крупных запасов золота, которые сегодня достигают только 80 млрд долл. (из 454 млрд ЗВР). Доля золота в резервах России достигла рекордных 18%. В январе государство приобрело еще 0,6 миллиона тройских унций или почти 19 тонн драгметалла. Теперь у ЦБ 1857 тонн золота рыночной стоимостью 80 млрд долл. Россия вошла в пятерку стран с самым большим золотым запасом, впервые обогнав Китай. Зачем нам столько золота, почему правительство делает ставку на этот стратегический актив и как он помогает нивелировать валютные и санкционные риски[49].

Можно рассмотреть эти перспективы до 2050 года подробнее:

1. С точки зрения устойчивости финансовой системы России, монетарное золото создаёт реальную основу для независимой экономики. Как и во времена реформ Витте, золотой стандарт может дать преимущества для развития внутреннего рынка и экономики страны. Сейчас международные резервы России составляют 454 млрд долл., постепенно приближаясь к озвученному ЦБ целевому уровню в 500 млрд долл. Причем структура резервов существенно меняется: за последние 10 лет объем золота увеличился в четыре раза, достигнув 18% ЗВР.

Пока что больше всего золота у США — восемь тысяч тонн, т.е. более чем в 4 раза, чем у России (1857 т), у Германии — три тысячи, у Италия и Франции — по 2,5 тысячи. Примерно 30% золотовалютных резервов развитых стран хранится именно в золоте. С точки зрения развития финансовой системы альтернативы золоту просто нет. Его накопление — это и защита от валютных рисков, и страховка от санкций, и, разумеется, возможность заработать.

Если допустить, что темпы скупки золота на внутреннем рынке, как минимум, сохранятся, то можно ожидать, что к 2025 году его запасы могут достигнуть немецких (3 тыс. тонн), а к 2050 году — американских (8 тыс. тонн), что сделает Россию крупнейшим держателем металлического золота. С точки зрения объемов ЗВР страны это, кстати, будет не так уж и много — порядка 500–550 млрд долл., то есть в принципе

почти весь ЗВР можно трансформировать в металлическое золото, сохранив масштабы его скупки на внутреннем рынке.

2. Снижение зависимости от США. В 2018 году российские вложения в золото вплотную приблизились к долларовым. Мировая финансовая система устроена таким образом, что на американскую валюту приходится 70% всех расчетов. Таким образом, о снижении вложений в американский госдолг речи не идет. Другое дело, что любая валюта, будь то доллары или евро, достаточно сильно обременена долгами, а любые серьезные долги в перспективе могут закончиться списанием.

От таких рисков и подстраховывает золото. Особенно если доля вложений, например, в трежерис, невелика. Для России это как раз подходящий вариант. Сейчас в казначейских облигациях США Россия держит порядка 100 млрд долл. Это достаточно немного, по сравнению, скажем, с Китаем (один триллион долларов). Золото — это, прежде всего диверсификация рисков. Конечно, золото менее ликвидно, чем облигации США или Германии, этот актив может расти и падать в цене. Но в случае краха долларовой системы золото однозначно сохранит свою ценность. Сохраняя функцию платежного средства в мировой торговле, золото снижает зависимость от любой валюты.

3. Стоит ли ожидать подобного развития событий сейчас? Эксперты уверяют: если, например, Россию отключат от SWIFT (Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи), это будет равносильно переходу на золотой расчет. «Золото в такой ситуации — хорошая альтернатива. Это рынок с годовым оборотом больше восьми триллионов долларов. Это актив, который всегда можно быстро продать. И этот актив вы контролируете. Если ваши слитки лежат на улице Правды, никакая Америка вам не указ»[50], — отмечает А. Вязовский, вице-президент «Золотого монетного дома».

То, что золото — хороший страховочный механизм от санкций, показал опыт Ирана. Когда против Тегерана были введены самые жесткие ограничения, страна продолжала торговать нефтью. Операции осуществлялись, в том числе и в золоте.

Аналитики указывают и на то, что с 2008 года крупнейшие центральные банки — США, Великобритании, Европы, Японии и Ки-

тая — производят избыточную денежную эмиссию. Возникают опасения относительно «качества» денег.

4. Не стоит забывать и о том, что золото постоянно растет в цене. С января 2017 года стоимость этого драгоценного металла в резервах России увеличилась на 27% — с 60,2 до 76,6 млрд долл.

Кроме того, покупка монетарного золота — а Россия приобретает его исключительно на внутреннем рынке — это мера поддержки золотодобывающей отрасли, которая производит порядка 300 тонн драгметалла в год. Около двух третей уходит в хранилище Центрального банка.

«Сейчас этот рынок развивается, разрабатываются крупные месторождения, реализуются масштабные инвестпроекты: невзирая на санкции, иностранные инвесторы проявляют интерес к нашей золотодобывающей отрасли — и таких отраслей у нас немного», — отмечает Вязовский.

Более того, финансовая консолидация золота сможет помочь «капитализации» и мобилизации всех национальных ресурсов. И прежде всего человеческого потенциала.

14.5.г). Население

С 2014 года демографическая картина в целом соответствовала ситуации кризиса: рождаемость с 2015 года стала сокращаться. В 2015 году она снизилась на уровне статистической погрешности — менее чем на 1%, в 2016 году на 2,7%, а за 8 месяцев этого года уже на 11,3%. Положительно то, что на фоне экономического спада не происходит резкого всплеска смертности. Однако, это противоречит общей теории, что заставляет предполагать возможную статистическую погрешность.

Еще одно достижение путинской России, о котором не упускает случая доложить Кремль, это увеличение продолжительности жизни в России. Лукавство тут в том. что опускают одно слово: «ожидаемая». То есть расчетная продолжительность жизни тех, кто родился сегодня, а умрет лет через 70, когда о Путине и вспоминать не будут. Показатель не статистический, далекий от параметров реальной сегодняшней смертности в России. Подчеркнем, расчетно, с 2000 года он вырос на 6 лет в среднем: на 6,89 для женщин и на 4,45 для мужчин (рис. 14.13).

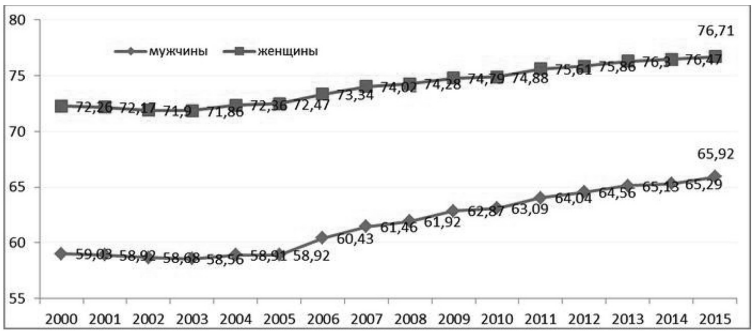


Рис. 14.13. Ожидаемая продолжительность жизни в России, в годах (по данным Росстата)

Но действительно ли все именно так, как изображает официальная статистика? Если провести альтернативный расчет, подсчитывая средний возраст реальной сегодняшней смертности, то приходим к следующему выводу[51].

В 2002 году средняя реальная продолжительность жизни мужчин составила 58,9 лет, женщин — 71,6. В 2016 году у мужчин 61,4 года, у женщин — 72,5. То есть прирост составил всего 1–2 года, а это далеко от того, что декларирует Росстат. Об ожидаемой продолжительности жизни в 76 и 66 лет для женщин и мужчин соответственно и речи идти не может[52].

Если рассмотреть распределение возраста смерти, то увидим, что смертность у мужчин во всех возрастных группах достаточно велика, в то время как у женщин четко выраженная смертность в возрасте за 70 лет (рис. 14.14)[53].

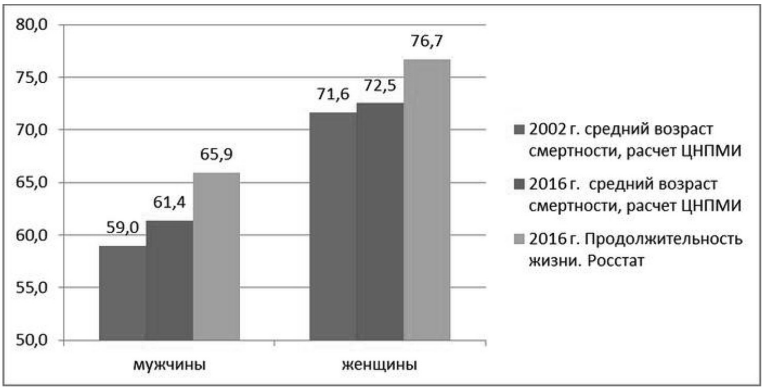


Рис. 14.14. Расчет ЦНПМИ среднего возраста смертности в России

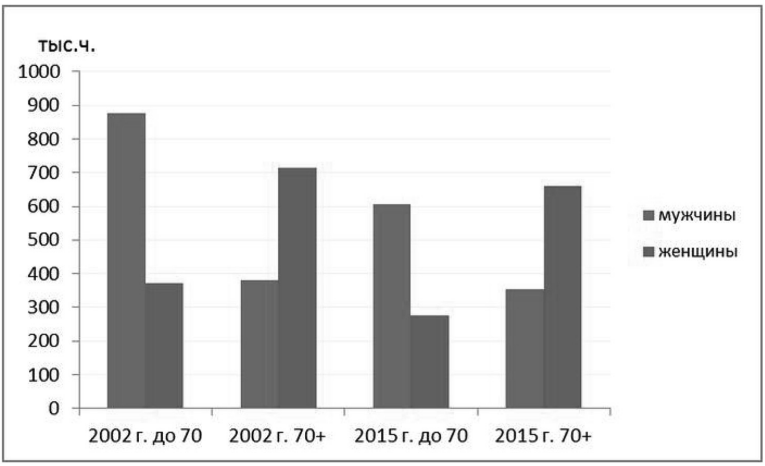


Рис. 14.15. Смертность по возрастным группам, по данным Росстата

Для мужчин статистика по смертности остается тревожной. На рис. 14.15 показано, что в 2002 году число тех, кто умирал до 70 лет, в 2,3 раза превышало число умерших в возрасте старше 70. В 2016 году это соотношение сократилось до 1,7, но по-прежнему свыше половины мужчин в России не доживают до 70 лет. До выхода на пенсию в этом году не дожили 39% мужчин, в 2002 году таких было 45,4%. Среди женщин картина иная: до пенсии не доживают только 11%, а число женщин, умирающих в возрасте за 70, превышает в 2,4 раза число тех, кто не доживает до этого возраста.

Причина подобной картины объяснима бессмысленностью жизни в путинской России, ценностной эрозией, которая наиболее быстро протекает именно среди мужской части населения — алкоголь, наркомания, утрата ценностных ориентиров.

Причины демографического кризиса

Основная причина — утрата смыслов, ценности большой семьи. Ориентир смещен в пользу семьи с одним–двумя детьми, которым родители могут обеспечить хорошее образование. Русская семья переняла европейскую модель.

1. Позднее вступление в брак и увеличение возраста материнства. В 2016 году самый распространенный возраст рождения первого ребенка составил 25–26 лет (рис. 14.16). Со временем этот возраст будет и дальше расти.

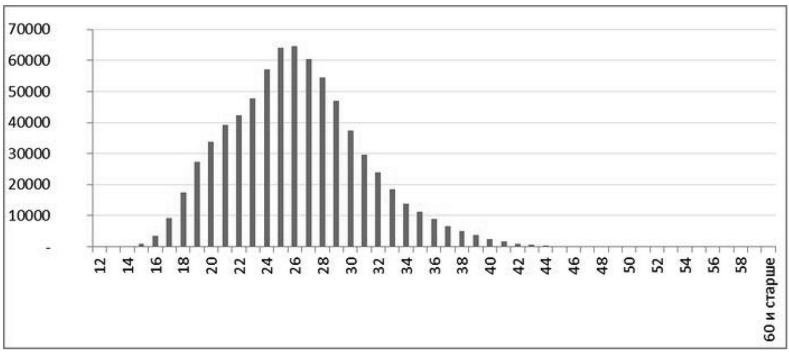


Рис. 14.16. Число родившихся живыми первенцев по возрасту матери, 2016 г. (по данным Росстата)

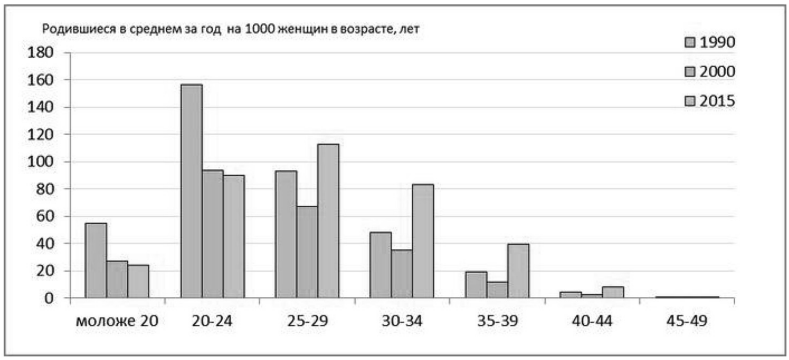


Рис. 14.17. Распределение родившихся по возрасту матери (по данным Росстата)

На рис. 14.17 показан коэффициент рождаемости (родившихся за год на 1000 женщин в среднем по интервалу возраста матери за 4 года), который за четверть века существенно изменился. Если ранее основной возраст для рождения ребенка приходился на 20–24 года, то теперь он сместился к 25–29 годам.

Исходя из скорости прироста коэффициента рождаемости приходим к выводу, что устойчиво направление на выход на лидирующие позиции возраста 30–34 года[54].

2. Малодетность стала нормой российской жизни. В 2016 году наиболее распространенной была модель семьи с одним–двумя детьми. По очередности рождения доля детей третьих и выше по счету составила всего одну пятую (рис. 14.18).

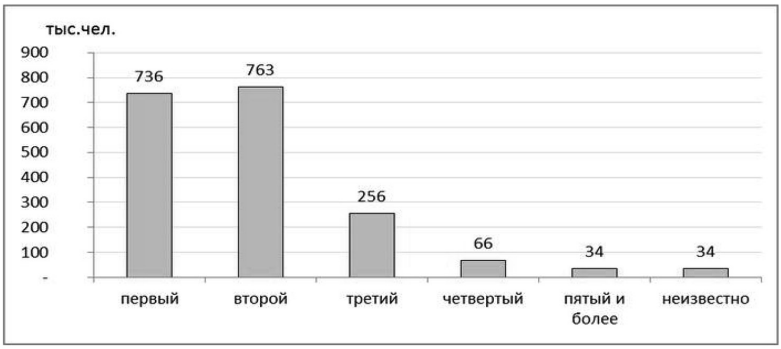


Рис. 14.18. Число родившихся по очередности рождения ребенка, 2016 г. (по данным Росстата)

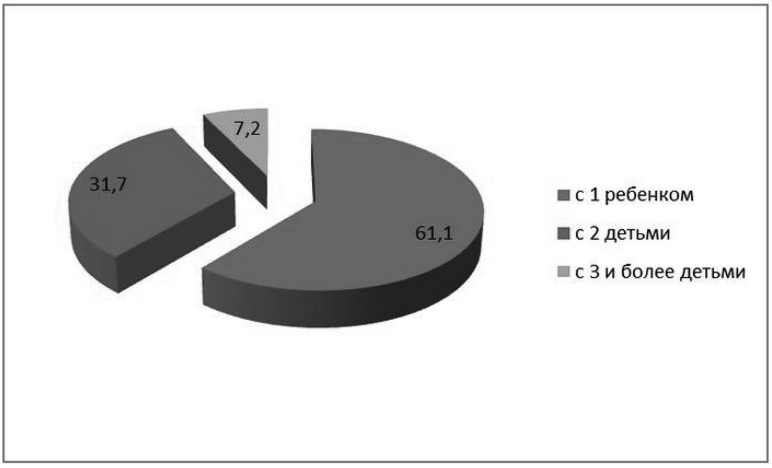


Рис. 14.19. Семейные ячейки, имеющие детей моложе 18 лет, в % (по данным Всероссийской переписи)

Модели семей с детьми больше двух распространены в основном в национальных республиках, в то время как в регионах с доминированием русского населения распространена модель малодетности. Согласно переписи 2010 года в России доля семей с одним ребенком составила 61,1%, с двумя — 31,7%, а с тремя и более всего 7,2% (рис. 14.19).

3. Ценностная эрозия общества, переход к свободным отношениям, утрата ответственности у пар за судьбу ребенка, как следствие — внебрачная рождаемость в России сохраняется на высоком уровне. И даже в регионах, где на первый взгляд религиозные традиции требуют сохранения таинства брака, доля внебрачной рождаемости может

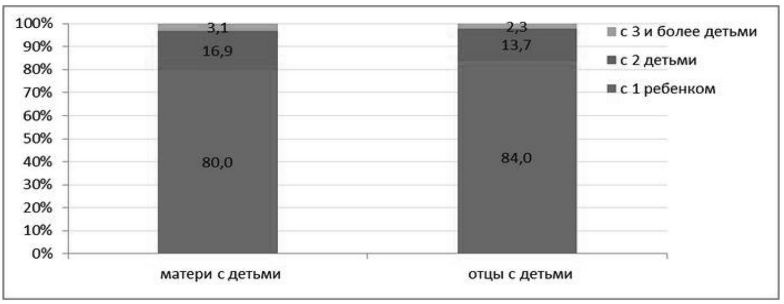


Рис. 14.20. Неполные семьи, 2016 г. (по данным Росстата)

достигать среднероссийского уровня. Однако позитивным является то, что доля родившихся вне брака ежегодно снижается. Сейчас таких одна пятая (21,1%), в 2008 году их было 26,9%. Только в нескольких субъектах ситуация ухудшилась, значительно хуже ситуация стала в Чечне, где этот показатель вырос с 4,7% в 2008 году до 18,3% в 2016 году. Как показывает статистика, матери или отцы с детьми, то есть неполные семьи, чаще всего имеют одного ребенка (рис. 14.20). То есть, эрозия института полноценной семьи ведет к ограничению рождаемости[55].

4. Ориентация на эпикурейский образ жизни — пожить для себя, а не создавать семью. Согласно опросу Росстата «Семья и рождаемость», если до 1990 года доля браков, начавшихся с регистрации, была 71,6% для женщин и 77,6% для мужчин, то к 2009 года снизилась до 49,5% и 49% соответственно. При ответе на вопрос «Если Вы считаете, что брак нужно регистрировать, то когда?» 38% женщин и 41,4% ответили «сначала надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем регистрировать». Как правило, незарегистрированный брак не ставит своей целью продолжение рода.

Если для женщин самым важным является воспитать ребенка (4,88), то у мужчин это на втором месте после материального благополучия (4,81), а «иметь троих детей» занимает позицию ниже, чем «быть свободной, независимой и делать то, что хочу только я».

Негодная государственная политика вносит свою серьезную лепту. Вместо народосберегательной модели государство сосредоточилось на политике, которая только показательно содействует росту рождаемости, а на деле ведет к ухудшению демографии на фоне роста поборов с на-

селения, коммерциализации секторов, ответственных за развитие человека, сексуальной вседозволенности. Меры государственной поддержки стимулируют в основном появление второго ребенка, не оказывая воздействие на появление первенца. Согласно опросу Росстата «Семья и рождаемость» (2009) в 2009 году 89,6% респондентов считали, что на решение о рождении первого ребенка не повлияли меры государственной помощи. Но в отношении второго ребенка таких лиц уже было меньше — 78,6%. Однозначно ответили, что повлияло — 14,3%. Хотя процент вырос, тем не менее, надо понимать, что низкий уровень говорит о недостатке мер господдержки[56].

Наиболее распространен ответ на вопрос о помехах рождению желаемого числа детей о материальном факторе — то есть о том, что решить под силу именно государству и в краткосрочной перспективе. Материальные трудности (мешают и очень мешают, считают 85%), неуверенность в завтрашнем дне (82–83%), жилищные трудности (62–65%).

Рассуждая об эффективности государственных мер поддержки, стоит отметить, что наиболее ценными стали предоставление жилищных субсидий на льготных условиях и «материнского капитала», который, кстати, также часто используется для улучшения жилищных условий (рис. 14.21). Из этого следует вывод, что в условиях высоких ставок ипо-

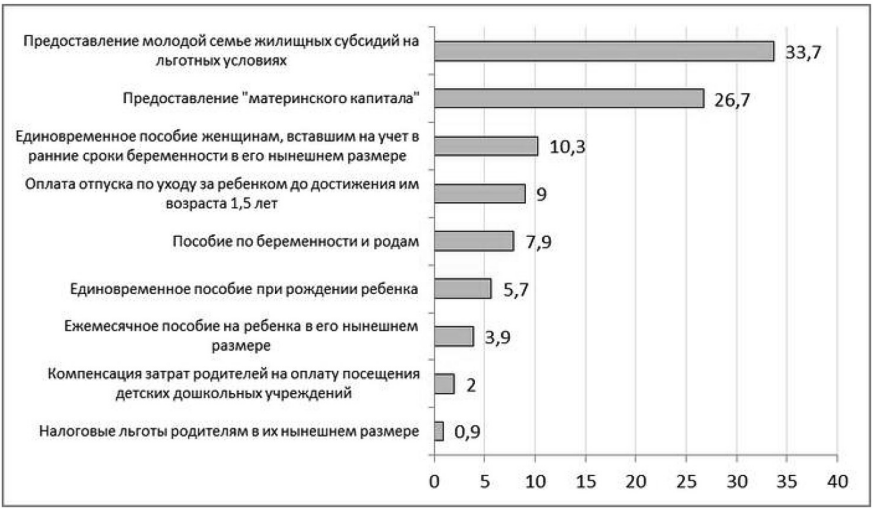


Рис. 14.21. Распределение ответов женщин по значимости мер демографической политики, в % (по данным исследования Росстата)

теки, низких заработных плат для молодых семей самой актуальной остается проблема улучшения жилищных условий.

Решение демографической проблемы должно исходить из того, что семья и рождаемость — это единство духовного и материального. То есть, меры должны охватывать как возрождение духовного понимания семьи, так и материальное поощрение. Выходом из ситуации может быть возврат к пониманию ценности семьи и многодетности, то есть нужна пропагандистская политика государства через СМИ, кинематограф, социальную рекламу, школу. Второй инструмент — разработка и реализация государственной социальной политики поддержки рождаемости. Материнский капитал, который дается только за второго ребенка, не справляется с поставленной задачей. В этой связи целесообразно разработать возможность частичной занятости молодых мам, решение проблемы дошкольных детских учреждений, программы льготного жилья молодым семьям и прочее.

При сохранении в неизменном виде демографической политики в стране произойдут неизбежно сокращение численности населения, смена этнического состава за счет мигрантов[57].

14.5.д). Экономика

После 2025 года можно ожидать резкого ускорения темпов экономического роста по простой причине: субъективные усилия российской элиты, которая долгие годы фактически противодействовала развитию страны, будут сведены на нет опытом её развития в 2017–2025 годы.

Другая причина — устойчивый рост потребностей быстро развивающихся стран на российские природные ресурсы. Так, например, руководительства «Газпрома» А. Миллер сообщал в начале 2018 года: в 2017 году холдинг увеличил добычу газа по сравнению с 2016 годом на 12,4% — до 472 млрд куб., а экспорт газа в Европу — на 8,1%, до 193,6 млрд куб. Рекордный объем ушел в Германию — 53,4 млрд «кубов» — рост на 7,1%. Исторический максимум зафиксирован и в Австрии, где закупка выросла на 40%, до 8,5 млрд куб., а также в Нидерландах — 4,6 млрд (рост на 9,7%). Еще один рекорд «Газпром» поставил в Дании: рост на 1,9% к максимальному показателю 2016 года — до 1,75 млрд «кубов».

Это означает, что альтернативы российским ресурсам в Европе нет, а все попытки сократить их потребления пока что не носят качественного характера. До 2030–2040 годов ситуация не изменится потому, что основные технологии и мощности, созданные в мире, останутся прежними, а новые технологии только постепенно смогут вытеснять предыдущие.

Так, потребности, например, Европы не смогут быть компенсированы СПГ: доставка СПГ танкерами для Европы очень дорогие и неприемлемо медленные. Компания BP в энергетическом прогнозе в 2018 году объявила, что Россия станет крупнейшим мировым экспортером первичных энергоресурсов к 2040 году. То есть РФ будет обеспечивать 14% всего мирового рынка производства нефти и газа. Доля российского газа на Европейском рынке при этом вырастет до 50%. Уже сейчас она составляет около 40%, то есть несбыточным этот прогноз назвать невозможно[58].

«Ряд стран Европы во главе с Брюсселем регулярно заявляют о необходимости снижения доли российского газа в Европу, о диверсификации поставок. Однако первые же экстремальные морозы лечат эти амбиции — тут же приходит отрезвление и понимание: взять газ больше негде. Сейчас «Северный поток» уже загружен по максимуму, все дополнительные объемы идут через Украину, которая на радостях заявит о незаменимости своего маршрута.

По сути же альтернативой является только СПГ, но поставки растянуты во времени и газ обходится дороже. Кроме того, здесь есть подвох. В покупке дополнительных объемов Европе придется конкурировать по ценам Азии. Появление дополнительного крупного покупателя вызовет резонанс на азиатском рынке в результате чего стоимость сжиженного газа вырастет еще больше.

Важен и вопрос цены и стабильности. «Газпром» дает в долгосрочном контракте газ по фиксированной цене с привязкой к стоимости нефтяного барреля — это гораздо выгоднее, чем разовые закупки. Закупки у «газпрома» априори дешевле и гарантируют отсутствие «ценовых качелей». Первые же морозы отрезвляют самые горячие головы в Европе и крики о «вредности» газа из РФ сразу стихают — мы видим подобное едва ли не каждый год. Россия и поставит газ быстро, и продаст очень выгодно — это морозы доводят даже до самых упрямых европейцев.

Потепление, впрочем, многих из них возвращает к прежней антироссийской риторике. До «новых холодов», — заключает И. Юшков…

Другая сторона проблемы — огромный ресурс развития, не используемый в современной России. Пока что возможности мобилизационного развития России используются минимально, хотя история страны свидетельствует о том, насколько велики эти ресурсы. Если привести пример с добычей и экспортом СССР нефти, то можно увидеть, как эти показатели при необходимости снижались или росли в десятки раз.

Таблица 14.3. Добыча нефти и нефтяной экспорт в СССР в 1965–1989 годах[59]

Год	Общий нефтяной экспорт	Добыча нефти	Доля общего нефтяного экспорта в добыче нефти (в %)
1918	2	4,1	48,8
1929	3,9	13,7	28,5
1930	4,7	18,5	25,4
1931	5,2	22,4	23,2
1932	6,1	21,4	28,5
1939	0,4	30,3	1,3
1946	0,5	21,7	2,3
1947	0,8	26	3,1
1948	0,7	29,2	2,4
1949	0,9	33,4	2,7
1956	10,1	83,8	12,1
1964	56,6	223,6	25,3
1965	75,7	242,9	31,2
1970	111,4	353	31,6
1975	150,5	490,8	30,7
1980	182,5	603,2	30,3
1985	193,5	596,7	32,4
1989	215,6	607,2	35,5

Примечание. Рассчитано автором по: Внешняя торговля России (Департамент таможенных сборов) за различные годы. Цит. по: Goldman. Petrostate… P. 5–6; Славкина М. Нефтегазовый фактор отечественной модернизации, с. 314; 2006 BP Statistical Review of World Energy.

До середины 1950-х годов советская нефть потреблялась внутри Восточного блока, но к 1955 г. Россия возобновила коммерческий нефтяной экспорт на Запад. По словам Д. Ергина, «Советский Союз был готов снова взять на себя роль крупного поставщика нефти на Запад, которую Россия играла в XIX веке. Он искал любых покупателей и снижал цены, чтобы привлечь их. В Вашингтоне это называли „советским экономическим наступлением“».

В 1960–80-х годах чистый экспорт энергии рос почти на 10% в год (в сравнении с 4,4% роста внутреннего потребления энергии). В целом, как это ни удивительно, отношение к экспорту было в какой-то степени пренебрежительным. Например, одни из самых авторитетных специалистов по энергетическому комплексу СССР писали в 1983 году: «… мировые цены на энергетические ресурсы, в первую очередь углеводородные, в настоящее время существенно выше внутренних. Поэтому возникает вопрос о том, в какой мере, развивая энергетику СССР, следует учитывать такие экспортно-импортные связи. **Видимо, один ответ очевиден: средний ущерб внутри страны от недопоставки энергетических ресурсов значительно выше эффекта, получаемого от их экспорта»**. Правда, далее авторы указывают, что источником дополнительных ресурсов для экспорта могут стать в основном меры по более экономному расходованию энергетических ресурсов и энергии в стране.

До 1970-х годов Советский Союз, хотя и был крупным экспортером всех энергоресурсов, на внешний рынок поставлял лишь малую долю от общего объема их производства. В 1950 году на долю экспорта приходилось менее 1% общего производства энергоресурсов в мире.

14.5.е). Культура и религия

Культура и религия — области, которые уже до 2025 года превратятся из областей межцивилизационных споров в области силового противоборства. Системы базовых ценностей ЛЧЦ станут основными объектами для политического, экономического, военного и информационного силового воздействия противостоящих коалиций[60].

14.5.ж). Наука и образование

С 2018 года начнется быстрый рост и развития некоторых отраслей науки и технологии в России, а после 2025 года экспансия российской науки может принять глобальный характер. Основными направлениями могут стать:

— синтез биологических, естественных и гуманитарных наук;
— развитие когнитивных и информационных технологий;
— социальные науки и их прорывы, например, в области мобилизации НЧК и его институтов.

Преодоление отставания в этих областях стало к 2018 году одной из самых актуальных нерешенных задач на стратегическую перспективу, которую трудно, даже практически невозможно, решить в период до 2025 года, а поэтому она переносится на более отдаленную перспективу. При условии, естественно, что она начнет решаться уже сегодня. Проблема в основном заключается в том, что развитие науки и образования инерционно в своей основе, требует времени и воссоздания или создания заново новых научных и образовательных школ, которые разрушались с конца 80-х годов прошлого века.

Попытка В. Путина с помощью «майских указов 2012 года» решить эту проблему привела к тому, что её загнали к 2018 году еще больше вглубь: принятые меры практически не отразились положительно на состоянии науки и образования к 2018 году. Хуже того, в целом ряде областей они лишь ухудшили положение. Так, в 2013 году Росстат насчитал в стране 17,5 млн высокопроизводительных рабочих мест, после чего выяснилось, что поручение президента будет выполнено, если к этой базе прибавится 7,5 млн таких рабочих мест, а не 25 млн. Но уже в 2015 году показатель упал на 8%, а в прошлом году — еще на 5%, следует из подсчетов Росстата, и теперь составляет около 16 млн. Это связано прежде всего с падением уровня оплаты труда, говорит Коровкин.

Уже сейчас можно говорить, что достичь обозначенных целевых показателей в срок не удастся, полагает он.

Еще один показатель, которого достичь не удастся, –0 повышение реальных зарплат в стране в 1,4–1,5 раза к 2018 году. После их падения на 9% в 2015 году и восстановления лишь на 0,7% в прошлом году по-

требуется невероятный рост по 15% в оставшиеся два года, чтобы цель была достигнута.

Правительство в своем отчете не упомянуло об этих показателях, достижение которых больше не представляется возможным. Не говорили о них и на заседании Госсовета, кроме председателя «Справедливой России» Сергея Миронова, обратившего внимание на то, что поручение о росте реальной зарплаты не выполнено, а указы о повышении зарплат бюджетникам исполняются, только если врачи и учителя работают на 2–2,5 ставки. Зато правительство в отчете об исполнении указа о долгосрочной экономической политике подробно остановилось на успехах «военной экономики»: развитие ОПК опережает аналогичные показатели по экономике в целом, а рост производительности труда в оборонных концернах составляет в среднем 8,8%, достигая 28–29% в концерне «Алмаз-Антей» и корпорации «Тактическое ракетное вооружение»[61].

14.5.з). Вооруженные силы

Развитие России и её Вооруженных сил после 2025 года просматривается достаточно определенно, если исходить из существующей (сложившейся в 2017–2018 гг.) динамики, т.е. просто-напросто экстраполировать эти тенденции на период после 2025 года.

Делать этого, однако, категорически нельзя, хотя развитие ВВСТ и Вооруженных сил России и имеет устойчивую инерционность, потому, что изменение ВПО в негативную сторону, как уже не раз говорилось, будет сильным и практически неизбежным.

К середине 2020-х годов Россия выполнит в основном свою программу модернизации ВВСТ и ВС, что позволит ей обеспечить минимальный уровень военной безопасности и защиты суверенитета страны, однако еще до окончания цикла, в 2018–2021 годы, перед ней возникнут новые вызовы и угрозы, связанные с технологическими прорывами Запада и Китая.

По мнению курирующего ОПК вице-премьера Д. Рогозина, состояние и перспективы ВВСТ России следующие: «В 2012 году исполнение гособоронзаказа было несравнимо хуже, чем сейчас, примерно 81% от его объема. А, например, ВДВ вообще имели всего 2% современного

оружия. Надо было начать оперативно и системно перевооружать именно те виды и рода войск, которые в случае потенциального конфликта будут задействованы первыми. Для этого нужно было наладить диалог между заказчиком и исполнителем, а также предоставить правительству роль арбитра. Еще до моего прихода в правительство разворачивались баталии по заключению контрактов в интересах ВМФ: например, контракт на серию ПЛАРБ «Ясень» смогли согласовать лишь после вмешательства президента. Я инициировал создание советов ВПК — по космосу, по авиации, по судостроению и т.д. Это придало ВПК тот смысл, ради чего она и была образована в 1957 году: мы собрали в условиях новой экономики единую кооперацию в интересах заказчиков. Мы привели в порядок законодательство. Ранее все контрактовалось по 44-му Федеральному закону, где цены фиксировались и никак не пересматривались: экс-министр обороны Анатолий Сердюков, естественно, активно этим пользовался, чтобы заставлять промышленность идти на снижение цены, порой запредельное, без компенсации в будущем.

Мы считали, что надо эту систему изменить, поскольку контрактация гособоронзаказа — это весьма специфичная вещь. Так появилась новая нормативно-правовая база, ее основой стал закон №275-ФЗ «О государственном оборонном заказе». Фактически, было введено госрегулирование цен на продукцию, определен перечень положений в сфере государственного оборонного заказа, нарушение которых влечет за собой уголовную и административную ответственность (соответствующие изменения были введены в УК и КоАП), а также установлены принципы контроля и полномочия контролирующего органа в сфере гособоронзаказа. В 2015 году эта система дополнилась банковским сопровождением госконтрактов, заключаемых Минобороны РФ, а в 2017 году введено уже казначейское сопровождение. Все это дало результат: предварительные итоги выполнения ГОЗа в части оснащения вооруженных сил свидетельствуют, что общий показатель его выполнения будет не ниже 97,5%.

— **Новая госпрограмма вооружения уже принята?**

— Да, документ подписан президентом. Изначально ГПВ должна была быть принята в 2016 году, однако из-за событий 2014 года, связанных с падением цен на нефть и валютными скачками, фи-

нансово-экономический блок правительства не смог выдать точный макроэкономический прогноз. Минобороны выступило с инициативой отложить ее принятие до стабилизации ситуации, тем более что нынешняя ГПВ действует до 2020 года. Президент на заседании ВПК идею поддержал. Это было мудрое решение.

— **В чем ее отличие от предшественницы?**

— У ГПВ-2020 была проблема: когда на перевооружение были выделены необходимые средства, промышленности и оборонной науке после долгих лет томительного ожидания реального дела захотелось всего и сразу. Считается, что новая система оружия — это 30% нововведений на базе уже проверенных решений. Но когда десятилетиями не закупалось новое оружие, не финансировались перспективные разработки, оборонка попыталась с нуля создать все совершенно новое. Как пример приведу создание головного фрегата «Адмирал Горшков» — на нем все новое. И получается, что все эти новые системы — ударное ракетное вооружение, противоракетное вооружение, силовая установка, локация и прочее — требуют испытаний, доводки до ума. Одни испытания мешают другим, а сам боевой корабль превращается в полигон для отработки этого всего нового, что, естественно, задерживает его сдачу ВМФ. В новой ГПВ таких примеров, надеюсь, уже не будет.

Ну и конечно, колоссальное отличие в том, что в последние месяцы проект ГПВ корректировался на основе вводных, полученных в Сирии. Была проведена комплексная оценка оружия и техники в боевых условиях, оценивалась эффективность боевого применения новых систем и комплексов при экстремальных внешних факторах. Прежде всего, это касается температурных режимов, статических и динамических показателей запыленности. Всего было задействовано более 200 типов вооружений и техники. Робототехника, интеллектуальные системы, ударные и разведывательные БПЛА, защита самолетов от огневого поражения — все это есть в новой ГПВ. … Высокоточные боеприпасы. При ведении боевых действий в городских условиях использование неуправляемых боеприпасов чревато потерями среди мирного населения, что приводит к росту поддержки боевиков. Чтобы этого избежать, нужно, как говорят охотники, бить белке в глаз: лучше

один дорогостоящий прицельный удар, чем сто ударов без разбора. При этом нельзя закрывать глаза на наращивание силового потенциала НАТО, на реализацию США концепции «глобального удара», на намерения разместить оружие в космосе, а также на развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия. На все это у нас будет достойный ответ, поверьте.

На периодической основе в Хмеймиме и Тартусе были бригады специалистов более чем от 50 предприятий. По ПАКФА ситуация следующая: первый этап испытаний завершен, проведенная работа позволила подтвердить правильность принятых решений в части планера, комплекса бортового оборудования, обеспечивающих систем и оборудования, авиационных средств поражения. Второй этап завершится в 2019 году. Тогда же военные получат установочную партию для подключения к программе испытаний. По «Армате» идет изготовление и проведение предварительных испытаний унифицированной межвидовой тяжелой гусеничной платформы. Госиспытания и поставка опытно-промышленной партии намечены на 2019 год. К 2021 году доля современных вооружений и техники в войсках вырастет до 70%»[62].

Усилия США и Китая, четко обозначившиеся в 2017–2018 годах, свидетельствуют о том, что после 2025 года масштабное соперничество в военно-технической области между странами-лидерами ЛЧЦ только усилится[63]. При этом резко увеличатся не только возможности США (которые будут отражать приоритеты военной политики Д. Трампа)[64], но и Китая, Индии, Японии и других новых экономических лидеров. Таких, например, как Республика Корея. Подобные изменения уже можно прогнозировать на долгосрочную перспективу в таких областях, как, например, военно-морские силы, где уже сегодня ориентировочное представление можно иметь на 20–30 лет.

В частности, определенное представление о расстановке сил в ВМС в будущем может дать «срез» по такому критерию, как основной класс боевых судов — эсминцев — различных государств, где отчетливо выделяются три группы: «старые» индустриальные лидеры (США, Великобритания, Япония и др.), «новые» (Китай, Индия, Республика Корея) и «бывшие» (Россия и др.) государства. Окончательные оценки степени соответствия эсминцев стран мира боевому предназначению в вероят-

№	Наименование корабля (страна)	Локальная война		Крупномасштабная война	
		Коэффициент соответствия	Рейтинг	Коэффициент соответствия	Рейтинг
1	«Орли Берк» (США)	0,61	2–3	0,62	1
2	Пр. 052D (Китай)	0,49	4	0,44	6
3	Пр. 956 (Россия)	0,35	8–9	0,43	7
4	«Луиджи Дуранд де ла Пенне» (Италия)	0,24	13	0,21	11
5	Пр. 1155.1 (Россия)	0,38	6–7	0,47	4–5
6	Пр. 1155 (Россия)	0,32	10	0,36	8
7	«Жорж Леги» (Франция)	0,18	15–16	0,15	13
8	«Дэринг» (Великобритания)	0,61	2–3	0,58	2–3
9	«Кассар» (Франция)	0,25	11–12	0,17	12
10	Пр. 052C (Китай)	0,25	11–12	0,22	10
11	«Атаго» (Япония)	0,39	5	0,35	9
12	«Люйда» (Китай)	0,17	17	0,05	16–17
13	«Хацуюки» (Япония)	0,19	14	0,13	15
14	«Дели» (Индия)	0,35	8–9	0,47	4–5
15	«Король Седжон Великий» (Южая Корея)	0,66	1	0,58	2–3
16	Пр. 61МЭ (Индия)	0,18	15–16	0,05	16–17
17	«Квангэтхо Тэван» (Южая Корея)	0,38	6–7	0,14	14

Рис. 14.22. Рейтинг эсминцев по степени соответствия боевому предназначению в вероятных условиях боевого применения

ных условиях боевого применения приведены в следующей таблице[65]: рис. 14.22.

Анализ свидетельствует о том, что в наибольшей степени соответствуют условиям вероятного боевого применения в возможных конфликтах современности американский «Орли Берк» (http://www.vpk-news.ru/articles/35583), британский «Дэринг» (http://www.vpk-news.ru/articles/37214) и корейский «Король Седжон Великий» (http://www.vpk-news.ru/articles/37598). Причем в локальных войнах последний лидирует, существенно превосходя даже «американца». Эта тройка идет с большим отрывом от ближайших конкурентов — китайского проекта 052D (http://www.vpk-news.ru/articles/35583), российского «Чабаненко» (http://www.vpk-news.ru/articles/36995) и индийского «Дели» (http://www.vpk-news.ru/articles/37598). Первый из них, чуть превосходя нашего и «индийца» в локальных войнах, столь же незначительно уступает обоим в крупномасштабных.

Надо отметить, что три лидера рейтинга, а также китайский 052D относятся к новейшим, созданным по концепции 2-го послевоенного поколения, тогда как следующие за ними наш проект 1155.1 и «Дели» — высшие достижения среди кораблей-предшественников.

Можно предположить, что растущее отставание российской фундаментальной науки и технологий, которое усугубляется свертыванием

НИР и ОКР в оборонной промышленности (и без того очень ограниченных с конца 1980-х годов) неизбежно приведет к ситуации, когда последующие поколения видов и систем оружия после 2025–2030 годов будут качественно уступать не только американским, но и китайским и даже индийским образцам[66].

На мой взгляд, в настоящее время можно сделать два принципиальных вывода относительно развития ВВСТ после 2025 года:

Во-первых, если говорить о собственно ВВСТ, то сказанное означает, что именно период до 2025 года должен стать в российском ОПК решающим периодом развертывания новых ОКР, в том числе принципиально новых, на базе которых можно будет закладывать новые программы ВВСТ после 2030 года. Важно помнить, а не игнорировать постоянно, что особенностью нынешнего этапа мирового экономического развития является смена доминирующих технологических укладов. Именно в этот период формируются новые экономические и технологические вектора развития и происходит становление новых экономических лидеров[67].

Сказанное имеет прямое отношение к развитию Вооруженных Сил Российской Федерации и национального ОПК, которые могут сохраниться в числе стран-лидеров, либо постепенно уступить свое мест к 2025–2030 годам другим странам сначала в ОКР, а затем и в качестве ВВСТ.

Во-вторых, требуется предусмотреть ту исключительно важную роль, которую в будущем будут выполнять силовые, но не традиционные военные инструменты принуждения, в частности, информационные, когнитивные, социальные, культурные и иные, которые будут по свое эффективности превосходить собственно военные средства.

Сказанное означает, что планирование в ОПК России должно учитывать возможный долгосрочный характер изменений ВПО и отдельных аспектов развития человечества, т.е. необходимо планирование не на 10, а на 15–20 лет, которое должно быть обеспечено финансированием НИР и ОКР на долгосрочный период. Соответственно и ГОЗ должен быть разделен на две части — «текущую» (до 10 лет) и «перспективную» (15–25 лет). Во второй части должны быть собраны наиболее перспективные научные исследования и ОКР на долгосрочную перспективу.

14.5.и). Внешняя политика

Внешняя политика России после 2025 года должна будет, с одной стороны, сохранять преемственность, последовательность политики В.В. Путина до 2025 года, что является характерной особенностью внешней политики великой державы, а, с другой стороны, стать эффективным и адекватным ответом на вызовы силовой политики западной ЛЧЦ во главе с США, которые будут наращиваться и вероятно могут перейти в военную фазу.

Это противоречие должно будет быть так или иначе преодолено еще до 2025 года, что потребует изменений не только в Концепции внешней политики, но и в Стратегии национальной безопасности России, которая принималась в период еще только нарастающей напряженности (31 декабря 2015 года), и не отражала вполне адекватно будущих меняющихся реалий.

Можно с высокой степенью вероятности предположить, что внешняя политика России после 2025 года станет внешней политикой:

— опирающейся на собственные (национальные) силы и возможности, т.е. достаточно известные и ограниченные ресурсы, а, значит, её амбиции будут сведены к защите двух главных приоритетов — национальной идентичности и государственного суверенитета;
— ориентированной на поиск внешних союзников и партнеров, которых будет, во-первых не много, а, во-вторых, помощь которых (как часто бывает с союзниками) ограничена или даже малоэффективна;
— зависеть от формирующейся МО, которая во многом будет не от России, а от других внешних факторов.

В этой связи представляется целесообразным уже до 2025 года учитывать возможные стратегические изменения в мировой МО и ВПО, которые объективно снизят уровень влияния и возможности России при одновременном увеличении уровня внешних опасностей и угроз.

Прежде всего, речь идет о не контролируемой гонке вооружений, в которую будут втянуты в 2018–2050 годы не только традиционные, но и новые участники. Для России особенно опасно, что многие из них являются нашими соседями, либо расположены в близлежащих регионах. Это означает резкое увеличение военно-политических рисков

возникновения военных конфликтов, в т.ч. с применением ядерного оружия. По мнению А. Арбатова, например, опубликованный в феврале 2018 года очередной «Обзор ядерной политики» США (U.S. Nuclear Posture Review) обосновывается следующий раунд гонки ядерных вооружений, выдвигаются планы создания систем пониженной мощности и высокой точности, снижающие порог использования этого оружия[68].

На этом фоне нельзя не вспомнить о плачевном состоянии договорно-правовых режимов в сфере ядерного оружия. Впервые за полвека после Договора 1963 года о частичном запрещении ядерных испытаний миру грозит потеря договорно-правового контроля над самым разрушительным оружием в истории человечества. Наиболее слабым звеном в системе контроля над ядерным оружием является Договор о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД) между СССР и США от 1987 года. Стороны уже несколько лет обвиняют друг друга в нарушении договора, и он может быть вскоре денонсирован.

Кризис контроля над ядерным оружием проявляется и в том, что уже семь лет Россия и США не ведут переговоров о следующем договоре о стратегических наступательных вооружениях (СНВ) — это самая затянувшаяся пауза за 49 лет таких переговоров. Хотя обе стороны к февралю 2018 года честно сделали положенные по текущему Договору 2010 года сокращения, в 2021 году его срок истечет, и в контроле над стратегическими вооружениями возникнет вакуум. Времени для заключения нового договора с учетом разногласий сторон о противоракетных системах после выхода США из Договора по ПРО в 2002 году и о высокоточных неядерных вооружениях большой дальности остается все меньше. При этом администрация США не проявляет заметной заинтересованности в следующем договоре СНВ и весьма невнятно относится к продлению текущего до 2026 года.

США и Россия стоят на пороге новой масштабной гонки вооружений, причем в отличие от периода холодной войны эта гонка будет дополнена соперничеством по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям в неядерном оснащении, а также развитием космического оружия и средств кибервойны.

К тому же гонка вооружений станет многосторонней, вовлекая также Китай, страны НАТО, Индию и Пакистан, Северную и Южную Ко-

рею, Японию и другие государства. Геополитическое положение России делает ее особенно уязвимой в такой обстановке.

Подключить другие ядерные государства к процессу переговоров не удается. Индия и Пакистан ведут гонку ядерных вооружений между собой, а Израиль поддерживает такие средства против исламских соседей. Великобритания, Франция и КНР ссылаются на то, что около 90% ядерного арсенала все еще приходится на долю России и США, и требуют от них более полного сокращения как условия своего присоединения к разоружению.

Уже два десятилетия из-за негативной позиции США Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) не вступает в законную силу. В 2016 году было заморожено соглашение США и России о ликвидации избыточного запаса плутония. Переговоры о запрещении производства разделяющихся материалов (оружейного урана и плутония) в военных целях (ДЗПРМ), как и о предотвращении вывода оружия в космос, стоят в многолетнем тупике на Конференции по разоружению в Женеве. По инициативе Москвы за последние три года прекратилось сотрудничество с США по программам безопасной утилизации, физической сохранности и защите ядерных вооружений, материалов и объектов. Еще в 2015 году Россия прекратила участие в Договоре по обычным вооруженным силам в Европе (ДОВСЕ). Переговоры о тактическом ядерном оружии так и не начались.

Провалом закончилась конференция по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 2015 году. Северная Корея, которая вышла из ДНЯО в 2003 году, продолжает испытания ядерного оружия и баллистических ракет. Настрой новой администрации США и конгресса против многостороннего соглашения об ограничении иранской ядерной программы от 2015 года может нанести окончательный удар по ДНЯО. Дальнейшее распространение ядерного оружия будет происходить главным образом рядом с российскими границами (Иран, Турция, Египет, Саудовская Аравия, Южная Корея, Япония). В конце концов, ядерное оружие неизбежно попадет в руки террористов, что станет катастрофой для цивилизации.

Изменить опасные тенденции, — по мнению А. Арбатова, — могут лишь решительные шаги по деэскалации напряженности между Россией

и Западом, включая сохранение режимов контроля над ядерным оружием. После смены власти в США в 2017 году и еще большего ухудшения российско-американских отношений этого могла бы добиться только Россия, если бы захотела. Ни на США, ни на КНР или НАТО/ЕС в этом рассчитывать не приходится. Он считает, что «при трезвом анализе ситуации Москва должна быть больше всех заинтересована в деэскалации. В свете предстоящего рывка США в гонке вооружений в интересах России понизить стратегические потолки, например включить в повестку переговоров об ограничении вооружений гиперзвуковое оружие. У России в этой области фора, но переговоры позволят не начинать гонку с непредсказуемыми результатами. Стоит вернуться и к вопросу о согласовании параметров и мер доверия применительно к системам ПРО. Разоружение имеет смысл только в комплексе, по всем направлениям. Другой резон в том, что Россия находится в более уязвимом геостратегическом положении, чем США и страны НАТО, не имеет союзных ядерных держав. Грядущее военное соперничество потребует колоссальных затрат, тогда как российская экономика явно не на подъеме»[69].

Первоочередной задачей является спасение договора РСМД. Вместо бесплодного обмена обвинениями надо совместно выработать дополнительные меры проверки, чтобы устранить взаимные подозрения. Затем — заключение следующего договора СНВ на период после 2021 года и на этой основе — согласование мер в области систем ПРО и новых стратегических вооружений в неядерном оснащении. Далее — возобновление сотрудничества России с США и другими странами по физической защите ядерных объектов и сохранности ядерных материалов. Параллельно — укрепление ДНЯО и режима контроля над ракетными технологиями. Параллельно — согласование мер по недопущению гонки космических вооружений и предотвращению кибератак на стратегические информационно-управляющие системы. После этого — поэтапное и избирательное придание процессу ограничения и сокращения ядерного оружия многостороннего формата. Только такой долгий и трудный путь ведет в конечном итоге к безъядерному миру.

Один из главных парадоксов прошедших 30 лет состоит в том, что с конца 1980-х годов глобальные ядерные арсеналы были сокращены в шесть–семь раз (с почти 60 тыс. до примерно 10 тыс. единиц). Тем не ме-

нее ныне угроза ядерной войны больше, чем когда-либо за последние три десятилетия. Основная причина в том, что за это время международная политика мало изменилась, особенно в части применения силы. Наряду с быстрым военно-техническим развитием это повлекло кризис построенной системы разоружения и рост вероятности применения ядерного оружия[70].

Отсюда следует главный урок: безъядерный мир — это не теперешний мир минус ядерное оружие, а мир с совершенно иной системой безопасности. В ней должны быть строго ограничены обычные вооруженные силы и вооружения на новых физических принципах. В ней необходимо поставить на жесткую правовую основу любое применение силы. В ней нужно создать эффективные механизмы мирного разрешения международных и трансграничных конфликтов.

Может показаться, что такой мир — утопия. Однако не меньшей утопией является надежда, что человеческая цивилизация может бесконечно долго строить свою безопасность на принципах ядерного сдерживания. Ведь они означают не что иное, как способность и готовность государств в определенных обстоятельствах за несколько часов обмена ударами убить сотни миллионов граждан друг друга и разрушить все, что создавалось столетиями. Да и заслуживает ли такое общество титул «цивилизация», который по определению подразумевает противоположность варварству?

14.5.к). Общая характеристика «Сценария №1» и «Сценария №2», их вероятность и оценка реализации в условиях развития международной и военно-политической обстановки в период 2025–2050 годов

Развитие «Сценария №1» и «Сценария №2» в период 2025–2050 годов наиболее вероятно по сравнению с другими сценариями. Оно диктуется всей предыдущей логикой развития событий до 2018 года и тенденциями в развитии мировой МО и ВПО после 2025 года.

С экономической точки зрения, согласно прогнозам, общемировой ВВП может удвоиться к 2037 г. и утроиться к 2050 г. Доля Китая в сере-

дине 2020-х гг. стабилизируется на уровне 20% в результате снижения темпов роста до среднемировых. Доля США сократится с 17% до 14%, Индии — вырастет с 7% до 14%, стран ЕС понизится с 17,5% до 12%. При этом средний доход на душу населения в Китае составит лишь 40%, а в Индии — 20% от американского уровня.

Таким образом произойдет изменение в соотношении мировых экономических сил в пользу новых центров силы и ЛЧЦ, которое неизбежно отразится и на политической, и военной обстановке в мире. Период 2025–2050 годов, как ожидается, будет отражать относительно стабильное и пропорциональной соотношение сил при заметном изменении только в пользу Индии и таких государств, как Индонезия, Пакистан и ряд других стран, обладающих стремительно увеличивающимся демографическим потенциалом.

На этом фоне ожидаемая стагнация и инерционное развитие России в период как до 2025 года, так и после (2025–2050 гг.), — по аналогии с 2000–2018 годами, может привести только к одному результату — относительному отставанию России и потере ею своих позиций в мире, а также относительных возможностей защиты своих национальных интересов и системы ценностей.

На фоне быстрого роста экономической и политической мощи старых и новых центров силы сохранение среднемировых (до 3%) темпов роста ВВП и динамики демографического развития, а также качества НЧК означает только одно — превращение России во второразрядную региональную державу, которая не способна обеспечить защиту своих национальных интересов.

Главный «нервный узел» нового мирохозяйственного устройства неуклонно смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион — «большая тройка» лидеров (Китай, США и Индия) «прописана» именно здесь. Да и другие страны с постоянным местом регистрации в регионе (Япония, Индонезия) прочно обосновались на ближайшие десятилетия в десятке ведущих экономик. В их числе также Россия, а в перспективе и Мексика. Но, если говорить о России, то только «в их числе». На самом деле сохранение позиций России в числе не только 5 стран-лидеров, но даже и 10 мировых лидеров-государств представляется к 2050 году проблематичным.

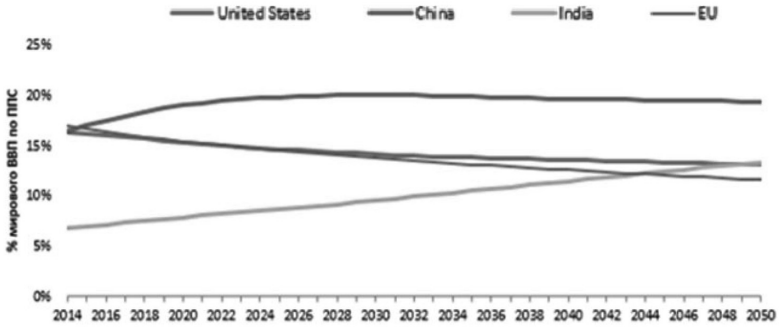


Рис. 14.23[71]. Изменение в расстановке сил в глобальной экономике: прогнозируемые доли стран в мировом ВВП по ППС

Этому существует, как минимум, три причины:

Во-первых, падение темпов прироста ВВП не только в абсолютных, но и в относительных величинах, что хорошо видно на примере относительно благополучного прогноза, сделанного Институтом развития России.

Даже по приведенным оптимистическим прогнозам развития России на фоне других центров силы видно, что она постепенно уступает свое место в числе стран-лидеров другим государствам. Но эти оценки — заведомо оптимистические, которые мало подкреплены практическими результатами развития страны в период 2014–2018 годов. С учетом этих поправок, можно говорить о том, что Россия к 2030 годам может уступить лидерство не только Германии и Великобритании, но и Мексике, и Бразилии.

При этом принципиально важно замечание бывшего директора ННИ Росстата (2001–2010 гг.) В. Симчера, который сказал следующее: «Я постоянно говорю о том, что нас заставляют жить в каком-то королевстве кривых зеркал, где всё искажено, и поэтому невозможно понять, что происходит в действительности. Это касается не только России — это касается и Америки, и Китая, и любой иной страны, и мира в целом. Спрашивается, кому и зачем это нужно? Нужно это тем, кто извлекает из такой ситуации выгоду, кто здесь обладает властью и собственностью. Иначе у нас не было бы столько миллиардеров при нищем населении, а зарплаты в правительстве РФ не составляли бы миллион семьсот тысяч рублей в месяц — при катастрофической не-

Таблица 14.4. Прогнозный рейтинг стран по размеру ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности (ППС)[72] в постоянных ценах 2014 г., выраженных в долларах США

место по ППС	2014		2030		2050	
	Страна	ВВП по ППС (долл. США за 2014 г.)	Страна	Прогноз-ый размер ВВП по ППС (долл. США за 2014 г.)	Страна	Прогноз-ый размер ВВП по ППС (долл. США за 2014 г.)
1	Китай	17 632	Китай	36 112	Китай	61 079
2	США	17 416	США	25 451	Индия	42 205
3	Индия	7277	Индия	17 138	США	41 384
4	Япония	4788	Япония	6006	Индонезия	12 210
5	Германия	3621	Индонезия	5486	Бразилия	9164
6	Россия	3559	Бразилия	4996	Мексика	8014
7	Бразилия	3073	Россия	4854	Япония	7914
8	Франция	2587	Германия	4590	Россия	7575
9	Индонезия	2554	Мексика	3985	Нигерия	7345
10	Велико-британия	2435	Велико-британия	3586	Германия	6338

дооценке и труда граждан России, и реальной, полной стоимости наших природных ресурсов, которые продаются на экспорт мало того что в полцены, но ещё и с отсрочкой платежей, а 40% этих денег вообще не попадают в российскую экономику, оставаясь в системе зарубежных банков. В результате наши реальные убытки — с учётом того, сколько денег мы отбираем у будущих поколений, наших детей и внуков — каждый год составляют, извините, почти триллион долларов. О каком экономическом росте, о каком росте народонаселения, о каком развитии можно при этом говорить? Но ведь говорят же, причём на полном серьёзе, даже какие-то цифры приводят: 1,5% роста в 2017 году, рецессия позади, ура! **Да у нас сегодня — только 40% от реального, в натуральных показателях, уровня производства 1990 года. То есть не рост в 2 раза, как следует из официальной цифры ВВП, а падение в 2,5 раза»**[73].

И далее В. Симчера продолжил: «Это одна сторона. А вот другая. Промышленность США производит товаров на 7 трлн долл. в год, сельское хозяйство — на триллион долларов, остальные 11 с лишним триллионов их GDP, то есть ВВП по-американски, — это услуги, из которых почти 9 трлн — „воздух“. За счёт чего тогда финансируется гигантский американский бюджет, в том числе военный на 700 млрд долл.? Задачка-то простая, для второго класса начальной школы. Не из воздуха, не из „печатного станка“, а вот из этого обмена финансового „воздуха“ на реальные товары и услуги. Знаете, какой должна быть сегодня мировая цена на нефть? В пять раз выше, около 300 долл. „за бочку“. В 2016 году США импортировали 2,88 млрд баррелей нефти, это нетто-импорт, по средней цене ниже 45 долл. за „бочку“, это почти 750 млрд долл. только прямого скрытого дохода, не считая связанных с ними финансовых операций, приносящих косвенный доход, — а вы ещё спрашиваете, зачем США вроде бы безнадёжно убыточная „сланцевая нефть“? Вся система счетов и балансов предельно искажена для того, чтобы не было видно, кто, у кого, где, когда и как изымает реальные стоимости в свою пользу. **Пока мы эту систему не „выпрямим“, не начнем всё считать по полной стоимости — мы из финансово-экономического кризиса не выйдем, и он, в конце концов, докатится до катастрофы**»[74].

Сказанное означает, что перед Россией вплотную стала «проблема 2050 года», — политическая и военная, а не экономическая, — которую можно обозначить в качестве проблемы сохранения способности и возможности государства обеспечить свой суверенитет и национальную идентичность. Только через изменение существующей системы распределения богатства в мире.

Во-вторых, падением относительного демографического могущества России, которое вытекало из количественного показателя численности населения относительно других государств и качественного показателя развития НЧК России.

Если первый показатель стремительно сокращается относительно быстрого роста таких ЛЧЦ, как китайская, индийская, исламская (которые к 2050 году будут превышать уровень в 1500 млн человек), а также относительному уменьшению численности по отношению к США и всей западной ЛЧЦ, то второй показатель, измеряемый ИРЧП (ИЧР),

остается стабильно на уровне 50–52 места относительно других государств последние 20–25 лет.

В-третьих, на фоне смены технологической и экономической парадигмы развития человечества Россия до 2018 года пока не показала сколько-нибудь способностей быстро войти в этот процесс. Более того, прогнозы говорят в пользу того, что до 2025 года она уже и не сможет заметно обозначить свое присутствие. Это означает, что её научно-техническое отставание будет сохраняться, более того, увеличиваться не только по отношению к странам западной ЛЧЦ, но и новым промышленным и экономическим гигантам.

14.6. Сценарий №3: («Оптимистический») развития России в 2025–2050 годы

… искусство политика, действующего на основе выработанной уже программы, заключается в том, чтобы указывать ближайшие цели для конкретной работы[75]

А. Свечин

«Ближайшие цели», как искусство политика, к сожалению, абсолютно противоречат «долгосрочным целям» государственного деятеля. Для политики важен быстрый результат, прежде всего на ближайших выборах, а для государственного деятеля — стратегические и долгосрочные последствия. Эта разница во многом предопределяет ход политического процесса в России, правящая элита которой не ставит перед собой стратегических целей, а ориентирована исключительно на сегодняшний результат[76].

В этом смысле многовариантность возможного развития России после 2025 года в зависимости от отношений между ведущими ЛЧЦ даже не рассматривается, хотя именно этот подход многие века лежал в основе успеха, например, дипломатии Великобритании, которая боролась против доминирования на континенте одной державы.

Сценарий №3 («Оптимистический»), основанный на прежних парадигмах мирового развития, предполагает, что быстрое

развитие новых центров силы — КНР, исламской ЛЧЦ, Индии, Бразилии переносит приоритеты противоборства западной ЛЧЦ в новую область (области), освобождая Россию от необходимости непосредственного внешнеполитического и военного силового противоборства. Этот сценарий реально существовал не один раз в политической истории всех стран, включая Россию и СССР. Более того, в том или ином случае к нему стремится большинство государств, пытающихся изменить соотношение сил в свою пользу за счет противоборства потенциальных противников. Классический пример такого развития событий — канун Второй мировой войны, когда Англия и Франция пытались столкнуть в войне Германию и Россию, а Россия — уйти от противоборства империалистических держав. Это ей удавалось какое-то время. Более того, И. Сталин планировал сохранение такой ситуации до конца 1941 года[77].

Этот сценарий — очень условно — названный «оптимистический» для России, возможен к реализации в нескольких частных своих вариантах.

Общая характеристика «Сценария №3» («оптимистический») развития России и МО–ВПО в период 2025–2040 годов, основанных на преимущественном влиянии старых парадигм:

Вместе с тем перенос противоречий между ЛЧЦ в острую фазу может привести к необходимости ту или иную страну к силовому воздействию на Россию: США, например, чтобы лишить КНР безопасного тыла на Северо-западе Евразии, а страны ЕС — для того, чтобы расчленить Россию на несколько государств, которые будут неспособны контролировать собственные природные ресурсы.

Сценарий №3 также предполагает, что усиление новых центров силы и ЛЧЦ приведет к их прямому конфликту с западной ЛЧЦ, что, в свою очередь, сделает противоборство с российской ЛЧЦ менее приоритетным. Так, у Д. Трампа, Россия, «приоритет №2» после борьбы с исламской ЛЧЦ и КНР.

Варианты Сценария №3 («Оптимистического») развития России

Можно рассмотреть следующие варианты этого Сценария, исходя из уже имеющихся данных и другой информации, обозначив их как варианты «а», «б» и «в»:

14.6.а). Вариант №1 («Война западной ЛЧЦ с КНР) «Оптимистического» сценария развития России»

При реализации этого варианта, как следует из его названия, вероятно военное противоборство западной военно-политической коалиции во главе с США (странами НАТО, Японией, Австралией и др. странами), с одной стороны, и КНР и её потенциальными союзниками и отчасти китайскими диаспорами, — с другой.

Конфликт западной ЛЧЦ и коалиции с КНР неизбежно вовлек бы в свою орбиту широкий круг государств и получил бы распространение на всю Юго-Восточную Азию. Особенно остро он отразился бы на таких союзниках США как Япония, Республика Корея и Филиппины, а также ряде других государств.

Россия оказалась бы вне зоны конфликта, в глубоком «тылу» КНР, для которой это положение имело бы огромное значение. Прикрытие с севера и северо-западного направления КНР со стороны России в форме дружественного нейтралитета как «стратегического партнера» означало бы мощный импульс в развитии отношений России–КНР.

Одновременно такой конфликт обеспечил бы развитие экономических и военно-технических связей на очень высоком уровне. Учитывая потребности китайской стороны в ресурсах и ВВСТ, Россия могла бы сыграть огромную роль в обеспечении безопасности не только границ, но и экономики Китая.

14.6.б). Вариант №2 («Война западной ЛЧЦ против исламского мира») «Оптимистического» сценария развития России

Этот сценарий развития России после 2025 года предполагает, что западная ЛЧЦ и её коалиция будет вовлечена в длительный конфликт на разных ТВД (на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке и Юго-Восточной Азии) с различными акторами исламской военно-политической коалиции. Такой прогноз основывается на предположении о том,

что ИГИЛ уже распространила свое влияние за несколько лет на огромной территории от Филиппин до Туниса, а в будущем сможет не только сохраниться, но и включить в свою орбиту новые силы и страны. В этом случае конфликт распространится на Пакистан, Афганистан и республики Средней Азии, охватив в том числе и некоторые общины Европы.

Для России расширение этого конфликта имело бы объективно позитивное значение, ослабив давление западной ЛЧЦ и облегчив внешние условия развития. Рост цен на нефть, расширение рынка ВТС, неизбежное ослабление санкций, а также снижение рисков военной конфронтации стало бы неизбежным следствием для России такого противостояния.

Более того, при определенных условиях Россия (как в свое время США) могла бы даже извлечь пользу, снабжая противников необходимыми товарами и сырьем.

Наконец, такое противостояние двух ЛЧЦ помогло бы России снизить уровень своих военных расходов и масштаб подготовки к противодействию давлению Запада, который к 2025 году неизбежно достиг бы огромных размеров.

Этот конфликт также существенно улучшил бы геополитическое положение России в мире, изменив соотношение противников и создав предпосылки для усиления влияния России в Средней Азии и на Ближнем и Среднем Востоке. Кроме того, объективно отодвигалась бы угроза раздела России по границам расселения мусульман, которых Запад готовил использовать против нас.

14.6.в). Вариант №3 («Война западной коалиции с другими ЛЧЦ и коалициями»): «Оптимистического» сценария развития России

Этот вариант сценария слишком широк для подробного рассмотрения и достаточно умозрителен, но не должен быть исключен в силу того, что «в МО возможно всё».

О нем свидетельствуют планы подготовки ВС западной ЛЧЦ, ориентированные на самые разные конфликты в самых разных районах

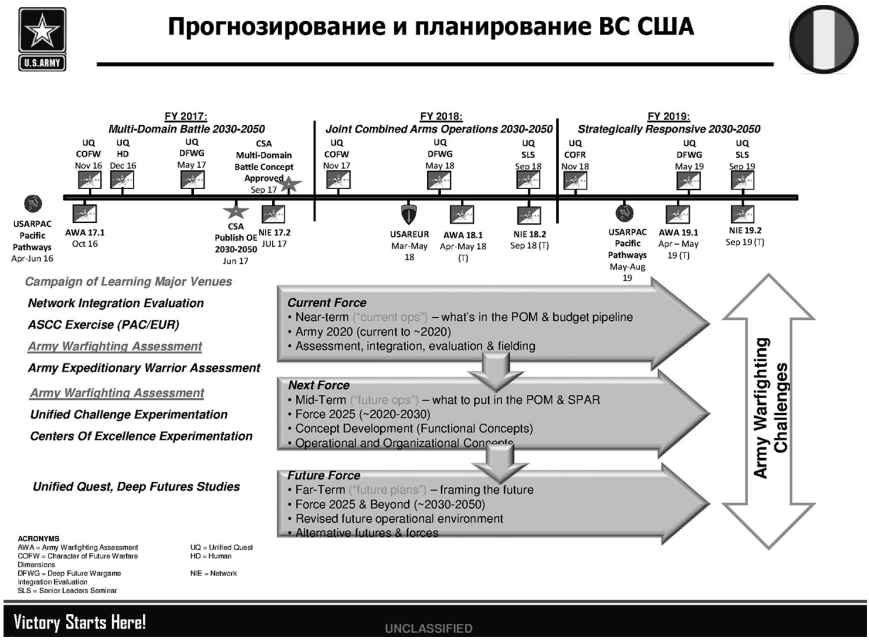


Рис. 14.24[78].



Рис. 14.25[79].



Рис. 14.26[80].

мира, предполагающие развитие универсальных военно-технических возможностей ВС США.

С точки зрения стратегического развития России после 2025 года это означает, что США создают потенциал для своего глобального участия в силовой политике во всем мире, а России требуется это учитывать в той степени, в какой это будет затрагивать её национальные интересы.

Ясно, как минимум, что такой потенциал может быть использован силами общего назначения против России как по периметру её границ, так и на основных стратегических направлениях, хотя основными видами вооруженных сил будут ВВС и космические силы, а также ВМС США и их союзников, предоставив «честь» сухопутных операций против России, как всегда, своим европейским союзникам.

В качестве иллюстрации этих тезисов можно привести три примеры организационного подхода ВС США (рис. 14.24–14.26).

14.7. Основные критерии «Сценария №3» развития России в период 2025–2050 годов

1. Государственное управление: «Строгий нейтралитет».

В условиях военного противоборства различных ЛЧЦ России предстоит проводить политику строгого нейтралитета, который:

— обеспечил бы невмешательство внешних сил в её внутренние дела;
— контроль и высокую управляемость;
— способность предотвратить втягивания в войну.

Эти обстоятельства диктуют необходимость не только мобилизационной экономики, но и авторитарного управления страной, сосредоточения абсолютной власти в руках президента, отмены выборов и действий оппозиции.

2. Территория: «Жесткий контроль».

Борьба ЛЧЦ требует от России соблюдения строгого нейтралитета, который, в свою очередь. Предполагает исключение любой возможности использования территории или акваторий какой-либо из сторон.

3. Природные ресурсы: «Время торговать».

Война требует особенно много ресурсов. Поэтому для России может настать период, когда её ресурсы будут повышенно востребованными воюющими сторонами. Так, как это было для США в годы Мировых войн, которые прекратили их в основного поставщика ресурсов для коалиции.

4. Население: **«Демографический взрыв».**

Война на внешнем контуре всегда ведет к росту эмиграции и численности населения, прежде всего тех, кто в свое время по разным причинам покинул Россию. На фоне очень быстрого роста численности населения и качества человеческого капитала в мире состояние демографических ресурсов и НЧК России приобретает исключительное значение. Для сравнения: в 2013 г. глобальный уровень крайней нищеты (1,90 долл. США в день) не превысил 11%, то есть снизился на ⅔ по сравнению с 35% в 1990 г.

Снижение оказалось наиболее ощутимым в странах Восточной Азии и Тихоокеанского региона, где число людей, проживающих ме-

нее чем на 1,90 долл. США в день, сократилось с 60,2% в 1990 г. до 3,5% в 2013 г., и в регионе Южной Азии, где это число сократилось с 44,6% до 15%. Уровень крайней нищеты в Китае, составлявший 66,5% в 1990 г., в 2013 г. упал до рекордной отметки в 1,9%. Доля работающих с низким уровнем дохода, проживающих менее чем на 1,90 долл. США в день, в 2015 г. составила 10% от общего числа занятого населения в мире. Доля населения, страдающего от голода, снизилась с 15% в 2000–2002 гг. до 11% в 2014–2016 гг.

Сокращение смертности в период с 1990 по 2015 г. уровень детской смертности в возрасте до пяти лет сократился больше чем на половину. Самое резкое сокращение наблюдалось в регионе Африки к югу от Сахары, где проблема носила наиболее острый характер. Несмотря на то, что в беднейших домохозяйствах вероятность того, что ребенок доживет до своего пятого дня рождения, крайне

Несмотря на то, что в беднейших домохозяйствах вероятность того, что ребенок доживет до своего пятого дня рождения, крайне мала, уровень смертности детей в бедных домохозяйствах снижается намного быстрее, чем среди других групп населения мала, уровень смертности детей в бедных домохозяйствах снижается намного быстрее, чем среди других групп населения. Уровень материнской смертности также существенно снизился по сравнению с 1990 г.: по состоянию на 2013 г., на 45% в мировом масштабе и на 64% в Южной Азии. Возможности получения профессиональной медицинской помощи расширились: в 2014 г. роды, проходившие при участии квалифицированного медицинского персонала, составили 71% от общего числа в мире, тогда как в 1990 г. этот показатель составлял лишь 59%.

Здоровье населения Земли также улучшается. В развивающихся регионах, по сравнению с 1990 г., число людей, страдающих от недоедания, сократилось почти в два раза. В 2013 г. вакцинация от кори была проведена среди 84% детей во всем мире. Охват двойной вакцинацией от кори в мировом масштабе увеличился с 15% в 2000 г. до 53% в 2013 г., что привело к сокращению ежегодно регистрируемых случаев кори на 67%. В период с 2000 по 2013 г. благодаря вакцинации против кори было спасено порядка 15,6 млн жизней. Такие позитивные сдвиги привели к резкому снижению показателя предотвратимой детской смертности. Общий

же уровень смертности снижается в силу целенаправленных усилий по борьбе с малярией, туберкулезом, корью, ВИЧ и СПИДом.

В период с 2001 по 2015 г. удалось предотвратить свыше 6,8 млн смертей от малярии, во многих случаях среди детей30. Число случаев заражения ВИЧ-инфекцией тоже сократилось с 3,5 млн в 2000 г. до 2,1 млн в 2013 г. Благодаря широкому распространению антиретровирусной терапии в период между 1995 и 2013 гг. было предотвращено 7,6 млн случаев смерти от СПИДа. Уровень смертности от туберкулеза снизился в результате усилий, направленных на профилактику, диагностирование и лечение этого заболевания, позволив сохранить 37 млн жизней в период с 2000 по 2013 г.

В этой связи предлагаю рассмотреть предыдущий опыт демографического прогноза, сделанного почти 10 лет назад, сравнив его с фактическими результатами по состоянию на начало 2018 года (без учета населения Крыма), который существенно отличается от ожидавшегося. Так, в начале второго десятилетия предполагалось, что демографическое развитие России пойдет по трем вариантам, которые сознательно ограничивались:

1) **оптимальный**, реализуемый при комплексном задействовании эффективных мер по стимулированию рождаемости, поддержки семьи, материнства и детства, по реализации антиалкогольной и антитабач-

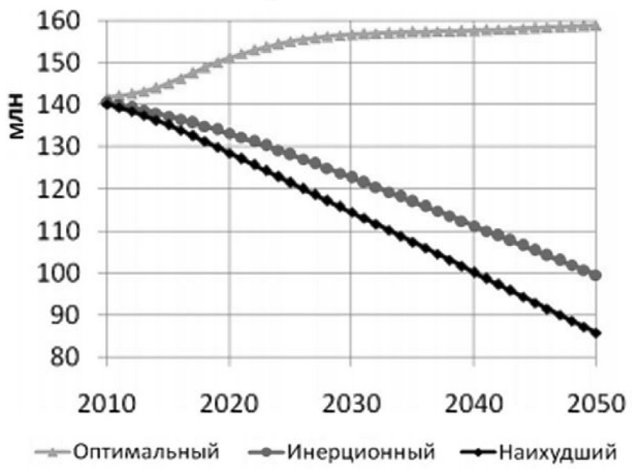


Рис. 14.27. Динамика численности населения России в 2010–2050 гг.:
в предположении постоянного миграционного прироста на уровне 2007 г.

ной политики скандинавского типа и кардинальному улучшению качества работы системы здравоохранения; в этом случае к 2025 г. население России увеличится до 155 млн чел., а к 2050 г. оно возрастет до 159 млн чел., что явится замечательным результатом.

Данный прогноз совпадал с соответствующим оптимальным прогнозом, полученным в работе, где он достигался благодаря сочетанию быстрого экономического роста и оптимального перераспределения доходов в обществе с целью снижения бедности и избыточного неравенства доходов до приемлемого уровня для обеспечения социально-политической стабильности;

2) **инерционный сценарий**, рассчитанный в условиях сохранения нынешних тенденций в предположении постоянства демографических показателей, причем показатели повозрастной смертности на уровне 2006 г. и рождаемости на уровне 2007 г.; поданному сценарию население России к 2050 г. снизится до уровня в 100 млн чел., что весьма нежелательно;

3) **наихудший вариант**, рассчитанный при условии ухудшения ситуации с рождаемостью и смертностью, возвращения показателей смертности и рождаемости к пессимистическим значениям 1990-х гг., достаточно печален и приведет к падению численности населения России к 2050 г. до уровня 85 млн чел., т.е. к сокращению на 55 млн чел.

Итак, инвестирование в человеческий капитал должно было быть главным приоритетом государственной политики России, поскольку разница между численностью населения при оптимальном и инерционном сценариях развития составит почти 60 млн чел. Именно это имел в виду великий писатель и гуманист Александр Солженицын, когда утверждал, что главная задача современной России — это «сбережение народа».

В действительности получился некий четвертый вариант — средний между «оптимальным» и «пессимистическим», — в силу очень непоследовательной политики федеральных и местных властей. Прирост численности населения оказался минимальным, преимущественно за счет миграции, т.е. вымирание удалось остановить, но и прогресса в численности и качестве населения не достигнут. Стагнация в демографической области стала ведущей тенденций в развитии не только экономики, но и НЧК России.

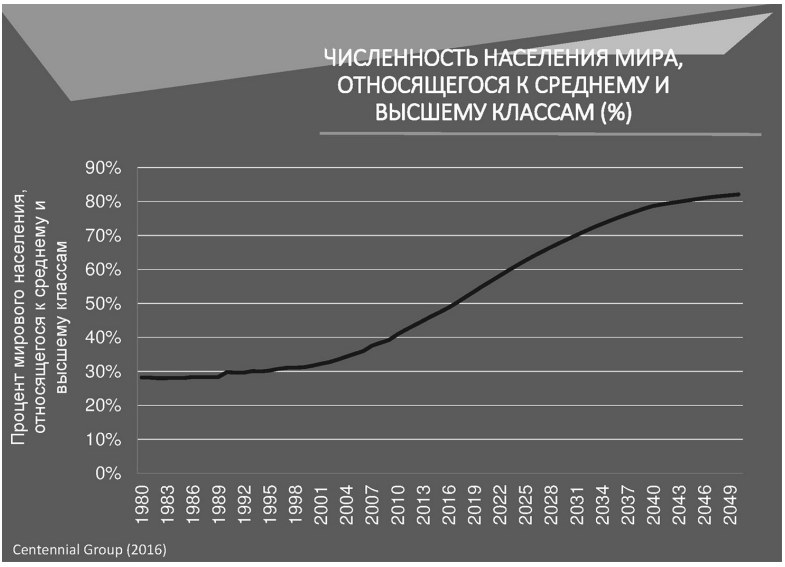


Рис. 14.28[81].

Соответственно при сохранении этой тенденции, как результата всех мер по стимуляции рождаемости, сокращению смертности и стимулированию иммиграции, после 2025 года следовало бы ожидать сохранения этой же тенденции стагнации, т.е. численности населения России на уровне 150 млн человек.

При этом, сохранение всех негативных последствий, характерных для демографии развитых стран, практически гарантированно, а именно:

— резкое снижение численности молодежи и её доли в населении страны, что означает сокращение мобилизационных возможностей;
— сокращение численности женщин репродуктивного возраста, что неизбежно программирует на 2025–2050 годы, как минимум, стагнацию в демографическом развитии России;
— снижение в целом уровня образовательного и креативного потенциалов НЧК;
— увеличение доли среднего и креативного класса.

5. Экономика:

Развитие России по «оптимистическому» сценарию предполагает, что так или иначе будет происходить сопоставление её темпов развития с некими внешними факторами. Наиболее оптимальным представляет-

ся такой субъект, как Индия. В отличие от России, там с 1991 г. наблюдается непрерывной рост объема ВВП Индии. В 2004 г. ВВП Индии составил 215,7% от уровня 1991 г., а в 2015 г. — 481,6%.

Структура производства валовой добавленной стоимости за последние 24 года претерпела некоторые изменения. Постепенно происходило снижения доли сельского хозяйства, с 29,4% в 1991 г. до 17,4 % в 2014 году. Доля промышленности, напротив, увеличилась с 25,4% в 1991 г. до 30% в 2014 году. Доля сферы услуг с 1991 г. увеличилась на 7,4% и в 2014 г. составила 52,6% (табл. 14.5).

За эти же годы Россия в реальности потеряла до 50% своего ВВП (номинально увеличив его на 120–130%, планируя увеличить его до 2025 года на 1,5% ежегодно и отказываясь от долгосрочного планирования вообще. Если это произойдет, а внешние угрозы не изменят ситуации, то Россия будет отставать от Индии в 20–25 раз по общему показателю развития за весь период 1990–2050 годов, что можно объяснить только как … абсолютное военное поражение.

Изменение в долях мирового производства России и Индии по сути отражают их национальные стратегии развития за последние

Таблица 14.5. Динамика ВВП и структура производства валовой добавленной стоимости Индии в 1991–2015 гг.[82]

Год	Индекс ВВП (1991=100)	ВВП в текущих ценах, млрд долл. США	Промышленность, объем ВДС в % от ВВП	Сельское хоз-во, объем ВДС в % от ВВП	Сфера услуг объем ВДС в % от ВВП
1991	100,0	274,8	25,4	29,4	45,2
1995	126,8	366,6	27,4	26,3	46,3
2000	170,3	476,6	26,0	23,0	51,0
2005	235,7	834,2	28,1	18,8	53,1
2010	347,6	1708,5	27,2	18,2	54,6
2011	370,6	1815,9	32,5	18,5	49,0
2012	391,5	1825,0	31,7	18,2	50,0
2013	417,4	1863,2	30,8	18,3	50,9
2014	447,7	2042,4	30,0	17,4	52,6
2015	481,6	2073,5	—	—	—

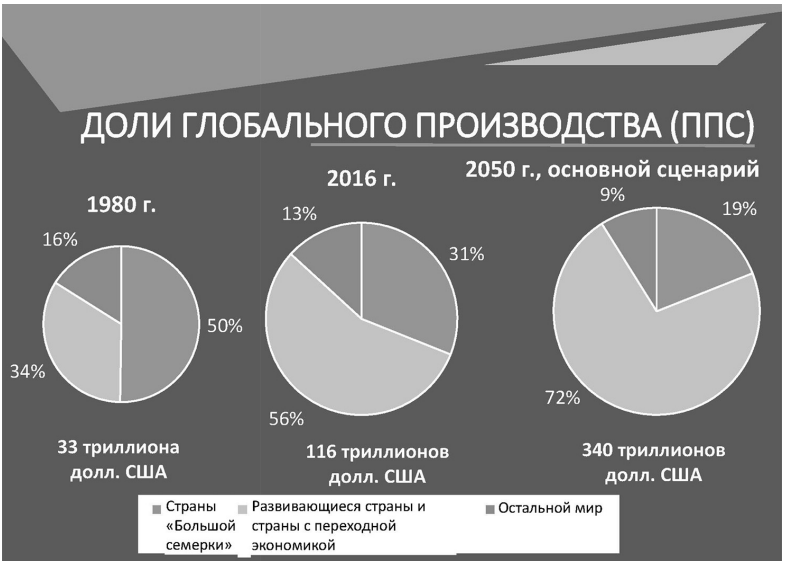


Рис. 14.29[83].

30 лет и перспективы не только экономик, но и наций. Из диаграммы видно, что к 2050 году у Индии и России абсолютно разные стратегические перспективы: в одном случае ЛЧЦ займет доминирующее положение, а в другом — скатится к статусу локального государства. Но такие радикальные перемены не могут обойтись без вооруженного насилия, в том числе и прежде всего со стороны быстро развивающегося государства, которое будет требовать своей «доли» в мировых природных ресурсах.

Эта «доля» — земля, пресная вода, полезные ископаемые и т.д. — для быстро развивающейся Индии, чья численность населения быстро перевалит через порог в 1600 млн человек, буде неизбежно «востребована» правящей элитой Индии, которая превратится из миролюбивой и толерантной в требовательную и воинственную, сделав претензии Индии к России неизбежными. Впрочем, не только Индии.[83]

Как видно из диаграммы (рис.14.29), геополитические приоритеты неизбежно возобладают к 2050 году над политическими и социальными, сделав конфликт неизбежным. Россия в этом конфликте окажется неизбежно в качестве проигравшей стороны даже не смотря на отсутствие общих границ, территориальных споров и прочих атрибутов.

6. Наука и образование:

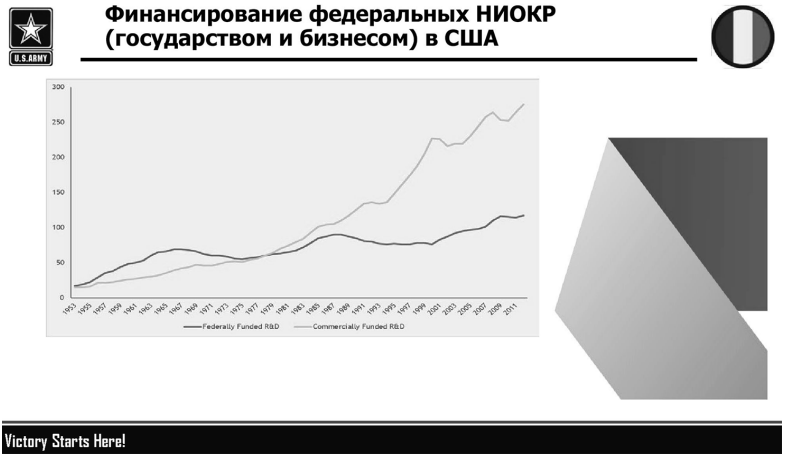


Рис. 14.30[84].

7. Вооруженные силы:

Сравнивать между собой наработки России, США и других стран в области гиперзвукового оружия стоит с крайней осторожностью, так как их подавляющая часть прикрыта завесой секретности, и по поводу реально достигнутых результатов есть только отрывочные сведения, отмечает эксперт Центра стратегий и технологий С. Денисенцев.

Гиперзвуковые летательные аппараты приобретут широкое распространение после 2030 года, заявил американским журналистам куратор научных разработок в ВВС США Дж. Захариас. Эволюцию гиперзвукового оружия он видит следующим образом: в 2020-х годах будут приняты на вооружение отдельные модели гиперзвуковых ракет и беспилотников.

Десятилетие спустя производство скоростных разведывательных беспилотников уже будет поставлено на поток. А в 40-е годы XXI века появятся гиперзвуковые платформы, с которых военные смогут запускать различные типы летательных аппаратов. Примерно к этому же моменту появятся и многоразовые беспилотники-разведчики.

«В целом такие сроки выглядят достаточно реалистично. Если посмотреть нынешние американские наработки, то стоит выделить, например экспериментальный гиперзвуковой беспилотный летательный

аппарат X-43, который по программе «Hyper-X» создают НАСА вместе с военными. Или программу гиперзвукового летательного аппарата Falcon HTV-2, который ведет DAPRA совместно с ВВС США. То есть уже реализуются вполне конкретные проекты, речь не идет о чем-то далеком и фантастическом», — комментирует ФБА «Экономика сегодня» эксперт.

Из российских проектов в этой области наш собеседник выделяет российскую гиперзвуковую противокорабельную ракету «Циркон», которая может быть принята на вооружении уже в 2018 году. В свою очередь авторитетный американский журнал National Interest считает, что Россия даже опережает США в разработке гиперзвукового оружия.

У России и Китая с высокой вероятностью гиперзвуковое оружие будет уже к 2020 году[85].

Помимо «Циркона», который очень близок к серии, издание выделяет крылатые ракеты воздушного базирования X-32, которым не хватает до гиперзвуковых скоростей совсем немного, а также глайдер для межконтинентальной баллистической ракеты РС-28 «Сармат», известный как «объект 4202» или Ю-71. Об американском глайдере Advanced Hypersonic Weapon информации практически нет, а вот прототип гиперзвуковой ракеты X-51A, по мнению издания, пока демонстрирует нестабильную работу.

«Сравнивать между собой наработки России, США и других стран в области гиперзвукового оружия стоит с крайней осторожностью, так как все наработки являются секретными, а по поводу реально достигнутых результатов есть только отрывочные сведения, причем они иногда могут выглядеть противоречиво в информационном пространстве. Не стоит забывать и про множество сопутствующих проблем, связанных не только с достижением гиперзвуковой скорости, но и с успешным наведением этой системы.

Для того, чтобы наработки в этой области можно было бы назвать оружием, та же ракета должна не просто быстро летать, но и поражать цели. Отдельная проблема связана с экономикой технологии, потому что гиперзвуковые летательные аппараты совершенно точно будут дороже, чем дозвуковые и сверхзвуковые ударные средства, так как в их конструкции используются более технологичные материалы. Хотя

многие работы по гиперзвуку ведутся еще с 70–80-х годов прошлого века, внедрить их мешает, в том числе и дороговизна технологии», — отмечает С. Денисенцев.

Как считает военный эксперт А. Леонков, у России и Китая с высокой вероятностью гиперзвуковое оружие будет уже к 2020 году, в то время как у США оно появится только между 2030 и 2035 годами[86].

1 *Симчера Я. В.* О качестве роста // Фокус, 2017. Июнь. — С. 50.

2 *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3.

3 См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

4 Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — Т. 1. — 796 с.

5 Сравнительная история нефтезависимых экономик конца XX — начала XXI века / http://carnegieendowment.org/files/200317_CarnegieReport_2017_layouts.pdf

6 См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

7 *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

8 *Арзуманян Р. В.* Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. — М.: АНО ЦСОиП, 2015. — 334 с.

9 Сравнительная история нефтезависимых экономик конца XX — начала XXI века / http://carnegieendowment.org/files/200317_CarnegieReport_2017_layouts.pdf

10 Там же.

11 *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3.

12 Сравнительная история нефтезависимых экономик конца XX — начала XXI века / http://carnegieendowment.org/files/200317_CarnegieReport_2017_layouts.pdf

13 Там же.

14 См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

15 *Фролов А. Л.* Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике, 2016. Январь–февраль. — №1. — С. 45.

16 См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[17] См. подробнее: *Подберёзкин* А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[18] Там же.

[19] *Платив С.* Ликбез по-американски. 2017. 12 марта / Эл. ресурс: «Life» / http://life.ru/t/политика/983285.

[20] ЕС и Восток в 2030 году / Сценарий 4: Разделенный дом / http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/11146–20150522.pdf

[21] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[22] Там же.

[23] ЕС и Восток в 2030 году / Сценарий 3: Разделенный дом / http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/11146–20150522.pdf

[24] Там же.

[25] См. подробнее: *Подберёзкин* А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[26] ЕС и Восток в 2030 году / Сценарий 3: Разрушенный дом / http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/11146–20150522.pdf

[27] *Фролов А. Л.* Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике. 2016. 13 января. — С. 52.

[28] Joint Operating Environment (JOE) 2035. The Joint Force in a Contested and Disordered World / Chiefs of Staff. — Wash.: 2016. 14 July. — P. 5.

[29] *Грин Р.* 33 стратегии войны / Р. Грин; [пер. с англ., Е. Я. Мигуновой]. — М.: РИПОЛ, 2016. — С. 58.

[30] См. *Подберёзкин А. И.* Значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. — М.: Дипломатическая академия МИД СССР, 1989.

[31] США разгадали план Китая по уничтожению Америки / Эл. ресурс: «Лента.ру» , 11.02.2018.

[32] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» / Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №1 (52). — С. 18–19.

[33] См. более подробно о тенденции в развитии внешней политики США: *Подберёзкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[34] *Орлов А.* Перспективы развития тактики и оперативного искусства форм и способов вооруженной борьбы по опыту минувших войн. 08.11.2016 / http://csef.ru/ru/articles/print/7222

[35] Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. А. А. Дынкина; ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. — М.: Магистр, 2017. — С. 40.

[36] См. подробнее: *Подберёзкин А. И*. Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[37] *Подберёзкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[38] Summary of 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 2018, January 18.

[39] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 307–333.

[40] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[41] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[42] *Грин Р*. 33 стратегии войны. — М.: РИПОЛ классик, 2017. — С. 31.

[43] *Подберёзкин А. И* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[44] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–53.

[45] Цит. по: *Кокошин А. А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. — М.: МГУ, 2013. — С. 127.

[46] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберёзкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с.

[47] См. подробнее: *Подберёзкин А. И*. Третья мировая война против России: введение в концепции. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[48] Этот анализ приватизации в открытом виде был сначала опубликован в книге: Подберёзкин А. И. (и др.) Приватизация и приватизаторы. — М. : Вече, 2004.

[49] *Дембинская Н*. Запас прочности: Зачем Россия скупает всё больше золота? / Эл. ресурс «РИА-новости» / https://ria.ru/economy/20180227/1515321475.html

[50] Там же.

[51] *Кравченко Л*. Демографический откат 2017 года / Эл. ресурс: «Ньюслэнд». 2017.14.11 / www.newsland.ru. 2017/14/11/

[52] Там же.

[53] Там же.

[54] Там же.

[55] Там же.

[56] Там же.

[57] Там же.

[58] https://rueconomics.ru/309111-protrezveli-ot-moroza-kholoda-vnov-dokazali-evrope-nezamenimost-rossiiskogo-gaza#from_copy

[59] *Ермолаев С*. Формирование и развитие нефтегазовой зависимости Советского Союза / Московский центр Карнеги, 2017. 31 марта / http://carnegieendowment.org/files/CP_Ermolaev_2017_Rus_web.pdf

[60] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин А.И. и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 307–312.

[61] Подробнее: О чем правительство сказало и о чем умолчало на РБК: https://www.rbc.ru/economics/05/05/2017/590b5f449a794702ed8d31f2

[62] *Рогозин Д.О.* Лучше один дорогостоящий удар, сто ударов без разбора // Коммерсант, 26 февраля 2018 г.

[63] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 324–331.

[64] Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America / Wash., 2018.18.01.

[65] *Сивков К.* Эсминцы в битве концепций / Военное обозрение, 20.08.2017.

[66] См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017.

[67] *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. — С. 152–164.

[68] *Арбатов А.Г.* Как спасти систему контроля над ядерным оружием / Эл. ресурс: «2035»/2035 media / 2018/02/22.

[69] Там же.

[70] Там же.

[71] Будущее России в глобальной экономике / под общ. ред. И.Ю. Юргенса. — М.: Эко-Информ, 2015. — С. 13.

[72] Там же.

[73] *Симчера В.* Мир накануне больших перемен / Сайт ЦВПИ. 18.02.2018.

[74] Там же.

[75] *Кокошин А.А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. — М.: МГУ, 2013. — С. 158.

[76] См. подробнее о правящей элите и институтах: *Подберёзкин А.И.* Национальный человеческий капитал. Т. 3. — М.: МГИМО–Университет, 2011.

[77] См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[78] Capabilities Information Exchange (CIE) 15 December 2016 / The Warfighters' Science and Technology Needs Mr. Meneghini (STRACD) / file:///C:/Documents%20and%20Settings/333/%D0%9C%D0%BE%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/Downloads/capabilities-information-exchange%20.pdf

[79] Там же.

[80] Там же.

[81] Мир в 2050 году: Глобальные мегатренды Харидер Коли / http://group-global.org/sites/default/files/prezentaciya_harindera_koli_rus.pdf

[82] База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // hllp://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicatons. Расчеты авторов.

[83] Мир в 2050 году: Глобальные мегатренды Харидер Коли / http://group-global.org/sites/default/files/prezentaciya_harindera_koli_rus.pdf

[84] Capabilities Information Exchange (CIE) 15 December 2016 / The Warfighters' Science and Technology Needs Mr. Meneghini (STRACD) / file:///C:/Documents%20and%20Settings /333/%D0%9C%D0%BE%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/Downloads/capabilities-information-exchange%20.pdf

[85] *Петров А.* X-51A vs «Циркон»: сравнивать гиперзвуковое оружие РФ и США стоит с осторожностью. 6 Ноября 2017 / https://rueconomics.ru/287143-x-51a-vs-cirkon-sravnivat-giperzvukovoe-oruzhie-rf-i-ssha-stoit-s-ostorozhnostyu#from_copy

[86] Там же.

Глава 15
Основные сценарии развития России в период после 2025 года (и их варианты), основанные на новых парадигмах мирового развития: «Направление №2»

… было бы ошибочно отождествлять процесс принятия решений с теми или иными исследовательскими проектами. Речь идет скорее о востребованности результатов научного, т.е. в идеале — объективного осмысления…[1]

К. Боришполец, эксперт ПВПП

Исходным мотивом любой жизнедеятельности является потребность…[2]

М. Хрусталёв, политолог

Вероятные сценарии развития России после 2025 года, основанные на новых, а, тем более неизвестных, парадигмах развития человечества и нашей страны, будут определяться несколькими основными группами факторов, влияющих на формирование этих парадигм. На мой взгляд, эти группы будут следующими:

— новые парадигмы в области МО и ВПО в мире, коренным образом или существенно меняющим наши представления о системе международных отношений, безопасности, сотрудничестве и противоборстве субъектов и акторов-участников всей системы МО;

— новые парадигмы в области национального развития России, её системе ценностей, национальных интересов, организации общества и государства;
— новые парадигмы в области ресурсного обеспечения политики России в мире.

Попытаемся построить логическую модель возможных сценариев и их вариантов развития России после 2025 года (рис. 15.1), исходя из этих посылок. Вопрос о состоянии ВПО в мире после 2050 года — сугубо практический для целей стратегического планирования России. И не только для России. В КНР, например, на съезде КПК в октябре 2017 года заявили о создании через два 15-ти летних периода, к 2050 году, «нового передового социалистического общества». Таким образом, в Китае занимаются вполне конкретным долгосрочным политическим планированием на период после 2050 года уже сегодня.

С точки зрения конкретных потребностей ресурсов, возникающих неизбежно при долгосрочном планировании, можно выделить два принципиально различных подхода к такому долгосрочному прогнозированию и планированию, которые можно условно обозначить как «новые идеи» или «долгосрочное планирование». Первый предполагает, что любой долгосрочный прогноз представляет собой интерес постольку поскольку он может обозначить основные тенденции и идеи развития, а второй — потому, что он необходим для долгосрочного планирования деятельности. Первый основывается на поиске новых парадигм, а второй — на эволюции известных парадигм.

В результате сочетания этих двух подходов неизбежно появляется новое направление в сценариях развития России после 2025 года, которое я назвал «Направление №2» и коротко описал выше. Оно делится, как минимум, на три относительно самостоятельные «ветви» сценариев, отражающие реалии послевоенного мироустройства и развития ВПО:
— парадигма развития России и ВПО после серии военных конфликтов на ТВД или даже глобальной войны;
— парадигмы развития военного противоборства в новых, послевоенных условиях — новой парадигмы силового противоборства.

В нашем случае, когда речь идет о прогнозе развития ВПО и военно-политических аспектах планирования развития России после 2025 года,



Рис. 15.1. Логическая модель сценариев развития России и их вариантов на период 2025–2040 годов

необходимо, на мой взгляд, использовать оба подхода. При помощи первого подхода необходим поиск новых идеи и парадигм развития нации и государства после 2025 года. Второй подход предполагает планирование развития (НИОКР, испытания, внедрение и модернизация) современных систем ВВСТ требует очень длительного времени и является крайне дорогостоящим процессом. Так, цикл НИОКР может составлять 10–15 лет, а вместе с испытаниями и запуском в серию и 20–25 лет, при том, что каждое новое поколение ВВСТ стоит в несколько раз (а иногда и в десятки раз) дороже, чем предыдущее. Поэтому прогноз развития ВПО на 2040–2060 обязателен для военного планирования, как по политическим, так и по экономическим причинам по созданию и модернизации оружия[3].

С другой стороны, ускорение НТР и особенно технологической революции неизбежно ведёт к «технологическим рывкам», появлению новых парадигм, причем, не только области технологий, но и экономической, социальной и политической областях, предусмотреть которые сегодня невозможно или крайне трудно. Поэтому долгосрочный сценарий развития России после 2025 года неизбежно сталкивается

с проблемой постепенной смены основных парадигм в развитии, как всей человеческой цивилизации, так и МО, и самой России. Так, если парадигма, существующая в МО в 2017 года «Однополярного мира» во главе с США как лидером западной ЛЧЦ, еще только ставится под сомнение, то после 2040 года даже сами американцы признают, что она будет, в конечном счете, заменена на парадигму нескольких центров силы, представляющих разные ЛЧЦ. Или какие-то другие парадигмы.

Наконец, если исходить из высокой вероятности глобальной войны между несколькими ЛЧЦ и центрами силы до 2035 года, которая неизбежно вытекает из эскалации развития военно-силового сценария ВПО в 2018–2035 годы, то возникает неизбежный вопрос: с какими последствиями столкнется Россия в результате той или иной войны (конфликта)? Как минимум, такие последствия могут быть глобальными, региональными или локальными.

Это означает, что мы должны думать о том, как выжить и жить дальше после наступления таких последствий, а не просто констатировать состояние «катастрофа». Это также значит, что Россия со всех точек зрения должна иметь, как минимум, долгосрочный план подготовки национальных ресурсов, включая оперативных резервов, на период «после 2025 года». Это опять же говорит в пользу необходимости просчитывать самые разные сценарии, появляющиеся в результате реализации развития ВПО в соответствии с той или иной парадигмой. И в основу может быть положена информация и экспертиза, полученные в результате предыдущей работы.

15.1. Послевоенная парадигма: новая или старая?

Вдумчивые аналитики, ответственные политики и руководители должны взвешивать свои действия, а цивилизационных весах[4]

С. Белкин,
философ

Очевидно, что развитие событий в России и вокруг неё после 2025 года можно прогнозировать как развитие прежних парадигм (о которых я попытался рассказать выше), либо на основе новых парадигм,

вероятно возникших после 2025 года не только в МО и ВПО, но и в России. Причем возникновение этих парадигм в результате вероятной серии войн или глобальной войны следует признать неизбежным, т.е. степень вероятности развития человечества, МО, России в соответствии с неизвестными или малоизвестными парадигмами будет очень высокой. Достаточно привести пример с состоянием МО и ВПО в мире в 1914 и в 1917 году, а также внутриполитическим положением в странах-участниках, прежде всего в России, Германии и Австро-Венгрии, которые оказались в революционной ситуации.

Но возникновение новых парадигм затронуло и другие государства, включая США и Великобританию, которые внешне не оказались в эпицентре революционных изменений, но почувствовали на себе их последствия. В этой связи можно сказать, что Россию после 2025 года неизбежно ожидает смена парадигм в развитии как в силу внешних, так и в силу внутренних причин, избежать которых можно только при условии очень эффективной внутренней и внешней политики, учитывающей доминирующие современные тенденции. В этом случае появление и развитие новых парадигм будет происходить постепенно, эволюционно, сознательно. Этот политический процесс может стать управляемым и плановым, основанным на долгосрочном прогнозе.

15.1.а). «Точка отсчета» развития сценария после 2025 года

В современной истории сам мир является результатом насилия и поддерживается насилием[5]

А. Свечин,
военный теоретик

«Точка отсчета» в развитии того или иного сценария России была пройдена, на мой взгляд, к началу XXI века, когда ей была предоставлена возможность тихого продолжения самоуничтожения, либо возвращения субъектности — национальной и государственной. Страна, в лице В.В. Путина, выбрала сценарий медленной и непоследовательной реанимации к самостоятельному существованию. Вместе с тем со-

хранились различные варианты такого сценария в виде разных способов развития той или иной парадигмы[6], которые мною предлагались с 2014 года[7]. К основным из них можно, на мой взгляд, отнести следующие парадигмы развития ВПО в мире, связанные, повторю, так или иначе с единственным сценарием, в основе которого находилась логика эскалации военно-силового противоборства в последующие десятилетия, сделавшие войну или, как минимум, крупномасштабный конфликт после 2025 года неизбежными[8]:

— «**Послевоенная парадигма».** Вариант развития России в новых условиях МО и ВПО после глобальной войны 2025–2035 годов, в которой примут участие в той или иное мере все ЛЧЦ, и которая, в конечном счете, к трем глобальным последствиям:

а) последствиям развития России и её выживания после того, как война приведет к уничтожению основных центров человеческой цивилизации и, вероятно, к состоянию, когда человеческая цивилизация уже не сможет развиваться, а станет только деградировать на протяжении десятилетий пока не достигнет стадии самоуничтожения. Этот вариант сохраняет «островки» цивилизации в тех регионах, где военные действия не привели к полному уничтожению инфраструктуры, а экологические последствия не привели к прекращению биологического существования.

Отсюда возникает вполне конкретная задача обеспечить выживших тем минимально необходимым запасом ресурсов, который необходим после окончания глобальной войны. И не только воды, продовольствия, лекарств, одежда, но и средств производства, сырья и других ресурсов, необходимых для восстановления цивилизации. Очевидно, что та ЛЧЦ, которая сможет обеспечить себя этими ресурсами, получает шанс на выживание.

Более того, остается задача для выживших сохранения институтов управления и правопорядка, способность уцелевших к сопротивлению, что потребует специальных видов и систем ВВСТ в послевоенный период.

б) постепенного восстановления человеческой цивилизации после глобальной войны, которая может произойти, как минимум, в нескольких (но контролируемых в той или иной степени) вариантах и иметь совершенно разные последствия (от минимальных до максимальных)

для пострадавших в войне ЛЧЦ. В настоящее время в США происходят активные исследования в области оценки возможных последствий военного конфликта США и КНР, последствия которых оцениваются от 30% потери промышленного и демографического потенциала до 79% в зависимости от качества нападения и обороны.

Даже глобальная война между ЛЧЦ в разных регионах может по-разному отразиться как на участниках, непосредственно вовлеченных в конфликт, так и на тех, кто «краешком» оказался участником конфликта. Например, конфликт КНР и США в Ю.-В. Азии, даже с участием крупнейших субъектов ВПО — Индонезии, Индии, Японии и др. — совсем не обязательно закончится катастрофой для европейцев, которые могут остаться в стороне от военных действий, или жителей европейской части России.

Таким образом, даже глобальный военный конфликт между ЛЧЦ с применением ОМУ или огромных запасов вооружений, накопленных до этого, когда-нибудь завершиться. И не только полным уничтожением, но и сохранением части выжившего населения, которое будет восстанавливать свою жизнедеятельность в самых разных условиях. Эти варианты требуется прогнозировать, а подготовку к их реализации — планировать на долгосрочной основе.

— **«Парадигма продолжения военно-силового противоборства между ЛЧЦ» после 2025 года на уровне, который предшествовал крупномасштабному конфликту (конфликтам).** Это — своего рода парадигма инерционного развития ВПО, в условиях, периодического «смягчения» военно-силового давления и противоборства при сохранении контроля над усилением эскалации. Эта парадигма — экстраполяция развития ВПО в мире до 2025 года на более отдаленную перспективу — предполагает сохранение в той или иной степени современного уровня враждебности, который существует на высоком уровне, но не переходит грань глобальной войны между ЛЧЦ, центрами силы или коалициями.

Это известное состояние «Балансирование на грани глобальной войны» — состояние, которое, как показывает опыт 1950–1970-х годов, может быть как опасным, так и относительно длительным. Поэтому мы не можем исключать его повторения после 2025 года, хотя логика всех

сценариев военно-силового противоборства говорит об обратном. Эти условия ВПО «балансирования на грани войны» предполагают особый режим социально-экономического и военно-технического развития России, в частности, в рамках разных вариантов возможных сценариев:

— в рамках возможных сценариев и вариантов развития России, основанных, например, на уже известных, даже традиционных, парадигмах развития ВПО после 2025 года. Различные сценарии развития России в условиях относительно новых, но уже известных возможных сценариев развития ВПО, например, перехода западной ЛЧЦ к временному сотрудничеству или началу военных действий между западной ЛЧЦ и другими субъектами МО.
— в рамках возможных сценариев развития России после 2025 года, основанных на известных новых парадигмах отношений между отдельными ЛЧЦ. Так, развитие России после 2025 года может происходить под влиянием качественно новых отношений между отдельными ЛЧЦ, которые могут возникнуть уже к 2020 году, например:
— широкой коалиции суннитов и шиитов, с одной стороны, и китайской ЛЧЦ, с другой, в Евразии на антиамериканской основе;
— переходу индийской ЛЧЦ к активным внешнеполитическим и военным действиям;
— военным действиям западной ЛЧЦ против китайской ЛЧЦ.

Вполне вероятно, что даже в неблагоприятных условиях ВПО после 2025 года, характеризующихся масштабными последствиями войны, сохранятся возможности реализации сценариев, находящихся под приоритетным влиянием опережающих темпов развития национальных ресурсов. Как и после 2-ой Мировой войны СССР 1941–1945 годов, когда восстановительный период продемонстрировал очень высокие темпы роста экономики страны, я бы не стал исключать, возможности восстановления России. В особенности, если к этому будут созданы заранее предпосылки и ресурсы.

Эти возможные сценарии развития России после 2025 года — исходя из вероятности «точки отсчета» — в будущем в принципе могут основываться на трех видах российских ресурсов, ни один из которых пока что не используется достаточно активно. Это обстоятельство следует иметь в виду потому, что при любом варианте развития сценария

России после 2025 период восстановления потребует неких запасов ресурсов. Та страна, которая будет ими обладать хотя бы в минимальном объеме, сможет лучше и быстрее восстановиться. Так, «план Маршалла» позволил Европе пройти путь восстановления быстрее, чем СССР.

Поэтому необходимо думать о том, что может быть **после завершения** войны, которая когда-нибудь закончится. Это тем более важно, что в процессе войны, государства, как правило, полностью используют все свои ресурсы и запасы. Надо отчетливо понимать, что **политическая победа** может быть полной только в том случае, если победитель **сохранит минимум дееспособности.**

Во-первых, это самый главный современный ресурс — человеческий капитал, прежде всего творческие и духовные возможности нации, которые могут качественно, на порядки ускорить темпы развития общества и экономики. Уже сегодня НЧК наиболее передовых стран обеспечивает более 90% прироста ВВП и почти 100% прироста промышленной продукции[9]. Творчески-креативные возможности нации, даже отдельных личностей, могут обеспечить фантастически сильный рывок. Примеров тому множество. Так, например, изобретение Б. Гейтса и его коллектива — программное обеспечение — легко в основу современного этапа научно-технической революции и стало базой для нового периода экономического развития. Другой пример — оффшорное программирование Индии, которое обеспечивает стране доходы, превышающие доходы от экспорта нефти России, хотя математическая и программистские школы в России лучше индийской.

Но после войны 2024–2025 годов важно, чтобы нация сохранила возможности воспроизводства себя как биологического вида на данной территории.

Во-вторых, это огромные природные ресурсы России, которые обеспечивают сегодня не только энергетическую независимость, но и финансовую стабильность страны. Их глубокая переработка и экспорт могут дать стране новый шанс.

После войны потребуются некоторое время запасы, которые некому будет добывать в достаточном количестве, в особенности, если речь идет о тех запасов, которые исчерпываются в период военного конфликта.

В-третьих, максимальное использование выгод геополитическое положение между Востоком и Западом и контроль над транспортными коридорами Евразии.

Сказанное означает, что после конфликта Россия должна будет сохранить возможность контролировать свои границы и транспортные коридоры.

В-четвертых, требуется учесть и те возможные, более того, даже наиболее вероятные (но мало известные) сценарии развития России после 2025 года, находящиеся под приоритетным влиянием новых парадигм в развитии национальной элиты и качества управления.

Речь идет, прежде всего, о том, что после серьезных национальных потрясений — войн, революций, непродуманных реформ и т.д. — нация и её правящая элита могут собраться, отмобилизоваться и выдвинуть новые идеи, ценности и смыслы, которые приведут к стремительному расцвету. Прежде всего, это могут быть возможные сценарии развития России после 2025 года, находящиеся под влиянием новых парадигм в системе национальных ценностей и интересов, которые будут сформулированы в российском обществе. Например, если в самом высшем приоритете окажется качество человеческой личности и НЧК.

В любом случае, как представляется, период 2024–2025 годов станет периодом «смены парадигм» для России, который, к сожалению, вероятно, будет сопровождаться усилением военно-силового противоборства или даже войны. Иными словами, этот период станет той «точкой отсчета» будущих сценариев, которые могут быть только сценариями и вариантами военно-силового противоборства, но иметь совершенно разные военно-политические последствия. По аналогии с другими периодами в истории России:

— Начала XVI века, когда польско-европейское нашествие угрожало существованию России;
— Начала XVIII века, когда война с объединенной Европой в лице наполеоновской Францией;
— Начала XX века, когда инспирированное англосаксами нападение на Россию привело к Мировой войне;
— Наконец, конца 30-х годов XX века, когда германо-европейское нашествие вновь поставило под вопрос существование страны.

Как и накануне тех периодов, вероятно, войны было бы не избежать, но подготовка к ней (которая велась в целом адекватно в России) могла бы быть более эффективной, а дипломатия — более прагматичной.

В этой связи полезно, как минимум, сделать обзор возможных новых парадигм и сценариев развития России и ВПО после 2040 года, которые могут послужить как толчком к новым идеям обеспечения безопасности страны, так и стать в будущем концепциями для стратегического планирования обороны.

15.1.б). Возможность и вероятность движения по той или иной парадигме развития России после 2025 года

Разум — вот отправная точка любой войны и любой стратегии[10]

Р. Грин,
военный теоретик

Движение России по той или иной парадигме развития, в данном случае — военно-силовой или «просто» военной — зависит от правящей элиты России в том случае, если она сделает принципиальный выбор в пользу защиты национальной системы ценности, либо капитуляции. Теоретически возможны оба варианта. И не только потому, что большинство правящих элит в государствах Европы и бывшего СССР к 2018 году выбрали второй путь, но и потому, что капитуляция для правящей российской элиты станет только первым шагом самоуничтожения нации и государства.

Именно поэтому послевоенная парадигма развития России выглядит наиболее вероятной после 2025 года (условно — после военного конфликта, серии конфликтов или войны) потому, что она является логическим, естественным, а потому и наиболее неизбежным сценарием развития. Инерция развития различных негативных сценариев и их вариантов ВПО после 2025 года уже в качестве послевоенных сценариев, представляется **наиболее вероятной.** Это объясняется тем, что развитие МО и ВПО после 2015 года неумолимо ведет к насыщению военными средствами и способами силового арсенала политики западной ЛЧЦ. Этот процесс — логичный с западной точки зрения — в 2014–2018 годы шел на удивление

быстро и последовательно, создавая ситуацию, когда правящие элиты противостоящих ЛЧЦ должны были сделать выбор — полная капитуляция, не предполагающая компромиссов, либо радикальное противоборство.

Разные элиты разных ЛЧЦ и субъектов МО к 2018 году выбрали разные алгоритмы поведения. Объявление Д. Трампом России и КНР «государствами-ревизионистами»[11], т.е. государствами, которые не согласны с созданным США к 2018 году мироустройством, — знаковое политическое событие, означающее бескомпромиссную борьбу Запада с этими государствами.

Вопрос о выборе также встал и перед российской правящей элитой накануне президентских выборов 2018 года, разделив её, по сути, на две части: тех, кто готов капитулировать и принять чужие правила и ценности, и тех, кто это сделать не готов. Логика событий сделала такой выбор неизбежным.

В самом деле, если сценарий «Военно-силового противоборства» западной ЛЧЦ после 2025 года и не перейдет в преимущественно военную фазу развития, то его переход до 2040 года становится **практическим неизбежен.** Военная коалиция западной ЛЧЦ не может до бесконечности заниматься повышением уровня эскалации. Если его военный этап не достигнут, то необходимы другие промежуточные силовые этапы, либо отказ от политики военно-силового принуждения и соответствующих амбиций.

Это означает неизбежное признание возможности и согласие на «передел» мира — ресурсов, правил, норм — со стороны западной ЛЧЦ, что совершенно не соответствует ни её характеру, ни интересам, ни системе ценностей. Их предстоит неизбежно менять, но готова ли к этому правящая элита Запада?

На мой взгляд, в 2018 году, — точно нет. Однако, может быть эволюция в этом направлении произойдет позже и к 2025–2030 годам правящая элита согласится на равноправные экономические и финансовые отношения? Если этого не произойдет (а пока что нет на это даже намеков), то «Военно-силовой сценарий» противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ и странами неизбежно пройдет все стадии силовой эскалации и накопления вооруженных средств и способов силового принуждения в своем арсенале до критического уровня.

Представляет собой несколько сценариев и вариантов развития ЛЧЦ и других субъектов МО после глобальной войны, в которой неизбежно примут участие большинство государств мира, но в разной степени, масштабах и на разных ТВД. Так, на мой взгляд, можно выделить следующие сценарии:

— сценарий развития ВПО после глобальной ядерной войны;
— сценарий развития ВПО после ограниченной ядерной войны;
— сценарий развития ВПО после войны на отдельных ТВД в различных вариантах — «европейском»; «центрально-азиатском», «тихоокеанском», «ближневосточном» и др.;
— сценарий развития ВПО после различных военных конфликтов;
— сценарий развития ВПО после продолжения «гибридного» конфликта;

и т.д.

15.2. Военно-силовой сценарий продолжения противоборства между локальными человеческими цивилизациями на новом уровне

Военная история показывает, что никто не знает, по какому сценарию будет развиваться война, если, она не дай бог, случится. Между тем, американская концепция мгновенного глобального удара не рассчитана даже на среднесрочный конфликт. А что будет, если противник не потеряет свой потенциал, или достаточно быстро восстановится? Тогда у армии США не хватит техники, а у солдат — мужества, чтобы защищаться. Если русские не поднимут белый флаг на первый день, то на второй — это придется сделать американцам[12]

Военные эксперты США

Какая парадигма отношений между ЛЧЦ будет доминировать в мире к 2050 году — прежняя, военно-силовая, или новая, пока еще не известная, — требует внимательного изучения потому, что на этот вопрос сегодня нет и не может быть однозначного ответа. Во всяком случае, нельзя исключать вариант, что нарастание военно-силового

противоборства почти неизбежно приведет к глобальной войне, после которой всегда наступал мир. Наступит ли такой мир после новой глобальной войны и каким он будет? На этот вопрос мы пока что, повторюсь, однозначно ответить не можем, но можем вполне обоснованно допустить, что существующая и вероятная логика военно-силового противоборства (известная парадигма развития ВПО после 2025 года) может привести теоретически, как минимум, к следующим результатам:

Во-первых, победе одной из коалиций ЛЧЦ — китайской, западной, исламской, индийской или российской в результате глобальной войны с использованием или без применения ОМУ;

Во-вторых, к самоуничтожению всей человеческой цивилизации в результате потери политическими властями контроля над эскалацией военного конфликта или сознательным нежеланием достижения промежуточных договоренностей;

В-третьих, прекращению военной эскалации еще до уровня глобального конфликта на уровне локальных и региональных конфликтов и конфликтов на отдельных ТВД (например, ближневосточном или среднеазиатском), как это уже случалось в прошлом;

Наконец, в-четвертых, сохранения военно-силового противостояния на уровне до наступления прямого и масштабного вооруженного противоборства.

Очевидно, что все эти возможные сценарии в той или иной степени вполне реалистичны, хотя, наверное, найдутся и другие, в т.ч. и более оптимистические. Прогноз после 2025 года (т.е. через 13–15 лет) можно сравнить с аналогичным временным отрезком с конца прошлого по второе десятилетие нынешнего века, но умноженным на поправку ускорения технологического и социального развития, как минимум, в 1,5 раза. Это означает, что перемены после 2025 года сопоставимы с переменами в экономике, технологии и политико-социальном устройстве человечества, происходившие в предыдущие 40–45 лет. Другими словами, если мы хотим сопоставить эту временную данность с новейшей историей нашей страны, то можно «отсчитать» от 2017 года 40–45 лет, оказавшись примерно во второй половине 70-х годов прошлого века. И посмотреть, какова разница окажется между этим прошлым и сегодняшним настоящим. Грубо говоря, состоянием науки, общества и экономики при Брежневе и при Путине.

С экономической, социальной и политической точек зрения это будет качественно иной период развития. Конец брежневской эпохи, который мы сегодня называем «застоем», с экономической точки зрения характеризовался низкими темпами роста ВВП в 2,5–3%, которые мы сегодня называли бы среднемировыми (желательными) темпами развития, достаточно низкими душевыми доходами 90% населения, которые для нынешних 60–70% граждан были бы желательны, опытной, лучшей в мире армией, повоевавшей в Афганистане, чьи самые последние наработки (самолеты, системы ПРО–ПВО и т.д.) мы рассматриваем как модернизацию ВВСТ[13].

С другой стороны, мы видим удивительный прогресс в области информатики и связи, качества жизни (для 15% граждан) и образования (для половины желающих), распространения религиозных институтов, возможностей для туризма и отдыха. В частности, по результатам исследований крупнейшей публичной социологической маркетинговой компании Nielsen Holdings, проведенных в 2012 году, фиксируются два лидирующих по уровню доверия источника рекламной информации: рекомендации друзей и знакомых (90%) и онлайн — отзывы потребителей. В России эти показатели несколько ниже и составляют 86 % и 55% соответственно. Все остальные виды СМИ демонстрируют падение доверия к ним как к источнику рекламной информации. В 2012 году исследование Nielsen показало снижение уровня доверия к рекламе на телевидении, радио, в печатной прессе на 24%, 20% и 25% соответственно по сравнению с 2009 годом.

Ту же тенденцию падения доверия к традиционным каналам СМИ в глобальном масштабе демонстрируют исследования компании Synovate Comcon 2011 года. Если в 2007 году телевидению как источнику информации доверяли 47% населения 7 обследованных стран (включая Россию), то в посткризисный период уровень доверия остановился на отметке в 35% и не имеет тенденции к росту. В отличие от интернета, которому доверяли 40% респондентов, и намечался подтвердившийся рост показателя[14].

Подобных противоречий очень много и результат очень не однозначный потому, что достоверный стратегический прогноз сценариев развития МО–ВПО и России после 2025 года, основанный на методах экстраполяции или интерполяции прежних тенденций, явлений и па-

радигм, маловероятен в силу закономерностей переходного периода, который переживает человечество сегодня. Прежде всего, качественных изменений во всех областях человеческой жизнедеятельности, которые неизбежно решительно повлияют на политические, экономические военные отношения между субъектами МО и ВПО.

Этот «переходный период» означает практически полную смену экономических и технологических формаций, социально-политических моделей и базовых ценностей, которая фактически уже началась в первом десятилетии нового века и отчетливо проявилась после кризиса 2008–2011 годов. Но если до 2025 года эти изменения парадигм не имели решающего, масштабного, всеобъемлющего характера, либо их последствия были частично прогнозируемы, то после 2025 года, как ожидается, влияние новых парадигм будет становиться абсолютно решающим, т.е. наступит «фазовый переход» человечества из одного состояния в другое, который приведет к появлению после 2025–2040 годов качественно нового общества, экономики и, как следствие, качественно новой международной обстановки.

15.2.а). Доминирование старых военно-силовых парадигм

Сохранятся ли какие-то старые парадигмы и в какой степени сохранится их влияние — это один из ключевых вопросов стратегического прогноза. Именно соотношение влияния между старыми и новыми парадигмами будет оказывать решающее влияние на развитие сценариев МО–ВПО и России. Очевидно, например, что если в МО и стратегии западной ЛЧЦ сохранится старая парадигма уже после 2040 года, нацеленная на военно-силовое уничтожение России как нации и государства, то экстраполяция вполне приемлема. Напомню, что в 2017 году США, западная ЛЧЦ в целом, ставила задачу относительно будущей МО и ВПО как сохранение американского контроля, а применительно к России — развал и раздел страны при фактическом уничтожении нации.

В августе 2017 года редактор влиятельного британского журнала The Economist Э. Лукас в не менее влиятельной британской газете Times высказал давнюю мечту англосаксов «… экономика России базирует-



Рис. 15.2.

ся на незаслуженных (да, именно так и написано!) доходах от добычи и продажи природных ресурсов». Это — отнюдь не оговорка, а давняя стратегическая линия: лишить народы, «незаслуженно» владеющие землями, этих земель по примеру индейцев или австралийских аборигенов. Покойный Збигнев Бжезинский задолго до 2017 года писал: «… Россия, и в сегодняшнее время, — эта та же сердцевина земли — Хартланд — каковой ее концептуально определил в прошлом МакКиндер. Завоевать или расчленить Хартланд на части — это залог мировой гегемонии США», а также и говорил в одном из интервью: «Россию необходимо расчленить на три отдельные государства — одно с центром в Петербурге, другое с центром в Москве, а Сибирь отделить в отдельное государство». Естественно, продолжает он, чтобы ресурсами этих территорий ведала бы не Россия, а «цивилизованный мир». «Цивилизованный мир» — это, — справедливо считает А. Попов, литературный псевдоним американкой гегемонии в мире[15].

На мой взгляд (если следовать предыдущей логике) следует рассмотреть, как минимум, четыре группы факторов, где может сохраниться

влияние прежних парадигм и — что важнее — появится решающее влияние новых парадигм на формирование сценариев и их вариантов развития России после 2025 года. В зависимости от степени их влияния, как представляется, и будут формироваться те или иные сценарии развития России.

Первая группа факторов — внешние факторы, влияющие на формирование сценария развития России, — включающая, в свою очередь, четыре подгруппы факторов, о которых говорилось выше:

— развитие и роль субъектов МО–ВПО;
— международные и национальные акторы и их влияние на МО;
— глобальные тенденции;
— и человеческий капитал и его институты.

Ниже мы рассмотрим два направления этого влияния (МО–ВПО и ЛЧЦ). Здесь же можно констатировать, что внешнее влияние на развитие России в будущем приобретет критически важное значение. Это означает, что нельзя не только сколько-нибудь ответственно говорить о политике изоляционизма, но и о сколько-нибудь автономном существовании экономической и политической системы России. «Врастание» России в глобальные процессы будет только усиливаться, а сочетание этого с необходимостью сохранения суверенитета и идентичности приведет к поиску новых форм синтеза традиций и новых реалий.

Вторая группа факторов, влияющих на формирование новых парадигм развития России, — объем и качество национальных ресурсов России, прежде всего НЧК и его институтов, а также природных ресурсов и материальных активов.

Можно констатировать, что от темпов развития этих ресурсов, в особенности ресурсов человеческого капитала, будет зависеть непосредственно способность сохранения суверенитета и национальной идентичности в условиях нарастающего военно-силового противоборства ЛЧЦ. У России есть единственный шанс обеспечить выживание — качественное развитие НЧК. Проблема заключается, однако, в желании и способности правящей элиты воспользоваться этим шансом.

Третья группа факторов — состояние базовой системы ценностей и национальных интересов, влияющих непосредственно на суверенитет и национальную идентичность России.

В стратегической перспективе следует ожидать развитие синтеза системы национальных и общечеловеческих ценностей и интересов, когда их взаимопроникновение может привести к доминированию системы ценностей той или иной ЛЧЦ и нации. Особенно если соотношение экономических, технологических, информационных и иных сил будет очевидно не в пользу российской ЛЧЦ.

Это — наиболее опасный процесс для России, в результате которого происходит не просто размывание системы национальных ценностей, но и их поглощение одной из ЛЧЦ.

Наконец, **четвертая группа** факторов — качество правящей элиты, эффективность государственного и общественного управления нацией и Россией. К сожалению, последние десятилетия были свидетельством того, что большинство неудач и провалов в российской политике объяснялось именно низким качеством управления.

Качество правящей элиты и её управления станет критически важным фактором в будущем для развития России, который будет определяться во многом, в том числе качеством стратегического прогноза и планирования.

В соответствии с динамикой развития влияния этих основных четырех групп факторов, определяющих сценарий развития России после 2025 года, можно выделить несколько возможных сценариев, которые условно можно разделить на две большие группы в зависимости от степени вероятности. Для долгосрочного прогноза именно степень вероятности является, на мой взгляд, решающим критерием. Прежде всего, потому, что возможных сценариев развития субъекта и МО в долгосрочной перспективе может быть бесконечное множество — от космических и экологических до социальных и информационных, — но их простое игнорирование или недооценка могут привести к катастрофическому опозданию в оценке реалий. Но для практических целей необходимы те, наиболее вероятные, сценарии, которые необходимо специально выделить из всех возможных. Более того, даже среди таких вероятных сценариев (которые, как правило, являются логическими) важно вычленить их конкретные варианты, ибо любой такой сценарий реализуется практически в одном из своих конкретных вариантов. Так, например, очень абстрактный сценарий развития отношений между ЛЧЦ, может

быть конкретизирован в нескольких десятках сценариях развития МО, а те, в свою очередь, в наиболее вероятных сценариях развития МО и их конкретных вариантах[16].

Эти конкретные наиболее вероятные варианты развития МО проявляются в возможных и вероятных сценариях развития ВПО и их конкретных вариантах. В свою очередь эти конкретные варианты развития ВПО детализируются в сценариях развития СО, войн и конфликтов.

Наибольшее прикладное значение имеют именно эти последние конкретные варианты развития ВПО и СО, ведь от них зависит направление в приоритетах создания ВВСТ и военного искусства. Парадокс, однако, заключается в том, что ответы на эти вопросы возможны только после того, как будут получены ответы на более общие вопросы о будущем МО и отношениях между ЛЧЦ, более того, о влиянии новых парадигм развития человечества в основных областях[17]. Именно поэтому в долгосрочном прогнозе развития важно изначально определить две основные группы сценариев развития:

Возможные, т.е. теоретически возможные любые сценарии и их варианты развития России после 2040 года, находящиеся под влиянием появления и развития новых парадигм. В этом случае допускается и приветствуется обоснованная фантазия на любую тему, имеющую отношение к будущему человечества, региона Евразии и России, или любого субъекта, актора МО–ВПО, а также той или иной тенденции.

Надо отметить, что в последние годы за рубежом и в России были разработаны большое количество научных и футуристических работ, посвященных попыткам долгосрочных прогнозов, некоторые из которых были признаны вполне удачными. Число и качество таких работ резко возрастает, а способность собирать и обрабатывать быстро огромные объемы информации, учитывать не десяток–другой, а тысячи факторов в режиме фактически одномоментном, делает такие прогнозы с каждым днем все более обоснованными. В частности, можно привести пример прогноза развития средств нападения и обороны, сделанного в Концерне ВКО «Алмаз-Антей», который учитывает одновременно развитие нескольких сотен тысяч факторов и объектов.

Значительно развивается и методическая, и теоретическая база таких долгосрочных прогнозов, над которой сегодня трудятся тысячи

ученых за рубежом и в России. Новые разработки, методики и модели делают обоснованность развития тенденций и субъектов МО будущего очень привлекательными для практического использования.

Отдельно необходимо сказать о **наиболее вероятных сценариях и их вариантах** развития России, на основе новых парадигм, о которых мы имеем определенное представление уже в настоящее время. Их можно и необходимо выделить из всего спектра возможных сценариев. Опыт показывает, что, как правило, таких бывает ограниченное количество. В этом случае мы пытаемся прогнозировать развитие знакомых и появление ожидаемых парадигм.

В качестве иллюстрации такого возможного (но не наиболее вероятного) сценария развития МО–ВПО до 2040 года может рассматривать, например, нарастание напряженности между КНР и возглавляемой ею ЛЧЦ (до 100 млн китайцев, проживающих за рубежом), с одной стороны, и западной ЛЧЦ, с другой. Причем не только на межгосударственном, но и на межцивилизационном уровне. События в марте 2017 года во Франции, когда произошли массовые акции протеста китайских граждан, доказывают, что подобное развитие событий не так, уж невероятно. Особенно в связи с быстро растущей экономической, политической и военной мощью КНР в мире, которая станет к 2040 году, безусловно, как минимум, соизмеримой с США.

Уже сегодня этот процесс подкреплен военно-стратегическим потенциалом КНР, который быстро увеличивается, и может являться потенциалом не только ядерного сдерживания США, но и обеспечения китайских интересов в мире. Как видно на карте, подготовленной специально для доклада Конгрессу США, территория США, а не только их союзников, стала в пределах досягаемости СЯС КНР (рис. 15.3).

Дальнейшее развитие военно-технических возможностей КНР и их военного потенциала до 2025 года приведет к фактическому равенству, а после 2025 года — реальному военно-стратегическому равенству — не только с США, но и со всей западной военно-политической коалицией. Этот процесс неизбежно отразится на внешнеполитических амбициях политической элиты КНР, которая (как считают некоторые китайские эксперты и политики) должна получить «компенсацию» за оскорбления, унижения и издержки предыдущих столетий со стороны Японии и Запада.

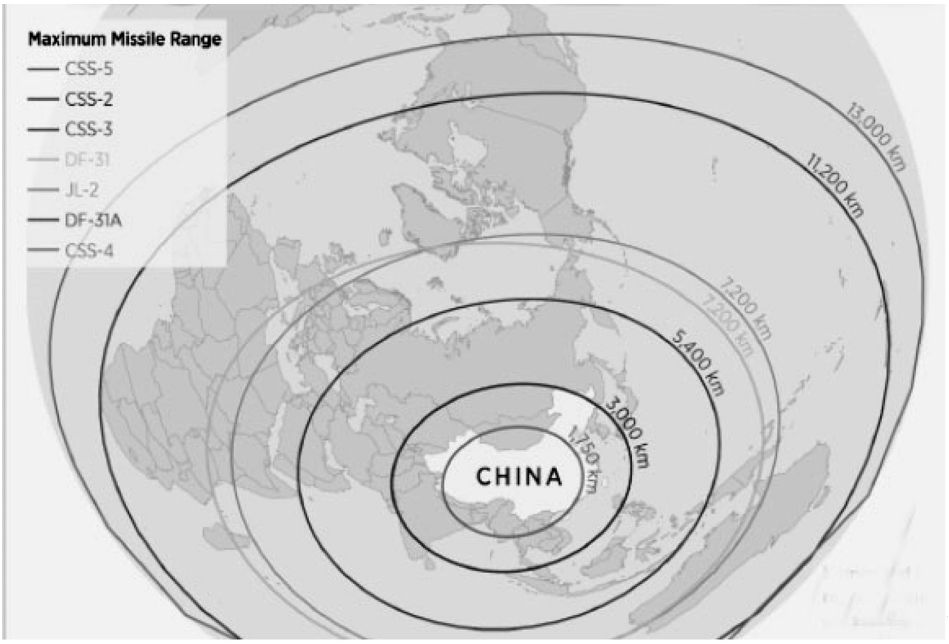


Рис. 15.3[18]. Достигаемость БР средней и большой дальности КНР

К числу таких наиболее вероятных будущих сценариев следует отнести прежде всего сценарии, вытекающие из неизбежного изменения в соотношении сил в мире после 2025 года. Закономерность «увеличения возможностей — ведёт к росту амбиций» вполне предсказуема в отношении КНР и отчасти Индии, которые после 2025 года потребуют изменить международную реальность в свою пользу. Тем более что некоторые реалии действительно несправедливы по отношению к этим странам. Полагать, что два новых экономических и демографических гиганта захотят остаться политическими «средневесами» — недооценивать амбиции их политических элит и прежних обид.

В любом случае как теоретически возможных, так и наиболее вероятных сценариев развития МО–ВПО после 2025 года может быть множество, а их влияние на сценарии развития России — самое разнообразное — от крайне негативного до позитивного. Можно рассмотреть, например, два направления развития влияния МО–ВПО на Россию в долгосрочной перспективе: собственно влияние различных сценариев МО–ВПО и влияние развития отношений между ЛЧЦ.

Иными словами, долгосрочный прогноз развития России после 2025 года — крайне необходимое, более того, — обязательное условие стратегического планирования. От его качества непосредственно зависит эффективность распределения национальных ресурсов, адекватность целеполагания и эффективность политической стратегии.

15.3. Возможные сценарии развития России, основанные на новых парадигмах после 2025 года

Действие цивилизационного поля во многом
Подобно действие магнитного поля: внешние (а также внутренние) силы
Время от времени меняют положение фигур на цивилизационной
Доске, но силы эти непостоянны…[19]

С. Хатунцев,
историк

Для прогноза наиболее вероятных сценариев развития России после 2040 года крайне важно предположить какими будут в это время основные известные парадигмы, определяющие наиболее важные стороны развития человеческой цивилизации. Особенно если речь идет о ЛЧЦ, центрах силы, коалициях и наиболее важных субъектах международных отношений. Так, например, в конце 1990-х годов общепринятой считалась парадигма господства либерализма как идеологии, модели политического и государственного устройства и основы для формирования системы международных отношений. Во втором десятилетии, однако, эта парадигма как универсальное явление, была поставлена под сомнение в целом ряде государств. Причем, в том числе, и тех — как Великобритания, Франция, Венгрия, — где она казалась абсолютной.

Парадигмы развития МО и ВПО после 2040 года имеют наиболее сильное прикладное политическое значение, но они являются во многом, прежде всего, следствием развития парадигм всей человеческой цивилизации, что делает их объективными факторами внешнего влияния, в минимальной степени зависящего от состояния России. И, наоборот, парадигма развития России после 2040 года наверняка будет иной, чем



Рис. 15.4. Логическая модель сценариев развития России и их вариантов на период 2025–2040 годов

парадигма, существующая в России в 2017 году, которая преимущественно антисоциальна и античеловечна.

Фундаментальные изменения в жизнедеятельности человечества в ближайшие десятилетия неизбежно ведут к не менее фундаментальным изменениям в мировой политике, отношениям между ЛЧЦ, государствами и нациями. Угадать, спрогнозировать или предположить последствия таких изменений точно невозможно, хотя практические потребности именно этого и требуют. Так, решение о создании авианосных соединений, отдельных видов и систем оружия, которые будут обеспечивать безопасность в 50-е и даже 60-е годы нашего века, принимаются сегодня, сейчас, а ВПО и тем более будущую СО в те годы мы пока что не можем прогнозировать даже приблизительно. «Цена» решения об авианосной группировке (тем более нескольких), которые могут быть приняты осенью 2017 года, может измеряться десятками миллиардов долларов и составлять значительную часть не только военного, но и всего федерального бюджета, а политическая целесообразность и военно-политические последствия этого решения будут сказываться до конца века.

Вместе с тем у нас есть все основания и возможности для экстраполяции влияния на Россию существующей ВПО на период «после 2040» года. Прежде всего в случае инерционного продолжения «Военно-силового сценария» противоборства западной ЛЧЦ, о котором говорилось выше.

Огромное влияние на формирование ВПО будет оказывать появление новых военно-технических парадигм, способных качественно изменить боевую эффективность существующих ВВСТ или привести к появлению принципиально новых ВВСТ. Так, создание ядерного оружия и средств его доставки буквально в течение пяти лет качественно изменило ВПО в мире, сложившуюся после Второй мировой войны. До этого, в годы Первой мировой войны, появление танков и авиации изменили характер ведения боевых действий и представления и войнах и конфликтах.

Уже в конце XX века появление ВТО, систем управления войсками, робототехники привело к созданию новых алгоритмов боевых действий и резкому повышению эффективности средств воздушно-космического нападения, ПВО и ПРО. Новые технологии неизбежно откроют и принципиально новые возможности уже до 2025 годов и создадут пока еще неизвестные до конца условия для военных действий. Так, появление новых средств связи под водой может резко повысить эффективность ПЛАРБ. Китайские физики впервые передали запутанные фотоны через воду. Разработка в перспективе может найти применение в организации защищенной линии связи между подводными лодками. Соответствующее исследование опубликовано в журнале Optics Express, кратко о нем сообщает New Scientist.

Эксперимент проходил в контейнере длиной три метра, наполненном водой из Желтого моря. В частности, физикам удалось передать квантовое состояние (поляризацию) фотонов, соответствующих длине волны 405 нанометров (сине-зеленый свет) со средней точностью 98%. Новые расчеты ученых показывают, что без потери данных через воду можно передать информацию на расстояние до 900 метров, предыдущие исследования дали меньшее значение — 120 метров.

«Идею подводной квантовой коммуникации обсуждали, но я не знаю никого, кто бы провел такой эксперимент, — сказал Т. Дженневейн из Университета Ватерлоо (Канада). — Очевидное приложение

эксперимента — подводная лодка, которая, оставаясь под водой, продолжает общаться безопасным способом».

Передача квантового состояния частиц нередко сопровождается потерей информации (фактически деполяризацией). Недавно китайские ученые впервые телепортировали частицы (фотоны) со спутника на Землю на расстояние 1,2 тыс. км.

Многочисленные примеры показывают, что после 2040 года ожидается либо качественное изменение существующих, либо формирование новых парадигм в развитии МО и ВПО, которые достаточно условно можно разделить на две большие группы — **сценарии развития МО «послевоенного мироустройства» и сценарии развития МО и ВПО «избегнувших войны».**

Во многом сценарии развития России после 2025 года будут формироваться под влиянием этих внешних факторов именно в силу их военно-силовых особенностей: война, как известно, радикально меняет все области социально-политической и экономической жизни нации. Именно поэтому, прежде всего из-за военно-силового вмешательства, сценарий развития России будет зависеть от внешних условий, а именно — от сценариев развития МО и ВПО.

15.3.а). Ожидаемые фундаментальные изменения (новые парадигмы)

Мир стоит на пороге колоссальных изменений. Исчерпание ресурса производительности классических отраслей экономики повсеместно приводит к развитию новых направлений роста. Это поменяет привычную нам экономику, а за ней общество и государства. Как это будет происходить, мы изучили на основе доклада ЦСР «Новая технологическая революция»

Что произошло с мировой экономикой, что ей срочно понадобилась «встряска»?

В конце 2000-х — начале 2010-х годов в большинстве развитых стран традиционные технологии производства приблизились к «потолку» производительности. Резко упала отдача от инвестиций — например, в США пятикратный рост вложений в основной капитал в 1980–2015 годов не привел к аналогичному росту производительности.

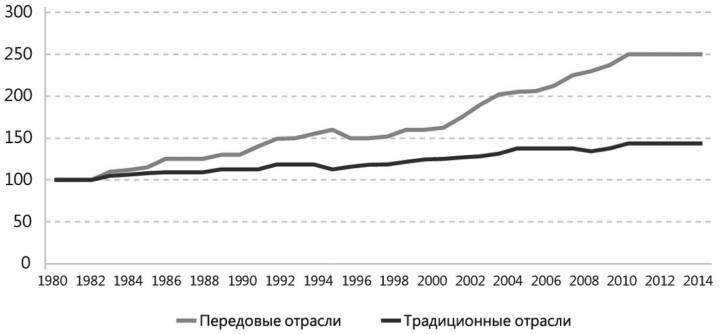


Рис. 15.5. Производительность в промышленности США, 1980–2015 годы (1980=100)

Источник: доклад «Новая техническая революция: вызовы и возможности для России»

Особенно это оказалось заметным в обрабатывающей промышленности, которая выступает основным заказчиком и потребителем продукции инновационно-технологических отраслей. Но к пределам производительности и эффективности традиционные технологии стали приближаться также и в неиндустриальных секторах экономики: сельском хозяйстве, транспорте, энергетике, здравоохранении, образовании и социальной сфере в целом. Кроме того, сказались последствия мирового экономического кризиса 2008–2010 годов. Темпы роста мирового ВВП до сих пор ниже, чем были до кризиса. Ниже стали и объемы инвестиций.

Как правило, государства приходили на помощь и стимулировали экономику?

Восстановление высоких темпов и производительности не получилось обеспечить за счет закачки в экономику «дешевых» денег в рамках госпрограмм и налогового стимулирования. Даже за счет снижения зарплат в промышленности и цен на сырье. Индустриально развитые страны начали проигрывать государствам с развивающейся экономикой (прежде всего Китаю).

Кроме того, развивающиеся страны смогли создать собственный внутренний рынок, который постепенно сформировал спрос на сложные технологические продукты и выступает самостоятельным источником экономического роста, в результате «новые индустриальные державы» уже не зависят исключительно от торговли с Северной Америкой, ЕС и Японией.

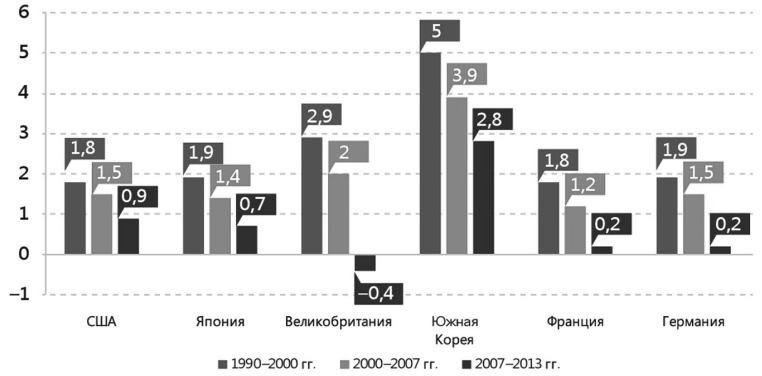


Рис. 15.6. Темпы ежегодного прироста производительности труда в отдельных развитых странах, в %, в среднем за период

Источник: доклад «Новая техническая революция: вызовы и возможности для России»

В этих условиях у развитых стран возникла острая необходимость в резком ускорении экономического роста за счет новых источников, в переходе к новой модели экономического роста. Для решения этой задачи во многих странах формируется новая научно-технологическая и инновационная политика. Ее цель — стимулировать разработку и внедрение передовых технологий, производительность которых существенно превышает характеристики традиционных.

В чем это выражается?

Эти масштабные изменения получили обозначение как «новая промышленная революция» или «четвертая промышленная революция». В ее основе лежит переход от массового производства стандартизированной продукции к гибкому высокопроизводительному производству, выпускающему индивидуализированную продукцию. При этом «сквозными» технологическими процессами становятся автоматизация, роботизация и интеллектуализация.

В чем заключаются ключевые отличия нового технологического уклада от прежнего?

Основными характеристиками новой технической революции являются цифровая трансформация и платформенный переход. В первом случае произойдет переход контроля и управления технологическими системами от аналоговой в цифровую форму. При этом они перемеща-

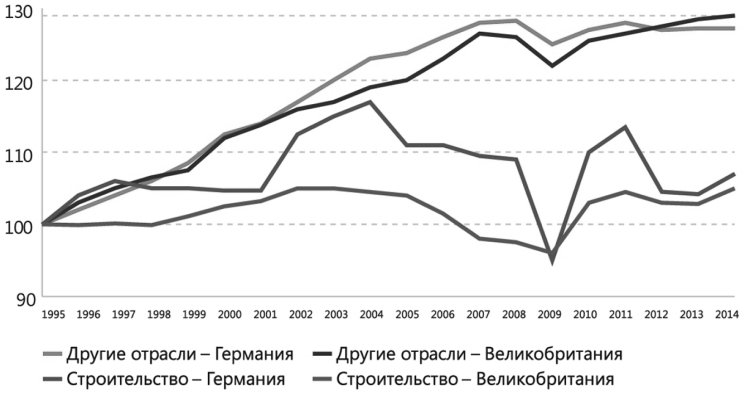


Рис. 15.7. Рост производительности строительной отрасли и в среднем по экономике (Великобритания и Германия)

Источник: доклад «Новая техническая революция: вызовы и возможности для России»

ются в цифровые «облака», а основным каналом и пространством обращения данных становится интернет.

А что такое платформенный подход?

Это возможность строить гибкие технологические системы — цифровые платформы — из отдельных модулей и приложений. Эти технологии позволяют подключить к единому информационному пространству людей, устройства и системы по всей цепочке создания добавленной стоимости, а также обеспечить доступ поставщиков, производителей и заказчиков ко всей необходимой информации в режиме реального времени. Это делает возможным развитие новых бизнес-моделей, преимущественно сервис-ориентированных, которые постепенно разрушают сложившиеся рынки. Пример — сервис заказа такси Uber, который выиграл конкуренцию у классических служб такси.

Когда производственные активы уйдут в цифровые облачные платформы, что станет источником прибыли?

Рынки приобретают сервисный характер, добавленная стоимость на производственных рынках сместится в сторону услуг, связанных в большей степени с обслуживанием и эксплуатацией продукта, нежели с его производством.

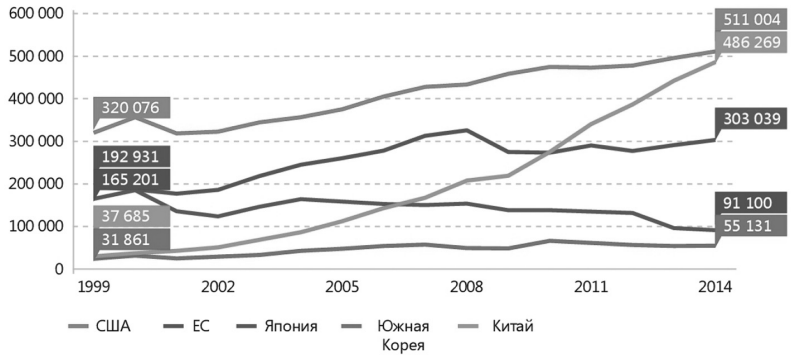


Рис. 15.8. Производство высокотехнологической продукции по отдельным странам и регионам, 1999–2014 годы
(по созданной добавленной стоимости, в млн долл. США)

Источник: доклад «Новая техническая революция: вызовы и возможности для России»

Появятся ли новые технологические страны — лидеры?

Трансформация глобальной экономической географии приведет к смещению роста в центры концентрации (разработки и применения) прорывных технологий. Будет сформирована новая система географических центров, в том числе вокруг ведущих предпринимательских университетов, объединяющих исследователей и разработчиков прорывных технологий, а также создателей и потребителей передовых продуктов и услуг. Это, в том числе, провоцирует рост конкуренции для традиционных промышленных регионов со стороны новых центров прорывных технологий.

Как будет реагировать на изменения финансовый сектор?

Это можно увидеть на примере сектора финансовых технологий — финтеха. Этот сегмент рынка, находящийся на стыке финансовых услуг и технологического сектора и размывает границы привычной финансовой индустрии. Применение новых технологий обеспечивает повышение качества, скорости, точности и надежности оказываемых финансовых услуг, повышение их доступности, эффективности и безопасности, развитие интуитивности сервисов, сокращение издержек. Развитие финтеха мобилизует альтернативные источники финансирования, кредитования и инвестиций, способствует появлению в экономиках так на-

зываемых «новых денег». Речь идет о развитии сегментов краудсорсинга, краудфандинга, краудинвестинга и соответствующих платформ (кредитование peer2peer, краудфандинга акций, краудфандинг недвижимости, роялти-финансирование).

Примером эффективности прорывных технологий может служить реализованный General Electric концепт brilliant factory — единой интеллектуальной системы конструирования, проектирования, изготовления, поставки, распределения и сервисной поддержки продукта. Виртуальное проектирование и производство, реализованные в рамках этого концепта, обеспечивают снижение производственных затрат на 10–50%, сокращение времени производственных процессов — на 20–70% и рост прибыли — на 10–50%.

«Умный завод» (автоматизация производства, цифровое прототипирование, информатизация, управление, основанное на предсказательных моделях) обеспечивает четырехкратное сокращение времени технологических процессов, рост выводов новых продуктов на рынок на 50–70%, рост прибыли — в два раза.

Оптимизация цепочки поставок в рамках цифрового производства (анализ данных в режиме реального времени, наблюдаемость и предсказуемость технологических процессов, подключенность к индустриальному Интернету всех производственных объектов) обеспечивают пятикратный рост предсказуемости производственных процессов, 40%-е снижение временных затрат на них, сокращение единиц используемого оборудования на 7–15%.

Следствием широкого распространения цифровых решений и прорывных технологий станут изменения не только в производстве, но и на рынках труда. В первую очередь это коснется сфер образования, здравоохранения, безопасности, а также других услуг, традиционно предоставляемых государством: весь спектр госуслуг станет электронным. Юридические и финансовые операции будут контролироваться по «цифровому следу». Возрастет объем безналичных финрасчетов. Небывалого расцвета достигнет онлайн-образование.

Под давлением технологической революции быстро перестроится качество услуг в социальной сфере — на базе цифровых и биологических технологий продолжится развитие медицины «4П»: превентивной/

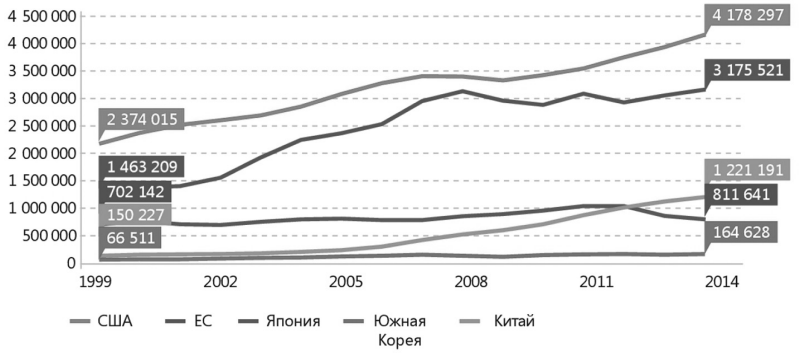


Рис. 15.9. Производство коммерческих наукоемких услуг по отдельным странам и регионам, 1999–2014 годы
(по созданной добавленной стоимости, в млн долл. США)

Источник: доклад «Новая техническая революция: вызовы и возможности для России»

предупредительной, прогностической, пациенто-ориентированной, персонифицированной. А в науке произойдут преобразования, связанные, прежде всего, с использованием «больших данных», искусственного интеллекта и цифровизации исследований.

Изменение структуры рынка труда в сторону роботизации производств будет иметь последствия для занятости в сегменте рабочих профессий. По прогнозам, к 2035 году в развитых странах роботы заместят работу, выполняемую сегодня людьми, в 25–30% видах профессиональной деятельности. Так что многие работники уже сегодня должны стремиться сами создавать себе работу и заботиться о ее рентабельности.

Потребность в создании инновационных бизнесов, их обновлении, а также выведении на рынок передовых технологических решений настолько большая, что эксперты говорят о серийном технологическом предпринимательстве как о новой профессии, в которую должны вовлекаться большие группы населения. Индустриально развитые страны под привлечение технологических предпринимателей и их подготовку уже в последние десятилетия развернули специальную инфраструктуру.

Индустриально развитые страны (США, Германия, Великобритания, Япония, Китай, Южная Корея и ряд других) приняли решение о развертывании новой технологической революции в виде государственной

политики. Кроме того, эти государства хотят сосредоточить у себя ключевые универсальные (цифровые) платформы, агрегирующие так называемые «стратегические данные» и алгоритмы их обработки.

Среди конкретных госпрограмм можно выделить, например, реализуемую в Германии с 2012 года промышленную стратегию «Индустрия 4.0» (Industrie 4.0) как один из десяти «проектов будущего» в рамках «Плана действий по реализации обновленной федеральной Стратегии в области высоких технологий». В США приняты «Стратегия инновационного развития», «Национальный стратегический план развития передовых промышленных технологий США», а также реализуется ряд профильных межведомственных инициатив, таких как «Инициатива генома материалов», национальные инициативы в сфере робототехники и т.п.

Великобритания реализует собственный план развития передовых производств, а также программу развития «Восемь великих технологий». В 2013 году Франция запустила программу «Новая промышленная Франция», в рамках которой реализуются проекты по 10 перспективным технологическим направлениям развития индустрий и технологий будущего.

В Японии запущен уже пятый пятилетний план развития науки, технологий и инноваций (2016–2020). Китай с 2015 года реализует программы «Сделано в Китае–2025» и «Интернет+». Кроме того, в июле 2017 года в КНР был утвержден «Национальный план стимулирования технологических разработок в сфере искусственного интеллекта».

Помимо традиционной активизации промышленной и технологической политики, практически все развитые страны с конца 2000-х годов увеличивают инвестиции в научные исследования — источник «прорывных» технологий.

15.3.б). Военно-политические последствия развития новых парадигм после 2025 года

К сожалению, существующая логика развития МО–ВПО с 2014 года по настоящее время говорит в пользу достаточно быстрого развития существующего «Военно-силового сценария», который к 2025 году вероятно приведет к полномасштабной войне. Причем эта война, фактически начатая Западом уже в 2015 году, вероятно, пройдет к этому времени



Рис. 15.10. Логическая модель сценариев развития России и их вариантов на период 2025–2040 годов

все этапы своего развития — от полномасштабного военно-силового противостояния, сложившегося к 2017 году, до войн между отдельными ЛЧЦ на отдельных ТВД и даже глобальной войны.

Другими словами, военно-силовая парадигма не только стала господствующей во втором десятилетии, но и стремительно распространяет свое влияние на будущее развитие любой ЛЧЦ, нации и государства, которые неизбежно поставлены в зависимость от развития этой парадигмы.

К числу таких возможных сценариев и их вариантов развития России в условиях развития военно-силовых сценариев МО–ВПО, непосредственно зависящих от развития новых парадигм , возникших в результате сползания, например, к итогу «послевоенного устройства», можно отнести:

Во-первых, сценарии, результатом развития которых явилось полное или частичное уничтожение основных противостоящих сторон — государств, наций и ЛЧЦ, и их ресурсов в глобальной войне с использованием ЯО, а также массового применения неядерных ВВСТ. Например, тысяч боеприпасов ВТО, планируемых сегодня к применению в США.

Действительно, если допустить, что планы развертывания по периметру России более 5 тыс. КР морского, воздушного и наземного базирования США будут реализованы (в дополнение к потенциалу других ВВСТ), то их применение, по аналогии с использованием против Ирака тысяч боеприпасов, неизбежно приведет к уничтожению значительной части экономического потенциала России. Этому не сможет помешать ничто, кроме глубоко эшелонированной системы ПРО–ПВО и нанесения ответного удара со стороны России.

Последствия таких войн с применением ОМУ предсказать крайне трудно. Это может быть «ядерная зима», полное уничтожение цивилизации, природы и экономики, а также основных групп населения планеты Земля.

Но могут быть и достаточно ограниченные последствия, катастрофичность которых не ставит под вопрос возможность выживания человечества и отдельных наций. Системы ПРО, ВКО, гражданской обороны, вероятная потеря систем управления ВС и ВВСТ в ходе конфликта, могут не допустить глобальной катастрофы. В результате таких войн и конфликтов «победителями» могут стать:

— та или иная ЛЧЦ, которая и будет формулировать правила и нормы поведения в мире;
— выжившая ЛЧЦ или государство, которых в наименьшей степени затронули военные действия;
— уцелевшие в результате военного конфликта ЛЧЦ.

Очевидно, что в результате подобного развития МО и ВПО «победит» выжившая (или наименее пострадавшая) ЛЧЦ или государство, что вполне определенно формулирует задачу: если не удается избежать вооруженного конфликта, то необходимо предусмотреть те условия, сохранения которых будут обеспечивать выживание ЛЧЦ или государства.

Именно это и означает, что Россия должна предусмотреть развитие ВПО по «наихудшему сценарию», т.е. сценарию выживания в глобальной войне. И соответственно предпринять максимум мер и средств для обеспечения своего выживания.

Во-вторых, нельзя полностью исключать сценарии, формирующиеся в условиях качественно новых парадигм МО, при которых доминирует **потребность сотрудничества**. Эта потребность в 2017–2025 годы

не будет доминирующей. Более того, правящие элиты западной ЛЧЦ могут её использовать только в целях политики «силового принуждения», однако риски военного конфликта и неуверенность в военной победе, а также сомнения относительно последствий такой победы могут отрезвляюще влиять на политику правящей элиты Запада.

Могут появляться новые условия и обстоятельства, требующие тех или иных форм сотрудничества. Это может привести к зарождению и превращению в реальные факторы политики новых сценариев развития МО и ВПО. В частности:

— Сценарии, находящиеся под доминированием новых экологических обстоятельств и парадигм;
— Сценарии**,** находящиеся под доминированием новых парадигм идеологий и религий;
— Сценарии, находящиеся под доминированием нехватки природных ресурсов и продовольствия;

15.4. Возможные варианты развития России после 2025 года, основанные на известных парадигмах сценария «глобальной войны»

Новая холодная война более изощренная по сравнению с прежней и не столь заметная. Пока она предполагает не столько ведение опосредованных войн в Азии или Африке, сколько взлом веб-сайтов и почтовых серверов; не дипломатические встречи на высшем уровне, а распространение «фальшивых новостей»; не угрозу термоядерного уничтожения, а размещение подстрекательской политической рекламы в социальных сетях. Причиной особой уязвимости Америки является не утрата ею военного превосходства, а разрушение нашей демократии и наша привязанность к технологиям…[20]

Редакционная статья в газете «Уикли Стандарт». 2017.5.11.

К числу наиболее вероятных вариантов сценария «Глобальный военный конфликт» развития ВПО в мире и России после 2025 года, находящихся под влиянием отчасти известных или ожидаемых парадигм,

можно отнести следующие варианты, которые, надо признать, являются вполне традиционными парадигмами развития отношений между субъектами МО на всем протяжении человеческой истории — борьба за ресурсы (торговлю, рынки, золото и т.д.), война за ценности (религиозные войны), война за контроль (за интересы) над ситуацией в мире/регионе.

Последние войны стали, надо признать, основными типами войн в XX и XXI веках. Тем не менее, мы должны рассмотреть вероятность реализации этих парадигм после 2025 года. Надо признать изначально, что все эти варианты не только известны, но и вполне вероятны, а некоторые, на мой взгляд, даже неизбежны.

15.4.а). Война за ресурсы

Вариант №1 сценария «Глобальный военный конфликт между ЛЧЦ за ресурсы». Этот сценарий представляет собой классический, традиционный сценарий военно-силового противоборства отдельных субъектов МО, которые объединены в военно-политические коалиции ЛЧЦ. Мировые войны XX века — яркая иллюстрация такого возможного варианта глобального военного конфликта. Как правило, перед такими войнами складываются военно-политические союзы и коалиции, которые направлены на объединение ресурсов вокруг стран-лидеров. В Первой Мировой войне такими лидерами были Германия и Великобритания, а во Второй — Германия и Советский Союз. В ходе Третьей мировой («холодной») войны военно-политическое противоборство не переходило в глобальное военное столкновение между СССР и США в силу разных причин[21].

На 2018 год уже известна военно-политическая коалиция западной ЛЧЦ, значительной части исламской ЛЧЦ во главе с радикалами, а также китайской и индийской ЛЧЦ, концентрирующихся вокруг этих государств. Оформляется — медленно и непоследовательно — военно-политическая коалиция во главе с Россией. Вполне вероятно создание латиноамериканской ЛЧЦ и других союзов и коалиций.

Борьба за природные ресурсы и транспортные коридоры — очевидные цели подобных коалиций и, как следствие, возможных военных конфликтов, которые станут предметом силового противоборства в то

время, когда соотношение сил позволит той или иной коалиции поставить под сомнение право другой коалиции контролировать ситуацию в мире или в том или ином регионе. Если в начале XXI века ВПО формировалась под влиянием двух основных групп факторов — стремления субъектов МО изменить сложившиеся нормы и правила, и стабильного состояния (нарастающего) противоборства, то к середине века эта логика еще больше обнажится в полной мере в борьбе за ресурсы, контролируемые той или иной ЛЧЦ и ее лидером.

Еще в первой половине XX веке наблюдалась определенная взаимосвязь между уровнем материального благополучия (душевого ВВП) и возможностью использовать природные ресурсы, которая ярче всего проявилась на примере СССР и других стран-экспортеров природных ресурсов: душевой ВВП не зависел от уровня и качества природных ресурсов потому, что существовал неэквивалентный обмен, в результате которого на мировом рынке сложился избыток природных ресурсов и недостаток технологий, качества НЧК и инвестиций. Именно поэтому наивысшие темпы роста душевого ВВП с конца 1950-х годов были в странах с небольшими объемами добываемых природных ресурсов, но с качественным НЧК, инвестициями и технологической политикой, а именно — в Японии, Сингапуре, Тайване, Южной Корее и западноевропейских государствах, где наиболее яркими примерами стали Испания, Ирландия, страны северной Европы.

И, наоборот, в СССР, где объемы экспорта природных ресурсов стремительно росли в 1960-е и 1970-е годы, прирост душевого ВВП замедлился, а позже и остановился.

Таким образом, во второй половине XX века основными факторами развития экономики в мире были инвестиции и технологии, а природные ресурсы выступали в качестве второстепенного и не очень важного дополнения к ним. Именно тогда и заговорили о «ресурсном проклятии» СССР, которое компенсировало неудачи в научно-техническом и технологическом развитии страны продажами на мировом рынке природных ресурсов. Чего, конечно же, не было.

Как не было и значимого соперничества среди мировых держав в борьбе за природные ресурсы и транспортные коридоры — и первых, и вторых вполне хватало для тех быстро развивающихся промышлен-

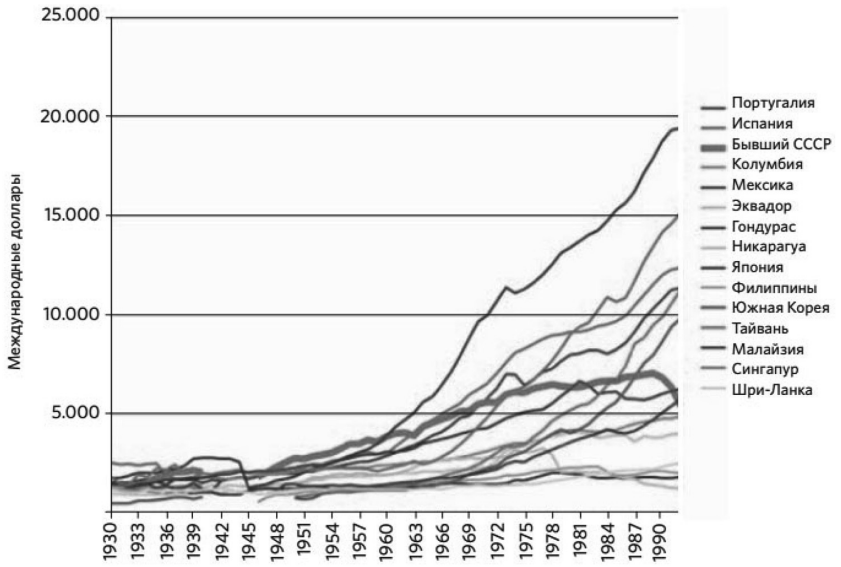


Рис. 15.11[22]. ВВП на душу населения в выборке из 15 стран с 1930 по 1990 год, в ценах 1190 года

ных держав, которые обладали возможностью экспортировать высокотехнологические товары. Классическим примером стали Япония и Тайвань, а также Сингапур (который вообще не имеет природных ресурсов), построивший один из крупнейших в мире НПЗ, перерабатывающий огромные объемы нефти.

Хорошим примером здесь также являются Соединенные Штаты. С начала XX столетия до 1974 года страна была мировым лидером по добыче нефти, однако страна никогда не упоминается как страдающая от ресурсного проклятия. Все дело в том, что, благодаря очень высокому уровню экономического развития, страна, несмотря на высокую энергоэффективность экономики, потребляла очень много нефти как в производстве, так и домохозяйствами — из-за сверхвысокого уровня автомобилизации — и даже была вынуждена импортировать нефть в огромных объемах. В 1988 году СССР потреблял 7,7 млн баррелей нефти в день — около половины потребления ее в США (численность населения СССР в то время — 286,7 млн человек, США — 244,5 млн человек, следовательно, потребление нефти на душу населения в Советском Союзе составляло лишь чуть более 40% от уровня США).

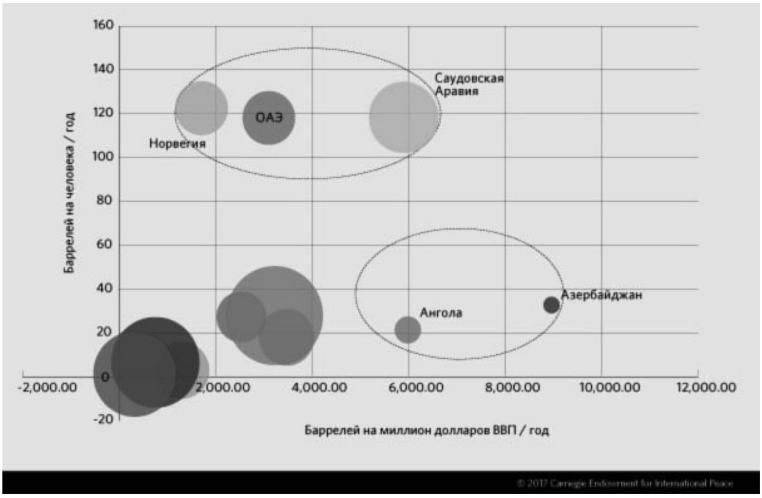


Рис. 15.12[23]. Нефтяная зависимость

Ситуация однако стала меняться с 70-х годов XX века, когда выросло энергопотребление не только прежних экономических гигантов (США и стран Западной Европы), но и новых быстро развивающихся государств. Цены стали стремительно расти, определяя конкурентоспособность товаров и услуг, а в целом — экономик всех государств. Сложилась ситуация, когда доступ к природным ресурсам стал обязательным условием экономического развития и сохранения социально-политической стабильности многих стран. Эта взаимосвязь в целом привела не только к росту зависимости от экспорта у большинства стран, но и увеличению социального расслоения среди населения других стран.

По мере развития экономик развитых государств и стабилизации темпов роста ВВП, а, главное, резкого роста темпов ВВП новых центров силы, прежде всего, КНР, Индии, стран Юго-Восточной Азии, Мексики, Бразилии и других, проблема потребления ресурсов приобрела характер постоянных споров за доступ к таким ресурсам, а также транспортным коридорам. Не смотря на увеличивающуюся добычу природных ресурсов, строительство дополнительных возможностей транспортных коридоров и успехи ресурсосберегающих и энергосберегающих технологий, потребление ресурсов опережает рост их запасов. Распространение электромобилей и развитие возобновляемой электроэнергетики идут быстрее, чем предполагалось, суля радикальную перестройку ми-

рового энергорынка и проблемы экономикам, зависимым от экспорта сырья, предупреждают аналитики Bank of America и Oxford Institute for Energy Studies[24].

Пик мирового спроса на нефть сдвигается на середину 2020-х годов, а с начала 2030-х потребление «черного золота» начнет снижаться, прогнозирует BofA. Сейчас 55% нефти уходит на производство горючего для автомобилей с двигателями внутреннего сгорания. Именно рост мирового авторынка обеспечил глобальный нефтяной бум последних 30 лет: в 1990 г., например, на бензин приходилось лишь 30% спроса на «черное золото».

«Но этот последний бастион нефтяного спроса падет уже в ближайшие 8 лет», говорится в обзоре американского банка: к 2023 году, как считают в BofA, электромобили начнут вытеснять традиционные авто, поскольку стоимость аккумуляторных батарей сравняется с затратами на производство бензиновых двигателей.

К 2030 году 40% всего автотранспорта в мире будет электрическим, а к 2050 году — 95%.

В этих условиях с 2025 года в мире начнет падать спрос на бензин, а с 2030 года — на нефть со скоростью 0,5% каждый год.

Для нефтяных экономик России и стран ОПЕК это грозит крахом модели, которая обеспечивала им существование в последние полвека, предупреждает Oxford Institute: экспортерам придется делить сжимающийся рынок сбыта, бороться за покупателей и снижать цены.

Следствием станет падение валютных доходов и возможный обвал национальных валют, констатируют эксперты, приводя в качестве примера обрушение рубля в 2014 году.

По данным ЦБ, в России 55% экспортной выручки, которая используется на оплату зарубежных товаров, услуг и технологий, поступает за счет нефти, нефтепродуктов и газа, цена которого в контрактах «Газпрома» привязана к нефтяным котировкам.

Отказ от бензиновых авто постепенно становится государственной политикой, причем не только в Европе, указывает партнер RusEnergy М. Крутихин: к Франции, Германии, Норвегии, объявивших о планах отказаться от двигателей внутреннего сгорания, неожиданно присоединились китайские автостроители, пообещавшие прекратить поставки

бензиновых и дизельных машин в Пекин к 2020 году, а по всей стране — к 2025 году.

По данным МЭА, Китай обеспечивает 40% роста спрос на нефть в мире. Производство электромобилей в Китае может достичь 1 млн штук в следующем году и 3 млн единиц к 2020 году, заявил в ходе съезда Компартии Сюй Хей, председатель правления автопроизводителя BAIC Group.

«Если еще в 2015 году сокращение глобального спроса на нефть прогнозировалось на 2035–2040 годы, то теперь может получиться, что конец нефтяной эры наступит несколько раньше. Миру потребуется больше не бензина с мазутом, а электроэнергии, то есть возникнет дополнительный спрос на природный газ и даже на уголь, несмотря на его экологически негативный имидж», — говорит Крутихин.

России в ее нынешнем состоянии такой поворот не сулит ничего хорошего: из всех оставшихся в недрах запасов нефти 70% официально отнесены к категории трудноизвлекаемых, что означает, что рентабельной их добыча может стать при ценах около 80 долларов за баррель, тогда как месторождения «легкой» в добыче нефти быстро истощаются.

«Новых крупных открытий давно нет, а новые проекты не замещают иссякающий поток нефти со старых промыслов. Падение цен на уровень $35–40 будет катастрофой для отечественной нефтяной отрасли и для всей российской экономики», — предупреждает Крутихин.

Появляются целые области дефицита ресурсов, которых прежде не существовало, например, пресной воды, которая в начале XXI века превратилась в важный и дорогой ресурс, который по своей стоимости в ряде стран превысил стоимость нефти.

Наконец, природные ресурсы превратились в важный фактор обеспечения внутриполитической стабильности, компенсируя издержки экономики и политики. Так, за счет энергоресурсов правящие элиты ряда государств смогли обеспечить не только высокие объемы ВВП, но и относительное благополучие самых разных слоев населения, фактически покупая их лояльность.

Таким образом, к началу третьего десятилетия XXI века ожидается, что быстрые темпы развития старых и новых мировых экономических лидеров будут во многом в возрастающей степени зависеть от доступа к природным ресурсам и транспортным коридорам, которые по объ-

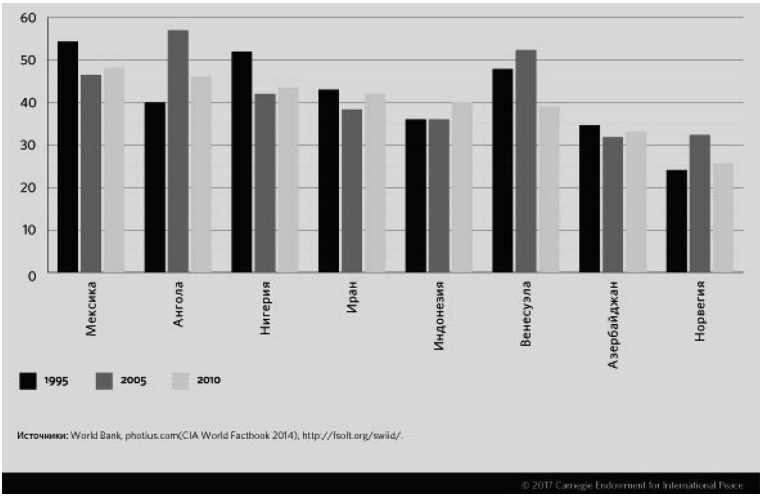


Рис. 15.13. Индекс Джинни

ективным причинам ограничены. Причем, чем выше темпы экономического роста и политические амбиции государств, тем меньше их возможности обеспечить себя относительно доступными ресурсами. Ни Китай, ни Индия, ни Мексика, ни Индонезия, ни Пакистан, ни иные быстро развивающиеся страны не гарантированы от того, что их экономики могут столкнуться с нехваткой природных ресурсов.

Этот факт отчетливо осознают, например, в КНР, где принятые осенью 2017 года на съезде КПК решения о развитии страны до 2050 года неизбежно столкнутся с проблемами природных ресурсов. Не случайно руководство КНР в качестве своей стратегии развития выдвинуло программу «Шелкового пути», которая фактически пытается поставить под политический и экономический контроль важные страны Евразии в интересах опережающего развития Китая.

С конца 2017 года мы наблюдаем, как в борьбе за природные ресурсы Евразии сталкиваются интересы двух лидеров ЛЧЦ — США и КНР, — которые на саммитах АТЭС и АСЕАН предложили свои видения будущего в этом регионе. Это видение (при всем совпадении экономических интересов) неизбежно будет конфликтным, причем во многом именно из-за борьбы за природные ресурсы и транспортные коридоры Евразии. Так, например, еще в 2014 году, в рубрике «Мнения» влиятельной газеты «Нью-Йорк Таймс» вышла статья Фрэнка Джейкоб-



Рис. 15.14.

са, ранее прославившегося в качестве составителя «Атласа картографических курьёзов». Сибирь богата ресурсами, земли там много, а людей мало, а в Китае много людей, которым земли не хватает. Это можно поправить: «Земля без людей для людей без земли»![25]

Свою статью «Why China Will Reclaim Siberia» Фрэнк Джейкобс (Frank Jacobs) начинает как раз с лозунга «A land without people for a people without land» (то бишь «Земля без людей для людей без земли»).

15.4.б). Газ как препятствие сотрудничеству Германии и России

Возможное создание некого абстрактного союза между Германией и Россией в стратегической перспективе — самый большой кошмар, преследующий США последние сто лет. На длительную перспективу такой союз означал бы не просто ослабление позиций США в Европе, но и потерю ими лидерства во всей западной ЛЧЦ. Реальность такого союза периодически возникала с начала XVIII века, когда Россия и Пруссия выступали совместно против Наполеона.

Именно опасность такого союза диктовала многие поступки Вашингтона в Европе в прошлом веке, а сделка СССР–Германии по по-

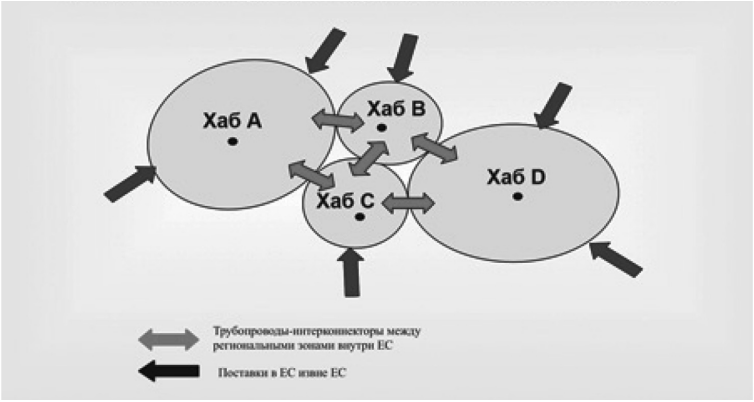


Рис. 15.15. Организация единого внутреннего рынка газа ЕС в соответствии с Третьим энергитическим пакетом ЕС (2009)

ставкам газа и нормализации отношений в 1970-е годы вызвала самую болезненную реакцию США. Именно эти основания, вкупе со стремлением США заработать на поставках сжиженного газа, легли в основание всей «интриги» по реорганизации рынка ЕС уже в наши дни: геополитика и экономика в данном случае полностью совпали. Вот как описывает эту ситуацию эксперт А. Конопляник: рис. 15.15.

«В сентябре 2016 года Директорат по энергетике Еврокомиссии (ДЭЕК) объявил тендер на проведение исследования о путях развития системы регулирования (европейского) рынка газа (Study on Quo vadis gas market regulatory framework), которое должно быть выполнено в течение 2017 года. На сайте ДЭЕК сказано, что «целью исследования является проведение доказательного анализа для определения, является ли современная система регулирования газового сектора ЕС наиболее эффективной с точки зрения максимизации всеобщего благосостояния ЕС или же необходимы ее корректировки, и если последнее верно, то предоставить рекомендации». Напомним, что эта система построена на основе положений Третьего энергопакета (ТЭП) ЕС[26].

ТЭП ЕС был принят в сентябре 2009 года и вступил в силу в марте 2011 года. ТЭП сформировал новую архитектуру единого внутреннего рынка газа ЕС, которая теперь построена по принципу совокупности рыночных зон на территории ЕС (см. рис. 15.16). Продажа газа во всех новых контрактах должна осуществляться на виртуальных торговых

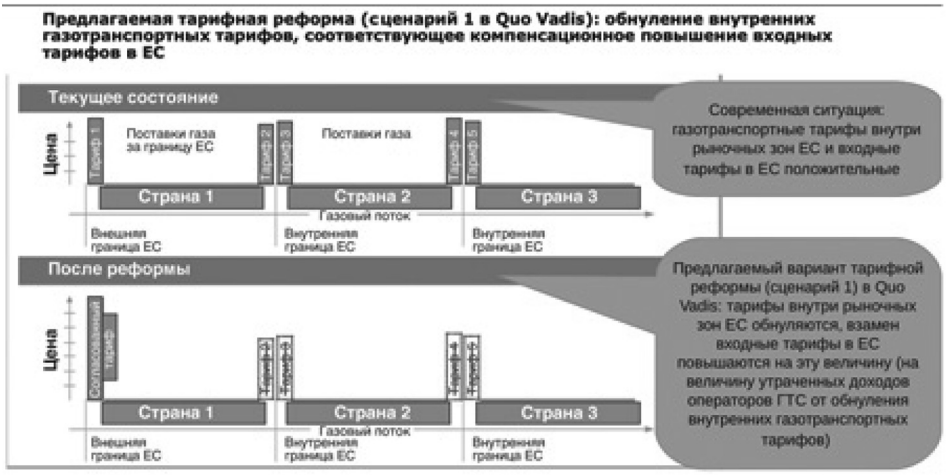


Рис. 15.16. Третий энергопакет ЕС 3

площадках (хабах) в рамках каждой зоны по ценам, формируемым на этих торговых площадках.

Это не менее радикальный отход от исторически действовавшего с начала экспортных поставок газа в ЕС в 1960-е годы принципа, во-первых, продажи газа в пунктах сдачи-приемки на границе той или иной страны, во-вторых, ценообразования в рамках срочных контрактов на основе различных модификаций «гронингенской формулы», привязывающей контрактные цены на газ к стоимости замещающих его энергоресурсов у конечного потребителя. (Таким образом, современный принцип ценообразования в рамках ТЭП ЕС построен исключительно на принципе конкуренции между поставщиками одного энергоресурса — газа, в то время как «гронингенская формула» в первую очередь учитывала межтопливную конкуренцию — между различными энергоресурсами в их конечном использовании, у конечного потребителя.) В рамках ТЭП необязательно, чтобы каждая зона совпадала с географическими границами отдельных стран ЕС: отдельные зоны могут покрывать лишь часть территории той или иной страны (как, например, сегодня в Германии и Франции), а могут включать несколько стран (принцип слияния/объединения зон с целью их укрупнения и ожидаемого повышения ликвидности их торговых площадок) и/или их частей[27].

Основной механизм по обеспечению достижения этих целей — ТЭП ЕС и разработанные в 2010–2016 годах в развитие его положений сетевые кодексы и регламенты, часть которых еще только продолжает внедряться в законодательство стран-членов ЕС. Совокупность документов ТЭП ЕС создает правовые рамки функционирования «единого внутреннего рынка газа ЕС» (и снова напомню, что его формирование в таком качестве еще не завершено), призванные обеспечить прозрачный и недискриминационный трансграничный (внутри ЕС) доступ к газотранспортным мощностям.

Эти сценарии представляют собой, по сути дела, комплексную программу замещения российского газа в ЕС американским СПГ:

— четыре сценария в своей совокупности фактически представляют взаимосвязанную систему действий по вытеснению российского газа на периферию зоны применения законодательства ЕС;
— пятый — программу создания инфраструктуры ГТС от приемных терминалов СПГ к традиционным пунктам сдачи-приемки российского газа в ЕС (откуда он должен быть вытеснен на российско-украинскую границу, а объемы его поставок системой искусственных мер должны/могут быть сокращены).

Но такая задача может быть в принципе реализована только в том случае, если будут сохранены устойчивые масштабные экспортные транзитные поставки российского газа по этому коридору (с востока на запад), чтобы можно было — хотя бы на уровне технической концепции — применять «виртуальный реверс» в обратном (с запада на восток) направлении для импорта, в том числе и газовых цен с ликвидных торговых площадок Северо-Западной Европы. Таким образом, это еще один аргумент, объясняющий настойчивое желание европейских государств и их компаний — торговых партнеров «Газпрома» сохранить широкомасштабный транзит российского газа через Украину после 2019 года.

Понятно, что эта идея вынашивалась и реализация ее «продавливалась» в период, когда цены на нефть еще были высоки (до 2014 года), но на европейском рынке газа уже сложилось физическое, но главное — контрактное превышение предложения над спросом (после 2009 года), что существенно опустило спотовые цены на относительно ликвидных



Рис. 15.17[28]. Линия разграничения (или главная цель США в Европе), по мнению Дж. Фридмана (СТРАТФОР)

торговых площадках Северо-Западной Европы ниже контрактных цен российского газа, сохраняющих преимущественно нефтепродуктовую индексацию.

Отсюда стремление и европейских органов регулирования, и западноевропейских и украинских покупателей российского газа реализовать идею виртуального реверса российского (по происхождению) газа из ЕС в Украину.

Этот сценарий предлагает перенесение пунктов сдачи-приемки импортного газа (ПСП) на внешнюю границу ЕС (см. рис. 15.17). На практике, как следовало из обсуждения 26 июня и следует из модели EGMM компании REKK (которая построена применительно к 33 европейским государствам, куда включены также Молдова и Украина), — на внешнюю границу зоны применения энергетического законодательства ЕС (территория стран ЕС плюс стран ДЭС). Этот пункт практически целиком относится исключительно к российским поставкам, ибо остальные экспортеры газа в ЕС осуществляют свои поставки на внешнюю границу первой входной зоны.

Модель REKK (пусть и с оговоркой: «гипотетически») предусматривает, что все продажи российского газа будут теперь осуществляться в рамках этого сценария в первой пограничной стране ЕС после пересечения российским газом границы ЕС. При этом в опубликованном описании модели допускается, что транзитные поставки в ЕС через Украину с востока (из России) более не осуществляются, а странами входа российского газа по долгосрочным экспортным газовым контрактам (ДСЭГК) на территорию ЕС являются Германия, Польша или Болгария. При этом «газ, предназначенный сегодня для Австрии, Франции, Венгрии и Италии, будет поначалу продан в Германии, контрактные объемы для Чехии, Нидерландов и Словакии — в Польше, а газ, поставляемый по Трансбалканскому газопроводу, будет вместо этого приходить в Болгарию через Турцию… как будто держатели контрактов продают все контрактные объемы в этих трех странах и позволяют тем самым трейдерам на спотовом рынке зарабатывать дальнейшими поставками газа внутрь континента».

В случае сохранения транзита российского газа через Украину после 2019 года изложенный в модели EGMM REKK подход предполагает перенос ПСП на российско-украинскую границу и дальнейший транзит через Украину уже силами западноевропейских компаний. Таким образом, модель REKK, выбранная ДЭЕК для обоснования «оптимального дизайна европейского рынка газа», не только принципиально меняет в период действия ДСЭГК местоположение ПСП для этих контрактов, перенося их на внешнюю границу ЕС (зоны применения законодательства ЕС), но меняет и саму контрактную структуру поставок, вводя в ее цепочку дополнительных посредников.

Понятно, что сценарий нереализуем на практике в одностороннем порядке — его претворение в жизнь не входит в зону суверенных полномочий стран ЕС и его институтов. Он вызвал много вопросов и нареканий со стороны участников рынка газа, принявших участие в заседании 26 июня в Брюсселе. Но данное предложение о переносе ПСП в российских ДСЭГК — это как минимум еще одна попытка в их длинном ряду, который на моей памяти начинается с принятием Второго энергопакета ЕС (2003) и расширением ЕС (2004). Именно тогда началось систематическое давление на российские ДСЭГК, часть транспортных

составляющих которых оказалась на территории ЕС, где как раз перед этим поменялись «правила игры».

Затем эта борьба продолжилась под лозунгами отказа от нефтяной (нефтепродуктовой) индексации. Причем в период до 2009 года, когда спрос на газ превышал его предложение в Европе, а цены на нефть в нулевые годы резко взлетели вверх и вместе с ними (через нефтепродуктовую привязку) цены на газ в российских ДСЭГК, в ЕС озвучивались лозунги сдерживания роста цен на газ как причина борьбы с такой индексацией. После 2009 года на рынке газа ЕС образовался избыток предложения — наряду с кризисным замедлением роста спроса в Европу пришел катарский СПГ, который был отторгнут в США из-за сланцевой революции и роста внутренней добычи газа, поэтому он был перенаправлен в ЕС. Контрактные цены на газ оставались высокими, поскольку нефтяные цены восстановились после провала во второй половине 2008 года и оставались на уровне свыше 100 долл. за баррель до 2014 года. Спотовые же, наоборот, резко провалились вниз — результат избытка предложения. Плюс к этому (так совпало) вступил в силу Третий энергопакет ЕС. Поэтому борьба против нефтепродуктовой индексации велась в это время уже под лозунгами отказа от ДСЭГК и повсеместного перехода к спотовой торговле в ЕС или как минимум перевода ценообразования в ДСЭГК на привязку к споту — в целях снижения контрактных цен на газ.

Сценарий нацелен на снижение уровня рыночной концентрации в ЕС за счет расширения трубопроводной инфраструктуры для доставки СПГ из существующих приемных терминалов на границе ЕС внутрь ЕС к основным потребителям/ПСП, запитываемым сегодня преимущественно поставками из России (см. рис.). Этот сценарий имеет двойную мотивировку. Получается, что в нынешнем виде Quo Vadis фактически нацелено на обоснование замены в ЕС более дешевого российского трубопроводного газа, на пути которого в ЕС предлагается создать дополнительные барьеры, более дорогим СПГ из США. Сценарии Quo Vadis хорошо коррелируются с содержанием расширенных антироссийских санкций США, препятствующих созданию обходящих Украину газопроводов, но ведут не к повышению, а к снижению «уровня благосостояния ЕС». Похоже, сценарии проекта выстроены не в интересах ЕС, а в интересах США.

Попытка вытеснения более дешевых российских поставок на периферию расширенного ЕС и замещение их более дорогим американским СПГ вписывается в ведущуюся в настоящее время политическую дискуссию, развернутую в международных СМИ антироссийскую кампанию по широкому фронту, а скорее всего является одним из ее ожидаемых результатов. Причем эта борьба за европейский рынок для американского СПГ началась не в 2016 году, когда США запустили экспорт СПГ, а существенно раньше, когда пришедший поначалу (в 2009 году) на рынок ЕС предназначавшийся для США катарский СПГ после аварии на АЭС «Фукусима» в Японии (2011) в 2012–2013 годах переориентировался на этот ставший еще более премиальным рынок СПГ и загрузка европейских терминалов СПГ рухнула резко вниз, уменьшившись практически вдвое — с почти 50% до чуть более 20%. И уж точно эта борьба США за европейский рынок газа обострилась с падением цен на нефть в 2014 году, когда, по многочисленным расчетам, американский СПГ стал здесь, безусловно, неконкурентоспособен против российского газа, особенно после девальвации рубля. И вновь увеличить загрузку европейских приемных терминалов СПГ (повысить их привлекательность для экспортеров) может только рост оптовых цен газа в ЕС, ибо механизм ценообразования на американский СПГ не дает возможности ожидать существенного снижения его цен при доставке потребителю.

Автор в течение долгого времени пытается привлечь внимание к тому, что борьба ЕС, США и Украины как за сохранение широкомасштабного транзита российского газа через Украину в ЕС, так и против инициированных Россией обходящих Украину трубопроводов с севера («Северный поток — 1 и 2») и с юга (сначала «Южный», теперь «Турецкий поток») — все это звенья одной цепи, инициированные в значительной степени стремлением США своими и чужими руками расчистить площадку для американского СПГ в Европе. Теперь же вроде бы, наконец это понимание становится постепенно общим местом, особенно после вступления в силу 2 августа 2017 года закона об этих новых американских антироссийских санкциях.

Итак, это совсем не трансатлантическая солидарность с ЕС и тем более с Украиной, что как бы явствует из дипломатической и политической риторики США, а всего лишь попытка прагматического решения

внутренних американских экономических проблем. А именно: облегчение внешнеэкономической экспансии американского СПГ путем выстраивания административных барьеров на путях более дешевого российского сетевого газа в Европу, недопущение появления более прямых и менее затратных путей для последнего на рынок ЕС. Цель — повышение конкурентоспособности СПГ США в Европе (но если не получается выигрывать в честной конкурентной борьбе, то надо «насыпать битого стекла в кроссовки конкуренту») и создание тем самым новых рабочих мест и защита и расширение бизнеса в самих США.

Наиболее выпукло и неприкрыто этот тезис артикулирован в тексте упомянутого американского санкционного закона от 2 августа 2017 года, причем в статье 257 «Энергетическая безопасность Украины». Ее завершающий пункт 10 гласит, что «правительство США должно уделять первостепенное внимание экспорту американских энергоресурсов с целью создания новых рабочих мест в США, помощи союзникам и партнерам США и укрепления внешней политики США». Пунктом 9 в статье 257 стоит также прямое противодействие строительству «Северного потока — 2», «принимая во внимание его пагубное влияние на энергобезопасность ЕС, развитие рынка в Центральной и Восточной Европе и энергетические реформы на Украине». Раздел 232 целиком посвящен противодействию развития экспортно ориентированных трубопроводов в Российской Федерации[29].

Трамп заявил при этом, что «США никогда не будут использовать энергию для оказания давления на ваши страны, и мы не позволим это делать другим. США твердо привержены открытым, справедливым и конкурентным рынкам для глобальной энергетической торговли. Америка будет верным и заслуживающим доверия партнером в экспорте наших высококачественных и (внимание! — *А.К.*) недорогих энергоресурсов… и я надеюсь, что вы используете это в своих интересах, приобретая эти энергоресурсы».

Но в ходе пресс-конференции с президентом Польши А. Дудой в тот же день президент США обронил те самые ключевые для понимания ситуации с американским СПГ в Европе слова. Трамп повторил, что «Америка готова помочь Польше и другим европейским странам диверсифицировать энергетические поставки, чтобы вы никогда не

чувствовали себя заложниками в руках одного поставщика». Затем он поздравил Польшу с приходом первого танкера с американским СПГ и сказал, что «таких кораблей будет еще много». И произнес те самые ключевые слова: «Возможно, цены немного подрастут, но это ничего».

Итак, за удовольствие надо платить: хотите диверсифицироваться — уйти от зависимости от России к поставкам СПГ из США — заплатите «страховую премию». Правда, Трамп не сказал при этом, что эта «страховая премия» необходима самим США, чтобы их СПГ мог быть конкурентоспособным на европейском рынке.

Некоторые специалисты считают, что в рамках «Инициативы трех морей» Польша усиленно проталкивает создание некой федерации государств на территории между Балтийским, Адриатическим и Черным морями под своим лидерством. Один из чешских дипломатов сравнил ее с «великодержавной концепцией Пилсудского», той самой идеей «Междуморья», которую в межвоенный период воспринимали как «проявление польского империализма». Нынешний проект Варшава рассматривает как противовес французско-немецкому доминированию в европейской политике. А потому присутствие Трампа на саммите «Инициативы трех морей» в Варшаве видится не иначе как подтверждение значимости Польши в регионе.

Но есть специалисты, которые считают, что это и есть истинная цель США. Основатель и директор ведущей американской частной разведывательно-аналитической компании в области геополитики Strategic Forecasting Inc. (STRATFOR), которую в США называют «теневым ЦРУ», Дж. Фридман в своем выступлении в Чикагском совете по глобальным делам разъяснил, что конечная цель США заключается в строительстве «Междуморья» — территории между Балтийским и Черным морями, «концепцию которого придумал еще Пилсудский». Для США, по словам Фридмана, «первая цель — не допустить, чтобы немецкий капитал и немецкие технологии соединились с русскими природными ресурсами и рабочей силой в непобедимую комбинацию… США работают над этим уже целый век… Козырь США, бьющий такую комбинацию, — линия разграничения между Прибалтикой и Черным морем». Строительство такого «вала», если верить Фридману, для Вашингтона куда важнее, чем борьба с исламским радикализмом, который докладчик назвал «пробле-

мой, но не существенной угрозой для США». В отличие от объединения России и Германии, которые, действуя вместе, становятся, по Фридману, «единственной силой, представляющей для США существенную угрозу». Создать «санитарный кордон», как определил американские задачи Фридман, вокруг России, с помощью которого можно будет держать в дальнейшем на коротком поводке Германию и весь Евросоюз»[30].

И вот в эту идею очередного «санитарного кордона» вокруг России (напомню, что первый «санитарный кордон» выстраивали вокруг Советской России в начале 1920-х годов по «линии Керзона»), похоже, замечательно вписывается «интеллектуальное упражнение» в виде предпринимаемого ДЭЕК проекта Quo Vadis в его нынешнем предварительном наборе модельных сценариев, который, похоже, остается неизменным и в окончательном варианте. Они де-факто предусматривают заполнение зоны «Междуморья» поставками американского СПГ вместо вытесняемого оттуда путем изменения системы регулирования российского сетевого газа в ЕС и создания для него административно-экономическими методами дополнительных барьеров на пути в Европу. Правда, «возможно, цены немного подрастут, но это ничего». А «рост благосостояния ЕС», видимо, будет рассчитываться в Quo Vadis без учета этого компонента.

15.4.в). Война за системы ценностей

Вариант №2 сценария «Глобальный военный конфликт между ЛЧЦ за системы ценностей и нормы поведения».

Этот вид развития сценария противоборства — наиболее вероятен и реализуем в силовой и военной сфере. Более того, он — неизбежен, если только отдельные ЛЧЦ не смогут взять на себя жесткие обязательства, что для западной ЛЧЦ, например, крайне маловероятно. Спор славянофилов и западников о предпочтительном пути развития российского государства начался в середине XIX в. и продолжается до сих пор. Европейский путь, азиатский путь, особый путь, «назад в будущее» (путь СССР) — у каждого варианта есть десятки интерпретаций, свои сторонники и противники. Больше всего вопросов вызывает «особый путь» — кто его выбирает, по каким причинам и что именно под этим подразумевается[31].

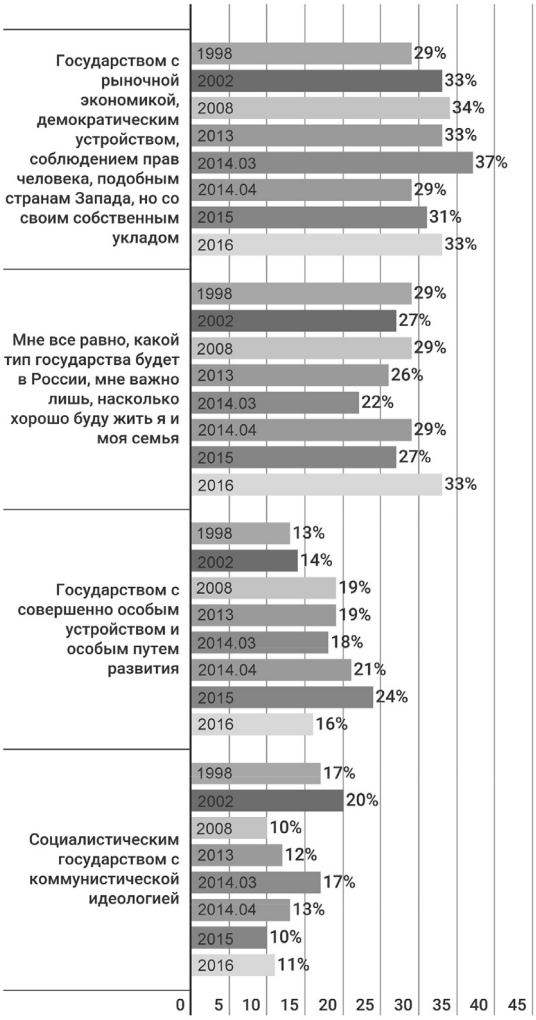


Рис. 15.18. Государством какого типа вы хотели бы видеть Россию в будущем?

Источник данных: Левада-центр

Обратимся к данным последних социологических исследований. Например, Левада-центр регулярно проводит опросы, в которых интересуется у россиян, как они видят страну в будущем и что они под этим понимают. Динамика результатов исследования показывает значительные колебания взглядов, вероятно, в зависимости от изменений текущего политического курса[32].

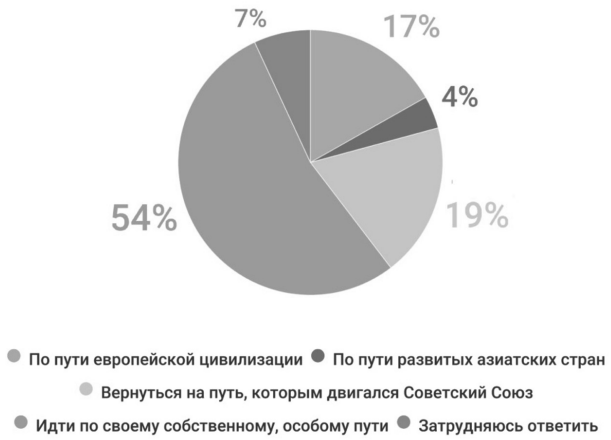


Рис. 15.19. Как вы полагаете, по какому историческому пути должна идти Россия?

Источник: всероссийский опрос населения ВШЭ в интересах ЦСР, 2016

В рамках декабрьского исследование ЦСР об установках и ценностях россиян мы задавали похожий вопрос: «Как вы полагаете, по какому историческому пути должна идти Россия?». В результате мы получили отличающуюся картину. К примеру, оказалось, что вектор «особого пути» поддерживает больше половины населения России, а путь европейской цивилизации близок всего 17% респондентов.

15.4.г). Война за контроль над международной и военно-политической обстановкой: внешние условия для России после 2025 года

> Оперативный план (КНШ США. — *А.П.*) 2035 не предсказывает будущее … Наоборот, он развивает спектр возможных вариантов будущего конфликта посредством формулирования набора факторов и условий, создающих будущую обстановку в области безопасности[33]
>
> *КНШ ВС США, Оперативный план 2035*

На военно-политическую обстановку в мире и положение России после 2025 года неизбежно окажет влияние противоборство между различными центрами силы за изменения «норм и правил», которые были

установлены в XX веке западными странами и оберегались западной военно-политической коалицией всю первую четверть XXI века. Эти процессы привели к развитию так называемого варианта №3 сценария: «Глобальный силовой конфликт за контроль над субъектами и системами МО и ВПО, который составит внешние условия развития России после 2025 года и неизбежно повлияет на формирование всех без исключения планов её развития.

Данный вариант сценария — традиционен для конца второго десятилетия XXI века и последующих лет. В американской стратегии сохранение контроля над военно-политическими и финансово-экономическими системами в мире современную эпоху получило вполне «цивилизованное» название — «сохранение норм и правил международного порядка», которое является во втором десятилетии абсолютом американской политики. Поэтому нет оснований полагать, что он перестанет быть актуальным после 2025 года. Более того, этот сценарий, реализуемый в отдельных районах и на отдельных ТВД, практически неизбежен. Это подтверждается множеством конкретных примеров современной истории.

В новых условиях после 2025 года его вероятность будет даже существенно выше, ибо к противоборству между основными ЛЧЦ прибавится борьба между теми субъектами и акторами ВПО, которые после 2025 года неизбежно усилятся относительно западной ЛЧЦ и, в частности, США, что сделает вооруженную борьбу за контроль над МО и ВПО фактически неизбежной:

— отдельными субъектами МО, такими как КНР, Иран, Россия, Бразилия, Индонезия, Пакистан, Мексика, Нигерия и ряд других стран;
— отдельными акторами МО, в частности, влиятельными террористическими и экстремистскими, религиозными, экономическими и даже «чисто» идеологическими организациями;
— отдельными социальными и профессиональными группами и даже конкретными личностями.

Мировое противоборство в условиях слабости международного права и институтов неизбежно приведёт международные отношения к новому уровню хаоса, который существует, например, в Афганистане, Сомали или на Украине.

15.5. Возможные сценарии, находящиеся под приоритетным влиянием новых парадигм развития национальных ресурсов

В самом общем виде предстоящие 20 лет можно охарактеризовать как период глубокой перестройки мирохозяйства…, устоявшихся представлений и норм[34]

Авторы прогноза «Мир 2035»

Национальные ресурсы являются важнейшей группой факторов развития, на которых строится любая стратегия и из которых появляется любой сценарий развития нации и государства[35]. Поэтому долгосрочный прогноз развития России после 2025 года можно выстраивать, опираясь на те национальные возможности, прежде всего ресурсы, которые есть или будут у страны после 2025 года, т.е. не от состояния МО и ВПО (как я делал до этого), а абстрагируясь от этого состояния, рассматривая, прежде всего, ту основу, которая есть у нации и государства в виде их реальных и потенциальных возможностей. Эти возможности (ресурсы и национальное богатство) традиционно и оправданно делятся на следующие группы:

— национальный человеческий капитал, составляющий порядка 70–75% всех возможностей и богатств, и включающий в том числе институты и правящую элиту;
— производственные активы, состоящие из всего того, что произведено нацией (включая технологии, научные и культурные достижения);
— природные ресурсы, состоящие из всех видов ресурсов, включая территорию, воздух, транспортные коридоры[36].

При этом, как в силу доли в этих ресурсах, так и в силу значения, наиболее важное значение имеет национальный человеческий капитал, его институты и та политическая и социальная организация, которые обеспечивают их функционирование. Авторы цитированного выше прогноза справедливо говорят о нарастающих кризисных явлениях, в том числе в мировом «миропорядке», которые осложнены «отсут-

ствием новых моделей социальной самоорганизации»[37]. Это признание означает, кроме всего прочего, и признание того, что либерально-капиталистическая модель развития не находит поддержки у народа, что «дикий капитализм и стихия индивидуализма встречают внутреннее сопротивление»[38].

Но это же свидетельствует и о неизбежности коренных социально-политических изменений в состоянии российского общества и государства, которое должно произойти в будущем в той или иной — революционной или эволюционной — форме. Причем перемены эти, учитывая их системность и масштабность, займут некий период времени, может быть, даже длительный, потому, что начавшиеся хаотические изменения в 1990–2018 годы в системе управления и организации общества носили исключительно субъективный, а часто и антиобщественный, антигосударственный характер, не соответствовали сколько-нибудь разумной организации.

Данный набор сценариев развития России после 2025 года возможен и вероятен в случае неожиданных возникновений различных мировых военных, ресурсных кризисов, в результате сознательного обострения ВПО и СО, грубых провокаций и спекуляций, а также организации ажиотажного спроса на фоне действительно обостряющейся проблемы нехватки природных ресурсов при стремительном демографическом росте населения. Иными словами, такой набор сценариев вполне допустим в условиях экстремального состояния МО и ВПО, которые могут быть вполне реальными в результате эскалации военно-силового противоборства в предшествующие периоды.

Более того, надо признать, что даже если допустить относительно мирное развитие МО и ВПО до 2025 года, то и в этом маловероятном варианте развитие экономики и ускорение темпов демографического роста, прежде всего, в развивающихся странах, будет острее, чем сегодня ставить проблему ресурсов, в особенности тех, которые связаны с потреблением населением — пресной воды, энергии и продовольствия. Не только рост численности, но и рост качества жизни огромных слоев населения КНР, Индии, Бразилии, Индонезии и целого ряда других стран делает эту проблему неизбежно острой политической проблемой к середине 20-х годов нашего века[39].

Выход из этой ситуации пока что не найден потому, что существуют две принципиально различные точки зрения по этому поводу.

Первая — то, что созданный в предыдущие десятилетия и стремительно растущий средний класс и дальше может быть обеспечен тем высоким уровнем доходов и благ (жильем, зарплатой, транспортом, отдыхом и пр.), который существует в западных странах. Этот вывод сомнителен для большинства быстро развивающихся государств, которые должны будут перераспределять уже имеющиеся доходы и преимущества западной ЛЧЦ в свою пользу[40].

Вторая точка зрения заключается в том, что увеличение численности среднего класса и других слоев населения за счет развития новых центров силы (на 2–3 млрд человек) после 2025 года не сможет быть обеспечено такими ресурсами, что, в свою очередь, неизбежно приведет к возврату классовой (религиозной, этнической и социальной) борьбы в мире по аналогии с первой половиной XX века.

Эта точка зрения представляется вполне обоснованной, но не с позиций возможностей, а с позиции стремления договориться об использовании этих возможностей. Проблема, как всегда, будет заключаться не в недостатке тех или иных видов ресурсов, а в их ограниченности и не готовности правящих элит к их справедливому распределению. Существующая финансово-экономическая система распределяет ресурсы заведомо неравномерно и не справедливо, а западная ЛЧЦ, создав соответствующую военно-политическую систему, обеспечивает функционирование этой системы. Для изменения несправедливого распределения (например, когда в Россию возвращается не более 50% доходов от экспорта) потребуется изменить существующую систему мировых экономических отношений.

Поэтому любые сценарии использования того или иного вида ресурсов будут в конечном счете упираться в правило их несправедливого распределения, узаконенного в настоящее время международным правом и действующими политическими нормами.

Это означает, что выбор того или иного сценария, опирающегося на национальные ресурсы, в конечном итоге всё равно конечен существующими политическими и правовыми реалиями извне, которые будут препятствовать их реализации.

15.5.а). Человеческий капитал как главный ресурс безопасности и развития: российская эпоха «Фу син»?

Сценарий №1: «Человеческий капитал»: китайский опыт

Этот вероятный сценарий развития России является для неё не просто самым эффективным, но, пожалуй, и единственно спасительным в условиях нарастающего военно-политического конфликта. Но, одновременно, и наименее вероятным до тех пор, пока не будет сменена доминирующая либеральная идеологема, фактически игнорирующая значение национального человеческого капитала в ущерб идеям универсализма и глобализма[41]. Это подтверждает сделанный выше вывод о внешнем влиянии, ограничивающем выбор сценария развития нации и государства.

В конце 80-х годов прошлого века стало очевидным, что максимальных успехов в своем развитии добивается та нация, которая может обеспечить опережающие темпы развития своего национального человеческого капитала и его институтов. Эта тенденция набирала устойчивую тенденцию в своем развитии все последующие десятилетия и стала, в конечном счете, решающей тенденцией в развитии ЛЧЦ к началу XXI века[42]. Ярким примером этому стала новая социально-экономическая стратегия КНР, принятая на XIX съезде КПК в октябре 2017 года.

Китай разработал, опробовал и теперь утвердил на съезде правящей партии новую модель социально-экономического развития. Она называется «социализм с китайской спецификой новой эры», поскольку является глубокой модификацией предыдущей модели под названием «социализм с китайской спецификой». Проработавшая около 30 лет старая модель становилась всё менее эффективной, и ей на смену был предложен целый комплекс принципиально новых стратегий под общим названием «Китайская мечта». С конца 2012 года руководитель КПК и КНР Си Цзиньпин выдвинул долгосрочный план «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» и стал дополнять его стратегиями: «новая норма» в области экономики, «управление государством при помощи законов» в общественной жизни, «один пояс и один путь» в области международных экономических связей. Эти стратегии

и менее масштабные тактические установки дополняли друг друга и постепенно сложились в целостную инновационную систему. Ко времени проведения XIX съезда КПК в конце октября 2017 года стало ясно, что эксперимент с «Китайской мечтой» удался[43].

Этот вариант развития прямо противоречил западной модели. М. Хазин по этому поводу высказался следующим образом: «А вот в начале 80-х ситуация изменилась, политика „рейганомики“ с ее кредитным стимулированием спроса, привела к необходимому результату. Два поколения американцев (а за ними и западноевропейцев) выросло с ощущением, что „счастье“ потребления никогда не закончится. И что любой представитель „среднего“ класса получает свой „кусок“ (отдельное жилье, машину, модную одежду и разнообразные „гаджеты“), фактически, по праву рождения.

Это ощущение было серьезно поддержано государственной пропагандистской машиной, особенно, после краха СССР, а кроме того, появлением колоссального количества „свободных“ профессий, за которыми скрывалась фактическая поддержка государства в условиях вывода реального сектора экономики в страны с дешевой рабочей силой. И, казалось, что сложившаяся ситуация вколачивает последний гвоздь в гроб марксистской теории. Но, как это обычно и бывает, жизнь оказалась куда более интересной, чем все планы человека, в нашем конкретном случае капиталиста.

Проблема оказалась в том, что механизм стимулирования спроса (который и позволил резко увеличить как численность „среднего“ класса, так и продолжительность нахождения в нем) оказался конечен во времени … А потому, уже сегодня встал вопрос о том, какой уровень жизни может обеспечить современная экономика для большой массы населения даже развитых стран и как этот уровень соотносится с представлениями о „среднем“ классе, в том числе представителей самого этого класса.

Если исходить из нашей теории, то уровень этот существенно ниже, чем самый нижний уровень соответствующий представлениям о „среднем“ классе. То есть большей его части (подавляюще большей) придется забыть и об отдельном жилье (тем более, в собственности), и о собственных машинах. И вот тогда вновь появится колоссальный по

количеству (как номинальному, так и относительно общего количества населения) класс людей, которым „нечего терять, кроме своих цепей".

Но проблема в том, что пролетарского самосознания у них не будет (а кто им это сознание „поставит"?). А это значит, что не исключено, что „пальму первенства" перехватят другие силы (например, религиозные или национальные экстремисты). Так что нас ждут достаточно сложные времена, пока совершенно непонятно, чьей победой они завершатся!»[44]

Китай, видимо, нашел свой национальный выход из ограничений развития, который обращен не к нормам личности, а нормам национального развития, формуле: **От «новой нормы» — к «возрождению нации».**

Взять хотя бы показатели, которые иллюстрируют реализацию экономической стратегии «новая норма». Они впечатляют. С 2013 по 2016 годы рост ВВП Китая был на уровне 7,2%. Для Китая это означает, что программа-минимум «Китайской мечты» — построение к 2020 году «общества средней зажиточности» — будет выполнена. Ведь для этого было бы достаточно и 6,5% роста. Впечатляют и другие показатели: двухпроцентная инфляция и пятипроцентная безработица. Это означает, что Китай преодолел наблюдавшуюся с середины «нулевых годов» тенденцию затухания темпов экономического развития и вышел на траекторию устойчивого прогресса.

Следовательно, Китай останется локомотивом глобальной экономики: с 2013 по 2016 годы вклад Поднебесной в мировое хозяйство достиг примерно 30%, превысив сумму общего вклада США, Евросоюза и Японии. ВВП КНР в 2016 году составил 14,8% от мирового, что на 3,4% выше, чем в 2012 году. Закрепление на XIX съезде «новой нормы» как составной части «социализма с китайской спецификой новой эры» позволяет ближним и дальним соседям Китая выстраивать национальные стратегии экономического развития с учётом этого мощного и долгосрочного фактора[45].

Стоит отметить, что «новая норма», в первую очередь, подразумевает не приоритет роста ВВП, а переход к высококачественному развитию. Вместо ставки на завоевание экспортных рынков любой, подчас весьма высокой ценой (низкие зарплаты, загрязнение окружающей среды,

неравномерность развития города и села, разных регионов) происходит переориентация на рынок внутренний. Он становится главной движущей силой экономического роста. С 2013 по 2016 годы вклад конечного потребления в экономический рост составил 55%, больше половины. Ряды потребителей расширяются за счёт роста доходов граждан, переезда сельских жителей в города, быстрого сокращения числа бедных. В 2016 году реальный располагаемый денежный доход составил 23 тыс. 821 юаней, что на 7 тыс. 311 юаней выше, чем в 2012 году, среднегодовой рост составил 7,4% (1 юань стоил 27 октября 8,71 рубля).

К концу 2016 года в городах жило 57,4% населения Китая, это почти на 5% больше, чем четырьмя годами раньше. Искоренение бедности, одна из главных задач Си Цзиньпина, тоже идёт уверенными темпами. Численность живущих ниже черты бедности (2300 юаней в год) составляет сейчас 43 млн 350 тыс. человек, это число сократилось на 55 млн 640 тыс. по сравнению с 2012 годом.

Число технических инноваций за минувшие четыре года выросло на 69%, а число выданных патентов — на 40%. Можно назвать всё это предприимчивостью. Можно — примером взаимодействия пассионариев с местными властями, которые, по указанию Пекина, обеспечивают энтузиастов «новой нормы» льготными кредитами, землёй по сниженным арендным ставкам, щадящим налогообложением. Но главное — в том, что колоссальный творческий и предпринимательский потенциал китайской нации получил возможности реализации благодаря инновационной стратегии «новой нормы» как части долгосрочного плана «Китайская мечта». Инновационность, в которую вовлечены лучшие силы нации, от «самого главного китайца» Си Цзиньпина до тысяч, сотен тысяч инженеров и партработников, учёных и студентов, поможет Китаю успешно пройти «контрольные точки» 2020, 2035 и 2049 годов, приведёт к осуществлению «китайской мечты о великом возрождении китайской нации».

Эта концепция подразумевает не только процветание Поднебесной, но также достижение симфонии с соседями, ближними и дальними. Её автор с трибуны съезда призвал «расширять открытость и сотрудничество в сфере инновационного потенциала, формировать архитектонику открытости, характеризующуюся взаимодействием сторон на суше

и на море, в Китае и за рубежом, а также взаимной выгодой на восточном и западном направлениях»[46].

Оглашённый в конце ноября 2012 года план «Китайская мечта» предусматривал к 2049 году превратить Китай в мощную современную мировую державу, а ещё до этого, к 2021 году, окончательно покончить с бедностью и вывести всех китайцев на уровень, как минимум, «средней зажиточности». По прошествии пяти лет стало ясно, что этот комплексный долгосрочный план Си Цзиньпина вполне работоспособен и уверенными темпами выводит китайскую нацию на новый уровень цивилизационного развития. На XIX съезде привели достаточно цифр, которые превзошли ожидания даже оптимистов. (Мы с вами уже видели некоторые показатели в начале статьи). Эти показатели произвели сильное впечатление и на пессимистов, всех тех экспертов, которые ещё недавно предрекали Китаю затухание экономического роста, а то и «жёсткую посадку»[47].

Часть этих экспертов не могут смириться с тем, что классические принципы либеральной экономической теории не работают в отношении второй экономики мира, ставя под сомнение будущее всей западной модели. Другие специалисты тенденциозно манипулировали цифрами ради того, чтобы затушевать контраст убогих результатов деятельности заказчиков, неспособных вывести свою страну на траекторию реального роста и сулящих ей ещё долгие годы движение со скоростью «n + 1», где «n» стремится к бесконечно малой величине.

Нетрудно просчитать размеры экономики Китая к 2049 году при семипроцентных темпах роста. Нетрудно понять также политические и стратегические последствия этого для мирового порядка, в котором своё лидерство пытаются сохранить Соединённые Штаты. «Сдерживание» Китая в разных формах будет продолжаться и усиливаться по мере продвижения к созданию к 2049 году «мощной, процветающей, социалистической державы». Однако законы экономики и истории невозможно изменить. Более эффективный хозяйственный уклад вытесняет менее эффективный. Новые политические и идеологические нормы приходят на смену устаревшим. «Ничего не поделаешь, лепестки опадают», — написал в одном из своих стихотворений Мао Цзэдун. Пусть этим поэтическим образом утешатся приверженцы всё ещё сильного,

но обречённого либерального мирохозяйственного уклада. Ну, а реалисты не могут не видеть, что четверть человечества уже живёт и всё больше процветает в условиях новой эпохи[48].

Эта эпоха, возможно, войдёт в пятитысячелетнюю историю Китая как «эра Фусин», т.е. «эпоха возрождения». Заимствованный у Конфуция термин «фу син» лежит в сердцевине плана «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации». «Эра Фусин» началась не с победы революции, которая неизбежно сопровождается разрушением устаревших норм и порядков, а также построенного на их основе материального мира, меняет судьбы миллионов людей (именно так случилось в России в 1917 году). В Китае новая эпоха пришла мирным путём, путём эволюции предыдущей эры — «социализма с китайской спецификой».

Сначала теоретический, а затем и практический выход из приближавшегося тупика нашёл Си Цзиньпин. Его долгосрочный план «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» смог обеспечить партии и всей нации «второе дыхание», веру в правильность выбранного в 1949 году социалистического пути. С октябрьских дней 2017 года начинается новая «эра социализма с китайской спецификой», ускоряется отсчёт времени до «великого возрождения китайской нации». Китайские «часы» идут всё быстрее. Наши — всё очевиднее отстают. «Разница во времени» будет становиться очевиднее с каждым прожитым годом, если не появится собственный долгосрочный план великого возрождения русской нации. Если не сложится команда пассионариев, способных поставить державу на путь самостоятельного и свободного развития.

Примечательно, что такой алгоритм развития позволяет по-иному взглянуть и на проблему иностранных инвестиций, привлечение которых сегодня ставится российскими специалистами в качестве основного условия развития России. В этой связи пример Норвегии, у которой вообще нет иностранных инвестиций, очень показателен (рис. 15.20).

К середине 2020-х годов эта тенденция перейдет в новой состояние, когда почти 100% прироста ВВП, демографического потенциала, военной мощи и других важнейших показателей будет обеспечено исключительно за счет развития НЧК. Соответственно та ЛЧЦ или нация, которая сможет обеспечить себе максимально высокие темпы приро-

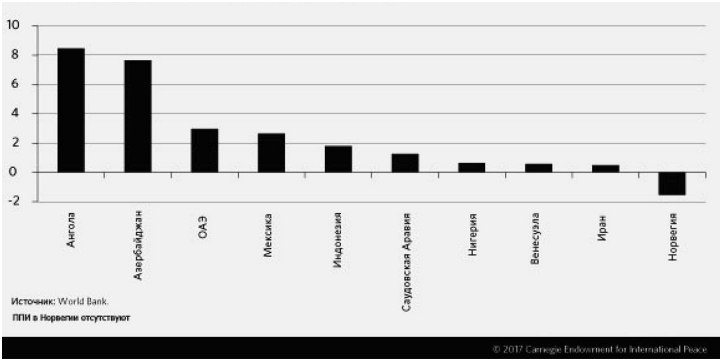


Рис. 15.20[49]. Прямые иностранные инвестиции, % ВВП, 2015 г.

ста НЧК, превратится в ЛЧЦ или нацию-лидера. И опыт современного Китая, приспособившего эволюционную теорию Конфуция к нуждам опережающего развития во внешне неблагоприятных условиях, — показателен.

Из этого следует, что приоритетное развитие человеческого капитала и его институтов после 2025 года остается, по сути, единственной общенациональной стратегией и сценарием развития, которые неизбежно приведут в достаточно короткие сроки для России к следующим последствиям[50]:

— увеличению демографического потенциала;
— улучшению качества жизни;
— быстрым темпам роста ВВП;
— изменениям в структуре экономики и торговом балансе;
— укреплению внешнеполитических позиций России;
— усилению её обороноспособности
— укреплению внутриполитической стабильности и т.д.

Вместе с тем, приходится признать, что вероятность реализации такого сценария развития и стратегии после 2025 года невелика потому, что мотивация правящей элиты к развитию НЧК России была последние десятилетия крайне низка: акцент на развитии человеческого капитала ведет:

— к снижению частных доходов;
— повышению требований к качеству управления;
— росту требований к нравственным качествам и интеллекту;

— смене парадигмы восприятия социального статуса и успеха и др. негативным последствиям для правящей элиты.

Поэтому неизбежен вывод о необходимости смены правящей элиты, либо, как минимум, её принципиальной переоценке стратегии национального развития и своего места в этой стратегии.

15.5.б). Оптимизация национальных ресурсов

Сценарий №2: «Ресурсосберегающий». Представляется достаточно маловероятным в силу его невостребованности и крайне низкой мотивации у правящей элиты, которая может допустить его реализацию «точечно», в отдельных областях экономики или отдельных регионах страны (Байкал, Волга и т.д.), где наиболее остро ощущается дефицит ресурсов, прежде всего, демографических.

Экстенсивное расходование национальных природных ресурсов при крайне низком удельном весе глубокой переработки в современной России представляется реальной основой для современного инерционного сценария развития, замена которого на инновационный или мобилизационный будет неизбежно предполагать некоторые меры по экономии (ресурсосбережению), но исключает инвестиции и мотивацию как со стороны правящей бюрократии, так и крупного бизнеса.

Основная перспектива в использовании национальных ресурсов находится в области НЧК и максимализации творческих возможностей нации через развитие институтов НЧК. Если правящей элите удастся создать более благоприятные условия для реализации творческого потенциала НЧК, то проблема ресурсов будет в целом решена: уже до 2018 года более 95% прироста ВВП обеспечивалось за счет роста НЧК, прежде всего, за счет творческих решений, а к 2025–2030 годам эта возможность для большинства стран станет не только самой значимой, но и единственной. Сравнивая сегодня представления о будущей востребованности, реальной возможности и намерениях, видно, что «запросы» граждан значительно отстают от реальных «возможностей реализации» (соответственно зеленый и красный прямоугольники). Сравнение трех рейтингов показывает[51]:

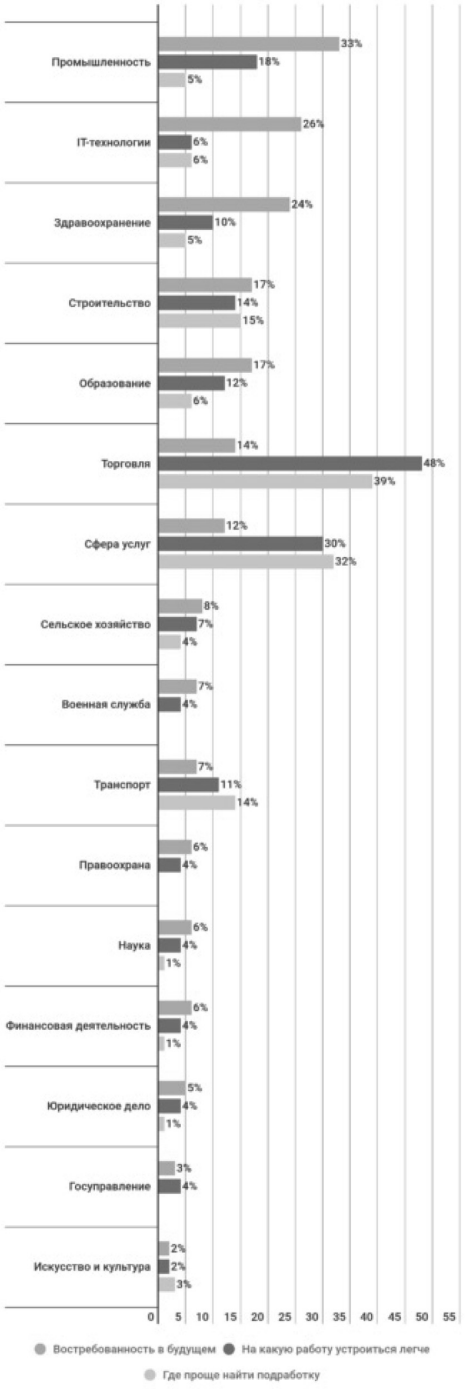


Рис. 15.21. Сравнительный анализ полученных ответов

— Опрошенные уверены, что работник высокотехнологичного промпредприятия — это профессия будущего, но порог вхождения в нее очень высок.
— Они думают, что за IT-технологиями и наукой будущее, но сегодня они не столь интересны для молодежи, которую отпугивает также высокий порог вхождения и низкая привлекательность с точки зрения материальной обеспеченности.
— Финансовый сектор и госуправление сегодня сохраняют привлекательность, но помимо сложности входа, их перспективы, по мнению людей, весьма невысоки.
— Невостребованы как в настоящем, так и в будущем малый и средний бизнес, сфера культуры и искусства, сельское хозяйство. Низкий уровень доходов и высокая конкуренция не внушают оптимизм.
— Зато у здравоохранения и образования, по мнению опрошенных, хотя сегодня преимущества невысоки, но уже в среднесрочной перспективе станут определяющими.

Как видим (рис. 15.21), люди связывают будущее страны с развитием высоких технологий в промышленности, медицине, образовании, но работают в сферах, у которых, по их мнению, нет будущего, дорожат этими источниками дохода и не рискуют строить карьеры на перспективу. Подобное состояние НЧК в России лишает её долгосрочной перспективы развития потому, что после 2025 года (периода возможного завершения первого высшего образования) у граждан уже не будет выбора. Они будут вынуждены работать в тех областях, где будут экономически востребованы, а не где раскроется их творческий потенциал.

15.5.в). Экстенсивный рост и интенсивное развитие

Сценарий №3 :«Экстенсивный». Наиболее вероятный, хорошо знакомый и привычный российской элите сценарий, к которому приспособилась политическая и финансовая системы России. Его инерционность и консервативность гарантируют, как минимум, сохранение нынешних темпов и правил развития не только до 2025 года, но и на более далекую перспективу. Это во многом объясняет то, что до и после 2025 года сохранится парадигма экстенсивного расходования ресурсов России.

В её новом качестве она добавит как новые территориальные области (Арктику), акватории Мирового океана, так и новые ресурсные области (например, пресную воду) экстенсивного расходования ресурсов, а также, возможно, имитацию экологической деятельности.

Этот сценарий развития России представляется для правящей элиты наиболее выгодным с точки зрения получения личного дохода: он не требует значительных затрат на природоохранную деятельность или новые ресурсосберегающие технологии, а значит, представляется в нынешних условиях наиболее адекватным.

15.6. Возможные сценарии развития России после 2025 года, находящиеся под приоритетным влиянием новых парадигм в развитии национальной элиты и качества управления

В самом общем виде властвование может быть определено, как способность одного субъекта детерминировать состояние и/или поведение другого[52]

М. Хрусталёв, политолог

Развитие общества и государства в XX и XXI веке во все большей степени приобретало зависимость от субъективных факторов — качества и количества НЧК, темпов развития креативного класса и социальных групп и слоев, институтов человеческого капитала и качества государственного и общественного управления[53]. Последнее обстоятельство стало особенно важным в связи с резким увеличением в результате информационной революции возможностей правящей элиты управлять общественно-политическими и экономическими процессами[54].

Огромные базы данных, алгоритмы мгновенной обработки и передачи информации и другие результаты ИТР в конце XX века позволили правящей элите фактически взять под контроль развитие десятков тысяч факторов, формирующих не только стратегию собственной стра-

ны, но и влияние на формирование МО и ВПО. Типичным примером стали мощные центры управления, создаваемые государствами и даже отдельными корпорациями, в которых происходила интеграция многочисленных процессов по сбору, обработке информации и принятию решений. Одним из таких центров, например, стал построенный в 2015 году в Москве Центр управления Министерство обороны РФ. Автор в этой связи предложил даже ввести четвертую группу факторов, влияющих в качестве самостоятельных, в модель МО и ВПО[55].

15.6.а). Сценарий №1: «Смена элиты»

Этот сценарий предполагает смену правящей элиты в результате выборов по аналогии с выборами, например, в США, когда значительная часть традиционной элиты будет отодвинута от рычагов управления.

Учитывая слабость процедур и традиций выборов в России, такая смена элит представляется маловероятной, хотя случай с выбором Б. Ельцина в качестве президента России свидетельствует, что в условиях кризиса власти подобное развитие событий возможно.

Та смена элиты, которую осторожно проводит администрация В. В. Путина, может быть названа исключительно консервативной политикой, когда не соответствующие требованиям личности) не смотря на все нарекания и даже преступления) сохраняют свои позиции в правящей элите.

15.6.б). Сценарий №2: «Революция»

Этот сценарий предполагает возможность силовой смены власти либо в национально ориентированном ключе (революция), либо под влиянием внешних сил («оранжевая революция»). И первое, и второе, как показывает современная история, не является невозможным[56].

Более того, в условиях неспособности правящих элит современной России добиться динамики в социально-экономическом развитии, такая насильственная смена элит представляется весьма вероятной. Можно предположить, что развитие России по инерционному сценарию до 2025 года, с одной стороны, и стремительное нарастание внешней угрозы, с другой, приведет к силовой смене режима и правящей элиты в стране.

Более того, подобное развитие событий при определенных условиях возможно и до 2025 года.

15.6.в). Сценарий №3: «Поумнение элит»

Представляется наименее вероятным в силу того, что элиты, как правило, не считают свое поведение неадекватным, а тем более не делают соответствующих выводов. Это в полной мере относится к России, чья правящая элита показала свое неумение обучаться, прежде всего, потому, что в практической политике нет заметных позитивных результатов.

Но в России не существует и иной правящей элиты. К сожалению, но подтверждается правило: чем сложнее проблемы, стоящие перед страной, тем хуже её правящая элита. В этом смысле правящая большевистская элита была хуже николаевской, брежневская — хуже сталинской, горбачевско-ельцинская — хуже брежневской, а путинская — хуже ельцинской.

15.6.г). Сценарий №4: «Гвардейский Переворот»

Часто встречавшийся в российской истории сценарий, когда часть правящей элиты (при Елизавете Петровне, Екатерине II, Александре I, Николае I и Николае II) захватывала высшую власть и меняла политический курс страны. Верхушечные перевороты стали традицией смены неугодной власти и до имперской эпохи, и при советской власти, и при «демократическом перевороте» Б. Ельцина.

В какой-то степени в таким переворотам можно отнести даже фактические верхушечные переворот Хрущева, и Горбачева, которые те совершили при поддержке самой верхней части партийной элиты.

Общая закономерность смены власти силовым способом в России всегда было ослабление верховной власти, прежде всего, позиций лидера — князя, царя, императора, генсека. Существующая система власти в России также не гарантирует сохранения преемственности курса в случае замены президента любым способом — «вертикаль власти» стала абсолютным институтом, а попытка поставить его под сомнение неизбежно будет названа противозаконной.

15.7. Возможные сценарии развития России после 2025 года, находящиеся под влиянием новых парадигм в системе национальных ценностей и интересов

Фундаментом этого (цивилизационного. — *А.П.*) подхода является убеждение в том, что в основе динамики общества лежит развитие человека, его духовного мира — науки, культуры, образования, этики, религии[57]

С. Белкин,
главный редактор журнала «Фокус»

Гипотетические сценарии развития России после 2025 года, т.е. через 7–8 лет, могут оказаться очень полезными не только для исследователей, но и для политической практики потому, что позволяют увидеть более широкий набор возможных альтернатив развития человечества в случае, если новые парадигмы начинают уже не просто влиять, но и доминировать. «Инерция мышления», свойственная как неизбежная черта оправданного консерватизма правящей элите, загоняет её в угол обыденности и новой традиции. Поэтому ей необходимо понимать, что развитие нашей страны и ВПО может пойти по самому неожиданному сценарию[58]. Так, никто в декабре 1916 года не предполагал, что в феврале 1917 года будет революция. Также, впрочем, как в 1989 году, когда готовилась новая редакция Военной доктрины ОВД, что через год не будет самой ОВД.

На самом деле, социальные и политические революции происходят достаточно часто, можно сказать, неизбежно, с регулярностью в несколько десятилетий. Это естественные процессы, отражающие качественные изменения, которые проявляются во всех областях человеческой жизнедеятельности. Другое дело, что чем консервативнее и стабильнее та или иная социально-политическая система, тем быстрее и болезненнее происходят в ней социальные революционные перемены. Такими консервативными системами в начале XX века были царская Россия, кайзеровская Германия, императорская Австро-Венгрия

и Оттоманская Турция. Все они, как известно, самоуничтожились буквально в течение года. И очень болезненно.

Стратегический прогноз развития России после 2025 года, основанный на влиянии новых парадигм в системах ценностей, должен, на мой взгляд, исходить из принципиальных и радикальных возможностей перемен в следующих областях:

— неизбежности глобальных силовых и военных «идеологических» и религиозных конфликтов между основными субъектами МО, прежде всего, ЛЧЦ, ведущими нациями и государствами, а также новыми мировыми акторами. В их основе будет стремление одних участников силовым образом навязать свою систему ценностей и нормы поведения другим, с одной стороны, и не позволить этого сделать, с другой. Как правило, такие религиозные войны наиболее бескомпромиссны и безжалостны, что позволяет сделать вывод о возможности глобального конфликта, направленного на уничтожение;
— ускорением «фазового перехода» от одних парадигм развития — к другим и связанными с этим быстрыми качественными изменениями в политике, экономике, военной области, которые радикально изменят всю систему международных отношений, а также поставят качественно новые проблемы перед всей человеческой цивилизацией. В этом случае мы не всегда можем сегодня предположить последствий этих перемен;
— ростом внутриполитической нестабильности и напряжения даже внутри развитых и внешне стабильных государств по основным точкам разлома, которые могут сделать даже стабильные нынешние субъекты ВПО крайне нестабильными, превратив их в «афганистаны», «палестины» и «ливии» на основе резкого обострения в следующих областях:
    — социальным противоречиям;
    — национальным противоречиям;
    — религиозным противоречиям.

Эти тенденции отражаются как на развитии тех или иных сценариев МО и ВПО в мире и отдельных регионах, так и на развитии отдельных сценариев и их вариантов России. Эта динамика будет особенно болезненна после 2025 года для России, которая после 2025 года при

любых развитиях событий будет вынуждена существовать во враждебно-силовом, нарастающем в своей эскалации, окружении, создающим крайне неблагоприятные внешние условия для своего развития.

Это означает абсолютное доминирование пессимистических и отсутствие оптимистических сценариев развития ВПО и, вероятно, нашей страны. Вопреки этим условиям, однако, Россия, как нация и государство, сможет не только устоять, но и развиваться, демонстрировать высочайшую жизнестойкость, которая будет удивлять многих. Поэтому пессимизм в развитии ВПО в мире вполне может уживаться с позитивными тенденциями в развитии российской нации и государства, особенно если даже в этих неблагоприятных условиях произойдут изменения:

— в пользу разработки реальной эффективной стратегии национального развития, категорическое изменение курса, предполагающее отказ от его либеральных и бюрократических доминант;
— изменен качественный характер правящей элиты в пользу национально ориентированной и профессиональной элиты страны.

Эта общая характеристика, в которой будут развиваться возможные качественно новые сценарии развития ВПО и России после 2025 года. Их набор может быть сведен (но, естественно, не исчерпан) к следующим сценариям и их вариантам.

15.7.а). Сценарий №1: «Возвращение к истокам»

…стала происходить «обратная идеологизация» международных отношений[59]

Т. Шаклеина, политолог

Процесс, характеризуемый в политике как «забегание вперед», когда социальные революции на время опережают в своем развитии объективные условия, очень характерен был для распространения либерально-демократической идеологии с конца прошлого века. В международной политике он трансформировался в универсализм и попытки ликвидации государственного суверенитета, создание неких новых меж-

дународных норм и правил, обязательных к исполнению всеми государствами. В декабре 2017 и январе 2018 года президент США Д. Трамп фактически легитимизировал этот политический подход в документах, посвященных Стратегии национальной безопасности, Военной стратегии и Ядерной стратегии США, назвав КНР и Россию «ревизионистскими государствами», т.е. странами, которые не согласны с универсальным мировым порядком, разработанным США, который основан на американской системе ценностей[60].

Вместе с тем, по мере изменения соотношения сил в мире и роста противодействия монополизму политики США, который естественно приводил к серии провалов, был начат процесс усиления национального самосознания в целом ряде государств, где он какое-то время был задавлен идеями универсализма. Этот процесс так или иначе затронул многие страны, но особенно активно он начал развиваться в тех из них, где имелась исторически и традиционно богатое культурное и духовное наследие[61]. При этом, как, например, в КНР, где правящая элита правильно понимала огромное значение традиции для национального развития, в этих странах был отмечен быстрый рост национальной самоидентификации. С конца XX века этот процесс ясно обозначился и в России, где он совпал (не случайно, видимо) с приходом к власти В.В. Путина.

На протяжении первых двух десятилетий нового века процесс «возвращения самосознания» в России развивался достаточно последовательно, что формально можно было отметить некоторыми знаковыми событиями, — от возвращения гимна до создания Географического и Исторического обществ. Но вряд ли можно говорить, что все эти 20 лет процесс шел одинаково последовательно и динамично: наблюдались не только рецидивы глобализма и универсализма, но и откаты, «зависания», искажения.

Тем не менее, можно говорить, что почти наверняка этот процесс будет развиваться до 2025 года, после чего он может перейти в новое, национальное, качество, либо остаться на уровне национально-либерального развития России, в той форме, как он существует в 2018 году.

Таким образом, существует возможность и вероятность развития России по национально-ориентированному сценарию развития, который в своей основе будет иметь не только традицию, но и мобилиза-

цию, опору на собственные национальные ресурсы и синтез с национальными научно-технологическими достижениями. Этот сценарий предусматривает воссоздание в России национальной системы ценностей на традиционной основе (советской, православной или языческой).

Такие «возвращения в прошлое» не такое, уж, очень редкое и кратковременное явление, как представляется некоторым. Достаточно привести пример с Ираном, который после процветания во время правления шаха «вдруг» вернулся в традиции Средневековья. И не просто вернулся, но и остался там (что совершенно не мешает ему быстро развиваться технологически).

Более того, известный социологический закон «отката назад» после «забегания вперед» никто не отменял. Важно знать, что граница, когда начинается «откат», во-первых, определяется достаточно точно, а, во-вторых, та граница, до которой будет происходить откат до тех пор, пока не установится новое равновесие, — очень субъективна и зависит от множества переменных. Так, можно сказать, что либеральное «забегание вперед» прекратилось где-то к началу 2000-х, но «откат» продолжается и в конце 2017 года, вероятно и в 2018 году на фоне событий на Украине, в Крыму и в Сирии. Его конечная точка в разных областях — безопасности, экономики, образовании, финансах и т.д. — может быть отмечена по-разному. Уже сейчас, например, видно, что отказ в области обеспечения безопасности почти пришел к новой точке равновесия, но в финансах и образовании — еще далек от завершения. Другими словами, развитие России происходит своего рода «слоями» — политическими, экономическими, культурными, образовательными и прочими в зависимости от двух групп факторов:

— во-первых, силы и эффективности накопленных традиций и привычек, капитала, в т.ч. человеческого, который, например, в российской истории и культуре огромен, а в технологии — уступает западноевропейскому;
— во-вторых, степени внешней экспансии Запада и его возможности влияния, которые, например, в экономике и финансах значительно превосходят военную область.

Реализация этого сценария после 2025 года в России неизбежно связана с военно-силовым противоборством, протекающим в условиях эскалации военного конфликта и продолжением мобилизационного

сценария развития России, к которому она должна будет неизбежно перейти до 2025 года. Очевидно, что требования США к КНР и России как к «ревизионистским» государствам не будут выполнены этими странами, но насколько Россия сможет пойти по пути укрепления суверенитета и национальной самоидентификации будет во многом зависеть от её правящей элиты, тех внутриполитических процессов, которые будут развиваться в стране.

Совершенно очевидно, что реализация до 2050 года сценария «Возвращения к истокам» будет означать, что страна будет становиться более авторитарной и опираться на мобилизационный сценарий, гарантирующей ей возвращение суверенитета.

15.7.б). Сценарий №2: «Универсальная парадигма»[62]

> Универсализм — требование, согласно которому любая процедура должна обеспечить определенный результат при любом логически возможном определении индивидуальных приоритетов[63]
>
> *Политика: Толковый словарь*

«Индивидуальные приоритеты» западной ЛЧЦ в будущем развитии человечества хорошо известны, как и миропорядок, основанный на господстве США и их контроле над мировой ВПО. Следует отчетливо понимать, что Если российская правящая элита примет эти правила и согласится с «универсальной парадигмой» развития страны, то нация сначала потеряет окончательно суверенитет, а затем и национальную идентичность.

Этот сценарий предполагает, что в России еще до 2025 года произойдет ускорение процесса вытеснения прежней системы ценностей новыми системами, имеющими, как правило, признаки ценностных систем лидирующих в своем развитии западной и китайской ЛЧЦ. После 2025 года такие процессы неизбежно выльются в потерю национальной идентичности и государственности, которые могут растянуться на 15–25 лет, но неизбежно завершаться еще до 2050 года.

Этот вариант — с точки зрения существования государства и нации — глобализации неизбежно приведет к катастрофе, но так как в пре-

дыдущие годы Россия уже получила «прививку» от либерал-глобализма, то в чистом виде подобный универсализм малореален. Он возможен только в качестве «прямой капитуляции» национальной правящей элиты, которая была в 1990-е годы, но повторить которую будет уже невозможно.

Вместе с тем не исключено, что военно-силовое давление Запада на правящую элиту России до 2025 года приведет к признанию ею поражения и фактическим уступкам, которые будут равноценны капитуляции, но оформлены в «цивилизованной» форме различных компромиссов, значение которых будут понимать немногие.

15.7.в). Сценарий №3: «Синтез российских и мировых достижений и ценностей»

Тот факт, что либеральная теория несет в себе зародыши собственного одичания и распада, всячески табуировался в рамках системы[64]

А. Щипков

Кризис идеологии и политической практики либерализма, нарастающий в последние десятилетия, ставит вплотную вопрос о том, какая идеология может стать наиболее приемлемой с точки зрения её практического применения как системы взглядов и управления. На мой взгляд, перед Россией такой вопрос не стоит: только искусственное сдерживание захватившими власть либералами развитие страны мешает простому переходу к синтезу, который совмещает систему российских ценностей и мировых идеологических и культурно-технических достижений.

Этот наиболее эффективный и полезный для России сценарий эволюции в развитии системы национальных ценностей и интересов, основанный на максимально полном использовании достижениях русской научной и духовной мысли (В. Вернадского, И. Ильина и др.). В настоящее время он фактически реализуется Китаем[65]. Странным образом, но именно собственное научное, духовное и культурное наследие еще только начинает использоваться масштабно в современной России.

Есть основания полагать, что открытия в области отечественной истории и естествознании могут дать очень мощный импульс разви-

тию национального человеческого капитала, который, в свою очередь, обеспечивает абсолютный прирост ВВП и промышленной продукции в современной экономике.

Учитывая, что «переходный период» или «фазовый переход», начавшийся во втором десятилетии, только-только начинается, можно ожидать, что к 2025 году он сможет выйти на свой пик развития. И не только в технологической и экономической, но и в социальной и гуманитарной областях. Это означает, что та ЛЧЦ, та нация, которые смогут предложить лучшие системы ценности и модели общественно-политического и экономического развития, смогут претендовать на мировое цивилизационное лидерство. В настоящее время на это лидерство претендуют США и западная ЛЧЦ, но привлекательность либерально-глобалистской системы ценностей все чаще ставится под сомнение[66].

«Сценарий №3» развития России после 2025 года предполагает, что ей удастся предложить человечеству свою, национальную систему ценностей, интегрированную с мировой системой ценностей наиболее органичным способом, которая станет не просто конкурентоспособной западно-либеральной системе ценностей, но и откровенной альтернативой.

15.7.г). Сценарий №4: «Ускоренная эволюция человечества как вида»

> Человеческое общество находится в преддверии новой технологической революции, которая, как и предыдущие, неизбежно повлечёт за собой глубочайшие перемены не только в сфере материального производства новых знаний, но и всей социально-экономической системе общества[67]
>
> *С. Бодрунов, экономист*

Стремительное развитие технологий в последнее десятилетие ставит вопрос о будущем — ментальном, физическом, интеллектуальном, психологическом и т.д. — всего человечества в совершенно новую плоскость. «Переходный период», начавшийся на втором этапе информа-

ционно-технологической революции, перейдет в период, когда роль человеческого капитала, прежде всего его творческого потенциала, и активных креативных слоев общества совершенно изменят представления об экономике и обществе[68].

Речь идет уже не только о продолжительности жизни и активности в 90 и даже 100 лет, а об изменениях в самой природе человека. Более того, всего общества, на принципиально новой технологической основе. Прежде всего, с точки зрения последствий для развития всей цивилизации и в контексте противоборства ЛЧЦ[69]. Причем эволюция интеллектуальных и психических возможностей, а, главное, — средств и способов влияния на человека и общество — развивается настолько стремительно, что вплотную возникает возможность создания системы манипулирования не только целыми социальными слоями и даже нациями, но и всем человечеством.

В самом общем, логическом, виде, развитие представляется следующим образом:

Развитие новейших технологий, которое ведет к:

— качественным изменениям в экономике;
— еще более радикальным изменениям в социальной области, которые, в свою очередь, ведут к:

во-первых, военно-технической революции в средствах ведения вооруженной борьбы и способах её ведения (революции в военном строительстве и военном искусстве), нала которым уже положено, но апогей будет достигнут к 2030–2040 годам;

во-вторых, **социальной революции**, в частности, масштабным изменениям в распределении полученных благ (не менее радикальным, чем в 50–60-гг. прошлого века), роли общественных институтов и человеческого капитала.

Эти изменения в социально-политической и финансово-экономической сферах деятельности неизбежно приведут к трансформации интеллекта и психики человека второй половины нашего века, когда уровень его образования, интеллекта, информвооруженность и креативность в целом выльются в мощнейший синергетический эффект появления нового человека, обладающего огромными возможностями — как созидательными, так и разрушительными[70].

Человек — мощный отдельный политический, экономический и военный ресурс.

Развитие интеллектуально-креативного потенциала личности приведет к тому, что к 2050 году практически каждый отдельно взятый человек превратится в личность, обладающую огромными возможностями (своего рода Бога-человека). Это означает, что человек, даже отдельная личность (если говорить в военных терминах), превратится в своего рода «информационно-ударный комплекс», способный наносить огромный ущерб, либо, наоборот, приносить огромную пользу. Этот процесс обозначился сегодня по мере того, как огневая мощь и способность непосредственно информационно взаимодействовать становится достоянием уже не отдельных подразделений, но и отдельных военнослужащих. Дальнейшее развитие этой тенденции к 2050 году превратит отдельного военнослужащего в своего рода отдельное воинское подразделение, обладающее ВТО, огневой мощью современной батареи орудий, способностью взаимодействовать как с высшим командованием, так и другими военнослужащими на поле боя.

Еще более радикальными будут изменения в возможностях использовать отдельные воинские подразделения, даже небольшие группы, для непосредственного решения крупных военных и политических задач.

Достижения медицины и генной инженерии могут еще более ускорить этот процесс, который в этом случае будет означать фактическую эволюцию человека в новую сущность, обладающую фантастическими созидательными и разрушительными возможностями. Этот сценарий уже в настоящее время не является фантастичным. Целый ряд правительств ввели законодательный запрет на работы по вмешательству в развитие ДНК. Так, считается, что род Homo, к которому принадлежит современный человек, возник 2,5–2,8 миллиона лет назад, когда произошла вспышка видообразования. Считается, что это стало возможным благодаря глобальному изменению климата.

При этом исчезали одни места обитания и появлялись другие, что провоцировало возникновению новых видов. Однако американские ученые смоделировали эволюционное развитие жизни на Земле без влияния внешних факторов. Оказалось, что в процессе эволюции вспышки видообразования могут происходить случайно. При этом по

масштабам они сравнимы с той, что привела к появлению человека. По мнению исследователей, это указывает на то, что род Homo мог возникнуть без участия климатических изменений. Такие «вспышки видообразования» в настоящее время возможны в качестве результатов исследований на генном уровне, в том числе и в военных целях.

Сказанное означает, что с военно-политической точки зрения преимущества будут у той стороны, которая в наибольшей степень сможет воспользоваться развитием этой тенденции. В её основе, стоит повторить, находится два важнейших фактора:

— Опережающее развитие современных технологий (на что по-прежнему делают ставку США). Так, в последней редакции «Национальной оборонной стратегии» с самого начала прямо говорится, что «Возрастающая сложность обеспечения безопасности связана с быстрыми технологическими изменениями…»[71].
— Опережающее значение роста человеческого капитала и его институтов развития, системы общественного и государственного управления.

Можно ожидать, что к 2050 году количественные критерии человеческого потенциала в мире (численность населения) уступят качественным, когда личность, обладающая высоким ИРЧП, сможет конкурировать по своему значению с сотнями и тысячами личностей, не способных к интеллектуальному и творческому процессу. Эта тенденция, в свою очередь, может привести как к появлению институтов и групп, объединяющих такие творческие личности и претендующие на новую роль в обществе (также, как в свое время дворяне и буржуа), так и неравенству не только между отдельными социальными группами, но и нациями и цивилизациями.

Подобное развитие — чревато угрозой военно-силового противоборства и появления новых наций и классов, которые интеллектуально и творчески будут принуждаться к отставанию в развитии и другим расовым акциям, что неизбежно будет обострять и без того непростую ВПО. Одним из результатов подобного развития может стать процесс превращения противника в «неуправляемую толпу», навязывая ему ложной системы ценностей и дезинформируя его на информационно-когнитивном уровне.

[1] Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 11.

[2] *Хрусталёв М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 139.

[3] См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. В 2-х т. — Т. 2. — С. 622–630.

[4] *Белкин С.Н.* Колонка главного редактора // Фокус, 2017. Апрель. — С. 5.

[5] *Свечин А.А.* Стратегия. — М.: Военный вестник, 1927. — С. 28.

[6] *Подберёзкин А.И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[7] *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[8] Там же.

[9] См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

[10] *Грин Р.* 33 стратегии войны. — М.: РИПОЛ классик, 2016. — С. 32.

[11] National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 18 jan. 2018. — P. 1.

[12] Если Россия не сдастся в первый день, во второй сдадутся США / Эл. ресурс: «24» / http.24molnia.ru/ 2017.07.11.

[13] 13 См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 1–2.

[14] *Милаева О.В.* Реклама W.2.0: современные тенденции в ИКТ / Эл. ресурс: «Военное обозрение», 2017.13.10.

[15] Times: Русских надо истреблять — они незаслуженно владеют природными ресурсами! 2017. 9 августа / https://newsland.com/community/8/content/times-russkikh-nado-istrebliat-oni-nezasluzhenno-vladeiut-prirodnymi-resursami/5946793

[16] *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[17] *Подберёзкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[18] Annual report to congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2015. — Wash.: GPO, 2015. April. — P. 8.

[19] *Хатунцев С.В.* Культурно-исторические зоны России и Европы // Фокус, 2017. Апрель. — С. 43.

[20] Новая холодная война // «The Weekly Standart». 2017.5.11.

[21] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — Т. 1. — 796 с.

[22] *Ермолаев С.* Формирование и развитие нефтегазовой зависимости Советского Союза / Московский центр Карнеги, 2017. 31 марта / http://carnegieendowment.org/files/CP_Ermolaev_2017_Rus_web.pdf

[23] Сравнительная история нефтезависимых экономик конца XX — начала XXI века / Приложение / http://carnegieendowment.org/2017/03/30/ru-pub-68462

[24] Российской экономике написали некролог. 24.01.2018. Экономика.

[25] В «Нью-Йорк Таймс» объяснили, почему Китай отберёт у русских Сибирь / Эл. ресурс: «ИНОСМИ», 14 июля 2014 г.

[26] 17-й Мадридский форум. «Энергетические регуляторы стран членов ЕС».

[27] *Конопляник А.* «Санитарный кордон» ЕС на пути углеводородов // Независимая газета, 2017.03.10.

[28] Там же. (Схема предоставлена автором).

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — Т. 1. — 796 с.

[32] На трех стульях. Какой исторический путь выбирают россияне? / Эл. ресурс: «Россия 2035». 24.10.2017.

[33] Joint Operating Environment 2035. 14 July 2016. — P. 3.

[34] Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. А. А. Дынкина / ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. — М.: Магистр, 2017. — С. 31.

[35] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — Т. 1. — 796 с.

[36] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — Т. 2.

[37] Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. А. А. Дынкина / ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. — М.: Магистр, 2017. — С. 31.

[38] *Кустов В. Н.* Душа России // Фокус, 2017. Апрель. — С. 8.

[39] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом « Международные отношения», 2017. — С. 34–44.

[40] Там же. С. 324–332.

[41] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А. С. Батанов, А. И. Подберёзкин, В. И. Зоркальцев — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005, — С. 5–12.

[42] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

[43] *Тавровский Ю.* XIX съезд КПК как начало новой эры в истории Китая // Завтра, 12 октября 2017 г.

[44] *Хазин М.* izborsk-club.ru. 27.10.2017.

[45] *Тавровский Ю.* XIX съезд КПК как начало новой эры в истории Китая // Завтра. 12 октября 2017 г.

[46] Там же.

[47] Там же.

[48] Там же.

[49] Сравнительная история нефтезависимых экономик конца XX — начала XXI века / Приложение / http://carnegieendowment.org/2017/03/30/ru-pub-68462

[50] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития

России / А.С. Батанов, А.И. Подберёзкин, В.И. Зоркальцев — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005, — С. 5–12.

[51] Россияне мечтают о технологическом будущем, но не видят возможности участия в нём/ Эл. ресурс: «2035» / 2035.media. 2018/02/12

[52] *Хрусталёв М.* А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 21.

[53] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2013. — Т. 3.

[54] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А.С. Батанов, А.И. Подберёзкин, В.И. Зоркальцев — М.: Русская Консалтинговая Группа, 2005, — С. 25–38.

[55] *Подберёзкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[56] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — Т. 1. — 796 с.

[57] *Белкин С. Н.* Цивилизационный фокус // Фокус, 2017. Апрель. — С. 3.

[58] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[59] Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А. Шаклеиной. — М.: Аспект Пресс, 2014. — С. 34.

[60] См., например: National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 18 Jan. 2018. — P. 1–2.

[61] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Русский Путь. — М.: ВОПД «Духовное наследие», 1999.

[62] Под парадигмой я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения (*Кун Т.* Структура научных революций. — М. 1977. — С. 77.)

[63] Политика: Толковый словарь. Русско-английский. — М.: ИНФРА-М, 2001. — С. 648.

[64] *Щипков А. В.* Социал-традиция. — АСТ-Пресс книга, 2017. — С. 48.

[65] *Подберёзкин А. И.* Русский Путь. — М.: ВОПД «Духовное наследие», 1999.

[66] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 373–476.

[67] *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. — Спб.: ИНИР, 2016. — С. 269.

[68] *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2013. — Т.3.

[69] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 307–312.

[70] Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России / А.С. Батанов, А.И. Подберёзкин, В.И. Зоркальцев. — М.: Русская консалтинговая группа, 2005.

[71] National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 18 jan. 2018. — P. 1.

Глава 16
Наиболее эффективная стратегия безопасности России до 2050 года — стратегическое сдерживание

Таким связывающим звеном (стратегий Сунь-цзы. — *А.П.*) является идеал — победа без кровопролития…. Стратегии, приносящие успех в войне,… основываются на психологии человека — всегда актуальной и не меняющейся во времени…[1]

Р. Грин, военный теоретик

Крайне негативное развитие ВПО в перспективе периода после 2026 и до 2050 года, которое вытекает неизбежно из всей логики предыдущих рассуждений, оформляется в наиболее вероятный сценарий развития внешних условий существования России, при котором изначально предполагаются различные варианты использования против неё не только силовой политики, но и вооруженного насилия. Причем эта тенденция эскалации, начатая еще до 2014 года, будет постоянно усиливаться, постепенно превращаясь из просто силового сценария развития ВПО в военно-силовой и военный к 2025 году.

Эта перспектива для России неизбежно ставит вопрос о разработке такой политики и стратегии, которые оказались бы достаточно эффективными в условиях нарастающего военно-силового давления и даже войны (я не рассматриваю в качестве альтернативы капитуляцию, хотя часть правящей элиты и общества в России, возможно, и готова пойти на это), а не только против существующих и потенциальных вызовов

и угроз, как это часто трактуется сегодня. Иными словами стратегия должна охватывать весь спектр действий России в мире — от сугубо мирных, соответствующим лучшим образцам сотрудничества, до военных во всех их масштабах.

Такой стратегией видится политика **стратегического сдерживания**, предполагающее (в современной трактовке) «разработку и системную реализацию комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства-агрессора (коалиции государств) в интересах обеспечения военной безопасности страны»[2]. В этом определении, как видно, есть узкая трактовка — «противодействие угрозам», хотя и с оговоркой «деструктивные действия», а также ограниченное восприятие интересов безопасности как интересов «военной безопасности» или «предотвращение применения военной силы»[3], что, на мой взгляд, не позволяет адекватно отражать современные реалии МО и ВПО: современное противоборство в мире может быть осуществлено самыми разными, в том числе и сугубо мирными, средствами.

16.1. Современный характер силового противоборства в мире

«Используя чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать»[4]

Б. Клинтон,
выступление на совещании ОКНШ США
25,09.1995 г.

Настоящее, а тем более будущее, стратегическое сдерживание только в одной своей, а именно — военной части — определяется способностью Вооруженных Сил России предотвратить вооруженное (и, в еще

меньшей степени, — ядерное) нападение, которое до настоящего времени традиционно считается главной функцией стратегического сдерживания «в рамках реализации военной политики страны»[5]. Между тем, изменение характера современного противоборства между субъектами ВПО в мире и особенностей современной войны привело к тому[6], что поражение в современной войне, т.е. политической победы, можно добиться, нанеся противнику удар не только средствами вооруженного насилия, но и иными силовыми средствами, без формального объявления войны и даже без массированного использования оружия[7].

Прежде всего, если при этом будут достигнуты два стратегического результата:

— политическая элита будет вынуждена выполнять навязываемую ей внешнюю волю, т.е. будет потерян в основном государственный суверенитет;
— если произойдет трансформация системы национальных ценностей, интересов и в конечном счете — национальной идентичности[8].

Политическое поражение, например, понес СССР, где правящая элита потеряла основную власть, территории, ограничила собственный суверенитет и влияние, наконец, передала под внешний контроль собственные материальные и природные ресурсы. При этом, военное поражение он так и не понёс, хотя, справедливости ради, следует признать, что развал Вооруженных сил и ОПК, потеря союзников и роспуск ОВД вполне можно рассматривать как самое серьезное военно-политическое поражение СССР.

Это означает, что **политическая оценка** состояния международной и военно-политической обстановки должна делаться исходя не из традиционных оценок характера войны, которые в основном сходятся к наличию крупномасштабных военных действий, а характера ведущейся силовой борьбы, т.е. силового противоборства, которое может вестись как вооруженными, так и не вооруженными средствами и методами. Соответственно и успешное противодействие этому силовому противоборству становится, в конечном счете, критерием эффективности вооруженной борьбы, что неизбежно ведет в свою очередь, к пересмотру всей политики стратегического сдерживания (средств и способов ведения вооруженной и силовой борьбы)[9].

Ярким примером этого тезиса стало фактическое поражение России в конфликте за Украину, где Западу с помощью самых разных силовых средств и методов удалось создать враждебное России государство и плацдарм для политического и военного противоборства. С геополитической точки зрения, приход к власти в 2014–2018 годах на Украине откровенно русофобских и антироссийских сил означает только одно — самое серьёзное политическое поражение России после развала ОВД и СССР[10].

Причем, полученный политический результат, — создание враждебного России политического и военного плацдарма вдоль наиболее важных границ — был достигнут в результате реализации последовательных мер стратегии силового принуждения украинской и российской правящих элит. Эти меры, как известно, в минимальной степени включали в себя собственно военные меры (подготовку кадров службы безопасности и министерства обороны Украины, развитие мощной резидентуры, вербовка правящей элиты, установление средств военно-технического контроля, совместные маневры, работа инструкторов и т.д.), но в гораздо большей степени самый широкий спектр силовых средств принуждения, которые традиционно пока что не относятся к военным:

— в области культуры (смена культурно-исторического кода);
— образования (воспитания в антироссийском духе);
— создании враждебных России институтов гражданского общества, включая полувоенные и военизированные организации и т.д.[11]

Важно, кроме того, дать максимально точную оценку именно современного этапа военно-политического противоборства, которое характеризуется очень медленным процессом восстановления российского государства и его институтов, что позволяет уже говорить о неком сознательном стратегическом планировании: к 2000 году правящей элите России удалось сохранить только часть исторической территории, часть государственного суверенитета, но, главное, всё-таки то, что удалось сохранить национальную идентичность и остатки государства. Эта оставшаяся «часть», как предполагали за Западе, в течение короткого времени окончательно деградирует и Россия превратится в лучшем случае в слабую конфедерацию на территории бывшей РСФСР, которая будет подконтрольна внешнему управлению. По некоторым оцен-

кам экспертов США из РЭНД на это могло уйти до 5–7 лет после чего США, как мировой лидер, могли бы распределить сферы влияния на территории России между теми, кто будет соответствовать американским требованиям[12].

Период правления В. В. Путина был, таким образом, мучительным периодом восстановления (иногда медленного, сопровождающегося кризисами и стагнацией) и возвращения всех этих атрибутов идентичности, который в целом закончился с восстановлением экономики и относительной мощи государства во втором десятилетии нового века, когда в мире обострилась борьба между новыми и старыми центрами силы и стоящими за ними ЛЧЦ и военно-политическими коалициями. Эта борьба приобрела острые силовые формы потому, что на повестку дня встал вопрос о сохранении или изменении сложившейся системы МО и ВПО, что неизбежно ставило вопрос о самых решительных политических целях — существовании государств, наций и цивилизаций[13].

Изменение характера современной политики и, в частности, военной политики в XXI веке радикально повлияло на процессы формирования МО и ВПО, а также средства и способы принуждения. Прежде всего силового принуждения или (используя традиционное выражение) политики силы[14], но отнюдь не средств и способов этого силового принуждения, которые претерпели в последние два десятилетия радикальные изменения[15]. Поэтому при разработке политики эффективного стратегического сдерживания в России необходимо учитывать, что эта новая военно-силовая политика Запада (политика «силового принуждения»)[16] в своей основе исходит из нескольких принципиально новых базовых положений, которые не только качественно отличаются от традиционных представлений военной науки, но и выходят далеко за границы собственно политики безопасности и компетенции Совбеза, МО, МИД и других ведомств, отвечающих за разработку стратегического сдерживания, а именно:

— самых решительных политических целей, предполагающих в конечном счете разрушение национальной идентичности России и её суверенитета, что изначально не предполагает поиск компромиссов и «поля для сотрудничества», когда переговоры и компромиссы теряют самостоятельное политическое значение и могут быть

использованы только в качестве тактического приема (по аналогии с Договором по ПРО 1972 действовавшим только на период проведения соответствующих НИОКР США);

— формирования широкой военно-политической коалиции во главе с США, в основе которой лежит система ценностей западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ)[17], и в которой в той или иной форме участвуют в разное время порядка 60 государств, т.е. создания единого фронта противоборства с Россией в форме широкой и контролируемой США коалиции;

— слабости коалиционных (особенно военно-политических) возможностей России, которые ограничены отсутствием общей идеологической и политической платформы, а также перспективами развития ОДКБ и широких «клубных» коалиций типа БРИКС и ШОС;

— крайне невыгодного соотношения сил между Россией и западной коалицией, которое может соотноситься как 1:25, если речь идет о ВВП, 1:50, если речь идет о соотношении СМИ и других инструментов мягкой силы, и 1:75 и более, если речь идет о новейших технологиях;

— отсутствии в России эффективного государственного управления, слабой правящей элите (часть которой ориентирована на Запад), нарастающем социально-экономическом неравенстве и напряжении в обществе, что в совокупности создаёт условия для внутриполитической дестабилизации страны.

Поэтому собственно современное эффективное стратегическое сдерживание предполагает способность нации вообще и государства, в частности, противодействовать политике «силового принуждения», реализуемой в самых разных формах и разными способами[18]. Оно не определяется компетенцией только Президента РФ, Совбеза, МИД и других силовых ведомств, а является предметом внимания всей нации и общества, т.е. является общенациональной стратегией[19].

Это обстоятельство в полной мере относится к средствам и способам политики. В том числе — и чаще всего — силовыми, но далеко не всегда военными средствами, против которых военная сила бывает чаще всего бесполезна. Так, отказ от возможности долгосрочных финансовых займов, а тем более аресты депозитов и активов, не могут быть

предотвращены вооруженным насилием. Также как ограничения на участие в международных обменах и мероприятиях, но, прежде всего, противодействие информационно-когнитивному и цивилизационному воздействию. В конечном счете необходимо всегда помнить, что развал ОВД и СССР не были результатом военного поражения, а проигрышем на других полях противоборства — концептуально-когнитивного, идеологического, информационного, экономического и социального.

Представляется, что будущая политика стратегического сдерживания России должна иметь достаточно универсальный характер, который определяется современным характером МО и ВПО, а также войн и военных конфликтов, а именно — быть используемой стратегией, которая «работает» не только против известных угроз и опасностей, но, прежде всего, в интересах всей системы национальной безопасности России[20]. Разница — принципиальная: **защита от угроз** и опасностей предполагает неизбежные ответные действия (как правило, только в военной области), а защита интересов безопасности — активные, в т.ч. инициативные действия по **обеспечению интересов**, которые исходят из самых разных интересов, а не из опасностей. Аналог такой стратегии уже существует в США под названием «стратегия принуждения» («the power to coerce»)[21].

Так, политика дипломатической и иной изоляции России, проводимая и их союзниками США в последние годы (например, в области информации или спорта), не требует военной реакции потому, что не создает прямой военной угрозы, но наносит ущерб интересам национальной безопасности, т.е. требует от России защиты — дипломатов, журналистов, спортсменов и т.д., что должно быть предусмотрено в российской политике стратегического сдерживания.

Заключительная глава к первой книге предполагает, что будут сделаны основные выводы (необходимые, не только для этой части исследования, но и для работы над следующими книгами, которые будут посвящены особенностям военно-политического развития США, перспективам военно-политического развития и отношений наиболее крупных локальных человеческих цивилизаций и сценариев развития военно-политической обстановки в мире), которые, на мой взгляд, целесообразно связать с возможной стратегией сдерживания России на

долгосрочный период. Этой проблематикой, напомню, мне приходилось заниматься и прежде[22], но в наиболее законченном виде она представлена именно в этой работе.

Главный вывод первой книги заключается в том, что военно-политическое развитие России до 2025 года будет развиваться параллельно с ускоряющимся изменением соотношения сил в мире между основными локальными человеческими цивилизациями и их центрами силы, перестройкой всей системы МО и ВПО, что неизбежно будет сопряжено с усилением эскалации враждебности прежде всего со стороны западной ЛЧЦ, которая стремительно приближает нас к прямому военному столкновению[23].

Более того, я уверен, что военно-политическое противоборство России в 2018 году уже перешло эту грань, отделяющую такие понятия как «война» и «мир», в их современном, а не традиционном понимании. Исчезло само представление о «красной черте», разделяющей понятия «война» и «мир», хотя именно в 2017–2018 годах эту границу пытаются усиленно найти. В настоящее время одновременно (и даже нередко на одном и том же пространстве), параллельно существует мир и война, что крайне трудно умещается в традиционном понимании. Так, на Украине открыто происходит геноцид русских, в том числе их физическое уничтожение, а русское государство — Россия — в то же время не только сохраняет политико-дипломатические отношения, но и торговлю, разрешает те виды деятельности, которые не возможны в военное время[24].

Более того, подобная ситуация существует и во многих других странах, где происходят или готовятся военные конфликты (таковых в 2018 году было более 50), но, прежде всего, — в Афганистане, Ираке, Сирии. Наконец, можно ожидать, что подобное состояние сохранится в мире и в будущем при полностью искаженном информационном пространстве. Это означает, что нужно учиться жить и выживать в условиях **одновременного существования войны и мира.** Это означает, что далеко не всегда будет использоваться военная сила, а не другое (политическое, экономическое, информационное) насилие для достижения тех же целей, что предполагает у другой стороны наличие, как минимум, своего набора средств и способов силового (но не обязательно военного) противодействия. Более того, такие не военные средства

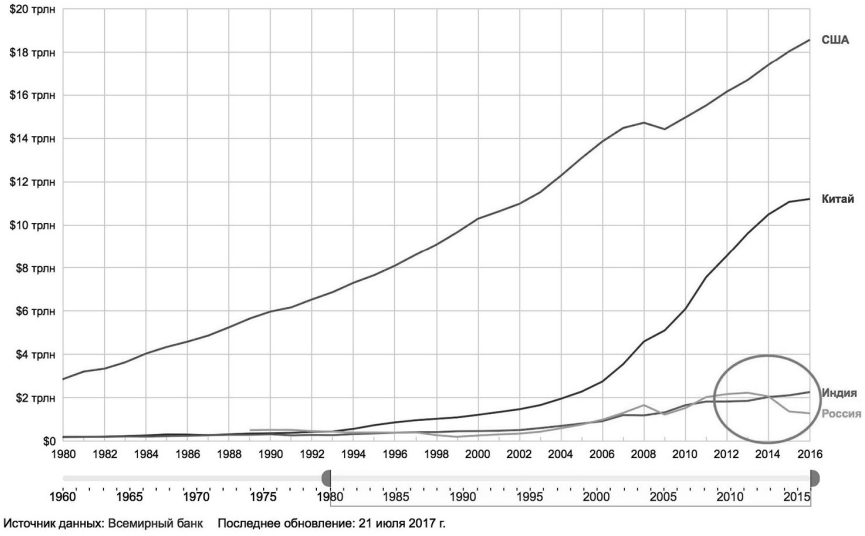


Рис. 16.1. Валовый внутренний продукт

должны быть в наличии и для их применения в инициативном порядке: в ответ на политико-дипломатические меры уже сейчас используются информационные и когнитивные, а не только симметричные.

Период 2018–2025 годов будет острым периодом силового противоборства, во время которого быстрыми темпами будет нарастать эскалация вооруженного насилия в отношениях западной коалицией с Россией — от военного противостояния, включающего самый широкий спектр военной активности (участия ЧВК и спецназа), и поставок вооружений противникам России до всё более активного вовлечения собственных вооруженных сил[25]. Подобная эскалация будет означать в то же время и создание «позиции силы» для применения других средств, например, информационных, в частности, навязывания своих норм поведения в мире и своей системы ценностей, кадровой политики, выбора партнеров и союзников. Очень наглядно это видно в последние годы на примере поведения давнего партнера России — Индии, которого США убеждают и принуждают пересмотреть свое отношение к России и, прежде всего, ВТС.

В период 2025–2050 годов, на мой взгляд, военно-силовое противоборство будет находиться уже в стадии военной эскалации от локальных конфликтов к региональным (на отдельных ТВД России) и, вероятно, гло-

бальному конфликту, в котором западная ЛЧЦ будет надеяться добиться «окончательной» победы, закрепив её новыми международно-правовыми нормами победителей и подчинив себе другие нации и потерявшие суверенитет государства. В этом смысле наиболее опасный период для России наступит не позже 2025–2030 годов, когда существующая политика военно-силового противоборства США и всей западной коалиции неизбежно достигнет своей высшей точки эскалации в отношениях с Россией[26].

Подобное развитие событий делает прогноз на период после 2025 года крайне пессимистичным. Если говорить коротко, то этот период может продолжаться от нескольких лет (2025–2028 гг.) до нескольких десятков лет (2025–2050 гг.), когда военно-силовые действия приобретут масштабный характер. На мой взгляд, для США будет наиболее предпочтительным развязать военные действия на европейском ТВД силами своих союзников, прежде всего, тех, кто вступил в НАТО в последние десятилетия и находится в зоне соприкосновения с границами России — в той или иной степени это могут быть страны Балтии, Польша, Чехия и Словакия, Румыния, Болгария и другие государства (от Сербии до Великобритании), которые могут составить второй эшелон.

Но и первый эшелон стран по своему потенциалу (бюджету, ВВСТ, военнослужащим) примерно сопоставим с российским, поэтому поддержка старых членов НАТО может наступить не сразу, но она может быть существенной. Достаточно сказать, что в 2018 году США продадут Бельгии 30 самолетов 5-го поколения Ф-35, а потенциал стран Северной Европы вполне сопоставим с российским.

Такое развитие событий на европейском ТВД позволит США в третий раз (после Первой и Второй Мировых войн) реализовать сценарий своего вступления в военные действия на завершающем этапе и максимально воспользоваться всеми этими преимуществами — силы противоборствующих сторон будут исчерпаны, а их способность воевать — подорвана.

Аналогичного положения США попытаются добиться и на кавказском и среднеазиатском ТВД, где против России смогут выступить различные силы, подконтрольные США и коалиции, задачей которых будет оттянуть ресурсы нашей страны, получив в лучшем случае оперативно-тактические преимущества.

В итоге таких действий следует ожидать бескомпромиссного мира, капитуляции, которая будет означать не только потерю суверенитета, но и национальную идентичность России, раздел её территории и потерю контроля над транспортными коридорами и природными ресурсами. «Новая история» во взаимоотношениях уцелевших после глобального военного конфликта субъектов ВПО начнется только после окончательного завершения глобальной войны между ведущими ЛЧЦ, в стороне от которой полностью не удастся остаться абсолютному большинству государств[27].

Я не считаю, более того, никогда не считал[28], что глобальный конфликт будет непродолжительным и закончится после короткого столкновения одного из основных участников с другим, а его результаты будут носить компромиссный, промежуточный характер. Совсем наоборот: масштабы подготовки и ресурсы основных вероятных участников вооруженной борьбы могут дать им возможность длительных военных действий, нацеленных на достижение окончательного политического результата. Так, последние военные конфликты между не самыми крупными субъектами ВПО — Сирией и Украиной, с одной стороны, и отдельными акторами — ДНР, ЛНР и различными участниками военного конфликта в Сирии, с другой, — показывают, что ни использование КР всех типов базирования, ни стратегических бомбардировщиков, ни ВТО на протяжении целого ряда лет — не гарантирует быстрого завершения войны.

Даже короткий и локальный военный конфликт в Южной Осетии в августе 2008 года за три дня «унес» сотню танков и несколько сотен единиц бронетехники, самолеты, все бронекатера Грузии, а также тысячи раненых и несколько сотен убитых. В ходе боевых действий российская сторона потеряла всего три танка: один Т-72Б (М), один Т-72Б и один Т-62, а грузинская — более100[29].

В ходе боевых действий были сбиты шесть российских самолетов: три Су-25, два Су-24 и один Ту-22М3. Уже после окончания боевых действий в Южной Осетии произошла авиакатастрофа, в которой были потеряны два российских вертолета — Ми-8МТКО и Ми-24.

ВМФ России в ходе боевых действий потерь личного состава или повреждений техники от огня противника не имел.

Официальные потери личного состава составили 67 военнослужащих.

В то же время потери грузинской армии были официально озвучены в 2008 году и составили в живой силе 170 военнослужащих и 14 полицейских, ранены до 2 тыс. человек, отмечает ЦАСТ.

Во время боевых действий был полностью уничтожен военный флот Грузии — два ракетных катера и пять сторожевых. Потери авиации составили — три Ан-2, три вертолета Ми-24 и один Ми-14.

Армия Грузии потеряла во время боевых действий четыре БМП-2, три БТР-80, четыре бронемашины «Кобра» (Турция). 15 БМП-1У (модернизированные на Украине) и две БМП-2 взяты в качестве военных трофеев. Грузинская артиллерия понесла потери в виде уничтоженных во время боев четырех самоходок калибра 203 миллиметра «Пион», двух «Дана» (Чехия). В качестве военных трофеев российская армия взяла один «Пион», две «Дана» и 20 несамоходных пушек различного калибра.

Кроме того грузинская армия потеряла большое количество военно-транспортной техники (не менее 30–40 единиц).

Очень показателен военный конфликт в Сирии, который превратился в полномасштабную войну, в ходе которой ВКС России, самолеты и КР американской коалиции совершили сотни тысяч самолето-вылетов и уничтожили сотни тысяч целей в Сирии, а на земле в операциях участвовали тысячи танков и артиллерийских систем, но война затянулась на годы.

Аналогичная ситуация до этого наблюдалась и в Афганистане, и в Ираке, что позволяет сделать общий вывод: меняясь в особенностях, глобальный военный конфликт не перестает, как и в прежние годы, быть решительным и длительным столкновением между субъектами ВПО. Другими словами, начавшись где-то в середине или даже в начале 20-х годов, военный конфликт между разными ЛЧЦ и их военно-политическими коалициями может приобрести не только масштабный и разрушительный, но и длительный характер, вероятнее всего затянется на годы. При этом стороны будут преследовать в нем самые решительные, бескомпромиссные цели, использовать все средства и способы ведения военного противоборства[30].

Окончательная победа в этом столкновении окажется на той стороне, которая, как и всегда, будет лучше организована и подготовлена к войне, но, главное, будет готова к самым решительным и бескомпро-

миссным действиям, риски которых будут существенно превышать ожидаемые в настоящее время негативные последствия вооруженных конфликтов.

При этом роль и значение силовых средств в политике Запада будет нарастать, а замена вооруженной силы на не военные способы ведения силовых операций станет доминирующей тенденцией.

16.2. Повышение эффективности стратегического сдерживания России до 2050 года как условие национального выживания

Военные стратеги действуют совсем иначе. Они продумывают все вперед на много ходов, чтобы решить, от каких поединков лучше уклониться, а какие неизбежны. Они знают, как управлять собственными эмоциями…[31]

Р. Грин,
военный теоретик

«Используя чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать»[32]

Б. Клинтон,
выступление на совещании ОКНШ США
25,09.1995 г.

Усиление противоборство между ЛЧЦ и их коалициями в XXI веке неизбежно приведет к перенапряжению всех российских ресурсов, которых даже в этом случае может быть недостаточно для эффективного противодействия новым центрам силы и их военно-политическим коалициям. Необходим новый уровень и качество политического и военного искусства, компенсирующий относительную демографическую и экономическую слабость России. Необходимо всегда помнить сло-

ва гениального военного теоретика Р. Грина о том, что «Войну — как и любой другой конфликт — ведут и выигрывают благодаря стратегическому искусству»[33]. Простое (тупое) сравнение в соотношении материальных сил — бюджетов, количества ВВСТ или численности вооруженных сил — еще не гарантирует достижения политической победы или даже значимого результата, если ему противостоит мудрая стратегия. Еще почти 100 лет назад видный русский военный теоретик А. Свечин писал: «политика — внешняя и внутренняя — является руководящим мотивом решений истории»[34].

В этой связи необходимо признать, что политика современного стратегического сдерживания, которая осуществляется Россией, не способна обеспечить эффективную защиту интересов её национальной безопасности. Она в состоянии защитить только от основных военных угроз, но когда речь заходит об ущербе в других областях, то стратегическое сдерживание перестает работать. Это видно на многочисленных примерах — от выдавливания России с постсоветских территорий в Европе и Азии до многочисленных санкций и откровенных политико-дипломатических оскорблений, наносящих ущерб престижу России. Очевидно, что эффективность стратегического сдерживания стала не достаточной в связи с нарастающим давлением со стороны западной коалиции, обладающей значительно большими ресурсами. Эту стратегию необходимо срочно корректировать в направлении повышения её эффективности, прежде всего, в тех областях обеспечения безопасности, которые не связаны непосредственно с военной безопасностью государства[35].

Настоящее, а тем более будущее, стратегическое сдерживание только в одной своей, а именно — военной части — определяется способностью Вооруженных Сил России предотвратить вооруженное (и, в еще меньшей степени, — ядерное) нападение. Поражение в современной войне, т.е. добиться политической победы, можно нанеся противнику удар и без формального объявления войны и без массированного использования оружия[36]. Политическое поражение, например, понес СССР, где правящая элита потеряла власть, территории, ограничила собственный суверенитет и влияние, наконец, передала под внешний контроль собственные материальные и природные ресурсы.

Это связано с резким изменением ВПО в период 2014–2018 годов: если после провалов 1980-х и 1990-х годов, к 2000 году, российской правящей элите удалось сохранить только часть территории, часть суверенитета, но, главное, не дать окончательно уничтожить национальную идентичность и остатки государства, хотя именно так оценивали состояние страны и нации на Западе в конце 1990-х годов, то в период правления В.В. Путина — был начат мучительный период восстановления и возвращения всех этих атрибутов, который в целом закончился с восстановлением экономики и относительной мощи государства во втором десятилетии нового века, когда в мире обострилась борьба между новыми и старыми центрами силы и стоящими за ними ЛЧЦ и военно-политическими коалициями[37].

Возвращение России в качестве субъекта МО и ВПО было встречено с неудовольствием и удивлением на Западе, где уже свыклись с мыслью о новом мировом порядке, в котором для России не было места. Поэтому естественное возвращение России было встречено враждебно, с нарастающим противоборством, которое не только быстро усиливалось, но и приобретало всё новые, более опасные формы, но, главное, — требовало эффективного ответа. Прежние симметричные меры очевидно были в этих условиях бесполезны: эскалация экономических санкций, например, превысила 500 решений, а информационных, спортивных и других враждебных действий — приобрела ежедневный характер. Причем не с 2014 года, а значительно раньше, когда еще только было принято решение «окончательно дожать» Россию.

Эта борьба приобрела острые силовые формы потому, что на повестку дня встал вопрос о сохранении или изменении сложившейся системы МО и ВПО, что неизбежно ставило вопрос о самых решительных политических целях — существовании государств, наций и цивилизаций[38].

Новый период формирования МО и ВПО означал коренное изменение характера современной политики и, в частности, военной политики в XXI веке радикально повлияло на процессы формирования новых средств и способов силового принуждения. Прежде всего, системного военно-силового принуждения или (используя традиционное выражение) политики силы[39]. Произошла взаимная интеграция силовых средств — политических, финансовых, информационных и воен-

ных в единую систему силового принуждения, когда даже традиционные средства (например, финансово-экономические) стали рассматриваться в комплексе с информационными, политическими и военными.

Это не сразу оказалось понятым в России, где какое-то время рассматривались экономические и финансовые санкции в качестве традиционных экономических средств давления, а не силового принуждения. В частности, экономических и финансовых инструментов насилия, о которых председатель ВТБ России А. Костин наконец сказал как о военных инструментах политики в Давосе в 2018 году: «Запад хочет с помощью санкций создать давление на Россию, заявил глава ВТБ А. Костин на деловом завтраке ВТБ в рамках Всемирного экономического форума в Давосе. «Это то, чего, я думаю, Запад добивается. Я думаю, что они хотят при помощи санкций оказать большое давление на Россию, чтобы РФ сменила правительство, президента на кого-то более подходящего для них. Я думаю, что это **экономическая война**, это не просто торговая война, когда вы просто ограничиваете немного импорт или экспорт»[40].

Это признание банкира — примечательно потому, что впервые те, кто всегда был далек от политики, особенно военной политики, заговорили в военно-политических терминологиях, которые прежде совершенно не использовались. По словам А. Костина, санкции — это «крайне полномасштабная атака на Россию, на российское общество, с большим давлением на экономику». «Это очень большая экономическая война. И я говорю серьезно, и мы будем воспринимать это очень серьезно», — заявил он. Более того, Костин даже прямо предупредил о «растущей угрозе военного конфликта» в Европе. Он рассказал о своей обеспокоенности по поводу «опасной» ситуации в связи с наращиванием военных сил в Европе, которая может вылиться в «инцидент» между войсками НАТО и России.

Таким образом, при разработке политики эффективного стратегического сдерживания в России на будущее тем более необходимо учитывать, что эта новая военно-силовая политика Запада (политика «силового принуждения»)[41] в своей основе исходит из нескольких базовых положений, которые выходят далеко за границы традиционного понимания и существующей в России ответственности собственно

политики безопасности и компетенции Совбеза, МО, МИД и других ведомств, отвечающих за разработку политики стратегического сдерживания, а именно:

Первое: неизбежности в будущем со стороны западной коалиции самых решительных политических целей, предполагающих, в конечном счете, разрушение национальной идентичности России и уничтожения её суверенитета, что изначально **не предполагает поиск** компромиссов и поля для сотрудничества, которые могут быть использованы только в качестве тактического приема (по аналогии с Договором по ПРО 1972 действовавшим только на период проведения соответствующих НИОКР США).

Попытки российского руководства в 2014–2018 годах найти компромиссы с руководством США и их союзниками по всему спектру проблем — от спорта до ограничения вооружений — ни к чему не привели: процесс «дожимания» (силового принуждения) был не просто продолжен, но и постоянно развивался по восходящей эскалации. На мой взгляд, эта тенденция будет продолжена на стратегическую перспективу после 2025 года, остановить которую можно будет только при помощи ответных силовых мер со стороны России. Ожидание компромиссов — бессмысленно.

Соответственно, нужны не только ответные действия, но и:

— инициатива, в особенности на тех направлениях, где может быть наиболее болезненная реакция (например, помощь противоборствующим силам ВВСТ);
— ответные действия, превышающие ожидаемые последствия, в частности, если говорить о высылке дипломатов, то можно потребовать высылать большее количество, закрывать консульства, свертывать любое другое сотрудничество.

Второе: Необходима как открытая, так и скрытая массированная поддержка любых сил, противостоящих США и их союзникам, — от КНДР до отдельных акторов, выступающих против политики США, при понимании, что процесс формирования военно-политической коалиции во главе с США, в которой в той или иной форме участвуют в разное время порядка 60 государств, т.е. создания единого фронта противоборства с Россией, будет продолжен и России нужна своя коалиция.

Важно иметь долгосрочную политику, направленную на дестабилизацию и раскол западной военно-политической коалиции, а, как минимум, препятствующую её расширению и милитаризации, которая характерна для ряда стран в последние годы. Так, например, Варшава и Вашингтон ведут переговоры о размещении базы американских беспилотных летательных аппаратов на территории 12-й базы БПЛА ВВС Польши в Мирославце. Эту информацию подтвердил пресс-секретарь генерального командования Войска Польского. Военные эксперты утверждают, что Пентагон планирует разместить БПЛА MQ-9 «Reaper». Несмотря на то, что министерство национальной обороны Польши не комментирует эти данные, известно, что американская сторона уже провела рекогносцировку в Мирославце и уже весной этого года здесь могут появиться ударные беспилотники класса MALE (средневысотные, большой продолжительности полета). Между тем на вооружении Войска Польского нет дронов такого класса, однако до конца 2018 года, в рамках технической модернизации польских ВС, планируется подписать соглашение на их покупку[42].

Если рассматривать американские подразделения, размещенные в Польше в рамках «усиления передового присутствия», а именно боевую бронетанковую бригадную группу, то следует указать, что у тактических соединений, размещенных в Польше резко вырос боевой потенциал в последние годы[43] Фактически в настоящее время на территории Польши кроме национальных ВС размещены многонациональная боевая батальонная группа НАТО, склады вооружения и военной техники, боевая бронетанковая бригадная группа США, бригада армейской авиации США, эскадрилья истребителей F-16 и звено военно-транспортных самолетов С-130 ВВС США, в воздушном пространстве страны дежурит самолет дальнего радиолокационного обнаружения и управления авиацией НАТО.

Это уже мощный ударный потенциал на восточном фланге НАТО непосредственно у границ Беларуси, который значительно возрастет с прибытием сюда многоцелевых БПЛА. Только вот к чему подобное усиление американского военного присутствия в Польше, не совсем понятно. Прямой угрозы от соседей у поляков нет — у россиян в Калининградской области слишком мало войск, чтобы они представляли какой-либо интерес в стратегическом плане, а Беларусь каждый год сокращает свои

Вооруженные силы и, если так будет продолжаться до 2020 года, их станет в четыре раза меньше польских. А тут еще и американские войска. В таком случае официальному Минску стоит пересмотреть планы по оптимизации собственных Вооруженных сил, иначе поздно будет[44].

Третье: Учитывая слабость коалиционных (особенно военно-политических) возможностей России, которые ограничены перспективами развития ОДКБ и широких «клубных» коалиций типа БРИКС и ШОС, необходимо вернуться к идее создания политико-идеологической антиамериканской коалиции, включающей любые государства и акторы, которые готовы противодействовать гегемонизму США.

Такие силы могут быть как среди традиционных участников МО и ВПО, так и — что особенно ценно — среди тех акторов и отдельных лиц, которые находятся внутри западной коалиции.

Четвертое: Учитывая крайне невыгодного соотношения сил между Россией и западной коалицией, которое может соотноситься как 1:25, если речь идет о ВВП, 1:50, если речь идет о соотношении СМИ и других инструментов мягкой силы, и 1:75 и более, если речь идет о новейших технологиях, необходимо переносить соперничество в новые научно-технические и технологические области, а также образование, культуру и фундаментальную науку, которые необходимо развивать на национальной основе.

Необходимо понимать, что любые усилия в этой области — многократно укрепляют позиции России даже в том случае, если они не конкурентоспособны по объемам и масштабам финансирования;

Пятое: отсутствии в настоящее время России эффективного государственного управления, слабая правящая элита (часть которой ориентирована на Запад), нарастающее социально-экономическое неравенство и напряжение в обществе, в совокупности создаёт условия для внутриполитической дестабилизации страны.

Однако, история России показывает, что в условиях мобилизации, эти факторы могут иметь совершенно иное значение — высочайшую эффективность управления (как в годы ВОВ), национальный подъем, патриотизм. Поэтому повышение эффективности стратегического сдерживания должно опираться на национальную мобилизацию и концентрацию, социальную справедливость и патриотизм.

Это, в частности, означает, что собственно современное эффективное стратегическое сдерживание предполагает способность нации вообще и государства, в частности, противодействовать политике «силового принуждения», реализуемой в самых разных формах и разными способами[45]. Оно не определяется компетенцией только Президента РФ, Совбеза, МИД и других силовых ведомств, а является предметом внимания **всей нации и общества**.

Шестое. В российском стратегическом сдерживании следует предусмотреть необходимость расширения силовых, но не военных способов и средств политики для противостоянии этому процессу, который активно стимулируется на Западе. Это обстоятельство в полной мере относится практически ко **всем средствам и способам силовой политики** — от традиционных до военных. В том числе — и чаще всего — военно-силовыми, но далеко не всегда военными средствами, против которых военная сила бывает чаще всего бесполезна. Так, отказ от возможности долгосрочных финансовых займов, а тем более аресты депозитов и активов, не могут быть предотвращены вооруженным насилием. Также как ограничения на участие в международных обменах и мероприятиях, но, прежде всего, противодействие информационно-когнитивному и цивилизационному воздействию.

В конечном счете, необходимо всегда помнить, что фактическое уничтожение противостоящего центра силы и деградация восточноевропейской ЛЧЦ, которая повлекла за собой серии национальных катастроф, не были результатом военного поражения: развал ОВД и СССР также не были результатом военного поражения, а проигрышем на других полях силового, но не военного, противоборства — концептуально-когнитивного, идеологического, информационного, экономического и социального. Восточная ЛЧЦ проиграла сначала идеологическую битву, затем концептуальную и когнитивно-содержательную (причем добровольно, фактически, без сопротивления), наконец, социально-экономическое соперничество, и, только потом — политическое. Военный «разгром» последовал с помощью мирных средств и добровольно.

Ситуация развивалась в этом направлении сознательно и быстро в последующие годы, но, в отличие от десятилетий соперничества Востока и Запада, уже не столь осторожно. Западная ЛЧЦ открыто провоз-

гласила свои ценности и интересы абсолютными, а чужие — вредными и враждебными, которые требуют уничтожения. К старым средствам и способам борьбы были добавлены новые. Те средства и способы силового принуждения, которые разрабатываются сегодня в США и странах-союзниках по военно-политической коалиции, представляют собой, как правило, принципиально новые способы силового принуждения России, её правящей элиты , к политической капитуляции, которая в конечном счете должна привести к национальной и государственной катастрофе. Эти решительные и бескомпромиссные цели означают, что такие же бескомпромиссные будут средства и способы силового принуждения России. Поэтому необходимо сделать, как минимум, вывод о том, что средства и способы противодействия должны быть такими же **бескомпромиссными и эффективными**[46]. В самом общем виде они представлены на следующем рисунке (рис. 16.2).

Как видно, после поражения восточной ЛЧЦ[47] в западной политике стали активно развиваться два «спектра» в наборе сил и средств политики «новой публичной дипломатии» (силовой политики Запада)[48], которая принципиально стала отличаться от прежней политики «публичной дипломатии». Эта эволюция странным образом осталась не замеченной для большинства наблюдателей, хотя радикально отразилась на всей политико-дипломатической практике современных государств. Всего-навсего за последние 100 лет она прошла через два важнейших этапа, превратившись из:

Традиционной дипломатии, характерной для всей истории человечества вплоть до начала XX века, в **публичную дипломатию**, второй половины XX века, и, наконец, **в новую публичную дипломатию**, которая стала реальной политикой западной ЛЧЦ в новом веке.

Отличия между этими политиками многочисленны не только по целям (которые стали почти абсолютно радикальны, вплоть до полного уничтожения государств) и характеру используемых средств, но и по способам их применения, а также основным участникам ВПО и МО. Так, негосударственные акторы прежде рассматривались как исключение, иногда не допустимое в борьбе (партизаны 1812 и 1941–1945 гг.), а на этапе трансформации в политику публичной дипломатии после Второй мировой войны — в участника ВПО. В период развития по-

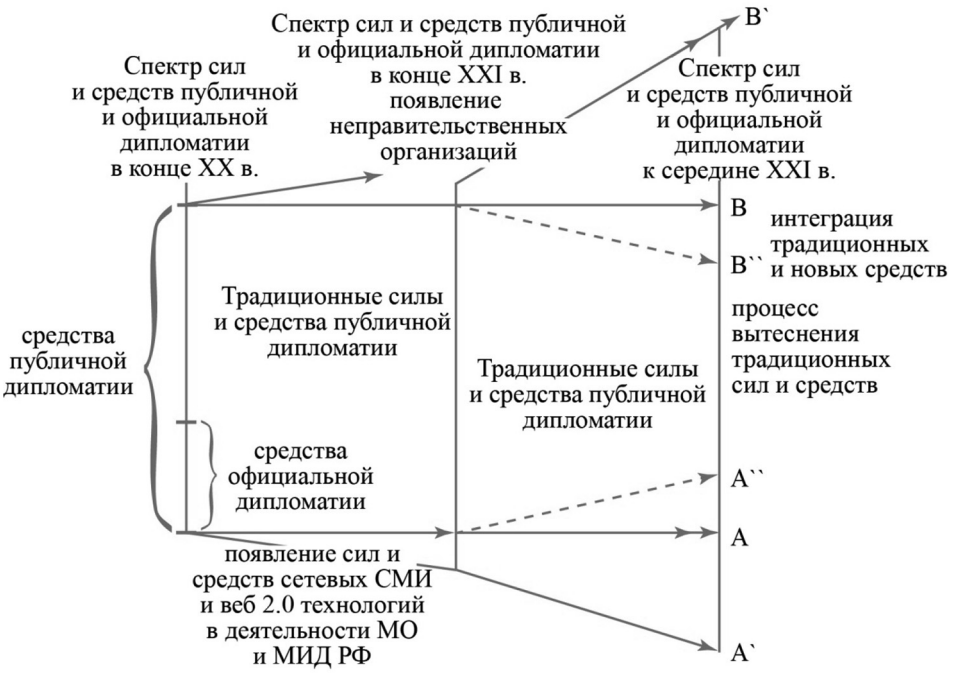


Рис. 16.2. Расширение спектра сил и средств публичной и официальной дипломатии в XXI веке (на примере МИД и МО РФ)

литики «новой публичной дипломатии» начала нового века эти акторы стали превращаться в основных субъектов, формирующих ВПО: на Украине, в Сирии, а до этого на территории бывшей Югославии, Афганистана, Ирака и других государств именно неформальные вооруженные формирования стали играть ведущую роль. Эта особенность была замечена еще на рубеже 1990-х годов. И не только в Афганистане, но и в СССР, где до его разрушения действовали тысячи военизированных формирований и организаций. На эту особенность я пытался обратить внимание в самом конце 1980-х годов[49].

В целом указанная эволюция в политике Запада отражает следующие особенности, требующие обязательной реакции со стороны России в её стратегии сдерживания:

1. Усиливается координация традиционных силовых сил и средств, которые стали в возрастающей степени **интегрироваться**, что особенно хорошо видно на примере работы Госдепа США, который объединяет в одну общенациональную политику все военные

и не военные средства, развивая и усиливая их новыми аспектами, например, организацией незаконных вооруженных формирований, использования сил специального назначения, ЧВК и др. действия, обозначенные на рисунке спектром сил и средств «В».

Силовая политика с использованием традиционных силовых средств становится жестко скоординированной между всеми направлениями, превращается в систему, обладающую мощным синергетическим эффектом. Это потребует от России, как минимум, такой же интеграции действий между «политикой МИДа», отдельными министерствами, корпорациями и ведомствами.

2. Другой спектр силовых сил и средств — относительно новый, не имевший прежде аналогов. Он связан с информационно-когнитивным воздействием на противника, откровенной массированной дезинформацией, «фейковой» стратегией и использованием новейших информационных и социальных технологий, обозначенных на рисунке спектром сил и средств «А»[50]. Так, в январе 2018 года министерство обороны Великобритании запустило несколько дезинформаций относительно «готовности России напасть на Англию». В то же время в правительстве Великобритании был создан специальный отдел «по борьбе с фейковыми новостями».
3. В целом разработка и внедрение таких новых эффективных средств и способов противодействия политике силового принуждения Запада и составляет собой суть понятия «эффективное стратегическое сдерживание», которое значительно шире, чем традиционное (и упрощенное) восприятие политики «ядерного сдерживания» («устрашения»).

Таким образом, новая задача, стоящая перед политикой стратегического сдерживания России, заключается, прежде всего, в поиске наиболее эффективных средств и способов противодействия политике силового принуждения Запада в новых условиях формирования МО и ВПО[51].

На Западе признают, что в России несколько лет назад начался пересмотр важнейших положений военного искусства, который они связывают с НГШ ВС РФ В. Герасимовым. Так, один из авторов, М. Маккью, пишет: «В феврале 2013 года генерал В. Герасимов — начальник российского Генерального штаба, что примерно соответствует американской

должности главы Объединенного комитета начальников штабов, — опубликовал в российской отраслевой газете «Военно-промышленный курьер» статью размером в 2000 слов под заголовком «Ценность науки — в предвидении». Герасимов взял тактику, разработанную в Советском Союзе, смешал ее со стратегическими военными идеями о тотальной войне и сформулировал новую теорию современной войны, предполагающую, скорее, не прямую атаку на противника, а «взлом» его общества. «Сами «правила войны» существенно изменились. Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превзошли силу оружия… Все это дополняется военными мерами скрытого характера», — писал он[52].

Эту статью многие считают самым ясным выражением современной российской стратегии, опирающейся на идею тотальной войны и помещающей политику и войну в одну плоскость — как с философской, так и с технической точек зрения. Такой подход подразумевает партизанскую войну, ведущуюся на всех фронтах с использованием широкого спектра союзников и инструментов — хакеров, СМИ, бизнеса, «сливов» и да, фальшивых новостей, — а также обычных и ассиметричных военных методов. Благодаря интернету и социальным сетям, стали возможны операции, о которых советские специалисты по психологической войне могли только мечтать. Теперь, как считают на Западе, можно перевернуть в стране у противника все вверх дном исключительно с помощью информации. «Доктрина Герасимова» подводит под применение этих новых инструментов теоретическую базу и провозглашает невоенную тактику не вспомогательным элементом при силовых методах, а предпочтительным путем к победе. Фактически она объявляет именно это настоящей войной. Кремль стремится создавать хаос — недаром Герасимов подчеркивает важность дестабилизации вражеского государства и погружения его в постоянный конфликт[53].

Вместе с тем, однако, коренного пересмотра Стратегии национальной безопасности России и концепции стратегического сдерживания на период не только до 2050, но и до 2025 года пока не произошло. Мы — «замерли» в ожидании того, как будут развертываться события. Что не правильно потому, что с почти 100% уверенностью мы можем прогнози-

ровать дальнейшее развитие МО и ВПО вплоть до 2030–2050 годов. Но пока что складывается впечатление, что процесс научного осмысления управления страной в области безопасности остановился в размышлениях об основных направлениях движения дальнейших реформ. Другими словами, можно сказать, что мы стоим перед очевидной и острой необходимостью развития, с одной стороны, но так и не выбрали конкретного пути движения, с другой[54]. Даже на перспективу более 3 лет потому, что наши реальные планы определяются не ГОЗ до 2027 года, а федеральным бюджетом до 2021 года. Что не верно. На мой взгляд, последовательность решения этой проблемы должна быть следующая:

— выдвижение максимально конкретной политической идеи борьбы за сохранения нации и российского государства, которые стоят перед угрозой уничтожения, обоснование в этих целях стратегической концепции сдерживания и обеспечения именно национальной безопасности (а не только государственной безопасности, как сегодня), в основе которых лежит негативный прогноз развития ВПО в мире и России до 2050 года;
— формулирование на основе концепции «стратегического сдерживания» прикладной и конкретной, а не абстрактно-логической, военной доктрины и стратегии (по аналогии с американской стратегией «силового принуждения»), определение основных целей, уточнение объема и качества национальных ресурсов и разработка новых способов достижения сформулированных целей;
— политическое и законодательное оформление концепции «стратегического сдерживания» как стратегического плана противодействия политике силового принуждения Запада в соответствующих правовых и нормативных документах и решениях , выделение конкретных задач, сроков и ответственных исполнителей, т.е. создание и запуск эффективного механизма реализации концепции «стратегического сдерживания», в котором правительство и его аппарат могут стать его частью, не более того, ответственной за выполнение поставленных задач, а не занимающейся целеполаганием;
— обеспечена повседневная реальная политическая управленческая деятельность по организации выполнения сформулированной стратегии, включая прикладное административное, правовое, идео-

логическое и нормативное регулирование как «по горизонтали», так и «по вертикали», между субъектами федерации и органами местного управления.

Но прежде всего, на самой первой стадии, необходимо решить организационно-политические вопросы, определить, кто конкретно будет заниматься составлением и реализацией этих планов, управлять этим механизмом. Также как эти вопросы были оперативно решены в июле 1941 года при создании Государственного Комитета Обороны СССР, когда была создана новая система управления нацией и страной в чрезвычайных условиях, новая концепция обороны, принципиально новая организация государственного и военного управления.

Без ясного определения субъекта, который будет отвечать за реализацию всего проекта, дальнейшая работа теряет всякий смысл. В очередной раз очередные концепции и стратегии останутся без механизма их реализации. Можно в этой связи привести следующие примеры: создание «правительства Гайдара» привело к политике радикальных либеральных реформ, «правительства Черномырдина» — к политике кризисного управления, «правительства Примакова» — к политике антикризисного управления, а «правительства Путина» — к политике в условиях чрезвычайных ситуаций. Последующие правительства так или иначе были правительствами, реализующими (с разной степенью успеха) политику инерционного развития и стабилизации, очень медленного выползания из той глубокой ямы, в которой оказалась Россия к концу 1990-х годов. Теперь нужно правительство, которое смогло бы обеспечить выживание нации и государства в условиях эскалации военно-силового давления[55].

Эффективная стратегия стратегической сдерживания и обеспечения безопасности невозможна — ни на стадии подготовки, ни на стадии реализации — без ясного определения того конкретного субъекта, который будет эту стратегию реализовывать. В российских реалиях такой субъект должен обладать окончательным мандатом на власть и принятие решений, что может быть обеспечено только при личном участии президента страны. Особенно важно в этой связи подчеркнуть, что основная проблема государственного управления России — безответственность и неэффективность — без этого решения о главном субъекте реализации стратегического сдерживания решена не может быть в принципе.

16.3. Реформирование органов управления политикой безопасности России в целях повышения эффективности использования национальных ресурсов и возможностей после 2025 года

Воображаемая логическая линия, соединяющая последовательные этапы, которых мы стремимся достигнуть, и ориентирующаяся на идеал программы, называется политической линией поведения[56]

А. Свечин,
военный теоретик

Чтобы иметь эффективную стратегию противодействия (сдерживания) и средства её реализации необходимо, прежде всего, иметь собственную ясную стратегию развития. Причем не бюджета и даже не государства (что уже, иногда признается в России), а национальную стратегию, включающую, прежде всего, национальные цели, а не только цели бюрократических институтов, и национальные ресурсы, а не только ресурсы государства. Используя выражение А. Свечина, России требуется при разработке эффективной стратегии противодействия до 2050 года:

— «идеал программы», т.е. ясно сформулированные цели и задачи на долгосрочный период;
— «последовательные этапы», т.е. своего рода «дорожная карта» по достижению этих целей;
— «воображаемая логическая линия, соединяющая эти этапы», т.е. стратегия реализации такой программы.

Проблема, однако, заключается в том, что пока что В.В. Путин так и не сформулировал перед нацией этот самый «идеал программы» до 2050 года (как это существует, например, в КНР), не обозначил те самые «последовательные этапы» и «логическую линию», которые, например, очень четко прослеживаются у США не смотря на смену администраций и болезненную риторику. Не потому, думаю, что их у В.В. Путина нет (в том или ином виде он декларировал в начале 2018 года идеи «рывка» и т.п.)[57], но потому, что он по разным причинам почему-то воздержи-

вается от их публичной и конкретной декларации. Даже справедливые упреки в отсутствии программы кандидата в президенты не заставили его озвучить свое конкретное видение будущего страны, которое включало бы, прежде всего, приоритеты и средства их достижения.

Между тем подобное затягивание ведет к потере в эффективности управления. Сегодня, в 2018 году, все идеи пока что формализованы в Стратегии национальной безопасности России, утвержденной его указом 31 декабря 2015 года, что совершенно не соответствует масштабности этой задачи. Может быть, не случайно к этой Стратегии не было привлечено внимание, а её утверждение прошло именно 31 декабря камерно, без обсуждения, когда в России традиционно все заняты празднованием Нового года?

В настоящее время основные решения в области национальной безопасности, судя по регулярным субботним совещаниям, принимаются Советом Безопасности России, но насколько они отражают меняющиеся реалии и соответствуют потребностям максимальной эффективности — вопрос остается открытым. Очевидно, что центр принятия социально-экономических решений традиционно находится в экономическом блоке правительства, но насколько эти решения соответствуют стратегическим реалиям?

Так, прогноз развития ВВП России на 2018–2021 годы, сделанный в ЦБ и МЭР, ограничивается темпами роста до 2%. Учитывая, что последние 10 лет темпы роста ВВП были равны нулю, это означает, что огромное расстояние между объемами ВВП США и РФ (18 и 3 трлн долл.) к 2025 году еще больше увеличится. При этом тенденция не только сохранится, но и усилится. В 1960 году соотношение между ВВП США и СССР было 6 к 2 трлн долл., в 1990 году — 12 трлн к 2 трлн, сегодня — 18 к 2, а в 2025 (если прогнозы ЦБ подтвердятся) — 22 к 2 трлн долларов.

В этой связи необходимо вернуться к вопросу в эффективности национального и государственного управления в контексте эффективности политики стратегического сдерживания после 2025 года, ибо, на мой взгляд, очевидно, что ни эффективного управления, ни использования ресурсов в России не существует. Мы живем в категории, когда принимаемые решения колеблются между «плохими» — «очень пло-

хими» и «не приемлемыми». Последних стало при В.В. Путине мало, предпоследних — меньше, но очень медленно увеличивается категория «хороших и «отличных», что, видимо, не случайно. Продолжается системный сбой в управлении, начатый при М. Горбачеве и доведенный при Б. Ельцине до своего апогея, но так и не ликвидированный В.В. Путиным.

16.3.а). Эффективность управления и правящая элита

… идеал — победа без кровопролития[58]

Р. Грин,
военный теоретик

Когда мы говорим об эффективности политического и военного управления, то речь идет, прежде всего, о качестве правящей элиты, от которой прямо зависит точное определение политических и иных целей и задач, распределение ресурсов, выбор и разработка средств и методов силового (в т.ч. военного) противоборства. Кроме того, от качества правящей элиты зависит эффективность органов управления, созданных в государстве и в общенациональном масштабе, самой правящей элитой[59]. Это качество определяется множеством факторов, среди которых обязательными являются:

— нравственность, патриотизм, преданность нации;
— образование;
— профессионализм;
— креативность, способность стремиться к лучшему;
— способность к стратегическому прогнозу.

К сожалению, в России сложилось так, что набором большинства этих качеств в правящей элите обладают немногие, но, что еще хуже, — сам этот набор оказался не очень востребован. Соответственно не только уровень политического и военного искусства, но и управления, оказался низким.

Маловероятно, что такой уровень обеспечит нам эффективное стратегическое сдерживание, а тем более — победу в военном про-

тивоборстве. В конечном итоге такая военная эффективность определяется конкретным политическим результатом — в данном случае «победой без кровопролития». Для России это означает, что мы, таким образом, должны сформулировать свои цели стратегии, чтобы наша идеальная «победа» (выживание и развитие нации) была обеспечена без кровопролития.

Но это справедливо только на первый взгляд, когда победа определяется в терминах нанесения поражения. Совершенно другое дело, если победа для нации (и результат деятельности элиты) будет оцениваться, например, в терминах «развития», в частности, измеряться индексом развития человеческого потенциала или индексом человеческого развития (ИРЧП — ИРЧ), которые стали наиболее признанными критериями ООН после 1990 года. В этом случае вы можете добиться военной и политической победы, нанеся разрушительный удар по качеству человеческого потенциала — потеряв миллионы жизней, разрушив экономику, деградировав на десятилетия и т.п. Означает ли это «победу» даже если ваш противник повержен?

На мой взгляд, далеко не всякая победа стоит тех жертв, которые могут быть понесены. Всё, в конечном счете, зависит от того, какие приоритеты вы преследуете в конфликте. Если речь идет о национальной идентификации и суверенитете, то жертвы могут быть колоссальными и, как показывает мировой опыт, формула «мы за ценой не постоим» вполне оправдывает средства. Другое дело, когда речь идет о менее важных интересах и ценностях, граница между которыми очень условна. Особенно, если речь идет о применении ОМУ или ограниченном использовании ЯО.

И здесь мы сразу же сталкиваемся с тем, что победа может трактоваться и иначе. В США, например, есть четкая формула, подтвержденная в очередной редакции «Военной политики США», которая звучит следующим образом: «Наши вооруженные силы должны обеспечить нам победу (на любом уровне конфликта) в случае, если сдерживание не сработает»[60]. Иными словами, идеал — политический и военный — это победа без кровопролития, но этот идеал может быть и не достижим. Военная доктрина США, в том числе и конкретизированная в доктрине Применения ядерного оружия[61], предполагает возможность, более того,

необходимость, применения США ядерного оружия как для защиты более 30 своих союзников-государств, так и в случае эскалации неядерного конфликта[62]. Поэтому готовится надо к любой войне, чтобы выйти из неё победителем, точнее — любому использованию силы (в т.ч. всё чаще встает вопрос о вооруженном противодействии и использованию не военной силы).

Для России сказанное означает, что должны быть приняты такие решения, которые обеспечили бы как на стадии «сдерживания» (т.е. без прямого военного конфликта), так и на любой стадии военных действий, победу с минимальными человеческими и материальными издержками. Причем, подчеркну, что:

— как на стадии «сдерживания», т.е. силового противоборства,
— так и на любой стадии военных действий.

Именно управленческие решения, их своевременность, точность и качество (т.е. эффективность) отражают в наибольшей степени политическое искусство и профессионализм правящей элиты. Причем здесь важны как научные и практические навыки и опыт, так и способность, политическое искусство. Поэтому любые шаги требуется начинать с создания такого эффективного органа.

Необходимо изначально признать, что существующие традиционные органы управления внешней политикой — Совет безопасности, МИД РФ, а также аппарат помощников президента, МО, Генеральный штаб и СВР — не смогут в настоящее время уже адекватно реагировать на складывающуюся в мире военно-политическую ситуацию. Созданный, например, в МО Центр управления, в состоянии контролировать только состояние Вооруженных сил России, но не всех силовых структур, а тем более других государственных структур (например, ЦБ). Они в принципе не могут обеспечить эффективное стратегическое сдерживание потому, что их деятельность слабо координируется с другими органами власти и общества (существуют в реальности такие явления, как: «политика ГАЗПРОМа», «политика минфина», «политика минобороны», МЧС, ГРУ, СВР и т.д.), а общенациональные ресурсы используются неэффективно и не полностью, причем процесс разработки и принятия решений — непростительно затягивается.

Основная причина в том, что в соответствии с Конституцией РФ за внешнюю политику страны и её безопасность отвечает Президент, который должен быть обеспечен механизмом реализации общей национальной и государственной, а не ведомственной политикой. В настоящее время такого механизма нет, что неизбежно ведет к существованию одновременно «разных политик». Если при СССР функцию координации (идеологической и организационной) общей внешней политики осуществлял ЦК КПСС в лице политбюро (члена политбюро, министра иностранных дел) и секретарей ЦК КПСС, то в настоящее время координацию соответствующих направлений не осуществляет никто.

Иными словами, нужен орган, способный не только координировать, но и оперативно управлять всеми государственными и даже национальными (т.е. общественными и бизнес-ресурсами). У него должно быть такое право, оформленное соответствующим федеральным законом. Во время ВОВ таким органом стал Государственный комитет обороны, который мог издавать любые приказы и распоряжения оперативного характера.

Кроме того, в целях консолидации управления как «по горизонтали«, так и «по вертикали» , нужна общая ясная идеология — некая система взглядов» (стратегия), обязательная для выполнения, а не в виде малоизвестной Концепции внешней политики, которая не обязательна для выполнения даже в МИДе, не говоря уже о других организациях, ведомствах, а тем более институтах общества. Кроме того, нужна общая кадровая политика, когда сферы действия отдельных институтов, пересекаясь, не должны противоречить друг другу[63].

Таким образом, требуется принципиальная реформа механизма управления внешней и военной политикой, в результате которой такая политика стала бы не просто скоординированной, **а единой,** представляющей интересы не только все основных властей и органов управления (законодательной, исполнительной и даже судебной власти), но и всего общества и бизнеса. Только такая единая политика может быть управляемой, прежде всего, активной, наступательной, а не только оборонительной. Суть идеи заключается в том, что политика безопасности России в XXI веке (учитывая фактически развивающийся военно-силовой сценарий ВПО) должна быть **единой**, подчиняющейся конкретному органу, где отдельные структуры и органы государственного

и общественного управления, становятся частью такой **общей политики.** МИД РФ, Минобороны, ФСБ, МЧС, а также все другие силовые и прочие органы управления должны координировать свою деятельность в рамках **общей политики безопасности и развития.**

В нынешних условиях это означает, что функции управления должны быть сосредоточены (по аналогии с ГКО СССР) в компетенции Совета национальной безопасности под руководством Президента России, законодательно наделенного соответствующими полномочиями. Такой Совет стал бы органом оперативного управления, а не только совещательным органом при Президенте РФ, причем уже не только институтов государства, но и общества, и бизнеса, т.е. стал бы в реальности общенациональным.

Более широкий состав Совета безопасности может составлять другой орган — такой, например, как Госсовет, куда могут входить не только федеральные министры, но и представители госбанков, губернаторы, президенты республик и крупных регионов, руководители парламентских фракций.

В обязательном порядке должны присутствовать две категории — представители частного бизнеса и институтов гражданского общества, а также различных общественных организаций и отдельных личностей, способных привлечь потенциал всей нации.

Это единый орган должен обеспечить перевод конкретной реализации внешней политики из компетенции МИДа в компетенцию органа общенационального управления с тем, чтобы использовать методы и средства не только традиционной дипломатии[64], но и других возможностей и институтов нации:

— активизацию внешней политики, перехват инициативы и навязывание своих правил противоборства, а не реагирование на создаваемые реальные и мнимые угрозы. Современная политика стратегического сдерживания является изначально сугубо оборонительной не только формально (в соответствии со Стратегией), но и по своей сути, хотя известно, что только оборонительными действиями эффективной обороны, а тем более победы, добиться невозможно;
— оперативную и действенную координацию всех ветвей власти и органов государственного управления, а также бизнеса и общества

в рамках единой стратегии безопасности. Необходим переход от стадии повышения координации на стадию единой политики безопасности, когда необходимо одновременно и в разных масштабах использовать все ресурсы, возможности, способы и средства самых разных институтов и граждан;

— повышение оперативности управления, контроля и эффективности, включая снижение затрат, для реализации политики. На стадии сетецентрического управления всеми ресурсами и способами против множества целей оппонента сегодня невозможно сохранить управляемость политикой безопасности, в частности, если использовать одновременно все средства МИДа, Минобороны, Минфина и общественных институтов.

Подытоживая, необходимо сделать вывод о том, что эффективное стратегическое сдерживание как политика России в качественно крайне неблагоприятный период 2025–2050 годов будет предопределяться эффективностью управления всеми национальными ресурсами, которое должно компенсировать асимметричность ресурсов России и противостоящей ей военно-политической коалиции во главе с США. Учитывая, что оба лагеря будут преследовать самые решительные цели, у России нет выхода иначе, как трансформировать в кратчайшие сроки существующую систему управления страной, экономикой и обществом, используя для этого опыт авторитарного и мобилизационного управления.

16.3.б). Эффективность управления и ресурсы

> Крайне редко… обращается внимание на то, что Суворов…. (был) на голову выше подавляющего большинства российского офицерского корпуса…, был знаком практически со всей доступной его современникам общей и специальной литературой[65]
>
> *А. Кокошин,*
> *академик РАН*

Главным ресурсом России, как, впрочем, и любого современного государства, является человек. Точнее — потенциал его личности, который может быть использован в интересах нации. Это потенциал

выражен в интеллекте, творческих возможностях и физиологических возможностях человека. Этот же потенциал является и основным ресурсом нации, который должен быть максимально использован правящей элитой страны. Напомню, что национальный человеческий потенциал (НЧП) составляет более 75% национального богатства страны и обеспечивает до 95% прироста её ВВП, но странным образом менее всего учитывается в экономике и стратегии развития России. Высшей задачей управления в России становится максимально полное содействие развитию и использованию НЧК страны после 2025 года. Именно этот потенциал станет не только главным ресурсом, но и средством политики стратегического сдерживания России после 2025 года[66].

Следующий шаг — необходимо определить с достаточно высокой точностью, какими ресурсами обладает нация для эффективного стратегического сдерживания потому, что у руководства страны до сих пор:

— нет точной информации об имеющихся реальных и потенциальных ресурсах;
— руководство далеко не всегда в своей политике использует те ресурсы и возможности, которые есть у нации (а не только у государства).

Соответственно при планировании подобных мероприятий по повышению эффективности стратегического сдерживания, в том числе в политико-дипломатической области, мы должны четко понимать свои возможности во всех областях противоборства — информационного, политического, культурного, финансового и военного, — включая, прежде всего те, которые могут потребоваться в случае силового давления. Другими словами, необходима точная информация, как об имеющихся ресурсах, так и возможностях. Причем не только государственных, но и общественных, и бизнеса. Иначе говоря, начинать надо с очень **тщательной инвентаризации,** выяснения того объема и того качества ресурсов, которые имеются в распоряжении руководства страны.

Кроме того, необходимо обратить внимание на мощные и не используемые ресурсы нации в интересах безопасности, прежде всего, творческий потенциал личностей — национальный человеческий капитал и его институты.

16.3.в). Эффективность управления стратегическим сдерживанием: политическое и военное искусство

Когда русские перестали вести себя как марксисты и стали вести себя как русские, разрыв между ними и Западом увеличился[67]

С. Хантингтон, политолог

Политическое искусство заключается в максимально точном и своевременном понимании характера происходящих политических процессов, а не в умении лавировать, обманывать и лицемерить, как почему-то думают в современной России. Именно поэтому «Главная ошибка» политиков 1980-х и 1990-х годов в СССР и России заключалась в том, что они почему-то считали, что будучи не-Западом они быстро (как в Польше, например) станут Западом или «Европой»[68]. Этого, естественно, не произошло, более того, и не могло произойти. Случилось неизбежное худшее: уже в конце 1990-х годов, как говорил С. Хантингтон, «русским с Западом стало договориться сложнее, чем коммунистам». Приход В. В. Путина — русского либерала — оказался для Запада более плохим вариантом, чем было бы возвращение Л. Брежнева.

Это была ошибкой коммунистической элиты СССР. По сути ту же самую ошибку повторили и на Украине те представители правящей элиты, которые пришли к власти еще в конце 1980-х годов, полагая, что отказавшись от коммунизма и став русофобами, они прекратятся в «европейцев». Этого не произошло, но этого и не могло произойти: они могли только превратиться в национальных («цивилизационных») предателей.

Эффективность стратегического сдерживания, прежде всего, будет определяться осознанием того, что наиболее важной характерной чертой современной МО и ВПО становится противоборство ЛЧЦ[69], которого не избежать. Можно только капитулировать, как это сделали представители ряда европейских наций, которые позже спохватились (но еще до конца так и не осознали) значение этого шага.

В 2018 году для России стало главным уже не только осознать неизбежность нарастания противоборства, но и переход его (также неизбеж-

ный), как сказал в январе 2018 года А. Костин, в войну с Западом, Эта неизбежность силового и военного противоборства может варьироваться только в «доле» вооруженного насилия, которое будет использовано до 2050 года, но не в возможности возвращения к неким «партнерским» отношениям или, тем более, сотрудничеству, не говоря уже об иллюзиях союзничества.

Но вопрос об эффективности стратегического сдерживания остается на совести правящей элиты и в её полной ответственности, если говорить об эффективности использования национальных ресурсов, разработке средств и способов стратегии, определения возможностей использования тех или иных ресурсов, а также поиск и разработка новых, более эффективных способов и форм политико-дипломатического и военного искусства. Так, из истории известно немало примеров ошибочных стратегических решений, которые привели к неверному распределению национальных ресурсов, например, после русско-японской войны, когда Николай II (вопреки советам Генерального штаба) принял решение о строительстве линейных кораблей, а не о модернизации сухопутных сил. Или решение М. Горбачева об одностороннем уничтожении БРМД «Ока».

Таким образом, основная сфера ответственности и компетенций правящей элиты очерчена собственно политическим и стратегическим искусством, их взаимодействием. В основе этого находятся знания и опыт, наработанные специальными органами и структурами, предназначенными для подготовки подобных решений. От их качества в решающей степени зависит точность политических и военных решений, само по себе политическое и военное искусство, которое является одновременно продуктом научного и практического взаимодействия, с одной стороны, и творческого субъективного восприятия, с другой. В итоге проявляется (или не проявляется) результат — точная оценка своих сил, возможностей и перспектив. И точная оценка возможностей, сил и способностей союзников и противников. Как совершенно справедливо заметил бывший Секретарь Совета Безопасности РФ А. Кокошин, «Есть два основных компонента, крупных блока, которые определяют решения — это **оценка себя и оценка вероятного противника»**[70].

16.4. Правовое и нормативное обеспечение политики эффективного стратегического сдерживания России

Центральной угрозой процветанию США и их безопасности стало новое возникновение долгосрочного стратегического соперничества со стороны … ревизионистских государств[71]

Д. Трамп,
президент США

Новая ВПО и новая стратегия требуют от России нового правового и нормативного обеспечения, которое создавалось достаточно наспех и нередко небрежно в последние десятилетия без сколько-нибудь серьезного учеты неэкономических внешних факторов. Поэтому чем ближе к 2025 году, тем актуальнее потребность таких новых правовых и нормативных документов, которые должны будут пересмотреть основы политики безопасности. Иными словами, создание после 2025 года качественно новой ВПО потребует новых форм политико-дипломатической деятельности и реакции, которые соответствовали бы этим реалиям, закрепленных в новом законодательстве[72].

Эта потребность ощущается уже в 2018 году, но инерция мышления и управления правления в период президентства В.В. Путина 2018–2024 годов, вероятнее всего будет выражена в пролонгации того инерционного сценария, который сформировался к выборам президента. И не только в финансово-экономической области, но и нормативно-концептуальной: к 2018 году сложилась формальная концептуальная система, состоящая из ФЗ, указов президента и постановлений правительства РФ, а, главное, — тех не формальных «сигналов», которые были заложены В.В. Путиным как лидером страны в последние годы.

Эта сложившаяся система правового и нормативного политического обеспечения вполне точно определяла перечень способов и средств политического воздействия, с одной стороны, но и не мешала их эволюции, с другой. Так, Военная доктрина, Концепция внешней политики, Стратегия национальной безопасности и многочисленные другие документы создали «корсет» политики, который выражался в том, что

он предусматривал исключительно государственное управление достаточно традиционными политическими средствами. Попытки власти выйти за границы ответственности государства в направлении использовании общественных институтов или бизнеса — нельзя назвать ни системными, ни эффективными.

Уже со второго десятилетия нового века, но особенно после обострения ВПО в 2014 году всё отчетливее ощущалась потребность применения общенациональных (а не только государственных) и системных, не традиционных политических средств. Главный орган государства, ответственный за такие изменения, — Совет безопасности РФ, был, очевидно, не способен к адекватной реакции не смотря на все попытки президента активизировать его деятельность. Такая реакция на условия ВПО должна вырабатываться в Совете национальной безопасности и МИДе с учетом новых особенностей формирования военно-политической и стратегической обстановки в мире и в отдельных регионах, а также реального характера имеющихся войн и военных конфликтов, о которых российские эксперты писали еще в начале нового столетия[73], но которые нашли свою частичную реализацию только в Сирии.

Речь шла, в частности, о том, что к окончанию XX в. известный с незапамятных времен арсенал (традиционных) невоенных и военных средств противоборства обновился и дополнился группой т.н. нетрадиционных средств противоборства, направленных не только на развитие, но и на поражение (деформацию и деструкцию) компонентов среды обитания человека (СОЧ)[74], — инфраструктуру и экономику страны. Более того, военные эксперты предупреждали, что разработка и совершенствование нетрадиционных средств противоборства в рамках современного этапа военно-технической революции привели к созданию нового класса вооружения — оружия глобального поражения (ОГП), т.е. оружия, системное применение которого способно обеспечить глобальный характер поражения СОЧ. В состав ОГП вошли информационное, нелетальное и экологическое оружие.

Применение невоенных мер должно быть увязано с временными интервалами, взаимосвязанными фазами политического процесса, развивающихся в определенном геополитическом масштабе (глобальном, региональном, локальном) и характеризующихся использованием не-

обходимого спектра средств противоборства для достижения тех или иных политических целей. В результате использования этих средств происходит трансформация (преобразование), деформация (поражение) или деструкция (разрушение) СОЧ. Достижение (или недостижение) поставленных политических целей свидетельствует о разрешении социальных противоречий, окончании фазы и переходе социума на иной общественно-исторический уровень. Схематично развитие этого процесса можно представить в виде вектора (см. рис. 16.3)[75].



Рис. 16.3[76]. Вектор противодействия невоенных средств в процессе противоборства

Точкой отсчета политического процесса является нулевая фаза (мирное сотрудничество) — наиболее благоприятная фаза развития общества, во время которой социальные противоречия разрешаются исключительно невоенными средствами, при этом осуществляется позитивное изменение СОЧ. Важно подчеркнуть, что действие политических и других невоенных средств на стадии мирного сотрудничества исключает насилие и поэтому должно обязательно согласовываться со следующими мирными принципами их применения[77]: невоенные средства должны применяться законно, т.е. в полном соответствии с нормами внутригосударственного и международного права при приоритете последнего; использование невоенных средств должно осуществляться добровольно и на взаимовыгодной основе; применение невоенных средств не должно нести угрозу безопасности и наносить ущерб другим участникам политического процесса[78].

Эти принципы взаимоувязаны и должны соблюдаться в пакете (исключение составляют асоциальные средства, т.е. такие средства, как организованная преступность, международный терроризм, контрабанда оружия, торговля наркотиками и т. п. Возможность их использования в рамках нулевой фазы определяется в основном масштабом применения этих средств). Только в этом случае речь может идти о мирном достижении поставленных политических целей, наиболее общими из которых, по-видимому, следует признать перераспределение зон геополитического влияния и ресурсов (или права их контролировать). Таким путем происходит ненасильственная трансформация социума, других компонентов СОЧ и мирное протекание политического процесса в рамках конкретного исторического периода.

Однако не все политические цели могут быть достигнуты при помощи «мягких» невоенных средств. Наступает момент, когда для достижения цели необходимо продолжить политику иными средствами. Своеобразно, но весьма точно описывал начало этого процесса Мао Дзэ Дун. «Когда политика, — отмечал он, — достигнув определенной стадии развития, больше не в состоянии развиваться по-прежнему, возникает война — для того, чтобы смести препятствия на пути политики»[79].

По этой причине происходит перерастание периода мирного сотрудничества в качественно новое состояние — невооруженное противоборство, свидетельствующее о наступлении первой (низшей) фазы «войны»[80]. Именно в это время начинается «продолжение политики иными средствами». Действительно, важнейшей характеристикой этой фазы является применение «жестких» невоенных средств, при котором «пакет мирных принципов» категорически не соблюдается. Таким образом, появление новых политических задач, средств и способов их достижения неизбежно ведет к радикальным изменениям в средствах и способах противоборства.

Но не только в военно-технической и других областях, но и правовом обеспечении их использования. Повышение эффективности стратегического сдерживания и безопасности потребует принципиально нового правового и нормативного обеспечения, которое из документов, имеющих рекомендательный и концептуальный характер (таких, прежде всего, как Стратегия национальной безопасности и Военная доктрина, а также Концепция внешней политики России), должно перейти

в качестве обязательных к исполнению директив и федеральных законов. И начинать следует именно со Стратегии Национальной безопасности России, которая должна стать[81]:

— во-первых, действительно **общенациональной**, а не только государственной, ориентирующейся на исполнительную власть. Сегодня Стратегия национальной безопасности России является по существу только стратегией государства, не охватывая ни общество и его институты, ни бизнес. С точки зрения материально-финансовых ресурсов, она адекватна бюджетным расходам, т.е. 20% ВВП страны, оставляя за скобками весь остальной материальный и духовный потенциал нации. Другими словами, она только называется «национальной», являясь на самом деле стратегией государства.

Соответственно средства, методы и ресурсы, в особенности национальный человеческий капитал, в Стратегии противоборства задействованы только частично, что совершенно не допустимо, уже сейчас, а, тем более, будет не допустимо после 2025 года, когда произойдет мобилизация всех ресурсов, включая цивилизационных[82].

Для этого она должна быть вынесена на широкое обсуждение, в ходе которого должна быть внесена ясность в цели развития, основные приоритеты и средства, а также методы их достижения. Кулуарность Стратегии существенно обесценивает её в качестве политико-идеологического документа. Только широкое обсуждение и дискуссия могут привести к тому, что Стратегия станет национальной, а не результатом бюрократической процедуры Совета ббезопасности РФ.

— во-вторых, Стратегия должна быть принята на уровне **Федерального** закона, а не указа, который имеет механизмы принуждения, в т.ч. наказания, за её не выполнение. Стратегия должна быть поставлена на уровень важнейшего федерального закона, как в советские времена это было сделано с пятилетним планом, который утверждался как на политическом уровне (на съезде КПСС), так и на Верховном Совете СССР в качестве закона.

Соответственно другие нормативные акты, которые относятся к безопасности в широком смысле (в т.ч. социально-экономическому, научно-технологическому и культурному развитию), должны быть прямым следствием Стратегии;

— в-третьих, Стратегия должна предусматривать авторитетные механизмы и инструменты её реализации, прежде всего**,** соответствующие органы управления, в пользу которых будет перераспределена государственная власть. В настоящее время исполнительная власть сконцентрирована у президента и правительства, которые должны войти в этот орган управления, как, например, в прежние годы в Государственный Комитет Обороны СССР[83].

Только после проведения этих мероприятий можно будет переходить к дальнейшему нормативно-правовому оформлению взаимоотношений между субъектами, которые должны будут участвовать в разработке и реализации политики безопасности, включая стратегическое сдерживание. В настоящее время эта область достаточно формально регулируется Конституцией и положениями Стратегии национальной безопасности России, утвержденной 31 декабря 2015 года Президентом.

При этом исключительно важное значение имеет сам процесс подготовки Стратегии национальной безопасности и других документов стратегического планирования, который в настоящее время основывается только на ресурсах некоторых министерств и скромных ресурсах аппарата Совета безопасности, хотя в последней редакции Стратегии и говорится о «привлечении других ресурсов»[84].

Подготовка Стратегии и вытекающих из неё документов, как и других документов стратегического планирования, должна вестись:

— с участием всех государственных, общественных и деловых организаций, ведомств и отдельных граждан;
— при широком обсуждении и экспертизе со стороны профессионального сообщества и самой широкой общественности;
— этот «мозговой штурм» должен закончиться процедурой согласования на уровне экспертов, представляющих основные органы, отвечающие за политику безопасности;
— финальный документ должен утверждаться Федеральным собранием по представлению Президента РФ[85].

Изначально важно, чтобы свои предложения в концепцию новой политики безопасности сдали основные участники, которым предстоит её реализовать из числа непосредственных исполнителей. Причем

их круг должен быть существенно расширен до включения в него «по вертикали» не только начальников, но и специалистов по конкретным и частным направлениям (например, для МИДа до уровня начальников отделов и заместителей руководителей департаментов), а «по горизонтали» — до отдельных гражданских министерств, ведомств, университетов, НИИ и общественных организаций.

В частности, требуется организация масштабных исследований в области безопасности по самым разным направления, включая размещение заказов на исполнение НИР на конкурсной основе самым широким «веером» среди структур государственной власти. Как, например, в 2018 году предполагает делать аппарат Госдумы ФС: «Современные тенденции законодательного регулирования перспективных и формирующихся секторов народного хозяйства в интересах достижения стратегических целей развития и обеспечения устойчивого роста национальной экономики».

16.5. Конкретные планы в области стратегического сдерживания

Войну — как и любой другой конфликт — ведут и выигрывают благодаря стратегическому искусству[86]

Р. Грин,
военный теоретик

В основе любой политики и стратегии лежит осознанное и точное целеполагание и вычленение приоритетов. Именно такие приоритеты, сформулированные на основе точного знания о национальных интересах и системе ценностей, должны стать стратегическими целями национального развития, теми ориентирами, к которым последовательно, постоянно и целеустремленно необходимо идти в течение достаточно длительного (до 2050 года) периода[87].

Такими приоритетами в политике стратегического сдерживания России до 2050 года, которые становятся фундаментом стратегий и ложатся в основу конкретных планов, на мой взгляд, являются следующие:

Во-первых, (План №1) опережающее количественное и качественное развитие национального человеческого капитала (НЧК), которое означает:

— демографический рост коренного населения, проживающего на территории России. Так, в частности, необходимо вернуться к политике быстрого роста населения, которая существовала в России и в СССР. Российский генетик О. Балановский в одном из интервью заметил, что исследования ДНК русского этноса разрушили устойчивый миф: «все перемешались, чисто русских уже нет». Русские, с его точки зрения являются «монолитным народом». Устойчивость русских к ассимиляции во многом обеспечили их генетические предки — славянские племена, которым удалось не раствориться в Великом переселении народов. Группа исследователей под руководством Балановского установила, что изменчивость русских популяций оказалась выше в сравнении с немцами, но ниже, к примеру, чем у итальянцев. Еще один важный вопрос, который давно волновал генетиков относился к угро-финской составляющей «русской крови». «Наше исследование генофонда северных русских показало, что трактовать его особенности как унаследованные от ассимилированных русскими угро-финнов было бы необоснованным упрощением», — отметил Балановский. На данный момент генетикам точно известно, что русский этнос имеет двух «генетических отцов» — северного и южного, однако «их возраст теряется в веках, а их происхождение — в тумане». Так или иначе, наследство обоих отцов уже более тысячи лет назад является общим достоянием русского генофонда.

  Результаты генетических исследований показали две группы русских популяций. Так, северные русские по Y-хромосомным маркерам (передающимся по мужской линии) имеют значительно сходство с балтами, более отдаленное — с финно-угорскими народностями. По митохондрии ДНК (женская линия) жители Русского Севера имеют сходство с генофондами Западной и Центральной Европы. Следует отметить, что в обоих случаях генофонд финских народов максимально отдален от северного русского ареала. Изучение аутосомных маркеров также показывает

сближение северных русских с другими европейскими народами и ставит под сомнение финно-угорский пласт в северном русском генофонде. По мнению генетиков, «эти данные позволяют выдвинуть гипотезу о сохранении на территориях Русского Севера древнего палеоевропейского субстрата, который испытал интенсивные миграции древних славянских племен». Южно-центральная группа, куда относится подавляющее большинство русских популяций (Белгородская, Брянская, Воронежская, Орловская области, Краснодарский край и др.) объединяется в генетический кластер с белорусами, украинцами и поляками. Ученые здесь выявляют высокий уровень единства восточнославянских популяций и их значительные отличия от соседних финно-угорских, тюркских и северокавказских народов. Примечательно, что преобладание русских генов практически полностью совпало с территорией Русского Царства эпохи Ивана Грозного[88].

На последней переписи населения России к русским себя отнесли около 80% опрошенных, в цифрах — 111 016 896 человек. Самые большие кластеры расселения русских распределились так: Москва — 9 930 410, Московская область — 6 202 672, Краснодарский край — 4 522 962, Санкт-Петербург — 3 908 753, Ростовская область — 3 795 607. Однако, насколько Москву можно считать городом, где сосредоточилось большинство исконно русского населения? Доктор биологических наук Е. Балановская по этому поводу говорит: «Огромные мегаполисы — это, по сути, черные дыры, которые засасывают в себя генофонд русского народа и бесследно его уничтожают». Она отметила, что «наиболее ценную информацию о генофонде русских хранят лишь коренные сельские популяции исконного ареала русского генофонда Центральной России и Русского Севера». Именно Русский Север, по мнению ученых, является подлинным этнографическим заповедником русской культуры, которая долгие столетия сохраняла в нетронутом виде элементы архаичного жизненного уклада, именно на Русском Севере произошла естественная консервация русского генофонда;

— прирост душевого ВВП до уровня наиболее развитых стран мира;
— обеспечение продолжительного и качественного образования.

В результате реализации этого плана Россия должна до 2050 года подняться на одно из первых мест в списке стран с очень высоким индексом человеческого капитала. В 2016 году она занимала одно из последних мест в этом списке, поэтому план должен предполагать, что ежегодно она должна «продвигаться» вверх на несколько ступенек, которые определяются продолжительностью жизни и душевым доходом, а также продолжительностью обучения.

Место		Страна	ИЧР	
в 2015 (доклад 2016)	Изм.		Индекс 2015 (доклад 2016)	Изм.
1	—	Норвегия	0,949	▲ 0,001
2	▲ (1)	Австралия	0,939	▲ 0,002
2	—	Швейцария	0,939	▲ 0,001
4	—	Германия	0,926	▲ 0,002
5	▲ (1)	Дания	0,925	▲ 0,002
5	▼ (1)	Сингапур	0,925	▲ 0,001
7	▼ (1)	Нидерланды	0,924	▲ 0,001
8	—	Ирландия	0,923	▲ 0,003
9	—	Исландия	0,921	▲ 0,002
10	▼ (1)	Канада	0,920	▲ 0,001
10	▲ (1)	США	0,920	▲ 0,002
12	—	Гонконг	0,917	▲ 0,001
13	—	Новая Зеландия	0,915	▲ 0,002
14	▲ (1)	Швеция	0,913	▲ 0,004
15	▼ (1)	Лихтенштейн	0,912	▲ 0,001
16	—	Великобритания	0,909	▲ 0,001
17	—	Япония	0,903	▲ 0,001
18	—	Республика Корея	0,901	▲ 0,002
19	—	Израиль	0,899	▲ 0,001
20	—	Люксембург	0,898	▲ 0,002
21	▲ (1)	Франция	0,897	▲ 0,003
22	▼ (1)	Бельгия	0,896	▲ 0,001
23	—	Финляндия	0,895	▲ 0,002
24	—	Австрия	0,893	▲ 0,001
25	—	Словения	0,890	▲ 0,002

Место		Страна	ИЧР	
в 2015 (доклад 2016)	Изм.		Индекс 2015 (доклад 2016)	Изм.
26	▲ (1)	Италия	0,887	▲ 0,006
27	▼ (1)	Испания	0,884	▲ 0,002
28	—	Чехия	0,878	▲ 0,003
29	—	Греция	0,866	▲ 0,001
30	—	Бруней	0,865	▲ 0,001
30	▲ (1)	Эстония	0,865	▲ 0,002
32	—	Андорра	0,858	▲ 0,001
33	▲ (1)	Кипр	0,856	▲ 0,002
33	▲ (2)	Мальта	0,856	▲ 0,003
33	—	Катар	0,856	▲ 0,001
36	—	Польша	0,855	▲ 0,003
37	—	Литва	0,848	▲ 0,002
38	—	Чили	0,847	▲ 0,002
38	—	Саудовская Аравия	0,847	▲ 0,002
40	—	Словакия	0,845	▲ 0,003
41	—	Португалия	0,843	▲ 0,002
42	—	ОАЭ	0,840	▲ 0,004
43	—	Венгрия	0,836	▲ 0,002
44	—	Латвия	0,830	▲ 0,002
45	—	Аргентина	0,827	▲ 0,001
45	▲ (1)	Хорватия	0,827	▲ 0,004
47	▼ (1)	Бахрейн	0,824	▲ 0,001
48	▼ (1)	Черногория	0,807	▲ 0,003
49	▼ (1)	Россия	0,804	▼ 0,001
50	▲ (1)	Румыния	0,802	▲ 0,004
51	▼ (1)	Кувейт	0,800	▲ 0,001

Рис. 16.4. Очень высокий ИЧР

Во-вторых (План №2), сохранение и увеличение лидерства российской культуры, искусства и науки, а также духовности, содействие их максимальному продвижению в мире в качестве ценностной системы, привлекательной для других народов. Этот огромный ресурс и инструмент развития очевидно недооценивается в современной России. Между тем он непосредственно связан с главной особенностью современного экономического, научно-технического и гуманитарного развития — количеством и качеством творческого класса («креативного класса»), — который обеспечивает более чем на 90% современное развитие, включая прирост ВВП[89].

Лидерство и влияние России в этих областях могут стать самым мощным политическим инструментом, той «мягкой силой» в самой главной борьбе за установление новой системы ценностей и правил, которая ведётся между государствами в мире в нашем веке[90].

Необходимо отчетливо понимать, что в будущем очевидное преимущество будет у той ЛЧЦ и нации, которые в наибольшей степени будут влиять на формирование в мире «образа будущего», чьи представления и ценности станут наиболее привлекательными и доступными[91]. Соревнование между капиталистической и коммунистической идеями определяло характер противоборства в XX веке, но в еще большей мере это будет определять цивилизационное соперничество, о котором С. Хантингтон справедливо сказал как о «непреодолимом» соперничестве: «Коренные различия между группами людей заключаются в их ценностях, традициях и социальных институтах, а не в росте, размере головы и цвете кожи»[92].

Сказанное выше означает, что национальные и цивилизационные интересы стоят для России существенно выше государственных, общественных, классов и групповых, не говоря уже о личных интересах, что должно быть не только оформлено в соответствующих правовых и нормативных документах, но и политически закреплено. Этого пока что нет ни в Стратегии национальной безопасности, ни в военной доктрине, которые соотносятся исключительно с интересами государства и его институтов. Государство и его институты — суть средства нации (наиболее эффективные, не заменимые, но не сама нация), которые при определенных условиях могут использоваться и против нации.

В-третьих (План №3), укрепление суверенитета государства и его институтов, системы международной и национальной безопасности, в интересах чего традиционно и разрабатывается Стратегия национальной безопасности.

Таким образом, Стратегия национальной безопасности России в форме стратегического сдерживания до 2050 года, должна быть синтезом трех планов в порядке их приоритетности, лежащих в основе собственно стратегии, как искусства достижения политических целей максимально эффективно и с наименьшими потерями. При этом стратегическое искусство эффективно, когда есть глубинная научная проработка и материальная подготовка к конфликту, которые являются тем используемым в стратегии ресурсом, лежащим в основе любой политики. Современный опыт показывает важнейшее значение не только материальной, но и интеллектуальной, и психологической подготовки к конфликту, которые должны, в свою очередь, базироваться на тщательном плане и возможностях по мобилизационной подготовке. Причем не только в военно-технической области, что очевидно с тех пор, как появились вооружения и военная техника, но и в области политического и военного искусства[93].

Политическое планирование и реализация политико-дипломатических и иных не военных средств противодействия угрозам стратегической стабильности должно стать научным процессом, который будет совмещен с субъективными особенностями политического искусства[94]. Наиболее актуальная задача в этой связи — попытаться формализовать и обеспечить научно-теоретической основой как процесс научного исследования развития ВПО, так и еще более сложный процесс изучения субъективных особенностей политического искусства[95].

Пока что это существует в самом зачаточном состоянии, более того, по численности экспертов и ученых в международной и военно-политической области Россия уступает США в несколько раз больше, чем по объему ВВП[96]. В качестве иллюстрации можно привести перечень «мозговых центров», которые рейтингуются ежегодно Пенсильванским университетом США[97]. В 2017 году ситуация выглядела следующим образом:

Таблица 16.1. Численность «мозговых центров» ведущих государств:

США	—	1872
КНР	—	512
Великобритания	—	444
Индия	—	292
Германия	—	225
Франция	—	197
Аргентина	—	145
Япония	—	116
Россия	—	103
Канада	—	100
Бразилия	—	93
Южная Африка	—	92

Таким образом, Россия находится на уровне Канады, Бразилии и ЮАР по количеству ведущих аналитических центров в мире, существенно уступая не только США и Великобритании, но и европейским государствам, а также Индии и Китаю.

Необходимо сочетание субъективно-эмпирических, порой интуитивных, знаний экспертов-международников, которые иногда бывают уникальными специалистами-страноведами или регионоведами, с политической практикой, широкими и комплексными военно-политическими исследованиями. Это можно делать только в случае индивидуального подхода к каждому такому специалисту, в результате чего можно получить необходимую (иногда очень субъективную) информацию.

Таким образом, необходимо:

— во-первых, провести своего рода «инвентаризацию» специалистов-страноведов и регионоведов, а также экспертов по отдельным направлениям политики безопасности, объединив их в целях более эффективного использования в формальные и не формальные сообщества (к сожалению, в результате мы увидим, что по некоторым направлениям и странам осталось всего лишь 2–3 специалиста);
— во-вторых, наладить с этими группами диалог с целью выяснения их субъективного экспертного мнения, которое крайне необходимо

и полезно для разработки общей стратегии безопасности России. В этих целях необходимо, например, получение от них максимально подробной и формализованной информации, которая может состоять из сотен критериев (по аналогии с документами ООН). Так, например, можно составлять:

— «паспорт страны»;
— «паспорт ВПО региона и страны»;
— «оценку перспектив НИОКР страны» и т.д.

Наконец, важно помнить о необходимости развития и поддержки исследований, в т.ч. специальными «грантами в области безопасности», как это делают заинтересованные министерства и ведомства, в частности, Минфин и МЭР. И первое, и второе направление находятся в настоящее время в самом начале своего развития: история исследования политических и военно-политических проблем насчитывает менее двух столетий, а политического искусства (если вспомнить Макиавелли) — несколько столетий. Между тем современное отношение к стратегии требует научного подхода и признания «познаваемости» этого процесса, что ведет неизбежно к попыткам изначальной формализации. Самые хорошие и тщательным образом проработанные концепции и даже планы, разработанные по всем канонам стратегического программирования, рушатся, когда не удается создать эффективных механизмов их реализации[98]. И самая первая угроза возникает в связи с неполнотой, недостоверностью и неадекватностью поступающей информации, а затем в связи с потребностями оперативного доведения принятых решений до исполнителей.

Другая сложность заключается в том, чтобы максимально широко привлечь экспертов-страноведов и регионоведов к работе по осмыслению политики безопасности, дав им возможность высказывать самые разные, в том числе противоположные официальной позиции, точки зрения. И — что особенно важно — учитывать их мнение, что делалось и делается далеко не всегда, хотя неизбежно приводит к провалам в «центральной политике». Например, в отношении политики Китая, которая (в силу политической конъюнктуры и целесообразности) публично представляется не вполне такой, какая она есть на самом деле. Так, известный эксперт-китаист Ю. Галенович пишет в отношении глобальной

и долгосрочной стратегии КНР следующее: « Цель глобальной стратегии современного Китая — сплочение нации Китая для противостояния с «остальным человечеством»…. Речь идет о противостоянии с каждой из его составных частей по отдельности (т.е. и с Россией. — *А.П.*)»[99].

Иными словами, руководство КНР изначально формирует свою картину мира, которая исторически всегда существовала в Китае, как о «ключевой нации», «Срединной империи», что очень настораживает потому, что существовавший всегда китайский национализм, получая новые материальные ресурсы, неизбежно усиливает свои внешнеполитические и военные амбиции. Естественно, что в ущерб другим странам. Не стоит думать, что это не касается и не будет касаться России.

Очевидно, что с точки зрения политики безопасности и стратегической стабильности не учитывать этой позиции КНР нельзя. Особенно с учетом резкого изменения соотношения сил к 2030 году в пользу КНР[100]. Тем более, что «Конечной целью тут выступает достижение верховенства над упомянутым «остальным человечеством». В КПК–КНР стремятся не допустить никаких союзов и альянсов тех или иных стран для защиты их интересов во взаимоотношениях с Китаем»[101].

Ясно, что подобные акценты (имеющие для КНР принципиальный характер), как минимум, противоречат идеям «союза» БРИКС и ШОС, которые всячески подчеркиваются (вполне обосновано) сегодня в российской публичной политике и СМИ. Важно, однако, чтобы эти оптимистические оценки отношений с КНР не легли в основу реальной политики безопасности России, например, при формировании планов военного строительства иди военно-технического сотрудничества.

Долгосрочная стратегия КПК–КНР, называемая часто «глобальной стратегией», оставляет для России в будущем место периферии, одной из нескольких частей человечества, существующих в зависимости и по правилам Китая. В отличие от стратегий иных ЛЧЦ, китайская глобальная стратегия рассчитана на очень долгий период, может быть, 50–100 лет, одновременно являясь логическим продолжением тысячелетнего существования китайской ЛЧЦ. В отношении СССР и России (пока что) действует принцип Мао, строго соблюдавшийся Дэн Сяо Пином, — «дружим, не враги и не союзники», — который в любой момент может быть заменен на принцип «вспомним старые обиды».

Другая трудность заключается в том, что таких источников, которые обеспечили бы достоверную картину состояния ВПО, должно быть очень много, а информации, поступающей от них, — огромные объемы. Организация такого процесса требует специальных органов управления, обладающих политическими, административными и правовыми полномочиями, с одной стороны, и средствами технического обеспечения этой деятельности, с другой.

Очень важна приоритетность, достоверность и качество информации, которые отнюдь не равнозначны их объемам, хотя и сами объемы информации могут ежегодно удваиваться и составлять фантастические показатели, которые еще недавно казались недостижимыми. Создание необходимых баз мегаданных возможно и полезно только в том случае, когда в этот процесс вовлечены все институты государства и общества, включая отдельных лиц[102].

Планирование широкого спектра политико-дипломатических, военных и гуманитарных мероприятий в интересах стратегического сдерживания потребует создание специальной системы для сбора, анализа и систематизации огромного объема информации (особенно при условии обязательного привлечения индивидуальной инициативы — «краудсортинга»), что, в свою очередь, ведет к необходимости создания другой системы по систематизации, обработке и доведения до потребителей и исполнителей в удобном для них виде информации, исходящей из Совета национальной безопасности и Национального штаба обороны.

Прежде всего, необходимо, чтобы такая система сбора и обработки информации могла получать эту информацию от многочисленных источников — ведомств, организаций, отдельных лиц — в максимально обработанном и формализованном виде с тем, чтобы было возможно интегрировать эту информацию в общую картину мира и состояние ВПО. В данном случае необходимо, чтобы недостаток информации не перерос в свою крайность, с одной стороны, и чтобы эта информация могла быть использована, с другой. Поэтому необходимы специальные формы (шаблоны) как для информации, получаемой из ведомств, так и направляемых в инициативном порядке, которые должны быть «на входе» обработаны соответствующим образом.

Думается, что таких форм должно быть немного, может быть, всего несколько, «вырастающих» одна из другой, конкретизирующих и уточняющих друг друга, но основанных на одних и тех же показателях и критериях. В наиболее простой форме таких показателей может быть 3–5, а в сложной — более 20. Первоначальный сбор информации от многочисленных источников может быть осуществлен в самых простых формах, которые со временем будут усложняться. В качестве примера можно привести самую простую форму-обращение к отдельному департаменту МИДа, в которой требуется экспертная оценка МО и ВПО в регионе:

Форма №1. Экспертная оценка МО и ВПО в регионе

1. Оцените в количественной форме степень суверенности политики субъекта МО (государства, организации, личности)
2. Оцените степень готовности к сотрудничеству с институтами России этого субъекта
3. Оцените степень готовности противостоять внешнему силовому давлению субъекта
4. Дайте (в количественной форме) характеристику основных 30 параметров экономики, социальной сферы и военной мощи субъекта
5. Дайте короткую характеристику перспектив развития внешней и военной политики субъекта
6. Предложите (в порядке приоритетности) формы сотрудничества с субъектом

Более эффективна и продуктивна другая форма, составленная в виде опросника, содержащего сотни вопросов. Такие формы можно заполнять:

Форма №2. — индивидуально, отдельными экспертами, в которых используется, прежде всего, субъективное мнение эксперта, его опыт, интуиция и прогностические способности.

Эта форма имеет очень важное значение при оценке намерений противника, которые могут основываться на иррациональных предположениях. Здесь (в разработке) требуется участие не столько специалистов-страноведов, сколько психологов, философов, политологов.

Форма №3. — обрабатывая уже имеющиеся материалы (например, годовые отчеты и справки).

Наконец, самая эффективная форма (Форма №4) представляет собой опрос участников ситуационного семинара или круглого стола, участвующих в обсуждении конкретной проблемы.

Очевидно, что такие запросы целесообразно рассылать в адрес первых лиц организаций и ведомств за подписью руководителей Совета национальной обороны или Национального штаба обороны с указанием соответствующих сроков и ответственных исполнителей.

Другая стороны проблемы — способность Национального штаба обороны немедленно и в полном объеме (при соответствующих мерах защиты) довести информацию до многочисленных потребителей, вплоть до отдельных исполнителей — солдат, журналистов, активистов. Эта проблема должна быть технически решена с высокой степенью надежности в условиях силового противодействия.

Таким образом, получение, обработка и доведение до потребителей информации со стороны Национального штаба обороны предполагает создание мощной «двойной» системы, связанной с многочисленными исполнителями с помощью различных форм общения и каналов связи. Такая «двойная» система должна быть:

— комплексной, сочетающей и охватывающей все основные направления деятельности в области безопасности — от разведывательно-диверсионных и военных до гуманитарно-культурных и образовательных;
— сетецентрической, связанной как со всеми источниками информации, исполнителями, так и — при необходимости — направленной против множества объектов;
— глубоко интегрированной с практической деятельностью Национального штаба обороны и политикой безопасности, реализуемой другими органами управления Совета безопасности.

16.6. Оперативное руководство, координация и контроль в области стратегического сдерживания

Стратегическое решение заключается … в постановке промежуточной цели, которая являлась бы кратчайшим логическим звеном на пути к конечной цели и в то же время отвечала бы средствам, имеющимся для достижения последней[103]

А. Свечин

Эффективность стратегического сдерживания будет зависеть от степени координации всех государственных институтов и средств политического влияния с общественными, национальными, деловыми и международными институтами и возможностями. Включая — что особенно важно — личное участие отдельных граждан. Этот уровень координации и управления никогда еще в истории не мог быть достигнут. Только авторитарные режимы были в состоянии приблизиться к нему, монополизировав все права на управления, но, одновременно, уничтожив значительный творческий потенциал нации[104].

В XXI веке резко возрастает роль политического руководства в управлении «стратегическим сдерживанием» и, прежде всего, той его части, которая отвечает за « когнитивное обеспечение безопасности». Те образы, модели и ценности, которые смогут доминировать в будущем, — должны, прежде всего, еще до применения оружия, обеспечить политическую победу. Яркий пример — Украина, где более 30 лет готовилась часть правящей элиты и общества, которая была изначально ориентирована на антироссийские ценности.

В XXI веке ситуация становится сложнее и можно ожидать, что технологии социального управления станут решающими, а среди таких технологий, главными станут приемы сознательной дезинформации и формирования искаженной реальности. Вот как эти приемы (в частности, «контрзнания») описывает, например, известный английский психолог Д. Левитин: «Если вы хотите подавить кого-то контрзнанием, хорошим вариантом будет собрать огромное количество фактов, которые можно легко проверить, и добавить к ним пару–тройку ложных.

Пусть они будут как бы в защиту вашей точки зрения — и вы увидите, многие поверят и пойдут за вами. Вам удастся убедить людей благодаря фальшивым доказательствам или контрзнанию, смешанным с фактами и настоящим знанием. Посмотрите на следующие тезисы:

1) вода состоит из водорода и кислорода;
2) молекулярная формула воды H_2O;
3) наши тела более чем на 60% состоят из воды;
4) кровь человека на 92% состоит из воды;
5) мозг состоит на 75% из воды;
6) в мире есть много мест с зараженными источниками воды;
7) меньше 1% доступной воды по всему миру является питьевой;
8) вы можете быть уверены в качестве воды, только если она бутилирована;
9) ведущие специалисты, занимающиеся проблемами здоровья, рекомендуют пить бутилированную воду, а большинство и сами пьют такую воду.

Далее он делает простейший анализ приведенных данных: «Пункты с первого по седьмой — абсолютная правда. Восьмой пункт не отличается логикой, а девятый… Кто такие ведущие специалисты, занимающиеся проблемами здоровья? И о чем говорит то, что они и сами пьют бутилированную воду? Возможно, на вечеринке, в ресторане, на борту самолета, где ее подают и нет других вариантов, они ее и выпьют. А может, это означает, что они тщательно избегают остальных видов воды? Между этими двумя вариантами — пропасть. Факт в том, что бутилированная вода ничем не лучше воды из-под крана, если говорить о развитых странах, и в некоторых случаях даже менее безопасна из-за несоблюдения правил очистки»[105].

Большую и непосредственную угрозу стратегической стабильности и безопасности России представляют специальные силы, которые представляют разные службы и виды войск, объединенные в силы специальных операций (ССО), отражающие коллективные возможности государства или даже всей коалиции. По некоторым оценкам, их бюджет только в США превысил 10 млрд долл., а численность в последние годы превысила 70 тыс. человек, что, на мой взгляд, не включает финансирование всей деятельности, в т.ч. более чем на 120 зарубежных базах разного рода оппозиционных, экстремистских и террористических организаций.

Иными словами, дестабилизацией и силовым противоборством с Россией занимаются в самых разных формах — от террористической деятельности до политико-психологических диверсий — десятки тысяч человек, обладающих огромными финансовыми ресурсами. Причем многие из этих форм и направлений традиционно не соотносятся с использованием военной силы. Даже, например, в тех случаях, когда в результате деятельности ССО террористические организации непосредственно осуществляют нападение на органы власти и управления противника, как это происходит на Кавказе, или организуют националистические и экстремистские батальоны, как на Украине.

В частности, приводятся в пример такие формы действий ССО, которые традиционно **не относятся к области вооруженной борьбы, но которые требуют адекватных ответов**, как:

— Нападения и атаки на объекты, имеющие важное политико-дипломатическое значение (захваты дипломатов, посольств, собственности и пр.), которые совсем не обязательно связаны с физическим уничтожением противника;
— Специальное наблюдение и контроль за деятельностью противника, имеющее стратегическое значение, связанное иногда с силовыми действиями (операции против российских дипломатических представителей и дипломатов);
— Специальные операции, затрудняющие или прекращающие работы (в т.ч. НИОКР) в области создания ВВСТ, в частности ОМУ (операции в Иране, Ираке, Пакистане);
— Операции, препятствующие развитию экстремистской и террористической деятельности противника в самых различных областях — информационной, финансово-экономической, политической и др.;
— Поддержка антиправительственных выступлений (до 2014 года на Украине, а до этого во множестве других стран), которые должны перерасти в вооруженную борьбу и прямое военное противостояние (как в Сирии);
— Иностранная внутренняя оборона, предполагающая поддержку «дружественных режимов», противостоящих выступлениям оппозиции (НДРЙ, Ливан, Израиль);

— Иностранная гуманитарная помощь, которая осуществляется в экстремальных условиях в интересах США (Афганистан, Ирак);
— Силовая поддержка информационных мероприятий и другие формы внутриполитической дестабилизации противника и т.д.

Множество различных форм силовых операций, которые традиционно не относятся к военным, означает только одно: существуют цели, стратегия и средства для проведения силовых операций специальными силами, которым могут противодействовать только такие же специальные силы, способные использовать как собственные ресурсы, так и ресурсы других силовых ведомств самых различных целях.

Как известно, в России существуют различные силовые структуры, обладающие специальными силами и средствами для проведения операций самого широкого профиля, но нет структуры, которая обладала бы всеми коллективными возможностями специальных сил МВД, МО, Росгвардии, МЧС, Финансовой разведки, а, тем более, МИДа и СВР.

В этой связи представляется целесообразным создание такой структуры, объединяющей специальные информационные, когнитивные, военные, политико-дипломатические и разведывательно-диверсионные возможности в интересах обеспечения стратегической стабильности и безопасности России в качественно новый военно-политической обстановке. Причем уровень принятия решения в этой структуре должен быть исключительно высок. Оперативное управление этой структуры, имеющей межведомственный характер, должно осуществляться непосредственно Советом национальной безопасности, а сама структура иметь возможность координации всей деятельности не только силовых министерств, служб и ведомств, но и финансовых и социально-экономических органов власти[106].

При этом важно напомнить, что важнейшая роль в повышении эффективности стратегического сдерживания принадлежит конкретным исполнителям высшего звена, которые осуществляют общую координацию и согласование политики безопасности и проведение конкретных акций и мероприятий. В современной России, где исполняется не более 25% президентских поручений, эффективность государственного управления является самой острой проблемой. Эта эффективность в области обеспечении национальной безопасности может, вероятно,

считаться выше, но учитывая стремительное обострение ВПО, — всё еще не достаточной.

Учитывая, что общее политическое и стратегическое руководство политикой безопасности может и должно принадлежать Президенту РФ и Совету национальной безопасности, оперативное управление и текущую деятельность по реализации этих решений должно быть возложено на **Национальный штаб обороны** (по определенной аналогии с ОКНШ ВС США), **частью которого** становится Генеральный штаб ВС, а также штабы МВД, Росгвардии, ФСБ, СВР, МЧС и др. органов государственного управления, включая министерство финансов, здравоохранения и другие, которые должны представлять первые заместители руководителей соответствующих ведомств, либо (аппарат Правительства РФ, Совет Федерации, Государственная Дума ФС и Счетная палата России) руководители соответствующих аппаратов[107].

В соответствии с Конституцией и политической практикой, руководителем Национального штаба обороны может быть только председатель правительства РФ, в руках которого концентрируется контроль над всей системой исполнительной власти в стране, а также общественными институтами и бизнесом в той части и в пределах тех компетенций, которые оговариваются Президентом и Советом национальной безопасности.

Причем (по аналогии со штабом Партизанского движения в годы ВОВ) должны быть созданы отдельные управления по работе с бизнесом и институтами гражданского общества, которые в новых условиях (особенно университеты, частные СМИ, интернет-ресурсы и пр.) будут играть исключительно важную роль в политике безопасности. В Эстонии уже действует, например, Центр кибербезопасности НАТО, в Латвии — Центр альянса по вопросам стратегических коммуникаций. Накануне маневров «Запад–2017» премьер-министр Эстонии Юри Ратас заявил, что его страна вместе с союзниками внимательно следит за ними «и при необходимости готова реагировать».

Сообщается, что летом этого года НАТО передало Украине оборудование для создаваемых в этой стране центров реагирования на компьютерные инциденты для ключевых государственных институтов,

в том числе для Службы безопасности (СБУ) и Службы внешней разведки (СВР). Любопытно, что назначенный на днях новый глава СВР Украины Егор Божко долгое время исполнял обязанности главы миссии страны при НАТО.

Напомним, что после событий 2014 года в Украине при поддержке США и НАТО были развернуты подразделения информационно-психологических операций, главная цель которых «подрыв основ государственного строя России». С ними взаимодействуют уже упоминавшиеся Центр НАТО по вопросам стратегических коммуникаций (Рига), Киберцентр НАТО (Таллин), Командование специальных операций и 4-я группа операций информационного обеспечения Пентагона, 77-я бригада и 15-я группа психологических операций Великобритании.

Отнюдь не случайно, поэтому одновременно с началом российско-белорусских учений 15 сентября 2017 года на многие города России обрушился шквал звонков, дезорганизовавших работу многих учреждений.

Национальный штаб обороны России (а не только государственной обороны) должен подготовить проект соответствующего долгосрочного плана политики безопасности для рассмотрения Советом национальной безопасности и утверждения Президентом на основании скорректированного варианта Стратегии национальной безопасности и директив, а также с учетом имеющихся и перспективных ресурсов.

Этот план, оформленный в Стратегии национальной безопасности, должен:

— **во-первых**, объединять в реальности задачи национального социально-экономического развития и обеспечения безопасности (чего сегодня нет) и на практике являться основным документом для Концепции внешней политики, Военной доктрины и прочих нормативных документов. При этом статус Стратегию должен быть резко повышен с президентского указа до федерального закона, обязательного к исполнению;
— **во-вторых,** этот план должен опираться на стратегический прогноз развития МО, ВПО и России и точную (и полную) оценку национальных ресурсов и ресурсов потенциальных союзников;

— наконец, **в-третьих**, этот план должен быть комплексным, учитывающим все факторы безопасности, а также влияющие на развитие ВПО тенденции, в частности, факт противоборства локальных человеческих цивилизаций и их военно-политических коалиций(не учитываемый сегодня в Стратегии)[108].

Такой план должен существовать в трех взаимосвязанных видах:

— краткосрочном, на срок до 3-х лет;
— среднесрочном, на срок 3–5 лет;
— долгосрочном, на срок 5–7 и более лет.

Для подготовки такого плана и его корректировки необходимо, чтобы в Национальном штабе обороны было создано соответствующее подразделение из представителей всех министерств и ведомств, а также Счетной палаты РФ, ЦБ и регионов, которое выполняло бы функции учета национальных ресурсов.

16.7. Средства и способы силового принуждения Россией для повышения эффективности стратегического сдерживания

Есть смешанные формы войны, частота которых возрастает… будут использованы — не исключено, что одновременно — все формы войны, в том числе и преступное поведение[109]

Л. Савин, политолог

С конца прошлого века ясно обозначился процесс синхронизации военных и не военных силовых средств политики в некую систему мер, используемых одновременно, иногда параллельно друг с другом. Иногда этот процесс стал называться ассиметричными действиями (или даже войной), но в действительности он отражал эволюцию силовых средств политики в сторону расширения их спектра без каких-либо ограничений политического, морального, информационного или иного характера. В том числе и в связи с нарастанием противоборства локальных цивилизаций[110].

Как и прежде в политике действует правило — «цель оправдывает средства», — которое пытаются иногда безуспешно ограничить международными нормами, но в действительности расширение технологических, социальных и когнитивных возможностей сделало неизбежным разработку новых силовых средств политики. Как следствие, такие средства ведут к новым способам их использования. Особенно важное значение в этой области противоборства имеет разработка и применение такой современной категории силовых, но не только военных средств и способов, которые прежде относились к области традиционной дипломатии[111].

В настоящее время можно говорить о развитии одновременно двух процессов:

Во-первых, возможности традиционной дипломатии сужаются, её сфера деятельности (в том числе и считавшаяся прежде исключительной — личная дипломатия) становится всё менее значимой. Лидеры государств и правительств, высшие чиновники обладают теперь возможностями не только для личных встреч по несколько раз в год, но и регулярных контактов, а также других действий, т.е. они фактически находятся в постоянном контакте.

Другая сторона вопроса — их отношения со СМИ и социальными сетями, где они практически мгновенно реагируют на изменение МО и ВПО. Так, например, Д. Трамп до 10 раз в день комментирует и делает заявления в «Твиттере», а его аудитория насчитывает десятки миллионов человек.

Традиционная дипломатия, таким образом, становится все менее важной для политики, что, кстати, отражается на внимании к ней руководителей государств. В частности, именно в этой связи Трамп намеревался в 2017 году сократить бюджет Государственного департамента на 30%.

Во-вторых, одновременно со снижением значения традиционной дипломатии, резко возрастает других средств и способов политики, прежде всего силовых, военно-силовых и военных. Эти средства вытесняют средства дипломатических переговоров, оставляя за ними возможность международно-правового закрепления тех или иных политических результатов.

Очень условно эти новые силовые средства политики и создаваемые ими угрозы можно разделить на три большие группы, изначально сделав очень важную оговорку — между этими группами нет (и не может быть) четких границ, более того, эти границы сознательно стираются. От этого и появляются соблазны назвать такие меры «ассиметричными». Во многом именно поэтому противодействовать этим средствам силовой политики и создаваемым ими угрозам сколько-нибудь исключительно военными средствами невозможно, либо, как минимум, неэффективно[112].

Первая группа — силовые, но не военные, средства и способы политики, которая в принципе может относиться в той или иной степени — как видовое понятие — к другим двум группам, потому, что они объединяются единой концепцией «силового принуждения». Тем не менее, в эту группу входят многочисленные способы силового принуждения без вооруженного насилия, которые используют средства экономического, политического, информационного, когнитивно-психологического и иного принуждения, а также политико-психологический шантаж применения вооруженного насилия[113].

Противодействовать этим средствам силового насилия военными средствами в современных условиях не считается адекватной реакцией, хотя в истории можно найти немало примеров того как это делалось в прошлом, когда, например, торговые преференции достигались за счет прямого применения военной силы.

Есть основания полагать, что при исключительно опасных невоенных угрозах государства в будущем смогут использовать для своей защиты военную силу. Например, против эмбарго, блокады и т.д. Испытания в КНДР ядерного оружия и БР по сути — военный ответ на экономические санкции.

Я бы не стал категорически исключать возможности военного ответа со стороны России на не военные, но угрожающие безопасности и стратегической стабильности угрозы со стороны западной военно-политической коалиции. Например, в случае использования электромагнитного импульса, попытки выведения из строя системы раннего оповещения о ракетном нападении или кибернетическом нападении. Но эти варианты военного ответа на военные угрозы, которые должны

прорабатываться, не являются основными и рабочими. Наиболее приемлемыми и используемыми становятся варианты **ассиметричного ответа на не военные силовые угрозы**[114].

В последние годы спектр этих средств и способов резко возрос, более того, обновляется практически ежедневно. Если, например, посмотреть на политику США по отношению к России последних трех лет, то можно легко увидеть такие новые силовые способы, как:

— угрозы представителям правящей элиты, в том числе личные, попытки запугивания, аресты имущества, счетов, активов и пр.;
— использование подконтрольных международных организаций для создания психологического давления на различные профессиональные и иные сообщества в России — спортсменов, ученых, деятелей искусства, СМИ и т.д.;
— создание атмосферы политико-дипломатической изоляции России, отмены визитов и других контактов, свертывание дипломатической деятельности (сокращение диперсонала, консульств);
— личные угрозы руководителям и оскорбления представителей России;
— попытки сдерживания активности России в международных правительственных и неправительственных организациях;
— организация процесса пересмотра существующих норм международного права и правил работы международных организаций (Совет Европы, ООН и др.).

Вторая группа средств и способов силового принуждения — военно-силовая группа, в которую входит очень широкий и постоянно расширяющийся спектр средств и способов. Они, как правило, ассоциируются с «ассиметрической войной», под которой подразумевается «ассиметрическое» использование преимуществ США и западной ЛЧЦ в ресурсах и методах их применения[115]. С точки зрения развития доминирующего сценария «Военно-силового противоборства» до 2025 года эта группа средств и способов силового принуждения может считаться основной.

Примечательно, что в России на официальном уровне придается важное значение развертыванию этой активности, но она непосредственно не ассоциируется с внешней политикой США и их союзников.

Так, в тексте Стратегии национальной безопасности в нескольких редакциях «борьба с международным терроризмом» выносится на самое приоритетное место, но не уточняется, что этот международный терроризм и экстремизм является во многом и прежде всего порождением западной политики[116]. Более того, и сегодня часто террористические акции объясняются не действиями созданных спецслужбами организаций, а «индивидуальным творчеством».

Вторая группа средств и способов силового принуждения находится в состоянии очень быстрой динамики развития и легализации. Поэтому она требует тщательного мониторинга и оперативного осмысления. В ней, в частности, можно выделить следующие наиболее важные подгруппы[117]:

— **Подгруппа №1**. Силовые военные средства, не считающиеся вооруженным насилием — киберсредства, информационные средства борьбы, средства РЭБ и др.
— **Подгруппа №2**. Использование средств и способов экстремистских организаций и радикальной оппозиции, что очень наглядно проявилось на Украине в 2014–2017 годы. Но не только. Самой же распространенной тактикой действий террористов и сепаратистов всех мастей в течение 2017 года, впрочем, как и всегда, судя по всему, стали удары по площадям и удары из зоны вне досягаемости сил и средств силовиков непосредственно на момент атаки (stand-off/area attack). Они составили в количественном выражении — 7534 нападения и 33,5% — в долевом выражении. На втором и третьем по популярности у террористов и иных насильников местах оказались такие виды нападений, как engagement, под которым обычно подразумеваются либо боестолкновение, либо перестрелка или обстрел, и «ударь и беги» (hit and run), на долю которых пришлось соответственно 5876 нападений (26,1% от общего числа атак) и 3230 нападений (14,4%).

Активно используются также боевиками убийства (assassination), коих в 2017 году в количественном выражении имело место 1868, что дает долю 8,3% от общего количества учтенных нападений, а также рейды (raid) — соответственно 1115 нападений с долей в 5% — и нападения, которые указаны как assault, что можно отнести к такому типу

действий, как атака, удар или опять-таки нападение (такая вот тавтология получается, к сожалению), — их в минувшем году было совершено 1060, что составило 4,7% от общего количества зафиксированных аналитиками центра JTIC случаев. Замыкают список тактических приемов, используемых боевиками, засада (ambush) — в течение года зафиксировано 655 таких случаев (2,9% от общего количества нападений), а также похищения людей или взятие заложников (kidnap) — за год таких эпизодов набралось 489 (2,2%).

Небезынтересным, как представляется, будет и то, какое оружие используют боевики в ходе своих атак. По крайней мере, по результатам 2017 года наиболее популярным было тактическое оружие, позволяющее наносить удары с закрытой огневой позиции, или, как еще говорят, средства поражения непрямого наведения (indirect fire tactical). В этом случае речь идет о минометах, самодельных и серийных реактивных снарядах, может быть — о гранатометах в отдельных эпизодах их применения. Всего за минувший год такое оружие было использовано в более чем 5 тыс. нападений. На втором месте идут взрывчатка и взрывные устройства различного рода — произошло более 4 тыс. нападений с использованием этого «добра». На третьем месте по популярности у боевиков в ушедшем году оказалось различное стрелковое оружие и в определенной степени средства ближнего боя (direct fire infantry), с применением которых совершено более 3 тыс. нападений[118].

Следом идет тяжелое вооружение, позволяющее вести огонь прямой наводкой (direct fire heavy), — в течение 2017 года оно применялось в более чем 1000 нападений. А замыкают этот оружейный рейтинг боевиков всех мастей такие виды оружия, как «зажигательные устройства» (incendiary device), управляемые ракеты различного типа (как противотанковые, так и даже большой дальности действия — вероятно, ракеты типа «Скад» или «Точка», применявшиеся в том же Йемене), а также холодное и различного рода самодельное оружие. Все это использовалось в минувшем году боевиками при совершении менее чем 1000 нападений.

— **Подгруппа №3**. Создание и развертывание террористических организаций, способных выполнять задачи в интересах политики США и их союзников, не ассоциируясь прямо с руководством этих стран.

Страна/год	Число нападений	Включая число терактов с участием смертников	Число погибших некомбатантов	Число раненых некомбатантов
Сирия:				
2015 год	5496	108	7230	3258
2016 год	7497	129	6477	3575
2017 год	8440	140	3641	н/д
Украина:				
2015 год	1113	0	431	1076
2016 год	4449	0	202	772
2017 год	3735	0	177	н/д
Ирак:				
2015 год	3748	237	8005	13873
2016 год	3350	354	8437	13724
2017 год	2164	265	3378	н/д
Йемен:				
2015 год	551	21	1446	1740
2016 год	970	37	1512	1489
2017 год	1326	15	1092	н/д
Индия:				
2015 год	884	0	294	662
2016 год	1005	1	369	1836
2017 год	758	н/д	338	н/д
Афганистан:				
2015 год	1185	91	2449	3276
2016 год	1004	64	2352	3420
2017 год	661	83	2299	н/д
Турция:				
2015 год	348	7	403	951
2016 год	729	17	904	2791
2017 год	470	н/д	226	н/д
Сомали:				
2015 год	278	19	554	371
2016 год	471	34	926	897
2017 год	445	25	1466	н/д
Ливия:				
2015 год	294	16	616	721
2016 год	363	30	893	2260
2017 год	414	9	606	н/д
Филиппины:				
2015 год	308	н/д	185	н/д
2016 год	332	н/д	257	н/д
2017 год	337	н/д	268	н/д
Пакистан:				
2015 год	666	24	956	1239
2016 год	414	21	783	1422
2017 год	367	25	797	н/д

Источник: аналитические доклады Global Attack Index за 2016 и 2017 годы. Jane's Terrorism and Insurgency Centre, IHS Markit

Рис. 16.4. Данные по жертвам терактов и политически или идеологически мотивированных нападений в 10 наиболее подверженых таким действиям странах мира за 2016–2017 годы

— **Подгруппа №4.** Создание и использование диверсионные и террористических организаций ВС, а не специальными службами. Прежде всего речь идет о развертывании новых сил и средств Сил специальных операций (ССО), не входящих в структуру ВС США и ЦРУ. Таких, как многочисленные частные военные компании типа «Блэкуотер». В этих целях в 1999 году был создан на базе ВМС США Центр по ассиметричной войне.

Третья группа средств и способов силового принуждения — **военные средства и способы,** которые широко и традиционно используются как политико-психологические средства силового принуждения (как говорили прежде — «без стрельбы») в двух формах[119]:

— **первая форма — эксплицитной** (явной), откровенного военного шантажа применением военной силы. Эта форма в последнее время открыто демонстрировалась США в отношении Сирии, Ирана, КНДР, а в определенные периоды времени и против СССР и России.

Но эту же форму использовал СССР во время кризиса 1956 года в Египте, кризиса 1962 года на Кубе, а также — менее выражено — во время вьетнамской войны США.

При определенных условиях эта форма используется нередко и сегодня, например, когда «отставные» или «не отвечающие» за внешнюю политику лица (в т.ч. сенаторы, конгрессмены и пр.) пытаются угрожать использованием ядерного оружия, что было характерно не только для кризиса с КНДР, но и вокруг ситуации в Грузии и на Украине.

Но эта форма, по сути дела — ультиматум, — далеко не всегда эффективна даже по отношению к заведомо более слабым государствам, хотя полностью исключать её из арсенала политических средств нельзя.

— **вторая форма — имплицитной** (скрытой), когда принуждаемого объекта заставляют учитывать возможные военно-политические последствия. Примером этому служит решение США о возможности предоставления Украине летального оружия, которое посчитали на Западе удачным примером силового давления на Россию. «Президент РФ Владимир Путин согласился на ввод контингента ООН на Донбасс, потому что испугался заявлений руководства США о предоставлении Украине летального оружия». Об этом 16 сентября 2017 года в Киеве на конференции «Ялтинская евро-

пейская стратегия» заявил бывший генсек НАТО Андерс Расмуссен. И далее: «Путин понимает, что цена продолжения дестабилизации на Украине стала выше. Очень часто политические и дипломатические процессы можно проводить через четко сформулированную угрозу использования силы. Я уверен, что дальнейшее давление на Россию поможет этому процессу», — подчеркнул он. Более того, он, что для того, чтобы миротворческая миссия ООН «стала реалистичной», ей нужен мандат, по которому она сможет контролировать границу между Украиной и Россией, и получит полномочия защищать «не только ОБСЕ, но и население».

«Если Россия примет все, что я перечислил, то ей может быть выдан пряник в виде снятия санкций», — добавил Расмуссен.

И первая, и вторая форма силового политического принуждения не являются новыми явлениями. Их «расцвет» применения произошел в годы, когда США обладали ракетно-ядерным превосходством, но по мере складывания военно-стратегического равновесия между СССР и США, ОВД и НАТО эти формы отходили в отношениях между двумя центрами силы на второй план, но до конца так и не исчезли, трансформируясь в состояние «ядерного сдерживания».

С конца 1990-х годов такая ситуация постепенно стала девальвироваться. Нападение 1999 года НАТО на Югославию по сути означало, что ядерное сдерживание сохранилось только в отношении угроз и попыток силового давления на Россию. Развитие последующих событий в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии и на Украине показало, что политико-психологическая форма силового военного давления на Россию со стороны Запада не работает, однако такому состоянию объективно угрожают две военно-технологические тенденции в развитии военной политики Запада:

— во-первых, создание потенциала высокоточного оружия разных типов базирования в неядерном оснащении (ВТО), обладающего большой дальностью и численностью, который будет размещен до 2025 года на разных стратегических направлениях против России;
— во-вторых, развертывание глобальной и глубоко эшелонированной системы ПРО США и их союзников, развертывание и совершенствование которой рассматриваются как долгосрочная и приори-

тетная программа США и их союзников. Учитывая огромный экономический потенциал западной коалиции, эта система может стать достаточно эффективной в обозримой перспективе.

Развитие обеих тенденций может привести к такой стратегической обстановке к 2025 году, когда ядерное сдерживание России станет не убедительным. Во всяком случае, это состояние будет быстро девальвироваться, т.е. сомнения в эффективности сил ответного удара со стороны России будут нарастать. В этой связи неизбежна резкая активизация политико-дипломатической и неофициальной (не публичной) деятельности России, которая потребует принципиального пересмотра основ стратегического сдерживания и политики безопасности[120].

Политико-дипломатические и иные меры противодействия и укрепления политики безопасности и стратегической стабильности России могут находиться в самых различных плоскостях — от высшего политического уровня до уровня народной дипломатии. Более того, можно выделить и такие уровни, которые сегодня пока что практически не задействованы, как «национальный» и даже «глобальный».

При этом важнейшим условием их разработки должно быть изменение характера их использования от только и исключительно оборонительного к **контрнаступательному и даже стратегически наступательному**. Это означает, что понимание эффективного стратегического сдерживания должно включать в себя в обязательном порядке не только ответы на угрозы, но и активные наступательные действия, которые в настоящее время не планируются. Инициативы России в Сирии и на Украине показали эффективность такой политики. Если в каких-то областях сохраняется стратегия оборонительных действий, то в других — необходимо обязательно найти возможность для ведения контрнаступательных операций и даже стратегического наступления. Прежде всего, в политико-дипломатической, информационной и когнитивной областях, где Россия должна перехватить инициативы, которую ей навязывает Запад, обладающий многократным превосходством в ресурсах.

Причем для каждого из уровней противоборства необходима специальная разработка средств и способов. Такая «многоуровневая» стратегия обороны и наступления обеспечивает значительно более высокую эффективность. По аналогии с военной областью, где, например, до-

рогостоящей ракетой не будут уничтожать дешевую и второстепенную по своей важности цель. Так, для президента России потребуется, например, популярный сайт и блог, для министра обороны РФ — другой, а для уровня народной дипломатии — множество блогов и много блогеров.

16.8. Стратегическое наступление как часть политики стратегического сдерживания

Открытым остался вопрос о том, насколько, например, публичная дипломатия допускает средства противоборства[121]

М. Лебедева, политолог

Странным образом, но современная политика России, вслед за дипломатией СССР и демократической России, постепенно перестала быть средством противоборства, т.е. средством активной политики, не говоря уже о том, что она исключила из своей практической деятельности наступательные, активные мероприятия. Оговорка М. Лебедевой не случайна — она отражает позицию значительной части либерально-демократической элиты России. Это, естественно, отражается на политике и стратегии, которые вообще исключили из своего арсенала наступательные операции[122].

Забылось общее правило стратегии: никогда еще политической победы в силовом конфликте не добивались при помощи только оборонительных средств и способов противоборства. Важно, как уже говорилось, самим выбрать те области, где можно было бы проявить инициативу и начинать масштабное стратегическое наступление, имеющее конечной целью укрепление стратегической стабильности в условиях фактически ведущейся против России войны[123]. Причём определить необходимо сразу несколько областей, в частности[124]:

В области официальной политико-дипломатической деятельности («официальной» или традиционной дипломатии) потребуется:

Во-первых, обеспечить активизацию силовой политической деятельности и демонстрации возможностей и инициативы сил специальных операций России, имея в виду навязывание инициативы силового политического противоборства, а не только отражения угроз (направление отрядов с «визитами дружбы», помощь своим сторонникам, создание пророссийских группировок и т.д.);

Во-вторых, активизировать весь спектр политико-дипломатических средств и способов, в частности, провести глубокую и массированную публичную кампанию, в которой необходимо продемонстрировать самые острые формы политики и дипломатии силового принуждения. В частности, подчеркивать публично имеющуюся информацию о незаконной деятельности США и их союзников, активизировать «утечки» и публичные заявления за рубежом и т.д.), например, где обнаружена:

— связь правительств США и других стран Запада с международными террористическими организациями, более того, их ответственность за создание и развитие таких организаций;
— роль правительств США и их союзников в создании и поддержке экстремистских организаций и движений.

Это можно сделать на разного рода международных конференциях (желательно не только в Москве), инспирируя дискуссии на основе утечек информации, публикации многочисленных материалов, прямых обвинений руководства США и их союзников, сделанных самыми разными представителями СМИ, социальных сетей, полуофициальных и официальных органов. Так, например, возможны проведения регулярных брифингов, посвященных международному терроризму, со стороны Антитеррористического центра ФСБ.

Но не только. Еще более наступательный характер, привлекающий внимание СМИ, могут иметь брифинги МИД, СВР, ФСБ и даже ГРУ ГШ МО, посвященные связям США и их союзников с террористическими организациями[125].

Наконец, в-третьих, может быть полезным возвращение к практике советских лидеров, когда выдвигаются публично масштабные внешнеполитические инициативы, которые трудно замолчать, в самых разных областях, но особенно в тех, где американская политика носит заведомо критикуемый внутри страны и за рубежом характер.

В частности, во **внутриполитической области** можно обратить внимание общественности на такие крупные недостатки американской системы, как:

— сохраняющаяся расовая дискриминация;
— высокий уровень безработицы;
— несовершенство политической и избирательной системы и пр. недостатки, лишающие США права претензий на мировое лидерство.

Во внешнеполитической области можно использовать такие темы, как:

— длительное военное присутствие США в Афганистане и Ираке, превратившееся в оккупацию;
— «террор беспилотников» в Пакистане;
— нарушение суверенитета государств без решения ООН и т.д.

В области публичной дипломатии и информационной деятельности необходимо вернуться к практике и опыту СССР, когда создавались и поддерживались массовые общественные и профессиональные организации, которые сотрудничали с зарубежными партнерами, в частности:

— общества дружбы
— молодежные, студенческие
— профессиональные, научные, образовательные и прочие организации, ассоциации и союзы[126].

В области силовой политики — необходим переход к активным действиям, которые могут вестись отдельными социальными группами и даже лицами, включая радикальными, в том числе на территории потенциального противника. Так, например, возможна помощь национальным и расово ориентированным группам, отдельным оппозиционным слоям, создание неправительственных НПО, в т.ч. ориентированных на националистическую деятельность, и т.д.

В этой области необходима очень жесткая координация политических, специальных и информационных органов в России, с тем, чтобы сохранить конфиденциальность мероприятий. Следует понимать, что террористическая и экстремистская деятельность, как правило, не возникают стихийно, под влиянием неких эмоций или религиозных чувств**.** И первое, и второе являются следствием политики противоборства, организованными ССО (или их аналогами).

Поэтому и борьба с международными террористическими и экстремистскими организациями должна вестись теми же средствами и способами, т.е. силами и средствами ССО, а не классическим использованием военной силы.

Не следует создавать излишних иллюзий, а тем более самим верить этим иллюзиям, что террористическая и экстремистская деятельность имеет стихийный характер. Особенно негативно это сказывается в тех случаях, когда подобные положения фиксируются в официальных и нормативных документах, как, например, в редакции Стратегии национальной безопасности РФ, где приоритетом объявляется борьба с неким абстрактным международным терроризмом. Борьба России на Кавказе и других регионах свидетельствует, что ни традиционная военная сила, ни политико-дипломатические средства не в состоянии обеспечить позитивного результата. Нужно комплексное и комбинированное военно-силовое насилие (информационное, политико-дипломатическое давление, разведывательное, военное, специальное военно-техническое и пр.).

Даже в тех случаях, когда за каким-то враждебным актом и не стоит непосредственно организующая (и обеспечивающая ресурсами) сила, эта сила может:

— создавать атмосферу страха и террора;
— дестабилизировать внутриполитическую ситуацию;
— содействовать распространению идеологии (в т.ч. через образование, игрушки, фильмы и пр.) терроризма и экстремизма
— создавать сознательно социально-экономические трудности и т.п.
— особенно опасное явление, развивающееся с конца 80-х годов, это феномен «бескомандных соединений» и «волков-одиночек» — высокопрофессиональных лиц, не связанных порой формальными обязательствами с руководством страны[127].

Не стоит думать, что это новейшее изобретение, которое никогда прежде не использовалось государством. Можно, например, вспомнить о деятельности неких специальных агентов еще при Александре III в конце позапрошлого века, когда борьба власти и оппозиции приобрела ожесточенный характер, включая и использование финансовых средств зарубежных правительств. Первым инспектором секретной полиции стал

32-летний Георгий Порфирьевич Судейкин, который в феврале 1874 года принят в Отдельный корпус жандармов и, в частности, был назначен адъютантом Воронежского жандармско-полицейского управления железной дороги, а в 1879 г. раскрыл и разгромил Киевскую организацию «Народной воли». В 1881 стал заведующим агентурой Петербургского охранного отделения и доверенным лицом В.К. Плеве и Д.А. Толстого. На новом посту Судейкин, не дожидаясь «особой, преподанной ему заведующим государственной полицией инструкции» (она была утверждена товарищем министра внутренних дел П.В. Оржевским только 29 января 1883 г.), подготовил циркуляр с изложением своих взглядов и методики сыска, который предполагал проводить в жизнь:

«1). Возбуждать с помощью особых активных агентов ссоры и распри между различными революционными группами.

2). Распространять ложные слухи, удручающие и терроризирующие революционную среду.

3). Передавать через тех же агентов, а иногда с помощью приглашений в полицию кратковременных арестов обвинения наиболее опасных революционеров в шпионстве, вместе с тем дискредитировать революционные прокламации и разные органы печати, придавая им значение агентурной, провокационной работы»[128].

Поэтому удар против терроризма и экстремизма должен быть, прежде всего, ударом **по источнику политического заказа**, финансирования и организационно-технического обеспечения, т.е. по штабу, которого необходимо принудить отказаться от этих форм борьбы под угрозой проведения аналогичных мер[129]. Так, например:

— можно предоставить оппозиции в Афганистане современные средства ведения борьбы с тем, чтобы максимально увеличить количество потерь в вооруженных силах именно США и их союзников, что, как известно, встречает на Западе болезненную реакцию. Увеличение американских потерь с 2000 до 20 000 сделает присутствие США невозможным, но это также может стать мотивом для прекращения антироссийской террористической деятельности;
— можно профинансировать радикальную антиамериканскую деятельность исламских организаций на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке;

— можно усилить антиамериканскую направленность тех зарубежных СМИ, которые в наиболее резкой форме выступают против США и т.п., создав тем самым «площадку для компромисса» о прекращении террористической деятельности.
— наконец, необходимо перехватывать инициативу в области сетевых систем интернета, которые превратились в очень эффективные силовые средства политики. При помощи государства и общества можно сделать эти сети своим инструментом силовой политики. При этом надо отчетливо понимать, что США не откажутся от неё полностью потому, что в рамках стратегии силового принуждения России им будет необходима стадия перерастания внутриполитической нестабильности в стадию «низвержения режима».

И что очень важно — среди этих информационно-сетевых средств силового принуждения именно средства взаимодействия между отдельными субъектами ВПО стали играть исключительно важную, особую, роль. Учитывая же, что именно в этих средствах западная ЛЧЦ обладает фактическим монополизмом (контроль более 95%), становится понятным и значение этих информационных средств, используемых в качестве инструментов политики принуждения[130].

В настоящее время существует много понятий и терминов, которые используются, например в США, в качестве способа влияния на зарубежных субъектов при помощи Интернета:
— цифровая дипломатия (digital diplomacy);
— интернет-дипломатия (internet diplomacy);
— дипломатия социальных сетей (twitter diplomacy);
— публичная дипломатия Web.2.0 (public diplomacy Web.2.0).

При этом наиболее распространённым термином в США считается последний. Публичная дипломатия Web.2.0 представляет собой целый комплекс инструментов политического, военного и иного влияния, который можно активно использовать в интересах безопасности России[131]:
— в организационно-политической форме для создания и поддержки существующих сил и структур, а также противодействию этой деятельности (через социальные сети происходит вербовка порядка 80% террористов), например, рассылки необходимой информации, в т.ч. через мобильные телефоны;

— в пропагандистской области размещение теле — и радиоконтента в Интернете, распространение литературы и т.п.;
— в области информационной борьбы — вбрасывание дезинформации, слухов, ложных идей и концепций, организация и мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание реальных и ложных сайтов, страничек и любого контента в социальных сетях;
— в политической области — создание необходимой атмосферы и основы для тех или иных политических или военных решений (например, наличия химического оружия у Сирии).

Важно понимать, что при хорошей организационной работе со стороны заинтересованных структур России, а, главное, креативной части общества, все эти средства могут превратиться в очень эффективные инструменты силовой политики разработанными в науке.

---

1 *Грин Р.* 33 стратегии войны. — М.: РИПОЛ классик, 2016. — С. 19–20.

2 *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 630.

3 *Путин В. В.* Указ Президента России «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г.

4 Цит. по: *Шевцов Л.* ВПК, №35 (600). 13 сентября 2017 г.

5 *Путин В. В.* Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

6 *Подберёзкин А. И.* Современная военная политики России: В 2-х томах. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 257–274.

7 См. последние разделы работы: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

8 Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Изд.-во «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–37.

9 *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитический доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2016, СС.73–76.

10 *Подберёзкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014 г.

11 *Подберёзкин А. И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» / Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №4 (55). — С. 211–213.

12 *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 45–54.

13 См. подробнее: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 307–324.

14 *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 373–376.

[15] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Факторы безопасности для российской нации, государства и общества: угрозы силового использования социальных сетей // «Обозреватель-Observer», 2017. — №10. — С. 24–25.

[16] The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016.

[17] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017.

[18] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[19] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитический доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 73–76.

[20] Подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 326–331.

[21] The Power to Coerce. — Cal., RAND. 2016.

[22] См., например: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберёзкина, К. П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 874 с.

[23] Подробно эта особенность МО описана в монографии: «Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография» / Подберёзкин А. И. и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.

[24] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 326–350.

[25] Впервые я описал этот сценарий в 2014 году в книге: *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[26] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России: учебно-методич. комплекс. В 2 т. — М.: МГИМО–Университет, 2017.

[27] *Подберёзкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 325 с.

[28] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберёзкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — Т. 1. — 796 с.

[29] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[30] Там же.

[31] *Грин Р.* 33 стратегии войны. — М.: РИПОЛ классик, 2016. — С. 19.

[32] Цит. по: *Шевцов Л.* ВПК. — №35(600). 13 сентября 2017 г.

[33] *Грин Р.* 33 стратегии войны. — М.: РИПОЛ классик, 2016. — С. 31.

[34] Цит. по: *Кокошин А. А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. — М.: Изд.-во МГУ, 2013. — С. 158.

[35] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 326–330.

[36] См. последние разделы работы: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[37] *Подберёзкин А. И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 111–115.

[38] См. подробнее: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 307–324.

[39] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 373–376.

[40] РИА-Новости, 25.01.2018.

[41] The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016.

[42] *Астровский Н.* Ударные БПЛА США разместят в Польше / Эл. ресурс: «БелНовости», 26.01.2018 / http://www.belvpo.com/ru/90355.html

[43] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[44] *Астровский Н.* Ударные БПЛА США разместят в Польше / Эл. ресурс: «БелНовости», 26.01.2018 / http://www.belvpo.com/ru/90355.html

[45] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[46] Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад / А. И. Подберёзкин, Р. Ш. Султанов, М. В. Харкевич и др. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 148–153.

[47] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А. И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения».

[48] См. подробнее: Публичная дипломатия. Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–50.

[49] Вооруженные формирования на территории СССР. — М.: РАУ-Университет, 1990.

[50] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Факторы безопасности для российской нации, государства и общества. Угрозы силового использования социальных сетей / Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2017. — №10. — С. 38–40.

[51] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[52] *Маккью М.* Доктрина Герасимова / Эл. ресурс: «ВПК». 07.08.2017.

[53] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» / Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №4(55). — С. 223–225.

[54] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[55] См. подробнее о всей концепции: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[56] *Свечин А. А.* Стратегия. — М.: Военный вестник, 1927. — С. 28.

[57] *Путин В. В.* Встреча с доверенными лицами. ИТАР-ТАСС, 2018.18.01.

[58] *Грин Р.* 33 стратегии войны. — М.: РИПОЛ классик, 2016. — С. 19.

[59] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Книга 3. «Креативный класс и идеология русского социализма». В работе: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет. — Т. 3. — С. 599–832.

[60] National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 18 Jan. 2018. — P. 1.

[61] Доктрина применения ядерного оружия США: первые комментарии А. Антонова / ИТАР-ТАСС, 02.02.2018.

[62] *Подберёзкин А. И.* / РИА-Новости. 03.02.2018.

[63] *Подберёзкин А. И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» / Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №4(55). — С. 223–225.

[64] *Подберёзкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / в кн.: Публичная дипломатия: теория и практика. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–53.

[65] *Кокошин А. А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. — М.: МГУ, 2013. — С. 190.

[66] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

[67] *Хантингтон С.* Борьба между цивилизациями. В кН.: Вызовы и ответы, Как гибнут цивилизации. — М.: Алгоритм, 2016. — С. 263.

[68] См. подробнее: *Подберёзкин А. И., Боришполец К. П., Подберёзкина О.* А. Евразия и Россия. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[69] Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А. И. Подберёзкин, В. Г. Соколенко, С. Р. Цырендоржиев. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 305–317.

[70] *Кокошин А. А.* Выдающийся военный теоретики военачальник А. А. Свечин. — М.: МГУ, 2013. — С. 363.

[71] *Trump. D.* National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., White House, 2018.18 Jan. — P. 1.

[72] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[73] *Подберёзкин А. И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №4(55). — С. 223–225.

[74] *Волошко В. С., Лутовинов В. И.* Военная политика и военная безопасность Российской Федерации в условиях глобализации. — М.: ГШ ВС РФ, 2007.

[75] Цит. по: *Волошко В. С., Лутовинов В. И.* Военная политика и военная безопасность Российской Федерации в условиях глобализации. — М.: ГШ ВС РФ, 2007.

[76] См.: *Андреев В. Г.* Оружие и война: новые тенденции развития // Вестник АВН. 2005. — №1 (10). — С. 163.

[77] См.: *Андреев В. Г.* Указ. соч. — С. 164.

[78] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[79] *Мао Дзэ Дун.* Избранные произведения. — Т. 1. — С. 264.

[80] Точка зрения автора о том, что всякая борьба (экономическая, информационная и др.) означает войну, не соответствует базовым положениям военной науки. Согласно Закону об обороне (ст. 18), война начинается с началом военных действий и заканчивается с их прекращением.

[81] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[82] См.подробнее: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 307–312.

[83] *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[84] *Путин В.В.* Указ РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №685 от 31 декабря 2015 г.

[85] *Подберёзкин А.И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №4 (55). — С. 223–225.

[86] *Грин Р.* 33 стратегии войны. — М.: РИПОЛ классик, 2016. — С. 31.

[87] *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[88] Где в России живут «чистокровные» русские? / Альманах. 2018.04.02.

[89] *Подберёзкин А.И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011. — Т. 3. — С. 703–832.

[90] Там же. С. 817–821.

[91] Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.

[92] *Хантингтон С.* Борьба между цивилизациями / в кн.: Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: Алгоритм, 2016. — С. 183.

[93] *Подберёзкин А.И., Жуков А.В.* Факторы безопасности для российской нации, государства и общества. Угрозы силового использования социальных сетей / Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2017. — №10. — С. 38–40.

[94] *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[95] *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Диагностика доверия к безопасности России в условиях нового знания о рисках и уязвимости / Гуманитарий Юга России. — Т. 6. — №1. — С. 38–39.

[96] *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[97] См. сайт МГИМО–Университет, 30.01.2018 / www.mgimo.ru

[98] См. подробнее: *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* / Вестник МГИМО–Университет, 2017. — №4.

[99] *Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая. — М.: «Русская панорама», 2016. — С. 17.

[100] См. подробнее: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: коллект. Монография / под ред. А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 874 с.

[101] *Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая. — М.: «Русская панорама», 2016. — С. 17.

[102] *Подберёзкин А.И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №4 (55). — С. 223–225.

[103] Цит по: *Кокошин А.А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. — М. МГУ, 2013. — С. 358.

[104] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.
[105] *Левитин Д.*
[106] *Подберёзкин А. И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №4 (55). — С. 223–225.
[107] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.
[108] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.
[109] *Савин Л.* Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. — Спб.: Питер, 2016. — С. 108.
[110] *Подберёзкин А. И., Боришполец К. П., Подберёзкина О.* А. Евразия и Россия. — М.: МГИМО–Университет, 2014.
[111] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / в кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–54.
[112] *Подберёзкин А. И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №4 (55). — С. 223–225.
[113] *Кравченко С. А., Подберёзкин А. И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспектива безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — №4 (55). — С. 212–225.
[114] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.
[115] См., например: *Tomes R.* Releaning Countersurgency Warfare / U S Army War College, 2004.
[116] *Путин В. В.* Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.
[117] *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.
[118] *Щербаков В.* Мир захлестнула волна политического и идеологического насилия // Независимая газета. 02.02.2018.
[119] На этот счет написано много работ в период 1970–1990-х годов, в т.ч. и автором.
[120] *Подберёзкин А. И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — № 4 (55). — С. 223–225.
[121] Публичная дипломатия. Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 6.
[122] *Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.
[123] *Подберёзкин А. И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — № 4 (55). — С. 223–225.
[124] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Концепция стратегического сдерживания России как выбор эффективных средств противодействия политике «новой публичной дипломатии» западной локальной цивилизации / в кн.: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 249–274.

[125] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2.

[126] Публичная дипломатия. Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–53.

[127] *Савин Л.* Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. — М., Спб.: Питер, 2016. — С. 177–182.

[128] Спецслужбы Алесандра III / Эл. ресурс: «Наша история» / nashahistory.ru

[129] *Подберёзкин А. И.* От «стратегии противоборства» к «стратегии управления» // Вестник МГИМО–Университета, 2017. — № 4 (55). — С. 223–224.

[130] *Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Факторы безопасности для российской нации, государства и общества. Угрозы силового использования социальных сетей // Обозреватель, 2017. — №9. — С. 23–26.

[131] См. подробнее: *Подберёзкин А. И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — Т. 2. — С. 667–673.

Оглавление

Вступительное слово ... 5

Предисловие ... 7

Понятийный аппарат исследования ... 25

Аббревиатуры ... 55

ЧАСТЬ I
Современные военно-политическиеусловия развития России

Глава 1
Военно-политическое положение России в мире во втором десятилетии XXI века ... 68

1.1. Современное положение России в мире и военно-политические условия сценарного развития ... 71

1.1.а). Увеличение относительного отставания России ... 74

1.1.б). Внутриполитическая стабильность и современная военно-политическая обстановка ... 91

1.1.в). Стратегия «силового принуждения» России в условиях сохранения стагнации ... 103

1.2. Состояние и военно-политические перспективы развития России на фоне других центров силы ... 119

1.2.а). «Большая тройка» в Евразии ... 125

1.2.б). Позиции России относительно «Большой тройки» ... 144

1.2.в). КНР и будущая безопасность России ... 155

1.2.г). Перспектива ядерной Японии и безопасность России ... 161

1.2.д). Индия — ведущая военная держава в XXI веке: влияние на развитие России ... 176

1.2.е). США и Россия в будущей военно-политической обстановке ... 187

1.3. Место России в мире в будущем: прогноз и оценка ... 230

1.3.а). Доминирующий субъективизм либералов как «российская стратегия» последних десятилетий ... 233

1.3.б). Оптимистические оценки ... 243

1.3.в). Пессимистические оценки ... 249

1.3.г). Угроза политическому суверенитету и идентичности России ... 263

1.3.д). Европейское направление как искусственная доминанта российской стратегии безопасности и развития ... 272

1.4. Стратегическое сдерживание и оборона России от средств и способов стратегического нападения вероятного противника ... 285

1.4.а). Эволюция средств стратегического нападения, обороны и сдерживания в XXI веке ... 289

1.4.б). Новые представления о средствах стратегического нападения 300
1.4.в). Средства воздушно-космической обороны
и стратегического сдерживания 313
1.4.г). Средства стратегического сдерживания
и обороны невоенного назначения 322

Глава 2
Модель современного базового сценария:
стагнация России до 2025 года в современных
военно-политических условиях 355
2.1. Внешние угрозы существующей модели развития России 356
2.2. Национальные интересы России и их субъективная интерпретация
в политические цели России до 2025 года 367
2.2.а). Интересы политики — как основа стратегического планирования 370
2.2.б). Трансформация интересов в цели — субъективная суть
политического процесса 378
2.3. Влияние неэкономических факторов на долгосрочное развитие России 388
2.3.а). Влияние будущей системы мировой безопасности
на развитие России 389
2.3.б). Влияние будущей военно-политической обстановки
на развитие России 393
2.4. Формирование целей на основе приоритетов интересов 399
2.4.а). Долгосрочные интересы (потребности) и цели России 401
2.4.б). Цивилизационные интересы и цели России до 2050 годов 405
2.4.в). Национальные интересы и цели России 411
2.4.г). Государственные интересы и цели России 416
2.4.д). Социально-классовые (групповые) и личные интересы и цели 422
2.5. Инерция развития и будущее России 432
2.6. Превращение в мирового аутсайдера 441
2.7. Угрозы национальным интересам и реальные возможности России 446

Глава 3
Основные внешние факторы влияния
на формирование будущих сценариев развития России 461
3.1. Влияние враждебной военно-политической обстановки на традиционные
политические цели будущего сценария развития России 467
3.2. Постоянные внешние факторы, влияющие на долгосрочный сценарий
развития России (вектор «Б»–«А») 476
3.3. Переменные внешние факторы, влияющие на будущий сценарий
развития России (вектор «Б»–«Д») 482
3.4. Три стратегических направления обеспечения безопасности России
в XXI веке 486
3.4.а). Европейское и северокавказское направление 487
3.4.б). Среднеазиатское направление 488
3.4.в). Дальневосточное направление 491

3.5. Рост числа и интенсивности конфликтов и спецопераций 499
3.6. Рост численности среднего и креативного класса 506
3.7. Неравномерность распределения и низкое качество человеческого капитала 516
3.8. Душевой доход как фактор безопасности России 525

ЧАСТЬ II
Военно-политические тенденции в развитии России до 2025 года

Глава 4
«Правительственный» сценарий развития России до 2025 года 563
4.1. Возможные и наиболее вероятные сценарии развития России до 2025 года и их военно-политические последствия 568
4.2. Наиболее вероятный («правительственный») сценарий как реальная основа для существующих вариантов развития России 577
4.3. Военно-политические особенности наиболее вероятного («правительственного») сценария развития России до 2025 года 594
4.4. Консервативный вариант наиболее вероятного базового сценария («Вариант №1») 600
4.5. Инновационный вариант наиболее вероятного базового сценария развития («Вариант №2») 608
4.6. Целевой («форсированный») вариант наиболее вероятного сценария развития России («Вариант №3») 619

Глава 5
Возможные сценарии: Сценарий №1 («Инерционный») развития России в период 2017–2025 годов в условиях обострения военно-политической обстановки в мире 632
5.1. Вариант №1 («Традиционно-инерционный») «Сценария №1» развития России до 2025 года 639
5.2. Вариант №2 («Экспортная сверхдержава») «Сценария №1» развития России до 2025 года 644
5.3. Вариант №3 («Врастания в рынок») «Сценария №1» развития России до 2025 года в условиях обострения силового противоборства 651

Глава 6
Основные показатели «Инерционного» сценария развития России до 2025 года 656
6.1. Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках прогнозирования на федеральном уровне 659
6.2. Государственное и общественное управление в условиях реализации Сценариев инерционного развития 667
6.3. Территории 672
6.4. Природные ресурсы 674
6.5. Население 676

6.6. Экономика 690
6.7. Культура и религия 698
6.8. Наука и образование 699
6.9. Внешняя политика России в инерционном сценарии развития до 2025 года 710
6.10. Вооруженные силы и ВВСТ России: возможные перспективы развития до 2025 года 723
6.10.а). Вооружения, технологии и техника России до 2025 года 728
6.10.б). Военное искусство 748
6.10.в). Вооруженные силы страны и Росгвардия 761

Глава 7
«Сценарий №2» («Инновационный») развития России до 2025 года 765
7.1. Инновационная парадигма 768
7.2. Военно-технологические перспективы 778
7.3. Вариант №0 («Базовый инновационный вариант») инерционного развития России до 2025 года 786
7.4. Вариант №1 («Технологический скачок») «Сценария №2» 799
7.5. Вариант №2 («Человеческий капитал») «Сценария №2» («Инновационного») развития России до 2025 года 803
7.6. Вариант №3 («Структурные изменения») «Сценария №2» развития России до 2025 года 812
7.7. Ключевые параметры «Сценария №2» («Инновационного») развития России до 2025 года 823
7.7.а). В области государственного управления 826
7.7.б). Территория 828
7.7.в). Природные ресурсы 829
7.7.г). Количество и качество национального человеческого капитала 830
7.7.). Культура и религия «Ренессанс российской культуры и духовности» 836
7.7.е). Экономика 837
7.7.ж). Наука, технологии и образование: «Возвращение к реалиям» 839
7.8. Вооруженные силы и военное искусство: «Ассиметричное противостояние» 847
7.8.а). Ближайшие планы военного строительства в России 851
7.8.б). Военные расходы 866
7.8.в). Военно-техническое сотрудничество 870
7.8.г). Качество личного состава Вооруженных сил 872
7.8.д). Развитие военного искусства 874
7.9. Внешняя политика: «Дипломатия в условиях военно-силового противоборства» 883
7.10. Общая характеристика военно-политических условий развития России по «Сценарию №2» 884
7.10.а). Соотношение основного сценария развития международной обстановки в мире с «Сценарием №2» («Инновационным») развития России 887
7.10.б). Вероятность реализации «Сценария №2» («Инновационного») развития России 899

Глава 8
Эффективность стратегического сдерживания как следствие сценария развития России 911
8.1. Уточнение современного понятия «стратегическое сдерживание» 922
8.2. Теоретическое обоснование развития политики стратегического сдерживания России 927
8.3. Эволюция понятия и политики стратегического сдерживания 932
8.4. Основы комплексного противоборства 947
8.5. Методика планирования стратегического сдерживания 959
8.6. Уровень военной безопасности и её допустимого порога 970
8.7. Координация мероприятий в России 976
8.8. Демографический показатель военно-политических центров силы 985
8.9. Влияние на внутриполитическую стабильность и способность стратегического сдерживания России 994

Глава 9
Национальный человеческий капитал и институты его развития как фундамент эффективного стратегического сдерживания 1021
9.1. Фундаментальное значение национального человеческого капитала и институтов его развития в XXI веке 1025
9.2. Национальный человеческий капитал и его институты 1028
9.3. Меры силового невоенного принуждения 1030
9.4. Меры стратегического сдерживания развития национального человеческого капитала противника 1041
9.5. Координация сил и средств силового невоенного противодействия России 1048
9.6. Нормативно-правовая база стратегического сдерживания России 1054
9.6.а). Стратегия национальной безопасности и стратегическое сдерживание 1057
9.6.б). Концепция внешней политики России и стратегическое сдерживание 1059
9.6.в). Военная доктрина России и стратегическое сдерживание 1060
9.6.г). Концепция воздушно-космической обороны и стратегическое сдерживание 1064
9.6.д). Морская доктрина и стратегическое сдерживание 1064
9.6.е). Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации и стратегическая стабильность 1064

Глава 10
Укрепление стратегического сдерживания России 1069
10.1. Алгоритм предложений для планирования стратегического сдерживания 1073
10.1.а). Первый этап: 1074
10.1.б). Второй этап: 1076
10.1.в). Третий этап: 1077
10.1.г). Четвертый этап: 1077
10.1.д). Пятый этап: 1078

10.1.е). Шестой этап: ... 1079
10.1.ж). Седьмой этап: ... 1079
10.1.з). Восьмой этап: ... 1080
10.1.и). Девятый этап: ... 1080
10.2. Развитие невоенных мер стратегического сдерживания ... 1081
10.2.а). Системы ценностей в системе стратегического сдерживания ... 1086
10.2.б). Изменение в структуре международной и военно-политической обстановки ... 1089
10.2.в). Стратегическое сдерживание в области политического целеполагания, суверенитета и самостоятельности правящей элиты ... 1096
10.2.г). Стратегическое сдерживание развития национальных ресурсов ... 1098
10.3. Повышение согласованности межведомственных стратегий ... 1103
10.4. Межведомственный план по обеспечению стратегического сдерживания ... 1105
10.4.а). Орган, отвечающий за планирование ... 1106
10.4.б). Использование силовых средств политики ... 1108
10.5. Использование силовых невоенных средств обеспечения стратегической стабильности ... 1115
10.5.а). В области официальной политико-дипломатической деятельности ... 1117
10.5.б). В области публичной дипломатии и информационной деятельности ... 1120
10.5.в). В области силовой невоенной внешней политики ... 1130
10.7. Научно-методический аппарат для укрепления стратегического сдерживания ... 1134
10.8. Организация исследований стратегического сдерживания ... 1137

Глава 11
Последствия для стратегического сдерживания ... 1144
11.1. Общие принципы мобилизационного сценария ... 1145
11.2. Морально-политическая национальная мобилизация ... 1146
11.3. Принцип системной (тотальной) мобилизации ... 1148
11.4. Фактор времени ... 1149
11.5. Многовариантность как политико-дипломатический ресурс сценария развития России ... 1150
11.6. Критерии и показатели эффективности стратегического сдерживания ... 1155
11.6.а). Критерии и показатели в области стратегического сдерживания (обоснование и оценка) ... 1156
11.6.б). Критерии и показатели в области прогнозирования стратегического сдерживания ... 1157
11.7. Практическое применение научно-методического аппарата ... 1157
11.7.а). Для военного планирования России ... 1157
11.7.б). Для национального планирования ... 1157
11.7.в) Для планирования МИД ... 1158
11.8. Организация исследований и долгосрочного прогноза развития военно-политической обстановки и стратегического сдерживания ... 1162

Глава 12
Варианты мобилизационного сценария и их последствия для стратегического сдерживания 1181
12.1. Вариант №1 («Импортозамещение») мобилизационного сценария и стратегическая стабильность 1182
12.2. Вариант №2 («Изоляционизм») и стратегическая стабильность 1187
12.3. Вариант №3: («Оптимизация») и стратегическая стабильность 1189
12.4. Неизбежность перехода к мобилизационному сценарию развития России до 2025 года как эффективному средству обеспечения стратегической стабильности 1203
12.4.1. Нормативно-правовая база для создания системы стратегического сдерживания в условиях мобилизационного сценария развития 1205
12.4.2. Усиление силового противоборства и эскалация опасного развития военно-политической обстановки 1209
12.4.3. Развитие системы силовых невоенных мер Запада 1213
12.4.3.а). Меры силового давления на представителей правящей элиты противника 1215
12.4.3.б). Меры сетевого социального и силового давления 1216
12.4.3.в). Силовые меры по снижению темпов и уровня социально-экономического развития противника 1217
12.4.3.г). Средства и меры, разрушающие системы национальных ценностей и самоидентификацию 1217
12.4.3.д). Демографические, биологические и иные меры, предполагающие депопуляцию и деградацию нации 1219
12.4.3.е).Средства информационного и когнитивного воздействия на общество и его институты 1220

ЧАСТЬ III
Военно-политические перспективы развития России после 2025 года: инерционные сценарии в условиях эскалации силового противоборства

Глава 13
Долгосрочные вероятные сценарии военно-политического развития России после 2025 года 1261
13.1. Отсутствие стратегического прогнозирования и планирования в России в военно-политической области 1265
13.1.а). На каком этапе использования стратегического прогнозирования в военно-политической области мы находимся? 1269
13.1.б). Необходимость и возможность «заглянуть за горизонт» 2025 года при политическом планировании: энергетические и демографические тренды 1276
13.1.в). Практические выводы для военно-политического прогноза России после 2025 года 1293

13.2. Структура основных сценариев и вариантов развития России после 2025 года: (Направление №1) и (Направление №2) 1299
13.2.а). «Направление №1» сценариев развития России после 2025 года 1300
13.2.б). «Направление №2» сценариев развития России после 2025 года 1306

Глава 14
Сценарии развития России в 2025–2050 годы и их варианты, основанные на известных парадигмах («Направление №1») 1317
14.1. «Сценарий №1» («Мобилизационный») развития России в 2025–2050 годы 1333
14.1.а). Мягкий вариант «Облачного противника»: «Разделенный дом» 1337
14.1.б). Жесткий вариант: «Разрушенный дом» 1343
14.2. Вариант №2 («Сценария №1»): «Война с США и НАТО на ограниченных ТВД против России» 1347
14.3. Вариант №3 («Сценария №1»): «Глобальная война против России» 1349
14.4. Сценарий №2 («Инерционный») развития России в 2025–2050 годы 1353
14.4.а). Вариант №1 традиционное инерционное социально-экономическое развитие России в условиях сохранения острого военно-силового противоборства до 2025 года 1357
14.4.б). Вариант №2 «Сценария №2» развития России: «Усиление военно-силового противоборства» в 2025–2050 годы 1359
14.5. Основные параметры развития России в условиях реализации «Сценария №1» и «Сценария №2» в 2025–2050 годы 1362
14.5.а). Государственное управление 1363
14.5.б). Территория 1366
14.5.в). Природные ресурсы и экономика 1367
14.5.г). Население 1370
14.5.д). Экономика 1377
14.5.е). Культура и религия 1380
14.5.ж). Наука и образование 1381
14.5.з). Вооруженные силы 1382
14.5.и). Внешняя политика 1388
14.5.к). Общая характеристика «Сценария №1» и «Сценария №2», их вероятность и оценка реализации в условиях развития международной и военно-политической обстановки в период 2025–2050 годов 1392
14.6. Сценарий №3: («Оптимистический») развития России в 2025–2050 годы 1397
14.6.а). Вариант №1 («Война западной ЛЧЦ с КНР) «Оптимистического» сценария развития России» 1399
14.6.б). Вариант №2 («Война западной ЛЧЦ против исламского мира») «Оптимистического» сценария развития России 1399
14.6.в). Вариант №3 («Война западной коалиции с другими ЛЧЦ и коалициями»): «Оптимистического» сценария развития России 1400
14.7. Основные критерии «Сценария №3» развития России в период 2025–2050 годов 1403

Глава 15
Основные сценарии развития России в период после 2025 года (и их варианты), основанные на новых парадигмах мирового развития: «Направление №2» 1417

15.1. Послевоенная парадигма: новая или старая? 1420
15.1.а). «Точка отсчета» развития сценария после 2025 года 1421
15.1.б). Возможность и вероятность движения по той или иной парадигме развития России после 2025 года 1427
15.2. Военно-силовой сценарий продолжения противоборства между локальными человеческими цивилизациями на новом уровне 1429
15.2.а). Доминирование старых военно-силовых парадигм 1432
15.3. Возможные сценарии развития России, основанные на новых парадигмах после 2025 года 1439
15.3.а). Ожидаемые фундаментальные изменения (новые парадигмы) 1442
15.3.б). Военно-политические последствия развития новых парадигм после 2025 года 1449
15.4. Возможные варианты развития России после 2025 года, основанные на известных парадигмах сценария «глобальной войны» 1452
15.4.а). Война за ресурсы 1453
15.4.б). Газ как препятствие сотрудничеству Германии и России 1460
15.4.в). Война за системы ценностей 1470
15.4.г). Война за контроль над международной и военно-политической обстановкой: внешние условия для России после 2025 года 1472
15.5. Возможные сценарии, находящиеся под приоритетным влиянием новых парадигм развития национальных ресурсов 1474
15.5.а). Человеческий капитал как главный ресурс безопасности и развития: российская эпоха «Фу син»? 1477
15.5.б). Оптимизация национальных ресурсов 1484
15.5.в). Экстенсивный рост и интенсивное развитие 1486
15.6. Возможные сценарии развития России после 2025 года, находящиеся под приоритетным влиянием новых парадигм в развитии национальной элиты и качества управления 1487
15.6.а). Сценарий №1: «Смена элиты» 1488
15.6.б). Сценарий №2: «Революция» 1488
15.6.в). Сценарий №3: «Поумнение элит» 1489
15.6.г). Сценарий №4: «Гвардейский Переворот» 1489
15.7. Возможные сценарии развития России после 2025 года, находящиеся под влиянием новых парадигм в системе национальных ценностей и интересов 1490
15.7.а). Сценарий №1: «Возвращение к истокам» 1492
15.7.б). Сценарий №2: «Универсальная парадигма» 1495
15.7.в). Сценарий №3: «Синтез российских и мировых достижений и ценностей» 1496
15.7.г). Сценарий №4: «Ускоренная эволюция человечества как вида» 1497

Глава 16
Наиболее эффективная стратегия безопасности России до 2050 года — стратегическое сдерживание 1504
16.1. Современный характер силового противоборства в мире 1505
16.2. Повышение эффективности стратегического сдерживания России до 2050 года как условие национального выживания 1516
16.3. Реформирование органов управления политикой безопасности России в целях повышения эффективности использования национальных ресурсов и возможностей после 2025 года 1530
16.3.а). Эффективность управления и правящая элита 1532
16.3.б). Эффективность управления и ресурсы 1537
16.3.в). Эффективность управления стратегическим сдерживанием: политическое и военное искусство 1539
16.4. Правовое и нормативное обеспечение политики эффективного стратегического сдерживания России 1541
16.5. Конкретные планы в области стратегического сдерживания 1547
16.6. Оперативное руководство, координация и контроль в области стратегического сдерживания 1559
16.7. Средства и способы силового принуждения Россией для повышения эффективности стратегического сдерживания 1565
16.8. Стратегическое наступлениекак часть политики стратегического сдерживания 1575

Научное издание

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович

СОСТОЯНИЕ И ДОЛГОСРОЧНЫЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. №436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка и художественное оформление
А. С. Туманова

Подписано в печать 19.06.2018
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 99,8. Уч.-изд. л. 73,6.
Тираж 600. Заказ №

Издательский дом «Международные отношения»
125481, Москва, ул. Свободы, 91

Отпечатано в АО «Первая образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(499) 270-73-59